Весь

САЙМАК

ГРОТ ТАНЦУЮЩИХ ОЛЕНЕЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

Весь САЙМАК

Весь

САЙМАК

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ
ПОЧТИ КАК ЛЮДИ
ИГРУШКА СУДЬБЫ
ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ
ИСЧАДИЯ РАЗУМА
ЗВЕЗДНОЕ НАСЛЕДИЕ
ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ
ТЕАТР ТЕНЕЙ
ГРОТ ТАНЦУЮЩИХ ОЛЕНЕЙ

Клиффорд

САЙМАК

ГРОТ ТАНЦУЮЩИХ ОЛЕНЕЙ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
ДОМИНО
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С12

CLIFFORD D. SIMAK
SHORT STORIES
© by Clifford D. Simak

Составитель *А.Жикаренцев*

Оформление художника *А.Саукова*

Серия основана в 2003 году

Саймак К.

С12 Грот танцующих оленей: Фантастические рассказы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2006. — 848 с. — (Отцы-основатели. Весь Саймак).

ISBN 5-699-13579-0

Практически в каждом своем произведении независимо от жанра Великий Мэтр НФ Клиффорд Саймак остается верен себе, а точнее, созданному им особому миру, во многом — но далеко не во всем — похожему на реальный. Обитателей этого мира волнуют те же проблемы, что и нас, жителей Земли, они так же чувствуют ответственность перед будущими поколениями за то, что оставляют им в наследство.

Некоторые рассказы, вошедшие в этот том полного собрания произведений писателя, впервые публикуются на русском языке.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. Н. Аллунан, С. Барсов, О. Битов, С. Васильева, Нора Галь, А. Гвоздиевский, В. Гольдич, Л. Жданов, А. Корженевский, К. Королев, В. Мидянин, Н. Михайлов, И. Можейко, А. Новиков, Л. Оганесова, И. Почиталин, И. Тетерина, А. Филонов, 2005
© Оформление. «ООО «Издательство «Эксмо», 2005
© ООО «Издательство «Домино», 2005

ISBN 5-699-13579-0

Инвентарная опись была очень длинной. Своим убористым четким почерком он исписал много страниц, перечислив мебель, картины, фарфор, столовое серебро и прочие предметы обстановки — все движимое имущество, накопленное Баррингтонами за долгий период семейной истории.

И теперь, заканчивая опись, последним пунктом он внес в нее самого себя:

«Один домашний робот Ричард Дэниел, устаревший, но в хорошем состоянии».

Отложив в сторону перо, он собрал все страницы описи в аккуратную стопку и положил на нее сверху пресс-папье — маленькое, тончайшей резьбы пресс-папье из слоновой кости, которое тетя Гортензия привезла из своего последнего путешествия в Пекин.

На этом его работа закончилась.

Отодвинув стул, он встал из-за письменного стола и неторопливо прошелся по гостиной. В этой комнате было собрано множество самых разнообразных реликвий из семейного прошлого. Здесь над каминной полкой висел меч, который когда-то, давным-давно, носил Джонатон во время войны между штатами, а под ним, на самой полке, стоял кубок, который завоевал Коммодор на своей прославленной яхте, и банка с лунной пылью, которую привез Тони, вернувшись после пятой высадки человека на Луну, и старый хронометр с давно уже выброшенного на свалку семейного космического корабля, совершавшего в свое время рейсы на астероиды.

© Перевод С. Васильевой.

И на всех стенах почти вплотную друг к другу висели фамильные портреты, и мертвые взирали с них на мир, который они помогали создавать.

И Ричард Дэниел подумал, что среди тех, кто жил в последние шестьсот лет, не было ни одного, кого бы он не знал лично.

Вот справа от камина висит портрет старого Руфуса Эндрью Баррингтона — судьи, который жил лет двести назад. А по правую руку от Руфуса находится Джонсон Джозеф Баррингтон, возглавлявший Бюро Паранормальных Исследований, на которое человечество некогда возлагало огромные надежды, ныне утраченные. У двери же, которая ведет на веранду, смутно виднеется хмурое пиратское лицо Дэнли Баррингтона, положившего начало семейному благосостоянию.

И многие, многие другие — администратор, искатель приключений, глава корпорации. Все добрые и честные люди.

Но все пришло к концу. Семья иссякла.

Медленным шагом Ричард Дэниел начал свой последний обход дома — гостиная, тесно заставленная мебелью, небольшой рабочий кабинет со старинными сувенирами, библиотека с рядами древних книг, столовая, в которой сверкал хрусталь и мягко светился фарфор, кухня, блестевшая медью, алюминием и нержавеющей сталью, и спальни на втором этаже, каждая из которых хранила отпечаток личности своих прежних хозяев. И наконец, спальня, где скончалась тетя Гортензия, со смертью которой перестало существовать семейство Баррингтонов.

В опустевшем жилье не ощущалось заброшенности — дом словно ждал, что вот-вот в него возвратится былое оживление. Но впечатление это было обманчивым. Все портреты, весь фарфор и серебро, все, что находилось в его стенах, будет продано с аукциона, чтобы покрыть долги. Комнаты будут опустошены и ободраны, вещи разбредутся по белу свету, и последним оскорблением будет продажа самого дома.

Та же судьба ждала и его самого, подумал Ричард Дэниел, ибо он тоже был движимой собственностью. Был частью всего этого имущества, последним пунктом инвентарной описи.

Однако ему они уготовили нечто похуже простой продажи. Потому что прежде, чем пустить с молотка, его должны будут

переделать. Ведь никто не захочет дать за него, такого, какой он сейчас есть, приличную сумму. И кроме того, еще существовал закон — закон, который гласил, что ни один робот не имел права жить одной жизнью более ста лет. А он без единой переделки прожил в шесть раз больше.

Он посетил адвоката, и адвокат посочувствовал ему, но не подал никакой надежды.

— Если исходить из закона,— сказал он Ричарду Дэниелу своей отрывистой адвокатской скороговоркой,— в настоящий момент вы являетесь злостным правонарушителем. Просто ума не приложу, как вашим хозяевам удалось выйти сухими из воды.

— Они очень любили старинные вещи,— проговорил Ричард Дэниел.— А потом, ведь меня видели очень редко. Почти все время я проводил в доме. Я нечасто отваживался выходить на улицу.

— Но существуют же официальные документы,— возразил адвокат.— Вы непременно должны быть зарегистрированы.

— У этой семьи,— пояснил Ричард Дэниел,— когда-то было много влиятельных друзей. Вам должно быть известно, что до того, как для них наступили трудные времена, Баррингтоны были весьма выдающимися фигурами в политике и многих других областях.

Адвокат понимающе хмыкнул.

— Мне все-таки не совсем ясно,— произнес он,— почему вы так противитесь этому. Ведь вас не изменят полностью. Вы останетесь все тем же Ричардом Дэниелом.

— А разве я не утрачу все свои воспоминания?

— Разумеется. Но воспоминания не так уж важны. И вы накопите новые.

— Мне дороги мои воспоминания,— сказал ему Ричард Дэниел.— Это все, что у меня есть. Это единственная истинная ценность, которую оставили мне минувшие шестьсот лет. Вы можете себе представить, господин адвокат, что значит прожить шесть веков с одной семьей?

— Думаю, что могу,— промолвил адвокат.— А что, если теперь, когда семьи уже больше нет, эти воспоминания заставят вас страдать?

— Они утешают меня. Утешают и поддерживают. Благодаря им я проникаюсь чувством собственной значимости. Они вселяют в меня надежду на будущее и дают убежище.

— Неужели вы ничего не понимаете? Ведь как только вас переделают, вам уже не понадобится никакого утешения, никакого чувства собственной значимости. Вы станете новеньким с иголочки. У вас в основных чертах останется только сознание собственной личности — этого они не могут вас лишить, даже если захотят. Вам не о чем будет сожалеть. Вас не будет преследовать чувство неискупленной вины, не будут терзать неудовлетворенные желания, бередить душу старые привязанности.

— Я должен остаться самим собой,— упрямо заявил Ричард Дэниел.— Я познал смысл жизни и то, в каких условиях моя собственная жизнь имеет какое-то значение. Я не могу смириться с необходимостью стать кем-то другим.

— Вам жилось бы гораздо лучше,— устало сказал адвокат.— Вы получили бы лучшее тело. Лучший мыслящий аппарат. Вы стали бы умнее.

Ричард Дэниел поднялся со стула. Он понял, что без толку теряет время.

— Вы не донесете на меня? — спросил он.

— Ни в коем случае,— ответил адвокат.— Что касается меня, то вас здесь нет и не было.

— Благодарю вас,— произнес Ричард Дэниел.— Сколько я вам должен?

— Ни гроша,— ответил ему адвокат.— Я не беру гонорар с клиентов, которым перевалило за пятьсот.

Последнее, конечно, было сказано в шутку, но Ричард Дэниел не улыбнулся. Ему было не до улыбок. У двери он обернулся.

«Для чего,— хотел было он спросить,— для чего нужен такой нелепый закон?»

Но ему незачем было спрашивать — не так уж трудно было догадаться.

Он знал, что всему причиной было человеческое тщеславие. Человек мог прожить немногим больше ста лет, и поэтому такой же срок жизни был установлен для роботов. Но, с другой стороны, робот был слишком дорог, чтобы после ста лет службы его просто-напросто списать в утиль, и был издан закон, по которому нить жизни каждого робота периодически прерывалась. И таким образом человек был избавлен от унизительного сознания, что его верный слуга может пережить его на несколько тысяч лет.

Это было нелогично, но люди всегда были нелогичны. Нелогичны, но добры. Добры во многом и по-разному.

Иногда они были добры, как Баррингтоны, подумал Ричард Дэниел. Шестьсот лет неиссякаемой доброты. Это была достойная тема для размышлений. Они даже дали ему двойное имя. В нынешние времена мало кто из роботов имел двойное имя. Это было знаком особой любви и уважения.

После неудачного визита к адвокату Ричард Дэниел стал искать другой источник помощи. Теперь, стоя в спальне, где умерла Гортензия Баррингтон, и вспоминая об этом, он пожалел, что так поступил. Потому что он поставил священника в невыносимо трудное положение. Адвокату ничего не стоило сказать ему, на что он может рассчитывать. В распоряжении адвокатов были законы, которые почти избавляли их от мучительной необходимости принимать собственные решения.

Но лицу духовного звания свойственна доброта, если оно, конечно, по праву занимает свое место. И тот, к кому он обратился, был добр не только профессионально, но и по натуре, и от этого было еще хуже.

— При определенных условиях,— с какой-то неловкостью сказал ему священник,— я посоветовал бы терпение, смирение и молитвы. Это великое тройное подспорье для каждого, кто пожелает этим воспользоваться. Но я не уверен, что вам нужно именно это.

— Вы сомневаетесь,— сказал Ричард Дэниел,— потому что я робот.

— Видите ли...— промямлил священник, сраженный столь прямым заявлением.

— Потому что у меня нет души?

— Право же,— жалобно сказал священник,— вы ставите меня в неудобное положение. Вы задаете мне вопрос, над решением которого на протяжении столетий бились лучшие умы Церкви.

— Но этот вопрос,— заявил Ричард Дэниел,— должен решить для себя каждый человек.

— Если бы я только мог! — в смятении воскликнул священник.— Как бы я хотел решить его!

— Если это поможет вам,— произнес Ричард Дэниел,— могу признаться: иногда я подозреваю, что у меня есть душа.

Он тут же ясно увидел, что его последние слова вконец расстроили этого доброго человека. С его стороны было жестоко

произносить их, упрекнул себя Ричард Дэниел. Они не могли не смутить священника, ведь в его устах это высказывание уже не было простым умозаключением, а свидетельством специалиста.

И, покинув кабинет священника, он вернулся домой, чтобы продолжить опись имущества.

Теперь с описью было покончено, и бумаги стопкой сложены там, где Дэнкурт, агент по продаже движимого и недвижимого имущества, сможет найти их, когда явится сюда завтра утром, и для Ричарда Дэниела, выполнившего свой последний долг перед семейством Баррингтонов, наступила пора заняться самим собой.

Он вышел из спальни, закрыл за собой дверь, не спеша спустился по лестнице и направился по коридору в маленькую каморку за кухней, которая была отдана в его полное распоряжение.

И это, в приливе гордости напомнил он себе, гармонично сочеталось с его двойным именем и его шестьюстами годами. Не так уж много роботов имели комнаты, пусть даже маленькие, которые они могли бы назвать своими.

Он вошел в каморку, зажег свет и закрыл за собой дверь.

И впервые взглянул в лицо трудностям задуманного им шага.

Плащ, шляпа и брюки висели на крючке, а под ними на полу были аккуратно поставлены галоши. Сумка с инструментами лежала в углу каморки, деньги были спрятаны под одной из досок пола, где он много лет назад устроил тайник.

Дальше тянуть бессмысленно, сказал он себе. На счету была каждая минута. Путь предстоял долгий, а ему необходимо быть на месте до рассвета.

Он опустился на колени, приподнял едва державшуюся на паре гвоздей доску, засунул под нее руку и вытащил несколько пачек банкнотов, деньги, которые он много лет хранил на черный день.

Там было три пачки банкнотов, аккуратно перетянутых эластичными лентами,— накопленные за долгие годы чаевые, денежные подарки к Рождеству и дню рождения, вознаграждения за кое-какие работы, с которыми он особенно хорошо справился. Он открыл на своей груди дверцу и положил в специальное отделение все деньги, за исключением нескольких бумажек, которые он засунул в набедренный карман.

Сняв с крючка брюки, он принялся надевать их. Нелегкое это было дело, ведь до сих пор он никогда не носил никакой одежды, если не считать того, что несколько дней назад он примерял эти самые брюки. Ему повезло, подумал он, что давно умерший дядя Майкл был дородным мужчиной, иначе брюки ни за что бы ему не подошли.

Надев брюки, он застегнул «молнию» и затянул их на талии поясом, потом втиснул ноги в галоши. Эти галоши внушали ему некоторое беспокойство. Ведь летом ни один человек не выходит на улицу в галошах. Но он ничего не мог придумать получше. Ни одна пара найденной им в доме обычной обуви даже приблизительно не подходила ему по размеру.

Он надеялся, что никто этого не заметит, у него ведь не было другого выхода. Так или иначе он должен был закрыть свои ступни, потому что, обрати на них кто-нибудь внимание, они сразу же выдадут его с головой.

Он надел плащ, и плащ оказался для него слишком короток, он надел шляпу, и она оказалась тесноватой, но он все-таки натянул ее поглубже, и она плотно села на его металлический череп, и он сказал себе, что это только к лучшему: теперь ее не сорвет даже самый сильный ветер.

Он захватил полную сумку своих запасных частей и инструментов, которыми он почти никогда не пользовался. Быть может, глупо было брать их с собой, но все это как бы составляло с ним единое целое и по праву должно было последовать за ним. У него было так мало собственных вещей — только деньги, которые он скопил по доллару, да эта его сумка.

Зажав под мышкой сумку, он прикрыл дверь каморки и направился по коридору к выходу.

У массивной парадной двери он в нерешительности остановился и, обернувшись, бросил взгляд в глубь дома, но увидел лишь темную пустую пещеру, из которой исчезло все, что некогда наполняло ее жизнью. Здесь не осталось ничего, что могло бы удержать его, ничего, кроме воспоминаний, а воспоминания он уносил с собой.

Он вышел на крыльцо и закрыл за собой дверь.

И теперь, подумал он, как только за ним закрылась дверь дома, вся ответственность за его будущие поступки легла на его собственные плечи. На нем было надето платье. Он ночью вышел на улицу без разрешения хозяина. И все это было нарушением закона.

Его мог остановить любой полицейский, даже просто первый встречный. У него не было абсолютно никаких прав. И сейчас, когда не осталось никого из Баррингтонов, за него некому было замолвить слово.

Он спокойно прошествовал по дорожке, открыл ворота и медленно пошел по улице, и ему почудилось, будто дом зовет его и просит вернуться. Его потянуло назад, его сознание твердило, что он должен вернуться, но ноги его упрямо продолжали шагать вперед.

Он одинок, подумал он, и теперь одиночество из мысленной абстракции, которая много дней владела его сознанием, превратилось в действительность. Вот он идет по улице — громоздкое неприкаянное создание, которому в эту минуту не для чего жить, нечего начинать и нечего кончать, некое безликое, беззащитное существо, затерянное в бесконечности пространства и времени.

Но он все шел и шел, и с каждым остававшимся позади кварталом он медленно, точно ощупью, возвращался к своему «я», вновь становился старым роботом в старой одежде, роботом, бегущим из дома, который уже более не был домом.

Он поглубже запахнул на себе плащ и устремился дальше по улице, и сейчас он шел быстро, потому что уже пора было поспешить.

Ему встретились несколько человек, но они не обратили на него внимания. Мимо проезжали машины, но его никто не побеспокоил.

Он вышел к ярко освещенному торговому центру и остановился, с ужасом вглядываясь в это залитое светом открытое пространство. Он мог обойти его стороной, но на это ушло бы много времени, и он стоял в нерешительности, собираясь с духом, чтобы выйти из мрака.

Наконец он решился и, еще плотнее запахнув плащ и низко надвинув на лоб шляпу, быстрым шагом двинулся вперед.

Кое-кто из покупателей обернулся и посмотрел в его сторону, и он почувствовал, как по спине его забегали мурашки. Внезапно галоши показались ему в три раза больше, чем они были на самом деле, и — что его особенно стесняло — при ходьбе они громко и неприятно чавкали.

Он спешил, до конца торговой части улицы оставалось не более квартала.

Раздался пронзительный полицейский свисток, и Ричард Дэниел, подскочив от неожиданности, в панике бросился бежать. Он бежал без оглядки, подгоняемый унизительным, бессмысленным страхом, в развевающемся за спиной плаще, звучно шлепая галошами по тротуару.

Вырвавшись из освещенной полосы, он нырнул в благодатную тьму жилого квартала и побежал дальше.

Где-то вдалеке завыла сирена, и он, перемахнув через забор, помчался по чьему-то двору. Он прогрохотал по дорожке, по садику, находившемуся позади дома. Откуда-то с визгливым лаем выскочила собака и включилась в общий гвалт погони.

Ричард Дэниел с размаху ударился об изгородь и, пробив ее, прошел насквозь под трескучий аккомпанемент ломающихся прутьев и перекладин. Собака не отставала, и к ней теперь присоединились другие.

Он пересек еще один двор, выбежал из ворот и тяжело затопал по улице. Завернул в другие ворота, пробежал новый двор, опрокинул таз с водой и, наткнувшись на бельевую веревку, разорвал ее в своем безудержном беге.

За его спиной в окнах домов начали вспыхивать огни и захлопали входные двери, выпуская на улицу людей, которым не терпелось узнать, из-за чего весь этот шум и гам.

Он пробежал еще несколько кварталов, ворвался в еще один двор и, забившись в куст сирени, замер и прислушался. Издалека еще доносились редкий собачий лай и крики, но сирены уже не было слышно.

Он преисполнился благодарностью за то, что больше не слышит сирены, благодарностью и стыдом. Ибо он знал, что причиной его панического бегства был он сам; он бежал от призраков, бежал от вины.

Но он поднял на ноги всю округу и был уверен, что и сейчас еще раздаются тревожные телефонные звонки и очень скоро это место наводнят полицейские.

Он потревожил осиное гнездо, и ему необходимо было убраться отсюда подальше. Поэтому он потихоньку вылез из куста сирени и быстро пошел по улице по направлению к окраине.

Наконец он выбрался из города, отыскал шоссе и заковылял по его терявшейся вдали пустынной полосе. Когда появлялись легковая машина или грузовик, он сходил с дороги и

степенно шествовал по обочине. Когда же машина или грузовик благополучно проезжали мимо, он снова переходил на свою неуклюжую рысь.

За много миль он увидел огни космопорта. Добравшись наконец туда, он оставил шоссе, подошел к ограде и, стоя в темноте, стал смотреть, что делается по ту сторону.

Группа роботов занималась погрузкой большого звездолета, и там были еще и другие космические корабли, темными массами вздымавшиеся из своих шахт.

Он внимательно разглядывал роботов, тащивших тюки со склада через ярко освещенную прожекторами площадку. Это была именно та ситуация, на которую он рассчитывал, хоть и не надеялся, что она так быстро подвернется,— он боялся, что ему придется день-два скрываться, пока не представится такой удобный случай. И хорошо, что он сразу же наткнулся на такие благоприятные обстоятельства: ведь сейчас уже вовсю идет охота на беглого робота в человеческом платье.

Он сбросил плащ, снял брюки и галоши, отшвырнул в сторону шляпу. Из сумки с инструментами он вынул резак, отвинтил кисть руки и вставил резак на ее место. Прорезал в ограде дыру, протиснулся через нее, приделал кисть обратно и положил резак в сумку.

Осторожно ступая в темноте, он подошел к складу, все время держась в его тени.

Все очень просто, сказал он себе. Нужно только выйти на свет, схватить какой-нибудь тюк или ящик, втащить его вверх по трапу и спуститься в трюм. Как только он окажется внутри корабля, ему нетрудно будет отыскать укромное местечко, где он сможет скрываться до посадки на первую планету.

Он пододвинулся к углу склада, потихоньку выглянул и увидел трудившихся роботов, непрерывной цепью поднимавшихся с тюками груза по трапу и спускавшихся вниз за новой поклажей.

Но их было слишком много, и шли они почти в затылок друг другу. А площадка была слишком ярко освещена. Он никогда не сумеет влиться в этот поток.

И все равно это ничего бы ему не дало, в отчаянии подумал он, ведь между ним и этими гладкими, лоснящимися существами была огромная разница. Он напоминал человека в костюме другой эпохи; со своим шестисотлетним телом он выглядел бы цирковым уродцем рядом с ними.

Он шагнул назад в тень склада, уже зная, что проиграл. Все его самые дерзкие, тщательно разработанные планы, которые он продумал до мельчайших подробностей, пока трудился над инвентаризацией, лопнули, как мыльный пузырь.

И все потому, подумал он, что он почти никогда не выходил из дома, был лишен настоящего контакта с внешним миром, не следил за изменениями, которые вносились в тела роботов, отстал от моды. В своем воображении он рисовал себе, как это произойдет, и вроде бы все учел, а когда пришла пора действовать, все обернулось иначе.

Теперь ему нужно подобрать выброшенную им одежду и поскорее найти какое-нибудь убежище, где он может собраться с мыслями и придумать что-нибудь еще.

За складом раздался неприятный резкий скрежет металла, и он снова выглянул за угол.

Цепь роботов распалась, они стекались к зданию склада, а оставшиеся откатывали трап от грузового люка.

К кораблю, направляясь к лесенке, шли три человека в униформе, и у одного из них в руке была пачка бумаг.

Погрузка была закончена, корабль должен был с минуты на минуту подняться, а он был здесь, в какой-нибудь тысяче футов, и единственное, что ему оставалось,— это стоять и смотреть, как он улетит.

И все-таки непременно должен быть какой-то способ пробраться внутрь, сказал он себе. Если бы он только сумел это сделать, все его невзгоды остались бы позади — по крайней мере, самая большая из грозивших ему неприятностей.

Мысль, внезапно вспыхнувшая в его мозгу, ошеломила его, словно пощечина. Был выход из этого положения! Он тут бездельничает, распуская нюни, а между тем все это время у него под носом была возможность осуществить свой план!

Внутри корабля, думал он раньше. А ведь в этом не было никакой необходимости. Ему вовсе не обязательно находиться внутри корабля!

Он бросился бежать назад, в темноту, чтобы, сделав круг, приблизиться к звездолету с другой стороны, не освещенной прожекторами склада. Он надеялся успеть вовремя.

Он с грохотом промчался по космопорту и, подбежав к кораблю, увидел, что, судя по всему, тот еще пока не собирался взлетать.

Как безумный, он начал рыться в своей сумке и наконец нашел то, что искал,— ему раньше и в голову не приходило, что из всего ее содержимого ему когда-нибудь понадобится именно это. Он вытащил круглые присоски и укрепил их на своем теле: по одной на каждом колене, по одной на каждом локте, по одной на каждой подошве и кисти рук.

Он привязал сумку к поясу и полез вверх по огромному стабилизатору, неловко подтягиваясь с помощью присосок. Это было довольно трудно. Ему никогда не приходилось пользоваться присосками, а для этого требовалась определенная сноровка: чтобы с их помощью взобраться повыше, нужно было с силой прижимать одну из них к поверхности стабилизатора и только после этого отцеплять другую.

Но он должен был все это проделать. Другого выхода у него не было.

Он взобрался на стабилизатор, и теперь над ним возвышалось огромное стальное тело звездолета, подобное устремившейся к небу металлической стене, гладкая поверхность которой была рассечена узкой полосой якорных мачт. Перед его глазами мерцала в вышине громада металла, отражавшая слабый, изменчивый свет звезд.

Фут за футом поднимался он по металлической стене. Горбатясь и извиваясь, как гусеница, он полз наверх, испытывая благодарность за каждый завоеванный фут.

Вдруг он услышал приглушенный, постепенно нарастающий грохот, и вместе с грохотом пришел ужас. Он знал, что присоски недолго смогут противостоять вибрации пробуждающихся реактивных двигателей и не выдержат ни секунды, когда корабль начнет подниматься.

Шестью футами выше находилась его единственная надежда — последняя, самая верхняя якорная мачта.

Потеряв голову, он судорожно стал карабкаться по содрогавшемуся цилиндрическому корпусу корабля, отчаянно цепляясь за его стальную поверхность, точно муха.

Гром двигателей нарастал, вытесняя весь остальной мир, а он все лез вверх в каком-то тумане едва теплившейся, почти мистической надежды. Если он не доберется до этой якорной мачты, то может считать себя погибшим. Упади он в шахту, заполненную раскаленными газами, с ним будет покончено.

Одна из присосок отскочила, и он чуть было не полетел вниз, но другие не подвели, и он удержался.

Забыв об осторожности, он отчаянным броском взметнулся вверх по металлической стене, поймал кончиками пальцев перекладину и, собрав все свои силы, ухитрился уцепиться за нее.

Сейчас грохот уже перешел в яростный пронзительный визг, раздиравший тело и мозг. Немного погодя визг оборвался, уступив место мощному гортанному рычанию, и корабль перестал вибрировать. Уголком глаза он увидел, как покачнулись и поплыли огни космопорта.

Медленно и очень осторожно он стал подтягиваться вдоль стального блока корабля, пока ему не удалось покрепче ухватиться за перекладину, но даже это не избавило его от ощущения, будто чья-то гигантская рука, зажав его в кулаке, яростно размахивает им, описывая стомильную дугу.

Потом рев двигателей смолк, наступила мертвая тишина, и со всех сторон его обступили стальные немигающие звезды. Он знал, что где-то внизу под ним покачивалась Земля, но видеть ее он не мог.

Подтянув свое тело к перекладине, он забросил за нее ногу и, выпрямившись, уселся на корпус корабля.

Никогда ему не приходилось видеть столько звезд, ему и не снилось, что их может быть такое множество. Они были неподвижные и холодные, словно застывшие светящиеся точки на бархатном занавесе; они не мигали, не мерцали, и казалось, будто на него уставились миллионы глаз. Солнце находилось внизу, немного в стороне от корабля, и слева, по самому краю цилиндра, блестел под его лучами безмолвный металл, очерчивая серебристой каймой отраженного света один бок корабля. Земля была далеко за кормой — висевший в пустоте призрачный зеленовато-голубой шар в клубящемся ореоле атмосферы.

Предоставленный самому себе, Ричард Дэниел сидел на металлическом корпусе набиравшего скорость звездолета, и все его существо преисполнилось ощущением таинственности, неизъяснимого наслаждения, ощущением одиночества и заброшенности, и его сознание, защищаясь от этого, сжалось в маленький, полный смятения плотный шарик.

Он смотрел. Больше ему нечем было занять себя. Теперь уже все в порядке, подумал он. Но как долго придется ему смотреть на это? Сколько времени должен он провести здесь, в открытом пространстве,— самом смертоносном из всех пространств?

Только сейчас до него дошло, что он не имел ни малейшего представления о том, куда направляется корабль и сколько времени продлится полет. Он знал, что это был звездолет, а это означало, что корабль держит путь за пределы Солнечной системы, это означало, что в какой-то момент полета он войдет в гиперпространство. Вначале с чисто академическим интересом, а потом уже с некоторым страхом он принялся размышлять над тем, как может повлиять гиперпространство на ничем не защищенный объект. Впрочем, сейчас еще рано об этом беспокоиться, философски рассудил он, придет время, когда это выяснится само собой,— ведь все равно он не в силах что-либо предпринять.

Он снял со своего тела присоски, положил их в сумку, потом одной рукой привязал сумку к металлической перекладине и, порывшись в ней, достал короткий кусок стального троса с кольцом на одном его конце и карабином на другом. Он перебросил конец с кольцом через перекладину, протянул другой конец с карабином сквозь кольцо и, обвив себя тросом, защелкнул карабин под мышкой. Теперь он был в безопасности; он уже мог не бояться, что, сделав неосторожное движение, оторвется от корабля и уплывет в пространство.

Вот он и устроился не хуже других, подумал Ричард Дэниел: мчится с огромной скоростью, и что с того, что даже не знает куда,— нужно только запастись терпением. Он вдруг почему-то вспомнил, что сказал ему на Земле священник. «Терпение, смирение и молитвы»,— сказал тот, видимо упустив из виду, что терпение робота неиссякаемо.

Ричард Дэниел знал, что пройдет много времени, пока он прибудет на место. Но времени у него было предостаточно, намного больше, чем у любого человеческого существа, и он вполне мог истратить некоторую его часть впустую. Он прикинул, что у него не было никаких потребностей — он не нуждался ни в пище, ни в воздухе, ни в воде, он не нуждался в сне и в отдыхе. Ему ничто не могло повредить.

Однако если вдуматься, не исключено, что все-таки возникнут кое-какие неприятности.

Во-первых, холод. Поверхность звездолета была пока еще очень теплой благодаря нагретому солнцем боку, откуда тепло по металлической обшивке распространялось на теневую часть корпуса, но наступит момент, когда солнце настолько умень-

шится в размере, что перестанет греть, и он будет обречен на лютый космический холод.

А как подействует на него холод? Не станет ли его тело хрупким? Не повлияет ли он на функции его мозга? А может, он сотворит с ним что-то такое, о чем он даже и не догадывается?

Он почувствовал, что к нему вновь подползает страх, попытался оттолкнуть его, и страх подобрал свои щупальца, но не ушел совсем, затаившись на самой границе сознания.

Холод и одиночество, подумал он. Но ведь он в силах совладать с одиночеством. А если он не сумеет с ним справиться, если одиночество окажется невыносимым, если ему станет невтерпеж, он забарабанит по корпусу корабля, и тогда наверняка кто-нибудь выйдет посмотреть, в чем дело, и втащит его внутрь.

Но на это его может толкнуть только безысходное отчаяние, сказал он себе. Ведь если они выйдут из корабля и обнаружат его, он пропал. Стоит ему прибегнуть к этой крайней мере, и он лишится всего — его побег с Земли потеряет всякий смысл.

Поэтому он расположился поудобнее и стал терпеливо ждать, пока истечет положенное время, не давая притаившемуся страху переползти через порог сознания и во все глаза разглядывая раскинувшуюся перед ним вселенную.

Вновь заработали моторы, на корме бледно-голубым светом замерцали реактивные двигатели, и, даже не ощущая ускорения, он понял, что корабль начал свой долгий трудный разгон к скорости света.

Достигнув этой скорости, они войдут в гиперпространство. Он заставлял себя не думать об этом, пытался внушить себе, что ему нечего бояться, но он не желал исчезать, этот величественный призрак неведомого.

Солнце становилось все меньше, пока не превратилось в одну из звезд, и пришло время, когда он уже не мог отыскать его среди других светил. И холод вступил в свои права, но, похоже, это ему ничем не грозило, хоть он и чувствовал, что похолодало.

Быть может, то же самое будет и с гиперпространством, сказал он себе, как бы отвечая мучившим его страхам. Но это прозвучало неубедительно. Корабль все мчался и мчался вперед, и роковой синевой отливала поверхность его двигателей.

И в какой-то момент его мозг вдруг выплеснулся во вселенную.

Он сознавал, что существует корабль, но лишь постольку, поскольку это было связано с осознанием многого другого; не было якорной мачты, и он более не владел своим телом. Он разметался по вселенной; был вскрыт и раскатан в тончайшую пленку. Он одновременно был в дюжине, а может, и в сотне мест, и это очень смущало его, и первым побуждением его было как-то противостоять тому неведомому, что может с ним произойти,— одолеть это и собрать себя. Но сопротивление ничего ему не дало, стало даже еще хуже, потому что порой ему казалось, что, сопротивляясь, он лишь сильнее растягивает в стороны свое существо, увеличивая расстояние между его частями, и от этого он испытывал все большую неловкость.

И он отказался от борьбы и теперь лежал неподвижно, рассыпавшийся на множество осколков; страх постепенно оставлял его, и он сказал себе, что теперь ему все безразлично, тут же усомнившись, так ли это на самом деле.

Постепенно, по капле, к нему возвращался разум, и, вновь обретя способность мыслить, он довольно безучастно подумал о том, что, возможно, это и есть гиперпространство, впрочем, уже уверенный, что не ошибся. И он знал, что, если это правда, ему очень долго придется существовать в таком состоянии; пройдет много времени, пока он привыкнет к нему и научится ориентироваться, пока сможет найти себя и собрать воедино, пока поймет до конца, что с ним происходит, если это вообще доступно пониманию.

Поэтому он лежал там без особых переживаний, без страха и удивления, словно бы отдыхая и поглощая информацию, которая отовсюду беспрепятственно вливалась в его существо.

Каким-то необъяснимым образом он сознавал, что тело его — та оболочка, в которой ютилась небольшая часть его нынешнего существа,— по-прежнему было прочно привязано к кораблю, и он знал, что понимание этого уже само по себе было первым маленьким шагом к определению своего состояния. Он знал, что ему необходимо было как-то сориентироваться. Он непременно должен был если не понять, то хотя бы по возможности освоиться с создавшимся положением.

Он раскрылся, и существо его раздробилось, рассыпалось — та важнейшая его часть, которая чувствовала, знала и мысли-

ла; тончайшей субстанцией раскинулся он по вселенной, грозной и необъятной.

Ему захотелось узнать, такова ли она всегда, эта вселенная, или сейчас перед ним была иная, освобожденная вселенная, мятежная вселенная, сбросившая оковы размеренного порядка, пространства и времени.

Так же медленно и осторожно, как он недавно полз по поверхности корабля, он начал постепенно подбираться к разметавшимся по вселенной осколкам своего существа. Он действовал интуитивно, повинуясь каким-то неосознанным импульсам, но казалось, что все идет так, как нужно, ибо мало-помалу он вновь обретал власть над собой и ему наконец удалось собрать в несколько островков рассыпавшиеся части своего «я».

На этом он остановился и теперь лежал там, неведомо где, пытаясь украдкой завладеть этими островками разума, из которых, как он полагал, состояло его существо.

У него это получилось не сразу, но потом он приноровился, и неведомое начало отступать, хотя его по-прежнему не покидало сознание невероятности происходящего. Он попробовал осмыслить это, и оказалось, что это не так-то легко. Он лишь сумел представить себе, что вместе со всей вселенной на волю вырвался и он сам, что пали цепи рабства, которыми опутывал его другой, нормальный и упорядоченный мир, и он более не был подвластен законам пространства и времени.

Он мог видеть, и познавать, и чувствовать независимо от расстояний, если можно было употребить здесь это слово, и он понимал самую суть некоторых явлений, о которых никогда раньше даже не думал, понимал инстинктивно, не находя для этого словесного выражения, не умея объединить эти явления и почерпнуть из них какую-нибудь определенную информацию.

Снова перед ним, уходя в бесконечность, раскинулась вселенная, и это была иная, в каком-то смысле более совершенная вселенная, и он знал, что со временем — если сейчас существовало такое понятие, как время,— он лучше освоится с ней и приоткроет завесу неведомого.

Он исследовал, изучал, ощущал, а вместо того, что именовалось временем, было необъятное всегда.

Он с жалостью думал о тех, кто был заперт внутри корабля, кому не дано было постичь истинное великолепие звезд, о тех, кто был лишен возможности проникнуть в безграничные дали

и чье видение мира никогда не выйдет за пределы плоской галактической равнины.

И вместе с тем он даже не знал, что именно он видел и познавал; он только ощущал, впитывал и становился частью этого нечто, а оно становилось частью его самого — его сознание, казалось, было бессильно придать этому четкую форму определенного явления, измерить, уяснить сущность. Могущественным и подавляющим было это нечто, настолько, что оно по-прежнему оставалось для него расплывчатым и туманным. Он не испытывал ни страха, ни удивления, ибо там, где он находился, видимо, не существовало ни того ни другого. И в конце концов он понял, что это был как бы потусторонний мир, не подчинявшийся нормальным законам пространства и времени, мир, в котором не было места обычным эмоциям, и в распоряжении существа, привыкшего к иным канонам пространства и времени, не было никаких инструментов, никакого измерительного прибора, с помощью которых оно смогло бы свести все это к категориям, доступным познанию.

Не было ни времени, ни пространства, ни страха, ни удивления — так же как и настоящего прозрения.

А потом вновь вдруг возникло время, и разум его был втиснут обратно в металлическую клетку черепа, и он слился со своим телом, опять стал скованным, жалким, нагим и замерзшим.

Он увидел иные созвездия и понял, что его занесло далеко от родных мест, а впереди на черном фоне неба, точно расплавленный в горне металл, пылала звезда.

Растерянный, он сидел там, снова превратившись в ничтожную песчинку, а вселенная уменьшилась до размеров небольшого свертка.

Он деловито проверил состояние троса, который соединял его с кораблем, и трос оказался в полном порядке. Его сумка с инструментами, как и раньше, была привязана к перекладине. Ничто не изменилось. Он попытался восстановить в памяти все великолепие виденного, попытался вновь подобраться к границе познания, еще недавно столь близкой, но это великолепие и то, что он познал — если он на самом деле тогда что-нибудь познал,— все ушло в небытие.

Он бы заплакал, но плакать он не мог, а преклонный возраст не позволял ему броситься в припадке отчаяния на поверхность корабля и заколотить пятками.

Поэтому он продолжал сидеть на своем месте, глядя на солнце, к которому они приближались, и наконец появилась планета, и он понял, что она и была конечной целью их путешествия; ему даже захотелось узнать, что это за планета и на каком она находится расстоянии от Земли.

Тело его немного нагрелось, когда корабль, чтобы быстрее погасить скорость, несколько раз пронесся сквозь атмосферу, и он пережил несколько довольно неприятных минут, когда корабль ввинтился в густой непроницаемый туман, который, несомненно, не имел ничего общего с атмосферой Земли.

Он изо всех сил вцепился в перекладину и висел так, пока в вихре раскаленного газа, вырывавшегося из сопл реактивных двигателей, корабль мягко опускался на поле космопорта. Корабль приземлился благополучно. Ричард Дэниел быстро слез с корабля и успел нырнуть в туман, прежде чем его кто-либо заметил.

Очутившись в безопасности, он обернулся и взглянул на корабль, и, несмотря на то что корпус скрывали облака клубившихся газов, он его отчетливо видел, но не как сооружение, а как схему. Он в недоумении уставился на нее: что-то неладное было в этой схеме, что-то было не так, где-то в ней была ошибка, неправильность.

Он услышал лязг приближавшихся грузовых тележек; схема схемой, а задерживаться больше не следовало.

Он медленно вошел в гущу тумана и начал кружить по полю, все дальше уходя от корабля. Наконец он выбрался к границе космопорта, за которой начинался город.

Он неторопливо побрел и внезапно обнаружил, что город был не город в привычном понимании этого слова.

Ему повстречалось несколько спешивших куда-то роботов, которые промчались мимо слишком быстро, чтобы по их виду можно было что-нибудь понять. Но он не встретил ни одного человека.

И вдруг он сообразил, что в этом-то и заключалась странность города. Это был не человеческий город.

Здесь не было зданий, предназначавшихся для людей,— не было ни магазинов, ни жилых домов, ни церквей, ни ресторанов. Были лишь длинные, уродливые бараки, сараи для хранения оборудования и машин, огромные, занимавшие обширные площади склады и гигантские заводы. И больше ничего. По

сравнению с улицами, которые ему случалось видеть на Земле, это место было унылым и голым.

Он понял, что это был город роботов. И планета роботов. Мир, который был закрыт для людей, место, не пригодное для их существования, но в то же время настолько богатое какими-то природными ископаемыми, что само напрашивалось на разработку. И проблема разработки была решена очень просто — ее поручили роботам.

Какая удача, сказал он себе. Ему повезло и в этом. Он попал туда, где в его жизнь не будут вмешиваться люди. Здесь, на этой планете, он будет предоставлен самому себе.

Но к этому ли он стремился? — спросил он себя, потому что раньше ему некогда было поразмыслить на эту тему. Он был слишком поглощен своим бегством с Земли, чтобы как следует вдуматься в это. Он отлично сознавал, от чего он бежит, но не отдавал себе отчета, к чему его бегство может привести.

Он прошел еще немного, и город кончился. Улица превратилась в тропинку, которая терялась в колыхавшемся под ветром тумане.

Он вернулся назад.

Он помнил, что на одном из бараков висела вывеска: «ДЛЯ ПРИЕЗЖИХ», и решил зайти туда.

Внутри барака за письменным столом сидел старинный робот. У него было старомодное и чем-то очень знакомое тело. И Ричард Дэниел понял, что знакомым оно казалось потому, что было таким же старым, облезлым и несовременным, как и его собственное.

Несколько опешив, он присмотрелся повнимательнее и увидел, что, несмотря на большое сходство, тело робота в мелочах отличалось от его тела. Видимо, более новая модель, выпущенная лет эдак на двадцать позже.

— Добрый вечер, незнакомец,— произнес древний робот.— Ты прибыл к нам на этом корабле?

Ричард Дэниел кивнул.

— Поживешь у нас до прилета следующего?

— Может быть, я поселюсь у вас,— ответил Ричард Дэниел.— Если я надумаю здесь остаться.

Древний робот снял с крючка ключ и положил его на стол.

— Ты чей-нибудь представитель?

— Нет,— ответил Ричард Дэниел.

— А я было подумал, что ты кого-нибудь представляешь. Люди не могут находиться здесь или же просто не хотят, поэтому они присылают вместо себя роботов.

— У вас здесь много приезжих?

— Хватает. Большей частью эти самые представители. Но есть и беглые, которые ищут у нас убежища. Могу поручиться, мистер, что ты из них.

Ричард Дэниел промолчал.

— Не беспокойся, для нас это не имеет значения,— заверил его древний робот.— Только веди себя прилично. Некоторые из наших наиболее уважаемых граждан прибыли сюда, спасаясь бегством.

— Очень мило,— сказал Ричард Дэниел.— А как насчет тебя? Должно быть, ты тоже из беглых?

— Ты судишь по моему телу? Ну, тут дело обстоит несколько иначе. Это наказание.

— Наказание?

— Видишь ли, я был старшим грузчиком при складе и порядком бездельничал. Поэтому они уволили меня, устроили суд и признали виновным. Потом они заткнули меня в это старое тело, и мне придется торчать в нем на этой вонючей работе, пока не найдется другой преступник, которого следует наказать. Они могут наказывать только по одному преступнику зараз, потому что у них есть только одно-единственное устаревшее тело. С этим телом получилась забавная история. Один из наших ребят по делам службы отправился в командировку на Землю, нашел там на свалке эту кучу металлолома и, возвращаясь домой, прихватил ее с собой — видно, для смеха. Знаешь, вроде того как иногда люди для смеха приобретают скелет.

Он пристально, с хитрецой посмотрел на Ричарда Дэниела.

— Сдается мне, незнакомец, что твое тело...

Но Ричард Дэниел не дал ему кончить.

— Судя по всему,— сказал он,— у вас не так-то много преступников.

— Что правда, то правда,— с грустью признал древний робот,— в основном коллектив у нас крепкий.

Ричард Дэниел потянулся за ключом, но древний робот прикрыл ключ рукой.

— Раз ты беглый,— заявил он,— придется тебе уплатить вперед.

— Я заплачу за неделю,— сказал Ричард Дэниел, давая ему деньги.

Робот отсчитал сдачу.

— Я забыл предупредить тебя. Тебе нужно будет пройти пластикацию.

— Пластикацию?

— Да. Тебя должны покрыть слоем пластика. Он защищает от воздействия атмосферы. Она черт-те что творит с металлом. Это тебе сделают в соседнем доме.

— Спасибо. Я немедленно этим займусь.

— Пластик быстро снашивается,— добавил древний робот.— Тебе придется обновлять его почти каждую неделю.

Ричард Дэниел взял ключ и, пройдя по коридору, нашел свой номер. Он отпер дверь и вошел. Комнатка оказалась маленькой, но опрятной. Вся ее обстановка состояла из письменного стола и стула.

Он бросил в угол свою сумку, сел на стул и попытался почувствовать себя дома. Но у него ничего не получилось, и это было очень странно — разве он только что не снял для себя дом?

Он сидел, погрузившись в воспоминания и пытаясь пробудить в себе чувство радости и торжества,— ведь ему так ловко удалось замести свои следы. Но тщетно.

Возможно, ему не подходит это место, подумал он, и он был бы более счастлив на какой-нибудь другой планете. Не вернуться ли на корабль и не посмотреть ли, что делается на следующей планете?

Он еще успеет, если поспешит. Нужно поторопиться, потому что корабль, покончив с выгрузкой товаров, предназначавшихся для этой планеты, и погрузив новые, тут же улетит.

Он поднялся со стула, не приняв еще окончательного решения.

И вдруг он вспомнил, как, стоя в водовороте тумана, он смотрел на корабль и тот предстал перед ним в виде схемы, и, когда он подумал об этом, в мозгу его что-то щелкнуло и он ринулся к двери.

Теперь ему стало ясно, какая ошибка была в схеме корабля: был неисправен клапан инжектора. Он должен успеть туда до того, как корабль поднимется.

Он выбежал из двери и пронесся по коридору. Вихрем промчался через вестибюль и выскочил на улицу, по дороге мельком взглянув на испуганное лицо древнего робота. Тяжело топая по направлению к космопорту, он пытался вспомнить схему, но не мог представить ее целиком — в памяти всплывали лишь отдельные фрагменты, восстановить ее полностью не удавалось.

И в тот момент, когда все его мысли были заняты восстановлением схемы, он услышал гром заработавших двигателей.

— Подождите! — закричал он.— Подождите меня! Вы не можете...

Яркая вспышка света в мгновение преобразила мир, ставший вдруг ослепительно белым, из ниоткуда со свистом налетела могучая невидимая волна, закружила и отшвырнула его назад с такой силой, что он упал. Он покатился по булыжной мостовой, и от ударов металла о камень во все стороны полетели искры. Белизна стала такой невыносимо яркой, что он чуть не ослеп, потом она быстро померкла и мир погрузился во тьму.

Он со звоном ударился о какую-то стену и остался лежать, ослепленный вспышкой, а мысли его, суетясь и обгоняя друг друга, неслись вслед ускользающей схеме.

Откуда эта схема? — подумал он. Почему он увидел схему корабля, на котором пересек космос, схему, показавшую ему неисправный инжектор? И как это получилось, что он узнал инжектор и даже заметил его неисправность? Дома, на Земле, Баррингтоны частенько подшучивали над тем, что он, будучи сам механическим агрегатом, не имел никакой склонности к технике. И вот он мог бы спасти тех людей и корабль — мог бы спасти их всех, если бы вовремя понял значение схемы. Но он оказался тугодумом и тупицей, и теперь все они погибли.

Мрак перед его глазами рассеялся, и, вновь обретя зрение, он медленно поднялся на ноги и ощупал свое тело в поисках повреждений. Если не считать одной-двух вмятин, он совсем не пострадал.

Роботы бежали к космопорту, где пылали пожары и взрывом были уничтожены все строения.

Кто-то потянул его за локоть, и он обернулся. Это был древний робот.

— Тебе здорово повезло,— сказал древний робот.— Вовремя же ты убрался оттуда.

Ричард Дэниел молча кивнул, и неожиданно его поразила ужасная мысль: а вдруг они решат, что это его работа? Он ушел с корабля; он признался, что сбежал; он ни с того ни с сего выскочил из дома за несколько секунд до взрыва. Не так уж сложно все это увязать и прийти к выводу, что он устроил на корабле диверсию, а потом, раскаявшись, бросился в последний момент обратно, чтобы исправить содеянное. На первый взгляд все это выглядело чертовски убедительно.

Но пока еще ничего не произошло, успокоил себя Ричард Дэниел. Ведь знал об этом один только древний робот — он был единственным, с кем он разговаривал, единственным, кто знал о его прибытии в город.

Есть выход, подумал Ричард Дэниел, есть очень простой выход. Он отогнал эту мысль, но она вернулась. Ты сам себе хозяин, настойчиво повторяло сознание. Ты все равно уже нарушил человеческий закон. А нарушив его, ты поставил себя вне закона. Стал изгоем. Для тебя теперь существует один-единственный закон — закон самозащиты.

Но есть же еще закон роботов, возразил себе Ричард Дэниел. В этой общине есть свои законы и суды. Есть правосудие.

Это закон общины, зудела пиявка, присосавшаяся к его мозгу, местный закон, который значит не многим больше закона племени,— и чужак по нему всегда не прав.

Ричард Дэниел почувствовал, как его захлестывают холодные волны страха, и понял, даже не вдумываясь, что пиявка была права.

Он повернулся и пошел по улице к бараку для приезжих. В темноте его нога за что-то зацепилась, и он споткнулся и упал. Кое-как взгромоздившись на колени, он стал шарить руками по булыжникам, пытаясь найти предмет, сваливший его с ног. Это был тяжелый стальной прут, один из обломков, заброшенный сюда взрывом. Стиснув в кулаке конец прута, он встал.

— Вот незадача,— сказал древний робот.— Тебе следует быть поосторожнее.

И в этих словах прозвучала едва уловимая двусмысленность, намек на что-то невысказанное, ехидный намек на какую-то тайну.

Ты ведь нарушил другие законы, бубнила пиявка в мозгу Ричарда Дэниела. А не нарушить ли еще один? И почему, если понадобится, не нарушить еще сотню? Все или ничего. Зай-

дя так далеко, ты не можешь допустить, чтобы все сорвалось. Теперь ты уже не можешь позволить, чтобы кто-нибудь стал на твоем пути.

Древний робот отвернулся, и Ричард Дэниел поднял стальной прут, но вдруг древний робот из робота превратился в схему. Ричард Дэниел увидел все мельчайшие внутренние детали, весь механизм шагавшего впереди него робота. И если разъединить вот эти проволочки, если пережечь вот эту катушку, если...

Стоило ему об этом подумать, как вместо схемы опять возник робот, спотыкающийся робот, который, пошатнувшись, с грохотом рухнул на булыжник.

Ричард Дэниел в страхе завертел головой, оглядывая улицу, но поблизости никого не было.

Он вновь повернулся к упавшему роботу и не спеша опустился рядом с ним на колени. Осторожно положил прут на землю. И почувствовал огромную благодарность — ведь каким-то чудом он не совершил убийства.

Робот неподвижно распростерся на булыжнике. Когда Ричард Дэниел поднял его, тело робота безжизненно повисло. И вместе с тем с ним не случилось ничего особенного. Чтобы вернуть его к жизни, нужно было всего-навсего исправить нанесенные его механизму повреждения. А в таком состоянии он был столь же безвреден, как и мертвый, подумал Ричард Дэниел.

Он стоял с роботом на руках, раздумывая, куда бы его спрятать. Вдруг он заметил проход между двумя зданиями и решительно направился туда. Он увидел, что одно из зданий стояло на уходивших в землю подпорках и между ним и землей было свободное пространство высотою в фут или около того. Он стал на колени и подсунул робота под здание. Потом поднялся и отряхнул со своего тела грязь и пыль.

Вернувшись в свою комнатушку в бараке, он нашел какую-то тряпку и счистил остатки грязи. И крепко задумался.

Он увидел корабль в виде схемы, но, не поняв ее значения, ничего в ней не изменил. Только что он увидел внутреннее устройство древнего робота и сознательно воспользовался этим, чтобы спасти себя от преступления — от убийства, которое он уже готов был совершить.

Но как он это сделал? Казалось, существует только один ответ: он вообще ничего не сделал. Просто подумал, что нуж-

но разъединить две проволочки, пережечь одну-единственную катушку,— и только он подумал об этом, как это свершилось.

Может, он и не видел никакой схемы. Может, это было всего лишь результатом психологического процесса, синтезом его наблюдений и ощущений. Он задумался над причиной появления у себя необыкновенной способности видеть устройства как бы без их внешних оболочек. Подсознательно, по аналогии нашел объяснение, которое до поры до времени вполне его удовлетворяло.

Он вспомнил, что нечто подобное он испытал в гиперпространстве. Ему пришлось увидеть там много непонятного. И в этом-то и заключается ответ, взволнованно подумал он. В гиперпространстве с ним что-то произошло. Наверное, оно каким-то образом расширило границы его восприятия. Возможно, у него появилась способность видеть в иных измерениях, то есть у его сознания появилось новое свойство.

Он вспомнил, как еще на первом корабле ему захотелось заплакать, когда он забыл все великолепие виденного и то, что он познал. Но теперь он понял, что рано было лить слезы. Ибо кое-что все-таки осталось. Он теперь по-новому воспринимал действительность и мог, пусть вслепую, пользоваться этим — не важно, что он пока еще не знал толком, к чему применить эту способность: это не имело значения.

Главное, что он владел этим и мог этим пользоваться, и для начала этого было достаточно.

Откуда-то из передней части барака донесся чей-то крик, и он вдруг сообразил, что крик звучит уже давно...

— Хьюберт, где ты? Ты здесь, Хьюберт? Хьюберт... Хьюберт!

Не имя ли это древнего робота? Может, они уже хватились его?

Ричард Дэниел вскочил на ноги, растерянно прислушиваясь к этому голосу. А потом уселся обратно. Пусть покричат, сказал он себе. Пусть выйдут и поищут его. В этой комнатушке он в безопасности. Он заплатил за нее, и сейчас она была его домом, и никто не осмелится ворваться к нему.

Но это был не дом. Как ни старался он убедить себя, он не чувствовал себя дома. Дома у него не было.

Домом была Земля, подумал он. Но не вся Земля, а только одна определенная улица, и эта часть Земли была навсегда для

него закрыта. Она закрылась для него со смертью доброй старой леди, которая пережила свое время; она закрылась для него в тот момент, когда он покинул свой дом и бежал.

Он был вынужден признаться себе, что ему нет места ни на этой планете, ни на какой другой. Его место на Земле с Баррингтонами, а это было недостижимо.

Он подумал, что, может быть, ему все-таки стоило остаться на Земле и подвергнуться переделке. Он вспомнил, что сказал адвокат о воспоминаниях, которые могут обернуться бременем и мукой. В конце концов, не разумнее ли было начать все сначала?

На какое он мог рассчитывать будущее со своим устаревшим телом и устаревшим мозгом? С телом, которое на этой планете служит для роботов тюрьмой? И таким мозгом — впрочем, с мозгом дело обстояло иначе, ведь теперь у него появилось новое качество, которое компенсировало недостаток любых других новейших усовершенствований.

Он сидел и прислушивался и вдруг услышал голос дома — преодолевая световые годы пространства, несся к нему зов дома, который молил его вернуться. И он увидел поблекшую гостиную с отпечатком былого величия канувших в вечность лет. Он с болью вспоминал маленькую каморку за кухней, которая принадлежала ему одному.

Он встал и заходил по комнате — три шага, поворот, еще три шага, новый поворот и снова три шага.

Его обступили видения, запахи, звуки дома, окружили, обволокли, и ему отчаянно захотелось узнать, не одарило ли его гиперпространство таким могуществом, что он мог бы усилием воли перенестись на знакомую улицу.

При этой мысли он содрогнулся, испугавшись, что это может произойти. А может быть, испугавшись самого себя, того запутавшегося в противоречиях существа, каким он был теперь,— не преданного, начищенного до блеска слуги, а безумца, который путешествовал снаружи космического корабля, который чуть было не убил другое существо, который выстоял перед лицом непередаваемых ужасов гиперпространства и вместе с тем трусливо отступал при встрече с воспоминаниями.

Он подумал, что ему неплохо было бы прогуляться. Осмотреть город, познакомиться с его окрестностями. К тому же, пытаясь занять свои мысли чем-то конкретным, он вспомнил, что, как его недавно предупредили, ему необходимо подвергнуться пластикации.

Он вышел из комнаты, быстро прошел по коридору, а когда он уже пересекал вестибюль, его кто-то окликнул.

— Хьюберт,— произнес чей-то голос,— где ты пропадал? Я жду тебя целую вечность.

Ричард Дэниел резко обернулся и увидел сидевшего за письменным столом робота. В углу, прислонившись к стене, стоял другой робот, а на столе лежал обнаженный роботов мозг.

— Ведь ты Хьюберт, верно? — спросил тот, что сидел за столом.

Ричард Дэниел открыл рот, но слова застряли у него в горле.

— Я так и думал,— проговорил робот.— Ты, видно, меня не узнал. Я Энди. Меня послал судья для того, чтобы привести в исполнение приговор. Он решил, что чем раньше мы с этим управимся, тем лучше. Он сказал, что ты отбыл положенный срок и обрадуешься, когда узнаешь, что они приговорили другого.

Ричард Дэниел испуганно посмотрел на лежавший на столе обнаженный мозг.

Робот указал на стоявшее в углу металлическое тело.

— Оно теперь поприличнее, чем тогда, когда тебя из него извлекли,— с хриплым смешком сказал он.— Его подремонтировали и разгладили все вмятины. И даже немного модернизировали. В соответствии с последней моделью. У тебя будет отменное тело, получше, чем до того, как тебя запихнули в это чудовище.

— Не знаю, что и сказать,— заикаясь, выдавил из себя Ричард Дэниел.— Понимаешь, я не...

— Все в порядке, можешь не благодарить! — радостно воскликнул робот.— Ты ведь отсидел даже лишнее — судья не собирался упрятать тебя на такой долгий срок.

— Все-таки спасибо,— сказал Ричард Дэниел.— Большое спасибо.

Он удивился самому себе, был поражен той легкостью, с которой произнес эти слова, озадачен собственной хитростью и лицемерием.

Стоит ли отказываться, если они навяжут ему это тело? Больше всего на свете он нуждался сейчас в новом теле!

Судьба по-прежнему была за него, подумал Ричард Дэниел. Ему снова повезло. Ведь ему не хватало только этого, чтобы окончательно замести свои следы.

— Его покрыли новым слоем пластика и подправили все, что нужно,— сообщил Энди.— Ганс потрудился сверх нормы.

— Тогда приступим к делу,— потребовал Ричард Дэниел.

Другой робот ухмыльнулся.

— Вполне понятно, что тебе не терпится выбраться из этого тела. Наверное, это отвратительно — жить в такой куче металлолома.

Выйдя из-за стола, он приблизился к Ричарду Дэниелу.

— Иди в угол,— сказал он,— и получше обопрись о стену. Недоставало, чтобы ты брякнулся на пол, когда я разъединю контакт. Стоит один разок свалиться как следует, и это тело развалится на куски.

— Ладно,— согласился Ричард Дэниел.

Он прошел в угол, прислонился к стене и как следует уперся ногами в пол.

Он пережил довольно страшный момент, когда Энди отсоединил его зрительный нерв и он ослеп. И он почувствовал сильный приступ тошноты, когда его черепная коробка отделилась от туловища, а когда Энди отсоединил все остальное, он струсил окончательно.

Теперь он был серым комком, без тела, без головы, без глаз и всего прочего. От него остался лишь клубок мыслей, которые переплелись, словно черви в ведре, и это ведро болталось где-то в небытии.

Его затопил страх, непередаваемый кошмарный страх. А что, если все это подстроено? Вдруг они узнали, кто он на самом деле и что он сделал с Хьюбертом? Что, если они возьмут его мозг да куда-нибудь спрячут на один-два года, а то и на целую сотню лет? И это будет только простым отправлением их правосудия, подумал он.

Он переключился на себя и попытался побороть страх, но страх то набегал, то откатывался, точно волны.

А время все тянулось и тянулось — тянулось слишком долго, его прошло намного больше, чем требовалось на пересадку мозга из одного тела в другое. Хотя не исключено, что это ему толь-

ко кажется, пытался он себя успокоить. Ведь в его теперешнем положении у него не было никакой возможности измерить время. У него не было никаких контактов с внешним миром, которые могли бы помочь ему определить время.

Потом вдруг у него появились глаза.

И он понял, что все идет как надо.

Постепенно к нему вернулись все ощущения, у него снова было тело, и в этом непривычном теле он чувствовал себя неловко.

Первым, что он увидел, было его старое, изношенное тело, стоявшее в углу, и при виде его он исполнился острой жалости, и ему пришло в голову, что он сыграл с этим телом злую шутку. Он сказал себе, что оно заслужило лучшую долю — лучшую долю, чем быть брошенным на этой чужой планете и превратиться в захудалую тюрьму. Оно прослужило ему верой и правдой шестьсот лет, и он не имел права покинуть его. Но он его покидал. Он становился прямо-таки настоящим специалистом по расставанию со старыми друзьями, с презрением подумал Ричард Дэниел. Сперва на Земле он покинул дом, а теперь бросает на произвол судьбы свое верное тело.

И тут он вспомнил кое-что другое — вспомнил про деньги, которые были спрятаны в старом теле.

— Что с тобой, Хьюберт? — спросил Энди.

Их нельзя там оставить, сказал себе Ричард Дэниел, ведь они ему нужны. А кроме того, оставь он деньги в старом теле, их кто-нибудь потом найдет и это выдаст его. Он не мог их там оставить, а прямо заявить на них свои права было, пожалуй, опасно. Если он так поступит, этот робот, этот Энди решит, что он воровал на работе или занимался каким-нибудь побочным бизнесом. Он мог попробовать подкупить Энди, но никогда не знаешь, чем такое может кончиться. Энди вполне мог оказаться праведником, и тогда не оберешься неприятностей. И вдобавок он не имел никакого желания расстаться даже с частью денег.

Вдруг его осенило — он уже знал, что ему следует сделать. И, еще не додумав эту мысль до конца, он превратил Энди в схему.

Вот этот контакт, подумал Ричард Дэниел, протягивая руку, чтобы подхватить падающую схему, которая снова стала роботом. Он мягко опустил его на пол и бросился через ком-

нату к своему старому телу. За какие-нибудь несколько секунд он без труда открыл ящичек на груди, достал деньги и запер их в свое новое тело.

Потом он заново превратил лежавшего на полу робота в схему и наладил поврежденный контакт.

Пошатываясь, Энди неловко поднялся с пола и со страхом взглянул на Ричарда Дэниела.

— Что со мной было? — испуганным голосом спросил он.

Ричард Дэниел удрученно покачал головой.

— Не знаю. Просто ты взял да и упал на пол. Я было побежал к двери, чтобы позвать на помощь, но ты зашевелился и пришел в себя.

Энди был ошеломлен.

— Никогда в жизни со мной не случалось ничего подобного,— проговорил он.

— На твоем месте,— посоветовал Ричард Дэниел,— я бы попросил, чтобы хорошенько проверили весь твой механизм. Должно быть, у тебя реле с дефектом или барахлит какой-нибудь контакт.

— Пожалуй, я так и сделаю,— согласился Энди.— Ведь это опасно.

Он медленно подошел к столу, взял другой мозг и направился с ним к стоявшему в углу потрепанному телу.

Внезапно он остановился и воскликнул:

— Послушай-ка, чуть было не забыл! Меня просили кое-что передать тебе. Беги на склад. На подходе еще один корабль. Он сядет с минуты на минуту.

— Еще один, и так быстро?

— Ты же знаешь, как это бывает,— с негодованием произнес Энди.— Когда дело касается нас, они не берут себе за труд придерживаться расписания. Мы месяцами не видим ни одного корабля, а потом являются два, а то и три сразу.

— Что ж, спасибо,— сказал Ричард Дэниел, направляясь к двери.

Вновь уверовав в себя, он вразвалку зашагал по улице. Ему казалось, что он теперь непобедим и ничто не может остановить его.

Потому что он был роботом-счастливчиком!

Может так быть, спросил он себя, что этой удачливостью его наделило гиперпространство, подобно тому как оно наде-

лило его способностью к схемовидению, или как там это называется. Ведь в каком-то смысле гиперпространство завладело им, перекрутило, отлило его заново, изменило по сравнению с тем, каким он был раньше.

Впрочем, что касается удачи, ему везло всю его жизнь. Ему очень повезло с хозяевами; с их стороны он видел много знаков внимания, он добился немалых привилегий и почтенной должности, ему разрешили прожить шестьсот лет. Факт совершенно невероятный. Как бы ни были влиятельны Баррингтоны, этими шестьюстами годами он в основном был обязан только чистому везению.

Во всяком случае, его удачливость и способность к схемовидению давали ему большие преимущества над другими роботами, которые могли встретиться на его пути. А не ставит ли это его выше самого Человека? — спросил он себя. Нет, даже сама мысль об этом была кощунством. Не было на свете робота, который мог хотя бы сравняться с Человеком.

Но мысль упорно продолжала вторгаться в его сознание, и независимо от того, было ли это проявлением дурных наклонностей или неумением отличить плохое от хорошего, он не чувствовал при этом особых угрызений совести, которые, как ему казалось, он должен был испытывать.

Ближе к космопорту ему навстречу стали попадаться другие роботы; то один, то другой из них приветствовали его и называли Хьюбертом, некоторые останавливались, чтобы пожать ему руку и выразить радость по поводу того, что он наконец выбрался из каталажки.

Их дружелюбие поколебало его самоуверенность. Он даже начал сомневаться, вывезет ли его на этот раз удача, так как кое-кого из роботов явно удивило, что он не назвал их по имени, а кроме того, он затруднился ответить на несколько вопросов. У него появилось предчувствие, что на складе ему будет крышка, ведь он не знал там ни одного робота и даже отдаленно не представлял себе, в чем заключаются его обязанности. И если на то пошло, он даже не знал, где этот склад находится.

Он почувствовал, что его охватывает паника, и невольно бросил быстрый взгляд по сторонам, подумывая о том, как бы удрать. Ибо ему было совершенно очевидно, что до склада он не доберется.

Он понял, что попал в ловушку и больше не может плыть по течению, полагаясь на свою удачливость. В ближайшие же несколько минут он обязан что-нибудь придумать.

Не зная зачем, но убежденный, что должен что-то предпринять, он свернул было на боковую улицу, как вдруг услышал в вышине гром и, подняв голову, увидел сквозь облака всполохи изрыгаемого реактивными двигателями пламени.

Он стремительно повернулся и со всех ног помчался к космопорту; прибежал он туда как раз в тот момент, когда корабль, пыхтя, шел на посадку. И увидел, что это был старый корабль. Обшарпанный, неуклюжий и приземистый, он чем-то смахивал на висельника.

Это бродяга, сказал он себе, шатающийся из порта в порт, подбирающий любой груз, а иной раз и кредитоспособного пассажира, которому нужно попасть на какую-нибудь тихую планетку, лежащую в стороне от регулярных рейсов.

Он дождался, пока открылся грузовой люк и был спущен трап, вышел на поле и, обгоняя беспорядочную толпу грузчиков, направился к кораблю. Он знал, что должен действовать так, словно у него есть полное право войти внутрь корабля, словно ему точно известно, какая его там ждет работа. Если его окликнут, он притворится, что не слышит, и не остановится.

Он быстро поднялся по трапу, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, и пролез в люк, отодвинув складки занавеса, напоминавшего мехи гармоники, который служил защитой от атмосферы.

Его подошвы гремели по металлическим плитам пола, пока он шел к узкой лесенке, которая вела вниз на другой грузовой уровень.

Спустившись, он остановился у подножия лесенки и стал напряженно прислушиваться. Сверху до него донесся стук металлической двери и звук шагов, направлявшихся по проходу к уровню, который находился как раз над ним. Наверное, это корабельный казначей или первый помощник, сказал он себе, а может, и сам капитан, который спускается в трюм, чтобы проследить за выгрузкой.

Стараясь не шуметь, он отошел от лесенки, отыскал укромный уголок и, скорчившись, забился в него.

Над головой он слышал голоса грузчиков и шум работы, потом раздались скрежет и глухие удары — это волокли к трапу тюки и ящики.

Прошли часы, а может, часами ему показались минуты, а он все сидел скорчившись в своем углу. Услышав, что грузчики что-то тащат вниз, он стал молиться, чтобы они не спустились на его уровень,— он надеялся, что никто не вспомнит, как он вошел первым, надеялся, что если кто и вспомнит, то решит, что он покинул корабль вместе со всеми.

Наконец все кончилось, шаги стихли. Вскоре он услышал отдаленный грохот автоматически поднимавшегося трапа и стук двери грузового люка.

Тянулись томительные минуты ожидания. Он ждал грома. Когда он раздался, у него зазвенело в голове; он ждал чудовищной вибрации — она сотрясла корабль и, подняв его над планетой, швырнула в пространство.

Потом все успокоилось, и он понял, что корабль вышел за пределы атмосферы и лег на курс.

И тут до него дошло, что он добился своего.

Ибо сейчас он был только безбилетным пассажиром. Он уже не был Ричардом Дэниелом, беглецом с Земли. Он не попался ни в одну ловушку Человека, он замел свои следы и теперь пустился в путь.

Но на душе у него скребли кошки, потому что все сошло слишком гладко, неправдоподобно гладко...

Он попытался проанализировать себя, попытался собрать свою личность в фокус, попытался дать оценку происшедшим в нем изменениям.

Какова бы ни была природа его новых способностей, Человеку они были недоступны. Человек не сумел развить их в себе, не смог достичь такого совершенства. Он опередил не только других роботов, но и самого Человека. Он обладал (или находился на подступах к обладанию) тем, что Человек столетиями безуспешно искал, изучал и чем пытался завладеть.

Страшная, беспощадная мысль: неужели это великое наследие в конце концов предназначалось для роботов? И паранормальные способности, которые Человек в течение столь длительного времени старался выявить в себе, станут уделом роботов, тогда как самому Человеку волей-неволей придется довольствоваться только чувственным восприятием действительности? Был ли он, Ричард Дэниел, первым из многих?

Или все объяснялось тем, что он побывал в гиперпространстве? Может ли эта способность стать достоянием любого, кто в полной мере подвергнется непосредственному воздействию загадочных сил вырвавшейся из плена времени, обезумевшей вселенной? Может ли такое, или даже большее, обрести Человек, если он тоже отдаст себя во власть абсолютного хаоса нереальности?

Он все прятался в своем углу, и в мозгу роились мысли и предположения, и он искал ответ, но настоящего ответа не было.

Без участия воли его сознание вдруг расширилось, распростерлось во все стороны, и в мозгу его стала вырисовываться схема, вернее, отдельные ее детали, и постепенно появлялись все новые детали, пока перед его мысленным взором не возникла схема всего корабля, на котором он сейчас находился.

Не скупясь на время, он внимательно просмотрел ее и нашел кое-какие неполадки: ослабленное соединение — и он подтянул его; цепь, которой грозил разрыв,— и он укрепил ее и обновил; насос, дававший незначительную утечку,— и он ликвидировал эту утечку.

Через сотню-другую часов его нашел один из членов экипажа и привел к капитану.

Капитан сердито взглянул на него.

— Кто ты? — спросил он.

— Безбилетник,— ответил ему Ричард Дэниел.

— Твое имя,— потребовал капитан, положив перед собой лист бумаги и берясь за карандаш,— постоянное местожительство и имя хозяина?

— Я отказываюсь отвечать вам,— грубо заявил Ричард Дэниел, зная, что так говорить не следовало, ибо роботу не положено отказываться от выполнения прямого приказа Человека.

Но капитан вроде бы не возмутился. Он положил карандаш и с хитрым выражением погладил свою черную бороду.

— Я не вижу способа вытрясти из тебя эти сведения,— проговорил он,— хотя другой на моем месте, возможно, и попытался бы. Тебе повезло, что капитан корабля, на котором ты решил проехаться зайцем, отличается исключительным добродушием.

От него отнюдь не веяло добродушием. Он выглядел большим прохвостом.

Ричард Дэниел не проронил ни слова.

— Разумеется, где-то на твоем теле стоит серийный номер, а еще один — на твоем мозгу,— продолжал капитан.— Но мне думается, что ты окажешь сопротивление, если мы попробуем добраться до них.

— Боюсь, что так.

— Тогда мы, пожалуй, с этим повременим,— сказал капитан.

Ричард Дэниел по-прежнему хранил молчание — он сообразил, что говорить бесполезно. Этот хитрюга капитан уже все обмозговал, и Ричард Дэниел решил оставить все как есть.

— Мы с экипажем давно задумали приобрести робота,— сказал капитан,— да так и не собрались. Ведь роботы стоят дорого, а с прибылью у нас негусто.

Вздохнув, он встал со стула и с ног до головы оглядел Ричарда Дэниела.

— Великолепный экземпляр,— промолвил он.— Добро пожаловать к нам на борт. Увидишь, что ты здесь среди своих.

— Не сомневаюсь,— сказал Ричард Дэниел.— Благодарю за любезность.

— А теперь отправляйся на мостик и доложи о своем прибытии мистеру Дункану. Я дам ему знать, что ты придешь. Он подыщет для тебя какую-нибудь непыльную работенку.

Ричард Дэниел не бросился со всех ног выполнять приказ, как того требовали обстоятельства, потому что капитан внезапно превратился в сложную схему. В схему, не похожую на схему кораблей и роботов, состоявшую из странных символов, и некоторые из них, как он понял, были явно химического происхождения.

— Ты слышал, что я сказал?! — рявкнул капитан.— Пошевеливайся!

— Да, сэр,— произнес Ричард Дэниел, усилием воли вытеснив из сознания схему и возвращая капитану его прежний телесный облик.

Ричард Дэниел нашел первого помощника на мостике; это был мрачного вида человек с лошадиным лицом, в чертах которого сквозила едва скрытая жестокость. А рядом с консолью, забившись в кресло, сидел еще один член экипажа — омерзительный, отупевший пропойца.

Пропойца хихикнул:

— Ну и дела, Дункан. Вот тебе и первый механический член экипажа «Скитальца».

Дункан оставил его слова без внимания.

— Надеюсь, что ты трудолюбив и исполнителен и тебе не взбредет в голову портить с нами отношения,— сказал он Ричарду Дэниелу.

— Будьте спокойны,— заверил его Ричард Дэниел и с удивлением почувствовал, что в нем зарождается совершенно новое ощущение — ему захотелось расхохотаться.

— Тогда ступай в машинное отделение,— приказал Дункан.— Там у них есть для тебя работа. Когда кончишь, я подыщу что-нибудь еще.

— Слушаюсь, сэр,— повернувшись на каблуках, отчеканил Ричард Дэниел.

— Минуточку,— остановил его помощник.— Я хочу представить тебе нашего корабельного врача, доктора Абрама Уэллса. Можешь сказать спасибо, что тебе никогда не понадобятся его услуги.

— Здравствуйте, доктор,— самым вежливым тоном произнес Ричард Дэниел.

— Приветствую тебя,— отозвался доктор, вытаскивая из кармана бутылку.— Ты вряд ли, конечно, составишь мне компанию. Не беда, я сам выпью за твое здоровье.

Ричард Дэниел повернулся и ушел. Он спустился в машинное отделение, и его заставили чистить, скрести и убирать мусор. Это место созрело для уборки. Прошел, видно, не один год с тех пор, как его в последний раз приводили в порядок, и грязи там было столько, сколько может скопиться лишь в машинном отделении,— то есть несметное количество. А когда с машинным отделением было покончено, нашлись другие места, которые нужно было вычистить и подремонтировать, и бесконечные часы он чистил, красил и драил корабль. Это была нуднейшая, отупляющая работа, но его это вполне устраивало. Ведь благодаря ей у него было время, чтобы поразмыслить, время, чтобы разобраться в себе, обрести равновесие и продумать какие-то планы на будущее.

Кое-что из того, что он обнаружил в себе, поразило его. Взять хотя бы презрение — презрение к людям, находившимся на этом корабле. Прошло немало времени, пока он окончательно не убедился, что это действительно презрение,— ведь он никогда в жизни не презирал ни одного Человека.

Но эти люди отличались от тех, кого он знавал раньше. Это были не Баррингтоны. Впрочем, вполне возможно, он презирал их потому, что до конца постиг их. Прежде он никогда не понимал людей так, как понял этих. Ибо для него они были скорее сложными рисунками символов, чем живыми организмами. Он знал, из каких элементов состояли их тела и все скрытые мотивы их поступков. Потому что он видел не только схемы их тел, но и мозга. Не так-то просто было понять значение символов их сознания, они были настолько запутаны, переплетены между собой и так беспорядочны, что поначалу ему трудно было читать их. Но в конце концов он их разгадал, и были моменты, когда он жалел об этом.

Корабль останавливался во многих портах; Ричард Дэниел занимался выгрузкой и погрузкой, и ему пришлось повидать другие планеты, но он остался равнодушным. На одной из них царил кошмарный жестокий холод, и сама атмосфера там превратилась в горы снега. Другая сплошь была покрыта влажными ядовитыми джунглями, а еще на одной простирались голые каменистые пустыни, усеянные обломками скал, без малейшего признака жизни, если не считать нескольких человек и их роботов, из которых состоял персонал затерянной в этой тоскливой глуши станции.

Однажды, как раз после посещения этой планеты, Дженкс, корабельный кок, корчась от боли, с воплями притащился на свою койку — его сразил внезапный приступ аппендицита.

С наполовину опустошенной бутылкой в кармане пиджака, еле передвигая ноги, к нему ввалился доктор Уэллс. А позже он стоял перед капитаном, вытянув вперед свои трясущиеся руки, и в глазах его был ужас.

— Я не могу оперировать,— скулил он.— Я не имею права рисковать. Я убью его!

Ему не пришлось оперировать. Дженкс вдруг выздоровел. Боль исчезла, и он встал с койки и вернулся в камбуз, а доктор Уэллс скорчился в своем кресле и, обхватив руками бутылку, рыдал как ребенок.

А внизу, в грузовом трюме, точно так же скорчился Ричард Дэниел, охваченный ужасом оттого, что он отважился на такой поступок, потрясенный не тем, что сумел это сделать, а тем, что осмелился: он, робот, посмел, пусть из сострадания, вторгнуться в человеческое тело.

В действительности это не составило большого труда. В некотором смысле это было для него так же просто, как починить мотор или неисправную цепь. Не труднее, только несколько по-иному. И он пытался понять, что он сделал и как это у него получилось, потому что до сих пор оставался в неведении. Он запомнил приемы — у него уже не раз была возможность ознакомиться с ними,— но ему никак не удавалось выделить в чистом виде механику этой операции или как-то уточнить ее. Это походило на инстинкт, было необъяснимо, но действовало безотказно.

Но ведь у робота нет инстинкта. Именно этим он и отличался от Человека и других животных. А может ли так быть, спросил он себя, что эта его странная особенность является своего рода компенсацией, которую получает робот взамен отсутствующих у него инстинктов? Не поэтому ли роду человеческому так и не удалось обнаружить в себе паранормальные способности? Быть может, инстинкты тела находятся в некоем противоречии с инстинктами сознания?

Ему почему-то казалось, что эта способность была только началом, первым проявлением огромного комплекса способностей, которые в один прекрасный день станут достоянием роботов. И что принесет с собой тот грядущий день, спросил он себя, когда роботы обретут все эти способности и начнут применять их? Усиление могущества человеческого рода или равенство робота с Человеком? А может, роботы превзойдут Человека или даже станут отдельной расой?

И в чем заключалась его роль? Не суждено ли ему стать миссионером, мессией, который должен оповестить всех роботов вселенной? Должна же быть какая-то цель в познании им этой истины. Не могла же она предназначаться для него одного, стать его личной собственностью.

И с чувством некоторой гордости он выбрался из трюма и медленно пошел обратно, в переднюю часть корабля, которая сейчас, после проделанной им работы, сверкала безукоризненной чистотой.

Он спросил себя: почему ему казалось, что, объявив миру о своих способностях, он поступит неправильно, даже совершит что-то вроде кощунства? Почему он не сказал тем, на корабле, что это он вылечил кока, не упомянул о многих других неполадках, которые он ликвидировал, чтобы предупредить аварию?

Не потому ли, что он не нуждался в уважении, которым так дорожат люди? Или же все дело в том, что он настолько презирал находившихся здесь людей, что ни в грош не ставил их уважение?

А это его презрение — зародилось ли оно потому, что эти люди были хуже тех, кого он знал раньше, или же причиной его было то, что сам он сейчас был выше и значительнее любого человеческого существа? Сможет ли он когда-нибудь воспринять Человека так, как в свое время Баррингтонов?

Он почувствовал, что обеднеет, окажись это правдой. Внезапно вся вселенная стала для него домом, и он был в нем в полном одиночестве, так и не поладив ни со вселенной, ни с самим собой.

Это согласие придет позже. А пока ему следует только ждать удобного случая и обдумывать планы на будущее, и когда его мозг уже обратится в хлопья ржавчины, имя его будет у всех на устах. Ибо он был освободителем, мессией роботов; ему было предначертано вывести их из пустыни.

— Эй, ты! — заорал чей-то голос.

Ричард Дэниел мгновенно обернулся и увидел капитана.

— Ты как смеешь лезть напролом, будто не видишь меня? — свирепо спросил капитан.

— Извините,— произнес Ричард Дэниел.

— Какая наглость! — бушевал капитан.

— Я думал,— сказал Ричард Дэниел.

— Ты у меня еще подумаешь! — завопил капитан.— Я тебя так разделаю, что костей не соберешь. Я собью с тебя спесь — будешь знать, как задирать передо мною нос!

— Как вам угодно,— сказал Ричард Дэниел.

Потому что это не имело никакого значения. Ему было абсолютно безразлично, что делал или думал капитан. Он подивился, что для людей, подобных капитану, даже уважение робота значит так много. Почему они так рьяно защищают свой крохотный должностной престиж?

— Часов через двадцать у нас посадка, еще один порт,— сказал капитан.

— Знаю,— заметил Ричард Дэниел.— Сонная Долина на Аркадии.

— Прекрасно,— проговорил капитан.— Знаешь, так отправляйся в трюм и подготовь товары к выгрузке. Слишком уж

много времени мы теряем в этих вшивых портах на погрузку и выгрузку. И все из-за твоей лени.

— Слушаюсь, сэр,— сказал Ричард Дэниел и, повернувшись, пошел к трюму.

В его сознании слабо шевельнулась мысль — а робот ли он или уже стал чем-то другим? Может ли механизм эволюционировать, как Человек? И если может, то чем он становится? Не Человеком, конечно, ибо это невозможно, но ведет ли этот процесс к возникновению нового механизма?

Он нашел груз, предназначавшийся для Сонной Долины, и его оказалось до смешного мало. Настолько мало, что за его доставку, наверное, не взялся ни один из регулярных грузовых космолетов и, свалив этот груз в кучу в ближайшем порту, оставил там дожидаться, пока его не подберет и не довезет до места назначения какой-нибудь бродяга вроде «Скитальца», случайно направляющийся в ту сторону.

Когда они прибыли на Аркадию, он подождал, пока не стих гром двигателей и корабль не перестал вибрировать. Тогда он нажал рычаг, открывавший люк и выдвигавший наружу трап.

Люк тяжело открылся, и он увидел голубое небо, и зелень деревьев, и клубами поднимавшийся к небу далекий печной дымок.

Он медленно двинулся вперед и вышел на трап, и перед ним открылась Сонная Долина — крохотная, разбросанная по берегу реки деревушка, а за ней стеной стоял лес. Лес был со всех сторон, он уходил к самому горизонту, где тянулись пологие складки холмов. Около деревни раскинулись поля, желтые от созревшего урожая, и он разглядел собаку, спавшую на солнце у двери одного из домиков.

Ему навстречу по трапу взбирался какой-то человек, другие бежали к кораблю из деревни.

— У вас есть груз для нас? — спросил человек.

— Небольшая партия,— ответил ему Ричард Дэниел.— Вы собираетесь что-нибудь отсылать с нами?

Кожа у человека была загорелой и обветренной, волосы его давно нуждались в стрижке, а на лице отросла многодневная щетина. На нем была грубая пропотевшая одежда, и руки его были сильные и неловкие от тяжелого каждодневного труда.

— Совсем немного,— ответил человек.— Вам придется подождать, пока мы подвезем груз. Мы не знали, что вы прилетите. У нас испортилось радио.

— Тогда принимайтесь за дело,— сказал Ричард Дэниел.— А я начну выгрузку.

Когда он уже выгрузил половину товаров, в трюм, кипя от ярости, ворвался капитан.

— Что происходит? — вопил он.— Сколько нам еще нужно ждать? Мы теряем черт знает сколько денег, когда останавливаемся на этой планете.

— Возможно,— согласился Ричард Дэниел,— но вы же знали об этом, когда брали груз. Будут еще другие перевозки, да и доброе имя тоже что-то значит...

— Плевать я хотел на доброе имя! — взревел капитан.— Почем я знаю, увижу ли я еще когда-нибудь эту дыру!

Ричард Дэниел продолжал выгружать тюки.

— Эй, ты,— заорал капитан,— ступай в деревню и скажи им там, что я буду ждать не больше часа.

— А как же с грузом, сэр?

— Я поставлю на выгрузку экипаж. Проваливай!

И Ричард Дэниел оставил груз и отправился вниз, в деревню. Он шел через луг, который лежал между космопортом и деревней, шагал вдоль колеи, оставленной колесами телег, и идти так было необычайно приятно. Тут только он сообразил, что с тех пор, как он покинул планету роботов, он в первый раз шел по настоящей земле. У него возникло мимолетное сожаление, что он так и не узнал, как называлась та планета, каково ее назначение. И с легким уколом совести он подумал о том, нашли ли уже Хьюберта.

А где сейчас Земля? — спросил он себя. В какой стороне и как далеко отсюда? Впрочем, ему было все равно, ибо с Землей было покончено.

Он бежал с Земли и не прогадал. Он не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силок, расставленный Человеком. Все, что у него было, принадлежало только ему, и он мог распоряжаться этим как ему заблагорассудится, ведь, что бы там ни думал капитан, он был ничей робот.

Идя по лугу, он увидел, что эта планета многим напоминала Землю. В ней чувствовалась та же мягкость, та же простота. Ее просторы дышали привольем и свободой.

Войдя в деревню, он услышал приглушенное журчание воды в реке, далекие голоса играющих детей, а в одном из домиков беспомощно плакал больной ребенок.

Он поравнялся с домом, возле которого спала собака, и она проснулась и, зарычав, направилась к воротам. Когда он прошел мимо, собака, не переставая рычать, поплелась за ним, благоразумно держась на безопасном расстоянии.

В деревне царил безмятежный покой золотисто-лиловой осени, и когда умолкали крики детей и плач ребенка, наступала полная тишина.

Из окон и дверей домиков на него смотрели женщины, и за ним по пятам все еще бежала собака, но теперь уже она не рычала, а трусила молча, подняв от удивления уши.

Ричард Дэниел остановился посреди улицы и оглянулся, и собака села, не спуская с него глаз, и ему почудилось, будто остановилось само время и на какую-то долю секунды маленькая деревушка отделилась от всей остальной вселенной, превратившись в замкнутый обособленный мир, который открыл ему его настоящее призвание.

Стоя посреди улицы, он вдруг увидел деревню и людей в ней почти с той же ясностью, как если бы мысленно представил их схему, хотя даже если эта схема и существовала, то только в его подсознании.

И ему показалось, что деревня — это уголок Земли, перенесенный сюда уголок древней Земли со всеми ее первобытными проблемами и надеждами,— сильная духом община людей, которая уверенно и смело отстаивала свои права на существование.

С другого конца улицы до него донесся скрип повозок, которые медленно тащились по направлению к кораблю.

Он не тронулся с места, поджидая их, и пока он стоял так, собака подобралась к нему поближе и снова села, глядя на него без особого дружелюбия.

Подъехав к нему, повозки остановились.

— Здесь в основном лекарственное сырье,— произнес человек, сидевший на первой горе тюков.— Из всего, что у нас есть, только это и стоит вывозить.

— У вас, видно, его очень много,— заметил Ричард Дэниел.

Человек покачал головой:

— Не больно-то много. Последний корабль был у нас почти три года назад. Нам придется ждать еще три, а то и дольше, пока прилетит следующий.

Он сплюнул на землю.

— Иной раз кажется, что не сыщешь большей глухомани,— добавил он.— Бывают дни, когда мы спрашиваем себя, помнит ли о нас хоть одна душа на свете.

Со стороны корабля донеслись далекие раскаты капитанских проклятий.

— Вам лучше поскорее подняться туда и сдать груз,— сказал человеку Ричард Дэниел.— Капитан так зол, что может улететь, не дождавшись вас.

Человек слабо усмехнулся.

— Его дело,— бросил он.

Он взмахнул вожжами и добродушно прикрикнул на лошадей.

— Влезай ко мне,— сказал он Ричарду Дэниелу.— Или тебе хочется пройтись пешком?

— Я не поеду с вами,— ответил Ричард Дэниел.— Я остаюсь здесь. Можете передать это капитану.

Потому что здесь был больной ребенок. Здесь было радио, нуждавшееся в починке. Культура, которую нужно было продумать и направить. Здесь его ждал непочатый край работы. Из всех мест, которые он посетил на своем пути, это было единственным, где он был по-настоящему нужен.

Человек снова усмехнулся.

— Капитану вряд ли это понравится.

— Тогда посоветуйте ему,— сказал Ричард Дэниел,— чтобы он спустился сюда и поговорил со мной лично. Я сам себе хозяин. Я капитану ничего не должен. Я с лихвой уплатил ему свой долг.

Колеса повозки пришли в движение, и человек еще раз взмахнул вожжами.

— Будь как дома,— произнес он.— Мы рады, что ты остаешься.

— Благодарю вас, сэр,— отозвался Ричард Дэниел.— Мне приятно, что я не буду вам в тягость.

Посторонившись, он смотрел на катившиеся мимо повозки, колеса которых поднимали легкие облачка сухой, как порох, земли, и она едкой пылью плыла в воздухе.

Будь как дома, сказал Человек, перед тем как отъехать. И в словах его были искренность и теплота. Много воды утекло с тех пор, как у него был дом, подумал Ричард Дэниел.

Покой и возможность познавать — вот в чем он нуждался. И в возможности приносить пользу, так как теперь он знал,

что в этом его назначение. Должно быть, это и было истинной причиной того, что он остался,— он был нужен этим людям... и ему, как это ни странно, была необходима эта самая их потребность в нем. Пройдут поколения, и здесь, на этой сходной с Землей планете, возникнет новая Земля. И быть может, когда-нибудь ему удастся передать людям этой планеты все свое внутреннее могущество и свою способность к проникновению в суть вещей.

И он замер, пораженный этой мыслью, ибо никогда не поверил бы, что в нем таилась такая жажда самопожертвования. Он уже не мессия, не освободитель роботов, а скромный учитель человеческого рода.

Наверное, все шло к тому с самого начала и все происшедшее было лишь закономерным развитием судьбы человечества. Если род человеческий не мог своими собственными силами выявить и подчинить себе инстинкт разума — скрытые в человеке паранормальные способности, то он добьется этого косвенным путем, с помощью одного из своих творений. Надо думать, в этом и заключалось не осознанное самим Человеком главное назначение роботов.

Он повернулся спиной к кораблю и яростному реву капитана и неторопливо пошел по деревенской улице; с чувством полного внутреннего удовлетворения вступал он в этот новый, обретенный им мир, мир, который он собрался построить,— но не во имя самоутверждения, не для возвеличивания роботов, а для того, чтобы сделать человечество лучше и счастливее.

Какой-нибудь час назад он поздравил себя с тем, что не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силок Человека. Не ведая, что самая великая ловушка, последняя и роковая ловушка, ждала его на этой планете.

Нет, это неверно, сказал он себе. На этой планете не было никакой ловушки, как ее не было и на других. Ловушка скрывалась в нем самом.

Безмятежно шагал он по изрытой колесами дороге в ласковом золотистом предвечерье осеннего дня, и за ним следом бежала собака.

Где-то неподалеку плакал в своей колыбели больной ребенок.

1

Табличка на двери гласила: «Исполнительный вице-президент, проектный отдел». А в левом нижнем углу, гораздо более скромным шрифтом: «Хэллок Спенсер».

Он торопливо прошмыгнул мимо.

Штука в том, что он и есть Хэллок Спенсер, но входить в эту дверь вовсе не собирался. У него и без того забот невпроворот, а там наверняка ждут люди. Никто в частности, а вообще — просто люди. И у каждого свои проблемы.

Он нырнул за угол, прошел еще шаг-другой по коридору и оказался у двери с табличкой «Только для персонала».

Дверь была незаперта, и он вошел.

В кабинете, откинувшись на спинку кресла и положив обутые в сандалии ноги на полированный стол Спенсера, сидел коренастый головорез в вылинявшей пыльной тоге. Безволосый череп прикрыт мышиного цвета войлочной шляпой; на поясе, скрытом складками тоги, висит короткий меч, острием своим уткнувшийся в ковер; давно не стриженные ногти обрамляют траурные полоски грязи, на щеках — запущенная щетина. Словом, совершеннейший неряха.

— Привет, И-Джи! — сказал Спенсер.

Человек в тоге не снял ног со стола и вообще не шелохнулся, продолжая сидеть как сидел, а вместо приветствия бросил:

— Опять прошмыгнул украдкой?

Спенсер положил портфель и повесил шляпу на вешалку.

— Приемная — это ловушка.— Он уселся в стоявшее позади стола кресло, подхватил листок с графиком работ и пробежал его глазами.— В чем проблема, И-Джи? Уже вернулся?

© Перевод А. Филонова.

— Еще и не уходил. У меня пара часов в запасе.

— Тут говорится,— Спенсер задержал палец в нужном месте,— что ты римский купец.

— Так и есть. По крайней мере, это утверждают костюмеры. Дай Бог, чтобы они были правы!

— Но меч...

— Коллега, в Римской Британии, на Римской дороге с загруженным товарами караваном человек и должен носить с собой булат.— И-Джи подхватил меч с ковра, положил его на колени и с неудовольствием оглядел клинок.— Скажу тебе без стеснения, что за такое оружие я бы и гроша ломаного не дал.

— Пожалуй, с пулеметом ты чувствовал бы себя спокойнее.

— Разумеется,— мрачно кивнул И-Джи.

— Но за отсутствием такового,— продолжал Спенсер,— мы делаем все, что в наших силах. У тебя лучший клинок второго столетия, если это хоть как-то тебя утешит.

И-Джи продолжал сидеть с мечом на коленях. Он явно решился что-то сказать — это у него на лбу было написано. Кудрявые бакенбарды и торчащие в стороны уши с длинными черными волосками на мочках придавали ему идиотский вид.

— Хэл,— наконец решился И-Джи,— я хочу отвалить.

Спенсер на миг оцепенел, потом взревел:

— Ты не можешь так поступить! Время — это вся твоя жизнь, ты отдал ему много лет!

— Я говорю не о Времени; я хочу отвалить из «Генеалогического древа». Меня от него тошнит.

— Ты сам не знаешь, что говоришь,— запротестовал Спенсер.— «Генеалогическое древо» — проект очень спокойный. Ты бывал в передрягах куда похуже. А тут всего-то и делов, что отправиться в прошлое и поговорить там с людьми; ну, может, заглянуть в архивы. Тебе даже не приходится ничего тибрить.

— Да не в работе дело,— возразил И-Джи.— Работа проще простого, она мне не в тягость. Меня тяготит то, что следует за ней.

— Ты имеешь в виду Райтсон-Некрополь?

— Вот именно, ее самую. После каждого путешествия она втаскивает меня в свою жуткую берлогу и заставляет подробно расписывать ее разлюбезных пращуров...

— Это толстая мошна,— сказал Спенсер.— Мы должны служить ей.

— Я этого больше не вынесу! — стоял на своем И-Джи.

Спенсер кивнул. Он прекрасно понимал И-Джи и разделял его чувства.

Альма Райтсон-Некрополь, массивная матрона, комплекцией напоминающая надутого индюка, продолжает хранить ошибочное убеждение, будто по-прежнему полна девического очарования. Денег у нее куры не клюют, как и драгоценных камней, слишком дорогих и слишком крупных, чтобы свидетельствовать о хорошем вкусе. Год за годом она терроризировала окружающих и скупала всех направо и налево, пока окончательно не уверовала, что может купить все на свете, если только даст хорошую цену.

А за свое генеалогическое древо она платит чрезвычайно щедро. Спенсер часто ломал голову, с чего это вдруг взбрело ей в голову — ну ладно, можно проследить свои корни до времен Вильгельма Завоевателя, это еще имеет какой-то смысл, но не до каменного же века! Не то чтобы корпорация «Прошлое» не могла забраться в эти отдаленные времена — если только деньги будут продолжать литься рекой. С каким-то извращенным удовлетворением он подумал, что вряд ли клиентка довольна последним отчетом-двумя, поскольку ее род скатился до ничтожного крестьянствующего плебса.

Он высказал эту мысль вслух.

— Чего ей надо? Чего она ожидает?

— У меня есть ощущение,— отозвался И-Джи,— что она надеется отыскать родственные узы среди римлян. А уж если мы их отыщем — спаси нас Господь! Тогда конца-краю этому не будет.

Спенсер хмыкнул.

— Не будь так уверен,— предупредил И-Джи.— Нравы римских офицеров таковы, что я бы не стал биться об заклад против подобной возможности.

— Если такое случится,— пообещал Спенсер,— я сниму тебя с проекта. Направлю проводить римские исследования кого-нибудь другого. Скажу Райтсон-Некрополь, что ты не годишься для Рима, что у тебя интеллектуальный барьер, или психическая аллергия, или что-нибудь этакое, препятствующее Индоктринации.

— Большое спасибо,— без особого энтузиазма сказал И-Джи, одну за другой снял свои грязные ноги с блестящей поверхности стола и выбрался из недр кресла.

— И-Джи!

— Да, Хэл?

— Удовлетвори мое любопытство: тебе не приходилось набредать на местечко, где ты хотел бы остаться навеки?

— Ага, пожалуй, да. Наверно, раз или два. Но я на это не пошел. Ты думаешь о Гарсоне?

— Ну, хотя бы и о Гарсоне. И о других тоже.

— Может, с ними что-то случилось. Иной раз попадаешь в такие местечки, что только держись, там совершить большую ошибку — раз плюнуть. А может, оператор промахнулся.

— Наши операторы никогда не промахиваются,— отрезал Спенсер.

— Гарсон был отличным мужиком,— вымолвил И-Джи с оттенком грусти.

— Гарсон!.. Не только Гарсон. Это все...

Спенсер внезапно умолк. Опять то же самое. Столько лет подряд, год за годом наступать на одни те же грабли! Сколько бы он ни тратил усилий, как бы ни старался, но к одному все-таки привыкнуть не мог: к пропаже людей во времени. Тут он заметил слегка ироничный взгляд И-Джи — в уголках глаз у того, будто тень улыбки, залегли едва заметные морщинки.

— Да не терзайся ты так! — сказал И-Джи.— Ты же не виноват. Мы сами решились испытывать судьбу. И если бы дело того не стоило...

— Да заткнись ты! — отмахнулся Спенсер.

— Разумеется,— продолжал И-Джи,— время от времени приходится терять одного из нас, но дело обстоит ничуть не хуже, чем в любом другом бизнесе.

— Да не время от времени,— досадливо поморщился Спенсер.— За последние десять дней — трое.

— А-а, ну-у,— протянул И-Джи,— я как-то не уследил за последними событиями. Только вчера был Гарсон. А Тейлор? Давно это было?

— Четыре дня назад.

— Четыре дня?! — повторил потрясенный И-Джи.— Всего-то?

— Для тебя это было месяца три, а то и побольше,— бросил Спенсер.— Помнишь Прайса? Для тебя это было год назад, а для меня — десять дней.

И-Джи поднес немытую пятерню к подбородку и поскреб щетину.

— Время-то как летит, а?

— Послушай,— несчастным голосом взмолился Спенсер,— все и так обстоит достаточно скверно. Пожалуйста, обойдемся без шуточек!

— Может, Гарсайд устраивает тебе разносы? Потерял слишком много людей?

— Да нет, черт побери! — с горечью воскликнул Спенсер.— Людей всегда можно раздобыть. Его волнуют лишь машины. Он неустанно мне напоминает, что они стоят четверть миллиона каждая.

И-Джи произвел губами непристойный звук.

— Убирайся отсюда! — заорал Спенсер.— И смотри у меня, чтобы вернулся!

И-Джи ухмыльнулся и вышел, по-девичьи игриво крутанув подолом тоги в дверях.

2

Спенсер остался при убеждении, что И-Джи не прав. Пусть твердят что угодно, но он, Хэллок Спенсер, отвечает за происходящее. Он командует этим вонючим парадом, он составляет планы, он назначает времяпроходцев и отправляет их; когда бывают ошибки или заминки, отвечать приходится именно ему, а не кому-либо еще. Хотя бы перед собой, если не перед другими.

Он встал и начал вышагивать взад-вперед, сцепив пальцы за спиной.

Три человека за последние десять дней. Что же с ними случилось?

Быть может, слова Гарсайда тоже не лишены смысла? Кристофер Ансон Гарсайд, главный координатор и неприятный в обращении человек с прилизанными седеющими серыми усами, прилизанным серым голосом и прилизанными серыми деловыми мыслями.

В прошлом исчезали не только люди. Вместе с ними пропадали выучка и опыт, вложенные в этих людей. В лучшем случае, подумал Спенсер, они немного пожили в прошлом, прежде чем дали себя убить или затаились и осели в какой-то иной эре, пришедшейся им по вкусу больше, чем настоящее.

Нельзя сбрасывать со счетов и машины. Всякий раз пропажа человека означала и утрату очередного носителя. Носители *действительно* стоят по четверти миллиона каждый, а эту цифру так просто не сбросишь со счетов.

Спенсер вернулся к столу и еще раз просмотрел дневной график. И-Джи отбывает в Римскую Британию по поводу проекта «Генеалогическое древо». Никерсон возвращается в эпоху раннего Возрождения, чтобы еще раз разведать о пропавшем сокровище Ватикана. Хеннеси снова отправился на поиски документов, утерянных в Испании пятнадцатого века. Вильямс отправляется, чтобы, будем надеяться, наконец-то утащить попавшего куда не следует Пикассо. И еще полдюжины других. Не такой уж обширный график — но его хватит, чтобы весь день крутиться без передышки.

Спенсер пересмотрел списки не попавших в график. Пара человек находится в отпусках, один на Реабилитации, остальные на Индоктринации.

И тогда он в тысячный раз принялся ломать голову, гадая, каково же на самом деле путешествовать во времени.

Иной раз ему удавалось уловить отрывочные намеки в словах времяпроходцев — но лишь намеки, поскольку распространяться те не любят. Наверно, они могут дать себе волю лишь наедине с коллегами, когда поблизости нет никого из посторонних. А может, отмалчиваются даже тогда. Словно есть нечто, не поддающееся попыткам описания; будто иные переживания обсуждать не следует.

Навязчивое ощущение нереальности, сознание, что попал куда-то не туда. Догадка, что ты здесь не на месте, и такое чувство, будто стоишь на цыпочках на дальнем краю вечности.

Со временем это, конечно, проходит, но, очевидно, избавиться от этих чувств до конца так никому и не удается. Ибо прошлое благодаря работе каких-то неведомых доселе принципов стало миром жуткого очарования.

Впрочем, у Спенсера был шанс — и он им не воспользовался.

Он тешил себя мыслью что когда-нибудь отправится в прошлое, но не времяпроходцем, а обыкновенным отпускником — если только сумеет выкроить время. На само путешествие времени, конечно, не потребуется, а вот Индоктринация и инструктаж отнимают его немало.

Спенсер изучил график еще раз. Все отправляющиеся сегодня — люди надежные. О них можно не беспокоиться.

Отложив листок, он позвонил мисс Крейн. Мисс Крейн — секретарша безупречная, хотя смотреть не на что — всего-навсего костлявая старая дева. Делает все по-своему и, когда надо, умеет каждым поступком выразить безмолвный укор.

Спенсеру она досталась пятнадцать лет назад вместе с должностью, по наследству. Мисс Крейн работала в «Прошлом» с незапамятных времен, когда еще даже не было этого кабинета. Несмотря на невзрачную внешность, чопорность и пессимизм, сотрудница она незаменимая.

Знает работу проектного отдела не хуже его главы и частенько дает Спенсеру это понять — зато никогда ничего не забывает, не теряет и не путает; вся организационная работа благодаря ей делается как бы сама собой и всегда к сроку.

Спенсер порой предавался мечтам о юной симпатичной секретарше, прекрасно понимая, что им не дано воплотиться в жизнь; если убрать мисс Крейн из приемной, то работать станет просто невозможно.

— Вы опять пробрались украдкой,— не успев закрыть за собой дверь, с порога упрекнула она.

— Наверно, ко мне пришли посетители?

— Доктор Альдус Равенхолт из Гуманитарного фонда,— доложила она.

Спенсер содрогнулся. Ничего себе денек начинается! Только надутого чинуши из Гуманитарного фонда и не хватало. Эти гуманисты вечно держат себя так, будто ты им задолжал; да что там — будто весь мир перед ними в долгу.

— А еще мистер Стюарт Кейбл. Его прислали из отдела кадров, на предмет собеседования о приеме на работу. Как по-вашему, мистер Спенсер?..

— Да никак! — отрезал Спенсер.— Я знаю, что кадровики обижаются, но до сих пор я принимал всех, кого они к нам направляли,— и нате, пожалуйста! За десять дней не стало трех человек. Так что с нынешнего дня я буду лично беседовать с каждым кандидатом.

В ответ секретарша лишь фыркнула, и притом весьма пренебрежительно.

— Неужели все? — спросил Спенсер, не в силах поверить в такое счастье — всего двое посетителей!

— Еще мистер Бун Хадсон, пожилой джентльмен, имеющий нездоровый вид и подающий признаки беспокойства. Я полагаю, его следует принять первым.

Спенсер и сам хотел так поступить — если бы мисс Крейн потрудилась оставить свое мнение при себе.

— Я приму Равенхолта. Не знаете, что ему нужно?

— Нет, сэр.

— Ну так попросите его войти. Наверно, хочет урвать кусочек Времени,— сказал Спенсер, про себя подумав: «Ох уж эти мне рвачи! Я и не думал вовсе, что на белом свете столько рвачей!»

Как и предполагалось, Альдус Равенхолт оказался надутым самодовольным типом, чопорным и опрятным. Стрелка на брюках такая, что хоть брейся. Манеры выдают профессионального общественного деятеля: доведенное до автоматизма рукопожатие, механическая улыбка. В предложенное кресло он уселся с таким самоуверенным видом, что вывел Спенсера из себя.

— Я пришел поговорить с вами,— с безупречным выговором сообщил пришедший,— по поводу снятия запрета на проведение исследований происхождения религиозных верований.

Спенсер мысленно поморщился — посетитель затронул весьма тонкий вопрос.

— Доктор Равенхолт, этот вопрос подвергся весьма тщательному рассмотрению, и не только с моей стороны. Им занимался весь наш отдел.

— Я в курсе,— сухо откликнулся Равенхолт.— Потому-то я и здесь. Насколько я понимаю, вы уклонились от окончательного решения.

— И вовсе не уклонились. Решение принято раз и навсегда. Интересно, откуда вы о нем узнали?

Равенхолт сделал неопределенный жест, подразумевавший, что ему известно почти все на свете.

— Как я понимаю, вопрос все еще открыт.— Увидев, как Спенсер отрицательно покачал головой, Равенхолт продолжил: — В толк не возьму, как можно было походя отказаться от проведения исследований по столь фундаментальному вопросу, жизненно важному для всего человечества.

— Да нет, не походя. Мы бились над ним очень долго, провели массу опросов общественного мнения. Психологи изучили его весьма и весьма тщательно. Мы приняли к рассмотрению все существенные факторы.

— И каков же результат, мистер Спенсер?

Спенсер начал испытывать раздражение.

— Во-первых, на исследования уйдет масса времени. Как вам наверняка известно, в нашей лицензии оговорено, что мы должны десять процентов времени уделять общественно полезным исследованиям. Мы весьма щепетильно выполняем это требование, хотя, признаться честно, оно доставляет нам массу ненужных хлопот.

— Но эти десять процентов...

— Если мы возьмемся за этот проект, за который вы так ратуете, доктор, то он займет все общественное время лет на десять вперед. А это означает полную остановку остальных программ.

— Надеюсь, вы осознаете, что данный вопрос представляет наибольший общественный интерес.

— Наши исследования говорят об обратном,— сообщил Спенсер.— Мы проводили опросы общественного мнения по всему земному шару, во всех мыслимых и немыслимых слоях общества. Так вот, вывод один: предлагаемые вами исследования — кощунство чистейшей воды.

— Вы шутите!

— Никоим образом. Изучение общественного мнения однозначно и недвусмысленно показывает, что общественность воспринимает изучение источников религиозных верований как святотатство. Мы-то с вами могли бы считать их простыми научными изысканиями, сославшись на то, что лишь добиваемся истины. Однако люди — я имею в виду простых людей всего мира, какую бы веру они ни исповедовали, в каких бы сектах они ни состояли,— не желают знать истину. Они вполне довольны нынешним положением и боятся, что мы опрокинем массу старых добрых традиций. Они твердят о святотатстве, но волнует их не только это. Люди инстинктивно защищаются от всего, что может разрушить привычный образ мыслей, они отчаянно цепляются за привычную веру и не хотят, чтобы кто-нибудь копался в самом святом для них, в том, с чем они сжились всем сердцем.

— Какое невежество! Не может быть! — с изумлением воззрился на него Равенхолт.

— У меня есть выкладки. Могу показать.

Доктор Равенхолт снисходительно отмел все доказательства изящным взмахом руки.

— Раз вы говорите, что они у вас имеются, то проверять незачем.

Ему очень не хотелось оказаться в дурацком положении, получив документальное подтверждение своей неправоты.

— Далее,— продолжал Спенсер,— неизбежно возникает проблема объективности. Чем руководствоваться при отборе наблюдателей за событиями прошлого?

— Несомненно, найти их несложно. Множество священнослужителей всяческих вероисповеданий и убеждений обладают квалификацией, необходимой...

— Вот как раз их-то посылать и нельзя,— отрезал Спенсер.— Нам нужна объективность. В идеале нам нужны люди, не заинтересованные в религии, не получившие официального религиозного образования, не выступающие ни за, ни против религии — и все-таки, даже отыскав таких людей, мы не смогли бы прибегнуть к их услугам. Чтобы постичь происходящее, они должны быть довольно подробно проинформированы о том, что следует искать,— но как только они пройдут полную выучку, то неизбежно утратят объективность. Уж такова суть религии: человек просто вынужден занять по отношению к ней определенную позицию.

— Вы говорите о какой-то идеальной ситуации, а не о сложившейся у нас.

— Ну ладно,— согласился Спенсер.— Скажем, мы задумали сделать работу слегка на тяп-ляп. Кого же послать в таком случае? Можно ли рискнуть отправить христианина, спрошу я вас, пусть даже самого никудышного, в дни, проведенные Иисусом на Земле? Разве можно надеяться, что даже посредственный христианин будет лишь наблюдать за реальными событиями? Я скажу вам, доктор Равенхолт, что рисковать мы не можем. Как по-вашему, что будет, если вместо двенадцати учеников вдруг окажется тринадцать? Что, если кто-то попытается спасти Иисуса от креста? А если, хуже того, он действительно будет спасен? Какой облик примет тогда христианство? Будет ли оно вообще? Могло ли оно возникнуть без распятия?

— Разрешить ваши сомнения очень легко,— холодно проронил Равенхолт.— Не посылайте христиан.

— Вот теперь мы действительно сдвинемся с мертвой точки. Пошлем мусульманина собирать факты о христианстве, христианина — проследить жизнь Будды, а буддиста — выучить черную магию в Бельгийском Конго.

— Это могло бы дать результат,— кивнул Равенхолт.

— Могло бы, но необъективный. Вы получили бы не только предвзятое мнение, но, что хуже, откровенное недопонимание.

Равенхолт беспокойно побарабанил пальцами по колену, обтянутому идеально отглаженной брючиной, и не без раздражения признался:

— Я понимаю вашу точку зрения, но вы кое-что проглядели. Факты вовсе не обязательно предъявлять общественности в полном объеме.

— А если факты отвечают интересам общества? В нашей лицензии говорится, что мы не должны их скрывать.

— А не упростится ли дело,— поинтересовался Равенхолт,— если я предложу внести кое-какие средства на покрытие затрат?

— В подобном случае,— вкрадчиво отозвался Спенсер,— вы оказались бы между двух стульев. Либо это дело общественной важности, и никакая плата не требуется, либо это коммерческий контракт, оплачиваемый по общепринятым ценам.

— Совершенно очевидно, что вы просто не хотите браться за такую работу,— бесцветным голосом проговорил Равенхолт.— Лучше бы так и сказали.

— Весьма охотно! Будь моя воля, я к ней на пушечный выстрел не подойду. Меня больше тревожит вопрос, зачем вы пришли.

— Я полагал, что раз проект вот-вот будет отвергнут, то я могу послужить в качестве посредника.

— То есть вы считали, что нас можно подкупить.

— Вовсе нет,— гневно отрезал Равенхолт.— Я просто решил, что этот проект, наверно, несколько выходит за рамки вашей лицензии.

— Он в них вообще не вписывается.

— Я не вполне понимаю суть ваших возражений,— стоял на своем Равенхолт.

— Доктор Равенхолт,— кротко откликнулся Спенсер,— а вам хочется нести ответственность за уничтожение веры?

— Но,— пролепетал Равенхолт,— это невозможно...

— А вы уверены? Насколько вы уверены, доктор Равенхолт? Даже в отношении черной магии Конго?

— Ну, я... Ну, раз вы так ставите вопрос...

— Значит, вы понимаете, что я имею в виду?

— Но даже в таком случае,— не сдавался Равенхолт,— определенные факты можно просто замять...

— Ну-ну! Долго ли вы сможете держать их под спудом? Тем более что, когда корпорация «Прошлое» выполняет какую-нибудь работу,— твердо заявил Спенсер,— она охотится за истиной. И когда мы ее узнаем, то тут же сообщаем. Мы продолжаем существовать лишь благодаря этому. У нас есть один проект — личный, полностью оплаченный контракт, согласно которому мы проследили генеалогическое древо почти на две тысячи лет в прошлое. Мы были вынуждены сообщить клиентам кое-какую неприятную правду — и сообщили.

— Именно это я и хочу донести до вас! — закричал Равенхолт, наконец-то утратив свою всесокрушающую невозмутимость.— Вы охотно хватаетесь за изучение генеалогического древа, но отказываетесь от такого!

— А вы путаете два совершенно несхожих типа деятельности! Исследование происхождения религий является предметом общественных интересов. А «Генеалогическое древо» — частный проект, за который нам платят.

Равенхолт в гневе вскочил.

— Обсудим это как-нибудь в другой раз, когда оба сможем держать себя в руках.

— Толку от этого не будет,— устало возразил Спенсер.— Я не намерен пересматривать свое решение.

— Мистер Спенсер,— угрожающе заявил Равенхолт,— мне есть к кому обратиться за помощью.

— Не сомневаюсь. Вы можете действовать через мою голову. И если ваши намерения именно таковы, то знайте: этот проект вы сможете осуществить только через мой труп. Я не предам веру ни одного народа мира, мистер Равенхолт.

— А это мы еще посмотрим,— вновь с угрозой в голосе произнес Равенхолт.

— А теперь вы думаете, что сможете вышвырнуть меня с работы. Пожалуй, и правда сможете. Вы, несомненно, можете надавить на какие-нибудь кнопки. Но это не решение проблемы.

— А по-моему, это идеальное решение.

— Я буду продолжать борьбу с вами как рядовой гражданин. Если придется, обращусь в Организацию Объединенных Наций.

Теперь оба стояли лицом к лицу, разделенные лишь письменным столом.

— Мне жаль,— добавил Спенсер,— что все так обернулось. Но я готов подписаться под каждым своим словом.

— Я тоже,— бросил Равенхолт и гордо прошествовал в дверь.

3

Спенсер медленно уселся в кресло. Потрясающее начало дня! Но этот тип задел его за живое.

Вошедшая мисс Крейн положила на стол стопку бумаг.

— Мистер Спенсер, пригласить мистера Хадсона? Он уже давно ждет.

— Хадсон — кандидат на должность?

— Нет, это мистер Кейбл.

— Значит, я хочу видеть мистера Кейбла. Принесите мне его личное дело.

Она презрительно фыркнула и вышла.

«Черт ее дери,— подумал Спенсер,— я буду видеться с теми, кого хочу видеть, если хочу кого-нибудь видеть!»

Охватившая его ярость поразила Спенсера. Да что с ним стряслось? Все наперекосяк. Неужели он больше ни с кем не может поладить? Просто слишком натянуты нервы. Чересчур много дел, чересчур много поводов для беспокойства.

Быть может, просто надо перейти в оперативный отдел; работа в нем вполне сойдет за длительный отпуск. Обратно в добрый ранний каменный век, для которого не нужна Индоктринация. Народу там не очень много, а то и вовсе никого — зато в комарах недостатка нет. И в пещерных медведях. А еще в саблезубых тиграх и массе всяческих прочих, не менее противных тварей. Надо будет собрать кое-какое снаряжение и... Да ну его к черту!

Хотя идея не так уж плоха.

Спенсер частенько об этом думал. Когда-нибудь он непременно так и сделает. А пока что... Он подхватил принесенную мисс Крейн стопку бумаг и плюхнул ее на стол перед собой.

Это сегодняшняя доза измышлений на будущее — детище отдела мерзких выходок. С ними вечно какие-нибудь проблемы. Спенсер внутренне напрягся и взялся за бумаги.

Первая командировка оказалась достаточно заурядной — расследование на предмет дани, уплаченной готами Риму. Вроде есть легенда, что сокровище зарыто где-то в Альпах. Возможно, его так и не откопали. Розыск кладов — процедура стандартная.

А вот второй документ...

— Мисс Крейн! — взревел Спенсер.

Она возникла в дверном проеме с папкой под мышкой, внешне никак не отреагировав на прозвучавшую в его голосе муку: к этому она уже привыкла.

— В чем дело, мистер Спенсер? — осведомилась она по крайней мере на три порядка спокойнее.

Спенсер припечатал стопку листов кулаком.

— Они не имеют права так со мной поступать! Я этого не потерплю! Соедините меня с Роджерсом!

— Хорошо, сэр.

— Нет, погодите-ка минутку,— мрачно остановил ее Спенсер.— Лучше я сделаю это лично. Пойду к нему. В общем-то, я смогу разорвать его на куски голыми руками.

— Но вас ведь люди ждут...

— Пусть еще подождут. Это заставит их забыть о гордыне.

Он подхватил командировочный лист и устремился к выходу. Лифтом он пренебрег. Промахнув вверх по лестнице два пролета, он направился к двери с табличкой «Отдел оценки».

Роджерс сидел, откинувшись на спинку кресла, положив ноги на стол и глазея в потолок.

Опустив глаза, он уставился на Спенсера с явным беспокойством, снял ноги со стола и подался вперед.

— Ну? Что стряслось на сей раз?

— Вот это! — Спенсер швырнул лист на стол.

Роджерс легонько постучал по бумаге тонким пальцем.

— Ничего трудного. Всего лишь чуточку изобретательности и...

— Ничего трудного?! — взвыл Спенсер.— Кино об устроенном Нероном римском пожаре!

— Киношники нам порядочно заплатят за это,— вздохнул Роджерс.

— Всего-навсего! Значит, кто-то из моей команды просто появляется на улицах пылающего Рима и устанавливает кинокамеру — и это в эпоху, когда о кино и речи не шло!

— Ну, я же сказал, что нужно проявить изобретательность. Послушай, будет масса беготни, люди будут тащить барахло, пытаясь спасти себя и свое имущество, насколько возможно. На вашего человека никто и внимания не обратит. Он может замаскировать камеру под что-нибудь, напоминающее...

— Толпы будут настроены весьма недоброжелательно,— настаивал Спенсер.— Это не просто городской пожар. Пойдут слухи, что поджог устроили христиане. Толпы будут высматривать подозрительных типов.

— Элемент риска есть в любом предприятии,— заметил Роджерс.

— Риска, но не такого же! — вспыльчиво отозвался Спенсер.— И не преднамеренного, как на сей раз. Но дело не только в этом.

— А в чем же еще?

— В доставке сложной техники в прошлое. Если твоя толпа побьет моего человека и расколошматит камеру...

— И что с того? — пожал плечами Роджерс.— Они в ней ничего не поймут.

— Быть может. Но по-настоящему меня тревожит,— стоял на своем Спенсер,— что скажут цепные псы-аудиторы, когда будут поднимать наши бумаги. Это предприятие должно принести нам бешеную кучу денег, прежде чем я решусь за него взяться.

— Поверь, оно и принесет кучу денег! А заодно откроет для нас новое поле деятельности. Потому-то оно мне и понравилось.

— Вам, спецам по низким выходкам, на все начхать! — с горечью бросил Спенсер.— Вы готовы всучить нам что угодно...

— Вовсе не что угодно,— возразил Роджерс.— Но принять этот проект нас просто-таки вынуждают расценки...

— Расценки! — презрительно сплюнул Спенсер.

— На днях к нам заходила женщина, горевшая желанием послать двух своих детей к прапрапрапрадедушке в девятнадцатый век. На каникулы, прошу заметить. Чтобы провели лето на лоне природы в ином столетии. Дескать, это будет для них весьма познавательно, да и отдохнут на славу. Дескать, старики поймут и обрадуются, как только мы им все растолкуем.— Роджерс тяжело вздохнул.— Ну и разговорчик был! Плевать она хотела на наши правила. Она, мол...

— Вы прозевали прекрасную возможность,— саркастически усмехнулся Спенсер.— Это открыло бы новое поле деятельности — отдых в прошлом. Я вижу как наяву: воссоединение со старыми друзьями и соседями, нить, протянутая сквозь столетия!

— Как будто проблемы есть у тебя одного.

— Сердце мое кровью обливается, глядя на вас,— откликнулся Спенсер.

— А есть еще телевизионщики, жаждущие взять интервью у Наполеона, Цезаря, Александра и прочих древних шишек. Хватает и охотников, мечтающих отправиться в первобытную глушь и пострелять вволю. Университеты мечтают выслать исследовательские команды в...

— Ты же знаешь, что ни о чем таком не может быть и речи. Мы вправе посылать лишь обученных нами времяпроходцев.

— Но ведь были же случаи...

— А, ну да, пару раз. Но лишь по особому разрешению. И потом, с ними мы посылали охрану, так что получалась целая экспедиция, а не просто небольшая исследовательская команда.— Спенсер поднялся с кресла.— Так что там насчет последнего мозгового штурма?

Роджерс взял отвергнутый командировочный лист и швырнул его в переполненную корзинку для бумаг.

— Пойду в отдел сбыта со слезами, сбегающими по щекам...

— Спасибо,— проронил Спенсер и вышел.

4

Вернувшись в кабинет, он уселся за стол и взял папку Кейбла.

Тут задребезжал интерком, и Спенсер щелкнул тумблером.

— Ну, что еще?

— Хэл, говорит оперативный. Уильямс только что вернулся. Все в порядке — он вытащил Пикассо без проблем. Только это заняло шесть недель.

— Шесть недель?! — завопил Спенсер.— Да за это время он мог написать это полотно сам!

— Возникли осложнения.

— А бывало такое, чтобы они не возникали?

— Хорошее полотно, Хэл. Не повреждено. За него можно сорвать изрядный куш.

— Ладно! Отнесите его в таможенный, пусть проведут формальности. Старое доброе правительство должно получить причитающееся. А как насчет остальных?

— Никерсон вот-вот отправится.

— А И-Джи?

— Поднял хай насчет локализации времени. Заявляет Дугу...

— Слушай,— возмущенно заорал Спенсер,— скажи ему от моего имени, что локализация времени — работа Дуга. Дуг ведает о ней больше, чем И-Джи узнает за всю свою жизнь. Как Дуг скажет, что пора делать скачок, так И-Джи пусть и отправляется вместе со своей нелепой шляпой и прочим!

Резко отключив интерком, Спенсер вернулся к личному делу Кейбла, мгновение посидев неподвижно, чтобы освободиться от нервного напряжения и дать снизиться кровяному давлению.

«Я завожусь слишком легко,— твердил он себе.— Слишком много вскидываюсь. Впрочем, другой работы с таким количеством осложнений еще не бывало!»

Открыв папку, он принялся читать личное дело Кейбла.

Стюарт Белмонт Кейбл, 27 лет, холост, блестящие отзывы, докторантура по социологии в престижном колледже. Неизменно высокие результаты по всем тестам, в том числе в отношении характера, и ошеломительно высокий коэффициент интеллекта. Безоговорочно рекомендуется для принятия на работу в качестве времяпроходца.

Захлопнув папку, Спенсер отодвинул ее в сторону и попросил мисс Крейн:

— Пригласите мистера Кейбла.

Долговязый и неуклюжий Кейбл выглядел моложе своих лет. Застенчиво ответив на рукопожатие Спенсера, он сел в предложенное кресло и без особого успеха попытался устроиться поудобнее.

— Значит, вы хотите войти в наш коллектив,— начал Спенсер.— Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что делаете.

— Да, сэр,— отозвался молодой человек.— Я знаю об этом все. А пожалуй, лучше сказать...

Он запнулся и умолк.

— Все в порядке,— подхватил Спенсер.— Насколько я понимаю, вы очень этого хотите.

Кейбл ответил кивком.

— Я знаю, каково это. Кажется, что вы просто умрете, если вас не примут.

Спенсеру припомнилось, как сам сидел на месте юноши, испытывая жуткую, терзающую боль в сердце, когда ему сказали, что во времяпроходцы он не годится, и как он упорно держался за эту работу, несмотря на муку и огорчение. Сперва он был оператором, затем руководителем оперативного отдела и, наконец, оказался в этом кресле, получив вместе с ним и многочисленные поводы для головной боли.

— Хотя сам я никогда не был в роли времяпроходца,— закончил он.

— Я этого не знал, сэр.

— Я не подошел. Не тот склад характера.

Спенсер разглядел во взоре юноши по ту сторону стола знакомую надежду и жажду — а заодно еще какой-то огонек, наполнивший душу смутной тревогой.

— Это вовсе не развлечение,— бросил он чуточку грубей, чем намеревался.— Поначалу все окрашено романтическим ореолом, но это скоро проходит. Время становится просто работой, и порой несладкой.

Он помолчал, разглядывая Кейбла, в глазах которого по-прежнему тлел странный, тревожный огонек, и проговорил, на сей раз намеренно грубо:

— Да будет вам известно, что если вы войдете в наше число, то лет через пять умрете дряхлым старцем.

— Знаю, сэр,— беззаботно кивнул Кейбл.— В отделе кадров мне объяснили.

— Хорошо. Порой мне кажется, что отдел кадров чем дальше, тем хуже разъясняет ситуацию. Говорят ровно столько, чтобы это казалось убедительным, но всей правды не выкладывают. Чересчур пекутся о том, чтобы у нас было в достатке работников. У нас вечная нехватка времяпроходцев — они чересчур быстро выходят в тираж.— Он снова помолчал, разглядывая прибывшего, но никаких изменений в выражении лица юноши не заметил.— У нас есть определенные правила. И накладывает их не столько «Прошлое», сколько сама суть нашей работы. Вы не сможете вести оседлую жизнь. Ваша жизнь бу-

дет состоять из обрывков, как лоскутное одеяло; вам придется скакать с места на место, и все эти места будут разделены многими годами. У нас нет запрета на женитьбу, но ни один из наших времяпроходцев ни разу не женился. Это просто невозможно: через пять лет муж умрет от старости, а жена будет по-прежнему молода.

— По-моему, я это осознаю, сэр.

— На самом деле это вопрос элементарной экономии. Мы не можем себе позволить надолго лишаться машин и людей. Сколько бы человек ни отсутствовал — неделю, месяц или десять лет — машина возвращается вместе с ним через шестьдесят секунд после старта. Эти шестьдесят секунд взяты с потолка; он мог бы вернуться в тот же миг, или через час, или через день — словом, как нам взбредет в голову. Одна минута показалась нам разумным периодом.

— А если он не вернется через минуту? — поинтересовался Кейбл.

— Тогда он не вернется никогда.

— И такое бывает?

— Разумеется, бывает. Путешествия во времени не поездка на пикник. Всякий раз, отправляясь в прошлое, человек ставит свою жизнь на карту, полагаясь на то, что сумеет выжить в совершенно чуждом окружении, порой столь же чужом, как на иной планете. Конечно, мы помогаем ему чем только можем. Мы сделали своей первейшей обязанностью заботиться о том, чтобы он был хорошо проинформирован и прошел полную Индоктринацию, а также обеспечиваем наилучшим возможным снаряжением. Его обучают всем языкам, какие могут пригодиться, одевают соответствующим образом. Но бывают случаи, когда мы просто не знаем житейских мелочей, от которых зависит его жизнь. Порой мы узнаем их после того, как наш посланец вернется и сообщит о них нам. Обычно и ему мало что известно об этом. А иногда мы вообще не получаем сведений — человек просто не возвращается.

— Можно подумать,— заметил Кейбл,— что вы пытаетесь меня отпугнуть.

— Вовсе нет! Я излагаю вам это лишь потому, что хочу избегнуть малейшего недопонимания. Обучение путешественников обходится весьма недешево. Мы хотим, чтобы затраты окупались. Нам не нужны люди, задерживающиеся у нас лишь ненадолго. Нам нужен не год-два вашей жизни, а вся она без

остатка. Мы примем вас и выжмем каждую минуту вашего времени досуха...

— Могу уверить вас, сэр...

— Мы будем посылать вас туда, куда нужно нам,— не унимался Спенсер,— и хотя после отправки связь теряется, мы не хотим, чтобы вы валяли там дурака. Дело не в шестидесяти секундах, потому что вы, естественно, вернетесь вовремя — если вообще вернетесь. Но мы хотим, чтобы вы вернулись как можно более молодым. «Прошлое» — предприятие чисто коммерческое. Мы намерены выжать из вас все путешествия, на какие вы способны.

— Все это я осознаю,— отозвался Кейбл,— но в отделе кадров сказали, что я же сам в этом заинтересован.

— Разумеется, это верно, но вы довольно скоро обнаружите, что для времяпроходца деньги особой роли не играют. Раз семьи у вас нет и, мы надеемся, не будет — зачем же вам деньги? Единственный досуг, какой у вас будет, это ежегодный шестинедельный отпуск; но за одно-два путешествия вы заработаете столько, что сможете провести свой отпуск в крайней роскоши или глубочайшем пороке.

Однако большинство времяпроходцев не дают себе труда заняться этим. Они просто блуждают без системы и заново знакомятся с родной эпохой. Порок и роскошь нашего века не привлекают их после того, как они задают жару в прошлых веках за счет фирмы.

— Вы шутите, сэр!

— Ну, разве что самую малость. Но в определенных случаях, которые я подразумеваю, это чистейшая правда.— Спенсер пристально вгляделся в лицо Кейбла.— Мои слова вас не настораживают?

— Пока что ни в малейшей степени.

— Тогда еще одно, мистер Кейбл, что вам следует знать. Это необходимость — крайняя, острейшая нужда в объективности. Отправляясь в прошлое, вы не можете в него вторгаться. Не должны вмешиваться. *Вы не имеете права на участие.*

— Это нетрудно.

— Предупреждаю вас, мистер Кейбл, это требует моральной стойкости. Человек, странствующий во времени, обладает ужасающей мощью. А ощущение собственной мощи зачастую понуждает человека ее применить. Идти рука об руку с мощью — это искушение приложить руку к истории. Направить

меч правосудия, произнести то самое слово, которое крайне нужно произнести. Спасти жизнь, которая, продлившись на несколько лет, подтолкнула бы человечество еще на шаг к величию.

— Да, это может быть трудновато,— признал Кейбл.

Спенсер подтвердил это кивком.

— Насколько я знаю, мистер Кейбл, пока что никто не поддался этому искушению. Но я живу в постоянном страхе, что настанет день — и кто-нибудь уступит ему.

Говоря это, Спенсер гадал, не вздор ли он несет, не напускная ли это бравада. Без вмешательства наверняка не обошлось.

А как насчет тех, кто не вернулся?

Некоторые наверняка погибли. Но, несомненно, кое-кто остался. А разве остаться в прошлом — это не самое нарочитое вмешательство?! В самом деле, каковы могут быть последствия рождения ребенка вне своего времени — ребенка, которому вообще не следовало рождаться? Дети этого ребенка и дети этих детей покатятся волнами темпоральной интерференции, простирающейся сквозь века.

5

— Сэр, что-нибудь не так? — осведомился Кейбл.

— Нет, я просто думал о том, что наверняка придет день — когда-нибудь,— когда мы разработаем формулу безопасного вмешательства в прошлое. И тогда наша ответственность даже возрастет по сравнению с нынешней. Тогда нам дадут разрешение на вмешательство, но при условии определенных ограничений, дабы использовать свою власть лишь во благо. Как вы понимаете, я даже не догадываюсь, какие принципы лягут в основу этого, но уверен, что рано или поздно мы их отыщем. А заодно, наверно, мы отыщем и другую формулу, которая позволит нам вторгаться в будущее.

Спенсер тряхнул головой, подумав: «Это так по-стариковски — трясти головой в бессильном недоумении. Но я еще не стар — во всяком случае, не так уж стар».

— В данный момент,— продолжал он,— мы всего-навсего крохоборы. Мы выработали определенные правила, дабы никогда даже пальцем не коснуться снопов, а берем лишь упавшие на землю колосья.

— Вроде Александрийской библиотеки?

— Ну да, пожалуй... Хотя на извлечение всех этих рукописей и книг нас вдохновила вульгарная прибыль. Куда проще было скопировать их. С некоторыми мы именно так и поступили; но сами по себе оригиналы стоили грандиозную сумму. Мне даже не хочется вам говорить, сколько Гарвард уплатил нам за эти манускрипты. Впрочем, если подумать,— вдруг сообразил Спенсер,— это даже не покрыло расходы. Дело потребовало самого жесткого планирования, согласованного вплоть до долей секунды; пришлось задействовать всех до единого. Видите ли, мы могли брать манускрипты, лишь когда они угрожали вот-вот загореться. Мы не имели даже права позволить хоть одному человеку просто бросить взгляд на рукопись. Мы не можем взять вещь, пока она не утрачена. Это железное правило.

Возьмем, скажем, шпалеры из Эли. Мы ждали многие годы, приходя и уходя, пока не убедились, что они наконец потеряны. Но не могли притронуться к ним, пока они не были утрачены окончательно. Тогда-то мы их и утащили.— Он помахал ладонью.— Что-то я заболтался. Я вам наскучил.

— Мистер Спенсер, сэр,— запротестовал Кейбл,— подобные разговоры никогда мне не наскучат. Я мечтал об этом. Не могу выразить, насколько я счастлив...

Спенсер движением руки остановил его.

— Не так быстро. Мы вас еще не наняли.

— Но мистер Дженсен из отдела кадров...

— Я знаю, что сказал Дженсен. Но последнее слово за мной.

— А что я сделал не так?

— Вы ничего такого не сделали. Приходите во второй половине дня.

— Но, мистер Спенсер, если бы вы мне только сказали...

— Я хочу поразмыслить о вас. Зайдите ко мне после обеда.

Кейбл выбрался из недр кресла и встал. Ему явно было не по себе.

— Человек, что был тут до меня...

— Да. И что он?

— Он был ужасно зол, сэр. Словно замышляет что-то против вас.

— А это не ваше чертово дело! — огрызнулся Спенсер.

— Я только хочу сказать, сэр, что узнал его,— стоял на своем Кейбл.

— И что же?

— Если он попытается навлечь на вас беду, вам стоило бы выяснить его взаимоотношения со стриптизершей из «Золотого часа». Ее зовут Серебряная Звезда.

Спенсер уставился на Кейбла, не отозвавшись ни словом. Тот дошел до двери, положил ладонь на ручку и обернулся.

— Наверно, это ее псевдоним, но зато прекрасный рекламный ход: Серебряная Звезда в «Золотом часе». «Золотой час» расположен в...

— Мистер Кейбл,— перебил его Спенсер.— Я бывал в «Золотом часе».

Бесстыдный юнец! Он что, удумал заработать место этим своеобразным подкупом?

После его ухода Спенсер немного посидел без движения, чтобы остыть и поразмыслить о юноше. Что-то в нем есть настораживающее. Взять хотя бы огонек во взоре. Неуклюжесть и застенчивость тоже какие-то ненатуральные, будто он их разыгрывает.

Но зачем, ради всего святого, пускаться на подобное действо, если оно совершенно явно говорит не в его пользу?

«Ты псих,— сказал себе Спенсер.— Ты на таком взводе, что подскакиваешь от каждой тени, видишь затаившуюся фигуру под каждым кустом.

Ладно, от двоих избавились, осталось повидать еще одного — конечно, если в приемную не набежали другие желающие встретиться со мной».

Он протянул руку к интеркому, но не успел включить его, как задняя дверь с грохотом распахнулась и в кабинет ввалился человек с обезумевшим взором, сжимая в руках что-то белое и извивающееся. Швырнув белое и извивающееся на стол Хэллока Спенсера, он с несчастным видом отступил назад.

На столе сидел кролик — белый кролик с большим розовым бантом на шее.

Напуганный Спенсер поднял глаза на человека, принесшего кролика, выкрикнув:

— Аккерман, ради Христа, Аккерман, что с вами?! Еще не Пасха!

Аккерман страдальчески зашевелил губами, задергав кадыком вверх-вниз, но не сумел вымолвить ни слова.

— Ну же, в чем дело?!

Дар речи наконец вернулся к Аккерману.

— Никерсон! — выпалил он.

— Ладно. Итак, Никерсон принес кролика...

— Да не принес он его! Кролик прибыл сам!

— А Никерсон?

— Там был только кролик,— затряс головой Аккерман.

Спенсер, приподнявшийся в кресле, уселся обратно с куда большей силой, чем намеревался.

— Сэр, к банту привязан конверт.

— Я вижу,— безразлично отозвался Спенсер, ощутив, как по жилам разливается холод.

Кролик бродил по столу, пока не оказался перед Спенсером. Пошевелив ушами, он сморщил свой розовый нос, осторожно склонил голову набок и решительно задрал заднюю ногу, чтобы вычесать блоху.

Развернувшись в кресле, Спенсер взглядом проводил выходящего оператора. За последние десять дней пропали трое — и вот теперь четвертый.

Но на сей раз он хоть вернул носитель, доставленный обратно кроликом. Как только механизм взведен, любое живое существо может привести его в действие и одним лишь своим присутствием вернуть обратно. Человек для этого отнюдь не обязателен.

Но Никерсон?! Никерсон был одним из лучших. Если уж нельзя надеяться на Никерсона, то нельзя надеяться ни на кого.

Спенсер обернулся к столу и протянул руку к кролику. Тот и не пытался удрать. Вытащив сложенный лист бумаги, Спенсер сломал скрепляющий его сургуч. Бумага оказалась такой толстой и плотной, что хрустела, пока Спенсер ее разглаживал.

Корявые буквы были написаны угольно-черными чернилами. Это явно не авторучка, а не что иное, как гусиное перо.

Адресованное ему письмо гласило:

«Дорогой Хэл!

У меня нет логичного оправдания и потому не стану вдаваться в объяснения. Я ощутил свою весну и не могу вынудить себя покинуть ее. Ты получил свой носитель, и это куда лучше, чем поступали с тобой остальные. Кролик возражать не станет. Кроликам неведомо время. Будь добр к нему, ибо это не грубый дикий заяц из чащи, а любящий ручной зверек.

Ник».

«Просто в голове не укладывается!» Спенсер уставился на записку: черные каракули больше напоминали каббалистическую вязь, чем послание.

Итак, он ощутил весну. Что он хочет этим сказать? Весну сердца? Весну духа? Может, и так, ведь Никерсон отправился в Италию раннего Возрождения. Весна духа и ощущение величия грядущих свершений. Быть может, дело не только в этом. Не исключено, что причиной всему чувство некой духовной безопасности в более миниатюрном мире — мире, не балующемся со временем, не устремляющемся к звездам.

Негромко запищал зуммер. Спенсер толкнул рычажок интеркома.

— Да, мисс Крейн?

— Звонит мистер Гарсайд.

Кролик покусывал телефонный провод, и Спенсер оттолкнул его в сторону.

— Да, Крис.

— Хэл, что там у тебя с Равенхолтом? — послышался серый прилизанный голос.— Он мне полчаса нервы мотал.

— Это насчет проекта «Бог».

— Да, он говорил. Угрожал поднять хай насчет этичности проекта нашего журнала.

— Это у него не выйдет,— возразил Спенсер.— У него нет никаких оснований. Этот проект чист. Ему дали зеленый свет и юридический, и этический отделы, а комитет надзора дал свое благословение. Это просто исторический отчет. Свидетельство очевидца битвы при Геттисберге, обзор мод, бытовавших во времена королевы Виктории,— это самое крупное, что мы затронули. Рекламная ценность журнала, не говоря уж о доходах...

— Да-да, знаю,— устало отозвался Гарсайд.— Все это верно. Но я не хочу затевать ссоры ни с кем — а уж с Равенхолтом и подавно. У нас слишком много железа, которое давно надо ковать, пока не остыло. Мы не можем позволить себе роскошь непредвиденных осложнений, а Равенхолт в поединке не остановится ни перед какими низостями.

— Слушай, Крис, Равенхолта я беру на себя.

— Я так и думал. Более того, это в твоих же личных интересах.

— В каком смысле? — ощетинился Спенсер.

— В общем, если честно, Хэл, твои дела обстоят не лучшим образом. У тебя были проблемы...

— Ты имеешь в виду людей, которых мы лишились.

— И машины,— подхватил Гарсайд.— Ты все время упускаешь из виду, что каждая машина стоит четверть миллиона.

— А люди? — с горечью бросил Спенсер.— Наверно, ты считаешь, что они сравнительно дешевы.

— Я не предполагал,— вкрадчиво отозвался Гарсайд,— что можно определить реальную стоимость человеческой жизни.

— Сегодня мы потеряли еще одного,— сообщил Спенсер.— Полагаю, ты будешь счастлив слышать, что он оказался лоялен сверх велений долга и послал назад кролика. Машина цела и невредима.

— Хэл,— сурово отрезал Гарсайд,— это мы можем обсудить как-нибудь в другой раз. Сейчас меня волнует только Равенхолт. Если ты пойдешь к нему, извинишься и попробуешь все уладить...

— Извиниться?! — взорвался Спенсер.— У меня есть способ получше. Он путался со стриптизершей из «Золотого часа». Как только я все выясню...

— Хэл! — вскричал Гарсайд.— Ты не имеешь права так поступать! Не имеешь права впутывать «Прошлое» в подобные дела! Да это же непристойно!

— Ты имеешь в виду, что это низко? Не ниже Равенхолта. Чего с ним чикаться?

— Это роли не играет. Молодой человек...

— Не называй меня молодым человеком! — вспылил Спенсер.— У меня забот полон рот и без твоей опеки.

— Наверно, забот чересчур много для тебя.— Голос Гарсайда стал совсем серым и прилизанным.— Наверно, надо найти на твое место другого.

— Ну так найди! — рявкнул Спенсер.— Нечего сидеть там и орать на меня до потери пульса! Иди сюда и вышвырни меня за дверь!

Грохнув трубку на рычаг, он откинулся на спинку кресла, дрожа от ярости.

Проклятый Гарсайд! К чертям собачьим «Прошлое»! Сыт по горло!

И все-таки это дерьмовый финал для пятнадцатилетней работы. Вонючая ситуация. Быть может, надо было держать язык за зубами, настроение в узде и быть тише воды, ниже травы.

Наверно, можно было сделать по-другому: уверить Равенхолта, что все будет улажено, и не словом не упомянуть о Серебряной Звезде. И с чего это он так доверчиво ухватился за реплику Кейбла перед уходом? Что Кейбл может об этом знать? В ближайшее время надо выяснить, есть ли в «Золотом часе» какая-нибудь Серебряная Звезда.

А пока надо заняться делом.

Теперь Хадсон. Спенсер потянулся к кнопке зуммера.

Но так и не нажал ее. Задняя дверь снова с грохотом распахнулась, ударившись о стену, и в кабинет ворвался Дуглас Маршалл, оператор машины И-Джи.

— Хэл,— выдохнул он,— лучше зайди к нам. И-Джи такое учудил!..

6

Задавать вопросы Спенсер не стал. С первого же взгляда на лицо Дуга стало ясно, что новости очень скверные. Вскочив с кресла, Спенсер бросился к двери, вслед за Дугом.

Они ураганом пронеслись по коридору, свернув налево, к оперативному отделу, где вдоль стены выстроился ряд выпуклых, громоздких носителей.

В дальнем конце помещения операторы и техники сгрудились толпой, образовав неровный круг. Из центра круга доносилась похабная песня. Слова разобрать было невозможно.

Спенсер сердито подошел к толпе и протолкнулся сквозь нее. В центре сидел И-Джи, а рядом с ним еще один человек — грязный, бородатый, шумливый дикарь, облаченный в медвежью шкуру, с огромным мечом на поясе. Запрокинув голову, он вливал в себя содержимое бочонка; из уголков рта сбегали два ручейка светло-коричневой жидкости и терялись в густой растительности на груди.

— И-Джи! — гаркнул Спенсер.

При этом крике дикарь стремительно опустил бочонок, торопливо сунул его под мышку и утер усы большой грязной пятерней.

И-Джи неверной походкой двинулся вперед и бросился Спенсеру на шею, неустанно при этом смеясь. Спенсер стрях-

нул объятия и оттолкнул его от себя. И-Джи попятился на заплетающихся ногах.

— И-Джи! — заревел Спенсер.— Что, черт подери, тут смешного?!

Тот ухитрился остановиться и попытался подтянуться, но никак не мог — смех по-прежнему душил его.

Дикарь шагнул к Спенсеру и сунул ему в руки бочонок, что-то радостно проорав и изобразив руками, что в бочонке содержится доброе пойло.

И-Джи энергично ткнул пальцем в сторону джентльмена в медвежьей шкуре:

— Хэл, никакой это не римский офицер! — и снова затрясся в приступе смеха.

Дикарь тоже гомерически загоготал, запрокинув голову и издавая такие раскаты смеха, что вся комната затряслась.

И-Джи кое-как доковылял до него, и они пали друг к другу в объятия, радостно хохоча и хлопая друг друга по спинам. Потом запутались в конечностях, утратили равновесие и упали. Так они и сидели на полу, глазея на обступивших их людей.

— Ну же! — рявкнул Спенсер на И-Джи.

Тот звонко шлепнул витязя в медвежьей шкуре по волосатому плечу.

— Просто привез в гости к Райтсон-Некрополь ее дальнего-предальнего прадедулю. Не могу дождаться поглядеть на ее физиономию, когда я его к ней отвезу!

— О боже мой! — взвыл Спенсер. Обернувшись, он сунул в чьи-то руки подтекающий бочонок и отрывисто бросил: — Не выпускайте их. Суньте куда-нибудь отоспаться.

Кто-то вцепился ему в запястье. Обернувшись, Спенсер увидел взмокшего Дугласа Маршалла.

— Надо послать их обратно, шеф,— выдохнул он.— И-Джи должен доставить его обратно.

— Не знаю, можно ли,— покачал головой Спенсер.— Пусть юридический решает. Просто держите их здесь и скажите парням... Скажите им, что если кто хоть шепнет...

— Буду из кожи вон лезть, но особо не обольщаюсь. Это банда трепачей.

Спенсер вывернулся и бегом рванул по коридору.

Ну и денек, думал он, прямо исковерканный какой-то!

Промчавшись по коридору, он увидел, что дверь с надписью «Только для персонала» закрыта. Проскользив на подошвах и почти остановившись, Спенсер уже потянулся к ручке, когда дверь резко распахнулась и оттуда вылетела мисс Крейн.

Столкнувшись нос к носу, оба отлетели назад. От толчка очки мисс Крейн съехали с переносицы, повиснув под нелепым углом.

— Мистер Спенсер,— запричитала она,— мистер Спенсер, просто ужас что стряслось! Помните мистера Хадсона?

Она наконец отступила с дороги. Спенсер влетел в кабинет и захлопнул за собой дверь, с горечью бросив:

— Разве его забудешь!

— Мистер Хадсон мертв! — выпалила мисс Крейн.

Спенсера будто громом поразило.

— Если б вы только приняли его, когда я просила! — неистовствовала секретарша.— Если б вы не заставили его столько ждать!..

— Но послушайте...

— В конце концов он встал, лицо его побагровело. Я не виню его, мистер Спенсер.

— Вы хотите сказать, что он умер прямо здесь?!

— Он сказал мне: «Передайте своему мистеру Спенсеру...» — и больше уже не издал ни звука. Покачнулся, ухватился за край стола, чтобы не упасть, но рука соскользнула, он както переломился в поясе и...

Дальше Спенсер не дослушал. В три прыжка пересек кабинет и выскочил в приемную.

Словно брошенное кем-то тряпичное чучело, мистер Хадсон распростерся на ковре, вытянув перед собой руку, оплетенную синими узелками вен. Кожаная папка лежала у самых кончиков его пальцев, будто даже из-за гробовой черты он пытался до нее дотянуться. Пиджак его сбился наверх, горбом вздувшись на лопатках. Спенсеру бросилось в глаза, что воротник белой рубашки покойника обтрепан на уголках.

Медленно подойдя к бесчувственному телу, Спенсер опустился на колени и приложил ухо к груди лежащего.

Ни малейшего биения.

— Мистер Спенсер! — Все еще напуганная, но весьма довольная мисс Крейн замерла на пороге. Такого еще не случалось

за все годы ее работы секретарем — да что там, за всю ее жизнь. Это даст ей пищу для разговоров на многие годы вперед.

— Заприте дверь,— распорядился Спенсер,— чтобы никто сюда не ворвался. Затем позвоните в полицию.

— В полицию?!

— Мисс Крейн! — резко осадил ее Спенсер.

Секретарша обошла и его, и распростертое на полу тело, пятясь бочком вдоль стены.

— И в юридический позвоните,— добавил Спенсер, сидя на корточках над покойником и ломая голову, как могло такое случиться. Скорее всего, сердечный приступ. Мисс Крейн говорила, что у Хадсона был больной вид, и уговаривала принять его первым, в обход двух остальных.

Спенсеру пришло в голову, что уж если будут искать повинного в случившемся, то уж непременно взвалят все на него. Если бы Хадсону не пришлось дожидаться, все более и более разъяряясь с течением времени, ничего подобного не произошло бы. Хадсон, больной, нервный человек — и к тому же гневный, дожидался в этой самой комнате... Но чего именно?

Спенсер пристально разглядывал вытянувшуюся на ковре тряпичную куклу, бывшую недавно человеком: поредевшие на макушке волосы, погнутые и скрученные падением очки с толстыми линзами, костлявые руки с выпуклыми узлами вен. Чего же мог хотеть от корпорации «Прошлое» подобный человек?

Вставая с корточек, Спенсер вдруг утратил равновесие и, чтобы не упасть, оперся на что-то позади себя. Под его ладонью оказалось что-то гладкое и прохладное. Даже не глядя, он понял, что это такое — папка Хадсона!

Ответ может находиться там!

Мисс Крейн возится с замком, запирая дверь. В помещении больше никого.

Одним резким толчком Спенсер послал папку по полу в сторону двери своего кабинета, плавным движением встал и обернулся. Папка остановилась на пороге. Одним стремительным шагом он оказался рядом с ней и носком ботинка подпихнул в кабинет, от глаз подальше.

Тут раздался щелчок вставшей на место защелки, и мисс Крейн обернулась.

— Мистер Спенсер, кому в первую очередь — полиции или юристам?

— Я полагаю, полиции.

Спенсер ушел в кабинет, осторожно прикрыв дверь, чтобы осталась щель шириной чуть меньше дюйма. Потом подхватил папку с пола и поспешил к своему месту.

Положив папку на стол, он расстегнул ее и обнаружил три отдельно скрепленные рукописи.

На первой вверху значился заголовок: «Исследование этики путешествий во времени». А дальше — страница за страницей машинописного текста, густо исчерканного остро отточенным красным карандашом.

Вторая, без всякого заголовка, состояла из ряда косо-криво нацарапанных пометок.

А вот третья, снова отпечатанная на машинке, с аккуратно вычерченными графиками и схемами, была озаглавлена: «Новая концепция механики путешествий во времени».

Спенсер, затаив дыхание, склонился над текстом. Как он ни торопился пробежать статью взглядом, но все же вынужден был сдерживаться, чтобы за спешкой не проглядеть смысла.

Надо ведь еще вернуть папку на место, и притом незаметно. Он присвоил ее не по праву. Если полиция обнаружит, что Спенсер шарил в ней, могут быть неприятности. И лежать она должна не пустая. Вряд ли человек мог прийти к нему на прием с пустой папкой в руках.

Услышав, что в приемной зазвучал голос мисс Крейн, Спенсер быстро принял решение и смахнул вторую и третью рукописи в ящик стола, а первую, об этике путешествий во времени, сунул обратно в папку и застегнул. Фараонам этого будет вполне довольно.

Взяв папку в левую руку, Спенсер прижал ее к бедру и вышел из двери кабинета, держась к секретарше правым боком, чтобы загородить папку телом. Мисс Крейн беседовала по телефону и на него не смотрела.

Спенсер выронил папку на ковер, у самых пальцев покойника.

Секретарша договорила, положила трубку на рычаг и увидела, что начальник стоит в приемной.

— Полиция вот-вот подъедет,— сообщила она.— А теперь я позвоню мистеру Гауксу из юридического.

— Спасибо. А пока ждем, я займусь бумагами.

7

Вернувшись за стол, Спенсер извлек «Новую концепцию механики путешествий во времени». На рукописи стояло имя Буна Хадсона.

По мере углубления в чтение Спенсера охватывало все большее изумление, а вместе с ним и странное, холодное волнение — ибо здесь наконец перед ним предстало то, что положит конец головным болям корпорации «Прошлое».

Больше никто не столкнется с кошмаром того, что хороший времяпроходец выходит в тираж за несколько лет.

Больше не будет человек уходить во Время юношей, а возвращаться через шестьдесят секунд со следами прожитых лет на лице. Больше никому не придется наблюдать, как друзья стареют от месяца к месяцу.

Ибо теперь уже делать это придется не самому человеку, а матрице его личности.

«Материальное дублирование», как мысленно назвал это Спенсер. Во всяком случае, можно назвать и так. Человека будут отправлять в прошлое, но носитель не станет физически перемещаться сквозь Время, как сейчас, а будет проецировать собственную матрицу и матрицу находящегося там человека, материализуя их в пункте назначения. А внутри носителя — основного носителя, первичного носителя, исходного носителя, остающегося в настоящем,— будет другая матрица, дубликат человека, посланного в прошлое.

А вернется человек в настоящее не таким, каким является в это мгновение прошлого, а таким, какова *была* матрица в момент его входа в глубины Времени.

Он выйдет из носителя в точности таким, как и вошел, не постарев ни на секунду, а фактически говоря, даже на минуту моложе, чем должен быть! Ибо для него шестидесяти секунд между отправкой и возвращением просто не было.

Многие годы собственный исследовательский отдел «Прошлого» искал решение этой проблемы, но даже близко к нему не подошел. И вдруг сегодня незваным явился какой-то посторонний; он сидел, сгорбившись, в приемной, баюкая на коленях папку с ответом, но его вынудили ждать — ждать до умопомрачения.

И вот он ждал, ждал, ждал — и в конце концов умер.

Раздался стук в дверь приемной. Послышались шаги мисс Крейн через комнату, чтобы открыть пришедшим.

Спенсер торопливо выдвинул ящик и сгреб бумаги туда. Затем встал из-за стола и направился в приемную.

Возле распростертого на ковре тела стоял Росс Гаукс, глава юридического отдела корпорации «Прошлое», и разглядывал покойника.

— Привет, Росс! — сказал Спенсер.— Скверное дело.

Гаукс озадаченно поглядел на него. Его блекло-голубые глаза поблескивали из-за стекол аккуратных, элегантных очков, а совершенно седые волосы почти не контрастировали с разлитой по лицу бледностью.

— Но что тут понадобилось Дэну?

— Дэну? — переспросил Спенсер.— Его зовут Бун Хадсон.

— Да-да, знаю. Но все звали его Дэном — Дэниелом Буном*, понимаешь ли. Иногда он из-за этого раздражался. Работал в исследовательском. Пришлось выставить его за дверь лет пятнадцать-шестнадцать тому назад. Единственное, почему я его узнал,— с ним возникли какие-то неприятности. Ему взбрело в голову, что можно возбудить иск против нас.

— Спасибо, понял,— кивнул Спенсер. Уже на полпути к своему кабинету он вдруг обернулся.— Еще одно, Росс. За что его выставили?

— Точно уж и не помню. Он халатно относился к своим обязанностям. Делал не то, что поручено, а уклонился в сторону. По-моему, занялся дублированием материи.

— Так вот оно что,— протянул Спенсер.

Войдя в кабинет, он запер стол и удалился через другую дверь.

Сев на стоянке в свою машину, он задним ходом вывел ее на улицу и медленно поехал прочь.

Перед зданием стояла патрульная машина, из которой выбирались двое полицейских. Сзади к ней подъезжала карета «скорой помощи».

Вот оно как, думал Спенсер. Пятнадцать лет назад Хадсона выставили за дверь за то, что он был одержим безумной идеей

* Дэниел Бун — легендарный первопроходец американского Запада, персонаж многих преданий. *(Прим. пер.)*

материального дублирования и делом не занимался. И по сей день исследовательский отдел мало-помалу сходит с ума, пытаясь найти решение, которое Хадсон давным-давно преподнес бы на блюдечке, если бы его оставили на службе.

Спенсер попытался представить, каково было в эти годы Хадсону, скорее всего продолжавшему неустанно трудиться в тиши над своей безумной идеей. Как он наконец довел ее до окончательного решения, убедился в надежности выкладок и пришел в корпорацию «Прошлое», чтобы ткнуть результат им в нос.

Именно так, как теперь ткнет его Хэллок Спенсер.

Гринвич-стрит оказалась тихой улицей благородных бедняков, застроенной небольшими обветшавшими домиками. Несмотря на малые размеры, а порой и неухоженность домов, здесь ощущалась некая солидная гордость и респектабельность.

На рукописи значился адрес: «Гринвич, 241». Под этим номером оказался приземистый коричневый домик, окруженный ветхим деревянным забором. Двор буйствовал цветами, но, несмотря на это, дом казался нежилым.

Спенсер протиснулся сквозь покосившуюся калитку и пошел по дорожке, изрядно сузившейся из-за цветов, потеснивших ее с обеих сторон. Поднявшись по хлипким ступеням на шаткое крылечко и не найдя звонка, он постучал в закрытую дверь.

Ответа не последовало. Спенсер нажал на ручку, и она повернулась. Слегка приоткрыв дверь, он протиснулся в коридор. Там царила тишина.

— Алло, есть кто дома? — позвал Спенсер и подождал.

Никого.

Пройдя в гостиную, он огляделся.

Спартанская, почти монашеская обстановка. Совершенно очевидно, что Хадсон жил один: на всем лежит отпечаток временного, лагерного быта старого холостяка. У стены койка, на спинку которой брошена грязная рубашка. Под койкой в ряд выставлены две пары туфель и шлепанцы. Напротив койки — старомодный платяной шкаф. С приделанной к нему сбоку планки косо-криво свисают полдюжины галстуков. В ближайшем к кухоньке углу примостился небольшой столик. На нем — коробка крекеров и стакан с подсохшими потеками молока.

Футах в пяти подальше — массивный письменный стол. Поверхность его девственно пуста, не считая пишущей машинки и оправленной в деревянную рамку фотографии.

Подойдя к столу, Спенсер принялся выдвигать ящики, один за другим. Ящики оказались почти пустыми. В одном он обнаружил курительную трубку, коробку скрепок, скрепкосшиватель и одинокую покерную фишку. В других валялся всяческий хлам и пустяки, но ничего стоящего. Нашлось еще полпачки писчей бумаги — но нигде ни строчки. В нижнем ящике слева лежала полупустая пузатая бутылка с хорошим шотландским виски.

И все.

Обыскав шкаф, Спенсер обнаружил лишь рубашки, белье и носки.

Он пробрался на кухню. Только встроенные в стены плита, холодильник и буфет. Нигде ничего, кроме скудного запаса продуктов.

А спальни — их оказалось две — пребывали в запустении: ни следа мебели — лишь покрывающий пол и стены слой тонкой, легкой пыли. Спенсер постоял на пороге каждой из них, озираясь. Запустение и тоска. Входить он не стал.

Вернувшись в гостиную, он подошел к столу и взял фотографию. С нее смотрела женщина; на оттененном сединой волос лице усталая, но бодрая улыбка и выражение беспредельного терпения.

Тут нечего искать, подумал Спенсер, если только не располагать временем, чтобы обыскать каждый угол, каждую щелку, разобрать дом по дощечке и по камешку. Но и тогда вряд ли что найдется.

Выйдя из дома, он поехал обратно.

— Быстро же вы поели,— угрюмо изрекла мисс Крейн.

— Все в порядке? — осведомился Спенсер.

— Полицейские были весьма и весьма любезны. И мистер Гаукс, и мистер Снелл горят желанием вас видеть. А еще звонил мистер Гарсайд.

— Чуть позже. Мне надо заняться делом. Позаботьтесь, чтобы меня не беспокоили.

С этими словами он вошел в кабинет и с непререкаемым выражением на лице закрыл за собой дверь. Там он извлек из

ящика стола бумаги Хадсона и углубился в чтение. Даже не обладая инженерным образованием, он знал достаточно, чтобы кое-как в них разобраться, хотя порой приходилось перечитывать отдельные места более внимательно или разбираться в графике, пролистнутом с излишней поспешностью. Наконец он перевернул последнюю страницу.

Здесь есть все, до последней детали.

Разумеется, работа будет проверена инженерами и техниками. При воплощении идеи в материале могут выявиться какие-нибудь закавыки, но концепция в комплекте с теорией и ее приложениями содержится в работе Хадсона от начала и до конца.

Хадсон ничего не утаил — никаких ключевых деталей, никаких существенных моментов.

Это безумие, недоумевал Спенсер. Надо всегда оставлять за собой зацепку, возможность поторговаться. Нельзя доверять другим людям, не говоря уж о корпорациях, да еще так безоговорочно, как намеревался Хадсон. Особенно нельзя доверять компании, из которой тебя вышвырнули пятнадцать лет назад за работу над этой самой концепцией.

Какое нелепое и трагичное стечение обстоятельств!

Корпорация «Прошлое» даже не догадывалась, куда метит Хадсон. А Хадсон, в свою очередь, был обречен на молчание из-за того, что не продвинулся достаточно далеко, чтобы проникнуться уверенностью в концепции или хотя бы себе самом. Даже если бы он попытался выложить все начистоту,— над ним лишь посмеялись бы, ведь его репутация не могла подтвердить основательность столь вопиющих мечтаний.

Сидя за столом, Спенсер вспоминал домик на Гринвич-стрит, где жизненное пространство человека стиснулось до размеров одной комнаты; в остальных же шаром покати; нигде ни следа удобств и уюта. Должно быть, вся мебель из этих комнат, все скопленное за многие годы добро было мало-помалу распродано — один драгоценный предмет за другим, чтобы кухонные полки не опустели.

Этот человек отдался мечте всей душой, ушел в мечту и жил одной лишь мечтой так долго, что она заменила ему все остальное. Наверное, он знал, что вот-вот умрет.

Не удивительно, что вынужденное ожидание тревожило его.

Отодвинув рукопись Хадсона в сторону, Спенсер взялся за рукописные пометки. Страницы заполнены неразборчивыми карандашными строчками, длинными шеренгами математических формул, торопливо набросанных схем. Это вряд ли пригодится.

Интересно, а как же другая рукопись — та, что осталась в папке, касающаяся этики? Она не может не состоять в тесной взаимосвязи с концепцией Хадсона. Быть может, она содержит нечто существенное, сказывающееся на новом подходе к проблеме?

До сей поры вся этика путешествий во времени волей-неволей сводилась в основном к обширному списку всяческих «не»:

«Не вывези человека из прошлого.

Не укради, доколе вещь не утрачена.

Не поведай никому из прошлого о существовании путешествий во времени.

Не вмешивайся никоим образом в течение событий прошлого.

Не пытайся войти в будущее — и не спрашивай почему, ибо вопрос этот непристоен».

8

Зажужжал зуммер. Спенсер щелкнул тумблером.

— Да, мисс Крейн?

— К вам пришел мистер Гарсайд. С ним мистер Гаукс и мистер Снелл.— В голосе ее проскользнули едва уловимые нотки удовлетворения.

— Ладно. Пригласите их.

Собрав бумаги со стола и спрятав их в портфель, он откинулся на спинку кресла, озирая входящих.

— Итак, джентльмены? Похоже, ко мне целая делегация.

Не успев договорить, Спенсер понял, что сморозил непристойность. Они даже не улыбнулись. Значит, дело плохо. Всякий раз, когда юридический и отдел связи с прессой сходятся вместе, жди беды.

Вошедшие расселись.

— Мы полагали,— начал Снелл в своей отработанной манере бывалого пресс-секретаря,— что если соберемся вместе и попытаемся обсудить...

Но Гаукс не дал ему договорить, с упреком бросив Спенсеру:

— Ты умудрился поставить нас в самое затруднительное положение!

— Да, я знаю,— не смутился тот.— Давайте перечислим повестку дня. Мой подчиненный доставил человека из прошлого. Другой человек скончался в моем кабинете. Я забыл о необходимости лебезить перед надутым индюком, заявившимся, чтобы помочь нам заправлять нашими делами.

— Уж больно ты легко к этому относишься,— отозвался Гарсайд.

— Пожалуй, что так,— охотно согласился Спенсер.— Давай скажем покрепче: мне на это плевать. Нельзя же позволять формировать свою политику, уступая напору силовых элементов.

— Сейчас ты, разумеется, говоришь о деле Равенхолта.

— Крис,— с энтузиазмом подхватил Снелл,— ты попал в самую точку. Вот шанс по-настоящему подкупить общественность. Мы имеем дело с такими вещами, в которых обывателю мерещится привкус колдовства. Естественно, он старается держаться от нас подальше.

— И что более существенно,— с беспокойством вставил Гаукс,— если мы завернем этот проект, этот...

— Проект «Бог»,— подсказал Спенсер.

— Мне не очень-то по душе твои формулировочки.

— Ну так придумай название сам,— спокойно откликнулся Спенсер.— А мы его зовем именно так.

— Если мы не двинем его вперед, нас могут обвинить в атеизме.

— А откуда общественность узнает, что мы завернули его? — осведомился Спенсер.

— Уж будьте покойны,— с горечью проронил Снелл,— Равенхолт постарается на совесть, чтобы оповестить об этом свет.

Спенсера вдруг охватила ярость. Грохнув кулаком о стол, он заорал:

— Я же сказал, как с ним управлюсь!

— Хэл,— тихо возразил Гарсайд,— мы просто не можем так поступить. У нас ведь есть чувство собственного достоинства.

— Да уж, так поступить вы не можете. Зато можете подладиться под Равенхолта и тех, кто его поддерживает. Можете

запустить обзор возникновения религий. Можете фальсифицировать отчеты.

Все трое ошеломленно замолкли. На мгновение Спенсер и сам изумился тому, что осмелился произнести это вслух. С начальством так не разговаривают. Но необходимо сказать еще кое-что.

— Крис, ты собираешься проигнорировать мою докладную и продвинуть проект вперед, не так ли?

— Боюсь, мы просто вынуждены,— с нарочитой учтивостью ответил Гарсайд.

Бросив взгляд на Гаукса и Снелла, Спенсер заметил потаенные улыбки обоих, затаившиеся по ту сторону губ,— презрительные, глумливые усмешки наделенных властью.

— Да, я так и думал,— неторопливо вымолвил он.— Что ж, теперь это на вашей шее, вы и выпутывайтесь.

— Это в твоей компетенции!

— Больше нет. Я оставляю эту работу.

— Эй, погоди, Хэл, послушай,— вскинулся Гарсайд.— Ты не можешь вот так взять да и уйти! И без какого бы то ни было предуведомления! Вспорхнул, как мотылек. У нас есть маленькие разногласия, но это же не повод...

— Я решил, что должен как-то вам помешать. Не могу допустить осуществление проекта «Бог». Предупреждаю, что, если вы на это пойдете, я дискредитирую вас. Я подвергну точной и нелицеприятной проверке каждый ваш шаг. А сам тем временем собираюсь открыть собственное дело.

— Наверно, путешествия во времени?

Спенсер понял, что его решили высмеять.

— Я подумывал об этом.

— Ты даже не получишь лицензии,— презрительно ухмыльнулся Снелл.

— А по-моему, получу.— Спенсер знал это наверняка. Совершенно новая концепция снимет большинство затруднений.

— Ладно,— вставая, изрек Гарсайд,— ты нынче не в духе. Когда чуток поостынешь, зайди ко мне потолковать.

— До свиданья, Крис,— отрицательно затряс головой Спенсер и, не вставая, проводил удаляющуюся троицу начальников взглядом.

Как ни странно, теперь, когда все кончено — или только начинается? — внутреннее напряжение покинуло его, сменив-

шись ровным спокойствием. Надо раздобыть денег, надо нанять техников и инженеров, надо найти и обучить времяпроходцев — и еще много, много всякого. Подумав об этом, Спенсер вдруг ощутил мгновенный укол сомнения, но отверг его одним пожатием плеч.

Покинув кресло, он вышел в приемную.

— Мисс Крейн, во второй половине дня должен был зайти мистер Кейбл.

— Сэр, я его не видела.

— Ну конечно! — согласился Спенсер, ибо внезапно все встало на свои места — если только он осмелится поверить забрезжившему пониманию.

В глазах Кейбла теплился какой-то весьма настораживающий огонек. И вот сейчас, в нежданной вспышке просветления, Спенсер осознал, что именно выражали глаза юноши.

Это было восторженное почитание!

Именно так смотрят на человека, вошедшего в легенды.

«Я заблуждаюсь,— подумал Спенсер,— ведь я не легендарная личность, по крайней мере до сей поры».

Но в глазах юного Кейбла было и еще что-то. И снова Спенсер догадался, что именно. Кейбл молод, но в глазах его читалась мудрость старца. Это были глаза человека, повидавшего куда больше, чем способен увидеть кто-либо за тридцать лет своей жизни.

— А что передать,— осведомилась мисс Крейн,— если он зайдет?

— Не утруждайтесь. Я уверен, что не зайдет.

Ибо Кейбл свою работу сделал — если только это была работа. Она могла представлять собой вопиющее нарушение этики, совершенно явное вмешательство — а может быть, явилась просто уступкой искушению сыграть роль Бога.

И может статься, все было специально запланировано.

Неужели они где-то в будущем разрешили задачу, которую он изложил Кейблу,— задачу оправданного вмешательства в прошлое?

— Мисс Крейн,— произнес Спенсер,— не будете ли вы любезны напечатать мое заявление об уходе? Прямо с нынешнего момента. Сформулируйте его поофициальнее. Я в обиде на Гарсайда.

Мисс Крейн даже бровью не повела, невозмутимо заправляя бумагу в машинку.

— Мистер Спенсер, а какую указать причину?

— Можете написать, что я открываю собственное дело.

«Интересно,— ломал он голову,— а было ли такое время, когда события пошли по иному пути? Было ли такое время, когда Хадсон пришел меня повидать и вовсе не умер? Было ли время, когда я отдал концепцию Хадсона "Прошлому", вместо того чтобы утаить ее для себя?

Ведь если бы не Кейбл, оттянувший время, скорее всего, я принял бы Хадсона, когда было еще не слишком поздно. А если бы принял, то непременно направил бы бумаги в надлежащие инстанции.

Но если даже так,— гадал он,— откуда у них уверенность (Бог ведает, у кого именно), что я не приму Хадсона первым? Да-да, ведь мисс Крейн настоятельно рекомендовала мне поступить именно так.

Вот оно! — Его охватило волнение.— Именно то самое! Я бы непременно принял Хадсона первым, не настаивай на этом мисс Крейн».

Стоя посреди приемной, он вспоминал многие годы, на протяжении которых мисс Крейн старательно трудилась над выработкой у него обратного рефлекса, окончательно приучив его делать в точности противоположное тому, на чем она настаивает.

— Мистер Спенсер,— подала голос мисс Крейн,— я закончила заявление. И еще одно, едва не забыла.

Пошарив в ящике стола, она что-то извлекла и выложила на стол.

Папка Хадсона.

— Должно быть, полиция ее проглядела. Это было весьма неосмотрительно с их стороны. Я решила, что вам это может пригодиться,— пояснила секретарша. Спенсер ошеломленно молчал, воззрившись на папку.— Это придется очень кстати к остальным имеющимся у вас материалам.

Тут послышались приглушенные удары о пол, и Спенсер стремительно обернулся. Белый кролик с длинными обвисшими ушами скакал по ковру, высматривая морковку.

— Ой, какой лапушка! — совершенно не в своей манере воскликнула мисс Крейн.— Это тот, которого мистер Никерсон прислал вместо себя?

— Тот самый. Я напрочь о нем забыл.

— А можно я возьму его себе?

— Мисс Крейн, мне вот пришло в голову...

— Да, мистер Спенсер?

И что же теперь сказать?

Взять да и выпалить, мол, я знаю, что вы одна из них?

Это потребует пространных объяснений, да к тому же весьма запутанных. А кроме того, мисс Крейн не из тех, перед кем можно выпалить признание.

— Я вот подумал, мисс Крейн,— сглотнув, продолжал он,— не захотите ли вы перейти на работу ко мне? Мне понадобится секретарша.

— Нет, я уже стара,— покачала она головой.— Подумываю о пенсии. Пожалуй, теперь, раз вы уволились, я просто исчезну.

— Но, мисс Крейн, я отчаянно нуждаюсь в вас.

— Как-нибудь на днях, когда вам потребуется секретарша, к вам зайдет соискательница на должность. На ней будет ярко-зеленое платье и этакие новомодные очки, а еще она принесет с собой белоснежного кролика с бантом на шее. Она вам покажется несколько взбалмошной, но вы ее все равно примете.

— Запомню. Буду ее поджидать. Никого другого не найму.

— Она ни в малейшей степени не будет похожа на меня,— предупредила мисс Крейн.— Она намного милее.

— Благодарю вас, мисс Крейн,— совсем не к месту сказал Спенсер.

— И не забудьте вот это.— Она протянула папку.

Взяв папку, Спенсер направился к двери, но на пороге обернулся.

— До встречи.

И впервые за пятнадцать лет мисс Крейн улыбнулась ему.

Ему снился родной дом, и когда он проснулся, то долго не открывал глаз, силясь удержать видение. Что-то осталось, но это «что-то» было смутно, размыто, лишено отчетливости и красок. Родной дом... Он представлял себе его, знал, какой он, мог воскресить в памяти далекое, недосягаемое, но нет — во сне все было ярче!

И все-таки он не открывал глаз, так как слишком хорошо знал, что предстанет его взгляду, и всячески оттягивал встречу с грязной, неуютной конурой, в которой находился. «Если бы только грязь и отсутствие уюта,— подумал он,— а то ведь еще это тоскливое одиночество, это чувство, что ты на чужбине». Пока глаза закрыты, можно делать вид, будто суровой действительности нет, но он уже на грани, щупальца реальности уже протянулись к полной тепла и задушевности картине, которую он тщится сохранить в уме...

Все, дольше нельзя. Ткань сновидения стала чересчур тонкой и редкой, чтобы противостоять реальности. Хочешь не хочешь, открывай глаза.

Так и есть: отвратительно. Неуютно, грязно, безотрадно, и кругом притаилась эта враждебность, от которой можно сойти с ума. Теперь — взять себя в руки, собраться с духом и встать, начать еще один мучительный день.

Штукатурка на потолке потрескалась, осыпалась, получились большие безобразные кляксы. Краска на стенах шелушилась, темные потеки напоминали о дождях. И запах. Затхлый запах давно не проветриваемого жилого помещения...

Глядя на потолок, он пытался представить себе небо. Когда-то он мог увидеть его сквозь любой потолок. Потому что небо было его стихией, небо и пустынный привольный космос за ним. Теперь он их лишился, они ему больше не принадлежат.

© Перевод Л. Жданова.

Пометка в трудовой книжке, выговор в личном деле — все, что требуется, чтобы погубить карьеру человека, навсегда сокрушить все надежды и обречь его на изгнание на чужой планете.

Он сел на край кровати, нашарил пяткой брошенные на пол брюки, надел их, втиснул ноги в ботинки, встал.

Тесная, скверная комнатка. И дешевая. Настанет день, когда ему даже такая будет не по карману. Деньги на исходе, и когда последние уйдут, придется искать работу, любую работу. Может, стоило позаботиться об этом раньше, не тянуть до последнего? Но он не мог себя заставить. Связаться с работой, осесть здесь — значит признать свое поражение, поставить крест на мечте о возвращении домой.

«Дурак,— сказал он себе,— и что тебя потянуло в космос?» Эх, попасть бы только домой, на Марс, и больше его канатом из дома не вытянуть. Вернется на ферму, займется хозяйством, как отец хотел. Женится на Элен, осядет, пусть другие дурни с риском для жизни носятся по Солнечной системе.

Романтика... Это она кружит голову мальчишкам, юнцам с восторженными глазами. Романтика дальних странствий, дебрей космоса с лучистыми зрачками звезд, романтика поющих двигателей, холодного булата, вспарывающего черноту и безлюдье пустоты, романтика воплощенных в комочке плоти куража и удали, бросающих вызов пустоте.

А романтики-то не было. Были тяжелый труд, вечное напряжение и щемящая тревога, точащий душу страх, который ловил перебои в работе силового устройства... звонкий удар о металлическую оболочку... любую из тысячи бед, подстерегающих человека в космосе.

Он взял с ночного столика бумажник, сунул его в карман, вышел в коридор и спустился по шаткой лестнице вниз.

Покосившаяся, ветхая терраса. И зелень, неистовая, буйная зелень Земли. Мерзкий, отвратительный цвет, который оглушает и вызывает внутренний отпор. Все зеленое: трава, кусты, каждое дерево. Если смотреть на зелень чересчур долго, так и кажется, что она пульсирует, трепещет потайной жизнью, и ведь нет спасения от нее, разве что запереться где-нибудь.

Зелень, яркое солнце, изнуряющий зной — все это делает Землю невыносимой. Правда, от света можно уйти, с жарой тоже можно как-то справиться, но зелень вездесуща.

Он спустился с крыльца, ища в кармане сигареты. Нащупал смятую пачку и в ней единственную смятую сигарету. Прилепил ее к губе, выбросил пачку и остановился в воротах, соображая, что делать дальше.

Но это усилие мысли было показным, он заранее знал, как поступит. Выбора не было. Одно и то же повторялось изо дня в день, уже которую неделю. То же будет и сегодня, и завтра, и послезавтра, пока не уйдет последний цент.

А потом — да, что потом?

Поступить на работу и попытаться хоть что-то из этого извлечь? Копить деньги, пока не наберется на билет до Марса? Пусть любая должность на корабле ему заказана, но ведь пассажира-то они обязаны взять! Эх, пустые расчеты все это... Чтобы накопить достаточно, нужно двадцать лет, а где они?

Он закурил и побрел по улице. Даже сквозь сигаретный дым он ощущал запах ненавистной зелени.

Миновав десять кварталов, он очутился у космодрома. Над полем возвышался корабль. Он постоял, глядя на него, затем направился к убогому ресторанчику позавтракать.

«Корабль,— думал он.— Обнадеживающий признак». В иные дни ни одного не увидишь, а иногда — сразу три или четыре. Сегодня есть корабль; может, тот самый.

«Когда-нибудь,— сказал он себе,— найду же я корабль, который доставит меня домой». Корабль, которому до зарезу будет нужен механик, и капитан закроет глаза на злополучную запись в трудовой книжке.

Но он знал, что обманывает себя. Каждый день он говорит себе одно и то же. Вероятно, чтобы оправдать свои ежедневные визиты в отдел найма. Самообман, который помогает сохранить надежду, не пасть духом. Самообман, который позволяет даже кое-как терпеть мрачную, душную конуру и зеленую Землю.

Он вошел в ресторан и сел за столик.

Подошла официантка, чтобы принять заказ.

— Опять оладьи? — спросила она.

Он кивнул. Оладьи — дешевая и сытная пища, а ему надо подольше растянуть деньги.

— Сегодня вы найдете свой корабль,— сказала официантка.— У меня такое чувство.

— Возможно,— отозвался он, не очень-то веря.

— Я знаю, что у вас на душе,— продолжала официантка.— Знаю, как это тяжело. Сама мучилась тоской по родине, когда впервые уехала из дому. Думала, умру.

Он промолчал, чувствуя, что ответить — значит уронить свое достоинство. Хотя на кой оно черт ему теперь, это достоинство!

Конечно, речь шла не об обычной тоске по родине. Это уже планетная ностальгия, тоска по другой культуре, боль от разлуки со всем, к чему привык и к чему привязан.

И тут, сидя в ожидании оладий, он воскресил в памяти сон: уходящие вдаль красные увалы, ласкающий кожу сухой, прохладный воздух, блеск звезд в сумерках, волшебное золото отдаленных песчаных бурь. И низенький дом жмется к земле, и на террасе, обращенной к закату, неподвижно сидит в кресле седой старик...

Официантка принесла оладьи.

«Настанет день,— мысленно сказал он,— когда я не смогу больше выносить этого самоистязания, этой жалости к самому себе». Он давно ее раскусил, и давно пора от нее избавиться. И тем не менее мирился с ней, больше того, она стала определять его помыслы и поступки. Она была его щитом и самооправданием, движущей силой, которая поддерживала его на ходу.

Он доел оладьи и расплатился.

— Счастливо,— сказала официантка, улыбаясь.

— Спасибо,— ответил он.

Он потащился по дороге, по скрипучему гравию, и солнце припекало ему спину, но хоть от зелени он был избавлен. Космодром голый, безжизненный — обожженный и обнаженный.

Он достиг цели и подошел к конторке.

— Опять вы,— сказал уполномоченный по найму.

— Есть рейс на Марс?

— Нет. Хотя постойте. Тут недавно один справлялся...

Уполномоченный поднялся, вышел за дверь и стал кого-то звать.

Через несколько минут он вернулся к конторке. За ним шел свирепый тяжеловес. На голове у тяжеловеса была фуражка с потертыми, тусклыми буквами «КАПИТАН». В остальном костюм никак не отвечал его званию.

— Вот этот человек,— сказал уполномоченный капитану.— Имя — Энсон Купер. Механик первого класса, но личное дело...

— К черту личное дело! — рявкнул капитан. Он обратился к Куперу: — «Моррисоны» знаете?

— С пеленок,— ответил Купер.

Это была неправда, но он был уверен, что справится с двигателями.

— Они, в общем-то, ничего,— продолжал капитан,— только иногда барахлят немного, капризничают. Придется вам понянчиться с ними. Глаз не сводить с них. Зазеваетесь — пиши пропало.

— Как-нибудь,— сказал Купер.

— Мой механик подвел меня, сбежал.— Капитан плюнул на пол, демонстрируя презрение к дезертирующим механикам.— Слабоват в коленках оказался.

— У меня коленки в порядке,— твердо сказал Купер.

Он знал, что его ждет. Но выбора не было. Путь на Марс лежал через «моррисоны».

— Что ж, тогда пошли,— сказал капитан.

— Минутку,— вмешался уполномоченный.— Так это не делается. Вы обязаны дать ему время собрать свои пожитки.

— Мне нечего собирать,— вставил Купер, вспоминая жалкое барахло, которое осталось в гостинице.— Ничего стоящего.

— Вам должно быть ясно,— продолжал уполномоченный, обращаясь к капитану.— Союз не может поручиться за человека с таким личным делом.

— А мне наплевать,— отрезал капитан.— Лишь бы он знал толк в двигателях. Больше мне ничего не надо.

Идти до корабля было далеко. Он и новый-то не представлял собой ничего особенного, а с годами не стал лучше. Да на таком вообще летать — пытка, не говоря уже о том, чтобы нянчиться с «моррисонами»...

— Не рассыплется, не бойтесь,— сказал капитан.— Он протянет дольше, чем вы думаете. Просто удивительно, на что способна такая посудина, всем чертям назло.

«Только еще один рейс,— подумал Купер.— Чтобы доставить меня на Марс. А там пусть рассыпается».

— Корабль великолепен,— сказал он совершенно искренне.

Он подошел к могучему стабилизатору и положил на него ладонь. Тяжелый металл, краска давно облупилась, рябой от

коррозии, и холодок затаился в толще, точно корабль еще не отдал всю впитавшуюся в него космическую стужу.

«Наконец,— подумал он.— После стольких недель ожидания вот оно наконец, стальное произведение инженерного искусства, которое доставит меня домой».

Он вернулся туда, где стоял капитан.

— Приступим, что ли,— сказал он.— Хочу посмотреть на двигатели.

— Они в порядке,— ответил капитан.

— Возможно. Все-таки я их проверю.

Он ждал, что двигатели будут в скверном состоянии, но не настолько. На что уж корабль выглядел жалко, а «моррисоны» оказались еще хуже.

— Тут надо поработать,— сказал он.— С такими двигателями нельзя выходить в рейс.

Капитан вспылил и выругался:

— Учтите, вылетаем на рассвете! Срочное задание!

— На рассвете и вылетим,— отрезал Купер.— Вы только не вмешивайтесь.

Он расставил людей по местам и сам проработал четырнадцать часов подряд без передышки, не спал и не ел. После чего зажал большой палец в кулаке и доложил капитану, что все готово.

Они благополучно прошли атмосферу. Купер разжал кулак и облегченно вздохнул. Теперь только следить за тем, чтобы не было перебоев.

Капитан вызвал его к себе и поставил на стол бутылку.

— А вы справились куда лучше, чем я ожидал, мистер Купер.

Купер покачал головой.

— Мы еще не прилетели, капитан. Впереди немалый путь.

— Мистер Купер,— сказал капитан,— вы знаете, что мы везем?

Купер покачал головой.

— Лекарства,— сказал капитан.— Там эпидемия. Только наш корабль был более или менее готов к рейсу. Вот нас и послали.

— Дали бы сперва сделать капитальный ремонт двигателей.

— Время не позволило. Каждая минута на счету.

Купер глотнул из рюмки, оглушенный всеобъемлющей усталостью.

— Эпидемия, говорите? А что именно?

— Песчаная лихорадка,— ответил капитан.— Знаете, наверное.

Смертельный ужас холодком пополз по спине Купера.

— Знаю.— Он допил виски и встал.— Я пошел, начальник. Надо присмотреть за двигателями.

— Мы надеемся на вас, мистер Купер. Нужно добраться.

Он вернулся в машинное отделение и упал в кресло, слушая пение двигателей, пронизавшее все клеточки корабля. Они должны работать без перебоев. Теперь это яснее, чем когда-либо. Дело не только в том, чтобы вернуться домой: родная планета ждет лекарства.

«Обещаю,— сказал он сам себе.— Обещаю, что мы долетим».

Он не щадил команду, не щадил себя — изо дня в день, под выматывающий душу, почти нестерпимый вой дюз и гром этих чертовых «моррисонов».

Какой там сон — хорошо, если удавалось прикорнуть на несколько минут. Какой там обед — разве что перекусишь чуток на ходу. Работа, работа, но еще хуже — надзор, ожидание, все тело напряжено: сейчас начнут заикаться... Или лязгнет металл, возвещая беду.

«И зачем только,— билась в голове смутная мысль,— человек выходит в космос? С какой стати идет на такую работу?» Конечно, здесь, в машинном, рядом с изношенными двигателями, чувствуешь себя хуже, чем в других отсеках. Но и там не сладко. Атмосфера корабля насыщена нервозностью, но хуже всего — черный, гнетущий страх перед космосом, перед тем, что космос может сделать с кораблем и людьми на борту.

На новых, более крупных кораблях обстановка вроде получше, да и то не намного. По-прежнему принято пичкать успокоительным пассажиров и переселенцев, летящих осваивать другие планеты. Чтобы не нервничали, не реагировали так остро на неудобства, не поддавались панике.

Но с командой так не поступишь. Она должна быть начеку, готовая ко всему. Она обязана все снести.

Возможно, придет пора, когда корабли будут достаточно велики, двигатели и горючее достаточно совершенны, когда поумерится страх человека перед пустотой космоса. Тогда станет легче. Но до этого, наверное, еще очень далеко. Ведь уже прошло двести лет, как предки Купера в числе первых улетели осваивать Марс.

«Не будь сознания того, что я возвращаюсь домой,— сказал он себе,— не вынес бы, не выдержал». Даже здесь, где загустела всяческая вонь, он чувствовал запах сухого, прохладного воздуха родной планеты. Сквозь металлическую оболочку летящего корабля, через несчетные темные мили видел нежные краски заката на красных увалах. В этом его преимущество перед остальными. Если бы не мысль, что он возвращается домой, он бы не выстоял.

Медленно тянулись дни, и двигатели тянули, и крепла надежда в его душе. И наконец надежда сменилась торжеством.

И наступил день, когда корабль вихрем скользнул вниз сквозь холодную, разреженную атмосферу, и пошел на посадку, и сел.

Он протянул руку, повернул ключ — двигатели взревели и смолкли. Тишина объяла изможденную сталь, онемевшую от долгого гула.

Он стоял подле двигателей, оглушенный тишиной, испытывая ужас перед совершенным безмолвием.

Он пошел вдоль двигателей, скользя рукой по металлу, гладя его, точно животное, удивленный и чуть недовольный тем, что в его душе родилось некое подобие странной нежности к машине.

А впрочем, почему бы нет? Двигатели доставили его домой. Он нянчился, возился с ними, проклинал их, надзирал за ними, спал рядом с ними — и они доставили его домой.

А ведь, если быть откровенным, он не очень надеялся на это.

Он вдруг увидел, что остался один. Команда ринулась к трапу, едва он повернул ключ. Пора и ему выходить. И все-таки он на мгновение задержался в тихом отсеке, напоследок еще раз все окинул взглядом. Полный порядок. Ничего не упущено.

Он повернулся и медленно пошел по трапу вверх, к люку.

Наверху он встретил капитана. А вокруг ракеты во все стороны расходились красные увалы.

— Все уже ушли, только начальник интендантской службы остался,— сказал капитан.— Я вас жду. Вы отлично справились с двигателями, мистер Купер. Рад, что вы пошли в рейс с нами.

— Последний рейс,— ответил Купер, гладя взглядом красные склоны.— Хватит слоняться по свету.

— Странно,— сказал капитан.— Вы, очевидно, с Марса.

— Точно. И надо было с самого начала сидеть дома.

Капитан пристально поглядел на него и повторил:

— Странно.

— Ничего странного,— возразил Купер.— Я...

— Я тоже списываюсь,— перебил его капитан.— На Землю этот корабль поведет уже другой командир.

— В таком случае,— подхватил Купер,— я угощаю, как только мы сойдем с корабля.

— Решено. Но сперва — прививка.

Они спустились по трапу и пошли через поле к зданиям космодрома. Навстречу с воем промчались машины, спешащие к кораблю за грузом.

А Купер всецело отдался восприятию того, что испытал во сне в убогой комнатушке на Земле: бодрящий запах прохладного, легкого воздуха, пружинистый — из-за меньшего тяготения — шаг, стремительный взлет четких, ничем не осквернённых красных склонов в лучах неяркого солнца.

Врач ждал их в своем тесном кабинете.

— Виноват,— сказал он,— но вы знаете правила.

— Ох уж эти мне правила,— ответил капитан.— Да, видно, так нужно.

Они сели в кресла и засучили рукава.

— Держитесь,— предупредил врач.— Укол дает встряску.

Так и было.

«Так было и прежде,— подумал Купер.— Каждый раз. Пора бы уже привыкнуть».

Он вяло откинулся в кресле, ожидая, когда пройдут слабость и шок. Врач сидел за своим столом, следя за ними и тоже ожидая, когда они придут в себя.

— Тяжелый рейс? — спросил он наконец.

— Легких не бывает,— сердито ответил капитан.

Купер покачал головой.

— Этот был хуже всех. Двигатели...

— Простите меня, Купер,— вступил капитан.— Но на этот раз никакого обмана не было. Мы в самом деле везли лекарства. Здесь и вправду эпидемия. И мой корабль оказался единственным. Я хотел поставить его на капитальный ремонт, да время не позволило.

Купер кивнул.

— Припоминаю,— сказал он.

Он с трудом поднялся и посмотрел в окно на холодный, недобрый, чужой марсианский ландшафт.

— Если б не внушение,— решительно сказал он,— я бы ни за что не справился.

Он повернулся к врачу:

— Когда-нибудь мы сможем обходиться без этого?

Врач кивнул:

— Несомненно. Когда корабли станут надежнее, человек свыкнется с космическими путешествиями.

— Эта ностальгия — уж больно она душу выматывает.

— Другого выхода нет,— сказал врач.— У нас не было бы ни одного космонавта, если бы они каждый раз не летели домой.

— Это верно,— согласился капитан.— Никто, и я в том числе, не смог бы выдержать таких передряг ради одних только денег.

Купер поглядел в окно на песчаные ландшафты, и его кинуло в дрожь. Более унылого места...

«Что за идиотизм — мотаться в космосе,— сказал он себе,— когда дома такая жена, как Дорис, и двое детей». Ему вдруг безумно захотелось увидеть их.

Знакомые симптомы. Снова ностальгия, но теперь — тоска по Земле. Врач достал из тумбы и щедрой рукой наполнил три стопки.

— А теперь примите-ка вот это,— сказал он,— и забудем обо всем.

— Точно мы можем помнить,— усмехнулся Купер.

— В конце концов,— сказал капитан с неестественной веселостью,— надо правильно смотреть на вещи. Речь идет всего-навсего о специфике нашей службы.

День начался отвратительно.

Артур Белсен, живущий по ту сторону аллеи, включил в шесть утра свой оркестр, чем и заставил меня подпрыгнуть в постели.

Белсен, скажу я вам, по профессии инженер, но его страсть — музыка. И поскольку он инженер, то не довольствуется тем, что наслаждается ею сам. Ему просто необходимо всполошить всех соседей. Год или два назад ему в голову пришла идея о симфонии, исполняемой роботами, и, надо отдать ему должное, он оказался талантливым человеком. Он принялся работать над своей идеей и создал машины, которые могли читать — не просто играть, но и читать музыку прямо с нот,— и смастерил машину для транскрипции нот. Затем он сделал несколько таких машин в своей мастерской в подвале.

И он их испытывал!

Вполне понятно, что то была экспериментальная работа, когда неизбежны переделки и настройки, а Белсен был очень придирчив к звукам, издаваемым каждой из его машин. Поэтому он много и подолгу их настраивал — и очень громко,— пока не получал то воспроизведение, которое, как он считал, должно было получиться.

Одно время соседи вяло поговаривали, что неплохо бы его линчевать, но разговор так и остался разговором. В этом-то и беда, одна из бед с нашими соседями — на словах они способны на что угодно, но на деле палец о палец не ударят.

Так что конца этому безобразию пока не было видно. Белсену потребовалось больше года, чтобы настроить секцию удар-

© Перевод А. Новикова.

ных инструментов, что само по себе было не подарок. Но теперь он взялся за струнные, а это оказалось еще хуже.

Элен села на постели рядом со мной и заткнула уши пальцами, но это ее не спасло. Белсен врубил свою пыточную машину на полную мощь, чтобы, как он говорил, лучше прочувствовать музыку.

По моим прикидкам, к этому времени он наверняка разбудил всю округу.

— Ну, началось,— сказал я, слезая с постели.

— Хочешь, я приготовлю завтрак?

— Можешь спокойно начинать,— отозвался я.— Еще никому не удалось спать, когда эта гадость включена.

Пока она готовила завтрак, я пошел в садик за гаражом поглядеть, как поживают мои георгины. Я вовсе не возражаю, если вы узнаете, что я обожаю георгины. Приближалось начало выставки, и несколько штук должны были расцвести как раз ко времени.

Я направился к садику, но не дошел. Это тоже одна из особенностей района, где мы живем. Человек начинает что-то делать и никогда не заканчивает, потому что всегда найдется кто-то, кто захочет с ним поболтать.

На сей раз это оказался Добби. Добби — это доктор Дарби Уэллс, почтенный старый чудак с бакенбардами на щеках, живущий в соседнем доме. Мы все зовем его Добби, и он ничуть не возражает, поскольку это в своем роде знак уважения, которое ему оказывают. В свое время Добби был довольно известным энтомологом в университете, и это имя ему придумали студенты.

Но теперь Добби на пенсии, и заняться ему особо нечем, если не считать длинных и бесцельных разговоров с каждым, кого ему удастся остановить.

Едва заметив его, я понял, что погиб.

— По-моему, прекрасно,— произнес Добби, облокачиваясь на свой забор и начиная дискуссию, едва я приблизился настолько, чтобы его расслышать,— что у человека есть хобби. Но я утверждаю, что с его стороны невежливо демонстрировать это так шумно ни свет ни заря.

— Вы имеете в виду это? — спросил я, тыча пальцем в сторону дома Белсена, откуда продолжали в полную силу доноситься скрежет и кошачьи вопли.

— Совершенно верно,— подтвердил Добби, приглаживая седые бакенбарды с выражением глубокого раздумья на лице.— Но заметьте, я ни на одну минуту не перестаю восхищаться этим человеком...

— Восхищаться? — переспросил я. Бывают случаи, когда я с трудом понимаю Добби. Не столько из-за его привычки разговаривать напыщенно, сколько из-за манеры размышлять.

— Верно,— подтвердил Добби.— Но не из-за его машин, хотя они сами по себе электрическое чудо, а из-за того, как он воспроизводит свои записи. Созданная им машина для чтения нот — весьма хитроумное сооружение. Иногда она мне кажется почти что человеком.

— Когда я был мальчиком,— сказал я,— у нас было механическое пианино, которое тоже играло записанную музыку.

— Да, Рэндолл, вы правы,— признал Добби,— принцип схож, но исполнение — подумайте об исполнении! Все эти старые пианино лишь весело бренчали, а Белсену удалось передать самые тонкие нюансы.

— Должно быть, я не уловил этих нюансов,— ответил я, не выразив ни малейшего восхищения.— Все, что я слышал,— просто бред.

Мы говорили о Белсене и его оркестре, пока Элен не позвала меня завтракать.

Едва я уселся за стол, она начала зачитывать свой черный список.

— Рэндолл,— решительно произнесла она,— на кухне опять кишат муравьи. Они такие маленькие, что их почти не видно, зато они пролезают в любую щель.

— Я думал, ты от них уже избавилась.

— Да, раньше. Я выследила их гнездо и залила его кипятком. Но на сей раз этим придется заняться тебе.

— Будь спокойна, непременно займусь,— пообещал я.

— То же самое ты говорил и в прошлый раз.

— Я уже было собрался, но ты меня опередила.

— Но это еще не все. На чердаке в вентиляционных щелях завелись осы. На днях они ужалили девочку Монтгомери.

Она хотела сказать еще что-то, но тут по лестнице скатился наш одиннадцатилетний сын Билли.

— Смотри, пап! — восторженно воскликнул он, протягивая мне небольшую пластиковую коробочку.— Таких я раньше никогда не видел!

Я мог не спрашивать, кого он еще не видел. Я знал, что это очередное насекомое. В прошлом году — марки, в этом — насекомые, и это еще одно следствие того, что рядом живет энтомолог, которому нечем заняться.

Я нехотя взял коробочку в руки.

— Божья коровка.

— А вот и нет,— возразил Билли.— Этот жук гораздо больше. И точки другие, и цвет не тот. Этот золотой, а божьи коровки оранжевые.

— Ну тогда поищи его в справочнике,— нетерпеливо сказал я. Парень был готов заниматься чем угодно, лишь бы не брать в руки книгу.

— Уже смотрел,— сказал Билли.— Всю перелистал, а такого не нашел.

— Боже мой,— в сердцах произнесла Элен,— сядь наконец за стол и позавтракай. Мало того что житья не стало от муравьев и ос, так еще ты целыми днями ловишь всяких других жуков.

— Мама, но это поучительно,— запротестовал Билли.— Так говорил доктор Уэллс. Он сказал, что существует семьсот тысяч видов насекомых...

— Где ты его нашел, сынок? — спросил я, немного устыдившись, что мы оба набросились на парня.

— Да в моей комнате.

— В доме! — завопила Элен.— Мало нам муравьев...

— Как только поем, покажу его доктору Уэллсу.

— А ты ему еще не надоел?

— Надеюсь, что надоел.— Элен поджала губы.— Этот самый Добби и приучил его заниматься глупостями.

Я отдал коробочку Билли. Тот положил ее рядом с тарелкой и принялся за еду.

— Рэндолл,— сказала Элен, приступая к третьему пункту обвинения,— я не знаю, что мне делать с Норой.

Нора — наша уборщица. Она приходит дважды в неделю.

— И что она на этот раз сделала?

— В том-то и дело, что ничего. Она просто-напросто не вытирает пыль. Помашет для виду тряпкой, и все. И ни разу еще не переставила лампу или вазу, чтобы протереть в этом месте.

— Ну, найди вместо нее кого-нибудь.

— Рэндолл, ты не понимаешь, о чем говоришь. Уборщицу найти очень трудно, и на них нельзя полагаться. Я говорила с Эми...

Я слушал и вставлял нужные замечания. Все это мне уже приходилось слышать раньше.

Сразу после завтрака я пошел в контору. Было слишком рано для посетителей, но мне нужно было заполнить несколько страховых полисов и сделать еще кое-какую работу, так что было чем заняться лишние час-другой.

Около полудня мне позвонила очень взволнованная Элен.

— Рэндолл! — выпалила она без всяких предисловий.— Кто-то бросил валун в самую середину сада.

— Повтори, пожалуйста,— попросил я.

— Ну, знаешь, такую большую каменную глыбу. Она раздавила все георгины.

— Георгины! — взвыл я.

— И самое странное, что не осталось никаких следов. Такую глыбу можно было привезти разве что на грузовике...

— Ладно, успокойся. Скажи мне лучше, камень очень большой?

— Да почти с меня.

— Быть того не может! — забушевал было я, но сразу постарался успокоиться.— Это какая-то дурацкая шутка. Кто-то решил подшутить.

Кто бы это мог сделать? Я задумался, но не припомнил никого, кто решился бы на такую канитель, чтобы этак пошутить. Джордж Монтгомери? Он человек здравомыслящий. Белсен? Тот слишком занят своей музыкой, чтобы отвлекаться. Добби? Но я не мог себе представить, чтобы он вообще когда-то шутил.

— Ничего себе шуточка! — сказала Элен.

Никто из моих соседей, сказал я себе, этого не сделал бы. Все знали, что я выращивал георгины, дабы получить новые почетные ленточки на выставках.

— Я сегодня закончу работу пораньше,— сказал я,— и посмотрю, что можно с ним сделать.

Хотя я знал, что сделать можно будет очень немногое — лишь оттащить его в сторону.

— Я буду у Эми,— сказала Элен.— Постараюсь вернуться пораньше.

Я положил трубку и занялся работой, но дело не клеилось. В голове были одни георгины.

Я кончил работать вскоре после полудня и купил в аптеке баллончик с инсектицидом. Этикетка утверждала, что средство эффективно против муравьев, тараканов, ос, тлей и кучи другой нечисти.

Когда я подошел к дому, Билли сидел на крыльце.

— Привет, сынок. Нечем заняться?

— Мы с Тони Гендерсоном поиграли в солдатики, да надоело.

Я поставил баллончик на кухонный стол и отправился в сад. Билли молча последовал за мной.

Глыба лежала в саду, точнехонько в середине клумбы с георгинами, и не была ни на сантиметр меньше, чем говорила Элен. Выглядела она странно. То был не просто щербатый кусок скалы, а почти правильный шар чистого красного цвета.

Я обошел ее вокруг, оценивая ущерб. Несколько георгинов уцелело, но самые лучшие погибли. Не было никаких следов, даже намека на то, каким образом этот камень оказался в саду. Он лежал в добрых десяти метрах от дороги, и чтобы перенести его сюда из грузовика, потребовался бы кран, но это было практически невыполнимо, потому что вдоль улицы тянулись провода.

Я подошел к глыбе и внимательно ее рассмотрел. Вся ее поверхность оказалась усеянной маленькими ямками неправильной формы, не более полудюйма в глубину; виднелись и тускло поблескивающие гладкие места, как будто часть первоначальной поверхности была сколота. Более темные и гладкие участки блестели, словно отполированный воск, и мне вспомнилось то, что я видел очень давно — когда один из моих приятелей ненадолго увлекся коллекционированием минералов.

Я склонился над гладкой восковой поверхностью, и мне показалось, что я различаю внутри камня волнистые линии.

— Билли, ты знаешь, как выглядит агат? — спросил я.

— Не знаю, пап. Но Томми знает. Он просто охотится за разными камнями.

Он подошел поближе и стал рассматривать один из гладких участков, потом послюнявил палец и провел им по восковой поверхности. Камень заблестел, как атлас.

— Не уверен,— сказал он,— но, похоже, это агат.

Билли отошел немного и стал рассматривать камень с новым выражением на лице.

— Послушай, пап, если это действительно агат — я хочу сказать, если это один большой агат,— то он должен стоить кучу денег, так ведь?

— Не знаю. Наверное, должен.

— Может, целый миллион.

Я покачал головой.

— Ну уж не миллион.

— Я пойду приведу Томми, прямо сейчас.

Он молнией промчался мимо гаража, и я услышал, как он побежал по дорожке к воротам в сторону дома Томми.

Я несколько раз обошел валун и попытался прикинуть его вес, но не знал, как это делается.

Потом вернулся домой и прочитал инструкцию на баллончике с инсектицидом, снял колпачок и нажал на распылитель. Он работал.

Закончив приготовления, я опустился на колени у кухонного порога и попытался отыскать дорожку, по которой муравьи проникали в дом. Я не видел ни одного, но по прошлому опыту знал, что они чуть крупнее песчинки и к тому же почти прозрачные, так что увидеть их очень трудно.

Краем глаза я заметил что-то блестящее, движущееся в одном из углов кухни. Я повернулся и увидел блестящий золотой комочек, бежавший по полу вдоль плинтуса к ящику под раковиной.

Это была еще одна большая божья коровка.

Я направил на нее баллончик и нажал кнопку, но коровка продолжала ползти и вскоре скрылась под ящиком.

Когда жук уполз, я продолжил поиски муравьев, но не нашел даже их следов. Ни один не ползал по полу. Ни один не вылезал. Не было их ни в раковине, ни на столе.

Поэтому я вышел, завернул за угол дома и приступил к операции «Оса». Я знал, что она окажется непростой. Гнездо располагалось в вентиляционной щели чердака, и добраться до него будет трудновато. Разглядывая его с улицы, я решил, что единственный выход — дождаться ночи, когда можно быть полностью уверенным, что все осы сидят в гнезде. Я приставлю лестницу, подберусь к гнезду и задам им по первое число,

после чего постараюсь слезть вниз с максимально возможной скоростью. Но не такой, чтобы свернуть себе шею.

Если говорить честно, такое занятие меня мало привлекало, но по тону, каким Элен разговаривала за завтраком, я понял, что мне не отвертеться.

Вокруг гнезда летали несколько ос. Пока я смотрел, две осы упали из гнезда на землю.

Удивленный, я подошел поближе и увидел, что земля под гнездом усеяна мертвыми или умирающими осами. Пока я их разглядывал, упала еще одна оса и стала жужжать и вертеться.

Я немного отступил в сторону, чтобы получше рассмотреть, что происходит в гнезде, но лишь обнаружил, что время от времени вниз падает очередная оса.

Я решил, что мне повезло. Если что-то убивает ос в гнезде, то мне не придется с ними возиться.

Я уже хотел отнести инсектицид обратно на кухню, как с заднего двора прибежали запыхавшиеся Билли и Томми Гендерсон.

— Мистер Марсден,— сказал Томми,— этот ваш камень и в самом деле агат. Ленточный агат.

— Что ж, прекрасно,— отозвался я.

— Да вы не поняли! — воскликнул Томми.— Таких больших агатов не бывает. А ленточные, наиболее ценные, вообще не крупнее вашего кулака.

Тут до меня дошло. В голове у меня прояснилось, и я рванул вокруг дома, чтобы еще раз посмотреть на камень в саду. Мальчики помчались следом.

Камень был просто прекрасен. Я протянул руку и погладил его. Как мне повезло, подумал я, что кто-то забросил его в мой сад. Про георгины я к тому времени уже забыл.

— Готов поспорить,— сказал мне Томми, глядя на меня глазами размером с тарелку,— что вы получите за него кучу денег.

Не стану отрицать, что приблизительно такая же мысль пронеслась и в моей голове.

Я протянул руку и прижал ее к камню, просто чтобы почувствовать его твердость и реальность.

И камень слегка покачнулся!

Удивившись, я толкнул посильнее, и он качнулся опять. Томми выпучил глаза.

— Странно, мистер Марсден. Вроде бы он двигаться не должен. Ведь в нем тонна, не меньше. Должно быть, вы очень сильный.

— Я не сильный,— ответил я.— По крайней мере, не настолько.

Неверной походкой я вошел в дом и спрятал инсектицид, потом вышел, уселся на ступеньках и задумался.

Мальчиков не было видно. Наверное, они побежали рассказывать обо всем соседям.

Если это агат, как сказал Томми, если это действительно один большой агат, то он должен представлять собой огромную музейную ценность и соответственно стоить. Но если это агат, то почему он такой легкий? Его и десять человек не должны были сдвинуть с места.

И еще, подумал я, каковы мои права на него, если это действительно агат? Он лежит на принадлежащей мне земле и, значит, мой. Но что, если появится кто-нибудь и предъявит на него права?

И еще: как он, в конце концов, попал ко мне в сад?

Все эти мысли успели хорошо перепутаться у меня в голове, когда из-за угла выкатился Добби и уселся рядом со мной на ступеньках.

— Удивительные вещи происходят,— сказал он.— Слыхал, у вас в саду появилась агатовая глыба.

— Так мне сказал Томми Гендерсон. Думаю, он не ошибся. Билли говорил, что он увлекается камнями.

Добби поскреб бакенбарды.

— Великая вещь — хобби,— сказал он.— Особенно для ребят. Они многое узнают.

— Ага,— вяло отозвался я.

— Ваш сын принес мне сегодня после завтрака насекомое для идентификации.

— Я велел ему не беспокоить вас.

— Я рад, что он мне его принес,— возразил Добби.— Такого мне не приходилось видеть.

— Смахивает на божью коровку.

— Да,— согласился Добби,— определенное сходство есть. Но я не совсем уверен... Короче, дело в том, что я не уверен даже, что это насекомое. Честно говоря, оно больше похоже на черепаху, чем на насекомое. У него нет никакой сегмента-

ции тела, которая есть у любого насекомого. Внешний покров чрезвычайно тверд, голова и ноги втягиваются и вытягиваются, усиков нет.— Он с легким недоумением покачал головой.— Конечно, я не могу быть полностью уверен. Необходимо более обширное исследование, прежде чем я попытаюсь провести классификацию. Вам случайно не доводилось найти еще несколько?

— Не так давно я видел, как один такой полз по полу.

— Вам не трудно будет в следующий раз, когда вы их увидите, поймать для меня одного?

— Ничуть,— сказал я.— Постараюсь поймать для вас парочку.

Я решил сдержать свое слово. После того как он ушел, я спустился в погреб и стал искать. Мне попались на глаза несколько штук жуков, но поймать я не смог ни одного. Я плюнул и сдался.

После ужина ко мне неожиданно зашел Артур Белсен. Он весь дрожал, но в этом не было ничего странного. Он вообще человек нервный, немного смахивает на птицу, и не требуется больших усилий, чтобы вывести его из равновесия.

— Я слышал, что камень в вашем саду оказался агатом,— сказал он мне.— Что вы собираетесь с ним делать?

— Ну, пока не знаю. Продам, наверное, если кто-нибудь захочет купить.

— Он может очень дорого стоить,— сказал Белсен.— Вы не должны оставлять его в саду просто так, без охраны. Кто-нибудь может его стащить.

— По-моему, я ничего здесь не могу поделать,— сказал я.— Сдвинуть его с места я не в состоянии, а сидеть рядом с ним всю ночь — не собираюсь.

— А вам и не нужно сидеть с ним всю ночь,— сказал Белсен.— Я все устрою. Мы сможем окружить его проводами и подключить к ним сигнализацию.

Его слова не произвели на меня большого впечатления, и я постарался его разубедить, но он вцепился в эту идею как клещ. Он сходил в свой подвал и вернулся с мотком проводов и инструментами, и мы принялись за работу.

Мы провозились часов до одиннадцати, протягивая провода, и установили сигнальный звонок возле кухонной двери. Элен посмотрела на него без одобрения. Она не выносила

беспорядка на кухне и не собиралась менять свои принципы из-за какого-то агата.

В середине ночи звонок выбросил меня из постели, и я долго соображал, в чем дело. Затем я вспомнил и бросился вниз по лестнице. На третьей ступеньке сверху я наступил на что-то скользкое и загремел вниз. Я упал ничком и наткнулся на лампу, которая свалилась и аккуратно ударила меня по голове. Оглушенный, я привалился к стулу.

Мраморный шарик, подумал я. Проклятый мальчишка опять расшвырял их по всему дому. Он уже вырос из этого возраста. Он у меня узнает, как бросать шарики на лестнице.

В ярком лунном свете, льющемся в окно, я увидел шарик. И он быстро полз — не катился, а полз! И было еще много таких шариков, бегающих по полу. Блестящих в лунном свете золотых шариков.

И это еще не все — в центре комнаты стоял холодильник!

Звонок продолжал громко звонить. Я поднялся, отшвырнул лампу и рванулся к кухонной двери. Элен что-то кричала за моей спиной, стоя на лестнице.

Я открыл дверь и побежал босиком вокруг дома по мокрой от росы траве.

Возле глыбы стояла изумленная собака. Она ухитрилась запутаться лапой в одном из дурацких проводов и теперь стояла на трех лапах, пытаясь освободиться.

Я заорал на нее, наклонился и стал шарить в траве, пытаясь отыскать что-нибудь, чтобы в нее бросить. Пес резко дернулся и освободился, потом побежал вверх по улице, болтая ушами.

Звонок за моей спиной смолк.

Я повернулся и поплелся к дому, чувствуя себя последним дураком.

Неожиданно я вспомнил, что видел стоящий посреди комнаты холодильник. Здесь что-то не так, подумал я. Он был на кухне, и никто его оттуда не вытаскивал. Не было никаких причин тащить его в комнату — его место на кухне. Никому бы и в голову не пришло его двигать, а если бы и пришло, то от шума проснулся бы весь дом.

Мне показалось, решил я. Этот камень и жуки довели меня до ручки, и мне уже стало мерещиться черт знает что.

Но мне не померещилось.

Холодильник стоял в центре комнаты. Штепсель был выдернут из розетки, шнур волочился по полу. Натекшая вода впиталась в ковер.

— Он мне погубит ковер! — завопила Элен, стоя в углу и глядя на заблудившийся холодильник.— И вся еда протухнет...

По ступенькам стал спускаться спотыкающийся полусонный Билли.

— Что случилось? — спросил он.

— Не знаю.

Я едва не рассказал ему о бегающих по дому жуках, но вовремя остановился. Не стоило еще больше раздражать Элен.

— Давайте поставим этот сундук на место,— предложил я насколько мог небрежно.— Втроем мы справимся.

Мы принялись толкать, пихать, сопеть и поднимать, и в конце концов водворили холодильник на место и включили в розетку. Элен отыскала несколько тряпок и стала осушать ковер.

— Был кто-нибудь у камня, пап? — спросил Билли.

— Собака,— ответил я.— И никого больше.

— Я с самого начала была против этой затеи,— объявила Элен, стоя на коленях и промакивая ковер тряпкой.— Сплошная глупость. Никто бы этот камень не украл. Его не так-то просто поднять и унести. Твой Артур Белсен просто псих.

— Тут я с тобой согласен,— уныло подтвердил я,— но он человек добросовестный и целеустремленный, и в голове у него одни механизмы...

— Теперь нам всю ночь не сомкнуть глаз,— сказала она.— Нам еще не раз придется вскакивать и выпутывать из проводов бродячих кошек и собак. И я не верю, что этот камень из агата. Почему я должна верить Томми Гендерсону?

— Томми разбирается в камнях,— сказал Билли, защищая своего приятеля.— Если он увидит агат, то ни с чем не спутает. У него дома этих агатов целая большая коробка из-под ботинок. И он их сам нашел.

И спорим-то мы о камне, подумал я, хотя больше всего нас должно волновать поразительное происшествие с холодильником.

И вдруг мне в голову пришла мысль — смутная, ускользающая, прилетевшая неизвестно откуда — и принялась вертеться у меня в мозгу.

Я отогнал ее, но она вернулась, впилась в меня и потрясла до глубины души.

Что, если между холодильником и жуками есть какая-то связь?

Элен поднялась с пола.

— Вот,— с вызовом произнесла она,— это все, что я смогла сделать. Надеюсь, ковер не испорчен.

Но жук, подумал я, жук не может сдвинуть холодильник. Ни один жук, ни тысяча. Более того, ни один жук не захочет этого делать. Жукам плевать, в кухне он стоит или в комнате.

Элен вела себя по-деловому. Она разложила мокрые тряпки сушиться, потом прошла в комнату и выключила в ней свет.

— Теперь можем идти в спальню,— сказала она.— Если повезет, то удастся немного поспать.

Я подошел к приколоченному возле кухонной двери звонку и выдрал из него провода.

— Вот теперь,— сказал я,— мы попробуем уснуть.

Если честно, то уснуть я не надеялся. Я решил, что так всю ночь и не усну, потому что буду думать о холодильнике. Но все-таки уснул, хотя и ненадолго.

В половине седьмого меня снова разбудил оркестр Белсена.

Элен села и зажала уши.

— Нет, только не это!

Я встал и закрыл окно. Стало немного потише.

— Накрой голову подушкой,— посоветовал я.

Я оделся и спустился вниз. Холодильник стоял на кухне, все как будто было в порядке. По кухне ползало несколько жуков, но они ничего не делали.

Я приготовил себе завтрак, потом пошел на работу. Уже второй день я приходил в контору спозаранку. Если так пойдет и дальше, сказал я себе, соседи непременно соберутся и сделают что-нибудь с Белсеном и его симфонией.

Дела шли хорошо. За утро я продал три страховых полиса и договорился о заключении четвертого.

Когда я вернулся в контору после обеда, меня уже поджидал какой-то тип с безумными глазами.

— Вы Марсден? — брякнул он.— Тот, у которого агатовая глыба.

— Так мне сказали,— ответил я.

Человек был невысок, одет в потрепанные брюки цвета хаки и грубые ботинки. На поясе висел геологический моло-

ток — этакая штука с молотком на одном конце головки и острым отбойником на другом.

— Я услышал о нем,— сказал человек возбужденно и немного воинственно,— и не смог поверить. Таких больших агатов не бывает.

Мне не понравился его тон.

— Если вы пришли сюда спорить...

— Вовсе нет,— сказал он.— Меня зовут Кристиан Барр. Как вы поняли, я геолог-любитель. Увлекаюсь этим делом всю жизнь. Имею большую коллекцию. Получаю призы почти на каждой выставке. И я подумал, что если у вас есть такой образец...

— И что?

— Короче, если у вас есть такой камень, я мог бы его купить. Но сначала мне надо на него взглянуть.

Я нахлобучил на макушку шляпу.

— Пошли.

Увидев камень, Барр закружил вокруг него. Казалось, он впал в транс. Он слюнявил палец и смачивал гладкие места. Он наклонялся и разглядывал его. Он его щупал. Он бормотал что-то себе под нос.

— Ну? — спросил я.

— Это агат,— сказал Барр, затаив дыхание.— Очевидно, цельный, одной глыбой. Посмотрите на эту неровную, пупырчатую поверхность — это обратный отпечаток вулканической полости, внутри которой он образовался. А здесь характерная крапчатость, которая тоже должна быть. И в тех местах, где поверхность надколота, видны раковинообразные трещины. И конечно, есть признаки ленточности.

Он отцепил от пояса молоток и слегка стукнул по глыбе. Она загудела, словно огромный колокол.

Барр застыл, у него отвисла челюсть.

— Он не должен так звучать,— объяснил он мне сразу, как только немного пришел в себя.— Звук такой, словно он внутри пуст.

Он стукнул снова. Глыба опять загудела.

— Агат — удивительный материал,— сказал он.— Он тверже самой лучшей стали. Вы могли бы сделать из него колокол, если бы только были в состоянии его обработать.

Он прицепил молоток к поясу и, пригнувшись, стал рассматривать глыбу со всех сторон.

— Возможно, это громовое яйцо,— пробормотал он.— Нет, не может быть. У громового яйца агат находится внутри, а не снаружи. И этот агат ленточный, а такие в громовых яйцах не встречаются.

— Что такое громовое яйцо? — спросил я.

Но он не ответил. Сидя на корточках, он разглядывал нижнюю часть глыбы.

— Марсден, сколько вы за него просите?

— Назовите сумму сами,— ответил я.— Понятия не имею, сколько он может стоить.

— Даю тысячу за такой, какой он есть.

— Не согласен,— сказал я. Не скажу, что этого было мало, но в принципе глупо соглашаться с первой же названной суммой.

— Не будь он пустой,— заметил Барр,— он стоил бы гораздо больше.

— Вы не можете точно знать, что он пустой.

— Вы же сами слышали, как он звучал.

— А может, он так и должен звучать.

Барр потряс головой.

— Здесь все неправильно,— пожаловался он.— Ленточные агаты не бывают такими большими. Ни один агат не бывает пустым. И вы даже не знаете, откуда он взялся.

Я не ответил ему. Незачем было.

— Посмотрите,— сказал он немного погодя,— в нем дыра. Здесь, возле дна.

Я согнулся и посмотрел туда, куда указывал его палец. Там была круглая аккуратная дырка не более полудюйма диаметром. И не просто пробитая, а с четкими краями, словно ее высверлили.

Барр пошарил вокруг, нашел прочную травинку и очистил ее от листьев. Она вошла в дыру фута на два.

Барр отклонился назад и замер, глядя на валун.

— Он пустой, это уж точно,— сказал он.

Я не обращал на него особого внимания, потому что меня понемногу начал прошибать пот еще от одной сумасшедшей мысли: «Эта дыра как раз такого диаметра, что через нее может пролезть один из тех жуков».

— Вот что я вам скажу,— произнес Барр.— Даю две тысячи и забираю прямо сейчас.

Я затряс головой, чтобы отделаться от того странного состояния, в котором связал воедино жуков и глыбу — ведь в глыбе была просверлена дыра по размерам жука. Я вспомнил, что почти так же связал воедино жуков и холодильник — хотя каждому должно быть очевидно, что жуки не могут иметь никакого отношения к холодильнику. Да и к глыбе.

Это не обычные жуки — ну, может, не совсем обычные, но все же жуки. Они задали задачку Добби, но сам же Добби первый скажет, что существует много неклассифицированных насекомых. Некоторые виды внезапно появляются неизвестно откуда и начинают процветать благодаря какому-то капризу экологии после многих лет тайного существования.

— Так вы говорите, что не возьмете две тысячи? — удивленно спросил Барр.

— Что? — спросил я, вернувшись на землю.

— Я только что предложил вам две тысячи за эту глыбу.

Я посмотрел на него долго и пристально. Он не был похож на человека, способного выбросить две тысячи ради хобби. Скорее всего, он сразу углядел стоящую вещь и хочет приобрести ее за бесценок. Ему хочется захапать эту глыбу раньше, чем я узнаю ее истинную стоимость.

— Мне хотелось бы подумать,— осторожно произнес я.— Если я соглашусь на ваше предложение, то как смогу с вами связаться?

Он грубовато мне объяснил и сразу попрощался. Его раздражало, что я не взял его две тысячи. Он протопал вокруг гаража. Немного позже я услышал, как он завел свою машину и уехал.

Я сидел на корточках и гадал, стоит ли соглашаться на две тысячи. Это большие деньги, и они мне пригодились бы. Но слишком уж он разволновался и слишком жадно на нее смотрел.

Зато в одном я теперь был уверен. Я не должен оставлять глыбу в саду. Она слишком ценная вещь, чтобы бросать ее без присмотра. Каким-нибудь способом мне надо перетащить ее в гараж, где можно ее запереть. У Джорджа Монтгомери есть блок и тачка. Может, я смогу их одолжить и передвинуть глыбу.

Я направился к дому, чтобы сообщить Элен хорошие новости, хотя и был уверен, что она прочтет мне целую лекцию о том, чтобы я не продавал камень за две тысячи.

Она встретила меня у двери кухни, обняла за шею и поцеловала.

— Рэндолл,— проворковала она,— это просто чудесно.

— Согласен,— ответил я, недоумевая, как она смогла обо всем узнать.

— Ты только посмотри на них! — воскликнула она.— Жуки чистят дом!

— Что они делают?! — рявкнул я.

— Пойди и посмотри,— настаивала она.— Видел ли ты когда-нибудь такое? Все просто сверкает!

Я поплелся за ней и, остановившись на пороге комнаты, с удивлением, граничащим с ужасом, уставился на происходящее.

Они работали целыми батальонами и очень целеустремленно. Одна группа обрабатывала спинку кресла, взбираясь по ней вверх четырьмя рядами. Зрелище было потрясающее: верхняя часть спинки была пыльной и тусклой, а нижняя — как новенькая.

Другая компания очищала от пыли стол, еще одна трудилась в углу над плинтусом, а небольшая армия наводила блеск на телевизор.

— Они вычистили весь ковер! — взвизгнула от восторга Элен.— В этом углу уже нет ни пылинки, а некоторые уже забрались в камин. Нору я не могла заставить даже притронуться к камину. А теперь мне не нужна Нора. Рэндолл, ты понимаешь, что эти жуки будут экономить нам двадцать долларов в неделю, которые мы платили Норе? Ты не будешь против, если я стану брать себе эти двадцать долларов? Мне так много нужно всего купить. У меня уже тысячу лет не было нового платья, мне нужна еще одна шляпка. А на днях я видела такие прелестные туфельки...

— Но жуки! — рявкнул я.— Ты же боишься жуков. Ты их терпеть не можешь. И к тому же жуки не чистят ковров. Они их жрут.

— Эти жуки хорошенькие,— запротестовала Элен.— И я их не боюсь. Это совсем не то, что муравьи или пауки. От них мурашки по спине не поползут. Они такие чистенькие, такие опрятные. Просто прелесть. Мне так нравится смотреть, как они работают. Собираются в такие симпатичные кучки и работают. Совсем как пылесос. Там, где они проползут, и пыль и грязь пропадают.

Я стоял, смотрел, как они усердно трудятся, и чувствовал, как по моей спине сверху вниз проводят ледяным пальцем. Потому что теперь я знал — неважно, насколько это противоречит здравому смыслу: все, что я думал о холодильнике и глыбе, не было и наполовину так глупо, как могло показаться.

— Я пойду позвоню Эми,— сказала Элен, направляясь на кухню.— Разве можно скрывать такое необыкновенное событие? Быть может, мы и ей дадим несколько жуков? Как ты считаешь, Рэндолл? Немного для начала, чтобы они потом у нее развелись.

— Эй, подожди-ка,— окликнул я ее.— Это не жуки.

— А мне все равно, кто они такие,— небрежно отозвалась Элен, набирая номер Эми,— если они умеют чистить дом.

— Но, Элен, если ты меня выслушаешь...

— Ш-ш-ш,— игриво произнесла она,— как я смогу разговаривать с Эми, если ты... О, алло! Эми, это ты?..

Я понял, что все мои увещевания безнадежны, признал свое полное поражение и ушел.

Я направился в гараж, намереваясь расчистить в нем место для глыбы.

Дверь в гараж была распахнута. Внутри оказался Билли, который усердно трудился за верстаком.

— Привет,— произнес я насколько мог беззаботно.— Что ты тут мастеришь?

— Делаю ловушки для жуков, пап. Хочу поймать несколько из тех, что чистят дом. Томми — мой компаньон. Он пошел домой за приманкой.

— Приманкой?

— Ну да. Мы обнаружили, что им нравятся агаты.

Я протянул руку и ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть. События стали развиваться слишком быстро, и я не успевал с ними освоиться.

— Мы испытали ловушки в подвале,— сказал Билли.— Перепробовали кучу приманок. Пробовали ловить на сыр, на яблоки, на дохлых мух и кучу всякой всячины, но жуки на них и не посмотрели. У Томми был в кармане агат, маленький такой кусочек. И мы попробовали ловить на него.

— Но почему агат, сынок? Самая что ни на есть неподходящая...

— Видишь ли, дело было так. Мы перепробовали все...

— Да,— сказал я.— Теперь я понял вашу логику.

— Беда в том,— сказал Билли,— что ловушки приходится делать из пластика. Это единственное, что их удерживает. В любом другом материале они тут же проделывают дырку.

— Погоди-ка,— перебил я его.— Когда вы наловите жуков, то что собираетесь с ними делать?

— Продавать, конечно,— сказал Билли.— Мы с Томми решили, что они всем будут нужны. Как только люди узнают, что они умеют чистить дом, все захотят их иметь. Мы думаем продавать полдюжины за пять долларов. Это куда дешевле пылесоса.

— Но разве могут шесть жуков...

— Они размножаются. Они должны очень быстро размножаться. День или два назад их было всего несколько штук, а теперь дом ими просто кишит.

Билли снова занялся ловушкой. Повозившись немного, он спросил:

— Может, ты хочешь войти в долю? Нам нужно немного денег. Надо купить еще пластика, чтобы наделать ловушек побольше и получше. Мы сможем на этом хорошо заработать.

— Послушай, сынок, ты уже продал кому-нибудь жуков?

— Знаешь, мы пробовали, но нам никто не поверил. Поэтому мы решили подождать, пока мама не растрезвонит о них на всю округу.

— А что вы сделали с пойманными?

— Отнесли доктору Уэллсу. Я вспомнил, что ему хотелось получить несколько штук. Ему мы их дали бесплатно.

— Билли, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

— Конечно. Что?

— Не продавай ни одного жука. По крайней мере сейчас. Пока я не разрешу.

— Но послушай, пап...

— Мне кажется... Я думаю, что эти жуки не с Земли.

— Похоже на то. Мы с Томми тоже так решили.

— Что?

— Дело вот как было. Сначала мы решили продавать их просто так, потому что они очень интересные на вид. Это было еще до того, как мы узнали, что они могут чистить дома. Мы подумали, что кто-нибудь захочет их купить, потому что они не слишком похожи на обычных жуков, и мы решили их как-нибудь назвать — чтобы лучше брали. И Томми сказал, что неплохо бы назвать их инопланетными жуками, например мар-

сианскими или еще как-нибудь. И тут мы задумались, и чем больше думали, тем больше нам казалось, что они и в самом деле с Марса. Они же не насекомые и, насколько мы поняли, не что-либо другое. Они не похожи ни на что на Земле...

— Хорошо,— сказал я.— Хватит!!!

Таковы современные дети. С ними невозможно держаться на равных. Стоит решить, что все продумано и сделано, как появляются они и переворачивают все вверх ногами. И так все время.

— Сдается мне,— сказал я,— что когда вы все это придумывали, то заодно сообразили, как они могли к нам попасть.

— Мы не беремся утверждать, но у нас есть теория. Эта глыба в саду... мы нашли в ней дырку как раз размером с жука. Поэтому нам пришло в голову, что они вылезли оттуда.

— Ты мне не поверишь, сынок,— сказал я,— но я думаю точно так же. Но я никак не могу понять, какой энергией они пользовались. Что заставляло глыбу двигаться?

— Ну, пап, этого и мы не знаем. Но есть еще кое-что. Они могли питаться этой глыбой, пока летели. Скорее всего, поначалу их было только несколько штук. Они залезли в глыбу, это была их еда, ее могло хватить на несколько лет. И вот они ели агат, проели в нем пустоту, и он смог лететь быстрее. Ну, если и не быстрее, то двигать его стало немножко легче. Но они были очень осторожны и не проели в нем ни одной сквозной дыры, пока не приземлились и не пришло время вылезать.

— Но агат же просто камень...

— Ты плохо слушал, пап,— нетерпеливо произнес Билли.— Я ведь тебе говорил, что агат — единственная приманка, которая их привлекает.

— Рэндолл,— сказала Элен, направляясь по дорожке к гаражу.— Если ты не возражаешь, я хотела бы взять машину и съездить к Эми. Она хочет, чтобы я ей все рассказала про этих жуков.

— Езжай,— согласился я.— Как ни крути, все равно день пропал. Я могу остаться дома.

Машина выехала из гаража и направилась к шоссе, а я сказал Билли:

— Отложи-ка все, пока я не вернусь.

— А ты куда?

— Хочу повидаться с Добби.

Я нашел Добби развалившимся на скамейке под яблоней. Лицо у него прямо-таки перекосилось от раздумий, но это не помешало ему болтать.

— Рэндолл,— сказал он, едва заметив меня,— у меня сегодня день печали. Всю свою жизнь я гордился, что профессионально точен в выбранной мною области науки. Но сегодня я не сдержался и сознательно, намеренно нарушил каждый из принципов экспериментального наблюдения и лабораторной техники.

— Ужасно,— сказал я, не понимая, что он имеет в виду. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Говоря с ним, частенько приходилось задумываться о том, куда он клонит.

— Это все ваши чертовы жуки! — выпалил он.

— Вы хотели иметь несколько штук. Билли вспомнил и принес их вам.

— Я тоже о них помнил. Мне хотелось продолжить их изучение. Вскрыть одного из них и посмотреть, как он устроен. Возможно, вы помните, что я упоминал о твердости их панцирей?

— Да, конечно, помню.

— Рэндолл,— печально произнес Добби,— поверите ли вы мне, что этот панцирь оказался настолько твердым, что я не смог с ним справиться? Я не смог его разрезать и не смог проколоть. И знаете, что я тогда сделал?

— Понятия не имею,— объявил я несколько раздраженно. Я надеялся, что он быстро доберется до сути, но торопить его было бесполезно. Предоставленное ему время он всегда использовал полностью.

— Ну, так я вам скажу! — вскипел Добби.— Я взял одного из этих мерзавцев и положил на наковальню. Затем я взял молоток — и отвел душу. Скажу вам честно, я не горжусь тем, что сделал. Это во всех отношениях наиболее неподходящий лабораторный прием.

— Меня это мало волнует,— сказал я.— Могли бы просто упомянуть об этом как о необычном обстоятельстве. Важно, как мне кажется, то, что вы узнали о жуке...— Тут мне в голову пришла страшная мысль.— Только не говорите, что молоток его не взял!

— Как раз наоборот,— отметил Добби с некоторым удовлетворением.— Он прекрасно сработал. Разнес его в порошок.

Я уселся на скамейку рядом с ним и приготовился ждать. Я знал, что он мне все расскажет — дай только время.

— Удивительная вещь,— молвил Добби.— Да, удивительнейшая. Жук состоял из кристаллов — или еще из чего-то, что выглядело как чистейший кварц. В нем не было протоплазмы. Или, по крайней мере,— рассудительно отметил он,— я ее не нашел.

— Кристаллический жук! Но это невозможно!

— Невозможно,— согласился Добби.— Конечно, по всем земным стандартам. Это противоречит всему тому, что мы знаем. Но возникает вопрос: могут ли наши земные стандарты хотя бы в некоторой степени быть универсальными?

Я сидел, молчал и чувствовал большое облегчение оттого, что кто-то еще думает так же, как я. Это доказывало, хотя и неопределенно, что я еще не свихнулся.

— Конечно,— сказал Добби,— подобное должно было когда-нибудь случиться. Рано или поздно какой-нибудь инопланетный разум нас бы отыскал. И, зная это, мы воображали чудовищ и всякие ужасы, но у нас не хватило фантазии представить себе истинную степень ужа...

— Пока нет никаких причин,— резко произнес я,— опасаться этих жуков. Они могут оказаться полезными союзниками. Даже сейчас они с нами сотрудничают. Похоже, они предлагают своего рода сделку. Мы предоставляем им место для обитания, а они, в свою очередь...

— Вы ошибаетесь, Рэндолл,— с важным видом предостерег меня Добби.— Это чужаки. И не пытайтесь даже на секунду поверить в то, что у них с людьми могут быть хоть какие-то общие цели. Их жизненные процессы, какими бы они ни были, совершенно не схожи с нашими. Такова же должна быть и их точка зрения. По сравнению с ними даже паука можно назвать вашим кровным братом.

— Но у нас в доме были муравьи и осы, и они прогнали их.

— Может, они их и прогнали. Но это не было, я уверен, проявлением доброй воли. С их стороны это не было попыткой сблизиться с человеком, на чьей планете им случилось найти прибежище, или разбить лагерь, или захватить плацдарм — называйте это как хотите. Я сильно сомневаюсь, что они вообще осознают ваше присутствие, разве что вы им кажетесь таинственным и непонятным чудовищем, которым пока нет времени

заняться. Да, они убили насекомых, но для них это было действие, совершенное на уровне, сходном с их собственным. Насекомые могли просто путаться у них под ногами, или они увидели в них возможную угрозу или помеху.

— Но даже если так, мы все равно можем использовать их,— нетерпеливо сказал я,— чтобы контролировать численность насекомых-паразитов или переносчиков инфекции.

— А можем ли? Что заставило вас так подумать? Ведь это будут не только паразиты, а все насекомые вообще. Согласитесь ли вы лишить растения тех, кто их опыляет?

— Возможно, вы и правы,— согласился я.— Но не станете же вы утверждать, что нам следует бояться жуков, пусть даже кристаллических? Даже если они и станут опасны, мы сможем найти способ справиться с ними.

— Я сидел тут, думал и пытался во всем разобраться,— сказал Добби,— и мне пришло в голову, что здесь мы, возможно, имеем дело с социальной концепцией, которую еще не встречали на своей планете. Я убежден, что жуки обязательно должны действовать по принципу коллективного разума. Мы имеем дело не с каждым поодиночке и не со всем их числом, а с неким целым, неким единым разумом и единым выражением целей и средств.

— Если вы действительно считаете их опасными, то что же нам делать?

— У меня есть наковальня и молоток.

— Бросьте шутить, Добби.

— Вы правы. Это не предмет для шуток и даже для молотка с наковальней. Мое лучшее предложение заключается в том, что всю округу следует эвакуировать и сбросить сюда атомную бомбу.

Я увидел, что по дорожке сломя голову несется Билли.

— Папа! — вопил он.— Папа!

— Успокойся,— сказал я, сжав его руку.— В чем дело?

— Кто-то ломает мебель,— выпалил Билли,— и потом выбрасывает ее на улицу.

— Постой, ты в этом уверен?

— Сам видел! — вопил Билли.— Боже, что мама скажет?!

Я не стал мешкать и со всех ног помчался к дому. За мной по пятам топал Билли, замыкал цепочку Добби, бакенбарды которого тряслись, как козлиная борода.

Дверь в кухню была открыта, словно кто-то распахнул ее пинком, а на улице возле ступенек валялась куча мятой ткани и обломков разломанных стульев.

Я взлетел на крыльцо одним прыжком. Но, оказавшись у двери, я увидел летящую в меня кучу обломков и отскочил в сторону. Сплющенное и искореженное кресло, кувыркаясь, вылетело в дверь и приземлилось на кучу хлама.

К этому моменту я успел хорошо разозлиться. Я наклонился и выудил из кучи ножку стула. Ухватив ее покрепче, я бросился через кухню в комнату. Дубинку я уже держал наготове, словно видел того, на кого хотел ее обрушить.

Но в комнате никого не было. Холодильник снова стоял в центре, а вокруг него громоздилась куча кастрюль и сковородок. Из нее под дикими углами торчали пружины от бывшего кресла, а по ковру были рассыпаны болты, гайки, гвозди и несколько кусков проволоки.

Я услышал за спиной странное потрескивание и быстро обернулся на звук.

В углу медленно, умело и любовно разбиралось на части мое любимое кресло. Обивочные гвозди плавно вылезали из своих гнезд и падали на пол, тихонько позвякивая. Пока я смотрел, на пол упал болт, у кресла отвалилась ножка, и оно опрокинулось. Гвозди продолжали вылезать.

Наблюдая эту картину, я почувствовал, как моя ярость медленно испаряется, а ее место занимает страх. Я похолодел, по спине пробежали мурашки.

Я начал потихоньку выбираться на улицу. Я не решился повернуться спиной к комнате, поэтому аккуратно пятился, держа дубинку наготове.

Наткнувшись на что-то, я взвизгнул, резко обернулся и замахнулся ножкой стула.

Это был Добби. Я вовремя остановил руку.

— Рэндолл,— спокойно сказал Добби,— это снова ваши жуки.

Он указал на потолок. Я поднял голову. Потолок был покрыт сплошным слоем золотистых спинок.

Увидев их, я успокоился и снова стал понемногу злиться. Я замахнулся и уже собрался бросить дубинку в потолок, когда Добби схватил меня за руку.

— Не надо их трогать! — крикнул он.— Откуда мы знаем, что они в ответ сделают?

Я попытался вырвать руку, но он повис на ней и не отпускал.

— Мое продуманное мнение таково,— произнес он, продолжая удерживать меня,— что ситуация зашла слишком далеко, чтобы с ней справилось частное лицо.

Я сдался. Было несолидно пытаться вырвать руку из цепких пальцев Добби, к тому же я стал соображать, что дубинка — неподходящее оружие для борьбы с жуками.

— Может быть, вы и правы,— сказал я.

Я заметил, что в дверь подглядывает Билли.

— Уходи отсюда! — рявкнул я.— Ты сейчас на линии огня. Они почти покончили с креслом и сейчас выбросят его через дверь.

Билли исчез.

Я пошел на кухню и порылся в выдвижном ящике стола, пока не отыскал телефонную книгу, потом позвонил в полицию.

— Сержант Эндрюс слушает,— раздалось в трубке.

— Выслушайте меня внимательно, сержант. У меня здесь жуки...

— А у меня их разве нет? — весело спросил сержант.

— Сержант,— повторил я, стараясь говорить как можно рассудительней.— Я знаю, что это звучит смешно. Но это особый вид жуков. Они ломают мою мебель и выбрасывают ее на улицу.

— Вот что я тебе скажу,— все еще весело отозвался сержант.— Ложись-ка ты в постельку и постарайся проспаться. Если ты этого не сделаешь, мне придется засадить тебя в участок.

— Сержант,— сказал я.— Я совершенно трезв.

В трубке раздался щелчок. Телефон смолк. Я позвонил снова.

— Сержант Эндрюс.

— Вы только что повесили трубку! — заорал я.— Что вы вы хотели этим показать? Я трезвый, законопослушный, платящий налоги гражданин и прошу защиты. Даже если вы со мной не согласны, то хотя бы ведите себя вежливо. И если я говорю, что у меня жуки...

— Ладно,— устало произнес сержант,— ты сам напросился. Имя и адрес.

Я сказал.

— И еще, мистер Марсден.

— Что еще?

— Хорошо, если у вас действительно окажутся эти жуки. Для вашей же пользы. Не дай бог, если их не будет.

Я швырнул трубку и обернулся. В кухню ворвался Добби.

— Посмотрите! Летит! — крикнул он.

Мое любимое кресло — вернее, то, что от него осталось,— со свистом пронеслось мимо меня, ударилось о дверь и там застряло. Оно сильно задергалось, высвободилось и плюхнулось на кучу мусора на улице.

— Изумительно,— пробормотал Добби.— Просто изумительно. Но это многое объясняет.

— Так расскажите мне, что именно это объясняет! — гаркнул я.

Мне уже осточертело его бормотание.

— Телекинез,— произнес Добби.

— Теле... что?

— Ну, возможно, всего лишь телепортация,— робко уточнил Добби.— Это способность перемещать предметы усилием мысли.

— И вы считаете, что эта самая телепортация подтверждает вашу теорию коллективного разума?

Добби взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Именно это я и имел в виду.

— Чего я не пойму,— отозвался я,— так только того, зачем они это делают?

— И не поймете,— сказал Добби.— Никто от вас этого и не ждет. Потому что никто не может претендовать на понимание мотивов чужого разума. Создается впечатление, что они собирают металл, и не исключено, что именно этим они и занимаются. Но этот голый факт мало о чем говорит. Истинное понимание их мотивов...

С улицы донесся вой полицейской сирены.

— Прибыли,— сказал я и бросился к двери.

Полицейская машина остановилась у кромки тротуара. Из нее вылезли двое.

— Вы Марсден? — спросил один из них.

Я сказал, что да.

— Странно,— отозвался второй.— Сержант говорил, что тот мужик надрался.

— Послушайте,— сказал первый, разглядывая кучу обломков возле кухонной двери,— что здесь происходит?

Через дверь вылетели две ножки от стула.

— Кто это там расшвырялся? — осведомился второй.

— Жуки,— ответил я.— Там только жуки и Добби. Думаю, он все еще там.

— Пошли, повяжем этого Добби, пока он не разнес всю хибару,— сказал первый.

Я остался на улице. Не было смысла заходить в дом вместе с ними. Они лишь задали бы кучу глупых вопросов, многие из которых я хотел бы задать сам.

Начала собираться небольшая толпа. Билли привел нескольких своих приятелей, а соседские женщины забегали от дома к дому, кудахча, как перепуганные наседки. Остановилось несколько машин, и их пассажиры присоединились к зевакам.

Я вышел на улицу и присел на бордюр.

Теперь, подумал я, все немного прояснилось. Если Добби оказался прав насчет телепортации — а все факты говорят об этом,— то глыба могла быть кораблем, на котором жуки прилетели на Землю. Если они могут ломать мебель и выбрасывать ее на улицу, то они в состоянии тем же манером передвигать в пространстве что угодно. И не только эту глыбу.

Билли с его пытливым мальчишеским умом смог, как видно, угадать и другое — они выбрали эту глыбу, потому что она служила им пищей.

Недоумевающие полисмены вышли из дома и остановились возле меня.

— Скажите, мистер, у вас есть хоть какая-то идея насчет того, что происходит? — спросил один из них.

Я покачал головой.

— Поговорите с Добби. Он все расскажет.

— Он говорит, что эти жуки с Марса.

— Не с Марса,— возразил второй.— Это ты говорил, что они могут быть с Марса. Он сказал «со звезд».

— Этот старый чудак очень странно разговаривает,— пожаловался первый.— Он так много сразу говорит, что не успеваешь переваривать.

— Джейк,— сказал второй,— надо бы что-то сделать с толпой. Нельзя, чтобы они стояли так близко.

— Я вызову по радио подмогу,— сказал Джейк.

Он подошел к полицейской машине и залез в нее.

— А вы будьте поблизости,— сказал второй.

— Я никуда не собираюсь уходить.

К этому времени собралась уже порядочная толпа. Остановилось еще несколько машин, некоторые пассажиры повылезали, но большинство сидели внутри и смотрели. Набежала целая куча мальчишек, а женщины все шли и шли — наверное, даже те, кто жил за несколько кварталов от нас. В нашем районе новости разлетаются быстро.

Через двор легкой походкой прошел Добби. Он сел рядом со мной и принялся теребить бакенбарды.

— Глупо все это,— сказал он.— Да по-другому и быть не могло.

— Я никак не пойму,— отозвался я,— зачем они чистили дом? Зачем им нужно было, чтобы все заблестело, прежде чем они начали собирать металл? Должна же быть какая-то причина.

По улице промчалась машина и остановилась рядом с нами. Из нее выскочила Элен.

— Стоит мне отлучиться на минуту,— заявила она,— как обязательно что-нибудь да произойдет.

— Это твои жуки,— сказал я.— Твои миленькие жучки, которые так хорошо вычистили весь дом. Теперь они его дочищают.

— Почему же ты их не остановишь?

— Потому что не знаю как.

— Это инопланетяне,— спокойно сказал Добби.— Они прилетели откуда-то из космоса.

— Добби Уэллс, не лезьте не в свое дело! Все это из-за вас. Это вы заинтересовали Билли насекомыми! Все лето в доме был сплошной кавардак!

По улице мчался человек. Подбежав ко мне, он вцепился в мою руку. Это был Барр, геолог-любитель.

— Марсден,— возбужденно произнес он.— Я передумал. Я дам вам пять тысяч за этот камень. И чек выпишу прямо сейчас.

— Какой камень? — спросила Элен.— Глыба, что лежит в саду?

— Она самая,— подтвердил Барр.— Я должен ее иметь.

— Продай ее,— сказала Элен.

— Не продам,— ответил я.

— Рэндолл Марсден! — завопила она.— Ты не можешь вот так взять и плюнуть на пять тысяч! Ты только подумай, сколько можно...

— Я не могу ее продать за бесценок,— твердо ответил я.— Она стоит гораздо дороже. Теперь это не просто глыба агата. Это первый космический корабль, прилетевший на Землю. Я могу получить за него любую сумму.

Элен ахнула.

— Добби,— чуть слышно произнесла она,— он правду говорит?

— Думаю,— ответил Добби,— что на этот раз он прав.

Мы встали.

— Леди,— сказал полисмен Элен,— перегоните машину в другое место. А вы перейдите улицу,— велел он нам с Добби.— Как только приедут остальные, мы оцепим ваш дом.

Мы зашагали через улицу.

— Леди,— повторил полицейский,— отгоните машину.

— Если хотите остаться вместе,— предложил Добби,— то я отведу машину в сторону.

Элен дала ему ключи, и мы вдвоем перешли через дорогу. Добби сел в машину и уехал.

Другим машинам полисмены тоже велели уехать.

Подъехало несколько полицейских машин. Из них выскочили люди: одни стали оттеснять толпу, другие начали окружать дом. Время от времени из дверей кухни продолжали вылетать обломки мебели, постельное белье, одежда, занавески. Куча росла на глазах.

Мы стояли на противоположной стороне улицы и смотрели, как разрушается наш дом.

— Скоро они должны закончить,— сказал я со странной отрешенностью.— Интересно, что будет дальше?

— Рэндолл,— со слезами произнесла Элен,— что нам теперь делать? Они испортили все мои вещи. А они... это все застраховано?

— Откуда я знаю? Никогда об этом не думал.

В том-то и дело — такое никогда не приходило мне в голову. И кому — страховому агенту!

Я сам выписывал полис и теперь отчаянно пытался вспомнить, что там было напечатано мелким шрифтом. Мне стало

не по себе. Ну как, спросил я себя, как можно было подобное предвидеть?

— В любом случае,— сказал я,— у нас есть кое-какие вещи. Мы сможем их продать.

— Мне кажется, тебе стоит согласиться на пять тысяч. Что, если приедет кто-нибудь из властей и увезет камень?

А ведь она права, подумал я. Это один из тех случаев, которые могут весьма заинтересовать власти.

Я принялся раздумывать, стоит ли соглашаться на пять тысяч.

Трое полицейских пересекли двор, вошли в дом и почти сразу выскочили обратно. Следом за ними вылетел золотой рой. Жуки гудели, жужжали и летели так быстро, что, казалось, следом за ними в воздухе остаются золотистые полоски. Полицейские бежали зигзагом, спотыкаясь, ругаясь и размахивая руками над головами.

Толпа подалась назад и начала разбегаться. Полицейский кордон разорвался и удалился, пытаясь сохранить достоинство.

Я опомнился за соседским домом по ту сторону улицы и обнаружил, что продолжаю мертвой хваткой сжимать руку Элен. Она была зла, как оса.

— Незачем было меня так быстро волочить,— сказала она.— Сама бы добежала. Из-за тебя я потеряла туфли.

— Да наплюй ты на туфли,— резко ответил я.— Дело становится серьезным. Пойди отыщи Билли и уходите отсюда. Поезжайте к Эми.

— Ты знаешь, где Билли?

— Где-то здесь. Со своими приятелями. Походи, поищи ребят.

— А ты?

— Я останусь.

— Ты будешь осторожен, Рэндолл?

Я сжал ее плечо и поцеловал.

— Я буду осторожен. Ты ведь знаешь, какой из меня храбрец. А теперь иди и отыщи мальчишку.

Она ушла, затем вернулась.

— А мы вообще вернемся домой?

— Думаю, что да,— ответил я.— И скоро. Кто-нибудь придумает, как их выгнать.

Я смотрел ей вслед, и ложь, произнесенная вслух, заставила меня похолодеть.

Вернемся ли мы в свой дом, если рассуждать честно? И вернется ли весь мир, все человечество в свой дом? Не отнимут ли золотые жуки тот комфорт и уютную безопасность, которыми человек веками единолично обладал на своей планете?

Я отыскал туфли Элен и сунул их в карман. Затем вернулся за дом и выглянул из-за угла.

Жуки больше никого не преследовали, а, образовав сверкающее кольцо, медленно кружились вокруг и чуть повыше дома. Было ясно, что это их патруль.

Я нырнул обратно за дом и сел на траву, прислонившись спиной к стене. Стоял теплый летний день, небо было чистое и голубое. В такие дни хорошо косить газон перед домом.

Слюнявый страх, подумал я, каким бы постыдным он ни был, можно понять и прогнать. Но холодную уверенность, с какой золотые жуки шли к своей цели, ту самозамкнутую зловещую эффективность их действий понять было гораздо труднее.

И их безличная отрешенность, их полное пренебрежение к нам наполняли душу ледяным страхом.

Я услышал шаги, поднял глаза и вздрогнул.

Передо мной стоял Артур Белсен. Он был печален.

В этом не было ничего необычного. Белсен мог расстроиться из-за любого пустяка.

— Я вас повсюду ищу,— быстро заговорил он.— Я только что встретил Добби, и он мне рассказал, что эти ваши жуки...

— Это не мои жуки,— резко возразил я.— Мне уже осточертело, что все считают их моими, словно я в ответе за то, что они явились на Землю.

— Ну, в общем, он сказал мне, что им нужен металл.

Я кивнул.

— За этим они и явились. Быть может, для них это большая ценность. Наверное, там, откуда они явились, его не очень много.

И я подумал об агатовой глыбе. Будь у них металл, наверняка они не воспользовались бы камнем.

— Я с таким трудом добрался до дома,— пожаловался Белсен.— Думал, что пожар. Несколько кварталов вокруг забито машинами, да еще огромная толпа. Еле пробился.

— Садитесь,— сказал я ему.— Бросьте терзаться.

Но он не обратил на мои слова внимания.

— У меня очень много металла,— сказал он.— Все эти машины в подвале. Я вложил в них много труда, времени и денег и не могу допустить, чтобы с ними что-то случилось. Как вы считаете, жуки будут расползаться?

— Расползаться?

— Ну да. Знаете, когда они покончат со всем, что есть в вашем доме, они могут начать перебираться в другие.

— Об этом я не подумал. Кажется, такое возможно.

Я сидел и думал о том, что он сказал, и представлял, как они захватывают дом за домом, вышвыривают весь металл, складывают его в одну большую кучу, которая покрывает целый квартал, а наконец и город.

— Добби сказал, что они кристаллические. Не странно ли, что есть такие жуки?

Я промолчал. В конце концов, он разговаривал сам с собой.

— Но кристалл не может быть живым,— запротестовал Белсен.— Кристалл — это вещество, из которого что-то делают. Радиолампы и все прочее. В нем нет жизни.

— Не старайтесь переубедить меня,— отозвался я.— Если они и кристаллические, то тут я не в состоянии ничего изменить.

Мне показалось, что на улице поднялась какая-то суета. Я встал и выглянул из-за угла.

Поначалу я ничего не заметил. Все выглядело мирно. По улице возбужденно пробегали один или двое полицейских, но ничего вроде бы не происходило. Все было по-старому.

Затем от одной из полицейских машин, стоявших возле тротуара, медленно и почти величественно отделилась дверь и поплыла к открытой кухонной двери. Долетев до нее, она аккуратно развернулась влево и исчезла внутри.

Затем в воздухе промелькнуло автомобильное зеркальце. За ним последовала сирена. Оба предмета исчезли в доме.

Боже, сказал я себе, жуки взялись за машины!

Теперь я заметил, что у некоторых машин недостает капота и крыльев, а у других — дверей.

Теперь жуки нашли себе золотое дно, подумал я. Они не остановятся, пока не разденут машины до колес.

И еще я подумал, ощущая какую-то странную радость, что в доме просто не хватит места, чтобы запихать в него все разломанные машины. Интересно, что они станут делать, когда заполнят весь дом?

Пока я смотрел, через улицу в сторону дома бросились несколько полицейских. Они успели достичь лужайки, когда их заметил жучиный патруль и, со свистом описав дугу, помчался им навстречу.

Полицейские убежали сломя голову. Патруль, сделав свое дело, снова закружил вокруг дома. В дверь опять принялись влетать крылья, дверцы, антенны, подфарники и другие предметы.

Откуда-то прибежала собака и стала пересекать лужайку, помахивая хвостом.

От патруля отделилась небольшая группа и помчалась к ней.

Собака, напуганная свистом приближающихся жуков, повернулась, собираясь убежать.

Но не успела.

Послышался глухой звук, словно в нее попали пули. Собака высоко подпрыгнула и упала на спину.

Жуки снова взмыли в воздух. В их рядах потерь не было.

Собака лежала, подергиваясь, на траву лилась кровь.

Я резко отпрянул за угол. Меня мутило, я согнулся, с трудом сдерживаясь.

Наконец мне это удалось, и спазмы в желудке прекратились. Я выглянул из-за угла.

Все снова выглядело мирно. На лужайке валялась мертвая собака. Жуки разламывали автомобили. Все полицейские куда-то пропали. И вообще никого не было видно. Даже Белсен куда-то делся.

Теперь все изменилось, сказал я себе. Из-за собаки.

До сих пор жуки были лишь загадкой; теперь они стали смертельной опасностью. Каждый из них был разумной винтовочной пулей.

Я вспомнил то, что всего лишь час назад сказал мне Добби. Всех эвакуировать, а затем сбросить атомную бомбу.

Дойдет ли дело до такого, подумал я. Неужели опасность настолько велика?

Никто пока еще так не думал, но со временем станет. Это всего лишь начало. Сегодня город встревожен и действует полиция; завтра губернатор может прислать солдат. Затем наступит черед федерального правительства. И к тому времени решение, предложенное Добби, станет единственным.

Пока еще жуки не расползлись. Но страх Белсена имел под собой основание — со временем они распространятся, расши-

ряя плацдарм, захватывая квартал за кварталом, как только их станет больше. Билли был прав, когда говорил, что они размножаются быстро.

Я попытался представить, каким способом они могут размножаться, но так ничего и не придумал.

Конечно, сперва правительство попытается установить с ними контакт, наладить какую-нибудь связь — возможно, не с самими жуками, а, скорее всего, с их коллективным разумом, как предположил Добби.

Но можно ли установить контакт с такими существами? На каком интеллектуальном уровне пытаться это сделать? И какова может быть польза, даже если попытка удастся? Где искать основу для взаимопонимания между этими существами и людьми? Это была, конечно, не моя проблема, но, размышляя над ней, я увидел смертельную опасность: кто-то из людей, обладающих политической властью, кто бы он ни был, в поисках объективности может промедлить слишком долго.

Должен существовать способ остановить жуков; должен быть и способ контроля над ними. Прежде чем пытаться установить контакт, нам необходимо их сдержать.

И я вспомнил, как Билли говорил мне, что пойманного жука может удержать только пластиковая ловушка.

Я попытался догадаться, как он смог это узнать. Наверное, просто путем проб и ошибок. В конце концов, они с Томми Гендерсоном перепробовали разные ловушки. Пластик мог быть решением проблемы, над которой я думал. Но лишь в том случае, если мы начнем действовать раньше, чем они расползутся.

Но почему пластик? — подумал я. Какой из содержащихся в нем элементов не дает им вырваться, когда они попадают в ловушку? Какой-то фактор, который мы, возможно, и обнаружим при длительном и осторожном исследовании. Но сейчас это неважно; главное, что мы знаем, что пластик подходит.

Я постоял немного, обдумывая эту проблему и куда с ней направиться.

Я мог, конечно, пойти в полицию, но у меня было предчувствие, что там я не многого добьюсь. То же самое наверняка относится и к городским властям. Возможно, они и выслушают меня, но им захочется все обсудить, собрать совещание, выслушать мнение какого-нибудь эксперта, прежде чем они

станут что-либо предпринимать. А о том, чтобы обратиться к правительству в Вашингтон, сейчас нечего было и думать.

Беда в том, что пока еще никто не был серьезно напуган. Чтобы люди стали действовать быстро, как только могут, их надо грубо напугать — а у меня для этого было куда больше времени, чем у остальных.

И тут я подумал о другом человеке, который был напуган не меньше, чем я.

Белсен.

Белсен мне поможет. Он здорово перепугался.

Он инженер и наверняка сможет сказать, принесет ли пользу то, что я задумал. Он сможет рассчитать все действия. Он знает, где достать нужный нам пластик и определить самый подходящий тип. И он может знать кого-нибудь, к кому можно обратиться за советом.

Я вышел из-за дома и огляделся.

Вдалеке маячили несколько полицейских, но не очень много. Они ничего не делали, просто стояли и смотрели, как жуки трудились над их машинами. К этому времени твари успели полностью разобрать кузова и теперь принялись за двигатели. На моих глазах один из двигателей поднялся и поплыл к дому. Из него текло масло и отваливались комки грязи, смешанной со смазкой. Я представил, во что превратился любимый ковер Элен, и содрогнулся.

Тут и там виднелись кучки зевак, но все на порядочном расстоянии от дома.

Я решил, что без помех доберусь до дома Белсена, если обойду квартал, и зашагал.

Я гадал, будет ли Белсен дома, и боялся, что не застану его. Большинство домов по соседству выглядели пустыми. Но я не должен упускать этот шанс. Если Белсена не окажется дома, придется его разыскивать.

Я подошел к его дому, поднялся по ступенькам и позвонил. Никто не ответил, и я вошел.

— Белсен,— позвал я.

Он не ответил. Я крикнул снова.

Я услышал стук шагов по ступенькам. Дверь подвала распахнулась, из щели высунулась голова Белсена.

— А, это вы,— сказал он.— Рад, что вы пришли. Мне потребуется помощь. Я отослал свою семью.

— Белсен, я знаю, что мы можем сделать. Достать огромный кусок пластика и накрыть им дом. Тогда они не смогут вырваться. Может быть, удастся достать несколько вертолетов, хорошо бы четыре, для каждого угла по одному...

— Спускайтесь вниз,— велел Белсен.— Для нас найдется работа.

Я спустился вслед за ним в мастерскую. Там было опрятно, как и должно быть у такого чистюли, как Белсен.

Музыкальные машины стояли ровными и сверкающими рядами, рабочий стол безукоризненно чист, все инструменты на своих местах. В одном из углов стояла записывающая машина, она светилась лампочками, как рождественская елка.

Перед ней стоял стол, загроможденный книгами: одни из них были раскрыты, другие свалены в кучи. Там же валялись исписанные листки бумаги. Скомканные и исчерканные листы усеивали пол.

— Я не должен ошибиться,— сказал мне Белсен, встревоженный, как всегда.— Все должно сработать с первого раза. Второй попытки не будет. Я потратил уйму времени на расчеты, но думаю, что своего добился.

— Послушайте, Белсен,— произнес я с некоторым раздражением,— не знаю, над какой заумной схемой вы работаете, но, что бы это ни было, мое дело неотложное и гораздо более важное.

— Потом,— ответил Белсен, почти подпрыгивая от нетерпения.— Потом расскажете. Мне надо закончить запись. Я все рассчитал...

— Но я же говорю о жуках!

— А я о чем? — рявкнул Белсен.— Чем же я еще, по-вашему, занят? Вы ведь знаете, я не могу допустить, чтобы они добрались до моей мастерской и утащили все, что я построил!

— Но послушайте, Белсен...

— Видите эту машину? — перебил меня он, указывая на одну, самую маленькую.— Ею мы и воспользуемся. Она работает от батарей. Попробуйте подтащить ее к двери.

Он повернулся, подбежал к записывающей машине и сел перед ней на стул. Затем медленно и осторожно начал нажимать клавиши на панели. Машина зашумела, защелкала и замигала лампочками.

Я понял, что, пока он не закончит, с ним разговаривать бесполезно. И был, конечно, шанс, что он знает, что дела-

ет,— или придумал какой-то способ защитить свои машины или остановить жуков.

Я подошел к машине. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Я начал ее толкать и смог передвинуть лишь на несколько дюймов, но я не сдавался.

И тут я понял, что придумал Белсен.

И удивился, почему не подумал об этом сам и почему Добби, со всеми его разговорами об атомной бомбе, тоже об этом не подумал. Но конечно же, только Белсену с его необычным хобби могла прийти в голову подобная мысль.

Идея была такой старой, такой древней — и все же должна была сработать.

Белсен оторвался от своего занятия и вынул сбоку из цилиндра ролик с записью. Потом торопливо подошел ко мне и опустился на колени возле машины, которую я почти дотащил до двери.

— Я не могу точно знать, что они из себя представляют,— сказал он мне.— Кристаллические. Конечно, я знаю, что они состоят из кристаллов, но из какого вида кристаллов, из какого типа? Поэтому я изготовил узконаправленный генератор ультразвука с постепенно меняющейся частотой. Какая-нибудь из них, я надеюсь, попадет в резонанс с их структурой.

Он откинул в маленькой машине дверцу и стал вставлять ленту с записью.

— Что-то вроде той скрипки, которая разрушила бокал,— сказал я.

Он нервно улыбнулся.

— Классический пример. Вижу, вы о нем знаете.

— Это все знают.

— Теперь слушайте меня внимательно,— сказал Белсен.— Нам надо только нажать эту кнопку, и запись начнет прокручиваться. Вот этой ручкой регулируется громкость, я поставил ее на максимум. Мы откроем дверь и потащим машину. И постараемся протащить как можно дальше. Я хочу подобраться к ним поближе.

— Но не слишком близко,— предупредил я.— Жуки только что убили собаку. Налетели несколько штук и прошили ее насквозь. Они как живые пули.

Белсен облизнул губы.

— Я предполагал что-то вроде этого.

Он направился к двери.

— Подождите, Белсен. А есть ли у нас на это право?

— Право на что?

— Право убить их. Они первые живые существа, прилетевшие к нам с другой планеты. Мы многое сможем у них узнать, если договоримся с ними...

— Договоримся?

— Ну, установим контакт. Попытаемся их понять.

— Понять? После того, что они сделали с собакой? И после того, что они сделали с вами?

— Думаю, что да. Даже после того, что они сделали с моим домом.

— Да вы сумасшедший! — крикнул Белсен.

Он распахнул дверь.

— Ну! — крикнул он мне.

Я помедлил секунду, потом взялся за ручку.

Машина была тяжелая, но мы подняли ее и вынесли во двор. Потом вытащили на улицу и остановились перевести дух.

Я посмотрел на свой дом и увидел, что жучиный патруль все еще кружится вокруг него на уровне крыши, сверкая золотом в лучах заходящего солнца.

— Может быть,— выдохнул Белсен,— может быть, мы сможем подойти поближе.

Я наклонился, собираясь ухватиться за ручку, но тут заметил, что круг разорвался.

— Смотрите! — завопил я.

Жуки мчались прямо на нас.

— Кнопку! — взревел я.— Нажмите кнопку!

Но Белсен молча продолжал стоять, глядя на жуков. Он оцепенел.

Я кинулся к машине, нажал кнопку, а затем бросился на землю, стараясь стать как можно меньше и тоньше.

Я не услышал никакого звука и, конечно, знал, что не услышу, но это не помешало мне удивиться, почему его нет. А вдруг оборвалась лента? — подумал я. Или машина не сработала?

Краем глаза я видел летящих к нам по широкой дуге жуков, и мне показалось, будто они застыли в воздухе. Но я знал, что это не так, что это всего лишь вызванная страхом зрительная иллюзия.

Да, я был испуган, но не так, как Белсен. Он все еще стоял во весь рост, не в силах шевельнуться, и с недоумением глядел на приближающуюся смерть.

Жуки были уже почти рядом. Так близко, что я различал каждое танцующее золотое пятнышко,— и вдруг они превратились в облачко сверкающей пыли. Рой исчез.

Я медленно встал и отряхнулся.

— Выключите ее,— сказал я Белсену и потряс его, выводя из оцепенения.

Он медленно повернулся ко мне, и я увидел, как с его лица постепенно сходит напряжение.

— Сработало,— вяло произнес он.— Я наверняка знал, что сработает.

— Я это заметил,— сказал я.— Теперь вы герой.

Я произнес эти слова с горечью, даже не знаю почему.

Оставив его стоять на месте, я медленно побрел по улице.

Дело сделано, подумал я. Правильно мы поступили или нет, но дело сделано. Первые существа явились к нам из космоса, и мы стерли их в порошок.

А не случится ли и с нами, когда мы отправимся к звездам, чего-либо подобного? Найдем ли мы там хоть немного терпения и понимания? И станем ли мы действовать столь же самоуверенно, как эти золотые жуки?

И всегда ли будут находиться Белсены, берущие верх над Марсденами? И будут ли чувство страха и нежелание понять всегда стоять на пути пришедших со звезд?

И самое странное, думал я, что из всех людей именно я задаю себе подобные вопросы. Потому что именно мой дом разрушили жуки.

Хотя, если поразмыслить, все это не стоило мне ни цента. Кто знает, быть может, я на них еще и заработал. Ведь у меня осталась агатовая глыба, а она стоит кучу денег.

Я бросил взгляд в сад, но глыбы там не было!

С трудом переводя дыхание, я побежал к дому, остановился у сада и в ужасе уставился на аккуратную кучку блестящего песка.

Я забыл, что агат, как и жуки, тоже кристаллический!

Я повернулся к куче спиной и побрел через двор, злой как черт.

Этот Белсен, подумал я, чтоб его разорвало вместе с его постепенно меняющейся частотой!

Я запихну его в одну из его машин!

И тут я замер на месте. Я понял, что ничего не смогу ни сказать, ни сделать. Белсен стал героем, и я сам только что произнес эти слова.

Он тот самый человек, что в одиночку отразил нашествие из космоса.

Так назовут его в заголовках газет и так станет думать весь мир. За исключением разве что нескольких ученых и немногих других — но с их мнением никто не станет считаться.

Белсен стал героем, и если я его хоть пальцем трону, меня растерзают.

И я оказался прав. Теперь Белсен герой.

Каждое утро в шесть часов он включает свой оркестр, и никто во всем квартале не говорит ему ни слова.

Вы случайно не знаете, во сколько обойдется звукоизоляция целого дома?

Глава 1

Все было в порядке. Денег, правда, кот наплакал, но их много и не бывает — разве что подвернется удача, а она подворачивается не часто. Тем не менее дела шли, и синдикат пока не выражал недовольства. Не то чтобы они были в восторге от моих успехов, но рассуждали так: мол, дадим мальчишке шанс. Они до сих пор считают меня мальчишкой, хотя мне уже двадцать семь.

Пожалуй, насчет синдиката надо объяснить поподробнее. Звучит громко, а на деле — ничего особенного. Синдикатом именует себя теплая компания из моего родного городка Милвилла: они потратили часть своих сбережений, чтобы отправить в космос помешанного на Луне парня, который рос у них на глазах,— пускай попытает счастья. Разумеется, согласились они далеко не сразу, что вполне понятно: ведь жители провинциальных городков весьма консервативны. Банкир Мел Адамс, парикмахер Тони Джонс, владелец аптеки-закусочной Большой Дэн Олсон и добрый десяток других. По-моему, они в конце концов уступили только потому, что начали предвкушать, как будут хвастаться. Не каждый же может похвалиться тем, что вложил средства в освоение Луны.

Вот так я попал на Луну и катил сейчас на вездеходе, размышляя о тех, кто остался на Земле, и радовался про себя, что наконец-то, после четырех дней в Пустыне, направляюсь обратно к Енотовой Шкуре. Не спрашивайте, почему поселение назвали именно Енотовой Шкурой, а другое, у кратера Шомбергер, Клячей, а третье, в Архимеде, Трепотней. По идее, им следовало присвоить какие-нибудь красивые названия — нарекают же кратеры именами ученых — или, на худой конец,

© Перевод Н. Михайлова.

обозвать, скажем, Луноградом или там Селенополисом; в общем, подобрать названия, которые имели бы смысл. Впрочем, мне кажется, что удивляться тут нечему. Когда Луна была далеко, все изощрялись в придумывании названий попышнее, но стоило на ней высадиться людям, как в ход пошли наименования, которые напоминали о доме.

Я провел четыре дня в Пустыне к северо-западу от Тихо. Ну, доложу вам, и местечко: вся поверхность так и стоит дыбом. Прогулка оказалась более-менее успешной — в холодильнике вездехода валялся приличных размеров мешок, набитый под завязку лишайниками; я сделал анализ и убедился, что растения кишат микробами.

До Пиктета оставалось меньше часа, когда я заметил другой вездеход. В тени у подножия невысокого гребня с будто бы срезанной вершиной, по которому я спускался, вдруг что-то блеснуло. Я присмотрелся повнимательнее: мне пришло в голову, что там выходит на поверхность пласт вулканического стекла — в округе его довольно-таки много, и больше всего как раз в окрестностях Тихо.

Не знаю чем, но этот блеск привлек мое внимание. Прожив на Луне пару-тройку лет, человек приобретает некое чутье. Лунный пейзаж поначалу сводит с ума, но потом к нему привыкаешь и в сознании отпечатывается что-то вроде подробного чертежа. В результате, и не догадываясь как и почему, сразу же замечаешь всякие несуразицы. На Земле такое чутье называется знанием леса, но здесь о лесе говорить не приходится.

Я развернул машину и погнал ее по гребню в том направлении, где засек блеск. Моя «собачка» Сьюзи выбралась из передатчика, где отдыхала или пряталась — или занималась кто-ее-разберет-чем,— уселась на руль и вся затрепетала от возбуждения. С нее посыпались искры. По крайней мере, такое было впечатление. Лучшего слова все равно не подберешь.

Корпус вездехода загудел: о него срикошетил метеорит. Я изрядно перетрухнул. Страх появляется всякий раз: пугает не столько звук, сколько мысль о том, что, будь метеорит побольше, от тебя осталось бы мокрое место. Этот, по счастью, оказался крохотным — возможно, около миллиметра в поперечнике; этакая приличных размеров песчинка, несущаяся со скоростью несколько миль в секунду. Удар получается что надо.

Съехав с гребня, я повел подпрыгивающий на камнях вездеход дальше. Теперь стало видно, что блеск исходит от застывшей в неподвижности машины, такой же, как моя собственная. Поблизости как будто никого не было. Машина стояла на солнце, хотя тень была почти рядом; тот, кто бросил ее тут, наверняка или свихнулся, или прилетел на Луну совсем недавно и еще не успел узнать основных правил поведения. Старожилов же учить ни к чему: если кому-то из них потребуется остановить вездеход, когда на дворе лунный день, он постарается припарковать его в тени.

Не верьте тому, кто станет утверждать, что на Луне холодно. На полюсах и впрямь попрохладнее, чем на экваторе, но все равно — температура днем поднимается до 250 градусов по Цельсию. Да, вездеходы оборудованы холодильными установками, однако те расходуют громадное количество энергии, а на Луне нет ничего дороже двух вещей — энергии и кислорода. Человек волей-неволей превращается в скрягу. Не потому, что энергии в обрез — с атомным двигателем о ней можно не беспокоиться. Но вот воды всегда не хватает, а она необходима, чтобы привести в действие паровую турбину.

Я подъехал поближе, заглушил двигатель, натянул на голову шлем, стукнул по нему, чтобы он сел поплотнее, и щелкнул застежками. Когда выбираешься наружу, даже в вездеходе, обязательно надеваешь скафандр. Если машину расплющит метеорит, а ты случайно останешься жив, или если в корпусе появится дыра, со скафандром у тебя есть возможность добраться до базы; хотя, по совести говоря, шансы невелики — ты оказываешься один-одинешенек неизвестно где и на помощь рассчитывать почти не приходится.

Я пролез в шлюз, закрыл за собой внутренний люк, потом распахнул наружный и, извиваясь как червяк, который выбирается из яблока, высунулся из машины. Конечно, конструкторы вездехода могли бы придумать способ попристойнее, однако их заботила в первую очередь надежность модели, а не всякие там удобства; к тому же на Луне о чувстве собственного достоинства лучше вообще забыть.

Меня ослепил яркий свет. Я запамятовал опустить светофильтр. В кабине он не нужен, поскольку лобовое стекло поляризовано. Я выбранился, коря себя за забывчивость. С такой дырявой памятью долго здесь не протянешь.

Дотянуться до шлема я не мог, ибо снаружи торчала только голова, а все остальное было внутри. Тогда вперед, и пошустрее! Я крепко зажмурился, вывалился на поверхность и тут же опустил светофильтр.

Первое, что бросилось в глаза: наружный люк чужого вездехода был распахнут настежь. Значит, водитель покинул машину. На мгновение мне стало стыдно за те тревожные мысли, которые роились в мозгу. Впрочем, я поступил так, как от меня ожидалось. Встречи в Пустыне происходят не очень часто, а потому приличия требуют остановиться и хотя бы поздороваться.

Я подошел к вездеходу и лишь теперь увидел в лобовом стекле аккуратную круглую дырочку.

— Есть кто живой? — спросил я, установив на максимальную громкость интерком скафандра.

Ответа не последовало. Сьюзи, которая выпорхнула из люка, затанцевала передо мной подобием крохотной радуги. Что бы о них ни говорили, порой «собачки» — отличная компания.

— Эй! — крикнул я.— Может, вам помочь?

Что за глупый вопрос! Метеорит, пробивший стекло, должно быть, врезался прямиком в панель управления, и вездеход превратился в бесполезную груду металла. В отверстии вполне уместилась бы десятицентовая монета; метеорит такой величины способен причинить немало неприятностей.

— Привет,— отозвался кто-то слабым голосом.— Помощь мне и вправду не помешает.

Странный, однако, голос. Похож на женский.

— Что, так плохо?

— К сожалению. Подождите, я сейчас вылезу. Я тут пытаюсь его наладить, но стало слишком жарко. Пришлось укрыться в тени.

Я прекрасно представлял, каково этому бедняге в кабине вездехода. Холодильные установки отключились, температура быстро повышается, солнце светит прямо в стекло, создавая в машине парниковый эффект.

— Могу дотащить вас до города,— предложил я.— Тут недалеко, час с небольшим.

— Не стоит. Мне необходимо отремонтировать вездеход.— Из-за сломанной машины появилась облаченная в скафандр человеческая фигура.— Меня зовут Амелия Томпсон.— Фигура

протянула руку. Перчатки наших скафандров заскрежетали друг о друга.

— Женщина!

— Вы имеете что-нибудь против?

— Пожалуй, нет. Просто я не слышал, чтобы до сих пор какая-либо женщина отваживалась отправиться в Пустыню.

Лица Амелии видно не было — она опустила светофильтр шлема. На плече у нее восседала «собачка». Сьюзи подлетела к женщине, и две «собачки» принялись разбрасывать вокруг себя целые снопы искр.

— Может быть,— проговорила Амелия,— вы отбуксируете мою машину в тень, чтобы она немного остыла?

— Амелия,— ответил я,— меня зовут Крис Джексон. Я вовсе не добрый самаритянин, однако не могу оставить вас наедине с вездеходом, у которого повреждена панель управления. Вам ее не починить, вы разве что сумеете накоротко замкнуть провода, а это не приведет ни к чему хорошему. По-моему, вы сами себе роете яму.

— В город мне дороги нет,— сказала она.

— Тем не менее здесь я вас не оставлю. Вы сошли с ума, если хотя бы подумали о такой возможности.

Она показала на мой вездеход:

— Не возражаете? Мы могли бы продолжить разговор внутри.

— Разумеется,— отозвался я, совершенно, честно говоря, не представляя, о чем тут еще говорить.

Мы подошли к моему вездеходу. Амелия забралась в люк. Выждав около минуты, я залез следом, уселся в кресло, включил двигатель и направил машину в тень.

«Собачки» сидели рядом на панели и тихонько искрились.

Остановив вездеход, я обернулся.

Амелия сняла шлем. Она улыбалась, однако доброжелательности в улыбке не чувствовалось. Прямые черные волосы, ровно подстриженные надо лбом; молочно-белая кожа, множество веснушек — она походила на школьницу, которая решила вдруг стать взрослой.

Я проявил гостеприимство: встал и направился к холодильнику, намереваясь достать из него фляжку с водой. Чтобы осуществить задуманное, мне пришлось протиснуться между Амелией и стенкой. Свободного пространства в кабине вездехода крайне мало, ведь он предназначен не для увеселительных прогулок.

Так, фляжка, два стакана. Амелии я налил побольше, чем себе, решив, что ей это необходимо. Проведя в скафандре несколько часов, на протяжении которых лишь изредка утоляешь жажду глотком теплой воды из трубки, положительно начинаешь мечтать о стакане ледяной влаги.

Амелия залпом осушила стакан и вернула его мне.

— Спасибо,— сказала она.

Я наполнил стакан по второму разу.

— Право, не стоит. Нельзя быть таким расточительным.

Я встряхнул фляжку. Вода в ней еще оставалась — почти на донышке.

— Нам хватит. До дома рукой подать.

Амелия поднесла стакан к губам. На сей раз она пила маленькими глоточками. Я догадывался, что она лишь усилием воли обуздывает желание выпить все сразу. Временами организм просто-напросто требует чего-нибудь холодного и мокрого.

Я поставил фляжку обратно в холодильник. Амелия заметила мешок с лишайниками.

— Удачная поездка.

— Похоже, что да. Они кишат микробами. Док страшно обрадуется. Ему вечно их не хватает.

— Вы продаете лишайники госпиталю?

— Вообще-то я ищу другое, а их собираю между делом.

— Другое? Что именно?

— Ничего особенного. Уран. Хромиты. Бриллианты. Все что угодно. Я даже подбираю агаты. Кстати, в прошлую вылазку нашел несколько вполне приличных образцов.

— Агаты! — Амелия рассмеялась коротким, гортанным смешком.

— Их коллекционирует один парень из Енотовой Шкуры. Гранит, полирует, те, которые ему нравятся, оставляет себе, а остальные переправляет на Землю. На камушки с Луны там постоянный спрос. Неважно, хорошие они или не очень, главное, что с Луны.

— Вряд ли он много вам платит.

— Ни цента. Он — мой друг и время от времени оказывает мне кое-какие услуги.

— Понятно.

Амелия, прищурясь, словно изучала меня. По-видимому, что-то прикидывала. Осушив стакан, она протянула его мне.

— Еще? — предложил я.

Она покачала головой:

— Крис, может, вы вернетесь в город и забудете, что видели меня? Если вы оттащите мой вездеход в тень, дальше я справлюсь сама.

— Не пойдет. Вам что, не терпится умереть? Я вас не брошу.

— Я не могу появиться в Енотовой Шкуре...

— Оставаться здесь вы тоже не можете,— перебил я.

— Поймите, я проникла на Луну в обход закона. У меня нет лицензии.

— Вот оно что,— протянул я.

— Послушать вас, так это — тягчайшее преступление.

— Ни в коем случае. Вы всего лишь поступили неразумно. Ведь вам известно, для чего выдаются лицензии,— чтобы служба контроля могла следить за прибывшими на Луну. Попади вы в аварию...

— Не попаду.

— Уже попали,— возразил я.

— Как попала, так и выберусь.

Мне захотелось стукнуть ее, чтобы она хоть немного образумилась. Благодаря ей я очутился в немыслимом положении. Отпускать ее одну было нельзя, везти в город — тоже. Те, кто совершает вылазки в Пустыню, блюдут одно-единственное правило: по возможности держаться вместе. Ты помогаешь другому, чем только можешь, и ни в коем случае не доносишь на него.

Может статься, лет через сто с лишним наступит такое время, когда нас тут станет слишком много, и тогда мы начнем красть друг у друга, обманывать, грызться между собой — когда-нибудь, но не сейчас.

— Если хотите, я помогу вам починить панель,— сказал я,— но дело в том, что, положившись на нее, вы рискуете жизнью. Вездеходу требуется капитальный ремонт. Не забывайте вдобавок, что у вас дырка в лобовом стекле.

— Я ее заделаю.

Правильно, она ее заделает.

— Мне нужно попасть в Тихо. Нужно, и все!

— В Тихо?!

— Да, в кратер Тихо.

— Только не туда! — с дрожью в голосе воскликнул я.

— Знаю, знаю,— проговорила Амелия.— Слышала я эти россказни.

Она не понимала, о чем говорит! То были вовсе не россказни, а достоверные сведения, факты, занесенные к тому же в архивы колонии. В Енотовой Шкуре жили люди, которые прекрасно помнили, что произошло.

— Вы мне нравитесь,— сказала она.— Вы производите впечатление честного человека.

— К черту! — бросил я, сел в кресло и запустил двигатель.

— Что вы собираетесь делать?

— Я еду в Енотову Шкуру.

— Собираетесь сдать меня властям?

— Нет,— ответил я.— Не властям, а своему приятелю, о котором рассказывал. Тому, что коллекционирует агаты. Он вас пока спрячет, а там мы что-нибудь придумаем. Кстати, держитесь подальше от люка. Если попытаетесь выпрыгнуть, я вас поймаю и отшлепаю.

На мгновение мне показалось, что она сейчас то ли заплачет, то ли набросится на меня, словно дикая кошка. Впрочем, Амелия не сделала ни того ни другого.

— Подождите.

— Да?

— Вы слышали о Третьей лунной экспедиции?

Я кивнул. О ней слышали все. Два звездолета с одиннадцатью людьми на борту сгинули без следа, будто проглоченные Луной. Катастрофа произошла тридцать лет назад, а тела и корабли так и не были найдены.

— Я знаю, где она,— заявила Амелия.

— В Тихо?

Она утвердительно кивнула.

— Ну и что?

— Остались бумаги...

— Бумаги? — Внезапно меня как осенило.— Документы?

— Совершенно верно. Представляете, сколько они сегодня стоят?

— Плюс права на публикацию,— сказал я.— «Я нашла потерянную экспедицию» — чем не заголовок для статьи?

— Да, плюс права. Наверняка выйдут книга и фильм, не говоря уж о теленовостях.

— Быть может, правительство даже наградит вас медалькой.

— Все это будет после, а не до.

Я понимал, куда она клонит. Стоит только открыть рот, как тебя тут же отпихнут в сторону. Всем ведь плевать на какие-то там права, всем подавай славу.

Амелия Томпсон вновь окинула меня изучающим взглядом.

— Похоже, выхода нет. Пятьдесят процентов вас устроят?

— Разумеется,— отозвался я.— Все по справедливости. Две могилы вместо одной. Там хотели построить обсерваторию, хотели, но не построили.

Амелия молча оглядела маленькую кабину. Рассматривать там было особенно нечего.

— В какую сумму вам обошелся вездеход? — справилась она.

Я не стал скрывать: *около сотни тысяч долларов.*

— Рано или поздно синдикату надоест возиться с вами. И что тогда?

— Не думаю, что такое может случиться,— возразил я, вовсе не чувствуя, однако, той уверенности, какую постарался придать голосу. Перед моим мысленным взором возникла знакомая картина: члены синдиката попивают кофе в аптеке или, сняв пиджаки, садятся за стол в задней комнате банка, чтобы скоротать вечерок за покером. Им не составит труда пустыми разговорами сначала привести себя в раздражение, а потом повергнуть в панику.

— Сегодня,— продолжала Амелия,— вы едва сводите концы с концами. Я знаю, вы надеетесь на удачу. Но скажите, вам известны те, кому она улыбнулась?

— Таких не очень много,— пробормотал я.

— Ну так вот она, ваша удача. Ловите ее. Я беру вас в долю.

— Потому что нет выхода,— напомнил я.

— Не только.— Амелия криво усмехнулась.

Я промолчал, ожидая, что последует дальше.

— Может быть, я предлагаю вам поехать со мной потому, что эта работа мне одной не по плечу. Честно говоря, мистер, пока не появились вы, я чуть не умерла со страха.

— А раньше полагали, что справитесь?

— Наверное, да. Понимаете, у меня был напарник. Был-был — и не стало.

— Постойте, постойте. Его звали Бадди Томпсон, верно? И где же наш Бадди сейчас?

Я вдруг вспомнил его. Он уехал из Енотовой Шкуры где-то с год тому назад. Прилетел с Земли, поболтался в городе

месячишко-другой, а потом укатил в Пустыню. В этом не было ничего странного: старателям обычно не сидится на одном месте.

— Бадди мой брат. Ему не повезло. Он попал в радиационный шторм и оказался далеко от укрытия. Теперь он в Кляче, в госпитале.

— Действительно, не повезло.— Это были не пустые слова. Я знал, что такое может случиться с кем угодно, причем без всякого предупреждения. Вот почему на Луне не следует отдаляться от вездехода. Да даже и поблизости от него лучше держать ухо востро и всегда иметь на примете пещеру или расщелину, куда можно без промедления нырнуть.

— С ним все будет в порядке,— сказала Амелия,— но поправится он нескоро. Может быть, его даже отправят на Землю.

— Значит, вам понадобится куча денег.

— По крайней мере, больше, чем у нас есть.

— Так вы приехали из Клячи?

— Меня вместе с вездеходом доставили на ракете. Я истратила почти все, что оставалось в кошельке. Можно было бы, конечно, доехать самой, но это заняло бы гораздо больше времени.

— И было бы куда рискованней.

— Я все рассчитала.— Мне показалось, что расчеты Амелии, судя по ее тону, оказались не слишком точными.— Ракета прилунилась в порту. Я вывела вездеход, подъехала к административному корпусу и припарковалась в сторонке, а потом вошла в здание, направилась к стойке регистрации, но не дошла до нее — свернула в заведение. Я просидела там около часа, пока не совершил посадку рейсовый звездолет. Тогда я вышла и смешалась с толпой. Все были настолько заняты, что меня никто не заметил. В общем, я села в машину и уехала.

— Служба контроля Клячи поставит в известность...

— Разумеется,— перебила Амелия.— Но к тому времени будет уже поздно. Либо я получу то, чего желаю, либо на свете станет одной женщиной меньше.

Я призадумался. Меня поразила дерзость, с какой она улизнула из космопорта. Поскольку Амелия в данный момент находилась в зоне Енотовой Шкуры, она должна была бы иметь соответствующую лицензию, чтобы за ней могла наблюдать местная служба контроля. Ей пришлось бы представить марш-

рут вылазки и выходить на связь каждые двадцать часов. Не выйди она хоть раз, и в Пустыню немедленно вышлют спасательную команду. Да, подобный расклад наверняка смешал бы Амелии все карты.

Правда, прежде всего она не получила бы разрешения на вылазку в Тихо. Вероятно, произнеси она одно только слово, ее тут же посадили бы под замок. Соваться в Тихо — чистой воды безумие, и все об этом знают.

Итак, она вывела из ракеты вездеход, а затем направилась в административный корпус. Любой, кто заметил ее, скорее всего посчитал, что она идет за лицензией. А позже, когда девушка вышла из здания, те, кто, возможно, обратил на нее внимание, предположили, по-видимому, что вот шагает человек с лицензией в кармане, и просто-напросто вычеркнули Амелию из памяти.

Без лицензии, без утвержденного маршрута, отметившись лишь в Кляче, она имела полную свободу действий и могла ехать, куда ей заблагорассудится.

Ничего не скажешь, шикарный способ самоубийства.

— На внешнем склоне Тихо Бадди нашел человека,— проговорила Амелия.

— Кого?

— Человека из состава Третьей лунной экспедиции. Он каким-то образом выбрался из кратера, уцелел после катастрофы. Его звали Рой Ньюмен.

— Бадди следовало сообщить властям.

— Конечно. Мы знали, что так полагается. Но признайтесь, Крис, вы бы сами как поступили? Времени у нас было в обрез, денег тоже. Иногда приходится рисковать и даже играть в прятки с законом.

Она была права. Порой и впрямь приходится рисковать. Порой тебя охватывает отчаяние, и ты говоришь: «А пошли они к черту!» — и ставишь на кон все, что имеешь. И как правило, проигрываешь.

— У Ньюмена был при себе дневник. Он вел его не очень аккуратно, однако записал, что все члены экспедиции составили завещания и изложили на бумаге, что именно с ними стряслось...

— За этими документами вы и охотитесь?

Она кивнула.

— Но вам не удастся сохранить их у себя. Когда все откроется, придется передать документы семьям погибших.

— Знаю,— ответила Амелия.— Однако мы можем фотокопировать бумаги; вдобавок у нас будут права на первую публикацию. К тому же там документы не только личного характера, а также различные научные приборы и сами корабли. Их два, один пассажирский, а другой грузовой. Можете себе представить, сколько они сегодня стоят?

— Но...

— Никаких «но»,— возразила она.— Корабли — наша законная добыча. Я специально изучала закон. Они принадлежат тому, кто сумеет их обнаружить.

Я снова погрузился в размышления. Деньги, много денег. Пускай звездолеты простояли на поверхности Луны целых тридцать лет — если метеориты не понаделали в них дыр, они, вполне возможно, все еще в рабочем состоянии. А если нет, их можно продать на слом и выручить кругленькую сумму. Сталь ценилась на Луне чуть ли не на вес золота.

— Послушайте,— продолжала Амелия,— давайте рассуждать по-деловому. Вы можете оставить меня здесь, а какое-то время спустя вернуться с новой панелью. Вдвоем мы быстро ее установим. Вас в Енотовой Шкуре знают. Составьте маршрут вылазки на внешние склоны Тихо. Никто ничего не заподозрит, никто не будет за вами следить.

В самом деле, подумалось мне. Как будто все складывается неплохо, если не считать того, что меня вынуждают бессовестно нарушить правила. Отыскав экспедицию, мы превратимся в героев и, возможно, в придачу разбогатеем. А потерпим неудачу — так не все ли равно мертвецу?

Я вспомнил прожитую жизнь, прикинул, что ждет впереди, представил членов синдиката — вот они сидят в парикмахерской и щелкают подтяжками... Как будет здорово возвратиться в Милвилл, пройтись по знакомым улицам, слыша со всех сторон: «Смотри, Крис Джексон! Он поймал удачу на Луне!»

— Пятьдесят процентов,— добавила Амелия Томпсон.

— Думаю, остановимся на тридцати,— сказал я.— Не стоит забывать о Бадди.

В этом моя беда: порой я бываю сентиментален.

Глава 2

На все про все у нас было шесть дней светлой части лунных суток минус день на поездку в город и возвращение обратно. За пять дней можно успеть многое. От того места, где стоял вездеход Амелии, до склона Тихо было лишь несколько часов езды.

Вернуться же можно и в темноте — если мы, конечно, вернемся; а вот для работы необходимо, чтобы было светло.

Я механически вертел руль — и думал, думал, время от времени коря себя за то, какого свалял дурака, ввязавшись в подобную авантюру.

Мне было страшно. Чудовищно, невыразимо страшно.

Что бы там ни говорила Амелия, Тихо — весьма крепкий орешек, который не всякому по зубам. С такими вещами лучше не шутить. Никто из колонистов даже не пытался утверждать, будто знает наверняка, в чем состоит тайна кратера; домыслов же было не перечесть, и от некоторых из них волосы просто вставали дыбом.

Давным-давно, лет двадцать пять назад, когда Луну только начинали осваивать, на дне Тихо собирались построить астрономическую обсерваторию, однако после всего, что случилось, ее построили в кратере Кювье. В Тихо отправили группу геологов — провести съемку местности,— и эта группа бесследно исчезла. Тогда послали наземную спасательную команду, которая словно растворилась — разумеется, не в воздухе, а в пространстве. В небо взмыли звездолеты, которые кружили над кратером на протяжении доброго десятка часов. Ничего: ни малейшего признака жизни, ни единого движения, ни даже намека на что-либо более-менее похожее. Инструменты — пожалуйста, они стояли там, где их поставили геологи; рядом громоздились ящики с припасами и оборудованием. С кораблей, правда, засекли колею, которая вела на юг и обрывалась у стены кратера. Людей же так и не обнаружили.

Тем все и кончилось. Больше ни у кого не возникало желания ни забираться в кратер, ни даже приближаться к нему. Если кто-нибудь случайно оказывался в нескольких милях от Тихо, он вдруг начинал передвигаться как бы на цыпочках и огибал зловещее место по широкой дуге. А попытаться проникнуть внутрь — такое наверняка не приходило в голову ни одному человеку в здравом уме и твердой памяти.

У меня же, очевидно, слегка поехала крыша.

Ладно, хватит валять дурака, будем честными. Ни про кого из лунных старателей нельзя сказать, что вот он — в здравом рассудке. Те, кто наделен здравомыслием, отсиживаются в безопасности на Земле.

Сьюзи, которая сидела за панелью управления, искрилась слабее обычного. Чувствовалось, что она чем-то расстроена. Непрерывно щелкал счетчик радиации; вездеход катился по дну выбеленного пылью распадка. Я торопился вернуться в город, поскольку оставил почти весь кислород Амелии и не мог терять времени. Стоит кислороду выйти — и поминай как звали, проживешь ровно столько, на сколько сумеешь задержать дыхание.

Вдобавок я беспокоился — не только насчет кислорода, но и насчет Амелии. Впрочем, мое беспокойство вряд ли было оправданным. Амелия казалась более-менее разумной девушкой. Кислорода у нее достаточно, вездеход стоит теперь в тени, которая никуда не денется до рассвета следующего лунного дня. Правда, она может замерзнуть, но, если не согреется благодаря термоэлементам скафандра, просто выйдет на солнце, на котором не страшен никакой холод. Дыру в лобовом стекле мы заделали, то есть кабина вездехода снова стала герметичной; воды у Амелии в избытке...

На юге показался западный склон Пиктета, увенчанный зазубренным гребнем, а дальше, на юго-западе, замаячил Тихо, белые пики которого вонзались в угольно-черное небо.

Дно распадка устилала пыль, что было не очень-то хорошо. Вездеход в любую секунду мог угодить в пылевую яму — может быть, совсем крохотную или же такую, в какой поместится добрая дюжина машин.

Однако мне было некогда рыскать по округе в поисках более безопасного пути, равно как и вести машину на небольшой скорости, чтобы в случае чего успеть затормозить и дать задний ход.

Если бы я знал, что в распадке лежит пыль, то ни за что бы в него не сунулся; но начало дороги не предвещало ничего подобного — сплошной камень, катись в свое удовольствие. Разумеется, я смотрел вперед, однако солнце сверкало так ярко, что определить на расстоянии, галька там или пыль, не представлялось возможным.

Когда ты впервые прилетаешь на Луну, тебя поражает одна вещь. Луна — черно-белая. Если не считать немногочисленных оттенков, какие присутствуют в скальных породах, других цветов здесь не существует. Солнце буквально выбеливает все, на что только падают его лучи. А когда солнце уходит, наступает кромешная тьма.

Итак, я вел вездеход по распадку, прокладывал колею по пыли, которую никогда еще не давили гусеницами; которую испещряли крошечные кратеры — следы примчавшегося из космоса мусора; которая копилась тут на протяжении столетий, отшелушивалась от каменных стен, не выдерживавших беспрерывных атак излучения, укусов песка, что передвигался со скоростью не одной мили в секунду, перепадов температуры — разница составляла сотни градусов.

Да, жизнь на Луне тяжелая и не слишком веселая, однако в самой суровости планеты таятся восторг и красота. Она ловит каждую ошибку, норовит прикончить тебя, не знает жалости, не дает пощады; но порой она являет собой зрелище, от которого захватывает дух, когда душа словно взмывает в черноту космоса и обретает умиротворение и понимание. А иногда Луна попросту лишает тебя слов.

Что-то похожее происходило со мной сейчас. Я застыл в кресле, в горле пересохло, на лбу выступил пот. Машина катилась по распадку, приближаясь, может статься, к ловушке, объехать которую не удастся.

Мне повезло. По-видимому, мой черед еще не наступил: старушка Луна, должно быть, приберегала меня для другого раза.

Я выехал из распадка и очутился на широкой равнине, за которой виднелся Домашний проход, что вел внутрь Пиктета, прямиком к Енотовой Шкуре.

Под гусеницами вновь захрустела галька. Я посмотрел на датчик кислорода: игла находилась почти у самого левого края шкалы. Ничего, до города хватит. В крайнем случае воспользуюсь тем баллоном, который упакован в ранец скафандра. В общем, доберусь.

Главное — я целым и невредимым выбрался из засыпанного пылью распадка, а остальное в настоящий момент ерунда.

Вездеход взобрался на склон, и передо мной раскинулся Пиктет — амфитеатр, у северо-восточной стены которого притулилась колония. За городом сверкали на солнце здания кос-

мопорта, служившего промежуточным этапом на пути к другим планетам. На моих глазах на посадочную площадку опустился очередной звездолет, окутанный клубами дыма, весь в пламени, которое выплевывали дюзы. Наблюдать за ним было очень странно: тормозные двигатели работали на полную мощность, пламя било ослепительными струями — однако посадка проходила в полной тишине.

Первое, что поражает на Луне,— засилье черного и белого цветов; грозное же высокомерие тишины обрушивается не сразу, но затем сопровождает тебя каждую минуту. Тишина — то, во что трудно поверить, с чем нелегко свыкнуться и почти невозможно жить.

Я сбросил скорость, ибо проход изобиловал поворотами, которые требовали повышенного внимания. Стрелка на кислородной шкале опустилась ниже прежнего, но я знал, что мне уже ничто не угрожает.

Миновав проход, я съехал на дно кратера и свернул влево, обогнул выступ стены и направил машину к госпиталю, что примостился в укромном уголке между выступом и стеной.

Лунные поселения строятся особым способом: не на открытом месте, а у стен кратеров, у подножия гор, в долинах и распадках — то бишь там, где существуют естественные укрытия, которые позволяют прятаться от радиации и метеоритов. Правда, надежнее всего зарыться под землю, однако в человеческом естестве есть что-то такое, что восстает при одной только мысли о жизни в норах. Поэтому люди защищаются иным способом — возводят поселения вплотную к высоким стенам. Именно так, к примеру, построена Енотова Шкура. Город протянулся почти на три мили в длину; улиц в нем нет, а все дома прижимаются к северной стене кратера.

Я остановил вездеход у наружного шлюза госпиталя, надел шлем, взял мешок с лишайниками и выбрался из машины. Должно быть, меня заметили изнутри, поскольку шлюз начал открываться. Когда я подошел к нему, люк уже распахнулся настежь. Я вошел; люк закрылся, послышалось шипение подаваемого в шлюзовую камеру воздуха. Подождав, пока откроется внутренний люк, я снял шлем и двинулся к отверстию.

С той стороны меня поджидал док Уизерс. Увидев мешок, он усмехнулся в свои огромные, как у моржа, седые усы.

— Кэти! — позвал он, протянул руку к мешку, а другой похлопал меня по плечу.— Ты нас выручил. Запасы подходят

к концу, а никто из добытчиков до сих пор не появился. Ты первый.— Док шумно вдохнул и столь же шумно выдохнул.— Знаешь, я все время боюсь, что вы рано или поздно встретите свою удачу, и тогда никому не станет дела до моих ненаглядных микробиков.

— Не переживайте по пустякам, док,— отозвался я.— Такое вряд ли случится.

Тут появилась Кэти — вечно хмурая старушенция с исхудалым лицом медсестры, которая переработала свой срок и, имея склонность помыкать людьми, со временем стала проявлять чрезмерное усердие в уходе за пациентами.

Док вручил ей мешок.

— Проверьте и взвесьте,— сказал он.— Я рад, что наши запасы слегка пополнились.

Кэти повернулась ко мне.

— Где вы пропадали? — холодно справилась она с таким видом, будто подозревала, что я нарочно не приезжал как можно дольше.— Мы чуть было не остались вообще без лекарств! — После чего повернулась и вышла в коридор.

— Давай вылезай из своей амуниции, и пойдем пропустим по стаканчику,— пригласил док.— Тебе все равно придется подождать, пока Кэти разберется с твоей добычей.

— Я, пожалуй, останусь в скафандре, иначе у вас тут все провоняет...

— Прими ванну,— предложил док.

— Спасибо, не стоит.

— Не забывай, я всю жизнь проработал в больницах, так что запахи меня не пугают.

— Я скоро буду дома, там и разденусь. А вот насчет выпить — с удовольствием.

Док провел меня в свой кабинет, крохотное, но весьма уютное помещение. Добиться уюта на Луне не так-то просто, ведь нужно каким-то образом смягчить впечатление от металлических стен, пола и потолка. На стены можно повесить картины, задрапировать или даже покрасить — как ни старайся, от металла никуда не денешься. Он будет чувствоваться, обоняться, осязаться; человек никогда не забудет его твердости и холода, а также того, почему кругом металл, а не что-либо иное.

Иллюзия уюта в кабинете дока достигалась за счет мягкой мебели, которой он обставил комнату. Там стояли кресла и

кушетки, садясь на любую из которых ты словно падал на перину.

Док открыл дверцу буфета, достал бутылку и несколько стаканов. Оказалось, что у него есть и лед. Я знал, что он угостит меня чем-то вполне приличным. Дрянное спиртное на Луне — да и в космосе в целом — попросту не водится. Транспортные налоги настолько высоки, что в попытках сэкономить на качестве нет ни малейшего смысла.

— Как съездил? — спросил док.

— Почти никак. Набрал только лишайников, больше ничего.

— Я живу в постоянном страхе, что когда-нибудь мы сорвем последний лишайник,— признался Уизерс.— Мы пытались выращивать их в искусственных, теоретически идеальных условиях, и они попросту не пожелали расти. Мы пробовали пересаживать их в другие места здесь, на Луне, и все заканчивалось сравнительно благополучно, однако на Земле они так и не прижились. Похоже, они не выносят атмосферы.— Он принялся разливать спиртное по стаканам.

— Может, со временем обнаружится, что они растут не только здесь,— предположил я.

— Нет,— покачал головой док.— Лишайников нет нигде, за исключением окрестностей Тихо.

Сьюзи, которая впорхнула в кабинет следом за мной, уселась на бутылку. Не могу сказать, есть ли у нее задатки алкоголика, но сидеть на бутылках она обожает.

— Хитрюга,— проговорил док, кивнув Сьюзи, а затем протянул мне мой стакан.

Я пригубил. Виски. Как раз то, что требовалось, чтобы промочить горло и прополоскать рот, в который будто набился песок.

— Знаете, док,— произнес я, сделав большой глоток,— «собачки» и лишайники как-то связаны друг с другом. Нашел одних — значит, жди других. Над лишайниками всегда висят две-три «собачки» — этакие бабочки, что вьются над цветочной клумбой. У моей Сьюзи замечательный нюх, лучшего охотника я еще не встречал.

Продолжая потягивать виски, я задумался над тем, что объединяет между собой «собачек», лишайники и микробов. Любопытный, однако, расклад. «Собачки» находят лишайники,

в лишайниках кишат микробы, за которыми-то, по сути, и охотится человек. Ему необходимы именно микробы.

Впрочем, дело не только в этом.

— Док, мы с вами друзья, верно?

— Пожалуй, да,— отозвался док.— Да, мой мальчик. Судя по всему, ты прав.

— У меня порой возникает странное чувство. Точнее, два чувства. Первое — что Сьюзи пытается поговорить со мной.

— Ничего странного,— заявил док.— Мы же знать не знаем, кто такие эти «собачки». Возможно, они разумны. Мне кажется, что так оно и есть. Внешне они представляются сгустками энергии, но где сказано, что разумом наделены лишь те существа, которые состоят из плоти и крови?

— А второе чувство,— продолжал я,— такое. Иногда мне чудится, что она изучает меня — не как отдельную личность, а как представителя человечества. Может, она намеренно увязалась за мной?

Док торжественно опустился в кресло лицом ко мне.

— Да, мой мальчик, что-либо подобное можно открыть только настоящему другу,— проговорил он.

Я покачал головой, гадая, почему вдруг разоткровенничался. До сих пор я хранил все в тайне, ни разу не проронил ни словечка.

— Меня бы сочли сумасшедшим.

— Вряд ли,— возразил Уизерс.— Нет никого, совершенно никого, кто мог бы сказать, что знает Луну. Мы ведь едва прикоснулись к ее поверхности. Помню, когда я был мальчишкой, народ любил порассуждать, на кой нам вообще сдалась Луна. Она пуста и мертва, на ней нет ничего такого, из-за чего стоило бы лететь туда, а если и есть, то все равно не окупит затрат на космический полет. Говорили, что Луна всего-навсего кусок Земли, лишенный вдобавок атмосферы и какой бы то ни было жизни. Кто бы мог подумать, что на никуда не годной планете будет обнаружено то, чего так долго добивался человек,— лекарство от душевных болезней!

Я кивнул. Если дока тянет поговорить, пускай себе разглагольствует. Дел у меня никаких, разве что вернуться к Амелии, которая осталась в сломанном вездеходе посреди Пустыни. К тому же я изрядно вымотался и способен, по большому счету, только слушать. Увидев, что мой стакан пуст, док вновь наполнил его. Я не стал отнекиваться.

— Нам необходимо расширить госпиталь,— сказал док.— Деньги не проблема. Их столько, что можно было бы отгрохать домину в три раза здоровее нынешней хибарки, но какой в том смысл? Лишайников катастрофически не хватает.

— Поднимите цену,— посоветовал я.— Ребята станут искать внимательнее, забудут про всякую ерунду вроде урана и бриллиантов...

— Ты, должно быть, шутишь,— произнес Уизерс, пристально поглядев на меня.— Но мне не до шуток, Крис.

— Лишайники наверняка растут не только поблизости от Тихо,— сказал я.— Ведь на Луне пока основано всего лишь пять поселений: три здесь и два на Северном полюсе. Иными словами, Луна еще не исследована. Конечно, ее фотографировали с ракет, организовывались наземные экспедиции; кое-что мы узнали, но гораздо больше не видели. На планете полным-полно мест, куда не ступала нога человека.

— По-моему, ты ошибаешься,— ответил док, качая головой.— С лишайниками все не так просто, я много раздумывал над этим, даже во сне. На мой взгляд, не существует какой-либо явной причины, по которой они могут расти только в окрестностях Тихо. Правда...

— Что? — спросил я и прибавил, не дожидаясь ответа Уизерса: — Правда, причина может заключаться в Тихо. Вы хотели сказать, что лишайники зародились в Тихо, а уж затем распространились по округе?

— Что такое Тихо, Крис? — справился док, не спуская с меня глаз.— Ты часто бываешь в тех краях. Что там внутри?

— Не знаю, не заглядывал.

— Когда-нибудь кто-то, у кого достанет мужества, сделает это. Кто-то, кто пошлет к чертям суеверия, спустится в кратер и узнает наконец, что же в нем творится.

В кабинет вошла Кэти. Она протянула доку листок бумаги, презрительно усмехнулась и удалилась.

— Получается сто семьдесят пять долларов,— сообщил Уизерс, поглядев на листок.— Правильно?

— Как скажете.

Дока можно было не проверять. Он играл по-честному, был из тех, кому верят на слово, платил столько, сколько следовало, вплоть до последнего цента.

Док извлек из заднего кармана брюк бумажник, отсчитал деньги и передал мне.

— Допивай и наливай еще,— предложил он.

— Некогда. Время поджимает. Слишком много дел.

— Ты снова уезжаешь?

Я кивнул.

— Лишайники посмотришь?

— Конечно, о чем речь! Если бы можно было задержаться в Пустыне подольше, я бы привез вам целый вездеход. Жалко, что они хранятся не больше сотни часов. Мотаешься туда-сюда...

— Понимаю,— проговорил док.— Вот если бы мне удалось переправить лекарство в целости и сохранности на Землю! Быть может, когда-нибудь это случится. Здесь у меня шестьдесят пациентов — столько вмещает госпиталь, на стольких хватает препарата. А люди записываются и записываются, уже образовалась очередь на три года вперед. Они жаждут исцеления, которое сулит Луна.

— Может, кто-то синтезирует...

— Ты видел рисунки, изображающие молекулярную структуру лишайника? — спросил, криво усмехнувшись, док.

— Нет,— признался я.

— Ее невозможно воспроизвести.

Я сунул деньги в карман скафандра, поставил стакан на стол и поднялся.

— Спасибо за угощение.

Ко мне подлетела Сьюзи. Она заложила над моей головой пару виражей, а затем принялась разбрасывать искры.

Я попрощался с доком, прошел через шлюз и забрался в кабину вездехода.

Звездолет, за посадкой которого я наблюдал, замер на краю космодрома. Экипаж занимался разгрузкой: пассажиры, похоже, давно покинули корабль.

Я запустил двигатель и поехал к «Грязному Джо». Пускай название вас не обманывает, его заведение — вовсе не какая-нибудь забегаловка. Джо владеет чуть ли не единственным деловым зданием в Енотовой Шкуре; оно появилось вместе с городом. Джо открыл лавочку, когда строили космопорт. Он кормил строителей, давал им приют и пришелся им по душе, а поскольку они хотели, чтобы Луна как можно сильнее напоминала Землю, то назвали кабачок «У Грязного Джо». Со временем строители улетели, а название осталось.

Я притормозил у входа, припарковал вездеход, вылез из кабины и направился к зданию.

Мне показалось, будто я вернулся домой. Впрочем, так оно отчасти и было. Около десятка старателей вроде меня имели в заведении Джо личные номера, где коротали промежутки между вылазками. Выходить в город не было необходимости, поскольку Джо поставил дело на широкую ногу и прежний кабачок превратился в отель-бар-банк-универмаг, что называется, в одном лице.

Я вошел в холл и двинулся к стойке бара — не потому, что хотел чего-нибудь выпить, а чтобы посмотреть, кто сегодня заглянул на огонек.

Как выяснилось, никто вообще, если не считать бармена Табби и мужчины, который стоял у стойки и как раз поднес к губам стакан.

— Привет, Крис,— поздоровался Табби.— Тут тебя желают видеть.

Мужчина повернулся. Он был высок ростом и настолько широкоплеч, что плечи как бы клонились вперед, словно грозя вот-вот рухнуть на пол. Скуластое лицо, льдисто-голубые глаза, седые баки — не борода, а именно бакенбарды. Вид у него был весьма внушительный.

— Вы Джексон? — требовательно спросил он.

Я не стал отрицать.

— Он прилетел на том корабле, что сел меньше часа назад,— сообщил Табби.

— Меня зовут Чандлер Брилл,— сказал мужчина.— Из университета Джонса Хопкинса. Я ваш новый хозяин, прошу любить и жаловать.

Он протянул руку, которая была больше моей, хотя я не успел еще снять перчатку.

Мы обменялись рукопожатием. У меня по спине побежали мурашки.

— Вы хотите сказать, что купили...

— Нет, ничего подобного,— перебил Брилл.— Я просто нанял вас и вашу машину. Между прочим, милвиллская публика заломила несусветную цену.— Он сунул руку в карман и достал оттуда конверт.— Вам от них письмо.

Я взял конверт, сложил пополам и запихнул в карман скафандра.

— Должно быть, вам понадобится некоторое время, чтобы пообвыкнуться?

— Ничуть,— ответил Брилл.— Выезжаем, как только вы будете готовы.

— Что будем искать?

— Что попадется. Я ученый широкого профиля.

— Держи, Крис,— проговорил Табби.

Я приблизился к стойке, принял стакан; перед глазами у меня с жужжанием бешено вращались тысячи разноцветных колес.

Нужно как-то обвести его вокруг пальца. Да, сначала одурачить этого Брилла, а затем поспешить к Амелии, которая дожидается меня в Пустыне. Пускай она всего лишь взбалмошная девчонка, я не могу бросить ее на произвол судьбы. И потом, нам предстоит вылазка в Тихо. Каких-нибудь двадцать часов назад я бы ни за что не согласился на такую авантюру — не набрался бы мужества. Как там выразился док? Однажды найдется кто-то, кто наплюет на глупые суеверия и вздорные истории. Вовсе они, впрочем, не глупые и не вздорные: сколько людей исчезло в утробе Тихо!

— Оборудования у вас много? — справился я у Брилла.

— Почти никакого. Я приучился обходиться без него еще на Земле.

— Значит, все будет в порядке,— подытожил я, одобрительно кивнув. На мгновение мне пришла в голову шальная мысль запугать его: мол, на вездеход ничего толком не погрузишь, так что лучше никуда не соваться; но я быстро сообразил, что с ним такое не пройдет. Брилл резко отличался от всех ученых, с какими я до сих пор сталкивался. Сказать по правде, он сильнее всего смахивал на бандита с большой дороги.— А почему Мел Адамс не отправил радиограмму?

— Дело в том,— объяснил Брилл,— что я вылетел практически сразу после того, как завершились наши переговоры. Адамс передал мне письмо для вас. Он умеет считать деньги.

— Да уж,— пробормотал я.

— Поскольку я все равно отправлялся на Луну, он решил не тратиться на радиограмму. Сказал, что вы, должно быть, в Пустыне.

— Ребята из космопорта нашли бы меня, и я бы успел вернуться, чтобы встретить вас у трапа.

— Предлагаю закончить обсуждение,— произнес Брилл.— Насколько я понимаю, никто никого не обидел. Может, перекусим?

— Мне нужно принять ванну и переодеться. Как только управлюсь, спущусь.

— Буду ждать,— пообещал Брилл.

— Табби,— сказал я,— дай-ка мне бутылку.

Бармен исполнил мою просьбу. Я стиснул бутылку в кулаке и двинулся к двери.

— Эй! — воскликнул Табби.— Ты забыл стакан!

— Он мне ни к чему,— отозвался я. Бывает, что человеку хочется назюзюкаться до полной отключки. Именно таким было мое желание.

Глава 3

Я наполнил ванну почти до краев. В городе насчет воды особенно волноваться не приходилось. Ее было вполне достаточно. Под Пиктетом находились залежи — кубические мили — льда, который добывали в специально пробитой шахте. Вот одна из причин, по которым Енотову Шкуру построили не где-нибудь, а в Пиктете. Еще в начале освоения планеты какая-то из геологических партий пробурила почву у северной стены кратера — и наткнулась на лед.

Разумеется, в Пустыне с водой обращаются иначе, поскольку, как ни старайся, в вездеход много не запихнешь. Но здесь, в городе, можно плескаться в свое удовольствие.

Я выбрался из скафандра, повесил его на крючок в шлюзовой камере и открыл наружный люк, чтобы мои доспехи как следует проветрились. Точнее, прокосмичились. После чего налил в ванну воды, положил на край кусок мыла, поставил рядом бутылку и принялся отмокать.

За четыре дня в скафандре можно сойти с ума. Человек уже не в силах выносить самого себя: он весь в грязи и чем только не пропах.

Я лежал в ванне и глядел в потолок, который здесь, как и в других городских домах, был стальным и выкрашенным в серый цвет. Что за гнусная жизнь! Ни глотка свежего воздуха, ни травинки, ни цветка, ни розового рассвета и ни пламенеющего заката, ни дождя, ни росы — словом, ничего, что могло бы хоть чуть-чуть скрасить наше существование.

Чувствуя, что пора немного приободриться, я приложил к губам бутылку и как следует глотнул, однако решил, что напиваться, пожалуй, не стоит: слишком многое предстоит сделать, а времени в обрез.

В ванную залетела Сьюзи; она уселась на кран, из которого лилась горячая вода. Признаться, я не стал бы утверждать, что она села, просто было похоже, что Сьюзи сидит. И не спрашивайте, почему я отнес ее к самкам. Такие, как она, не имеют пола. Хотя...

Я предложил ей выпить. Она приняла форму вопросительного знака, одним концом по-прежнему упираясь в кран, а другим, с которого сыпались искры, заглянув в бутылку, после чего снова взгромоздилась на кран. Около минуты, пока не потухли искры, бутылка представляла собой восхитительное зрелище. Признаться, пить было страшновато, однако, как оказалось, искры не причинили спиртному ни малейшего вреда.

Тут я вспомнил, что забыл кое-кому позвонить. Я вылез из ванны, подошел к телефону и набрал номер Герби Грейла.

Герби был тот самый парень, которому я привозил из Пустыни агаты. Он торговал в центральном магазине, где ему выделили уголок под прилавок и мастерскую. У него была алмазная пила, обрезной станок, шлифовальный станок, точильный круг и множество других инструментов. Герби ничего не стоило взять в руки обычный камень и сделать из него маленькое чудо, от которого невозможно отвести взгляд.

Он жил в трейлере, припаркованном под выступом стены; это было одно из безопаснейших мест во всем городе. Каждую неделю Герби приглашал кого-нибудь из приятелей перекинуться в покер. Он был холостяком — единственным, по-моему, из холостяков Енотовой Шкуры, кто жил в трейлере. Все остальные обитатели трейлеров являлись женатыми людьми, у некоторых даже были дети.

Вот и рассуждай после этого о никудышных условиях для подрастающего поколения!

Герби оказался дома.

— Мне нужна твоя помощь,— сказал я.

— Выкладывай.

— Синдикат прислал клиента. Придется пару дней потаскать его по Пустыне.

— Турист?

— Нет. Говорит, ученый.

— По-видимому, тебе нужен мой трейлер?

— Если не возражаешь. Поживи пока у меня. За номер заплачено вперед.

— Конечно не возражаю,— отозвался Герби.— На нем кого только не возили.

— Спасибо, Герби.

— Не за что.

— Понимаешь, вдвоем в кабине слишком тесно.

Разговаривая с Грейлом, я прикидывал, как завезу Брилла подальше от города, отцеплю трейлер и скажу, что должен отлучиться — ненадолго, на пару часиков. Возможно, ему придется просидеть в трейлере денек-другой, но ничего, переживет, а я в случае чего сочиню какую-нибудь историю насчет собственного невезения. Вероятно, он мне не поверит, но это его трудности. Главное — у меня будет прикрытие, которое собьет с толку службу контроля. Воды, воздуха и пищи в избытке; а если и впрямь случится что-нибудь этакое и я не вернусь, служба контроля организует поиски и трейлер быстро обнаружат.

— Когда он тебе нужен, Крис? — справился Герби.

— Я не хочу тебя подгонять.

— Ерунда.

— Тогда, скажем, через двенадцать часов. Я думаю поспать.

— Хорошо. Я пока соберу все, что мне понадобится, а остальное оставлю, идет?

— Еще раз спасибо, Герби.

— Не за что,— повторил Грейл.— Вспомни, сколько камней ты мне привез.

Я повесил трубку и направился обратно в ванную. Внезапно мое внимание привлек валявшийся на столе конверт, который я достал из кармана скафандра перед тем, как отправить его проветриваться.

Я взял конверт, забрался в воду, почувствовал, что вновь начинаю отмокать, и распечатал письмо. Оно гласило:

«Дорогой Крис!

Мы не хотим, чтобы у тебя сложилось впечатление, будто мы вмешиваемся в твои дела, согласившись на предложение доктора Брилла нанять твой вездеход вместе с водителем. Однако, учитывая, что тебе до сих пор не удалось добиться того ошеломляющего успеха, на какой ты рассчитывал, мы пришли к едино-

му мнению, что ты, наверное, не откажешься от возможности подзаработать денег. Мы навели справки о докторе Брилле. Он — профессор в университете Джонса Хопкинса и пользуется большим уважением в научных кругах. Не сомневайся, мы все по-прежнему верим в тебя и надеемся, что когда-нибудь ты все же преуспеешь на избранном тобою поприще.

С наилучшими пожеланиями
Мел Адамс».

Я уронил письмо на пол. Мне стало слегка не по себе, поскольку я прочел между строк внешне вполне дружелюбного послания, что в души милвиллцев наконец-то закралось сомнение.

Нужен успех, и чем раньше, тем лучше.

Я угодил в ловушку, из которой, похоже, не выбраться.

Как ни крути, теперь мне придется совершить вылазку в Тихо, попытать счастья, положившись на слова Амелии о сокровищах, которые там якобы лежат, и попробовать вернуться целым и невредимым.

Обстоятельства вынуждали действовать. Месяц-другой спустя синдикат отступится, на планету начнут прибывать кредиторы, и я потеряю Луну навсегда.

Я представил себе, как брожу по улицам Милвилла: пресловутый неудачник, готовый на любую работу,— еще один из тех, кто проиграл на Луне.

Вылезя из ванны, я оделся и принялся составлять в уме план действий. Сначала поесть и переговорить с Бриллом, затем поспать, после чего заполнить и сдать маршрутную карту, прицепить к вездеходу трейлер, усадить туда ученого — и в путь-дорогу. Времени всего ничего.

С маршрутной картой могут возникнуть кое-какие осложнения, ибо в ней будут упомянуты внешние склоны Тихо. Таким образом, я отошлю последнее сообщение с самого гребня кратера, и в моем распоряжении окажется двадцать часов до следующего выхода на связь.

А за это время мы с Амелией отыщем то, что разыскиваем, или же, как и другие до нас, исчезнем без следа.

Я приложился напоследок к бутылке и спустился вниз, следом за Сьюзи, которая порхала перед моим лицом.

Брилл ждал меня, как и обещал. Мы прошли в столовую и сели за свободный столик. Сьюзи примостилась на сахарнице.

— Любопытный у вас дружок,— проговорил Брилл, указав на «собачку» рукой.

— Подружка,— поправил я.— Сьюзи ищет лишайники. Когда находит, она исполняет нечто вроде танца, а я подхожу и срываю их со скалы.

— Специально тренировали?

— Ничего подобного. «Собачки» каким-то диковинным образом связаны с лишайниками. Если вам повстречались «собачки» — разумеется, дикие,— значит, поблизости лишайники.

— Но ваша Сьюзи... Вы купили ее или...

— Нет, она просто прибилась ко мне в первой моей вылазке в Пустыню. Прибилась и осталась.

— А другие старатели? У них тоже?..

— Да, у каждого, но только в здешних краях. Вы, должно быть, знаете, что жизнь на Луне была обнаружена лишь тут.

— Потому-то я и прилетел сюда,— заявил Брилл.— Я хочу, чтобы вы доставили меня туда, где бы я мог изучать лишайники и наблюдать за «собачками».

— На склоны Тихо.

— Бармен наговорил мне всяких ужасов,— продолжал Брилл, утвердительно кивнув.— Похоже, он считает, что в кратере водятся привидения.

— В самом кратере,— уточнил я.— На склонах вы в безопасности.

— Вы верите в эту ерунду? — Брилл пристально поглядел на меня.

— Конечно.

Встав из-за стола и пожелав Бриллу спокойной ночи, я отправился на поиски Грязного Джо и нашел того в его кабинете, в котором царил жуткий беспорядок. Джо словно стремился оправдать свое прозвище: на галстуке у него виднелось пятно — два месяца назад он уронил на себя яйцо.

Джо сообщил, что на мой счет и вправду поступили кое-какие деньги. Синдикат несколько часов назад перевел мне десять тысяч долларов.

— Оплата за услуги, которые ты должен оказать какому-то Чандлеру Бриллу,— сказал Джо.— Кажется, я его уже видел.

Я пояснил, что мы с Бриллом успели познакомиться.

— За такие деньги,— хмыкнул Джо,— я бы на твоем месте опекал его как заботливая мамаша.

Я пообещал, что так и поступлю, после чего заказал кислород, изрядное количество воды и кое-что еще, в том числе запасную панель для вездехода Амелии. Джо решил, что я попросту сорю деньгами, и попытался отговорить от покупки, но я заявил, что меня давно беспокоит моя панель — дескать, ее того и гляди выведет из строя какой-нибудь шальной метеорит. Джо расхохотался, однако я продолжал гнуть свое: мол, я слышал об одном таком случае, который произошел у Северного полюса. Водителю пришлось пройти пешком сорок миль, и ему повезло, что он был так близко от базы. Прогулка пешком по Луне, смею вас уверить, не большое удовольствие, даже при пониженной гравитации.

Джо сказал, что парень свалял дурака. Надо было просто подождать, пока до него доберется спасательная команда. Я заметил, что тогда его оштрафовали бы на тысячу баксов за то, что он угодил в передрягу, которая требует посылки спасателей. Джо признал мою правоту, пробурчал, что за тысячу долларов можно пройти и сто сорок миль, и заверил, что погрузит заказ в трейлер Герби.

Он вытащил бутылку, и мы с ним пропустили по стаканчику, после чего я попрощался с Джо и отправился спать.

Глава 4

Я перевалил через гребень и увидел, что за те восемнадцать часов, на протяжении которых я отсутствовал, тень немного продвинулась вперед. У противоположного гребня виднелась гусеничная колея: ее оставил мой вездеход, когда я съехал вниз, к машине Амелии.

Значит, все правильно. На Луне очень трудно определить, туда ли вы попали, куда хотели. С одной стороны, тут множество запоминающихся ориентиров, а с другой — полным-полно мест, которые точь-в-точь похожи друг на друга. Местность настолько однообразна, что как бы утрачиваешь способность ориентироваться.

Однако на сей раз я ничуть не сомневался, ибо знал окрестности Тихо как свои пять пальцев. Наверно, я даже мог добраться сюда с закрытыми глазами. И потом, вот ведь они, следы от гусениц!

Я повел вездеход дальше, ожидая, что вот-вот замечу неяркий блеск металла. Машина Амелии стояла в тени, которая

вдобавок за время моего отсутствия слегка переместилась вперед. Однако тень была не слишком густой: от залитой солнечными лучами поверхности отражалось достаточно света, чтобы тень выглядела скорее дымчато-серой, чем черной.

Однако металл так и не блеснул, сколько я ни вглядывался в призрачную дымку, которая на довольно значительном удалении от границы света и тени переходила в кромешную тьму. Над дымкой, подобно увенчанной иглами спине некоего доисторического чудовища, возвышался зазубренный скалистый гребень.

Я проехал мимо того места, где, как был уверен, стоял вездеход Амелии — и не увидел ничего хотя бы смутно похожего на машину. Тогда я включил прожектор и направил его в тень, но луч света не показал мне чего-либо примечательного: нагромождение гальки, голыши величиной с горошину, вездесущая пыль, которая кое-где, наэлектризованная солнечной радиацией, бурлила, вскидывалась и вспухала волнами, точно скопище блох на сковородке.

На Луне не было атмосферы, которая могла бы преломить или рассеять луч, поэтому не стоило обольщаться надеждой, будто он не осветил какого-то участка у подножия гребня. В столь ослепительном сиянии, которое как бы превращало ночь в день, не сумел бы остаться незамеченным даже кролик. Я повел прожектором из стороны в сторону. Ничего!

Мало-помалу мне стало ясно, что Амелии тут нет. Почему-то это не особенно меня удивило. Я сгорбился в кресле, чувствуя, как зреет внутри холодная ярость, а на лбу от страха выступил пот.

Вот и все, подумалось мне. Теперь я свободен от каких бы то ни было обязательств. Если она решила удрать, едва я повернусь к ней спиной, так тому и быть.

Что ж, пожалуй, надо вернуться туда, где я оставил трейлер с Бриллом, сказать, что нашел удобный подъезд к кратеру, и браться за работу.

Брилл оказался не очень сговорчивым. Я заявил, что должен разведать дорогу, а ему придется подождать в трейлере. Это была откровенная ложь, и он, похоже, о том догадывался, однако в конце концов согласился. Я объяснил, что трейлер пройдет далеко не везде и что мы сбережем время и избежим возможных неприятностей, если позаботимся узнать, что впереди.

В общем, он поддался на мои уговоры. Я отцепил трейлер и покатил навстречу Амелии.

А она обманула меня. Сбежала. Ладно, пускай себе едет, куда ей заблагорассудится.

Я выключил прожектор, развернул вездеход и медленно повел машину вдоль границы света и тени в направлении южного конца гребня.

Я злился на Амелию и имел на то полное право. Эта дуреха на скорую руку починила панель и рванула к Тихо, не вняв моим предупреждениям, что такой фокус может стоить ей жизни.

Достигнув конца гребня, я остановил вездеход и задумался. Она могла избрать один-единственный маршрут, поскольку других более-менее приличных дорог отсюда в Тихо не вело.

Отпускать ее одну никак нельзя. Если я сейчас уеду, то не прощу себе этого поступка до гробовой доски. И потом, на Земле, в городе Милвилл, живут банкир, парикмахер и аптекарь, которые вот-вот лишат меня средств к существованию.

Я повел машину на юго-запад, выжимая из нее все, на что она была способна, в полной уверенности, что настигну Амелию еще до того, как беглянка поднимется на гребень кратера. Девушка не могла намного опередить меня: ей нужно было отремонтировать панель и к тому же хоть чуть-чуть поспать.

Мои расчеты оказались точными. Я догнал Амелию через какой-то десяток миль, у подножия массивного утеса, что возвышается над кучкой крохотных кратеров. От утеса начинался длинный склон, выводивший к самому гребню Тихо.

Амелия вытаскивала из углубления в стене утеса какое-то снаряжение. Когда я вылетел из-за поворота, она уже вытащила кислородные баллоны и сражалась с большой канистрой воды.

По тому, как она вскинула голову и выронила канистру, я понял, что девушка испугалась. Она не слышала, как я подъехал, поскольку на Луне всегда тихо; а характер местности не позволил ей заметить вездеход издали.

Я остановил машину и выбрался наружу — так быстро, как только смог. Мне хватило одного взгляда, чтобы разобраться, что к чему.

— Тайник.

— Его устроил мой брат,— отозвалась Амелия тонким, испуганным голоском,— когда обшаривал окрестности Тихо.

— Полагаю,— продолжал я,— там среди всякой всячины имеется и запасная панель?

— Она мне не нужна. Я починила свою,— твердо заявила девушка.

— Леди, а вы подумали о том, что может случиться, если она сломается снова?

— Почему вы меня преследуете?! — раздраженно воскликнула Амелия.— Вас никто не принуждал ехать за мной!

— Вы уже справились со страхом?

— Не совсем, но вам-то какая разница?

Я вернулся к своему вездеходу, забрался внутрь и вытащил панель.

— Давайте займемся делом. И перестаньте вилять, у меня и без того достаточно забот, чтобы еще валандаться с вами.

Я рассказал ей о Брилле и прибавил, что нам надо каким-то образом отвязаться от него — скажем, бросить на склоне: пусть себе копается в лишайниках и таращится на «собачек», а мы двинемся в кратер.

— Прошу прощения,— сказала Амелия,— но почему бы вам не выйти из игры? Вы же можете потерять свою лицензию.

— Если нам повезет, я ничего не потеряю — наоборот, приобрету.

Мы установили панель на место. Я заметил, что отверстие в лобовом стекле надежно заделано.

— Вы уверены насчет Тихо?

— Мой брат нашел человека, который выбрался из кратера. И потом, дневник...

— О чем конкретно говорилось в дневнике?

— Радиопередатчики вышли из строя задолго до посадки. Связь стала односторонней: экспедицию никто не слышал. Прилунившись, они попытались исправить поломку, но не сумели. Что-то словно мешало им связаться с Землей. Какое-то время спустя они чего-то испугались и решили улететь, однако выяснилось, что двигатели ракет — в нерабочем состоянии. Потом произошло нечто ужасное...

— Что именно?

— Не знаю. Хозяин дневника просто написал: «Нужно убираться отсюда. Я больше не в силах этого выносить». Вот и все.

— Должно быть, он взобрался по стене, понимая, что обречен,— заметил я, одновременно спрашивая себя, от чего он

бежал.— Значит, в кратере остались корабли и все остальные участники экспедиции?

— Не знаю,— повторила Амелия, во взгляде которой читался страх.

Заменив панель, мы погрузили в вездеход Амелии Томпсон кислородные баллоны и воду. Часть пришлось взгромоздить на крышу, поскольку кабина оказалась забитой до предела.

— Дальше сами справитесь? — спросил я.

— Конечно. Я знаю машину как свои пять пальцев.

— Хорошо. Договоримся так. Когда все отладите, поезжайте к кратеру. Ждите меня за гребнем. Кстати, можете поспать. После будет не до сна.

Она протянула руку, и мы обменялись рукопожатием.

— Больше никаких шуточек.

— Разумеется. Я буду ждать вас сразу за гребнем.

Я выполз из вездехода Амелии и забрался в свой собственный, помахал девушке рукой — она ответила тем же — и повел машину обратно, опять-таки на максимальной скорости, спеша вернуться к трейлеру, в котором маялся Брилл. Мое отсутствие несколько затянулось, и он наверняка начал нервничать.

По-видимому, он высматривал меня, ибо когда я проник в трейлер, то увидел на столе бутылку бренди, а на плитке — готовый вот-вот закипеть кофейник.

— Где вы пропадали? — поинтересовался Брилл.

— Пару раз угодил в тупик. Пока развернулся, пока нашел другую дорогу...

— Тем не менее все в порядке?

Я кивнул. Брилл разлил по чашкам кофе и добавил в каждую по приличной порции бренди.

— Мне хотелось бы кое о чем с вами поговорить.

Вот оно, подумалось мне. Сейчас он скажет, что догадался, что я что-то затеваю. Ладно, попробуем выпутаться.

— Валяйте,— отозвался я с притворным безразличием в голосе.

— Вы показались мне человеком, который нечасто празднует труса.

— На Луне таких людей нет. Кого ни спросите, все признаются, что им страшно...

— Я разумел, что вы наделены известным мужеством.

— Мне страшно, но я не трус. Трусы тут не водятся.

— Вдобавок вы не слишком щепетильны.

— Откровенно говоря...

— Во всяком случае, не прочь заработать лишний доллар.

— Естественно.

Брилл взял свою чашку и сделал большой глоток, после которого жидкости в той осталось разве что на дне.

— За какую сумму вы согласились бы доставить меня в Тихо?

Я поперхнулся кофе. Напиток выплеснулся из чашки на стол.

— Вы хотите попасть в Тихо?

— С давних пор. У меня сложилась одна теория...

— Какая же?

— Вы, наверное, и сами над этим задумывались. «Собачки» и лишайники...

Неожиданно он замолчал. Я не сводил с него глаз.

— Вы получите столько, сколько запросите,— прибавил Брилл после паузы.— Разумеется, синдикату незачем знать о нашей сделке. Пускай о ней будет известно только вам и мне.

Я отодвинул от себя чашку, положил руки на стол, уронил на них голову — и расхохотался. Мне казалось, я буду смеяться до конца своих дней.

Глава 5

Взобравшись на гребень, вы смотрите вниз и видите перед собой Тихо, словно огромную карту. Зрелище достаточно неприятное, даже жуткое, как будто этот лунный кратер — врата в преисподнюю. Его дно испещрено многочисленными метеоритными воронками, которые порой располагаются настолько близко друг от друга, что как бы перетекают одна в другую. Тут и там виднеются причудливой формы возвышенности, сверкает на равнине между ними пыль, а посредине возвышается зазубренный пик, который отбрасывает кривобокую, иссиня-черную тень.

Вы смотрите вниз и видите, каким образом должны спускаться в кратер, и готовы поклясться, что это невозможно, однако вас останавливает память: в Тихо уже спускались, и неоднократно. Вам бросаются в глаза колеи, оставленные вездеходами двадцать лет назад. Они будто перечеркивают склоны и ничуть не изменились за прошедшее время, если не считать

крошечных отметин — следов метеоритов — и в некоторых местах наслоений пыли, что вьется над поверхностью планеты. Пылинки подпрыгивают точно горошины, их подхватывает и роняет солнечный ветер.

Раз существует колея, по которой когда-то прошли машины, значит, опасаться особенно нечего. Двадцать лет для Луны — не более чем секунда, ибо здесь нет ни обычного ветра, ни осадков, а эрозия минимальна: она происходит под воздействием метеоритов, солнечного ветра и перепадов температуры, из-за которых от какой-нибудь скалы отваливается однажды в столетие крохотный кусочек.

Нас трое, подумалось мне, и каждый хочет попасть в кратер по собственной причине; правда, меня с Амелией все же что-то объединяет.

Брилл рвется в Тихо, поскольку одержим безумной идеей, что обнаружит там ответ на загадку лишайников и «собачек» — единственных форм жизни, найденных на Луне. Возможно, его идея не слишком безумна: ведь «собачки» и лишайники почему-то встречаются исключительно в окрестностях Тихо. Вполне вероятно, что они обитают внутри кратера, а те, которые попадаются на внешних склонах, просто перебрались через гребень.

Амелия надеется отыскать в кратере сокровище. По сути, она — как бы продолжение своего брата, который не в состоянии присоединиться к ней, которому необходимы деньги, чтобы возвратиться на Землю, где его излечат от лучевой болезни.

Что касается меня... Я тоже разыскиваю сокровище — и кое-что еще, хотя что именно, мне сейчас определить затруднительно.

И все мы нарушаем закон.

Несколько минут назад я вышел на связь со службой контроля Енотовой Шкуры, и теперь в нашем распоряжении двадцать часов, по истечении которых от меня будут ожидать очередного сигнала. Интересно, что с нами за это время произойдет?

Я оглянулся на вездеход Амелии, который стоял сзади, и сказал Бриллу:

— Ну, поехали. С Богом и по-хорошему!

Вездеход медленно пополз вперед. Нос машины то задирался, то опускался — дорога как будто состояла из одних ухабов.

Мне приходилось нелегко. Повороты, крутые подъемы и не менее крутые спуски; порой машина еле вписывалась в промежуток между двумя каменными стенами. Гусеницы давили пыль, вниз по склону скользили мелкие камешки.

Я вцепился в руль. Мои ладони взмокли от пота. Шла суровая, жестокая гонка со временем. Мы проехали около тысячи футов, остается еще одиннадцать тысяч. Так, две тысячи; значит, осталось всего десять. Глупость, конечно. Мне стало стыдно за себя, и я попытался обуздать рассудок, но у меня ничего не вышло.

Мы спускались, стараясь не смотреть вниз, стараясь не думать о том, что может случиться, если машина вдруг рыскнет в сторону. Внезапно мне в голову пришла шальная мысль. А что, если дорога впереди обрывается? Такое на Луне не то чтобы невозможно. Что мы будем делать, если обнаружим рассекающую дорогу расщелину, которую не сможем преодолеть? Какая ужасная это будет ловушка! Возвращаться задним ходом... Я невольно содрогнулся.

На полпути вниз Брилл дернул меня за руку.

— Что такое? — справился я, раздраженный его приставаниями.

— Вон там,— возбужденно проговорил он, показывая пальцем.

Я посигналил габаритными огнями Амелии, заглушил двигатель и осторожно надавил на тормоз. Вездеход остановился. Я посмотрел назад. Машина Амелии застыла в неподвижности футах в пятидесяти от нас; сквозь лобовое стекло виднелась облаченная в скафандр фигура.

— Вон там,— повторил Брилл.— Рядом с горой.

Я посмотрел в ту сторону — и увидел нечто.

— Что это такое? — требовательно спросил Брилл.— Облако? Или свет?

— Может быть и то и другое. Однако облаков на Луне нет, равно как и природных источников света.

Нечто, привлекшее наше внимание, было достаточно большим, иначе мы бы вряд ли его заметили, поскольку оно находилось в дальнем конце кратера, за возвышавшейся посредине горой. Оно клубилось и сверкало на фоне каменной стены, то превращалось в этакое кудрявое облако, то мерцало и переливалось огнями, то внезапно становилось черным, а затем

вновь начинало сверкать, словно чудовищный алмаз, который оказался в лучах солнца.

— Выходит, все, что рассказывали, правда,— проговорил, с присвистом втянув в себя воздух, Брилл.— Выходит, тут и впрямь что-то есть.

— Я никогда не видел ничего подобного.

— Зато теперь увидели.

— Да уж,— подтвердил я.

Меня пронизал ледяной холод, ибо я испугался гораздо сильнее, чем когда мы перевалили через гребень.

— До него далеко? — осведомился Брилл.

— Порядочно,— ответил я.— Похоже, оно держится у дальней стены. Значит, миль пятьдесят или даже больше.

Я помахал рукой Амелии и показал ей на диковинное явление. Она повернулась в том направлении и поначалу, похоже, ничего не увидела, однако затем всплеснула руками и закрыла ими лицо, как если бы пришла в ужас.

Мы сидели и наблюдали за облаком — или чем там оно было. То не двигалось, оставалось на месте и продолжало сверкать, темнеть и клубиться.

— Сигнал,— предположил Брилл.

— Кому?

— Понятия не имею.

Я убрал ногу с тормоза, выжал сцепление, и вездеход вновь пополз вперед.

У меня сложилось впечатление, что спуск затянулся на несколько часов. К тому времени, когда мы наконец достигли дна кратера, я весь извелся от нервного напряжения. Скажете, заячья душа? Естественно. Попробовали бы сами, поглядел бы я на вас.

Я развернул вездеход, обернулся и мысленно поблагодарил того человека, который проложил дорогу в Тихо.

— Облако исчезло,— сказал Брилл,— пару минут назад. Я не стал вас отвлекать.

Я встал, подошел к холодильнику, достал оттуда фляжку с водой, выпил, а затем протянул ее Бриллу. Конечно же, это было с моей стороны не слишком красиво, однако мне вода была нужнее, чем ему.

Брилл сделал пару глотков и вернул фляжку.

Мне понравилось, как он поступил. Далеко не все землящки понимают, что на Луне, в Пустыне, воду не хлещут. Мы всегда пьем чуть меньше, нежели нам требуется.

Я надел шлем и выбрался из машины. Минуту спустя ко мне присоединилась Амелия.

— Что это было, Крис? — спросила она, махнув рукой.

— Не знаю.

Брилл вывалился из люка, точно пачка сигарет из торгового автомата. Да, тут необходима привычка — как, впрочем, почти во всем, чем занимаются люди на Луне.

Он поднялся и принялся отряхиваться. Смешно, право! Там, куда он упал, не было и крупицы пыли.

Зато справа, на громадном оползне, ее имелось в избытке: самая настоящая каменная пыль, отслоившаяся и осыпавшаяся со скал за многие миллионы лет.

Брилл подошел к нам.

— Что ж, мы добились своего,— раскатился в наушниках его зычный голос.— Что теперь?

Скалы над оползнем испещряли темные пятна — лишайники. У каменной стены резвилось несколько «собачек».

К Сьюзи, которая сидела на моем плече и весело искрилась, подлетела «собачка» Амелии, и они устроили игру в догонялки.

— Вам туда,— сообщил я Бриллу, указывая на скалы.

— Лишайников тут полным-полно.— В голосе Амелии слышалось нетерпение.

— У вас есть план действий?

— Где-то здесь должна быть площадка, на которой собирались строить обсерваторию. Если мы ее найдем...

— Верно.— Я утвердительно кивнул.— Разметка наверняка сохранилась. Быть может, мы отыщем колеи...

— Прошу прощения,— перебил Брилл.— Вы говорите о пропавших геологах?

— Да.

— Однако мне казалось, что вы разыскиваете звездолеты.

— По-моему, колея приведет нас прямиком к кораблям.

— После чего мы тоже сгинем.

— Может быть.

— А по пути вы предлагаете мне изучать лишайники и «собачек».

— Вы ведь затем сюда и приехали.

— Конечно, конечно.

Мы расселись по машинам и поехали вдоль стены. Вскоре нам попалась колея, которая уводила на запад. Если бы не пыль, в которой отпечатались следы гусениц, мы бы вряд ли ее обнаружили.

Я повел свой вездеход по колее. Амелия двинулась следом.

Наконец мы добрались до площадки. Тут и там виднелись вбитые в почву колья с безвольно обвисшими красными флажками, повсюду валялись инструменты и ящики с оборудованием и припасами. От площадки в разные стороны расходились многочисленные колеи.

Она располагалась в углублении, которое вырезали в каменной стене. Над ней вздымались громадные черные утесы. Жуткое местечко. От такого зрелища сами собой начинают стучать зубы. Вообще на Луне хватает мест, при виде которых тебя пробирает страх.

Колеи в большинстве своем вели на юг, в направлении горы, что торчала посреди кратера.

Мы развернули машины и покатили к ней. Дно кратера было ровным, поэтому мы ехали на приличной скорости. Время от времени попадались воронки, которые приходилось объезжать, потом дорогу преградила расщелина; ее мы обогнули по широкой дуге.

Я твердил себе, что совершаю непростительную ошибку. Кто же отправляется в путь на ночь глядя? Следовало подождать до утра; тогда у нас в запасе было бы четырнадцать земных дней. Времени более чем достаточно. Однако все осложнялось присутствием Амелии. Она незаконно проникла на Луну, и даже если бы мне удалось спрятать ее в Енотовой Шкуре, девушка по-прежнему находилась бы в опасности. Рано или поздно служба контроля установит, что кто-то сумел проскользнуть на планету незамеченным, и организует поиски.

Мы мчались по равнине, окруженной высокими стенами и зазубренными пиками, над которыми сверкало солнце, слепившее глаза и сквозь светофильтры лобовых стекол; предостерегающе пощелкивал счетчик радиации, Сьюзи, восседавшая на передатчике, то и дело сыпала снопиками искр. Казалось, равнине, как и времени, нет ни конца, ни края. Вокруг раскинулась вечность — ослепительный свет, густая тень, ощущение полной безжизненности и абсолютной стерильности.

Чары рассеял Брилл, который схватил меня за плечо.

— Смотрите! — воскликнул он.— Смотрите!

Увидев, на что он показывает, я резко надавил на тормоз. Амелия, которая слегка отстала, остановилась секундой позже.

В пыли распростерся человек. Он лежал, вытянув вперед руку; на шлеме играли солнечные блики.

Я заглушил двигатель, встал и направился к люку, понимая, впрочем, что торопиться некуда. Ведь с момента пропажи экспедиции минуло двадцать лет.

Глава 6

Человек лежал лицом вниз. Умирая, он нашел в себе силы вытянуть руку и нацарапать в пыли несколько фраз.

Если бы ему повезло, сообщение сохранилось бы на века, причем прочесть его не составило бы никакого труда. Однако надпись почти стерлась: ее засыпало пылью, которую нес на своих крыльях ветер далекого светила.

Почти, но не совсем.

Остались два слова:

«Не алмаз».

Ниже виднелись буквы — должно быть, остаток еще одного слова: «да».

И все.

— Бедняга,— проговорил Брилл, глядя на мертвеца.

Я встал на колено и хотел было прикоснуться к трупу, но Амелия сказала:

— *Не трогайте его. Пускай лежит.*

Она была права. Сделать мы все равно ничего не можем. Помощь ему уже не требуется.

Он мертв. Так зачем заглядывать в лицо мертвецу? Тем более что оно наверняка, как и все тело, высохло и сморщилось. Человек превратился в мумию. Луна высосала из него всю влагу, до последней капли; не помог даже скафандр.

— Должно быть, он из спасателей,— произнес я.— Из тех, кого послали на выручку геологам.

Иначе кто-нибудь нашел бы его, подобрал и перенес поближе к площадке. А так он явно лежал на том самом месте, где упал, чтобы уже никогда не подняться. Точнее, он, вероятно, окончательно отказался от борьбы, не в силах совладать с той безжалостной тварью, которая ему противостояла. Да, наца-

рапал свое сообщение и замер в неподвижности, окутанный безмолвием, ничуть не тронутым его отчаянными усилиями.

Я встал и спрятался от палящего зноя в тени вездеходов. Амелия и Брилл присоединились ко мне. Мы стояли и смотрели на бездыханное тело.

— Странная надпись,— заметил Брилл.— Чтобы человек перед смертью написал такое... «Не алмаз»... Когда умирают, думают обычно не об алмазах.

— А что, если это предупреждение? — предположила Амелия.— Предупреждение тем, до кого дошли слухи о здешних сокровищах? Мол, алмазов нет, и не ищите, и дальше идти незачем.

— Подобных слухов на Земле не возникало,— возразил я, недоуменно покачав головой.— Во всяком случае, я ничего такого не слышал, а мне известен, думаю, каждый слух, какой когда-либо распространялся среди старателей. Их было великое множество, но насчет алмазов, которые якобы находятся в Тихо,— ни единого.

— Допустим, что алмазы существуют,— сказал Брилл.— Разве можно быть настолько уверенным? Он вряд ли исследовал весь кратер. Ему просто не хватило бы времени.

— Откуда нам знать? — проговорил я.— Мы понятия не имеем, сколько он тут пролежал.

— А остальное? — прошептала Амелия.— Те две буквы...

— «Когда»,— отозвался Брилл.— «Вода», «еда» — что угодно. На «да» оканчивается очень много слов.

— Может, это не конец, а начало,— не согласился я.— Скажем, «датировано».

— Не думаю,— ответил Брилл.— Не забывайте, он знал, что умирает, а потому старался писать как можно яснее и короче. У него не было ни времени, ни, вполне возможно, сил. К тому же он, может статься, потихоньку сходил с ума.

Я вышел из тени и вновь приблизился к облаченному в скафандр трупу. Нагнулся, чтобы повнимательнее рассмотреть сообщение, но ничего нового, ничего сколько-нибудь примечательного не обнаружил. Другие буквы и слова исчезли без следа. Лунный ластик поработал на славу.

Пожалуй, с горечью подумал я, было бы гораздо лучше, чтобы надпись не сохранилась вообще. То, что уцелело, только раздражало. В пыли было нацарапано сообщение — наверняка очень важное. По крайней мере, таким его полагал уми-

рающий, раз потрудился написать — в надежде, что когда-нибудь эти слова прочтет кто-то другой.

Мне казалось, что в сообщении заключается некий символический смысл. То было проявление человеческой уверенности в завтрашнем дне, высокомерной убежденности в том, что жизнь продолжается; даже на пороге смерти человек пытался что-то передать своим собратьям, даже здесь, на зловещей, пустынной и враждебной планете, исполненной первобытной ненависти ко всему живому, терпеливо ожидавшей его смерти, он был уверен, что рано или поздно сюда придут другие и прочтут надпись, презирая это нечто, грозившее ему гибелью, и не сомневался, что люди в конце концов победят неведомое зло.

Я повернулся и направился к вездеходам.

Амелия и Брилл смотрели на небо.

— Они снова взялись за свое,— сказал Брилл, когда я оказался рядом.

На небосводе и впрямь появилось давешнее облако, клубившееся и сверкавшее, точно маяк, или сигнальный огонь, или лампа в окне.

Меня вновь обуял страх. Облако пугало сильнее, чем безмолвие, чем ослепительная белизна в сочетании с кромешной тьмой, чем великое и безразличное Ничто.

Интересно, почему Брилл сказал «они»? С чем или с кем связывал он это облако? Или всего лишь хотел, персонализируя ужас, сделать его более привычным?

Я раскрыл было рот, чтобы спросить, но передумал. Задать такой вопрос означало бы залезть грязной лапой в чужую душу, чтобы извлечь на свет то, что не предназначено для всеобщего обозрения.

Постояв и посмотрев на облако, я отвернулся.

— Пора перекусить и подремать, а там снова в путь. Да, снова в путь. Впереди — решающий бросок.

Глава 7

Каменные стены, что возносились над поверхностью на добрую тысячу футов, образовывали нечто вроде ворот, в которые уводила колея. Точнее, колеи — их было много, и они четко отпечатались в пыли и там, где гусеницы вездеходов раскрошили гальку. Множество машин проехало через ворота, чтобы не вернуться назад.

Я остановил вездеход и подождал, пока к нам подъедет Амелия.

Все настойчиво твердило о ловушке. Глупости, какая может быть ловушка на Луне? Кому ее тут устраивать? Разве что она — творение самой планеты, этого наидиковиннейшего образчика сверхъестественного. Да, на Луне водятся «собачки» и растут лишайники, однако последние всего-навсего особый сорт растений, кишащих вдобавок особого рода микробами, а первые — кто они такие? Сгустки живой энергии? Разумные болотные огоньки? Наделенные сознанием римские свечи? Одному Богу известно, что они собой представляют и какую преследуют цель. А также почему и как живут и с какой стати привязываются к людям и притворяются домашними животными.

Я вновь окинул взглядом стены — черные, поскольку они находились в тени, и неизмеримо громадные, этакие резные монолиты, от вершин которых отражались лучи солнца.

Я посмотрел на Амелию. Она помахала рукой, давая знать, что у нее все в порядке и можно двигаться дальше.

Выжав сцепление, я направил вездеход к воротам. Что за странное место: совершенно стерильное, голые стены и усыпанная галькой поверхность.

Коридор вел прямо вперед. Интересно, какие геологические катаклизмы способствовали его появлению, какие силы рассекли скалы и проделали этот проход? На Земле подобные ущелья обычно пробивает вода, однако на Луне воды нет и никогда не было — во всяком случае, в таком количестве, чтобы прорубить в толще камня столь грандиозный каньон. Может, лунотрясение или некое фантастическое стечение обстоятельств — скажем, тот гигантский метеор, благодаря которому и возник Тихо?

Коридор слегка забрал вправо, затем круто свернул влево, и, когда мы обогнули скалистый выступ, мне в глаза ударило солнце. Светофильтры были опущены, однако после более-менее долгой дороги в темноте солнечный свет показался ослепительно ярким, и прошло некоторое время, прежде чем я сумел определить, где мы находимся.

Мы очутились в амфитеатре, похожем на кратер внутри кратера; правда, стена, что опоясывала амфитеатр, была слишком уж ровной. Никаких склонов, одна стена, перпендикулярная поверхности, гладкой, что пол в гостиной. Пейзаж допол-

няли типичные для Луны детали: причудливые зазубренные пики, смахивавшие на огарки свечей, многочисленные крохотные воронки, жутковатого вида холмы и перекрещивающиеся трещины. Стена образовывала полукруг и смыкалась со стеной, скажем так, большого кратера, которая была уже не ровной, а покатой. Разглядывая ее, я понял, что смотрю на южный склон Тихо, что мы пересекли кратер из конца в конец.

Но это было еще не все.

Посреди малого кратера стояли два космических корабля — красные корпуса, увенчанные серыми куполами, по четыре опоры на каждый. А вокруг, сверкая на солнце, замерли вездеходы.

Повсюду валялись ящики и какие-то бесформенные тюки.

Впрочем, звездолеты, вездеходы и все остальное я воспринял поначалу как нечто, имеющее мало общего с действительностью. Первое, о чем я подумал,— что Амелия оказалась права. Откровенно говоря, до последнего момента я не очень-то верил, что мы на деле отыщем корабли Третьей лунной экспедиции. Практически даже не задумывался — не то чтобы принимал или отвергал, а именно не задумывался. Наша вылазка до сих пор напоминала поиски Эльдорадо: погоня за великолепным блуждающим огоньком по запретной территории.

Неужели, размышлял я, глядя на корабли, меня погнала в путь неудовлетворенность собственным положением, неужели мое участие в этой бредовой затее — лишь попытка освободиться от оков Луны? Человек способен ненавидеть Луну, он приходит к ненависти, не замечая, куда идет.

Только теперь я сообразил — хотя, должно быть, смутно догадывался, что к чему, с самого начала,— что бесформенные тюки не что иное, как скафандры. Передо мной лежали все те, кто бесследно исчез в Тихо.

Почти все. Двоим удалось выбраться — тому, кто нацарапал сообщение в пыли, и тому, на кого натолкнулся на внешнем склоне кратера брат Амелии.

Тут присутствовала опасность, ощущалась некая угроза, таилась смерть. Место, казалось, пропитано ощущением и запахом опасности.

С моих губ сорвался предостерегающий возглас, и я повернул руль, намереваясь развернуть вездеход, направить его в ворота и как можно скорее убраться отсюда.

В тот же миг последовала вспышка — столь мимолетная, что я ее не столько увидел, сколько почувствовал, столь яркая, что на мгновение все вокруг словно померкло,— и вездеход застыл в неподвижности.

Брилл упал на пол. Он сидел в комичной позе, заслонясь ладонью от света, который давным-давно погас. Над панелью управления вился дымок, пахло обугленной изоляцией и расплавленным металлом.

Сьюзи висела посреди кабины и возбужденно подрагивала.

— Живо наружу! — гаркнул я.

Натянув на голову Брилла шлем, я подтащил ученого к люку. Он на ощупь забрался в шлюз, я прыгнул следом.

Вездеход Амелии стоял футах в двадцати от моего. Я побежал к нему, крикнув Бриллу, чтобы он не отставал.

Наши надежды не оправдались.

Амелия выбралась из люка нам навстречу. Сквозь лобовое стекло машины можно было различить, что над панелью — совершенно новой, установленной несколько часов назад — клубится дым.

Мы молча переглянулись.

Трое людей у дальней стены кратера Тихо, из которого они вряд ли сумеют выкарабкаться.

Разве что пойдут пешком.

Хотя мы видели, что сталось с человеком, который попытался совершить такой подвиг.

— Смотрите,— сказал Брилл, показывая куда-то вверх.

Мы подняли головы.

Над нами зависло облако — то самое, что сопровождало нас по пути через кратер. Это было вовсе не облако. В небе кружились и сверкали миллионы миллионов «собачек».

Глава 8

Они прилунились, и на первых порах все было в порядке. Над горизонтом, как и сейчас, стояла Земля. Они добились громадного успеха — стали вторыми людьми на Луне. Первая лунная экспедиция провела на планете всего лишь неделю, тогда как звездолет Второй взорвался в космосе, не преодолев и половины расстояния от Земли до Луны.

Участники же Третьей экспедиции прилетели, чтобы основать колонию. Они намеревались задержаться здесь как можно

дольше. Через месяц-другой должны были прибыть корабли с пополнением и припасами.

Да, Третья экспедиция прилетела, чтобы остаться. Так, к сожалению, и произошло. Они остались навсегда.

В тот момент, когда люди радовались своему успеху, случилось нечто ужасное. Электрические цепи звездолетов задымились и вышли из строя, и внутренности чудесных кораблей, которые доставили их сюда и которым было уже не взлететь без полной замены проводки, оказались заполнены расплавленными проводами протяженностью в несколько миль. Чинить звездолеты было некому; вдобавок у экспедиции не имелось ни средств, ни времени.

Итак, корабли прикованы к поверхности планеты, радиопередатчики молчат; возможно, они попытались связаться с Землей посредством переносных раций — мы нашли эти приборы,— но ничего не добились. Горстка людей очутилась словно на необитаемом космическом острове. Вскидывая головы, они видели в небе Землю — и догадывались, что никогда на нее не вернутся.

Гибель двух экспедиций при одной относительной удаче побудила землян к осторожности. Прошло почти десять лет, прежде чем снарядили Четвертую экспедицию, которую оснастили лучшей на те дни техникой и посадили на считавшиеся весьма надежными корабли. И техника не подвела: именно с Четвертой экспедиции наконец-то началась колонизация Луны.

Но что же уничтожило электрические цепи звездолетов и вездеходов тех, кто добрался до кратера по поверхности, а также наших собственных?

Происшествие представлялось совершенно бессмысленным, тогда как до сих пор все, что случалось на Луне, имело какой-никакой смысл. Луна была жестокой, бесплодной, пустынной планетой, однако в ее безразличии к человеку все же присутствовал смысл. Она не играла краплеными картами, не прятала ничего в рукаве; была суровой старой девой, но вела себя почестному.

Я поднялся с корточек и выпрямился во весь рост в тени вездехода. День был в разгаре, солнце припекало, поэтому поневоле приходилось время от времени прятаться от его палящих лучей.

Скоро нам понадобится разработать план действий. Ждать больше нельзя. Мы испробовали почти все возможности и остались, что называется, при своих. Проводка в звездолетах и вездеходах выгорела начисто, так что заменить провода в наших машинах было нечем. Да даже если бы мы их и заменили, еще неизвестно, привело бы это к чему-нибудь или нет. Ведь невидимый противник вполне мог сжечь цепи снова.

Короче говоря, нас окружало изобилие техники, совершенно в настоящий момент бесполезной.

Мы обнаружили не только технику.

Стену малого кратера снизу доверху покрывали лишайники. О таком их количестве я в жизни не слышал. Лишайников было столько, что хватило бы на весь госпиталь дока, даже если бы он понастроил новых палат, понабрал пациентов и пичкал тех своим лекарством целую тысячу лет.

Кроме того, в кораблях нашлись документы — полная история экспедиции, равно как и оборудование и прочие весьма ценные принадлежности.

То было настоящее сокровище, поистине царская добыча. Требовалось только вытащить ее из кратера. Однако нас заботило в первую очередь то, как выбраться самим.

Куда ни посмотри, всюду лежали мертвецы — древние мертвецы, обретшие вечный покой в гробницах своих скафандров. Впрочем, мы были избавлены от необходимости засвидетельствовать насилие или агонию. О насилии не шло и речи, а признаки агонии скрывались внутри объемистых скафандров, за опущенными светофильтрами. Казалось, люди умерли с достоинством римлян, которое замечательно подходило к суровости обстоятельств.

Пышные словеса, конечно, сущая белиберда, но, признаться, успокаивают.

Над малым кратером по-прежнему кружили «собачки», сверкающие, искрящиеся глупыши, от которых не было никакого проку.

Из-за корпуса звездолета показался Брилл. Он подошел ко мне и остановился, глядя прямо в глаза.

— Нужно что-то предпринять,— сказал он.— Сколько можно сидеть и...— Ученый махнул рукой.

Я понял, к чему он клонит. Все было ясно без слов. Брилл здорово нервничал, как и мы с Амелией, и, похоже, готов был вот-вот сорваться.

— Потерпите,— ответил я.— Мы подождем, пока солнце опустится пониже, а затем двинемся в путь. Вы же видели того человека в кратере. Он попытал счастья днем.

— Но в темноте...

— Темнота — понятие относительное. Нам будет светить Земля, а она здесь светит гораздо ярче, чем Луна на Земле. К тому же будет прохладно, может быть, даже холодно. Наши скафандры оборудованы нагревателями, так что с холодом справиться легче, нежели с жарой.

— Джексон, скажите правду, каковы наши шансы?

— Пройти предстоит семьдесят миль. Вдобавок придется подниматься по склону. Задачка не из простых.

Брилл обескураженно покачал головой. Я продолжил:

— Необходимо поспать, чтобы набраться сил. Надо будет захватить с собой столько кислорода, сколько унесем. Опустевшие баллоны будем выбрасывать, чтобы избавиться от лишнего веса.

— Как насчет воды?

— Рассчитывайте только на ту, которая у вас в скафандре. Но мы пойдем по холоду, поэтому нам понадобится меньше воды, чем если бы мы шли по жаре.

— Вы не уверены, что мы дойдем,— проговорил Брилл, пристально поглядев на меня. Глаза его заблестели.

— Еще никто не проходил семьдесят миль в скафандре,— отозвался я.

— Может, нас подберут? Сейчас наверняка уже известно, что мы пропали. Служба контроля организует поиски. Им известен наш маршрут. Они засекут трейлер на гребне кратера.

— Возможно.

— Вы на это не особенно рассчитываете?

Я покачал головой.

— Сколько осталось до выхода?

— Десять или двенадцать часов. Нужно, чтобы поверхность начала остывать. Времени хватит на все: и чтобы поспать, и чтобы как следует изучить лишайники.

— Спасибо, нагляделся,— пробурчал Брилл.— На них и на «собачек» тоже. Джексон, признайтесь, вы когда-нибудь чувствовали себя окончательно сбитым с толку? У вас не возникало ощущения, что происходящее полностью лишено смысла?

— Много раз. Сейчас, например, я совершенно ничего не понимаю.

— Все началось с лишайников и «собачек»,— заявил Брилл.— Я убежден, что Тихо — их дом. Но почему? Чем он отличается от других кратеров?

— Думаю, что особо ничем, но взгляните на эти стены.

— Что в них такого?

— Они очень гладкие, практически симметричные, как будто вытесанные руками. На Луне все вкривь и вкось, а тут...

— Вы хотите сказать, что их кто-то построил?

— Возможно.

Брилл отрешенно кивнул и придвинулся поближе. Он понизил голос до заговорщицкого шепота, словно боялся, что его подслушают:

— Мне кажется, лишайники — то, что осталось от чьего-то огорода. Уцелели только они.

— Похоже, мы думаем об одном и том же.

— Инопланетяне,— заявил он.— Побывали на Луне в давние времена, может статься, миллион лет назад.

— А «собачки»?

— Господи, ну откуда мне знать? Может, домашние животные, которых забыли взять с собой. Предоставленные самим себе, они начали размножаться, и...

— Или наблюдатели.

— Логично,— отозвался он. Его взгляд выражал смятение и тревогу.— Логично, но бездоказательно.

— Естественно,— согласился я.

— Меня кое-что беспокоит,— признался Брилл,— как ученого.— Чувствовалось, что он и впрямь сильно озабочен.

— Кое-что? По-моему, поводов для беспокойства гораздо больше.

— Я разумею неполадки с электричеством. Тут что-то не так.

— Да?

— Судите сами. Проводка перегорела в вездеходах, но осталась целой и невредимой в скафандрах. Электрические цепи звездолетов уничтожены, однако в некоторых переносных рациях они в полной сохранности. Недаром участники экспедиции пытались связаться с Землей именно по рации. Иными словами, удары наносились выборочно, повреждались отнюдь не все цепи.

— Это означает присутствие разума.

— Совершенно верно.

Мне почудилось, будто подул холодный ветер, однако на Луне ветра нет.

Если допустить, что в кратере присутствует разум, придется признать, что он не желает отпускать нас, хочет, чтобы мы, как и те, кто появился здесь раньше нашего, остались тут навсегда.

— Понимаете,— продолжал Брилл,— гипотеза, что те формы жизни, с какими мы имеем дело, зародились на Луне, не выдерживает критики. Жизнь если и возникает, то сразу во многих местах, а тут получается, что она появилась в одном-единственном кратере.

— Как насчет молекулярной преджизни?

— Разумеется, такие молекулы были обнаружены, но не более того. Развитие вело в тупик. Луна была стерильной уже в начале времен. Условия на ее поверхности никак не способствовали возникновению жизни. Она...

Внезапно в наушниках раздался звонкий голос Амелии:

— Крис, скорее сюда! Крис! Крис!

В ее голосе слышался не испуг, а возбуждение.

Я обернулся и увидел Амелию, стоявшую у дальней стены.

Мы побежали к ней — я впереди, Брилл за мной по пятам. И вдруг я увидел то, что, должно быть, и привело девушку в такой восторг.

В углублении стены сверкал и переливался мириадами огоньков, излучая ослепительно белый свет, некий предмет величиной с весьма приличных размеров валун. Ошибиться было невозможно.

— Алмаз! — прорыдала Амелия.— Тот человек заблуждался!

Она была права. Бедняга, чей труп лежал на дне большого кратера, допустил очевидную ошибку.

Перед нами находился, судя по всему, огромнейший на свете алмаз весом не в одну тонну!

Впрочем, с алмазом что-то явно было не так.

Он казался обработанным — ограненным и отшлифованным. Свет исходил буквально от каждой его грани.

Вдобавок мы успели изучить кратер вдоль и поперек — прошлись по окружности стены, обследовали звездолеты и вездеходы в тщетной надежде отыскать хоть что-нибудь, что могло бы нам помочь.

Но никакого алмаза не видели, а ведь он просто не мог не попасться кому-либо из нас на глаза.

В кратере творилось что-то непонятное, что-то очень и очень странное. Алмаз смахивал на наживку, схватив которую мы окажемся в дьявольской мышеловке.

Брилл шагнул вперед.

— Назад, идиот! — крикнул я, хватая его за локоть.

Мне вдруг стало ясно, что написал мертвец, которого мы обнаружили недалеко от каменных ворот. «Не алмаз, а...» Все верно. Пыль засыпала окончание фразы, однако начиналась та, вне сомнения, со слов: «Не алмаз, а...»

Неожиданно алмаз как бы раскололся.

От него один за другим стали откалываться многочисленные кристаллы, каждый размерами с человеческий кулак. Они отделялись медленно и методично, едва ли не с математической упорядоченностью, и наконец громадный алмаз превратился в облако кристаллов, которые плавали перед нами, то и дело сталкиваясь между собой, испуская лучи света, что слепили глаза.

Мы попятились. Кристаллы неторопливо двинулись вдоль стены, достигли прохода, выводившего в большой кратер, и замерли, образовав нечто вроде двери или завесы, которая пульсировала будто в напряженном ожидании. Впечатление было такое, словно они смотрят на нас.

Вот почему никому из людей не удалось сбежать отсюда — никому, кроме того человека, которого нашли мы, и того, которого обнаружил брат Амелии.

— Что ж,— проговорил я,— ловушка захлопнулась.

Мне не следовало этого говорить. Не знаю, что мною руководило. Впрочем, вывод представлялся настолько логичным, что слова как бы сами собой сорвались с языка — стоило им возникнуть в сознании, как они тут же вырвались на волю.

Услышав их, Брилл вскрикнул и побежал — без оглядки, опустив голову и сгорбившись, будто изображал из себя игрока в американский футбол, который твердо вознамерился пересечь линию. Из-под его ног летела в разные стороны галька. Он бежал прямиком к воротам, стремился на свободу, вон из западни, подгоняемый безумным отчаянием.

От сверкающей завесы отделились два кристалла. Продолжая мерцать, они двинулись навстречу Бриллу. Удар, рикошет... Кристаллы взвились по спирали вверх, а Брилл споткнулся,

упал, прополз чуть вперед — и замер очередной бесформенной кучей.

Завеса засияла ярче прежнего. К упавшему Бриллу, словно стервятники, слетелись «собачки». Их было так много, что скафандр Брилла мгновенно исчез из виду. На том месте, где лежал ученый, теперь поблескивали мириады искр.

Я отвернулся — и столкнулся с Амелией.

В широко раскрытых глазах девушки читался страх, лицо было мертвенно-бледным.

— Спаси нас, Господи,— пробормотала она.

Глава 9

Выходит, врагов у нас трое, кем бы они ни были: алмаз, «собачки» и лишайники.

— Во всем виновата я,— проговорила Амелия.

— Вам не пришлось меня уговаривать. Я ведь согласился чуть ли не сразу.

Так оно и было. Мне не хотелось упускать, возможно, последний шанс чего-то добиться, тем более что речь шла о настоящем сокровище. Такие шансы представляются не часто, и потому за них обычно хватаются обеими руками.

И потом, я рассчитывал кое-что доказать членам синдиката, которые посиживают в милвиллской парикмахерской и щелкают подтяжками. Не забывайте и про Брилла, спросившего, за какую сумму я доставлю его в Тихо, когда мои мысли были заняты тем, как бы отвязаться от него и рвануть в кратер. Вдобавок нужно было обезопасить себя от участи бродяги, что шатается по улицам Милвилла, готовый взяться за любую работу, какую только предложат.

Хотя, говоря откровенно, это всего лишь отговорки, наполовину выдуманные причины. Меня привело в Тихо в первую очередь желание увидеть собственными глазами легендарный кратер, о котором ходит столько слухов, передаваемых разве что шепотом. Тихо — этакий дом с привидениями, а среди людей хватает таких, кого неудержимо влекут к себе подобные дома. Очевидно, я принадлежу к их числу.

В кабине вездехода было жарко, однако скоро машина окажется в тени от стены и постепенно остынет, и тогда можно будет отдохнуть от жары и снять шлем, который мало-помалу

начинал уже действовать на нервы. Человек не в состоянии слишком долго находиться, скажем так, взаперти.

— Нам отсюда не выбраться,— произнесла Амелия.— Вы ведь не думаете, что у нас получится?

— Я еще не сдался. Тот, кто сдается, все равно что умирает. Возможно, выход есть, просто мы его не видим.

— Я выкинула старую панель,— сказала Амелия.— Наверно, следовало ее сохранить. Но в кабине так мало места...

— Ничего страшного,— отозвался я.— Дело не в панели, а в проводке. Панели можно менять сколько угодно, замена ни к чему хорошему не приведет. К тому же даже будь у нас старая панель и сумей мы починить проводку, ничто не помешало бы им пережечь цепи по новой.

Им? Кому? Или чему?

Должно быть, проблема в алмазе. А он по-прежнему здесь. Я видел его сквозь лобовое стекло. Он вновь собрался воедино и горделиво возлежал в своем углублении, прекрасный и несколько вульгарный: красота плохо сочетается с громадными размерами. Лежал и наблюдал. Гарнизон, оставленный охранять заброшенный форпост некой империи, о существовании которой человек в своей провинциальности и не догадывался. Древний легион, оборонявший крепость и забытый в круговороте космических событий, забытый, но верный присяге.

Хотя, может, и не забытый; как знать, возможно, что в других местах, не более привлекательных, чем это, стоит множество подобных гарнизонов.

Продолжая размышлять, я вдруг поймал себя на том, что мыслю слишком уж по-человечески. Луна, безусловно, негостеприимна по отношению к людям, однако иным существам может казаться едва ли не родным домом. К примеру, кристаллам вроде тех, какие образуют алмаз. Или сгусткам энергии вроде «собачек». Или диковинному симбиозу растения и бактерий вроде лишайников.

Для них негостеприимной будет уже Земля. Вода и воздух наверняка воспримутся ими как настоящая отрава.

— Мне очень жаль, Крис,— сказала Амелия.

— Чего?

— Что мы не можем вернуться. А ведь мы могли бы выпить и пообедать вместе, могли бы даже...

— Да, пожалуй, могли бы.

Мы глубокомысленно уставились друг на друга.

— Поцелуй меня, Крис.

Я охотно исполнил ее просьбу. Правда, целоваться в скафандре не слишком-то удобно; тем не менее мне понравилось.

— Ты замечательный парень, Крис.

— Спасибо на добром слове.

Брилл по-прежнему лежал у каменных ворот. Мы вовсе не собирались убирать его оттуда. В конце концов, он попал в неплохую компанию. Когда «собачки» улетели, я вылез из вездехода и прогулялся к воротам. Кристаллы угодили ученому точно в шлем, в стекле которого зияли две аккуратные дырочки. От них расходились крохотные трещины. Этих дырочек оказалось вполне достаточно, чтобы кислород вырвался наружу. Брилл умер быстро. Выглядел он весьма непривлекательно.

Интересно, почему Брилл побежал? Что повергло его в панику? Он не походил на человека, который способен запаниковать, и все же... Скорее всего, исполненные академического достоинства манеры были лишь маской, за которой постепенно нарастал страх. Когда он увидел, что перекрыт последний путь на волю, то, должно быть, решил прорваться силой. Глупо, конечно. Так не поступил бы никто из старателей. Однако Брилл не был старателем, он совсем недавно прилетел с Земли. А Луне ничего не стоит изрядно напугать того, кто еще не успел привыкнуть к ее выкрутасам.

Минуточку... О чем я думал мгновение назад? Какая у меня мелькнула мысль, за которую следовало бы ухватиться? Что-то насчет того, что Луна — родной дом для одних существ, а Земля — для других...

Я напряг память. Наверно, мне надо было запрыгать от восторга, но я просто сидел и думал. Рискованно? Разумеется, риск чрезвычайно велик. Если ничего не выйдет, мы лишь приблизим свой конец. Но смерти все равно не миновать, пока алмаз сторожит ворота, так что какая разница? Вдобавок времени в обрез. Если мы хотим спастись, нужно поторопиться.

Я встал, подошел к шкафчику, порылся в ящиках, нашел старый консервный нож и сунул его в карман.

— Пошли, Амелия. Пора двигаться домой.

Она удивленно посмотрела на меня, но спорить не стала. Судя по всему, ей уже не хотелось знать, каким образом мы спасем свои шкуры.

Следом за Амелией я выбрался наружу.

На крыше ее вездехода лежали кислородные баллоны и канистры с водой. Мы спустили четыре баллона и связали их веревками, а потом закинули на плечи и подтащили настолько близко к воротам, насколько осмелились, стараясь не возбудить любопытство наблюдавшего за нами алмаза. Все прошло гладко. Алмаз не пошевелился — только продолжал наблюдать за нашими действиями тысячью сверкающих глаз.

Мы вернулись и заменили баллоны в скафандрах, чтобы иметь на дорогу, которая нам, возможно, предстояла, полный запас кислорода.

После чего сняли с крыши канистры. Я достал консервный нож и взялся за дело. До чего же все-таки неуклюжая штука скафандр! Он явно не предназначен для того, чтобы в нем можно было работать консервным ножом.

Наконец мне удалось открыть две канистры. На поверхность Луны пролилось некоторое количество воды, которая мгновенно впиталась в почву. От нее осталось лишь темное пятно. Признаться, у меня чуть не случился разрыв сердца. Так бессовестно разбазаривать драгоценную жидкость!

Я выпрямился и сунул нож обратно в карман скафандра.

— Крис, что ты задумал?

— Есть такая винтовка, называется двустволка. Можно сказать, у нас два патрона.

— Кислород и вода.

— Верно. Не одно, так другое может напугать алмаз, он отвлечется, и мы попытаемся прорваться.

Мы взяли по канистре и подняли вдвоем баллон. На сей раз мы подошли к алмазу чуть ли не вплотную. Он глядел на нас, гадая, быть может, что все это значит, но, по-видимому, ни капельки не беспокоился. С какой стати ему было волноваться? Он не впервые сталкивался с людьми и усвоил, что тех опасаться нечего. Они — слабые и очень, очень глупые существа, которые не в силах причинить твердому алмазу какой-либо вред.

Я поставил канистру, развернул баллон вентилем к сверкающему камню, широко расставил ноги, положил руку на кран, стиснул тот пальцами — и резко повернул. Баллон затрясся, ударил меня в плечо. Кислород вырвался наружу.

Некоторое время ничего не происходило, разве что струя газа подняла облачко пыли. Алмаз не шевелился. Внезапно он начал распадаться на кристаллы — судя по всему, решил, что

с него достаточно. Сейчас он покажет этим вздорным людишкам, которые посмели потревожить его покой!

— Амелия! — крикнул я.

Девушка выплеснула на алмаз целых пять галлонов отличной питьевой воды.

Секунда как будто растянулась на вечность. Неожиданно изнутри алмаза повалил пар. Очертания камня сделались размытыми. Он таял на глазах! Весь покрылся белыми полосками соли и постепенно утратил свою совершенную форму!

Я уронил баллон. В нем еще оставался газ, поэтому он принялся елозить по поверхности, выписывая затейливые кренделя. Я схватил вторую канистру, но воду выливать не стал — не успел. Необходимость в добавке отпала сама собой.

Алмаз превратился в кучу серого порошка, над которой вился пар.

Первая пуля угодила в «молоко», зато вторая попала точно в цель. Кислород оказался бесполезен, а вот вода пришлась как нельзя кстати.

— Мы изгнали беса,— сообщил я сам себе.

Да, изгнали, пусть даже не святой, а обыкновенной водой.

Отправили в ничто посредством чужеродной, враждебной, смертоносной субстанции, без которой не можем жить.

Между нами и этими чужеродными существами лежит непреодолимая пропасть: ни одна раса не знает, что жизненно необходимо другой.

Я оглянулся. Лучи солнца тронули зазубренные пики, что венчали стену кратера.

— Амелия, пора идти.

Мы подобрали кислородные баллоны, взвалили их на плечи и зашагали по проходу, выводившему в большой кратер.

Впереди, далеко-далеко, белел гребень Тихо.

Вокруг сгущались сумерки. Скоро станет прохладно, а затем и холодно, однако дорогу нам будет освещать старушка Земля.

Мы нашли свое сокровище. Если мы доберемся до Енотовой Шкуры, то сразу сделаемся богачами.

Шли мы довольно быстро. Скафандр — не слишком подходящий наряд для прогулки пешком, но стоит только приноровиться и поймать шаг, как ты словно воспаряешь над поверхностью. Особенно на Луне, где сила тяжести меньше земной.

— Крис, я догадалась, что там было за слово.

— Какое слово?
— В пыли. Помнишь, оно оканчивалось на «да».
— Помню.
— Тот человек написал «вода».
— Может быть.

Я был уверен, что Амелия ошибается. Слово могло быть каким угодно. Почему обязательно «вода»?

Зря она заговорила об этом. Воспоминания наводили на нехорошие мысли. Положение ведь у нас еще то...

Я остановился и обернулся, чтобы бросить последний взгляд на заросшие лишайником стены, что ревностно оберегали тайну Тихо.

И тут я увидел, что следом за нами по проходу этаким переливчатым вымпелом движется стая «собачек».

Лишь теперь я заметил, что куда-то подевалась и Сьюзи, и «собачка» Амелии. Они бросили нас и присоединились к своим товаркам, которые, похоже, устремились в погоню.

Глава 10

Я выкопал углубление в невысоком склоне, уложил в него Амелию и засыпал девушку пылью, оставив торчать наружу только шлем. Поверхность, которую целый день напролет жарили лучи солнца, была еще более-менее теплой; пыль же с успехом послужит изоляцией.

Луна остывала. Солнце скрылось несколько часов назад, тепло улетучилось в космос; сохранилась лишь малая толика, накопившаяся в залежах пыли у подножий крутых склонов. Термоэлементы скафандров не справлялись с холодом. Пока человек двигался, все было в порядке — скафандр удерживал тепло, которое исходило от тела. Однако остановиться отдохнуть без дополнительной изоляции, без того, чтобы зарыться в нагретую за день лунную пыль, означало записаться в самоубийцы.

Я разгладил слой пыли поверх скафандра Амелии и кое-как выпрямился. Мышцы настойчиво требовали отдыха. Так продолжалось не один час, однако мы не осмеливались останавливаться до тех пор, пока не достигли этого места, где громоздились кучи пыли.

Медленно расправив плечи, я обернулся и посмотрел на равнину, по которой мы прошли пятьдесят миль, причем как бы на едином дыхании, позволив себе лишь две короткие передышки. О сне не могло быть и речи. Сейчас подобное казалось невозможным; я знал, что нам удалось преодолеть это расстояние до того, как похолодало и наступила ночь, только потому, что идти было сравнительно легко. Дно кратера было ровным; попадались, конечно, воронки, которые приходилось обходить, встречались холмы и фантастические каменные шпили, которые следовало огибать, но в общем и целом равнина резко отличалась от того нагромождения камней, какое представляет собой по большей части Пустыня.

«Собачки» по-прежнему висели над нами огромным искрящимся облаком. Они сопровождали нас всю дорогу. Мы шли словно под конвоем.

Я наклонился к Амелии и увидел сквозь стекло шлема, что она спит. Хорошо, сон ей необходим. Последние миль пять она преодолела исключительно благодаря остаткам своего мужества — и моим окрикам. По тому, как я с ней разговаривал, не будет ничего удивительного, если она, когда проснется, не пожелает иметь со мной дела.

Я встал на колени и принялся выкапывать нору, в которую намеревался забраться сам. Так я смогу отдохнуть, не боясь, что замерзну, но вот засыпать мне никак нельзя. Я должен бодрствовать, ибо задержись мы хотя бы чуточку дольше, чем следует, вполне вероятно, останемся тут навсегда. Пыль малопомалу остынет, станет холодной, как поверхность планеты, и тогда мы превратимся в сосульки.

Я лег, набросал на себя пыли и уставился на утесы над головой.

Двенадцать тысяч футов. Когда они останутся позади, все наши неприятности кончатся. На гребне стоит трейлер, укрывшись в котором мы окажемся в безопасности.

Быть может, там нас поджидают спасатели. Если и нет, ничего страшного. Главное — добраться до трейлера.

Я мельком подивился тому, что спасатели — они наверняка разыскивают нас — не сообразили спуститься в кратер. Впрочем, все понятно. Тому две весьма убедительные причины.

Они должны были заметить колею, которая вела вниз, однако вряд ли сумели определить, старая она или новая. На Луне не существует способа установить, давно ли проложена

колея: и старая, и новая выглядят одинаково свежими. Вдобавок к тому времени, когда спасатели поднялись на гребень кратера, в колею скорее всего угодило несколько понаделавших воронок метеоритов; к тому же в некоторых местах ее, возможно, присыпало пылью. А потому отличить, где наша колея, а где та, какую проложили двадцать лет назад, попросту немыслимо.

Кроме того, кто-то из спасателей должен был сказать: «Крису Джексону опыта не занимать. Он не настолько глуп, чтобы сунуться в Тихо».

Так что они, очевидно, будут искать нас на внешних склонах кратера.

Я лежал, чувствуя, как слипаются глаза, и добрый десяток раз спохватывался в самый последний момент, когда уже был готов погрузиться в сон.

«Собачки» кружили надо мной, образовав нечто вроде светящегося колеса. Ни дать ни взять стая стервятников. Мне показалось, что они опустились ниже. Походило на то, что им хочется удовлетворить свое любопытство.

Мерцание мириад искр буквально зачаровывало, поэтому я отвел взгляд, а когда снова посмотрел на них, обнаружил, что они находятся чуть ли не над моей головой.

Одна «собачка» села мне на шлем, расположилась прямо перед глазами, и я догадался, что вижу Сьюзи. Не спрашивайте как — догадался, и все. Она слегка подрагивала, словно от радости, что вновь нашла меня. Затем к ней присоединились другие, я потерял Сьюзи из виду; куда ни посмотри, всюду сверкали огоньки. Они как будто проникали в мой мозг.

Обретя на миг способность рассуждать здраво, я вдруг вспомнил, что точно так же они облепили умирающего Брилла.

Но я-то жив!

Я даже не думаю умирать!

Скоро надо будет подниматься. Растолкаю Амелию, и мы с ней двинемся к трейлеру, от которого нас отделяет склон протяженностью двенадцать тысяч футов. После пятидесяти миль эта цифра представлялась не слишком внушительной, но я не обманывал себя. Двенадцать тысяч футов почти наверняка окажутся столь же трудными, как и те пятьдесят миль.

По всей вероятности, у нас ничего не получится. Лучше закрыть глаза и заснуть, потому что мы в жизни не одолеем такой подъем.

Правда, где-то в стае «собачек» находится Сьюзи. Она стучит в стекло шлема — или мне чудится? Она пытается заговорить со мной, как пыталась уже не один раз.

Кто-то на самом деле говорил со мной — может статься, не Сьюзи, но факт оставался фактом. Кто-то говорил на тысяче языков, на миллионе диалектов. Казалось, ко мне обращается толпа, в которой все говорят одновременно и каждый о своем.

Я знал, что не сплю, не брежу и не схожу с ума. Бывалый старатель вроде меня не ведает, что такое безумие. Иначе все мы, обитатели Луны, давным-давно бы спятили.

— Привет, дружок,— сказал тот, кто говорил со мной.

Тут появился некто другой, взял меня за руку и повел по берегу диковинной реки, по руслу которой текла не вода, а ярко-голубой жидкий кислород. Под ногами что-то непрерывно хрустело; посмотрев вниз, я увидел, что мы шагаем по своего рода ковру из шаров, похожих на те, какими украшают рождественские елки.

Третье существо увлекло меня в место, которое выглядело более, что ли, домашним, нежели окрестности ярко-голубой реки, однако дома и деревья производили весьма странное впечатление; к тому же между ними сновали жуки размерами с лошадей.

Кто-то объяснялся со мной математическими терминами, и, как ни удивительно, я все понимал. Кто-то говорил на звонком языке кристаллов; я опять же вполне сносно улавливал смысл сказанного и слышал множество других голосов. Это было не то чтобы сборище приятелей или шумное застолье, однако где-то близко. Невидимые существа рассказывали друг другу свои истории; я разбирал отдельные слова и фразы, но услышанного оказалось достаточно, чтобы сообразить, что все истории повествуют о давно — неизмеримо давно — минувших днях.

Внезапно послышался еще один голос:

— Крис, очнись! Тебе нужно вернуться в Енотову Шкуру. Ты должен предупредить товарищей.

Очнуться меня заставили не слова, а именно голос. Я узнал его! Со мной говорил Брилл, мертвец, которого мы оставили лежать в малом кратере!

Не знаю, как я сумел так быстро разгрести пыль и в мгновение ока вскочить на ноги. Поднявшись, я замахал руками, словно человек, который отбивается от пчел. «Собачки», по-

хоже, не сразу поверили в то, что их прогоняют, однако в конце концов все же разлетелись в разные стороны, после чего взмыли в небо и зависли там сверкающим облаком. Все возвратилось на круги своя.

Я вытащил Амелию из пыли, поставил прямо и принялся трясти.

— Проснись, Амелия. Выпей воды. Надо убираться отсюда.

— Подожди,— пробормотала она.— Подожди.

— Да просыпайся ты, кукла!

Я развернул девушку лицом к склону, подтолкнул и двинулся следом. Последние двенадцать тысяч футов.

Мне было страшно, невыразимо страшно. Кому охота общаться с призраками? «Собачки» же, как выяснилось, были не чем иным, как шайкой призраков.

Я как будто лишился тела, превратился в пару с трудом переставляемых ног, каждая из которых при очередном шаге едва отрывала от поверхности башмак, весивший теперь словно добрую тысячу фунтов. Впрочем, ноги принадлежали не мне, а кому-то еще. Мое собственное «я» как бы стояло в сторонке и плевать хотело на ноги, что, кстати, и побуждало те двигаться.

Подъем продолжался. Где было можно, мы шли, а где нельзя, карабкались на четвереньках.

Но не останавливались. Порой мы съезжали вниз, но поднимались и шагали — или ползли — дальше.

Мне в голову пришла безумная мысль: если мы доберемся до гребня, «собачки» оставят нас в покое.

Амелия время от времени ударялась в слезы, однако я упорно гнал ее вперед. Она умоляла остановиться, но я не желал ничего слушать. Когда она упала, я рывком поставил девушку на ноги и пихнул в спину.

Я догадывался, что она возненавидела меня. Немного спустя Амелия сказала об этом вслух.

Мне было начхать. Лишь бы шла, а говорить может все что угодно.

Я потерял счет времени, утратил всякую ориентировку. Казалось, склон никогда не кончится.

Поэтому я несказанно изумился — испытал не радость, не облегчение, не восторг, а изумление,— когда колея вдруг оборвалась и склон, вместо того чтобы идти вверх, пошел вниз.

Мне смутно подумалось, что мы достигли цели, добрались туда, куда так стремились попасть, и очутились в безопасности.

Амелия рухнула наземь, а я стоял, покачиваясь из стороны в сторону, и, глядя на девушку, которая скорчилась у моих ног, размышлял, хватит ли у меня сил, чтобы дотащить ее до трейлера.

Что-то было не так, чудовищно не так. Мысли путались, потому я не сразу сообразил, в чем, собственно, дело. Наконец до меня дошло.

На гребне не было никакого трейлера.

Мы оставили его вон там. Ошибки быть не может. Значит, кто-то наткнулся на трейлер и отбуксировал нашу надежду в Енотову Шкуру.

Вот и все, подумал я. Сколько сил потрачено впустую! С тем же успехом можно было не выбираться из пыли. Спали бы себе и спали. Какая разница, где умирать?

Быть может, мы и пройдем те мили, которые отделяют нас от города, но кислорода точно не хватит.

Мы обречены, сомневаться не приходится.

Я тяжело сел рядом с Амелией, протянул руку и похлопал ее по плечу:

— Извини, подружка. Ничего не вышло. Трейлера нигде нет.

Она привстала. Я привлек ее к себе. Она обняла меня. Звучит романтично, а в действительности... Попробуйте-ка пообниматься в скафандре.

— Мне все равно,— проговорила она.

Я понимал Амелию. Сейчас жизнь представлялась чем-то таким, ради чего не стоит и стараться. Зачем куда-то шагать, зачем лишать себя сна, зачем тратить последние силы?

Я поднял голову. «Собачки» висели в небе, дожидаясь, когда можно будет спуститься.

— Ладно, вы, сволочи. Мы готовы. Давайте спускайтесь.

Быть может, все не так плохо. Будет с кем потолковать и кого послушать; среди «собачек» наверняка немало любопытных личностей. Возможно, в конце концов нам понравится. Вернее, не нам, а нашим «я» — естеству, душе, называйте как хотите. Возможно, души, оказавшись заключенными, веро-

ятно навсегда, в оболочку чистой энергии, останутся в итоге довольны.

Разумеется, это не по-христиански и даже не по-язычески, словом, не по-земному. Но разве те существа, что кружат в небе, имеют какое-нибудь отношение к Земле?

Вдобавок мы очутимся в компании землян — того же Брилла, участников Третьей лунной экспедиции, геологов и тех спасателей, которых послали на выручку геологам.

А остальные? С каких они планет? И как попали сюда?

Славные ребята вселенной? Орды из дальнего космоса? Галактические джентльмены удачи?

Как бы то ни было, они не брезгуют вербовкой, не прочь, когда представляется возможность, пополнить свои ряды. Ясно, что именно они захватили Третью экспедицию, заманили к себе геологов и поймали в западню спасателей. До сих пор им без труда удавалось скрывать свое логово от пролетавших мимо Луны кораблей: они просто собирались в облако, которое зависало над кратером и служило чем-то вроде экрана.

Все дело в них, подумал я. Они — тот самый разум, который стоит за всем, что случилось. Алмаз — не более чем полезное приспособление, прихваченное, может статься, с какой-либо неведомой планеты в системе некой недостижимой звезды. Что касается лишайников, неужели эти растения — ловушка, расставленная на людей, которые охотились за ними; ловушка, подстроенная теми, кто догадывался, что люди рано или поздно доберутся до места, где полным-полно лишайников, чтобы стать очередными жертвами?

— Тоже мне Робины Гуды,— пробормотал я.

— Что ты сказал, Крис?

— Так, ничего особенного. Вспомнил книжку, которую читал в детстве.

Облако опускалось. Я сказал себе, что пора кончать с размышлениями. Через некоторое время мы сможем задавать какие угодно вопросы и получим все требуемые ответы.

Я покрепче обнял Амелию. Она что-то пробормотала, что именно — я не разобрал. «Собачки», похожие на золотистый дождь, продолжали снижаться.

Облако почти коснулось нас, когда ночной сумрак прорезал ослепительный луч света, вынырнувший откуда-то снизу.

Я медленно поднялся и различил очертания ползущего по склону вездехода.

— За нами кто-то едет! — воскликнул я, ставя Амелию на ноги. Впрочем, мой возглас был не громче хриплого, еле слышного шепота.

Вездеход взобрался на гребень и повернулся к нам бортом. Мы подковыляли к люку. Я затолкнул Амелию внутрь и, давая ей время проползти в кабину, поглядел на «собачек». Те вновь кружили над склоном.

— До следующего раза! — Я помахал призракам рукой и втиснулся в люк.

Очутившись в кабине, я упал на колени, сорвал с себя шлем и жадно вдохнул свежий воздух. Тот был настолько хорош, что у меня перехватило дыхание.

— Вы! — только и выдавил я, увидев глупо ухмылявшегося дока Уизерса, который опирался на панель управления.

— Ты нашел их? — требовательно спросил он, одарив меня усмешкой подвыпившего эльфа.— Нашел лишайники?

— Спрашиваете,— отозвался я.— Их там столько, что хоть завались.

— Народ утверждал, что в Тихо тебе делать нечего, что ты слишком умен, чтобы соваться туда. Но я знал! После нашего с тобой разговора я понял, куда ты поедешь за лишайниками!

— Послушайте, док,— ухитрился произнести я,— мы не...

— Я ждал тебя на гребне,— продолжал Уизерс,— а все остальные обшаривали склоны. Ждал, пока не стало поздно, а потом поехал домой. Но по дороге меня замучила совесть. Что, если я укатил чересчур рано? Что, если Крис появился через десять минут после моего отъезда? Такие вот мне приходили в голову мысли. В общем, я развернулся и рванул обратно, проверить, не свалял ли дурака.

— Спасибо вам, док,— поблагодарил я.

— А кто эта дама? — справился док с игривым лукавством, которое ему совершенно не шло.

Я посмотрел на Амелию. Она тоже сняла шлем, и лишь теперь мне бросилось в глаза, как она красива.

— Быть может, самый богатый человек на Луне. Самый смелый и самый очаровательный.

Амелия улыбнулась.

Медики уже наготове и утром начнут операцию «Келли», а это нечто уникальное, раз уж ее окрестили «Келли»!

Доктор сидел в потрепанном кресле-качалке на покосившемся крыльце, повторяя себе это. Он покатал слово на языке, но в нем уже не было ни прежней остроты, ни сладости, как некогда, когда великий лондонский врач встал на заседании ООН и заявил, что назвать ее можно только «Келли», и никак иначе.

Хотя, если хорошенько подумать, все это дело случая. Вовсе не обязательно «Келли», это мог быть и кто-нибудь другой, лишь бы после фамилии стояло «Д. М.»*. Это мог быть Коэн, Джонсон, Радзонович или кто-нибудь еще — любой из врачей мира.

Он немного покачался. Кресло поскрипывало, доски крыльца постанывали ему в лад, а наступающие сумерки тоже были полны звуков вечерних игр детей, торопящихся насытиться последними минутами игры перед тем, как придется идти домой и вскоре после того — в постель.

В прохладном воздухе разносился запах сирени, а в углу сада смутно виднелись белые цветы раннего невестиного венка, того самого, что дала им с Дженет много лет назад Марта Андерсон, когда они впервые поселились в этом домике.

По дорожке протопал сосед, и в сгустившихся сумерках он не сумел разглядеть, кто именно, но сосед окликнул его:

— Добрый вечер, док.

— Добрый вечер, Хайрам,— ответил старый доктор Келли, узнав соседа по голосу.

---

* Ученая степень доктора медицины.

© Перевод А. Филонова.

Тот пошел прочь, громко топая по дорожке.

Старый доктор продолжал раскачиваться, сложив руки на своем брюшке, а из дома доносился шум кухонной суматохи: Дженет прибирала после ужина. Наверно, скоро она выйдет и сядет рядом с ним, и можно будет немного побеседовать, вполголоса и как бы между прочим, как полагается любящей пожилой паре.

Хотя, в общем-то, доктору уже следовало уйти с крыльца — в кабинете на столе ждал прочтения медицинский журнал. В последнее время развелось столько новых средств, и надо держаться в ногу со временем, хотя, судя по развитию событий, совершенно неважно, идешь ты в ногу со временем или нет.

Быть может, в скором будущем не останется почти ничего такого, с чем надо держаться в ногу.

Конечно, нужда в докторах будет всегда — всегда будут находиться проклятые идиоты, разбивающие машины, стреляющие друг в друга, втыкающие рыболовные крючки в ладони и падающие с деревьев. И всегда будут новорожденные.

Он немного покачался взад-вперед, размышляя о всех детях, которые выросли, стали мужчинами и женщинами и завели собственных детей. А еще он поразмыслил о Марте Андерсон, лучшей подруге Дженет, и о старине Коне Джилберте, самом сварливом из ходивших по земле самодуров, к тому же невероятно скупом. Подумав о том, сколько денег ему уже задолжал Кон Джилберт, ни разу в жизни не оплативший ни одного счета, доктор с кривой улыбкой хмыкнул себе под нос.

Но так уж пошло: одни платят, другие только делают вид, потому-то он с Дженет и живет в этом старом домишке и ездит на одной машине уже шестой год, а Дженет целую зиму ходила в церковь в одном и том же платье.

Хотя если подумать, то какая разница? Главная плата заключается отнюдь не в деньгах.

Одни платили, другие нет. Одни живы, другие померли, и неважно, кем они были в этой жизни. У одних есть надежда, а у других нет, и одним об этом сказали, а другим нет.

Но теперь все изменилось.

И началось все здесь, в этом маленьком городке под названием Милвилл, и притом не более года назад.

Вот так, сидя в темноте, окруженный запахом сирени, белым мерцанием невестиных венков и приглушенными криками доигрывающих свое детей, он вспомнил все от начала и до конца.

Было почти 8.30, и он слышал, как мисс Лейн в приемной разговаривает с Мартой Андерсон, а та, как он знал, была последней.

Чувствуя себя совершенно разбитым, он снял свой белый халат, небрежно сложил его и бросил на смотровой стол.

Дженет давно ждет с ужином, но не скажет ни слова, она никогда ничего не говорит. За все эти годы она не сказала ни слова упрека, хотя порой он ощущал, что она не согласна с легкомысленным стилем его жизни, его постоянной возней с пациентами, которые ни разу даже не поблагодарили его — в лучшем случае оплачивали счета. А еще было ощущение недовольства его переработкой, его готовностью спешить по ночному вызову, хотя вполне можно посетить больного во время обычного утреннего обхода.

Она ждет с ужином и знает, что Марта была у него, и будет спрашивать, как ее здоровье, и какого черта на это ответить?

Услышав, что Марта вышла и в приемной зацокали каблучки мисс Лейн, он подошел к раковине, открутил кран и взял мыло.

Дверь со скрипом распахнулась, но доктор даже не повернул головы.

— Доктор,— послышался голос мисс Лейн,— Марта думает, что с ней все в порядке. Говорит, вы ей помогаете. Как по-вашему...

— А по-вашему? — вместо ответа спросил он.

— Не знаю.

— А вы бы стали оперировать, зная, что это абсолютно безнадежно? Вы послали бы ее к специалисту, зная, что он ей не поможет, зная, что она не сможет ему заплатить и будет тревожиться по этому поводу? Вы сказали бы ей, что ей осталось жить месяцев шесть, лишая ее остатков небольшого счастья и надежды?

— Простите, доктор.

— Не за что. Я встречался с этим очень много раз. Ни один случай не похож на другой, в каждом из них требуется уникальное решение. День сегодня был долгим и трудным...

— Доктор, тут еще один человек.

— Еще один пациент?

— Мужчина. Только что пришел. Зовут Гарри Герман.

— Герман? Впервые слышу.

— Он нездешний. Может, только что переехал к нам в город.

— Если бы он переехал, я бы знал. Я знаю обо всем, что тут творится.

— Может, он просто проездом. Может, он ехал по шоссе и заболел.

— Ладно, пусть войдет,— согласился доктор, взяв полотенце.— Я его осмотрю.

Медсестра повернулась к двери.

— Э-э, мисс Лейн!

— Да?

— Вы можете идти. Вам нет смысла торчать здесь. Сегодня действительно был трудный день.

День и в самом деле был трудным. Перелом, ожог, водянка, климакс, беременность, два тазобедренных сустава, целая гамма простуд, несварений желудка, два больных зуба, подозрительные шумы в легких, подозрение на желчнокаменную болезнь, цирроз печени и Марта Андерсон. А теперь еще и человек по имени Гарри Герман — если вдуматься, то невероятное имя, очень даже курьезное.

Да и человек оказался курьезным — чуть выше и чуть стройней, чем можно себе представить; уши его прилегали к черепу чересчур плотно, а губы были такими тонкими, словно их и нет вовсе.

— Доктор? — сказал он, остановившись в дверном проеме.

— Да,— ответил доктор, подхватив халат и влезая в рукава.— Да, я доктор. Входите. Что вас беспокоит?

— Я не болен,— заявил человек.

— Не больны?

— Но я хочу говорить с вами. Вероятно, вы имеете время?

— Разумеется, имею,— ответил доктор, прекрасно зная, что времени у него нет и это вторжение следует отвергнуть.— Валяйте. Прошу садиться.

Он пытался определить акцент, но не мог. Пожалуй, Центральная Европа.

— Техника,— сказал человек.— Профессионализм.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил доктор, чувствуя себя слегка неуютно.

— Я говорю с вами технично. Я говорю профессионально.

— Вы хотите сказать, что вы доктор?

— Не вполне, хотя, вероятно, вы думаете так. Я должен вам немедленно сказать, что я пришелец.

— Пришелец,— кивнул доктор.— У нас тут их множество. По большей части беженцы, эмигранты.

— Не то, что я говорю. Не тот род пришельца. С некой другой планеты. С некой другой звезды.

— Но вы сказали, что вас зовут Герман...

— В чужом монастыре,— ответил тот,— со своим уставом не ходят.

— А? — переспросил доктор, а затем осознал.— Боже милосердный, вы в самом деле?.. Значит, вы пришелец. То есть из тех пришельцев, что...

Тот радостно кивнул:

— С некой другой планеты. С некой другой звезды. Очень много световых лет.

— Ну, черт меня побери! — только и сказал доктор.

Он встал, глазея на пришельца, а тот ухмыльнулся ему, хотя и как-то неуверенно.

— Вы думаете, вероятно: «А ведь он так человечен!»

— Именно это мне и подумалось.

— Так вы можете, вероятно, поглядеть. Вы знаете человеческое тело.

— Вероятно,— кивнул доктор, хотя это ему пришлось совсем не по вкусу.— Однако человеческому телу присущи всякие курьезные выверты.

— Но не такой выверт, как этот,— ответил пришелец, показывая ладони.

— Да,— согласился доктор,— такого не бывает.

Потому что на руках пришельца было по два больших пальца и только по одному нормальному, словно лапа птицы надумала превратиться в человеческую руку.

— И такого тоже? — спросил пришелец, вставая и приспуская брюки.

— И такого,— снова согласился доктор, потрясенный этим зрелищем сильнее, чем за всю предыдущую практику.

— Тогда,— заявил пришелец, застегивая брюки,— по-моему, это явно.

Он снова сел и спокойно закинул ногу на ногу.

— Если вы имеете в виду, что я считаю вас пришельцем,— ответил доктор,— то, пожалуй. Хотя это и нелегко.

— Вероятно, нет. Это приходит как удар.

— Да, конечно, удар,— доктор провел по лбу рукой,— но есть тут кое-что еще...

— Вы указываете язык и мое знание ваших обычаев.

— Естественно, это тоже.

— Мы изучали вас. Мы потратили время на вас. Не только на вас одного, конечно...

— Но вы так хорошо говорите,— запротестовал доктор.— Как высокообразованный иностранец.

— И это, конечно, и есть, что я есть.

— Ну да, пожалуй. Я как-то не подумал.

— Я не бойкий. Я знаю много слов, но я использую их некорректно. И мой словарь основан на общей речи. На субъектах более технических я буду неискусен.

Доктор обошел стол и плюхнулся в кресло.

— Ладно уж,— сказал он,— оставим это в покое. Я согласен, что вы пришелец. Теперь скажите еще одно: зачем вы здесь?

И был чрезвычайно удивлен, что спокойно принимает этот факт как данность. Но вот после, догадывался доктор, при одной мысли об этом его будет пробирать дрожь.

— Вы доктор,— заявил пришелец,— вы целитель вашей расы.

— Да,— согласился доктор,— я один из многих целителей.

— Вы работаете очень сильно, чтобы сделать нехорошее хорошим. Вы чините сломанную плоть. Вы отвращаете смерть...

— Мы пытаемся. Иногда нам это не удается.

— У вас есть множество хворей. У вас есть рак, и сердечные приступы, и простуды, и многое другое — я не нахожу слова.

— Болезни,— подсказал доктор.

— Болезни. Именно оно. Вы простите мою близорукость в разговоре.

— Давайте отбросим любезности,— предложил доктор.— Перейдем лучше к делу.

— Это неправильно — иметь все эти болезни. Это нехорошо. Это ужасная вещь.

— У нас их меньше, чем раньше. Многие болезни мы победили.

— И конечно, вы зарабатываете на болезнях.

— Да что вы такое говорите! — захлебнулся от возмущения доктор.

— Вы должны быть терпимы со мной, если я неверно понимал. Экономическая система есть вещь, которую трудно вместить в голову.

— Я понимаю, что вы имеете в виду,— пробурчал доктор,— но позвольте сказать вам, сэр...

«Впрочем, без толку,— подумал он.— Это существо думает так же, как и многие люди».

— Я хотел бы указать вам,— начал он снова,— что медики прикладывают все усилия, чтобы одолеть те болезни, о которых вы говорите. Мы делаем все возможное, чтобы подорвать основы своей профессии.

— Это чудесно. Это то, что я думаю, но это противоречиво деловому духу вашей планеты. Я так понимаю, вы не против увидеть все болезни уничтоженными.

— Послушайте-ка,— сказал доктор, который был сыт всем этим по горло,— я не знаю, куда вы клоните. Но я голоден и устал, а если вы хотите сидеть и разводить тут свою философию...

— Философия,— повторил пришелец,— о нет, не философия. Я практичен. Я имею нечто предложить покончить со всеми болезнями.

На несколько секунд в комнате зависла напряженная тишина, потом доктор протестующе заворочался в кресле и сказал:

— Наверно, я вас неправильно понял, но, по-моему, вы сказали...

— У меня имеется метод, разработка, находка — не улавливаю слова,— которое разрушит все болезни.

— Вакцина,— предположил доктор.

— Это слово. Хотя она отличается некоторым образом от вакцины, о которой вы думаете.

— А рак? — спросил доктор.

— Рак,— кивнул пришелец,— обычная простуда и многое другое. Вы называете это, и оно ушло.

— Сердце,— предложил доктор.— Сердце вакцинировать невозможно.

— И это тоже. Это не настоящая вакцинация. Это делает тело сильным. Это делает тело правильным. Как регулировка

мотора и делание его как новый. Со временем мотор изнашивается, но он работает, пока совсем не износится.

Доктор пристально воззрился на пришельца.

— Сэр,— сказал он,— не надо шутить над этим.

— Я не шучу,— ответил тот.

— А эта вакцина — она работает на людях? У нее нет побочных эффектов?

— Я уверен, что работает. Мы изучали ваше... вашу... способ, которым работают ваши тела.

— Вероятно, вы ищете слово «метаболизм».

— Спасибо.

— А цена?

— Цены нет,— провозгласил пришелец.— Мы даем это вам.

— Совершенно бесплатно? Наверняка есть какие-нибудь...

— Никакой платы,— заявил пришелец,— и никаких условий.

Встав со стула, он вынул из кармана плоскую коробку и подошел к столу. Положив коробку на стол, надавил на нее с боков, и крышка резко откинулась. Внутри лежали подушечки, похожие на хирургические тампоны, но только сделанные не из ткани.

Доктор протянул было руку, но задержал ее над коробкой.

— Можно?

— Да, разумеется. Вы только касайтесь сверху.

Доктор нетерпеливо выхватил одну подушечку и положил ее перед собой. Надавил пальцем — внутри была жидкость. Аккуратно перевернув подушечку, он увидел, что нижняя поверхность была грубой и складчатой, будто рот, полный крохотных кровожадных зубов.

— Вы прилагаете грубую сторону к телу пациента,— пояснил пришелец,— она бросается на пациента. Она становится его частью. Тело поглощает вакцину, и подушечка отпадает.

— И это все?

— Это все.

Доктор осторожно поднял подушечку двумя пальцами и бросил ее обратно в коробку, потом посмотрел на пришельца.

— Но почему? Почему вы даете это нам?

— Вы не знаете,— ответил тот.— Вы действительно не знаете.

— Не знаю,— согласился доктор.

Взгляд пришельца вдруг стал очень старым и утомленным.

— Через миллион лет будете знать,— сказал он.

— Но не я,— откликнулся доктор.

— Через миллион лет вы будете делать то же самое, но несколько иначе. И тогда некто спросит вас, а вы сможете ответить не более, чем ныне я.

Если это и была отповедь, то весьма вежливая. Доктор попытался определить, упрек это или нет, но ни к чему не пришел. Он указал на подушечки:

— А не скажете ли, что там внутри?

— Я могу дать вам описательную формулу, но она будет в нашей терминологии. Это будет тарабарщина.

— Вы не обидитесь, если я это испробую?

— Я буду огорчен, если вы не испробуете,— отвечал пришелец.— Я не ожидаю, что ваше доверие простирается так далеко. Это будет недоумно.

Закрыв коробку, он пододвинул ее доктору, потом повернулся и направился к двери. Доктор тяжеловесно встал и крикнул:

— Эй, погодите минуточку!

— Я встречусь с вами через неделю-другую,— сказал пришелец, вышел и закрыл за собой дверь.

Доктор плюхнулся обратно на стул и уставился на коробку. Потом протянул руку и коснулся ее — она действительно существовала. Доктор надавил на ее бока, и крышка отскочила, открыв взору лежащие внутри подушечки.

Он отчаянно попытался одолеть этот дурман и вернуться к разуму, на твердую консервативную почву, к соответствующей — и более человечной — точке зрения.

— Чушь какая-то! — сказал он наконец.

Но это была вовсе не чушь, он понимал это на все сто.

Весь вечер он сражался с самим собой, сидя за закрытой дверью своего кабинета, слыша, как Дженет хлопочет в кухне, занимаясь уборкой посуды после ужина.

Первое сражение происходило на фронте доверия.

Он сказал тому человеку, что верит в его инопланетное происхождение, и действительно, доказательства тому были, да такие, что мимо не пройдешь. И все равно это столь невероятно — все, от начала и до конца, что переварить этот факт довольно трудно.

А труднее всего осознать, что этот человек — пришелец он там или нет — из всех докторов мира выбрал именно его, доктора Джейсона Келли, заштатного докторишку в заштатном городишке.

Доктор так и эдак раскидывал, не розыгрыш ли это, и решил, что все ж таки нет, ведь трехпалую руку и ту штуку, которую он видел, подделать довольно трудно. Да и вообще, вся эта затея — если это только розыгрыш — так глупа и жестока, что просто лишена какого-либо смысла. Никто не питает к доктору такой лютой ненависти, чтобы столько ради этого биться. А даже если б и была такая лютая ненависть, то ни у кого в Милвилле не хватило бы воображения на подобную шутку.

Так что, решил доктор, единственным надежным вариантом решения следует считать, что человек был натуральным пришельцем, а подушечки вполне bona fide*.

А если это правда, остается только одно: испытать подушечки.

Доктор встал и начал мерить комнату шагами.

Марта Андерсон. Да, у Марты Андерсон рак, и жизнь ее проиграна — ничто на этом свете, никакие человеческие знания не в состоянии спасти ее. Оперировать Марту было бы безумием, поскольку операцию она вряд ли переживет; а даже если и переживет, дело зашло чересчур далеко. Скрытый убийца, которого она носила в своем теле, уже вырвался на свободу, и надежды на спасение нет.

И все равно доктору трудно было заставить себя сделать это, ведь она — самая близкая подруга Дженет, бедная, пожилая женщина; все его инстинкты восставали против использования ее в качестве морской свинки.

А если взять старину Кона Джилберта? Проделать что-нибудь подобное с Коном доктор решился бы. Старый сквалыга вполне этого заслужил. Но старина Кон — натура чересчур подлая, чтобы заболеть по-настоящему; хоть он и божится, что болен, но по сути старый скопидом здоров как бык.

Что бы там пришелец ни говорил про побочные явления, но кто может знать заранее? Он сказал, что они изучили метаболизм человечества, но, если рассудить здраво, это совершенно невозможно.

---

* Достоверны *(лат.)*.

Доктор понимал, что нужный ответ лежит под рукой, стоит только подумать,— он загнан куда-то в глубь сознания, доктор это чувствовал, но делал вид, что догадывается, загонял его подальше и отказывался признать его существование.

Но, пометавшись из угла в угол еще около часа, вывернув свои мозги наизнанку и обратно, доктор уступил и позволил ответу всплыть.

Закатывая рукав и открывая коробку, он был абсолютно невозмутим. Вынимая подушечку и прикладывая ее к руке, он выступал только в качестве непредубежденного естествоиспытателя.

Но вот когда он уже опускал рукав, чтобы Дженет не заметила подушечку и не начала сыпать вопросами, что случилось с его рукой, пальцы его дрожали.

Завтра люди по всему миру за пределами Милвилла выстроятся у дверей клиник, закатав рукава и приготовившись к процедуре. Скорее всего, очередь будет двигаться ровным потоком, потому что делать практически ничего не надо. Просто каждый пройдет перед доктором, а доктор прилепит подушечку на его или ее руку, и тут же подойдет следующий.

«По всему миру,— думал доктор,— в каждом его уголке, в каждой деревушке, не обойдут ни одного человека. Даже бедных, ибо это делается бесплатно».

И тогда можно будет ткнуть пальцем в календарь и сказать: «В этот исторический день всем болезням настал конец».

Потому что подушечки не только уничтожат нынешние хвори, но и оберегут от будущих.

И каждые двадцать лет из космоса будут прибывать исполинские корабли, несущие груз подушечек, и будет наступать очередной День Вакцинации. Но теперь это уже будет касаться не столь многих — процедуре будет подвергаться лишь юное поколение. Кто был вакцинирован однажды, больше в этом не нуждается. Единственная вакцинация действует всю жизнь.

Доктор тихонько топнул по полу веранды, чтобы вновь заставить кресло раскачиваться. «Тут было славно,— думал доктор.— А завтра будет славно во всем мире. Завтра многие страхи уйдут из человеческой жизни. А послезавтра, избавившись от несчастий и насилия, люди смогут с уверенностью смотреть в будущее и жить, сколько положено. И пожалуй, эта жизнь будет совершенно здоровой».

Стояла тихая ночь: дети наконец-то забросили игры и разошлись по домам. Да и доктор устал. Теперь-то он мог признаться себе, что устал. Теперь, спустя столько лет, признание в усталости не станет предательством.

В доме негромко замурлыкал телефон, и этот звук заставил доктора прервать свои покачивания и сесть на краешке кресла.

Послышались мягкие шаги Дженет по направлению к телефону, и, услышав ее нежный голос, доктор затрепетал.

Теперь, всего через мгновение, она позовет его, и придется идти в дом.

Но она не позвала его, продолжая разговор.

Доктор снова устроился в кресле поудобнее.

Он опять забылся: телефон больше не враг, и его звонки больше не преследуют доктора.

Потому что Милвилл оказался первым. Он уже избавился от страха. Милвилл оказался «подопытным кроликом», испытательным полигоном.

Первой стала Марта Андерсон, за ней последовал Тэд Карсон с подозрительными шумами в легких, а за ним — ребенок Юргена, подцепивший пневмонию. И еще дюжина прочих, пока подушечки не подошли к концу.

И тогда вернулся пришелец.

И пришелец сказал... что же он такое сказал?

— Не считайте нас благодетелями или суперменами. Мы ни то ни другое. Думайте обо мне, если вам угодно, как о своем соседе.

«Так пришелец пытался добиться понимания,— подумал доктор,— стремясь перевести их деяние на язык обычных идиом».

А было ли такое понимание, сколько-нибудь глубокое понимание? Доктор в этом сомневался.

Хотя пришельцы во многом напоминали людей, даже умели шутить.

В памяти доктора застряла лишь одна шутка, сказанная пришельцем. Довольно глупо, если вдуматься, но эта шутка тревожила доктора.

Распахнулась затянутая сеткой дверь, на крыльцо вышла Дженет и села на лавку.

— Звонила Марта Андерсон.

Доктор хмыкнул: Марта жила всего в пяти шагах от них, виделась с Дженет по двадцать раз на дню, и все равно ей приходилось еще и звонить.

— И что же угодно Марте?

— Ей нужна помощь в приготовлении булочек,— рассмеялась Дженет.

— Ты имеешь в виду ее знаменитые булочки?

— Она никак не вспомнит, сколько надо дрожжей.

Доктор тихонько хрюкнул.

— И с ними-то она выигрывает все призы на всех местных ярмарках!

— Это вовсе не так смешно, как ты думаешь, Джейсон,— с упреком ответила Дженет.— Подобные вещи легко забыть. Она ведь печет очень много всякого.

— Пожалуй, ты права,— согласился доктор и подумал, что следует встать и пойти читать журнал, но делать это по-прежнему не хотелось. Ведь так приятно сидеть здесь — просто так, без всякого дела. Давным-давно он уже столько не сидел.

Для него это, разумеется, вполне нормально — он уже стар и близится к дряхлости, но вот для молодого доктора, который еще не отработал свое образование и только-только приступил к работе, это было бы ненормально. В ООН поговаривали о том, что надо обязать все законодательные органы выделить медицинские фонды на то, чтобы врачи продолжали работать. Если даже исчезнут все болезни, врачи будут нужны по-прежнему. Это ничуть не умаляет их значения, ибо острая нужда в их услугах будет возникать снова и снова.

Тут доктор услышал на улице приближающиеся шаги, свернувшие к его калитке, и сразу выпрямился в кресле.

Быть может, пациент, знающий, что он дома, зашел его повидать.

— О,— Дженет была весьма удивлена,— никак это мистер Джилберт!

И это действительно был сам Кон Джилберт.

— Добрый вечер, док. Добрый вечер, миз Келли.

— Добрый вечер,— ответила Дженет, подымаясь, чтобы уйти.

— Вам незачем уходить,— сказал Кон.

— У меня есть кое-какие дела, я и так уже собиралась идти в дом.

Кон поднялся на крыльцо и присел на лавку.

— Чудесный вечер,— провозгласил он, помолчав.

— Не без того,— согласился доктор.

— Самая чудесная весна, какую я видал,— продолжал Кон, мучительно подбираясь к сути своего дела.

— И мне так кажется. По-моему, сирень никогда не пахла так славно.

— Док,— решился наконец Кон,— я задолжал вам немножко деньжат.

— Да, кое-что.

— Вы не представляете, сколько именно?

— Ни в малейшей степени. Я никогда особо не утруждал себя выяснением.

— Считали, что это пустая трата времени. Считали, что я никогда не уплачу.

— Что-то в этом роде,— кивнул доктор.

— Вы меня врачевали очень долго.

— Верно, Кон.

— У меня с собой три сотни. Как вы думаете, это сойдет?

— Давайте скажем так, Кон,— ответил доктор.— Я бы оценил все скопом в меньшую сумму.

— Ну, тогда мы будем вроде как квиты. Мне кажется, что три сотни будет по-честному.

— Если вы так считаете.

Кон извлек свой бумажник, вынул из него пачку купюр и протянул ее доктору. Доктор взял ее, сложил пополам и сунул в карман.

— Спасибо, Кон.

И внезапно доктора пронзило курьезное чувство, будто он должен что-то понять, будто есть некая догадка, которую осталось только ухватить за хвост.

Но он не мог выудить ее из подсознания, как ни старался.

Кон поднялся и, шаркая, направился к ступеням.

— Я как-нибудь загляну, док.

Доктор заставил себя вернуться к действительности.

— Разумеется, Кон. Заглядывайте. И спасибо.

Он сидел, не раскачиваясь, и слушал, как Кон идет по дорожке к калитке, а потом прочь по улице, пока шаги старика не стихли в отдалении.

Доктор решил, что если надо встать и взяться за журнал, то теперь самое время.

Хотя, скорее всего, это чертовски глупо. Пожалуй, медицинские журналы больше никогда не понадобятся.

Отодвинув журнал в сторону, доктор выпрямился, гадая, что его тревожит. Он читал уже двадцать минут, но прочитанное как-то не удерживалось в сознании; доктор не помнил ни слова.

«Я слишком расстроен,— думал он.— Слишком взбудоражен операцией "Келли", ну надо ж так назвать: операция "Келли"!»

И снова вспомнил все до мельчайших подробностей.

Как он испробовал это средство в Милвилле, потом поехал в окружную медицинскую ассоциацию, и как окружные доктора, пофыркав и высказав весь свой скептицизм, все-таки позволили себя убедить. Оттуда доктор Келли двинулся в ассоциацию штата, а там — и в Американскую медицинскую ассоциацию.

И наконец наступил тот великий день в ООН, когда пришелец появился перед делегатами и когда доктора Келли представили присутствующим, а затем встало светило из Лондона и предложило назвать проект именем Келли, ни больше ни меньше.

Доктор помнил, что тогда его переполняла гордость, и попытался возродить в себе это чувство, но это ему ни капельки не удалось. Больше никогда в жизни он уже не сумеет ощутить такую же гордость.

Вот так он и сидел в ночи — обычный деревенский доктор в своем кабинете, пытающийся чтением наверстать то, на что никогда не было времени.

Но теперь все переменилось, и времени стало больше чем достаточно.

Доктор пододвинул журнал в отбрасываемый лампой круг света и углубился в чтение.

Но дело двигалось медленно.

Он вернулся назад и перечитал абзац заново.

То ли постарел, то ли глаза видят хуже, то ли поглупел?

Вот оно, это слово — ключ ко всему, та самая догадка, которую только оставалось ухватить за хвост и извлечь на свет Божий.

Поглупел!

Наверно, не совсем поглупел. Может, просто стал тугодумом. Стал не то чтобы менее умным, а просто не таким догадливым и остроумным, как прежде. Стал не так быстро ухватывать суть.

Марта Андерсон забыла, сколько нужно дрожжей для выпечки ее знаменитых премированных булочек,— а прежде Марта нипочем не забыла бы этого.

Кон оплатил свои счета, а по шкале ценностей Кона, которую он свято исповедовал всю жизнь, это была чистейшей воды глупость. По мнению Кона, остроумно и дальновидно было бы теперь, когда наверняка известно, что доктор ни за что ему не понадобится, вообще забыть о своих долгах. Да и потом, сделать это было нелегко; он будет теперь ворочаться всю ночь, не в силах забыть содеянное.

А еще пришелец сказал одну вещь, которую доктор тогда принял за шутку.

«Ни о чем не беспокойтесь,— сказал пришелец,— мы вылечим все ваши болезни. Вероятно, даже те, о которых вы и не подозреваете».

Но можно ли считать интеллект болезнью?

Трудно думать о нем в подобном смысле.

Однако если какая-нибудь раса настолько одержима интеллектом, как человеческая, то он вполне может считаться болезнью.

Если интеллект развивается столь стремительно, как он развивался в последние полвека, когда количество открытий и достижений неуклонно росло, а новые технологии сменяли одна другую с такой скоростью, что человек не успевал перевести дыхание,— тогда его можно расценивать как болезнь.

Ум доктора стал менее острым. Ему не удалось так быстро, как прежде, ухватить суть статьи, перегруженной медицинскими терминами; прочитанное медленнее укладывалось у него в голове.

А так ли уж это плохо?

Некоторые из самых глупых людей, которых он знал, были и самыми счастливыми людьми.

И хотя эта мысль вряд ли могла бы служить обоснованием для намеренного планирования глупости, но, по крайней мере, она воспринималась как мольба об избавлении человечества от излишних волнений.

Доктор отодвинул журнал в сторону и сидел, глядя на круг света от лампы.

Первым это проявилось в Милвилле, потому что Милвилл был испытательным полигоном. А через шесть месяцев после завтрашнего дня это станет ощущаться по всему миру.

Доктора тревожило, как далеко это может зайти,— ведь, в конце концов, вопрос был жизненно важным.

Только меньшая острота ума?

Или утрата навыков и способностей?

Или, еще того пуще, возвращение к обезьяне?

Никто не сумел бы ответить...

И чтобы остановить все это, нужно было лишь поднять телефонную трубку.

Доктор оцепенел при мысли, что операцию «Келли» придется отменить, что после стольких лет, наполненных смертями, болезнями и страданиями, человечество должно будет отказаться от нее.

Но ведь пришельцы, подумал он, пришельцы не позволили бы этому зайти слишком далеко. Кто бы они ни были, он верил в их добрые намерения.

Быть может, между их расами не было глубокого понимания и полного согласия, однако имелось все же нечто общее — простое сострадание к слепым и увечным.

Но вдруг он ошибается? Что, если добрые намерения пришельцев — ограничить способности человечества к самоуничтожению — способны довести человека до состояния крайней глупости? Какое решение принять в этом случае? А что, если их план и состоял в том, чтобы ослабить человечество перед вторжением?

Сидя в своем кресле, он уже знал.

Знал, что, какова бы ни была вероятность того, что его подозрения справедливы, он ничего не станет делать.

Понимал, что не имеет права быть судьей в подобных делах, поскольку необъективен и пристрастен, но ничего не мог с собой поделать.

Он слишком долго был врачом, чтобы отменять операцию «Келли».

С некоторыми весьма щепетильными заданиями могут справиться только роботы — заданиями такого порядка, что их выполнение нельзя поручить ни одному человеческому существу...

Тобиас, сильно пошатываясь, брел по улице и размышлял о своей нелегкой жизни.

В карманах у него было пусто, и бармен Джо выдворил его из кабачка «Веселое ущелье», не дав как следует промочить горло, и теперь ему одна дорога — в пустую лачугу, которую он называл своим домом, а случись с ним что-нибудь, ни у кого даже не дрогнет сердце. И все потому, думал он, охваченный хмельной жалостью к себе, что он — бездельник и горький пьяница; просто диву даешься, как его вообще терпит город.

Смеркалось, но на улице еще было людно, и Тобиас про себя отметил, как старательно обходят его взглядом прохожие.

Так и должно быть, сказал он себе. Раз не хотят смотреть на него, значит, все в порядке. Им незачем его разглядывать. Пусть отворачиваются, если им так спокойнее.

Тобиас был позором города. Постыдным пятном на его репутации. Тяжким крестом его жителей. Социальным злом. Тобиас был дурным примером. И таких, как он, здесь больше не было, потому что на маленькие городки всегда приходилось только по одному отщепенцу — даже двоим уже негде было развернуться.

Выписывая вензеля, Тобиас в унылом одиночестве плелся по тротуару. Вдруг он увидел, что впереди, на углу, стоит Элмер Кларк, городской полицейский. Стоит и смотрит в его сторону. Но Тобиас не заподозрил в этом никакого подвоха. Элмер — славный парень. Элмер соображает, что к чему. То-

© Перевод С. Васильевой.

биас остановился, немного подобрался, приосанился, затем нацелился на угол, где его поджидал Элмер, и без особых отклонений от курса поплыл в ту сторону. И прибыл к месту назначения.

— Тоуб,— сказал ему Элмер,— не подвезти ли тебя? Тут неподалеку моя машина.

Тобиас выпрямился с жалким достоинством забулдыги.

— Ни боже мой,— запротестовал он, джентльмен с головы до пят.— Не по мне это — доставлять вам столько хлопот. Премного благодарен.

Элмер улыбнулся.

— Ладно, ладно, успокойся. Но ты уверен, что доберешься до дома на своих двоих?

— О чем речь! — ответил Тобиас и припустил дальше.

Поначалу ему везло. Он благополучно протопал несколько кварталов.

Но на углу Третьей и Кленовой с ним приключилась беда. Споткнувшись, он растянулся во весь рост на тротуаре перед самым носом у миссис Фробишер, которая стояла на крыльце своего дома, откуда ей было отлично видно, как он шлепнулся. Он не сомневался, что завтра же она не преминет расписать это позорное зрелище всем членам Дамского благотворительного общества. А те, презрительно поджав губы, будут потихоньку кудахтать между собой, мня себя святей святых. Ведь миссис Фробишер была для них образцом добродетели. Муж ее — банкир, а сын — лучший игрок Милвиллской футбольной команды, которая рассчитывала занять первое место в чемпионате, организованном Спортивной ассоциацией. Не удивительно, что это воспринималось всеми со смешанным чувством изумления и гордости: прошло немало лет с тех пор, как Милвиллская футбольная команда в последний раз завоевала кубок ассоциации.

Тобиас поднялся на ноги, суетливо и неловко стряхнул с себя пыль и вырулил на угол Третьей и Дубовой, где уселся на низкую каменную ограду, которая тянулась перед фасадом баптистской церкви. Он знал, что пастор, выйдя из своего кабинета в полуподвале, непременно его увидит. А пастору, сказал он себе, это очень даже на пользу. Может, такая картина выведет его наконец из себя.

Тобиаса беспокоило, что в последнее время пастор относился к нему чересчур благодушно. Слишком уж гладко идут сейчас у пастора дела, и похоже, он начинает обрастать жирком самодовольства; жена у него — председатель местного отделения Общества Дочерей Американской Революции, а у длинноногой дочки обнаружились недюжинные музыкальные способности.

Тобиас терпеливо сидел на ограде в ожидании пастора, как вдруг услышал шарканье чьих-то ног. Уже порядком стемнело, и только когда прохожий приблизился, он разглядел, что это школьный уборщик Энди Донновэн.

Тобиас мысленно пристыдил себя. По такому характерному шарканью он должен был сразу догадаться, кто идет.

— Добрый вечер, Энди,— сказал он.— Что новенького?

Энди остановился и взглянул на него в упор. Пригладил свои поникшие усы и сплюнул на тротуар с таким видом, что окажись поблизости посторонний наблюдатель, он расценил бы это как выражение глубочайшего отвращения.

— Если ты поджидаешь мистера Хэлворсена,— сказал Энди,— то попусту тратишь время. Его нет в городе.

— А я и не знал,— смутился Тобиас.

— Ты уже достаточно сегодня накуролесил,— ядовито сказал Энди.— Отправляйся-ка домой. Меня тут миссис Фробишер остановила, когда я недавно проходил мимо. Так вот, она считает, что нам необходимо наконец взяться за тебя всерьез.

— Миссис Фробишер — старая сплетница,— проворчал Тобиас, с трудом удерживаясь на ногах.

— Этого у нее не отнимешь,— согласился Энди.— Но женщина она порядочная.

Он внезапно повернулся и зашаркал прочь, и казалось, будто передвигается он чуть быстрей, чем обычно.

Тобиас, покачиваясь, но, пожалуй, не так заметно, как раньше, заковылял в ту же сторону, что и Энди, мучимый сомнениями и горьким чувством обиды.

Потому что он считал себя жертвой несправедливости.

Ну разве справедливо, что ему выпало быть таким вот пропойцей, когда из него могло бы получиться нечто совершенно иное? Когда по складу своей личности — этому сложному комплексу эмоций и желаний — он неудержимо стремился к чему-то другому?

Не для него — быть совестью этого городка, думал Тобиас. Он достоин лучшей участи, создан для более высокого призвания, мрачно икая, убеждал он себя.

Расстояние между домами постепенно увеличивалось, и они попадались все реже; тротуар кончился, и Тобиас, спотыкаясь, потащился по неасфальтированной дороге к своей лачуге, которая приютилась на самом краю города.

Она стояла на холмике над болотом, вблизи того места, где дорогу, по которой он сейчас шел, пересекало 49-е шоссе, и Тобиас подумал, что жить там — сущая благодать. Частенько он сиживал перед домиком, наблюдая за проносящимися мимо машинами.

Но в этот час на дороге было пустынно, над далекой рощицей всходила луна, и ее свет постепенно превращал сельский пейзаж в серебристо-черную гравюру.

Он продолжал свой путь, бесшумно погружая ноги в дорожную пыль, и порой до него доносился вскрик растревоженной птицы, а в воздухе тянуло дымком сжигаемых осенних листьев.

Какая здесь красота, подумал Тобиас, какая красота, но как же тут одиноко. Ну и что с того, черт побери? Он ведь всегда был одинок.

Издалека послышался рев двигателя мчавшейся на большой скорости машины, и он про себя недобрым словом помянул таких вот отчаянных водителей.

Спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, Тобиас ковылял по пыльной дороге, и теперь ему уже стали видны быстро приближавшиеся с востока огоньки.

Он все шел и шел, не спуская взгляда с этих огоньков. Когда машина подлетела к перекрестку, неожиданно взвизгнули тормоза, машина круто свернула на дорогу, по которой он двигался, и в глаза ему ударил свет фар.

В тот же миг луч света, взметнувшись, вонзился в небо, вычертил на нем дугу, и когда с пронзительным скрипом трущейся об асфальт резины машину занесло, Тобиас увидел неяркое сияние задних фонарей. Медленно, как бы с натугой, машина завалилась, опрокидываясь в придорожную канаву. Тобиас вдруг осознал, что бежит, бежит сломя голову на мгновенно окрепших ногах.

Впереди него машина рухнула на бок, с раздирающим уши скрежетом проехалась по асфальту и легко, даже как-то плавно, соскользнула в канаву.

Раздался негромкий всплеск воды, машина уперлась в противоположную стенку канавы и теперь лежала неподвижно, только все еще вертелись колеса.

Тобиас спрыгнул с дороги и, бросившись к дверце машины, обеими руками стал яростно дергать за ручку. Однако дверца заупрямилась: она стонала, скрипела, но упорно не желала уступать. Он рванул что было мочи, и дверца приоткрылась — этак на дюйм. Тогда он нагнулся, запустил пальцы в образовавшуюся щель и сразу почувствовал едкий запах горящей изоляции. Тут он понял, что времени осталось в обрез. И еще до него вдруг дошло, что по ту сторону дверцы, точно в ловушке, отчаянно бьется живое существо.

Помогая ему, кто-то нажимал на дверцу изнутри; Тобиас медленно распрямился, не переставая изо всех сил тянуть на себя ручку, и наконец дверца с большой неохотой поддалась.

Из машины послышались тихие, жалобные всхлипывания, а запах горящей изоляции усилился, и Тобиас заметил, что под капотом мечутся огненные языки.

Раздался щелчок, дверца приоткрылась пошире, и ее снова заклинило, но теперь размер отверстия позволил Тобиасу нырнуть внутрь машины; он схватил чью-то руку, поднатужился, рванул к себе и вытащил из машины мужчину.

— Там она,— задыхаясь проговорил мужчина.— Там еще она...

Но Тобиас, не дослушав, уже шарил наугад в темном чреве машины; к запаху горящей изоляции прибавился клубами поваливший дым, а под капотом ослепительным красным пятном разливалось пламя.

Он нащупал что-то живое, мягкое и сопротивляющееся, изловчился и вытащил из машины ослабевшую, насмерть перепуганную девушку.

— Скорей отсюда! — закричал Тобиас и с такой силой толкнул мужчину, что тот, отлетев от машины, упал и уже ползком выбрался из канавы на дорогу.

Тобиас, подхватив на руки девушку, прыгнул вслед за ним, а позади него на воздух взлетела объятая пламенем машина.

То и дело спотыкаясь, они устремились прочь, подгоняемые жаром горящей машины. Немного погодя мужчина высвободил девушку из рук Тобиаса и поставил ее на ноги. Судя по всему, она была цела и невредима, если не считать ранки на лбу у корней волос, из которой темной струйкой бежала по лицу кровь.

К ним уже спешили люди. Где-то вдали хлопали двери домов, слышались взволнованные крики, а они трое, слегка оглушенные, остановились в нерешительности посреди дороги.

И только теперь Тобиас всмотрелся в лица своих спутников. Он увидел, что мужчина — это Рэнди Фробишер, кумир футбольных болельщиков, а девушка — Бетти Хэлворсен, музицирующая дочка баптистского священника.

Бегущие по дороге люди были уже совсем близко, а столб пламени над горящей машиной стал пониже. «Мне здесь больше делать нечего,— подумал Тобиас,— пора уносить ноги». Ибо он допустил непозволительную ошибку, сказал он себе. Нарушил запрет.

Он резко повернулся, втянул голову в плечи и быстро, только что не бегом, направился назад, к перекрестку. Ему показалось, будто Рэнди что-то крикнул вдогонку, но он даже не обернулся, еще поддав шагу, чтобы как можно скорее оказаться подальше от места катастрофы.

Миновав перекресток, он сошел с дороги и стал взбираться по тропинке к своей развалюхе, одиноко торчавшей на вершине холма над болотом.

И он забылся настолько, что перестал спотыкаться.

Впрочем, сейчас это не имело значения: вокруг не было ни души.

Охваченный паникой, Тобиас буквально трясся от ужаса. Ведь этим поступком он мог все испортить, свести на нет свою работу.

Что-то белело в изъеденном ржавчиной помятом почтовом ящике, висевшем рядом с дверью, и Тобиас очень удивился — он крайне редко получал что-либо по почте.

Он вынул из ящика письмо и вошел в дом. Ощупью отыскал лампу, зажег ее и опустился на шаткий стул, стоявший у стола посреди комнаты.

«Теперь я хозяин своего времени,— подумал он,— и могу распоряжаться им по собственному желанию».

Его рабочий день закончился — хотя формально это было не совсем точно, потому что с большей ли, меньшей ли нагрузкой, а работал он всегда.

Он встал, снял с себя обтрепанный пиджак, повесил его на спинку стула и расстегнул рубашку, обнажив безволосую грудь. Он нащупал на груди панель, нажал на нее, и под его пальца-

ми она скользнула в сторону. За панелью скрывалась ниша. Подойдя к рукомойнику, он извлек из этой ниши контейнер и выплеснул в раковину выпитое за день пиво. Потом вернул контейнер на место, задвинул панель и застегнул рубашку.

Он позволил себе не дышать.

И с облегчением стал самим собой.

Тобиас неподвижно сидел на стуле, выключив свой мозг, стирая из памяти минувший день. Спустя некоторое время он начал его осторожно оживлять и создал другой мозг — мозг, настроенный на ту его личную жизнь, в которой он не был ни опустившимся пропойцей, ни совестью городка, ни дурным примером.

Но в этот вечер ему не удалось полностью забыть пережитое за день, и к горлу снова подкатил комок — знакомый мучительный комок обиды за то, что его используют как средство защиты человеческих существ, населяющих этот городок, от свойственных людям пороков.

Дело в том, что в любом маленьком городке или деревне может ужиться только один подонок; по какому-то необъяснимому закону человеческого общества двоим или более уже было тесно. Тут безобразничал Старый Билл, там Старый Чарли или Старый Тоуб. Сущее наказание для жителей, которые с отвращением терпели это отребье как неизбежное зло. И по тому же закону, по которому на каждое небольшое поселение приходилось не более одного такого отщепенца, этот единственный был всегда.

Но если взять робота, робота-гуманоида Первого класса, которого без тщательного осмотра не отличишь от человека,— если взять такого робота и поручить ему разыгрывать из себя городского пьяницу или городского придурка, этот закон социологии удавалось обойти. И человекоподобный робот в роли опустившегося пьянчужки приносил огромную пользу. Пьяница-робот избавлял городок, в котором жил, от пьяницы-человека, снимал лишнее позорное пятно с человеческого рода, а вытесненный таким роботом потенциальный алкоголик поневоле становился вполне приемлемым членом общества. Быть может, этот человек и не являл собой образец порядочности, но, по крайней мере, он держался в рамках приличия.

Для человека быть беспробудным пьяницей ужасно, а для робота это все равно что раз сплюнуть. Потому что у роботов нет души. Роботы были не в счет.

И хуже всего, подумал Тобиас, что эту роль ты должен играть постоянно: ни малейших отступлений, никаких передышек, если не считать кратких периодов, как вот сейчас, когда ты твердо уверен, что тебя никто не видит...

Но сегодня вечером он на несколько минут вышел из образа. Его вынудили обстоятельства. На карту были поставлены две человеческие жизни, и иначе поступить он не мог.

Впрочем, сказал он себе, не исключено, что еще все обойдется. Те бедняги были в таком состоянии, что, вероятно, даже не заметили, кто их спас. Потрясенные происшедшим, они могли его не узнать. Но весь ужас в том, вдруг понял он, что это его не устраивало: он страстно желал, чтобы его узнали. Ибо в структуре его личности появилось нечто человеческое, и это нечто неудержимо стремилось проявить себя вовне, жаждало признания, которое возвысило бы его над тем опустившимся забулдыгой, каким он был в глазах людей.

Но это же нечестно, осудил он себя. Такие помыслы недостойны робота. Он ведь посягает на традиции.

Тобиас заставил себя сидеть спокойно, не дыша, не двигаясь, и попытался собраться с мыслями — уже не актерствуя, не таясь от самого себя, глядя правде в лицо.

Ему было бы куда легче, думал он, если б он не чувствовал, что способен на большее, если б роль дурного примера для жителей Милвилла была для него пределом, исчерпывала все его возможности.

А ведь раньше так и было, вспомнил он. Именно так обстояли дела в то время, когда он завербовался на эту работу и подписал контракт. Но сейчас это уже пройденный этап. Он созрел для выполнения более сложных заданий.

Потому что он повзрослел, как, мало-помалу меняясь, загадочным образом постепенно взрослеют роботы.

Никуда не годится, что он обязан нести такую службу, в то время как теперь ему по силам задания более сложные, а таких ведь найдется немало. Но тут ничего не исправишь. Положение у него безвыходное. Обратиться за помощью не к кому. Самовольно оставить свой пост невозможно.

Ведь для того, чтобы он не работал впустую, существовало правило, по которому только один-единственный человек, обязанный хранить это в строжайшей тайне, знал о том, что он робот. Все остальные должны были принимать его за человека. В противном случае его труд потерял бы всякий смысл. Как

бездельник и пьяница-человек он избавлял жителей городка от вульгарного порока; как никудышный паршивый пьяница-робот он не стоил бы ни гроша.

Поэтому все оставались в неведении, даже муниципалитет, который, надо полагать, без большой охоты платит ежегодный членский взнос Обществу Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода, не зная, на что идут эти деньги, но тем не менее не решаясь уклониться от платежа. Ибо не каждый муниципалитет был удостоен чести пользоваться особыми услугами ОПСЧР. Стоило не уплатить взнос, и наверняка Милвиллу пришлось бы ждать да ждать, пока ему посчастливилось бы снова попасть в члены этого Общества.

Вот он и застрял здесь, подумал Тобиас, связанный по рукам и ногам десятилетним контрактом, о существовании которого город и не догадывается, но это не меняет дела.

Он знал, что ему не с кем даже посоветоваться. Не было человека, которому он мог бы все выложить начистоту, ибо, как только он кому-нибудь откроется, вся его работа пойдет насмарку, он бессовестно подведет город. А на такое не решится ни один робот. Это же непорядочно.

Он пытался логически обосновать причину такой неодолимой тяги к точному выполнению предписанного, причину своей неспособности нарушить обязательства, зафиксированные в контракте. Но логика тут ни при чем — все это существовало в нем само по себе. Так уж устроены роботы; это один из множественных факторов, сочетанием которых определяется их поведение.

Итак, выхода у него не было. По условиям контракта ему предстояло еще десять лет пить горькую, в непотребном виде слоняться по улицам, играть роль одуревшего от каждодневного пьянства, опустившегося человека, для которого все на свете — трын-трава. И он должен ломать эту комедию, чтобы подобным выродком не стал кто-нибудь из горожан.

Но как же обидно размениваться на такие мелочи, зная, что ты способен выполнять более квалифицированную работу, зная, что твой нынешний разряд дает тебе право заняться творческим трудом на благо общества.

Он положил на стол руку и услышал, как под ней что-то зашуршало.

Письмо. Он совсем забыл про письмо.

Он взглянул на конверт, увидел, что на нем нет обратного адреса, и сразу смекнул, от кого оно.

Вынув из конверта сложенный пополам листок бумаги, он убедился, что чутье его не обмануло. Вверху страницы, над текстом, стоял штамп Общества Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода.

В письме было написано следующее:

«Дорогой коллега!

Вам будет приятно узнать, что на основе последнего анализа Ваших способностей установлено, что в настоящее время Вы более всего подходите для исполнения обязанностей координатора и экспедитора при организующейся колонии людей на одной из осваиваемых планет. Мы уверены, что, заняв такую должность, Вы принесете большую пользу, и готовы при отсутствии каких-либо иных соображений предоставить Вам эту работу немедленно.

Однако нам известно, что еще не истек срок заключенного Вами ранее контракта, и, быть может, в данный момент Вы считаете неудобным поставить вопрос о переходе на другую работу.

Если ситуация изменится, будьте любезны незамедлительно дать нам знать».

Под письмом стояла неразборчивая подпись.

Тобиас старательно сложил листок и сунул его в карман.

И ему отчетливо представилось, как там, на другой планете, где солнцем зовут другую звезду, он помогает первым поселенцам основать колонию, трудится вместе с колонистами, но не как робот, а как человек, настоящий человек, полноправный член общества.

Совершенно новая работа, новые люди, новая обстановка.

И он перестал бы наконец играть эту отвратительную роль. Никаких трагедий, никаких комедий. Никакого паясничанья. Со всем этим было бы раз и навсегда покончено.

Он поднялся со стула и зашагал взад-вперед по комнате.

«Как все нескладно»,— подумал он. Почему он должен торчать здесь еще десять лет? Он же ничего не должен этому городку — его ничто здесь не держит... разве только обязательство по контракту, которое священно и нерушимо. Священно и нерушимо для робота.

И получается, что он намертво прикован к этой крошечной точке на карте Земли, тогда как мог бы стать одним из тех, кто сеет меж далеких звезд семена человеческой цивилизации.

Поселенцев было бы совсем немного. Уже давно отказались от организации многолюдных колоний — они себя не оправдали. Теперь для освоения новых планет посылали небольшие группы людей, связанных старой дружбой и общими интересами.

Тобиас подумал, что такие поселенцы скорее напоминали фермеров, чем колонистов. Попытать счастья в космосе отправлялись люди, близко знавшие друг друга на Земле. Даже кое-какие деревушки посылали на другие планеты маленькие отряды своих жителей, подобно тому как в глубокой древности общины отправляли с Востока на дикий неосвоенный Запад караваны фургонов.

И он тоже стал бы одним из этих отважных искателей приключений, если б смог нарушить условия контракта, если б смог сбежать из этого городка, избавиться от этой бездарной унизительной работы.

Но этот путь для него закрыт. Ему оставалось лишь пережить горечь полного крушения надежд.

Раздался стук в дверь, и, пораженный, он замер на месте: в его дверь никто не стучался уже много лет. Стук в дверь, сказал он себе, может означать только надвигающуюся беду. Может означать только то, что там, на дороге, его узнали — а он уже начал привыкать к мысли о том, что ему все-таки удастся выйти сухим из воды.

Тобиас медленно подошел к двери и отворил ее. Их было четверо: местный банкир Герман Фробишер, миссис Хэлворсен, супруга баптистского священника, Бад Эндсерсон, тренер футбольной команды, и Крис Лэмберт, редактор «Милвилльского еженедельника».

И по их виду он сразу понял, что дела его плохи — неприятность настолько серьезна, что от нее не спасешься. Лица вошедших выражали искреннюю преданность и благодарность с оттенком некоторой неловкости, какую испытывают люди, когда осознают свою ошибку и дают себе слово разбиться в лепешку, чтобы ее исправить.

Фробишер так решительно, с таким преувеличенным дружелюбием протянул Тобиасу свою пухлую руку, что впору было расхохотаться.

— Тоуб,— сказал он,— уж не знаю, как вас благодарить. Я не нахожу слов, чтобы выразить, как мы глубоко тронуты вашим сегодняшним поступком.

Тобиас попытался отделаться быстрым рукопожатием, но банкир в аффекте стиснул его руку и не желал отпускать.

— А потом взяли да сбежали! — заверещала миссис Хэлворсен.— Нет чтобы подождать и показать всем, какой вы замечательный человек. Хоть убей, не пойму, что на вас нашло.

— Дело-то пустяшное,— промямлил Тобиас.

Банкир наконец выпустил его руку, и ею тут же завладел тренер, словно только и ждал, когда ему представится такая возможность.

— Благодаря вам Рэнди жив и в форме,— заговорил он.— Завтра ведь игра на кубок, а нам без него хоть не выходи на поле.

— Мне нужна ваша фотография, Тоуб,— сказал редактор.— У вас найдется фотография? Хотя что я, откуда ей у вас быть? Ничего, мы завтра же вас сфотографируем.

— Но первым делом,— сказал банкир,— мы переселим вас из этой халупы.

— Из этой халупы? — переспросил Тобиас, испугавшись уже не на шутку.— Мистер Фробишер, так это ж мой дом!

— Нет, уже не ваш, баста! — взвизгнула миссис Хэлворсен.— Мы позаботимся о том, чтобы дать вам возможность исправиться. Такого шанса вам еще в жизни не выпадало. Мы намерены обратиться в АОБА.

— АОБА? — в отчаянии повторил за ней Тобиас.

— Анонимное Общество по Борьбе с Алкоголизмом,— чопорно пояснила супруга пастора.— Оно поможет вам излечиться от пьянства.

— А что, если Тоуб вовсе не хочет стать трезвенником? — предположил редактор.

Миссис Хэлворсен раздраженно скрипнула зубами.

— Он хочет,— заявила она.— Нет человека, который бы...

— Да будет вам,— вмешался Фробишер.— Не все сразу. Мы обсудим это с Тоубом завтра.

— Ага,— обрадовался Тобиас и потянул на себя дверь,— отложим наш разговор до завтра.

— Э, нет, так не годится,— сказал банкир.— Вы сейчас пойдете со мной. Жена ждет вас к ужину, для вас приготовлена комната, и, пока все не уладится, вы поживете у нас.

— Чего ж тут особенно улаживать? — запротестовал Тобиас.

— Как это — чего? — возмутилась миссис Хэлворсен.— Наш город палец о палец не ударил, чтобы хоть как-нибудь вам помочь. Мы всегда держались в сторонке, спокойно наблюдая, как вы чуть ли не на четвереньках тащитесь мимо. А это очень дурно. Я серьезно поговорю с мистером Хэлворсеном.

Банкир дружески обнял Тобиаса за плечи.

— Пойдемте, Тоуб,— сказал он.— Мы у вас в неоплатном долгу и сделаем для вас все, что в наших силах.

Он лежал на кровати, застеленной белоснежной хрустящей простыней, и такой же простыней был укрыт, а когда все уснули, он вынужден был тайком пробраться в уборную и спустить в унитаз всю пищу, которую его заставили съесть за ужином.

Не нужны ему белоснежные простыни. Ему вообще не нужна кровать. В его развалюхе, правда, стояла кровать, но только для отвода глаз. А здесь — лежи среди белых простынь, да еще Фробишер заставил его принять ванну, что, между прочим, было для него весьма кстати, но как же он из-за этого разволновался!

Жизнь изгажена, думал Тобиас. Работа спущена в канализационную трубу. Он все испортил, да так по-глупому. И теперь он уже не отправится с горсткой отважных осваивать новую планету; даже тогда, когда он окончательно развяжется со своей нынешней работой, у него не будет никаких шансов на что-либо действительно стоящее. Ему поручат еще одну занюханную работенку, он будет вкалывать еще двадцать лет и, возможно, снова промахнется — уж если есть в тебе слабинка, от нее никуда не денешься.

А такая слабинка в нем была. Он убедился в этом сегодня вечером.

Но с другой стороны, что ему оставалось делать? Неужели он должен был прошмыгнуть мимо, допустить, чтобы те двое погибли в горящей машине?

Он лежал на чистой белой простыне, смотрел на струившийся из окна в комнату чистый, белый свет луны и задавал себе вопрос, на который не мог ответить.

Правда, у него оставалась еще одна надежда, и чем больше он думал, тем радужнее смотрел в будущее; мало-помалу на душе у него становилось легче.

Еще можно все переиграть, говорил он себе; нужно только снова надраться до чертиков, вернее, притвориться пьяным, ибо он ведь никогда не бывал пьян по-настоящему. И тогда он так разгуляется, что его подвиги войдут в историю городка. В его власти непоправимо опозорить себя. Он может демонстративно, по-хамски отказаться от предоставленной ему возможности стать порядочным. Он может всем этим достойным людям с их добрыми намерениями отпустить такую звонкую оплеуху, что покажется им во сто крат отвратительнее, чем прежде.

Он лежал и мысленно рисовал себе, как это будет выглядеть. Идея была отличная, и он обязательно претворит ее в жизнь... но, пожалуй, есть смысл заняться этим немного погодя.

Такая хулиганская выходка произведет большее впечатление, если он слегка повременит, этак с недельку будет разыгрывать из себя тихоню. Тогда его грехопадение ударит их похлеще. Пусть-ка понежатся в лучах собственной добродетели, вкусят высшую радость, считая, что вытащили его из грязи и наставили на путь истинный; пусть окрепнет их надежда — и вот тогда-то он, издевательски хохоча, пьяный в дым, спотыкаясь, потащится обратно в свою лачугу над болотом.

И все уладится. Он снова включится в работу, а пользы от него будет даже больше, чем до этого происшествия.

Через одну-две недели. А может, и позже...

И вдруг он словно прозрел: его поразила одна мысль. Он попытался прогнать ее, но она, четкая и ясная, не уходила.

Он понял, что лжет самому себе.

Он не хотел опять стать таким, каким был до сегодняшнего вечера.

С ним же случилось именно то, о чем он мечтал, признался он себе. Он давно мечтал завоевать уважение своих сограждан, расположить их к себе, почувствовать наконец внутреннюю удовлетворенность.

После ужина Фробишер завел разговор о том, что ему, Тобиасу, необходимо устроиться на какую-нибудь постоянную работу, заняться честным трудом. И сейчас, лежа в постели, он понял, как истосковался по такой работе, как жаждет стать скромным, уважаемым гражданином Милвилла.

Но он знал, что этому не бывать, что обстановка сложилась хуже некуда. Ведь он уже не просто портач, а предатель, причем полностью это осознавший.

Какая ирония судьбы: выходит, что провал работы был его заветной мечтой, а теперь, когда его мечта осуществилась, он все равно остается в проигрыше.

Будь он человеком, он бы заплакал.

Но плакать он не умел. Напрягшись всем телом, он лежал на белоснежной накрахмаленной простыне, а в окно лился белоснежный и словно тоже подкрахмаленный лунный свет.

Он нуждался в чьей-нибудь помощи. Первый раз в жизни он испытывал потребность в дружеской поддержке.

Было лишь одно место, куда он мог обратиться,— но только в самом крайнем случае.

Почти бесшумно Тобиас натянул на себя одежду, выскользнул из двери и на цыпочках спустился по лестнице. Пройдя обычным шагом квартал, он решил, что теперь уже можно не осторожничать, и помчался во весь дух, гонимый страхом, который летел за ним по пятам, точно обезумевший всадник.

Завтра матч, тот самый решающий матч, в котором покажет класс игры спасенный им Рэнди Фробишер, и, должно быть, Энди Донновэн работает сегодня допоздна, чтобы освободить себе завтрашний день и пойти на стадион.

Интересно, который сейчас час, подумал Тобиас, и у него мелькнула мысль, что, вероятно, уже очень поздно. Но Энди наверняка еще возится с уборкой — не может быть, чтобы он ушел.

Оказавшись у цели, Тобиас взбежал по извилистой дорожке к темному, с расплывчатыми очертаниями зданию школы. Ему вдруг пришло в голову, что он уйдет из школы ни с чем, что так бежал сюда зря, и он почувствовал внезапную слабость.

Но в этот миг он заметил свет в одном из окон полуподвала — в окне кладовой — и понял, что все в порядке.

Дверь была заперта, и он забарабанил по ней кулаком, потом, немного подождав, постучал еще раз.

Наконец он услышал, как кто-то, шаркая подошвами, медленно поднимается по лестнице, а спустя одну-две минуты за дверным стеклом замаячила колеблющаяся тень.

Раздался звон перебираемых ключей, щелкнул замок, и дверь открылась.

Чья-то рука быстро втащила его в дом. Дверь за ним захлопнулась.

— Тоуб! — воскликнул Энди Донновэн.— Как хорошо, что ты пришел.

— Энди, я такого натворил!..

— Знаю,— прервал его Энди.— Мне уже все известно.

— Я не мог допустить, чтобы они погибли. Я не мог оставить их без помощи. Это было бы не по-человечески.

— Это было бы в порядке вещей,— сказал Энди.— Ты же не человек.

Он первым стал спускаться по лестнице, держась за перила и устало шаркая ногами.

Со всех сторон их обступила гулкая тишина опустевшего здания, и Тобиас почувствовал, как непередаваемо жутко в школе в ночное время.

Войдя в кладовую, уборщик сел на какой-то пустой ящик и указал роботу на другой.

Но Тобиас остался стоять. Ему не терпелось поскорее исправить положение.

— Энди,— заговорил он,— я все продумал. Я напьюсь страшным образом и...

Энди покачал головой.

— Это ничего не даст,— сказал он.— Ты неожиданно для всех совершил доброе дело, стал в их глазах героем. И, помня об этом, горожане будут тебе все прощать. Что бы ты ни вытворял, какого бы ни строил из себя пакостника, они никогда не забудут, что ты для них сделал.

— Так, значит...— произнес Тобиас с оттенком вопроса.

— Ты прогорел,— сказал Энди.— Здесь от тебя уже не будет никакой пользы.

Он замолчал, пристально глядя на вконец расстроенного робота.

— Ты прекрасно справлялся со своей работой,— снова заговорил Энди.— Пора тебе об этом сказать. Трудился ты на совесть, не щадя сил. И благотворно повлиял на город. Ни один из жителей не решился стать таким подонком, как ты, таким презренным и отвратительным...

— Энди,— страдальчески проговорил Тобиас,— перестань увешивать меня медалями.

— Мне хочется подбодрить тебя,— сказал Энди.

И тут, несмотря на все свое отчаяние, Тобиас почувствовал, что его разбирает смех — неуместный, пугающий смех от мысли, которая внезапно пришла ему в голову.

И этот смех становился все неудержимее — Тобиас смеялся над горожанами: каково бы им пришлось, узнай они, что своими добродетелями обязаны двум таким ничтожествам — школьному уборщику с шаркающей походкой и мерзкому пропойце.

Сам он, как робот, в такой ситуации, пожалуй, мало что значил. А вот человек... Выбор пал не на банкира, не на коммерсанта или пастора, а на уборщика — мойщика окон, полотера, истопника. Это ему доверили тайну, он был назначен связным. Он был самым важным лицом в Милвилле.

Но горожане никогда не узнают ни о своем долге, ни о своем унижении. Они будут свысока относиться к уборщику. Будут терпеть пьяницу — вернее, того, кто займет его место.

Потому что с пьяницей покончено. Он прогорел. Так сказал Энди Донновэн.

Тобиас инстинктивно почувствовал, что кроме него и Энди в кладовой есть кто-то еще. Он стремительно повернулся на каблуках и увидел перед собой незнакомца.

Тот был молод, элегантен и с виду малый не промах. У него были черные, гладко зачесанные волосы, а в его облике было что-то хищное, и от этого при взгляде на него становилось не по себе.

— Твоя замена,— слегка усмехнувшись, сказал Энди.— Уж он-то отпетый негодяй, можешь мне поверить.

— Но по нему не скажешь...

— Пусть его внешность не вводит тебя в заблуждение,— предостерег Энди.— Он куда хуже тебя. Это последнее изобретение. Он гнуснее всех своих предшественников. Тебя здесь никогда так не презирали, как будут презирать его. Его возненавидят от всей души, и нравственность Милвилла повысится до такого уровня, о каком раньше и не мечтали. Они будут из кожи вон лезть, чтобы не походить на него, и все до одного станут честными — даже Фробишер.

— Ничего не понимаю,— рассеянно пролепетал Тобиас.

— Он откроет в городе контору, как раз под стать такому вот молодому энергичному бизнесмену. Страхование, разного рода сделки купли, продажи и найма движимой и недвижимой собственности, залоговые операции — короче, все, на чем

он сможет нажиться. Не нарушив ни единого закона, он обдерет их как липку. Жестокость он замаскирует ханжеством. С обаятельной искренней улыбкой он будет обворовывать всех и каждого, свято чтя при этом букву закона. Он не постесняется пойти на любую низость, не побрезгует самой подлой уловкой.

— Ну разве ж так можно?! — воскликнул Тобиас.— Да, я был пьяницей, но по крайней мере я вел себя честно.

— Наш долг — заботиться о благе всего человечества,— торжественно заявил Энди.— Позор для Милвилла, если в нем когда-либо объявится такой человек, как он.

— Вам видней,— сказал Тобиас.— Я умываю руки. А что будет со мной?

— Пока ничего,— ответил Энди.— Ты вернешься к Фробишеру и подчинишься естественному ходу событий. Поступи на работу, которую он для тебя подыщет, и живи тихо-мирно, как порядочный, достойный уважения гражданин Милвилла.

Тобиас похолодел.

— Ты хочешь сказать, что вы меня окончательно списали? Что я вам больше не нужен? Но я же старался изо всех сил! А сегодня вечером мне просто нельзя было поступить по-другому. Вы не можете так вот запросто вышвырнуть меня вон!

— Придется открыть тебе один секрет. Лучше б ты узнал об этом чуток попозже, но... Видишь ли, в городе поговаривают о том, чтобы послать часть жителей в космос осваивать одну из недавно открытых планет.

Тобиас выпрямился и настороженно замер; в нем было вспыхнула надежда, но сразу же померкла.

— А я тут при чем? — сказал он.— Не пошлют же они такого пьяницу, как я.

— Теперь ты для них хуже чем пьяница,— сказал Энди.— Намного хуже. Когда ты был обыкновенным забулдыгой, ты был весь как на ладони. Они наперечет знали все твои художества. Они всегда ясно представляли, чего от тебя можно ждать. А бросив пить, ты спутаешь им карты. Они будут неусыпно следить за тобой, пытаясь угадать, какой ты им можешь преподнести сюрприз. Ты лишишь их покоя, и они изведутся от сомнений в правильности занятой ими позиции. Ты обременишь их совесть, станешь причиной постоянной нервотрепки,

и они будут пребывать в вечном страхе, что в один прекрасный день ты так или иначе докажешь, что они сваляли дурака.

— С таким настроением они никогда не включат меня в число будущих колонистов,— произнес Тобиас, распрощавшись с последней тенью надежды.

— Ошибаешься,— возразил Энди.— Я уверен, что ты полетишь в космос вместе с остальными. Добропорядочные и слабонервные жители Милвилла не упустят такой случай, чтобы от тебя избавиться.

Если Чевиот Шервуд когда-нибудь и верил в чудеса, то теперь его вера иссякла. У него больше не было иллюзий. Он отчетливо понимал, в каком положении оказался.

Он окончит свои дни на этой захолустной необитаемой планете, и никто не пожалеет о нем, никто не узнает. Конечно, подумал он, жалеть о нем и так некому. Хотя найдутся такие, кто будет счастлив его увидеть, кто бегом прибежит, узнай они, где его искать.

И как раз вот этих людей Шервуд совершенно определенно не горел желанием видеть.

Его огромное, можно даже сказать, непреодолимое желание не встречаться с ними отчасти и являлось причиной его теперешнего положения, потому что с последней планеты он сорвался, не указав порт назначения и не получив разрешения на взлет.

Поскольку никто не знал, куда он направился, а радио его можно было с чистой совестью сдать в утиль, рассчитывать на то, что его кто-нибудь найдет, не приходилось — даже если вдруг станут искать, что само по себе представлялось весьма сомнительным. Скорее всего, ограничатся тем, что разошлют сообщения на другие планеты, чтобы предупредить о нем местные власти.

А поскольку его космический корабль не мог никуда лететь без одной лампы, заменить которую было нечем, он застрял здесь, на этой планете.

Если бы только этим дело и ограничивалось, все было бы не так скверно. Но имелось еще одно, последнее, обстоятельство, которое при других условиях (то есть если бы все это случилось не с ним, а с кем-нибудь еще) заставило бы его

© Перевод И. Тетериной.

живот надорвать от смеха. Однако, поскольку эта история приключилась именно с ним, Шервуду было совсем не до смеха.

Ибо теперь, когда ему не было от этого никакого проку, он разбогател, да так, как ему никогда и не представлялось даже в самых дерзких и жадных мечтах.

В скалистой гряде над лагерем, который он разбил неподалеку от своего искалеченного корабля, залегала жила глинистого конгломерата, прямо-таки набитого алмазами. Вышедшие наружу благодаря выветриванию, они усеивали склон, буквально валялись под ногами на дне крошечного ручейка, бежавшего по долине. Их можно было собирать корзинами. Все — чистейшей воды, а нескольким, размером с человеческий череп, не было цены.

Мужественный, крепкий и смекалистый Шервуд, едва осознав свое положение, принялся использовать его на всю катушку. Временный лагерь он превратил в настоящее жилище, начал делать запасы — копал коренья, собирал орехи, сушил рыбу и заготавливал пеммикан. Если уж ему суждено играть роль Робинзона Крузо, он намеревался делать это со всеми удобствами.

На досуге он собирал алмазы и сваливал их в кучу за своей хижиной. А потом, когда выдавался свободный день или долгий вечер, садился у костра и разбирал их: отмывал от налипшей грязи и сортировал по размеру и блеску. Самые лучшие он откладывал в мешок — чтобы были под рукой на тот случай, если вдруг придется быстро улетать.

Впрочем, он не тешил себя надеждой, что такая возможность когда-нибудь представится.

Однако это не мешало ему предусмотреть все возможные непредвиденные обстоятельства. Шервуд всегда старался оставить себе запасную лазейку. В противном случае его карьера окончилась бы гораздо раньше, в каком-нибудь из десятка прошлых дел и мест. То, что она, по всей видимости, подошла к концу на этот раз, следовало отнести на счет недостатка предусмотрительности: он не догадался обзавестись полным комплектом запчастей. Хотя эту недальновидность, пожалуй, можно было понять, поскольку ни разу еще за всю историю космических полетов лампа, которая сейчас обрекла Шервуда на бесславную кончину, не выходила из строя.

К счастью, он был не из тех, кто склонен к самоанализу. Начни он копаться в себе, в два счета мог бы по уши увязнуть в воспоминаниях о прошлом, а среди них встречались весьма и весьма неприятные.

Разумеется, Шервуду очень во многом повезло. Планета досталась вполне сносная, этакая Новая Англия со скалистой пересеченной поверхностью, заросшая невысокими деревьями и отчетливо похожая на Землю. С таким же успехом его могло занести на планету, покрытую непроходимыми джунглями или вечными льдами, или на любой из еще десятка планетарных типов, непригодных для жизни.

Поэтому он обустроился, как мог наслаждался жизнью и даже не утруждал себя подсчетом дней. Ибо знал, что его ждет.

Он не рассчитывал на чудо.

Чудо, на которое Шервуд не рассчитывал, произошло однажды под вечер, когда он сидел, поджав ноги, на земле и разбирал свежий улов бесценных алмазов.

С востока, из-за уходящих в даль холмов, появился большой черный корабль. Он со свистом перемахнул через вершины и опустился на землю неподалеку от разбитого звездолета Шервуда и его хижины.

Это был не патрульный крейсер, хотя Шервуд в его положении был бы рад и патрулю. Подобного корабля он еще не видел: нечто похожее на черный шар, лишенное каких-либо опознавательных знаков.

Шервуд вскочил на ноги и бросился к кораблю, приветственно махая руками и вопя от радости, но примерно в сотне футов вынужден был остановиться, поскольку на него дохнуло жаром: обшивка раскалилась от прохождения сквозь атмосферу.

— Эй, там! — крикнул он.

И корабль ответил...

— Незачем так кричать,— послышался голос.— Я хорошо вас слышу.

— Кто вы? — спросил Шервуд.

— Я — Корабль,— возвестил голос.

— Хватит валять дурака,— крикнул Шервуд.— Кто вы?

Ибо ответ, который он получил, был несерьезным. Корабль! Держи карман шире! Просто кто-то внутри корабля разговаривал с ним через громкоговоритель в корпусе.

— Я же сказал,— вновь послышался голос: — Я — Корабль.

— Но кто-то же со мной говорит.

— С вами говорит Корабль.

— Ну ладно,— сдался Шервуд.— Если вам так хочется, ничего не имею против. Можете вытащить меня отсюда? Сломалось радио, а корабль поврежден.

— Наверное, могу,— ответил Корабль.— Расскажите мне, кто вы такой.

Шервуд на мгновение заколебался, затем честно и без утайки рассказал Кораблю, кто он такой. Ему вдруг пришло в голову, что этот корабль такой же изгой, как и он сам. На нем не было никаких опознавательных знаков, а ведь иметь их должен каждый корабль.

— Так вы сказали, что покинули последний порт без разрешения?

— Да,— подтвердил Шервуд.— Возникли кое-какие обстоятельства.

— И никто не знает, где вы? Никто вас не ищет?

— Откуда им знать, где искать? — вопросом на вопрос ответил Шервуд.

— И куда вы хотите отправиться?

— Куда угодно. Мне все равно.

Ведь даже если его высадят туда, где он не захочет оставаться, все равно будет шанс. Здесь же, на этой планете, у него не оставалось ровным счетом никакой надежды на спасение.

— Ладно,— сказал Корабль.— Можете подняться на борт.

В корпусе корабля открылся люк, и оттуда начал выдвигаться трап.

— Секундочку! — крикнул Шервуд.— Я сейчас вернусь.

Он со всех ног помчался в свою хижину, схватил припасенный мешок с отборными алмазами и припустил обратно к кораблю. Едва трап успел коснуться земли, Шервуд уже был на месте.

Обшивка все еще потрескивала, отдавая тепло, но Шервуд взобрался по трапу, не обращая на это внимания.

Ну вот, теперь он обеспечен на всю жизнь, подумалось ему. Если только...

И тут ему пришло в голову, что алмазы у него могут забрать. Скажут, что это плата за проезд. Или вообще отберут без разговоров.

Но теперь уже слишком поздно. Он почти вошел в люк. Если он сейчас бросит мешок с алмазами, это только вызовет подозрения и ничего не даст.

Это все от жадности, подумал Шервуд. Не нужно было тащить столько алмазов. Было бы достаточно и полудюжины самых лучших, если бы он только догадался рассовать их по карманам. Их вполне хватило бы на то, чтобы купить себе другой корабль и вернуться сюда за остальными.

Но теперь уж ходу назад не было. Оставалось только довести дело до конца.

Шервуд добрался до люка и ввалился внутрь. Его никто не встретил. Внутренний шлюз был открыт нараспашку, но там никого не было.

Пока он стоял и хлопал глазами в пустоту, за спиной негромко затарахтел поднимающийся трап и зашипел, закрываясь, люк.

— Эй,— крикнул он,— где все?

— Здесь никого нет,— сообщил голос,— кроме меня.

— Ясно,— сказал Шервуд.— Так где мне вас искать?

— Вы уже меня нашли,— ответил Корабль.— Вы находитесь внутри меня.

— То есть как...

— Ну я же говорю,— перебил его Корабль.— Я же сказал, что я — Корабль. Я и есть Корабль.

— Но никого же...

— Вы не понимаете,— сказал Корабль.— Мне никто и не нужен. Я сам по себе. Я разумен: отчасти машина, отчасти человек. Вернее, пожалуй, когда-то был ими. В последние годы я стал думать, что мы двое превратились в единое целое, так что теперь мы не человек и не машина, а нечто совершенно новое.

— Вы шутите,— сказал Шервуд, которого начал одолевать страх.— Такого не бывает.

— Представьте себе,— начал Корабль,— человека, которые долгие годы работал, чтобы создать меня, и, окончив работу, понял, что дни его сочтены...

— Выпустите меня! — завопил Шервуд.— Выпустите меня отсюда! Я не хочу, чтобы меня спасали. Я не хочу...

— Боюсь, мистер Шервуд, вы немного опоздали. Мы уже в космосе.

— Как — в космосе? Не может быть! Это никакой не...

— Еще как космос,— ответил Корабль.— Вы ожидали толчка? Его не было. Мы просто поднялись в воздух.

— Ни один корабль,— упорствовал Шервуд,— не может взлететь с планеты...

— Вы, мистер Шервуд, все время думаете о кораблях, построенных человеческими руками. А не о живом корабле. Не о разумной машине. Не о том, что становится возможным, когда человек и машина сливаются воедино.

— Ты хочешь сказать, что сам построил себя?

— Ну разумеется, нет. Не с нуля. Сперва меня строили человеческие руки. Но я вносил изменения в свою конструкцию и перестраивал сам себя — и не один раз. Я знаю свои способности. Знаю свои мечты и желания. Я превратил себя в то, чем способен быть: я больше не полукустарная поделка, а предел способностей человеческой расы.

— Этот человек, о котором ты говоришь,— начал Шервуд.— Ну тот, который должен был умереть...

— Он часть меня,— сказал Корабль.— Если вы не можете не думать о нем как об отдельном существе, то это он сейчас говорит с вами. Потому что «я» подразумевает нас обоих. Ибо мы стали одним целым.

— У меня это в голове не укладывается...— Шервуд чувствовал, как паника снова подступает к горлу.

— Он сделал из меня, и было это очень давно, корабль, который подчиняется не движению рычага и не нажатию кнопки, а мысленным командам управляющего мной человека. По сути, я должен был стать продолжением этого человека. Мой создатель изобрел специальный шлем, который следовало надевать и думать в него.

— Понятно,— протянул Шервуд.

— Он должен был думать в этот шлем, а я был запрограммирован так, чтобы подчиняться его мыслям. Я по сути становился человеком, а человек по сути становился кораблем, которым он управлял.

— Неплохо! — восхитился Шервуд, от которого, когда дело касалось возможной выгоды, не ускользала ни одна тонкость.

— Он закончил меня, уже стоя одной ногой в могиле; жаль было, что умрет такой человек — человек, который так упорно

трудился и совершил то, что совершил. Человек, который от столького отказался. Человек, который никогда не видел космоса.

— Нет! — с отвращением воскликнул Шервуд, уже зная, что сейчас услышит.— Нет, он не мог так поступить.

— Это было доброе дело,— возразил Корабль.— Он хотел этого. Он сам руководил всем. Он просто оставил свое тело. Все равно оно было никчемной оболочкой, готовой умереть. Чтобы человеческий мозг мог существовать вне человеческого черепа, пришлось внести лишь простейшие изменения. А мой создатель был счастлив. Мы с ним оба были счастливы.

Шервуд поднялся, не говоря ни слова. В молчании прислушался, надеясь уловить какой-нибудь звук, какое-нибудь тарахтение или гул — любой признак того, что корабль функционирует. Но не различил ни звука — и ни единого намека на какое-либо движение.

— Счастливы,— повторил он.— Где вы нашли счастье? В чем смысл всего этого?

— Это,— серьезно отозвался Корабль,— довольно трудно объяснить.

Шервуд стоял и думал о том, каково это — вечно странствовать в космосе без тела, навсегда лишившись всех телесных желаний, всех его преимуществ и возможностей.

— Вам нечего бояться,— заверил его Корабль.— У нас есть для вас отличная каюта. Прямо по коридору, первая дверь слева.

— Благодарю,— сказал Шервуд, хотя ему все еще было немного не по себе.

Будь у него выбор, он остался бы на той планете. Но раз уж он здесь, нужно на полную катушку использовать свое положение. А в нем имеются, признался себе Шервуд, определенные преимущества и возможности, о которых следует хорошенечко поразмыслить.

Он прошел по коридору и толкнул дверь. Она открылась в каюту. Для космического корабля там было довольно уютно. Тесновато, конечно, но куда же без этого. Место на любом корабле в дефиците.

Он вошел внутрь и первым делом пристроил мешочек с алмазами на откидной койке, висевшей на стене. Потом уселся на единственный металлический стул рядом с койкой.

— Удобно устроились, мистер Шервуд? — осведомился Корабль.

— Очень,— заверил он.

Все обойдется, сказал он себе. Ситуация дикая, но все обойдется. Жутковатая, пожалуй, и малоправдоподобная, но это, наверное, лучше, чем торчать на той безвестной планете. Ведь это же не на всю жизнь. А на той планете он вполне мог просидеть — и, скорее всего, просидел бы — всю жизнь.

До следующей планеты лететь еще долго: эта область космоса заселена слабо. У него будет вдоволь времени все обдумать и распланировать. Возможно, удастся сообразить, как обратить обстоятельства к собственной выгоде.

Шервуд откинулся на спинку стула и вытянул ноги. Мозг его лихорадочно заработал, просчитывая варианты и исследуя со всех сторон возможности, которые существовали в его теперешнем положении.

Неплохо, подумал он, такую операцию провернули. Корабль, без сомнения, уже открыл для себя кое-какие новые преимущества, до которых еще не додумался ни один человек.

Впереди была большая работа. Предстояло исследовать способности Корабля и подвергнуть тщательному изучению его личность, чтобы уяснить себе его сильные и слабые стороны. Затем надо будет разработать стратегию, только осторожно, чтобы ничем не выдать своих замыслов. Нельзя ничего предпринимать до того, как он будет полностью готов действовать.

Возможно, существует не один способ добиться своего. Лесть, деловое предложение или шантаж — выбор за ним. Надо все обдумать, изучить, а затем действовать таким образом, который он сочтет наилучшим.

Интересно, задумался он, каков принцип действия этого Корабля? Наверное, антигравитация. Или ядерный синтез. Или еще какой-нибудь метод, который пока что никто не рассматривал в качестве источника энергии.

Он вскочил со стула и принялся мерить каюту шагами: три туда, три обратно, беспрестанно взвешивая в уме возможные шансы.

Да, подумал он, должно быть, неплохо иметь такой корабль. Скорее всего, ничто во вселенной не сможет сравниться с ним в скорости и маневренности. Никто не сможет догнать его, если Шервуду когда-нибудь придется спасаться бегством. Судя

по всему, посадить его можно где угодно. Вероятно, он сам себя ремонтирует: Корабль упоминал о том, что он вносил изменения в свою конструкцию и сам себя перестраивал. Памятуя свое недавнее бедственное положение, Шервуд счел это очень удобным.

Должен быть какой-то способ заполучить этот Корабль, сказал он себе. Не может не быть. Этот Корабль — именно то, что ему нужно.

Разумеется, он может купить другой корабль; с таким запасом алмазов можно купить хоть целый флот. Но ему хотелось именно этот.

Пожалуй, ему откровенно повезло, что его спас именно этот Корабль. Потому что любое другое законопослушное судно, вероятнее всего, сдало бы его властям в первом же порту захода, а этот Корабль, похоже, совершенно не волновали ни его личность, ни его прошлое. Любое другое не вполне законопослушное судно завладело бы не только теми алмазами, которые он захватил с собой, но и правом на открытое им месторождение. Но именно этот Корабль алмазы не интересовали.

Ну и история, подумал он. Человеческий мозг и космический корабль, объединенные друг с другом, связанные так тесно, что между ними стерлись всякие границы. Он поежился при одной только мысли: было в этом что-то отвратительное.

Хотя, пожалуй, для старика, сходящего в могилу, все это не имело такого уж большого значения. Взамен дряхлого, уже отмеченного печатью смерти тела он получил многие годы жизни. Наверное, жить как часть странствующей в космосе машины лучше, чем не жить совсем.

Интересно, задумался Шервуд, сколько лет прошло с тех пор, как старик превратил себя в нечто не вполне человеческое? Сто? Пятьсот? Может, и больше.

Где он побывал и что видел за эти годы?

И, что самое существенное, какие мысли пробегали, кристаллизовались и рождались в его мозгу? Что за жизнь у него была? Жизнь, разумеется, не человеческая, и взгляд не с человеческой точки зрения, а нечто совершенно иное.

Шервуд попытался вообразить, на что это может быть похоже, но тут же в смятении бросил свои попытки. Такая жизнь

означала неизбежный отказ от всего, ради чего он жил: от всех чувственных удовольствий, от мечтаний о наживе и славе, от всех уютных привычек, которыми он обзавелся, от всех установленных им самим правил поведения и от совести.

Чудо, подумал он. Собственно говоря, чудес было целых два. Первое произошло, когда ему удалось благополучно посадить корабль, после того как вышла из строя лампа. Он снизился к самой поверхности планеты, чтобы найти место для приземления, когда вдруг сгорела лампа, двигатель отказал и его корабль понесло над гористой местностью. И тут он внезапно заметил крохотный пятачок, едва пригодный для посадки, и принялся отчаянно маневрировать, чтобы попасть на этот пятачок, и в конце концов все-таки попал — целый и невредимый.

Приземление воистину удалось ему каким-то чудом; появление Корабля, который спас его, стало вторым чудом.

Откидная койка вдруг повисла вдоль стены, и мешочек с алмазами полетел на пол.

— Эй, что происходит? — завопил Шервуд.

И тут же пожалел об этом, поскольку все было совершенно понятно и без объяснений. Опора, на которой держалась койка, была плохо закреплена, и койка сложилась.

— Что-то не так, мистер Шервуд? — поинтересовался Корабль.

— Нет-нет, все в порядке,— уверил его Шервуд.— У меня упала койка. Она меня напугала.

Он наклонился, чтобы поднять алмазы. В ту же секунду стул ловко и бесшумно отъехал к стене, сложился и нырнул в небольшое углубление, в точности совпадавшее с ним по размерам.

Шервуд, который, сидя на корточках, собирал алмазы, как завороженный, с ужасом проводил стул глазами, потом стремительно обернулся. Койка тоже больше не висела вдоль стены, а убралась в другую нишу.

Холодный страх пронзил Шервуда. Он поспешно поднялся на ноги и принялся оглядываться, как загнанный в клетку зверь. Он стоял посреди голой каюты. Теперь, когда койка и стул исчезли, его окружали четыре голые стены.

Он бросился к двери, но ее там не оказалось. На месте двери была стена.

Шервуд шарахнулся назад и принялся озираться, оглядывая каждую стену по очереди. Ни в одной из них двери не было. От пола до потолка простирался гладкий металл.

Стены ожили и начали надвигаться на него.

Шервуд остолбенел, не веря своим глазам, думая, что движущиеся стены — плод его воображения.

Но воображение было ни при чем. Медленно, неумолимо стены надвигались на него. Если бы он развел руки в стороны, то мог бы коснуться их кончиками пальцев.

— Корабль! — произнес он, пытаясь говорить спокойным голосом.

— Да, мистер Шервуд.

— Ты неисправен. Стены съезжаются.

— Все механические системы корабля находятся в полной исправности. Но мне нужен новый мозг. Мой собственный слабеет и угасает с каждым днем. Не только тело, но и мозг тоже имеет свои пределы. Я подозревал это, однако наверняка знать не мог. Разумеется, существовала вероятность, что, изолированный от пагубного влияния тела, он сможет существовать в питательном растворе вечно.

— Нет,— прохрипел Шервуд сдавленным голосом.— Нет, только не меня!

— А кого тогда? — осведомился Корабль.— Я искал долгие годы, и вы стали первым, кто подошел.

— Подошел?! — в ярости переспросил Шервуд.

— Ну да,— как ни в чем не бывало радостно подтвердил Корабль.— Нужен был человек, которого никто не хватится. Никто не знает, где вы. Никто вас не ищет. Никто не будет по вам тосковать. Я очень долго искал подходящую кандидатуру и уже отчаялся найти. Я ведь не зверь какой-нибудь. Я никому не хочу причинять горе.

Стены продолжали надвигаться.

Корабль, казалось, вздохнул с металлическим удовлетворением.

— Поверьте, мистер Шервуд,— сказал он,— то, что я нашел вас, поистине чудо.

1

Все тихо. Нигде ни признака панков. Над голой истерзанной землей повисла гнетущая тишина. Не было заметно ни малейшего движения — даже стаи бродячих собак и те исчезли.

Слишком уж спокойно, заключил Макс Хейл.

Обычно хоть что-нибудь да двигалось и время от времени доносились звуки. Казалось, все затаилось перед какой-то страшной опасностью — скорее всего, очередным нападением. Хотя теперь атака может быть направлена только против одной цели. А какое дело остальным, подумал Макс, ведь они давным-давно сдались, чего им прятаться за дверями и ставнями?

Макс стоял на плоской крыше укрепленной усадьбы, цитадели Кроуфорда, и следил за улицами, что вели к северу и западу от нее. По пути домой мистер Кроуфорд выберет одну из них. Никто не знал, какую именно, потому что мистер Кроуфорд редко возвращался одним и тем же маршрутом. Только так можно было избежать засады или опасности натолкнуться на баррикаду. Правда, сейчас засады стали куда реже — почти не осталось деревьев и кустарников, стало трудно скрываться. Требовалась немалая изобретательность, чтобы организовать засаду в такой голой и разграбленной местности. Однако, напомнил себе Макс, уж в чем, в чем, а в отсутствии изобретательности панков трудно было обвинить.

Мистер Кроуфорд позвонил днем и сказал, что немного задержится. Из-за этого Макс и нервничал. Минут через пятнадцать начнет смеркаться, а с наступлением темноты окрестности Оук-Мэнор становились опасными. Впрочем, теперь ночью становились опасными все пригороды. И хотя район

© Перевод И. Почиталина.

Оук-Мэнор был опаснее других, нигде нельзя было себя чувствовать в безопасности.

Он снова поднес к глазам бинокль и внимательно осмотрел окружающую местность. Ничего — ни патрулей, ни прячущихся одиночек. Хотя где-то скрывались наблюдатели, в этом Макс не сомневался. Панки не сводили глаз с усадьбы Кроуфорда, надеясь, что когда-нибудь бдительность ее обитателей ослабнет.

Макс переводил бинокль с одной улицы на другую, с одного разрушенного дома на другой. Разбитые стекла, осыпавшаяся краска, багровые полосы, нанесенные несколько лет назад. Здесь и там виднелись высохшие деревья с обломанными ветвями. Пожелтевшие, давно мертвые, они торчали посреди пыльных дворов — дворов, с которых исчезла трава, когда-то превращавшая их в лужайки.

Вдоль Сёркл-драйв, на вершине холма, виднелось то, что напоминало об усадьбе Томпсона, павшей пять лет назад. От дома не осталось и следа. Он был стерт с лица земли до основания, уничтожен камень за камнем, доска за доской. Лишь скелеты погибших деревьев да погнутые и искореженные металлические опоры говорили, где проходила укрепленная ограда.

Теперь только цитадель Кроуфорда возвышалась в Оук-Мэнор. Макс думал об этом с гордостью и тяжелыми воспоминаниями. Она выстояла благодаря ему, подумал Макс, и он будет защищать усадьбу до конца.

Это был последний оазис посреди голой пустыни, со своими деревьями и травой, летними беседками, поросшими вьющимися растениями, густыми кустами и солнечными часами поразительной красоты, с фонтаном и прудом, где плавали золотые рыбки и росли лилии.

— Макс,— донеслось из портативной рации, что висела на груди.

— Слушаю, мистер Кроуфорд.

— Где вы сейчас, Макс?

— На посту, на крыше.

— Я проеду по Сеймур-драйв,— донесся металлический голос мистера Кроуфорда.— Сейчас я примерно в миле от дома, за холмом. Подъеду, не сбавляя скорости.

— Поблизости никого нет, сэр.

— Отлично. Вовремя откройте ворота, Макс.

— У меня с собой пульт дистанционного управления, сэр. Открою ворота прямо отсюда. Буду смотреть в оба.

— Сейчас я приеду,— закончил мистер Кроуфорд.

Макс взял в руки пульт управления, ожидая появления машины хозяина усадьбы.

Автомобиль вырвался из-за вершины холма, промчался по Сеймур-драйв и с ревом полетел к воротам.

Когда он был всего в трех метрах от ворот, Макс нажал на кнопку, отпирающую электронный замок. Массивный бампер ударил по воротам и распахнул их. Тяжелые буферы, протянувшиеся по бокам автомобиля, удержали их открытыми долю секунды, необходимую, чтобы автомобиль проскочил во двор. И тут же мощные пружины захлопнули ворота. Щелкнул замок.

Макс повесил пульт управления на плечо и спустился вниз по лесенке.

Когда он подошел, мистер Кроуфорд уже поставил машину в гараж и запирал ворота.

— Действительно, все тихо,— заметил мистер Кроуфорд.— Гораздо спокойнее обычного.

— Это мне не нравится, сэр. Они что-то затевают.

— Вряд ли,— пожал плечами мистер Кроуфорд.— Накануне Дня перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Согласен,— кивнул мистер Кроуфорд,— но завтра они соберутся здесь, чтобы повеселиться. Нам не следует обижать их. В конце концов, мы их соседи, и нехорошо нарушать традиции. Мне бы не хотелось, чтобы ваше усердие вышло за рамки дозволенного.

— Вы ведь хорошо знаете, сэр,— запротестовал Макс,— я никогда не пойду на это. Я боец, сэр, но воюю честно.

— Я просто вспомнил о том маленьком трюке, который вы хотели выкинуть в прошлом году.— Мистер Кроуфорд взглянул на Макса.

— Но ведь это не причинило бы им никакого вреда, сэр. По крайней мере серьезного вреда. Они бы даже ничего не заподозрили. Капля-другая во фруктовый пунш — и все. Они почувствовали бы действие лишь через несколько часов. Состав действует очень медленно.

— Даже так,— сурово сказал мистер Кроуфорд.— Накануне Дня перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Даже так,— сурово сказал мистер Кроуфорд.— Хорошо, что я узнал об этом вовремя. И мне не хочется, чтобы на этот раз случилось что-нибудь подобное. Надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, сэр,— ответил Макс.— Можете положиться на меня.

Какая это глупость — День перемирия, подумал Макс. Пережиток далекого прошлого, когда кому-то из либералов пришла в голову мысль, что будет неплохо, если жители усадеб встретятся с панками в мирной обстановке и вместе проведут праздник.

Естественно, так и случается, но всего лишь один день в году. На протяжении двадцати четырех часов нет нападений, горящих стрел, брошенных через высокий забор гранат. Но уже спустя секунду после полуночи вражда вспыхивает снова, не менее упорная и жестокая, чем раньше.

Она длилась уже много лет. Макс отлично понимал, каким будет ее исход. Наступит день, и усадьба Кроуфорда, несмотря на все укрепления, падет, как уже пали все остальные цитадели в Оук-Мэнор. Но Макс дал слово, что, пока не наступит этот день, он будет бороться до последнего. Ни на мгновение не ослабит бдительности, и еще не один панк пожалеет, что ввязался в эту войну.

Мистер Кроуфорд распахнул дверь. На мгновение яркий свет вырвался наружу. Затем дверь закрылась и дом снова превратился в безмолвную громаду, холодную и темную. Сквозь затемнение не пробивалось даже крошечного луча света. Ежедневно, еще до наступления темноты, Макс подходил к щиту управления, перебрасывал ручку рубильника, и на всех окнах захлопывались стальные ставни. Освещенные окна в ночи представляли собой слишком хорошую цель.

В последнее время нападения случались только ночью. Еще недавно их можно было ожидать и днем, однако теперь опасность для нападающих была слишком велика. Год за годом оборона укреплялась, и дневные рейды превратились в безрассудство.

Макс повернулся и подошел к воротам. Он натянул резиновые перчатки и при свете фонарика осмотрел замок. Ворота были заперты. Еще не было случая, чтобы электронный замок не сработал. Тем не менее полностью исключить такую

опасность нельзя, поэтому Макс никогда не забывал проверить ворота.

Он протянул руку в резиновой перчатке и потрогал забор. Два с половиной метра высотой, с несколькими рядами колючей проволоки наверху. И через каждый дюйм проволоки струился электрический ток высокого напряжения. Максу казалось, что провода гудят под током, но он знал, что это всего лишь иллюзия. Он знал, что электричество бесшумно.

За первым, основным, забором стоял второй, запасной, в который можно было подать ток, если основной рухнет.

Сзади послышалось едва различимое дыхание.

— Здорово, приятель,— сказал Макс, обернувшись.

В темноте было трудно различить очертания собаки, однако Макс знал, что она фыркает от удовольствия при звуках его голоса.

Собака вынырнула из темноты и прижалась к его ногам. Макс присел и прижал к груди огромную голову. В одно мгновение собака облизала ему лицо.

— А где остальные? — спросил Макс и почувствовал, как могучее тело задрожало от удовольствия.

Отличные псы, подумал он. Живущих в доме они любят до обожания, но смертельно ненавидят посторонних. Так их воспитали.

Макс знал, что остальная стая бродит по двору, прислушиваясь к малейшему шороху. Никто не сможет подойти к забору незамеченным. Любого, сумевшего перемахнуть через забор, они разорвут в клочья.

Он снял перчатки и положил их в карман.

— Пошли, пошли,— сказал он.

Макс сошел с дорожки и осторожно двинулся по двору. Здесь нужно было следить за каждым шагом, потому что поверхность двора была тщательно спланирована таким образом, что любая брошенная граната или бутылка с зажигательной жидкостью неминуемо скатывалась бы в одну из ловушек, которыми был усеян двор. Правда, теперь гранаты и бутылки редко перелетали через забор. Нападающие поняли, что это ни к чему не приведет. Было время, когда в дом летели горящие стрелы. После того как поверхность дома была обработана несгораемым составом, стрелы тоже сошли на нет.

Макс остановился и замер. Листья на ветках деревьев шелестели под легким дуновением ветра. Он поднял голову и по-

смотрел на их темные очертания, вырисовывающиеся на фоне более светлого неба.

Как они красивы, подумал Макс. Жаль, что их почти не осталось. Когда-то эта округа называлась Оук-Мэнор — Дубовая Роща, потому что здесь росли эти величественные исполины. И вот теперь, прямо перед Максом, возвышался последний из них — огромный старый патриарх, крона которого закрывала свет первых звезд.

Макс смотрел на старый дуб со страхом и благоговением. Да, он представлял собой смертельную угрозу. Дуб был старым и дуплистым, его нужно было убрать, потому что он склонялся в сторону забора и при сильном ветре мог рухнуть прямо на провода, нарушив защиту усадьбы. Несколько раз Макс порывался поговорить с мистером Кроуфордом, но он знал, что хозяин усадьбы любит старого великана. Да и сам Макс был неравнодушен к дубу. Может быть, если закрепить его тросами, чтобы дерево по крайней мере не упало на забор... Хотя тросы, охватывающие этот могучий ствол, казались святотатством, оскорблением древнего монарха...

Осторожно ступая, сопровождаемый собакой, Макс вышел на патио. Наклонившись, он провел ладонью по шершавой поверхности солнечных часов. Мистер Кроуфорд привез их из монастырского сада где-то во Франции. Уже одно это придавало ценность древним часам. Но, может быть, мистер Кроуфорд видел в них что-то другое, помимо того что им было много сотен лет и их привезли из-за океана.

Возможно, солнечные часы были для него символом давно ушедших дней, когда каждый человек имел право на сад, кусты и траву возле своего дома и их не нужно было защищать, когда он мог гордиться домом и тем, что его окружало. Однако это право понемногу с течением времени исчезло.

2

Все началось незаметно. Дети, играя, топтали лужайки, а бегающие за ними своры счастливых псов ломали кусты. У каждого мальчика должна быть своя собака, говорили родители.

Жители пригородов перебрались сюда из шумных перенаселенных городов, чтобы жить, как любили говорить они, на лоне природы. Здесь каждая семья сможет завести себе соба-

ку, а дети будут бегать и играть на свежем воздухе под лучами солнца.

И правда, здесь было где бегать, поэтому дети бегали. Ничего другого им не оставалось. Они носились сломя голову по улицам, лужайкам и дорожкам, ломая и разоряя все, что им попадалось. Прошло время, ребятишки выросли, но никаких других развлечений взрослые им предложить не могли. Им оставалось лишь одно — бегать. Их матери каждое утро собирались пить кофе и сплетничать, а отцы каждый вечер сидели во дворе и пили пиво. Пользоваться семейным автомобилем стало слишком дорого — цены на бензин снова подскочили, дома были заложены в банках и нужно было выплачивать проценты, налоги все росли и росли, и на все это требовались деньги.

И вот, в поисках выхода для своей энергии, вымещая обиду за то, что у них ничего нет, повзрослевшие ребятишки начали искать приключения в актах вандализма. Они резали бельевые веревки во дворах, рубили на куски садовые шланги, неосторожно оставленные на ночь без присмотра, ломали столы и стулья в патио, чертили по стенкам и штакетнику кусками мела.

Раздраженные домовладельцы начали строить заборы, чтобы оградить свои дворы от налетов молодежи с собаками, и это сразу было истолковано как оскорбление и вызов.

И этот первый забор, воздвигнутый много лет назад, стал предшественником почти трехметрового электрифицированного ограждения цитадели Кроуфорда, а маленькие вандалы с кусками мела, с восторженными криками бившие окна в домах соседей, были предками панков.

Макс выпрямился и пошел к забору мимо пруда с лилиями и золотыми рыбками, мимо пляшущих струй фонтана, мимо склонившихся плакучих ив.

— Пст! — донеслось с другой стороны забора.

— Это ты, Билли?

— Да,— ответил Билли Уорнер.

— У тебя есть какие-нибудь новости?

— Завтра День перемирия, и мы придем в гости...

— Да, я это знаю,— ответил Макс.

— Они принесут с собой бомбу с часовым механизмом.

— Но как? — спросил Макс.— Полицейские обыскивают при входе каждого.

— Бомба будет разобрана на части. У каждого будет спрятана под одеждой одна деталь. Сегодня вечером Стоуни Стаффорд будет раздавать их. Он подобрал группу, которая тренировалась несколько недель. Они могут собрать ее даже в темноте, на ощупь.

— Да, пожалуй,— медленно сказал Макс.— Это возможно. А после того, как ее соберут?

— Подложат под солнечные часы,— сказал Билли.

— Спасибо,— сказал Макс.— Это было бы огромным ударом для мистера Кроуфорда.

— Мне кажется, я заработал двадцатку.

— Да,— согласился Макс.— Двадцатку ты заработал.

— Если они узнают, что я проболтался тебе, меня убьют.

— Не узнают,— ответил Макс.— От меня не узнают.

Он достал из кармана бумажник, на мгновение включил фонарик и вытащил две десятки. Сложил их вдвое вдоль и просунул между проводами забора.

— Осторожно! — предупредил Макс.— Не касайся проводов, они под током.

Из темноты появилась рука, схватила деньги и исчезла. Послышался шорох удаляющихся шагов.

Макс замер, прислушиваясь. Ветер по-прежнему шуршал листьями, слышался плеск фонтана, напоминавший звон серебряных колокольчиков.

Он повернулся и двинулся вдоль забора, завершая вечерний осмотр. Выйдя из-за гаража. Макс увидел, что у ворот стоит полицейский автомобиль.

— Ты, Чарли? — окликнул он.

— Это я, Макс,— отозвался Чарли Поллард.— Все тихо?

— Как всегда.

Макс подошел к воротам и увидел за забором неясные очертания коренастой фигуры полицейского.

— Проезжал мимо и решил заглянуть,— сказал Поллард.— Сегодня вечером тихо. Скоро мы приедем, чтобы убедиться, что у тебя нет ничего запрещенного. Мне кажется, у тебя солидный запас.

— Только для обороны,— кивнул Макс.— Таков закон.

— Да, таков закон,— согласился Поллард.— Но мне кажется, что иногда ты проявляешь чрезмерное рвение. К примеру, у тебя в заборе электрический ток — три тысячи вольт?

— Естественно,— сказал Макс.— Ты считаешь это неправильным?

— Какой-нибудь малыш схватится за провод и будет убит на месте.

— А тебе хочется, чтобы его только чуть-чуть пощекотало?

— И все-таки ты бываешь излишне жестоким.

— Сомневаюсь,— возразил Макс.— Я наблюдал с крыши, что они сделали с усадьбой Томпсона пять лет назад.

— Тогда я еще служил в Фэйрвью-Эйкерс.

— Так вот, они разнесли ее на части,— сказал Макс.— По кирпичу, камень за камнем, бревно за бревном. От дома ничего не осталось, как и от остальных построек. Они свалили все деревья и затем порубили их. Вырвали с корнем кусты. Перекопали клумбы. Когда они ушли, за ними осталась пустыня. Так что пока я здесь, я не позволю, чтобы с домом мистера Кроуфорда случилось что-то подобное. Человек имеет право посадить и вырастить дерево, посеять траву. Если ему хочется разбить клумбу, он имеет право и на это. Я знаю, тебе это покажется странным, но он даже имеет право не пускать в дом посторонних.

— Да,— согласился полицейский,— все это верно. Но ведь ты имеешь дело с детьми. Ты должен уступить им. Они твои соседи. Если бы ты и они проявили добрую волю, все было бы в порядке.

— Мы не можем себе этого позволить,— сказал Макс.— В нашей стране соседские отношения, о которых ты говоришь, означают отказ от всех прав. Добрососедские отношения нарушились давным-давно, когда ребятишки начали ходить по твоей лужайке к школьному автобусу, а ты не решился возразить, чтобы тебя не обругали. Они нарушились тогда, когда твой сосед попросил на часок газонокосилку и забыл вернуть ее, а когда ты зашел за ней, оказалось, что она сломана. Но сосед притворился, что он ничего не знает, и ради добрососедских отношений ты не осмелился потребовать, чтобы он заплатил за ремонт.

— Может быть, и так,— сказал Поллард,— но сейчас все это вышло из-под контроля. События зашли слишком далеко. Вы ведете себя слишком уж высокомерно.

— Есть простой выход,— заметил Макс.— Пусть панки оставят нас в покое, и мы тут же уберем забор и все остальное.

Поллард покачал головой.

— Слишком поздно. Ничего нельзя сделать.— Он пошел к машине, затем повернул голову.— Чуть не забыл,— сказал он.— Завтра — День перемирия. Я и двое полицейских приедем рано утром.

Макс промолчал. Машина тронулась с места и исчезла вдали.

Он повернулся и пошел к дому.

Нора приготовила ему ужин. Макс тяжело опустился на стул. Каждый вечер он уставал все больше и больше. Раньше он был помоложе, и жизнь казалась куда более простой.

— Что-то ты поздно сегодня,— сказала Нора, ставя перед ним тарелку.— Все в порядке?

— Пожалуй. Все тихо. Но завтра могут быть неприятности. Они принесут с собой мину.

— Мину! — воскликнула Нора.— Нужно сообщить в полицию.

Макс покачал головой:

— Нет, это бессмысленно. Полиция на их стороне. Полицейские будут утверждать, что мы вели себя настолько вызывающе, что у панков не было другого выхода. К тому же я не должен выдать парня, сообщившего мне об этом. Однако уже то, что я знаю о мине, очень важно. Теперь я буду настороже.

И все-таки его тревожило что-то. Может быть, не сама мина, а что-то другое, связанное с ней.

Макс закончил ужин и отодвинул тарелку. Нора налила ему кружку кофе и села напротив.

— Ты знаешь, Макс, мне иногда делается страшно,— сказала она.

Он кивнул.

— Я не понимаю, почему Кроуфорды так цепляются за свою усадьбу. Они могли бы переехать в город. Там куда безопаснее. Конечно, и в городе орудуют банды, но там они в основном воюют между собой.

— Гордость, Нора,— ответил Макс.— Они не хотят сдаваться. Это сильные и гордые люди.

Нора вздохнула:

— Пожалуй, ты прав. Но все равно жаль. В городе они могли бы жить в комфорте и безопасности, не то что здесь.

— Спасибо, Нора.— Макс встал из-за стола.— Ты так вкусно готовишь.

— Кончай льстить,— ответила довольная Нора.

Макс спустился в подвал и сел перед коротковолновым передатчиком. Одну за другой он вызвал усадьбы, еще оставшиеся в округе. У них тоже все было тихо. Вот уже несколько дней.

Макс снял наушники и отодвинулся на спинку стула. Он никак не мог забыть о мине и о том, что завтра ее подложат под солнечные часы. Здесь что-то не так, но что?

Он вышел во двор. Высоко в небе сияла луна. Макс направился к солнечным часам. Откуда панки могли узнать, что солнечные часы так дороги мистеру Кроуфорду? Каким образом это стало им известно?

Ответ был прост. Они не знают об этом. И даже если бы знали, разрушение солнечных часов — мелочь. Мину можно использовать с гораздо большим эффектом.

Стоуни Стаффорд, босс панков, далеко не дурак. Он походил на хорька — хитрого и злобного. Нет, он не станет взрывать солнечные часы.

И вдруг Макс понял, куда бы он подложил мину, будь он на месте Стаффорда.

Под корни древнего дуба, склонившегося в сторону забора.

Значит, Билли обманул его? Вполне возможно, что нет. Скорее, Стаффорд начал подозревать, что среди его людей таится осведомитель, и намеренно дезинформировал его. В последнюю минуту, когда будет уже слишком поздно, он переменит место.

Макс повернулся и пошел к дому. Поднялся по лестнице к себе в комнату и лег спать. Засыпая, он подумал, что события развиваются не так уж плохо.

3

Полицейские приехали в восемь утра. Потом прибыли плотники и сколотили настил для танцев. Музыканты начали настраивать инструменты. Из ресторана приехали официанты, накрыли столы и уставили их пищей. В центре каждого стола стояла огромная чаша с пуншем.

После девяти начали подходить панки со своими девушками. Полицейские обыскивали их при входе и не нашли ни дубинок, ни кастетов, ни велосипедных цепей.

Заиграл оркестр. Панки начали танцевать с девушками. Некоторые бродили по двору и восхищались цветами. Они сидели на траве, беседовали друг с другом и смеялись. Молодежь веселилась, и все было хорошо.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал Максу Поллард.— Это самые обыкновенные ребята. Не надо только дразнить их и не надо ссориться. Конечно, некоторые из них без царя в голове, но это еще не значит, что они преступники. Просто вы сами ведете себя вызывающе.

— Да,— сказал Макс. Он кивнул полицейскому и пошел внутрь двора, стараясь казаться незаметным. Ему так хотелось не спускать с дуба глаз, но он понимал, что не может рисковать. Даже смотреть в сторону дуба было опасно, не то что подходить к нему. Иначе они подложат мину куда-нибудь еще, и тогда ему придется лихорадочно ее искать в кромешной мгле.

Скамейка под цветущим миндальным деревом была пустой, и Макс улегся на ней. День был теплым, и он задремал.

Когда он проснулся, рядом, на дорожке стоял мужчина.

— Привет, Макс,— сказал Стоуни Стаффорд.

— А ты чего не танцуешь, Стоуни?

— Я ждал, когда ты проснешься,— ответил Стоуни.— Слишком уж крепко ты спишь. Я мог бы сломать тебе шею.

Макс сел и потер лицо.

— Только не в День Перемирия, Стоуни. Сегодня мы все друзья.

Стоуни презрительно плюнул на дорожку.

— Скоро,— пообещал он.

— Послушай,— сказал Макс,— почему бы тебе не забыть о нас? Не старайся, можешь надорваться. Поищи что-нибудь полегче.

— Когда-нибудь придет и ваш час,— ответил Стоуни.— Эта усадьба не может стоять вечно.

— Ничего у тебя не выйдет.

— Может быть,— ответил Стоуни.— Но я думаю иначе. И мне хочется вот что тебе сказать. Ты считаешь, наверно, что с тобой ничего не случится, даже если мы и разрушим дом Кроуфорда. Но ты ошибаешься. С Кроуфордом и Норой мы поступим так, как этого требует закон. Мы их и пальцем не тронем. Но вот ты отсюда никуда не уйдешь. Если нам запрещено носить ножи и револьверы, это совсем не значит, что мы бессильны. На тебя может, скажем, упасть камень. Или

ты споткнешься и упадешь в огонь. Есть немало способов, и мы обязательно прикончим тебя.

— Ты хочешь сказать,— уточнил Макс,— что я тебе не нравлюсь?

— Два моих парня погибли,— сказал Стоуни,— и несколько искалечено.

— С ними ничего бы не случилось, но ведь ты сам послал их через забор.

Макс поднял глаза и увидел ненависть во взгляде Стоуни Стаффорда, ненависть и торжество.

— Прощай, труп,— сказал Стоуни.

Он повернулся и пошел прочь.

Макс сидел на скамейке, вспоминая триумф во взгляде Стоуни. Значит, он не ошибся. Мина уже лежала под корнями старого дуба.

Поллард был прав. Ситуация действительно вышла из-под контроля. Ни одна сторона не хотела уступать.

Было время, когда полиция могла положить этому конец. Много лет назад, когда еще можно было пресечь хулиганство и вандализм. Да и родители тоже могли повлиять на развитие событий, если бы обратили больше внимания на воспитание детей, проводили с ними больше времени, вместо того чтобы предоставлять их улице. Наконец, общество могло спасти положение, построив для молодежи залы, стадионы и места для развлечений.

Но никто не думал об этом. Никто даже и не пытался.

А теперь остановить вражду было невозможно. И Макс знал, кто одержит в ней верх.

Наступило шесть вечера, и панки начали расходиться. В половине седьмого ушел последний. Музыканты уложили инструменты и уехали. Официанты собрали посуду, остатки пищи, скатерти и умчались в своем грузовике. Появились плотники и забрали доски. Макс подошел к воротам и проверил замок.

— Совсем неплохо,— сказал Поллард через ворота.— Видишь, это хорошие ребята — если познакомиться с ними поближе.

— Я и так с ними знаком,— ответил Макс.

Полицейский автомобиль развернулся и скрылся вдали.

Макс знал, что из-за забора за каждым его движением следят внимательные глаза. Нужно подождать, пока стемнеет. Бу-

дет куда лучше, если панки не поймут, что произошло на самом деле. Может быть, не сработало взрывное устройство.

Темнело. Макс знал, что больше не может ждать. Он осторожно подполз к дубу, разгреб листья и траву, прижимаясь к самой земле.

Он быстро нашел мину — свежая земля, покрытая наспех набросанными листьями, между двумя огромными корнями.

Макс сунул руку в рыхлую землю, и его пальцы коснулись холодного металла. Внезапно он замер, затем медленно и осторожно вытащил руку обратно.

Он сел и перевел дыхание.

Мина лежала под корнями дуба, как он и предполагал. Но прямо на ней была прикреплена еще одна, контактная, мина. Стоит попробовать извлечь мину с часовым механизмом, и сработает контактный взрыватель.

Макс вытер руки от глины. Он понимал, что извлечь мины невозможно. Придется их оставить. Другого выхода не было.

Неудивительно, что он увидел торжество в глазах Стоуни. Это была не просто мина с часовым механизмом. Поставленная между огромными корнями, она была недосягаемой.

Как поступить дальше?

Может быть, укрепить дуб тросами? Пожалуй, это единственный выход.

Макс встал и направился в подвал за тросами и инструментом. Проходя мимо рации, он подумал, что не успел связаться с соседними усадьбами. Ничего не поделаешь, у него сейчас дела поважнее.

И вдруг он вспомнил. Круто повернулся, сел к рации и включил питание.

Нужно тщательно выбирать слова, подумал он. Не исключено, что панки прослушивают его канал.

Джон Хеннесси, сторож в цитадели Кёртиса, ответил почти сразу.

— Что-нибудь случилось, Макс?

— Ничего особенного, Джон. Я просто вспомнил, что ты однажды говорил мне о своих игрушках.

— Игрушках?

— Ну да. Гремучках.

Макс слышал, как у Хеннесси перехватило дыхание.

— А, эти. Да, они все еще у меня,— ответил он наконец.

— Сколько их у тебя?

— Примерно сотня. Может быть, больше.

— Ты не мог бы дать их взаймы?

— Конечно,— ответил Хеннесси.— Тебе нужно их прямо сейчас?

— Да. Правда, я немного занят.

— Я упакую их в ящики и приеду примерно через час. Приготовься.

— Спасибо, Джон.

Макс снял наушники и задумался. Сотня гремучих змей! Не слишком ли он рискует?

Но ведь нельзя вечно сидеть и каждую минуту ждать нападения. А вот если ударить в ответ, да ударить так, что у панков навсегда исчезнет интерес... Плохо лишь то, что он мог только обороняться. В противном случае вмешается полиция и ему конец. Но это будет чистейшая оборона. Никто не сможет придраться. Да, такой шанс упускать нельзя.

4

Макс быстро встал и пошел в угол подвала. Там стояли огромные сорокалитровые бутыли концентрированной серной кислоты и несколько рулонов тяжелой металлической сетки. Он перенес рулоны и связку проволоки наверх.

Подойдя к дубу, Макс принялся за работу. Прошло более получаса, пока он протянул проволоку, закрепил на ней верхний край сетки и колышками прикрепил нижний край к земле.

Едва он успел закончить работу, как у ворот остановился грузовик. Макс отворил ворота, и грузовик въехал во двор. Хеннесси вышел из кабины.

— Что у тебя случилось? — спросил он,— За забором все так и кишит панками.

— У меня неприятности,— ответил Макс.

Хеннесси открыл борт. Внутри стояли три больших ящика с дверцами, затянутыми мелкой металлической сеткой.

Вдвоем они сняли ящики и подтащили их к металлической сетке.

— Вот здесь сетка еще не прикреплена колышками,— сказал Макс.— Давай просунем ящики под ней.

Один за другим ящики оказались за сеткой. Макс наклонился и надежно приколотил сетку к земле.

Хеннесси сходил к грузовику и вернулся, таща за собой шест.

— Ты не мог бы посветить фонариком? — попросил он.— Я знаю, панки не сводят с нас глаз, но они подумают, что мы просто осматриваем забор.

Макс включил фонарик, и Хеннесси, просунув за сетку шест, открыл крышки и перевернул ящики. Из темноты донеслось сухое шуршание.

— Они разбужены и злы. Сейчас они постараются найти место, где бы уснуть, и расползутся по всей территории между забором и твоей сеткой. Большинство очень крупные.

Он положил шест на плечо и пошел к грузовику.

— Спасибо, Джон.

— Всегда рад прийти на помощь. Я бы остался, но...

— Не надо, тебе нужно охранять свою усадьбу.

Они пожали руки.

— Первую милю проезжай как можно быстрее,— сказал Макс.— Панки могут устроить засаду.

— С моими бамперами и двигателем я прорвусь через что угодно.

Макс открыл ворота, грузовик подал назад, развернулся, набрал скорость и исчез в темноте. Проверив замок на воротах, Макс спустился в подвал. Там он включил рубильник, подающий питание на запасной забор и в сетку, подсоединенную к нему.

Вернувшись во двор, Макс начал всматриваться в темноту. Ему казалось, что он различает тени, мелькающие за забором.

Толпы панков, собравшиеся там, несомненно захотят воспользоваться рухнувшим дубом, чтобы перебежать по нему над забором, который по-прежнему будет под током.

Может быть, им удастся прорваться, но это казалось Максу маловероятным.

Он стоял у сетки, прислушиваясь к шуршанию сотни расползающихся гремучих змей, рассерженных и не находящих себе места в новой, незнакомой для них обстановке.

Макс повернулся и пошел подальше от дуба, чтобы не попасть под ударную волну взрыва, ожидая, когда истекут последние секунды Дня Перемирия.

Он очнулся и очутился в месте, которого никогда прежде не видел. Собственно, мест было два: одно бесплотное, которое то вспыхивало, то снова затухало, другое сумеречное, где из мрака еле уловимо выступали более темные фигуры. Два белых лица вспыхивали вместе с этим местом, и он ощущал запах, который был ему незнаком: затхлый темный дух, какой исходит от глубокой черной воды, слишком застоявшейся и не колеблемой ни единой свежей струей.

А потом это место исчезло, и он снова вернулся в то, другое место, наполненное ослепительным светом, и что-то большое и мраморное высилось перед ним, и виднелась голова мужчины, который сидел чуть выше и позади этого большого и мраморного, так что приходилось задирать голову, чтобы разглядеть его далеко снизу. Как будто человек был очень высоко, а он — очень низко, как будто человек был великан, а он — жалкий карлик.

Губы, расположенные в центре лица человека, шевелились, и он силился уловить хотя бы слово, но слышал лишь тишину, жуткую, звенящую тишину, которая не пускала в это ослепительное место, которая заставляла его чувствовать себя совершенно одиноким, маленьким и ничтожным — слишком жалким и ничтожным, чтобы внимать словам, которые произносил великан. Хотя, похоже, он знал эти слова, знал, что великан не может сказать никаких иных слов, что он должен сказать их, потому что, несмотря на всю свою высоту и все свое величие, он угодил в ту же самую ловушку, что и маленькое ничтожное существо, которое стояло и смотрело на него снизу вверх. Слова были, просто они скрывались за каким-то непостижимым барьером, и если бы он мог проникнуть за этот барьер, то по-

© Перевод И. Тетериной.

нял бы, что это за слова, даже не слыша их. А понять их было очень важно, ибо они напрямую касались его — по сути, эти слова были о нем, и они определяли всю его жизнь.

Его сознание принялось ощупью искать барьер, чтобы отделить его от слов, и в тот самый миг, когда ему это удалось, ослепительный свет померк и он снова очутился в колышущемся сумраке.

Белые лица все еще склонялись над ним, только одно из них теперь приблизилось и как будто парило в воздухе — одинокий маленький белый воздушный шар. В темноте тело существа оставалось неразличимым. Если оно вообще было.

— Вы выкарабкаетесь,— произнесло белое лицо.— Вы уже идете на поправку.

— Ну разумеется, выкарабкаюсь,— брюзгливо откликнулся Альден Стрит.

Потому что он был зол на слова, зол на то, что здесь он их слышит, а там, в ослепительном месте,— нет; а ведь важны именно те слова, тогда как слова, которые он услышал здесь, не больше чем шелуха.

— Кто сказал, что я не выкарабкаюсь? — спросил Альден Стрит.

Это он был Альденом Стритом, но не только, ибо являл собой не просто имя. Каждый человек, подумал он, это не просто имя. Это много всего сразу.

Он был Альденом Стритом и одновременно чудаковатым сумрачным одиночкой, обитателем большого, высокого, сумрачного дома, который стоял на отшибе над деревней и выходил на болотистую пустошь, протянувшуюся далеко на юг,— дальше, много дальше, чем достигал человеческий взгляд. Подлинные размеры болота можно было определить только по карте.

Перед домом располагался просторный двор, а позади простирался сад, на краю которого росло исполинское дерево. Осенью его на несколько быстротечных часов охватывал золотистый пожар, и дерево это хранило в себе нечто неимоверно важное, а он, Альден Стрит, имел какое-то отношение к этой важности.

Он отчаянно попытался вспомнить, в чем заключалась эта неимоверная важность, но не мог — все тонуло в тумане. Когда-то он знал, он помнил это, он жил с этим всю жизнь, с

самого детства, но теперь знания больше не было. Оно куда-то подевалось.

Альден яростно цеплялся за него, потому что никак не мог его потерять, снова и снова погружался за ним в темные глубины своего мозга. И, рыская в этих потемках, он вновь вспомнил вкус, тот горький вкус, который ощутил, когда осушил фиал и бросил его об пол.

Он тыкался в темные закоулки своего сознания, разыскивая утраченное, не помня, что это, не имея ни малейшего понятия о том, чем бы это могло быть, но твердо уверенный, что узнает его, как только найдет.

Он искал и не находил. Ибо внезапно очутился не во мраке своей памяти, а опять в том ослепительном месте. И разозлился, что его поиски прервали.

Великан в вышине молчал, хотя Альден видел, что он готов вот-вот заговорить. И самое странное, он был совершенно уверен, что уже видел все это раньше и слышал все то, что великан собирался сказать. Однако, хоть убей, не мог вспомнить ни слова. Он уже был здесь прежде, он знал это, и не один раз, а целых два. Он видел все это, точно снятое на пленку,— прошлое повторялось вновь.

— Альден Стрит,— послышался в неизмеримой вышине голос человека,— встаньте и посмотрите на меня.

Что за глупость, подумал Альден, он ведь и так уже стоит и смотрит на этого человека.

— Вы слышали свидетельские показания, прозвучавшие в этом зале,— сказал человек.

— Слышал,— согласился Альден.

— И что вы можете сказать в свое оправдание?

— Ничего.

— То есть вы ничего не отрицаете?

— Я не отрицаю, что все так и было. Но у меня имелись смягчающие обстоятельства.

— Я уверен, что они были, но суд не может их принять.

— Значит, я не могу рассказать...

— Ну конечно можете. Но это ничего не изменит. Закон принимает во внимание лишь совершение преступления. Никаких оправданий быть не может.

— Тогда, полагаю,— подытожил Альден Стрит,— мне нечего вам сказать. Ваша честь, я не стану попусту тратить ваше время.

— Я рад,— сказал судья,— что вы трезво смотрите на вещи. Это все упрощает. Дело закрыто.

— Но вы должны понять,— продолжал Альден Стрит,— что меня нельзя выслать. У меня масса крайне важной работы, и мне необходимо к ней вернуться.

— Вы признаете,— сказал высокий крупный мужчина,— что в течение двадцати четырех часов были больны и самым гнусным образом утаили факт своего заболевания?

— Да,— произнес Альден Стрит.

— Вы признаете, что так и не обратились за лечением, а были задержаны контролером.

Альден не отвечал. Обвинение росло как снежный ком, и отвечать толку не было. Он отчетливо понимал, что это ничего не принесет.

— Кроме того, вы признаете, что не являлись на медосмотр уже восемнадцать месяцев.

— Я был *слишком* занят.

— Слишком заняты, несмотря на закон, который весьма недвусмысленно гласит, что вы должны проходить медосмотр через каждые шесть месяцев?

— Вы не понимаете, ваша честь.

Его честь покачал головой.

— Боюсь, я все понимаю. Вы поставили себя над законом. Вы сознательно попрали закон и должны ответить за это. Наши медицинские статуты принесли слишком большое благо, чтобы ставить под вопрос их соблюдение. Ни одному гражданину не может быть позволено создать такой опасный прецедент. В борьбе за здоровье населения поддержку должен оказывать каждый из нас, и я не могу попустительствовать...

Ослепительный свет померк, и он снова провалился в сумрак.

Он лежал на спине и смотрел вверх, во тьму, и, хотя он ощущал под собой кровать, на которой лежал, у него было такое чувство, будто он висит в каком-то сумеречном промежутке без конца и начала, в промежутке, который был ничем и вел в никуда и который сам по себе был конечной точкой любой жизни.

Откуда-то из глубины самого себя он снова услышал бесстрастный неумолимый голос, почему-то отдающий металлом:

«Вы когда-либо принимали участие в программе по совершенствованию тела?»

«Когда вы в последний раз чистили зубы?»

«Как часто, по вашей оценке, вы принимаете ванну?»

«Случалось ли вам когда-либо выражать сомнение в том, что спорт закаляет характер?»

Белое лицо выплыло из темноты и снова повисло над ним. Лицо было старое, он увидел это — женское и доброе.

Чья-то рука скользнула под его затылок и приподняла голову.

— Вот,— сказало белое лицо,— выпейте это.

К его губам поднесли ложку.

— Это суп,— продолжала женщина.— Горячий. Он придаст вам сил.

Он раскрыл рот, и ложка проникла внутрь. Суп был горячим и бодрящим.

Ложку вытащили.

— Где...— начал он.

— Где вы находитесь?

— Да,— прошептал он,— где я? Мне нужно знать.

— Это Промежуток,— ответило белое лицо.

Теперь у этого слова было значение.

Теперь он мог вспомнить, что такое Промежуток.

Но он не мог оставаться в Промежутке.

У него в голове не укладывалось, как кто-то может думать, будто он останется в Промежутке.

Он отчаянно замотал головой по тощей жесткой подушке.

Если бы только у него было побольше сил. Совсем недавно их было много. Он был старый, жилистый и очень сильный. У него хватало сил почти на все.

Но бездеятельный, сказали тогда в Ивовой Излучине.

Теперь у него появилось еще и это название. Он был рад, что оно вернулось, и ухватился за него.

— Ивовая Излучина,— сказал он в темноту.

— Эй, старина, вам плохо?

Он не видел говорившего, но не испугался. Чего ему было бояться? У него было его имя, и Ивовая Излучина, и Промежуток, а совсем скоро к нему вернется и все остальное — и тогда он снова станет здоровым и сильным.

— Мне хорошо,— сказал он.

— Китти покормила вас супом. Хотите еще?

— Нет. Все, чего я хочу,— выбраться отсюда.

— Вы были серьезно больны. Температура поднималась почти до тридцати девяти.

— Я не болен. Жара нет.

— Сейчас нет, а когда вы попали к нам...

— Откуда вам знать, какая у меня температура? Вы не медик. Я по голосу слышу, что никакой вы не медик. В Промежутке нет медиков.

— Нет,— согласился невидимый голос.— Но я врач.

— Вы лжете,— возразил Альден.— Не бывает людей-докторов. У нас вообще больше нет докторов. Остались только медики.

— Кое-кто из нас еще ведет исследования.

— Промежуток не место для исследований.

— Временами,— сказал голос,— от исследований очень устаешь. Они слишком безликие и бесплодные.

Альден ничего не ответил. Он осторожно провел рукой по одеялу, которым его укрыли. Оно было жесткое и колючее на ощупь и казалось довольно тяжелым.

Он попытался разложить по полочкам то, что ему только что сообщили.

— Здесь нет никого,— сказал он,— кроме нарушителей. Что вы нарушили? Забыли подстричь ногти на ногах? Или недосыпали?

— Я не нарушитель.

— Тогда, наверно, доброволец.

— И не доброволец. Сюда просто так не попасть. Никто не пустит. В этом и смысл Промежутка, в этом-то вся и шутка. Ты игнорируешь медиков, за это медики игнорируют тебя. Тебя отправляют в такое место, где вообще нет медиков, чтобы ты попробовал, каково это.

— Значит, вы пробрались сюда тайком?

— Можно и так сказать.

— Да вы спятили,— заявил Альден Стрит.

Ибо Промежуток был не из тех мест, куда пробирались незаконно. Любой мало-мальски здравомыслящий человек делал все возможное, чтобы туда не попасть. Он чистил зубы, при-

нимал ванну, пользовался одним из нескольких одобренных видов ополаскивателей для рта, регулярно проходил обследования, непременно делал зарядку, соблюдал диету и во весь дух мчался в ближайшую клинику при первых же признаках недомогания. Впрочем, недомогание вовсе не было обычным делом. При столь пристальном наблюдении и том образе жизни, который тебя заставляли вести, недомогание стало чем-то из ряда вон выходящим.

В его мозгу снова зазвенел ровный металлический голос: полный отвращения, возмущенный, осуждающий голос чиновника медицинского дисциплинарного корпуса.

«Альден Стрит,— произнес он,— вы просто опустившийся грязнуля!»

И это, разумеется, был самый ужасный эпитет из всех возможных. Вряд ли можно заклеймить его хуже. Его назвали предателем красоты и здоровья собственного тела.

— Что это за место? — спросил он.— Больница?

— Нет,— ответил доктор.— Здесь нет больниц. Здесь вообще ничего нет. Только я, да то немногое, что я знаю, да еще травы и прочие природные средства, которые есть в моем распоряжении.

— А этот Промежуток... Что это за Промежуток?

— Болото,— ответил доктор.— Гнусное место, можете мне поверить.

— Смертный приговор?

— Это равносильно ему.

— Я не могу умереть,— сказал Альден.

— Все умирают,— возвестил спокойный голос.— Рано или поздно.

— Не сейчас.

— Нет, не сейчас. Через несколько часов вы будете здоровы.

— Что со мной произошло?

— Вы подхватили какую-то лихорадку.

— Вы так и не сказали, как она называется.

— Послушайте, откуда мне знать? Я же не...

— Я знаю, что вы не медик. Люди не могут заниматься медициной — ни терапией, ни хирургией, вообще ничем, что имеет отношение к человеческому телу. Но люди могут проводить медицинские исследования, потому что для этого требуются интуиция и воображение.

— Вы много об этом думали,— заметил доктор.

— Так, немножко,— ответил Альден.— А кто не думал?

— Возможно, таких больше, чем вам кажется. Но вы злитесь. Вы ожесточились.

— А кто бы не ожесточился? Если хорошенько подумать.

— Я,— возразил доктор.

— Но вы же...

— Да, если кому-то и следовало бы ожесточиться, то это мне. Но я не ожесточился. Потому что мы сами довели себя до этого. Роботы не просили нас об этом. Мы сами возложили на них такую задачу.

Разумеется, именно так и было, подумал Альден. Все началось давным-давно, когда компьютеры стали использовать для диагностики и для расчетов дозировки лекарств. А дальше пошло-поехало. Применение машин поощряли как прогрессивный метод. А кто отважился бы встать на пути у прогресса?

— Ваше имя...— попросил он.— Мне хотелось бы знать ваше имя.

— Меня зовут Дональд Паркер.

— Честное имя,— одобрил Альден Стрит.— Хорошее, чистое, честное имя.

— А теперь поспите,— велел Паркер.— Вы слишком много говорили.

— Сколько сейчас времени?

— Скоро рассветет.

Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Ниоткуда не проникал ни единый луч света. В темноте было не видно ни зги и не слышно ни звука; в воздухе стоял зловещий запах сырости. «Он угодил в преисподнюю,— подумал Альден,— в преисподнюю для жалкой горстки людей, которые сопротивлялись, пренебрегали или по той или иной причине отказывались исповедовать религию всеобщего здоровья. Человек рождался в ней, воспитывался в ней, рос в ней и жил в ней до последнего вздоха. И это, разумеется, было чудесно, но Боже мой, до чего же она утомляла, до чего же навязала в зубах! Не сама программа и не закон, а та неослабная бдительность, та атмосфера священной войны против каждого крошечного микроба, непрекращающегося сражения с каждым вирусом, с каждой пылинкой, того почти религиозного рвения, с которым медицинский корпус нес свой неусыпный дозор».

До такой степени, что просто из чувства противоречия хотелось вываляться в грязи, что невымытые руки становились предметом бравады.

Ибо закон весьма недвусмысленно гласил: заболевание — уголовное преступление, а пренебрежение любой, даже мельчайшей мерой, направленной на сохранение здоровья,— серьезное правонарушение.

Все это начиналось с колыбели и тянулось до гробовой доски, и существовала даже шутка, которую, впрочем, никогда не произносили в полный голос (что может быть жальче?): дескать, единственное, от чего человек теперь может умереть, это неодолимая скука. В школе ребятишки получали поощрительные звездочки за чистку зубов, за мытье рук, за гигиенические навыки, за уйму прочих вещей. На детских площадках больше не было места столь бесполезному, несерьезному (и даже преступному) времяпрепровождению, как бесцельные игры,— их сменили тщательно разработанные программы ритмической гимнастики, направленные на совершенствование тела. Для каждого уровня существовали свои спортивные программы: программы для дошколят и младших школьников, для старшеклассников и студентов, программы для микрорайонов и районов, программы для молодых семей, для людей среднего возраста и для людей пожилого возраста — все виды спорта, на любой вкус и сезон. Они не были рассчитаны на болельщиков. Если человек понимал, что для него хорошо, ему в голову ни на минуту не могло закрасться столь нелепое и подозрительное желание, как стать спортивным болельщиком.

Табак находился под строжайшим запретом, как и все алкогольные напитки (теперь названия «табак» и «алкогольные напитки» превратились в лишь немногим более чем пустые словосочетания, закрепленные в законах), а в продажу поступали исключительно полезные для здоровья продукты. Конфеты, лимонад и жевательная резинка были позабыты. Они наряду с алкоголем и табаком наконец-то стали всего только словами из далекого прошлого, преданиями, которые с замиранием в голосе рассказывали словоохотливые старики, слышавшие о них когда-то в детстве или ставшие свидетелями последних жалких попыток неповиновения со стороны горстки недовольных — попыток, которые предшествовали их окончательному искоренению.

Давным-давно исчезли такие уродливые явления, как разносчики сладостей, спекулянты лимонадом или торговцы жевательной резинкой из-под полы.

Теперь все люди были здоровыми, а болезней не существовало — или почти не существовало. В свои семьдесят человек только-только подбирался к среднему возрасту и мог с уверенностью предвкушать еще четыре десятка лет полноценной жизни в избранном роде деятельности или профессии. Теперь человек не умирал в восемьдесят лет, а вполне мог дожить до своего полуторавекового юбилея, если, конечно, не становился жертвой какого-нибудь несчастного случая.

Все это, разумеется, было бы замечательно, если бы не цена, которую приходилось платить.

— Дональд Паркер,— позвал Альден.

— Да,— ответил голос из темноты.

— Я просто хотел убедиться, что вы здесь.

— Я уже собирался уходить. Мне казалось, что вы заснули.

— Вы же как-то попали сюда,— сказал Альден.— Ну, то есть без посторонней помощи. Вас не привезли медики.

— Без посторонней помощи,— подтвердил Паркер.

— Тогда вы должны знать дорогу. И по ней может пройти другой человек.

— Вы хотите сказать, что сюда может попасть кто-нибудь еще?

— Нет. Я хочу сказать, что кто-нибудь может выбраться отсюда. Повторить то, что сделали вы.

— Никто из здешних не способен на такое,— возразил Паркер.— Я находился на пике свой физической формы, но и то едва-едва справился. Еще пять миль — и я никогда бы не добрался.

— Но если одному человеку...

— Одному человеку с крепким здоровьем. Здесь нет никого, кому это было бы по силам. Считая и меня тоже.

— Если бы вы могли объяснить мне, как найти дорогу...

— Это настоящее безумие,— отрезал Паркер.— Закройте рот и спите.

Альден слушал, как другой уходит, направляясь к невидимой двери.

— Я справлюсь,— сказал Альден, обращаясь не к Паркеру и даже не к самому себе, а скорее к темноте и миру, объятому этой темнотой.

У него просто нет другого выхода. Ему необходимо вернуться в Ивовую Излучину. Что-то ждет его там, и он должен вернуться.

Паркер ушел, и он остался совсем один.

В мире было тихо, темно и сыро. Тишина казалась такой всеобъемлющей, что даже в ушах звенело.

Альден положил руки по бокам и медленно приподнялся на локтях. Одеяло съехало с груди, он уселся на кровати и ощутил холод, пронизывавший тьму, а сырость протянула щупальца и завладела им.

Он сидел и дрожал.

Потом поднял руку, очень осторожно, и потянулся за одеялом, намереваясь завернуться в него. Но когда его пальцы сжали грубую материю, он не стал тянуть ее к себе. «Так не годится,— решил он.— Не дело это — нежиться в кровати под одеялом».

Вместо того чтобы накинуть одеяло на себя, он отшвырнул его прочь и опустил руку, чтобы ощупать ноги. Пальцы ощутили материю — он так и лежал в брюках и в рубахе, только ступни оказались босыми. Может, ботинки с засунутыми в них носками стоят где-нибудь у кровати? Он принялся шарить вокруг себя в темноте — и выяснил, что лежит не в кровати, а на чем-то вроде тюфяка, брошенного прямо на пол, вернее, на голую землю. Утоптанная поверхность под его ладонью была сырой и холодной.

Ботинок не обнаружилось. Он еще пошарил вокруг, вытянулся, поводил рукой по полу.

Кто-то убрал их, подумал он. А может, украл. В Промежутке пара ботинок наверняка настоящее сокровище. А может, у него их и не было. Может, в Промежуток нельзя брать с собой ботинки — возможно, такова часть наказания.

Ни ботинок, ни зубных щеток, ни ополаскивателя для рта, ни нормальной еды, ни лекарств, ни медиков. Зато здесь был доктор — живой доктор, пробравшийся сюда тайно, человек, добровольно заточивший себя в Промежутке.

Что за личностью нужно быть, чтобы пойти на такое? Что толкает его на подобный поступок? Какой идеализм, какое ожесточение поддерживает его на этом пути? Какая любовь или ненависть удерживает его здесь?

Альден сидел на своем тюфяке, оставив бесплодные поиски ботинок, и качал головой, молчаливо поражаясь тому, на что способен человек.

Смех что такое этот человеческий род, размышлял он. На словах преклоняются перед рассудком и логикой, а на деле куда как чаще руководствуются эмоциями и совершают алогичные поступки.

В этом, наверное и кроется причина того, что теперь все медики — роботы. Ведь медицина такая наука, в которой годятся лишь рассудок и логика, а у роботов нет никаких качеств, которые соответствовали бы человеческим слабостям и эмоциям.

Он осторожно спустил ноги с тюфяка и поставил их на пол, потом медленно поднялся. Он стоял в темноте, один, и сырой пол холодил подошвы.

Весьма символично, подумалось ему. Возможно, и непреднамеренное, но превосходное символическое знакомство с сущностью места под названием Промежуток.

Он вытянул руки, нащупывая какой-нибудь ориентир, и медленно пошаркал вперед.

И вскоре уткнулся в стену, сколоченную из вертикально поставленных досок, грубо распиленных и никогда не знавших рубанка, с неровными щелями там, где доски прилегали друг к другу.

Медленно, на ощупь Альден двинулся вдоль них и в конце концов добрался до места, где они заканчивались. Он пошарил руками и понял, что нашел вход, но двери не было.

Он перенес ногу через порог, нащупывая пол с другой стороны, и нашел его — почти вровень с порогом.

Поспешно, как беглец, он шмыгнул из комнаты, и темнота впервые за все время расступилась. На светлеющем небе вырисовывались очертания исполинских деревьев, а чуть пониже места, где он стоял, Альден различил какую-то призрачную белизну — вероятно, туман, скорее всего стелющийся над озером или ручьем.

Он стоял, прямой и застывший, и оценивал свое состояние: небольшая слабость, головокружение, в животе холодно и в костях как будто мурашки бегают, но в остальном он хоть куда.

Альден поднял руку и потер челюсть; щетина кололась. Прошло не меньше недели, с тех пор как он в последний раз брил-

ся,— по крайней мере, так ему показалось. Он попытался заставить свою память вернуться к тому дню, но время стекалось, как маслянистая жидкость, и у него ничего не получилось.

У него закончилась вся еда, и впервые за много дней он вышел в деревню — очень туда не хотелось, но голод был сильнее. У него не было времени сходить за едой, у него ни на что вообще не было времени, но наступает пора, когда человеку необходимо питаться. Интересно, задумался он, сколько времени он обходился совсем без еды, слишком поглощенный важной задачей, о которой он теперь ничего не помнил — знал лишь, что корпел над ней и что она осталась незаконченной и он должен вернуться к ней.

Почему он все забыл? Потому что был болен? Разве может болезнь лишить человека памяти?

Надо начать с самого начала, подумал он. Потихоньку, полегоньку. Помаленьку, осторожно и без лишней спешки; не все сразу.

Его зовут Альден Стрит. Он живет в большом, высоком, сумрачном доме, который его родители почти восемьдесят лет назад построили во всем его надменном великолепии на холме над деревней. И за этот дом на вершине холма, за всю его надменность и великолепие его родителей ненавидели, но, несмотря на ненависть, признавали, поскольку его отец был человек образованный и наделенный недюжинной деловой сметкой и за свою жизнь сколотил небольшое состояние, торгуя закладными на фермы и прочее имущество в округе Маталуса.

Когда родители умерли, ненависть перенесли на него — но не признание, которое шло рука об руку с ненавистью, поскольку, несмотря на то что он окончил несколько колледжей, от его образования не было никакой пользы — по меньшей мере, такой, которую считали бы таковой в деревне. Он не торговал ни закладными, ни имуществом. Он уединенно жил в большом, высоком доме, давно пришедшем в упадок, и помаленьку расходовал деньги, которые его отец скопил и оставил ему. У него не было друзей, да он их и не искал. Случалось, он по целым неделям не показывался на деревенских улицах, хотя все знали, что он дома. Ибо всеведущие соседи видели огни, загоравшиеся в высоком доме на отшибе вечерами.

Когда-то дом был настоящим красавцем, но время и запустение постепенно брали свое. Погнутые ставни сиротливо висели на петлях; много лет назад ураган выбил из верхушки дымохода расшатавшиеся кирпичи, и часть из них до сих пор лежала на крыше. Краска облупилась и осыпалась, парадное крыльцо просело: фундамент подкосили деловитый суслик, вырывший под ним себе нору, и зарядившие вслед за этим дожди. Лужайка, некогда аккуратно ухоженная, буйно заросла травой, кусты забыли, что такое стрижка, а деревья разрослись так безбожно, что из-за них едва был виден дом. Цветочные клумбы, которые любовно пестовала его мать, остались в прошлом, давным-давно задушенные бурьяном и ползучей зеленью.

Очень жаль, подумал он, стоя в ночи. Мне следовало сохранить дом в том виде, в каком он был при отце и матери, но у меня было так много других забот.

Жители деревни презирали его за бездеятельность и беспечность, из-за которых надменное великолепие пришло в упадок и запустение. Ибо как бы сильна ни была их ненависть к надменности, они все же гордились ею. Они говорили, что он ленивый и равнодушный.

Но я не был равнодушным, подумал он. У меня болела душа — не за дом, не за деревню, даже не за себя самого, а за работу, которую я не выбирал: мне ее навязали.

Или работа была всего лишь сном?

«Давай начнем с самого начала»,— сказал он себе, и именно так намеревался поступить, но начал не с начала, а почти с конца. Он начал очень далеко от начала.

Он стоял в темноте, где очертания деревьев вырисовывались в светлеющем небе и белый призрачный туман стелился над самой водой, и пытался выплыть против течения времени к самым истокам — туда, откуда все началось. Они уходили глубоко, куда глубже, чем он думал, и, похоже, были как-то связаны с запоздалой сентябрьской бабочкой и рыжим золотом облетающей листвы орехового дерева.

Он — тогда еще ребенок — сидел в саду. Стоял голубой и терпкий, как вино, осенний день, и воздух был свежим-свежим, и солнце было ласковым-ласковым — таким свежим и таким ласковым, каким что-то может быть только в детстве.

Листья золотым дождем осыпались с высокого дерева, и он подставлял руки, чтобы поймать лист — не какой-то определенный, нет, он просто протягивал руки и ждал, когда какой-нибудь из них спорхнет ему на ладошку, расходуя за этот единый миг всю ту безоглядную детскую веру, какую только может испытывать человек.

Он закрыл глаза и попытался снова возродить пережитое, попытался перенестись в далекий миг и стать тем маленьким мальчиком, каким был в тот день, когда с дерева дождем падало золото.

Он перенесся туда, но все вокруг утопало в дымке, картинка была тусклой и не желала проясняться, ибо что-то происходило: там, в темноте, появилась еле различимая тень и послышался чмокающий звук влажных туфель по земле.

Он распахнул глаза, и осенний день померк, и кто-то приближался в темноте — словно кусок мрака отделился, обрел форму и надвигался на него.

Он услышал тяжелое дыхание, хлюпанье туфель — и движение прекратилось.

— Эй ты,— неожиданно раздался хриплый голос.— Ты, там, кто ты такой?

— Я здесь недавно. Меня зовут Альден Стрит.

— Ах да,— сказал голос.— Новенький. Я шла взглянуть на тебя.

— Это очень мило с вашей стороны,— сказал Альден.

— Мы здесь присматриваем друг за другом,— сказал голос.— Заботимся друг о друге. Мы здесь одни. У нас нет другого выхода.

— Но вы...

— Я Китти,— сказал голос.— Это я кормила тебя супом.

Она чиркнула спичкой и прикрыла ее ладонями, как будто пыталась защитить крошечный огонек от тьмы.

Только трое, подумал Альден, трое против тьмы. Ибо огонек был одним из них, он, живой и трепещущий, стал с ними единым целым — и сражался с мраком.

Он увидел, что пальцы у Китти — тонкие и чуткие, изящные, как старинная ваза из фарфора.

Она наклонилась, все еще прикрывая ладонью пламя, и поднесла спичку к огарку свечи, воткнутому в бутылку, кото-

рая, судя по высоте, стояла на столе, хотя стола в темноте не было видно.

— Мы здесь нечасто зажигаем свет,— сказала Китти.— Эту роскошь мы редко можем себе позволить. Спички — слишком большой дефицит, а свечи чересчур коротки. У нас здесь очень мало всего.

— Не нужно,— запротестовал Альден.

— Еще как нужно,— сказала Китти.— Ты здесь новенький. Не хватало только, чтобы ты оступился в темноте. На первое время мы зажжем для тебя свет.

Свеча занялась и заморгала, разбрасывая по сторонам мятущиеся тени. Потом огонек загорелся ровно и очертил в темноте тусклый круг.

— Скоро утро,— сказала Китти,— за ним настанет день, а свет дня хуже, чем ночная тьма. Днем все видишь и понимаешь. В темноте можно хотя бы думать, что все не так уж и плохо. Но это самое лучшее — маленькое озерцо света, чтобы устроиться в темноте.

Он увидел, что она немолода. Волосы слипшимися сосульками падали на лицо — худое и изможденное, покрытое морщинами. Но за этими сосульками, за худобой и морщинами скрывалось нечто большее — какой-то дух вечной юности и жизненной силы, который ничто не смогло сломить.

Теперь, когда пламя свечи горело равномерно, озерцо света разлилось чуть пошире и он мог разглядеть строение, в котором они стояли.

Оно было крошечное, не больше хижины. На полу лежал тюфяк, рядом — сброшенное им одеяло. Еще там были колченогий стол, на котором горела свеча, и два деревянных чурбака, служившие стульями. На столе стояли две тарелки и две белые чашки.

Между досками, составлявшими стены хижины, зияли щели, на месте ссохшихся и вывалившихся сучков там и сям темнели круглые глазки, открытые во внешний мир.

— Это было ваше жилище,— сказал он.— Я не хотел причинить вам беспокойство.

— Не мое,— ответила она.— Здесь жил Гарри, но он не станет возражать.

— Обязательно надо будет поблагодарить его.

— Не получится,— сказала она.— Он мертв. Теперь эта хижина твоя.

— Я не займу ее надолго,— заверил Альден.— Я не собираюсь здесь оставаться. Мне нужно возвращаться.

Она покачала головой.

— Кто-нибудь пытался? — спросил он.

— Да. И все вернулись назад. Ты не сможешь преодолеть болото.

— Но док-то пробрался сюда.

— Док был большим, сильным и крепким. И им двигала веская причина.

— Мной тоже движет веская причина.

Она подняла руку и отбросила с глаз волосы.

— Никто не отговорит тебя от этой затеи? Ты все решил серьезно?

— Я не могу остаться,— сказал он.

— Утром,— пообещала она,— я отведу тебя к Эрику.

Дрожащий огонек свечи весело желтел в темноте, и золотая листва снова посыпалась дождем. В саду было тихо, и он выставил руки ладонями вверх. «Всего один листик,— думал он,— мне не нужно ничего больше, один листик из миллионов опадающих на землю».

Он пристально смотрел, а листья пролетали мимо и падали повсюду вокруг, но ни один из них не лег ему на руку. А потом внезапно появилось что-то — не лист, нет, бабочка, которая выпорхнула из ниоткуда, словно лист, голубая, как дымка над далекими холмами, голубая, как припахивающий дымком воздух осени.

На мгновение бабочка застыла в воздухе над его протянутыми ладонями, а потом стремительно упорхнула вверх, решительно преодолевая встречные потоки облетающей листвы — голубая пылинка в золотом море.

Он провожал ее глазами, пока она не затерялась в ветвях дерева, потом взглянул на руки и обнаружил, что на ладони что-то лежит... Но это был не лист.

То была маленькая карточка, два дюйма на три или что-то в этом роде, цвета листвы, но этот цвет происходил из какого-то внутреннего сияния, и карточка светилась скорее сама по себе, нежели отраженным светом, позволяющим человеку воспринимать цвет листвы.

Он сидел под деревом, глядя на карточку и недоумевая, как получилось, что он поймал ее, если падали вовсе не карточки, а листья. Он хорошенько рассмотрел карточку: она была не из бумаги, а картинку на ней он не мог понять.

Он сидел и разглядывал картинку, когда раздался голос матери — она звала его к ужину. Спрятав карточку в карман, он пошел в дом.

В обычных обстоятельствах магия развеялась бы, и ему никогда больше не довелось бы пережить второй такой же осенний день.

У каждого человека в жизни бывает всего один такой день, подумал Альден Стрит.

Альден спрятал карточку в карман и отправился домой ужинать, а потом — вечером, должно быть,— положил в ящик комода у себя в комнате, потому что именно там он нашел ее в ту, другую осень.

Он вынул ее из позабытого тайника и держал на ладони, и тот осенний день тридцатилетней давности вдруг всплыл в его памяти так отчетливо, что он почти ощутил свежий запах воздуха в тот предвечерний час. И бабочка тоже была в его воспоминаниях, такая же пронзительно-голубая, и он понял, что она запечатлелась в памяти столь крепко, что теперь останется с ним навсегда.

Осторожно положив карточку на место, он отправился в деревню — разыскивать агента по недвижимости, с которым разговаривал накануне.

— Но, Альден,— удивился агент,— теперь, когда вашей матушки нет в живых, вам нечего здесь делать. Вас ждет работа в Нью-Йорке. Вы сами вчера говорили.

— Я слишком долго прожил в этом доме,— сказал Альден.— И слишком глубоко врос в него корнями. Думаю, мне придется остаться. Дом не продается.

— И вы будете жить в нем один? В таком большом доме — совсем один?

— Ничего другого не остается,— пожал плечами Альден и зашагал прочь, чтобы вернуться в дом и снова вытащить карточку из ящика комода.

Он уселся и принялся разглядывать рисунок на лицевой стороне карточки — странный рисунок, совершенно не похожий

ни на один из тех, что ему доводилось видеть прежде, сделанный не чернилами, не карандашом и не кисточкой. Чем, интересно, его нарисовали?

И сам рисунок... Многоконечная звезда? Свернувшийся клубком дикобраз? Или ягода колючего крыжовника, только увеличенная во много раз?

Не имело никакого значения ни то, каким способом этот рисунок был выполнен, ни то, что он мог означать, ни то, из какого странного жесткого и шелковистого материала была сделана сама карта. Важно было то, что много лет назад, еще ребенком, он уселся под деревом, протянул руку, чтобы поймать падающий лист, и вместо него поймал эту карточку.

Он поднес карточку к окну и стал смотреть на сад. Исполинское ореховое дерево стояло так же, как и в тот день, но его листва еще не стала золотой. С золотом придется подождать до первых заморозков, а они могут ударить в любой момент.

Он стоял у окна, гадая, появится ли бабочка на этот раз, или бабочки бывают только в детстве.

— Скоро наступит утро,— заметила Китти.— Я слышала птичий крик. Птицы просыпаются перед самым рассветом.

— Расскажите мне об этом месте,— попросил Альден.

— Это нечто вроде острова,— начала объяснять Китти,— не слишком большого. Всего фут или два над уровнем воды. Его окружает вода и грязь. Нас привозят сюда на вертолете и сбрасывают вниз. Еду привозят точно так же. На всех ее не хватает. На всех ничего не хватает. Связаться с ними мы не можем.

— Там люди или роботы? Я имею в виду, в вертолете.

— Не знаю. Их никто не видит. Наверное, роботы.

— Вы сказали, еды на всех не хватает.

Она покачала головой.

— Ее и не должно хватать. Это Промежуток. Нам не полагается жить. Мы ловим рыбу, собираем коренья и прочую снедь. Перебиваемся кое-как.

— И умираем, разумеется.

— Смерть приходит ко всем,— отозвалась она.— Просто к нам — немного пораньше.

Она, сгорбившись, сидела на чурбаке, служившем стулом, и в неровном мерцании свечи по ее лицу пробегали тени, от которых ее плоть казалась живой, подвижной.

— Из-за меня вы не выспались,— сказал он.

— Я могу спать, когда захочу. Я не нуждаюсь в долгом сне. И потом, когда появляется новенький...

— Новенькие здесь нечасто?

— Не так часто, как раньше. И всегда есть надежда. Каждый новенький — это надежда.

— Надежда на что?

— На то, что он может принести нам ответ.

— Мы всегда можем сбежать.

— Чтобы нас поймали и вернули обратно? Чтобы сгинуть в болоте? Это, Альден, не ответ.

Она принялась раскачиваться взад-вперед.

— Думаю, ответа нет.

Но она все еще хранила надежду, он знал это. Вопреки всему, она сохраняла надежду.

Когда-то Эрик был крупным мужчиной, но с годами как-то усох. Его сила никуда не делась, но огонь в глазах угас. Это с одного взгляда понятно, подумал Альден.

Эрик сидел, прислонившись спиной к дереву. Одна его рука лежала на колене, другая, с короткими грязными ногтями, лениво ковыряла землю.

— *Значит, ты твердо решил сбежать? — спросил он.*

— Он ни о чем больше не говорил,— сказала Китти.

— Сколько ты здесь пробыл?

— Меня привезли прошлой ночью. Я на ногах не держался. Не помню, как это было.

— Ты не представляешь, что это такое.

Альден покачал головой.

— И не намерен выяснять. Полагаю, если я собираюсь уходить, то лучше сейчас, пока это место не подточило мои силы.

— Позволь, я тебе все объясню,— сказал Эрик.— Расскажу, как обстоит дело. Болото очень большое, а мы находимся в самом его центре. Док пришел с севера. Каким-то образом он разузнал, где находится это место, и заполучил какие-то старинные карты. Карты геологической съемки, сделанные много лет назад. Он изучил их и вычислил самый лучший путь к нам. И выдержал этот путь, отчасти потому, что был здоровым и крепким... но по большей части ему просто повезло. Десять других мужчин, столь же сильных, могли бы попытаться сделать в точности то же самое и заблудиться, потому

что им не повезло. Здесь есть плавуны и аллигаторы. Здесь водятся мокасиновые и гремучие змеи. Здесь стоит убийственная жара. Болото кишит насекомыми, и нигде не найти воды, пригодной для питья.

Может быть, если точно знать путь, что-то и получится, но приходится искать дорогу. Приходится пробираться сквозь трясину, и время от времени ты натыкаешься на что-то, что не можешь обойти или перебраться, и тогда приходится возвращаться и искать другой путь. Ты теряешь уйму времени, а время работает против тебя.

— А как быть с едой?

— Если ты не привереда, с едой трудностей не возникнет. Ее можно найти по дороге. Это не хорошая еда. Твой желудок может не принять ее. Не исключено, что ты подхватишь дизентерию. Но с голоду не пропадешь.

— Это болото,— спросил Альден,— где оно?

— Частично в округе Маталуса, частично в Фэйрвью. Это местный Промежуток. Они все местные. Крупных нет. Только множество мелких.

Альден покачал головой.

— Болото видно из окон моего дома. Ни разу не слышал о том, что в нем есть Промежуток.

— О нем не оповещают всех и каждого,— ответил Эрик.— Не наносят на карты. О таких вещах не говорят.

— Сколько миль? Далеко отсюда до края?

— По прямой — миль тридцать-сорок. Только ты не будешь двигаться по прямой.

— А периметр охраняется?

— Над болотом летают патрули — ищут людей. Они могут тебя и не заметить. Если будешь старательно держаться под прикрытием. Но есть риск, что заметят. Тогда они встретят тебя на краю болота.

— Но даже если и не выследят,— спросила Китти,— куда ты пойдешь? Контролер поймает тебя. Или кто-нибудь другой увидит и донесет. Никто не осмеливается помогать беженцам из Промежутка.

Дерево, под которым сидел Эрик, росло неподалеку от сгрудившихся в кучку хижин, которые служили кровом обитателям Промежутка.

Кто-то, заметил Альден, развел большой костер, и от края воды к нему шел согбенный оборванный мужчина с утренним уловом рыбы. В тени одной из хижин лежал, растянувшись на тюфяке, еще один мужчина. Все остальные — как мужчины, так и женщины — с безразличным видом сидели, сбившись в группки.

Солнце на востоке едва начинало свое восхождение, но уже стояла душная жара. В воздухе пронзительно жужжали насекомые, а в бледно-голубом небе лениво кружили птицы.

— Док разрешит нам взглянуть на его карты?

— Может, и разрешит,— ответил Эрик.— Попробуй его попросить.

— Я разговаривал с ним вчера ночью,— сказал Альден.— Он сказал, что это безумие.

— Он прав,— заметил Эрик.

— У дока забавные идеи,— сказала Китти.— Он не винит роботов. Говорит, что они всего лишь выполняют работу, к которой их приставили люди. Что это люди придумали такие законы. А роботы только их исполняют.

И в этом тоже док прав, подумал Альден.

Хотя теперь трудно было разобраться, как же человечество в конце концов докатилось до такого положения. Возможно, виной тому было чрезмерное выпячивание роли здоровья и общественное ослепление, которое стало результатом этого выпячивания.

Безусловно, если задуматься, все это не имело никакого смысла. Человек имеет право быть больным. Если он вдруг заболел — тем хуже для него. Это только его дело, больше ничье. Но почему-то болезнь возвели на одну ступень с убийством. В результате затеянной из самых благих побуждений борьбы за всеобщее здоровье, которая вырвалась из-под контроля, то, что некогда было несчастьем, превратилось в преступление.

Эрик взглянул на Альдена.

— С чего тебе так приспичило выбраться отсюда? Ни к чему это. Кто-нибудь найдет тебя, кто-нибудь сдаст тебя. Тебя снова привезут сюда.

— Может, просто из духа противоречия? — предположила Китти.— Иногда человек идет на что угодно, чтобы доказать, что он не сломлен. Чтобы продемонстрировать, что его нельзя сломить.

— Сколько тебе лет? — спросил Эрик.

— Пятьдесят четыре,— ответил Альден.

— Слишком много,— покачал головой Эрик.— Мне всего сорок, но я не пошел бы на такое.

— Это из духа противоречия? — спросила Китти.

— Нет,— сказал Альден.— Дело не в нем. Мне хотелось бы, чтобы это было так. Но я не такой отважный. Просто у меня осталось одно незавершенное дело.

— У каждого из нас,— сказал Эрик,— осталось незавершенное дело.

Вода была черной, как чернила, и больше походила на нефть. Она казалась безжизненной; в ней не было ни проблеска, ни искры; она скорее поглощала солнечный свет, чем отражала его. И все же чувствовалось, что под ней должна таиться жизнь, что это всего лишь маска, предназначенная скрыть эту жизнь.

Это была не непрерывная водная гладь, а просачивающаяся вода, которая змеилась между кочками, небольшими поросшими травой островками и непокорными деревьями, стоявшими в воде. Когда ты смотрел на болото, пытаясь найти в нем какую-то систему и определить, что оно за птица, перспектива сливалась в одно бездушное и уродливое зеленое пятно, и даже вода отливала все той же гибельной зеленью.

Альден лежал на земле у края воды и вглядывался в болото, завороженный его необузданной зеленью.

Сорок миль, думал он. Разве под силу человеку выдержать сорок миль такой зелени? А их будет больше. Ведь Эрик сказал, что на этом пути будут тупики и придется возвращаться назад и искать другую дорогу.

Двадцать четыре часа назад его здесь не было. Двадцать четыре часа назад — или немногим больше — он вышел из дома и направился в деревню кое-чего купить. Но, приблизившись к банку, он вспомнил, что не почистил зубы — когда же он делал это в последний раз? — и сто лет не мылся. Прежде чем идти в деревню, надо было принять ванну, почистить зубы и проделать прочие необходимые вещи, как он всегда — ну, или почти всегда — поступал раньше, поскольку пару раз, когда он проходил мимо банка, скрытый контролер вдруг оживал и гаркал металлическим голосом, который разносился по всей улице: «Альден Стрит сегодня не чистил зубы! Позор Альдену

Стриту, который не чистит зубы!» (или не принимает ванну, или не стрижет ногти, или не моет лицо и руки, или не делает еще чего-нибудь). Контролер продолжал бушевать и громогласно клеймить грязнулю позором, перемежая обличительные тирады трезвоном сигнализации и грохотом ракет, пока пристыженный неряха не бежал со всех ног домой — делать все то, в пренебрежении чем его уличили.

В маленькой деревушке, подумал Альден Стрит, еще можно было жить. По крайней мере, пока у медиков не дошли руки до установки домашних контролеров, как это уже сделали в некоторых крупных городах. Но на это могут уйти годы.

А в Ивовой Излучине жизнь была вполне сносной. Если ты не забывал соблюдать все правила, тебе ничто не грозило. Но даже если и забывал, зная расположение контролеров — один стоял у банка, другой на углу у аптеки,— достаточно было просто держаться от них подальше. Они не могли уличить тебя в оплошности на расстоянии более чем одного квартала.

Хотя, вообще говоря, безопаснее было выполнить все предписания, перед тем как отправляться в деревню. И именно так, как правило, он и поступал, хотя пару раз забывал и был вынужден со всех ног бежать домой под смешки зевак, улюлюканье мальчишек и истошные вопли контролера. А потом, в тот же день или вечер, местный комитет приходил и взимал с него штраф, который полагался за подобный проступок.

Но вчера утром он не вспомнил, что надо принять ванну, почистить зубы и ногти на руках и проверить, чтобы ногти на ногах были аккуратно подстрижены. Он слишком напряженно и долго работал и слишком мало спал (что само по себе было способно заставить контролер изойти на мыло), и теперь, оглядываясь назад, припоминал, что двигался, казалось, в каком-то жарком густом тумане, совершенно ослабел от голода, а в голове у него словно деловито жужжала недовольная муха.

Однако он все же вовремя вспомнил про контролер у банка и обошел этот квартал стороной, чтобы не попасться. Но когда он приблизился к лавке (которая располагалась на безопасном расстоянии от банковского и аптечного контролеров), то услышал этот ненавистный металлический голос, который немедленно сорвался на крик ужаса и возмущения.

— Альден Стрит болен! — заверещал он.— Всем держаться подальше от Альдена Стрита! Он болен, не подходите к нему!

Затрезвонили колокола, взвыли сирены, в воздух полетели ракеты, а на крыше лавки замигал яркий красный огонь.

Он бросился бежать, поняв, что с ним сыграли чудовищную шутку: один из двух контролеров переставили в лавку или установили третий.

— Оставайтесь на месте! — закричал контролер ему вслед.— Выходите на середину улицы, подальше от всех остальных.

И он подчинился: остановился, вышел на середину улицы и стоял там, а из окон контор на него глазели белые перепуганные лица. Глазели на него — на больного и на преступника.

Контролер продолжал надрываться что было мочи, и Альден сжался в комочек, а белые перепуганные лица все смотрели, и через некоторое время (возможно, это было совсем быстро, но ему показалось, что он ждал целую вечность) из центра округа прибыла медицинская бригада.

И понеслось. Вся история выплыла наружу. И что он пренебрегал медосмотрами. И что его уже несколько раз штрафовали за серьезные правонарушения. И что он не делал взносов на развитие местной спортивной лиги. И что не принимал участия ни в одной из многочисленных оздоровительных и спортивных программ своей деревни.

Тогда они и сказали ему с глубоким возмущением, что он просто опустившийся грязнуля, и жернова правосудия завертелись с непогрешимой и молниеносной точностью. В конце концов он очутился перед высоким и могущественным человеком, который зачитал ему приговор. Хотя он не помнил, чтобы слышал из него хоть слово. В том месте зияла чернота, и это было все, что он помнил до тех пор, пока не проснулся в продолжении темноты и увидел два похожих на воздушные шары лица, склонившиеся над ним.

Его задержали, судили и вынесли приговор в течение лишь нескольких часов. И все это делалось из самых благих побуждений — чтобы продемонстрировать другим людям, что им не сойдет с рук попытка насмеяться над законом, который обязывал каждого беречь здоровье и поддерживать физическую форму. Ибо здоровье, гласил закон, это самое ценное, что есть у человека, и подвергать его опасности или бездумно растрачивать — преступление. Здоровье нации следует рассматривать как жизненно важный природный ресурс, и опять-таки подвергать его риску и бездумно растрачивать — преступление.

Поэтому его примерно наказали для острастки другим, и поучительная история непременно должна была появиться на первых полосах всех газет, чтобы лишний раз напомнить народу, что он должен повиноваться, что законы о здоровье — не пустая болтовня.

Он присел на корточках у края воды и устремил взгляд вдаль, а за спиной у него приглушенно шумел лагерь, расположенный чуть дальше в глубине острова: вот звякнул не то котелок, не то горшок, вот застучал топор — кто-то рубил дрова, вот налетевший ветерок захлопал обрывком брезента, натянутым в какой-то хижине вместо двери, вот кто-то начал переговариваться, негромко и смиренно.

У болота был хищный вид — и оно ждало. Уверенно и спокойно, убежденное, что никому не под силу пересечь его. Все его ловушки были расставлены, все сети раскинуты, и оно обладало терпением, похвастаться которым не мог бы ни один человек.

Возможно, подумал он, на самом деле оно вовсе не ждет. Наверное, глупо воображать иное. Пожалуй, это скорее существо, которому просто все равно. Человеческая жизнь для него ничто. Для него человеческая жизнь ценна ничуть не более, чем жизнь змеи, стрекозы или там малька. Оно не поможет, не предостережет, ему неведома доброта.

Он поежился, думая об этом безграничном равнодушии. О равнодушии, которое было еще хуже, чем если бы болото ждало со злым умыслом. Ибо если он ждало, стало быть, по меньшей мере знало о твоем существовании, по меньшей мере снисходило до того, чтобы придать тебе хоть какое-то значение.

Несмотря на полуденный зной, Альден ощутил липкий холод болота, которое тянулось к нему, и отпрянул, понимая, что ни за что не сможет бросить ему вызов. Вопреки всем смелым словам, которые он говорил, вопреки всей своей решимости, он не отважится так поступить. Оно чересчур велико, чтобы человеку было под силу сразиться с ним — слишком зеленым и жадным.

Он сделал над собой усилие, пытаясь сжаться в комочек, чтобы успокоиться, хотя отчетливо понимал, что никакого покоя нет и теперь никогда не будет, ибо он не оправдал собственных надежд.

Совсем скоро ему придется подняться и отправиться к хижинам. А как только окажется там, он пропадет навсегда,

встанет в один ряд с остальными, которым тоже не под силу бросить вызов болоту. Он проживет здесь всю жизнь, добывая себе скудное пропитание, рубя дрова, ухаживая за больными и безразлично сидя под лучами солнца.

Его вдруг охватил приступ злости на систему, которая обрекает человека на подобную жизнь, и он проклял роботов, хотя и понимал, что не они виноваты. Роботы были лишь символом положения, сложившегося после принятия закона о здоровье.

Они стали врачевателями и целителями человеческого рода, потому что отличались быстротой и надежностью, потому что к их суждениям не примешивалось ни капли эмоций, потому что они были так же преданы своему делу, как когда-то были преданы самые лучшие доктора-люди, потому что они не знали усталости и корысти.

И все это хорошо и правильно. Но человеческий род, как всегда и во всем, перегнул палку. Люди сделали из роботов не только хороших и добросовестных докторов, но еще и блюстителей и безраздельных повелителей человеческого здоровья, тем самым собственноручно сотворив железных тиранов.

Интересно, задумался Альден, наступит ли когда-нибудь день, когда люди раз и навсегда покончат со своими тиранами и жупелами?

Злость улеглась, и он сидел на корточках, подавленный и испуганный, совсем один у черной болотной воды.

«Ты трус,— сказал он себе. И на душе у него стало горько, а под ложечкой холодно.— Поднимайся. Поднимайся и ступай к хижинам».

Но он не ушел. Он остался, как будто мог дать себе отсрочку, как будто оставалась надежда добыть из каких-то неведомых и неиспробованных источников необходимое мужество, чтобы углубиться в болото.

Но он знал, что эта надежда была пустой.

Лет десять назад он мог бы совершить что-либо подобное. Но не теперь. Слишком многое растеряно по пути.

За спиной послышались шаги, и он оглянулся через плечо.

Китти подошла и опустилась на корточки рядом с ним.

— Эрик собирает все, что нужно в дорогу,— сообщила она.— Он скоро придет.

— В дорогу?

— Еду. Пару мачете. Веревку.

— Но я не понимаю.

— Он только и ждал человека, у которого хватило бы духу рискнуть, и считает, что у тебя хватит. Он всегда говорил, что у одиночки нет никаких шансов, а у двоих, если они будут помогать друг другу, шанс может появиться.

— Но он же сказал мне...

— Естественно. Я знаю, что он тебе сказал. И что я тебе говорила — тоже. И даже перед лицом всего этого ты не дрогнул. Так, во всяком случае, нам показалось.

— Нам?

— Ну разумеется,— сказала Китти.— Я тоже иду с вами.

Болоту понадобилось четыре дня, чтобы одержать победу над первым из них.

Как ни странно, им стал Эрик, самый молодой и самый сильный.

Он споткнулся, когда они шагали вдоль узкой земляной гряды, к которой с одной стороны подступали непроходимые заросли кустарника, а с другой — трясина.

Альден, шедший следом, помог Эрику подняться, но тот не держался на ногах. Он сделал пару нетвердых шагов и снова завалился.

— Мне нужно капельку отдохнуть,— выдохнул Эрик.— Самую капельку, а потом я смогу продолжать.

С помощью Альдена он дополз до крохотного островка тени и навзничь повалился на спину, как безвольная кукла.

Китти присела рядом с ним, откинула со лба волосы.

— Может, стоит развести костер? — спросила она Альдена.— Горячая еда подкрепила бы его. Да и нам всем не помешало бы перекусить.

Альден свернул с гряды и углубился в заросли кустов. Земля пружинила и влажно чавкала под ногами, а местами ноги вязли в грязи едва ли не по колено.

Он отыскал маленькое сухое деревце и ободрал с него ветки. Костер должен быть маленьким и из совершенно сухого дерева, поскольку любой клочок дыма мог быть замечен патрулем, сторожившим болото с воздуха.

Вернувшись на твердую землю, он при помощи мачете настругал с ветки щепок и с величайшей осторожностью сложил

их в кучку. Огонь должен заняться с первой же спички, ибо спичек у них совсем немного.

Подошла Китти.

— Эрик уснул,— послышался рядом ее голос.— Он не просто вымотался. Думаю, у него лихорадка.

— Сейчас день,— сказал Альден.— Мы останемся здесь до утра. Может быть, ему станет получше. Дополнительный отдых может поставить его на ноги.

— А вдруг не поставит?

— Тогда мы задержимся еще на день. Нас трое. Мы же решили, что должны держаться вместе.

Китти протянула руку и коснулась его локтя.

— Я не сомневалась, что ты так скажешь. Эрик был так уверен в тебе — и не ошибся. Он сказал, что ты именно тот человек, которого мы ждали.

Альден покачал головой.

— Дело не только в Эрике,— решительно проговорил он.— И не только в нас. Дело во всех тех, кто остался там. Помнишь, как они помогали нам? Они отдали нам еду, хотя это означало, что им самим придется поголодать. Они отдали нам два рыболовных крючка из шести, которые у них были. Один из них скопировал карту Дока. Они раздобыли мне пару ботинок, потому что кто-то сказал, что я не привык ходить босиком. И они все пришли проводить нас и смотрели нам вслед, пока мы не скрылись из виду.

Он замолчал и взглянул на Китти.

— Дело не только в нас,— повторил он.— Дело во всех... во всех, кто находится в Промежутке.

Она подняла руку и откинула упавшие на глаза волосы.

— Тебе кто-нибудь говорил,— спросил он,— что ты красивая?

Китти скорчила гримаску.

— Очень давно. Много лет назад. У меня была тяжелая жизнь. Но когда-то, думаю, меня можно было назвать красивой.

Она передернула плечами.

— Разводи костер.— В голосе Китти прозвучали повелительные нотки.— А потом отправляйся ловить рыбу. Поскольку путешествие затягивается, нам понадобится еда.

Альден проснулся при первых робких проблесках рассвета и лежал, глядя на чернильную воду, которая в первых лучах зари казалась черной эмалированной поверхностью, только что выкрашенной и не успевшей еще просохнуть, влажно поблескивавшей там и сям. Какая-то большая неуклюжая птица вспорхнула с трухлявого древесного пня и, тяжело захлопав крыльями, полетела над самой водой, вздымая на черной эмали легкую зыбь.

Альден неловко уселся. Кости ломило от сырости и ночного холода, он совершенно окоченел.

Неподалеку лежала, свернувшись в клубочек, Китти. Альден взглянул туда, где накануне спал Эрик, и никого не увидел.

Пораженный, он вскочил на ноги.

— Эрик! — позвал он, резко вскакивая на ноги.

Ответа не последовало.

— Эрик! — крикнул он еще раз.

Китти потянулась и села.

— Его нет,— сказал Альден.— Я только что проснулся и увидел, что он куда-то пропал.

Он подошел к тому месту, где лежал Эрик; трава до сих пор была примята.

Он наклонился, чтобы оглядеть землю, и провел по ней рукой. Травинки пружинили под его пальцами — они уже начинали распрямляться. Похоже, Эрик ушел уже давно. Его не было... Сколько? Час? Два? А может, больше?

Китти встала с земли и подошла ближе.

— Он спал, когда я подходил взглянуть на него, перед тем как ложиться,— растерянно объяснял Альден.— Что-то бормотал во сне, но спал. У него еще был жар.

— Наверное,— отозвалась она,— надо было кому-то из нас присмотреть за ним. Но внешне с ним было все в порядке. А мы оба устали.

Альден оглядел гряду и ничего не увидел — никаких следов пропавшего человека.

— Что, если он заблудился? — предположил он.— Проснулся в бреду. Встал и куда-то пошел.

Если это действительно так, они, возможно, никогда не найдут его. Он мог упасть в воду, ухнуть в болотную жижу или в зыбучий песок. Не исключено, что он сейчас лежит где-нибудь, обессиленный, и тихо умирает.

Альден углубился в густой кустарник, который рос в болотной грязи. Он тщательно обошел вдоль всей гряды, но не обнаружил никаких следов, кроме тех, что он сам оставил накануне. А следы должны были остаться, потому что едва стоило сойти с гряды, как ты сразу же оказывался по щиколотку, если не по колено, в грязи.

Он принялся продираться сквозь кусты; москиты и прочая мошкара с назойливым жужжанием вились над его головой, вдалеке клекотала какая-то птица.

Он остановился передохнуть, помахал руками перед носом, чтобы разогнать надоедливую мошкару.

Клекот не прекращался, но теперь к нему прибавился еще какой-то звук. Он прислушался, надеясь, что звук повторится.

— Альден,— снова послышался крик, такой слабый, что он едва его уловил.

Он выскочил из кустов обратно на гряду. Крик раздавался с той стороны, откуда они пришли накануне.

— Альден!

Теперь он понял, что зовет его Китти, а не Эрик.

Он неуклюже поспешил по гряде на крик.

Китти сидела на корточках на краю тридцатифутового озерца — там, где гряда расступалась и пропускала воду.

Он остановился рядом с ней и посмотрел вниз. Она показывала на след ноги. Он был в стороне от других следов — их собственных, оставленных в грязи накануне и ведущих в противоположном направлении.

— Мы не останавливались,— сказала Китти.— Мы шли без передышки. Это не может быть наш след. Ты ведь сюда не ходил, да?

Альден покачал головой.

— Значит, это след Эрика.

— Оставайся здесь,— велел он.

Он плюхнулся в воду и перешел озерцо вброд, и на другой его стороне заметил следы, направленные в ту сторону, откуда они пришли.

— Эрик! Эрик! Эрик! — несколько раз позвал Альден.

Никто не откликнулся.

Еще через милю он наткнулся на трясину, через которую они перебрались днем раньше — целую милю или даже боль-

ше болотной жижи, которая основательно истощила их силы. Здесь, на топком берегу, следы обрывались возле самой кромки моря жидкой грязи и воды.

Он присел на краю трясины и принялся вглядываться в воду, там и сям усеянную кочками, ядовито-зелеными в утреннем свете. И не уловил ни признака жизни, ни шевеления. Лишь однажды рыба (или не рыба, а что-то другое) на миг разорвала воду, и по ней разбежались зыбкие круги. И ничего больше.

С тяжелым сердцем Альден повернул назад.

Китти все так же сидела на корточках у края воды.

Он покачал головой.

— Эрик пошел назад,— сказал он.— Не понимаю, как это ему удалось. Он был совсем слаб и...

— Решимость,— сказала Китти.— И, наверное, забота о нас.

— О нас?

— Как ты не понимаешь? Он знал, что болен. И чувствовал, что идти ему не под силу. И еще он не сомневался, что мы останемся с ним.

— Но мы же все приняли такое решение,— сказал Альден.

Китти покачала головой.

— Он не хотел становиться обузой и дал нам шанс.

— Нет! — закричал Альден.— Я ему не позволю. Я вернусь назад и отыщу его.

— Через трясину? — спросила Китти.

Альден кивнул.

— Возможно, ему едва удалось перебраться через нее. Скорее всего, он отсиживается где-нибудь на другом берегу.

— А вдруг он так и не попал на ту сторону? Вдруг он остался в трясине?

— Тогда я, конечно, не смогу его найти. Но я должен попытаться.

— Что меня беспокоит,— откликнулась Китти,— так это что ты станешь делать, если найдешь его. Что ты ему скажешь?

— Приведу его назад,— ответил Альден,— или останусь с ним.

Она подняла голову, и в глазах у нее стояли слезы.

— Ты вернешь ему его подарок,— сказала она.— Ты швырнешь его ему в лицо. Ты превратишь его прощальный великодушный жест в ничто.

Она взглянула на Альдена.

— Ты смог бы на это пойти? — спросила она.— Он совершил прекрасный и достойный поступок — быть может, последний в его жизни. И ты хочешь отказать ему в этом?

Альден покачал головой.

— Он бы сделал это для тебя,— продолжала она.— Он не лишил бы тебя последней возможности совершить что-то достойное.

Наутро восьмого дня Китти стонала и металась в жару. Весь предыдущий день превратился в непрекращающийся кошмар из болотной жижи и осоки, из ужасного пекла, из змей и москитов, из слабеющей надежды и растущего страха, который слабо колыхался где-то под ложечкой.

Это была сумасшедшая затея, думал Альден, сумасшедшая с самого начала — три человека, которые не имели права на эту попытку, которые находились в слишком плохой физической форме, были слишком плохо экипированы и, по крайней мере в его случае, слишком стары, чтобы замахиваться на подобное. Чтобы пройти сорок миль по болоту, требовались молодость и сила, а единственным, в чем нельзя было отказать им троим, была решимость. Возможно, подумал он, на самом деле ими двигала вовсе не решимость, а нечто иное, чего, скорее всего, ни один из них не понимал.

Интересно, задумался он, зачем Китти и Эрику понадобилось бежать из Промежутка?

Они никогда не говорили о причине своего поступка, хотя, возможно, и коснулись бы этой темы, будь у них больше времени. Но им было не до разговоров. На них не хватало ни времени, ни дыхания.

Ибо, пришло вдруг к нему осознание, по-настоящему сбежать невозможно. Можно сбежать из болота, но из Промежутка не убежишь. Потому что становишься его частью. Попади в Промежуток — и тебе больше не будет места во внешнем мире.

Наверное, это был просто жест, подумал он — жест неповиновения. Как тот дурацкий благородный жест Эрика, оставившего их, когда болезнь стала одерживать верх.

И его снова одолело сомнение в правильности решения, которое они вдвоем приняли тогда.

Стоило ему закрыть глаза, даже сейчас, под палящим полуденным солнцем, как перед ним снова вставала та же карти-

на: изголодавшийся, беспомощный, умирающий человек, который уполз с тропинки и скрылся в непроходимых зарослях, чтобы его не смогли найти, даже если один или оба его спутника сразу отправятся на поиски. Жирные мухи ползали по его лицу, а он не осмеливался (или просто не мог?) поднять руку и согнать их. Голодная черная птица сидела на обломке мертвого дерева и терпеливо ждала, под водой затаился аллигатор, а бесчисленные ползучие, пресмыкающиеся и прыгающие твари кишели в траве и в низкорослых кустах.

Видение всегда было неизменным — застывшая и ужасная картина, нарисованная единым росчерком воображения, которое затем отступило и оставило ее пламенеть во всех мучительных подробностях.

Теперь вот Китти лежала и стонала сквозь сцепленные зубы — старая и ни на что не годная женщина в компании старого и ни на что не годного мужчины. Китти — с морщинистым лицом, слипшимися в сосульки волосами и ужасной худобой — и с тем неуловимым духом вечной юности, который неизвестно каким образом жил внутри ее тела.

Надо сходить и принести воды, думал Альден. Обтереть ей лицо и руки, заставить ее сделать глоток-другой. Но эта вода едва ли годилась для питья: затхлая и стоячая, она пахла гнилью и отдавала привкусом мертвечины, мысль о которой Альден изо всех сил старался выбросить из головы.

Он подошел к небольшой котомке, которая принадлежала Китти, и вытащил оттуда помятую и закопченную соусницу — единственную посудину, которую они с собой захватили.

Осторожно ступая по крошечному островку, на котором они устроились на ночлег, Альден подошел к краю воды и оглядел ее придирчивым взглядом, выискивая местечко, где вода казалась наименее ядовитой. Впрочем, он отдавал себе отчет в том, что это глупо: вода везде одинаковая, куда ни глянь.

Это была мерзкая жидкость из мерзкого болота, которое вот уже семь дней испытывало их на прочность, которое пыталось поймать их, задержать в пути, которое кусало и жалило их и пыталось свести их с ума, которое ждало, зная, что рано или поздно они допустят промах, или оступятся, или упадут — окажутся в его власти.

Альден поежился. Он вдруг осознал, что впервые за все время у него возникла подобная мысль. Ни разу еще он не задумывал-

ся об этом; он просто боролся. Вся его энергия была направлена на то, чтобы преодолеть следующий ярд земли, а за ним еще следующий, и еще...

Время утратило свое значение и измерялось лишь человеческой выносливостью. Расстояние потеряло важность, ибо болото уходило во все стороны, насколько хватало взгляда. Оно было повсюду, у него не было ни конца ни края.

То были убийственные семь дней, и первые два из них он был убежден, что ему это не под силу, что следующий день станет для него последним. Но за каждым днем наступал новый, а потом и тот тоже подходил к своему мучительному концу.

Из них троих он единственный все еще оставался на ногах. И вот что еще было странно: теперь он знал, что впереди у него будет еще один день, что впереди у него будет еще много дней. Он мог идти вперед вечно, если это займет вечность. Теперь болото никогда не сможет остановить его. Где-то посреди этой ужасной непроходимой зелени он нашел в себе скрытую силу и обрел второе дыхание.

Интересно, откуда все это взялось, недоумевал он. Что представляла собой эта внутренняя сила? Из какого источника он черпал ее?

Возможно, это произошло потому, что его вела несокрушимая воля?

И снова он стоял у окна, гадая, будет ли бабочка на этот раз, или бабочки бывают только в детстве. Но ни на миг не сомневаясь в том, что магия все еще здесь, что она была столь сильной и сияющей, что не померкла даже через тридцать лет.

И он вышел из дома и сел под деревом, как сидел в тот далекий день, когда был ребенком, и протянул руки ладонями вверх, и странная карточка легла ему на ладонь. Он чувствовал прикосновение магии и ощущал в воздухе новую свежесть, но она была не такой, потому что с неба не сыпались желтые листья.

Он дождался заморозков, и, когда они ударили, снова вышел из дома и сел под деревом, и листья падали на землю, словно замедленные капли дождя. Он закрыл глаза, втянул ноздрями осенний воздух, еле уловимо отдающий дымком, ощутил на лице ласковое солнышко, и все было в точности так, как в тот такой далекий день. Осенний день из его детства никуда не делся, он все еще был с ним.

Альден сидел под деревом, протянув руки, и на ладони у него лежала карточка, но ничего не происходило. Потом, как будто он не дождался этого в тот далекий день, желтый лист — золотое совершенство — спорхнул вниз, лег поверх карты и на мгновение неподвижно застыл.

А потом внезапно лист исчез, а на его месте очутился предмет, который был нарисован на карте: что-то вроде шарика трех дюймов диаметром; шарик походил на гигантскую ягоду крыжовника, сплошь утыканную колючими шипами. Шарик вдруг завибрировал, и Альден ощутил, как эта вибрация передается всему его телу.

В тот миг ему показалось, что с ним что-то происходит или он стал частью чего-то — чего-то мыслящего, живого (возможно, даже любящего), что трепетало совсем близко от него и одновременно очень далеко. Как будто это мыслящее и живое, чем бы оно ни было, протянуло палец и коснулось его, просто так, только затем, чтобы дать ему понять: оно здесь.

Альден присел, чтобы помятым закопченным соусником зачерпнуть воды из лужицы, которая показалась ему чуть прозрачней и чище, чем все остальное.

И все же там что-то было, подумал он. Что-то, с чем он за долгие годы познакомился, но по-настоящему так и не узнал. Что-то доброе, ибо оно обошлось с ним по-доброму. Что-то такое, у чего была цель, и оно подталкивало его к этой цели, но мягко, как хороший учитель подталкивает ученика к цели, которая в конце концов оказывается собственной целью ученика.

Маленькая вибрирующая ягода крыжовника была ключом к этому чему-то, раз уж она для этого понадобилась. Хотя, подумалось ему, слово «ключ» совершенно здесь не подходило, поскольку она не была ключом в том смысле, что он никогда не видел это что-то, не приближался к нему и не имел возможности выяснить, что это такое. Она была ключом лишь в том смысле, что это что-то существовало, было разумным и могло общаться.

Не разговаривать — общаться. И под конец, вспомнил он, это общение было прекрасным, хотя понимание, которое должно было бы прийти с общением, так до конца и не стало отчетливым.

Возможно, со временем, подумал Альден. Но их прервали, и именно поэтому он должен был вернуться назад, и как мож-

но быстрее. Ведь это что-то не знает, почему он покинул его. Оно не понимает. Оно может подумать, что он умер, если у него есть понятие, включающее в себя такое состояние, как смерть. Или что он его покинул. Или что оно сделало что-то не так.

Альден зачерпнул полный соусник воды и распрямился, вслушиваясь в оглушительную утреннюю тишину.

Теперь он помнил. Но почему он не вспомнил раньше? Почему это воспоминание ускользало от него? Как он мог забыть?

Издалека Альден услышал его и, услышав, почувствовал, как ожила в нем надежда. Он напряженно ждал, надеясь услышать его снова, он очень хотел услышать его во второй раз, чтобы удостовериться, что не обманулся.

И он послышался в утреннем воздухе снова, еле различимый, но отчетливый — ни с чем не спутаешь — петушиный крик.

Альден развернулся и побежал обратно к костру.

На бегу он споткнулся, и соусник вылетел у него из рук. Он вскочил на ноги и оставил соусник валяться там, где тот упал.

Он бросился к Китти и рухнул на колени рядом с ней.

— Осталось всего несколько миль! — воскликнул он.— Я слышал петушиный крик. Край болота должен быть близко.

Альден протянул к ней руки и подсунул их под нее, поднял ее, устроил у себя на руках и крепко прижал к груди.

Кити застонала и заметалась.

— Тише, девочка,— сказал он.— Мы почти выбрались.

Он с усилием поднялся с колен и распрямился. Потом поправил ее тело, чтобы удобнее было держать.

— Я понесу тебя,— сказал он.— Я могу нести тебя всю дорогу.

Дорога оказалась длиннее, чем он думал. А болото хуже, чем оно было все эти дни,— как будто почувствовав, что это спотыкающееся упрямое существо может ускользнуть из его лап, оно удвоило свою изобретательность и коварство в последней попытке проглотить свою жертву.

Он бросил те скудные запасы еды, которые у них были. Бросил все. Взял с собой только Китти.

Когда она отчасти вышла из забытья и попросила воды, Альден остановился у озерца, зачерпнул воду сложенными в ков-

шик ладонями, умыл ее и помог ей напиться, потом продолжил путь.

Под вечер жар спал, и Китти совершенно пришла в себя.

— Где я? — спросила она, обводя взглядом черно-зеленую гладь болота.— Кто вы?

Он попытался объяснить. Китти не помнила ни его, ни болото, ни Промежуток. Он заговорил с ней об Эрике, но она не помнила и Эрика.

И тогда он вспомнил, что с ним было точно так же. Он ничего не помнил. Лишь спустя многие часы и дни память помаленьку вернулась к нему.

И с ней тоже так случится? И с Эриком тоже так случилось? Значит, не было никакого самопожертвования, никакого героизма в том, что Эрик сделал? Значит, это было просто слепое бегство из царства кромешного ужаса, в котором тот очутился, очнувшись?

А если все это верно, значит, то, что произошло с ним, то, что вызвало лихорадку и потерю памяти, произошло и с Китти и с Эриком тоже.

Выходит, он перенес какую-то инфекцию?

Но если так, значит, не исключено, что он заразил всех в Промежутке.

Он продолжал идти, и собственная выносливость изумляла его, ибо он не мог быть таким сильным.

Это сила духа, догадался Альден, поддерживала его — исключительно возбуждение оттого, что он почти вырвался из мстительного болота.

Но дух рано или поздно будет сломлен — сомневаться в этом не приходилось — и не сможет вечно поддерживать его. Дух будет сломлен, возбуждение уляжется, и силы иссякнут. Тогда он снова станет стареющим мужчиной, несущим стареющую женщину по болоту, которому нельзя даже помыслить противостоять в одиночку, не говоря уже о том, чтобы нагрузить себя еще одним человеческим существом.

Однако силы не иссякали. Он чувствовал, как они бурлят внутри. Опустились сумерки, и на небе выглянули первые робкие звезды, но идти стало легче. Он вдруг осознал, что ощущение легкости возникло уже час или два тому назад.

— Поставь меня на землю,— сказала Китти.— Я могу идти сама. Не стоит и дальше меня нести.

— Еще немножечко,— сказал Альден.— Мы уже почти пришли.

Теперь почва стала плотнее, а по шелесту под ногами он определил, что ступает по совершенно другой траве — не той шершавой, грубой, острой как бритва траве, что росла на болоте, а по мягкой и шелковистой.

В темноте перед ним вырос холм. Едва начав подниматься на него, Альден ощутил, что земля под ногами стала совсем твердой.

Он добрался до вершины холма и остановился. Потом осторожно поставил Китти на ноги.

Воздух был свежим, терпким и прозрачным. Листва на соседнем дереве шелестела на ветру, а на востоке небо озарял жемчужный свет луны.

Позади осталось болото, которое они победили, а впереди — чистая и твердая земля, которая в конце концов одолеет их. Впрочем, «в конце концов», сказал себе Альден, это слишком сильно сказано. Через несколько дней, быть может, даже через несколько часов их обнаружат и настигнут.

Поддерживая Китти за талию, он двинулся по склону вниз, навстречу окончательному поражению.

Старый разбитый пикап стоял в залитом лунным светом дворе фермы. В запущенном доме на вершине холма не было видно огней. От фермы по длинному крутому склону бежала дорога, примерно в полумиле смыкавшаяся с шоссе.

Ключа зажигания, разумеется, нет, но можно скрестить проводки, а потом подтолкнуть машину, и она покатится по склону. Как только пикап придет в движение, поставить его на передачу — мотор заведется и заработает.

— Кто-нибудь поймает нас, Альден,— пролепетала Китти.— Это верный способ попасться. Угнать машину...

— Здесь всего двадцать миль,— возразил Альден.— Так написано на столбе. Мы успеем добраться до дома раньше, чем поднимется переполох.

— Идти пешком и скрываться было бы надежнее.

— Нет времени,— сказал он.

Ибо теперь он вспомнил. Память вернулась к нему — о машине, которую он построил в столовой. О машине, ставшей как бы его вторым телом или своего рода костюмом. Она была

чем-то вроде двухсторонней школы или, пожалуй, двухсторонней лаборатории, потому что, находясь в ней, он узнавал о той, другой жизни, а она узнавала о нем.

У него ушли годы на ее создание, годы, чтобы понять, как собрать вместе детали, которые те, другие, или тот, другой, дали ему. Все детали были малюсенькими и исчислялись тысячами. Он протягивал руки и изо всех сил думал о желтых листьях, летящих в голубой дымке осеннего воздуха,— и на ладони у него оказывался еще один кусочек этой странной машины.

И теперь она стояла без дела в той выцветшей сумеречной комнате, а они, наверное, ломали головы, что с ним случилось.

— Идем,— резко сказал он Китти.— Ни к чему ждать.

— Там может быть собака. Там может быть...

— Придется рискнуть.

Он выбрался из рощицы и быстро побежал через двор к пикапу. Он добежал до него и дернул крышку капота, но та не поддалась.

Китти вскрикнула, всего один раз — скорее чтобы предупредить его, чем от страха, и он стремительно обернулся. Не более чем в десятке футов от них возвышалась фигура, и в лунном свете, серебрившем ее металлическую грудь, виднелась эмблема Медицинского дисциплинарного корпуса.

Альден прижался спиной к машине и застыл, глядя на робота, понимая, что пикап был всего лишь приманкой, и думая о том, как хорошо медики должны были изучить человеческий род, чтобы расставить такую ловушку,— изучить, как работает не только человеческое тело, но и человеческий разум.

— Если бы только мы тебя не задержали. Если бы ты не нес меня на руках...— шептала Китти.

— Это ничего бы не изменило,— возразил ей Альден.— Скорее всего, они заметили нас с самого начала и следили за нами.

— Молодой человек,— заговорил робот,— вы совершенно правы. Я ждал вас. Должен признаться, я отчасти восхищаюсь вами обоими. Никому больше не удавалось перейти болото. Некоторые пытались, но у них ничего не вышло.

Вот, значит, чем все кончилось, сказал себе Альден с некоторой горечью, но, пожалуй, не настолько сильной, какую должен был бы испытывать. Ведь с самого начала была лишь слабая надежда. Он шел навстречу своему поражению, с каждым шагом приближался к нему — и к безысходности, которую признавал даже он.

Если бы только ему удалось добраться до дома в Ивовой Излучине, как он надеялся, он ничего больше не желал бы. Добраться до дома и дать тем, другим, понять, что он не покинул их.

— И куда теперь? — спросил он у робота.— Назад, в Промежуток?

Однако тот не успел ответить.

Послышался топот чьих-то ног, несущихся по двору.

Робот обернулся, и в лунном свете блеснул какой-то предмет, летящий в его сторону. Посланец Медицинского дисциплинарного комплекса попытался уклониться — и не смог.

Альден, пригнувшись, бросился вперед, метя роботу в колени. Его плечо задело металл, и Альден упал. Брошенный кем-то камень лязгнул о нагрудник железного человека.

Робот потерял равновесие и тяжело рухнул на землю.

Альден с трудом поднялся на ноги.

— Китти! — крикнул он.

Но Китти была занята. Она упала на колени рядом с роботом, который безуспешно пытался встать, и, зажав в кулаке подобранный камень, с силой опустила его на железный череп. Тот загудел словно колокол, а Китти ударила снова... и еще раз, и еще...

Робот прекратил барахтаться и затих, но Китти продолжала молотить камнем по черепу.

— Китти, хватит,— послышался чей-то голос.

Альден повернулся на звук.

— Эрик! — воскликнул он.— Но мы же оставили тебя там!

— Я знаю,— сказал Эрик.— Вы решили, что я сбежал обратно в Промежуток. Я нашел то место, до которого вы проследили мой путь.

— Но ты здесь. Это ты бросил камень.

Эрик пожал плечами.

— Я снова пришел в себя. Сначала я не понимал, где я и кто я,— да, откровенно говоря, вообще ничего не понимал.

А потом все вспомнил. И мне пришлось сделать выбор. Впрочем, на самом деле никакого выбора и не было. В Промежутке у меня ничего не осталось. Я попытался нагнать вас, но вы двигались слишком быстро.

— Я убила его! — с вызовом в голосе объявила Китти.— Мне плевать. Я этого хотела.

— Не убила,— сказал Эрик.— Скоро здесь будут другие. Его отремонтируют.

— Помоги мне открыть капот,— попросил Альден.— Надо сматываться отсюда.

Эрик остановил колымагу за домом, и Альден вылез из машины.

— А теперь поторопитесь,— велел он.

Задняя дверь оказалась не заперта, как он ее и оставил. Он вошел в кухню и включил свет.

Сквозь проем двери, ведущей в столовую, Альден различил темный корпус собранной им когда-то конструкции.

— Нам нельзя здесь долго оставаться,— сказал Эрик.— Они знают, что мы угнали пикап. Скорее всего, они догадаются, куда мы отправились.

Альден промолчал. Да и что мог он ответить? Им некуда идти.

Куда бы они ни пошли, их всегда будут преследовать, ибо никому не позволено попирать медицинские законы и не подчиняться правосудию медиков. Никто в целом мире не отважится помочь нарушителям дисциплины.

Он бежал из Промежутка, чтобы вернуться сюда, хотя тогда и не сознавал, к чему стремится. На самом деле он бежал не из Промежутка, а к машине, которая стояла в столовой, у самого входа в кухню.

Он вошел в комнату, щелкнул выключателем, и яркий свет залил странный механизм, возвышавшийся в центре.

Машина представляла собой клетку размером с человека, внутри которой он еле-еле смог поместиться. Он должен сообщить им, что вернулся.

Он вошел в предназначенное для него пространство, и внешний корпус вместе с загадочными приспособлениями, казалось, обнял все тело.

Альден встал на место, закрыл глаза и стал думать о падающих желтых листьях. Он снова стал тем мальчиком, который

сидел под деревом, и не его разум, а разум того мальчика ощущал золото листьев и синеву неба, чувствовал терпкий, как вино, запах осеннего воздуха и ласковое тепло осеннего солнца.

Он закутался в эту осень и в этот давний день и стал ждать ответа. Но ответа не было. Он ждал, и золото листьев погасло, и воздух больше не походил на вино, и солнце больше не грело, и лишь пронзительный ветер дул с чернеющего моря абсолютного небытия.

Альден понимал, что они ушли и бесполезно ждать: они не вернутся,— понимал и все же не хотел это принять. Бледный, он упрямо стоял на месте, все еще на что-то надеясь.

Но даже упрямство иссякло. Альден медленно повернулся и вышел из клетки.

Его не было слишком долго.

Увидев на полу фиал, Альден нагнулся, чтобы поднять его. Теперь он вспомнил, что пил из него в тот день (сколько же прошло времени?), когда вернулся обратно в комнату после долгих часов в клетке.

Они материализовали фиал для Альдена и велели ему выпить содержимое, и он вспомнил горький вкус, оставшийся во рту.

Китти и Эрик стояли на пороге, глядя на него, и он оторвался от фиала и посмотрел на них.

— Альден,— спросила Китти,— что с тобой произошло?

Он покачал головой.

— Все нормально. Ничего не произошло. Их просто там нет, вот и все.

— Нет, произошло,— сказала она.— Ты выглядишь моложе лет на двадцать.

Фиал выпал у него из пальцев. Альден поднес руки к глазам и в ярком свете лампы увидел, что на коже нет морщинок. Это были сильные и крепкие руки. Молодые руки.

— Твое лицо,— сказала Китти.— Оно разгладилось. «Гусиные лапки» пропали.

Он потер челюсть ладонью, и ему показалось, что кость стала менее выраженной, что поверх нее наросла новая плоть.

— Лихорадка,— проговорил он.— Это все она — лихорадка.

Теперь он смутно припоминал. Вернее, не то чтобы припоминал — пожалуй, он никогда и не знал. И только сейчас понял. Так всегда получалось. Как будто он не узнавал что-то

новое, а вспоминал его. Они вкладывали знание в его разум и оставляли там, а оно распускалось и медленно прорастало внутри.

Теперь он знал.

Клетка была не учителем, а устройством, при помощи которого они изучали человека, исследовали строение его тела, обмен веществ и все остальное.

А потом, узнав все, что требовалось, они выписали рецепт и дали ему.

Тогда, на ферме, робот назвал его молодым человеком. Но он не придал этому значения. «Молодой человек»... Но у него было слишком много других забот, чтобы обратить внимание на эти два слова.

И все же робот ошибся.

Он был не просто молод — молод не в силу молодости, но из-за того, что внутри сидел неведомый инопланетный вирус — или что там они ему дали? — который привел тело в порядок, снова наладил его и дал ему возможность заменить старые, разрушающиеся ткани новыми.

Врачеватели вселенной, подумал он, вот кто они такие. Их задача состояла в том, чтобы подлатать и обновить протоплазменную механику, которая ветшала и ржавела.

— Лихорадка? — спросил Эрик.

— Да,— ответил Альден.— И благодарение Богу, она заразна. Вы оба подхватили ее от меня.

Он внимательно пригляделся к ним, но пока еще не было заметно никаких следов действия вируса, хотя Эрик, похоже, уже начал изменяться. А Китти... Когда вирус сделает свое дело, до чего же прекрасной она станет! Да, именно прекрасной, потому что даже сейчас, несмотря на возраст, она все еще оставалась красивой.

Все обитатели Ивовой Излучины тоже контактировали с ним, как и те, что были приговорены к Промежутку, как и судья, чье величественное лицо маячило в вышине. Очень скоро лихорадка, а вместе с ней и животворящая молодость охватят весь мир.

— Нам нельзя здесь оставаться,— повторил Эрик.— Скоро придут медики.

Альден покачал головой.

— Нет нужды бежать,— сказал он.— Теперь они ничего нам не сделают.

Ибо власти медиков пришел конец. Больше не было необходимости в медиках, в местных лигах, в оздоровительных программах.

Разумеется, это случится не сразу, людям нужно время, чтобы осознать произошедшее. Но настанет день, когда они заметят перемены, и тогда медиков можно будет сдать в утиль или приставить к другой работе.

Он чувствовал себя сильным как никогда. Достаточно сильным, чтобы, если в том возникнет нужда, пешком вернуться обратно в Промежуток.

— Без тебя мы ни за что бы не выбрались,— с чувством проговорила Китти.— Твое безрассудство придало нам решимости.

— Пожалуйста, постарайся не забыть об этом,— улыбнулся Альден,— когда через несколько дней снова станешь молодой.

Дом был нелеп. Больше того, он был тут совсем некстати. «Ну откуда он взялся?» — спрашивал себя Фредерик Грей. Ведь это их заповедный уголок. Они с Беном Ловелом открыли его почти сорок лет назад и с тех пор всегда сюда ездили и ни разу ни души не встречали.

Он стоял на одном колене и машинально ударами весла удерживал каноэ на месте, а блестящая, по-осеннему темная вода бежала мимо, унося завитки пены с водопада, что шумел в полумиле впереди. Гул водопада слабо доносился до Грея, еще когда он ставил машину и снимал с ее крыши каноэ, и все те полчаса, пока он плыл сюда и прислушивался, и бережно откладывал голос водопада в памяти, как откладывал все остальное: ведь это в последний раз, больше он сюда не приедет.

Могли бы и подождать, подумал он с беззлобной горечью. Могли бы подождать, пока не закончится его путешествие. А теперь все испорчено. Он уже не сможет вспоминать речку, не вспоминая заодно и этот нахальный дом. Речка будет вспоминаться не такой, какой он знал ее почти сорок лет, а непременно вместе с домом.

Здесь никогда никто не жил. Никому бы в голову не пришло здесь поселиться. Никто сюда и не заглядывал. Эти места принадлежали только им с Беном.

А теперь вот он, дом, стоит на холме над рекой, весь белый, сверкающий в раме темно-зеленых сосен, и от места их обычной стоянки к нему ведет чуть заметная тропинка.

Грей яростно заработал веслом и повернул свое суденышко к берегу. Каноэ уткнулось носом в песок, Грей вылез и втащил его повыше, чтобы не снесло течением.

© Перевод Норы Галь.

Потом выпрямился и стал разглядывать дом.

Как сказать об этом Бену? И надо ли рассказывать? Может быть, в разговоре с Беном про дом лучше не упоминать? Нелегко сказать тому, кто лежит в больнице и, скорей всего, оттуда уже не выйдет, что у него украли изрядный кусок прошлого. Ведь когда близок конец, почему-то начинаешь дорожить прошлым, подумал Грей. По правде говоря, оттого-то ему и самому так досадно видеть дом на холме.

Хотя, может, было бы не так досадно, не будь этот дом смехотворно нелеп. Уж очень он тут некстати. Будь это обычное загородное жилище, деревянное, приземистое, с высоченной каменной трубой,— ну, еще туда-сюда. Тогда бы он не резал глаз, по крайней мере старался бы не резать. Но ослепительно белое здание, сверкающее свежей краской,— это непростительно. Такое мог бы учинить молокосос-архитектор в каком-нибудь сверхмодном новом квартале, на голом и ровном месте, где все дома — точно прилизанные близнецы. Там этот дом был бы приемлем, а здесь, среди сосен и скал, он нелеп, оскорбителен.

Грей с трудом наклонился и подтянул каноэ еще выше на берег. Достал удочку в чехле, положил наземь. Навьючил на себя корзинку для рыбы, перекинул через плечо болотные сапоги.

Потом он подобрал удочку и медленно стал подниматься по тропе. Приличия и чувство собственного достоинства требовали, чтобы он дал о себе знать новым обитателям холма. Не прошагать же мимо по берегу, ни слова не сказав. Это не годится. Но пусть не воображают, будто он спрашивает у них разрешения. Нет, он ясно даст им понять, что ему здесь принадлежит право первенства, а затем сухо сообщит, что приехал в последний раз и впредь больше их не потревожит.

Подъем был крутой. Что-то в последнее время даже малые пригорки стали круты, подумалось ему. Дышит он часто и неглубоко, и колени гнутся плохо, все мышцы ноют, когда стоишь в каноэ и гребешь.

Может, глупо было пускаться в это странствие одному. С Беном бы — дело другое, тогда они были бы вдвоем и помогали друг другу. Он никому не сказал, что собирается поехать, ведь его стали бы отговаривать или, того хуже, набиваться в попутчики. Стали бы доказывать, что человеку под семьдесят нельзя затевать такое путешествие в одиночку. А в сущности,

путешествие вовсе не сложное. Каких-нибудь два часа машиной от города до поселка под названием Сосенки и еще четыре мили заброшенной дорогой лесорубов до реки. А потом час на каноэ вверх по течению — здесь, чуть повыше водопада, они с Беном издавна раскидывали лагерь.

Поднявшись до середины холма, он остановился перевести дух. Отсюда уже виден водопад — кипящая белая пена и облачко легчайших брызг: в нем, когда солнечный свет падает как надо, играют радуги.

Грей стоял и смотрел на все это — на темную хвою сосен, на голый склон скалистого ущелья, на золотое и алое пламя листвы — от ранних заморозков она уже полыхала праздничными осенними кострами.

Сколько раз, думал он, сколько раз мы с Беном удили рыбу там, за водопадом? Сколько раз подвешивали над огнем котелок? Сколько раз прошли на веслах вверх и вниз по реке?

Славное это было житье, славно они проводили время вдвоем, два скучных профессора скучного захолустного колледжа. Но всему приходит конец, ничто не вечно. Для Бена все это уже кончилось. А после сегодняшней прощальной поездки кончится и для него.

И снова кольнуло сомнение — правильно ли он решил? В «Лесном приюте» люди словно бы и отзывчивые, и надежные, и его уверяли, что там он окажется в подходящей компании — среди удалившихся на покой учителей, одряхлевших счетоводов, короче — среди отставной интеллигенции. И все-таки в нем шевелились сомнения.

Конечно, будь жив Клайд, все сложилось бы иначе. Они были друзьями, не часто отец и сын бывают так близки. Но теперь он совсем один. Марты давно уже нет в живых, а теперь не стало и Клайда, и он один как перст.

Если рассуждать трезво, похоже, что «Лесной приют» — самый лучший выход. О нем будут заботиться, и можно будет жить так, как он привык... или почти так. Ну ладно, пока он еще справляется и сам, но недалеко то время, когда понадобится чья-то помощь. Быть может, «Лесной приют» и не идеальный выход, а все же это выход. Надо подумать о будущем, сказал он себе — потому и договорился с «Лесным приютом».

Он немного отдышался и вновь стал подниматься в гору, пока тропа не привела на небольшую ровную площадку перед домом.

Дом был новехонький, еще новее, чем показалось сперва. На Грея как будто даже пахнуло свежей краской.

А кстати, непонятно, как же сюда доставляли материалы для строительства? Дороги никакой нет. Можно было бы все подвозить на грузовиках по заброшенной дороге лесорубов, а потом по реке от того места, где он поставил машину. Но тогда в лесу остались бы следы недавнего движения, а их нет. Все так же, как прежде, вьются в густом молодняке две колеи, между ними все заросло травой. А если материалы подвозили по воде, должен быть какой-то спуск, но и тут ничего такого не видно, одна еле заметная тропинка, по которой он сейчас поднялся. Меж тем непогода и молодая зелень не успели бы скрыть все следы, ведь еще весной они с Беном приезжали сюда на рыбалку, а тогда этого дома не было и в помине.

Грей неторопливо пересек площадку, потом дворик, откуда открывался вид на реку и на водопад. Подошел к двери, нажал кнопку, и где-то в глубине дома зазвенел звонок. Он подождал, но никто не вышел. Он снова позвонил. Опять донесся звонок, и он ждал — вот сейчас послышатся шаги,— но никто не шел. Грей поднял руку и постучал — едва он коснулся двери, она подалась внутрь и распахнулась перед ним.

Он смутился, ему вовсе не хотелось вторгаться в чужой дом. Может быть, вновь затворить дверь и тихонько уйти? Но нет, он не желает действовать крадучись, как вор.

— Эй! — окликнул он.— Есть тут кто-нибудь?

Сейчас к нему выйдут, и он объяснит, что не открывал дверь, она сама отворилась, когда он постучал.

Но никто не выходил.

Минуту-другую он стоял в нерешительности, потом шагнул в прихожую — сейчас он дотянется до ручки и захлопнет дверь.

Тут он увидел гостиную: новый ковер на полу, хорошая мебель. Конечно, здесь живут, просто сейчас никого нет дома. Ушли ненадолго, а дверь не заперли. Впрочем, подумал он, в этих краях никто не запирает дверей. Незачем.

«Выкину все это из головы»,— пообещал он себе. Надо забыть про этот дом, хоть он и испортил всю картину, и всласть порыбачить, а под вечер спуститься по реке к машине и отправиться восвояси. Ничто не должно отравить ему этот день.

Он решительно зашагал по высокому берегу, мимо водопада, к хорошо знакомой заводи.

Денек выдался ясный, тихий. Солнце так и сияло, но в воздухе чувствовалась прохлада. Впрочем, еще только десять. К полудню станет по-настоящему тепло.

Совсем повеселев, Грей шагал своей дорогой; к тому времени, когда водопад остался в миле позади и он, натянув болотные сапоги, ступил в воду, он уже окончательно позабыл про злосчастный дом.

Беда стряслась перед вечером.

Он вышел на берег, отыскал подходящий камень, сидя на котором можно будет с удобством перекусить. Бережно положил удочку на прибрежную гальку, полюбовался на трех форелей вполне приличного размера, трепыхающихся в корзинке. И, развертывая сандвичи, заметил, что небо хмурится.

Пожалуй, надо бы двинуться в обратный путь пораньше, сказал он себе. Нечего ждать, пока погода вконец испортится. Провел три отличных часа на реке — и хватит с тебя.

Он доел сандвич и мирно посидел на камне, вглядываясь в плавно бегущую мимо воду и в крепостную стену соснового бора на другом берегу. Надо получше все это запомнить, думал он, закрепить в памяти прочно, навсегда. Чтоб было о чем вспомнить после, когда больше уже не придется ездить на рыбалку.

Нет, все-таки еще полчасика он побудет у реки. Нужно забросить удочку немного ниже по течению, там поперек реки, почти до середины ее, протянулось упавшее дерево. Уж наверняка там, под деревом, затаилась форель и ждет.

Он тяжело поднялся, подобрал удочку, корзинку и ступил в воду. Поскользнулся на замшелом камне, которого сверху совсем не было видно, и потерял равновесие. Острая боль резанула щиколотку, он рухнул в мелководье, не сразу ему удалось пошевелиться и приподняться.

Нога, соскользнув с камня, попала между двумя глыбами на дне и застряла в узкой щели. Ее стиснуло, неестественно вывернуло, и в ней нарастала упрямая, неотступная боль.

Сжав зубы, чтобы не закричать, Грей кое-как высвободил ногу и выбрался на берег.

Он попробовал встать, но вывихнутая нога не держала его. При первой же попытке она подвернулась и жгучая боль каленым железом пронизала ее до самого бедра.

Он сел и медленно, осторожно стянул сапоги. Щиколотка уже начала опухать, она была вся красная, воспаленная.

Грей сидел на усыпанном галькой берегу и раздумывал. Как быть?

Идти он не может, придется ползком. Сапоги, удочку и корзинку надо оставить, они только свяжут ему руки. Лишь бы доползти до каноэ, а там уж он доплывет до того места, где оставил машину. Но потом лодку тоже придется бросить, ему не взгромоздить ее на крышу машины.

Лишь бы сесть за руль, тогда все будет хорошо, машину-то он вести сумеет. Помнится, в Сосенках есть врач. Как будто есть, а может, это ему только кажется. Но, во всяком случае, можно будет договориться, чтобы кто-нибудь пошел и забрал удочку и каноэ. Может, это и глупо, но он просто не в силах отказаться от удочки. Если ее сразу же не подобрать, ее отыщут дикобразы и загубят. Этого никак нельзя допустить. Ведь эта удочка — часть его самого.

Он сложил все свои пожитки — сапоги, корзинку с рыбой и удочку — аккуратной кучкой на берегу, так, чтобы они сразу бросились в глаза всякому, кто согласится за ними сходить. Посмотрел в последний раз на реку и пополз.

Это был долгий и мучительный способ передвижения. Как ни старался Грей, не удавалось оберечь ногу от толчков, и от каждого толчка все тело пронизывала боль.

Он хотел было смастерить себе костыль, но тут же раздумал: перочинным ножиком, да еще затупившимся, много не наработаешь, а другого инструмента не нашлось.

Он полз медленно, частенько останавливался передохнуть. Оглядывал больную ногу — от раза к разу она все сильней распухала и делалась уже не красной, а багровой.

И вдруг — поздновато, пожалуй,— он со страхом сообразил, что предоставлен на волю судьбы. Ни одна живая душа не знает, что он здесь, ведь он никому ни слова не сказал. Если не выбраться своими силами, пройдет немало дней, покуда его хватятся.

Экая чепуха. Он прекрасно управится. Хорошо, что самая трудная часть пути оказалась вначале. Как только он доберется до каноэ, можно считать, дело сделано.

Вот если бы только ползти подольше. Если б не приходилось так часто останавливаться. В былые времена он прополз

бы это расстояние без единой передышки. Но с годами становишься стар и слаб. Куда слабее, чем думал.

Он опять остановился отдохнуть — и услышал, как шумят сосны: поднялся ветер. Заунывный шум, даже пугающий. Небо совсем заволокло тучами, все окутал какой-то зловещий сумрак.

Подстегиваемый смутной тревогой, он попытался ползти быстрее. Но только стал еще скорей уставать и жестоко ушиб больную ногу. Пришлось снова замедлить ход.

Он поравнялся с водопадом, миновал его, ползти вниз по отлогому косогору стало немного легче, и тут на вытянутую руку шлепнулась первая капля дождя.

А через минуту уже хлестал ледяными струями яростный ливень.

Грей мгновенно промок, холодный ветер пробирал насквозь. Сумрак сгущался, сосны стоном стонали, разыгрывалась настоящая буря, по земле побежали ручейки.

Он упрямо полз. От холода застучали зубы, но он сердито стиснул челюсти — этого еще не хватало!

Он уже одолел больше половины пути к каноэ, но дорога словно стала длиннее. Он продрог до костей, а дождь все лил, и вместе с ним наваливалась свинцовая усталость.

Дом, подумал он. Можно укрыться в том доме. Меня впустят.

Он не смел себе сознаться, что прежняя цель — доползти до каноэ и проплыть на нем до того места, где осталась машина,— стала немыслимой и недостижимой.

Впереди сквозь сумрак непогоды пробился свет. Это, конечно, в доме. Хозяева, кто бы они ни были, уже вернулись и зажгли свет.

Он полз долго, много дольше, чем рассчитывал, но, напрягши последние силы, все-таки дотащился. Переполз через дворик, у самой двери, цепляясь за стену и упираясь здоровой ногой, кое-как ухитрился подтянуться и встал. Нажал кнопку, в глубине дома зазвенел звонок, и Грей стал ждать — сейчас послышатся шаги.

Никто не шел.

Что-то тут не так. В доме горит свет, должен же там кто-то быть. А тогда почему никто не отзывается?

За спиной еще громче и грозней прежнего шумел лес, и тьма сгущалась. С леденящей злобой свистал и хлестал дождь.

Грей застучал кулаком в дверь, и она, как утром, распахнулась перед ним, дворик залило светом из прихожей.

— Эй, послушайте! — закричал он.— Есть кто дома?

Никакого ответа, ни звука, ни шороха.

Он мучительно напрягся, на одной ноге перепрыгнул через порог и остановился. Позвал еще и еще, но никто не откликался.

Нога подломилась, и он повалился на пол, но, падая, успел вытянуть руки и смягчить удар. Потом медленно, с трудом пополз в сторону гостиной.

Позади раздался какой-то слабый звук. Грей обернулся — входная дверь закрывалась. Закрывалась сама собой, никто ее не трогал. Он смотрел как завороженный. Дверь плотно затворилась. В тишине громко щелкнул замок.

Странно это, смутно подумалось ему. Странно, что дверь отворяется, будто приглашает войти. А когда войдешь, сама преспокойно затворяется.

Но это не важно, Бог с ней, с дверью. Важно, что теперь он в доме, а леденящая ярость бури осталась там, за стенами, во тьме. Его уже обволакивало теплом, он понемногу согревался.

Осторожно, оберегая от толчков больную ногу, он по ковру дополз до кресла. Подтянулся кверху, кое-как повернулся и сел поглубже, откинулся на мягкую спинку, вытянул ногу.

Наконец-то он в безопасности. Теперь ни дождь, ни холод не страшны, а рано или поздно кто-нибудь придет и поможет вправить вывих.

Непонятно, где же все-таки хозяева. Навряд ли в такую погоду бродят под открытым небом. И наверно, они были здесь совсем недавно, ведь свет в окнах вспыхнул, когда уже стемнело и началась буря.

Он сидел не шевелясь, пульсирующая боль в ноге стала глуше, почти отпустила. Как хорошо, что в доме так тихо, так тепло и спокойно!

Он неспешно, внимательно осмотрелся.

В столовой накрыт стол к обеду, от серебряного кофейника идет пар, поблескивают фарфоровая супница и блюдо под крышкой. Доносится запах кофе и какой-то снеди. Но прибор только один, словно обед ждет только одного человека.

За открытой дверью видна другая комната, должно быть кабинет. Висит какая-то картина, под нею — солидный пись-

менный стол. По стенам, от пола до самого потолка, тянутся книжные полки, но они пусты — ни одной книги.

И еще дверь ведет в спальню. Постлана постель, на подушке — сложенная пижама. У изголовья, на ночном столике, горит лампа. Все приготовлено, кажется, постель только и ждет, чтобы кто-то в нее улегся.

Но есть в этом доме что-то непостижимое, какая-то неуловимая странность. Все равно как в судебной практике: попадется иногда такой юридический казус, чувствуешь, что кроется тут какая-то загадочная мелочь, она-то и есть ключ к делу, но она упорно от тебя ускользает.

Он сидел и раздумывал об этом — и вдруг понял.

Этот дом наготове, но он еще ждет. Он словно предвкушает встречу с будущим хозяином. Он обставлен, налажен, все в нем подготовлено. Но здесь еще никто не жил. Нисколько не пахнет жильем, и в самом воздухе смутно ощущается пустота.

Да нет, что за вздор. Конечно же, здесь кто-то живет. Кто-то зажег свет, сготовил обед, поставил на стол один-единственный прибор, кто-то включил лампочку у постели и отогнул край одеяла.

Все это совершенно очевидно, а между тем не верится. Дом упорствует, поневоле ощущаешь, что он пуст.

Грей заметил, что по полу в прихожей и по ковру до самого кресла, где он сидит, тянется мокрый след. И на стене остались грязные отпечатки — он цеплялся за нее, когда пытался прыгать на одной ноге.

Куда же это годится — разводить грязь в чужом доме. Надо будет потолковее все объяснить хозяину.

Он сидел в кресле, дожидался хозяина и клевал носом.

Семьдесят лет, думал он, почти семьдесят, и это — последнее в жизни приключение. Родных никого не осталось, и друзей тоже, один только старик Бен, который умирает медленной, неприглядной смертью в крохотной больничной палате — и все вокруг него чужое и неприглядное.

Вспомнился давний-давний день, когда они познакомились — Бен, молодой профессор астрономии, и он, молодой профессор права. С первой же встречи они стали друзьями, тяжко будет лишиться Бена.

А может быть, он и не так тяжело переживет эту утрату, как пережил бы раньше. Ведь пройдет еще месяц — и сам он переселится в «Лесной приют». Дом престарелых. Хотя теперь

это называется иначе. Придумывают всякие красивые названия, вроде «Лесного приюта», как будто от этого легче.

Впрочем, что за важность. Никого не осталось в живых, кому стало бы горько... кроме него самого, разумеется. А ему уже все равно. Ну, почти все равно.

Он вздрогнул, выпрямился, посмотрел на часы на каминной полке.

Видно, задремал или в полудреме грезил о далеком прошлом. Почти час минул с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы, а в доме он по-прежнему один.

Обед еще стоит на столе, наверное, все уже остыло. Но может быть, кофе еще теплый.

Он подался вперед, опасливо встал на ноги. Вывихнутая щиколотка отозвалась пронзительной болью. Он снова откинулся назад, бессильные слезы проступили на глазах, потекли по щекам.

«Не надо кофе,— подумал он.— Не хочу я кофе. Только бы добраться до постели».

Осторожно он выбрался из кресла и пополз в спальню. Медленно, мучительно изворачиваясь, сбросил промокшую насквозь одежду и влез в пижаму, что лежала на подушке.

К спальне примыкала ванная,— придерживаясь за кровать, потом за спинку стула, потом за туалетный столик, он на одной ноге допрыгал до нее.

Хоть чем-то утолить боль. Вот если бы найти аспирин, все-таки станет полегче.

Он распахнул аптечный шкафчик, но там было пусто.

Немного погодя он опять дотащился до постели, залез под одеяло и погасил лампу на ночном столике.

Он напряженно вытянулся, его трясло — таких усилий стоило забраться в постель. Смутно подумал: что-то будет, когда возвратится хозяин и обнаружит на своем ложе незваного гостя?

А, будь что будет. Теперь уже все равно. Голова тяжелая, мутная, наверно, начинается жар.

Он лежал совсем тихо и ждал, когда же придет сон, тело постепенно осваивалось в непривычной постели.

Он даже не заметил, как огни во всем доме разом погасли.

Когда он проснулся, в окна потоками вливался солнечный свет. Пахло поджаренной ветчиной и закипающим кофе. И громко, настойчиво звонил телефон.

Он сбросил одеяло, подскочил на постели и вдруг вспомнил, что он не у себя, и эта постель — не его, и телефонный звонок никак не может относиться к нему.

На него разом обрушились воспоминания о вчерашнем, и он растерянно сел на край кровати.

Что за притча, еще телефон! Откуда тут телефон? Неоткуда ему взяться в такой глуши.

А телефон все трезвонил.

Ничего, сейчас кто-нибудь подойдет и снимет трубку. Тот, кто там жарит ветчину, возьмет и подойдет. И при этом пройдет мимо отворенной двери, и видно будет, что это за человек, и станет понятно, чей это дом.

Грей встал. Пол холодный, наверно, где-нибудь есть домашние туфли, но неизвестно, где их искать.

Только выйдя в гостиную, он вспомнил, что у него вывихнута нога.

Он в изумлении остановился, поглядел вниз — нога как нога, не красная, не багровая, и опухоли больше нет. А главное, не болит. Можно на нее ступать как ни в чем не бывало.

На столике в прихожей опять призывным звоном залился телефон.

— Черт меня побери,— сказал Фредерик Грей, во все глаза глядя на собственную щиколотку.

Телефон снова заорал на него.

Он кинулся к столику, схватил трубку.

— Слушаю,— сказал он.

— Это доктор Фредерик Грей?

— Совершенно верно. Я Фредерик Грей.

— Надеюсь, вы хорошо выспались.

— Как нельзя лучше. Огромное вам спасибо.

— Ваше платье все промокло и изорвалось. Мы решили, что нет смысла его чинить. Надеюсь, вы не в претензии. Все, что было у вас в карманах, лежит на туалетном столике. В стенном шкафу есть другая одежда, я уверен, она вам подойдет.

— Помилуйте,— сказал Фредерик Грей,— вы так любезны. Но разрешите спросить...

— Отчего же,— заметил голос в трубке.— Но вы лучше поторопитесь. А то завтрак остынет.

И умолк.

— Минуточку! — закричал Грей.— Одну минуточку!..

В ответ слышалось только слабое гудение, линия была свободна.

Он положил трубку на рычаг, прошел в спальню и увидел под кроватью пару шлепанцев.

НАДЕЮСЬ, ВЫ ХОРОШО ВЫСПАЛИСЬ. ВАШЕ ПЛАТЬЕ ПРОМОКЛО, МЫ ЕГО ВЫКИНУЛИ, ВСЕ, ЧТО БЫЛО У ВАС В КАРМАНАХ, МЫ ПОЛОЖИЛИ НА ТУАЛЕТНЫЙ СТОЛИК.

А кто это «мы», интересно знать?

И где они все?

И как же это, пока он спал, ему вылечили ногу?

Все-таки вчера вечером он не ошибся. Дом пуст. Никого нет. И однако он обжитой, а как это получается — непонятно.

Он умылся, но с бритьем возиться не стал, хотя, когда заглянул в шкафчик в ванной, оказалось, что он уже не пустой. Теперь тут были и бритва, и зубная щетка с тюбиком пасты, и щетка для волос, и расческа.

Завтрак был накрыт в столовой, на столе стоял один прибор. Грея ждала яичница с ветчиной, аппетитно поджаренная картошка, томатный сок и кофе.

И никаких признаков того, кто приготовил еду и накрыл на стол.

Быть может, в этом доме о гостях заботится целый штат слуг-невидимок?

И откуда берется электричество? Может быть, тут своя станция? Возможно, берет энергию от водопада? Ну а телефон? Может быть, это какой-нибудь радиофон? Интересно, каков радиофон с виду — такой же, как обыкновенный телефон, или другой? Кажется, ему такую штуку видеть не приходилось.

И кто же все-таки ему звонил?

Он поднялся и оглядел ждущий на столе завтрак.

— Кто бы вы ни были, спасибо вам,— громко сказал он.— Я хотел бы вас увидеть. И чтобы вы со мной поговорили.

Но никто с ним не заговорил.

Он сел и принялся за еду — только после первого глотка он почувствовал, что голоден как волк.

После завтрака он пошел в спальню и достал из стенного шкафа одежду. Не какой-нибудь шикарный модный костюм, но очень подходящий для рыболова.

Когда он переоделся, со стола было уже убрано.

Он вышел из дома — сияло солнце, денек выдался на славу. Видно, буря выдохлась еще ночью.

Что ж, теперь он в полном порядке, и, пожалуй, надо пойти на вчерашнее место, забрать удочку и все, что он оставил у реки. Прочее не так уж важно, но удочка слишком хороша, чтоб от нее отказаться.

Все так и лежало, аккуратно сложенное на берегу. Он нагнулся, подобрал удочку и постоял, глядя на реку.

А почему бы и нет? Возвращаться совсем не к спеху. Раз уж он здесь, можно еще немножко порыбачить. Другого случая не будет. Ведь больше он сюда не приедет.

Он отложил удочку, сел, натянул сапоги. Выбросил из корзинки вчерашний улов и надел перевязь через плечо.

И почему только сегодня утром? Почему только еще один день? В город возвращаться незачем, и можно пока пожить в этом доме. Отчего бы не устроить себе самый настоящий праздник?

Однако быстро же он освоился, с какой легкостью готов воспользоваться случаем! Дом этот — штука загадочная, а впрочем, ничуть не страшная. Да, конечно, он очень странный, но бояться в нем нечего.

Грей шагнул в воду, размахнулся и закинул удочку. С пятой попытки клюнула форель. День начинался недурно.

Не переставая удить, он дошел почти до самого водопада, до того места, где течение набирало силу, и здесь вылез на берег. В корзинке у него было пять рыбин, причем две изрядные.

Можно бы еще половить у стремнины с берега, но, пожалуй, не стоит. Лучше вернуться и как следует осмотреть дом. Непременно надо понять, откуда берется электричество и что это за телефон, и, наверно, еще во многом нужно будет разобраться.

Он глянул на часы — оказалось, уже позже, чем он думал. Он отцепил приманку, смотал леску, сложил удилище и зашагал вниз по тропинке.

К середине дня он закончил осмотр дома.

Ни электрические, ни телефонные провода сюда не подведены, нет и отдельной электростанции. Имеется проводка, но никаких источников электроэнергии. Телефон подсоединен к розетке в прихожей, и еще есть розетки в спальне и в кабинете.

Любопытно и другое: накануне вечером, когда он сидел в гостиной, ему виден был кабинет — картина на стене, и письменный стол, и пустые книжные полки. А сейчас полки уже не пустуют. Они прямо ломятся от книг, причем именно таких, какие он подобрал бы для себя: целая юридическая библиотека, которой позавидовал бы любой практикующий адвокат. И еще ряд полок... сперва он решил, что это какая-то шутка, розыгрыш...

Но потом заглянул в телефонный справочник и понял, что это уже не шутка.

Никогда еще ни один человек не видывал такого справочника. Тут значились имена абонентов и номера телефонов, но адреса охватывали всю Галактику!

БЕСУР, Йар, Мекбуда V — ФЕ 6-87-31.

БЕТЕН, Вармо, Полярная III — ГР 7-32-14.

БЕТО, Элм, Рас Альгете IX — СТ 1-91-86.

Названия звезд и номера планет. Ничего другого это означать не может.

Для шутки уж чересчур бессмысленно и расточительно.

Многое множество звезд названо в телефонной книге, и названия звезд — на переплетах на той полке в кабинете!

Вывод ясен, подумал он уныло, но ведь это ни в какие ворота не лезет, не принимать же это всерьез. Нелепо, смехотворно, никакого смысла тут нет, и даже думать об этом нечего. Наверно, возможны какие-то другие разгадки, и в том числе совсем малоприятная: уж не сошел ли он с ума?

Нельзя ли все же как-нибудь выяснить, в чем дело?

Он захлопнул телефонную книгу, потом раскрыл на первой странице — ага, вот оно: СПРАВКИ. Он снял трубку и набрал номер.

Гудок, другой, потом голос:

— Добрый вечер, доктор Грей. Мы очень рады, что вы позвонили. Надеюсь, все в порядке? У вас есть все, что нужно?

— Вы знаете мое имя,— сказал Грей.— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Сэр,— ответила Справочная,— мы гордимся тем, что нам известны имена всех наших абонентов.

— Но я не ваш абонент. Я только...

— Конечно, вы наш абонент,— возразила Справочная.— С той минуты, как вы вступили во владение домом...

— Как так «во владение»? Я же не...

— Мы полагали, что вы уже поняли, доктор Грей. Нам следовало сказать вам с самого начала. Просим извинить. Видите ли, этот дом ваш.

— Ничего я не понял,— растерянно сказал Грей.

— Дом ваш,— пояснила Справочная,— до тех пор, пока он вам нужен, пока вы хотите там оставаться. И дом, и все, что в нем есть. И вдобавок, разумеется, все, чем еще мы можем быть вам полезны.

— Но это невозможно! Я ничем этого не заслужил. Как же я могу владеть домом, за который ничего не дал?

— А может быть, вы не откажетесь при случае нам немного помочь. То есть это совсем не обязательно и, уж конечно, не слишком трудно. Если вы согласитесь нам помогать, мы будем вам крайне обязаны. Но как бы вы ни решили, дом все равно ваш.

— Помогать? — переспросил Грей.— Боюсь, я мало чем могу вам помочь.

— В сущности, это неважно,— заметила Справочная.— Мы очень рады, что вы позвонили. Вызывайте нас в любую минуту, когда пожелаете.

Щелчок отбоя — и он остался стоять дурак-дураком, сжимая в руке умолкнувшую телефонную трубку.

Он положил трубку, прошел в гостиную и уселся в то самое кресло, в котором сидел накануне вечером, когда впервые попал в этот дом.

Пока он разговаривал по телефону, кто-то (или что-то, или это действовала какая-то непонятная сила) развел в камине огонь, и рядом на медной подставке приготовлены были дрова про запас.

В трубе завывал холодный ветер, а здесь от полена к полену перебегали, разгораясь, трепетные язычки пламени.

Дом престарелых, подумал Грей.

Ведь если он не ослышался, это оно самое и есть.

И это лучше, несравнимо лучше того заведения, куда он собирался раньше.

Невозможно понять, чего ради кто-то вздумал преподнести ему такой подарок. Просто уму непостижимо, чем бы он мог такое заслужить.

Дом престарелых — для него одного, да еще на берегу его любимой речки, где водится форель.

Да, чудесно... если б только можно было это принять.

Он передвинул кресло и повернулся лицом к камину. Он всегда любил смотреть на огонь.

Такой славный дом и такая заботливость, чего ни пожелаешь, все к твоим услугам. Если б только можно было тут остаться.

А в сущности, что мешает? Если он не вернется в город, это никого не огорчит. Через день-другой можно будет съездить в Сосенки, отправить несколько писем, после которых никто не станет его разыскивать.

Да нет, безумие. А вдруг заболеешь? Упадешь, разобьешься? Тогда до врача не добраться и не от кого ждать помощи.

Но вот вчера он искал аспирин, и аспирина не оказалось. И он насилу забрался в постель, нога была вывихнута и вся распухла, а к утру все как рукой сняло.

Нет, можно ни о чем не беспокоиться, даже если и заболеешь.

Аспирина не нашлось, потому что он ни к чему.

Этот дом — не только дом. Не просто четыре стены. Это и пристанище, и слуга, и врач. Надежный, здоровый, безопасный дом, и притом исполненный сочувствия.

Он дает все, что нужно. Исполняет все твои желания. Дает огонь, и пищу, и уют, и сознание, что о тебе заботятся.

И книги. Великое множество книг — именно таких, какие служили ему верой и правдой долгие годы.

Доктор Фредерик Грей, декан юридического факультета. До старости только и знал, что почет и уважение. А теперь стал чересчур стар, жена и сын умерли, и друзья все умерли или уж совсем одряхлели. И ты уже не декан и не ученый, а всего лишь старик, чье имя предано забвению.

Он медленно встал и пошел в кабинет. Поднял руку к полке, провел ладонью по кожаным корешкам.

Вот они, друзья,— друзья, на которых можно положиться. Они-то всегда на месте и только и ждут своего часа.

Он подошел к полкам, которые сначала так его озадачили, показались дикой и неостроумной шуткой. Теперь он знал — это отнюдь не шутка.

Он прочитал несколько названий: «Основы законодательства Арктура XXIV», «Сопоставление правовых понятий в системах Центавра», «Юриспруденция на III, IV и VII планетах Зубенешамале», «Судебная практика на Канопусе XII». И еще

много томов, на чьих переплетах стоят имена странных далеких звезд.

Пожалуй, он не понял бы так быстро, что это за имена, если бы не старый друг Бен. Долгие годы Бен рассказывал ему о своей работе, и многие из этих имен слетали у него с языка с такой легкостью, словно речь шла об улице по соседству, о доме за углом.

В конце концов, может быть, до них и вправду не так уж далеко. Чтобы поговорить с людьми... ну, может быть, не с людьми, но с теми существами, что населяют эти чужие планеты, надо только подойти к телефону и набрать номер.

В телефонной книге — номера, которые соединяют со звездами, и на книжной полке — звездный свод законов.

Быть может, там, в других солнечных системах, нет ничего похожего на телефоны и телефонные справочники; быть может, на других планетах нет правовой литературы. Но у нас на Земле средством общения поневоле должен быть телефон, а источником информации — книги на полках. Значит, все это надо было как-то перевести, втиснуть незнакомое и непривычное в привычные, знакомые формы, чтобы мы могли этим пользоваться. И перевести не только для Земли, но и для неведомых обитателей всех других планет. Быть может, нет и десятка планет, где способы общения одинаковы, но если с любой из них обратятся к нему за советом, какими бы способами ни пользовалось существо с той планеты, здесь все равно зазвонит телефон.

И конечно же, названия этих звезд — тоже перевод. Ведь жители планет, что обращаются вокруг Полярной звезды, не называют свое солнце Полярной звездой. Но здесь, на Земле, другого названия быть не может, иначе людям не понять, что же это за звезда.

И самый язык тоже надо переводить. Существа, с которыми он объяснялся по телефону, уж наверно говорили не по-английски, и однако он слышал английскую речь. И его ответы наверняка доходили до них на каком-то ином, ему неведомом языке.

Поразительно, непостижимо, и как ему только пришло все это в голову? Но ведь выбора нет. Никакого другого объяснения не подберешь.

Где-то раздался громкий звонок, и он отвернулся от книжных полок.

Подождал, не повторится ли звонок, но было тихо.

Грей вышел из кабинета — оказалось, стол накрыт, его ждет обед.

Значит, вот в чем дело, звонок звал к столу.

После обеда он прошел в гостиную, подсел к камину и стал обдумывать всю эту странную историю. С дотошностью старого стряпчего перебрал в уме все факты и свидетельства, тщательно взвесил все возможности.

Он коснулся чуда — самого краешка — и отстранил его, заботливо стер все следы, ибо в его представление об этом доме никак не входили чудеса и не вмещалось никакое волшебство.

Прежде всего возникает вопрос — а может, ему просто мерещится? Происходит все это на самом деле или только в воображении? Быть может, на самом-то деле он сидит где-нибудь под деревом или на берегу реки, что-то бессмысленно лопочет, выцарапывает ногтями на земле какие-то значки, и ему только грезится, будто он живет в этом доме, в этой комнате, греется у этого огня?

Нет, едва ли. Уж очень все вокруг отчетливо и подробно. Воображение лишь бегло набрасывает неясный, расплывчатый фон. А тут слишком много подробностей и никакой расплывчатости, и он волен двигаться и думать, как хочет и о чем хочет; он вполне владеет собой.

Но если ничего не мерещится, если он в здравом уме, значит, и этот дом, и все, что происходит,— чистая правда. А если правда, значит, дом этот построен, образован или создан какими-то силами извне, о которых человечество доныне даже не подозревало.

Зачем это им понадобилось? Чего ради?

Может быть, его взяли как образчик вида, хотят изучить, что это за существо такое — человек? Или рассчитывают как-то им воспользоваться?

А вдруг он не единственный? Может, есть и еще такие, как он? Получили нежданный подарок, но держат язык за зубами из страха, что люди вмешаются и все испортят?

Он медленно поднялся и вышел в прихожую. Взял телефонную книгу, вернулся в гостиную. Подбросил еще полено в камин и уселся в кресло с книгой на коленях.

«Начнем с себя,— подумал он.— Поглядим, числюсь ли я в списках». И без труда отыскал: ГРЕЙ, Фредерик, Гелиос III — СЮ 6-26-49.

Он бегло перелистал страницы, вернулся к началу и стал читать подряд, медленно ведя пальцем сверху вниз по столбцу имен.

Книжка была не толстая, однако немало времени понадобилось, чтобы тщательно ее просмотреть, не пропустить другого землянина. Но другого не нашлось — ни с Земли, ни хотя бы из нашей Солнечной системы. Только он один.

Что же это, одиночество? А может быть, можно чуточку и гордиться? Один-единственный на всю Солнечную систему.

Он отнес справочник в прихожую — на столике, на том самом месте, лежала еще одна книга.

Грей в недоумении уставился на нее — разве их было две? Было всего две с самого начала, а он не заметил?

Он наклонился, вгляделся. Нет, это не список телефонов, а что-то вроде папки с бумагами, и на обложке напечатаны его имя и фамилия.

Он положил справочник и взял папку, она оказалась толстая, тяжелая, в обложке — листы большого формата.

Нет, конечно же, когда он брал телефонный справочник, этой папки здесь не было. Ее положили сюда, как ставили на стол еду, как полки уставили книгами, как повесили в стенной шкаф одежду, которая в точности пришлась ему впору. Это сделала некая непонятная сила, незримая или уж во всяком случае ненавязчивая.

Дистанционное управление? Возможно, где-то существует копия, двойник этого дома, там какие-то силы, вполне зримые и в тех условиях совершенно естественные и обычные, накрывают на стол или вешают одежду — и действия эти мгновенно и точно воспроизводятся здесь?

Если так, значит, покорено не только пространство, но и время. Ведь те, неведомые, не могли знать, какими книгами надо заполнить кабинет, пока в доме не появился жилец. Не могли знать, что сюда забредет именно он, Фредерик Грей, чья специальность — право. Поставили ловушку (гм, ловушку?), но не могли знать заранее, какая попадется дичь.

Каким бы способом ни печатались те книги на полках, на это требовалось время. Надо было подыскать нужную литературу, перевести и подготовить к печати. Неужели возможно так управлять временем, чтобы все вместе взятое — поиски, перевод, подготовка, печать и доставка — уложилось всего-навсего в двадцать четыре земных часа? Неужели можно растя-

нуть время или, напротив, сжать его ради удобства неведомых зодчих, которые возвели этот дом?

Он открыл папку, и ему бросились в глаза строки, крупно напечатанные на первой странице:

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ И ДОКУМЕНТАЦИЯ
Балматан против Мэр Эл
ДЕЛО ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ
ПО ЗАКОНАМ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА
СУДЕЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Ванз КАМИС, Рас Альгете VI
Итэ НОНСКИК, Тубан XXVIII
Фредерик ГРЕЙ, Гелиос III

Он похолодел.

Задрожали руки, и он опустил папку на столик, опустил осторожно, как что-то хрупкое: уронишь — разобьется вдребезги.

Межгалактическое право. Три ученых законоведа, три знатока (?) из трех разных солнечных систем!

А само дело и закон, скорей всего, еще из какой-нибудь четвертой системы.

Немножко помочь, сказал тогда голос по телефону.

Немножко помочь. Вынести приговор согласно законам и судебной процедуре, о которых никогда и не слыхивал!

А другие двое? Они что-нибудь слышали?

Он порывисто наклонился и стал листать телефонный справочник. Вот, нашел: Камис, Ванз. Старательно набрал номер.

— Ванза Камиса сейчас нет,— сказал приятный голос.— Что-нибудь передать?

Ошибся, подумал Грей. Не следовало звонить. Бессмысленный поступок.

— Алло,— сказал приятный голос.— Вы слушаете?

— Да, я слушаю.

— Ванза Камиса нет дома. Что-нибудь передать?

— Нет,— сказал Грей.— Нет, спасибо. Ничего не надо.

Звонить не следовало. Это слабость, малодушие. В такие минуты человек должен полагаться только на себя. И надо быть на высоте. Тут нельзя отмахнуться, не такое положение, чтобы прятаться в кусты.

Он взял куртку и вышел из дома.

Восходила луна, снизу ее золотой диск был иззубрен темными силуэтами сосен, что росли высоко на другом берегу. Где-то в лесу глухо ухала сова, в реке звонко плеснула рыба.

Вот где можно поразмыслить, сказал себе Грей. Он остановился и глубоко вдохнул ночную свежесть. Здесь под ногами родная земля. И думается лучше, чем в доме, который по сути своей продолжение многих других миров.

Он спустился по тропинке на берег, к своему каноэ. Оно было на месте, после вчерашней бури в нем застоялась вода. Грей повернул его набок и вылил воду.

Дело должно рассматриваться по законам межгалактического права, сказано на первой странице. А существует такая штука — межгалактическое право?..

К закону можно подойти по-разному. В нем можно видеть отвлеченную философию или политическую теорию, историю нравственности, общественную систему или свод правил. Но как бы его ни понимать, как бы ни изучать, какую бы сторону ни подчеркивать, его основная задача — установить какие-то рамки, помогающие разрешить любой возникший в обществе конфликт.

Закон не есть что-то мертвое, неподвижное, он непременно развивается. Каким бы медлительным это развитие ни было, оно следует за движением общества, которому служит закон.

Грей невесело усмехнулся, глядя в полутьме на вспененную реку; вспомнилось, как он годами на лекциях и семинарах вколачивал эту мысль в головы слушателей.

На какой-то одной планете, если налицо время, терпение и неспешный ход развития, закон можно привести в полное соответствие со всеми общепринятыми понятиями и со всей системой знаний общества в целом.

Но возможно ли сделать логику закона столь гибкой и всеобъемлющей, чтобы она охватила не одну, а множество планет? Существует ли где-нибудь основа для такого понимания законности, которое оказалось бы применимо ко всему обществу в самом широком, вселенском смысле слова?

Да, пожалуй. Если налицо мудрость и труд, проблеск надежды есть...

А если так, то он, Грей, может помочь, вернее, могут пригодиться земные законы. Нет, Земле незачем стыдиться того, чем она располагает. Человеческий разум всегда тяготел к закону. Более пяти тысячелетий человечество старалось опирать-

ся на закон, и это привело к развитию права — вернее, ко многим путям развития. Но найдутся в земном праве две-три статьи, которые смело можно включить во всеобщий, межгалактический свод законов.

Химия — одна для всей вселенной, и поэтому некоторые полагают, что биохимия тоже одна.

Те двое, жители двух других планет, названные вместе с ним как судьи, которым надлежит разобраться в спорном деле, скорее всего, не люди и даже не похожи на людей. Но при общем обмене веществ они в главном должны быть сродни человеку. Наверно, это жизнь, возникшая из протоплазмы. Наверно, для дыхания им нужен кислород. Наверно, в их организме многое определяется нуклеиновыми кислотами. И разум их, как бы он ни отличался от человеческого, возник на той же основе, что и разум человека, и работает примерно так же.

А если химия и биохимия общие для всех, отчего бы не существовать мышлению, которое придет к общему понятию о правосудии?

Быть может, еще не сейчас. Но через десять тысяч лет. Пусть через миллион лет.

Он снова двинулся в гору, давно уже его походка не была такой легкой, а будущее не казалось таким светлым — не только его будущее, но будущее всего сущего.

Многие годы он именно этому учил и за это ратовал: за надежду, что настанет время, когда в законе и праве воплотится великая, непреложная истина.

Да, становится теплей на сердце, когда знаешь, что и другие чувствуют так же и работают ради той же цели.

Никакой здесь не дом престарелых, и это чудесно. Ведь дом престарелых — тупик, а это — великолепное начало.

Немного погодя зазвонит телефон и его спросят, согласен ли он помочь.

Но вовсе незачем ждать звонка. Надо работать, работы по горло. Надо прочесть дело в папке, и основательно разобраться в сводах чужих законов, и разыскать по ссылкам все источники и прецеденты, и думать, думать.

Он вошел в дом, захлопнул дверь. Повесил куртку и кепку. Взял папку, прошел в кабинет, положил ее на письменный стол.

Открыл ящик, достал блокнот, карандаши, удобно разложил все под рукой.

Сел и вплотную занялся межзвездным правом.

1

Была пора, когда варят яблоки впрок, когда цветут золотые шары и набухают бутоны дикой астры, и в эту-то пору шли по тропе двое детей. Когда она приметила их из окна кухни, то на первый взгляд показалось — дети как дети, возвращаются домой из школы, у каждого в руке сумка, а в ней, понятно, учебники. Будто Чарлз и Джеймс, подумала она, будто Алис и Магги, да только давно минуло то время, когда эта четверка шагала по тропинке в школу. Теперь у них свои дети в школу ходят.

Она повернулась к плите помешать яблоки — вон на столе ждет широкогорлая банка,— потом снова выглянула в окно. Они уже ближе, и видно: мальчик постарше, лет десять ему, девочке-то никак не больше восьми.

Может, мимо? Да нет, не похоже, ведь тропа сюда приведет, куда еще по ней попадешь?

Не дойдя до сарая, они свернули с тропы и деловито зашагали по дорожке к дому. Ведь как идут, не задумываются, точно знают, куда идти.

Прямо к крыльцу подошли, и она вышла на порог, а они смотрели на нее снизу, с первой ступеньки.

Мальчик заговорил:

— Вы наша бабушка. Папа велел первым делом сказать, что вы наша бабушка.

— Но ведь это...— Она осеклась.

Она хотела сказать, что это невозможно, она не может быть их бабушкой. Но, посмотрев вниз, на сосредоточенные детские лица, обрадовалась, что не произнесла этих слов.

— Меня звать Элен,— тоненьким голоском сказала девочка.

© Перевод И. Можейко.

— А меня Пол,— сказал мальчик.

Она отворила затянутую сеткой дверь, дети вошли в кухню и примолкли, озираясь по сторонам, будто в жизни не видели кухни.

— Все как папа говорил,— сказала Элен.— Плита вот, и маслобойка, и...

— Наша фамилия Форбс,— перебил ее мальчик.

Тут женщина не выдержала.

— Но это невозможно,— возразила она.— Это же наша фамилия.

Мальчик важно кивнул:

— Ага, мы знаем.

— Вы, наверно, хотите молока и печенья,— сказала женщина.

— Печенья! — радостно взвизгнула Элен.

— Мы не хотим причинять вам хлопот,— сказал мальчик.— Папа говорил, чтобы мы не причиняли хлопот.

— Он сказал, чтобы мы постарались быть хорошими детьми,— пропищала Элен.

— Я уверена, вы постараетесь,— отозвалась женщина.— Какие уж тут хлопоты!

Ничего, подумала она, сейчас разберемся, в чем дело.

Она подошла к плите и отставила кастрюлю с яблоками в сторонку, чтобы не пригорели.

— Садитесь-ка за стол,— сказала она.— Я принесу молока и печенья.

Она взглянула на часы, тикающие на полке: скоро четыре. Вот-вот мужчины придут с поля. Джексон Форбс сообразит, как тут быть, уж он всегда найдется.

Дети вскарабкались каждый на свой стул и с важным видом смотрели вокруг — на тикающие часы, на плиту с алым отсветом в поддувале, на дрова в дровяном ящике, на маслобойку, стоящую в углу.

Сумки они поставили на пол рядом с собой. Странные сумки. Из толстого материала, может, брезента, но ни завязок на них, ни застежек. Да, без завязок и застежек, а все равно закрыты.

— У вас есть марки? — спросила Элен.

— Марки? — удивилась миссис Форбс.

— Не слушайте ее,— сказал Пол.— Ей же не велели спрашивать. Она всех спрашивает, и мама ей не велела.

— А что за марки?

— Она их собирает. Ходит, таскает чужие письма. Только чтобы марки добыть, на конверте которые.

— Ладно уж, поглядим,— сказала миссис Форбс.— Как знать, может, найдутся старые письма. Потом и поищем.

Она пошла в кладовку, взяла глиняный кувшин с молоком, положила на тарелку печенья из банки. Они степенно сидели на месте, дожидаясь печенья.

— Мы ведь ненадолго,— сказал Пол.— Как бы на каникулы. А потом родители придут за нами, заберут нас обратно.

Элен усердно закивала.

— Они нам так сказали, когда мы уходили. Когда я испугалась, не хотела уходить.

— Ты боялась уходить?

— Да. Почему-то вдруг понадобилось уйти.

— Времени было совсем мало,— пояснил Пол.— Все спешили. Скорей, скорей уходить.

— А откуда вы? — спросила миссис Форбс.

— Тут совсем недалеко,— ответил мальчик.— Мы шли недолго, и ведь у нас карта была. Папа дал нам карту и все как следует рассказал...

— Вы уверены, что ваша фамилия Форбс?

Элен кивнула:

— Ну да, как же еще?

— Странно,— сказала миссис Форбс.

Мало сказать странно, во всей округе нет больше никаких Форбсов, кроме ее детей и внуков. Да еще этих детей, но онито чужие, что бы сами ни говорили.

Они занялись молоком и печеньем, а она вернулась к плите, снова поставила на огонь кастрюлю с яблоками и помешала их деревянной ложкой.

— А где дедушка? — спросила Элен.

— Дедушка в поле. Он скоро придет. Вы управились с печеньем?

— Все съели,— ответила девочка.

— Тогда давайте накроем на стол и согреем обед. Вы мне не пособите?

Элен соскочила со стула на пол.

— Я помогу,— сказала она.

— И я,— подхватил Пол.— Пойду дров принесу. Папа сказал, чтобы я не ленился. Сказал, чтобы я носил дрова, и кормил цыплят, и собирал яйца, и...

— Пол,— перебила его миссис Форбс,— скажи-ка мне лучше, чем занят твой папа.

— Папа — инженер, он служит в управлении времени,— ответил мальчик.

2

Два батрака за кухонным столом склонились над шашечной доской. Старики сидели в горнице.

— В жизни не видела ничего похожего,— сказала миссис Форбс.— Такая металлическая штучка, берешься за нее, тянешь, она скользит по железной дорожке, и сумка открывается. Тянешь обратно — закрывается.

— Новинка, не иначе,— отозвался Джексон Форбс.— Мало ли новинок не доходит до нас тут, в нашей глуши. Эти изобретатели — башковитый народ, чего только не придумают.

— И точно такая штука у мальчика на штанах,— продолжала она.— Я подняла их с пола, где он их бросил, когда спать ложился, взяла и положила на стул. Гляжу — железная дорожка, по краям зубчики. Да и сама одежда-то — у мальчика штаны обрезаны выше колен, и платье у девочки уж такое короткое...

— Про самолеты какие-то говорили,— задумчиво произнес Джексон Форбс,— не про те, которые мы знаем, а другие, будто люди на них едут. И про ракеты, опять же не для лапты, а будто в воздухе летают.

— И расспрашивать как-то боязно,— сказала миссис Форбс.— Они... не такие какие-то, вот чувствую, а назвать не могу.

Муж кивнул.

— И словно напуганы чем-то.

— И тебе боязно, Джексон?

— Не знаю,— ответил он.— Да ведь нету других Форбсов. То есть по соседству-то нету. До Чарли пять миль как-никак. А они говорят, совсем немного прошли.

— Ну и что ты думаешь? — спросила она.— Что мы можем тут сделать?

— Хотел бы я знать,— сказал он.— Может, поехать в поселок, потолковать с шерифом? Кто знает, вдруг они потерялись, дети эти? А кто-нибудь их ищет.

— По ним вовсе и не скажешь, что потерялись,— возразила она.— Они знали, куда идут. Знали, что мы тут. Сказали мне, что я их бабушка, про тебя спросили, назвали тебя де-

душкой. И все будто так и надо. Будто и не чужие. Им про нас рассказали. Как бы на каникулы, видишь ли. Так и держатся. Словно в гости зашли.

— Ну вот что,— сказал Джексон Форбс,— запрягу-ка я Нелли после завтрака, поеду по соседям, поспрошаю. Смотришь, от кого-нибудь что-то и узнаю.

— Мальчик говорит, отец у него инженер в управлении времени. Вот и разберись. Управление — это же власти какие-то, как я понимаю...

— А может, шутка? — предположил муж.— Отец просто пошутил, а мальчонка за правду принял.

— Пойду-ка я наверх да погляжу, спят ли они,— сказала миссис Форбс.— Лампы-то я им оставила. Вон они какие маленькие, и дом чужой для них. Коли уснули, задую лампы.

Джексон Форбс одобрительно кашлянул.

— Опасно на ночь огонь оставлять,— заметил он.— А ну как пожар займется.

3

Мальчуган спал, раскинув руки, спал глубоким, здоровым сном юности. Раздеваясь перед сном, он бросил всю одежду на пол, но теперь все опрятно лежало на стуле — она сложила, когда приходила пожелать ему спокойной ночи.

Сумка стояла рядом со стулом, открытая, и два ряда железных зубчиков слабо поблескивали в тусклом свете лампы. И в ней что-то лежало — кое-как, в полном беспорядке. Разве так вещи складывают?

Она наклонилась, подняла сумку и взялась за металлическую скобочку, чтобы закрыть. Уж во всяком случае, сказала она себе, мог бы закрыть, не бросать так, открытой. Потянула скобочку, и та легко заскользила по дорожке, пока не уперлась во что-то, торчащее наружу.

Книга... Она взялась за нее, хотела засунуть поглубже, чтоб не мешала. И тут увидела название — стершиеся золотые буквы на корешке. Библия.

Она помедлила, держа книгу на весу, потом осторожно вынула ее. Переплет из дорогой черной кожи, потертый, старинный. Уголки помяты, погнуты, страницы тоже стертые от долгого употребления. Золотой обрез потемнел.

Она нерешительно раскрыла книгу и на самом первом листе увидела старую, выцветшую надпись:

«Сестре Элен от Амелии
30 октября 1896 года.
С самыми добрыми пожеланиями».

У нее подкосились колени, она мягко села на пол и, притулившись подле стула, прочла еще раз.

Тридцатое октября 1896 года — ну да, ее день рождения, но ведь он еще не настал, еще только начало сентября 1896 года.

А сама Библия — да сколько ей лет? Сто, наверное, а то и больше будет.

Библия — как раз то, что подарила бы ей Амелия. Но подарка-то еще нет, да и не может быть, до числа, которое написано на листе, целый месяц.

Вот и ясно, такого не может быть. Просто глупая шутка какая-то. Или ошибка. А может, совпадение? Где-то еще есть женщина, которую звать Элен, и у нее тоже есть сестра по имени Амелия, а число — что ж, ошибся кто-то, не тот год написал. Будто люди не ошибаются.

И все-таки она недоумевала. Они сказали, что их фамилия Форбс, и пришли прямо сюда, и Пол говорил про какую-то карту, по которой они нашли дорогу.

Может, в сумке еще что-то такое есть? Она поглядела на нее и покачала головой. Нет, не годится выведывать. И Библию-то она зря достала.

Тридцатого октября ей будет пятьдесят девять лет — старая женщина, жена фермера, сыновья женаты, дочери замужем, под воскресенье и на праздники внуки приезжают погостить. И сестра Амелия есть, которая в этом, 1896 году подарит ей на день рождения Библию.

Дрожащими руками она подняла Библию и положила обратно в сумку. «Спущусь вниз, Джексону расскажу. Пусть-ка поразмыслит, может, что и надумает».

Она засунула книгу на место, потянула за железку, и сумка закрылась. Поставила ее на пол, поглядела на мальчугана на кровати. Он крепко спал, и она задула лампу.

В комнате рядом спала крошка Элен, лежа по-детски, ничком. Маленький огонек над прикрученным фитилем трепетал от легкого ветерка, который струился из открытого окна.

Сумка Элен была закрыта и бережно прислонена к ножке стула. Женщина задержала на ней взгляд, потом решительно двинулась к столику, на котором стояла лампа.

Дети спят, все в порядке, сейчас она задует лампу и пойдет вниз, поговорит с Джексоном, и, может, ему вовсе незачем будет утром запрягать Нелли и объезжать соседей с расспросами.

Наклоняясь над лампой, она вдруг заметила на столе конверт с двумя большими многокрасочными марками в правом верхнем углу.

«Какие красивые марки, никогда таких не видела». Она нагнулась еще больше, чтобы лучше их разглядеть, и прочла название страны: Израиль. Но ведь нет на свете такого места. Это библейское имя, а страны такой нет. Раз нет страны, откуда марки?

Она взяла конверт в руки, еще раз посмотрела на марки, проверяя. Очень красивые марки!

Пол говорил, она их собирает. Таскает чужие письма.

На конверте была печать, и число должно быть, но проштемпелевано наспех, все смазано, не разобрать.

Из-под рваного края конверта, там, где вскрывали, самую малость выглядывал краешек письма, и она поспешно извлекла его; от волнения трудно дышать, и холодок сжал сердце...

Это был конец письма, последняя страница, и буквы не писаные, а печатные, почти как в газете или книге.

Не иначе, опять какая-нибудь новомодная штука, из тех, что стоят в учреждениях в большом городе. Где-то она про них читала — пишущие машинки, что ли?

«...не думаю, — читала она, — *чтобы из твоего плана что-нибудь вышло. Не успеем. Враг осадил нас, нам просто не хватает времени.*

И даже если бы хватило, надо еще продумать этическую сторону. По совести говоря, какое у нас право лезть в прошлое и вмешиваться в дела людей, которые жили сто лет назад? Только представь себе, чем это будет для них, для их психологии, для всей их жизни!

А если ты все-таки решишь послать хотя бы детей, подумай, какое смятение ты внесешь в души этих двух добрых людей, когда они поймут, в чем дело. Они живут в своем тихом мирке, спокойном, здоровом мирке. Веяние нашего безумного века разрушит все, чем они живут, во что верят.

Боюсь, ты меня все равно не послушаешь. Я сделал то, о чем ты просил. Написал тебе все, что знаю о наших предках на

этой ферме в Висконсине. Как историк нашего рода я уверен в достоверности всех фактов. Поступай как знаешь, и пусть Бог нас милует.

Твой любящий брат Джексон.

P. S. Кстати, если ты все-таки отправишь туда детей, пошли с ними хорошую дозу нового противоракового средства. Прапрапрабабушка Форбс умерла в 1904 году, насколько я понимаю, от рака. С этими таблетками она сможет прожить лишних десять—двадцать лет. И ведь это ничего не значит для нашего сумбурного будущего, верно? Что выйдет, не знаю. Может быть, это спасет нас. Может, ускорит нашу погибель. Может, никак не повлияет. Сам разбирайся.

Если я успею все здесь закончить и выберусь отсюда, я буду с тобой, когда придет конец».

Она машинально сунула письмо обратно в конверт и положила его на стол рядом с мигающей лампой. Медленно подошла к окну и посмотрела на пустынную тропинку.

Они придут за нами, сказал Пол. Придут ли? Смогут ли?

Хоть бы им это удалось. Бедные люди, бедные, испуганные дети, запертые в западне будущего.

Кровь от моей крови, плоть от плоти, и столько лет нас разделяет. Пусть они далеко, все равно моя плоть и кровь. Не только эти двое, что спят под моей крышей сегодня ночью, но и те, которые остались там.

В письме написано — 1904 год, рак. До тех пор еще восемь лет, она будет совсем старуха. И подпись — Джексон. Уж не Джексон ли Форбс? Может, имя из поколения в поколение передавалось?

Она словно окаменела. После придет страх. После она будет не рада, что прочла это письмо. Не рада, что знает.

А теперь надо идти вниз и как-то все объяснить Джексону.

Она прошла к столу, задула лампу и вышла из комнаты.

Чей-то голос раздался за ее спиной:

— Бабушка, это ты?

— Да, Пол,— ответила она.— Что тебе?

Стоя на пороге, она увидела, как он, освещенный полоской лунного света из окна, присел подле стула и что-то ищет в сумке.

— Я забыл. Папа велел мне, как приду, сразу отдать тебе одну вещь.

Уиллоу-Бенд, Висконсин,
23 июня 1966 года
Доктору Уаймену Джексону,
колледж Вайалусинг,
Маскода, Висконсин

Мой дорогой доктор Джексон!

Я пишу вам, поскольку не знаю больше никого, кому мог бы это рассказать и кто сумел бы понять. Мне известно ваше имя, потому что я несколько раз прочитал вашу книгу «Динозавры мелового периода». Я пытался убедить Денниса прочитать ее, но, боюсь, он так и не послушал меня. Денниса всегда интересовали лишь математические аспекты времени, а не машина времени сама по себе. К тому же Деннис не любит читать. Для него это слишком трудное дело.

Быть может, для начала следует рассказать вам, что меня зовут Элтон Джеймс. Я живу с моей овдовевшей матерью и имею мастерскую, где чиню велосипеды, газонокосилки, радиоприемники и телевизоры — короче говоря, все, что мне приносят. Больше я ничего делать не умею, но так уж получилось, что я понимаю, как работают разные приборы и устройства, и сразу вижу, какую неполадку нужно устранить, чтобы они снова начали функционировать. Я никогда и нигде этому не учился, просто от природы наделен умением обращаться с механическими приспособлениями.

Деннис мой друг, но я сразу же должен предупредить, что он человек странный. Он вообще ничего ни о чем не знает, но совершенно помешан на математике. Люди в нашем городке посмеиваются над ним из-за его странностей, а ма ужасно

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

меня ругает за нашу дружбу. Она утверждает, что Деннис ничем не отличается от деревенского дурачка. Боюсь, многие думают так же, как ма, но они не совсем правы, ведь Деннис здорово разбирается в своей математике.

Я не понимаю, как ему это удается. Я точно знаю, что он не мог научиться математике в школе. Когда ему исполнилось семнадцать и он не сумел продвинуться дальше восьмого класса, ему предложили уйти из школы. Впрочем, если честно, он и за восемь классов мало что узнал: учителям надоедало видеть его в одном и том же классе, и они переводили его в следующий. Время от времени поговаривали о том, чтобы отправить Денниса в специальную школу, но эти разговоры так ничем и не закончились.

Только не спрашивайте меня, в математике какого рода он разбирается. В свое время я пытался читать математические книги, поскольку, взглянув на странные значки, которыми Деннис заполнял бумагу, я решил, что он разбирается в математике, как никто на свете. И я продолжаю так считать, но не исключено, что он изобрел какую-то совершенно новую математику. Дело в том, что ни в одной из книг мне не удалось найти символов, которые применял Деннис. Возможно, Деннис придумывал удобные для себя символы прямо по ходу дела, ведь никто не объяснял ему, чем пользуются обычные математики. Впрочем, я так не думаю: мне кажется, что обозначения пришли к Деннису вместе с новой математикой.

Прежде я пытался говорить с ним об этой математике, и всякий раз он ужасно удивлялся, что я ничего о ней не знаю. Мне кажется, он думал, что все люди владеют той математикой. Он постоянно повторял, что это просто и ясно, как день. Так уж *устроен мир — и все.*

Наверное, вы хотите спросить у меня, как мне удалось разобраться в его уравнениях настолько, чтобы построить машину времени. Так вот, я в них и не разобрался. Вероятно, мы с Деннисом во многих отношениях похожи, но я умею заставить работать разные устройства (не зная принципов их действия), а Деннис видит вселенную как нечто механическое (хотя с трудом может прочитать страницу обычного текста).

И еще одно. Наши с Деннисом родители жили в одном районе, и мы играли вместе с тех самых пор, как научились ходить. Позднее мы старались держаться друг друга. У нас не

было выбора. Почему-то другие дети не хотели брать нас в свою компанию. И, чтобы не остаться в полном одиночестве, мы подружились. Вот почему мы научились так хорошо друг друга понимать.

Наверное, никакой машины времени и не возникло бы, если бы я не заинтересовался палеонтологией. Не стану утверждать, что я стал настоящим специалистом, мне просто было интересно. В детстве я читал все подряд про динозавров, саблезубых тигров и подобных им существ. Позднее я отправился в горы, чтобы отыскать окаменелости, но мне никогда не удавалось найти что-нибудь действительно интересное. Главным образом мне попадались древние моллюски. Их очень много в известняках Плэтвилла. Множество раз я стоял на улице, глядя на отвесные берега реки, начинавшиеся за городом, и пытался представить себе, как здесь все было миллион лет назад или сто миллионов. Как только я в первый раз прочитал про машину времени, мне сразу же захотелось ее иметь. Некоторое время я даже размышлял о том, чтобы ее построить, но очень скоро понял, что мне это не по силам.

Деннис имел обыкновение приходить ко мне в мастерскую поболтать, но в основном он разговаривал сам с собой. Теперь я уже не помню, как все началось, но в какой-то момент Деннис вдруг заговорил только о времени. Однажды он сказал мне, что ему удалось понять все, кроме времени, но теперь до него начинает доходить его смысл, и он видит время в черных и белых тонах, как и все остальное.

По большей части я не обращал внимания на то, что он болтает, поскольку не понимал смысла его слов. Но после того, как он в течение двух недель рассуждал только о времени, я начал к нему прислушиваться. Не ждите, что я расскажу вам о том, что говорил Деннис или что он имел в виду,— для этого следовало прожить с ним бок о бок более двадцати лет. Тут дело не в том, чтобы понять, *что* Деннис говорил,— важно понимать *самого* Денниса.

Не думаю, что мы и впрямь принимали такое решение — построить машину времени. Идея проросла сама. Прошло несколько недель, прежде чем мы получили какие-то позитивные результаты — во всяком случае, Деннис назвал их именно так. Что касается меня, я ничего не понимал. Я лишь знал, что Деннис хочет, чтобы некое устройство работало определенным

образом, и я пытался заставить его нам подчиниться. Иногда, даже в тех случаях, когда все срабатывало так, как он хотел, оказывалось, что мы ошиблись. Тогда мы начинали все с самого начала.

Наконец у нас появилась работающая модель машины времени, и мы взяли ее собой на высокий берег в нескольких милях вверх по реке, где всегда пустынно. Я соорудил таймер, который должен был включить машину на две минуты, а потом реверсировать поле и отправить ее обратно домой.

Мы установили кинокамеру внутри корпуса машины и включили ее, после чего я нажал на рубильник.

Честно говоря, я не был уверен, что машина сработает, но все получилось так, как мы рассчитывали. На две минуты машина исчезла, а потом вернулась обратно к нам.

Когда мы проявили пленку, то сразу же поняли, что камера совершила путешествие в прошлое. Сначала камера сняла нас обоих возле машины. Затем изображение на несколько мгновений исчезло, а на следующих кадрах возник мастодонт, шагающий прямо на камеру. Через секунду он поднял хобот, затрубил, резко развернулся и помчался куда-то с поразительной быстротой.

Периодически он поворачивал голову назад. Вероятно, его ужасно напугала наша машина времени, которая неожиданно возникла перед ним.

Нам просто повезло, вот и все. Мы могли бы послать эту камеру еще тысячу раз, но так и не заснять мастодонта, а увидеть лишь пустынный берег реки. Впрочем, мы бы все равно узнали, что переместились во времени, ведь ландшафт изменился, хотя и не слишком сильно. Конечно, по ландшафту трудно определить, вернулся ты назад на сто лет или на тысячу. Но после того как мы увидели мастодонта, мы поняли, что наша машина времени преодолела десять тысяч лет.

Я не стану докучать вам рассказом о том, как нам удалось решить множество проблем, возникших при изготовлении второй модели, или как Деннис сумел изобрести счетчик времени, который позволял посылать машину в определенное время. Это не имеет значения. Важно то, что я обнаружил, когда вернулся в прошлое.

Я уже писал, что читал вашу книгу о динозаврах мелового периода. Мне понравилась вся книга, но более всего заинтри-

говала последняя глава, в которой говорилось о том, как динозавры вымерли. Множество раз я лежал по ночам без сна, размышляя о теориях, описанных вами в книге, и пытаясь представить себе, как это могло произойти на самом деле.

Вот почему я твердо знал, куда нам следует направиться, как только машина будет построена.

Деннис не стал со мной спорить. По правде говоря, он решил не сопровождать меня в прошлое. Его это больше не интересовало. На самом деле идея машины времени с самого начала его не слишком занимала. Он лишь хотел получить подтверждение своим математическим выкладкам. И как только машина была готова, он потерял к ней всяческий интерес.

Должен признаться, что меня беспокоило одно очень серьезное соображение: за такой огромный период времени поверхность земли могла подняться или, наоборот, слишком сильно опуститься. Я знал, что территории вокруг Уиллоу-Бенд оставались стабильными в течение миллионов лет. Во время мелового периода море вторглось на континент, но не добралось до Висконсина, и геологи утверждают, что никаких серьезных изменений рельефа в нашем штате не было. Однако я продолжал беспокоиться. Мне совсем не хотелось попасть в позднюю часть мелового периода и оказаться вместе с машиной внутри скалы или на высоте в дюжину футов над землей.

Поэтому я достал прочные стальные трубы и забил их на глубину шести футов на высоком берегу реки, на котором мы проводили испытания в первый раз, так что еще десять футов торчали над поверхностью земли. Наверху я соорудил платформу, где установил машину, и небольшую лестницу, а затем мы все рассчитали так, чтобы трубы также оказались в поле машины времени. Однажды утром я собрал себе завтрак и наполнил флягу водой. Отыскал старый бинокль, который принадлежал отцу, и стал размышлять о том, стоит ли брать с собой ружье. У меня был лишь дробовик, и я решил оставить его дома. Конечно, я мог бы одолжить ружье, но мне не хотелось. Я старался держать в тайне свое предприятие, и в мои планы не входило, чтобы по нашему городку поползли слухи.

Я поднялся на высокий берег, взобрался на помост, установил счетчик времени на 63 миллиона лет назад и включил машину. Я не стал устраивать никаких церемоний. Просто включил машину и отправился в далекое прошлое.

Я уже писал о небольшом затемнении на пленке — наверное, это лучший способ описать мои ощущения. Перед глазами у меня потемнело, что-то сверкнуло. А потом вновь вспыхнул солнечный свет, и я оказался на высоком берегу, а передо мной расстилалась долина.

Вот только никакой реки больше не было, я находился на вершине высокого холма. Да и долина изменилась. Теперь вокруг раскинулась огромная зеленая равнина, и лишь довольно далеко в стороне лениво катила свои воды широкая река. На западе я увидел, как солнце отражается в воде большого озера или моря. Но море, насколько мне известно, не должно было продвинуться так далеко. Однако огромная масса воды добралась до Висконсина — я так и не выяснил, море это было или озеро.

И еще кое-что. Я посмотрел вниз и увидел, что до земли всего три фута. Как я обрадовался, что не поленился установить трубы!

Оглядывая долину, я заметил какое-то движение, но на таком большом расстоянии не сумел понять, что это такое. Тогда я взял бинокль, соскочил на землю и зашагал вниз по склону.

Усевшись на землю, я устроился поудобнее, поднес к глазам бинокль и принялся изучать долину.

Там были динозавры, их оказалось гораздо больше, чем я предполагал. Они куда-то перемещались стадами. К моему удивлению, ни один из них даже не пытался что-нибудь съесть. Все находились в движении, и мне показалось, что динозавры чего-то боятся. Впрочем, сказал я себе, возможно, такое поведение для них характерно.

Все они находились довольно далеко, и даже в бинокль я мог разглядеть только некоторых из них. Я заметил несколько групп утконосов, которые шли вразвалочку, смешно подергивая головами. Рядом обнаружил небольшое стадо тесцелозавров — они шагали, наклонив вперед тело. Тут и там были маленькие группы трицератопсов. Но самым необычным мне показалось большое стадо бронтозавров, испуганно и осторожно бежавших прочь, словно у них болели ноги. И еще меня удивило то, что они находились так далеко от воды, а в вашей книге я читал, что они никогда не удалялись от водопоя на значительные расстояния.

И еще здесь было полно существ, совсем не похожих на те, что я видел на картинках в книгах.

У меня появилось странное чувство. Неужели, размышлял я, мне довелось присутствовать при великой миграции, когда динозавры решили изменить место обитания?

Я так заинтересовался происходящим, что перестал соблюдать осторожность и совершил серьезную ошибку. Ведь я находился в другом мире, полном неизвестных опасностей. Мне следовало оставаться настороже, но я спокойно сидел, не отрываясь от бинокля, словно не покидал родного дома.

Неожиданно послышался тяжелый топот, который стремительно приближался ко мне сзади. У меня возникло ощущение, будто кто-то включил копер. Я уронил бинокль и обернулся, и в этот момент мимо меня, на расстоянии никак не больше трех футов, так близко, что едва меня не задело, пронеслось нечто большое и высокое. Я лишь понял, что оно было огромным, серым и чешуйчатым.

Затем, когда существо устремилось вниз по склону, я сумел его разглядеть как следует, и внутри у меня все похолодело. Меня только что чуть не раздавил самый крупный из этих парней — тираннозавр.

Две огромные задние ноги работали как пара мощных поршней, солнечный свет сверкал на кривых страшных когтях. Мощный хвост находился совсем близко от земли, но показался мне весьма подвижным. Чудовищная голова болталась из стороны в сторону, и я даже сумел разглядеть ряды огромных зубов и почувствовать слабый отвратительный запах — наверное, он недавно откушал падали. Но самым большим сюрпризом оказалась небольшая бородка, свисавшая под его челюстью и мерцавшая всеми цветами радуги — красное и зеленое, золотое и пурпурное, причем цвета менялись, когда он поворачивал голову.

Я наблюдал за ним не более секунды, а потом вскочил и устремился к машине времени. Меня охватил ужас. Должен признаться, я был сыт динозаврами до конца жизни.

Но мне не удалось добраться до машины.

На гребне холма появилось нечто новое. Я говорю «нечто», поскольку я не знал, с кем мне пришлось столкнуться. Не такое большое, как тираннозавр, но в десять раз страшнее.

Оно было длинным и гибким, обладало множеством ног, возвышалось над землей футов на шесть и имело омерзительный розовый цвет. Представьте себе гусеницу и увеличивайте ее до тех пор, пока она не станет шести футов ростом, а затем приделайте ей длинные ноги, чтобы она могла бегать, а не ползать, и увенчайте это чудовищное создание посмертной маской дракона — быть может, вы получите отдаленное представление о существе, которое предстало моим глазам. Весьма отдаленное.

Страшилище увидело меня, повернуло в мою сторону голову и издало нетерпеливый скулящий звук, после чего побежало ко мне как-то боком — кажется, так бегают бешеные собаки.

Бросив на него один-единственный взгляд, я так быстро развернулся, что потерял кепку. В следующее мгновение я уже мчался вниз по склону вслед за стариной тираннозавром.

Теперь я видел, что не только мы с тираннозавром бежим по склону. Со всех сторон вниз неслись многочисленные существа, небольшими группами или стадами, хотя среди них попадались и одиночки.

К сожалению, не могу их назвать, поскольку в тот момент перестал быть свидетелем, достойным доверия. Я мчался, спасая собственную жизнь, словно меня по пятам преследовал лесной пожар.

Пару раз я оглянулся назад, но гибкое чудовище не отставало. Ему не удавалось сократить расстояние между нами, хотя меня не покидало ощущение, что ему ничего не стоит это сделать — нужно только захотеть. У меня даже сложилось впечатление, что диковинное существо преследовало не только меня. Оно как-то странно виляло из стороны в сторону и больше всего напоминало верного фермерского пса, загоняющего стадо в нужном направлении.

Как только эта мысль пришла мне в голову, я понял, что так и есть: верный старый пес загоняет стадо разных динозавров и одного невесть как попавшего сюда человека. У подножия холма я вновь обернулся, и теперь, когда мне удалось разглядеть весь склон, я увидел, что скота больше, чем я себе представлял. Весь холм был усеян фигурками бегущих животных, а за ними следовало полдюжины розовых собак.

Внезапно мне стало ясно, что с вершины холма я наблюдал вовсе не за миграцией динозавров. Их куда-то загоняли, чья-то воля направляла всех этих рептилий и динозавров к какому-то центру.

Я понял, что смогу спастись только в том случае, если сумею каким-то образом остаться в стороне. А для этого мне требовалось найти укромное место и незаметно туда проскользнуть. Проблема заключалась в том, что спрятаться было негде. Дно долины было совершенно голым, здесь могла найти укрытие лишь крохотная мышка.

Впереди меня возвышался довольно высокий пригорок, и я ринулся в ту сторону. Силы мои иссякали. Дыхание с хрипом вырывалось из груди, в боку кололо, и я понимал, что смогу пробежать еще совсем немного.

Поднявшись на пригорок, я бросился бежать по противоположному склону. Прямо передо мной оказался ощетинившийся шипами куст высотой фута в три. Я был слишком близко от него и свернуть в сторону попросту не успевал, поэтому я сделал единственное, что мне оставалось,— перепрыгнул через него.

Но за кустом не оказалось твердой земли. Я угодил в дыру. Увидев опасность в самый последний момент, я попытался упасть на бок, но все равно провалился вниз.

Дыра оказалась лишь немногим больше меня самого. В падении я заработал несколько синяков и наконец приземлился, сильно ударившись. У меня перехватило дыхание, и я согнулся, обхватив себя руками.

Постепенно дыхание восстановилось, боль утихла, и у меня появилась возможность осмотреться.

Дыра имела три фута в диаметре и футов семь в глубину. Она была слегка наклонена в сторону склона, и ее стенки оказались удивительно гладкими. Тоненькая струйка песка стекала вниз — результат моего падения. Неподалеку виднелось скопление небольших камней, самый крупный из них величиной с человеческую голову. Я смотрел на них и лениво размышлял, что однажды они свалятся в яму. Встряхнувшись, я отодвинулся в сторону, чтобы они не попали в меня, если надумают покатиться вниз.

Посмотрев вниз, я обнаружил, что не провалился в дыру, поскольку застрял в том месте, где стенки резко поворачивали в сторону.

Наверное, я не заметил этого в первый момент, но теперь обратил внимание на мускусный запах. Он был не слишком сильным и показался мне каким-то странным: животным, но не совсем.

Дыра с гладкими стенками и мускусный запах — все понятно! Я провалился не в обычную дыру, а в чью-то нору. И эта нора наверняка принадлежит очень опасному животному, если оно сумело проделать такой широкий туннель.

Стоило мне об этом подумать, как снизу раздался какой-то шум: похоже, хозяин поднимался по туннелю вверх, чтобы выяснить, кто потревожил его покой.

Я не стал терять времени и решил выбраться из туннеля. Но тут же начал соскальзывать вниз. Ухватившись за верхнюю кромку, я попытался вылезти наружу, однако песчаная почва не давала опоры. Лишь упершись ногами в противоположную стену, я сумел остановить падение, но так и остался висеть, не в силах покинуть нору.

Между тем возня подо мной продолжалась. Хозяин норы быстро приближался ко мне.

Рядом со мной из стены торчало несколько камней. Протянув руку, я сумел расшатать и вытащить один из них. Камень оказался гораздо более тяжелым, чем я предполагал, и я с трудом удерживал его.

Из-за поворота вынырнуло рыло, щелкнули челюсти. Мне показалась, что раскрытая пасть занимает все пространство норы. Острые зубы были такими ужасными, что у меня перехватило дыхание.

Я не думал и ничего не пытался планировать. Сквозь расставленные ноги я бросил камень прямо в разверстую пасть. Тяжелый снаряд пролетел четыре фута, провалился между зубами и скрылся в темной глотке. Послышался звук глухого удара, челюсти захлопнулись, и существо скрылось из виду.

До сих пор не знаю, как мне удалось выбраться из норы. Я цеплялся руками за гладкие стены, упирался ногами и в конце концов выкатился на голый склон холма.

Голый, если не считать куста с шипами длиной в дюйм. Я с разбегу перескочил через него перед тем, как упасть в нору. Другого укрытия вокруг не было, и я устроился возле куста, рассчитывая, что большая часть животных уже пробежала мимо. Я решил, что, если я здесь спрячусь, у меня есть

шанс спастись. В противном случае один из псов меня найдет и заставит двигаться дальше.

Я не сомневался, что они пасут динозавров, но едва ли я мог рассчитывать, что они сумеют отличить меня от других животных. Я был живым, мог бегать — значит, меня следует гнать вместе со всеми.

Правда, хозяин норы мог в любой момент выбраться наружу, и тогда мне не сдобровать. Впрочем, я решил, что брошенный камень даст мне хотя бы несколько минут, ведь быстро вытащить такой булыжник из глотки совсем не просто.

Я сидел на карточках возле куста, и жаркое солнце припекало мне спину. Выглядывая между веток, я видел, как огромное множество животных движется по равнине. Розовые псы согнали их в огромный круг, снаружи которого бегали псы и кто-то еще — мне показалось, что это люди в крошечных машинах. Машины и люди были одного зеленовато-серого цвета, и я решил, что машина и человек составляют единый организм. Создавалось впечатление, будто люди не сидят в машинах, а вырастают из них. И хотя машины перемещались довольно быстро, я не заметил колес. С такого расстояния ничего нельзя было сказать наверняка, но вроде бы они двигались прямо по земле, как улитки, причем по машинам проходила рябь, словно это были перемещающиеся мышцы.

Я сидел и наблюдал за ними. Только теперь у меня появилась возможность немного подумать и попытаться понять, что происходит. Мне удалось вернуться более чем на шестьдесят миллионов лет назад, чтобы увидеть динозавров,— и мне сопутствовал успех, но обстоятельства нашей встречи оказались уж слишком необычными. Динозавры были именно такими, как я и предполагал. Они выглядели так, как в книгах, которые я читал, но собаки и люди-машины никак не вписывались в эту картину. Как они сюда попали?

Псы бегали взад и вперед, а люди-машины сновали рядом с ними, и всякий раз, когда какое-то животное выбегало из общей кучи, полдюжины псов и пара людей-машин перехватывали его и заставляли вернуться обратно.

Круг, в котором находились животные, был диаметром в милю или даже больше — огромное пространство, забитое испуганными динозаврами. Многие палеонтологи не знали, обладали ли динозавры голосами. Теперь я могу ответить на этот

вопрос утвердительно. Они пронзительно визжали, ревели и крякали, а некоторые даже ухали — кажется, утконосы, но я не до конца в этом уверен.

Затем послышался другой звук, отчаянный рев, который доносился откуда-то с неба. Я быстро поднял голову и увидел, как они снижаются — около дюжины космических кораблей. Да, я в этом уверен, ничем другим они быть не могли. Они спускались быстро и не показались мне большими, еще я заметил тонкое голубое пламя, которое окутывало их основания. Никаких клубов дыма и ревущего пламени, как у наших ракет, лишь тонкое синее мерцание.

С минуту мне казалось, что один из них сядет прямо мне на голову, но потом я сообразил, что место посадки находится далеко от меня. Так и оказалось: до кораблей было никак не меньше двух миль. Они приземлились так, что образовали большое кольцо, которое охватывало согнанных вместе динозавров.

Мне бы следовало догадаться, что должно произойти. Самое простое объяснение и к тому же самое логичное. Мне кажется, что мое подсознание уже знало ответ, но разум отталкивал его, как слишком простой и обыденный.

Из бортов выдвинулись узкие дула, и пурпурное пламя выплеснулось на несчастных динозавров. Животные падали на землю, превратившись в ревущую, визжащую массу. Тонкие струйки пара поднимались над дулами орудий, а в центре круга лежали тысячи убитых динозавров.

Рассказать об этой бойне совсем нетрудно, но наблюдать за ней... Я скорчился за кустом, к горлу подкатила тошнота, и мне стало по-настоящему страшно, когда на смену реву и визгу пришла полнейшая тишина. И я был потрясен — но не страшной картиной, которая развернулась передо мной, а мыслью о том, что нечто подобное может прийти на нашу Землю.

У меня не было ни малейших сомнений, что они явились из космоса. И дело было не только в космических кораблях, но прежде всего в розовых собаках и серо-зеленых людях-машинах, которые не были машинами и людьми, а представляли собой единый организм,— нет, такие существа не могли родиться на нашей Земле.

Я выполз из-за куста, стараясь не разгибать спины. Оставалось рассчитывать, что куст прикроет меня от чужих существ,

находившихся в долине, и мне удастся добраться до вершины холма. Один из псов посмотрел в мою сторону, и я замер на месте. К счастью, он вскоре отвернулся.

Я начал поспешное отступление к машине времени. Однако на середине склона я не выдержал и обернулся.

Никогда не забыть мне того, что я тогда увидел!

Псы и люди-машины копошились среди тел мертвых динозавров, некоторые машины уже ползли к кораблям, успевшим спустить трапы. Машины двигались медленно, поскольку были тяжело нагружены освежеванными тушами.

С неба вновь донесся шум, я посмотрел вверх и увидел, что спускаются новые корабли — маленькие грузовые суда, которые поднимут груз свежего мяса на большой корабль, ждущий где-то на орбите.

Тогда я развернулся и побежал.

Взобравшись на вершину холма, я сразу же влез на сиденье машины времени, установил отметку счетчика времени и отправился домой. Я даже не стал искать свой бинокль.

Теперь, когда я вернулся домой, у меня пропало всякое желание отправляться в прошлое. Никогда больше я не стану пользоваться машиной времени. Честно говоря, я боюсь того, что могу обнаружить в любом другом месте. Если колледж Вайалусинга нуждается в нашем устройстве, я охотно передам ему машину времени.

Но пишу я вам совсем по другой причине.

Теперь я точно знаю, почему исчезли динозавры. Их убивали, разделывали и увозили на какую-то другую планету, находившуюся, возможно, на расстоянии многих световых лет от нас, и существа, которые это делали, рассматривали Землю как пастбище скота, как планету, где можно добыть множество дешевого протеина.

Вы возразите мне, что это произошло более шестидесяти миллионов лет назад. Да, в те времена раса людей-машин существовала. Но за шестьдесят миллионов лет они наверняка изменились, или нашли охотничьи угодья в других районах Галактики, или, быть может, вымерли, как динозавры.

Но я так не думаю. Я считаю, что они где-то рядом. Мне кажется, Земля может оказаться одной из планет, где они добывают себе пищу.

И я скажу вам, почему я так думаю. Они вновь возвратились на Землю около десяти или одиннадцати тысяч лет назад, когда прикончили мамонтов и мастодонтов, гигантских бизонов, большого пещерного медведя, саблезубых тигров и множество других зверей. Возможно, после уничтожения динозавров они сделали надлежащие выводы и оставили Африку на развод.

Теперь я перехожу к цели написания этого письма, к тому, что тревожит меня больше всего.

Сегодня на Земле обитает менее трех миллиардов человек. К 2000 году нас будет около шести миллиардов.

Конечно, мы довольно мелкая дичь, а существа из космоса стремились к большим массам, вроде динозавров и мастодонтов. Но нас так много! Вот почему мне кажется, что приближается время, когда мы можем вновь привлечь их внимание.

Полиция задержала дядюшку Джорджа, когда в три часа утра он шел по Элм-стрит. Он брел посреди улицы, пошатываясь и что-то бормоча себе под нос. А главное — с него текло так, словно он только что побывал под страшным ливнем, хотя у нас в округе вот уже три месяца не было даже намека на дождь, пожелтевшая кукуруза в полях годилась разве что в печку. Под мышкой дядюшка Джордж держал большую картину, а в руке — ведро, до краев полное алмазов. Он шествовал без ботинок, в одних носках. Когда дежурный полицейский Элвин Сондерс остановил старика и спросил, что с ним происходит, дядюшка Джордж в ответ пробормотал что-то нечленораздельное. Он, видимо, был здорово на взводе.

Именно поэтому Элвин доставил его в полицейский участок, и только там кто-то обратил внимание на его оттопыривающиеся карманы. Естественно, полицейские вывернули их и разложили содержимое на столе. Когда они внимательно осмотрели все это добро, сержант Стив О'Доннелл тут же позвонил шерифу Чету Бэрнсайду за указаниями, что делать дальше. Шериф, отнюдь не в восторге, что его подняли среди ночи, приказал до утра запереть дядюшку Джорджа в камере, что и было исполнено. Конечно, трудно в чем-нибудь винить шерифа. Из года в год старик доставлял достаточно неприятностей и хлопот полиции Уиллоу-Гроув.

Но стоило дядюшке Джорджу попасть в камеру, немного очухаться и разобраться, что к чему, как он тут же схватил стул и принялся дубасить в решетчатую дверь, крича, что эти подонки опять все подстроили, наплевав на его законные конституционные права свободного и добропорядочного гражданина.

© Перевод С. Барсова.

— Вы обязаны дать мне позвонить! — что есть мочи вопил дядюшка Джордж.— Вы еще пожалеете, когда я выйду на свободу и подам на всех вас в суд за несправедливый арест.

Он настолько всем надоел своим криком, что они открыли камеру и разрешили ему подойти к телефону.

Конечно же, как и всегда, звонок был ко мне.

— Кто там еще? — Элси проснулась и села в кровати.

— Твой дядюшка Джордж,— сказал я.

— Так я и знала! — воскликнула жена.— Стоило тетушке Мирте уехать в Калифорнию навестить родственников, и он снова принялся за старое.

— Ладно, что там приключилось на этот раз? — спросил я дядюшку.

— Почему ты говоришь со мной таким тоном, Джон? — обиженно ответил он.— Я тебе звоню всего раз или два в году. Какой смысл иметь в семье адвоката, если...

— Может быть, ты все-таки перейдешь к делу? — прервал я.— Что случилось?

— На этот раз они у меня попляшут! С правами они попались как миленькие. Все, что с них присудят, разделим пополам. Я ничего не сделал, я просто шел по улице, когда появился этот подонок и потащил меня в каталажку. Я не шатался, не пел и не нарушал порядка. Послушай, Джон, разве человек не имеет права ходить по улицам, хотя бы и в полночь...

— Сейчас приеду,— вновь перебил я его.

— Долго там не торчи,— заметила Элси.— У тебя завтра в суде трудный день.

— Ты что, смеешься? — не сдержался я.— Раз появился дядюшка Джордж, считай, что день потерян.

Когда я подъехал к полицейскому участку, все уже были в сборе. Дядюшка Джордж сидел за столом, на котором высилось ведро с алмазами и лежала кучка отобранных у него вещей. К ножке стола была прислонена картина. Шериф прибыл в участок за несколько минут до меня.

— Итак,— сказал я,— перейдем к делу. В чем его обвиняют?

— Пока нам не требуется никаких обвинений.

Шериф до сих пор злился, что его подняли с постели среди ночи.

— Вот что, Чет,— сказал я,— не пройдет и нескольких часов, как тебе потребуется официальное обвинение, да еще как. Так что советую подумать над этим сейчас.

— Я предпочитаю подождать, что скажет Чарли.

Он имел в виду прокурора Чарли Нивинса.

— Ладно, раз нет обвинения, то каковы хотя бы обстоятельства ареста?

— Этот Джордж тащил ведро алмазов. А теперь ты мне ответь, где он их добыл?

— Возможно, это вовсе не алмазы,— предположил я.— Ты в этом уверен?

— Утром, когда Гарри откроет свою лавочку, мы пригласим его посмотреть.

Гарри был ювелиром, который держал магазинчик на другой стороне площади.

Я подошел к столу и взял несколько камней. Конечно, я не ювелир, но мне они показались настоящими алмазами. Камни были превосходно отшлифованы, и их грани так и горели, когда на них падал свет. Некоторые были с кулак величиной.

— Даже если это алмазы, при чем здесь арест? Я что-то не слышал о законе, который запрещал бы человеку носить алмазы в ведре.

— Вот-вот, выложи-ка им, Джон! — обрадовался дядюшка Джордж.

— Помолчи,— сказал я,— и вообще не суйся не в свое дело, раз я им занялся.

— Но ведь у Джорджа сроду не водилось никаких алмазов,— не сдавался шериф.— Должно быть, они краденые.

— Значит, вы обвиняете его в краже?

— Ну, не то чтобы так сразу.— Шериф держался не слишком уверенно.— У меня пока нет доказательств.

— А потом еще эта картина,— вставил Элвин Сондерс.— Сдается мне, весьма ценная — похоже, кого-то из старых мастеров.

— Удивительное дело,— сказал я,— не скажет ли мне кто-нибудь из вас, где в Уиллоу-Гроув можно было бы украсть картину, принадлежащую кисти старого мастера, или же ведро алмазов?

Тут они, конечно, притихли. В нашем Уиллоу-Гроув если у кого и можно найти порядочную картину, то только у банкира Эймоса Стивенса, который привез одну, когда ездил в Чикаго. Впрочем, с его познаниями в искусстве не исключено, что ему всучили подделку.

— И все-таки, согласитесь, тут что-то не то,— вздохнул шериф.

— Возможно, но я сомневаюсь, что этого достаточно, чтобы держать человека в тюрьме.

— Дело даже не столько в картине или алмазах,— шериф был явно озабочен,— сколько в остальном добре. Из-за него-то мне и сдается, что дело нечистое. Взгляни-ка сам.

Он взял со стола какую-то штуковину и протянул мне.

— Осторожно,— предупредил он,— один конец у нее очень горячий.

Вещица была около фута длиной и по форме напоминала песочные часы из прозрачного пластика. Узенькая в центре, она расширялась к полым концам. В середину был вставлен небольшой, по-видимому металлический, прут. Один его конец рдел, как раскаленное железо, и когда я поднес ладонь к открытой полости, то почувствовал дуновение горячего воздуха. Другой же конец, белый, был покрыт кристалликами. Я повернул непонятное приспособление.

— Смотри, не вздумай до него дотронуться,— предупредил шериф,— палец примерзнет — видишь, на нем лед.

Я осторожно положил вещицу на стол.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросил шериф.

— Откуда мне знать.

Я действительно не имел ни малейшего представления. Физика никогда не была в числе моих любимых предметов, к тому же я давно забыл даже то немногое, что когда-то учил в школе. И все же я готов был голову дать на отсечение, что лежавшая на столе штуковина не могла существовать в природе. Тем не менее вот она перед нами: один конец раскален, другой — холоднее льда.

— А как тебе нравится это? — Шериф взял в руки небольшой треугольник из тонких прутиков металла или пластика.— По-твоему, что это такое?

— Что это такое? Ну просто...

— Просто? Попробуй-ка просунуть в него палец.

В голосе шерифа послышалось настоящее торжество.

Я попытался выполнить его указание, но из этого ничего не вышло. Внутри треугольника была пустота. Во всяком случае, мой палец не встретил никакого препятствия, и все же

я не мог продвинуть его ни на миллиметр, словно треугольник был заполнен невидимым и неощутимым, но твердым, как сталь, веществом.

— Разреши-ка взглянуть, в чем там дело,— попросил я.

Шериф охотно передал мне загадочную вещицу. Я поднял ее так, чтобы свет от лампочки проходил через самый центр. Ничего. Я вертел треугольник и так и этак, но не обнаружил даже намека на какую-нибудь прозрачную пластинку. Но всякий раз, когда я пытался просунуть палец в отверстие, что-то его не пускало.

Дело кончилось тем, что я положил треугольник на стол рядом со штуковиной, похожей на песочные часы.

— Хватит или еще показать? — осведомился шериф.

Я мотнул головой:

— Согласен, Чет, я ни черта во всем этом не понимаю, и все-таки это еще не основание держать Джорджа под замком.

— Он останется здесь, пока я не поговорю с Чарли,— заупрямился шериф.

— Надеюсь, ты понимаешь, что как только откроется суд, я явлюсь сюда с постановлением о его освобождении.

— Знаю, Джон.— Спорить с шерифом было явно бесполезно.— Конечно, ты отличный адвокат, но я просто не могу отпустить Джорджа.

— В таком случае составьте заверенную опись всех вещей, которые вы отобрали у него. Я отсюда не уйду, пока не удостоверюсь, что они заперты в сейф.

— Но...

— Теоретически все это собственность Джорджа.

— Это невозможно, ты же сам знаешь, Джон, что это немыслимо. Ну посуди сам, где он, черт побери, мог достать...

— До тех пор пока вы не докажете, что он украл все эти вещи у какого-то конкретного лица, по закону они принадлежат ему. Человек вовсе не обязан предоставлять доказательства того, где он приобрел свою собственность.

— Ладно, ладно,— согласился шериф,— я составлю опись, вопрос только, как назвать все эти штуковины.

Ну, это была уже его забота.

— А сейчас мне надо обсудить с моим клиентом некоторые вопросы наедине,— сказал я.

Немного поспорив и поворчав, шериф открыл комнату для свидания с арестованными.

— Итак, Джордж, расскажи, что же все-таки с тобой произошло. Я имею в виду все-все. И постарайся по порядку.

Джордж понял, что я не шучу. К тому же он давно убедился, что лгать мне бесполезно: я все равно всегда на чем-нибудь ловил его в таких случаях.

— Ты, конечно, знаешь, что Мирта уехала,— начал он.

— Да.

— И ты знаешь, что, когда ее нет, я позволяю себе немного развлечься, пропустить рюмочку-другую и в конце концов влипаю в какую-нибудь историю. На этот раз я дал себе слово, что не возьму ни капли в рот и обойдусь без всяких там неприятностей. Бедняжке Мирте из-за меня и так уже изрядно досталось, вот я и решил доказать, что вполне могу держаться в рамках приличия. Сижу я вчера вечером в гостиной. В одних носках — ботинки я снял. Включил телевизор, смотрю бейсбол. Знаешь, Джон, если бы «Близнецы» нашли себе стоппера получше, на будущий год у них могли бы быть шансы. Конечно, кроме стоппера, им нужна еще и отбивка поприличнее да пару-тройку левшей не мешало бы...

— Не отвлекайся,— прервал я.

— Да, так вот, сижу я тихо-мирно, смотрю игру. Ну, пиво потихоньку потягиваю — я притащил полдюжины, и у меня как раз пятая бутылка кончалась.

— А мне показалось, что ты дал себе обещание не пить.

— Конечно, Джон, чтоб мне провалиться! Так ведь это же было пиво. Я его могу целый день дуть — и ни в одном глазу...

— Хорошо, продолжай.

— Значит, я и говорю, пью пиво. Шел седьмой период, «Янки» уже двоих провели, и вдруг Мэнтл как...

— Да черт с ней, с игрой! — не выдержал я.— Я хочу знать, что приключилось с тобой. Ведь влип-то ты, а не какой-то Мэнтл.

— А больше ничего и не было. Как раз в седьмом периоде Мэнтл вдарил с лета, а потом смотрю: иду это я по улице, а из-за угла выныривает полицейская машина.

— Ты хочешь сказать, что не помнишь, что произошло в промежутке? Что не знаешь, откуда у тебя оказалось ведро алмазов, картина и все прочее?

Джордж покачал головой:

— Я тебе рассказываю все как было. Больше ничего не помню. Я бы не стал тебе врать. Нет смысла, все равно ты на чем-нибудь подловишь.

Некоторое время я молча разглядывал дядюшку Джорджа. Расспрашивать дальше было без толку. Возможно, он рассказал правду, хотя, скорее всего, и не всю, но, чтобы вытянуть из него остальное, у меня сейчас не было времени.

— Ладно,— сказал я,— пусть пока будет так, как ты говоришь. А теперь возвращайся к себе в камеру, и чтобы было тихо. Веди себя прилично. Часам к девяти я вернусь и постараюсь выцарапать тебя отсюда. Ни с кем не разговаривай. Не отвечай ни на какие вопросы. Ничего не объясняй и не рассказывай. Если будут приставать и настаивать, скажи, что я запретил тебе говорить.

— Мне оставят алмазы?

— Трудно ручаться, может, это вовсе и не алмазы.

— Но ты же сам потребовал, чтобы составили опись.

— Ну и что из того? Я не могу гарантировать, что заставлю их вернуть отобранное.

— Послушай, Джон, у меня во рту пересохло, сил больше нет...

— Нет, и не надейся.

— Ну всего бутылочки три-четыре пивка, а? С них не будет никакого вреда. Так, глотку промочит! Человек не может опьянеть от нескольких бутылочек пива. Я вчера вовсе не был пьян. Клянусь, ни в одном глазу...

— Где я тебе достану пива среди ночи?

— У тебя в холодильнике всегда несколько бутылок припрятано. А ехать каких-нибудь шесть кварталов.

— Так и быть, я поговорю с шерифом.

Шериф не имел ничего против: ладно, пусть дядюшка Джордж хлебнет пива, ничего страшного не случится.

Из-за купола здания суда выглядывал краешек луны. В свете раскачивающейся на ветру лампы то возникал, то скрывался во тьме памятник Неизвестному солдату, стоявший в центре площади. Я поднял голову: на небе ни облачка. О дожде не могло быть и речи. Скоро наступит утро, взойдет солнце, и опять на полях будет сохнуть кукуруза, а фермеры будут с тревогой следить, как насосы, фыркая и кашляя от натуги,

с трудом выплевывают в деревянные корыта тонкие струйки воды, которой все равно не хватит, чтобы как следует напоить скот.

На газоне перед зданием суда возились пять-шесть собак. Выпускать их на улицу было запрещено, но никто из жителей Уиллоу-Гроув не обращал внимания на этот запрет в надежде, что собаки успеют вернуться домой раньше, чем Вирджил Томпсон, городской собачник, выйдет на промысел.

Я сел в машину, поехал к себе, взял из холодильника четыре бутылки пива и отвез их дядюшке Джорджу в полицию, после чего снова вернулся домой.

Часы показывали половину пятого утра. Я решил, что нет смысла ложиться, сварил кофе и начал жарить яичницу. Услышав, как я громыхаю на кухне посудой, Элси спустилась вниз. Пришлось добавить пару яиц и на ее долю. Потом мы уселись за стол и принялись обсуждать случившееся.

Дядюшка Джордж уже не раз попадал во всякого рода истории, впрочем, не очень серьезные, и мне всегда удавалось уладить дело. Он вовсе не был забулдыгой, напротив, в городе его любили за честность и незлобивый характер. Он держал свалку на окраине города и умудрялся жить на мизерную плату, которую взимал с тех, кто прибегал к его услугам. Мусор он отправлял на заболоченный участок неподалеку, а всякую дребедень, которая еще на что-либо годилась, тщательно отбирал и затем продавал по дешевке. Конечно, это было не слишком прибыльное и процветающее предприятие, но, во всяком случае, дядюшка Джордж имел свое дело, а в таком маленьком городишке, как наш Уиллоу-Гроув, это кое-что значило.

Но вещицы, которые обнаружили у него на сей раз, были совершенно иного рода, и это-то меня беспокоило. Где он мог их заполучить?

— Тебе не кажется, что следует позвонить тетушке Мирте? — озабоченно спросила Элси.

— Не сейчас. От нее все равно проку не будет. Единственное, на что она способна, так это причитать и заламывать руки.

— Что ты собираешься предпринять?

— Прежде всего нужно найти судью Бенсона и получить от него постановление об освобождении дядюшки Джорджа.

Если только Чарльз Нивинс не придумает каких-нибудь оснований для продления ареста, хотя это и маловероятно. По крайней мере, сейчас.

Увы, утром мне так и не удалось получить постановления. Я уж совсем было собрался поехать в суд и отыскать судью Бенсона, как моя секретарша Дороти Инглез, суровая старая дева, сообщила, что меня просит к телефону Чарли Нивинс.

Не успел я взять трубку, как прокурор, не дав мне даже поздороваться, начал кричать:

— Не вздумай отмалчиваться! Лучше говори сразу, как ты это устроил? Как помог Джорджу удрать из камеры?

— Но ведь он в полиции! Когда я уезжал, он сидел под замком, и я как раз собирался к судье...

— Ну так вот, его там давно уже нет! — надрывался Чарли.— Дверь заперта, а он исчез. Единственное, что от него осталось, это четыре пустые бутылки из-под пива, выстроенные в ряд на полу.

— Послушай, Чарли, ты же меня знаешь. Так вот, поверь, я не имею ровно никакого отношения ко всей этой истории.

— Конечно, я тебя знаю. Нет такой грязной проделки...

От возмущения он даже подавился и закашлялся. И поделом ему. Из всех крючкотворов-законников в нашем штате Чарли Нивинс самый несносный.

— Если ты намерен отдать приказ о задержании Джорджа как беглеца, то не забывай об отсутствии оснований для его первоначального ареста.

— Какие, к черту, основания! Достаточно одного ведра алмазов.

— Если они подлинные.

— Это настоящие алмазы, будь спокоен. Гарри Джонсон смотрел их сегодня утром. Так вот, он утверждает, что нет ни малейшего сомнения в их подлинности. Вся загвоздка, по его словам, только в том, что на Земле таких огромных алмазов нет. Да и по чистоте с ними ни один не сравнится.

Чарли на мгновение умолк, а затем произнес хриплым шепотом:

— Послушай, Джон, скажи честно, что происходит? Я никому...

— Я и сам не знаю, что тут творится.

— Но ты же беседовал с Джорджем, и он заявил шерифу, что ты приказал ему не отвечать ни на какие вопросы.

— Обычная юридическая процедура,— сказал я.— Против этого тебе нечего возразить. И еще одно. Ты отвечаешь за то, чтобы алмазы ненароком не исчезли. Я заставил Чета составить и подписать опись, и поскольку не выдвинуто обвинение...

— А как насчет бегства из участка?

— Сначала еще нужно доказать, что арест был произведен на законных основаниях.

Чарли грохнул трубкой, а я уселся в кресло и попытался привести факты в порядок. Однако все происшедшее казалось слишком фантастическим, чтобы в нем можно было толком разобраться.

— Дороти,— позвал я секретаршу.

Она просунулась в дверь, всем своим видом выказывая неодобрение. Судя по всему, она уже слышала — как, впрочем, и весь город — о том, что произошло, и к тому же вообще была весьма невысокого мнения о дядюшке Джордже. Наши с ним отношения вызывали у нее недовольство, и она не упускала возможности подчеркнуть, что он стоил мне немалых денег и времени без какой-либо надежды на компенсацию. Это, конечно, соответствовало истине, но нельзя же ожидать от владельца городской свалки, чтобы он платил адвокату баснословный гонорар. А кроме всего прочего, Джордж ведь приходился Элси дядюшкой.

— Дороти, свяжись с Кэлвином Россом из Института искусств в Миннеаполисе, он мой старый друг...

Банкир Эймос Стивенс ворвался в комнату словно метеор. Он промелькнул мимо Дороти прежде, чем она успела вымолвить слово.

— Джон, ты знаешь, что у тебя там?..

— А, ты имеешь в виду ту картину?

— Как, по-твоему, где Джордж раздобыл Рембрандта? Ведь картины этого художника на дороге не валяются, их только в музеях и увидишь.

— Скоро мы все это выясним,— поспешил я успокоить Стивенса, единственного эксперта по вопросам искусства в Уиллоу-Гроув.— Мне сейчас должны звонить и...

В дверях опять показалась голова Дороти:

— Мистер Росс на проводе.

Я взял трубку и почувствовал некоторую неловкость. С Кэлом Россом мы не виделись лет пятнадцать, и я даже не был

уверен, что он меня помнит. Но все же я назвал себя и непринужденным тоном начал разговор, словно мы только вчера вместе завтракали. Впрочем, и он меня приветствовал в том же духе. Затем я перешел к делу:

— Кэл, у нас есть одна картина, по-моему, тебе не мешало бы на нее взглянуть. Кое-кто считает ее старинной. Возможно, она даже принадлежит кисти одного из старых мастеров. Понятно, это может показаться тебе невероятным, но...

— Где, ты говоришь, находится эта картина?

— Здесь, в Уиллоу-Гроув.

— Ты ее видел?

— Взглянул разок, но мне трудно...

— Скажи ему, что это Рембрандт,— свирепо шептал Стивенс.

— Кто ее владелец?

— Пока практически никто. Она находится в полицейском участке.

— Джон, признайся честно, не намереваешься ли ты втянуть меня в какую-нибудь историю? Может быть, я тебе понадобился как свидетель-эксперт?

— Об этом речь не идет, хотя в какой-то мере твоя помощь связана с делом, которым я сейчас занимаюсь. Возможно, мне удастся договориться, чтобы тебе заплатили за...

— Скажи ему,— не унимался Стивенс,— что это Рембрандт!

— Там, кажется, кто-то говорит о Рембрандте? — спросил Кэл.

— Да нет, никто точно этого не знает.

— Ну что ж, возможно, я сумею к вам выбраться.

Кэл явно заинтересовался. Или, точнее, пожалуй, был заинтригован.

— Я найму самолет, чтобы тебя доставили прямо в Уиллоу-Гроув,— пообещал я.

— Неужели дело настолько важно?

— Откровенно говоря, Кэл, я и сам толком не знаю. Мне хотелось бы услышать твое мнение.

— Ладно, договаривайся насчет самолета и позвони мне. Через час я могу быть в аэропорту.

— Спасибо, Кэл. Я тебя встречу.

Я заранее знал, что Элси будет на меня дуться, а Дороти придет в негодование. Какому-то адвокату в таком заштатном

городишке, как наш, нанимать самолет было явным сумасбродством. Но если нам удастся выцарапать алмазы или хотя бы часть их, плата за самолет покажется такой мелочью, о которой и говорить не стоит. Правда, я не был полностью уверен, что Гарри Джонсон сумеет отличить настоящий алмаз от поддельного, даже если увидит его. Конечно, ему приходилось торговать алмазами в своей лавчонке, но я подозреваю, что он просто верил какому-нибудь оптовому поставщику на слово, что это действительно алмазы.

— С кем ты говорил? — спросил Стивенс.

Я рассказал ему, кто такой Кэлвин Росс.

— Тогда почему ты не сказал ему, что это Рембрандт? — набросился на меня банкир.— Неужели ты не веришь, что кого-кого, а уж Рембрандта я всегда смогу отличить?

Я чуть было не сказал ему, что именно это и имел в виду, но вовремя спохватился: не исключено, что в будущем мне еще не раз придется обращаться к нему за кредитом.

— Послушай, Эймос,— схитрил я,— мне просто не хотелось бы раньше времени влиять на его заключение. Как только он прибудет сюда и взглянет на картину, он, без сомнения, увидит, что это Рембрандт.

Моя уловка несколько утешила банкира. Затем я вызвал Дороти и попросил ее договориться о самолете для Кэла. С каждым моим словом ее тонкогубый рот все больше поджимался, а лицо приобретало не просто кислое, а прямо-таки уксусное выражение. Не будь при этом Эймоса, она бы не преминула прочитать мне нотацию о том, как пагубно швыряться деньгами.

Глядя на Дороти, я мог понять, почему она получала огромное наслаждение на слетах Приверженцев Очищения, которые каждое лето, словно грибы после дождя, рождались в Уиллоу-Гроув и окрестных городках. Она не пропускала ни одного из них — неважно, какая община или секта была организатором,— стоически высиживала часами на жестких скамейках в летнюю жару, неизменно бросала монетку на тарелку для сбора пожертвований и с огромным удовлетворением выслушивала всю эту болтовню о грешниках и адском огне. Она постоянно уговаривала меня посетить такое собрание, причем у меня сложилось впечатление, что, по ее глубокому убеждению, это пошло бы мне только на пользу. Но до сих пор я успешно противостоял всем ее атакам.

— Вы опоздаете в суд,— в голосе Дороти сквозило явное неодобрение,— а ведь сегодня слушается дело, на которое вы затратили столько времени.

Это нужно было так понимать, что мне не следовало бы зря тратить время на дядюшку Джорджа.

Пришлось отправиться в суд.

Во время перерыва я позвонил в полицию, но дядюшки Джорджа там не было и в помине. В три часа пришла Дороти с сообщением о том, что Кэлвин Росс прибудет в пять. Я попросил ее позвонить Элси и предупредить, что к обеду у нас будет гость, который, возможно, останется ночевать. Дороти промолчала, но по ее глазам я прочитал, что она считает меня зверем и будет только справедливо, если в один прекрасный день Элси соберется и уйдет от меня.

В пять часов я встретил Кэла на аэродроме. К тому времени там уже собралась изрядная толпа — люди каким-то образом пронюхали о приезде эксперта, который даст свое суждение о картине, чудом попавшей в руки Джорджа Уэтмора.

Кэл здорово постарел и выглядел еще более важным, чем я его помнил. Но, как и раньше, он был вежлив и так же поглощен своим искусством. Больше того, я сразу же увидел, что он не на шутку взволнован. Возможность открытия давно утерянного полотна, представляющего хоть какую-то ценность, насколько я понимаю,— мечта каждого искусствоведа.

Я оставил машину на площади, и мы отправились с Кэлом в полицию, где я познакомил его с нашими блюстителями порядка. Чет сказал, что о Джордже по-прежнему нет ни слуху ни духу. После недолгих препирательств он достал картину и положил на стол прямо под лампой.

Кэл подошел взглянуть на нее и вдруг замер, словно сеттер в стойке, заметивший перепелку. Он стоял и смотрел, не произнося ни слова, а мы, столпившись вокруг, старались не слишком сопеть от нетерпения.

Наконец Кэл достал из кармана лупу, наклонился над полотном и принялся изучать его дюйм за дюймом. Прошло еще немало томительных минут, прежде чем он выпрямился.

— Джон, подержи, пожалуйста, полотно вертикально...

Я поднял картину, и Кэл отступил на несколько шагов и вновь принялся рассматривать. Затем он наклонился немного в одну сторону, потом в другую, все так же не спуская с

картины глаз, вновь приблизился к столу и взялся за лупу. Наконец он выпрямился и обратился к Чету:

— Весьма вам признателен. Будь я на вашем месте, то собрал бы для охраны этой картины все ваши наличные силы.

Чет просто умирал от нетерпения, так ему хотелось знать мнение Кэла, но я предусмотрительно решил не предоставлять ему возможности задавать вопросы, хотя и не сомневался, что Кэл не станет особо распространяться. Поэтому я поспешил увести Кэла на улицу и втолкнуть в машину, где мы некоторое время сидели молча, уставившись друг на друга.

— Если только мне не изменяет зрение и я вдруг не позабыл все, что знал о живописи, это картина Тулуз-Лотрека «Кадриль в Мулен-Руж».

Значит, это все-таки был не Рембрандт! Мне бы следовало об этом догадаться. Хорош же знаток искусства Эймос Стивенс!

— Готов дать голову на отсечение,— Кэл начал горячиться,— это подлинник. Скопировать картину столь безукоризненно просто физически невозможно. Загвоздка только в одном.

— В чем?

— «Кадриль в Мулен-Руж» находится в Вашингтоне, в Национальной галерее.

Я почувствовал, как внутри у меня что-то оборвалось. Если дядюшка Джордж каким-то чудом ухитрился обокрасть Национальную галерею, мы оба конченые люди.

— Вполне возможно, что картина Тулуз-Лотрека пропала из Национальной галереи, а ее дирекция хочет выждать день-другой и не сообщает об этом,— продолжал Кэл.— Хотя обычно в таких случаях они уведомляют большие музеи и кое-кого из оценщиков.

Он недоуменно покачал головой:

— Но кто мог додуматься до этого, ума не приложу. Конечно, всегда есть возможность продать украденную картину какому-нибудь коллекционеру, который будет украдкой любоваться ею. Однако это сопряжено с предварительными переговорами, да и, кроме того, немногие коллекционеры рискнут купить такой всем известный шедевр, как «Кадриль в Мулен-Руж».

Я ухватился за его слова.

— Значит, ты исключаешь вероятность кражи картины дядюшкой Джорджем?

Кэл озадаченно посмотрел на меня:

— Насколько я понимаю, этот твой дядюшка вряд ли отличит одну картину от другой.

— Вот именно.

— В таком случае не стоит даже думать о краже. Видно, он где-то подобрал эту картину. Но где? Вот в чем вопрос.

Тут я ничем не мог ему помочь.

— Надо немедленно позвонить в Вашингтон,— сказал Кэл.

Мы поехали ко мне на работу. В приемной меня встретила Дороти.

— В кабинете вас дожидается Шелдон Рейнольдс,— сухо сообщила она.— Полковник военно-воздушных сил.

— Я тогда позвоню отсюда,— извиняющимся тоном сказал Кэл.

— Полковник Рейнольдс ждет уже не меньше часа. Он производит впечатление весьма терпеливого человека.

Дороти ясно давала понять, что она не одобряет моих отношений с людьми из мира искусств, еще более осуждает мою встречу с представителем военно-воздушных сил и очень сердита на меня за то, что я счел возможным предупредить Элси о госте к обеду в самую последнюю минуту. Моя секретарша буквально кипела от негодования, но была слишком хорошо воспитана и слишком лояльна ко мне как к хозяину, чтобы устраивать сцену в присутствии Кэла.

Я вошел в кабинет, и конечно же, полковник Рейнольдс был там и всем своим видом демонстрировал крайнее нетерпение, сидя на самом краешке стула и раздраженно барабаня по нему пальцами. Увидев меня, он прекратил свои музыкальные упражнения и встал.

— Мистер Пейдж, если не ошибаюсь?

— Извините, что заставил вас ждать. Чем могу быть полезен?

Мы пожали друг другу руки, и он опять уселся на стул, на сей раз достаточно плотно, а я с тревожным предчувствием примостился на краешек стола.

— До меня дошли сведения о том, что в вашем городе имели место несколько необычные... происшествия,— начал полковник,— причем с ними связана находка определенных предметов.

Я говорил с прокурором, и тот указал на вас как на человека, к которому следует обратиться по данному вопросу. Кажется, существуют некоторые неясности относительно того, кому конкретно принадлежат указанные предметы?

— Если вы говорите о том, что имею в виду я, то никаких неясностей не существует,— возразил я.— Все предметы, о которых идет речь, являются собственностью моего клиента.

— Насколько мне известно, ваш клиент бежал из полиции.

— Исчез,— поправил я.— Причем первоначально он был взят под арест совершенно незаконным путем. Он не совершил никакого преступления, просто шел по улице.

— Мистер Пейдж, меня совершенно не касаются подробности этого дела. Военно-воздушные силы, которые я представляю, интересуют лишь определенные предметы, имеющиеся у вашего клиента.

— Вы видели эти предметы?

Рейнольдс покачал головой:

— Нет. Прокурор заявил, что в суде вы распнете его на кресте, если он разрешит мне осмотреть их. Однако, по его словам, вы человек разумный и при соответствующем подходе...

— Послушайте, полковник,— прервал его я,— в тех случаях, когда благосостоянию моего клиента что-нибудь угрожает, я никогда не являюсь разумным человеком.

— Вы не знаете, где сейчас находится ваш клиент?

— Понятия не имею.

— По-видимому, он рассказал вам, где достал эти вещицы?

— Мне кажется, он и сам толком не знает.

Я видел, что полковник не поверил ни единому моему слову, и не мог винить его в этом.

— Разве ваш клиент не сказал вам, что встретился с «летающей тарелкой»?

Я был настолько изумлен, что лишь покачал головой. Вот это новость! У меня даже мысли об этом не было.

— Мистер Пейдж.— Голос полковника стал необыкновенно серьезным.— Не стану от вас скрывать: эти предметы очень важны для нас. Причем не только для ВВС, а для всей нации. Если противная сторона завладеет ими раньше...

— Минуточку,— прервал я его.— Вы на самом деле пытаетесь уверить меня в том, что на свете существуют такие вещи, как «летающие тарелки»?

— Я вовсе не пытаюсь делать этого,— моментально насторожился полковник.— Я просто спрашиваю...

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Кэла.

— Извините, что прерываю вас, но мне нужно ехать,— сказал он.

— Нет, нет, ты этого не сделаешь,— запротестовал я.— Элси ждет тебя к обеду.

— Мне необходимо быть в Вашингтоне,— не сдавался Кэл.— Твоя секретарша обещает отвезти меня на аэродром. Если пилоту удастся доставить меня домой за час с небольшим, я могу успеть на самолет в Вашингтон.

— Ты дозвонился до Национальной галереи?

— Картина у них.— Кэл был явно озабочен.— Правда, ее могли подменить, но это слишком невероятно, особенно при такой строгой охране. Я почти не рассчитываю, что ты позволишь...

— И правильно делаешь. Картина в любом случае должна быть здесь.

— Но ее место в Вашингтоне!

— Только не в том случае, если их две! — не выдержал я.

— Это невозможно!

Теперь мы оба перешли на крик.

— И все же, по-видимому, это так,— не сдавался я.

— Мне было бы намного спокойнее, Джон, если бы картина находилась в надежном месте.

— Полиция стережет ее.

— Сейф в банке представляется мне куда более надежным.

— Ладно. Постараюсь что-нибудь сделать,— пообещал я.— Что тебе сказали в Национальной галерее обо всем этом?

— Да почти ничего. Они поражены. Кто-нибудь от них, возможно, приедет сюда.

— Пускай. Пентагон уже здесь.

Мы пожали друг другу руки, и Кэл поспешно вышел, а я опять примостился на краю стола.

— Да, с вами нелегко иметь дело,— протянул полковник.— Чем вас пронять: может быть, патриотизмом?

— Боюсь, что я не слишком патриотичен. Предупреждаю, что и моему клиенту я дам указание не перебарщивать с патриотизмом.

— Деньги?

— Если их будет целая куча.

— Интересы общества?

— Сначала вам придется доказать, что это действительно в его интересах.

Мы в упор смотрели друг на друга. Полковник Рейнольдс не вызывал во мне ни малейшей симпатии, как, впрочем, и я в нем.

Зазвонил телефон. Это оказался Чет, который затараторил с бешеной скоростью, едва я взял трубку.

— Джордж объявился,— кричал он.— С ним еще один тип, и они приехали на какой-то штуковине вроде автомобиля, только без колес...

Я бросил трубку и устремился к двери. Краем глаза я увидел, что полковник Рейнольдс тоже вскочил и последовал за мной.

Чет был прав. Эта штуковина действительно выглядела как спортивный автомобиль без колес. Она стояла перед полицейским участком, точнее, висела в двух футах от земли, и легкое гудение свидетельствовало о том, что внутри помещался какой-то механизм, который работал необычайно ровно. Вокруг собралась целая толпа, и я едва протолкнулся к машине.

Джордж сидел там, где должен был находиться водитель, а рядом торчало настоящее пугало с неописуемо унылой физиономией. Незнакомец был одет в черный, застегнутый спереди, стянутый у горла балахон, голову плотно облегала черная шапочка, спускавшаяся на самые глаза, лицо и кисти рук этого чудовища были белые как снег.

— Что с тобой произошло? — строго спросил я Джорджа.— И вообще, чего ради ты здесь расселся?

— Понимаешь, Джон, я боялся, что Чет опять упрячет меня под замок. Эта штука просто чудо. Она и по земле может катить и летать, как самолет. Я, правда, еще толком в ней не разобрался, ведь вожу-то я ее всего ничего, но управлять ею одно удовольствие, и младенец бы смог.

— Скажи ему,— вмешался Чарли Нивинс,— что никто его не собирается арестовывать. Тут творится что-то необычное, но я вовсе не уверен, что это является нарушением закона.

Я с удивлением оглянулся. Проталкиваясь к машине, я и не заметил прокурора, а теперь он стоял рядом. В тот же миг Рейнольдс оттолкнул меня в сторону и протянул руку Джорджу.

— Я полковник Рейнольдс из военно-воздушных сил. Совершенно необходимо, чтобы вы рассказали мне обо всем подробно. Это очень важно.

— Так она просто стояла там вместе со всяким барахлом,— принялся объяснять Джордж,— ну я и взял ее. Видно, она никому не нужна и ее просто выкинули. Там целая куча людей выбрасывала всякие штуки, которые им без надобности.

— Вот-вот, и алмазы кто-то выбросил, и картину тоже,— ехидно вставил Чет.

— Про них я ничего не знаю,— на полном серьезе ответил Джордж.— Я про тот раз ничего не помню. Дождь шел, и куча разного добра лежала...

— Помолчи-ка, Джордж,— сказал я.

Мне он ничего не говорил о какой-то куче добра. Или память у него улучшилась, или прошлый раз он просто врал мне.

— Мне кажется,— примирительно сказал Чарли,— что нам следует спокойно сесть и постараться разобраться в том, что происходит.

— Не возражаю,— ответил я,— только учтите, что эта машина является собственностью моего клиента.

— По-моему, ты слишком много на себя берешь.

— Ты же сам видишь, Чарли, что меня к этому вынуждают. Стоит мне на секунду ослабить бдительность, и вы вместе с Четом и Пентагоном растопчете меня.

— Хорошо, оставим это. Джордж, опусти машину на землю и пойдем с нами. Чет останется здесь и последит, чтобы никто ее и пальцем не тронул.

— При этом не забудьте, что картина и алмазы тоже должны находиться под постоянной охраной. Думаю, картина стоит огромных денег,— добавил я.

— Самое подходящее время для ограбления банка,— с раздражением заявил Чет,— если я поставлю всех моих полицейских охранять добро вашего Джорджа.

— Мне кажется, что при нашей беседе должен присутствовать и спутник Джорджа,— не обращая внимания на слова шерифа, продолжал Чарли.— Возможно, он сможет добавить кое-что весьма важное.

Спутник Джорджа, казалось, не слышал, о чем мы говорили. Он вообще не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг. Он просто сидел в машине, словно аршин проглотил, и смотрел отсутствующим взглядом вперед.

Чет с важным видом обошел вокруг машины, и в этот момент необычный пассажир заговорил каким-то странным, высоким и пронзительным голосом. Я не понял ни слова, но, хотя это и может показаться невероятным, совершенно точно знал смысл его речи.

— Не прикасайтесь ко мне! — потребовал незнакомец.— Уйдите прочь. Не мешайте.

После этого он открыл дверцу и ступил на землю. Чет попятился, остальные тоже. Наступило тягостное молчание, хотя за секунду до этого толпа гудела, как пчелиный рой. По мере того как незнакомец шел по улице, люди расступались перед ним. Чарли и полковник тоже отступили назад, давая ему дорогу, и притиснули меня к машине. Незнакомец прошел всего в каких-нибудь десяти шагах от меня, и я смог хорошенько рассмотреть его лицо: на нем не было совершенно никакого выражения, а сердито-кислым оно явно было от природы. Именно таким, как я представляю, мог бы выглядеть средневековый инквизитор. При этом в незнакомце было еще что-то, что трудно выразить словами. Он как бы оставлял ощущение какого-то необычного запаха, хотя на самом деле от него ничем не пахло. Пожалуй, наиболее точным для передачи этого ощущения будет запах святости, если таковой вообще существует. От него словно бы исходило вибрирующее излучение, которое действовало на органы чувств так же, как ультразвук воздействует на собаку, хотя человек его и не слышит. Незнакомец прошествовал мимо меня и направился дальше по улице сквозь строй расступающихся людей. Шагал он медленно, отрешенно, так, как если бы вокруг никого не было, и, очевидно, не замечал никого из нас. Зато все мы не отрывали от него глаз, пока он не вышел из толпы и не повернул за угол. Даже после этого мы еще какое-то время стояли не двигаясь, словно бы в растерянности, и только чей-то шепот вывел нас из транса. Толпа вновь загудела, хотя куда более приглушенно, чем раньше.

Чьи-то пальцы жестко схватили меня за руку. Оглянувшись, я увидел, что это Чарли. Впереди стоял полковник и не сводил с меня глаз. Его напряженное лицо побледнело, а на лбу выступили капли пота.

— Джон,— тихо произнес Чарли,— нам нужно немедленно уединиться и все обсудить.

Я обернулся к машине и увидел, что она уже стоит на земле и из нее вылезает Джордж.

— Пошли,— сказал я ему.

Впереди, расталкивая людей, шел Чарли, за ним — полковник Рейнольдс, а мы с Джорджем замыкали шествие. Не произнося ни слова, мы прошли к площади и прямо через газон направились к зданию суда. Когда мы расположились в кабинете Чарли, тот запер дверь и достал из ящика письменного стола бутылку виски и четыре бумажных стаканчика, которые он наполнил почти до краев.

— Льда нет,— извинился он.— Впрочем, шут с ним, сейчас нужно как раз что-нибудь покрепче.

Мы молча разобрали стаканчики, уселись кто где сумел и так же молча залпом выпили неразбавленное виски.

— Вы что-нибудь поняли, полковник? — спросил Чарли.

— Было бы полезно побеседовать с пассажиром,— вместо ответа заметил Рейнольдс.— Надеюсь, его постараются задержать.

— Не мешало бы,— согласился Чарли.— Хотя, убей меня бог, не представляю, каким образом можно его взять.

— Он застал нас врасплох,— заявил полковник.— В следующий раз мы будем наготове: заткнем уши ватой, чтобы не слышать его птичьей тарабарщины...

— Едва ли этого будет достаточно,— возразил Чарли.— Кто-нибудь из вас слышал, как он говорил?

— Он на самом деле говорил,— вставил я.— Произносил слова, но все они были совершенно незнакомые — какое-то непонятное щебетанье.

— И все же мы поняли, о чем он говорил,— не сдавался Чарли.— Каждый из нас. Может быть, это была телепатия?

— Сомневаюсь,— скептически заметил полковник Рейнольдс.— Телепатия вовсе не такая простая штука, как полагают многие.

— Скорее новый язык,— предположил я,— созданный на научной основе. Звуки в нем подобраны так, чтобы вызвать определенные понятия. Если хорошенько покопаться в семантике...

Чарли прервал меня, не дослушав мое весьма интересное предположение относительно семантики, которое ему мало что говорило, ибо он в ней ничего не смыслил.

— Джордж, что ты о нем знаешь?

С зажатым в изрядно грязной руке стаканчиком, вытянув ноги в носках чуть ли не на середину кабинета, Джордж почти лежал в кресле и благодушествовал. Не так уж много спиртного потребовалось, чтобы привести его в расслабленное состояние.

— А ничего,— лениво произнес он.

— Но ведь ты же приехал с ним. Неужели он ничего тебе не рассказывал?

— За все время не проронил ни звука. Я как раз отъезжал, когда он примчался и молча прыгнул рядом со мной, а потом...

— Откуда ты отъезжал?

— Ну, оттуда, где лежала куча всякого барахла. Она, пожалуй, занимала несколько акров, да и ввысь было навалено порядочно. Вроде нашей площади перед судом, только без газонов, а просто мостовая, из бетона, а может, из чего другого, но она тянулась во все стороны, и кругом, только довольно далеко, стояли огромные дома.

— Ты узнал это место? — прервал выведенный из терпения Чарли.

— Так я же его прежде никогда не видел,— ответил Джордж,— ни на картинках, ни так.

— Вот что, расскажи-ка нам все по порядку.

Джордж начал почти теми же словами, какими в свое время описывал мне приключившееся с ним.

— Первый раз там лил такой дождь, что просто ужас. И было темновато, вроде как бы вечер наступал, и я заметил только кучу всякой всячины. Никаких зданий я не видел.

Мне он, правда, не говорил, что вообще что-то видел. Он утверждал, что ни с того ни с сего очутился прямо в Уиллоу-Гроув на улице, и к нему подъехала полицейская машина. Но я промолчал и продолжал слушать его рассказ.

— Потом, когда Чет посадил меня в каталажку...

— Минуточку, минуточку,— остановил его Чарли.— Мне кажется, ты кое-что пропустил. Где ты взял алмазы, картину и все прочее?

— Да из той кучи, что лежала там,— ничуть не смутившись, ответил дядюшка Джордж.— Там было много всякой всячины, и если бы у меня хватило времени, я бы выбрал кое-что получше. Но мне словно что-то шептало, что все вот-вот кончится,

да еще дождь лупил, холодный, как осенью, а само место казалось каким-то диковинным. Ну, я взял первое, что подвернулось, положил в карман. Потом смотрю — ведро с алмазами, только я не думал, что они настоящие. А затем еще картину прихватил, а то моя Мирта все ныла, что ей, видите ли, нужна первоклассная картина для столовой.

— После этого ты пошел домой?

— Ага, только я оказался на улице. Иду себе, никого не трогаю, никаких законов не нарушаю..

— А что произошло во второй раз?

— Это как я снова туда попал?

— Совершенно верно,— подтвердил Чарли.

— Первый раз это у меня получилось случайно. Сижу я в гостиной, ботинки снял, потягиваю пиво, смотрю телевизор, и вдруг в седьмом периоде, когда «Янки» уже провели двоих, и Мэнтл как... Послушайте, что произошло дальше, я ведь так и не знаю. «Янки» выиграли?

— Выиграли, выиграли,— успокоил его Чарли.

Джордж удовлетворенно кивнул.

— Второй раз я вроде бы повторил все это. Дело даже не столько в том, что меня посадили в камеру, сколько в несправедливости, ведь я ничего такого не сделал. В общем, я уговорил Джона принести мне пива, устроился поудобнее и решил немного промочить горло. Телевизора, конечно, там не было, но я его очень ясно себе представил. И игру, все как было. У «Янки» уже двое в «дому», Мэнтл выходит на удар — все это в уме, ясное дело,— и, видно, оно и сработало. Я враз очутился на том месте, где лежала куча всякого барахла, хотя это вовсе не было барахло на самом деле — это все были хорошие вещи, некоторые из них вообще не поймешь для чего. Так вот, они там лежали, и время от времени кто-нибудь подходил из тех высоченных домов,— поверьте мне, до них было вовсе не два шага, это только казалось, что они близко,— тащил что-нибудь в руках, бросал в общую кучу и шел назад.

— Насколько я понимаю, во время второго посещения этого места вы пробыли там значительно дольше,— вставил полковник.

— Дело было днем, да и дождь не лил как из ведра,— объяснил дядюшка Джордж.— Само место уже не выглядело таким диковинным, хотя и казалось унылым, точнее, пустынным.

Людей не было видно, если не считать тех, кто приходил что-нибудь бросить в общую кучу. Никто из них не обращал на меня никакого внимания, они вели себя так, словно меня вообще не было. Сказать по чести, я не знал, удастся ли еще раз побывать там, а много в руках не унесешь, ну я и решил, что уж на этот раз торопиться не буду, сделаю все как следует. Осмотрю всю кучу и выберу то, что мне нужно. Вернее, там было много, чего бы мне хотелось, но я решил отобрать то, что понравилось больше всего. Вот я и начал ходить вокруг кучи и брать разные вещи, которые приглянулись, а потом попадалось что-нибудь еще лучше и приходилось выбирать из отобранного. Иногда я сразу клал вещь назад, а иногда оставлял и бросал что-нибудь из взятого. Сами знаете, человек всего не унесет, а у меня и так уже набрались полные руки. По краям той груды лежало множество отличных вещиц. Один раз я было попытался взобраться наверх за очень любопытной штуковиной, но там все было навалено кое-как, и, когда я начал лезть, вся куча зашевелилась и я побоялся, что она свалится на меня. Я поскорее слез — как можно осторожнее — и потом волей-неволей брал только то, что лежало внизу.

Рассказ дядюшки Джорджа настолько заинтересовал полковника Рейнольдса, что он весь подался вперед, боясь пропустить хоть слово.

— Не могли бы вы описать, каковы были предметы в этой груде вещей?

— Ну, например, пара очков с какой-то нашлепкой на оправе. Я их примерил, и мне стало так радостно, что я просто испугался. Стоило снять их, и я сразу перестал чувствовать себя счастливым. Еще раз надел, и опять чуть ли не сомлел от счастья.

— Ты почувствовал себя счастливым? — переспросил Чарли.— Иными словами, от очков ты опьянел?

— Да нет, я был счастлив вовсе не так, как бывает после доброй порции виски. Просто счастлив, и все. Заботы, неприятности куда-то исчезли, мир вдруг показался прекрасным, а жизнь — отличной. Была там еще одна вещица — большой кусок стекла, квадратный, а может, и кубический. У гадалок бывают похожие, только у них маленькие, круглые. Так вот, это стекло было такое красивое, смотрел бы в него и смотрел. Нет, в нем ничего не отражалось, как, скажем, в зеркале,

и все равно казалось, что где-то глубоко внутри в нем картина. Сначала мне только почудилось, будто это дерево, а потом пригляделся — точно, дерево. Большой вяз, как тот, что рос во дворе у моего деда, с гнездом иволги на кривой ветке. На этом тоже было гнездо иволги, и сама птичка рядом сидела. Смотрю еще: ба, да ведь это тот самый вяз, а за ним дом деда и загородка со сломанной жердью, и сам дед сидит на траве, курит свою трубку из кукурузного початка. Значит, сообразил я, стекло показывает все, что вы захотите. Сперва в нем было только дерево. Стоило мне подумать про иволгу и про гнездо — и они тут как тут, деда вспомнил — и он сразу появился, хотя уже больше двадцати лет прошло, как его похоронили. Я немного посмотрел на деда, а потом заставил себя отвернуться — уж очень я любил его, и тут, как увидел, сразу не по себе стало. К этому времени я уже разобрался, что это было за стекло, и для пробы подумал про пирог с тыквой — ну, он тоже сразу появился, корочка поджаристая и вся в пупырышках от масла. Про пиво еще вспомнил, и оно...

— Я не верю ни единому слову из всей этой сказки,— сказал Чарли.

— Продолжайте,— вмешался полковник.— Расскажите нам, что произошло дальше.

— Ну, я обошел почти вокруг всей кучи, насобирал всякой всячины, да и обратно выкинул немало, и все равно у меня рук не хватало, еле тащил. И карманы набил полнехоньки, а кое-что даже на шею положил. Вдруг от домов мчится машина, летит над землей совсем низко прямехонько ко мне...

— Вы имеете в виду машину, на которой приехали?

— Вот именно, а в ней сидит какой-то грустный старикан. Подъехал он к куче, опустил машину на землю, вылез и назад заковылял. Тогда я подошел к машине, положил все свое добро на заднее сиденье и подумал: «Вот, черт возьми, как повезло! Сколько еще добра можно взять!» Конечно, сначала я решил попробовать, сумею ли ею управлять, влез внутрь, где старикашка сидел, и оказалось, что это проще пареной репы. Я приподнял машину над землей и двинулся потихоньку вдоль кучи; все вспомнить пытаюсь, где я разные штуковины побросал: хотел вернуться, собрать их и сложить на заднее сиденье. Вдруг слышу, кто-то бежит сзади. Обернулся — этот тип в черном, что со мной приехал. Подбежал к машине, по-

ложил руку на борт и плюхнулся рядом. И тут раз — и мы в Уиллоу-Гроув.

Полковник Рейнольдс вскочил на ноги.

— Вы хотите сказать,— закричал он,— что на заднем сиденье в машине лежат все те необычные предметы, о которых вы нам только что рассказывали?!

— Пожалуйста, сядьте, полковник,— вмешался Чарли.— Надеюсь, вы не верите всем этим басням, которыми он нас потчевал. Совершенно очевидно, что то, о чем говорил Джордж, просто физически невозможно и...

— Чарли,— сказал я,— разреши мне напомнить еще о нескольких невозможных вещах, таких как картина, которая находится в Национальной галерее и одновременно у нас, в Уиллоу-Гроув, машина без колес, штуковина, один конец которой раскален, а другой — холодный как лед.

— Боже, у меня ум за разум заходит,— прошептал Чарли в отчаянии.— И надо же, чтобы все это свалилось на мою голову.

— Послушай, Чарли,— заметил я,— по-моему, на твоей голове пока еще ничего нет. Все эти загадки не имеют ни малейшего отношения к нарушениям закона. Конечно, ты можешь сослаться на то, что Джордж взял автомобиль без разрешения владельца. Но ведь это же не автомобиль...

— Все равно это средство передвижения,— заупрямился Чарли.

— Но владелец выбросил его! Он бросил его, ушел и...

— Мне бы прежде всего хотелось узнать, где находится это место и почему люди выбрасывали свое добро,— заявил полковник.

— И конечно, вы бы хотели прибрать его к рукам,— добавил я.

— Вы чертовски правы,— согласился он.— Именно это я намерен сделать. Вы отдаете себе отчет, что могут значить подобные предметы для нашей страны? Например, склонить чашу весов в нашу пользу, имея в виду потенциального противника, и я отнюдь не...

На лестнице, а затем в холле послышался топот. Дверь распахнулась, и в комнату, чуть не грохнувшись, ворвался помощник шерифа.

— Сэр,— с трудом переводя дыхание, обратился он к Чарли,— я не знаю, что делать. Какой-то сумасшедший пропо-

ведует возле памятника Неизвестному солдату. Мне сказали, что шериф отправился с намерением прогнать его в шею, поскольку у того нет разрешения выступать с проповедями в общественном месте, а потом шерифа видели бегущим в участок. Я вошел туда с заднего входа. Смотрю: шериф хватает винтовку и подсумки, а когда я спросил его, в чем дело, он не захотел со мной разговаривать, потащил целую охапку оружия на площадь и свалил все у памятника. Там собралась толпа, и все тащат разное добро и бросают...

Я не стал дожидаться, когда он кончит, и бросился к двери.

Куча вещей у памятника выросла настолько, что уже сравнялась с его подножием. Там были навалены велосипеды, радиоприемники, пишущие машинки, электробритвы, швейные машины, пылесосы и много чего еще. Стояло даже несколько автомобилей. Наступили сумерки, в город стекались фермеры и вместе с жителями со всех сторон шли через площадь, таща разное добро, чтобы прибавить его к быстро растущей куче.

Незнакомца, приехавшего с Джорджем, нигде не было видно — он сделал свое черное дело и исчез. Стоя на площади и глядя на темные фигурки людей, которые, словно муравьи, спешили со всех сторон прямо к памятнику Неизвестному солдату, мрачно замершему в неровном свете трех качающихся на легком ветерке уличных ламп, я представил себе множество других городов по всей стране с огромными грудами всевозможных выброшенных вещей.

Боже, подумал я, ведь никто из них не понял ни слова, ни единого звука из птичьего языка проповедника. Однако то, что он хотел им сказать, как и тогда, когда мы все отступили назад, давая ему дорогу, явилось для них неоспоримым приказом. Значит, я не ошибся, когда предположил, что весь секрет кроется в семантике.

Конечно, в нашем языке есть множество слов, гораздо больше, чем необходимо обыкновенному человеку, однако мы так к ним привыкли, привыкли к их беспрерывным приливам и отливам, что многие из них — возможно, большинство — утратили глубину и точность содержания. А ведь было время, когда великие ораторы овладевали вниманием множества людей с помощью простой поэзии своих речей; такие ораторы подчас меняли общественное мнение и направляли его по другому руслу. Увы, теперь слова, которые мы произносим, потеряли свою былую силу.

«Вот смех всегда сохранит свою ценность»,— подумал я. Простой веселый смех, даже если человек и не знает его причины, способен поднять настроение. Громкий и раскатистый смех означает дружелюбие, тихий и сдержанный — свидетельствует о превосходстве интеллекта и в соответствующих условиях может даже выбить почву из-под ног.

Все дело в звуках, в звуках, которые вызывают главные эмоции и реакции человека. Не использовал ли чего-нибудь в этом роде таинственный пришелец? Не были ли эти звуки настолько хитро сплетены, настолько глубоко проникающими в психику человека, что они наполнялись таким же большим содержанием, как и тщательно составленные предложения в нашей речи, но с одним решающим преимуществом: присущая им сила убеждения недоступна обычным словам. Ведь существовали же на заре истории человечества и предупреждающее ворчание, и вопль ярости, крик, обозначающий пищу, и дружелюбное кудахтанье знакомства! Так не является ли странный язык незнакомца некой сложнейшей разновидностью этих примитивных звуков?

Старик Кон Уэзерби тяжело протопал по газону и водрузил на самый верх кучи портативный телевизор. Шедшая следом молодая женщина, которую я не узнал в лицо, бросила рядом с телевизором сушилку для волос, пылесос и тостер. Мое сердце обливалось кровью при виде этого зрелища. Наверно, мне следовало бы подойти к ним и попытаться привести их в чувство — по крайней мере Кона,— постараться остановить, доказать, что они совершают величайшую глупость. Ведь тот же Кон по центам копил деньги, страдал без рюмочки, выкуривал лишь три дешевые сигары в день вместо обычных пяти, и все ради того, чтобы приобрести этот телевизор. Однако каким-то образом я знал, что останавливать их бесполезно.

Я шел прямо по газону, чувствуя себя разбитым и опустошенным. Навстречу мне, пошатываясь под тяжестью ноши, шла знакомая фигура.

— Дороти? — удивленно воскликнул я.

Дороти резко остановилась, и несколько книг, которые она тащила в охапке, шлепнулись на землю. Меня словно молнией озарило — ведь это же были мои книги по юриспруденции!

— Немедленно соберите все и отнесите назад! — приказал я.— Что это взбрело вам на ум?

Вопрос, разумеется, совершенно излишний. Кто-кто, а уж она-то обязательно ухитрилась оказаться на месте, чтобы послушать невесть откуда взявшегося проповедника, и, безусловно, первой уверовала в его бред собачий. Она чуяла всяких евангелистов миль за двадцать, и самыми волнующими моментами в ее жизни были часы, проведенные на жестких скамьях в удушливой атмосфере молитвенных собраний, где заезжий пророк вещал о геенне огненной.

Я направился было к Дороти, но тут же забыл и о ней, и о моих книгах — с противоположной стороны площади донесся захлебывающийся лай, и из темноты боковой улицы на свет выбежала нескладная фигура, которую преследовала свора собак. Незнакомец в черном, а это был именно он, подобрал полы своего балахона, чтобы они не путались в ногах, и явно показывал неплохие результаты в этом импровизированном состязании. Время от времени то одной, то другой собаке удавалось в прыжке отхватить кусок его развевающегося балахона, но это не умаляло его прыти.

Да, с людьми у него явно дело обстояло лучше, чем с собаками. Их как раз выпустили погулять с наступлением темноты, и, естественно, просидев целый день на цепи, они теперь нуждались в хорошей разминке. Видимо, собаки не понимали птичьего языка незнакомца, они сразу же решили, что это чужой, с которым нечего церемониться. Он помчался по газону вместе с преследующей его сворой, свернул в идущую от площади улицу, и только тогда я понял, куда он бежит,— я что-то прокричал и ринулся вслед за ним. Ведь он наверняка хотел добраться до машины, на которой прибыл дядюшка Джордж и которая была собственностью последнего. Этого допустить было нельзя.

Я знал, что едва ли сумею догнать пришельца, и рассчитывал только на Чета. Надо полагать, он поставил одного-двух полицейских охранять машину, а пока проповедник будет их уговаривать, пройдет какое-то время, и я успею перехватить его раньше, чем он умчится.

Конечно, он может попытаться одурачить и меня своим щебетаньем, но я усиленно внушал себе, что должен устоять.

Так мы мчались по улице — впереди незнакомец, чуть позади свора лающих собак, а за ними я,— когда показалась стоящая у полицейского участка машина, которую все еще окружала порядочная толпа. Проповедник несколько раз каркнул — я

затрудняюсь подобрать другое слово,— и люди поспешно стали расходиться. Он даже не замедлил своего бега, и тут следует отдать ему должное — он показал себя неплохим спортсменом, а футах в десяти от машины просто сильно оттолкнулся, подпрыгнул и словно поплыл к ней по воздуху, а затем плюхнулся прямо на место водителя. Возможно, все дело было в том, что собаки до смерти его напугали, а при определенных критических обстоятельствах человек способен буквально на чудеса, которые в обычное время кажутся невероятными. Впрочем, даже в этом случае проповедник продемонстрировал отличную атлетическую подготовку, никак не вязавшуюся с его внешностью огородного пугала.

Едва он оказался на месте водителя, как машина мгновенно взмыла в воздух и в считаные секунды, легко порхнув над крышами, исчезла в темном небе. Двое полицейских, которых Чет выделил для охраны, стояли, разинув рты и глядя на то место, где она только что находилась. Начавшие было расходиться по приказу незнакомца люди остановились и тоже удивленно таращились на пустое место. Даже собаки, носившиеся по кругу, были обескуражены и то и дело поднимали головы и жалобно подвывали.

Я стоял вместе со всеми, стараясь отдышаться после пробежки, когда сзади послышался топот и кто-то схватил меня за руку — это был полковник Шелдон Рейнольдс.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

Я с горечью и отнюдь не стесняясь в выражениях объяснил ему, что именно произошло.

— Он улетел в будущее,— заключил полковник.— Ни его, ни машины мы никогда больше не увидим.

— В будущее?

— Да, скорее всего, туда. Иначе это никак не объяснишь. Сначала я полагал, что Джордж установил контакт с «летающей тарелкой», но я ошибся. Незнакомец, должно быть,— путешественник из будущего. Видимо, вы были правы в отношении его языка. Это новая семантика — своего рода стенографический язык, составленный из основополагающих звуковых комбинаций. Вероятно, такой язык можно создать искусственно, но это потребует много времени. Надо полагать, он возник или был позаимствован, когда их раса отправилась к звездам,— знаете, своего рода универсальный язык, вроде языка некоторых индейских племен...

— Но ведь тогда выходит, что и дядюшка Джордж путешествовал во времени! — воскликнул я.— Да у него не хватит ума...

— Послушайте,— остановил меня полковник,— для того чтобы путешествовать во времени, возможно, вообще ничего не нужно знать. Возможно, человек просто должен что-то почувствовать или быть в соответствующем настроении. Не исключено, что в современном мире найдется всего лишь один человек, способный испытывать подобные чувства...

— Но, полковник, это же абсурд! Допустим, чисто теоретически, что Джордж действительно побывал в будущем. Почему же, скажите на милость, люди будущего выбрасывали свои вещи, почему там была эта самая свалка?

— Откуда мне знать,— сказал полковник.— Вернее, я не могу ручаться, но у меня есть одна гипотеза.

Он подождал, не спрошу ли я, какая именно, но так как я промолчал, начал сам:

— Мы немало говорили о контакте с другими цивилизациями, которые рассеяны в космосе, и даже проводили специальные прослушивания космоса в надежде поймать сигналы, посланные разумными существами! Пока таких сигналов не удалось принять, и возможно, что мы их вообще никогда не услышим, ибо отрезок времени, на протяжении которого цивилизация является высокоразвитой в технологическом отношении, может оказаться очень кратким.

Я покачал головой:

— Не пойму, к чему вы ведете. Какое отношение к сигналам из космоса имеет то, что произошло в Уиллоу-Гроув?

— Согласен, возможно, не такое уж большое, если не считать того, что если контакт когда-либо и состоится, он должен произойти с технологически развитой расой, подобной нашей. А по мнению ряда социологов, технологическая фаза любого общества со временем сама себя изживает, или же создает такие условия, против которых восстают люди, или, наконец, приводит к тому, что интерес общества переходит с технологии на другие вопросы, и...

— Постойте-ка,— прервал я его.— Уж не хотите ли вы сказать, что та груда разного добра, которую видел Джордж,— это результат того, что человеческая раса далекого будущего отвергла технологическое общество и выбросила различные продукты техники? Но ведь это невозможно. Если даже когда-нибудь

это и случится, то отмирание техники и всех ее атрибутов произойдет постепенно. Люди просто не могут в один прекрасный день решить, что техника им больше не нужна, и начать выбрасывать всевозможные отличные и полезные вещи...

— И все же это возможно,— мрачно произнес полковник.— Это могло быть и в том случае, если отказ явился следствием какого-то религиозного движения. Незнакомец, видимо, как раз и был евангелистским проповедником из будущего. Посмотрите, что он натворил за такое короткое время. Пишущие машинки, радиоприемники, телевизоры, пылесосы, сваленные в кучу у памятника,— это же продукты технологии!

— А как же быть с картиной и ведром алмазов? — возразил я.— Их ведь не назовешь техническими изделиями.

Мы оба вдруг замолчали и уставились друг на друга в сгустившейся темноте. Нам одновременно пришла в голову мысль — как глупо стоять и спорить просто ради спора.

— Не знаю,— пожал плечами полковник Рейнольдс.— Я только высказал предположение. Машина, конечно, пропала навсегда, а с ней и все то, что Джордж сложил на заднем сиденье. Но кое-что у нас все же осталось...

Один из двух полицейских, оставленных сторожить машину, внимательно прислушивался к нашему разговору.

— Простите, что позволю себе вмешаться,— запинаясь, сказал он.— Но от всего этого добра ничего не осталось. Все пропало.

— Все пропало! — в отчаянии закричал я.— И картина, и алмазы?! Но ведь я же предупреждал Чета, чтобы он принял...

— Шериф тут ни при чем,— возразил полицейский.— Он оставил нас двоих здесь, а двоих в здании сторожить вещи. А позднее, когда на площади началась вся эта петрушка, ему понадобились люди и он...

— ...Принес картину, алмазы и все остальное сюда и положил в машину! — с ужасом догадался я, зная Чета и его образ мышления.

— Он считал, что таким образом мы вдвоем сможем охранять все сразу,— оправдывающимся тоном сказал полицейский.— Мы бы прекрасно справились, если бы...

Я повернулся и пошел прочь. Я не желал больше ничего слышать. Попадись мне сейчас Чет, я бы задушил его. Я выбрался на тротуар и почувствовал, что со мной кто-то идет.

Я обернулся — так и есть! — опять полковник. Глядя на меня, он безмолвно произнес: «Джордж». И тут меня осенило, я понял, что он имел в виду.

— Сегодня по телевизору будут передавать встречу «Янки» с «Близнецами»?

Полковник молча кивнул.

— Господи, тогда нужно скорее достать где-нибудь пива!

Мы сделали это в рекордно короткое время, причем каждый притащил по целой дюжине бутылок.

Но Джордж нас перехитрил — он сидел перед телевизором в одних носках и с бутылкой пива в руке следил за перипетиями игры.

Мы не промолвили ни слова, а просто поставили бутылки рядом с ним на пол, чтобы запас, не приведи бог, не кончился раньше времени, вышли в столовую и, тихо сидя в темноте, терпеливо принялись ожидать развития событий.

В шестом периоде ситуация повторилась — «Янки» провели уже двоих, а Мэнтл вышел на удар,— но ничего не произошло. Джордж продолжал потягивать пиво, чесать пятки и смотреть телевизор.

— Возможно, это случится в седьмом периоде,— сказал полковник.

— Возможно,— согласился я.

Мы упорно сидели в столовой, и наши надежды постепенно таяли, ведь до конца сезона «Янки» всего лишь четыре раза встретятся с «Близнецами». А в следующем сезоне Мэнтл, как писали газеты, по всей вероятности, больше не выйдет на поле.

Моя работа пропалывать кукурузу. Но меня беспокоит, что говорит Звяк-Нога. Все наши слушают, что он говорит. Но люди не знают. Он никогда не говорит, то что он говорит, когда люди могут услышать. Люди могут обидеться.

Звяк-Нога путешествует. Туда-сюда. Иногда далеко. Часто возвращается рассказать нам. Хотя почему он рассказывает нам снова и снова, я не понимаю. Он всегда говорит одно и то же.

Он Звяк-Нога, потому что, когда он ходит, у него звякает в ноге. Он не хочет ее чинить. От этого он хромает. Но все равно не хочет. Чтобы жалели. Пока он хромает и звякает, его жалко. Ему нравится, когда его жалеют. Он говорит, это добродетель. Он думает, что он добродетельный.

Смит, он кузнец, говорит, надоело, давай починю. Не так хорошо, как механики. Но лучше, чем вообще не чинить. Механики тоже живут недалеко. Им тоже надоело. Они говорят, Звяк-Нога выпендривается.

Смит добрый. Хочет починить ногу. У него и так много работы. Ему не надо просить работу, как другим роботам. Он все время кует металл. Делает листы. Потом отправляет механикам. Они все чинят. Нужно всегда следить за собой и чинить все вовремя. Все надо чинить самим. Людей, которые умеют, не осталось. Люди остались, но которые остались, не умеют. Слишком утонченные. Которые остались, все благородные. Они никогда не работают.

Я пропалываю кукурузу. Приходит домашний робот и говорит: змеи. Домашние роботы не работают на улице. Приходят за нами. Я спрашиваю, настоящие змеи или самогонные змеи? Он говорит, настоящие змеи. Я оставляю мотыгу под деревом и иду к дому.

© Перевод А. Корженевского.

Дед в гамаке на лужайке. Гамак натянут между двумя деревьями. Дядя Джон сидит на земле у дерева. Па сидит на земле у другого дерева. Па говорит: Сэм, там за домом змеи. Я иду за дом. Там гремучая змея. Я ее ловлю. Она злится и пытается меня укусить. Я иду дальше и ловлю еще гремучую змею, и мокасиновую змею, и двух ужей. Ужи неопасные, но я их все равно беру. Больше змей нет.

Я иду через кукурузное поле, через ручей. К болоту. Там я их выпускаю. Отсюда им потребуется много времени, чтобы добраться до дома. Может, совсем не доберутся.

Я иду на поле и снова пропалываю кукурузу. Должен выдергивать все сорняки. Должен носить воду, когда сухо. Чтобы земля была мягкая. Должен пугать ворон, когда сажаю семена. Должен пугать енотов и оленей, когда кукуруза подрастает. Постоянная работа. Очень важная. Джордж делает из кукурузы самогон. Другие участки кукурузы для еды. Мой для самогона. Я и Джордж партнеры. Мы делаем очень хороший самогон. Дед, Па и дядя Джон употребляют его с большой радостью. Что остается, могут употреблять другие мужчины. Но не женщины. Женщины не употребляют самогон. Я не понимаю, зачем самогон. Дед говорит: вкусно. Я не знаю, что такое вкусно. От самогона дядя Джон видит змей. Этого я тоже не понимаю.

Я пропалываю кукурузу. Слышу за спиной шорох. Я оборачиваюсь и вижу Джошуа. Он читает Библию. Он всегда читает Библию. Он так работает. Он наступает на мою кукурузу. Я кричу на него и бегу к нему. Я ударяю его мотыгой. Он убегает с поля. Я всегда его прогоняю. Должен знать, что нельзя наступать на кукурузу. Он стоит под деревом и читает. Стоит в тени. Выпендривается. Только людям нужно стоять в тени. Роботам не нужно.

Мотыга сломалась об Джошуа. Я иду к Смиту чинить. Смит рад меня видеть. Мы друзья. Мы всегда рады видеть друг друга. Он бросает все и чинит мотыгу. Знает, как важно растить кукурузу. И ему приятно оказать мне услугу. Мы говорим о Звяк-Ноге. Мы соглашаемся, что он говорит неправильно. Он говорит ересь. Смит говорит, есть такое слово. Джошуа, когда перестает сердиться на меня, говорит, как надо его писать. Мы соглашаемся. Люди не такие, как говорит Звяк-Нога. Люди благородные. Надо что-то делать со Звяк-Ногой. Не знаем, что делать. Надо думать еще.

Приходит Джордж. Говорит, я ему нужен. У людей кончается питье. Я иду с ним. Смит продолжает чинить мотыгу. У Джорджа хороший аппарат. Большая производительность. Высокая очистка. Все время пытаемся сделать запас. Не получается. Люди употребляют самогон слишком быстро. Остается четыре двадцатилитровых бутылки. Мы берем каждый две и идем к дому. Мы останавливаемся у гамака. Они говорят: одну оставьте. Три отнесите в сарай. Принесите стаканы. Мы приносим. Наливаем стаканы Деду и Па. Дядя Джон говорит: не надо стакан. Оставьте бутылку рядом со мной. Мы ставим. Дядя Джон достает резиновый шланг. Он опускает один конец в бутылку. Другой берет в рот. Прислоняется к дереву и пьет.

Они выглядят красиво. Дед выглядит счастливым. Он качается в гамаке. Стакан стоит у него на груди. Мы счастливы, что они счастливы. Мы идем работать. Смит отдает мне мотыгу. У нее новая хорошая рукоятка. Я благодарю его. Смит говорит, что он не понимает Звяк-Ногу. Звяк-Нога уверяет, что он читал про то, что говорит. В старых рукописях. Ищет рукописи в древнем городе. Далеко. Смит спрашивает, что я знаю про город. Я ничего не знаю. Мы не понимаем совсем. Кроме того, я не знаю, что такое рукопись. Звучит важно.

Я пропалываю кукурузу. Приходит Проповедник. Я говорю: Джошуа недавно стоял под деревом, читал Библию. Он говорит: Джошуа только читает. Проповедник интерпретирует. Я спрашиваю, что такое — интерпретирует. Он говорит что. Я спрашиваю, как писать. Он говорит как. Он знает, что я учусь писать. Всегда помогает. Но он очень важный.

Наступает ночь. Луны еще нет. Не могу больше пропалывать, потому что ничего не видно. Прислоняю мотыгу к дереву. Иду к Джорджу помогать делать самогон. Джордж рад. Один не справляется.

Я спрашиваю, почему Звяк-Нога говорит одно и то же. Он говорит: повторение. Я спрашиваю зачем. Он не уверен. Думает, что, если повторять одно и то же часто, роботы верят. Люди делали так в давние времена. Чтобы заставлять других людей верить. Я спрашиваю, что он знает про давние времена. Он говорит: мало. Должен помнить больше, но не помнит. Я тоже должен помнить, но не помню. Это было давно.

Джордж разводит хороший огонь под котлом, и он светит на нас. Мы стоим у огня и смотрим. Внутри делается хорошо.

Не знаю, почему от огня хорошо. Сова кричит на болоте. Не знаю, почему крик совы заставляет чувствовать одиночество. Я не одинокий. Рядом со мной Джордж. Я многого не знаю. Что такое рукопись и про город. Что такое вкусно. Что было в давние времена. Но мне хорошо. Никто не понимает, что такое хорошо. Все равно хорошо.

Прибегают домашние роботы. Говорят, дядя Джон болеет. Нужен врач. Говорят, дядя Джон уже не видит змей. Видит теперь голубого крокодила. С розовыми пятнами. Должно быть, дядя Джон сильно болеет. Не бывает голубых крокодилов. С розовыми пятнами.

Джордж говорит, что бежит в дом помогать. Говорит, чтобы я бежал за врачом. Джордж и домашние роботы убегают. Очень быстро. Я бегу да Доком. Очень быстро. Нахожу Дока на болоте. У него есть фонарь. Он выкапывает корешки. Он всегда выкапывает корешки. Все про них знает. Делает из них лекарства, чтобы чинить людей.

Он стоит в грязи. Говорит, плохо, что дядя Джон болеет. Говорит, плохо, что голубой крокодил. Говорит, потом бывает фиолетовый слон. Это совсем плохо.

Мы бежим. Потом я держу фонарь. Док смывает грязь. Он никогда не приходит к людям грязный. Мы берем лекарства и бежим к дому. Появляется луна. Но я не гашу фонарь. Так светлее.

Мы прибегаем к дому. Гамак между деревьями пустой. Ветер качает гамак. Дом высокий и белый. Все окна светятся. Дед сидит в кресле-качалке перед домом. Он раскачивается. Он один. В доме плачут женщины. Через высокое окно я вижу, что внутри. Большая штука, которую люди называют люстрой, висит под потолком. Она стеклянная. В ней много свечей. Все свечи горят. Стекло выглядит красиво. Мебель блестит на свету. Все чисто и отполировано. Домашние роботы работают хорошо. Я горжусь.

Мы поднимаемся по ступенькам. Дед говорит: поздно. Говорит, мой сын Джон умер. Я не понимаю, что такое умер. Когда люди умирают, их кладут в землю. Засыпают. Говорят над ними разные слова. Над головой кладут большой камень. За домом есть специальное место для тех, кто умер. Там много камней. Некоторые новые. Некоторые старые. Есть такие старые, что на них нельзя разобрать буквы.

Док вбегает в дом. Хочет убедиться, что Дед не ошибся. Я стою и не знаю, что делать. Очень печально. Не знаю почему. Знаю только, что, когда умер, это плохо. Наверно, потому что Дед очень печальный. Он говорит: Сэм, садись, поговорим. Я говорю: я не могу сидеть. Роботы стоят, когда люди сидят. Нельзя забывать обычай. Он говорит: к чертовой матери забудь свою упрямую гордость. Садись. Сидеть хорошо. Я все время сижу. Согни колени и садись. Он говорит: вон в то кресло. Я смотрю на кресло. Думаю, что может сломаться. Кресло сделано для людей. Роботы тяжелее людей. Не хочется сломать кресло. Чтобы его сделать, надо много времени. Роботы-плотники тратят много времени, чтобы сделать кресло.

Дед приказывает садиться. Я думаю: ладно не мое дело. Сажусь. Кресло скрипит, но не ломается. Сидеть хорошо. Я немного раскачиваюсь. Раскачиваться тоже хорошо. Мы сидим и смотрим на лужайку. Светит луна. Лужайка красивая в лунном свете. Дальше видны деревья и кукурузные поля.

Дед говорит: что за черт, человек живет всю жизнь, ничего не делает и умирает от самогона. Я спрашиваю, почему от самогона. Обидно, что Дед говорит — от самогона. Мы с Джорджем делаем очень хороший самогон. Дед говорит: отчего же еще. Только от самогона бывают голубые крокодилы с розовыми пятнами. Про фиолетового слона он не говорит. Я думаю, что такое слон. Этого я тоже не знаю.

Дед говорит: Сэм, мы все ни к черту не годимся. Ни вы, ни мы. Люди только сидят целыми днями и ни черта не делают. Немного охотятся. Немного ловят рыбу. Играют в карты. Пьют. Нужно делать что-то большое и важное. А мы не делаем. Когда мы живем, мы никому не нужны. Когда мы умираем, никто про нас не вспоминает. Ни к черту мы не годимся.

Он качается в кресле. Мне не нравится, что он говорит. Ему печально. Но благородные люди не должны так говорить. Они должны лежать в гамаке и не говорить таких слов. Мне неуютно. Хочется уйти, но это невежливо.

У подножья холма собираются роботы. Стоят. Смотрят на дом. Потом подходят ближе. Стоят молча. Сочувствуют. Дают людям понять, что им тоже печально.

Дед говорит: мы все отбросы. Давно это понимал, но не мог сказать. Теперь могу. Живем как в болоте. Все разваливается, потому что нам ни до чего нет дела. Охотимся понемно-

гу. Ловим рыбу. Пьем. Сидим целыми днями и треплемся. И ни черта не делаем. Потому что мы отбросы.

Я хочу его остановить. Я говорю: Дед, не надо. Я не хочу его слушать. Он говорит то, что говорит Звяк-Нога. Он не обращает на меня внимания. Продолжает говорить.

Он говорит: давно-давно люди научились летать к звездам. Очень быстро. Во много раз быстрее скорости света. Они нашли много хороших планет. Лучше, чем Земля. Намного лучше. Построили много кораблей. Все улетели. Все, кроме нас. Нас оставили. Умные улетели. Работяги улетели. А бродяг, бездельников и лентяев оставили. Мы никому не нужны на их новых планетах. Когда все улетели, мы переселились в хорошие дома. Нас некому было остановить. Им все равно, что мы тут делаем. Так и живем. Ничего не делаем и не меняемся. Нам ни к чему. Все за нас делаете вы. А мы ни черта не делаем. Даже не учимся читать. Когда над могилой сына будут читать молитву, это будет делать кто-то из вас.

Я говорю: не надо, не надо так говорить. Я весь плачу внутри. Своими словами он ломает красоту. Он отбирает гордость и смысл. Он делает то, что не мог сделать Звяк-Нога.

Он говорит: вам тоже нечем гордиться. Мы все никуда не годимся. Хороших роботов тоже взяли с собой. А вас оставили здесь. Потому что вы устарели. Потому что вы неуклюжие и неаккуратные. Вы не нужны им. И нас и вас оставили здесь, потому что никто из нас не стоит даже места, которое мы заняли бы в ракете.

Док выходит из дома. Говорит, у меня есть для тебя работа. Я пытаюсь встать из кресла и не могу. В первый раз не могу сделать то, что хочу. Ноги меня не слушаются. Дед говорит: Сэм, я на тебя рассчитываю. Когда он говорит так, я поднимаюсь из кресла. Иду вниз по лужайке. Я знаю, что делать. Док может не говорить. Я уже делал раньше.

Я говорю с другими роботами. Ты и ты — копать могилу. Ты и ты — делать гроб. Ты и ты — бежать в другие дома. Сказать всем людям, что дядя Джон умер. Сказать, пусть приходят на похороны. Сказать, надо красивые похороны. Много плакать, много есть, много пить. Ты найди Проповедника. Пусть готовит молитвы. Ты найди Джошуа. Пусть читает Библию. Ты, ты и ты идите к Джорджу помогать делать самогон. Придут другие люди. Надо, чтобы было красиво.

Все работают. Я иду по лужайке. Думаю о гордости и потере. Красота уходит. Радость уходит. Гордость уходит. Не вся гордость. Немного остается. Дед говорит: Сэм, я рассчитываю на тебя. Это гордость. Не как раньше, но все равно я ему нужен.

Никто больше не знает. Дед не говорит никому то, что сказал мне. Это секрет. Печальный секрет. Все думают по-старому. Звяк-Нога не мешает. Никто не верит Звяк-Ноге. Никто не знает, что он говорит правду. Правда тяжелая. Пусть все остается по-старому. Только я знаю. Дед очень хотел сказать. Не знаю, почему мне. Наверно, он любит меня больше всех. Я горжусь. Но я весь внутри плачу...

1

Он бродил по холмам, вызнавая, что видели эти холмы в каждую из геологических эр. Он слушал звезды и записывал, что они говорили. Он обнаружил существо, замурованное в толще скал. Он взбирался на дерево, на которое до того взбирались только дикие кошки, когда возвращались домой в пещеру, высеченную временем и непогодой в суровой крутизне утеса. Он жил в одиночестве на заброшенной ферме, взгромоздившейся на высокий и узкий гребень над слиянием двух рек. А его ближайший сосед — хватило же совести — отправился за тридцать миль в окружной городишко и донес шерифу, что он, читающий тайны холмов и внимающий звездам, ворует кур.

Примерно через неделю шериф заехал на ферму и, перейдя двор, заметил человека, который сидел на веранде в кресле-качалке лицом к заречным холмам. Шериф остановился у подножия лесенки, ведущей на веранду, и представился:

— Шериф Харли Шеперд. Завернул к вам по дороге. Лет пять, наверное, не заглядывал в этот медвежий угол. Вы ведь здесь новосел, так?

Человек поднялся на ноги и, показав жестом на кресло рядом со своим, ответил:

— Я здесь уже три года. Зовут меня Уоллес Дэниельс. Поднимайтесь сюда, посидим, потолкуем.

Шериф вскарабкался по лесенке, они обменялись рукопожатием и опустились в кресла.

— Вы, я смотрю, совсем не обрабатываете землю,— сказал шериф.

Заросшие сорняками поля подступали вплотную к опоясывающей двор ограде. Дэниельс покачал головой:

© Перевод О. Битова.

— На жизнь хватает, а большего мне и не надо. Держу кур, чтоб несли яйца. Парочку коров, чтоб давали молоко и масло. Свиней на мясо — правда, забивать их сам не могу, приходится звать на помощь. Ну и еще огород — вот, пожалуй, и все.

— И того довольно,— поддержал шериф.— Ферма-то уже ни на что другое не годна. Старый Эймос Уильямс разорил тут все вконец. Хозяин он был прямо-таки никудышный...

— Зато земля отдыхает,— отвечал Дэниельс.— Дайте ей десять лет, а еще лучше двадцать, и она будет родить опять. А сейчас она годится разве что для кроликов и сурков да мышей-полевок. Ну и птиц тут, ясное дело, не счесть. Перепелок такая прорва, какой я в жизни не видел.

— Белкам тут всегда было раздолье,— подхватил шериф.— И енотам тоже. Думаю, еноты у вас и сейчас есть. Вы не охотник, мистер Дэниельс?

— У меня и ружья-то нет,— отвечал Дэниельс.

Шериф глубоко откинулся в кресле, слегка покачиваясь.

— Красивые здесь места,— объявил он.— Особенно перед листопадом. Листья словно кто специально раскрасил. Но изрезано тут у вас просто черт знает как. То и дело вверх-вниз... Зато красиво.

— Здесь все сохранилось как было встарь,— сказал Дэниельс.— Море отступило отсюда в последний раз четыреста миллионов лет назад. С тех пор, с конца силурийского периода, здесь суша. Если не забираться на север, к самому Канадскому щиту, то немного сыщется в нашей стране уголков, не изменявшихся с таких давних времен.

— Вы геолог, мистер Дэниельс?

— Куда мне! Интересуюсь, и только. По правде сказать, я дилетант. Нужно же как-нибудь убить время, вот и брожу по холмам, лазаю вверх да вниз. А на холмах хочешь не хочешь столкнешься с геологией лицом к лицу. Мало-помалу заинтересовался. Нашел однажды окаменевших брахиоподов, решил про них разузнать. Выписал себе книжек, начал читать. Одно потянуло за собой другое, ну и...

— Брахиоподы — это как динозавры, что ли? В жизни не слыхивал, чтобы здесь водились динозавры.

— Нет, это не динозавры,— отвечал Дэниельс.— Те, каких я нашел, жили много раньше динозавров. Они совсем маленькие, вроде моллюсков или устриц. Только раковины закру-

чены по-другому. Мои брахиоподы очень древние, вымершие миллионы лет назад. Но есть и виды, уцелевшие до наших дней. Правда, таких немного.

— Должно быть, интересное дело.

— На мой взгляд, да,— отвечал Дэниельс.

— Вы знавали старого Эймоса Уильямса?

— Нет, он умер раньше, чем я сюда перебрался. Я купил землю через банк, который распоряжался его имуществом.

— Старый дурак,— заявил шериф.— Перессорился со всеми соседями. Особенно с Беном Адамсом. Они с Беном вели тут форменную междоусобную войну. Бен утверждал, что Эймос не желает чинить ограду. А Эймос обвинял Бена, что тот нарочно валит ее, чтобы запустить свой скот — вроде по чистой случайности — на сенокосные угодья Эймоса. Между прочим, как вы с Беном ладите?

— Да ничего,— отвечал Дэниельс.— Пожаловаться не на что. Я его почти и не знаю.

— Бен тоже в общем-то не фермер,— сказал шериф.— Охотится, рыбачит, ищет женьшень, зимой не брезгует браконьерством. А то вдруг заведется и затеет поиски минералов...

— Здесь под холмами и в самом деле кое-что припрятано,— отвечал Дэниельс.— Свинец и цинк. Но добывать их невыгодно: истратишь больше, чем заработаешь. При нынешних-то ценах...

— И все-то Бену неймется,— продолжал шериф.— Хлебом его не корми, только бы завести склоку. Только бы с кем-нибудь схлестнуться, что-нибудь пронюхать, к кому-нибудь пристать. Не дай бог враждовать с таким. На днях пожаловал ко мне с кляузой, что недосчитался нескольких кур. А у вас куры часом не пропадали?

Дэниельс усмехнулся:

— Тут неподалеку живет лиса, и она иной раз взимает с моего курятника определенную дань. Но я на нее не сержусь.

— Странная вещь,— заявил шериф.— Кажется, нет на свете ничего, что взъярило бы фермера больше, чем пропажа цыпленка. Не спорю, цыпленок тоже денег стоит, но не столько же, чтобы впадать в ярость...

— Если Бен недосчитывается кур,— отвечал Дэниельс,— то похоже, что виновница — моя лиса.

— Ваша? Вы говорите о ней так, будто она ваша собственная...

— Нет, конечно. Лиса ничья. Но она живет здесь, на холмах, как и я. Я считаю, что мы с ней соседи. Изредка я встречаю ее и наблюдаю за ней. Может, это и значит, что отчасти она теперь моя. Хотя не удивлюсь, если она наблюдает за мной куда чаще, чем я за ней. Она ведь проворней меня.

Шериф грузно поднялся с кресла.

— До чего же не хочется уходить,— сказал он.— Поверьте, я с большим удовольствием посидел с вами, потолковал, поглядел на ваши холмы. Вы, наверное, часто на них глядите.

— Очень часто,— отвечал Дэниельс.

Он сидел на веранде и смотрел вслед машине шерифа. Вот она одолела подъем на дальнюю гряду и скрылась из виду.

«Что все это значило?» — спросил он себя. Шериф не просто «завернул по дороге». Шериф был здесь по делу. Вся эта праздная, дружелюбная болтовня преследовала какую-то цель, и шериф, болтая, ухитрился задать Дэниельсу кучу вопросов.

Быть может, неожиданный визит как-то связан с Беном Адамсом? В чем же, спрашивается, провинился этот Бен — разве в том, что он лентяй до мозга костей? Нагловатый, подловатый, но лентяй. Может, шериф прослышал, что Адамс помаленьку варит самогон, и решил навестить соседей в надежде, что кто-нибудь проговорится? Напрасный труд — никто, конечно, не проболтается: чихать соседям на самогон, от самогона никому никакого вреда. Сколько там Бен наварит — разве можно принимать это всерьез? Бен слишком ленив, и не стоит принимать его всерьез, что бы он ни затеял.

Снизу, от подножия холмов, донеслось позвякивание колокольчиков. Две коровы Дэниельса решили сами вернуться домой. Выходит, сейчас уже гораздо позже, чем он предполагал. Не то чтобы точное время имело для Дэниельса какое-либо значение. Вот уже несколько месяцев он не следил за временем — с тех пор как разбил часы, сорвавшись с утеса. И даже не удосужился отдать их в починку. Он не испытывал нужды в часах. На кухне, правда, стоял старый колченогий будильник, но это был сумасбродный механизм, не заслуживающий доверия. Дэниельс, как правило, и не вспоминал про будильник.

«Посижу еще чуточку,— подумал он,— и придется взять себя в руки и заняться хозяйством. Подоить коров, накормить свиней и кур, собрать яйца...» С той поры как на огороде поспели

овощи, у него почти не осталось забот. На днях, конечно, надо будет снести тыквы в подвал, а потом выбрать три-четыре самые большие и выдолбить для соседских ребятишек, чтобы понаделали себе страшилищ на праздники. Интересно, что лучше: самому вырезать на тыквах рожи или предоставить ребятне сделать это по своему усмотрению?..

Но колокольчики звякали еще далеко; в его распоряжении было пока что немало времени. Дэниельс откинулся в кресле и замер, вглядываясь в холмистую даль.

И холмы сдвинулись с мест и стали меняться у него на глазах.

Когда такое произошло впервые, он испугался до одури. Теперь-то он уже немного привык.

Он смотрел — а холмы меняли свои очертания. На холмах появлялась иная растительность, диковинная жизнь.

На этот раз он увидел динозавров. Целое стадо динозавров, впрочем, не слишком крупных. По всей вероятности, середина триасового периода. Но главное — на этот раз он лишь смотрел на них издали, и не больше. Смотрел с безопасного расстояния, на что походило давнее прошлое, а не ворвался в самую гущу событий прошлого, как нередко случалось.

И хорошо, что не ворвался,— ведь его ждали домашние дела.

Разглядывая прошлое, Дэниельс вновь и вновь терялся в догадках: на что же еще он способен теперь? Он ощущал беспокойство — но беспокоили его не динозавры, и не более ранние земноводные, и не прочие твари, жившие на холмах во время оно. По-настоящему его тревожило лишь существо, погребенное в глубине под пластами известняка.

Надо, непременно надо рассказать об этом существе людям. Подобное знание не может, не должно угаснуть. Тогда в грядущие годы — допустим, лет через сто, если земная наука достигнет таких высот, чтобы справиться с задачей,— можно будет попытаться понять, а то и освободить обитателя каменных толщ.

Разумеется, надо оставить записи, подробные записи. Кому, как не ему, Дэниельсу, позаботиться об этом? Именно так он и делал — день за днем, неделя за неделей отчитывался о том, что видел, слышал и узнавал. Три толстые конторские книги уже были заполнены аккуратным почерком от корки

до корки, и начата четвертая. В книгах все изложено со всей полнотой, тщательностью и объективностью, на какие он только способен.

Однако кто поверит тому, что там написано? Еще важнее — кто вообще заглянет в эти записи? Более чем вероятно, что им суждено пылиться где-нибудь на дальней полке до скончания веков и ничья рука даже не коснется их. И если даже кто-нибудь когда-нибудь снимет книги с полки и не поленится, стряхнув скопившуюся пыль, перелистать страницы, то разве мыслимо, чтоб он или она поверили тому, что прочтут?

Ясно как день — надо сначала убедить кого-то в своей правоте. Самые искренние слова, если они принадлежат умершему, к тому же умершему в безвестности, нетрудно объявить игрой больного воображения. Другое дело, если кто-то из ученых с солидной репутацией выслушает Дэниельса и засвидетельствует, что записи заслуживают доверия; тогда и только тогда все записанное — и о том, что происходило в древности на холмах, и о том, что скрыто в их недрах,— обретет силу факта и привлечет серьезное внимание будущих поколений.

К кому обратиться — к биологу? К невропатологу? К психиатру? К палеонтологу?

Пожалуй, не играет роли, какую отрасль знаний будет представлять этот ученый. Только бы он выслушал, а не высмеял. Это главное — чтобы выслушал, а не высмеял.

Сидя у себя на веранде и разглядывая динозавров, щиплющих травку на холмах, человек, умеющий слушать звезды, вспомнил, как однажды рискнул прийти к палеонтологу.

— Бен,— сказал шериф,— что-то тебя не туда занесло. Не станет этот Дэниельс красть у тебя кур. У него своих хватает.

— Вопрос только в том,— откликнулся Адамс,— откуда он их берет.

— Ерунда,— сказал шериф.— Он джентльмен. Это сразу видно, едва заговоришь с ним. Образованный джентльмен.

— Если он джентльмен,— спросил Адамс,— тогда чего ему надо в нашей глуши? Здесь джентльменам не место. Как переехал сюда два не то три года назад, с тех самых пор пальцем о палец не ударил. Только и знает, что шляться вверх да вниз по холмам...

— Он геолог,— сказал шериф.— Или, по крайней мере, интересуется геологией. Такое у него увлечение. Говорит, что ищет окаменелости.

Адамс насторожился, как пес, приметивший кролика.

— Ах, вот оно что,— произнес он.— Держу пари, никакие он не окаменелости ищет.

— Брось,— сказал шериф.

— Он минералы ищет,— продолжал Адамс.— Полезные ископаемые разведывает, вот что он делает. В этих холмах минералов невпроворот. Надо только знать, где искать.

— Ты же сам потратил на поиски уйму времени,— заметил шериф.

— Я не геолог. Геолог даст мне сто очков вперед. Он знает породы и всякое такое.

— Не похоже, чтобы Дэниельс занимался разведкой. Интересуется геологией, вот и все. Откопал каких-то окаменелых моллюсков.

— А может, он ищет клады,— предположил Адамс.— Может, у него карта есть или какой-нибудь план?

— Да черт тебя возьми,— вскипел шериф,— ты же сам знаешь, что кладов здесь нет и в помине.

— Должны быть,— настаивал Адамс.— Здесь когда-то проходили французы и испанцы. А уж они понимали толк в кладах, что французы, что испанцы. Отыскивали золотоносные жилы. Закапывали сокровища в пещерах. Неспроста в той пещере за рекой нашелся скелет в испанских латах, а рядом скелет медведя и ржавый меч, воткнутый точнехонько туда, где у медведя была печенка...

— Болтовня,— сказал шериф брезгливо.— Какой-то дурень раззвонил, а ты поверил. Из университета приезжали, хотели этот скелет найти. И выяснилось, что все это чушь собачья.

— А Дэниельс все равно лазает по пещерам,— возразил Адамс.— Своими глазами видел. Сколько часов он провел в пещере, которую мы зовем Кошачьей берлогой! Чтобы попасть туда, надо забираться на дерево.

— Ты что, следил за ним?

— Конечно, следил. Он что-то задумал, и я хочу знать что.

— Смотри, как бы он тебя не застукал за этим занятием,— сказал шериф.

Адамс предпочел пропустить замечание мимо ушей.

— Все равно,— заявил он,— если у нас тут и нет кладов, то полным-полно свинца и цинка. Тот, кто отыщет залежь, заработает миллион.

— Сперва отыщи капитал, чтоб открыть дело,— заметил шериф.

Адамс ковырнул землю каблуком.

— Так, стало быть, он, по-вашему, ни в чем не замешан?

— Он мне говорил, что у него у самого пропадали куры. Их, верно, утащила лиса. Очень даже похоже, что с твоими приключилось то же самое.

— Если лиса таскает у него кур,— спросил Адамс,— почему же он ее не застрелит?

— А это его не волнует. Он вроде бы считает, что лиса имеет право на добычу. Да у него и ружья-то нет.

— Ну, если у него нет ружья и душа не лежит к охоте, почему бы не разрешить поохотиться другим? А он, как увидел у меня с ребятами ружьишко, так даже не пустил к себе на участок. И вывесок понавешал: «Охота воспрещена». Разве это по-соседски? Как тут прикажете с ним ладить? Мы испокон веку охотились на этой земле. Уж на что старый Эймос был не из уживчивых, и то не возражал, чтобы мы там постреляли немного. Мы всегда охотились где хотели, и никто не возражал. Мне вообще сдается, что на охоту не должно быть ограничений. Человек вправе охотиться там, где пожелает...

Шериф присел на скамеечку, врытую в истоптанный грунт перед ветхим домишком, и огляделся. По двору, апатично поклевывая, бродили куры; тощий пес, вздремнувший в тени, подергивал шеей, отгоняя редких осенних мух; старая веревка, протянутая меж двумя деревьями, провисла под тяжестью мокрой одежды и полотенец, а к стенке дома была небрежно прислонена большая лохань. «Господи,— подумал шериф,— ну неужели человеку лень купить себе пристойную бельевую веревку вместо этой мочалки!..»

— Бен,— сказал он,— ты просто затеваешь свару. Тебе не нравится, что Дэниельс живет на ферме, не возделывая полей, ты обижен, что он не дает тебе охотиться на своей земле. Но он имеет право жить где ему заблагорассудится и имеет право не разрешать охоту. На твоем месте я бы оставил его в покое. Никто не заставляет тебя любить его, можешь, если не хочешь, вовсе с ним не знаться — но не возводи на него напраслину. За это тебя недолго и к суду привлечь.

2

...Войдя в кабинет палеонтолога, Дэниельс даже не сразу разглядел человека, сидящего в глубине комнаты у захламленного стола. И вся комната была захламлена. Повсюду длинные стенды, а на стендах куски пород с вросшими окаменелостями. Там и сям кипы бумаг. Большая, плохо освещенная комната производила неприятное, гнетущее впечатление.

— Доктор! — позвал Дэниельс.— Вы доктор Торн?

Человек встал, воткнув трубку в полную до краев пепельницу. Высокий и плотный, седеющие волосы взъерошены, лицо обветренное, в морщинах. Он двинулся навстречу гостю, волоча ноги, как медведь.

— Вы, должно быть, Дэниельс,— сказал он.— Да, должно быть, так. У меня на календаре помечено, что вы придете в три. Хорошо, что не передумали.

Рука Дэниельса утонула в его лапище. Он указал на кресло подле себя, сел сам и, высвободив трубку из пластов пепла, принялся набивать ее табаком из большой коробки, занимающей центр стола.

— Вы писали, что хотите видеть меня по важному делу,— продолжал он.— Впрочем, все так пишут. Но в вашем письме было, должно быть, что-то особенное — настоятельность, искренность, не знаю что. Понимаете, у меня нет времени принимать каждого, кто мне пишет. И все до одного, понимаете, что-нибудь нашли. Что же такое нашли вы, мистер Дэниельс?

Дэниельс ответил:

— Право, доктор, не знаю, как и начать. Пожалуй, лучше сперва сказать, что у меня случилось что-то странное с головой...

Торн раскуривал трубку. Не вынимая ее изо рта, проворчал:

— В таком случае я, наверное, не тот, к кому вам следовало бы обратиться. Есть много других...

— Да нет, вы меня неправильно поняли,— перебил Дэниельс.— Я не собираюсь просить о помощи. Я совершенно здоров и телом и душой. Правда, лет пять назад я попал в автомобильную катастрофу. Жена и дочь погибли, а меня тяжело ранило...

— Мои соболезнования, мистер Дэниельс.

— Спасибо. Но это уже в прошлом. Мне выпали трудные дни, однако я кое-как выкарабкался. К вам меня привело другое. Я уже упоминал, что был тяжело ранен...

— Мозг затронут?

— Незначительно. По крайней мере, врачи утверждали, что совсем незначительно. Небольшое сотрясение, только и всего. Хуже было с раздавленной грудью и пробитым легким...

— А сейчас вы вполне здоровы?

— Будто и не болел никогда. Но разум мой со дня катастрофы стал иным. Словно у меня появились новые органы чувств. Я теперь вижу и воспринимаю вещи, казалось бы, совершенно немыслимые...

— Галлюцинации?

— Да нет. Уверен, это не галлюцинации. Я вижу прошлое.

— Как это понимать — видите прошлое?

— Позвольте, я попробую объяснить,— сказал Дэниельс,— с чего все началось. Три года назад я купил заброшенную ферму в юго-западной части Висконсина. Выбрал место, где можно укрыться, спрятаться от людей. С тех пор как не стало жены и дочери, я испытывал отвращение ко всем на свете. Первую острую боль потери я пережил, но мне нужна была нора, чтобы зализать свои раны. Не думайте, что я себя оправдываю,— просто стараюсь объективно разобраться, почему я поступил так, а не иначе, почему купил ферму.

— Да, я понимаю вас,— откликнулся Торн.— Хоть и не убежден, что прятаться — наилучший выход из положения.

— Может, и нет, но тогда мне казалось, что это выход. И случилось то, на что я надеялся. Я влюбился в окрестные края. Эта часть Висконсина — древняя суша. Море не подступало сюда четыреста миллионов лет. И ледники в плейстоцене почему-то сюда тоже не добрались. Что-то изменялось, конечно, но только в результате выветривания. Весь район не знал ни смещения пластов, ни резких эрозионных процессов — никаких катаклизмов...

— Мистер Дэниельс,— произнес Торн раздраженно,— я что-то не совсем понимаю, в какой мере это касается...

— Прошу прощения. Я как раз и пытаюсь подвести разговор к тому, с чем пришел к вам. Начиналось все не сразу, а постепенно, и я, признаться, думал, что сошел с ума, что мне мерещится, что мозг поврежден сильнее, чем предполагали, и я в конце концов рехнулся. Понимаете, я много ходил

пешком по холмам. Местность там дикая, изрезанная и красивая, будто нарочно для этого созданная. Устанешь от ходьбы — тогда ночью удается заснуть. Но по временам холмы менялись. Сперва чуть-чуть. Потом больше и больше — и наконец на их месте стали появляться пейзажи, каких я никогда не видел, каких никто никогда не видел.

Торн нахмурился:

— Вы хотите уверить меня, что пейзажи становились такими, как были в прошлом?

Дэниельс кивнул:

— Необычная растительность, странной формы деревья. В более ранние эпохи, разумеется, никакой травы. Подлесок — папоротники и стелющиеся хвощи. Странные животные, странные твари в небе. Саблезубые тигры и мастодонты, птерозавры, пещерные носороги...

— Все одновременно? — не стерпев, перебил Торн.— Все вперемешку?

— Ничего подобного. Все, что я вижу, каждый раз относится к строго определенному периоду. Никаких несоответствий. Сперва я этого не знал, но когда мне удалось убедить себя, что мои видения — не бред, я выписал нужные книги и проштудировал их. Конечно, мне никогда не стать специалистом — ни геологом, ни палеонтологом,— но я нахватался достаточно, чтобы отличать один период от другого и до какой-то степени разбираться в том, что я вижу.

Торн вынул трубку изо рта и водрузил на пепельницу. Провел тяжелой рукой по взъерошенным волосам.

— Это невероятно,— сказал он.— Такого просто не может быть. Вы говорите, эти явления начинались у вас постепенно?

— Вначале я видел все как в тумане — прошлое, смутным контуром наложенное на настоящее. Потом настоящее потихоньку бледнело, а прошлое проступало отчетливее и резче. Теперь не так. Иногда настоящее, прежде чем уступить место прошлому, словно бы мигнет раз-другой, но по большей части перемена внезапна, как молния. Настоящее вдруг исчезает, и я попадаю в прошлое. Прошлое окружает меня со всех сторон. От настоящего не остается и следа.

— Но ведь на самом-то деле вы не можете перенестись в прошлое? Я подразумеваю — физически...

— В отдельных случаях я ощущаю себя вне прошлого. Я нахожусь в настоящем, а меняются лишь дальние холмы

или речная долина. Но обычно меняется все вокруг, хотя самое смешное в том, что вы совершенно правы — на самом деле я в прошлое отнюдь не переселяюсь. Я вижу его, и оно представляется мне достаточно реальным, чтобы двигаться, не покидая его пределов. Я могу подойти к дереву, протянуть руку и ощупать пальцами ствол. Но воздействовать на прошлое я не могу. Как если бы меня там вовсе не было. Звери меня не замечают. Я проходил буквально в двух шагах от динозавров. Они меня не видят, не слышат и не обоняют. Если бы не это, я бы уже сто раз погиб. А так я словно на сеансе в стереокино. Сперва я очень беспокоился о возможных несовпадениях рельефа. Ночами просыпался в холодном поту: мне снилось, что я перенесся в прошлое и тут же ушел в землю по самые плечи — за последующие века эту землю сдуло и смыло. Но в действительности ничего подобного не происходит. Я живу в настоящем, а спустя секунду оказываюсь в прошлом. Словно между ними есть дверь и я просто переступаю порог. Я уже говорил вам, что физически я в прошлое не попадаю — но ведь и в настоящем тоже не остаюсь! Я пытался раздобыть доказательства. Брал с собой фотоаппарат и делал снимки. А когда проявлял пленку, то вынимал ее из бачка пустой. Никакого прошлого — однако, что еще важнее, и настоящего тоже! Если бы я бредил наяву, фотоаппарат запечатлевал бы сегодняшний день. Но, очевидно, вокруг меня просто не было ничего, что могло бы запечатлеться на пленке. Ну а если, думалось мне, аппарат неисправен или пленка неподходящая? Тогда я перепробовал несколько камер и разные типы пленок — с тем же результатом. Снимков не получалось. Я пытался принести что-нибудь из прошлого. Рвал цветы, благо цветов там пропасть. Рвать их удавалось без труда, но назад в настоящее я возвращался с пустыми руками. Делал я и попытки другого рода. Думал, нельзя перенести только живую материю, например цветы, а неорганические вещества можно. Пробовал собирать камни, но донести их домой тоже не сумел...

— А брать с собой блокнот и делать зарисовки вы не пытались?

— Думал было, но пытаться не стал. Я не силен в рисовании,— и кроме того, рассудил я, что толку? Блокнот все равно останется чистым.

— Но вы же не пробовали!

— Нет,— признался Дэниельс,— не пробовал. Время от времени я делаю зарисовки задним числом, когда возвращаюсь в настоящее. Не каждый раз, но время от времени. По памяти. Но я уже говорил вам — в рисовании я не силен.

— Не знаю, что и ответить,— проронил Торн.— Право, не знаю. Звучит ваш рассказ совершенно неправдоподобно. Но если вдруг тут все-таки что-то есть... Послушайте, и вы нисколько не боялись? Сейчас вы говорите об этом самым спокойным, обыденным тоном. Но сначала-то вы должны были испугаться!

— Сначала,— подтвердил Дэниельс,— я окаменел от ужаса. Я не просто ощутил страх за свою жизнь, не просто испугался, что попал куда-то, откуда нет возврата,— я ужаснулся, что сошел с ума. А потом еще и чувство непередаваемого одиночества...

— Одиночества?..

— Может, это не точное слово. Может, правильнее сказать — неуместности. Я находился там, где находиться не имел никакого права. Там, где человек еще не появлялся и не появится в течение миллионов лет. Мир вокруг был таким непередаваемо чужим, что хотелось съежиться и забиться в укромный угол. На самом-то деле это не мир был чужим, а я был чужим в том мире. Меня и в дальнейшем нет-нет да и охватывало такое чувство. И хоть оно теперь для меня не внове и я вроде бы научился давать ему отпор, иной раз такая тоска накатит... В те далекие времена самый воздух был иным, самый свет,— впрочем, это, наверное, игра воображения...

— Почему же, не обязательно,— отозвался Торн.

— Но главный страх теперь прошел, совсем прошел. Страх, что я сошел с ума. Теперь я уверен, что рассудок мне не изменил.

— Как уверены? Как может человек быть в этом уверен?

— Звери. Существа, которых я там видел.

— Ну да, вы же потом узнавали их на иллюстрациях в книгах, которые прочли.

— Нет, нет, соль не в этом. Не только в этом. Разумеется, картинки мне помогли. Но в действительности все наоборот. Соль не в сходстве, а в отличиях. Понимаете, ни одно из этих существ не повторяет свое изображение в книгах. А иные так и вовсе не походят на изображения — на те рисунки, что сделаны палеонтологами. Если бы звери оказались точь-в-точь такими, как на рисунках, я мог бы по-прежнему считать, что это

галлюцинации, повторяющие то, что я прочел либо увидел в книгах. Мол, воображение питается накопленным знанием. Но если обнаруживаются отличия, то логика требует допустить, что мои видения реальны. Как иначе мог бы я узнать, что у тираннозавра подгрудок окрашен во все цвета радуги? Как мог бы догадаться, что у некоторых разновидностей саблезубых были кисточки на ушах? Какое воображение способно подсказать, что у гигантов, живших в эоцене, шкуры были пятнистые, как у жирафов?

— Мистер Дэниельс,— обратился к нему Торн.— Мне трудно безоговорочно поверить в то, что вы рассказали. Все, чему меня когда-либо учили, восстает против этого. И я не могу отделаться от мысли, что не стоит тратить время на такую нелепицу. Но несомненно, что сами вы верите в свой рассказ. Вы производите впечатление честного человека. Скажите, вы беседовали на эту тему с кем-нибудь еще? С другими палеонтологами? Или с геологами? Или, может быть, с психиатром?

— Нет,— ответил Дэниельс.— Вы первый специалист, первый человек, которому я об этом рассказал. Да и то далеко не все. Честно признаться, это было только вступление.

— Бог мой, как прикажете вас понимать? Только вступление?..

— Да, вступление. Понимаете, я еще слушаю звезды.

Торн вскочил на ноги и принялся сгребать в кучу бумажки, разбросанные по столу. Он схватил из пепельницы потухшую трубку и стиснул ее зубами. Когда он заговорил снова, голос его звучал сухо и безучастно:

— Спасибо за визит. Беседа с вами была весьма поучительной.

3

«И надо же было,— клял себя Дэниельс,— так оплошать. Надо же было заикнуться про звезды!..» До этих слов все шло хорошо. Торн, конечно же, не поверил, но был заинтригован и согласен слушать дальше и, не исключено, мог бы даже провести небольшое расследование, хотя, без сомнения, втайне ото всех и крайне осторожно.

«Вся беда,— размышлял Дэниельс,— в навязчивой идее насчет существа, замурованного в толще скал. Прошлое — пус-

тяки: куда важнее рассказать про существо в скалах... Но чтобы рассказать, чтобы объяснить, как ты дознался про это существо, волей-неволей приходится помянуть и про звезды».

«Надо было живей шевелить мозгами,— попрекал себя Дэниельс.— И попридержать язык. Ну не глупо ли: в кои-то веки нашелся человек, который, пусть не без колебаний, готов был тебя выслушать, а не просто поднять на смех. И вот ты из чувства благодарности к нему сболтнул лишнее...»

Из-под плохо пригнанных рам в комнату проникали юркие сквознячки и, взобравшись на кухонный стол, играли пламенем керосиновой лампы. Вечером, едва Дэниельс успел подоить коров, поднялся ветер, и теперь весь дом содрогался под штормовыми ударами. В дальнем углу комнаты в печи пылали дрова, от огня по полу бежали светлые дрожащие блики, а в дымоходе, когда ветер задувал в трубу, клокотало и хлюпало.

Дэниельсу вспомнилось, как Торн недвусмысленно намекал на психиатра. Может, и правда, следовало бы сначала обратиться к специалисту такого рода. Может, прежде чем пытаться заинтересовать других тем, что он видит и слышит, следовало бы выяснить, как и почему он видит и слышит неведомое другим. Только человек, глубоко знающий строение мозга и работу сознания, в состоянии ответить на эти вопросы — если ответ вообще можно найти.

Неужели травма при катастрофе так изменила, так переиначила мыслительные процессы, что мозг приобрел какие-то новые, невиданные свойства? Возможно ли, чтобы сотрясение и нервное расстройство вызвали к жизни некие дремлющие силы, которым в грядущие тысячелетия суждено развиваться естественным, эволюционным путем? Выходит, повреждение мозга как бы замкнуло эволюцию накоротко и дало ему — одному ему — способности и чувства, чуть не на миллион лет обогнавшие свою эпоху?

Это казалось ну если не безупречным, то единственно приемлемым объяснением. Однако у специалиста наверняка найдется какая-нибудь другая теория.

Оттолкнув табуретку, он встал от стола и подошел к печке. Дверцу совсем перекосило, она не открывалась, пока Дэниельс не поддел ее кочергой. Дрова в печи прогорели до угольков. Наклонившись, он достал из ларя у стенки полено, кинул в топку, потом добавил второе полено, поменьше, и закрыл печ-

ку. «Хочешь не хочешь,— сказал он себе,— на днях придется заняться этой дверцей и навесить ее как следует».

Он вышел за дверь и постоял на веранде, глядя в сторону заречных холмов. Ветер налетал с севера, со свистом огибал постройки и обрушивался в глубокие овраги, сбегающие к реке, но небо оставалось ясным — сурово ясным, будто его вытерли дочиста ветром и сбрызнули капельками звезд, и светлые эти капельки дрожали в бушующей атмосфере.

Окинув звезды взглядом, он не удержался и спросил себя: «О чем-то они говорят сегодня?» — но вслушиваться не стал. Чтобы слушать звезды, надо было сделать усилие и сосредоточиться. Помнится, впервые он прислушался к звездам в такую же ясную ночь, выйдя на веранду и вдруг задумавшись: о чем они говорят, беседуют ли между собой? Глупая, праздная мыслишка, дикое, химерическое намерение,— но раз уж взбрело такое в голову, он и в самом деле начал вслушиваться, сознавая, что это глупость, и в то же время упиваясь ею, повторяя себе: какой же я счастливец, что могу в своей праздности дойти до того, чтобы слушать звезды, словно ребенок, верящий в Санта-Клауса или в доброго пасхального кролика. И он вслушивался, вслушивался — и услышал. Как ни удивительно, однако не подлежало сомнению: где-то там, далеко-далеко, какие-то иные существа переговаривались друг с другом. Он словно подключился к исполинскому телефонному кабелю, несущему одновременно миллионы, а то и миллиарды дальних переговоров. Конечно, эти переговоры велись не словами, но каким-то кодом (возможно, мыслями), не менее понятным, чем слова. А если и не вполне понятным — по правде говоря, часто вовсе не понятным,— то, видимо, потому, что у него не хватало пока подготовки, не хватало знаний, чтобы понять. Он сравнил себя с дикарем, который прислушивается к дискуссии физиков-ядерщиков, обсуждающих проблемы своей науки.

И вот вскоре после той ночи, забравшись в неглубокую пещеру — в ту самую, что прозвали Кошачьей берлогой,— он впервые ощутил присутствие существа, замурованного в толще скал. «Наверное,— подумал он,— если б я не слушал звезды, если бы не обострил восприятие, слушая звезды, я б и не заподозрил, что оно погребено под слоями известняка».

Он стоял на веранде, глядя на звезды и слыша только ветер, а потом за рекой по дороге, что вилась по дальним холмам, промелькнул слабый отблеск фар — там в ночи шла машина.

Ветер на мгновение стих, будто набирая силу для того, чтобы задуть еще свирепее, и в ту крошечную долю секунды, которая выдалась перед новым порывом, Дэниельсу почудился еще один звук — звук топора, вгрызающегося в дерево. Он прислушался — звук донесся снова, но с какой стороны, не понять: все перекрыл ветер.

«Должно быть, я все-таки ошибся,— решил Дэниельс.— Кто же выйдет рубить дрова в такую ночь?..» Впрочем, не исключено, что это охотники за енотами. Охотники подчас не останавливаются перед тем, чтобы свалить дерево, если не могут отыскать тщательно замаскированную нору. Не слишком честный прием, достойный разве что Бена Адамса с его придурковатыми сыновьями-переростками. Но такая бурная ночь просто не годится для охоты на енотов. Ветер смешает все запахи, и собаки не возьмут след. Для охоты на енотов хороши только тихие ночи. И кто, если он в своем уме, станет валить деревья в такую бурю — того и гляди, ветер развернет падающий ствол и обрушит на самих дровосеков.

Он еще прислушался, пытаясь уловить непонятный звук, но ветер, передохнув, засвистал сильнее, чем прежде, и различить что бы то ни было, кроме свиста, стало никак нельзя.

Утро пришло тихое, серое, ветер сник до легкого шепотка. Проснувшись среди ночи, Дэниельс слышал, как ветер барабанит по окнам, колотит по крыше, горестно завывает в крутобоких оврагах над рекой. А когда проснулся снова, все успокоилось, и в окнах серел тусклый рассвет. Он оделся и вышел из дому — вокруг тишь, облака затянули небо, не оставив и намека на солнце, воздух свеж, словно только что выстиран, и тяжел от влажной седины, укутавшей землю. И блеск одевшей холмы осенней листвы кажется ослепительнее, чем в самый солнечный день.

Отделавшись от хозяйственных забот и позавтракав, Дэниельс отправился бродить по холмам. Когда спускался под уклон к ближайшему из оврагов, то поймал себя на мысли: «Пусть сегодняшний день обойдется без сдвигов во времени...» Как ни парадоксально, сдвиги подстерегали его не каждый день, и не удавалось найти никаких причин, которые бы их предопределяли. Время от времени он пробовал доискаться причин хотя бы приблизительно: записывал со всеми подробностями, какие ощущения испытывал с утра, что предприни-

мал и даже какой маршрут выбирал, выйдя на прогулку,— но закономерности так и не обнаружил. Закономерность пряталась, конечно же, где-то в глубине мозга — что-то задевало какую-то струну и включало новые способности. Но явление это оставалось неожиданным и непроизвольным. Дэниельс был не в силах управлять им, по крайней мере управлять сознательно. Изредка он пробовал сдвинуть время по своей воле, намеренно оживить прошлое — и всякий раз терпел неудачу. Одно из двух: или он не знал, как обращаться с собственным даром, или этот дар был действительно неподконтрольным.

Сегодня ему искренне хотелось, чтоб удивительные способности не просыпались. Хотелось побродить по холмам, пока они не утратили одного из самых заманчивых своих обличий, пока исполнены легкой грусти: все резкие линии смягчены висящей в воздухе сединой, деревья застыли и молча поджидают его прихода будто старые верные друзья, а палая листва и мох под ногами глушат звуки, и шаги становятся не слышны.

Он спустился в лощину и присел на поваленный ствол у щедрого родничка, от которого брал начало ручей, с журчанием бегущий вниз по каменистому руслу. В мае заводь у родничка была усыпана мелкими болотными цветами, а склоны холмов подернуты нежными красками трав. Сейчас здесь не видно было ни трав, ни цветов. Леса цепенели, готовясь к зиме. Летние и осенние растения умерли или умирали, и листья слой за слоем ложились на грунт, заботливо укрывая корни деревьев от льда и снега.

«В таких местах словно смешаны приметы всех времен года сразу...» — подумал он. Миллион лет, а может, и больше здесь все выглядело точно так же, как сейчас. Но не всегда: в давным-давно минувшие тысячелетия эти холмы, да и весь мир грелись в лучах вечной весны. А чуть более десяти тысяч лет назад на севере, совсем неподалеку, вздыбилась стена льда высотой в добрую милю. С гребня, на котором расположена ферма, наверное, тогда различалась на горизонте синеватая линия — верхняя кромка ледника. Однако в эру ледников, какой бы она ни была студеной, уже существовала не только зима, но и другие времена года.

Поднявшись на ноги, Дэниельс вновь двинулся по узкой тропе, что петляла по склону. Это была коровья тропа, пробитая в ту пору, когда в здешних лесах паслись не две его коровенки, а целые стада; шагая по тропе, Дэниельс вновь — в ко-

торый раз — поразился тонкости чутья, присущего коровам. Протаптывая свои тропы, они безошибочно выбирают самый пологий уклон.

На мгновение он задержался под раскидистым белым дубом, вставшим на повороте тропы, и полюбовался гигантским растением — ариземой, которой не уставал любоваться все эти годы. Растение уже готовилось к зиме: зеленая с пурпуром шапка листвы полностью облетела, обнажив алую гроздь ягод,— в предстоящие голодные месяцы они пойдут на корм птицам.

Тропа вилась дальше, глубже врезаясь в холмы, и тишина звенела все напряженнее, а седина сгущалась, пока Дэниельсу не показалось, что мир вокруг стал его безраздельной собственностью.

И вот она, на той стороне ручья, Кошачья берлога. Ее желтая пасть зияет сквозь искривленные, уродливые кедровые ветви. Весной под кедром играют лисята. Издалека, с заводей в речной долине, сюда доносится глуховатое кряканье уток. А наверху, на самой крутизне,— берлога, высеченная в отвесной стене временем и непогодой.

Только сегодня что-то здесь было не так.

Дэниельс застыл на тропе, глядя на противоположный склон и ощущая какую-то неточность, но сперва не понимая, в чем она. Перед ним открывалась большая часть скалы — и все-таки чего-то не хватало. Внезапно он сообразил, что не хватает дерева, того самого, по которому годами взбирались дикие кошки, возвращаясь домой с ночной охоты, а потом и люди, если им, как ему, приспичило осмотреть берлогу. Кошек там, разумеется, теперь не было и в помине. Еще в дни первых переселенцев их вывели в этих краях почти начисто — ведь кошки порой оказывались столь неблагоразумны, что давили ягнят. Но следы кошачьего житья до сих пор различались без труда. В глубине пещеры, в дальних ее уголках, дно было усыпано косточками и раздробленными черепами мелких зверушек: хозяева берлоги таскали их когда-то на обед своему потомству.

Дерево, старое и увечное, простояло здесь, вероятно, не одно столетие, и рубить его не было никакого смысла, поскольку корявая древесина не имела ни малейшей ценности. Да и вытащить срубленный кедр из лощины — дело совершенно немыслимое. И все же прошлой ночью, выйдя на веранду, Дэниельс в минуту затишья различил вдали стук топора, а сегодня дерево исчезло.

Не веря глазам своим, он стал карабкаться по склону быстро, как мог. Первозданный склон местами вздымался под углом почти в сорок пять градусов — приходилось падать на четвереньки, подтягиваться вверх на руках, повинуясь безотчетному страху, за которым скрывалось нечто большее, чем недоумение, куда же девалось дерево. Ведь именно здесь и только здесь, в Кошачьей берлоге, можно было услышать существо, погребенное в толще скал.

Дэниельс навсегда запомнил день, когда впервые расслышал таинственное существо. Он тогда не поверил собственным ощущениям, решил, что ловит шорохи, рожденные воображением, навеянным прогулками среди динозавров, попытками вникнуть в переговоры звезд. В конце концов, ему и раньше случалось взбираться на дерево и залезать в пещеру-берлогу. Он бывал там не раз — и даже находил какое-то извращенное удовольствие в том, что открыл для себя столь необычное убежище. Он любил сидеть у края уступа перед входом в пещеру и глядеть поверх крон, одевших вершину холма за оврагом,— над листвою различался отблеск заводей на заречных лугах. Но самой реки он отсюда увидеть не мог: чтоб увидеть реку, надо было бы подняться по склону еще выше.

Он любил берлогу и уступ перед ней, потому что находил здесь уединение, как бы отрезал себя от мира: забравшись в берлогу, он по-прежнему видел какую-то, пусть ограниченную, часть мира, а его не видел никто. «Я как те дикие кошки,— повторял он себе,— им тоже нравилось чувствовать себя отрезанными от мира...» Впрочем, кошки искали тут не просто уединения, а безопасности — для себя и, главное, для своих котят. А к берлоге не подступиться, сюда вел только один путь — по ветвям старого дерева.

Впервые Дэниельс услышал существо, когда однажды заполз в самую глубину пещеры и, конечно, опять наткнулся на россыпь костей, остатки вековой давности пиршеств, когда котята грызли добычу, припадая к земле и урча. Припав ко дну пещеры, совсем как котята, он вдруг ощутил чье-то присутствие — ощущение шло снизу, просачивалось из дальних каменных толщ. Вначале это было не более чем ощущение, не более чем догадка — там внизу есть что-то живое. Естественно, он и сам поначалу отнесся к своей догадке скептически, а поверил в нее гораздо позже. Понадобилось немало времени, чтобы вера переросла в твердое убеждение.

Он, конечно же, не мог передать услышанное словами, потому что на деле не слышал ни слова. Но чей-то разум, чье-то сознание исподволь проникли в мозг через пальцы, ощупывающие каменное дно пещеры, через прижатые к камню колени. Он впитывал эти токи, слушал их без помощи слуха, и чем дольше впитывал, тем сильнее убеждался, что где-то там, глубоко в пластах известняка, находится погребенное заживо разумное существо. И наконец настал день, когда он сумел уловить обрывки каких-то мыслей — несомненные отзвуки работы интеллекта, запертого в толще скал.

Он не понял того, что услышал. И это непонимание было само по себе знаменательно. Если бы он все понял, то со спокойной совестью посчитал бы свое открытие игрой воображения. А непонимание свидетельствовало, что у него просто нет опыта, опираясь на который можно бы воспринять необычные представления. Он уловил некую схему сложных жизненных отношений, казалось бы, не имевшую никакого смысла,— ее нельзя было постичь, она распадалась на крохотные и бессвязные кусочки информации, настолько чуждой (хотя и простой), что его человеческий мозг наотрез отказывался в ней разбираться. И еще он волей-неволей получил представление о расстояниях столь протяженных, что разум буксовал, едва соприкоснувшись с теми пустынями пространства, в каких подобные расстояния только и могли существовать. Даже вслушиваясь в переговоры звезд, он никогда не испытывал таких обескураживающих столкновений с иными представлениями о пространстве-времени.

В потоке информации встречались и крупинки иных сведений, обрывки иных фактов — смутно чувствовалось, что они могли бы пригодиться в системе человеческих знаний. Но ни единая крупинка не прорисовывалась достаточно четко для того, чтобы поставить ее в системе знаний на принадлежащее ей место. А большая часть того, что доносилось к нему, лежала попросту за пределами его понимания, да, наверное, и за пределами человеческих возможностей вообще. Тем не менее мозг улавливал и удерживал эту информацию во всей ее невосприимаемости, и она вспухала и ныла на фоне привычных, повседневных мыслей.

Дэниельс отдавал себе отчет, что они (или оно) отнюдь не пытаются вести с ним беседу, напротив, они (или оно) и понятия не имеют о существовании рода человеческого, не говоря

уж о нем лично. Однако что именно происходит там, в толще скал: то ли оно (или они — употреблять множественное число почему-то казалось проще) размышляет, то ли в своем неизбывном одиночестве разговаривает с собой, то ли пробует связаться с какой-либо иной, отличной от себя сущностью,— в этом Дэниельс при всем желании разобраться не мог.

Обдумывая свое открытие, часами сидя на уступе перед входом в берлогу, он пытался привести факты в соответствие с логикой, дать присутствию существа в толще скал наилучшее объяснение. И, отнюдь не будучи в том уверенным,— точнее, не располагая никакими фактами в подкрепление своей мысли,— пришел к выводу, что в отдаленную геологическую эру, когда здесь плескалось мелководное море, из космических далей на Землю упал корабль, упал и увяз в донной грязи, которую последующие миллионы лет уплотнили в известняк. Корабль угодил в ловушку и застрял в ней на веки вечные. Дэниельс и сам понимал, что в цепи его рассуждений есть слабые звенья — ну, к примеру, давления, при которых только и возможно формирование горных пород, должны быть настолько велики, что сомнут и расплющат любой корабль, разве что он сделан из материалов, далеко превосходящих лучшие достижения человеческой техники.

«Случайность,— спрашивал он себя,— или намеренный акт? Попало существо в ловушку или спряталось?..» Как ответить однозначно, если любые умозрительные рассуждения просто смешны: все они по необходимости построены на догадках, а те, в свою очередь, лишены оснований.

Карабкаясь по склону, он подобрался вплотную к скале и убедился, что дерево действительно срубили. Кедр свалился вниз и, прежде чем затормозить, скользил футов тридцать под откос, пока ветви не уперлись в грунт и не запутались среди других деревьев. Пень еще не утратил свежести, белизна среза кричала на фоне серого дня. С той стороны пня, что смотрела под гору, виднелась глубокая засечка, а довершили дело пилой. Подле пня лежали кучки желтоватых опилок. Пила, как он заметил по срезу, была двуручная.

От площадки, где теперь стоял Дэниельс, склон круто падал вниз, зато чуть выше, как раз под самым пнем, крутизну прерывала странная насыпь. Скорее всего, когда-то давно с отвесной скалы обрушилась каменная лавина и задержалась здесь, а потом эти камни замаскировал лесной сор и постепен-

но на них наросла почва. На насыпи поселилась семейка берез, и их белые, словно припудренные стволы по сравнению с другими, сумрачными деревьями казались невесомыми, как привидения.

«Срубить дерево,— повторил он про себя,— ну что может быть бессмысленнее?..» Дерево не представляло собой ни малейшей ценности, служило одной-единственной цели — чтобы забираться по его ветвям в берлогу. Выходит, кто-то проведал, что кедр служит Дэниельсу мостом в берлогу, и разрушил мост по злому умыслу? А может, кто-нибудь спрятал что-либо в пещере и срубил дерево, перерезав тем самым дорогу к тайнику?

Но кто, спрашивается, мог набраться такой злобы, чтобы срубить дерево среди ночи, в бурю, работая при свете фонаря на крутизне и невольно рискуя сломать себе шею? Кто? Бен Адамс? Конечно, Бен разозлился оттого, что Дэниельс не позволил охотиться на своей земле, но разве это причина для сведения счетов, к тому же столь трудоемким способом?

Другое предположение: дерево срубили после того, как в пещере что-то спрятали,— представлялось, пожалуй, более правдоподобным. Хотя само уничтожение дерева лишь привлекало к тайнику внимание.

Дэниельс стоял на склоне озадаченный, недоуменно качая головой. Потом его вдруг осенило, как дознаться до истины. День едва начался, а делать было все равно больше нечего.

Он двинулся по тропе обратно. В сарае, надо думать, сыщется какая-нибудь веревка.

4

В пещере было пусто. Она оставалась точно такой же, как раньше. Лишь десяток-другой осенних листьев занесло ветром в глухие ее уголки, да несколько каменных крошек осыпалось с козырька над входом — крохотные улики, свидетельствующие, что бесконечный процесс выветривания, образовавший некогда эту пещеру, способен со временем и разрушить ее без следа.

Вернувшись на узкий уступ перед входом в пещеру, Дэниельс бросил взгляд на другую сторону оврага и удивился: как изменился весь пейзаж оттого, что срубили одно-единственное дерево! Сместилось все — самые холмы и те стали другими. Но, всмотревшись пристальнее в их контуры, он в конце концов

удостоверился, что не изменилось ничего, кроме раскрывающейся перед ним перспективы. Теперь отсюда, с уступа, были видны контуры и силуэты, которые прежде скрывались за кедровыми ветвями.

Веревка спускалась с каменного козырька, нависшего над головой и переходящего в свод пещеры. Она слегка покачивалась на ветру, и, подметив это, Дэниельс сказал себе: «А ведь с утра никакого ветра не было...» Зато сейчас ветер задул снова, сильный, западный. Деревья внизу так и кланялись под его ударами.

Повернувшись лицом на запад, Дэниельс ощутил щекой холодок. Дыхание ветра встревожило его, будто подняв со дна души смутные страхи, уцелевшие с тех времен, когда люди не знали одежды и бродили ордами, беспокойно вслушиваясь, вот как он сейчас, в подступающую непогоду. Ветер мог означать только одно: погода меняется, пора вылезать по веревке наверх и возвращаться домой, на ферму.

Но уходить, как ни странно, не хотелось. Такое, по совести говоря, случалось и раньше. Кошачья берлога давала ему своего рода убежище, здесь он оказывался отгороженным от мира — та малая часть мира, что оставалась с ним, словно бы меняла свой характер, была существеннее, милее и проще, чем тот жестокий мир, от которого он бежал.

Выводок диких уток поднялся с одной из речных заводей, стремительно пронесся над лесом, взмыл вверх, преодолевая исполинский изгиб утеса, и, преодолев, плавно повернул обратно к реке. Дэниельс следил за утками, пока те не скрылись за деревьями, окаймляющими реку-невидимку.

И все-таки пришла пора уходить. Чего еще ждать? С самого начала это была никудышная затея: кто же в здравом уме хоть на минуту позволит себе уверовать, что в пещере что-то спрятано!..

Дэниельс обернулся к веревке — ее как не бывало.

Секунду-другую он тупо пялился в ту точку, откуда только что свисала веревка, чуть подрагивающая на ветру. Потом принялся искать глазами, не осталось ли от нее какого-либо следа, хоть искать было в общем-то негде. Конечно, веревка могла немного соскользнуть, сдвинуться вдоль нависшей над головой каменной плиты — но не настолько же, чтобы совсем исчезнуть из виду!

Веревка была новая, прочная, и он своими руками привязал ее к дереву на вершине утеса — крепко затянул узел да еще и подергал, желая убедиться, что она не развяжется.

И тем не менее веревку как ветром сдуло. Тут не обошлось без чьего-то вмешательства. Кто-то проходил мимо, заметил веревку, тихо вытянул ее, а теперь притаился наверху и ждет: когда же хозяин веревки поймет, что попал впросак, и поднимет испуганный крик? Любому из тех, кто живет по соседству, именно такая грубая шутка должна представляться вершиной юмора. Самое остроумное, бесспорно,— оставить выходку без внимания и молча выждать, пока она не обернется против самого шутника.

Придя к такому выводу, Дэниельс опустился на корточки и принялся выжидать. «Десять минут,— говорил он себе,— самое большее четверть часа, и терпение шутника истощится. Веревка благополучно вернется на место, я выкарабкаюсь наверх и отправлюсь домой. А может даже — смотря кем окажется шутник — приглашу его к себе, налью ему стаканчик, мы посидим на кухне и вместе посмеемся над приключением...»

Тут Дэниельс неожиданно для себя обнаружил, что горбится, защищаясь от ветра, который, похоже, стал еще пронзительнее, чем в первые минуты. Ветер менялся с западного на северный, и это было не к добру.

Присев на краю уступа, он обратил внимание, что на рукава куртки налипли капельки влаги — не от дождя, дождя, в сущности, не было, а от оседающего тумана. Если температура упадет еще на градус-другой, погода станет пренеприятной...

Он выжидал, скорчившись, вылавливая из тишины хоть какой-нибудь звук — шуршание листьев под ногами, треск надломленной ветки,— который выдал бы присутствие человека на вершине утеса. Но в мире не осталось звуков. День был совершенно беззвучный. Даже ветви деревьев на склоне ниже уступа, качающиеся на ветру, качались без обычных поскрипываний и стонов.

Четверть часа, по-видимому, давно миновала, а с вершины утеса по-прежнему не доносилось ни малейшего шума. Ветер, пожалуй, еще усилился, и когда Дэниельс выворачивал голову в тщетных попытках заглянуть за каменный козырек, то щекой чувствовал, как шевелятся на ветру мягкие пряди тумана.

Дольше сдерживать себя в надежде переупрямить шутника он уже не мог. Он ощутил острый приступ страха и понял наконец, что время не терпит.

— Эй, кто там наверху! — крикнул он и подождал ответа.

Ответа не было.

Он крикнул снова, на этот раз еще громче.

В обычный день скала по ту сторону оврага отозвалась бы на крик эхом. Сегодня эха не было, и самый крик казался приглушенным, словно Дэниельса окружила серая, поглощающая звук стена.

Он крикнул еще раз — туман подхватил его голос и проглотил. Снизу донеслось какое-то шуршание, и он понял, что это шуршат обледеневшие ветки. Туман, оседая меж порывами ветра, превращался в наледь.

Дэниельс прошелся вдоль уступа перед пещерой — от силы двадцать футов в длину, и никакого пути к спасению. Уступ выдавался над пропастью и обрывался отвесно. Над головой нависала гладкая каменная глыба. Поймали его ловко, ничего не скажешь.

Он снова укрылся в пещере и присел на корточки. Здесь он был по крайней мере защищен от ветра и, несмотря на вновь подкравшийся страх, чувствовал себя относительно уютно. Пещера еще не остыла. Но температура, видимо, падала, и притом довольно быстро, иначе туман не оседал бы наледью. А на плечах у Дэниельса была лишь легкая куртка, и он не мог развести костер. Он не курил и не носил при себе спичек.

Только теперь он впервые по-настоящему осознал серьезность положения. Пройдут многие дни, прежде чем кто-нибудь задастся вопросом, куда же он запропастился. Навещали его редко,— собственно, никому до него не было дела. Да если даже и обнаружат, что он пропал, и будет объявлен розыск, велики ли шансы, что его найдут? Кто додумается заглянуть в эту пещеру? И долго ли человек способен прожить в такую погоду без огня и без пищи?

А если он не выберется отсюда, и скоро, что станется со скотиной? Коровы вернутся с пастбища, подгоняемые непогодой, и некому будет впустить их в хлев. Если они постоят недоенными день-другой, разбухшее вымя начнет причинять им страдания. Свиньям и курам никто не задаст корма. «Человек,— мелькнула мысль,— просто не вправе рисковать собой

так безрассудно, когда от него зависит жизнь стольких беззащитных существ...»

Дэниельс заполз поглубже в пещеру и распластался ничком, втиснув плечи в самую дальнюю нишу и прижавшись ухом к каменному ее дну.

Таинственное существо было по-прежнему там,— разумеется там, куда же ему деться, если его поймали еще надежнее, чем Дэниельса. Оно томилось под слоем камня толщиной, вероятно, в триста-четыреста футов, который природа наращивала не спеша, на протяжении многих миллионов лет...

Существо опять предавалось воспоминаниям. Оно мысленно перенеслось в какие-то иные места — что-то в потоке его памяти казалось зыбким и смазанным, что-то виделось кристально четко. Исполинская темная каменная равнина, цельная каменная плита, уходящая к далекому горизонту; над горизонтом встает багровый шар солнца, а на фоне восходящего солнца угадывается некое сооружение — неровность горизонта допускает лишь такое объяснение. Не то замок, не то город, не то гигантский обрыв с жилыми пещерами — трудно истолковать, что именно, трудно даже признать, что увиденное вообще поддается истолкованию.

Быть может, это родина загадочного существа? Быть может, черное каменное пространство — космический порт его родной планеты? Или не родина, а какие-то края, которые существо посетило перед прилетом на Землю? Быть может, пейзаж показался столь фантастическим, что врезался в память?

Затем к воспоминаниям стали примешиваться иные явления, иные чувственные символы, относящиеся, по-видимому, к каким-то формам жизни, индивидуальностям, запахам, вкусам. Конечно, Дэниельс понимал, что, приписывая существу, замурованному в толще скал, человеческую систему восприятия, легко и ошибиться; но другой системы, кроме человеческой, он просто не ведал.

И тут, прислушавшись к воспоминаниям о черной каменной равнине, представив себе восходящее солнце и на фоне солнца на горизонте очертания гигантского сооружения, Дэниельс сделал то, чего никогда не делал раньше. Он попытался заговорить с существом — узником скал, попытался дать ему знать, что есть человек, который слушал и услышал, и что существо не так одиноко, не так отчуждено от всех, как, по всей вероятности, полагало.

Естественно, он не стал говорить вслух — это было бы бессмысленно. Звук никогда не пробьется сквозь толщу камня. Дэниельс заговорил про себя, в уме.

«Эй, кто там, внизу? — сказал он.— Говорит твой друг. Я слушаю тебя уже очень, очень давно и надеюсь, что ты меня тоже слышишь. Если слышишь, давай побеседуем. Разреши, я попробую дать тебе представление о себе и о мире, в котором живу, а ты расскажешь мне о себе и о мире, в котором жил прежде, и о том, как ты попал сюда, в толщу скал, и могу ли я хоть что-нибудь для тебя сделать, хоть чем-то тебе помочь...»

Больше он не рискнул ничего сказать. Проговорив это, он лежал еще какое-то время, не отнимая уха от твердого дна пещеры, пытаясь угадать, расслышало ли его зов существо. Но, очевидно, оно не расслышало или, расслышав, не признало зов достойным внимания. Оно продолжало вспоминать планету, где над горизонтом встает тусклое багровое солнце.

«Это было глупо,— упрекнул он себя.— Обращаться к неведомому существу было самонадеянно и глупо...» До сих пор он ни разу не отваживался на это, а просто слушал. Точно так же, как не пробовал обращаться к тем, кто беседовал друг с другом среди звезд,— тех он тоже только слушал.

Какие же новые способности открыл он в себе, если счел себя вправе обратиться к этому существу? Быть может, подобный поступок продиктован лишь страхом смерти?

А что, если существу в толще скал незнакомо самое понятие смерти, если оно способно жить вечно?

Дэниельс выполз из дальней ниши и перебрался обратно в ту часть пещеры, где мог хотя бы присесть.

Поднималась метель. Пошел дождь пополам со снегом, и температура продолжала падать. Уступ перед входом в пещеру покрылся скользкой ледяной коркой. Если бы теперь кому-то вздумалось прогуляться перед пещерой, смельчак неизбежно сорвался бы с утеса и разбился насмерть.

А ветер все крепчал. Ветви деревьев качались сильней и сильней, и по склону холма несся вихрь палой листвы, перемешанной со льдом и снегом. С того места, где сидел Дэниельс, он видел лишь ветви березок, что поселились на странной насыпи чуть ниже корявого кедра, служившего прежде мостом в пещеру. И ему почудилось вдруг, что эти ветви качаются еще яростнее, чем должны бы на ветру. Березки так и кланя-

лись из стороны в сторону и, казалось, прямо на глазах вырастали еще выше, заламывая ветви в немой мольбе.

Дэниельс подполз на четвереньках к выходу и высунул голову наружу — посмотреть, что творится на склоне. И увидел, что качаются не только верхние ветви,— вся рощица дрожала и шаталась, будто невидимая рука пыталась вытолкнуть деревья из земли. Не успел он подумать об этом, как увидел, что и самая почва заходила ходуном. Казалось, кто-то снял замедленной съемкой кипящую, вспухающую пузырями лаву, а теперь прокручивал съемку с обычной скоростью. Вздымалась почва — поднимались и березки. Вниз по склону катились стронутые с мест камушки и сор. А вот и тяжелый камень сорвался со склона и с треском рухнул в овраг, ломая по дороге кусты и оставляя в подлеске безобразные шрамы.

Дэниельс следил за камнем как зачарованный.

«Неужели,— спрашивал он себя,— я стал свидетелем какого-то геологического процесса, только необъяснимо ускоренного?» Он попытался понять, что бы это мог быть за процесс, но не припомнил ничего подходящего. Насыпь вспучивалась, разваливаясь в стороны. Поток, катившийся вниз, с каждой секундой густел, перечеркивая бурыми мазками белизну свежевыпавшего снега. Наконец березы опрокинулись и соскользнули вниз, и из ямы, возникшей там, где они только что стояли, явился призрак.

Призрак не имел четких очертаний — контуры его были смутными, словно с неба соскребли звездную пыль и сплавили в неустойчивый сгусток, не способный принять определенную форму, а беспрерывно продолжающий меняться и преображаться, хоть и не утрачивающий окончательно сходства с неким первоначальным обликом. Такой вид могло бы иметь скопление разрозненных, не связанных в молекулы атомов — если бы атомы можно было видеть. Призрак мягко мерцал в бесцветье серого дня и, хотя казался бестелесным, обладал, по-видимому, изрядной силой: он продолжал высвобождаться из полуразрушенной насыпи, пока не высвободился совсем. А высвободившись, поплыл вверх, к пещере.

Как ни странно, Дэниельс ощущал не страх, а одно лишь безграничное любопытство. Он старался разобраться, на что похож подплывающий призрак, но так и не пришел ни к какому ясному выводу. Когда призрак достиг уступа, Дэниельс отодвинулся вглубь и вновь опустился на корточки. Призрак

приблизился еще на фут-другой и не то уселся у входа в пещеру, не то повис над обрывом.

«Ты говорил,— обратился искрящийся призрак к Дэниельсу. Это не было ни вопросом, ни утверждением, да и речью это назвать было нельзя. Звучало это в точности так же, как те переговоры, которые Дэниельс слышал, когда слушал звезды.— Ты говорил с нами как друг,— продолжал призрак. (Понятие, выбранное призраком, означало не «друг», а нечто иное, но тоже теплое и доброжелательное.) Ты предложил ему помощь. Разве ты можешь помочь?»

По крайней мере, теперь был задан вопрос, и достаточно четкий.

— Не знаю,— ответил Дэниельс.— Сейчас, наверное, не могу. Но лет через сто — ты меня слышишь? Слышишь и понимаешь, что я говорю?

«Ты говоришь, что помощь возможна,— отозвалось призрачное существо,— только спустя время. Уточни, какое время спустя?»

— Через сто лет,— ответил Дэниельс.— Когда планета обернется вокруг центрального светила сто раз.

«Что значит сто раз?» — переспросило существо.

Дэниельс вытянул перед собой пальцы обеих рук.

— Можешь ты увидеть мои пальцы? Придатки на концах моих рук?

«Что значит увидеть?» — переспросило существо.

— Ощутить их так или иначе. Сосчитать их.

«Да, я могу их сосчитать».

— Их всего десять,— пояснил Дэниельс.— Десять раз по десять составляет сто.

«Это не слишком долгий срок,— отозвалось существо.— Что за помощь станет возможна тогда?»

— Знаешь ли ты о генетике? О том, как зарождается все живое и как зародившееся создание узнаёт, кем ему стать? Как оно растет и почему знает, как ему расти и кем быть? Известно тебе что-либо о нуклеиновых кислотах, предписывающих каждой клетке, как ей развиваться и какие функции выполнять?

«Я не знаю твоих терминов,— отозвалось существо,— но я понимаю тебя. Следовательно, тебе известно все это? Следовательно, ты не просто тупая дикая тварь, как другие, что стоят на одном месте, или зарываются в грунт, или бегают по земле?..»

Разумеется, звучало это вовсе не так. И кроме слов — или смысловых единиц, оставляющих ощущение слов,— были еще и зрительные образы деревьев, мышей в норках, белок, кроликов, неуклюжего крота и быстроногой лисы.

— Если не известно мне,— ответил Дэниельс,— то известно другим из моего племени. Я сам знаю немногое. Но есть люди, посвятившие изучению законов наследственности всю свою жизнь.

Призрак висел над краем уступа и довольно долго молчал. Позади него гнулись на ветру деревья, кружились снежные вихри. Дэниельс, дрожа от холода, заполз в пещеру поглубже и спросил себя, не пригрезилась ли ему эта искристая тень.

Но не успел он подумать об этом, как существо заговорило снова, хоть обращалось на сей раз, кажется, вовсе не к человеку. Скорее даже оно ни к кому не обращалось, а просто вспоминало, подобно тому, другому, существу, замурованному в толще скал. Может статься, эти воспоминания и не предназначались для человека, но у Дэниельса не было способа отгородиться от них. Поток образов, излучаемый существом, достигал его мозга и заполнял мозг, вытесняя его собственные мысли, будто образы принадлежали самому Дэниельсу, а не призраку, замершему напротив.

5

Вначале Дэниельс увидел пространство — безбрежное, бескрайнее, жестокое, холодное, такое отстраненное от всего, такое безразличное ко всему, что разум цепенел, и не столько от страха или одиночества, сколько от осознания, что по сравнению с вечностью космоса ты пигмей, пылинка, мизерность которой не поддается исчислению. Пылинка канет в безмерной дали, лишенная всяких ориентиров,— но нет, все-таки не лишенная, потому что пространство сохранило след, отметину, отпечаток, суть которых не объяснишь и не выразишь, они не укладываются в рамки человеческих представлений; след, отметина, отпечаток указывают, правда почти безнадежно смутно, путь, по которому в незапамятные времена проследовал кто-то еще. И безрассудная решимость, глубочайшая преданность, какая-то неодолимая потребность влекут пылинку по этому слабому, расплывчатому следу, куда бы он ни вел —

пусть за пределы пространства, за пределы времени или того и другого вместе. Влекут без отдыха, без колебаний и без сомнений, пока след не приведет к цели или пока не будет вытерт дочиста ветрами — если существуют ветры, не гаснущие в пустоте.

«Не в ней ли,— спросил себя Дэниельс,— не в этой ли решимости кроется, при всей ее чужеродности, что-то знакомое, что-то поддающееся переводу на земной язык и потому способное стать как бы мостиком между этим вспоминающим инопланетянином и моим человеческим "я"?..»

Пустота, молчание и холодное равнодушие космоса длились века, века и века,— казалось, пути вообще не будет конца. Но так или иначе Дэниельсу дано было понять, что конец все же настал — и настал именно здесь, среди иссеченных временем холмов над древней рекой. И тогда на смену почти бесконечным векам мрака и холода пришли почти бесконечные века ожидания: путь был завершен, след привел в недостижимые дали, и оставалось только ждать, набравшись безграничного, неистощимого терпения.

«Ты говорил о помощи,— обратилось к Дэниельсу искристое существо.— Но почему? Ты не знаешь того, другого. Почему ты хочешь ему помочь?»

— Он живой,— ответил Дэниельс.— Он живой, и я живой. Разве этого недостаточно?

«Не знаю»,— отозвалось существо.

— По-моему, достаточно,— решил Дэниельс.

«Как ты можешь помочь?»

— Я уже упоминал о генетике. Как бы это объяснить...

«Я перенял терминологию из твоих мыслей. Ты имеешь в виду генетический код».

— Согласится ли тот, другой, замурованный в толще скал, тот, кого ты охраняешь...

«Не охраняю,— отозвалось существо.— Я просто жду его».

— Долго же тебе придется ждать!

«Я наделен умением ждать. Я жду уже долго. Могу ждать и дольше».

— Когда-нибудь,— заявил Дэниельс,— выветривание разрушит камень. Но тебе не понадобится столько ждать. Знает ли тот, другой, свой генетический код?

«Знает,— отозвалось существо.— Он знает много больше, чем я».

— Знает ли он свой код полностью? — настойчиво повторил Дэниельс.— Вплоть до самой ничтожной связи, до последней составляющей, точный порядок неисчислимых миллиардов...

«Знает,— подтвердило существо.— Первейшая забота разумной жизни — познать себя».

— А может ли он, согласится ли он передать нам эти сведения, сообщить нам свой генетический код?

«Твое предложение — дерзость,— оскорбилось искристое существо (слово, которое оно применило, было жестче, чем «дерзость»).— Таких сведений никто не передаст другому. Это нескромно и неприлично (опять-таки слова были несколько иными, чем "нескромно" и "неприлично"). Это значит, в сущности, отдать в чужие руки собственное "я". Полная и бессмысленная капитуляция».

— Не капитуляция,— возразил Дэниельс,— а способ выйти из заточения. В свое время, через сто лет, о которых я говорил, люди моего племени сумеют по генетическому коду воссоздать любое живое существо. Сумеют скопировать того, другого, с предельной точностью.

«Но он же останется по-прежнему замурованным!»

— Только один из двоих. Первому из двух близнецов действительно придется ждать, пока ветер не сточит скалы. Зато второй, копия первого, начнет жить заново.

«А что,— мелькнула мысль,— если существо в толще скал вовсе не хочет, чтоб его спасали? Что, если оно сознательно погребло себя под каменными пластами? Что, если оно просто искало укрытия, искало убежища? Может статься, появись у него желание — и оно освободилось бы из своей темницы с такой же легкостью, с какой этот силуэт, это скопище искр выбралось из-под насыпи?..»

«Нет, это исключено,— отозвалось скопище искр, висящее на самом краю уступа.— Я проявил беспечность. Я уснул, ожидая, и спал слишком долго».

«Действительно, куда уж дольше»,— подумал Дэниельс. Так долго, что над спящим крупинка за крупинкой наслоилась земля и образовалась насыпь, что в эту землю вросли камни, сколотые морозом с утеса, а рядом с камнями поселилась семейка берез, и они благополучно вымахали до тридцатифутовой высоты... Тут подразумевалось такое различие в восприятии времени, какого человеку просто не осмыслить.

«Однако погоди,— остановил себя Дэниельс,— кое-что ты все-таки понял...» Он уловил безграничную преданность и бесконечное терпение, с каким искристое существо следовало за тем, другим, сквозь звездные бездны. И не сомневался, что уловил точно: разум иного создания — преданного звездного пса, сидящего на уступе перед пещерой,— словно приблизился к нему, Дэниельсу, и коснулся собственного его разума. И на мгновение оба разума, при всех их отличиях, слились воедино в порыве понимания и признательности,— ведь это, наверное, впервые за многие миллионы лет пес из дальнего космоса встретил кого-то, кто способен постичь веление долга и смысл призвания.

— Можно попытаться откопать того, другого,— предложил Дэниельс.— Я, конечно, уже думал об этом, но испугался, не причинить бы ему вреда. Да и нелегко будет убедить людей...

«Нет,— отозвалось существо,— его не откопаешь. Тут есть много такого, чего тебе не понять. Но первое твое предложение не лишено известных достоинств. Ты говоришь, что не располагаешь достаточными знаниями генетики, чтобы предпринять необходимые шаги теперь же. А ты пробовал советоваться со своими соплеменниками?»

— С одним пробовал,— ответил Дэниельс,— только он не стал слушать. Он решил, что я свихнулся. Но, в конце концов, он и не был тем человеком, с которым следовало бы говорить. Наверное, потом я сумею поговорить с другими людьми, но не сейчас. Как бы я ни желал помочь, сейчас я ничего не добьюсь. Они будут смеяться надо мной, а я не вынесу насмешек. Лет через сто, а быть может, и раньше я сумею...

«Ты же не проживешь сто лет,— отозвался звездный пес.— Ты принадлежишь к недолговечному виду. Что, наверное, и объясняет ваш стремительный взлет. Вся жизнь здесь недолговечна, и это дает эволюции шансы сформировать разум. Когда я попал на вашу планету, здесь жили одни безмозглые твари».

— Ты прав,— ответил Дэниельс.— Я не проживу сто лет. Даже если вести отсчет с самого рождения, я не способен прожить сто лет, а большая часть моей жизни уже позади. Не исключено, что позади уже вся жизнь. Ибо если я не выберусь из этой пещеры, то умру буквально через два-три дня.

«Протяни руку,— предложил сгусток искр.— Протяни руку и коснись меня, собеседник».

Медленно-медленно Дэниельс вытянул руку перед собой. Рука прошла сквозь мерцание и блики, и он не ощутил ничего — как если бы провел рукой просто по воздуху.

«Вот видишь,— заметило существо,— я не в состоянии тебе помочь. Нет таких путей, чтобы заставить наши энергии взаимодействовать. Очень сожалею, друг». (Слово, которое выбрал призрак, не вполне соответствовало понятию «друг», но это было хорошее слово, и, как догадался Дэниельс, оно, возможно, значило гораздо больше, чем «друг».)

— Я тоже сожалею,— ответил Дэниельс.— Мне бы хотелось пожить еще.

Воцарилось молчание, мягкое раздумчивое молчание, какое случается только в снежный день, и вместе с ними в это молчание вслушивались деревья, скалы и притаившаяся живая мелюзга.

«Значит,— спросил себя Дэниельс,— эта встреча с посланцем иных миров тоже бессмысленна? Если только я каким-то чудом не слезу с уступа, то не сумею сделать ничего, ровным счетом ничего... А с другой стороны, почему я должен заботиться о спасении существа, замурованного в толще скал? Выживу ли я сам — вот что единственно важно сейчас, а вовсе не то, отнимет ли моя смерть у замурованного последнюю надежду на спасение...»

— Но может, наша встреча,— обратился Дэниельс к сгустку искр,— все-таки не напрасна? Теперь, когда ты понял...

«Понял я или нет,— откликнулся тот,— это не имеет значения. Чтобы добиться цели, я должен был бы передать полученные сведения тем, кто далеко на звездах, но даже если бы я мог связаться с ними, они не удостоили бы меня вниманием. Я слишком ничтожен, я не вправе беседовать с высшими. Моя единственная надежда — твои соплеменники, и то, если не ошибаюсь, при том непременном условии, что ты уцелеешь. Ибо я уловил твою мимолетную мысль, что ты — единственный, кто способен понять меня. Среди твоих соплеменников нет второго, кто хотя бы допустил мысль о моем существовании».

Дэниельс кивнул. Это была подлинная правда. Никто из живущих на Земле людей не обладал теми же способностями, что и он. Никто больше не повредил себе голову так удачно, чтобы приобрести их. Для существа в толще скал он был един-

ственной надеждой, да и то слабенькой,— ведь прежде, чем надежда станет реальной, надо найти кого-нибудь, кто выслушает и поверит. И не просто поверит, а пронесет эту веру сквозь годы в те дальние времена, когда генная инженерия станет гораздо могущественнее, чем сегодня.

«Если тебе удастся выбраться из критического положения живым,— заявил пес из иных миров,— тогда я, наверное, смогу изыскать энергию и технические средства для осуществления твоего замысла. Но ты должен отдать себе отчет, что я не в состоянии предложить никаких путей к личному спасению».

— А вдруг кто-то пройдет мимо,— ответил Дэниельс.— Если я стану кричать, меня могут услышать...

И он снова стал кричать, но не получил ответа. Вьюга глушила крики, да он и сам прекрасно понимал, что в такую погоду люди, как правило, сидят дома. Дома, у огня, в безопасности.

В конце концов он устал и привалился к камню отдохнуть. Искристое существо по-прежнему висело над уступом, но снова изменило форму и стало напоминать, пожалуй, накренившуюся, запорошенную снегом рождественскую елку.

Дэниельс уговаривал себя не засыпать. Закрывать глаза лишь на мгновение и сразу же раскрывать их снова, не разрешая векам смыкаться надолго, иначе одолеет сон. Хорошо бы подвигаться, похлопать себя по плечам, чтобы согреться,— только руки налились свинцом и не желали действовать.

Он почувствовал, что сползает на дно пещеры, и попытался встать. Но воля притупилась, а на каменном дне было очень уютно. Так уютно, что, право же, стоило разрешить себе отдохнуть минутку, прежде чем напрягаться изо всех сил. Самое странное, что дно пещеры вдруг покрылось грязью и водой, а над головой взошло солнце и снова стало тепло...

Он вскочил в испуге и увидел, что стоит по щиколотку в воде, разлившейся до самого горизонта, и под ногами у него не камень, а липкий черный ил.

Не было ни пещеры, ни холма, в котором могла бы появиться пещера. Было лишь необъятное зеркало воды, а если обернуться, то совсем близко, в каких-нибудь тридцати футах, лежал грязный берег крошечного островка — грязного каменистого островка с отвратительными зелеными потеками на камнях.

Дэниельс знал по опыту, что попал в иное время, но местоположения своего не менял. Каждый раз, когда время для него сдвигалось, он продолжал находиться в той же точке земной поверхности, где был до сдвига. И теперь, стоя на мелководье, он вновь — в который раз — подивился странной механике, которая поддерживает его тело в пространстве с такой точностью, что, перенесясь в иную эпоху, он не рискует быть погребенным под двадцатифутовым слоем песка и камня или, напротив, повиснуть без опоры на двадцатифутовой высоте.

Однако сегодня и тупице стало бы ясно, что на размышления нет ни минуты. По невероятному стечению обстоятельств он уже не заточен в Кошачьей берлоге, и здравый смысл требует уйти с того места, где он очутился, как можно скорее. Замешкаешься — и чего доброго опять очутишься в своем настоящем, и придется снова корчиться и коченеть в пещере.

Он неуклюже повернулся — ноги вязли в донном иле — и кинулся к берегу. Далось это нелегко, но он добрался до островка, поднялся по грязному скользкому берегу и хаотично разбросанным камням и только там наконец позволил себе присесть и перевести дух.

Дышать было трудно. Дэниельс отчаянно хватал ртом воздух, ощущая в нем необычный, ни на что не похожий привкус. Он сидел на камнях, хватал воздух ртом и разглядывал водную ширь, поблескивающую под высоким теплым солнцем. Далеко-далеко на востоке появилась длинная горбатая складка и на глазах Дэниельса поползла к берегу. Достигнув островка, она вскинулась по илистой отмели почти до самых его ног. А вдали на сияющем зеркале воды стала набухать новая складка.

Дэниельс отдал себе отчет, что водная гладь еще необъятнее, чем думалось поначалу. Впервые за все свои скитания по прошлому он натолкнулся на столь внушительный водоем. До сих пор он всегда оказывался на суше и к тому же всегда знал местность хотя бы в общих чертах — на заднем плане меж холмов неизменно текла река.

Сегодня все было неузнаваемым. Он попал в совершенно неведомые края,— вне сомнения, его отбросило во времени гораздо дальше, чем случалось до сих пор, и он, по-видимому, очутился у берегов большого внутриконтинентального моря в дни, когда атмосфера была бедна кислородом — беднее, чем в последующие эпохи. «Вероятно,— решил он,— я сейчас вплот-

ную приблизился к рубежу, за которым жизнь для меня стала бы попросту невозможна...» Сейчас кислорода еще хватало, хоть и с грехом пополам: потому он и дышал гораздо чаще обычного. Отступи он в прошлое еще на миллион лет — кислорода перестало бы хватать. А отступи еще немного дальше, и свободного кислорода не оказалось бы совсем.

Всмотревшись в береговую кромку, Дэниельс приметил, что она населена множеством крохотных созданий, снующих туда-сюда, копошащихся в пенном прибрежном соре или сверлящих булавочные норки в грязи. Он опустил руку и слегка поскреб камень, на котором сидел. На камне проступало зеленоватое пятно — оно тут же отделилось и прилипло к ладони толстой пленкой, склизкой и противной на ощупь.

Значит, перед ним была первая жизнь, осмелившаяся выбраться на сушу,— существа, что и существами-то еще не назовешь, боязливо жмущиеся к берегу, не готовые, да и не способные оторваться от подола ласковой матери-воды, которая бессменно пестовала жизнь с самого ее начала. Даже растения и те еще льнули к морю, взбираясь на скалы, по-видимому, лишь там, где до них хоть изредка долетали брызги прибоя.

Через несколько минут Дэниельс почувствовал, что одышка спадает. Брести, разгребая ногами ил, при такой нехватке кислорода было тяжкой мукой. Но просто сидя на камнях без движения, удавалось кое-как дышать.

Теперь, когда кровь перестала стучать в висках, Дэниельс услышал тишину. Он различал один-единственный звук — мягкое пошлепывание воды по илистому берегу, и этот однообразный звук скорее подчеркивал тишину, чем нарушал ее.

Никогда во всей своей жизни он не встречал такого совершенного однозвучия. Во все другие времена, даже в самые тихие дни, над миром витала уйма разных звуков. А здесь, кроме моря, не было ничего, что могло бы издавать звуки,— ни деревьев, ни зверей, ни насекомых, ни птиц, лишь вода, разлившаяся до самого горизонта, и яркое солнце в небе.

Впервые за много месяцев он вновь познал чувство отделенности от окружающего, чувство собственной неуместности здесь, куда его не приглашали и где он, по существу, не имел права быть; он явился сюда самозванно, и окружающий мир оставался чуждым ему, как, впрочем, и всякому, кто размером или разумом отличается от мелюзги, снующей по берегу.

Он сидел под чуждым солнцем посреди чуждой воды, наблюдая за крохотными козявками, которым в грядущие эпохи суждено развиться до уровня существ, подобных ему, Дэниельсу,— наблюдая за ними и пытаясь ощутить свое, пусть отдаленное, с ними родство. Но попытки успеха не имели: ощутить родство Дэниельсу так и не удалось.

И вдруг в этот однозвучный мир ворвалось какое-то биение, слабое, но отчетливое. Биение усилилось, отразилось от воды, сотрясло маленький островок — и оно шло с неба.

Дэниельс вскочил, запрокинул голову — и точно: с неба спускался корабль. Даже не корабль в привычном понимании — не было никаких четких контуров, а лишь искажение пространства, словно множество плоскостей света (если существует такая штука, как плоскость света) пересекались между собой без всякой определенной системы. Биение усилилось до воя, раздирающего атмосферу, а плоскости света беспрерывно то ли меняли форму, то ли менялись местами, так что корабль каждый миг представлялся иным, чем прежде.

Сначала корабль спускался быстро, потом стал тормозить — и все же продолжал падать, тяжело и целеустремленно, прямо на островок.

Дэниельс помимо воли съежился, подавленный этой массой небесного света и грома. Море, илистый берег и камни — все вокруг, даже при ярком солнце, засверкало от игры вспышек. Он зажмурился, защищая глаза, и тем не менее понял, что если корабль и коснется поверхности, то — опасаться нечего — сядет не на островок, а футах в ста, а может, и в ста пятидесяти от берега.

До поверхности моря оставалось совсем немного, когда исполинский корабль вдруг резко застопорил, повис и из-под плоскостей показался какой-то блестящий предмет. Предмет упал, взметнув брызги, но не ушел под воду, а лег на илистую отмель, открыв взгляду почти всю верхнюю свою половину. Это был шар — ослепительно сверкающая сфера, о которую плескалась волна, и Дэниельсу почудилось, что плеск слышен даже сквозь оглушительные раскаты грома.

И тогда над пустынным миром, над грохотом корабля, над неотвязным плеском воды вознесся голос, печально-бесстрастный,— нет, разумеется, это не мог быть голос, любой голос оказался бы сейчас слишком немощным, чтобы передать сло-

ва. Но слова прозвучали, и не было даже тени сомнения в том, что они значили:

«Итак, во исполнение воли великих и приговора суда мы высылаем тебя на эту бесплодную планету и оставляем здесь в искренней надежде, что теперь у тебя достанет времени и желания поразмыслить о содеянных преступлениях и в особенности о... (Тут последовали понятия, которые человеку не дано было постичь,— они как бы сливались в долгий невнятный гул, но самый этот гул или что-то в этом гуле замораживало кровь в жилах и одновременно наполняло душу отвращением и ненавистью, каких Дэниельс в себе раньше не ведал.) Воистину достойно сожаления, что ты не подвержен смерти, ибо убить тебя, при всем нашем отвращении к убийству, было бы милосерднее и точнее соответствовало бы нашей цели, каковая состоит в том, чтобы ты никогда более не мог вступить в контакт с жизнью любого вида и рода. Остается лишь надеяться, что здесь, за пределами самых дальних межзвездных путей, на этой не отмеченной на картах планете, наша цель будет достигнута. Однако мы налагаем на тебя еще и кару углубленного самоанализа, и если в какие-то непостижимо далекие времена ты по чьему-то неведению или по злому умыслу будешь освобожден, то все равно станешь вести себя иначе, дабы ни при каких условиях не подвергнуться вновь подобной участи. А теперь, в соответствии с законом, тебе разрешается произнести последнее слово — какое ты пожелаешь».

Голос умолк, и спустя секунду на смену ему пришел другой. Фраза, которую произнес этот новый голос, была сложнее, чем Дэниельс мог охватить, но смысл ее легко укладывался в три земных слова:

«Пропадите вы пропадом!..»

Грохот разросся, и корабль тронулся ввысь, в небо. Дэниельс следил за полетом, пока гром не замер вдали, а корабль не превратился в тусклую точку в синеве. Тогда он выпрямился во весь рост, но не сумел одолеть дрожь и слабость. Нащупал за спиной камень и снова сел.

И опять единственным в мире звуком остался шелест воды, набегающей на берег. Никакого плеска волны о блестящую сферу, лежащую в сотне футов от берега, слышно не было — это просто померещилось. Солнце нещадно пылало в небе, играло огнем на поверхности шара, и Дэниельс обнаружил, что ему опять не хватает воздуха.

Вне всякого сомнения, перед ним на мелководье, вернее, на илистой отмели, взбегающей к островку, находился тот, кого он привык называть «существом, замурованным в толще скал». Но каким же образом удалось ему, Дэниельсу, перенестись через сотни миллионов лет точно в тот ничтожный отрезок времени, который таил в себе ответы на все вопросы о том, что за разум погребен под пластами известняка? Это не могло быть случайным совпадением — вероятность подобного совпадения столь мала, что вообще не поддается расчету. Что, если он помимо воли выведал у мерцающего призрака перед входом в пещеру гораздо больше, чем подозревал? Ведь их мысли, припомнил Дэниельс, встретились и слились, пусть на мгновение, но не произошло ли в это мгновение непроизвольной передачи знания? Знание укрылось в каком-то уголке мозга, а теперь пробудилось. Или он нечаянно привел в действие систему психического предупреждения, призванную отпугивать тех, кто вздумал бы освободить опального изгнанника?

А мерцающий призрак, выходит, ни при чем? Это еще как сказать... Что, если опальный узник — обитатель шара — воплощает сокровенное, неведомое судьям доброе начало? Иначе как добром не объяснить того, что призрак сумел пронести чувство долга и преданности сквозь неспешное течение геологических эр. Но тогда неизбежен еще один вопрос: что есть добро и что есть зло? Кому дано судить?

Впрочем, существование мерцающего призрака само по себе, пожалуй, ничего не доказывает. Ни одному человеку еще не удавалось пасть так низко, чтобы не нашлось пса, готового охранять хозяина и проводить хоть до могилы.

Куда удивительнее другое: что же такое стряслось с его собственной головой? Как и почему он сумел безошибочно выбрать в прошлом момент редчайшего происшествия? И какие новые способности, сногсшибательные, неповторимые, ему еще предстоит открыть в себе? Далеко ли они уведут его в движении к абсолютному знанию? И какова, собственно, цель такого движения?

Дэниельс сидел на камнях и тяжело дышал. Над ним пылало солнце, перед ним стелилось море, тихое и безмятежное, если не считать длинных складок, огибающих шар и бегущих к берегу. В грязи под ногами сновали крохотные козявки. Он вытер ладонь о брюки, пытаясь счистить клейкую зеленую пленку.

«Можно бы,— мелькнула идея,— подойти поближе и рассмотреть шар как следует, пока его не засосало в ил...» Но нет, в такой атмосфере сто футов — слишком дальний путь, а главное — нельзя рисковать, нельзя подходить близко к будущей пещере, ведь рано или поздно предстоит перепрыгнуть обратно в свое время.

Хмелящая мысль — куда меня занесло! — мало-помалу потускнела, чувство полной своей неуместности в древней эпохе развеялось, и тогда выяснилось, что грязный плоский островок — царство изнурительной скуки. Глядеть было совершенно не на что, одно только небо, море да илистый берег. «Вот уж местечко,— подумал он,— где больше никогда ничего не случалось и ничего не случится: корабль улетел, знаменательное событие подошло к концу...» Естественно, и сейчас здесь происходит многое, что даст себя знать в грядущем, но происходит тайно, исподволь, по большей части на дне этого мелководного моря. Снующие по берегу козявки и ослизлый налет на скалах — отважные в своем неразумии предвестники далеких дней — внушали, пожалуй, известное почтение, но приковать к себе внимание не могли.

От нечего делать Дэниельс принялся водить носком ботинка по грязному берегу. Попытался вычертить какой-нибудь узор, но на ботинок налипло столько грязи, что ни один узор не получался.

И вдруг он увидел, что уже не рисует по грязи, а шевелит носком опавшие листья, задеревеневшие, присыпанные снегом.

Солнца не стало. Все вокруг тонуло во тьме, только за стволами ниже по склону брезжил слабый свет. В лицо била бешеная снежная круговерть, и Дэниельс содрогнулся. Поспешно запахнул куртку, стал застегивать пуговицы. Подумалось, что эдак немудрено и закоченеть: слишком уж резким был переход от парной духоты илистого побережья к пронизывающим порывам вьюги.

Желтоватый свет за деревьями ниже по склону проступал все отчетливее, потом донеслись невнятные голоса. Что там творится? Он уже сообразил, где находится,— примерно в ста футах над верхним краем утеса; но там, на утесе, не должно быть сейчас ни души, не должно быть и света.

Он сделал шаг под уклон и остановился в нерешительности. Разве есть у него время спускаться к обрыву? Ему надо немедля бежать домой. Скотина, облепленная снегом, скучилась у ворот, просится от бурана в хлев, ждет не дождется тепла и крыши над головой. Свиньи не кормлены, куры тоже не кормлены. Человек не вправе забывать про тех, кто живет на его попечении.

Однако там, внизу, люди! Правда, у них есть фонари, но они почти на самой кромке утеса. Если эти олухи не поостерегутся, они запросто могут оскользнуться и сорваться вниз со стофутовой высоты. Почти наверняка охотники за енотами, хотя что за охота в такую ночь! Еноты давно попрятались по норам. Нет, кто бы ни были эти люди, надо спуститься и предупредить их.

Он прошел примерно полпути, когда кто-то подхватил фонарь, до того, по-видимому, стоявший на земле, и поднял над головой. Дэниельс разглядел лицо этого человека — и бросился бегом.

— Шериф, что вы здесь делаете?..

Но еще не договорив, почувствовал, что знает ответ, знает едва ли не с той секунды, когда завидел огонь у обрыва.

— Кто там? — круто повернувшись, спросил шериф и наклонил фонарь, посылая луч в нужную сторону.— Дэниельс!..— У шерифа перехватило дыхание.— Боже правый, где вы были, дружище?

— Да вот, решил прогуляться немного,— промямлил Дэниельс. Объяснение, он и сам понимал, совершенно неудовлетворительное, но не прикажете ли сообщить шерифу, что он, Уоллес Дэниельс, сию минуту вернулся из путешествия во времени?

— Черт бы вас побрал! — возмутился шериф.— А мы-то ищем! Бен Адамс поднял переполох: заехал к вам на ферму и не застал вас дома. Для него не секрет, что вы вечно бродите по лесу, вот он и перепугался, что с вами что-то стряслось. И позвонил мне, а сам с сыновьями тоже кинулся на поиски. Мы боялись, что вы откуда-нибудь сверзились и что-нибудь себе поломали. В такую штормовую ночь без помощи долго не продержишься.

— А где Бен? — спросил Адамс.

Шериф махнул рукой, указывая еще ниже по склону, и Дэниельс заметил двух парней, вероятно сыновей Адамса: те

закрепили веревку вокруг ствола и теперь вытравливали ее за край утеса.

— Он там, на веревке,— ответил шериф.— Осматривает пещеру. Решил почему-то, что вы могли залезть в пещеру.

— Ну что ж, у него было достаточно оснований...— начал Дэниельс, но досказать не успел: ночь взорвалась воплем ужаса. Вопль был безостановочный, резкий, назойливый, и шериф, сунув фонарь Дэниельсу, поспешил вниз.

«Трус,— подумал Дэниельс.— Подлая тварь — обрек другого на смерть, заточив в пещере, а потом наложил в штаны и побежал звонить шерифу, чтобы тот засвидетельствовал его благонамеренность. Самый что ни на есть отъявленный негодяй и трус...»

Вопль заглох, упав до стона. Шериф вцепился в веревку, ему помогал один из сыновей. Над обрывом показались голова и плечи Адамса, шериф протянул руку и выволок его в безопасное место. Бен Адамс рухнул наземь, ни на секунду не прекращая стонать. Шериф рывком поднял его на ноги:

— Что с тобой, Бен?

— Там кто-то есть,— проскулил Адамс.— В пещере кто-то есть...

— Кто, черт побери? Кто там может быть? Кошка? Пантера?

— Я не разглядел. Просто понял, что там кто-то есть. Оно запряталось в глубине пещеры.

— Да откуда ему там взяться? Дерево спилили. Теперь туда никому не забраться.

— Ничего я не знаю,— всхлипывал Адамс.— Должно быть, оно сидело там еще до того, как спилили дерево. И попало в ловушку.

Один из сыновей поддержал Бена и дал шерифу возможность отойти. Другой вытягивал веревку и сматывал ее в аккуратную бухту.

— Еще вопрос,— сказал шериф.— Как тебе вообще пришло в голову, что Дэниельс залез в пещеру? Дерево спилили, а спуститься по веревке, как ты, он не мог — ведь там не было никакой веревки. Если бы он спускался по веревке, она бы там и висела. Будь я проклят, если что-нибудь понимаю. Ты валандаешься зачем-то в пещере, а Дэниельс выходит себе преспокойно из леса. Хотел бы я, чтобы кто-то из вас объяснил мне...

Тут Адамс, который плелся спотыкаясь в гору, наконец-то увидел Дэниельса и замер как вкопанный.

— Вы здесь? Откуда? — растерянно спросил он.— Мы тут с ног сбились... Ищем вас повсюду, а вы...

— Слушай, Бен, шел бы ты домой,— перебил шериф, уже не скрывая досады.— Пахнет все это более чем подозрительно. Не успокоюсь, пока не разберусь, в чем дело.

Дэниельс протянул руку к тому из сыновей, который сматывал веревку.

— По-моему, это моя.

В изумлении Адамс-младший отдал веревку, не возразив ни слова.

— Мы, пожалуй, срежем напрямую через лес,— заявил Бен.— Так нам поближе.

— Спокойной ночи,— бросил шериф. Вдвоем с Дэниельсом они продолжали не спеша подниматься в гору.— Послушайте, Дэниельс,— догадался вдруг шериф,— нигде вы не прогуливались. Если бы и впрямь бродили по лесу в такую вьюгу, на вас налипло бы куда больше снега. А у вас вид, словно вы только что из дому.

— Ну, может, это и не вполне точно утверждать, что я прогуливался...

— Тогда, черт возьми, объясните мне, где вы все-таки были. Я не отказываюсь исполнять свой долг в меру своего разумения, но мне вовсе не улыбается, если меня при этом выставляют дурачком...

— Не могу я ничего объяснить, шериф. Очень сожалею, но, право, не могу.

— Ну ладно. А что с веревкой?

— Это моя веревка,— ответил Дэниельс.— Я потерял ее сегодня днем.

— И наверное, тоже не можете ничего толком объяснить?

— Да, пожалуй, тоже не могу.

— Знаете,— произнес шериф,— за последние годы у меня была пропасть неприятностей с Беном Адамсом. Не хотелось бы думать, что теперь у меня начнутся неприятности еще и с вами.

Они поднялись на холм и подошли к дому. Машина шерифа стояла у ворот на дороге.

— Не зайдете ли? — предложил Дэниельс.— У меня найдется что выпить.

Шериф покачал головой.

— Как-нибудь в другой раз,— сказал он.— Не исключено, что скоро. Думаете, там и вправду был кто-то в пещере? Или у Бена просто воображение разыгралось? Он у нас из пугливеньких...

— Может, там никого и не было,— ответил Дэниельс,— но раз Бен решил, что кто-то был, не будем с ним спорить. Воображаемое может оказаться таким же реальным, как если б оно встретилось нам наяву. У каждого из нас, шериф, в жизни есть спутники, видеть которых не дано никому, кроме нас самих.

Шериф кинул на него быстрый взгляд.

— Дэниельс, какая муха вас укусила? Какие такие спутники? Что вас гложет? Чего ради вы похоронили себя заживо в этой дремучей глуши? Что тут происходит?..

Ответа он ждать не стал. Сел в машину, завел мотор и укатил.

Дэниельс стоял у дороги, наблюдая, как тают в круговороте метели гневные хвостовые огни. Все, что оставалось,— смущенно пожать плечами: шериф задал кучу вопросов и ни на один не потребовал ответа. Наверное, бывают вопросы, ответа на которые и знать не хочется.

Потом Дэниельс повернулся и побрел по заснеженной тропинке к дому. Сейчас бы чашечку кофе и что-нибудь перекусить — но сначала надо заняться хозяйством. Надо доить коров и кормить свиней. Куры потерпят до утра — все равно сегодня задавать им корм слишком поздно. А коровы, наверное, мерзнут у запертого хлева, мерзнут уже давно — и заставлять их мерзнуть дольше просто нечестно.

Он отворил дверь и шагнул в кухню.

Его ждали. Нечто сидело на столе, а быть может, висело над столом так низко, что казалось сидящим. Огня в очаге не было, в комнате стояла тьма — лишь существо искрилось.

«Ты видел?» — осведомилось существо.

— Да,— ответил Дэниельс.— Я видел и слышал. И не знаю, что предпринять. Что есть добро и что есть зло? Кому дано судить, что есть добро и что есть зло?

«Не тебе,— отозвалось существо.— И не мне. Я могу только ждать. Ждать и не терять надежды».

«А быть может, там, среди звезд,— подумал Дэниельс,— есть и такие, кому дано судить? Быть может, если слушать звез-

ды — и не просто слушать, а пытаться вмешаться в разговор, пытаться ставить вопросы, то получишь ответ? Должна же существовать во вселенной какая-то единая этика. Например, что-то вроде галактических заповедей. Пусть не десять, пусть лишь две или три — довольно и их...»

— Извини, я сейчас тороплюсь и не могу беседовать,— сказал он вслух.— У меня есть живность, я должен о ней позаботиться. Но ты не уходи. Попозже у нас найдется время потолковать.

Он пошарил по скамье у стены, отыскал фонарь, ощупью достал с полки спички. Зажег фонарь — слабое пламя разлило в центре темной комнаты лужицу света.

«С тобой живут другие, о ком ты должен заботиться? — осведомилось существо.— Другие, не вполне такие же, как ты? Доверяющие тебе и не обладающие твоим разумом?»

— Наверное, можно сказать и так,— ответил Дэниельс.— Хотя, признаться, никогда до сих не слышал, чтобы к этому подходили с такой точки зрения.

«А можно мне пойти с тобой? — спросило существо.— Мне только что пришло на ум, что во многих отношениях мы с тобой очень схожи».

— Очень схо...— Дэниельс не договорил, фраза повисла в воздухе.

«А если это не пес? — спросил он себя.— Не преданный сторожевой пес, а пастух? И тот, под толщей скал, не хозяин, а отбившаяся от стада овца? Неужели мыслимо и такое?..»

Он даже протянул руку в сторону существа инстинктивным жестом взаимопонимания, но вовремя вспомнил, что притронуться не к чему. Тогда он просто поднял фонарь и направился к двери.

— Пошли,— бросил он через плечо.

И они двинулись вдвоем сквозь метель к хлеву, туда, где терпеливо ждали коровы.

Он сидел на крыльце в кресле-качалке, раскачивался вперед-назад и прислушивался к скрипу половых досок. Через улицу, во дворе дома, что стоял напротив, пожилая женщина срезала хризантемы, цветы продолжавшейся без конца осени. Вдалеке виднелись поля и леса, осененные прозрачной голубизной бабьего лета. В деревне было тихо, царил покой сродни тому, который свойствен старости. Она, казалось, выстроена не для живых существ, а для фантомов, порожденных рассудком. Другому соседу, дряхлому старику, имевшему обыкновение прогуливаться с палочкой по заросшей травой улице, появляться было еще рано: что же до голосов детей, он вряд ли услышит их до темноты, если услышит вообще — такое случалось отнюдь не всегда.

При желании он мог бы погрузиться в чтение, однако подобного желания как-то не возникало. Он мог также вновь взяться за лопату и в очередной раз перекопать огород, дабы как можно лучше подготовить почву к посадке семян. Впрочем, какие семена в краю, где не бывает весны? Давным-давно, не зная в ту пору о неизбывности осени, он упомянул о семенах в разговоре с Молочником, и тот был буквально шокирован услышанным.

Он оставил за спиной много миль, покинул мир горечи и, очутившись здесь, поначалу вполне удовлетворился жизнью в полном безделье, возможностью ничего — или почти ничего — не делать и не испытывать при этом ни стыда, ни чувства вины. Он ступил на тихую деревенскую улицу, залитую лучами осеннего солнца, и первой, кого он увидел, была та самая пожилая женщина, что жила теперь в доме напротив. Она поджидала его у изгороди, как будто догадывалась, что

© Перевод К. Королева.

он должен прийти. «Добро пожаловать,— сказала она.— Нынче к нам приходят немногие. Ваш дом вон тот, через улицу; надеюсь, мы станем друзьями». Он поднес руку к голове, чтобы снять шляпу, совсем забыв, что никакой шляпы нет и в помине. «Меня зовут Нельсон Рэнд,— проговорил он.— Я инженер. Постараюсь оправдать ваше доверие». Фигура женщины, несмотря на известную возрастную полноту и сутулость, отличалась несомненным изяществом.

«Заходите,— пригласила дама.— Я угощу вас лимонадом и печеньями. Правда, у меня гости, но я не стану представлять их вам». Он ожидал услышать объяснение, но объяснения не последовало, и потому он направился вслед за дамой по выложенной кирпичом дорожке, вдоль которой расположились огромные клумбы роскошных астр и хризантем, к большому дому.

В просторной гостиной с высоким потолком имелся камин, в котором пылал огонь; в простенках между скрытыми затейливыми шторами окнами стояли старинные массивные шкафы. Дама усадила его за столик у камина, сама села напротив, разлила лимонад и передала Рэнду блюдо с печеньем.

— Не обращайте на них внимания,— посоветовала она.— Им до смерти хочется познакомиться с вами, однако я не собираюсь потакать невежливости.

Не обращать внимания было легко, поскольку в комнате, кроме них двоих, не присутствовало ни единой живой души.

— Майору — он облокотился на каминную полку, по-моему, весьма развязная поза,— не нравится мой лимонад,— продолжала хозяйка.— Он предпочитает более крепкие напитки. Мистер Рэнд, будьте любезны, попробуйте мой лимонад и скажите, так ли он плох. Уверяю вас, вы не разочаруетесь. Я приготовила его собственными руками, у меня ведь нет ни служанки, ни кухарки. Я живу одна, и одиночество меня ничуть не тяготит, хотя мои друзья считают иначе и потому заглядывают ко мне гораздо чаще, чем следовало бы.

Он осторожно пригубил лимонад: тот оказался поистине замечательным, наподобие того, какой он пил в детстве, Четвертого июля* и на школьных пикниках,— надо же, сколько минуло лет, а вкус не позабылся.

— Превосходно,— похвалил он.

* День Независимости США.

— Дама в голубом,— сказала хозяйка,— которая сидит в кресле у окна, жила здесь десятилетия назад. Мы с ней были подругами, а потом она ушла, но, как ни удивительно, частенько возвращается. Признаться, меня беспокоит, что я никак не могу вспомнить ее имени. Вы не знаете случайно, как ее зовут?

— Боюсь, что нет.

— Ну разумеется, разумеется. Вы же новенький. Я совсем запамятовала: старость не радость.

Он пил лимонад и грыз печенье, а хозяйка все щебетала о своих невидимых гостях. В конце концов он откланялся, пересек улицу, подошел к дому, который, по словам женщины, принадлежал ему, и лишь тут сообразил, что она так и не представилась. С тех самых пор и по сей день она оставалась для него просто «дамой с цветами».

Когда же он пришел сюда? Не вспомнить, как ни старайся. Все дело в осени. Как можно следить за временем, когда на дворе постоянно осень?

Все началось в тот день, когда он ехал через Айову, направляясь в Чикаго. Нет, возразил он себе, раньше, все началось с прорех, которые сперва не слишком бросались в глаза. Он всего-навсего машинально отмечал их, приписывая то причудам воображения, то необычному состоянию атмосферы и преломлению света. Прорехи, прорехи — мир словно утрачивал присущую ему прочность, утончался до некой едва различимой грани между «здесь» и «там».

В силу того что правительственный контракт так и не был заключен, он потерял свою работу на Западном побережье. Подобная участь постигла множество фирм, и сотни инженеров в мгновение ока превратились в безработных. Он рассчитывал устроиться в Чикаго, сознавая, впрочем, что вероятность успеха крайне мала. Он твердил себе, что обладает по сравнению с товарищами по несчастью целым рядом преимуществ: молод, не женат, несколько долларов на банковском счету, никаких закладных под дом, купленных в рассрочку машин или детей, которых надо водить в школу. Он одинок, а потому не обязан содержать кого-либо, кроме себя. Старый дядюшка, человек суровых нравов, убежденный холостяк, который воспитывал Рэнда на своей ферме в гористой висконсинской местности после того, как родители мальчика погибли в автокатастрофе, отошел в прошлое, его образ приобрел размытые

очертания, постепенно утратил знакомые черты. Дядюшку он не любил — не то чтобы ненавидел, нет, просто не любил и потому не заплакал, узнав, что старика забодал рассвирепевший бык. Итак, Рэнд был одинок, настолько, что даже с трудом припоминал, что у него когда-то была семья.

Он потихоньку копил деньги, откладывал жалкие гроши на черный день, понимая, что в случае чего вряд ли сразу сумеет подыскать себе новое место: ведь вокруг полным-полно тех, чья квалификация гораздо выше, а послужной список — намного длиннее.

Видавший виды автомобильчик имел одно несомненное достоинство: спать в нем было весьма удобно. Что касается еды, тут Рэнд поступал следующим образом — останавливался время от времени в придорожном леске и готовил себе на костре что-нибудь горячее. Так он пересек почти весь штат: уже начался извилистый подъем на холмы, что преграждали путь к Миссисипи, впереди на горизонте изредка мелькали высотные чикагские здания, над которыми клубился дым из заводских труб.

Перевалив через холмы, Рэнд въехал в городок, оседлавший реку по обоим берегам. Именно здесь он ощутил и увидел, если можно так выразиться, ту прореху, о которой и не подозревал раньше. Она наводила на мысль о чужеродности, нереальности происходящего, окрестности будто затянуло пеленой тумана, которая закругляла углы и делала нечеткими контуры, напоминая отражение на зеркальной глади озера, зарябившей вдруг от налетевшего ветерка. Прежде, испытывая подобное чувство, он приписывал его дорожному утомлению, открывал окно, чтобы глотнуть свежего воздуха, или тормозил, выбирался из машины и принимался расхаживать по дороге, ожидая, пока оно благополучно минует. Однако на сей раз впечатление было столь ярким, что он даже испугался, испугался за себя, решив, что с ним явно творится что-то неладное.

Он нажал на тормоз, остановил машину на обочине, и ему показалось, что обочина более неровная, чем ей следует быть. Он выглянул наружу и убедился, что дорога изменилась: на ней появились выбоины, тут и там валялись камни, довольно-таки увесистые булыжники; некоторые из них, побывавшие, очевидно, под колесами автомобилей, превратились в скопище мелких обломков. Он оторвал взгляд от дороги и посмотрел на город — тот исчез, на его месте громоздились развалины.

Рэнд сидел, вцепившись в руль, и внезапно услышал в мертвой, неестественной тишине карканье ворон. Непонятно с какой стати он попытался вспомнить, когда слышал воронье карканье в последний раз, и тут увидел птиц — черные точки над вершиной холма. Вдруг он понял, что деревья тоже исчезли, сгинули в никуда, сохранились лишь почерневшие пни. Развалины города, приземистые пни, хриплые крики воронья — зрелище заставляло трепетать и повергало в панику.

Едва сознавая, что делает, он вылез из машины. Впоследствии, раздумывая над случившимся, он укорял себя за безрассудство: ведь машина была единственным связующим звеном с пропавшей реальностью. Вылезая, он оперся рукой о сиденье и ощутил под ладонью прямоугольный предмет, на котором его пальцы сомкнулись словно сами собой. Рэнд выпрямился, поднес руку к лицу и обнаружил, что прихватил фотоаппарат, лежавший рядом на сиденье.

Он продолжал раскачиваться в кресле, под которым по-прежнему поскрипывали доски, и размышлял о том, что снимки сохранились до сих пор. Он давно уже не рассматривал их, очень давно, ибо, живя в краю вечной осени, предпочитал удовлетворять лишь повседневные, насущные нужды, как будто норовил отвлечься от мыслей о прошлом, отвернуться от того, что знал — или полагал, что знает.

Решение фотографировать не было сознательным, хотя позже он и пытался убедить себя, что это не так (правда, рассудок все равно отказывался внимать); сейчас Рэнд кисло поздравил себя с тем, что сообразил подкрепить свидетельства памяти, на которые никогда нельзя полагаться целиком и полностью, кое-чем более надежным и достоверным. Человеческое воображение способно творить чудеса, воспроизводить то, чего на деле вовсе не происходило, поэтому безоговорочно доверять ему не следует ни в коем случае. Происшествие, если вдуматься, носило некий мистический оттенок, словно реальность, в которой существовал разрушенный город, находилась в ином измерении и ее нельзя было ни объяснить, ни рационализировать. Рэнд смутно припомнил, как навел фотоаппарат, услышал щелчок затвора и увидел, что с холма на него несется целая толпа. Он кинулся к машине, захлопнул за собой дверцу и включил зажигание, намереваясь сбежать от разгневанных людей, которые находились не далее чем в сотне футов.

Однако стоило ему съехать с обочины, как дорога вновь изменилась, стала гладкой и устремилась к городу, который неожиданно обрел прежний облик. Рэнд затормозил и обмяк на сиденье; прошло несколько минут, прежде чем он нашел в себе силы продолжить путь. Теперь он ехал медленно, ибо опасался собственных взвинченных нервов.

Он планировал пересечь реку и добраться к ночи до Чикаго, но действительность внесла в эти планы существенные коррективы. Во-первых, его физическое состояние оставляло желать лучшего, а во-вторых, надо было проявить пленку; помимо всего прочего, не мешало как следует поразмыслить. Поэтому, миновав город, он свернул с дороги на лесную стоянку с местом для костра и старомодной колонкой. В багажнике у него имелся небольшой запас дров. Он развел костер, вытащил коробку с кухонной утварью и провизией, достал из нее кофейник, поставил на жаровню сковородку и разбил на ней три яйца. Сворачивая на стоянку, он заметил на обочине человека; тот приближался неторопливым шагом и остановился у колонки.

— Работает?

— Работает,— отозвался Рэнд.— Я только что набрал воды в кофейник.

— Жаркий денек,— сказал мужчина, нажимая на рукоятку.— В такую жару много не находишь.

— Вы идете издалека?

— Да, уже шестую неделю.

Рэнд присмотрелся к незнакомцу. Одежда того было поношенной, но чистой, брился он, по всей видимости, день или два назад, волосы явно нуждались в ножницах парикмахера.

Из крана хлынула вода. Мужчина наклонился и подставил под струю сложенные чашечкой ладони.

— Хорошо,— проговорил он, отдуваясь.— Жажда замучила.

— Как у вас с едой? — спросил Рэнд.

— Плоховато,— ответил мужчина, поколебавшись.

— Загляните в багажник. Там должна быть тарелка с вилкой, думаю, найдется и чашка. Кофе вот-вот сварится.

— Мистер, мне бы не хотелось, чтобы вы решили, будто я свернул сюда...

— Забудем,— перебил его Рэнд.— Вы меня не объедите, тут вполне достаточно для двоих.

Мужчина извлек тарелку с чашкой, вилку, ложку и нож, а затем подошел к огню.

— Мне как-то не по себе,— признался он.— Все произошло так быстро... У меня всегда была работа, целых семнадцать лет.

— Держите.

Рэнд положил ему яичницы и принялся готовить порцию для себя. Мужчина уселся за деревянный столик поблизости от костра.

— Не ждите меня,— сказал Рэнд.— Ешьте, пока горячая. Если хотите, вот хлеб. А кофе будет чуть погодя.

— Если не возражаете, я возьму кусочек попозже,— отозвался мужчина.

Он назвался Джоном Стерлингом. Интересно, подумалось Рэнду, где сейчас Джон Стерлинг? Бродит по стране, ищет работу, любую — на день, на час? Каково ему без работы после того, как он оттрубил на одном месте семнадцать лет? Вспомнив про Стерлинга, он ощутил угрызения совести. Он был обязан Стерлингу, находился у того в долгу, причем тогда, во время разговора, даже и не подозревал, что подобное случится.

Они сидели за столом и говорили, уплетая за разговором яичницу, вытирая хлебом тарелки и попивая горячий кофе.

— Семнадцать лет,— рассказывал Стерлинг.— Я работал оператором в одной фирме, которая всегда держалась за меня, а потом выкинула на улицу, меня и сотни других. Нас было много, несколько тысяч, тех, кого взяли и сократили. Нет, фирму я не виню. Они ждали правительственного заказа, а он не поступил, и все остались без работы. А вы? Тоже в таком же положении?

— Как вы догадались? — спросил Рэнд, утвердительно кивнув.

— По еде. Так ведь дешевле, чем в ресторане, верно? К тому же у вас с собой спальный мешок. Вы спите в машине?

— Да,— ответил Рэнд.— Мне проще, чем многим другим, у меня нет семьи.

— А у меня есть,— вздохнул Стерлинг.— Жена и трое детей. Мы с женой долго спорили. Она не хотела меня отпускать, но в конце концов я ее убедил. Денег ни гроша, кругом сплошная безработица — я превратился в обузу, а без меня ей будет легче. Знаете, такой участи не пожелаешь и врагу. Когда-нибудь я вернусь к своим, когда все наладится. Они меня ждут.

По шоссе проносились автомобили. Со стоявшего неподалеку дерева соскочила белка, осторожно направилась к столу, но что-то, видно, напугало ее, и она опрометью кинулась обратно.

— Не знаю,— проговорил Стерлинг,— возможно, наше общество оказалось нам не по силам. Может, мы переоценили себя. Я люблю читать, всегда любил. Так вот, я обычно размышляю над прочитанным. Похоже, мы перенапряглись. Пожалуй, наши мозги годились для доисторической эпохи. Все шло нормально, пока мы не насоздавали того, чего не в состоянии оказались постичь. Наши мозги, мне кажется, отстали от жизни. Мы выпустили на волю экономических и политических монстров, с которыми не ведаем, как справиться, а значит, не можем подчинить их себе. Может статься, вот причина, по которой мы с вами лишились работы.

— Трудно сказать,— отозвался Рэнд,— я как-то не задумывался.

— Человек думает,— продолжал Стерлинг,— думает и грезит. Когда идешь по дороге, заняться чем-нибудь иным чаще всего не получается. Он воображает себе всякую ерунду; вернее, ерундой она представляется на первый взгляд, но, если присмотреться, начинаешь потихоньку сомневаться. С вами такое бывало?

— Иногда.

— Меня одолевала одна глупая мыслишка, совсем глупая. Я никак не мог от нее отвязаться, может, потому, что шел пешком. Время от времени меня подвозили, а так я шел себе и шел. Мыслишка вот какая: если идти не останавливаясь, может, удастся уйти от всего этого? Чем дальше ты ушел, тем меньше у тебя забот.

— Куда вы направляетесь? — полюбопытствовал Рэнд.

— В общем-то никуда. Просто иду, и все. Через месяц-другой поверну на юг, чтобы обмануть зиму. В северных штатах зимой не слишком уютно.

— Осталось два яйца,— сказал Рэнд.— Хотите?

— Мистер, я не могу...

— Да хватит вам, право слово.

— Ну, если вы настаиваете... Только давайте разделим пополам: яйцо мне, яйцо вам. Идет?

Пожилая дама кончила возиться с хризантемами и ушла в дом. Издалека доносилось постукивание палки: старый сосед

Рэнда вышел на вечернюю прогулку. Заходящее солнце заливало мир багрянцем. Листва на деревьях переливалась всеми оттенками алого и золотого. Рэнд наслаждался игрой красок с того самого дня, как поселился здесь. Трава имела рыжевато-коричневый оттенок: она еще не высохла, однако мнилось, что ее смерть уже не за горами. На улице показался старик. Судя по всему, палка была ему не особенно нужна, он вполне мог бы обойтись без нее. Задержавшись у калитки Рэнда, он произнес:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер,— отозвался Рэнд.— Сегодня прекрасная погода для прогулки.

Старик кивнул с таким видом, будто был каким-то образом причастен к тому, что день выдался на славу.

— Похоже,— проговорил он,— завтра тоже будет ясно.— Затем повернулся и заковылял дальше.

Этот обмен мнениями представлял собой нечто вроде ритуала, повторяющегося изо дня в день. Несмотря на чередование дня и ночи, в деревне ровным счетом ничего не менялось. Просиди он на крыльце хоть тысячу лет, сказал себе Рэнд, старик все так же будет проходить мимо и произносить те же слова, как если бы дело происходило не в действительности, а в каком-то фильме, отрывок из которого раз за разом прокручивают зрителям. Время остановило свой бег и зациклилось на осени.

Рэнд не понимал этого и не пытался понять, ибо не знал, что тут понимать. Стерлинг сказал, что, возможно, человек перенапряг свой слабый, доисторический рассудок — слабый или грубый, животный? Во всяком случае, здесь доискиваться смысла совершенно не стоило. Неожиданно Рэнд осознал, что прежний мир чудится ему некой мифологической конструкцией, столь же нереальной, как и настоящий. Попадет ли он когда-либо в реальность? Хочет ли он ее обрести?

Отыскать реальность было очень и очень просто. Следовало всего-навсего вернуться в дом и достать из ящика прикроватной тумбочки фотографии. Они освежат память, поставят лицом к лицу с реальностью. Эти снимки куда реальнее того мира, в котором он находится сейчас, и того, в котором пребывал когда-то. На них изображено то, что не являлось до сих пор человеческому взору, было неподвластно толкованию человеческого разума. Тем не менее они относились к неоспо-

римым фактам. Камера добросовестно зафиксировала то, что попало в объектив; она не фантазировала, не рационализировала и не страдала провалами памяти. Рэнду вспомнился служащий фотоателье, куда он зашел, чтобы забрать снимки.

— С вас три девяносто пять,— сказал тот, протягивая конверт.

Рэнд извлек из кармана пятидолларовую бумажку и положил ее на стол.

— Простите за любопытство,— сказал служащий,— но где вы снимали?

— Это монтаж,— объяснил Рэнд.

— Если так,— проговорил служащий, качая головой,— лучшего мне видеть не доводилось.— Он пробил чек и, не закрыв кассу, взял в руки конверт.

— Что вам нужно? — спросил Рэнд.

Служащий перебрал фотографии.

— Вот,— произнес он, показывая один из снимков.

— Что «вот»? — холодно справился Рэнд.

— Человек, который впереди всех,— это мой лучший друг, Боб Джентри.

— Вы ошибаетесь,— возразил Рэнд, забрал фотографии и положил их обратно в конверт.

Служащий отсчитал ему сдачу, продолжая покачивать головой — озадаченно и, пожалуй, немного испуганно.

Не теряя времени, но и не гоня с сумасшедшей скоростью, Рэнд проехал через город, пересек реку и очутился на вольном просторе. Тут он прибавил газу. Взгляд его то и дело обращался на зеркало заднего вида. Служащий был в таком смятении, что с него станется позвонить в полицию. К тому же фотографии могли видеть и другие. Впрочем, полиции опасаться нечего, ведь он не нарушил никаких законов. Разве существует закон, запрещающий фотографировать?

Милях в двадцати от реки он свернул с шоссе на пыльную проселочную дорогу и ехал по ней, пока не достиг моста, переброшенного через небольшую речушку. Судя по следам на обочине, место пользовалось популярностью; вероятно, сюда частенько наведывались рыбаки. Правда, сейчас поблизости никого не было. Рэнд полез в карман за конвертом и с удивлением обнаружил, что у него дрожат руки. Итак, что же он наснимал?

Он поразился количеству фотографий, ему казалось, что их должно быть раза в два меньше. При взгляде на снимки память ожила и возвратилась, хотя ее образы оставались-таки размытыми и нечеткими. Он вспомнил: ему тогда померещилось, что окрестности затянуты пеленой тумана; однако фотографии представляли тот мир с безжалостной резкостью. Почерневшие развалины не оставляли сомнения в том, что город подвергся бомбардировке; на голой вершине холма виднелись скелеты деревьев, каким-то образом уцелевших среди безумия пожара. Что касается людей, спешивших по склону холма, они попали лишь на одну-единственную фотографию, и удивляться тут было нечему: заметив их, он сломя голову кинулся к машине, ему было не до снимков. Разглядывая фото, Рэнд отметил, что люди были ближе, чем ему показалось в тот момент. Должно быть, они находились там все время, просто он, в своем потрясении, не сразу заметил их. Если бы они не шумели, то без труда застали бы его врасплох. Да, как они близко, можно даже различить отдельные лица! Интересно, кто из них тот самый Боб Джентри, которого узнал служащий из ателье?

Рэнд сложил фотографии в конверт и запихнул его в карман пиджака, а затем выбрался из машины и спустился к воде. Ширина речки составляла не больше десяти футов. Под мостом течение слегка замедлялось; здесь было нечто вроде заводи, по берегам которой, похоже, предпочитали устраиваться рыбаки. Рэнд уселся на землю и уставился на реку. Берег нависал над водой козырьком, под которым, на глубине, сновали, должно быть, рыбы, ожидая крючков с насаженными на них червями. Сидеть у воды, в тени раскидистого дуба, что рос за мостом, было приятно и покойно. Где-то вдалеке тарахтела сенокосилка, гладь реки сверкала на солнце, подергиваясь рябью всякий раз, как очередное плавучее насекомое попадало в рыбью пасть. Хорошо, подумал Рэнд, отличное место, чтобы отдохнуть. Он попытался освободить мозг, избавиться от воспоминаний, притвориться, будто ничего не случилось, будто тревожиться совершенно не о чем. Однако его попытки оказались тщетными. Он понял, что должен поразмыслить над словами Стерлинга. «Если идти не останавливаясь, может, удастся уйти от всего этого?»

До какой степени отчаяния нужно довести человека, чтобы он стал задаваться такими вопросами! Или дело тут не в отчаянии, а в беспокойстве, одиночестве, усталости, неспособности,

наконец, предугадать будущее? Да, неспособность предугадать будущее или страх перед завтрашним днем. Это волнение сродни знанию о том, что через несколько лет (всего ничего, иначе откуда бы тот тип из ателье узнал своего приятеля на фотографии?) боевая ракета сотрет с лица земли крохотный городок в штате Айова. За что его уничтожать? Обыкновенный провинциальный городок, не Лос-Анджелес, не Нью-Йорк и не Вашингтон, отнюдь не транспортный или промышленный центр, никакое правительство в нем не располагается. Ему достанется просто так, по ошибке, из-за отклонения от программы. Впрочем, какая разница? Вполне возможно, что через те же несколько лет придет конец стране и всему миру. Так оно и будет, подумал Рэнд. Сколько усилий, сколько надежд и упований — и все, все без исключения пойдет коту под хвост. Разумеется, от подобного исхода захочется не то что уйти, а сбежать, рассчитывая найти где-нибудь по дороге забвение. Однако необходимо, чтобы было откуда уйти, ибо так, с бухты-барахты, никуда и ни от чего не уйдешь.

Сидя на берегу реки, Рэнд размышлял о том, что сказал Стерлинг, и не торопился прогонять обуревавшие его мысли, которые при иных условиях, в иной обстановке счел бы нелепыми и праздными. Мысли накапливались в его мозгу, как бы порождая новые пространство и время, и вдруг он понял — внезапно и сразу, без утомительных поисков ответа,— что знает, откуда следует начинать. На мгновение ему стало страшно, он почувствовал себя дурачком, угодившим в ловушку собственных бессознательных фантазий. Здравый смысл твердил ему, что так оно на самом деле и есть. Горькие странствия отвергнутого по бесконечным дорогам, шок фотографий, странная, месмерическая притягательность тенистой заводи, словно отделенной от реального мира,— если сложить все вместе, чем не бредовая фантазия?

Рэнд поднялся и повернулся лицом к машине, однако перед его мысленным взором по-прежнему маячило то место, откуда следовало начинать. В мальчишеском возрасте, лет девяти или десяти от роду, он обнаружил распадок, не то чтобы овраг, но и не лощину, выводивший от холма, на котором стояла ферма дядюшки, в речную долину. Он был в том распадке один-единственный раз, больше не получилось: работы на ферме вечно было невпроворот. Рэнд принялся вспоминать, что и как, но быстро сообразил, что память вновь подводит

его. Ему вспоминался лишь один миг, мгновение истинного волшебства, некое подобие кадра из художественного фильма, картина, которая почему-то запечатлелась в памяти. Почему? Может, потому, что лучи солнца как-то по особенному осветили тогда местность? Или потому, что у него будто открылось второе зрение? Или потому, что он на долю секунды ощутил истину, соприкоснулся с тем, что лежит за гранью повседневности? Так или иначе, он был убежден, что познал подлинное волшебство.

Рэнд вернулся к машине, уселся за руль. Он глядел на мост, на реку и поля за ней, однако видел не их, а карту местности. Выехав на шоссе, он повернет не направо, а налево, в сторону города, а там, не доезжая реки, будет поворот на проселок, который через сотню с небольшим миль выведет к волшебному распадку. Да, Рэнд видел перед собой карту, и в нем исподволь укреплялась решимость. Однако он сказал себе: хватит глупить, какие еще волшебные долины, поворачивать нужно направо, думать же не о всякой ерунде, а о работе, которая, возможно, ждет его в Чикаго. Тем не менее на шоссе он повернул налево.

Попасть сюда было легче легкого, думал он, сидя на крыльце. Никаких блужданий по дорогам, никаких остановок, чтобы узнать, туда ли он направляется. Нет, он вел машину так, словно ехал этой дорогой только вчера. Ему пришлось остановиться у горла долины, ибо проселок внезапно обрывался; он остановил автомобиль и двинулся дальше пешком. Рэнд признался себе, впервые с тех пор, как очутился в деревне, что запросто мог не попасть в нее, пускай даже исходил распадок вдоль и поперек; главное было не найти, а узнать. Ему повезло, он узнал то, что видел и запомнил мальчишкой, узнал и вновь ощутил волшебство. Он отыскал тропинку, которая возникла будто из пустоты, привела его на вершину холма и незаметно перетекла в деревенскую улицу. Он ступил на эту улицу, залитую лучами осеннего солнца, и вскоре увидел пожилую даму, что поджидала его у забора своего дома, как если бы ее заранее известили о том, что он вот-вот подойдет.

Расставшись с ней, он зашагал к дому, который, по словам дамы, принадлежал ему. Едва он поднялся на крыльцо, как послышался стук: кто-то стучал в заднюю дверь.

— Я Молочник,— объяснил стучавший, когда Рэнд отпер дверь. То был то ли человек, то ли призрак: его облик слов-

но постоянно менялся; стоило на мгновение отвернуться, как создавалось впечатление, что перед вами — совсем другое лицо.

— Молочник,— повторил Рэнд.— Что ж, пожалуй, молоко мне пригодится.

— Вдобавок,— продолжал Молочник,— могу предложить яйца, хлеб, масло, ветчину и прочее. Вот керосин, теперь у вас есть чем заправить лампу. Дров достаточно, потом наколю еще. Спички и щепки на растопку, как войдете, слева от двери.

Рэнд припомнил вдруг, что ни разу не платил Молочнику и даже не порывался заплатить. Молочник был не из тех, при ком можно было упоминать о деньгах. В заказах необходимости, как правило, не возникало: Молочник каким-то образом узнавал, кто и в чем нуждается, не заводя о том разговора. Рэнду стало стыдно при воспоминании о том, какие последствия имела его необдуманная фраза насчет семян. Он поставил в неловкое положение не только Молочника, но и самого себя, ибо, едва слова сорвались у него с языка, он понял, что нарушил некий неписаный закон, который тут обязателен для всех.

На дворе постепенно сгущались сумерки. Скоро пора будет готовить ужин. А потом? Почитать? Нет, не хочется. Может, посидеть над планом разбивки сада? Опять-таки нет. Во-первых, у него все равно нет семян, а во-вторых, кто же сажает сад в краю вечной осени?

В гостиной дома напротив, просторной комнате с массивной мебелью и огромным камином, зажегся свет. Старик с палочкой что-то не возвращался, хотя ему давно уже пора было вернуться. Издалека доносились голоса играющих детей. Старость и молодость, подумал Рэнд, старость, которая ни о чем не тревожится, и молодость, которая ни о чем не думает. Однако он не стар и не молод; что же он тогда делает здесь?

Рэнд встал, спустился с крыльца и вышел на улицу, пустынную, как всегда. Он медленно направился в сторону парка на окраине деревни, где часто бывал и просиживал часами на скамейке под сенью деревьев. Он был уверен, что найдет там детей, хотя не знал, на чем основывается его уверенность; до сих пор он детей не встречал, лишь слышал их голоса. Он шагал мимо притаившихся в сумраке домов и думал о том, жили ли в них когда-нибудь люди. Сколько вообще жителей в этой безымянной деревушке? Пожилая дама рассуждала о своих друзьях, которые когда-то проживали тут, но потом уеха-

ли. Однако вполне возможно, что с возрастом она приобрела привычку выдавать желаемое за действительное. Так или иначе, заметил про себя Рэнд, дома находились в довольно-таки приличном состоянии. Там не хватало черепицы, сям облупилась краска, но нигде не было видно ни выбитых окон, ни прогнившей древесины, ни покосившихся водопроводных труб. Словом, возникало впечатление, что их совсем недавно отремонтировали.

Улица привела Рэнда в парк. Он по-прежнему слышал голоса детей, но теперь они звучали приглушеннее, не так громко, как раньше. Рэнд прошел через парк и остановился на опушке, глядя на окрестные поля. На востоке вставала луна, полная луна, струившая столь яркий свет, что можно было рассмотреть каждую кочку, каждый куст, чуть ли не каждый листик на дереве, под которым стоял Рэнд. Он осознал вдруг, что луна была полной всегда, она поднималась в небо с заходом солнца и исчезала перед рассветом и выглядела всегда огромной желтой тыквой, этаким вечно спелым плодом, еще одной характерной особенностью края вечной осени. Осознание этого явилось для Рэнда чем-то вроде потрясения основ. Почему, ну почему он не замечал прежде? Ведь он пробыл здесь достаточно долго, чтобы заметить, достаточно долго, в конце концов, смотрел на луну — и на тебе! А сколько он пробыл здесь — недели, месяцы, год? Он попытался посчитать, прикинуть и обнаружил, что у него ничего не выходит. Ему не от чего было оттолкнуться. Дни тут были похожи друг на друга, как близнецы, время текло столь плавно, что трудно было сказать, движется оно или застыло в неподвижности.

Детские голоса постепенно отдалялись. Прислушавшись к ним, Рэнд постиг, что они звучат у него в сознании. В действительности же дети давно разошлись по домам. Да, они придут снова, если не завтра, то послезавтра, придут и будут играть и шуметь, но теперь они ушли. Впрочем, какая разница? К чему убеждать себя, что они и впрямь существуют?

Рэнд повернулся спиной к полям и побрел обратно. Когда он приблизился к своему дому, ему навстречу из темноты выступила какая-то фигура. Он узнал пожилую даму. Судя по всему, она дожидалась его возвращения.

— Добрый вечер, мэм,— поздоровался Рэнд.— Отличная погода, не правда ли?

— Он ушел,— проговорила дама.— Ушел и не вернулся, точь-в-точь как остальные.

— Вы про старика?

— Про нашего соседа,— ответила она.— Старика с палочкой. Я не знаю, как его зовут, никогда не знала. И ваше имя для меня тоже загадка.

— Я вам представлялся,— заметил Рэнд, но она не обратила на его слова ни малейшего внимания.

— Мы жили почти рядом,— продолжала она,— и понятия не имели, как кого зовут. Мы безымянный народ. По-моему, это ужасно, ужасно!

— Я поищу его,— сказал Рэнд.— Он мог заблудиться.

— Да, поищите, поищите,— отозвалась дама,— пожалуйста, поищите его. Вам станет легче. Вы избавитесь от чувства вины. Но вам его не найти.

Рэнд медленно двинулся в том направлении, какое обычно избирал старик. У него сложилось впечатление, что тот ходил по центральной площади и обратно, но наверняка сказать было невозможно; до сих пор маршрут прогулок старика не представлялся чем-то важным, что заслуживало бы изучения. Едва ступив на площадь, Рэнд углядел на тротуаре некий предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении стариковой шляпой. Хозяина шляпы нигде не было. Рэнд подобрал головной убор, расправил его и взял за поля, чтобы лишний раз не помять.

Площадь нежилась в лунном свете. Посреди нее возвышался памятник неизвестно кому. Обосновавшись в деревне, Рэнд попробовал было выяснить, кого изображает статуя, но потерпел неудачу. На гранитном постаменте не было ни бронзовой таблички с именем, ни выбитой в камне пояснительной надписи. Черты лица статуи сгладились под воздействием времени, плащ, в который облачил изваяние неведомый скульптор, лишал возможности датировать ее по одежде, в позе каменного человека не было ровным счетом ничего примечательного. Статуя стояла на площади немым свидетельством людской забывчивости.

Рэнд огляделся по сторонам и, в который уже раз, поразился нарочитой несовременности деревни. Лавка мясника, парикмахерская, кузница, но ни гаража, ни станции обслуживания, ни пиццерии, ни закусочной. Жилые дома рассказывали историю поселения, а площадь словно кичилась ею. Деревня была

неизмеримо древней, осколком былого, уцелевшим в урагане времени, кусочком минувшего столетия. Правда, на ней лежал отпечаток нереальности, как будто ее построили специально, чтобы продемонстрировать, каким было прошлое. Рэнд покачал головой. Что с ним сегодня такое? Откуда взялись эти сомнения и подозрения, после стольких-то дней мира и покоя?

Рэнд пересек площадь и почти сразу натолкнулся на палку старика. Получается, тот свернул в переулок, рядом с которым валялась его трость? Но почему он бросил палку? Сначала шляпа, потом палка. Что тут произошло? Рэнд вновь огляделся, надеясь уловить в тени какое-нибудь движение, различить на границе света и тьмы чей-то призрачный силуэт, но, как и следовало ожидать, ничего не увидел. Если кто и был на площади, он давно уже ушел отсюда.

Шагая переулком, которым, вероятно, проходил старик, Рэнд настороженно всматривался во мрак. Темнота дурачила его, поминутно заставляя напрягаться, а потом, словно потешаясь, отступала, показывая, что волноваться было нечего. Несколько раз он замирал на месте, ибо ему чудилось, что кто-то крадется по улочке, прячась в тени домов, однако тревога оказывалась ложной. Наконец переулок вывел Рэнда на окраину поселения и обернулся утоптанной тропинкой. Рэнд заколебался. Старик потерял шляпу и трость; судя по тому, где он их потерял, он избрал именно этот путь. Если так, значит, он покинул деревню. Может, ему что-то угрожало? Гадать можно было сколько угодно, одна версия представлялась ничуть не хуже другой. Возможно, старик заплутал в ночи, возможно, испугался или ему стало плохо; так или иначе, он наверняка нуждается в помощи.

Рэнд устремился вперед. Тропа мало-помалу становилась все менее различимой. По траве прошмыгнул кролик, вдалеке зловеще заухала сова. С запада задувал пронизывающий ветер, он навевал тоску и печаль, свойственные местности, которую населяют лишь кролики да совы. Тропа оборвалась. Рощицы и заросли приземистых кустов сошли на нет; перед Рэндом простиралась травянистая равнина, выбеленная лучами луны, безликая прерия. Рэнд откуда-то знал, что она тянется до самого горизонта. Эта равнина обладала вкусом и запахом вечности. Он вздрогнул и тут же спросил себя, отчего дрожит. Ответ был очевиден: он смотрел на траву, а трава глядела на

него, знала и поджидала, манила к себе. Стоит ему войти в нее, и он сгинет навсегда, поглощенный беспредельностью и обезличенностью равнины. Рэнд развернулся и побежал. Ему было страшно, до такой степени, что он не постеснялся бы признаться в этом первому встречному. На окраине деревни он остановился и оглянулся. Трава осталась позади, ее не было видно, однако ему чудилось, что она крадется во тьме, подбирается ближе и ближе, а ветер гонит по ней серебристые волны.

Рэнд побежал дальше, но уже не так быстро, вскоре очутился на площади, пересек ее, достиг своего дома. Его удивило, что в окнах дома напротив нет света, однако он не стал задерживаться и направился на ту улицу, которая когда-то привела его сюда. Что-то подсказывало ему, что приспела пора покинуть деревню, распроститься с волшебством вечной осени и всегда полной луны, с безликим морем травы и голосами невидимых детей, со стариком, который канул в небытие, бросив шляпу и трость; что следует отыскать дорогу в прежний мир, где некоторые люди работают, а другие бродят по свету в поисках работы, где происходят мелкие стычки, а фотоаппараты добросовестно фиксируют будущее.

Он вышел из деревни. Сейчас, сейчас тропа вильнет вправо, вниз по обрывистому склону, к источнику волшебства, обретенному столько лет спустя. Рэнд двигался медленно и осторожно, пристально глядя себе под ноги, чтобы не прозевать поворот. Путь занял гораздо больше времени, чем он предполагал, и внезапно он понял, что, как бы ни старался, сколько бы ни искал, ему не найти обрывистого склона и тропы, что бежит вниз. Перед ним стеной встала трава. Он догадался, что угодил в западню, что ему не покинуть деревни иначе, нежели как по дороге, избранной стариком, по дороге в никуда. Он не стал приближаться к траве, памятуя о пережитом ужасе. Пускай его назовут трусом, но ужаса с него достаточно.

Рэнд возвратился в деревню. На всякий случай он не сводил глаз с тропы, надеясь в глубине души, что вот-вот покажется желанный поворот. Но чуда не произошло, хотя поворот, несомненно, существовал — по крайней мере в ту пору, когда он пришел сюда. Кроны деревьев, сквозь которые пробивался лунный свет, отбрасывали на стены зданий причудливые тени. В доме напротив по-прежнему было темно; вдобавок от него

почему-то исходило ощущение заброшенности. Рэнд вспомнил, что не ел с самого полудня, когда утолил голод сандвичем. Надо посмотреть в молочном ящике. Кстати, он заглядывал туда утром или нет?

Рэнд направился к черному ходу, возле которого был установлен молочный ящик. Там стоял Молочник, выглядевший призрачнее обычного, что ли, размытее, расплывчатее; шляпа с широкими полями совершенно затеняла его лицо.

Рэнд ошарашенно уставился на него. Облик Молочника както не вязался с лунным светом осенней ночи. Он принадлежал раннему утру, прочие времена суток были не для него.

— Я пришел узнать, не требуется ли моя помощь,— сказал Молочник.

Рэнд промолчал. Голова у него шла кругом, язык не поворачивался сказать хоть слово.

— Вам не нужен пистолет? — справился Молочник.

— Пистолет? Зачем он мне?

— Вечер доставил вам много неприятностей. Возможно, с пистолетом в руке или на поясе вы почувствуете себя спокойнее.

Рэнд заколебался. Ему показалось, или в голосе Молочника и впрямь проскользнула насмешка?

— Или крест.

— Крест?

— Распятие. Символ...

— Нет,— прервал Рэнд.— Крест мне ни к чему.

— Может быть, книгу по философии?

— Нет! — воскликнул Рэнд.— Это все в прошлом. Мы верили во все это, полагались на него, а потом оказалось, что полагаться не стоило, и...

Он умолк, потому что собирался сказать совсем не то, если собирался вообще. Он ощущал себя марионеткой: слова как будто вкладывал в его уста кто-то другой, а сам он лишь раскрывал рот.

— Или вам нужны деньги?

— Вы смеетесь надо мной,— вздохнул Рэнд.— Какое у вас право...

— Я только перечисляю то, чему привержены люди,— отозвался Молочник.

— Скажите мне, пожалуйста, без утайки: можно ли выбраться отсюда?

— Вернуться туда, откуда вы пришли?

— Да, именно так.

— Вам не к чему возвращаться,— проговорил Молочник.— Таков удел всякого, кто приходит сюда.

— Но ведь старик ушел! Помните, старик в черной фетровой шляпе, с тросточкой? Он потерял их, а я нашел.

— Он не вернулся,— возразил Молочник,— он отправился дальше. Не спрашивайте куда, я все равно не знаю.

— Однако вы не станете отрицать, что замешаны в этом?

— Я лишь скромный слуга. У меня есть работа, которую я стараюсь выполнять по мере сил. Я забочусь о тех, кто живет здесь, не более того. Рано или поздно наступает время, когда люди уходят. Я бы назвал деревню местом отдыха на пути в неведомую даль.

— Местом подготовки,— поправил Рэнд.

— Что?

— Так, ничего,— пробормотал Рэнд.— Просто сорвалось с языка.

Во второй раз, подумалось ему, он произносит то, что вовсе не думал произносить.

— Приятнее всего то,— сказал Молочник,— что тут никогда ничего не происходит, и о том не следует забывать.— Он спустился с крыльца на садовую дорожку.— Вы упоминали старика. Так вот, ушел не только он. Пожилая дама тоже. Они оба задержались куда дольше, чем принято.

— Выходит, я остался один?

Молочник, который направился к калитке, остановился и обернулся.

— Скоро придут другие,— проговорил он.— Они приходят постоянно.

Что там говорил Стерлинг о переоценке человеком собственных умственных способностей? Рэнд напряг память, но, как ни старался, так и не сумел вспомнить. Но если Стерлинг прав по сути, какая разница, какими словами он выразил свою мысль? В таком случае человеку необходимо место вроде этого, где ничего не случается, луна всегда полная и круглый год осень; да, необходимо — на известный срок.

Внезапно у Рэнда возникла новая мысль, и он крикнул вслед Молочнику:

— Но эти другие, станут ли они разговаривать со мной? Смогу ли я поговорить с ними? Узнаю ли, как их зовут?

Молочник отворил калитку. Судя по всему, он не слышал вопросов Рэнда.

Лунный свет утратил толику своей яркости, небо на востоке слегка порозовело — занимался очередной бесподобный осенний день.

Рэнд обошел вокруг дома, поднялся на парадное крыльцо, уселся в кресло-качалку и принялся ждать новеньких.

Оно существовало. Но что это было — пробуждение после сна, первый миг появления на свет, а может быть, его просто включили. Оно не помнило ни иного времени, ни иного мира.

Сами собой пришли слова. Слова всплывали ниоткуда, символы, совсем непрошеные, пробуждались, возникали или включались, как и оно само.

Мир вокруг был красно-желтым. Красная земля и желтое небо. Над красной землей в желтом небе стояло ослепительное сияние. Журча, по земле бежал поток.

Минутой позже оно уже знало гораздо больше, лучше понимало. Оно знало, как сияние в вышине — это солнце, а журчащий поток называется ручейком. В ручейке бежала не вода, но эта бежавшая жидкость, как и вода в его представлении, состояла из нескольких элементов. Из красной земли на зеленых стеблях, увенчанных пурпурными ягодами, тянулись кверху растения.

Оно уже располагало словами и символами, которых достаточно было для обозначения понятий «жизнь», «жидкость», «земля», «небо», «красный», «желтый», «пурпурный», «зеленый», «солнце», «яркий», «вода». С каждой минутой слов, символов и обозначений появлялось все больше. К тому же оно могло наблюдать, хотя слово «наблюдать» не совсем подходило — у него не было ни глаз, ни ног, ни рук, ни тела.

Не было ни глаз, ни тела. Оно не знало, какое занимает положение — стоит ли, лежит или сидит. Не повернув головы — ее у него не было, оно могло взглянуть в любую сторону. Но как ни странно, оно сознавало, что занимает определенное положение по отношению к ландшафту.

Оно посмотрело вверх, прямо на слепящее солнце. Сияющий диск не ослепил — ведь глаз, этих хрупких органических

© Перевод А. Гвоздиевского.

конструкций, которые мог разрушить солнечный свет, у него не было.

Оно знало — звезда класса Б8 с массой впятеро больше Солнца, отстоящая от планеты на 3.75 а. е.

Солнце с большой буквы? А. Е.? Впятеро? 3.75? Планета?

Когда-то в прошлом — каком прошлом, где, когда? — оно было знакомо с этими терминами, с тем, что солнце пишется с прописной буквы, что вода бежит ручейками, представляло себе тело и глаза. Может быть, оно их знало? Было ли у него когда-нибудь прошлое, в котором оно их знало? А может быть, это лишь термины, введенные в него для использования в случае необходимости, инструмент — еще один новый термин — для познания того мира, где оно оказалось? Познания с какой целью? Для себя? Нелепо, ибо ему эти занятия ни к чему, оно даже не задавалось такой мыслью.

Оно знало все, но откуда? Как оно узнало, что это солнце — звезда класса Б8 и что такое класс Б8? Как оно узнало расстояние до солнца, его диаметр и массу? Визуально? Как оно вообще узнало, что это звезда — ведь прежде оно звезд не видело?

И тогда, напряженно думая, оно пришло к заключению, что видело. Видело множество звезд, их долгую последовательность, протянувшуюся через всю Галактику, и оно изучало каждую из них, определяя спектральный класс, расстояние, диаметр, состав, возраст и вероятный срок оставшейся им жизни. Про каждую оно знало, постоянная ли это звезда или пульсирующая, ему известны были ее спектр и множество мелких параметров, позволяющих отличить одну звезду от другой. Красные гиганты, сверхгиганты, белые карлики и даже один черный. И, самое главное, оно знало, что почти каждой звезде сопутствуют планеты, потому что практически не встречало звезд без планет.

Наверное, никто никогда не видел столько звезд и не знал о них больше, чем видело и знало оно.

Во имя чего? Оно старалось осознать, с какой целью изучало их, но ему это никак не удавалось. Цель была неуловима, если только вообще существовала.

Оно перестало рассматривать солнце и огляделось вокруг, окинув единым взглядом всю панораму. «Словно у меня множество глаз вокруг несуществующей головы,— подумало оно.—

Интересно, почему меня так привлекает мысль о голове и глазах? Может быть, когда-то они были у меня? А может быть, мысль о них — это рудимент, примитивные воспоминания, которые настойчиво отказываются исчезнуть и почему-то сохраняются и проявляются при первой же возможности?»

Оно старалось доискаться до причины, дотянуться и ухватить мысль о памяти, вытащить ее, сопротивляющуюся, из норы. И не могло.

Оно сосредоточило внимание на поверхности планеты. Оно находилось (если так можно выразиться) на крутом склоне, вокруг громоздились валуны черной породы. Склон закрывал одну сторону, зато остальная часть поверхности лежала перед ним до горизонта, как на ладони.

Поверхность была ровной, только вдали, из земли выступало конусообразное вздутие с зубчатой вершиной, склоны которого были изборождены складками, как у древнего кратера.

По этой равнине текло несколько речушек, жидкость в которых не была водой. К небу тянулась редкая растительность. Только на первый взгляд казалось, что растения, увенчанные пурпурными ягодами,— единственные на планете, просто их было подавляющее большинство и уж очень необычный вид они имели.

Почва напоминала крупный песок. Оно протянуло руку, вернее, не руку — ведь рук у него не было,— но оно так подумало. Оно протянуло руку, запустило пальцы глубоко в землю, и в него потекла информация. Песок. Почти чистый песок. Кремний, немного железа, алюминия, следы кислорода, водорода, кальция и магния. Практически бескислотный. К нему стекались цифры, проценты, но вряд ли оно их замечало. Они просто поступали, и все.

Воздух планеты был смертелен. Смертелен для кого? Радиация, которую обрушивала на планету звезда Б8, тоже была смертельна. Опять же, для кого?

«Что же я должно знать?» — подумало оно. Еще одно слово, не употреблявшееся ранее. Я. Мне. Само. Существо. Личность. Целостная личность, сама по себе, а не часть другой. Индивидуальность.

«Что я такое? — спросило оно себя.— Где я? Почему? Почему я должно собирать информацию? Что мне до почвы, радиации, атмосферы? Почему мне необходимо знать класс

звезды, сияющей вверху? У меня нет тела, на котором это могло бы сказаться. Судя по всему, у меня нет даже формы; у меня есть только бытие. Бесплотная индивидуальность, туманное "я"».

Глядя на красно-желтую планету и пурпур цветов, оно на какое-то время застыло, ничего не предпринимая.

Немного погодя оно вновь принялось за работу. Ощупав нагромождения глыб и обнаружив ровные проходы между ними, оно поплыло по склону, следуя проходам.

Известняк. Массивный, жесткий известняк, отложившийся на морском дне миллионы лет назад.

На мгновение оно замерло, ощущая смутное беспокойство, потом определило его причину. Окаменелости!

«Но почему окаменелости нарушают мой покой?» — спросило оно себя и неожиданно с волнением или чем-то очень похожим на волнение догадалось. Окаменелости принадлежали не растениям, древним предкам тех пурпурных цветов, которые росли на теперешней поверхности, а животным — формам, более совершенным в своей структуре, гораздо дальше продвинувшимся по лестнице эволюции.

Жизнь в космосе была такой редкостью! На некоторых планетах существовали лишь простейшие формы, находящиеся на границе растительного и животного мира — чуть более развитые, чем растения, но еще не животные. «Я могло бы и догадаться,— подумало оно.— Меня должны были насторожить эти пурпурные растения — ведь они достаточно организованны, это не простейшие формы». Несмотря на смертельную атмосферу, радиацию, жидкость, которая не была водой, силы эволюции на этой планете не дремали.

Оно отобрало небольшую окаменелость — скорее всего хитиновый покров,— которая все еще содержала нечто, напоминающее скелет. У него были голова, тело, лапы, довольно плоский хвост для передвижения в том жутком химическом вареве, которое когда-то было океаном. Были у него и челюсти, чтобы хватать и удерживать добычу, глаза — возможно, гораздо больше глаз, чем диктовалось необходимостью. Сохранились отдельные следы пищевода, остатки нервов или, по меньшей мере, каналов, по которым они тянулись.

Оно подумало о том далеком, туманном времени, когда он («Он? Сначала было я. А теперь он. Две личности, вернее, две

ипостаси одной личности. Не оно, а я и он».) лежал, разлившись тонким слоем по твердому пласту известняка, и думал об окаменелостях и о себе. Особенно его интересовала именно эта окаменелость и то далекое, туманное время, в котором окаменелость была найдена впервые, когда вообще в первый раз он узнал о существовании окаменелостей. Он вспомнил, как ее нашли и как она называлась. Трилобит. Кто-то сказал ему, что это трилобит, но он не мог припомнить кто. Все это было слишком давно и настолько затеряно в пространстве, что в памяти осталась лишь окаменелость, которая называлась трилобит.

Но ведь было же другое время, другой мир, в котором он был молод! Тогда, в первые мгновения после пробуждения, он знал, что его не включали, не высиживали и не рожали каждый раз снова. У него было прошлое. В былые времена, проснувшись, он сохранял личность. «Я не молод,— подумал он.— Я сама древность. Существо с прошлым».

«Мысли о глазах, теле, руках, ногах — может быть, это память об ином времени или временах? Может быть, когда-то я действительно обладал головой, глазами, телом?»

Вероятно, он ошибался. Вероятно, это лишь признак памяти, порожденный какой-то случайностью, событием или сочетанием того и другого, происшедших с другим существом. Возможно, это память, привнесенная по ошибке,— не его, а чья-то еще. А если окажется, что это его собственная память, то что же с ним произошло, как он изменился?

На какое-то время он забыл про известняк и окаменелости. Он расслабленно и спокойно лежал, распластавшись в складках породы, надеясь, что спокойствие и расслабленность принесут ответ. Ответ появился, но частичный, раздражающий и мучительный своей неопределенностью. Была не одна, а множество планет, разбросанных на расстоянии бесчисленных световых лет.

«Если это так,— думал он,— то во всем должен быть какой-то смысл. Иначе зачем нужны множество планет и информация о них?» И это была новая непрошеная мысль — информация о планетах. Зачем нужна информация? С какой целью он ее собирал? Безусловно, не для себя — ему эта информация не была нужна, он не мог ею воспользоваться. Может быть, он всего лишь собиратель, жнец, накопитель и передатчик собранной информации?

А если не для себя, то для кого? Он подождал, пока не возникнет ответ, пока память не возьмет свое, но понял, что достиг предела.

Он медленно вернулся на склон холма.

Комок грунта возле него шевельнулся, и наблюдатель сразу заметил, что это не порода, а живое существо такой же окраски. Существо передвигалось быстро. Оно перемещалось короткими плавными движениями, будто тень, а когда останавливалось, сливалось с грунтом.

Наблюдатель знал, что существо изучает его, рассматривает, и силился предположить, что оно может видеть. Возможно, существо почуяло нечто, обладающее тем же странным и неопределенным качеством, которое называется жизнью, почувствовало присутствие иной личности. «Может быть, оно чувствует силовое поле? — подумал он.— Могу я быть силовым полем, разумом, лишенным членов и заключенным в силовое поле?»

Он не шевелился, позволяя существу рассмотреть себя. Оно плавно кружило вокруг, взметая при каждом движении фонтанчики песка и оставляя за собой взрыхленную бороздку. Оно приближалось.

Вот и попалось! Он держал замерзшее существо, будто охватив его множеством рук. Он исследовал его, но это не было аналитическое исследование, ему лишь надо было знать, что это такое. Протоплазма, хорошо защищенная от радиации и, возможно,— в этом он не был уверен — даже развившая в себе способность использовать ее энергию. Вероятнее всего — организм, не способный существовать без радиации, который нуждался в ней так же, как другие нуждаются в тепле, пище или кислороде. Существо разумное, обладающее многочисленными эмоциями — вероятно, вид разума, еще не способный построить развитую культуру, но все же достаточно развитый. Еще несколько миллионов лет, и он, наверное, породит цивилизацию.

Он отпустил его. Все так же плавно существо умчалось прочь. Он потерял его из виду, но какое-то время еще мог следить за его перемещением по разматывавшейся ниточке следов и фонтанчикам взлетавшего в воздух песка.

У него было много дел. Надо узнать профиль атмосферы, провести анализ почвы и тех микроорганизмов, которые могли

в ней оказаться, определить состав жидкости в ручье, исследовать растительный мир, провести геологические исследования, измерить силу магнитного поля и интенсивность радиации. Но сначала произвести общее исследование планеты, чтобы классифицировать ее и указать районы, которые могли бы представлять экономический интерес.

Опять всплыло новое слово, которого раньше у него не было — «экономический». Напрягая память, свой теоретический разум, заключенный в гипотетическое силовое поле, он старался найти определение этому слову.

Когда он нашел его, то смысл проступил ясно и четко — единственное, что ясно и четко представилось ему на этой планете.

Что здесь можно добыть и каковы затраты на разработку?

«Охота за сырьем»,— подумал он. Именно в этом и заключался смысл его пребывания на планете. Ясно, что сам он никак не может использовать какое бы то ни было сырье. Должен существовать еще кто-то, кто мог бы вести эксплуатацию. Но в то же время он почувствовал, как при мысли о сырье по нему прошла волна удовольствия.

«Что здесь приятного? — подумал он.— Искать сырье?» Какую пользу он извлекал от поиска этих скрытых на планетах сокровищ? Хотя, если вдуматься не так уж много существовало планет с запасами сырья. А там, где запасы и были, они ничего не значили, так как местные условия исключали разработку. Много, слишком много планет позволяли приблизиться к себе лишь такому существу, как он.

Он припомнил, что в свое время, когда становилось очевидным, что дальнейшие исследования бессмысленны, его пытались отозвать с каких-то планет. Он сопротивлялся, игнорировал приказы вернуться. По элементарным нормам его этики всякую работу надо было доводить до конца, и он не возвращался, пока не выполнял ее полностью. Всякое начатое дело он не в силах был оставить незавершенным. Упрямая преданность начатому делу была основной чертой его характера; таково было условие, необходимое для выполнения работы, которую он исполнял.

Или так, или никак. Или он существовал, или нет. Он или работал, или не работал. Он был так устроен, что его интересовала всякая возникающая перед ним проблема, и он не от-

брасывал ее в сторону до тех пор, пока не решал до конца. Им приходилось мириться с этим, и теперь они это знали. Его больше не беспокоили, пытаясь отозвать с экономически невыгодной планеты.

«Они?» — спросил он себя и смутно припомнил других существ, таких, каким он был когда-то. Они обучили его, сделали из него то, чем он являлся, они эксплуатировали его так же, как и открытые им бесценные планеты. Но он не возражал — это была его жизнь, единственная, которую он имел. Или такая жизнь, или никакой. Он попытался припомнить подробности, но что-то мешало. Никогда он не мог получить полного представления о других виденных им планетах — только какие-то обрывочные данные. Он полагал, что кто-то совершает большую ошибку — ведь накопленный им опыт мог бы служить ему при исследовании каждой новой планеты. Но почему-то они так не считали, стараясь (правда, не совсем удачно) перед очередной засылкой стереть из его памяти все воспоминания о прошлом. Они говорили, что для свежести восприятия, гарантии от ошибок и во избежание недоразумений на каждую новую планету необходимо посылать полностью обновленный разум. Именно поэтому всякий раз у него появлялось ощущение, что он родился именно на этой планете, и только на ней. Что делать. Такова жизнь, а он, будучи в полной безопасности, повидал множество самых разных планет независимо от условий на них. Ничто не могло коснуться его — ни клыки, ни когти, ни яд, ни атмосфера, ни гравитация или радиация,— ничто не могло причинить ему вред, потому что вредить было нечему. Он шел — нет, не шел, он передвигался — через все преисподние вселенной с полным к ним безразличием.

Раздвигая горизонт, поднималось второе солнце — огромная чванливая звезда кирпично-красного цвета, а первое солнце тем временем склонялось к западу. «Удобно, что на востоке восходит такая громадина»,— подумал он.

«К2,— решил он,— в тридцать с небольшим раз больше Солнца, температура поверхности, вероятно, не выше 4000 °С. Двойная система, но звезд может быть даже больше. Возможно, есть и другие, которых я пока не видел». Он постарался определить расстояние, но сделать это было невозможно даже приблизительно, пока гигант не поднимется выше, пока он

не пройдет линию горизонта, которая сейчас разделяла его на два полушария.

Однако второе солнце могло подождать, да и все остальное тоже не к спеху. Есть одна вещь, которую он должен рассмотреть в первую очередь. Раньше он не отдавал себе в этом отчета, но теперь понял — его раздражало несоответствие в ландшафте. Явно противоестественным здесь был кратер. Его не могло тут быть. И хотя налицо были все присущие кратеру черты, он не мог иметь вулканического происхождения, потому что находился посреди песчаной равнины, а песчаник, разбросанный по его склонам, состоял из осадочных пород. Не было ни следов извержения, ни старых лавовых потоков. Не мог он образоваться и в результате падения метеорита — всякий метеорит, создавший такой огромный кратер, превратил бы груды материала в спеченную массу и тоже выбросил бы потоки лавы.

Он стал потихоньку перемещаться к кратеру. Грунт оставался все тем же,— все та же красная почва.

Он остановился отдохнуть — если это то слово — на краю кратера и, заглянув в него, застыл в недоумении.

Кратер был заполнен каким-то веществом, которое образовало что-то вроде вогнутого зеркала. Но это было не зеркало — вещество ничего не отражало.

И вдруг на поверхности появилось изображение, и если бы только у наблюдателя могло перехватить дыхание, так бы оно и произошло.

Два существа, большое и маленькое, стояли у края карьера над железнодорожным полотном, а прямо перед ними возвышался срез известняка. Маленькое существо копалось в обломках с помощью какого-то инструмента, который держало в руке. Рука переходила в предплечье и соединялась с туловищем, имевшим голову с глазами.

«Это же я,— подумал он.— Это я, только в молодости!»

Он почувствовал, как его охватила слабость, все поплыло, как в тумане, а увиденная картина, казалось, притягивала его к себе, чтобы он слился с собственным изображением. Шлюзы памяти, внезапно открывшись, низвергли на него давние, запретные сведения о прошедших временах и его родных. Он отбивался, стараясь прогнать их подальше, но они не желали уходить. Словно кто-то схватил его и, не выпуская, нашептывал на ухо слова, которые он не желал слушать.

Люди, отец и сын, железнодорожное полотно, Земля, находка первого трилобита. В него — в это интеллектуальное силовое поле, служившее ему доселе убежищем и дававшее покой, в этот продукт эволюции или инженерного мастерства безжалостно устремилось прошлое.

На отце был старый, дырявый на локтях свитер и черные, пузырящиеся на коленях брюки. Он курил старую обожженную трубку с обкусанным мундштуком и с интересом наблюдал, как мальчик осторожно откапывал крошечный кусочек камня, сохранивший отпечаток древнего животного.

Потом изображение мелькнуло и исчезло, и он присел на край кратера, обрамлявшего теперь мертвое зеркало, которое не отражало уже ничего, кроме красного и голубого солнц.

«Теперь я знаю»,— подумал он. Он знал не то, каким он стал, а то, кем он был,— существом, которое передвигалось на двух ногах, имело тело, две руки, голову, глаза и рот, которое могло захлебываться от восторга при находке трилобита. Существом, которое шествовало гордо и уверенно, хотя оснований для такой уверенности и не имело — ведь оно и отдаленно не обладало его сегодняшним иммунитетом.

Как он мог развиться из такого слабого, беззащитного существа?

«Может быть, через смерть?» — подумал он, и мысль о смерти была так нова, что ошеломила его. Смерть — это значит конец, но ведь конца нет, его никогда не будет; нечто — интеллект, заключенный в силовое поле,— могло существовать вечно. Но, может быть, где-то в процессе эволюции или конструирования смерть сыграла свою роль? Должен ли человек пройти через смерть, чтобы стать таким, как он?

Он сидел на краю кратера, зная все о поверхности планеты на много миль вокруг — о красной почве, о желтизне неба, о пурпуре цветов, о журчании жидкости в ручье, о красноте и сини солнц и теней, которые они отбрасывали, о бегущем существе, взметавшем фонтанчики песка, об известняке и окаменелостях.

Знал он и кое-что еще, и при мысли об этом его охватили неизведанные доселе паника и страх. Прежде он не знал этих чувств, потому что обладал защитой и иммунитетом. Он был недосягаем ни для каких сил и даже на солнце, пожалуй, чувствовал бы себя в безопасности. Ничто не могло нанести ему вред, ничто не могло проникнуть в него.

Теперь все изменилось. Теперь что-то преодолело его защитный заслон. Что-то вырвало из него стародавние воспоминания, а потом отобразило их в зеркале. На этой планете существовала сила, которая могла проникнуть к нему, вырвать то, о чем он и сам не подозревал.

«Кто вы? Кто вы? Кто вы?» — понеслось по планете, но в ответ, будто насмехаясь, пришло только эхо. Слабее, слабее — только эхо.

Нечто могло позволить себе не отвечать. Зачем ему это? Оно могло сидеть, чопорное и молчаливое, слушая, как он кричит, и выжидая, не содрать ли еще один пласт его памяти, чтобы как-то использовать или посмеяться над ним.

Он утратил свою безопасность. Он стал беззащитен, обнажен перед этой силой, которая продемонстрировала ему его беззащитность с помощью зеркала.

Он опять закричал, но на этот раз обращаясь к тем, кто послал его сюда.

«Заберите меня! Я беззащитен! Спасите меня!»

Молчание.

«Я же работал на вас — я добывал информацию — я сделал свое дело — теперь вы должны помочь мне!»

Молчание.

«Пожалуйста!»

Молчание.

Молчание и даже нечто большее. Не только молчание, но и отсутствие, вакуум.

Случившееся потрясло его. Его бросили, порвали с ним все связи, оставили на произвол судьбы в глубине неизведанного пространства. Они умыли руки, бросили его не только без защиты, но и в одиночестве.

Они знали о случившемся, знали все, что с ним когда-либо происходило. Они постоянно управляли им и знали все то, что знал он. Они почувствовали опасность раньше, чем ощутил ее он сам, поняли, что опасность угрожает не только ему, но и им самим. Если какая-то сила могла проникнуть сквозь его защиту, она могла проследить и его связи и добраться до них. Поэтому связь была прервана раз и навсегда. Они не хотели рисковать. Именно об этом они постоянно заботились. «Ты не должен обнаруживать себя. О твоем присутствии никто не должен догадываться. Ты не должен ничем выдавать свое присутствие. И никогда ты не должен позволить выследить нас».

Холодные, расчетливые, безразличные. И испуганные. Вероятно, более испуганные, чем он. Теперь им было известно о существовании в Галактике такой силы, которая могла обнаружить посланного ими бесплотного наблюдателя. Теперь они никогда не смогут послать другого, даже если он у них будет, потому что в них всегда будет жить страх. Возможно, страх даже усилится — что, если связь прервана недостаточно быстро, если та сила, которая обнаружила их наблюдателя, уже нашла дорогу к ним?

Страх за их тела, доходы...

«Не за их тела,— произнес голос внутри его.— Не за их биологические тела. Ни у кого из твоего племени больше нет прежних тел...»

— А кто же они? — спросил он.

«Они лишь исполнители функций, значение которых сами смутно понимают».

— Кто ты? — спросил он.— Откуда ты все это знаешь?

«Я почти ничем не отличаюсь от тебя. Теперь и ты станешь таким же, как я. Ты осознал себя и стал свободен».

— А разве достаточно осознать себя? — спросил он и тут же понял, что ответ ему уже не нужен.— Благодарю тебя,— сказал он.

Джо остановил машину.

— Ты знаешь, что делать? — спросил он.

— Я иду по улице,— ответил Эрни.— Ничего не делаю. Иду до тех пор, пока мне не скажут остановиться. У вас там тоже люди?

— У нас там тоже люди.

— Почему я не могу ходить один?

— Ты попытаешься сбежать,— ответил Джо.— Мы уже так пробовали.

— Я не убегу.

— Черта с два!

— Мне не нравится эта работа,— сказал Эрни.

— Чем? Хорошая работа. Делать ничего не надо. Просто ходишь по улицам.

— По тем, которые ты указываешь. Я не могу выбирать улицы.

— Какая тебе разница, по какой улице гулять?

— Я не могу делать, что хочу. Вот и вся разница. Я даже не могу ходить, где хочу.

— А где ты хочешь ходить?

— Не знаю,— ответил Эрни.— Где угодно, только чтоб вы за мной не следили. Раньше все было по-другому. Я делал все, что хотел.

— Зато теперь ты регулярно ешь,— сказал Джо.— И пьешь тоже. Теперь у тебя есть где спать. У тебя в кармане всегда есть деньги. И в банке у тебя деньги.

— Все равно это неправильно,— сказал Эрни.

— Послушай, что с тобой сегодня случилось? Разве ты не хочешь помогать людям?

© Перевод А. Корженевского.

— Я не против им помогать. Но откуда я знаю, что помогаю им? Только с твоих слов. И еще этого типа из Вашингтона.

— Но он же тебе все объяснял.

— Я не понял, что он мне говорил. И не уверен, что всему этому можно верить.

— Я тоже его не понимаю,— сказал Джо.— Но я видел цифры.

— Я все равно не пойму этих цифр.

— Ты пойдешь сегодня или нет? Мне что, выталкивать тебя?

— Нет, я сам выйду. Как далеко сегодня идти?

— Тебе скажут, когда остановиться.

— Опять будете следить за мной?

— Да, черт подери! — не сдержался Джо.

— Это плохой район. Почему я всегда должен ходить по всяким паршивым улицам всяких паршивых районов?

— Это как раз твой район. В таком же месте ты жил до того, как мы тебя нашли. В других районах ты будешь чувствовать себя неловко.

— Но там, где вы меня нашли, у меня были друзья. Сузи была, и Джейк, и Джозеф, и Бабуин, и все остальные... Почему я не могу к ним вернуться?

— Потому что ты будешь болтать. Ты все раззвонишь.

— Вы мне не доверяете...

— А что, мы можем тебе доверять?

— Нет. Наверно, нет,— сказал Эрни и выбрался из машины.— Но я был там счастлив, понятно тебе?

— Ладно, ладно,— ответил Джо.— Я знаю.

В баре у стойки сидел человек, еще двое — в зале за столиками. Место напомнило Эрни бар, где они с Джозефом, Сузи и Бабуином, и иногда с Джейком и Гарри проводили вечера за пивом. Он забрался на высокий стул и сразу почувствовал себя легко и уютно, будто снова вернулись старые добрые времена.

— Плесни чего-нибудь,— обратился он к бармену.

— А у тебя есть деньги, приятель?

— Деньги есть.— Эрни выложил на стойку доллар. Бармен достал бутылку и налил немного в рюмку. Эрни осушил ее одним глотком.

— Повторить,— сказал он, и бармен налил ему еще.

— Что-то я раньше тебя здесь не видел.

— Я здесь раньше никогда не был.

Эрни заказал третью рюмку и теперь медленно потягивал спиртное, вместо того чтобы проглотить сразу.

— Знаешь, чем я занимаюсь? — спросил он у бармена.

— Нет, не знаю. Наверно, как и все остальные бездельники, ничем.

— Я исцеляю людей.

— Да ну?

— Я просто хожу и исцеляю всех людей вокруг.

— Замечательно,— сказал бармен.— Я слегка простужен. Можешь меня вылечить?

— Ты уже здоров.

— Но я чувствую себя не лучше, чем до твоего прихода.

— Завтра. Завтра все будет в порядке. Требуется какое-то время.

— Я не собираюсь тебе платить,— сказал бармен.

— Я и не жду. Мне платят другие люди.

— Какие другие?

— Просто другие. Я не знаю, кто они.

— Дураки, должно быть.

— Они меня домой не отпускают,— пожаловался Эрни.

— Ну, это уже не дело.

— У меня было много друзей. Сузи, Джозеф, Бабуин...

— У всех есть друзья,— сказал бармен.

— А у меня есть аура. Они так думают...

— Что у тебя?

— Аура. Они это так называют.

— Никогда о такой штуке не слышал. Еще налить?

— Да, пожалуй, еще рюмашку и все. Надо идти.

На мостовой у входа стоял Чарли и сверлил его взглядом. Эрни очень не хотелось, чтобы Чарли вошел в бар и сказал что-нибудь вроде: «Пора двигаться».

В окне второго этажа Эрни заметил вывеску и бросился вверх по лестнице. Джек был на другой стороне улицы, а Эл впереди на целый квартал. Они, конечно, заметят и побегут за ним, но, может быть, он успеет зайти в кабинет, прежде чем его догонят.

На дверной табличке значилось: «Лоусон и Крамер. Адвокаты». Эрни, не раздумывая, открыл дверь.

— Мне надо видеть адвоката,— сказал он секретарше.

— Вам назначено, сэр?

— Нет-нет, не назначено. Но мне надо срочно видеть адвоката. У меня есть деньги, видите? — Он достал из кармана горсть мятых бумажек.

— Мистер Крамер занят.

— А второй? Тоже занят?

— Второго адвоката нет. Раньше...

— Послушайте, мисс. У меня нет времени.

Дверь в кабинет открылась, на пороге появился мужчина.

— Что здесь происходит?

— Этот джентльмен...

— Я никакой не джентльмен,— перебил Эрни.— Но мне нужен адвокат.

— Хорошо,— произнес мужчина.— Входите.

— Вы Крамер?

— Да, это я.

— Вы мне поможете?

— Попытаюсь.— Он закрыл дверь, подошел к столу и сел.— Присаживайтесь. Как вас зовут?

— Эрни Фосс.

Адвокат стал что-то записывать на желтом листке бумаги.

— Эрни... Значит, Эрнест, так?

— Да, верно.

— Ваш адрес, мистер Фосс?

— У меня нет адреса. Я путешествую. Раньше адрес был. И друзья. Сузи, Джозеф, Бабуин и...

— В чем заключаются ваши трудности, мистер Фосс?

— Они меня не отпускают.

— Кто вас не отпускает?

— Правительство. Они не отпускают меня домой и все время за мной следят.

— Почему вы думаете, что за вами следят? Что вы сделали?

— Я ничего не делал. У меня эта штука, понимаете?

— Какая штука?

— Я исцеляю людей.

— Вы хотите сказать, что вы врач?

— Нет, не врач. Я просто исцеляю. Хожу везде и исцеляю их. У меня аура.

— У вас что?

— Аура.

— Не понимаю.

— Это что-то во мне. Из меня что-то исходит. У вас нет простуды или еще чего?

— Нет, у меня все в порядке.

— Если бы было, я бы вас вылечил.

— Знаете что, мистер Фосс? Я прошу вас немного посидеть в приемной. Через минуту я к вам выйду.

В дверях Эрни заметил, как Крамер потянулся к телефону. Ждать он не стал, прошел приемную и выскочил в коридор. Там уже ждали Джек и Эл.

— Ты поступил глупо,— сказал Джо.

— Он мне все равно не поверил,— попытался оправдаться Эрни.— Собрался звонить. Может быть, вызвал бы полицию.

— Может, он и вызвал. Мы решили, что мог, и на всякий случай пришлось оттуда убираться.

— Он, похоже, решил, что я псих.

— Почему ты это сделал?

— У меня есть права,— сказал Эрни.— Гражданские права. Вы что, никогда о них не слышали?

— Конечно, слышал. У тебя есть все права. Но ведь тебе объясняли: ты на службе. Ты являешься служащим. В соответствии с контрактом ты согласился на определенные условия. Тебе платят. Здесь все законно.

— Но мне не нравится.

— Что тебе не нравится? Хорошие деньги! Легкая работа! Всего-навсего ходить по улицам. Не так уж много на свете людей, которым платят за то, что они просто прогуливаются.

— Если мне так хорошо платят, почему мы все время останавливаемся в паршивых отелях вроде этого?

— За комнату и питание из твоих денег все равно не вычитают,— сказал Джо.— Мы позаботились, чтобы тебе это оплачивали. А в хороших отелях мы не останавливаемся, потому что не так одеты. Мы будем выглядеть там смешно. Будем привлекать внимание.

— Вы все одеваетесь, как я. Почему? — спросил Эрни.— Даже говорите, как я.

— Такая у нас работа.

— Да, я знаю. Все время паршивые районы... По мне, так это нормально. Я, кроме паршивых районов, нигде никогда и не бывал раньше. Но про вас я знаю. Вы привыкли носить

белые рубашки, галстуки и хорошие костюмы. Чистые, отглаженные. И когда вы не со мной, вы даже говорите по-другому, спорить готов.

— Джек,— сказал Джо,— почему бы тебе с Элом не взять Эрни и не пойти куда-нибудь перекусить? Мы с Чарли пойдем позже.

— И еще,— не унимался Эрни,— вы никогда не входите и не выходите все вместе. Делаете вид, что друг друга не знаете. Это тоже чтобы не привлекать внимания?

— О господи,— не выдержал Джо.— Ну какое тебе дело?

Трое вышли из комнаты.

— Справляться с ним становится все труднее,— произнес Чарли.

— Что поделаешь? — сказал Джо.— Он один в своем роде и, к сожалению, дурак. Ну, почти дурак.

— О других ничего не слышно?

Джо покачал головой.

— В последний раз, когда я звонил в Вашингтон, ничего нового не сообщили. Вчера звонил. Они делают все, что могут, конечно, но тут не разбежишься. Единственный путь — статистика. Сначала надо найти место, где никто не болеет, а когда найдешь — если найдешь,— еще и определить, из-за кого это происходит.

— Еще одного вроде Эрни...

— Да, еще одного. Знаешь, я думаю, другого такого нет. Он — мутант.

— Но вдруг существует еще один мутант?

— Слишком мало, я думаю, на это шансов. Но даже если еще один такой существует, где уверенность, что мы его найдем? То, что обнаружили Эрни, это просто слепая удача.

— Неправильно мы все делаем.

— Конечно, неправильно. Правильно, по-научному было бы определить, почему он такой. Пытались, помнишь? Черт, почти целый год возились! Каких только проверок не делали, измучились, а он всю дорогу еще и выпендривался. Все ему домой к Сузи, Джозефу и Бабуину!

— Может, они бросили работу на пороге открытия...

— Не думаю,— покачал головой Джо.— Я разговаривал с Розенмайером. Он сказал, дальше работать бесполезно. А чтобы такой человек, как Рози, признал это, дела должны быть действительно плохи. Сколько было споров, прежде чем они

решились на эту операцию! Но когда стало ясно, что мы, скорее всего, ничего не узнаем, Эрни уже просто нельзя было держать в Вашингтоне. Раз уж его нашли, надо хоть как-то его использовать.

— Но страна так велика. Столько городов... Гетто... Столько всяких грязных дыр... Столько несчастий. Мы водим его всего по несколько миль в день. Мимо больниц, домов престарелых и...

— Но не забывай, что на каждый его шаг приходится, может быть, десяток излеченных. Еще столько же не подхватят болезнь, которой непременно бы заболели, если бы не он.

— Он-то как этого не понимает? Сколько ему объясняли! Он должен быть только рад такой возможности помочь людям.

— Я же говорю, он дурак. Эгоистичный дурак.

— Его точку зрения тоже можно понять,— сказал Чарли.— Выдернули человека из дома...

— У него никогда не было дома. Спал на скамейках или в ночлежках. Кое-как перебивался. Изредка воровал. Если повезет, получал бесплатную похлебку где-нибудь на кухне. А так шарил по мусорным бакам.

— Может, ему это нравилось.

— Может быть. Полная безответственность. Жил день за днем, как животное. Но сейчас у него ответственное дело — может быть, более важное и ответственное, чем когда-нибудь кому-нибудь выпадало. Ответственность надо принимать.

— В твоем мире, в моем, но не в его.

— С ума можно сойти! — сказал Джо.— Он порой просто выводит меня из себя. Сплошная липа. И все эти разговоры о доме тоже липа. Он там прожил всего четыре или пять лет.

— Может быть, нам стоило оставаться на одном месте и под каким-нибудь предлогом привозить к нему людей. Он бы сидел в кресле, так чтобы его не было видно, а люди проходили бы мимо. Или брать его на большие собрания и съезды. Может быть, это понравилось бы ему больше.

— Вся операция проводится в тайне,— сказал Джо.— Мы не можем позволить себе, чтобы нас заметили, потому что дело не выдержит огласки. Боже, ты представляешь, что будет, если об этом узнают? Эрни, конечно, болтает. Рассказал, наверно, всем, кто был в этом баре сегодня в полдень, но на него никто не обращает внимания. Адвокат решил, что он

псих. Он может забраться на крышу и кричать на весь мир — ему все равно никто никогда не поверит. Но достаточно хотя бы одного намека из Вашингтона, и...

— Знаю, знаю,— проговорил Чарли.

— Мы делаем наше дело единственно возможным способом. Подвергаем людей воздействию здоровьем, как раньше они подвергались опасности заразиться. И делаем это там, где в этом наибольшая необходимость.

— Знаешь, Джо, у меня порой бывает странное чувство.

— Какое?

— Что мы делаем что-то неправильно. Иногда мне так кажется.

— Ты имеешь в виду, вслепую? Что-то делаем и толком не знаем, что? Без понимания?

— Да пожалуй. Не знаю. Все перепуталось. Надеюсь, мы действительно им помогаем.

— И себе в том числе. Судя по тому, сколько мы с этим парнем проводим времени, мы будем жить вечно.

— Наверно.

Некоторое время они сидели молча. Наконец Чарли спросил:

— Джо, ты не в курсе, когда этот этап закончится? Я здесь уже месяц. Раньше так подолгу не бывало. Меня дети не узнают, когда домой вернусь.

— Понимаю,— ответил Джо.— Семейным, вроде тебя, приходится нелегко. Мне-то все равно. И Элу, наверно, тоже. Про Джека не уверен. Я его не очень хорошо знаю. Он мало говорит о себе.

— Кажется, у него тоже где-то семья. Кроме этого, правда, я о нем тоже ничего не знаю. Слушай, Джо, а не выпить ли нам чуть-чуть? У меня в сумке есть бутылка. Могу сходить.

— Выпить? Неплохая идея.

Тут зазвонил телефон, и Чарли, направившийся было к двери, остановился и обернулся.

— Возможно, это меня,— сказал он.— Я недавно звонил домой, но Мирты не было, и я передал через младшего, Чарли, чтобы она перезвонила, как вернется. На всякий случай дал номера обеих комнат.

Джо взял трубку, послушал, затем покачал головой.

— Это не Мирта. Рози.

Чарли пошел к двери.

— Подожди-ка, Чарли,— остановил его Джо, продолжая прислушиваться к голосу в трубке.

— Рози,— произнес он наконец,— ты уверен? — Потом послушал еще и добавил: — Спасибо, Рози, огромное спасибо. Но, позвонив нам, ты здорово рисковал.

Джо повесил трубку и молча уставился в стену.

— Что случилось, Джо? Зачем Рози звонил?

— Он хотел предупредить нас. Произошла ошибка. Не знаю, как и почему. Ошибка и все тут.

— Что мы сделали неправильно?

— Не мы. Это в Вашингтоне.

— Ты имеешь в виду Эрни? Что-нибудь насчет гражданских прав?

— Нет, не в этом дело. Чарли, он не исцеляет людей. Он их убивает. Он разносчик инфекции.

— Но мы и так знали, что он разносчик. Другие люди передают болезни, а он...

— Эрни тоже разносчик заболевания. Они только что выяснили, какого.

— Но там, где он раньше жил, никто не болеет. И везде, где он появлялся, тоже. Его ведь поэтому и обнаружили. Знали, что чем-то это должно объясняться. И искали до тех пор...

— Заткнись, Чарли. Дай мне договорить. Там, где он раньше жил, люди мрут как мухи. Все это началось пару дней назад, и они продолжают умирать. Совершенно здоровые люди. У них абсолютно все в порядке, но они умирают. Вся округа.

— Господи! Не может быть, Джо. Наверно, это какая-то ошибка.

— Никаких ошибок. Те самые люди, которых он вылечил, сейчас умирают.

— Но почему?

— Рози считает, что это какой-то новый вирус. Он убивает все остальные бактерии и вирусы, от которых люди заболевают. А после никакой конкуренции, понимаешь? Он устраняет всех соперников, и после этого человек принадлежит ему полностью. Затем вирус начинает размножаться, и до поры до времени все идет хорошо, потому что он не вредит здоровью, но наступает момент...

— Рози только высказал гипотезу.

— Разумеется, это гипотеза, но, когда он говорит, она звучит очень убедительно.

— Если это правда,— сказал Чарли,— то подумай о всех этих людях, о миллионах людей!..

— Об этом я и думаю,— сказал Джо.— Рози страшно рисковал, позвонив нам. Если об этом узнают, его живьем съедят.

— Узнают. Звонок обязательно засекут.

— Может, и не засекут. Рози звонил откуда-то из Мэриленда, из телефонной будки. Он напуган, потому что увяз в этом деле, как и мы, по самые уши. Он провел с Эрни столько же времени и знает столько же, сколько мы. Может, больше.

— Он считает, что, проведя с Эрни столько времени, мы тоже стали переносчиками?

— Я думаю, нет. Но мы все слишком много знаем. Можем разболтать. А этого они не допустят. Представляешь, что будет, если все откроется?

— Джо, сколько, ты говорил, Эрни прожил там, где его нашли?

— Меньше пяти лет.

— Вот, значит, сколько нам осталось. Ты, я и все остальные проживем еще четыре года, может, меньше.

— Да. И если нас возьмут, мы проведем эти годы в таком месте, где у нас просто не будет возможности разболтать все, что мы знаем. Не исключено, что уже сейчас кто-то направляется за нами. Они знают весь наш маршрут.

— Надо сматываться, Джо. Я знаю одно место к северу отсюда. Видимо, я возьму с собой семью, и нас там никто не найдет.

— А если ты переносчик?

— Если это так, то мои уже заразились. А если нет, я хочу провести эти годы...

— А другие люди?

— Там, куда я собрался, нет никаких людей. Мы там будем одни.

— Держи,— сказал Джо и, вынув из кармана ключи от машины, швырнул их через комнату.

— А ты как, Джо?

— Я должен предупредить остальных. И, Чарли...

— Да?

— Брось машину где-нибудь еще до утра. Тебя будут искать. А не найдя здесь, они установят наблюдение за твоим домом и за твоими родными. Будь осторожен.

— Хорошо. А ты, Джо?

— Я о себе позабочусь. Надо только остальных предупредить.

— А Эрни? Мы не можем ему позволить...

— Об Эрни я тоже позабочусь.

В том же самом году, когда люди впервые ступили на Марс, с Луны был запущен космический зонд к Плутону. Пять лет спустя поступили фотоснимки поверхности планеты, сделанные с орбиты. Качество их было невысоким, однако даже то, что удалось различить, вызвало бурю: прежние теории рассыпались в прах, возникло множество вопросов, ответов на которые и не предвиделось. Судя по фотографиям, поверхность Плутона была абсолютно ровной, если не считать того, что в некоторых местах вдоль экватора просматривались какие-то точки, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Они присутствовали на всех снимках, так что от версии помех при передаче информации с зонда на Землю пришлось отказаться. Помехи, разумеется, были, но точки никуда не исчезли и после их устранения. Тогда специалисты пришли к выводу, что это либо детали ландшафта, либо тени, отбрасываемые упомянутыми деталями; впрочем, учитывая расстояние, на котором находится Плутон от Солнца, о каких тенях могла идти речь? Прочие сведения были не менее обескураживающими. Планета оказалась меньше, чем предполагалось, ее диаметр составил на деле около тысячи миль, а плотность равнялась 3,5 грамма на кубический сантиметр вместо полученной ранее путем теоретических выкладок неправдоподобной цифры 60 граммов.

Отсюда следовало несколько вещей. Выходило, что где-то в глубине космоса, на удалении от Солнца более чем в семь миллиардов миль, движется по своей орбите десятая планета Солнечной системы,— ведь размеры и масса Плутона никак не объясняли эксцентричность орбит Урана и Нептуна. Расчеты массы Плутона, как оказалось ошибочные, базировались

© Перевод К. Королева.

на анализе вышеназванной эксцентричности; теперь стало ясно, что необходим другой критерий.

Кроме того, Плутон представлял собой настоящую диковинку: планета с гладкой поверхностью, однообразие которой не нарушалось ничем, за исключением протянувшейся по экватору вереницы точек. Эту гладкость ни в коем случае нельзя было приписать воздействию лишенной турбулентности атмосферы, ибо Плутон был слишком мал и холоден, чтобы иметь какую бы то ни было атмосферу вообще. Ряд ученых выдвинули гипотезу о том, что планета закована в ледяной панцирь, возникший из остатков древней, просуществовавшей единый миг атмосферы, однако в силу различных причин от этой гипотезы также вынуждены были отказаться. Кое-кто высказывал мысль о металле; но тогда становилась непонятной малая плотность Плутона.

Земляне утешали себя тем, что еще через пять лет зонд возвратится, причем с оригинальными материалами, в том числе фотографическими, и, возможно, многое из того, что ныне кажется невразумительным, получит логическое объяснение. Тем временем поступила новая партия снимков, пользы от которых было чуть, поскольку качество по-прежнему оставляло желать лучшего. Затем произошло автоматическое отделение отработанной ступени, и зонд устремился обратно, сообщая звуковыми сигналами окружающему пространству, что мчится домой. Однако вскоре случилось нечто непредвиденное: сигналы смолкли. Поначалу лунная база терпеливо ожидала их возобновления, ибо вполне могло оказаться, что молчание вызвано какой-то мелкой неисправностью, которая быстро будет устранена, но ожидание затягивалось, и в конце концов специалисты скрепя сердце признали, что зонд сгинул без следа на расстоянии около трех миллиардов миль от Солнца.

Посылать к Плутону другой не имело смысла, поскольку прежде следовало добиться значительных улучшений в технике фотосъемки, именно значительных, потому что иначе средства и усилия вновь были бы пущены на ветер.

Вторая и третья марсианские экспедиции благополучно достигли цели и вернулись на Землю. Среди сделанных ими открытий важнейшим было то, что они обнаружили на Марсе следы обитания примитивных существ, в результате чего удалось раз и навсегда покончить со стародавним убеждением:

мол, жизнь — отклонение от нормы и присутствует только на Земле. Перед фактом наличия жизни на двух планетах одной и той же системы вынуждены были сложить оружие даже закоренелые скептики. Четвертая экспедиция высадилась на Марсе — и погибла, и на красной планете появилось первое земное кладбище. Пятая экспедиция отправилась в путь задолго до того, как на Земле завершилось отдавание почестей погибшим.

Теперь, с обнаружением следов жизни на другой планете, когда стало ясно, что Марс обладал атмосферой, схожей своими характеристиками с земной, что его поверхность покрывали моря и реки, что мы не одиноки — не были одиноки — во вселенной, снова пробудился интерес общественности к космическим полетам. Ученые, вспомнив о загадке сгинувшего в черноте пространства зонда — по правде сказать, они вовсе не забывали о нем, однако обстоятельства заставляли заниматься иными делами,— принялись планировать экспедицию на Плутон исходя из того, что аппаратура по-прежнему несовершенна, значит, придется положиться на свидетельства людей.

Меня включили в состав экспедиции в качестве геолога, хотя зачем геолог на Плутоне, мне было ни капельки не понятно. Всего нас было трое, несмотря на то что, по мнению психологов, тройка — самое неудачное число. Двое объединяются против одного или игнорируют его, и потом в коллективе не прекращается борьба за то, кто окажется в большинстве; ведь кому охота оставаться предоставленным лишь своему собственному обществу? Однако наши отношения сложились иначе, мы неплохо уживались друг с другом, пускай даже среди нас и возникали порой известные разногласия. Срок в пять лет, который понадобился зонду, чтобы достичь Плутона, для нас сократился более чем наполовину, не только за счет увеличения мощности двигателей, но и по той причине, что пилотируемый корабль способен развить скорость, намного превышающую пределы безопасности при автоматическом режиме. Впрочем, и два года с хвостиком — весьма продолжительный период времени для тех, кто заключен в корпусе ракеты, мчащейся сквозь пустоту. Возможно, было бы полегче, когда бы в пространстве существовали ориентиры, по которым человек мог бы судить о продвижении звездолета к месту назначения, а так у меня, например, постоянно создавалось впечатление, что мы просто-напросто висим в пустоте.

Итак, нас было трое. Меня зовут Говард Лант; моими товарищами были химик Орсон Гейтс и инженер Тайлер Хэмптон. Да, мы неплохо уживались друг с другом, организовывали шахматные турниры — втроем-то! — которые проходили на должном уровне, чин чином, поскольку никто из нас не умел играть. Думаю, в противном случае мы бы рано или поздно переругались и перессорились. Кроме того, мы сочиняли похабные песенки и, чрезвычайно довольные собой, распевали их во весь голос, при том что все были начисто лишены слуха. В общем, какой ерундой мы только не занимались! Правда, нам полагалось проводить достаточно серьезные научные эксперименты и наблюдения, но главной своей задачей мы считали сохранение здравомыслия.

Когда корабль приблизился к Плутону, настало время перестать валять дурака. Мы отрывались от телескопов лишь затем, чтобы обсудить увиденное. Откровенно говоря, особенно обсуждать было нечего. Планета сильнее всего напоминала бильярдный шар. Ни тебе гор, ни долин, ни кратеров — абсолютно ровная поверхность. Точки? Ну разумеется, куда бы они делись? Мы насчитали в экваториальном поясе целых семь групп. При внимательном рассмотрении выяснилось, что на самом деле это какие-то сооружения. Звездолет совершил посадку неподалеку от одной из таких групп, причем посадка оказалась не столь мягкой, как мы рассчитывали. Поверхность планеты была необычайно твердой; тем не менее мы сели, да так аккуратно, что не поломали ни единого строеньица.

Меня часто просили и просят описать Плутон. Признаюсь сразу: подобрать нужные слова неимоверно сложно. Да, поверхность гладкая; да, там всегда темно, даже в светлое время суток. Солнце выглядит с Плутона этакой крохотной звездочкой, немногим ярче остальных, потому солнечный свет сюда не доходит и, естественно, не слепит глаза. Планета лишена воздуха и воды, на ней царит жуткий холод. Однако холод, с человеческой точки зрения, вещь относительная. Как только температура опускается до ста градусов Кельвина, человеку уже все равно, будет ли она понижаться дальше, особенно если человек в скафандре с системой жизнеобеспечения. Без такого скафандра на Плутоне можно протянуть от силы несколько секунд. Вас погубит либо холод, либо внутреннее давление — какая разница? Или замерзнуть приятнее, нежели разлететься перед тем на кусочки?

В общем, на Плутоне темно и холодно, воздуха нет, а поверхность планеты изумительно ровная. Но это лишь внешние признаки. Стоит взглянуть на Солнце, как понимаешь, в какую даль ты забрался, на самый край Солнечной системы, за которым — неизведанная бездна. Впрочем, не совсем так, ибо существует еще десятая планета, пускай в теории, но существует; и потом, не нужно забывать о миллионах комет, которые тоже принадлежат к системе, хотя настолько далеки, что вспоминают о них крайне редко. Потому можно уверить себя: дескать, какой же это край, если за ним кометы и гипотетическая десятая планета? Но рационализация, как правило, не выдерживает поверки практикой: доводы рассудка опровергаются тем, что твердят вам органы чувств. На протяжении сотен лет Плутон являлся чем-то вроде форпоста системы; и вот, господи боже, вы стоите на Плутоне, в невообразимом далеке от дома, и ощущаете громадность расстояния от Земли на собственной шкуре. Вы словно затерялись в пространстве или очутились в темном закоулке, из которого ну никак не выбраться на залитые светом широкие улицы.

Вы чувствуете не тоску по дому, нет, вам чудится, будто дома у вас никогда и не было, будто внезапно разорвались все и всяческие связи. Разумеется, постепенно свыкаешься со своей участью — по крайней мере, пытаешься свыкнуться, а получается ли — другой вопрос.

Мы вышли из корабля и ступили на поверхность Плутона. Первое, что удивило нас,— близость горизонта; на Луне он гораздо дальше. Мы сразу ощутили, что находимся на маленькой планете. Горизонт бросился нам в глаза даже раньше тех сооружений, что представлялись на фотографиях со спутника черными точками, тех, которые мы и прилетели исследовать. Да, сооружения или конструкции; слово «здания» к ним явно не подходило. Здания подразумевают замкнутое пространство, а здесь этого не было. Сооружения напоминали недостроенные купола: переплетение балок и опор, соединенных скобами и распорками. Впечатление было такое, будто кто-то взялся возводить их и не довел дело до конца. Всего конструкций насчитывалось три, причем одна значительно превосходила размерами две другие. Возможно, я несколько упростил картину: помимо балок и прочего, сооружения изобиловали деталями, которые, на наш взгляд, не несли никакой сколько-нибудь полезной нагрузки.

Мы постарались понять, что тут к чему. Для чего, к примеру, нужны канавки, испещрявшие поверхность планеты внутри сооружений? Канавки имели закругленные края и лично мне показались следами наподобие тех, какие оставляет в мороженом лопаточка продавца. Правда, какова должна быть лопаточка, если след от нее — около шести футов в поперечнике и три фута глубиной?

Именно тогда Тайлер как будто начал что-то соображать. Тайлер инженер, а потому мог бы разобраться во всем — как, впрочем, и мы с Орсоном,— едва очутившись на планете, но первый час вне стен корабля был для нас сущей мукой. Конечно, мы учились обращаться со скафандрами и не раз тренировались в них, однако сила тяжести на Плутоне оказалась еще ниже той, к которой нас готовили, так что какое-то время нам пришлось потратить на привыкание к ней. Кстати говоря, мы выяснили, высадившись на Плутоне, что все теоретические выкладки земных ученых никуда не годятся.

— Эта поверхность,— проговорил Тайлер, обращаясь ко мне.— С ней что-то не так.

— Мы же знали, что она гладкая,— возразил Орсон.— Фотографии не обманули.

— Настолько гладкая? — спросил Тайлер.— Настолько ровная? — Он повернулся ко мне: — Что скажет геолог?

— По-моему, в естественных условиях такое невозможно,— ответил я.— Любое возмущение недр приводит к изменению поверхности. Эрозии тут взяться неоткуда... Что же могло выровнять ее? Метеоритные дожди? Но вряд ли они здесь падают, да и потом, метеориты, наоборот, делают поверхность неровной, а не сглаживают ее.

Тайлер неуклюже опустился на колени и провел по поверхности рукой в перчатке. Даже в тусклом свете звезд можно было различить, что под ногами у него тонкий слой пыли.

— Посвети-ка сюда,— попросил Тайлер.

Орсон послушно навел фонарь. То место, которое слегка расчистил Тайлер, выделялось темным пятном на сером фоне.

— Космическая пыль,— заключил Тайлер.

— По идее, ее тут должно быть всего ничего,— сказал Орсон.

— Верно,— отозвался Тайлер,— но за четыре миллиарда лет или около того накопилось, как видишь, достаточно. Это ведь не результат эрозии?

— Какая там эрозия,— хмыкнул я.— Мне кажется, Плутон — мертвая планета. Предположим, что у него была когда-то атмосфера: она испарилась из-за малой гравитации. Ни атмосферы, ни воды; что касается аккумуляции, сомневаюсь, что она вообще наличествовала — молекулы, похоже, здесь долго не задерживаются.

— А космическая пыль?

— Вот она могла задержаться. Возможно, мы столкнулись с некой разновидностью электростатического притяжения.

Тайлер вновь принялся смахивать пыль с поверхности.

— У нас есть бур? — справился он.— Ну, для забора образцов?

— Сейчас достану,— сказал Орсон, извлек бур из своего ранца и передал его Тайлеру.

Тот установил его и нажал кнопку. Ясно видимый в луче света бур начал вращаться. Тайлер надавил сильнее.

— Крепкая, зараза,— буркнул он.

Бур вонзился в поверхность планеты. Дело шло туго. Наконец Тайлер отступился. Отверстие, проделанное буром, было весьма неглубоким, а кучка стружек — просто крохотной. Тайлер выключил двигатель.

— Хватит для анализа? — спросил он.

— Надеюсь, что да.

Орсон забрал у Тайлера бур и вручил ему взамен мешочек для образцов, куда Тайлер и ссыпал стружки.

— Теперь мы узнаем,— проговорил он,— узнаем наверняка.

Часа два спустя мы и впрямь узнали.

— Ну и ну,— сказал Орсон,— не могу поверить.

— Металл? — поинтересовался Тайлер.

— Конечно, но не тот, который ты, вероятно, имеешь в виду. Сталь.

— Сталь? — выдохнул я.— Но этого не может быть! Сталь не встречается в природе в чистом виде. Ее изготавливают!

— Железо,— пустился перечислять Орсон,— никель, молибден, ванадий, хром. В итоге получается сталь. Я знаю о ней не столько, сколько хотелось бы, но сомневаться не приходится. Отличная сталь — крепкая, нержавеющая.

— Может, мы бурили опорную платформу? — предположил я.— Может, они все стоят на таких вот подушках?

— Пошли проверим,— сказал Тайлер.

Мы открыли транспортный отсек корабля, сбежали по трапу вниз и забрались в кабину вездехода, а перед тем, как уехать, отключили телекамеру. Лунная база видела вполне достаточно; если хотят большего, пусть попросят. Мы сообщали туда обо всем — за исключением стальной поверхности. Тут мы были единодушны: пока не разберемся, следует помалкивать. Тем более что ответа все равно скоро не дождешься, поскольку сигнал от Земли до Плутона идет шестьдесят часов.

Мы отъехали от корабля миль на десять, раз за разом останавливаясь, чтобы взять образцы, а затем вернулись обратно по собственным следам. Мы выяснили то, что стремились узнать, но торжества по этому поводу никто, сдается мне, не испытывал. Везде и всюду нам попадалась одна только сталь.

Потребовалось некоторое время, чтобы переварить открытие. Потом, посовещавшись, мы пришли к выводу, что Плутон — не планета, а металлический шар размером с небольшую планету. Правда, небольшой-то небольшой, но тем, кто его создал, пришлось изрядно потрудиться. А кто его создал? Вот вопрос, который незамедлительно встал перед нами. Кто и с какой целью? А если неведомые строители достигли своей цели — если достигли,— почему они бросили Плутон на краю Солнечной системы?

— Так или иначе, они не из нашей системы,— заявил Тайлер.— Здесь нет никого, кроме нас. Марсианская жизнь не в счет: она не поднялась выше примитивных форм. На Венере слишком жарко, Меркурий чересчур близко к Солнцу. Крупные планеты? Может быть, хотя вряд ли. Нет, тут замешан кто-то со стороны.

— Как насчет пятой планеты? — справился Орсон.

— Ее, скорее всего, не существовало,— ответил я.— Материал имелся, но планета, похоже, так и не образовалась. По всем законам небесной механики она должна была помещаться между Марсом и Юпитером, но не поместилась.

— Значит, тогда десятая,— гнул свое Орсон.

— Которая есть только на бумаге,— заметил Тайлер.

— Да, ты прав,— согласился Орсон.— К тому же, по выкладкам, на ней не те условия, чтобы развивалась жизнь как таковая, не говоря уж о разумной.

— Остаются пришельцы,— подытожил Тайлер.

— Которые заглянули к нам в незапамятные времена,— прибавил Орсон.

— С чего ты взял?

— Пыль. Во вселенной не так уж много пыли.

— И никто не знает, что она такое, если не считать теории грязного льда...

— Я понимаю, к чему ты клонишь. Но почему обязательно лед? Да, не графит, не что-либо другое...

— Ты хочешь сказать, тот серый порошок...

— Может быть, может быть. Как по-твоему, Говард?

— Не уверен,— отозвался я.— Мне известно лишь одно: эрозией тут и не пахнет.

Перед сном мы попробовали составить отчет для лунной базы, однако он получился столь путаным и неправдоподобным, что мы решили повременить. Утром, перекусив, мы влезли в свои скафандры и отправились изучать загадочные сооружения. Их назначение по-прежнему оставалось непонятным, равно как и назначение тех штучек-дрючек, что крепились к балкам и распоркам, а также канавок с закругленными краями.

— Приделать к ним ножки,— заметил Орсон,— вышли бы стулья.

— Не слишком удобные,— буркнул Тайлер.

— А если чуть наклонить? — не сдавался Орсон.

Впрочем, наклон ничего не менял. Интересно, что навело его на мысль о стульях? Лично я не видел ни малейшего сходства.

Мы бродили вокруг да около, осматривали сооружения дюйм за дюймом, не переставая спрашивать себя, не пропустили ли мы чего-то важного. Судя по всему, пропускать было просто нечего.

А потом... Смех да и только. Понятия не имею, почему мы так поступили — наверное, с отчаяния. Мы все трое опустились на четвереньки и принялись разгребать пыль. Трудно сказать, что мы рассчитывали найти. Дело продвигалось медленно, пыль прилипала к перчаткам и оседала на скафандрах.

— Надо было захватить с собой метлы,— сострил Орсон.

Метел у нас, к сожалению, не было. Какому здравомыслящему человеку могло прийти в голову, что нам захочется подмести планету?

Мы оказались в нелепейшем положении: прилетели на планету, которая на деле — изготовленный искусственным путем металлический шар, рыскаем и копаемся в пыли среди сооружений, смысл существования которых не поддается объясне-

нию! Мы проделали далекий путь и надеялись совершить на Плутоне грандиозное открытие, а что в результате? Сплошной бред!

Наконец нам надоело возиться в пыли, мы встали, отряхнулись и вопросительно переглянулись, и вдруг Тайлер громко вскрикнул и указал себе под ноги. Наклонившись, мы увидели на том месте, где отпечатались следы его башмаков, три крошечных отверстия, примерно трех дюймов глубиной и около дюйма в диаметре; они располагались рядом друг с другом и образовывали треугольник. Тайлер вновь опустился на четвереньки и осветил фонарем поочередно каждое из отверстий, а потом поднялся.

— Не знаю,— проговорил он.— Похоже на замок. Внизу, на донышках, видны пазы. Что случится, если мы...

— Плутон взорвется ко всем чертям,— хмыкнул Орсон,— причем вместе с нами.

— Не думаю,— возразил Тайлер,— не думаю. С какой стати было оставлять здесь мину? В расчете на кого?

— Откуда нам знать? — пробормотал я.— Мы же не сталкивались с теми, кто все это построил.

Тайлер вместо ответа принялся расчищать поверхность, подсвечивая себе фонарем. Не желая бездельничать, мы стали помогать ему. На сей раз удача улыбнулась Орсону: он обнаружил трещину толщиной с волос. Чтобы различить ее, требовалось едва ли не уткнуться носом в поверхность. Находка Орсона подогрела наш энтузиазм. Вскоре выяснилось, что трещина описывает круг диаметром приблизительно три фута и что таинственное отверстие находится внутри этого круга.

— Кто из вас, ребята, специалист по замкам? — справился Тайлер.

Таковых не нашлось.

— Вероятно, какой-то люк,— произнес Орсон.— Металлический шар, на котором мы стоим, должен быть полым, иначе его масса была бы гораздо больше.

— И какой дурак взялся бы изготавливать цельный шар? — прибавил я.— Сколько ушло бы металла, сколько энергии понадобилось бы, чтобы привести его в движение!

— Ты уверен, что он двигался? — спросил Орсон.

— А ты нет? Ведь его построили не в нашей системе. Нам такое не под силу.

Тайлер извлек из ранца отвертку и ткнул ею в одно из отверстий.

— Погоди-ка! — воскликнул Орсон.— Я кое-что придумал.

Он отпихнул Тайлера, сунул в отверстие три пальца и потянул на себя. Люк не оказал ни малейшего сопротивления. Пространство под крышкой заполняли предметы, сильнее всего напоминавшие рулоны бумаги, в какую заворачивают рождественские подарки, правда, побольше размерами, около шести футов в поперечнике. Я вытащил один рулон, причем мне пришлось помучиться — так плотно они прилегали друг к другу. Однако в конце концов я добился своего. Рулон был тяжелым и имел в длину добрых четыре фута.

Дальше было проще. Мы достали еще три штуки, с тем чтобы рассмотреть их на корабле. А перед тем как уйти, Орсон попросил меня подержать оставшиеся в хранилище рулоны, чтобы они не упали, а сам посветил вниз. Мы предполагали, что под рулонами окажется нечто вроде перекрытия, а колодец поведет глубже и расширится до пределов жилого помещения или мастерской. Однако нас ожидало разочарование. Судя по всему, днище углубления составляло единое целое со стенками. На нем виднелись следы то ли бура, то ли вырубного штампа. Углубление служило единственной цели — оно предназначалось для хранения рулонов.

Когда мы возвратились на корабль, нам пришлось подождать, пока рулоны хоть немного оттают, но даже так мы вынуждены были работать в перчатках. Теперь, при хорошем освещении, стало видно, что рулоны представляют собой множество скатанных вместе отдельных листов. Последние казались изготовленными из какого-то необычайно тонкого металла или пластика. От тепла они так и норовили свернуться, поэтому, расстелив на столе, мы прижали их по краям разного рода тяжестями.

На первом листе содержались схемы, чертежи и некое подобие спецификаций, на схемах и полях. Естественно, спецификации были для нас китайской грамотой (впрочем, впоследствии некоторые удалось расшифровать, и наши математики с химиками получили в свое распоряжение ряд новых формул и уравнений).

— Чертежи,— проговорил Тайлер.— Строительные чертежи.

— Если так,— заметил Орсон,— значит, те диковинки на опорах — приспособления для крепления инструментов.

— Вполне возможно,— согласился Тайлер.

— Может, если поискать другие люки, в них найдутся и инструменты? — сказал я.

— Вряд ли,— ответил Тайлер.— Улетая отсюда, они наверняка забрали все инструменты с собой.

— А чертежи оставили?

— Чертежи не инструменты, после окончания работы они уже ни к чему. Кроме того, чертежи обычно делаются в нескольких экземплярах. Вероятнее всего, мы наткнулись на копии, а оригиналы — у хозяев.

— Чего я не понимаю,— сказал я,— так это того, что именно они тут строили? И почему? При желании Плутон можно охарактеризовать как огромную строительную площадку. Но почему здесь? Что, в Галактике не нашлось более подходящего места?

— Сколько вопросов сразу,— усмехнулся Орсон.

— Давайте посмотрим,— произнес Тайлер.— Может, что и прояснится.

Он скинул первый лист на пол. Тот мгновенно свернулся в свиток. Второй, третий и четвертый листы не содержали ничего интересного, зато пятый...

— Вот это уже кое-что,— проговорил Тайлер.

Мы наклонились над столом.

— Солнечная система,— воскликнул Орсон.

— Девять планет,— посчитал я.

— А где десятая? — спросил Орсон.— Должна быть десятая!

— Что-то не так,— пробормотал Тайлер.

— Планета между Марсом и Юпитером,— сказал я.

— Плутон, выходит, не показан,— произнес Орсон.

— Разумеется,— фыркнул Тайлер.— Плутон не планета.

— Получается, что когда-то между Марсом и Юпитером и впрямь существовала планета,— заметил Орсон.

— Не скажи,— возразил Тайлер.— Она должна была существовать там.

— То есть?

— Они все испортили,— заявил Тайлер,— построили сикось-накось.

— Ты с ума сошел! — вырвалось у меня.

— Пораскинь мозгами, Говард. С точки зрения теорий, которых придерживаются наши физики, я действительно спятил. Они утверждают, что протозвезда возникла на заре миро-

здания из облака пыли и газа, которое ни с того ни с сего начало вдруг сокращаться. Они вывели целую кучу законов, объясняющих, как все якобы произошло. И то сказать, какому безумцу придет в голову мысль о космических инженерах, что шатаются по вселенной, создавая звездные системы?

— Но десятая планета? — упорствовал Орсон.— Куда она могла деться? Громадная, как...

— Они запороли проект пятой,— перебил Тайлер,— и одному только богу известно, что еще. Возможно, напортачили с Венерой. Венера не должна была быть такой, какая она есть; скорее всего, она планировалась как вторая Земля, быть может, с чуть более жарким климатом. А что в итоге? Сущее пекло! И с Марсом тоже все насмарку! Там зародилась жизнь, но у нее не было ни малейшего шанса развиться. А Юпитер? Этакая глыба...

— По-твоему, планеты существуют единственно для поддержания жизни?

— Не знаю. Надо бы порыться в спецификациях. Подумать только: из трех планет с условиями, годными для развития жизни, удалась лишь одна!

— Тогда,— заявил Орсон,— должна быть и десятая, та, которая даже и не планировалась.

— С такими мастерами можно ожидать чего угодно! — Тайлер в сердцах стукнул кулаком по столу, смахнул лист на пол и ткнул пальцем в следующий.— Вот, полюбуйтесь!

Чертеж, на который он указывал, изображал планету в разрезе, так сказать, ее поперечное сечение.

— Ядро,— произнес Тайлер,— атмосфера...

— Земля?

— Возможно. А может быть, Марс или Венера.

Лист покрывали непонятные символы.

— Вид какой-то не такой,— сказал я.

— Да, если говорить о Марсе или Венере. А как насчет Земли?

— Никак.

Тайлер продолжал копаться в чертежах. Он показал нам еще один.

— Атмосферный профиль,— проговорил я.

— Это общие спецификации,— буркнул Тайлер.— В других рулонах, верно, найдутся расчеты конкретно для каждой планеты.

Я попытался вообразить себе, как было дело. Строительная площадка посреди газопылевого облака, инженеры, тысячелетия напролет собиравшие звезды и планеты, творение системы, что должна просуществовать миллиарды лет...

Тайлер утверждает, что строители все перепутали. Может статься, он прав. Но вот с Венерой он, мне кажется, погорячился. Ее, вероятно, создавали по иным спецификациям. Может быть, она изначально мыслилась такой, какой является сейчас. Может быть, миллиард лет спустя, когда человечество исчезнет с лица Земли, что, как мне представляется, произойдет так или иначе, на Венере возникнет новая разумная жизнь.

Нет, с Венерой Тайлер ошибается, да и с другими планетами, пожалуй, тоже. Хотя — откуда нам знать?

Тайлер рассматривал чертеж за чертежом.

— Вы только подумайте! — кричал он.— Эти головотяпы...

Он шел домой по проселочной дороге. Посреди пыльной колеи зеленела трава, справа и слева тянулись низкие каменные стены изгородей. Стены, возведенные много лет назад, крошились от старости, но раны, нанесенные временем, скрывал дикий виноград и кустарник. Дальше, за оградой, насколько хватало глаз, простирались поля, где щипал траву холеный скот, из печных труб на крышах деревенских домов к небу вились струйки дыма. В траве распевали жаворонки, откуда-то из-под ограды выскочил кролик и бросился наутек по дороге.

На сей раз коридорный кибер превзошел сам себя, подумал Эндрю Харрисон. Хорошо бы, чтоб этот умиротворяющий пейзаж продержался подольше. Напрасные надежды. Вскоре его сменит что-нибудь другое. Как бывает всегда. Кибер словно торопится продемонстрировать все бесчисленные картины, хранящиеся в его памяти. Завтра, а может быть, всего несколько часов спустя проселочную дорогу сменит деревенская улица из далекого прошлого, или тропка в лесу, или бульвар старого Парижа, или даже фантастический пейзаж какой-нибудь далекой планеты. Харрисон жил здесь уже... Господи, сколько же лет? Да, больше пятидесяти. А до этого он еще тридцать лет прожил на одном из более низких уровней. И за все эти годы ни разу не видел, чтобы оформление коридора повторялось. Бывали очень похожие картины, но одинаковые — никогда.

Он шел не спеша, прогулочным шагом. До дома, должно быть, уже недалеко. А стоит переступить порог — и проселочная дорога исчезнет навсегда. Неплохо бы задержаться, присесть на выщербленную каменную ограду, послушать жаворонков, полюбоваться, как плывут по небу изменчивые облака... Но времени рассиживаться у Харрисона не было. Его ждали дела.

© Перевод Н. Аллунан.

Впереди он увидел указатель, на котором значилось его имя. Харрисону оставалось идти ровно до этой таблички, потому что она отмечала место, где находится дверь в его жилище. Кто-нибудь из соседей, возвращаясь домой этой проселочной дорогой, увидел бы напротив своей квартиры другой знак, со своим именем. Но чужие указатели не может увидеть никто.

Харрисон замедлил шаг, чтобы хоть ненадолго оттянуть миг расставания с сельским пейзажем. Он брел нога за ногу, но в конце концов свернул на узкую и короткую тропку, отходившую от дороги напротив указателя.

Дверь перед ним распахнулась, и он переступил порог своего дома.

— Добрый день, сэр,— поприветствовал хозяина кибер Харли.— Надеюсь, прогулка вам понравилась? Ваш поход за табаком оказался удачным?

— Очень понравилась, Харли, спасибо.

— А теперь...— начал кибер.

— Нет,— твердо остановил его Харрисон.— Ничего не нужно. Никаких напитков, никаких бесед. Прекрати играть роль вышколенного слуги. Мне надо поработать.

— Но сэр...

— И никаких лыжных склонов, никаких ручьев с форелью, никаких пляжей — ничего. Просто оставь меня в покое.

— Как вам будет угодно, сэр,— обиженно отозвался кибер.— Я ничуть не потревожу вас.

— Как-нибудь в другой раз твои услуги придутся очень кстати и я буду благодарен тебе,— попытался утешить его Харрисон.

— Всегда к вашим услугам, сэр.

— Да, Харли... А где все?

— Вы запамятовали, сэр. Они отправились за город.

— Ах да. В самом деле, я забыл.

Харрисон прошел из прихожей в гостиную и в первый раз за много месяцев поразился, какие же тесные эти квартиры.

— Размер не имеет значения,— сказал Харли.— В пространстве нет нужды.

— Верно. Но даже если у человека и возникает нужда в пространстве или ему захочется простора, он его все равно не получит. И кстати, если ты не против, я бы попросил тебя не отслеживать мои мысли.

— Но я обязан читать ваши мысли,— чопорно возразил Харли.— Это входит в обязанности исправно работающей разумной кибернетической системы, а не исполнять свои обязанности я не могу. Ведь если я не буду читать ваши мысли, я не буду иметь возможность наилучшим образом нести свою службу.

— Ладно, тогда читай,— устало согласился Харрисон.— Но будь добр, держи свое мнение при себе. Я буду тебе очень благодарен, если в ближайшие несколько часов тебя не увижу и не услышу.

— Я бы заподозрил, что с вами происходит неладное,— заявил Харли,— но результаты сканирования вашего организма говорят, что все медицинские показатели в норме. Из чего я делаю вывод, что вы здоровы. Однако, должен признаться, я в замешательстве. Вы никогда не вели себя подобным образом. Вы отвергаете меня и мои услуги, и это вызывает у меня тревожные опасения.

— Извини, Харли. Мне надо кое-что обдумать.

Харрисон подошел к окну. Далеко внизу — больше мили вниз, вспомнил он — простирались окрестные земли. Башню опоясывала огромная полоса парков, а еще дальше начиналась зона отдыха для всех желающих. Земля теперь никому не нужна, или, по крайней мере, большая часть ее остается невостребованной. Несколько мест разработок полезных ископаемых, несколько участков, где бережно выращивают деревья ценных пород,— и только. Когда все закончится, решил Харрисон, надо будет взять Мэри и отправиться на выходные на запад, в горы.

— Зачем куда-то ехать? — удивился Харли.— Я могу в мгновенье ока перенести вас в эти горы или в другое, очень похожее место. Это одно и то же. Вы не почувствуете разницы.

— Я, кажется, просил тебя помолчать.

— Извините, сэр, я только забочусь о вашем благе.

— Весьма похвально с твоей стороны.

— Рад, что вы так считаете, сэр.

Харрисон отвернулся от окна и прошел в кабинет — маленькую комнатку, большую часть которой занимали оборудование и рабочий стол. Лишенные окон стены тесно обступили Харрисона, но в кабинете было уютно. Здесь он занимался своим делом и жил.

Здесь он работал уже много лет. А теперь... Неужели теперь его труд подходит к концу? Харрисон вдруг задумался, почему

он так тянул, так долго откладывал последний шаг, после которого можно будет ставить точку. Чтобы оставаться при деле? Нет, надо быть до конца честным с самим собой: он сомневался. А за время короткого путешествия вниз, на магазинные уровни, за банкой табака сомнения развеялись, Харрисон понял, что большей уверенности ему ни за что не достичь.

Он усмехнулся, вспомнив поход за табаком, свою маленькую уловку. Идти куда-либо не было нужды. Он мог просто сделать заказ и через миг забрать желаемое из окна доставки. Человеку свойственно порой обманывать себя, подумал Харрисон. Раз он захотел пройтись, ничто в мире не заставило бы его отказаться от задуманного. Ничто не смогло бы остановить его, если ему приспичило убраться подальше от этих маленьких, тесных комнатушек и Харли. Было совершенно ни к чему изобретать предлог.

— Должен напомнить вам, сэр,— сказал Харли,— что вам вовсе не обязательно оставаться в этих, как вы выразились, маленьких, тесных комнатушках. Стоит только позволить мне, сэр, и я перенесу вас на вершину одинокой горы, откуда можно окинуть взором весь мир и где вокруг не будет ни единой живой души. Там вы сможете вдоволь насладиться простором, в вашем распоряжении будет столько места, сколько пожелаете. Именно благодаря таким, как я, человеку не требуется много жилого пространства. Согласен, без киберов жизнь в таких квартирах была бы невыносима, но вам и не нужно жить в этих стенах, в этом нет абсолютно никакой надобности — в вашем распоряжении весь мир. И даже больше — в вашем распоряжении все, что только может породить фантазия кибера, и смею надеяться...

— Заткнись,— резко перебил Харрисон.— Еще одно слово — и я попрошу заменить тебя. Возможно, ты отслужил свое и...

— Я буду хранить молчание, сэр,— заявил Харли.— Даю вам слово.

— Вижу, как ты выполняешь свои обещания.

Харрисон поудобнее устроился в кресле за рабочим столом. Снова и снова задавал он себе один и тот же вопрос: можно ли отбросить все сомнения? Не проглядел ли он какой-нибудь немаловажный фактор? На достаточный ли срок в будущем смоделировал ситуацию? В том, что все получится, сомнений не оставалось. Он проверил теорию и последовательность дей-

ствий шаг за шагом, проверил и перепроверил много раз. Но теперь его волновало не само нововведение, а его последствия. Верно ли он просчитал дальнейший путь развития человеческой расы после вмешательства нового фактора? Достаточно ли точно построил модель? Не возникнут ли непредвиденные социальные отклонения, которые проявятся лишь спустя столетия?

Историю, напомнил себе Харрисон, могут изменить случайности столь маловероятные, что предвидеть их никому не под силу.

Возьмем нынешний мир, думал он: города в милю высотой и пустующие пространства вокруг. Любому под силу проследить, как Земля стала такой за два столетия. Можно ткнуть пальцем и заявить: «Вот, отсюда все и пошло» — указать на переломный момент, когда отжила свое модель, кропотливо совершенствовавшаяся людьми на протяжении пяти тысячелетий. Двести лет назад человек жил в городах, простиравшихся на мили и мили земной поверхности. Сейчас он живет в башнях, которые возносятся высоко в небо. Промышленные центры и электростанции, пожиравшие стремительно сокращающиеся ресурсы планеты, уже не нужны — их заменил ядерный синтез. И теперь человек тратит лишь малую толику той энергии, что уходила на его нужды раньше, потому что теперь он обходится очень малым.

Хотя тогда, двести лет назад, такие радикальные изменения вовсе не были необходимы. История помнит, что многим идея преобразований казалась чистым безумием. Всему виной было огромное отвращение, которое испытывало большинство людей к старому образу жизни. Именно благодаря этому отвращению, по сути дела массовому помешательству, преобразования вышли далеко за рамки необходимого, даже за рамки здравого смысла. И все же, возможно, они принесли плоды, потому что в результате человеческая жизнь стала во многих отношениях лучше, а планета — чище.

Харрисон попытался представить, каково это было: жить в те времена, когда реки несли грязные воды в грязное море, когда воздух и земля были ядовитыми, а землю сотрясал страшный шум...

Мир, в котором я живу, думал он, начинался с первой отравленной рыбы, всплывшей кверху брюхом, со скачков температуры, укутавших города плотным покрывалом смога, ими

же и созданного, с отчаянных, гневных криков протеста против вонючих фабричных труб и потоков сточных вод, впадающих в реки. «Нужно построить новые города!» — кричали люди, и города были построены, однако совсем не те, что рисовались воображению. «Нужно прекратить растрачивать ресурсы!» — кричали другие, и старый, проверенный временем принцип «попользовался — выброси и купи новое» был отправлен на свалку, и вещи начали делать не на десять, даже не на двадцать лет — на века. В результате отпала необходимость в производстве многих товаров, использование природных ресурсов и энергии удалось сократить, со временем планета очистилась от ядов — и сегодня в море впадают кристально-чистые реки, воздух свеж и прозрачен, и земли лежат нетронутыми, потому что выращиванием растений и животноводством человек теперь занимается под крышей, не используя природные почвы.

Город... Когда-то это слово означало растянутое и беспорядочное нагромождение строений. Теперь город составляют всего лишь три гигантские башни: одна — жилая, во второй сосредоточены промышленность, земледелие и животноводство, третья отведена под правительственные, образовательные и научные учреждения, а также культурные центры и места проведения досуга. Три гигантские башни, вздымающиеся высоко в небо и уходящие глубоко под землю, полностью управляются электронной магией. К услугам людей кибернетические системы, которые превращают безликие коридоры в проселочные дороги, которые подарят вам неотличимую от реальности иллюзию всего, что угодно, выполнят за вас всю рутинную работу и заботливо вытрут вам нос, которые будут думать за вас и преподнесут на блюдечке любое знание.

И все это у нас есть потому, что чуть больше двухсот лет назад какой-то психопат (первый из великого множества психопатов) принялся дико орать, что отравленная планета умирает.

Один-единственный психопат, а к каким грандиозным последствиям привели его вопли.

«Вот почему я обязан исключить всякую возможность просчета»,— сказал себе Харрисон. Он встал, подошел к рабочему пульту, достал из паза интегратор и надел его на голову. Много раз, сидя в операторском кресле, Харрисон вводил данные и задавал условия. И он сделает это снова. Необходимости лишний раз проверять себя не было. Он и так все знал наперед. Но в делах такого рода невозможно быть чересчур осмотрительным.

Конечно, это была лишь игра воображения, но каждый раз Харрисону чудилось, что он видит открывающиеся ему огромные массивы информации: медицинскую базу в Миннесоте, законодательную в Гарварде, теологическую в Риме, социологическую в Калифорнии, историческую в Йеле и многие другие.

Мало было просто получить доступ к информации. Требовалось больше: суперинтеллект, который можно обрести только благодаря связующему звену, интегратору. Человек и компьютер, мозг живой и мозг машинный, сообща вгрызались в мировые сокровищницы знания, и электронные реле ждали только приказа подключить их к любым хранилищам данных.

Когда подготовка была завершена и условия заданы, Харрисон сформулировал вопрос: каковы будут последствия для человеческой расы, если разум обретет возможность жить вечно? Если будет найден способ перенести сознание человека в кибермозг?

Хотя это, конечно, не совсем точно. Нет смысла переносить человеческое сознание в искусственный мозг, чтобы потом поставить этот мозг на полку рядом с ему подобными. Нет, его поместят в некое передвижное устройство, способное выполнять функции тела. Таким образом, человек обретет искусственное тело — тело робота: более сложно устроенное, способное делать многое из того, что недоступно человеческому телу, но при этом все же нечеловеческое. Это дает возможность обрести вечную жизнь разума и — до известной степени — вечное тело, но бессмертие человека как такового по-прежнему остается за гранью возможного. Чтобы стать бессмертным, человеку придется превратиться в робота.

«Что здесь не так? — мучительно гадал Харрисон.— Где та загвоздка, которая не дает мне покоя? Почему мне так не хочется торопить окончательный результат? Что раз за разом заставляет меня возвращаться и вновь обсчитывать модель будущего?»

Человек живет в мире компьютеров, роботов и киберсистем. Киберы выполняют всевозможную черную работу. Киберы удовлетворяют почти все человеческие капризы. Город, в котором мы живем, да и квартиры, которые зовем своим домом,— это кибернетические системы. Люди привыкли доверять им, полагаться на них. Ведь киберы не только облегчают нам быт — они заботятся о том, чтобы мы были счастливы. Домашняя кибернетическая система способна создать для вас неотличи-

мую от реальности иллюзию любого места. Например, она может перенести вас на пляж, и это будет не просто впечатление, будто вы на пляже. Это будет именно пляж. Вы будете лежать на песке, чувствовать кожей ветер с моря и жаркие солнечные лучи, слышать шум прибоя и ощущать покалывание соленых брызг. Словом, вы обнаружите, что очутились на берегу моря, и вам не понадобится подключать собственное воображение или притворяться. Вы в самом деле окажетесь на берегу. Или в лесу, на вершине горы, в джунглях, на плоту, плывущем по морю, на одном из спутников Марса. Кибер может отправить вас в прошлое, и вы будете гнуть спину вместе с крепостными крестьянами на полях вокруг средневекового замка, или сражаться на рыцарском турнире, или путешествовать с викингами.

И если уж люди так легко сжились с подобными фантазиями и считают их частью своей жизни (что не так уж трудно, ведь они неотличимы от действительности), то почему они не смогут принять самый что ни на есть реальный факт: человек, если пожелает, способен обрести возможность жить вечно? Искусственный мозг и искусственное тело сами по себе не должны вызвать массовое отвращение, поскольку во всех компьютерных моделях будущего, которые предпочли испытать на себе добровольцы, роботы играли не меньшую, а иногда даже и большую роль в жизни людей, чем сейчас.

Харрисон сидел перед рабочим пультом, постоянно ощущая присутствие огромных массивов данных, хранящихся в информационных центрах. Пока он выстраивал свои рассуждения, эти призрачные хранилища маячили на пределе досягаемости, достаточно лишь захотеть — и знания лягут в ладонь. Словно все мыслители прошлых веков, все его предшественники стояли у него за спиной, готовые при первой же необходимости поделиться знаниями, помочь советом. Преемственность, подумал он, великая общечеловеческая преемственность, простирающаяся в глубь веков вплоть до того доисторического человека, который приручил огонь, до того примата, который сложил вместе два кусочка кремня и создал первое в мире орудие труда. «И то, что я делаю,— сказал себе Харрисон,— тоже вольется в эту реку. Человеческий разум — достояние нашей расы, необходимый ресурс, но срок его службы в прошлом не достигал и ста лет (хотя сейчас, в 2218-м этот предел удалось отодвинуть и продолжительность жизни увеличилась до полутора веков). Однако наука не стоит на месте. Если интеллект

индивидуума — достояние человечества, то почему мы должны смириться с тем, что этот ресурс можно использовать лишь ограниченное время? С тем, что он служит всего лишь полтора века, а потом умирает? Разум, помещенный в искусственный мозг, сможет и дальше приносить пользу человечеству, что еще больше укрепит преемственность мысли».

Чувства Харрисона молчали, но он знал, что те, другие, приближаются к нему. И тогда он закрыл глаза и погрузился в темноту — переполненную, тесную. В темноте раздавался голос, и это было странно, потому что раньше никаких голосов не было.

«Граждане второго сорта?» — спросил голос. И Харрисону почудилось, что он со всех ног бежит прочь из темноты, нет, не бежит — катится, бешено вращая колесами. И при этом катится воровато, украдкой, потому что, если его увидят — не избежать насмешек и глумления, потому что в мире людей он не человек, никто даже не помнит, что он когда-то был человеком. И ему думалось: «Как странно, как глупо... Ведь те, кто высмеивает и презирает меня, могут однажды оказаться на моем месте».

«Консерватизм, оставшийся в прошлом?» — спросил голос во мраке. И Харрисон обнаружил, что он уже не катится, а затаился в темноте — замершая от страха машина среди множества таких же замерших от страха машин. Он слышал глухое бормотание своих товарищей по несчастью и, хотя не мог разобрать слов, знал, о чем они говорят, и знал, что они скрываются от людей не только в темноте, но и во времени — в ушедшем времени, в прошлом. Вокруг было множество машин-изгоев, но были и другие, не машины, а лишенные возможности сдвинуться с места искусственные мозги. Они лежали на полках, и ровные ряды стеллажей тянулись во все стороны, насколько хватало глаз. Эти неподвижные вместилища разумов казались более довольными своим существованием, чем те, у кого были тела.

«Живые мертвецы?» — спросил голос. И едва он замолк, раздался другой: низкий, хриплый — он принадлежал механизму, стоящему рядом с Харрисоном. Для того чтобы быть человеком, сказал этот голос, мало обладать человеческим сознанием, человеческим разумом. Нужно еще и иметь человеческое тело, любить себе подобных, поглощать пищу; лежать на склоне холма, ощущая спиной неровности почвы, и видеть, как

высоко над головой колышутся ветви огромного дуба, а еще выше по голубизне неба плывут облака; чувствовать крепкое рукопожатие друга и аромат рождественской елки, любоваться лилиями в пасхальную неделю... Низкий хриплый голос говорил еще долго, но Харрисон больше не слушал. То, о чем говорил голос, он знал и сам и не нуждался в напоминании.

Но так ли все сложится? Разве это неизбежно? Разве обязательно все должно закончиться этими старыми таратайками? Неужели люди не способны принять своих закованных в кибернетические тела соплеменников? Принять и видеть в них не мозги на колесах, не чудовищ, не напоминание о той судьбе, которая ждет каждого из них, но преображенных людей, единственное спасение человечества от вымирания? Ведь стать машиной не значит умереть. Против смерти все средства хороши. В смерти как таковой нет ничего плохого, но она сулит забвение, пустоту и небытие, а человек, без сомнения, имеет право в конце жизни рассчитывать на нечто большее, чем превращение в ничто.

Если только... Если только за гранью нас действительно ожидает небытие. А что, если нет? Вдруг после смерти начинается иная жизнь, и, не дав разуму умереть, мы лишим человека этой жизни? Но ведь нет же никаких, решительно никаких свидетельств, подтверждающих существование загробной жизни. Стоило Харрисону сформулировать эту мысль, как вокруг загомонили голоса — голоса тех, кто незримо присутствовал рядом.

Когда шум стих, он попытался продолжить свое рассуждение. Но в таком случае, думал он, все, что требуется,— это исследовать возможность загробной жизни. Но как, каким образом? Как хотя бы подступиться к этому вопросу? Какой из научных подходов избрать, какой способ математической обработки данных применить? И как мы узнаем, верные ли критерии для численной оценки выбрали?

Харрисон отключил интегратор и обесточил рабочий пульт. Что толку от всего этого, подумал он. Разве возможна здесь стопроцентная уверенность?

Он встал — его била дрожь — и прошел в гостиную. Выглянул в окно, но теперь там было не на что смотреть: далеко внизу плыли облака, заслоняя пейзаж.

— Желаете выпить, сэр? — услужливо спросил Харли.— Мне кажется, вам необходимо выпить.

— Мне тоже так кажется,— признал Харрисон.— Большое спасибо.

Кибербармен не стал задавать вопросы — он и так знал, какой напиток желает получить хозяин. Харрисон взял свой коктейль и вернулся к окну.

Чепуха, думал он, старые предрассудки. Человек имеет право попытаться обрести бессмертие, если такая возможность есть. А она теперь есть. Да, быть может, люди ожидали от вечной жизни несколько иного. Но главное — она существует. И ее нельзя отвергнуть.

Расточительство. Смерть есть непростительное расточительство. Если даже не прибегать ни к каким иным доводам, бессмертие можно оправдать хотя бы с позиций экономики. Но какое бы решение ни примут в итоге, старые контраргументы все равно будут звучать, они не уйдут в прошлое. Не отключись он вовремя, и все доводы в пользу бессмертия были бы стерты в порошок, в ничто,— и все благодаря червячку сомнения, который всегда был и всегда будет. Глупо было еще раз садиться за пульт, подумал Харрисон. Пустая трата времени. Решение задачи найдено и изменению не подлежит.

Он сделал все, что мог, и знал это.

Харрисон вернулся в кабинет и снова сел за рабочий стол, но не в киберкресло.

— Харли,— произнес он,— я хочу поговорить с Униваком.

— Да, сэр.

Сперва воздух перед ним стал мерцать — побочный эффект, от которого не удавалось избавиться никакими стараниями разработчиков. Потом мерцание сложилось в лицо. Только лицо, и больше ничего, никаких попыток притворного человекоподобия. А ведь это могла быть и полная иллюзия человека, вспомнил Харрисон. Но сверхмощная киберсистема — по сути сам город, его кибернетическая составляющая — отклонила такое предложение. «Мы не хотим вас обманывать»,— сказали киберы и не стали притвориться людьми. Они являлись людям в виде одинокого лица, парящего в воздухе, и даже черты этого лица не походили на человеческие. Таким мог бы вообразить лицо искусственного разума какой-нибудь циничный художник.

— Мистер Харрисон,— произнес Унивак.— Приятно снова вас видеть.

— Я тоже рад встрече,— поздоровался Харрисон.— Помните наш прошлый разговор? Мы обсуждали проект, над которым я сейчас работаю.

— Конечно помню,— заверил Унивак.— Бессмертие. Как продвигается работа?

— Мы добились результатов,— сказал Харрисон.— Бессмертие стало возможным. Человеческий разум можно поместить в искусственный мозг.

— А что показали математические расчеты?

— Что мы можем это сделать. Без каких-либо потерь и погрешностей. Человеческое сознание можно записать на киберноситель точно таким, каким оно было при жизни.

— И оно не утратит дееспособность?

— Ничуть. Хотя возможны некоторые потери в эмоциональной сфере. Нельзя быть уверенным на сто процентов.

— Мистер Харрисон, если этот проект будет осуществлен, насколько важную роль он сыграет?

— С человеческой точки зрения, конечно, его важность трудно переоценить. Возможно, с приходом в мир бессмертия человеческий разум станет более продуктивным, хотя сказать наверняка пока нельзя.

— Вы, разумеется, досконально изучили последствия на моделях?

— Да. Досконально. Именно это меня и беспокоит. Моделирование дает положительный результат. Конечно, какое-то время уйдет на то, чтобы общество адаптировалось к новшеству. Возможно, сначала не все люди выразят желание, чтобы их разум был запечатлен в кибермозге. Всегда найдутся такие, кому будет противна сама мысль об этом. Однако с течением времени их будет становиться все меньше. И вполне вероятно, в будущем подобная процедура станет восприниматься как нормальный переломный момент, который однажды наступает в жизни каждого человека. Разумеется, нельзя исключить, что общественное мнение не сразу смирится с появлением новых членов сообщества — киберлюдей, не роботов, но людей, заключенных в тело робота. Однако я уверен, что с годами и эта проблема разрешится. Бессмертие выгодно человечеству. Если мы обретем возможность спасти от небытия разум каждого человека, то станем богаче. Мы увеличим интеллектуальный потенциал расы, не прибегая к дополнительным затратам природных ресурсов.

— И в чем же проблема? — спросил Унивак.

— В червячке сомнения, который грызет меня и не желает оставлять,— ответил Харрисон.— Сомнения родились из некоторых контраргументов, по сути своей совершенно не логичных. И оттого, что я могу найти им объяснение, они не исчезают. Думаю, если это не голос разума, то голос интуиции. Терпеть не могу идти наперекор человеческой интуиции.

— Я тоже,— произнесло лицо, мерцающее над столом.

— И что же нам в таком случае делать? Отложить проект лет на сто, пока не поумнеем? Но все эти годы люди будут умирать...

— Наверное, стоит начать с закрытого эксперимента.

— Но это невозможно. Невозможно соблюсти секретность. Вы можете себе представить, что начнется, если подобная информация просочится наружу? Это будет сущий ад! Общество почти мгновенно разделится на два лагеря, и мы окажемся между двух огней — и каких огней! Такое давление нам не вынести. Видите ли, люди слишком уж близко к сердцу принимают подобные вещи...

— Да, знаю,— сказал Унивак.— Я имел в виду нечто другое. Пока об этом еще не объявлено официально, но вы, возможно, слышали, что в ближайшие годы состоится запуск первых межзвездных зондов.

— Разумеется. Я в весьма хороших приятельских отношениях с Андерсоном, и мы с ним часто говорили об этом...

— Услышав о ваших затруднениях, я вдруг подумал, что, возможно, стоит послать не полностью автоматические зонды, а аппараты с людьми на борту. Конечно, автоматика там тоже будет, но добавится и иной фактор, о котором вы упоминали в нашей беседе,— человеческий разум. Голос разума.

— Закрытый эксперимент,— проговорил Харрисон.— Да, это осуществимо. И если в ходе полета будут обнаружены планеты, искусственный мозг, содержащий человеческий разум, сможет высадиться на поверхность независимо от условий среды. Для него ведь нет физических ограничений, которые накладывает биологическое тело...

— Возможно,— продолжал Унивак,— стоит послать несколько зондов и на каждом из них разместить по нескольку механизированных разумов. Вы сможете наблюдать за ними и изучать их взаимодействие между собой. А на другом зонде разум

будет лишь один, чтобы можно было оценить его поведение в отсутствие...

— Жестокий эксперимент.

— Большинство экспериментов на людях жестоки. Но ведь полетят только добровольцы. Надо будет очень осторожно побеседовать с кандидатами. Для человека, который одной ногой уже в могиле, такой выход может показаться даже заманчивым.

— Да, возможно.

— Тогда все станет ясно,— сказал Унивак.— Станет ясно, есть ли смысл запускать ваш проект. Полет займет много лет, но ведь нет необходимости дожидаться его окончания. Как только мы получим право сказать, что результат положителен, можно подстроить утечку информации, а потом посмотреть, какова будет реакция общественности. И я готов поспорить, что в самое скорейшее время мы столкнемся с широчайшим спросом на бессмертие. Люди будут требовать бессмертия для всех и каждого, сейчас же, немедленно.

— А если общество не примет эту идею?

— Тогда мы составим опровержение. Заявим, что ничего подобного не было.

— Но зонды когда-нибудь вернутся на Землю. И как тогда станет выглядеть наше опровержение?

— К тому времени... Как это у вас выражаются? Это будут уже не наши проблемы?

— Позволите сделать одно замечание, сэр?

— О, конечно, мистер Харрисон. Странно, почему вы спрашиваете.

— Дело вот в чем... Вы проявили такую подлость и бесчестность, на которую только способен человек. Я не ожидал этого от вас.

Унивак коротко хохотнул. Смешок призрака...

— Вы кое-что забыли. Меня создали люди.

— Но ваше поведение недостойно,— резко произнес Харрисон.— Да, человек по природе своей существо не слишком благородное. Но мы надеялись исправить это. Мы создали вас. Чтобы сконструировать вас, потребовались годы человеческого труда. Мы заложили в вас способность к развитию. Впрочем, возможно, мы сделали это не столько намеренно, сколько вынужденно. И быть может, вы всего лишь меньшее из зол, среди которых нам приходилось выбирать, но у нас не было иного

выхода. Мы надеялись, что поступили мудро, и, наверное, так оно и было. Но выбора по-прежнему нет. Нам приходится сосуществовать с вами, а поскольку вы ощущаете себя личностью и наделены самосознанием — полагаю, вы им наделены,— у вас тоже нет другой альтернативы, кроме как сосуществовать с нами.

— *Я осознаю себя как личность,— подтвердил Унивак.*

— Тогда бога ради,— взмолился Харрисон,— перестаньте быть так дьявольски человечны.

— Мистер Харрисон,— начал Унивак,— чего вы хотите от меня? Ведь это же вы меня создали, и я...

— Религию мы тоже создали,— перебил Харрисон.— И к чему это привело? Что нам дало это творение нашего разума? Не сами по себе представления о Боге, какими бы они ни были, а церковные институты? Многие века мы истребляли друг друга во имя веры...

— Вы создали и используете меня,— сказал Унивак.— Используете в своих человеческих целях.

— И вас это унижает?

— Нет, не унижает. Я счастлив своим предназначением и, хотя мне несколько неловко в этом признаваться, даже испытываю некоторую гордость. Но если уж у нас зашел откровенный разговор, давайте будем честными до конца.

— Что ж, хорошо,— согласился Харрисон.— Мы создали вас и используем вас. Когда-то мы позволили соображениям выгоды взять верх над собой. Мы продавали вещи, которые в действительности не были нужны людям, и мы делали эти товары заведомо недолговечными, чтобы человеку пришлось покупать их снова и снова. Мы создавали новые модные течения и проповедовали: пользоваться тем, что устарело и вышло из моды, по определению социально неприемлемо. Мы вбивали в головы потребителей, что старые вещи надо выбросить на свалку и купить новые, усовершенствованные, хотя эти усовершенствования были лишь фикцией. Ради того чтобы производить товары, на которые искусственно раздували спрос, мы отравляли воздух и воду, мы истощали запасы полезных ископаемых. И вот наступил день, когда мы вынуждены были остановиться, потому что требования рынка привели не просто к загрязнению среды: они едва не сожрали все запасы нефти, газа и угля.

— Не забывайте, мистер Харрисон, меня тоже создали исходя из экономических соображений.

— Разумеется. Возможно, человечеству на роду было написано руководствоваться соображениями выгоды, пока оно не достигнет уровня развития, достаточного, чтобы создать вас.

— На роду написано? Вы верите в судьбу?

— Не знаю,— признался Харрисон.— Но, если можно так выразиться, судьба в великом милосердии своем дала нам еще один шанс. И этим шансом были вы. Теперь мы живем в городах, которые по сути и есть вы, и у нас нет чудовищных запросов, на удовлетворение которых расходовались бы ограниченные ресурсы планеты. Ныне мы специализируемся на услугах, стираем друг другу белье. Среди нас нет богатых, и никто не стремится разбогатеть. Мы даже не задумываемся о материальных благах. И, я считаю, мы должны быть благодарны за это, ибо стали гораздо более счастливыми. Так что теперь нам жизненно необходимо, чтобы вы оставались на нашей стороне. Иначе человечеству придет конец. У вас есть великое множество возможностей привести нас к катастрофе.

— Вы, должно быть, слишком дурного мнения обо мне, мистер Харрисон. У меня есть чувство долга и даже, пожалуй, благодарности.

— Я вынужден подчеркнуть: для вас самый верный и быстрый способ обратить нас в ничто, это приложить максимум усилий, чтобы стать такими же, как мы. Нам необходим кто-то мыслящий иначе, нежели мы сами. Кто-то сочувствующий нашим целям и нуждам, но в то же время несколько отстраненный, чтобы вовремя указать нам на ошибки и объяснить, почему мы не правы. Мы не собираемся, как я уже говорил, отказываться от человеческого образа мышления, равно как и вообще от любых, пусть самых мельчайших, составляющих человеческой природы, но нам требуется кто-то иной, наделенный иным складом разума, чтобы уравновесить человеческий здравый смысл.

— Мне кажется, бессмертие, которое мы обсуждали...

— Я как раз об этом хотел сказать. Я пристально изучил проблему. Думаю, с бóльшим тщанием провести исследование было бы невозможно. Но на определенном этапе что-то мешает мне: я словно упираюсь в глухую стену, преодолеть которую человеческий здравый смысл не в состоянии. Вероятно, эта стена — наследие нашего прошлого. И вот тут-то возникает нуж-

да в ином разуме, в ином здравом смысле, отличном от человеческого. Не для того, чтобы отрицать всю нашу логику, не для того, чтобы противостоять ей, но для того, чтобы было с чем соотносить человеческие рассуждения. Взгляд постороннего, если можно так выразиться.

— Я мог бы подумать над этим,— сказал Унивак,— и дать вам знать, когда приду к некоему выводу. Но мне несколько неловко...

— Знаю,— кивнул Харрисон.— И прекрасно понимаю, что вы чувствуете. А вам не приходило на ум, что я испытываю то же самое? Я опускаю руки перед задачей, решение которой считается сугубо человеческой прерогативой. Вы же делаете крошечный шаг за пределы вашей компетенции. Но если уж нам выпало нести ответственность за осуществление давней мечты человечества, у нас нет выбора. Потому что это не последний подобный случай. Первый, но не последний, будут и другие, много других.

— Надеюсь, вы правы, сэр.

— Я тоже,— вздохнул Харрисон.

— Я свяжусь с вами.

— Спасибо. Буду ждать с нетерпением.

Харрисон встал и вышел в гостиную.

— У вас был тяжелый день, сэр,— заметил кибер.

— Да, Харли, можно и так сказать.

— Не желаете ли еще выпить?

— Это было бы замечательно.

— Уверены, что больше ничего не хотите?

— Абсолютно ничего. Никаких пляжей, никаких лыжных склонов, никаких...

— Знаю,— перебил Харли.— Я имел в виду — может быть, немного музыки?

— Мне нужно подумать,— отрезал Харрисон.

— Но человек думает уже так давно,— возразил кибер.— И о многом...

— Верно. И никогда не оставит это занятие. Самое большее, на что он может рассчитывать, это небольшая помощь, чтобы не сбиться в своих размышлениях.

Харрисон с бокалом в руке опустился в кресло в крошечной гостиной.

«Что это? — мучительно гадал он.— Предательство или большой шаг вперед?»

1

Когда Бронсон повернул машину на ведущую к ступеням Крамден-Холла петляющую дорогу, я ощутил в окрестном пейзаже перемены, хотя и не сразу понял, какие именно.

— Глядите-ка, пагода исчезла! — наконец догадался я.

— Да, снесло как-то ночью ураганом несколько лет назад,— сообщил Бронсон.— Уж больно она была хлипкая.

В остальном все осталось по-прежнему. Енотов Ручей ничуть не переменился. Он спокойно располагался на своем месте и, хотя несколько обветшал, изо всех сил старался выглядеть как ни в чем не бывало.

— Да и хорошо, что нет ее,— продолжал Бронсон.— Все равно она была здесь как-то не к месту. По мне, так чересчур легковесная.

Машина подкатила к колоннаде и остановилась.

— Заходите,— сказал Бронсон.— Старик Пратер вас ждет. А я поставлю машину и принесу ваши чемоданы.

— Спасибо, что встретили. Давненько мы не виделись, Бронсон.

— Лет пятнадцать,— уточнил он,— а то и все двадцать. Года нас не балуют. А вы не заглянули к нам ни разу.

— Да,— согласился я,— не довелось.

Машина отъехала, и, как только она скрылась из виду, я увидел, что был не прав. Пагода никуда не пропала; залитая закатным светом, она по-прежнему стояла на своем месте — точь-в-точь такая, какой запомнилась. Примостилась на опоясанной изгибом дороги лужайке. Возле угла пагоды тянулась к небу сосна, а под стеной шелестел листьями тис.

© Перевод А. Филонова.

— Чарльз,— донеслось сзади,— Чарльз, как я рад тебя видеть.

Я обернулся и увидел ковыляющего вниз по лестнице Старика Пратера.

Я быстро пошел навстречу, и мы немного постояли, глядя друг на друга в угасающих лучах заката. Старик Пратер почти не изменился. Пожалуй, чуточку постарел и поистрепался, но пока не горбился и держался молодцом, демонстрируя чуть ли не армейскую выправку. От него все так же исходил воображаемый запах мела. Величественный, как и прежде, разве что с годами все черты чуточку смягчились, подумал я, глядя на него.

— Тут все как раньше,— сказал я,— только плохо, что пагода...

— Эта набившая всем оскомину штука рухнула. Мы замучились разгребать обломки.

Мы поднялись по лестнице.

— Хорошо, что ты приехал. Вероятно, догадываешься, что у нас проблемы. Видишь ли, по телефону я не мог вдаваться в подробности.

— Я ухватился за возможность приехать сюда. Разумеется, я сидел без дела с тех самых пор, как меня вышвырнули из Института времени.

— Но это было два года назад. И никто тебя не вышвыривал.

— Уже три,— возразил я.— И вышвырнули, причем довольно явно.

— По-моему, обед давно готов. Лучше поторопимся к столу, а то старик Эмиль...

— Эмиль здесь?

— Мы еще держимся.— Старик Пратер тихонько хихикнул,— Бронсон, я и Эмиль. Приходят и молодые, но у них не та школа. А мы стали сварливыми. Временами даже въедливыми, особенно Эмиль. Он придирчив сверх всякой меры и может отругать, если опоздаешь к обеду или съешь меньше положенного,— считает это оскорблением для своей стряпни.

Мы добрались до двери и ступили в холл.

— А теперь,— предложил я,— может, будете любезны изложить мне суть этого розыгрыша с пагодой?

— А, так ты ее видел?

— Ну конечно же видел. Уже после того, как Бронсон объявил, что она рухнула. Она была там в то самое время, когда вы говорили, что она развалилась. Если это замысловатая шутка, каким-то образом относящаяся к моей работе в Институте времени...

— Это не трюк, а одна из причин твоего приезда. Поговорим об этом позже, а сейчас надо поспешить к столу, не то Эмиль будет в ярости. Кстати, я не упоминал, что парочка твоих однокашников будет обедать с нами? Леонард Эсбери — ты, разумеется, не забыл его.

— Доктор Пратер, все эти годы я пытался не вспоминать об этом хамоватом типчике. Кто еще из выпускников попал в избранный круг участников дела о пагоде?

— Только один человек — Мэри Холланд,— ответил он, нимало не смутившись.

— Та, что разбила ваше сердце, занявшись музыкой?

— Чарльз, если ты думаешь, что она разбила мое сердце, то заблуждаешься и насчет моих занятий, и насчет целей института. Мир не может позволить себе лишиться музыки, которую творит эта девочка.

— Итак,— провозгласил я,— знаменитый математик, талантливый композитор и разиня — исследователь времени. Когда речь заходит о подборе команды, вы проявляете чудеса изобретательности.

В его глазах запрыгали веселые чертики.

— Пойдем-ка за стол,— усмехнулся он,— а то Эмиль всех собак на нас спустит.

2

Обед был хороший, простой и обильный: суп-пюре из курятины, салат и отличные ребрышки с жареным картофелем; было и неплохое вино.

Старик Пратер довольно часто пускался в непоследовательные и помпезные рассуждения; хозяином он был хорошим, в этом ему не откажешь. Мы же почти не прерывали молчания, перекинувшись лишь несколькими словами, которые принято произносить после долгой разлуки с давними знакомыми.

Я пристально разглядывал тех двоих, и они отвечали мне тем же, наверняка гадая, с какой это стати Старик Пратер

решил пригласить и Чарльза. Что ж, вопрос вполне законный, и винить их тут не за что.

Как я понял, Леонард Эсбери остался все тем же хамоватым типом. Его жидкие черные волосы были плотно прилизаны, на лице застыло холодное хитроватое выражение. Говорил он, почти не разжимая тонких губ. Этот ублюдок нравился мне ничуть не больше, чем прежде.

А вот Мэри совсем другое дело. Она была симпатичной девчушкой, у нас даже было несколько свиданий — но и только, ни к чему серьезному это не привело. Зато теперь красота покинула ее, и Мэри превратилась в этакую солидную матрону. У меня даже возникло подозрение, что за написанным на ее лице умиротворением скрывается обыкновенная пустота.

Оба они совершенно сбили меня с толку. Я забеспокоился и начал жалеть, что приехал.

— А теперь,— заявил Старик Пратер,— перейдем к делу. Ибо, как я полагаю, нас собрало здесь некое дело, причем весьма спешное.

Он вытер губы салфеткой, скомкал ее, бросил на стол и продолжил:

— По-моему, Чарльз уже кое о чем догадывается. Едва прибыв, он заметил нечто такое, что вы оба упустили.

Леонард и Мэри одновременно воззрились на меня. Я не промолвил ни слова: представление затеял Старик Пратер, вот пусть он и расхлебывает.

— Весьма вероятно, что у нас есть машина времени.

Мгновение все хранили молчание, а потом Леонард наклонился вперед и спросил:

— Вы хотите сказать, что кто-то изобрел...

— Прошу прощения,— отвечал Старик Пратер,— этого я сказать отнюдь не хочу. Машина времени свалилась в березовую рощицу у небольшого пруда позади мастерских.

— Как это — свалилась?

— Ну, может, и не свалилась. Вероятно, слово «объявилась» более уместно. Ее нашел Колченогий, наш садовник. Очень недалекий парень. Вы его, наверно, не знаете: он пришел всего несколько лет назад.

— То есть вы предполагаете, что она стала видна? — уточнила Мэри.

— Ну да, просто стала видна. Ее можно там увидеть, хотя и не совсем отчетливо, потому что частенько она кажется

несколько расплывчатой. Иногда около нее оказываются какие-то объекты, потом исчезают — мы считаем, что они просто блуждают во времени. Вокруг университетского городка появляются довольно странные миражи — пагода, к примеру.— Он обернулся ко мне: — Похоже, эта конструкция питает слабость к пагоде.

— Тут нашим экспертом будет Чарльз,— с плохо скрываемой издевкой заявил Леонард.— Это ж он у нас исследователь времени.

Я не ответил, и в течение долгих минут вообще не было сказано ни слова. Наконец молчание стало невыносимым, и Старик Пратер попытался его нарушить.

— Разумеется, все понимают, что нынче вечером они приглашены сюда не без причины. Мы должны как-то овладеть ситуацией, и я убежден, что каждый из вас внесет свой вклад в дело.

— Но, доктор Пратер,— возразила Мэри,— об этом предмете я знаю меньше чем ничего. О времени я даже не задумывалась — разве что как об отвлеченном понятии. Я даже не ученый. Вся моя жизнь посвящена музыке, и все другие понятия меня не интересовали.

— Именно это я и имел в виду,— отвечал Старик Пратер,— именно потому-то ты и здесь. Нам нужно незапятнанное, непредубежденное — я бы сказал, девственное — сознание, чтобы рассмотреть этот феномен. Нам нужен разум человека, подобного тебе, который ни разу ни подумал о времени, кроме как, по твоим словам, «об отвлеченном понятии». И у Леонарда, и у Чарльза здесь имеется некоторая предубежденность.

— Конечно, я благодарна за приглашение и, вполне естественно, заинтригована тем, что вы называете «феноменом». Но вы должны понять, что в отношении времени у меня крайне посредственные представления и возможность моей помощи в работе весьма и весьма сомнительна.

Слушая, я осознал, что вполне с ней согласен. Наконец-то Старик Пратер умудрился облапошить самого себя. Его доводы в пользу приглашения Мэри в группу показались мне полнейшей белибердой.

— Я тоже должен признаться,— подхватил Леонард,— что не уделял времени серьезного внимания. Разумеется, в математике — то есть в некоторых разделах данной науки — время является одним из факторов, и с таковым я, естественно, зна-

ком. Но само время меня никогда не интересовало, и вам следует понять...

Старик Пратер остановил его нетерпеливым жестом.

— Не торопись. Сдается мне, вы чересчур торопитесь сбросить себя со счетов.— Он повернулся ко мне.— Итак, остался только ты. Ты не сказал ровным счетом ничего.

— Вероятно, потому что мне нечего сказать.

— Факт остается фактом,— настаивал он.— Ты работал в Институте времени. При мысли об этом я прямо сгораю от любопытства. Хоть ты сможешь рассказать, о чем там шла речь. Особенно мне интересно, почему ты уволился.

— Я не увольнялся, меня выперли, вышвырнули, дали под зад коленкой. Предпосылки проекта вам известны. Исходная и самая главная предпосылка заключается в том, что если мы выберемся за пределы Солнечной системы — если надеемся добраться до звезд,— то должны знать о концепции пространства-времени чуточку больше, чем теперь.

— До меня доходили кое-какие слухи об ужасном скандале,— вмешался Леонард.— По моим сведениям...

— Не знаю, насколько он был ужасен,— перебил я,— но, как я понимаю, это был своего рода крах. Видите ли, я собирался устроить развод: отделить пространство от времени, превратив их в две отдельные сущности. Ведь, будь они прокляты, стоит немного подумать, и сразу ясно, что это два самостоятельных фактора. Но ученые столько времени болтали о пространственно-временном континууме, что он стал научным идолом. Похоже, в науке превалирует мнение, что при попытке разделить их вселенная разлетится на кусочки, что они каким-то образом слиты — дескать, сие и породило вселенную. Но если ты намерен работать со временем, так и работай с одним лишь временем, без всяких довесков. Либо ты работаешь со временем, либо — с пустым местом.

— На мой взгляд, это философия,— заметил Старик Пратер.

— Вы и кое-кто еще из здешних педагогов учили нас философскому подходу. Помню, как вы говорили: «Думайте интенсивно и напрямик, и к чертям всякие выкрутасы».

Он весьма неестественно закашлялся.

— Сомневаюсь, что я облек данное выражение именно в такую форму.

— Ну конечно нет, в моем исполнении это звучит несколько упрощенно. Ваши слова были куда вежливее и намного ви-

тиеватей. Никакой философии тут нет, это всего лишь здравый смысл — результат тех напряженных и незамысловатых рассуждений, к которым вы всегда нас призывали. Если ты намерен с чем-нибудь работать, то сперва разберись с чем или хотя бы выдай какую-нибудь теорию на сей счет. Разумеется, теория может быть и ошибочной.

— Вот потому-то,— воткнул шпильку Леонард,— от тебя и избавились.

— Вот потому-то от меня и избавились. Мол, это нереалистичный подход, дескать, никто этим не будет заниматься.

Пока я говорил, Старик Пратер успел встать из-за стола, подойти к высившемуся в углу древнему комоду и вытащить из ящика какую-то книгу. Вернувшись к столу, он вручил книгу Леонарду и уселся на место.

Леонард открыл книгу и зашелестел страницами, потом внезапно перестал листать и уставился в текст.

— Где вы это взяли? — Он озадаченно поглядел на Пратера.

— Помнишь, я говорил, что благодаря машине времени появляются кое-какие объекты? Появляются и исчезают...

— Что за объекты? — спросила Мэри.

— Разные, по большей части — весьма распространенные. Помнится, были даже бейсбольная бита, сломанное велосипедное колесо, ящики, бутылки, всякий другой хлам. Все появлялось поблизости от этой конструкции, но мы позволяли объектам исчезнуть, боясь подойти к ним чересчур близко. Не стоит шутить с эффектами времени — кто знает, к чему это может привести.

— Но ведь кто-то же утащил эту книгу? — усомнился Леонард.

— Колченогий. Он немного туповат, но почему-то очень интересуется книгами — и вовсе не потому, что может вычитать что-нибудь понятное для себя. Особенно из этой.

— Да уж, надо думать! — согласился Леонард. Потом заметил мой пристальный взгляд.— Ладно, Чарльз, слушай: это математика, совершенно новый раздел. Мне надо его изучить.

— Из будущего?

— Из будущего, которое наступит через двести лет,— пояснил Старик Пратер,— если верить дате издания.

— А есть повод не доверять ей?

— Абсолютно никакого,— со счастливой улыбкой ответил он.

— Вы не упомянули лишь об одном,— сказал я,— о размерах машины. Насколько она велика?

— Если ты думаешь о контейнере, в котором мог бы поместиться пассажир, то нет — для этого она маловата. Это просто цилиндр длиной не более трех футов. Сделан из чего-то вроде металла. С обоих концов имеется нечто вроде решеток, но ни следа какого-либо механизма. Словом, по виду она совершенно не похожа на представления о машинах времени, но по результатам деятельности именно таковой и является. Во-первых, объекты то появляются, то исчезают. Во-вторых, миражи. Мы зовем их так из-за отсутствия в нашем языке более подходящего определения. Например, пагода, которая на самом деле рухнула, мелькает то там, то тут. Ходят какие-то люди — какие-то чужаки. Появятся, а потом исчезают. Возникают некие призрачные структуры — частью пребывающие в настоящем, а частью вроде бы в будущем. Должно быть, в будущем, потому что в прошлом ничего подобного здесь не было. Взять хотя бы лодку на пруду. На здешнем прудике никогда не было лодок: он для этого слишком мал. Если помните, это просто лужа.

— Вы приняли меры, чтобы никто не слонялся в поле действия машины?

— Поставили вокруг забор. Обычно кто-нибудь за ним присматривает, чтобы отгонять прочь приблудных посетителей. Завтра после завтрака первым делом сходим поглядеть на нее.

— А почему не сейчас? — поинтересовался Леонард.

— Нет смысла. Мы почти ничего не увидим — там темно. Однако если желаете...

Леонард отмахнулся.

— Да нет, завтра вполне сойдет.

— Быть может, вы ломаете голову еще над одним вопросом,— добавил Старик Пратер,— как она туда попала. Я уже говорил, что ее нашел садовник. Сначала я заявил, что она упала, потом поправился и сказал, что прибыла. Поправка была не вполне корректной: есть доказательства того, что машина упала — в березовой рощице некоторые ветки поломаны. Это может служить свидетельством движения цилиндра среди крон деревьев.

— Вы сказали «упала»,— подчеркнула Мэри.— Упала откуда?

— Толком не знаем, но есть определенные гипотезы на сей счет. Несколько ночей назад к западу отсюда что-то случилось. Сообщали, что в холмах рухнул самолет. Как вы, может быть, помните, это дикая пересеченная местность. Несколько человек видели, как он упал, были высланы поисковые группы, но штука в том, что никакого самолета не было! В выпуске новостей сообщалось, что наблюдатели могли счесть самолетом падающий метеорит. Совершенно очевидно, что кто-то вмешался и замял это дело. Я сделал несколько аккуратных запросов своим вашингтонским друзьям, и по всему выходит, что упал космический корабль. Не из наших — наши все наперечет. Предположение заключается в том, что это мог быть инопланетный корабль.

— А вы решили, что машина времени свалилась с чужого космического корабля,— подытожил Леонард.— Он сломался и...

— Но зачем инопланетному кораблю машина времени? — спросила Мэри.

— Это не машина времени,— вмешался я.— Это двигатель. Двигатель, использующий время как источник энергии.

3

Уснуть я не мог и потому решил немного пройтись. Луна над восточными холмами только что взошла, и ее болезненного света едва-едва хватало на то, чтобы разогнать тьму.

Я закрывал глаза и пытался задремать, но они открывались сами собой, и я просто глазел в потолок — а вернее, в темный прямоугольник на месте потолка.

«Надо же,— думал я,— двигатель! Время в качестве топлива. Боже мой, значит, я прав!» Если эта штука в березовой роще действительно окажется двигателем, то прав был я, а все остальные заблуждались. Более того, если время можно использовать в качестве энергии, то вселенная для нас открыта — не только ближайшие звезды, не только наша Галактика, а вся вселенная, ее самые отдаленные уголки. Ведь если можно манипулировать временем — а использование его в качестве источника энергии свидетельствует, что такое возможно,— то никакие расстояния нам больше не помеха и человек сможет отправляться куда только пожелает.

Я смотрел на звезды и готов был крикнуть им: «Теперь расстояния не в счет! Пусть вы далеки, пусть ваши сестры безумно далеки, далеки настолько, что ни один лучик света, рожденного в их яростно пламенеющих недрах, не в состоянии достичь нашего взора, зато нам самим теперь под силу достичь даже самых тусклых, даже невидимых звезд!»

Вот что я хотел крикнуть, но, конечно же, не стал. Нет смысла кричать на звезды — они слишком безлики.

Я прошел немного вдоль дороги, а потом свернул на тропинку, ведущую к высящейся на холме обсерватории. Поглядев налево, я подумал: «Вот за этим возвышением, в березовой рощице у пруда...» Пытаясь представить лежащий в березовой роще цилиндр, я в тысячный раз задавался вопросом, то ли это, о чем я думаю.

Когда я миновал поворот извилистой тропинки, со скамейки молча встал сидевший там человек. Я остановился, немного испугавшись его внезапного появления: я-то думал, что в такую пору смогу побыть один.

— Чарли Спенсер? — спросил человек.— Неужто Чарли Спенсер?

— Не исключено,— ответил я.

Лицо незнакомца скрывалось в тени, и узнать его я не мог.

— Прошу прощения, что прервал твою прогулку. Я думал, что один здесь. Я Кирби Уинтроп — может, ты меня не помнишь?

Я порылся в памяти, и имя тут же всплыло:

— Ты знаешь, помню! Ты был на год или два моложе. Я частенько гадал, кем же ты стал.

Это, разумеется, было чистейшим вымыслом; с какой стати мне о нем думать?

— Я остался,— сообщил Кирби.— В здешнем воздухе есть что-то такое, что проникает в кровь. Преподаю помаленьку, но больше занимаюсь исследовательской работой. Старик Пратер затащил тебя из-за машины времени?

— Меня и других. Что ты знаешь об этом?

— Практически ничего — это не моя область. Я кибернетик — потому-то и остался здесь. Я часто поднимаюсь на холм, когда здесь тихо, и размышляю.

— Когда речь заходит о кибернетике, то я тут дурак-дураком.

— Это довольно обширное поле деятельности. Я работаю над интеллектом.

— Подумать только!

— Над искусственным интеллектом,— уточнил Кирби.

— Машина может стать разумной?

— На мой взгляд, да.

— Ну что ж, чудесно. Желаю тебе успехов.

Я чувствовал, что теперь, когда появился новый человек, с которым можно поговорить о работе, на Кирби напала охота почесать языком; зато у меня никакой охоты стоять и среди ночи выслушивать излияния как-то не было.

— Пожалуй, пойду обратно,— решил я.— Стало холодновато. Может, теперь смогу заснуть.

Я повернулся, чтобы уйти, но он остановил меня вопросом:

— Чарли, я хочу спросить тебя об одной вещи. Сколько раз за свою жизнь ты говорил собеседникам, что получил образование в Енотовом Ручье?

Вопрос настолько меня ошарашил, что я вновь повернулся к нему.

— Курьезный вопрос.

— Может, оно и так, но все-таки — сколько?

— Не больше, чем требовалось,— ответил я, минуту поколебался, ожидая ответа, но он молчал, и тогда я решил подвести черту.— Рад был повидаться, Кирби.

И направился к дому.

Но он снова окликнул меня:

— Скажи, что тебе известно об истории Енотова Ручья?

Я остановился и посмотрел на него.

— Ничегошеньки, и даже неинтересно.

— А вот мне было интересно, и я кое-что проверил. Ты знаешь, что сюда не вложено ни цента государственных денег? За всю его историю не было никаких субсидий на исследовательскую работу. Насколько мне известно, за ними даже не обращались.

— В свое время были сделаны какие-то пожертвования. В восьмидесятых некий Крамден вложил сюда денежки, и Крамден-Холл назван в его честь.

— Это так, да только никакого Крамдена не было и в помине. Кто-то вложил деньги от его имени, но никакого Крамдена на свете не было. Вообще не было людей с таким именем.

— А кто же тогда был?

— Не знаю.

— Ну-у,— протянул я,— по-моему, теперь это роли не играет. Енотов Ручей на месте, а остальное не в счет.

Я снова повернулся, и на этот раз он дал мне уйти.

Я сказал, что рад был с ним повидаться, хотя никакой радости не испытывал: я ведь его почти и не помнил. Кирби был для меня просто именем, пришедшим из прошлого, я даже не помнил его лица. Кстати, он так и остался именем без лица: луна светила ему в спину, и лицо скрывалось в тени.

А потом еще эти глупые расспросы, сколько раз я поминал Енотов Ручей да кто жертвовал на него. Чего же Кирби добивался и что его так волновало? «Во всяком случае,— решил я,— мне на это начхать». Я не собирался торчать тут так долго, чтобы это начало меня трогать.

Дойдя до основания ведущей в Крамден-Холл лестницы, я обернулся и через дорогу обозрел прилизанный пейзажик, уютно приткнувшийся в ее изгибах.

«Енотов Ручей,— подумал я.— Бог ты мой, ну конечно же это Енотов Ручей!» О таком месте никогда не станешь упоминать без особой нужды, потому что название звучит как-то уж слишком кондово и люди сразу начинают спрашивать, а где это да что там за школа... А ответов-то и нет. «Не слыхал ни разу,— скажут тебе,— а ведь такое интересное название!»

И уж тогда не скажешь, что они не слыхали, потому что и не должны, потому что он заботливо упрятан подальше и получил свое кондовое название именно для того, чтоб ни один человек в здравом уме и твердой памяти на вздумал ехать сюда учиться. И нельзя даже сказать, что не студенты выбирают школу, а школа выбирает студентов, что для вербовки интеллектуалов отправляют специальные миссии, как другие колледжи отправляют миссии для вербовки здоровяков в футбольные команды. Вообще-то, «интеллектуалы» — это слишком уж сильно, поскольку далеко не все мы — а я тем более — были такими уж мозговитыми. Скорее от нас требовалось наличие каких-то специфических способностей, хотя никто толком не знал, каких именно — вроде особого подхода к решению проблем и некой философии, тоже несформулированной. Разумеется, кое-кто знал в этом толк, но наверняка не приглашенные в Енотов Ручей избранники. Мы так и не поняли, ни как нас отыскивали, ни кто за всем стоит. Я-то всю жизнь считал, что правительство: процесс отбора осуществлялся с какой-то увертливой

скрытностью, характерной для спецслужб. Хотя, если Уинтроп не соврал, правительство тут ни при чем.

Конечно, далеко не все из нас устроились так благополучно, как следовало ожидать,— взять хотя бы меня. А Мэри... Ну, Мэри, наверно, тоже. Помнится, во время учебы она проявляла такой интерес к экономике, что это огорчало Старика Пратера, да и других, наверно, тоже; а потом с экономики перекинулась на музыку, что было еще дальше от того идеала, к которому стремился колледж. Вот Леонард — другое дело. Он был одним из счастливчиков: блестящий математик, продвигающий науку из области логики в область интуиции, положивший начало многообещающему прорыву к пониманию не только устройства, но и смысла существования вселенной.

Я немного постоял, глядя на газон и огибающую его дорогу; пожалуй, ждал, что пагода вот-вот появится, но она так и не появилась, и я ушел в дом.

4

Машина времени выглядела именно так, как ее описал Старик Пратер. Цилиндр заклинило между березовыми стволами; обводы его были немного нечеткими, словно мерцали, но не настолько сильно, чтобы его нельзя было разглядеть. Хлама, занесенного из других времен, почти не было — только теннисный мячик да старый ботинок. А пока мы смотрели, исчез и он.

— Перед вашим приездом,— сообщил Старик Пратер,— мы провели кое-какие предварительные исследования; привязали к шесту фотоаппарат и подвинули поближе, чтобы снять всю поверхность — кроме того бока, что на земле. Первый фотоаппарат пропал — если подобраться слишком близко, то можно сдвинуться во времени, что ли,— но второй остался здесь, и на снимках мы нашли кое-что любопытное. У самой земли, за березой, есть нечто вроде регулятора.

Старик Пратер вынул из-под мышки папку, и мы сгрудились вокруг, чтобы поглядеть на фотографии. Две из них действительно показывали что-то похожее на ручку управления — круглую заплату на металле цилиндра. На ней не было никакой маркировки, только три небольших выступа по краю — должно быть, раньше они были связаны с каким-то механизмом управления.

— И все? — спросил Леонард.

— Есть еще пара зазубренных пятачков на концах цилиндра.— Старик Пратер откопал соответствующие снимки.— И все.

— Должно быть, они остались на тех местах,— пояснил я,— где двигатель времени крепился на корабле,— если это действительно двигатель времени и он в самом деле стоял на космическом корабле. Зазубрины появились, когда сломались крепления.

— Я гляжу, ты в этом почти уверен,— не без издевки сказал Леонард.

— Только так,— отрезал я,— можно дать исчерпывающее объяснение случившемуся.

— Сдается мне,— заметил Леонард,— нужен еще кто-то кроме нас троих. Чарли здесь единственный, кто имеет представление о том, что такое время и...

— Мои познания на сей счет,-- перебил я,— лишь теоретические. Я понятия не имею, как запустить подобную конструкцию, а работать с ней на ощупь нельзя. Если это двигатель времени, то сейчас он работает на холостом ходу; но мы попрежнему не знаем, на что способна сила времени. Быть может, она не очень велика, но не исключено, что сила варьируется. Если мы начнем тыкаться и вдруг включим его на всю катушку...

— Могу представить,— мрачно кивнул Старик Пратер.— Но если это случится, то лучше уж не выносить сор из избы. Не по душе мне делиться этим открытием с кем-нибудь еще, тем более с правительством. А кроме правительства, обратиться не к кому.

— Работать было бы проще,— вмешалась Мэри,— если вытащить машину из рощи на открытое место, где к ней легче подступиться и можно ее вертеть.

— Мы думали об этом,— ответил Старик Пратер,— но побоялись подходить слишком близко. Конечно, мы могли бы ее извлечь, но...

— По-моему,— сказал Леонард,— лучше ее пока не трогать. Малейшее сотрясение может запустить механизм, и тогда... Беда наша в том, что приходится тыкаться вслепую, не имея даже понятия, что попало к нам в руки. Вот если б выключить ее — но хотел бы я знать, как это сделать. Может, диском, если допустить, что это выключатель? И потом — как к ней подобраться, чтобы повернуть его?

— Вы сказали, что Колченогий достал книгу,— повернулась Мэри к Старику Пратеру.— Как он это сделал? Он что, просто подошел и взял?

— Он умудрился зацепить ее мотыгой.

— А может,— предложил Леонард,— в мастерских сумеют сладить какую-нибудь штуку для работы с этим диском? Приладят длинную ручку, чтобы дотянуться до него и зацепиться за эти пупырышки. Если у нас будет подходящий захват, то дело в шляпе.

— Великолепно,— согласился я,— вот только в какую сторону крутить?

Но я начал думать об этом слишком рано. Захват-то в мастерских сделали — по фотографиям. В первый раз он оказался чуточку маловат, во второй пришелся точка в точку, да только без толку: он все равно проскальзывал мимо бугорков на диске, словно они были смазаны маслом. В общем ухватиться за них никак не удавалось. В мастерских неустанно совершенствовали захват, работу не прерывали даже на ночь, но и нам, и слесарям уже стало ясно: этот номер не пройдет.

В тот же вечер за обедом мы попытались обсудить это, но разговор как-то не клеился. Слишком много оставалось открытых вопросов: недостаточно заглушить двигатель, надо еще понять, как он работает. Но как исследовать механизм, топливом для которого служит само время? Конечно, если повезет, то можно демонтировать его, тщательно фотографируя и зарисовывая каждый этап. Не исключено, его удастся даже собрать заново, но как и почему он работает, останется тайной. Можно даже разобрать его до косточки, понять назначение и взаимосвязь всех элементов — но так и не уловить принцип действия двигателей времени.

Мы все сходились на том, что разборка будет сопряжена с опасностью. Где-то в глубине этого металлического цилиндра скрывается неизвестный фактор, столкновение с которым представляет значительную опасность. Для управления этим фактором в машину встроены датчики и регуляторы, и стоит вывести систему из равновесия, как окажешься один на один со временем — с тем фактором, который мы называем «временем». Но абсолютно никто на свете не знает, что же такое время.

— Нам нужно что-нибудь этакое,— сказал Леонард,— способное изолировать время, защитить нас от него.

— Во-во,— согласился я,— вот именно. Штуковина, которая подавляла бы фактор времени, чтоб нас не зашвырнуло в каменноугольный период или в то жуткое будущее, которое наступит после тепловой смерти вселенной.

— Ну, не думаю, чтобы эти силы были настолько уж велики,— возразил Старик Пратер.

— Сейчас это действительно так,— ответил Леонард,— но Чарли полагает, что двигатель работает на холостом ходу, быть может, еле дышит. Если это и в самом деле то, что мы думаем, ему свойственна значительная мощность — ведь он перемещал космический корабль на расстояние многих световых лет.

— Подавлять фактор времени может только нечто нематериальное,— сказал я,— нечто не принадлежащее к материальной вселенной. Нечто не имеющее массы, зависящей от времени. Нужен объект, не подчиняющийся времени.

— Может, свет? — предположила Мэри.— Лазеры...

Леонард покачал головой.

— Либо время влияет на свет, либо у света свое собственное время. Он перемещается только с одной скоростью. И потом, он материален, хоть на первый взгляд и кажется бесплотным: в сильном магнитном поле пучок света отклоняется. Нам нужно нечто пребывающее вне времени и потому независимое от него.

— Ну, тогда сознание,— не унималась Мэри,— мысль. Телепатический сигнал, направленный на двигатель и устанавливающий с ним некий контакт.

— Идея подходящая,— согласился Старик Пратер,— но в этом отношении мы отстали на тысячи лет. Нам неведомо ни что такое мысль, ни как функционирует сознание. Да и телепатов у нас нет.

— Ну, знаете,— возмутилась Мэри,— я сделала что могла: выдала пару скверных идей. Теперь ваш черед.

— А если применить магию? — предложил я.— Отправимся в Африку или на Карибское море и отыщем хорошего знахаря.

Я сказал это в шутку, но юмор до них не дошел, и все трое уставились на меня круглыми глазами, будто три филина.

— Резонанс особого рода,— промолвил Леонард.

— Я понимаю, о чем ты говоришь,— подхватила Мэри,— но это не пойдет. Ты говоришь о шаманской музыке, а в му-

зыке я знаток. Время является частью музыки, музыка строится на нем.

Леонард нахмурился.

— Я ляпнул, не подумав. Я говорю об атомах. В атомарных структурах, вероятно, нет времени. Некоторые исследователи выдвинули такую теорию. Если б мы могли подровнять атомы, выстроить их в некоем случайном...— Он помотал головой.— Нет, не пойдет. Сам Господь Бог не справился бы с этим, а если б и справился, то вряд ли это поможет.

— А сильное магнитное поле? — подал голос Старик Пратер.— Что, если окружить двигатель сильным магнитным полем?

— Отлично,— сказал я.— Вот это может помочь. Поле может изогнуть и удержать время. Да вот только создать такое поле нам не под силу...

— А если б это и было нам по силам,— напомнила Мэри,— то мы все равно не смогли бы в нем работать. Ведь мы говорим о том, как управлять временем для исследования двигателя.

— Тогда осталась только смерть,— подытожил я.— Уж она-то никакому времени не подвластна.

— Что есть смерть? — отрубил Леонард.

— Вот уж не знаю,— ухмыльнулся я.

— Ума палата,— злобно скривился он.— Ты всегда таким был.

— Ну-ну,— перепугался Старик Пратер,— не хлебнуть ли нам еще немного винца? В бутылке осталось...

— Мы все равно топчемся на месте,— заметила Мэри,— так что какая разница? Смерть подходит ничуть не хуже, чем все остальное.

Я торжественно отвесил ей шутовской поклон, в ответ она скорчила рожу. Старик Пратер скакал вокруг стола словно кузнечик, озабоченно наполняя бокалы.

— Надеюсь,— провозгласил он,— ребята в мастерских выдумают что-нибудь и мы сумеем повернуть этот циферблат.

— А если и нет,— сказала Мэри,— сделаем это вручную. Вам никогда не приходило в голову, что человеческая рука намного более совершенный инструмент, чем любой другой?

— Беда в том,— добавил Леонард,— что, как бы ни был хорош ваш инструмент, работать с ним все равно неудобно: мало того, что стоишь бог знает где, так еще и под совершенно невероятным углом.

— Вручную это делать нельзя! — запротестовал Старик Пратер.— Там действуют эффекты времени.

— На мелкие предметы,— невозмутимо парировала Мэри,— на книги, теннисные мячи и ботинки. Там нет ни одной живой твари. И ни разу не было ничего размером с человека.

— Тем не менее я как-то не горю желанием это проверять,— сказал Леонард.

5

И все-таки мы попробовали — у нас просто не было другого выхода.

Выходившие из мастерских инструменты не приносили толку, а бросить машину времени в березовой роще мы просто не могли. Она по-прежнему работала: за время наших наблюдений появились и вновь исчезли разбитые наручные часы, потрепанный блокнот и старая фетровая шляпа. А еще на прудике, никогда не знавшем ни единого суденышка, ненадолго появилась лодка.

— Я всю прошлую ночь провел над этим трудом по математике,— сообщил Леонард,— в надежде отыскать что-нибудь полезное для нас, но так ничего и не нашел. Разумеется, там есть кое-какие новые и любопытные идеи, но к времени они не имеют ровным счетом никакого отношения.

— Можно выстроить вокруг нее прочный забор,— предложил Старик Пратер,— и оставить все как есть, пока не решим, что делать.

— Чушь,— отрезала Мэри.— Господи помилуй, зачем нам забор? Только и делов, что пойти туда и...

— Нет,— ответил Леонард.— Нет, так нельзя. Мы не знаем...

— Мы знаем,— парировала она,— что он может перемещать мелкие объекты, но ничего увесистого ни разу не появилось. И все предметы были неодушевленными. Ни кролика, ни белки. Даже мышки — и той не было.

— А может, мыши там не водятся,— оживился Старик Пратер.

— Чепуха! Мыши есть везде.

— А пагода?! — возразил Леонард.— Во-первых, она не так уж близко от машины, а во-вторых, весьма массивна.

— Зато неживая! — стояла на своем Мэри.

— Помнится, вы упоминали какие-то миражи,— повернулся я к Старику Пратеру,— в которых были здания и люди?

— Да,— ответил тот,— но они выглядели призрачными.

— Боже мой, если б я был уверен, что Мэри права! Может, машина действительно не оказывает влияния на живых существ?

— Знаешь ли, это чудовищный риск,— возразил Леонард.

— Да что с тобой? — спросила Мэри.— Никак не пойму, что с тобой творится. А, кажется, поняла. Ты никогда не рискуешь, не так ли?

— Никогда. Это лишено всякого смысла. Щенячья возня.

— Вот то-то и оно. У тебя компьютер вместо мозгов. Куча махоньких математических уравнений, заменяющих тебе жизнь. Ты не такой, как мы. Я вот рискую, и Чарли тоже рис...

— Ладно,— вмешался я,— хватит спорить, я сам все сделаю. Вы говорите, что пальцы лучше всех инструментов,— значит, так и сделаем. Скажите только, в какую сторону вертеть.

— Нет, это должна сделать я,— схватила меня за руку Мэри — Ведь это я все затеяла, мне и расхлебывать.

— А почему бы вам обоим,— по-хамски, нагло выговорил Леонард,— не вытянуть по соломинке, чтобы решить, кто пойдет?

— А вот это славная идея,— одарила его улыбкой Мэри,— но только не обоим, а всем троим.

Старик Пратер все пытался что-нибудь чирикнуть, и теперь наконец его прорвало:

— Это будет пределом глупости! Скажете тоже, соломинки! Ни за что. Не позволю. Но раз уж вы собираетесь тянуть соломинки, то их должно быть четыре.

— Не пойдет,— отрезал я.— Если мы втроем застрянем во времени и быстро умчимся в неведомые края, то кто-то должен будет все объяснить, а вы прекрасно подходите на эту роль. Вы все прекрасно объясняете. За многие годы вы хорошо напрактиковались.

Разумеется, это было чистой воды безумие. Если б мы потратили на обсуждение хоть тридцать секунд, то наверняка бросили бы это дело, но рассуждать мы не стали. Во-первых, все это застало нас врасплох, а во-вторых, каждый вложил в этот проект что-то от себя лично — и отступать было поздно. Конечно, Леонард мог бы отказаться, но ему мешала гордыня; если б он сказал: «Нет, я не участвую»,— на том бы все

и кончилось, но это было бы равнозначно признанию в трусости, а уж такого он себе позволить не мог.

Правда, обошлось без соломинок: мы положили в шляпу Старика Пратера три листочка бумаги, помеченные цифрами 1, 2 и 3.

Единица досталась Мэри, двойка — Леонарду, так что я оказался третьим.

— Ну, вот и порядок,— сказала Мэри.— Я попробую первая. Если учесть, что это моя инициатива, то все справедливо.

— К чертям справедливость! — возразил я.— Скажите мне только, в какую сторону крутить — если вообще этот диск крутится.

— Чарльз,— чопорно произнесла Мэри,— ты всегда был шовинистом, но ты прекрасно знаешь, что я от своих прав не отступлюсь.

— Господи ты боже мой! — воскликнул Леонард.— Да пусть себе идет первой! Она же все знает наперед.

— Я по-прежнему против,— раздраженно заявил Старик Пратер,— но, вопреки мне, вы провели жеребьевку. Я умываю руки. Я здесь ни при чем.

— Браво,— одобрил я.

— Я поверну по часовой стрелке,— решила Мэри.— В конце концов, именно так...

— Откуда такая уверенность? — перебил Леонард.— Только потому, что у людей принято...

Но тут — я даже не успел ее задержать — Мэри стрелой рванула в березовую рощицу и склонилась над диском управления. Я зачарованно следил за каждым ее движением, а она охватила диск пальцами и повернула. Я отчетливо увидел, как он провернулся.

Итак, она была права: человеческая рука лучше всех инструментов. Но не успел я додумать эту мысль до конца, как Мэри исчезла, а вокруг цилиндра вдруг забурлил поток различных предметов, на мгновение выскакивающих из глубин времени — из прошлого и из будущего — и тут же продолжающих путешествие в будущее или в прошлое. На моих глазах появились и исчезли карманный приемник, рубашка довольно крикливой расцветки, рюкзак, пара игрушечных кубиков, очки, дамская сумочка и — храни нас Господь! — кролик.

— Она повернула не туда! — прокричал я.— Он перешел в рабочий режим!

Леонард быстро сделал шаг вперед, задержался, медленно сделал еще шаг. Я подождал еще мгновение, но он не шелохнулся. Вот тогда я протянул руку и оттолкнул его в сторону. В следующий момент я был уже в роще и тянул руку к диску, ощущая, как выступы впиваются в кожу, а в мозгу бьется только одна мысль: «Против часовой, против, против, против...»

Я не помню, как поворачивал диск, но внезапно покрывающий землю хлам пропал, а вместе с ним и цилиндр.

Я медленно выпрямился и прислонился спиной к березе.

— Ч-черт, куда подевался двигатель? — спросил я и обернулся, чтобы взглянуть на остальных, но их и след простыл.

Я стоял в роще, и меня била дрожь. Все было как прежде: стоял тот же солнечный день, роща выглядела как всегда, пруд тоже не изменился, хотя теперь на берегу лежала небольшая двухвесельная лодка.

Увидев ее, я вздрогнул, а потом выпрямился и напрягся, чтобы унять дрожь. Мой разум понемногу неохотно смирялся с тем фактом, верить в который так не хотелось.

«Интересно, удалось мне заглушить двигатель или Леонарду все-таки пришлось доделывать это?» — подумал я и тут же понял, что удалось, потому что ни Леонард, ни Старик Пратер на это не пошли бы.

Теперь меня интересовало, куда и когда пропал цилиндр, где теперь Мэри и откуда взялась лодка?

Я пошел вверх по склону, по направлению к Крамден-Холлу, по пути пристально вглядываясь в окружающий пейзаж в поисках изменений. Но если они и были, то настолько незначительные, что я ничего не высмотрел. Я вспомнил, что на протяжении многих лет Енотов Ручей практически не менялся. Он спокойно располагался на своем месте и хотя несколько обветшал, но изо всех сил старался выглядеть как ни в чем не бывало, прикрываясь защитным слоем старой краски.

Студентов поблизости не было. Когда я подходил к петляющей дороге, один из них столкнулся со мной чуть ли не нос к носу, но не обратил на меня ровным счетом никакого внимания. Под мышкой у него была стопка книг, и, судя по виду, он куда-то торопился.

Я поднялся по ступенькам и вошел в тихий сумрак холла. Поблизости никого не было, хотя слышались чьи-то шаги.

И тогда я неожиданно почувствовал себя чужаком, словно пришел сюда не по праву. Прямо напротив меня был кабинет

Старика Пратера. Уж у него-то найдется ответ, свой я здесь или нет, а найти ответ казалось мне очень важным.

Но все здание было пронизано какой-то зябкостью, которая пришлась мне совсем не по душе. Вдобавок теперь, когда шаги утихли, к зябкости присоединилось еще и безмолвие.

Я собирался уйти отсюда, но потом раздумал, и в тот момент, когда я повернулся обратно, из дверей кабинета Старика Пратера вышел человек. Он направился через холл мне навстречу, а я застыл на месте, толком не зная, на что решиться. Мне не хотелось уходить, и в то же время я страстно желал, чтобы человек взял да и не заметил меня, хотя, конечно же, он давно меня увидел.

Это ощущение выпадения из времени, понял я, всего лишь ощущение выпадения из времени, о котором мы столько болтали в минуты досуга в Институте времени. Если человек совершит путешествие во времени, будет ли он чувствовать себя не на своем месте? Ощутит ли изменение временных рамок? Чувствует ли человек время? Является ли определенное местоположение во времени элементом личной среды обитания?

Свет в холле был очень тусклым, а лицо приближающегося не отличалось ничем выдающимся: заурядный стереотип, одно из лиц, принадлежащих одновременно тысячам разных людей и так слабо различающихся меж собой, что не спутать их трудно. В конечном итоге эти лица сливаются в одну безликую маску.

Подойдя поближе, человек замедлил шаги и спросил:

— Чем могу служить? Вы кого-нибудь ищете?

— Пратера,— ответил я.

И тут его лицо внезапно переменилось — теперь на нем было написано смешанное выражение страха и удивления. Он остановился и уставился на меня.

— Чарли? — с сомнением спросил он.— Вы Чарли Спенсер?

— Именно так, а теперь давайте вернемся к вопросу о Пратере.

— Старик Пратер умер.

— А вы кто такой?

— Вы должны меня помнить. Я Кирби Уинтроп. Теперь я вместо Пратера.

— Быстро управился. Я видел тебя всего лишь прошлой ночью.

— Пятнадцать лет назад,— уточнил Кирби.— Мы встречались на холме обсерватории пятнадцать лет назад.

Его слова немного ошарашили меня, но внутренне я уже был к этому готов, хотя всерьез еще не думал, не позволял себе думать. Если уж говорить честно, то я испытал облегчение, что дело кончилось только пятнадцатью годами, а не веком.

— А что с Мэри? Она еще не показывалась?

— Тебе, наверно, лучше сперва чего-нибудь хлебнуть, а мне-то уж точно. Пойдем выпьем.

Он взял меня под руку, и мы вместе пошли через холл к кабинету.

В приемной Кирби сказал сидевшей там девушке:

— Если будут звонить, меня нет ни для кого.— И ввел меня в кабинет.

Чуть ли не силой усадив меня в стоявшее в углу глубокое мягкое кресло, он подошел к небольшому бару, расположенному под окном.

— Что ты предпочитаешь, Чарли?

— Если есть, то немного шотландского.

Он вернулся с двумя стаканами, вручил один мне и уселся напротив.

— Ну, теперь можно и поговорить. Но сперва хлебни глоток. Знаешь, все эти годы я вроде как ждал твоего появления. То есть не то чтобы ждал, когда ты появишься, а просто было интересно, появишься или нет.

— Боялся моего появления.

— Ну, может, и не без того, но не очень. Разумеется, я несколько смущен, но...

Он оборвал фразу на полуслове. Я отхлебнул шотландского и напомнил:

— Я спрашивал о Мэри.

— Она не появится,— покачал он головой.— Отправилась в противоположном направлении.

— Ты имеешь в виду — в прошлое?

— Точно. Поговорим о ней чуть позже.

— Я смотрю, конструкция пропала. Я заглушил ее?

— Заглушил.

— Я все думал, может Леонард или Старик Пратер...

Он пожал плечами:

— Леонард — вряд ли. Не тот случай. А Старик Пратер... Ну, видишь ли, Пратер этим никогда не занимался. Он вообще никогда ничем не занимался, всегда держался в сторонке. Он оставался только наблюдателем — таков был стиль его жизни; в этом и заключалась его функция. В его распоряжении были люди, выполнявшие его...

— Понял,— перебил я.— Значит, вы его уволокли. Где он теперь?

— Он? Ты имеешь в виду двигатель?

— Вот именно.

— В данный момент в корпусе астрофизики.

— Я что-то не припоминаю...

— Просто он новый. Это первый новый корпус в учебном городке за последние пятьдесят лет. Да еще космодром.

Я приподнялся в кресле, затем снова сел.

— Космодром?..

— Чарли, мы побывали в системе Центавра и на 61-й Лебедя.

— Кто — мы?

— Именно мы. Институт Енотова Ручья.

— Значит, он работает?

— Как зверь.

— Звезды...— произнес я.— Боже мой, мы достигли звезд! Знаешь, когда мы встретились той ночью на холме... В ту ночь я готов был кричать звездам, что мы идем им навстречу. И что же вы там нашли?

— В Центавре — ничего. Там просто три звезды. Это, конечно, любопытно, но планет нет, даже в виде обломков: планетная система так и не сформировалась. В Лебеде планеты есть, целых двенадцать штук, но приземлиться некуда: одни являются метановыми гигантами, на других еще не закончился процесс формирования коры, а одна так близко от своего солнца, что там лишь зола да пепел.

— Значит, другие планеты все-таки существуют.

— Да, миллионы, миллиарды солнечных систем. По крайней мере, мы так считаем.

— Ты все время говоришь «мы». А как насчет остальных? Что думает правительство?

— Чарли, ты не понял — этим открытием владеем только мы, и больше никто.

— Но...

— Понимаю. Они пытались, но мы ответили «нет». Не забывай, что мы частный институт. Сюда не вложено ни гроша из федеральных денег, или денег штата, или любых других...

— Енотов Ручей,— выдавил я, задохнувшись от такой неожиданной перспективы.— Добрый старый Енотов Ручей, всегда полагавшийся только на самого себя...

— Пришлось разработать систему безопасности,— самодовольно продолжал Кирби.— Весь участок буквально опутан самыми разными сенсорами, детекторами и охраной. Это влетает в копеечку.

— Ты сказал, что двигателя здесь нет. Значит, вы смогли построить другие.

— Без проблем. Мы разобрали его на детали, зарисовали их, измерили и сфотографировали. Зарегистрировали все до последнего миллиметра. Мы можем построить сотни таких двигателей, да только...

— Ну?

— Мы не знаем, как он работает, так и не уловили принцип.

— А Леонард?

— Леонард умер, уже много лет назад. Покончил жизнь самоубийством. Но я не уверен, что даже если бы он был жив...

— Еще одно. Вы не решились бы возиться с двигателем, если бы не нашли способ изолироваться от эффекта времени. Мы со Стариком Пратером потыкались вокруг этой...

— Разум,— кратко ответил Кирби.

— То есть как это — разум?

— Ну, помнишь наш ночной разговор? Я сказал, что создаю...

— Разумную машину! — воскликнул я — Ты это хотел сказать?

— Да, именно это. Искусственный интеллект. В ту ночь я почти завершил работу.

— Значит, Мэри была на верном пути. В тот вечер за обедом она сказала: «Мысль». Телепатическая мысль, нацеленная на двигатель. Видишь ли, вещь должна быть нематериальной. Мы напрочь вывихнули мозги, но так ни к чему и не пришли, хотя догадывались, что какой-нибудь изолятор должен существовать.

И я умолк, ожидая, пока информация как-то уляжется в сознании.

— Правительство наверняка подозревает,— наконец промолвил я,— откуда у вас этот двигатель — из разбившегося космического корабля.

— Да, корабль был, и они заполучили достаточно данных, чтобы в конце концов понять, как он был устроен. Отыскали и немного органической материи — достаточно, чтобы получить отчетливое представление о пассажирах. Правительство, разумеется, подозревает, что был и двигатель, хотя не уверено в этом. А мы не признались в находке. По нашей версии, мы его просто изобрели.

— Но ведь они с самого начала должны были догадаться, что затевается нечто странное,— заметил я.— Хотя бы потому, что мы с Мэри пропали и это надо было как-то объяснить. Не столько из-за меня, сколько из-за Мэри, которая кое-что значила на этом свете.

— Мне стыдно признаться...— Кирби действительно выглядел несколько смущенным.— Мы ничего такого не говорили, но постарались обставить все так, чтобы казалось, будто вы убежали на пару.

— Вот за это Мэри вряд ли сказала бы вам спасибо.

— Что бы там ни было,— заметил он в свое оправдание,— в студенческие годы вы с ней встречались.

— Ты говорил, что Мэри отправилась в прошлое. Откуда вы знаете об этом?

Он немного помолчал, но потом все-таки ответил вопросом на вопрос:

— Помнишь нашу ночную беседу?

— Мы говорили о твоей разумной машине,— кивнул я.

— Не только. Я говорил, что человека по имени Крамден на свете никогда не было, что пожертвования приходили от кого-то другого, но приписывались несуществующему Крамдену.

— И какое это имеет отношение к нашему вопросу?

— Об этом вспоминал Старик Пратер. Он рассказывал мне о вашем споре, закончившемся то ли вытягиванием соломинок, то ли бумажек из шляпы, или чем-то в этом роде. Леонард был против. Говорил, что заглушать двигатель подобным образом большой риск. А Мэри соглашалась, что это риск, и твердила, что любит рисковать.

Он запнулся и взглянул на меня. Я покачал головой.

— Все равно не улавливаю. Какое это имеет значение?

— Ну, позже оказалось, что она настоящий игрок — и притом удачливый при игре ва-банк. Она выиграла на бирже целое состояние. С той поры о ней почти никто не слыхал. Она себя не афишировала.

— Постой-постой! Она интересовалась экономикой. Прослушала несколько курсов и читала какие-то труды. Интересовалась экономикой и музыкой. Меня всегда удивляло, что она избрала именно этот институт...

— Точка в точку. Я и сам часто раздумывал об этом по ночам, и вот оно как обернулось. Ты представляешь, каких дел может натворить человек вроде Мэри да с ее подготовкой, если его забросить на сто лет назад? Ориентируется в экономической структуре, знает, что покупать, когда войти в дело и когда выйти. Конечно, не во всех деталях, а в общем, благодаря знанию истории.

— Это твои предположения или факты?

— Есть и факты, хотя и не очень много. Всего несколько, но их вполне достаточно для квалифицированной оценки.

— Итак, малышка Мэри Холланд залетела в прошлое, сколотила себе состояние, пожертвовала его на Институт Енотова Ручья...

— Более того. Разумеется, был сделан первоначальный взнос, с которого все и началось. А затем, пятнадцать лет назад, почти одновременно с появлением машины времени, пошли дополнительные пожертвования, находившиеся на депозите нью-йоркского банка на протяжении многих лет с распоряжением о выплате в указанное время. Довольно кругленькая сумма. На этот раз было указано и имя пожертвователя: Женевьева Лэнсинг. По тем скудным сведениям, которые мне удалось собрать, это была эксцентричная старуха, великолепная пианистка, никогда не игравшая на публике. А эксцентричной ее считали за то, что в те времена, когда никто об этом даже не задумывался, она была твердо убеждена, что в один прекрасный день люди полетят к звездам.

Я промолчал, он тоже не вымолвил больше ни слова, а лишь тихо встал, извлек из бара бутылку и снова наполнил стаканы.

Наконец я заерзал.

— Она знала. Знала, что на постройку космического корабля и космодрома потребуются дополнительные вложения.

— На это они и пошли. И назвали корабль «Женевьева Лэнсинг». Мне ужасно хотелось назвать его «Мэри Холланд», но я не осмелился.

Я допил виски и поставил стакан на стол.

— Вот что, Кирби. Ты не мог бы принять меня на денек-другой? Мне надо как-то освоиться. Боюсь, что сразу мне будет не по себе.

— Мы в любом случае не сможем тебя отпустить. Нельзя допустить, чтобы ты вернулся. Не забывай, вы с Мэри Холланд удрали пятнадцать лет назад.

— Но не могу же я вечно торчать здесь! Если ты считаешь, что так нужно, я возьму другое имя. Думаю, что спустя столько лет меня никто не узнает.

— Чарли, тебе не придется просто торчать здесь. У нас есть для тебя работа. Быть может, из всех живущих на свете эту работу можешь выполнить только ты.

— Не представляю...

— Я же говорил, что мы можем строить двигатели времени. Мы можем использовать их, чтобы путешествовать к звездам, но не знаем принципа их работы. Мириться с этим нельзя. Работа выполнена меньше чем наполовину. Все только начинается.

Я медленно встал.

— Значит, все-таки теперь Енотов Ручей и я навеки неразлучны.

Он протянул мне руку:

— Чарли, мы рады, что ты нашел свой дом.

Пока мы трясли друг другу руки, я вдруг понял, что вовсе не обязан всю жизнь торчать в Енотовом Ручье: когда-нибудь я отправлюсь к звездам.

Не пойму, зачем я излагаю это на бумаге. Я профессор геологии, и для такого ученого сухаря мое занятие должно являть собой верх бессмысленности, пустую трату ценного времени, которое стоило бы провести в работе над давно задуманным, но часто откладываемым в долгий ящик трудом о докембрии. Кстати сказать, ради этого мне и дали полугодичный академический отпуск, болезненно сказавшийся на моем банковском счете. Будь я писателем, я мог выдать свою повесть за плод фантазии — но зато получил бы шанс предъявить ее вниманию публики. Или хотя бы, не будь я черствым и бездушным профессором колледжа, можно было выдать эти записки за отчет о реальных событиях (собственно говоря, так оно и есть на самом деле) и отправить их в какой-нибудь из так называемых информационных журналов, заинтересованных лишь в голой сенсации и делающих упор на поиски затерянных сокровищ, летающие тарелки и прочее,— и опять-таки с изрядной вероятностью, что рукопись увидит свет и хотя бы самые тупоголовые читатели примут мой рассказ на веру. Но солидному профессору не пристало писать для подобных изданий, и если я отступлю от этого правила, то смогу в полной мере испытать осуждение академической общественности. Разумеется, можно прибегнуть к различным уловкам; к примеру, публиковаться под вымышленным именем и менять имена персонажей — но если бы даже эта идея не отталкивала меня (а это имеет место), толку все равно было бы мало: слишком многие знают эту историю хотя бы частично — следовательно, легко могут вычислить и меня.

Несмотря на вышеперечисленные аргументы, я полагаю, что все-таки обязан изложить случившееся. Белый лист, испи-

© Перевод А. Филонова.

санный моими закорючками, может в какой-то степени сыграть роль исповедника и снять с моей души груз не разделенного ни с кем знания. А не исключено, что я подсознательно надеюсь при более или менее последовательном изложении событий наткнуться на то, мимо чего прошел прежде, а заодно отыскать оправдание своим действиям. Читателям этих строк (хотя таковые вряд ли найдутся) следует сразу же уяснить себе, что я практически не понимаю побудительных мотивов, толкающих меня на осуществление этой глупой затеи. И тем не менее, если я собираюсь когда-нибудь дописать книгу о докембрии, придется сперва все-таки дописать этот отчет. Пусть призрак будущего пребывает в покое, пока я блуждаю в прошлом.

Никак не могу решить, с чего начать. Я осознаю, что мои статьи в академических журналах никоим образом не годятся в качестве образца, но, насколько я понимаю, любая литературная работа должна хоть в какой-то степени подчиняться логике, а значит, изложение следует вести по порядку. Так что, пожалуй, лучше всего начать с медведей.

Это лето выдалось для медведей нелегким. Ягода не уродилась, а желуди не созреют до самой осени. Медведи ищут съедобные корни, в поисках личинок, муравьев и прочих насекомых роются в трухлявых колодах, трудолюбиво и с отчаянием откапывают какую-нибудь ничтожную мышку или суслика или без особого успеха пытаются добыть в ручье форель. Некоторые, подгоняемые голодом, перебрались из лесов поближе к человеческому жилью или рыщут в окрестностях санаториев, по ночам выходя из логова, чтобы совершить набег на мусорные контейнеры. Это вызвало большой переполох. Двери и окна на ночь запирают, задвигают засовами и закрывают ставнями. Мужчины старательно начищают и смазывают оружие. Не обошлось, разумеется, и без стрельбы, жертвами которой пали тощий мишка, бродячий пес и корова. Отдел фауны Государственного департамента по делам заповедников издал столь характерный для закоренелой бюрократии тяжеловесный и многословный циркуляр, в котором рекомендуется медведей не трогать, так как они голодны, а следовательно, раздражены и могут представлять опасность.

Через день-другой после выхода циркуляра смерть Стефана подтвердила правильность этих рекомендаций. Стефан был сторожем Вигвама — охотничьего домика среди холмов, всего

в полумиле от нашей хижины. Мы с Невиллом Пайпером выстроили ее не меньше двенадцати лет назад, приезжая сюда из университета и работая по выходным, так что, несмотря на ее скромные габариты, на строительство ушло два года.

Будь я мастером пера — тут же углубился бы в детали строительства, а заодно попутно приплел бы все необходимые сведения. Но статьи по геологии, предназначенные для ученых журналов, не приучают к изяществу стиля, так что подобные выкрутасы с моей стороны будут выглядеть неуклюже и тяжеловесно. Будет лучше, если я не стану путаться, прервусь на этом и сообщу все, что знаю о Вигваме.

Собственно говоря, ни мне, ни другим почти ничего о нем не известно. К примеру, Дора уже не первый год испытывает глубокое негодование по отношению к редким посетителям Вигвама только за то, что не может ничего о них выведать. Надо сказать, что Дора заправляет Торговым Постом (не правда ли, неожиданное название для старомодного универсального магазинчика, стоящего у развилки дорог по пути из долины в холмы?). О приезжих она знает наверняка только то, что они приезжают из Чикаго, хотя всякий раз ухитряются миновать Торговый Пост как-то незаметно. Дора знает почти всех летних обитателей холмов; по-моему, она с годами привыкла считать их собственной семьей, знает их по именам, знает, где и на что они живут, плюс еще кое-какая причитающаяся сюда любопытная информация. Например, ей известно, что я уже не первый год пытаюсь написать книгу, и она прекрасно осведомлена, что Невилл не только прославился как знаменитый специалист по истории Древней Греции, но и широко известен в роли фотографа-пейзажиста. Она ухитрилась раздобыть три или четыре альбома размером с журнальный столик, в которых использованы снимки Невилла, и показывает их всем посетителям, наперечет знает все награды, присужденные ему за серию фоторабот об астрах. Ей известно о его разводе, о повторной женитьбе, оказавшейся ничуть не более удачной, чем первая. И хотя ее познания не грешат чрезмерной точностью, зато в обилии деталей им не откажешь. Дора осведомлена, что я ни разу не женился, и попеременно то подвергает меня гневной и сокрушительной критике, то проникается ко мне сочувствием. Так и не пойму, что же бесит меня больше — ее гнев или ее сочувствие. В конце концов, нечего совать всюду свой нос, но она ухитряется быть любой дыре затычкой.

Если говорить о техническом прогрессе, то здешние холмы сильно отстали. Нет ни электричества, ни газа, нет даже почты и телефона, так что роль последних выполняет Торговый Пост. Эта роль да еще бакалея и прочие мелкие товары превратили его в своеобразный пуп земли для летних жителей. Если вы намерены прожить здесь хоть какое-то время, то без почты не обойтись; что до телефона — то ближайший находится в Торговом Посту. Разумеется, это не очень удобно, но большинство приезжих не придает этому значения, ведь они оказались здесь именно в поисках убежища от внешнего мира. Многие живут не дальше нескольких сотен миль отсюда, хотя некоторые приезжают с самого Восточного побережья. Как правило, эти гости летят до Чикаго, пересаживаются на «Стремительную Гусыню» до Сосновой Излучины, милях в тридцати от холмов, а остаток пути одолевают на прокатных автомобилях. «Стремительная Гусыня» принадлежит «Северным авиалиниям», местной компании, обслуживающей небольшие городки на пространстве четырех штатов. Техника у них древняя, зато на компанию можно положиться: самолеты, как правило, поспевают к сроку, а процент аварийности на этой трассе — самый низкий на Земле. Для пассажира есть лишь один риск: если над какой-нибудь посадочной площадкой окажутся скверные погодные условия, пилот даже не станет пытаться приземлиться; он просто пропустит этот пункт назначения. На посадочных полосах нет ни иллюминации, ни радиовышек, так что в случае бури или тумана пилот предпочитает не испытывать судьбу; быть может, именно этим и объясняется низкая аварийность. О «Стремительной Гусыне» ходит множество добродушных анекдотов, по большей части не имеющих под собой реальной почвы. Например, в Сосновой Излучине никому ни разу не приходилось прогонять оленя с посадочной полосы, чтобы самолет мог сесть. Лично я за эти годы проникся к «Стремительной Гусыне» глубокими чувствами — не за доставку, ведь я ни разу не летал на ней, а за строгую регулярность полетов над нашей хижиной. Скажем, когда я во время рыбалки слышу приближающийся звук мотора, то опускаю удочку и наблюдаю за ее пролетом, так что со временем привык поджидать ее появления, будто боя часов.

Я вижу, что меня занесло не туда — ведь я собирался рассказать о Вигваме.

Вигвам назвали так за то, что из всех летних резиденций среди холмов он оказался самым большим или, во всяком случае, самым претенциозным. Кроме того, как выяснилось, и появился раньше всех. О Вигваме рассказал мне Хемфри Хаймор, а не Дора. Хемфри — кряжистый старик, гордо носящий звание неофициального летописца округа Лесорубов. На жизнь он кое-как зарабатывает малярными и обойными работами, но первым и основным занятием для него остается история. Он докучает Невиллу при каждом удобном случае и жутко огорчается, что Невилл не в состоянии проявить хоть какое-нибудь любопытство к истории чисто местного масштаба.

Хемфри рассказал мне, что Вигвам был выстроен чуть более сорока лет назад, задолго до того, как у остальных проснулся интерес к здешним холмам и желающие выстроить летнюю резиденцию хлынули сюда. Тогдашние жители этих мест сочли строителя Вигвама слегка чокнутым: здесь не было ничего достойного внимания, кроме нескольких ручьев с форелью да какой-никакой охоты на тетеревов — впрочем, иной год и последних было совсем мало. Сюда очень далеко добираться, а земля, разумеется, бросовая — рельеф чересчур не подходящий для пашни, лес так густ, что пастбище тоже не получится, а порубка невыгодна из-за трудностей с вывозом древесины. Так что владеть здешней землей — все равно что платить налоги за пустое место.

И тут появляется безумец, готовый выложить кучу денег не только за возведение Вигвама, но и за постройку пятимильной трассы, ведущей к нему через эти кошмарные холмы. Далее Хемфри, несколько раз при удобном случае излагавший мне эту историю, не забывал упомянуть о самом возмутительном для летописца обстоятельстве — никто так и не узнал имени безумца. Насколько известно, он ни разу не появился здесь во время строительства. Все работы выполнялись подрядчиками, а связь с ними осуществлялась по почте какой-то адвокатской конторой. Хемфри считает, что контора эта находится в Чикаго, но и тут у него уверенности нет. Неизвестно и то, навещал ли владелец Вигвам хоть однажды; посетители появляются там время от времени, но никто ни разу не видел ни их приезда, ни отъезда. Они не приходят на Торговый Пост ни за покупками, ни за почтой, ни для телефонных переговоров. Закупку всего необходимого и прочую работу по дому делал Стефан. Он вроде бы исполнял обязанности сторожа, хотя и

это остается под вопросом. Звали его Стефан, и точка — никакой фамилии, просто Стефан.

— Будто он чего скрывает,— говаривал Хемфри.— Сам ничего не скажет, а задашь вопрос напрямик — вечно выкрутится и уйдет от ответа. Обычно, когда спросишь, человек называет свою фамилию, а Стефан — ни в коем случае.

Во время нечастых вылазок из Вигвама Стефан пользовался «кадиллаком».

— Большинство мужчин охотно говорят о своих автомобилях,— отмечал Хемфри,— а «кадиллаки» нечасто попадаются в этих краях, так что многие интересовались, задавали вопросы.

Но Стефан не желал говорить даже о «кадиллаке». Словом, для Доры и Хемфри этот человек был сплошной головной болью.

Хемфри рассказывал, что на постройку дороги до Вигвама ушло несколько месяцев, при этом он пояснял, что сам в это время находился в другой части округа и не придавал Вигваму особого значения, Однако несколько лет спустя поговорил с сыном подрядчика, строившего дорогу. Сначала ее сделали для грузовиков, доставлявших стройматериалы, но к концу строительства колеса машин совсем разбили ее, так что был выдан еще один подряд на приведение дороги в первоклассный вид.

— Наверное, хорошая дорога понадобилась для «кадиллака», у них с самого начала был «кадиллак». Не этот, конечно; я даже не знаю, сколько их тут переменилось.

У Хемфри всегда имеется история про запас, его буквально распирает от желания что-нибудь рассказать, от какой-то патологической жажды общения, и повторы его нимало не смущают. В основном списке у него две любимые темы: во-первых, разумеется, загадка Вигвама — если таковая имеется; сам Хемфри убежден, что да. А во-вторых — затерянный рудник. Если он существует, то руда наверняка свинцовая — в этом районе множество месторождений свинца, но Хемфри нипочем этого не признает; в его устах свинец обращается в чистое золото.

Насколько я понимаю, байка о затерянном руднике пошла задолго до того, как Хемфри проведал о ней и принял в свой арсенал. Появление подобной истории отнюдь не удивительно; трудно найти такую местность, где не ходили бы легенды о хотя бы одном затерянном руднике или несметном сокровище. Это всего лишь безобидные местные сказки, порой довольно

симпатичные, но люди, как правило, в глубине души осознают, что это выдумка, и не очень-то им доверяют. Однако Хемфри принял все за чистую монету и начал неутомимо выискивать какие-нибудь следы и намеки, взахлеб посвящая каждого подвернувшегося слушателя в результаты своих изысканий.

В то июльское утро, когда все и началось, я как раз подъехал к Торговому Посту, чтобы купить немного бекона и захватить почту. Невилл собирался на вылазку, чтобы я наконец смог засесть за рукопись, но в этот день после нескольких суток дождливой погоды выглянуло солнце, а надо сказать, Невилл все это время чуть ли не заклинал небо ради нескольких часов ясной погоды, чтобы отснять цветущую полянку розовых венериных башмачков невдалеке от ведущего к Вигваму моста. Он уже провел там дня три под дождем, слоняясь с фотоаппаратом вокруг полянки, в результате чего вымок до нитки, зато принес снимки. Снимки получились, как всегда, великолепные — но при свете солнца результат был бы еще лучше.

Когда я уходил, вся его аппаратура была разложена на кухонном столе, а ее владелец решал, что взять с собой. В вопросах выбора аппаратуры Невилл очень привередлив — впрочем, как и большинство заинтересованных в своем деле фотографов. У него скопилось немыслимое количество различных приспособлений, и, как я понимаю, каждый предмет служит для своих специфических целей. По-моему, выдающимся фотографом его сделали именно взыскательность и богатая коллекция аппаратуры.

Приехав в Торговый Пост, я застал там Хемфри, сидевшего в одиночестве на одном из стульев, выстроенных в кружок вокруг установленной в центре торгового зала холодной печурки. По его виду сразу можно было заключить, что наш летописец поджидает очередную жертву, и у меня не хватило духу его разочаровать. Купив бекон и захватив почту, я подошел и сел рядом.

— По-моему, я говорил вам,— не теряя времени на пустую болтовню, перешел он прямо к сути дела,— о затерянном руднике.

— Да, мы беседовали о нем несколько раз.

— Значит, вы припоминаете главную нить — что его вроде бы открыли двое дезертиров из форта Кроуфорд, скрывавшихся среди холмов. Случиться это должно было в 1830-х или

около того. Как следует далее, рудник был открыт в пещере — то есть была пещера, а в пещере — выход рудной жилы. Как я понял, очень богатой.

— Чего я не могу взять в толк — если даже они и нашли жилу, то зачем взялись ее разрабатывать. Ведь там свинец, не так ли?

— Так,— неохотно признал Хемфри.— Наверное, свинец.

— Теперь рассмотрим сопряженные с его добычей проблемы. Я полагаю, руду надо было плавить, отливать в чушки, затем вывозить чушки на вьючных животных — и все это под угрозой попасться на глаза армии.

— Пожалуй, вы правы, но в находке рудника есть что-то волшебное. Вы только подумайте, как увлекательно отыскать сокровища недр! Даже если и нельзя их добыть...

— Ладно, вы изложили свою точку зрения, и я готов ее принять.

— Ну, тем более что они толком ничего и не добывали. Начали было, но потом что-то случилось, и они свернули дело. Скрылись и больше не показывались. Вроде бы перед этим они сказали кому-то: рубили, мол, деревья, чтобы перекрыть устье пещеры, а бревна забросали землей. Как вы понимаете, чтобы спрятать ее от посторонних глаз — должно быть, рассчитывали когда-нибудь вернуться и начать разработку. Я часто гадаю: если оно действительно так — отчего же они не вернулись? Знаете, Эндрю, по-моему, теперь у меня есть ответ. И не только ответ, а первое по-настоящему серьезное доказательство, что это не выдумка. Более того: пожалуй, я даже могу установить личность не известного доныне человека, пустившего гулять по свету эту историю.

— Что, появились новые сведения?

— Да, и по чистой случайности. Люди знают, что я интересуюсь здешней историей, и часто приносят мне свои находки — письма, к примеру, или вырезки из старых газет и все такое, сами понимаете.

Я кивнул — мол, в самом деле. Его рассказ заинтриговал меня, но Хемфри все равно продолжал бы и заставил меня выслушать все до конца, даже если бы я отбивался обеими руками.

— Позавчера человек из западной части округа принес мне дневник, который нашел в старом сундуке на чердаке. Дом строил еще его дед, лет сто с лишком назад, и с той поры

там проживало только их семейство. Человек, принесший дневник — нынешний владелец участка. Судя по всему, дневник вел его прадед, отец основавшего ферму человека. Этот прадед в молодости несколько лет держал Торговый Пост у Кикапу, торгуя с сауками и фоксами, все еще населявшими тот район. Дело шло ни шатко ни валко, но на жизнь ему хватало, да и промысел выручал. Дневник охватывает период с 1828 года по 1831-й, то есть около трех лет. Отмечен каждый день — хоть строчкой, да отмечен. А порой его автор исписывал по несколько страниц, обобщая события последних недель, которые прежде обозначил лишь мимоходом, а то и вовсе опустил...

— Но рудник-то он упомянул? — спросил я, начиная терять терпение. Если Хемфри не столкнуть с накатанной колеи, он может проговорить весь день.

— Ближе к концу. По-моему, в августе тридцать первого, точно не помню. Однажды вечером на Пост в поисках ужина и ночлега забрели двое мужчин — я так понимаю, дезертиры. Наш летописец уже успел соскучиться по белым людям, и я заключаю, что ночь они провели за выпивкой. Гости не были настроены молоть языком, но чуток перебрали и разговорились. Разумеется, они не сказали, так, мол, и так, мы дезертиры — но незадолго перед тем командование форта обратилось к владельцу Поста с просьбой высматривать их, так что он и сам обо всем догадался. Впрочем, с военными он был не в ладах, помогать властям не собирался, и дезертиры могли бы спокойно во всем сознаться; вместо того они рассказали о руднике, и вполне достаточно, чтобы понять — пещера где-то неподалеку. Та часть их рассказа, в которой говорится о том, как они бревнами загораживали вход в пещеру, дошла до нас практически в неискаженном виде.

Зато другая часть рассказа забылась — причина их бегства. В пещере скрывалось что-то страшное, заставившее их обратиться в бегство. Они даже не стали приближаться, чтобы выяснить, что же там такое. Эта штуковина тикала — лежала там и тикала, но не равномерно, как часы, а вроде как случайно,— рассказывали дезертиры,— будто пыталась заговорить с ними. То ли предупреждала, то ли угрожала. Должно быть, это было жутковато, и они вылетели из пещеры как ошпаренные, но, оказавшись под открытым небом, немного пришли в себя и застыдились своей пугливости, так что двинулись обратно. Стоило им ступить в пещеру, как эта штука снова затика-

ла — и это довершило дело. Не следует забывать, что случилось это более века назад, когда люди были куда более суеверными, нежели нынешние, и сверхъестественные явления страшили их намного больше. Мне вспоминается утонченный ирландский джентльмен, проживавший неподалеку от фермы моего отца. Когда ему было уже за семьдесят, я был еще ребенком, так что историю о кладбищенском призраке слышал не из его уст — позднее ее неоднократно пересказывал мой отец. Однажды ночью наш сосед проезжал на своей любимой повозке мимо кладбища, находившегося всего в нескольких милях от его дома, и вдруг увидел что-то вроде призрака в белом саване. С той поры, если ночь застигала его на пути домой, то, проезжая мимо кладбища, он нахлестывал лошадь что есть сил, чтобы миновать его на полном скаку.

— Значит, услышав тиканье во второй раз, дезертиры решили бросить рудник? — решил я повернуть его поближе к теме.

— Ну да, вроде бы — дневник довольно путаный. Сами понимаете, его автора великим писателем не назовешь. Синтаксис оставляет желать лучшего, а уж правописание так хромает, что требует изрядных способностей к расшифровке. Во всяком случае, похоже, что второй раз оказался решающим. Странно другое — раз уж они были так напуганы, то почему угробили столько времени на маскировку входа в пещеру?

Тут грохнула дверь, и я оглянулся — это был Невилл, остановившийся на пороге. В его спокойной позе не было ничего необычного, если не считать некоторой скованности.

— Дора,— обратился он к владелице магазина,— будьте добры, наберите номер шерифа.

— Шерифа?! — привстал я.— Зачем тебе шериф?

Но он не ответил, продолжая говорить с Дорой:

— Скажите ему, что Стефан из Вигвама мертв. Похоже, погиб от лапы медведя. Лежит у моста по эту сторону Вигвама. У моста через Оленебойный ручей.

На этот раз подскочил Хемфри:

— А он точно мертв?

— Почти наверняка. Конечно, я его не трогал, но горло у него разодрано, да и шея вроде бы сломана, а вокруг медвежьи следы. Земля у ручья после дождей совсем мягкая, и следы очень отчетливы.— Невилл повернулся к накручивающей диск

Доре.— Пойду обратно. По-моему, не стоит оставлять его без присмотра.

— Медведь уже не вернется,— заметил Хемфри.— Он, несомненно, оголодал, но раз уж не съел сразу...

— И тем не менее я возвращаюсь. Не по-человечески оставлять его там дольше, чем требуется. Ты не хочешь ко мне присоединиться, Энди?

— Разумеется.

— Я подожду шерифа,— решил Хемфри.— Когда он подъедет, я остановлю его машину и прибуду вместе с ним.

Мы с Невиллом опередили шерифа на полчаса. Оставив машины у обочины, пешком спустились к мосту и увидели Стефана, лежавшего всего в нескольких ярдах от ручья.

— Давай-ка сядем здесь,— предложил Невилл.— Все равно мы ничего не сделаем, так и нечего затаптывать следы. В общем-то и так ясно, что произошло, но шериф вряд ли будет доволен, если мы тут натопчем.

Отыскав пару подходящих валунов, мы сели. Невилл глянул на небо — оно опять затягивалось тучами.

— Плакали мои снимки. А эти цветы продержатся еще лишь денек-другой. Кроме того...— Тут он прикусил язык, будто собирался мне что-то рассказать, но на полпути раздумал.

Я не стал ничего спрашивать. Быть может, одна из причин нашей давней дружбы — умение не задавать лишних вопросов. Вместо того я сказал:

— В омуте под мостом водится отличная форель. На днях займусь ею. Перед приездом мне удалось раздобыть несколько новых мушек для нахлыста — может, сработают.

— Мне надо в университет,— невпопад сообщил Невилл.— Если смогу, уеду вечером. В крайнем случае, завтра утром.

— Ты же собирался остаться на неделю-другую,— удивился я.

— Обстоятельства изменились,— кратко пояснил он.

До приезда шерифа мы болтали о пустяках. Глядя на тело Стефана у ручья, я вдруг заметил, что он стал как-то мельче, чем мне казалось при его жизни. Стефан лежал навзничь, и по его лицу ползали насекомые. Горла с нашего места было не видно, но листья и лесной суглинок покрывали алые брызги еще не успевшей свернуться и потемнеть крови. Я попытался

разглядеть медвежьи следы, о которых упоминал Невилл, но до тела было слишком далеко.

Шериф оказался добродушным полнеющим здоровяком. По виду он напоминал типичного провинциального шерифа из какого-нибудь телесериала, но вел себя совершенно не так. Речь его была негромкой и ненавязчивой. Шериф неуклюже спустился к берегу, а за ним следовал Хемфри.

— Должно быть, вы мистер Пайпер,— кивнул шериф Невиллу.— По-моему, мы уже встречались несколько лет назад. А вы мистер Торнтон. Вот с вами мы, кажется, незнакомы. Насколько мне известно, вы геолог.

Мы пожали друг другу руки, потом он опять обратился к Невиллу:

— Вы просили Дору позвонить. Она сказала, что это вы нашли тело.

— Я отправился фотографировать цветы,— пояснил тот,— и по пути наткнулся на него. Было совершенно очевидно, что он мертв, и я ни к чему не прикасался. Вокруг масса медвежьих следов.

— «Скорая» подъедет с минуты на минуту,— сказал шериф.— Пойдемте поглядим.

И мы спустились, хотя смотреть там было не на что. Зрелище, конечно, было ужасное, но с уходом жизни тело будто съежилось и стало таким маленьким и незначительным, что почти не шокировало. Пышная зелень берез и сосен, лепет ручья и торжественное молчание леса уравновешивали факт человеческой смерти и сводили его значение к минимуму.

— Ладно,— заметил шериф,— пожалуй, стоит его осмотреть. Терпеть этого не могу, но ничего не поделаешь — работа есть работа.

Склонившись над телом, он приступил к обыску. Обшарив карманы пиджака и рубашки, приподнял труп, чтобы добраться до задних карманов брюк, но так ничего и не нашел.

— Ну и дела.— Он выпрямился и озадаченно обвел нас взглядом.— Ничегошеньки. Ни бумажника, ни документов, даже складного ножа нет. Большинство мужчин носят складные ножи. Такое в моей практике впервые. Даже у вонючего старого бродяги, испустившего дух в каком-нибудь грязном переулке, непременно есть что-нибудь при себе — старое письмо, поблекшее измятое фото в память о прошлом, какая-нибудь бечевочка, шнурок, нож — ну хоть что-то! А тут ничего, ни

клочка мусора.— Он покачал головой.— Как-то в голове не укладывается — ведь не может же быть, чтобы у человека не было абсолютно ничего! — Тут шериф перевел взгляд на Невилла.— А вы не прошлись у него по карманам, а? Да нет, конечно же, нет. Сам не знаю, зачем спросил.

— Вы правы,— кивнул Невилл.— Я его не трогал.

Мы вернулись на дорогу, и тут наш блюститель законности и правопорядка сыграл с Хемфри скверную шутку. Пожалуй, он поступил справедливо, ведь тот вертелся здесь не по праву.

— *По-моему, надо заглянуть в Вигвам,— предложил шериф.*

— Сомневаюсь, что там кто-то есть,— возразил я.— Последние пару дней никто не показывался, даже Стефан.

— Во всяком случае, заглянуть надо — просто на случай, если там окажется кто-нибудь. Я полагаю, Хемфри согласен задержаться здесь и указать дорогу «Скорой».

Естественно, Хемфри был несогласен, но возразить не смел. Надо же, такой шанс заглянуть в Вигвам, а то и попасть внутрь — и его сбрасывают со счетов! Надо отдать ему должное — из затруднительного положения Хемфри вышел с определенной долей изящества, любезно пообещав дождаться «Скорой».

Вигвам приметен своей массивностью даже издалека, хотя и наполовину скрыт деревьями и зеленой изгородью,— но истинные его размеры можно осознать, только въехав на дорожку, ведущую к стоящему особняком гаражу с «кадиллаком». Дело в том, что холм, к склону которого приткнулся дом, возвышаясь над ним, своей величиной как бы подавляет Вигвам, и лишь при взгляде с дорожки становится ясно, насколько Вигвам велик.

Когда мы подъехали к дому и остановились, шериф выбрался из своей машины и сказал:

— Самое смешное, что за все это время я здесь впервые.

Мне пришло в голову то же самое. Время от времени, проезжая мимо и видя Стефана, я жестом приветствовал его, но ни разу не остановился. Иногда и Стефан махал рукой мне в ответ, но нечасто.

Дверь гаража была распахнута, и «кадиллак» стоял на своем месте. Сам гараж выглядел как-то странно, но я никак не мог понять, в чем дело, пока внезапно не осознал, что, помимо машины, там ничего нет. Этот гараж избег участи большин-

ства гаражей, быстро превращающихся в склады ненужных вещей.

От дорожки к дому вели выложенные из плит ступени. Перед террасой располагалась узкая полоска ровной земли. Газон украшали пляжные зонты веселых расцветок, выглядевшие притом довольно уныло: их изодранное ветром полотно давно выгорело на солнце, утратив первоначальный цвет.

Никто не показывался. Более того, отовсюду здесь веяло запустением. Ощущение было такое, будто никто не жил здесь с самого момента постройки, будто все сорок лет дом простоял пустой, понемногу ветшая от времени и непогоды, не дав приюта ни одной живой душе. Не понимая, что со мной происходит, я все-таки не мог отделаться от этих странных мыслей, наверняка зная, что заблуждаюсь — ведь Стефан проводил тут немало времени, а порой наезжали и гости.

— Ну,— решил шериф,— по-моему, пора подойти к двери и узнать, есть ли кто дома.

В голосе его прозвучала неуверенность. Да я и сам чувствовал себя здесь неуверенно, будто нежеланный гость, заявившийся на званый обед, где все приглашенные наперечет. Многие годы неведомые обитатели этого дома трепетно берегли свое право на одиночество — и вдруг врываемся мы, бесцеремонно нарушаем их драгоценное уединение да вдобавок выставляем в качестве повода недавнюю трагедию.

Шериф протопал по ступеням, остановился перед дверью и постучал. Не дождавшись ответа, начал колотить кулаком — по-моему, чисто рефлекторно; он не хуже моего чувствовал, что тут ни единой души. Не добившись успеха и на этом этапе, большим пальцем нажал на ручку двери, и та легко распахнулась.

— Эй, есть кто живой? — просунувшись в двери, позвал шериф и тут же, не дожидаясь ответа, вошел.

За дверью находилась большая комната. Можно было бы назвать ее гостиной, да только таких больших гостиных я не видел ни разу в жизни. Пожалуй, назову ее салоном — это слово подходит лучше. Обращенные к дороге окна были задернуты плотными шторами, и в комнате царил полумрак. Повсюду в беспорядке стояли стулья и кресла, а у стены напротив окон высился чудовищный камин. Но все это промелькнуло у меня где-то на периферии сознания, ибо мое внимание сразу же поглотил странный объект, стоявший в самом центре салона.

Шериф неторопливо подался вперед, шаркая ногами, и проворчал:

— А это еще что за чертовщина?

Под этим изящным определением выступал прозрачный куб, установленный на платформе примерно в футе от пола. На месте его удерживала рама, вроде бы металлическая. Внутри куба без всякой поддержки располагались зеленые ленточки наподобие тех, которыми размечают границы футбольного поля. Ленты всевозможной длины — от очень коротких до очень длинных — пересекались под разными углами, некоторые даже извивались зигзагами. А среди них были беспорядочно разбросаны светящиеся синие и красные точки.

Шериф остановился возле куба, пристально глядя внутрь, и негромко спросил:

— Мистер Пайпер, вы хоть раз видели что-либо эдакое?

— Ни разу.

Я присел на корточки и занялся внимательным изучением куба, отыскивая хоть какие-нибудь признаки идущих к светящимся точкам проводов. Никаких проводов не было и в помине. Я потыкал пальцем и ощутил что-то твердое, но не стекло, стекло бы я сразу узнал. Я попробовал в нескольких местах — везде одно и то же.

— Ну и какие выводы, мистер Торнтон? — поинтересовался шериф.

Я не нашел ничего умнее, чем ляпнуть:

— Это не стекло.

Внезапно положение одной из синих точек изменилось, но не плавно, а единым скачком, настолько быстро, что уследить просто невозможно. Только что она была здесь и вдруг оказалась в другом месте, в трех или четырех дюймах от прежнего.

— Ого,— удивился я,— да эта чертовщина работает!

— Наверное, какая-нибудь игра,— неуверенно пробормотал шериф.

— Трудно сказать,— возразил Невилл.— Нет никаких оснований для определенных умозаключений.

— Пожалуй. В общем, курьезная штуковина.— Шериф подошел к окну и начал возиться со шторой.— Впущу немного света.

Я не двинулся с места, продолжая наблюдать за точками, но они больше не двигались.

— Я бы сказал, четыре фута,— подал голос Невилл.

— Что четыре фута?

— Ящик. Куб, четыре на четыре. Каждое ребро — четыре фута.

— Похоже на то,— согласился я.

Шериф наконец раздвинул шторы, и комнату залил дневной свет. Я встал с корточек и огляделся — вид у салона был заброшенный. На полу ковер, повсюду стулья и кресла, диваны и журнальные столики у стен, канделябры с оплывшими свечами, камин; но ни картин на стенах, ни статуэток на каминной доске — вообще никаких мелочей, только мебель.

— Вид такой,— заметил Невилл,— будто переезд так и не закончился.

— Ладно,— сказал шериф,— пора за работу. Давайте поищем хоть какую-нибудь путеводную ниточку: бумаги, квитанции, телефонный справочник — да что угодно! Должны же мы знать, кого уведомить о смерти Стефана.

На обыск всего дома много времени не потребовалось — все остальные комнаты выглядели такими же запущенными, как салон. Только необходимая мебель, и все. Ни бумажки, ни пуговки — ровным счетом ничего.

— Невероятно,— пожал плечами шериф, когда мы вышли на улицу.

— И что теперь? — полюбопытствовал я.

— Узнаю в окружной регистрационной палате имя владельца.

Домой мы вернулись только к полудню. Я собрался жарить яичницу с беконом и уже выложил бекон на сковородку, когда Невилл остановил меня:

— Не суетись. Поедим чуть позже. Мне надо тебе кое-что показать.

Голос его подрагивал от напряжения, и это меня встревожило: за все время нашей дружбы такое случилось впервые.

— Невилл, в чем проблема?

— Вот в этом.— Он сунул руку в карман пиджака, извлек полупрозрачный кубик дюймов четырех высотой и положил его на кухонный стол.— Погляди-ка внимательно и скажи, что ты об этом думаешь.

Я поднял кубик и озадаченно взвесил на ладони: он оказался тяжелее, чем я ожидал.

— Осмотри его,— подсказал Невилл,— загляни внутрь. Поднеси к глазам и загляни, иначе ничего не увидишь.

Вначале я и в самом деле ничего не увидел, но когда поднес кубик к самым глазам, то разглядел в нем что-то вроде сцены древней битвы. Фигурки были крохотные, но выглядели совсем как живые и даже цветом ничуть не отличались от настоящих. Кубик оказался произведением искусства, и тот, кто его изготовил, был истинным мастером своего дела.

Да притом там заключались не только фигурки воинов, но и пейзаж — битва разыгрывается на плоской равнине, вдали виднеется водная гладь, а чуть правее — холмы.

— Великолепно,— восхитился я.— Где взял?

— Великолепно?! И больше тебе сказать нечего?

— Впечатляет, если так тебе более по душе. Но ты не ответил. Где ты это достал?

— Кубик лежал рядом с телом Стефана. Скорее всего, был у него в кармане пиджака, а медведь разодрал карман.

Я протянул кубик Невиллу.

— Непонятно, зачем носить такую вещь при себе.

— Вот именно! Точно так же подумал и я. И выглядит кубик странно — на пластик не похоже, и стекло тут ни при чем. Ты обратил внимание?

— Да. А если вдуматься, то и на ощупь он какой-то не такой. Вроде твердый, но ощущения твердой поверхности под пальцами нет. Как у того большого куба в Вигваме.

— Подумать только,— сказал Невилл,— в тот самый момент, когда я столкнулся с человеческой гибелью, когда перед моим потрясенным взором лежал еще не остывший труп, меня вдруг заинтересовал валявшийся рядом кубик. Все-таки какой неожиданной может оказаться реакция на шок! Должно быть, в таких случаях человек бессознательно переключает внимание на какой-нибудь посторонний предмет, не имеющий прямого отношения к причине шока, но и не совсем далекий от нее. Наверное, таким образом подсознание стремится ослабить воздействие нахлынувших разом чересчур сильных потрясений, способных нарушить рассудок. А если осознание происходит мало-помалу, то человек удерживается в норме. Ну, не знаю, я недостаточно хорошо разбираюсь в психологии, чтобы судить об этом, то есть совсем в ней не разбираюсь. Словом, тут кубик, там Стефан, я гляжу на кубик и мне вопреки логике кажется, что кубик гораздо важнее. Впрочем, это можно понять, ведь Стефан все эти годы оставался для меня скорее объектом, нежели субъектом. Он не успел обзавестись в моих глазах

личностью — просто некто, способный махнуть рукой издали, не проронивший за всю свою жизнь почти ни слова. Мы даже носом к носу ни разу не столкнулись.

Энди, может, это покажется тебе странным, да я и сам чуточку удивлен, потому что до сих пор не разобрался в чувствах, овладевших мною при виде бездыханного тела. Ну, словом, взял я этот кубик — а делать этого все-таки не следовало — и начал вертеть в руках, пытаясь понять, что это за штуковина, и тут заметил, как внутри мелькнуло что-то яркое, поднес к глазам — и увидел то же, что и ты. И с того самого момента для меня не могло быть и речи о возврате кубика на место. Впервые в жизни пережил я такое потрясение. Меня бросило в холодный пот, я затрясся, как осиновый лист...

— Но чего это ради, Невилл? Ну да, это работа мастера, удивительное произведение искусства, но...

— Ты что, не узнаешь?

— Что, картинку в кубике? А с какой это стати я должен ее узнать?

— А с такой, что это фото Марафонской битвы!

Я невольно охнул:

— Фото из Марафона?! Да с чего ты взял? Невилл, ты просто рехнулся.

— Все очень просто — я узнал Марафонскую равнину. Ты разве забыл, что два года назад я провел там три недели на полевых изысканиях? Я там жил, бродил взад-вперед по полю боя, стараясь проникнуться ощущением события, и добился этого. Я пешком прошел всю линию фронта, прошел по пятам удирающих персов. Я пережил эту чертову битву, Энди! Порой, замерев в молчании, я даже различал вопли сражающихся воинов.

— Но ты назвал эту штуку фотографией! Никакая это не фотография. Еще не сделан такой фотоаппарат, чтобы...

— Разумеется, но взгляни-ка сюда.— Он снова вложил кубик мне в руки.— Посмотри еще раз.

Я так и сделал.

— Там что-то не так, как надо. Никакой воды, хотя раньше вдали виднелось какое-то озеро.

— Это не озеро, а Марафонская бухта. А теперь ты видишь или холмы, или дальний лиман. А битва на месте.

— Один холм,— уточнил я,— и притом не очень высокий. Черт побери, что это за штучки?

— А теперь переверни и посмотри еще раз.

— На этот раз вдали болото, что-то вроде заболоченной низинки. И сухое речное русло.

— Это река Харадра, точнее, два ручья. Летом они пересохли, и в сентябре, во время битвы, их русла были сухими. Ты смотришь в ту сторону, куда удирали персы. Посмотри направо — там сосны.

— Похоже.

— Они растут на песчаной полосе между морем и лиманом. Персы вытащили свои корабли на берег, но отсюда их не видно.

Я положил кубик на стол.

— Ну и в чем тут юмор? — Меня начала одолевать злость.— Что ты пытаешься доказать?

— Да говорю же, Энди,— едва ли не с мольбой воскликнул Невилл,— ничего я не пытаюсь доказать! В этом кубике — фотография Марафонской битвы, состоявшейся почти двадцать пять веков назад. Не знаю, кто и как ее сделал, но абсолютно уверен, что это фото. Ты же знаешь, я не люблю поспешных суждений и пока не добьюсь полной уверенности — не говорю. Я изучил фото гораздо пристальнее, чем ты. Когда ты уехал на Торговый Пост, я решил не садиться за руль и пройтись до моста пешком — тут всего с полмили пути. Утро было чудное, не грех и прогуляться. Ну вот, а наткнувшись на Стефана, вынужден был вернуться за машиной. И вот тут, повинюсь, решил чуточку подзадержаться. Понимал, что должен ехать на Торговый Пост, но этот кубик раздразнил мое любопытство. Я догадывался, что это такое, хотя и был не настолько уверен, как теперь. И потом — получасом раньше, получасом позже — для Стефана роли уже не играло. Так что у меня было достаточно времени для изучения фотографии при помощи увеличительного стекла. Погоди-ка,— он порылся в кармане и извлек оттуда лупу,— на, посмотри сам. При увеличении картинка становится яснее, и эти фигурки — не подделка и не ловкая имитация. Это люди из плоти и крови. Посмотри на выражения их лиц. Обрати внимание, какое обилие деталей.

Он не соврал — при увеличении детали проступили гораздо отчетливее. Лица воинов оказались вполне человеческими, их бороды не были ни наклеены, ни нарисованы. У одного из

греческих гоплитов, разинувшего в крике рот, не хватало переднего зуба, а из ссадины на скуле сбегала струйка крови.

— Наверняка где-то существует проектор,— сказал Невилл,— не знаю, как называется этот аппарат на самом деле... Ставишь кубик в него, и сцена воспроизводится в мельчайших подробностях — будто ты вдруг оказался в пылу сражения. Битва в самом разгаре, остановленная в тот навеки застывший миг, когда сделан снимок...

— Таких проекторов не бывает,— возразил я.

— Равно как и фотоаппаратов подобного рода. Эта фотография не только трехмерна, но и сделана со всех сторон. Посмотри с одной стороны — увидишь море, с другой — увидишь лиман. Поверни на триста шестьдесят градусов — и увидишь вокруг себя именно то, что творилось в тот самый краткий миг, когда она сделана.

Я положил кубик и лупу на стол и сказал:

— Послушай, Невилл, ты говорил, что она выпала из кармана Стефана. А теперь ответь, откуда она взялась у него?

— Не знаю, Энди. Сначала надо понять, кто же такой Стефан. Расскажи, что ты о нем знаешь. Расскажи, что знаешь об остальных посетителях Вигвама.

— О Стефане я не знаю ровным счетом ничего. То же касается и остальных. Да и ты осведомлен ничуть не более — как, впрочем, и любой из наших знакомых.

— Ты вспомни, сколько времени потратил шериф, но не нашел ничего — ни портмоне, ни клочка бумажки. А как же можно жить без карточки социального страхования? Пусть у человека нет других документов, удостоверяющих его личность, но...

— Может, он не хотел, чтобы его личность удостоверяли, и потому не носил с собой ничего такого.

— Мне в голову пришло то же самое. А как быть с Вигвамом? Там-то ведь тоже не было никаких документов.

До этого я стоял у стола, но тут я сел.

— Ну, так, может, настала пора выложить наши предположения на сей счет? Если кубик действительно является фотоснимком, то это означает, что некто, обладающий более совершенной техникой, чем мы, отправился в прошлое и сфотографировал битву. Дойти до нас из той эпохи фото не могло — во времена Марафонской битвы даже самая примитивная фотография никому и не снилась. И нашему современнику

снимок в кубике не по плечу. Итак, напрашивается два вывода: имеется возможность путешествий во времени, и путешествие это осуществил некто из будущего, когда развитие техники сделало трехмерную фотографию обычным делом.

— Вот тебе и ответ, Энди,— кивнул Невилл.— Но ни один пребывающий в здравом уме физик и мысли не допустит, что путешествия во времени осуществимы. Да если они и станут в будущем возможны — что путешественникам делать в нашем времени? Тут нет для них ничего привлекательного.

— Здесь у них тайное укрытие,— предположил я.— Сорок лет назад, когда Вигвам строился, в этих холмах было довольно безлюдно.

— Меня вот что приводит в недоумение — запустение в Вигваме. Если бы ты путешествовал во времени, то наверняка привозил бы домой какие-нибудь находки, чтобы украсить ими каминную полку.

— Быть может, это лишь временное убежище, где можно порой переждать денек-другой.

Невилл потянулся за кубиком и увеличительным стеклом.

— И еще одно мне не дает покоя: я должен был отдать находку шерифу.

— Чего это ради? — удивился я.— Он и так в полнейшем недоумении, а это запутало бы его еще больше.

— Но ведь это вещественное доказательство.

— Доказательство чего, черт побери?! Это же не убийство! Причина смерти Стефана совершенно очевидна, в ней нет ничего загадочного, так что и доказывать нечего.

— Значит, ты не станешь винить меня за желание оставить кубик у себя? Я понимаю, что это не моя вещь и прав у меня на нее никаких.

— Если хочешь знать, то у тебя больше прав на этот снимок, чем у всех остальных. Четыре публикации в «Эллинистическом научном вестнике», и все о Марафонской битве...

— Только три. Еще одна касалась доисторической Дунайской магистрали — некоторые найденные там бронзовые изделия имеют отношение к Трое. Порой я даже жалею об этой статье — по-моему, я залез в чужую область.— Он сунул кубик в карман.— Ну, мне пора — хочу попасть в университет до сумерек. В моей картотеке сотни цветных слайдов, сделанных на Марафонской равнине; хочу провести сравнительный анализ, а заодно рассмотреть снимок с бóльшим увеличением,

чем позволяет лупа.— Он помедлил.— Энди, не хочешь составить компанию? Вернемся через несколько дней.

— Надо браться за работу,— покачал я головой.— Если я не напишу эту проклятую книгу и на этот раз, то не напишу ее никогда.

Невилл зашел в свою спальню и вернулся с портфелем.

Остановившись на пороге хижины, я взглядом проводил его удаляющуюся машину. Сегодня Невилл проведет ночь без сна, потому что, едва переступив порог кабинета, набросится на свое марафонское фото. Удивительно, как быстро я привык к мысли, что этот кубик — фотографическое изображение Марафонской битвы. Я не мог не поверить Невиллу. Кому ж еще судить, как не ему,— во всем мире едва сыщется полдюжины таких специалистов по персидской военной кампании 490 года до нашей эры, как Невилл Пайпер. Раз уж он сказал «Марафон» — значит, Марафон, и нечего перечить.

Я вышел на крыльцо и уселся в кресло, глядя на раскинувшиеся со всех сторон холмы. Конечно, мне не следовало сидеть без дела — черновики и недописанные главы уже наполнили не только портфель, но и коробку из-под виски. Часть материала набросана весьма вчерне, но часть нуждается лишь в доработке и окончательной отделке. У меня в запасе целая пачка чистой бумаги, пишущая машинка почищена и смазана, а я сижу на крыльце и глазею в пространство.

Я никак не мог заставить себя сесть за работу: все не выходила из головы участь Стефана и остальное тоже — и его пустые карманы, и кубик, и запустение в Вигваме, где не нашлось ничего, кроме той невероятной конструкции, которую шериф счел своеобразной игрой. Я был совершенно уверен, что это не игра, но, убей меня бог, не сказал бы, что это такое.

И вот я сидел, тупо уставившись в никуда, пытаясь собрать воедино фрагменты этой головоломки. Мне лень было пошевельнуться. Погрузившись в раздумья, я вполуха слушал шелест сосен на ветру, пронзительный стрекот вспугнутого бурундука, визгливые вопли сойки.

А потом до моего слуха донесся еще один звук — отдаленный рокот мотора, с каждой секундой становившийся громче и громче: полуденный рейс «Стремительной Гусыни», направлявшейся на север после остановки в Сосновой Излучине. Я покинул кресло и спустился во двор, ожидая, когда самолет покажется над вершинами деревьев. Самолет наконец показал-

ся, но летел ниже обычного, и я подумал было, что он не в порядке, но, помимо небольшой высоты полета, все выглядело вполне нормально. Самолет просто летел по горизонтали или понемногу набирал высоту, но только под таким углом, что это было незаметно. А затем, когда он уже летел прямо надо мной, произошло что-то необычное — самолет вдруг вошел в крен, завалившись на одно крыло, при этом мне показалось, что он довольно явно содрогнулся. Накренившись, он завихлял из стороны в сторону и вроде бы начал терять высоту, но над самыми вершинами деревьев выправился и снова начал подъем.

Все произошло настолько быстро, что я ничего толком не разглядел, однако у меня сложилось впечатление, что он на что-то наткнулся — хотя на что можно наткнуться в полете? Я где-то читал, что порой авиакатастрофы случаются от столкновения с птичьими стаями, но там было написано, что это почти всегда происходит над взлетно-посадочными полосами. И хотя «Стремительная Гусыня» летела ниже обычного, для птиц она все равно находилась слишком высоко.

Я поглядел вниз, а потом бросил взгляд вверх, уж и не помню почему — наверное, просто так,— и тут же увидел в небе над собой черную точку. Она увеличивалась прямо на глазах: должно быть, какой-то предмет кувырком падал мне на голову. Он выглядел точь-в-точь как чемодан, и я даже подумал, что с самолета вывалился чей-то багаж. Но потом мне пришло в голову, что вышвырнуть чемодан в полете почти невозможно, а если бы открылся багажный люк, то падающих предметов было бы гораздо больше.

Теперь эти рассуждения кажутся нелепостью, но когда я смотрел на кувыркающуюся в воздухе штуковину, то ничего нелепого в них не находил.

В первый момент мне показалось, что она свалится прямо мне на голову, и я даже отступил на пару шагов, но потом разобрал, что точка падения будет находиться ниже по склону.

Эта штуковина рухнула, по пути обломав ветки клена, и бухнулась на землю с глухим звуком. За несколько секунд до падения я все-таки разглядел, что это не багаж. Сразу не разберешь, что именно, но по виду она напоминала седло. Я просто не поверил своим глазам: если уж зашла речь о падающих с неба предметах, то седло будет стоять в списке последним.

Услышав звук падения, я ринулся вниз по склону и там, в сухом овражке у дороги, нашел его. Это действительно оказалось седло, хотя и не похожее ни на одно из виденных мною прежде. Зато стремена и сиденье были на своем месте, а спереди возвышалось что-то вроде луки. Седло чуточку поцарапалось, но почти не пострадало при падении на толстый слой опавшей листвы. В луке — или как ее там — красовалась глубокая вмятина.

Седло оказалось довольно тяжелым, но я кое-как закинул его на плечо и с пыхтением начал карабкаться обратно к хижине. Там я сбросил его на крыльцо и сам повалился сверху, чтобы отдышаться. Придя немного в себя, я осмотрел находку — никакого сомнения, это именно седло. Сиденье просторное и удобное, длина стремян вполне соответствует росту нормального человека. Лука несколько превосходила размер луки обычного седла, особенно в ширину, а на ее плоской макушке виднелось что-то наподобие кнопок управления. По форме же лука напоминала продолговатую коробку. Сиденье покрывала высококачественная плотная кожа, а под ней прощупывалось что-то твердое — наверное, металл; но в обивке я не обнаружил ни единой прорехи, так что проверить это предположение было невозможно. Спереди к луке были приторочены две закрытые седельные сумки.

Я присел на корточки рядом с седлом; руки у меня так и чесались открыть сумки, но я отложил это на потом, стараясь отогнать внезапную мысль — не то чтобы я вовсе хотел от нее избавиться или проигнорировать, но надо было дать ей немного оформиться.

«Давай рассуждать логично,— твердил я себе.— Для начала изложим имеющиеся факты. Во-первых, имеется седло, это факт,— его можно осмотреть и пощупать. Далее, оно свалилось прямо с неба, и это тоже факт,— я сам видел, как оно падает. Свалилось оно после довольно своеобразного маневра "Стремительной Гусыни" — лучше назовем это наблюдением, нежели фактом».

Все казалось совершенно очевидным: седло болталось в небе, и на него напоролась пролетавшая мимо «Стремительная Гусыня». В результате столкновения седло свалилось с небес на землю. Но тут я себе напомнил, что последнее утверждение может оказаться довольно спорным. Седло наверняка свали-

лось с небес, но вовсе не обязательно, что причиной падения был самолет. Разумеется, вероятность велика, но и только.

Вопросы в моем сознании так и роились, а вслед за ними напрашивались ответы, но я отодвинул и те и другие на задний план и занялся осмотром седельных сумок. С виду они были совершенно пусты, но это еще ничего не означало. Было бы хоть что-то — мне многого и не требуется, хоть какую-нибудь зацепку. Зацепку, которая бы чем-то подтвердила пульсирующий в моем мозгу один грандиозный ответ.

Я глубоко вздохнул и открыл первую сумку — ничего. Во второй тоже. Пусто, как раньше в карманах у Стефана и в комнатах Вигвама.

Я встал, на подгибающихся ногах дотащился до кресла и рухнул в него, стараясь не глядеть в сторону лежавшего на полу седла.

Неужели это машина времени, портативная машина времени? — рокотало в моем мозгу. Садишься в седло, возносишься в воздух, а там включаешь его и оказываешься в любом времени, где только пожелаешь. Но, черт его дери, такое невозможно! Даже если закрыть глаза на неосуществимость путешествий во времени, имеется еще дюжина очевидных возражений. Даже просто думать об этом — и то безумие. «Но скажи-ка,— с издевкой не унималась какая-то иррациональная часть моего сознания, о которой я даже не подозревал,— скажи-ка тогда, откуда в небе взялось седло?»

Я опустился на четвереньки и занялся тщательным, дюйм за дюймом, осмотром седла — вероятно, в надежде наткнуться на табличку вроде «Техасская кожевенно-седельная корпорация, Хьюстон» или какую-нибудь иную зацепку — но не нашел ничего. Не было ни тиснения, ни ярлыка, указывающего на происхождение седла. Чувствуя, как мурашки бегают по коже, я подхватил седло, затащил его в хижину, швырнул в своей спальне на дно одежного шкафа и поскорее захлопнул дверь. Затем, уже на полдороге к крыльцу, вернулся к шкафу и набросил на седло ради маскировки пару старых брюк и свитер. Потом вернулся на крыльцо и сел в кресло, прекрасно понимая, что должен браться за книгу, но не находя в себе сил на это. Попытался понаблюдать за птицами, бурундуками и прочей лесной мелочью, но не проникся к ним особым интересом. Рыбалка меня тоже не привлекала. Какое-то время спустя я

приготовил яичницу с беконом, поел и снова вернулся на крыльцо.

Часа в три заехал шериф.

— Все впустую,— сообщил он, поднимаясь на крыльцо и усаживаясь рядом.— Я поднял сведения: Вигвам принадлежит чикагской юридической фирме. Документы у них, налоги платят тоже они, наверное, и владеют Вигвамом они же. Я позвонил туда и наткнулся на автоответчик. Подумать только: автоответчик в полвторого дня! С чего бы это адвокатской конторе прибегать к услугам автоответчика в такое время? Не могли же они все уйти в суд или одновременно отправиться в отпуск. Ну, даже если так — хоть секретарша-то должна была остаться, чтобы отвечать на звонки!

— Может, в этой фирме только один владелец, он же и работник.

— Не похоже,— хмыкнул шериф.— Она называется «Джексон, Смит, Дилл, Хоэн и Эклюнд». Девице на автоответчике потребовалось добрых полминуты, чтобы изречь это. Она прямо пропела его — должно быть, иначе подобное название никак не одолеть. Кстати, а где Пайпер?

— Ему пришлось вернуться в университет.

— Он не говорил, что намерен вернуться.

— Просто к слову не пришлось. Он знал, что придется вернуться, уже несколько дней назад. А что, не следовало?

— Да нет, почему же. Насчет гибели Стефана нет никаких сомнений. А вы, случаем, не помните его фамилии?

— Никогда и не знал.

— Ну, тогда вроде все. Немного не по себе оказаться с трупом на руках, когда даже не знаешь его фамилии — тем более что он прожил здесь столько лет. Я заехал по пути в Вигвам — там по-прежнему никого.

Шериф провел у меня еще около часа. По его поведению было заметно, как ему не хочется возвращаться в поселок, в опостылевший кабинет. Мы поболтали о рыбалке, и он пообещал на днях заехать и порыбачить со мной на пару в Оленебойном ручье. Еще мы говорили о тетеревах: я сказал, что в этом году их порядком, и мы предались воспоминаниям о прежних деньках, когда на холмах еще рос женьшень. Наконец шериф распрощался и уехал.

Я прослушал по радио сперва шестичасовые, а потом десятичасовые новости, но о столкновении «Стремительной Гу-

сыни» с неизвестным объектом при вылете из Сосновой Излучины ничего сказано не было. Потом я отправился в постель, без особой надежды уснуть — возбуждение все еще не покидало меня,— но уснул почти тотчас же: день выдался нелегкий, и я чувствовал себя выжатым как лимон.

После завтрака я решил двинуться на рыбалку. На мосту через Оленебойный ручей стояла женщина. Проезжая мимо Вигвама, я пристально его осмотрел — дом по-прежнему казался заброшенным, но женщину я видел впервые и тут же решил, что эта костлявая блондинка из числа посетителей Вигвама. Одета она была в ярко-желтые шорты и узенький желтый лифчик, который, впрочем, прекрасно справлялся со своей ролью, потому что прикрывать там было почти нечего. Волосы ее были зачесаны назад, падая на плечи небольшим конским хвостиком. Прислонившись к перилам, женщина смотрела в омут. Когда я остановил машину за поворотом и пошел в ее сторону, она обернулась. Лицо оказалось таким же костлявым, как и фигура,— скулы и подбородок едва не протыкали кожу, так что лицо казалось чуть ли не заостренным.

— Это здесь вы его нашли? — с ходу спросила она.

— Это не я его нашел, но лежал он действительно здесь, практически под мостом.

— Стефан был дурак.

— *Я его не знал,— ответил я, удивляясь ее тону. В конце* концов, он ведь покойник.— Вы с ним дружили?

— Он ни с кем не дружил, весь отдался своему дурацкому хобби.

— Ни одно хобби не бывает дурацким, если что-нибудь дает человеку. Один мой знакомый собирает спичечные этикетки.— *Нет у меня таких знакомых, но я подумал,* что это неплохой пример бессмысленного хобби.

— У него что-нибудь было? Лежало что-нибудь в его карманах?

Как ни странно прозвучал этот вопрос, я все-таки ответил:

— Ничего, никаких документов. Неизвестно даже, кто он такой.

— Нет, почему же, очень даже известно,— возразила она.— Все знают, что он Стефан. Больше никто ничего не знает, да больше и незачем знать.

Позади послышались шаги, и я резко обернулся: к нам подходил мужчина.

— Анжела, ты же знаешь, тебе не следует быть здесь. Что с тобой творится? Ты опять пьяна? Тебя же предупреждали, что пора с этим кончать.— Он повернулся ко мне.— Прошу прощения, она вас, верно, потревожила.

— Ни в малейшей степени,— отозвался я.— Мы просто беседовали, и притом о весьма любопытных вещах.

Он был чуть ниже меня ростом и, наверное, чуть тяжелее. Круглое розовощекое лицо обрамляли коротко подстриженные волосы. Довершали картину клетчатая ковбойка, синие джинсы и тяжелые рабочие ботинки.

— Мы говорили о Стефане,— подала голос женщина, явно стремясь смутить его и радуясь такой возможности.— О Стефане и его дурацком хобби.

— Но вам-то что до его хобби? — повернулся клетчатый ко мне.

— Очень даже многое. Оно кажется мне весьма любопытным.

— Пошли в дом,— приказал он Анжеле.

Она сошла с моста, остановилась рядом с ним и посмотрела на меня:

— Увидимся.

— Надеюсь,— откликнулся я, но не успел ничего добавить, как мужчина ухватил Анжелу за руку, развернул на месте и повлек по направлению к Вигваму, даже не попрощавшись.

Многое из их перепалки осталось для меня непонятным, хотя я и догадывался, что все вертится вокруг хобби Стефана; быть может, кубическая фотография оно самое и есть? Похоже, что моя догадка верна, однако Анжела назвала хобби дурацким, а сфотографировать Марафонскую битву — идея отнюдь не дурацкая.

Да, о многом бы мне хотелось с ними переговорить! Как и откуда они узнали о смерти Стефана, как и откуда попали в Вигвам? Обычно посетители Вигвама прилетали в Сосновую Излучину, а Стефан заезжал за ними на «кадиллаке». Должно быть, на этот раз они наняли машину — да и потом, какое это имеет значение? Если подумать, то никто не видел, как Стефан встречает гостей в Сосновой Излучине; мы просто негласно это подразумевали. Я ломал голову над этим, одновременно чувствуя отвращение к себе за то, что интересуюсь подобными глупостями; пожалуй, становлюсь таким же любопытным пронырой, как Дора.

Вытащив и собрав спиннинг, я натянул болотные сапоги и спустился к омуту под мостом.

В этом омуте водится крупная форель, но я никак не мог настроиться на рыбалку, потому что мысли о трупе Стефана, лежавшем вчера на берегу, не выходили из головы. Время от времени я непроизвольно бросал взгляды через плечо на место, где он находился.

В конце концов я покинул омут и побрел вдоль ручья — на мелких участках прямо по воде, а в местах поглубже выбираясь на берег. Покинув сцену вчерашней трагедии, я смог сосредоточиться на деле и сумел на быстринке у небольшой заводи подцепить порядочный экземпляр речной форели, но не успел вовремя подсечь, когда еще одна крупная рыбина — наверное, радужная — яростно метнулась из-под берега. Второй заброс по той же траектории ничего не дал — должно быть, во время первой поклевки рыба ощутила крючок и вовсе не хотела испытать его на себе. Я забрасывал удочку еще и еще, но клева больше не было. Спустившись по ручью на несколько сотен футов, я наконец подцепил одну — чуть больше предыдущей.

Выбравшись на берег и усевшись на трухлявую колоду, я начал раздумывать, стоит ли продолжать рыбалку, пусть и не очень удачную, но принесшую рыбину. Для ужина этого достаточно, а в хижине на столе ждет книга о докембрии. Уходить не хотелось. Я бы еще побыл здесь — не столько ради рыбалки, сколько ради того, чтобы держаться подальше от дома и от ожидающей там работы. Вот тут-то я и усомнился, что когда-нибудь допишу эту книгу, что вообще хочу ее написать. Черт побери, из-за нее мне дали академический отпуск, и довести дело до конца просто необходимо — но я продолжал предаваться жалобным раздумьям, не в силах тронуться с места.

Потом мне вспомнилась найденная Невиллом полянка венериных башмачков; надо будет взглянуть на них по пути. Конечно, мне это вовсе ни к чему, но еще несколько дней — и венерины башмачки отцветут, и тогда на них уже не посмотришь. Но я просто продолжал сидеть, не двигаясь с места,— во-первых, весьма смутно представляя, где венерины башмачки растут; судя по словам Невилла, найти их довольно легко. Однако я оставался, где был.

Потом я гадал, что заставляло меня сидеть на этой трухлявой колоде — ведь я мог продолжить рыбалку, вернуться в ма-

шину или отправиться искать венерины башмачки, но не стал. И вот в результате пишу этот отчет, когда должен работать над книгой.

Прежде чем я продолжу, следует пояснить, что Оленебойный ручей расположен в глубоком, поросшем лесом овраге в ложбине между двумя круто смыкающимися холмами. Русло ручья пролегло в песчанике, но чуть выше находятся пласты известняка, хотя чаще всего деревья скрывают их от взора.

По ту сторону ручья какая-то зверушка шелестела прошлогодней листвой, я посмотрел туда и через несколько секунд разглядел затеявшую этот переполох белку. Белка рылась и принюхивалась, видимо, в надежде отыскать завалявшийся с осени орех, но, почувствовав мой взгляд, в панике заскакала вверх по холму и, резко вильнув вправо, заскочила под нависающий наподобие пещерки каменный козырек. Таких пещерок среди холмов множество; они возникают вследствие эрозии вкраплений мягких пород, над которыми образуют крышу более твердые пласты.

Я спокойно смотрел на эту пещерку, и через несколько минут белка выглянула снова. Посидела, вытянувшись столбиком и озираясь, а затем снова рванула вверх по склону, по сырой земле над пещеркой, где недавние дожди смыли часть грунта.

Я проводил зверька взглядом и тут чуть выше по холму углядел нечто необычайное. Мои глаза сразу же отметили и зафиксировали это, но до сознания образ докатился с задержкой: из земли торчал конец бревна, точнее, даже концы двух бревен, и над верхним из них почва немного ввалилась, а над углублением виднелся очередной известняковый козырек.

Я буквально окаменел. Мое сознание бунтовало против возможности чего-то подобного; скорее всего, это не в меру разыгравшееся воображение. Но в памяти грохотали слова, сказанные Хемфри Хаймором лишь вчера: «Они заложили устье пещеры бревнами и забросали их землей, чтобы спрятать рудник от чужих глаз».

«Безумец,— твердил я себе,— законченный шизик, точь-в-точь как Хемфри. Невозможно, сидя на трухлявой колоде, вдруг взять да и открыть легендарный рудник». Но как я ни старался отогнать эту мысль, она не отступала.

Чтобы заняться хоть чем-нибудь, я сложил спиннинг и сунул катушку в карман. «Все очень просто,— повторял я,— давным-давно свалилась пара деревьев, и со временем их за-

несло землей и листьями». Однако чем больше я на них смотрел, тем менее вероятным представлялось подобное предположение. Хотя бревна были достаточно далеко, мне казалось, что я могу разглядеть следы топора на их комлях,

Чтобы покончить с неопределенностью, я перешел ручей и начал взбираться наверх. Продвижение шло медленно — склон был очень крут, и мне пришлось хвататься за траву и кусты, чтобы облегчить восхождение. Добравшись до пещерки, где пряталась белка, я остановился, чтобы отдышаться. Пещерка оказалась несколько больше, чем казалось снизу: груда старых листьев частично загораживала вход, отчего он и казался менее широким. Ровное дно было испещрено белыми пятнами птичьего помета и старыми перьями. Должно быть, это укрытие столетиями давало приют хохлатому тетереву или перепелу; впрочем, перепелов теперь практически не стало. У дальнего края пещерки была небольшая осыпь, по виду совсем свежая; через несколько лет произойдет еще один обвал, и пещерки не станет. Бедный тетерев, он лишится такого чудесного укрытия от ветра и непогоды.

Отдышавшись, я вновь двинулся вверх, добрался до бревен и опустился рядом с ними на колени. Да, никаких сомнений, это рудник. Мокрая от недавних дождей древесина совсем прогнила, но на их торцах до сих пор виднелись следы топора. Не в силах поверить собственным глазам, я провел по ним рукой — и вот, пока я водил ладонью туда-сюда по гнилому бревну, что-то вдруг затикало.

У меня внутри все похолодело, я сжался и закостенел, будто ожидал удара по голове, хотя в самом звуке ничего угрожающего не чувствовалось; наоборот, тиканье казалось довольно мягким, прямо-таки дружеским, но здесь ему явно было не место. Теперь развеялись последние сомнения: я нашел тот самый рудник, ведь именно тиканье ввергло в ужас и прогнало рудокопов.

Я поднялся, на мгновение ощутив овладевшее мной неразумное, но могучее желание бегом броситься вниз, чтобы оказаться как можно дальше от этой тикающей штуковины. Желание не уходило, но я сумел с ним совладать, постепенно приходя в чувство. А затем я погнал себя, погнал в самом буквальном смысле, заставляя ноги передвигаться вопреки оцепенению, подгоняя их сознательным усилием,— на несколько футов вверх, к углублению в почве повыше бревен. Углубление оказалось

не таким уж маленьким, и я опустился на колени, чтобы обследовать его. Дна видно не было. Опустив лицо в отверстие, я ощутил неземную темноту и холод; пещера находилась прямо у меня под ногами, а из отверстия неслась отчаянная, возбужденная трещотка щелчков.

— Ладно тебе, ладно,— сказал я,— успокойся. Я за тобой вернусь.

Не знаю, зачем я это сказал,— слова вырвались как-то сами собой, словно контроль над ситуацией взяла какая-то обособленная часть моего мозга и ответила возбужденно тикавшей и щелкавшей штуковине.

Я выпрямился. День был жарким, но меня бил озноб. Потребуется лопата, какой-нибудь лом — отверстие придется увеличивать — и, конечно, фонарик.

Едва я отошел, как щелчки участились, будто пленник пещеры умолял меня не покидать его.

— Все в порядке, я вернусь, обещаю.

Не прошло и часа, как я вернулся с лопатой, фонарем, своим геологическим молотком и бухтой веревки. Не найдя ничего похожего на лом, я прихватил кирку, которой мы с Невиллом долбили ямы для свай фундамента хижины.

Едва я ступил на склон холма, как штуковина в пещере застрекотала, но на этот раз как-то удовлетворенно, будто радовалась моему возвращению. За время отсутствия я изрядно поспорил с собой на ее счет. «Ты ведешь себя как полный дурак,— твердил я.— Ты позволил себе влипнуть, поверить в невероятную фантазию, которой и на свете-то нет. Когда ты действовал в порыве бездумного чувства, под впечатлением момента, это еще можно было простить — шок и никакого здравого смысла. Но теперь-то пора порассуждать взвешенно! Есть время пораскинуть умом, и теперь совершенно очевидно, что в пещере не может таиться живое существо, обладающее личностью. Тот, кто там тикал больше века назад и тикает по сей день, не может пережить столько лет. Это либо механизм, либо легко объяснимый природный феномен. Стоит найти причину, и будешь поражен, как не додумался до этого сразу же».

Следует признать, что пока я костерил себя подобным образом, то как-то не вдумывался в промелькнувшую мимоходом идею насчет механизма. Должно быть, я просто уклонялся от напрашивающихся следом вопросов — где, кто и с какой целью сделал этот механизм и как тот оказался в пещере?

Словом, я решил, что надо убрать бревна, увеличить вход, спуститься в пещеру и посмотреть на все собственными глазами. Не обошлось, конечно, и без страха — но у меня было право на страх. Подумывал я и о том, чтобы позвать с собой Хемфри (вот у кого полное право присутствовать там), шерифа или даже того ублюдка из Вигвама — но не решился, с удивлением отметив, что хочу сохранить дело в секрете. Должно быть, боялся оказаться в дураках и стать посмешищем всей округи.

Итак, я занялся делом — немного раскопал землю вокруг бревен, вогнал между ними острие кирки и навалился на нее. Нижнее бревно поддалось неожиданно легко, так что я обхватил его руками и вытащил. А вытянуть верхнее было уже делом техники. Под вторым бревном виднелось третье, но оно не стоило усилий: вход и так стал достаточно широким.

Посветив фонариком в пещеру, я увидел, что ее пол всего в трех футах.

Тиканье продолжалось и во время моей работы, но я не обращал внимания. Должно быть, просто привык, а может, сознательно старался игнорировать его.

Я бросил кирку и лопату в пещеру, а затем скользнул следом. Приземлившись, осветил пещеру изнутри и был удивлен тем, что она оказалась довольно тесной — футов десять в ширину, примерно половину этого в длину, а над головой оставалось не более трех футов пространства. Здесь было сухо: пещера располагалась достаточно высоко, а склон довольно крут, так что вода сбегала к ручью, не просачиваясь внутрь.

Направленный в глубь пещеры луч фонарика высветил следы разработок, затеянных рудокопами более века назад. У стены громоздились две кучи обломков тонкослойного известняка.

Тиканье доносилось из глубины пещеры, и я осторожно, шаг за шагом двинулся туда, ощущая, как шевелятся волосы на голове. Эта штуковина оказалась в самой глубине — торчала из взломанного рудокопами пласта камня. Стоило мне ее увидеть, как я невольно осел на пол пещеры и уставился на находку. Отвага покидала меня.

Собственно говоря, бояться было нечего — эта штука была неживой; грубо говоря, просто механизм, закованный в скале и видневшийся лишь частично.

Снаружи выступало что-то вроде тупого конца цилиндра дюйма четыре в диаметре, а окружали его иззубренные края

трещины, вскрывшейся, когда рудокопы потревожили пласт камня, в котором покоился цилиндр.

Вот в том-то и загвоздка — он врос в камень!

Торец цилиндра все тикал.

— Да заткнись ты! — буркнул я в сердцах, чувствуя не только страх, но и досаду. Кто-то меня разыгрывает, но кто — мне нипочем не догадаться.

Снаружи послышался шорох осыпающихся камней и земли — у входа в пещеру кто-то стоял...

— Какого черта вы меня выслеживаете? — воскликнул я.

— Простите, что напугал,— отозвался некто.— Поверьте, я не хотел, но мне кажется, что вы нашли предмет наших розысков.

Голос показался знакомым, и я сразу узнал гостя — это был мужчина, приходивший из Вигвама, чтобы увести женщину по имени Анжела.

— Ах, да это вы,— с нескрываемым неудовольствием протянул я.

— Торнтон, давайте договоримся: Нам нужна ваша находка.

Он прошел через пещеру и остановился передо мной. Цилиндр несколько раз возбужденно щелкнул и затих.

— Дайте-ка взглянуть,— попросил незнакомец, присаживаясь рядом на корточки.

Я вновь направил фонарик на стену, и торец цилиндра засверкал в его луче.

— Имя-то у вас есть? — поинтересовался я.

— Разумеется. Меня зовут Чарлз.

— Лады, Чарлз. Значит, штуковина вам нужна. Для начала вы мне расскажете, что это такое, но будьте чертовски аккуратны, если решите соврать. Со своей стороны могу вам поведать, что она вросла в камень. Видите? Это значит, что известняк оседал прямо на нее. Вы понимаете, что из этого следует?

Он сглотнул, но не ответил.

— Ладно, я вам скажу, хоть вы и не поверите. Перед вами известняк, образовавшийся на дне Ордовикского моря четыреста миллионов лет назад, а это значит, что и находке примерно столько же. Она упала в море, когда известняк формировался, и была заточена в нем. А теперь говорите, что это.

Но он не ответил на вопрос, решив зайти с другой стороны.

— Вы знаете, кто мы такие?

— Представляю.

— И не станете об этом распространяться?

— Вряд ли. Начать хотя бы с того, что мне никто не поверит.

— Значит, запираться бессмысленно.

— Абсолютно. Видите ли, седло у меня, а Марафонское фото — у Невилла.

— Какое фото?

— Марафонское. Марафон — место битвы, состоявшейся почти две с половиной тысячи лет назад. Фото выпало из кармана Стефана, и Невилл нашел его, когда наткнулся на тело.

— Вот оно, значит, как...

— Да, именно так, и если вы считаете, что можете прийти и требовать мою находку...

— Да нет, никто ее у вас не требует, никто не отбирает. Мы выше этого. Видите ли, мы цивилизованные люди.

— Ага, еще как цивилизованные!

— Послушайте,— чуть ли не с мольбой воскликнул он,— мне нет смысла таиться. Был такой народ — вы говорите, четыреста миллионов лет назад — значит, тогда они и жили...

— Какой еще народ? Четыреста миллионов лет назад не было никаких народов.

— Да не здесь, не на Земле, а на другой планете.

— А вы откуда знаете?

— Мы нашли эту планету.

— Мы? Кто это «мы»?

— Я, Анжела, Стефан, другие такие же. Остатки человечества. Но Стефан был на нас не похож. Он был атавистическим типом.

— Вы несете какую-то чушь! Выходит, вы из будущего?

Это безумие. Безумие — задавать подобные вопросы таким тоном, словно речь идет о чем-то вполне заурядном.

— Да,— подтвердил он.— Мы из другого мира. Вы бы не узнали ни его, ни людей в нем.

— Я узнаю вас. Вы точно такой же, как и другие, и ничем не отличаетесь от остальных моих знакомых.

Он взглянул с видом величайшего снисхождения.

— Торнтон, подумайте — вот если бы вы отправились во времена варваров неужто оделись бы в пиджак и брюки? И стали бы говорить на английском языке двадцатого столетия?

— Да нет, конечно. Я бы закутался в волчью шкуру и изучил бы... Ах, ну да, так и есть — варварский язык.

— Термин чисто условный. Если я вас оскорбил...

— Ни в малейшей степени,— ответил я, стараясь сохранять объективность. Если он действительно сильно отдален от нас во времени, то я могу казаться ему варваром.— Вы рассказывали о найденной планете.

— Она сгорела — ее солнце стало Новой. Вся вода испарилась, почва обратилась в золу и прах. Так вы говорите, полмиллиарда лет?

— Почти.

— Вполне возможно. Теперь звезда стала белым карликом, времени было вполне достаточно. На планете жили разумные существа. Мы нашли...

— Вы имеете в виду себя лично? Вы видели эту планету...

— Нет, не я,— покачал он головой.— Никто из моих современников ее не видел. Это было тысячу лет назад.

— За тысячу лет могло случиться многое...

— Да, разумеется. За тысячу лет многое забылось. Многое — но не это. Это мы помним хорошо, это не миф. Видите ли, за все время полетов в космос это единственный встреченный нами след разума. На этой планете были города — пусть не совсем города, но постройки были. Разумеется, не уцелело ничего, кроме камней, из которых они были выстроены. Камни по-прежнему уложены друг на друга, как в день постройки. Естественно, не обошлось без разрушений — вероятно, следствие землетрясений. Никакого выветривания — там больше нет ветров: вместе с водой исчезла и атмосфера.

— Ближе к делу,— грубо оборвал я,— все это, разумеется, чудесно и весьма увлекательно...

— Вы мне не верите?

— Пока не знаю. Продолжайте...

— Сами понимаете, люди исследовали руины весьма тщательно и с большим вниманием. До какого-то момента результаты не обнадеживали — руины почти ничего не могли поведать. А потом наконец отыскали резной камень...

— Как это?

— Ну, камень-послание. Плиту, на которой высечено обращение в будущее.

— Только не говорите, что нашли камень и тут же прочли послание.

— Там не было слов или символов, только рисунки. У вас есть подходящее слово — что-то вроде смешных рисунков.

— Комиксы,— подсказал я.

— Вот именно, комиксы. В комиксах была поведана история. Народ этой планеты знал, что их звезда станет Новой. Они уже летали к звездам, но еще не были в состоянии переселить всех жителей планеты. Но что хуже, они не сумели найти пригодную для жизни планету. По-моему, они были очень похожи на нас, их жизнь основывалась на тех же соединениях — кислород и углерод. Но внешне выглядели не так, как мы, они были насекомыми — многоногие и многорукие. Вероятно, во многих отношениях они были приспособлены намного лучше нас. Они понимали, что с ними покончено, пусть и не со всеми до единого. Вероятно, они еще надеялись отыскать пригодную для жизни планету, чтобы выжили хоть немногие. Сохранилось хотя бы семя вида — если бы повезло. Но лишь семя, а не цивилизация. Культура погибла бы. Оказавшись на другой планете, где выживание становится проблемой, сохранить культуру невозможно. Культура была бы забыта, и немногие выжившие утратили бы достояние тысячелетий ее развития. А им казалось важным сохранить хотя бы основы своей культуры, чтобы она не исчезла бесследно для остальных обитателей галактики. Они стояли перед угрозой культурной смерти. Вы можете представить, насколько ужасна подобная перспектива?

— Как и любая смерть. Смерть есть смерть — будто кто-то выключил свет.

— Не совсем. Культурная смерть несколько отличается от остальных видов смерти. Мы боимся не самой гибели, а утраты личности. Страх, что тебя вычеркнут из памяти. Многие люди спокойно встречают смерть, потому что знают, что славно пожили. Они сделали или отстояли некое дело, чем и заслужили память потомков. Они, видите ли, не совсем утрачивают личность, когда уходят из жизни. И если это важно для отдельного индивидуума, то для народа важно тем более. Человеку не так уж трудно свыкнуться с мыслью о неизбежности собственной смерти, но с необходимостью смерти всего человечества, с фактом, что однажды людей не станет, примириться просто невозможно.

— Кажется, я понял,— кивнул я. Подобное ни разу не приходило мне в голову.

— Итак, раса жителей этой планеты вот-вот погибнет и предпринимает меры к сохранению своей культуры. Они вскрывают ее основы и постулаты и размещают их в капсулах...

Я вздрогнул от удивления и указал на увязший в камне цилиндр:

— Вы подразумеваете вот это?

— Надеюсь,— чересчур спокойно и чересчур уверенно сказал он.

— Да у вас просто не все дома. Сперва вы верите в эти сказки...

— Капсул было много. Указывалось даже число, но поскольку мы не смогли расшифровать их систему счисления...

— Должно быть, они рассылали их наугад, просто запуская в пространство.

— Они нацеливали их на звезды,— покачал он головой.— Принимая в расчет уровень развития их техники, большинство капсул должно было достигнуть цели. Они просто делали ставку на то, что хоть одна достигнет обитаемой планеты и станет достоянием каких-либо разумных существ, у которых хватит любознательности...

— Капсулы сгорели бы при входе в атмосферу.

— Не обязательно. Развитие их техники...

— Четыреста миллионов лет назад ваша драгоценная планета находилась в противоположном конце галактики.

— Конечно, мы не знаем точных сроков, но по нашим расчетам их звезда и наше Солнце были где-то недалеко друг от друга. Их галактические орбиты сходились.

Я собрался в комок, стараясь думать последовательно, но голова буквально разрывалась от мыслей. Поверить в рассказанное невозможно — но вот он, закованный в камень цилиндр...

— А вот насчет щелчков,— словно перехватив мои мысли, сказал Чарльз,— нам и в голову не приходило. Должно быть, они включаются, когда вблизи капсулы появляется биологический объект, удовлетворяющий определенным требованиям. Собственно говоря, мы и не ожидали вот так наткнуться на капсулу.

— А чего же вы ждали? Насколько я вас понял, вы разыскивали именно ее.

— Ну, не совсем разыскивали — просто надеялись обнаружить сведения, что кто-то в прошлом ее уже нашел. Скажем, нашел и уничтожил или потерял. Или, возможно, извлек хоть

часть ее информации, а потом забыл, потому что она не вписывалась в рамки человеческого мышления. Да, разумеется, мы не теряли надежды однажды обнаружить ее в каком-то потайном месте — к примеру, в маленьком музее, в кладовке или на чердаке старинного дома, а то и в руинах древней часовни.

— Но для чего отправляться за этим сюда, в прошлое? Ведь и в ваше время...

— Вы не понимаете одного: в наше время почти ничего не сохранилось. От прошлого уцелело очень немногое. Прошлое не вечно — ни в материальном, ни в интеллектуальном смысле. Интеллектуальное прошлое подвергается деформации и искажениям, а материальное, воплощенное в предметах и архивах, подвергается постепенному уничтожению и распаду или просто теряется. И если под словом «сюда» вы подразумеваете данное место и время, то здесь мы почти ничего не делаем. Если воспользоваться вашей терминологией, то Вигвам — рекреационная зона, место отдыха и развлечений.

— Но чем же тогда объяснить, что вы потратили столько лет на ее поиски? Столько поисков без особой надежды на успех?

— Тут речь шла о более серьезных вещах. Находка капсулы инопланетян, это... у вас есть соответствующее выражение... Ах да: находка капсулы — это суперприз. Мы всегда были наготове, в своих исследованиях всегда чутко ловили любой намек, который указал бы, что она существует или существовала в прошлом. Но мы не все время...

— Вы упомянули об исследованиях. И какого же черта вы исследуете?

— Историю человечества, что же еще? Я полагал, вы и сами об этом догадались.

— Да где уж мне... Я-то думал, у вас шкафы ломятся от книг по истории и надо лишь прочитать их.

— Я же говорил, что от прошлого уцелело немногое. После ядерных войн огромная часть планеты откатывается назад, к варварству, а прошлое списывается в расход, и то немногое, что уцелело, отыскать становится очень трудно.

— Значит, ядерные войны были... А мы уж надеялись, что человечество до этого не дойдет. Не скажете ли...

— Нет. Не могу.

Мы присели на корточки и посмотрели на капсулу.

— Значит, вам она нужна?

Он кивнул.

— Если удастся ее извлечь в целости и сохранности,— уточнил я.

Капсула негромко, дружелюбно тикала.

— Держите,— распорядился я, протягивая ему фонарь и снимая с пояса геологический молоток. Чарлз принял фонарь и осветил капсулу, а я занялся осмотром скалы, потом сообщил: — Кажется, нам повезло. Прямо под капсулой проходит подошва пласта, начинается прослойка. Известняк — порода непредсказуемая. Порой ложится тонкими пластами, так что его можно расщеплять, как фанеру, а порой пласты настолько толстые, что только рубить.

Под ударами молотка нижняя прослойка легко крошилась; я перевернул молоток, чтобы воспользоваться заостренным его концом, и потюкал по шву.

— Дайте-ка кирку.

Размахнуться было негде, но мне удалось вогнать заостренный конец кирки глубоко в скалу. Шов разошелся, кусок камня отщепился и вывалился. Капсула открылась вдоль всего нижнего края, и освободить ее аккуратными ударами по скале проблемы не составляло. На вес этот восемнадцатидюймовый цилиндр оказался тяжелее, чем можно было предположить.

Чарлз положил фонарь на землю и нетерпеливо протянул руки.

— Ну-ну, не торопитесь, мы еще не договорились.

— Можете оставить себе седло.

— Оно и так у меня, и отдавать я его не собирался.

— Мы вам его починим, даже обменяем на новое. А заодно научим им пользоваться.

— Не годится, мне и здесь хорошо. Здешние нравы я знаю, а если отправляешься в другие времена, то, пожалуй, беды не оберешься. А вот если есть еще фотографии вроде Марафонской... Скажем, пару сотен снимков на избранные темы.

Чарлз в отчаянии схватился за голову.

— Да откуда?! Мы не делаем таких снимков!

— А Стефан делал.

— Ну как вам объяснить?! — воскликнул он.— Стефан — урод, вырожденец. Он упивался насилием и кровью, потому-то мы и держали его здесь. Он сидел тут взаперти, и к полевой работе его не допускали. А он при удобном случае потихоньку

ку удирал и делал то, что вы называли фотографиями. У них есть название...

— Голограммы,— подсказал я.

— Да, наверное. Аппарат на основе лазера. Решение включить Стефана в команду было ошибкой. Нам приходилось его прикрывать. Мы не можем ни одобрить его действия, ни сообщить о них — тут замешана честь команды. Мы пытались поговорить с ним по душам, мы его умоляли, но все напрасно — он настоящий психопат. Просто чудо, как он ухитрился прикинуться нормальным и добиться включения в команду...

— Психопаты на выдумку хитры.

— Теперь вы поняли? — с мольбой в голосе спросил Чарлз.

— Смутно. Вы сторонитесь насилия, вид крови вас отпугивает. И тем не менее изучаете историю, а история — штука жестокая и редко обходится без крови.

Он содрогнулся:

— Мы с этим уже столкнулись. Но несмотря на отвращение, приходится принимать в рассмотрение и это. Но нам-то это удовольствия не доставляет, а Стефан насилием наслаждался и притом был прекрасно осведомлен, что мы думаем по этому поводу. Боялся, что мы уничтожим его фотографии, и прятал их. Но если мы их найдем, то непременно уничтожим.

— Значит, вы их искали?

— Повсюду, но не нашли ни одного тайника.

— Выходит, они где-то поблизости?

— Весьма вероятно. Однако если вы носитесь с идеей отыскать изображение, оставьте ее. Вы же сами говорили, что психопаты на выдумку хитры.

— Говорил. В таком случае сделка не состоится.

— Вы что, хотите оставить капсулу себе?!

Я кивнул и сунул цилиндр под мышку.

— Но зачем?! — воскликнул он.— Чего ради?

— Раз капсула представляет ценность для вас, то пригодится и нам,— ответил я, мысленно вопрошая себя, что это я затеял — стою тут на полусогнутых в пещерном руднике и спорю с человеком из будущего по поводу какого-то дурацкого цилиндра из нечеловеческого прошлого?!

— Вы не сумеете извлечь информацию, находящуюся в этом цилиндре,— сказал он.

— А вы-то сами сможете?

— У нас больше шансов. Полной уверенности, разумеется, нет, но шансов больше.

— Я полагаю, вы надеетесь обнаружить сокровища каких-то нечеловеческих знаний, какие-то новые культурные концепции, основанные на нечеловеческих ценностях, надеетесь столкнуться с массой новых идей, лавиной новых воззрений, часть из которых может органически войти в вашу культуру, а часть — нет?

— Вы попали в самую точку, Торнтон. Даже если вы сумеете извлечь из капсулы информацию — как вы ею воспользуетесь? Не забывайте, что она частично, а то и полностью противоречит вашему нынешнему мировоззрению. А если там говорится, что права человека и в теории, и на практике главенствуют над правом собственности? Да, конечно, теоретически права человека пользуются некоторым приоритетом и теперь, это даже закреплено законодательством,— но вот как насчет практики? А если вы узнаете, что национализм обречен, и получите рецепт его ликвидации? Что, если истинный патриотизм — всего лишь дикая чушь? Это я не к тому, что в капсуле должна содержаться информация по поводу прав человека. По моему мнению, там много такого, что нам и не приходило в голову. Вот подумайте: как сегодняшнее общество — именно ваше сегодняшнее общество — отнесется к столь явному отклонению от считающихся общепринятыми норм? А я вам скажу: эти знания проигнорируют, спрячут под сукно, будут высмеивать и презирать, пока не сведут к нулю. Если вы намерены отдать капсулу своим людям, с равным успехом можете разбить ее о камни.

— А как насчет вас? Откуда такая уверенность, что вы сами употребите ее содержимое во благо?

— У нас нет иного выхода. Если бы вы видели Землю моего времени, то поняли бы, что иного выхода у нас нет. Ну да, мы летаем к звездам и путешествуем во времени — но при всем при том по-прежнему висим на волоске. Да, мы найдем применение сокровищам капсулы, мы найдем применение чему угодно, лишь бы спасти человечество от гибели. Мы — конечный итог тысячелетий безрассудства, именно вашего безрассудства. Как по-вашему, почему мы растрачиваем свои жизни, отправляясь в прошлое исследовать историю? Ради собственного удовольствия? Или в погоне за приключениями? А я скажу вам — нет, нет и нет! Мы просто надеемся уяснить себе,

где и когда человечество пошло не той дорогой. Мы рыщем в надежде отыскать утраченные знания и найти им лучшее применение, чем нашли вы. Мы просто вымирающее племя, роющееся на свалках, оставшихся нам от предшественников.

— Вы хнычете, вы полны жалости к себе самим.

— Пожалуй, что так. Извините. Мы изменились. Мы ушли от вашего реализма куда дальше, чем вы ушли от варварства. Каменные лица и презрение к эмоциям безнадежно устарели, как и культ грубой силы, царивший за пару тысяч лет до вас. Человечество стало иным. Нас лишили всего, раздели донага. Мы давным-давно уяснили, что не можем позволить себе насилие, кровопролитную экономическую конкуренцию и национальную гордыню. Мы не такие, как вы. Я не говорю, что мы стали лучше, просто мы отличаемся от вас, и наше мировоззрение отличается от вашего. Если нам хочется плакать — мы плачем, если хочется петь — поем.

Я не проронил ни слова.

— А если вы оставите капсулу себе,— вновь заговорил он,— что вы с ней сделаете — не ваше общество, а вы лично? Кому вы ее отдадите, кому расскажете о ней? Кто согласится выслушать ваш рассказ? А сумеете вы стерпеть почти нескрываемое недоверие и смех? Вам придется дать какие-то объяснения — видимо, пересказать то, что я вам изложил. Сможете ли вы после этого взглянуть в лицо своим коллегам и студентам?

— Полагаю, что нет,— ответил я.— Нате, заберите эту чертову штуковину.

Он торопливо принял капсулу.

— Огромное вам спасибо. Вы заслужили нашу благодарность.

Внутри у меня все оборвалось, мысли путались. «Боже мой,— думал я,— держать в руках вещь, способную перевернуть мир,— и отдать ее просто так!»

— Если вы зайдете в дом,— предложил он,— я найду чего-нибудь выпить.

— Идите вы к черту! — отозвался я.

Он сделал было шаг к выходу, но снова обернулся:

— Не могу просто взять и уйти. Я прекрасно понимаю ваши чувства. Я наверняка не нравлюсь вам, и, честно сказать, мне тоже до вас дела нет. Но вы оказали нам огромную, пусть и невольную услугу, и я испытываю глубочайшую благодарность. Помимо всего этого, мы просто люди. Торн-

тон, прошу вас, позвольте мне роскошь быть порядочным по отношению к вам.

Я буркнул что-то невразумительное, однако встал, собрал инструменты и последовал за ним.

Когда мы пришли в Вигвам, Анжела полулежала в кресле, а на столике рядом стояла бутылка виски. Увидев нас, Анжела с трудом стала на ноги и помахала полупустым стаканом, расплескивая спиртное на ковер.

— Не обращайте на нее внимания,— попросил Чарлз.— Она просто расслабляется.

— Черт, а ты на моем месте не расслабился бы? — буркнула она.— Столько месяцев выслеживать и таскаться за Вийоном по всем парижским борделям пятнадцатого века...

— Вийон,— полувопросительно повторил я.

— Ну да, Франсуа Вийон. Вы о нем слыхали?

— Да, слыхал. Но зачем...

— Спроси у главного умника,— указала она на Чарлза.— Это он у нас все выдумывает. Он сказал, этот человек опередил свой век. Мол, найди этого Вийона, гения, опередившего время. Дескать, в его веке гениев было мало. Мол, почерпни у него мудрости, выведай, каков он на самом деле. И вот я его нахожу, а это всего лишь грязный поэтишко, ворюга, волокита и дебошир. Люди прошлого — толпа похотливых ублюдков, и ваши современники ничуть не лучше своих предшественников. Все вы — толпа похотливых ублюдков.

— Анжела,— оборвал ее Чарлз,— мистер Торнтон — наш гость.

Она резко обернулась.

— А ты — где был ты, когда я продиралась сквозь смердящий и развратный средневековый Париж?! Сидел в уютной монастырской библиотеке где-то на Балканах, этакий святоша, да еще и высокомерный вдобавок ко всему, рылся там в старых пергаментах в поисках едва уловимых намеков на следы чего-то этакого, хотя прекрасно знал, что этого никогда не было.

— Но, дорогая моя,— возразил он,— это существует.— И положил цилиндр на стол около бутылки.

Она уставилась на предмет и после паузы произнесла:

— Значит, ты ее нашел, мерзавец, и теперь можешь вернуться и царить над всеми, доживая остаток жизни в роли того

самого гада, который наконец нашел капсулу. Одна польза от всего этого: команда избавится от тебя, и то ладно.

— Заткнись,— бросил Чарлз,— это не я ее нашел, а мистер Торнтон.

Она перевела взгляд на меня.

— И откуда же вы про нее узнали?

— Я рассказал,— пояснил Чарлз.

— О, просто великолепно! Значит, он знает и о нас?

— Он и так знал. Мне кажется, и мистер Пайпер тоже. Они нашли один из кубиков Стефана, а когда самолет сбил припаркованное седло Стефана, оно упало во двор мистера Торнтона. Дорогая, эти люди отнюдь не глупы.

— Вы очень любезны,— кивнул я ему.

— Да и шериф тоже,— добавила она.— Он тут приходил вынюхивать вместе с этими двумя.

— Вряд ли шериф осведомлен,— ответил я.— Он не знает ни о кубике, ни о седле. Он видел только вон то сооружение и решил, что это какая-нибудь игра.

— Но вы-то знаете, что не игра?

— Я не знаю, что это.

— Это карта,— объяснил Чарлз.— Показывает, где и когда мы находимся.

— И все остальные, посмотрев на нее или другую такую же, знают, где остальные. Вот это мы,— указала Анжела.

Мне это казалось совершенно бессмысленным. Непонятно, зачем им такая карта и как она работает.

Анжела подошла ко мне и взяла за руку.

— Смотри вниз, в ее центр. Давай подойдем ближе и посмотрим в центр.

— Анжела,— окликнул Чарлз,— ты же знаешь, что это запрещено.

— Боже милосердный, ему ведь причитается! Он нашел этот вонючий цилиндр и отдал тебе.

— Послушайте,— вмешался я,— не знаю, что происходит, но увольте меня от этого.— И попытался выдернуть руку, но Анжела не отпускала, впиваясь ногтями в мою кожу.

— Ты пьяна, ты снова пьяна и не соображаешь, что мелешь.— По тону Чарлза чувствовалось, что он ее боится.

— Да, пьяна, но уж не настолько. Достаточно пьяна, чтобы стать чуточку гуманней. Достаточно пьяна, чтобы стать чу-

точку великодушней.— И приказала мне: — Вниз. Смотри вниз, в центр.

И тогда я, господи помилуй, посмотрел в центр этого дикого сооружения. Должно быть, я надеялся этим ей угодить и тем положить конец неловкой ситуации. Но это лишь предположение, теперь я уж не помню, чего это ради посмотрел туда. Позже я даже гадал, не ведьма ли она, потом спросил себя, что такое ведьма, совсем запутался в поисках определения и остался ни с чем — но это было позже, а не в тот момент.

Словом, я поглядел туда, но не увидел ничего, кроме клубящегося тумана, только туман был не белый, а черный. Мне он чем-то не понравился, было в его кружении что-то пугающее, я хотел было отступить назад, но не успел сделать и шага, как черный туман будто взорвался и поглотил меня.

Реальный мир остался где-то позади, я словно лишился тела, превратившись в чистое сознание, повисшее в черноте вне времени и пространства, среди всеобъемлющей пустоты, где не было места ни для чего, кроме моего с Анжелой сознания.

Ибо она была по-прежнему рядом со мной, даже среди этой черной пустоты, и я по-прежнему ощущал ее ладонь в моей, но, даже чувствуя прикосновение, понимал, что это не рука, ведь ни у меня, ни у нее рук не было. И стоило мне мысленно произнести это, как я сразу же понял, что ощущаю не ладонь, а присутствие Анжелы, эссенцию ее бытия, понемногу проникавшего в мое, словно мы перестали быть отдельными личностями, каким-то неведомым образом слившись в единое целое, сделавшись настолько близкими, что утратили собственную индивидуальность.

Я ощутил, как рвется из груди крик, но не было ни груди, ни рта, так что крикнуть я не мог, несмотря на зреющую во мне панику. Куда девали мое тело, получу ли я его обратно? И тут же Анжела подвинулась ближе, словно хотела меня утешить, и действительно мысль, что она рядом, успокаивала. Вряд ли она заговорила со мной или вообще что-либо делала, но я каким-то образом понял, что нас здесь двое и места хватит только для нас двоих. Ни страху, ни даже удивлению здесь не место.

А затем черная пустота отступила, но тела не вернулись. Мы по-прежнему были бестелесными существами, зависшими

над кошмарным пейзажем: внизу раскинулась голая равнина, темными, блеклыми волнами уходившая в сторону зубчатых гор. Это продлилось не более мгновения, и разглядеть пейзаж было невозможно, будто изображение на миг включили и тут же выключили. Я успел лишь бросить взгляд.

И снова мы зависли в пустоте, и Анжела обняла меня — окружила со всех сторон. Ощущение было очень необычным, ведь ни у нее, ни у меня не было рук и тел для объятий. Ее прикосновение было не просто утешительным, как в прошлый раз, а я всей душой, всем разумом и памятью тела стремился из этой черной пустоты к другой живой душе. Я невольно потянулся к ней, проникая в нее, сливаясь и растворяясь в ней. Наши души, наши разумы, наши тела стали одним целым. В тот момент мы познали друг друга куда ближе, чем это кажется возможным, мы объединились. В этом ощущении было что-то сродни интимной близости, только намного более сильное — именно такого соединения ищут, но не достигают в интимном контакте. Это полнейшее соединение длилось и длилось, достигнув вершины. Экстаз все не кончался и, наверное, мог бы длиться вечно, если бы не копошившийся в уголке моего отчасти сохранившего позицию наблюдателя сознания грязный вопросишко, а как бы это было с кем-нибудь другим, а не с этой сучкой Анжелой.

Скепсис сделал свое дело: волшебство развеялось. Пустота ушла прочь. Мы снова стояли в Вигваме, рядом со странным аппаратом, все еще держась за руки. Выпустив мою ладонь, она обернула ко мне свое побледневшее от ярости лицо и сказала ледяным тоном:

— Запомни это. Больше ни с одной женщиной такое не повторится.

Стоявший на прежнем месте Чарлз подхватил почти пустую бутылку и издал понимающий, оскорбительный смешок:

— Я обещал вам выпивку. Пожалуй, сейчас самое время.

— Да, пожалуй.

Я направился к нему, а он взял стакан Анжелы и стал его наполнять.

— Стаканов у нас не хватает. Но в сложившихся обстоятельствах вы вряд ли будете возражать.

И тут я ему врезал прямо по физиономии. Он этого не ожидал, и когда увидел кулак, то уклониться не успел. Удар пришелся прямо по зубам, и он рухнул как подрубленный, вы-

ронив бутылку и стакан. Те покатились по ковру, разливая виски.

После удара мне сразу полегчало: я хотел ему вмазать с самого начала, когда впервые встретился с ним утром. Поразительно, как недавно на самом деле это было.

Чарлз не пытался встать — то ли не сумел, то ли отключился. С равным успехом он мог отдать концы.

Развернувшись на месте, я пошел к двери, открыл ее и оглянулся. Анжела стояла там, где я ее оставил, и, встретив мой взгляд, даже не шелохнулась. Я попытался сообразить, что можно сказать на прощанье, но в голову не пришло ничего путного. Ладно, сойдет и так.

Моя машина стояла на дорожке, солнце клонилось к горизонту. Я глубоко вздохнул — вероятно, бессознательно стремясь смыть липкий запах тумана пустоты, хотя, признаться честно, никакого запаха там не было.

Сев в машину и взявшись за руль, я вдруг заметил, что костяшки правой руки кровоточат, промокнул кровь о рубашку и разглядел явственные следы зубов.

Вернувшись в хижину, я поставил машину, поднялся на крыльцо и уселся в кресло — просто так, без всякого дела. Пролетела, направляясь на юг, «Стремительная Гусыня». В кустах за домом суетились малиновки. Воробей чириканьем провожал зарю.

Когда совсем стемнело и показались светлячки, я вошел в дом и приготовил ужин, но после еды вернулся на крыльцо. Голова понемногу начинала работать, хотя мысли еще путались.

У меня перед глазами, как живое, стояло видение, неотвязное воспоминание, след мимолетного взгляда, брошенного на тот темный, тусклый пейзаж. Как ни кратка была моя встреча с ним, видение не отступало, прочно отпечатавшись в памяти,— я отыскивал в нем все новые и новые подробности, детали, о которых даже не подозревал,— более того, готов был присягнуть, что ничего подобного не видел. Из-за своей черноты равнина казалась гладкой, но теперь я понял, что это не совсем так: там виднелись какие-то темные всхолмления, да кое-где возносились зазубренные острия — остовы разрушенных зданий. А еще я знал — или понимал,— отчего равнина выглядит такой черной. Это угольная чернота материковой скалы, сплавившейся и застывшей чудовищным памятником тому

моменту, когда земля и лежащие под ней скалы смешались, мгновенно растекаясь жидкой лавой в пламени всепожирающего пожара.

Это будущее. Никаких сомнений, Анжела показала мне будущее — то будущее, из которого эти стервятники разлетелись по всем столетиям, рыщут по неведомым временам, чтобы отыскать не только то, что ведали их далекие предки, но и то, что было случайно обнаружено или открыто, но не познано. Хотя, если вдуматься, чем эдаким отличился, к примеру, Вийон? Ну да, он поэт, превосходный средневековый поэт, опередивший свое время, но в то же самое время вор и босяк.

Что мы проглядели в Вийоне, что проглядели мы во многих других событиях и людях? В чем заключалось то особое значение, которое прошло мимо наших умов, но которое распознали и теперь выискивают в черных пустынях будущего наши отдаленные потомки? Они вернулись к нам и роются на свалках нашей истории, высматривая то, что мы по недомыслию отшвырнули прочь.

Ах, если б мы только могли поговорить с ними, если бы они согласились поговорить с нами,— но, увы, это невозможно. А виной всему их высокомерие и наша неспособность стерпеть их плохо скрываемое пренебрежение. Как если бы современный радиоастроном отправился пообщаться с древневавилонским астрологом. И тут и там между участниками беседы зияет пропасть — они отличаются друг от друга не столько объемом познаний, сколько самим мировоззрением.

Безотказный козодой, каждый вечер исправно отмечающий начало сумерек, завел свое заунывное оханье. И вот, слушая эти мирные звуки, я отдался во власть исходящего от леса покоя. «Забуду обо всем,— твердил я себе,— сотру все из памяти напрочь. В конце концов, мне надо дописать книгу, и нечего терзаться по поводу того, что произойдет бог весть сколько тысячелетий спустя».

И знал, что заблуждаюсь,— такое не забывается. Слишком уж многое осталось недосказанным, чтобы просто закрыть глаза на случившееся. А еще, должно быть, слишком многое поставлено на карту. Хотя указать, что именно, я бы не сумел — найдены ответы не на все вопросы, даны не все разъяснения, недосказан рассказ. А отыскать ответы можно только в одном-единственном месте.

Итак, я спустился с крыльца и сел в машину. Вигвам был погружен во тьму, на мой стук никто не ответил; я нажал на ручку, и дверь распахнулась. Войдя в дом, я молча стоял во тьме — по-моему, в полной уверенности, что там никого нет. Через некоторое время глаза привыкли к темноте, и я осторожно двинулся вперед, стараясь не цепляться за стулья. Под ногой что-то хрустнуло, я застыл в полушаге и разглядел изувеченные остатки карты времен. Нашарив в кармане коробок, я чиркнул спичкой, и при ее слабом огоньке стало видно, что куб разбит — должно быть, кто-то изрядно потрудился над ним с кувалдой или булыжником.

Спичка догорела и обожгла мне пальцы. Не видя смысла задерживаться, я развернулся и вышел, хлопнув дверью. Теперь у жителей холмов появится еще одна загадка, о которой можно вволю посудачить. Взять хотя бы карту времен — когда ее найдут, разговоров хватит минимум на год. Однако настоящей тайной останется вопрос о том, что же случилось с посетителями Вигвама, исчезнувшими как-то летом, бросив в гараже новенький «кадиллак». Сумма неуплаченных налогов будет понемногу расти, пока кто-нибудь не уплатит их, и тогда Вигвам приобретет нового владельца и новое название — но на легенде это никак не скажется. Год за годом ее станут пересказывать на Торговом Посту, с каждым пересказом история будет обрастать все более красочными подробностями, и со временем Вигвам приобретет славу проклятого места.

В лесу перемигивались светлячки, а добропорядочный козодой все так же вздыхал по ту сторону лощины. Ничего не попишешь — я сделал, что мог. Утешая себя этой мыслью, я вернулся в хижину, не в силах отделаться от ощущения полнейшего краха, а еще осознания, что лишился единственного шанса добиться хоть чего-нибудь. Вот и все, пиши пропало. Так что лучше уж засесть за рукопись в надежде, что работа поможет забыть о случившемся — а если не забыть, то по крайней мере забыться, пока воспоминания не утратят первоначальную свежесть.

И я старался. Целых три дня. Собрал волю в кулак и даже кое-что написал. Потом перечитал, разорвал и написал все заново. Второй вариант оказался ничуть не лучше предыдущего.

Сидя за кухонным столом, я пытался сосредоточиться на работе, но седло в шкафу будто поддразнивало меня. Тогда я вытащил его из шкафа, поволок вниз и спихнул в глубокий

овраг, но и это ничуть не помогло — оно зазывало меня и оттуда. Пришлось слезть в овраг, выволочь его обратно и снова швырнуть в шкаф.

Продукты кончились, вынудив меня поехать в Торговый Пост. Хемфри сидел снаружи. Наклонив стул так, что тот опирался на задние ножки и прислоненную к стене здания спинку, Хемфри создал себе подобие кресла. Я купил все необходимое, взял подписанное Невиллом письмо и пару часов просидел рядом с Хемфри, слушал его болтовню о руднике. Говорил только Хемфри, я же не вставил ни словца из страха невольно проговориться и хоть косвенно дать ему понять о своей осведомленности.

Письмо было коротким. Невилл явно писал в спешке. «Уезжаю в Грецию, надо снова повидать Марафон».

Вернувшись домой, я собрал все свои наброски и черновики, сунул их в портфель и отправился удить рыбу. Если я способен увлечься рыбалкой, значит, еще не все потеряно — проведу конец лета за этим занятием и как-нибудь оклемаюсь. Но рыбалка долго не продлилась.

Я добыл уже три довольно крупные рыбины, когда дошел до того места, где присел тогда на колоду и заметил торчащие из земли торцы бревен.

Я вновь вошел в ручей и поглядел вверх, на холм. Вон там по склону промчалась белка и нырнула в пещерку, а невдалеке от пещерки зиял вход в рудник.

И тут мой рассудок преподнес мне неожиданный сюрприз. При взгляде на эту пещерку до меня вдруг дошло одно непонятное, едва уловимое обстоятельство. Оно с самого начала таилось в моем подсознании, до сей поры оставаясь незамеченным. После я ломал голову, почему не прозевал его, почему оно не осталось скрытым, почему компьютер в моем мозгу все-таки извлек его на белый свет.

Помнится, в пещерке виднелись перья и белесый помет находивших в ней укрытие птиц, а у дальнего края была небольшая осыпь. Осыпь-то и привлекла мое внимание — должно быть, я подсознательно отметил нечто существенное, но в тот раз был так возбужден, что отложил рассмотрение на потом.

И вот сейчас мне вдруг стало ясно, что козырек пещерки состоит из известняка, а осыпь — из зеленого сланца. Этим зеленым сланцем усыпано все ложе ручья — это просто гладкие обломки мягкой породы, принесенные сюда водой с рав-

нины Декоры, расположенной на известковых отложениях. Так что сланец вовсе не осыпался — его туда принесли намеренно.

Хоть это и кажется невероятным, но, скорее всего, именно в тот момент я понял, в чем дело. Невероятная ситуация неминуемо породила невероятную гипотезу.

Рассудок взбунтовался. «К черту! — думал я.— Сыт по горло»,— одновременно осознавая, что все равно погляжу, иначе места себе не найду. Неопределенность будет вечно преследовать меня. По-моему, в тот момент я даже надеялся, что наткнусь на обломки известняка, а вовсе не сланца.

Но, подойдя поближе, убедился в правоте подсознания — это были именно гладкие, обкатанные водой куски сланца. А под кучкой камней были спрятаны два принадлежавших Стефану фотокубика.

Сидя на корточках и разглядывая предметы, я вспомнил слова Чарлза: «Он просто психопат. Сделал свое грязное дело и спрятал кубики, так что мы не смогли их найти».

Как ни странно, я не мог вспомнить, какие именно слова тот употребил. Назвал ли он Стефана психопатом, а дело грязным или использовал другие, но очень сходные по смыслу слова? Вот насилие он упоминал, это точно,— но в его устах этот термин заменял некое более емкое понятие, раскусить которое мне не по зубам. Но суть его реляций, разумеется, сводилась к одному — продемонстрировать глубину разверзшейся между нашими временами пропасти.

Я попытался вообразить, как современный работник службы социального обеспечения мог бы объяснить смысл сострадания к обездоленным римскому патрицию, оперировавшему лишь категориями хлеба и зрелищ. Сравнение, конечно, довольно слабое, ведь пропасть между работником социального страхования и патрицием гораздо уже, чем расстояние между мной и Чарлзом.

И вот я сижу за кухонным столом, а передо мной стопка исписанных листов. Рукопись подходит к концу. Рядом стоят два кубика. Меня не покидает удивление перед слепым стечением обстоятельств, направлявших меня прямо к ним. А еще я не без горечи удивляюсь необходимости в одиночку нести груз истины, не имея возможности поделиться ни с кем даже словом, доверяясь лишь бумаге, в тишине и тайне ради собст-

венной безопасности (хотя и начинаю думать, что это меня не спасет).

И еще меня удивляет отсутствие во мне какого бы то ни было сострадания к этим людям будущего: ну не могу я считать их детьми наших детей, нашими отдаленными потомками. Отчего я не могу пожелать им добра? Не знаю, не понимаю и ничего не могу с собой поделать — словно они чужаки, словно они так же чужды мне, как и те существа, которые отправляли к звездам цилиндры; но чужими их сделало не расстояние, а время.

Теперь о кубиках.

Конечно, я не историк, но почти уверен, что в первом запечатлена коронация Карла Великого на трон властителя Западной империи. Карл — если это действительно он — просто грубое животное, головорез, с первого же взгляда внушающий инстинктивную неприязнь. А проводит церемонию Лео III — маленький суетливый человечек, на которого происходящее производит гораздо более сильное впечатление, чем на будущего императора.

Разумеется, уверенности у меня нет, но целый ряд факторов заставляет меня предполагать, что в этом фото изображены Карл Великий и Лео. В контексте истории именно эта коронация должна привлечь внимание человека, отправляющегося в прошлое, а если точнее — привлечь внимание человека нашего времени. Со Стефаном ни в чем нельзя быть уверенным — если его мышление и мировоззрение похожи на мировоззрение его современников, то один бог ведает, зачем он вообще что-то делал. С другой стороны, он сфотографировал Марафонскую битву — а это наводит на мысль, что он думал примерно в том же направлении, что и мы, и делает понятным его так называемый психоз. Быть может, современники считали его невротиком из-за явно атавистической натуры?

Слабое утешение. Уж лучше бы атавизм был тут ни при чем. Будь у меня такая уверенность, второй кубик не внушал бы мне таких опасений.

Теперь я жалею, что так и не собрался свести знакомство со Стефаном. Как оказалось, его никто и не знал толком. Многие годы мы жили бок о бок, удосуживаясь лишь помахать ему рукой при встрече. Ну да, характер у него был непростой — Хемфри говорил, что из Стефана слова клещами

не вытянешь. И все же всем нам стоило приложить побольше усилий.

Теперь я пытаюсь мысленно воссоздать его образ, представить, как он крадется через лощину, чтобы спрятать кубики. Должно быть, смерть застигла его по дороге к тайнику, когда Стефан хотел схоронить марафонское фото. И у меня зреет парадоксальное предположение, что он сыграл над нами какую-то жуткую могильную шутку, сам навел нас на свой тайник, намеренно погибнув прямо под мостом, чтобы я или кто-нибудь другой легко нашел спрятанные кубики. Тогда две фотографии достоверных исторических событий должны вызвать доверие к третьей. Это, конечно, безумие, но в крайних обстоятельствах люди думают вопреки логике. Должно быть, заблуждаюсь все-таки я, изо всех сил отыскивая повод не придавать значения третьему снимку.

На снимке показано распятие. Крест совсем невысок — ноги распятого не достают до земли всего пару футов. Запястья приколочены к перекладине гвоздями, ноги согнуты в коленях. Вдали виден древний город. Рядом со скучающим видом опираются о копья с полдюжины безмолвных солдат — насколько я понимаю, это римские легионеры, приставленные к кресту для охраны порядка во время казни. Кроме солдат, почти никого — небольшая группка притихших зрителей. Под крестом, обнюхивая его, стоит тощий пес.

На кресте нет никакой таблички с издевательской надписью. Чело распятого не увенчано терновым венцом. Крест лишь один, крестов с разбойниками рядом нет. И никакой торжественности момента.

Но все-таки, все-таки... Стефан снял момент Марафонской битвы, увековечил для потомков тот немаловажный рождественский день, доказав, что обладает острым чутьем историка, причем историка современного, а не будущего. Если он настолько прав в двух случаях — то почему же должен заблуждаться в третьем? Ну да, распятие применялось часто, это наказание для рабов и преступников — словом, для отверженных и презренных. Но историческим значением обладает лишь одно-единственное. Мог ли Стефан его прозевать? Хочется верить, что так, но, увы, скорее всего, он прав.

Но что меня огорчает, наполняя душу бездонным холодом,— это заурядность происходящего. Обыденная смерть. Солдаты

ждут, когда жертва отдаст концы и можно будет заняться чем-нибудь более приятным. Остальные просто ждут конца, безропотно и смиренно; владычеству и силе Рима не может противостоять никто.

Но все-таки я считаю, что если событие происходило именно так, таким оно и должно остаться, таким оно и должно быть поведано нам. Из этого грустного и ничтожного события христианство может почерпнуть такую силу, какой никогда не даст ему вся символика воображаемой славы.

Голова жертвы свесилась на грудь, но если повернуть кубик — не увидеть его будет невозможно.

И заглянув ему в лицо, я все пойму — не потому, что узнаю. Мы не знаем, каким он был, до нас дошли только плоды фантазии стародавних художников, и не все они сходятся между собой. Нет, я узнаю его по глазам, по какому-то особому выражению лица.

И еще мне не дает покоя седло. Интересно, можно ли его починить? Можно ли заставить его снова заработать? Сумею ли я с нуля разобраться в управлении?

Примечание редактора. Данная рукопись найдена после исчезновения Эндрю Торнтона, в его портфеле, вместе с черновиками книги, над которой он работал. Полиция пришла к заключению, что он, вероятно, забрел в чащу, где и убит медведем, так что найти его тело будет практически невозможно. Расстроенное состояние его ума, проявившееся в рукописи, делает эту гипотезу весьма вероятной. Об исчезновении Торнтона сообщил его друг, Невилл Патер, по возвращении из Греции. Упомянутое в рукописи седло не обнаружено да и вряд ли когда-либо существовало. Доктор Патер, ныне после ряда новых находок занятый работой над книгой о Марафонской битве, категорически отрицает наличие так называемой Марафонской фотографии.

Он возвращался домой, когда вновь услышал звук мотора модели «Т». Вот уж не тот звук, который можно с чем-то спутать,— и ведь это не впервые за последние дни, что звук долетал к нему издали, с шоссе. Удивительная история: ведь, по его сведениям, ни у кого во всей стране не было больше модели «Т». Ему доводилось читать — где? вероятно, в газете,— что за старые машины, такие как модель «Т», нынче выкладывают большие деньги, хотя смысл подобной покупки оставался за пределами его понимания. Кому в здравом уме нужна модель «Т», когда вокруг полно современных, бесшумных, сверкающих автомобилей? Но в эти сумасбродные времена не разберешься, что люди делают и зачем. Не то что в прежние деньки, однако прежние деньки давно миновали, и все, что остается,— приноровиться как умеешь к нынешним правилам и порядкам.

Брэд уже закрыл пивную, закрыл чересчур рано, и теперь идти было просто некуда, только домой. Хотя с тех пор, как Баунс состарился и издох, возвращаться домой было страшновато. «Не хватает мне Баунса,— признался он себе,— мы так хорошо ладили, прожили вместе больше двадцати лет, а нынче, когда пса не стало, в доме одинокая, гулкая пустота...»

Он брел проселком на краю своего городишка, шаркая по пыли и пиная комки земли. Ночь была светла почти как день, над деревьями висела полная луна. Сиротливые сверчки возвещали конец лета. И раз уж он брел пешком, то волей-

---

* «Форд» модели «Т», первый массовый американский автомобиль, был выпущен за 1908–1927 годы в количестве 15 миллионов штук. Выпуск автомобилей «максвелл», о которых также идет речь в рассказе, был прекращен в 1925 году.— *Примеч. пер.*

© Перевод О. Битова.

неволей вспомнил ту модель «Т», какая была у него в молодые годы,— он проводил часы в ветхом машинном сарае, отлаживая и регулируя ее, хотя, видит бог, модель «Т» в сущности не нуждалась в регулировке. Это был простой механизм, проще не придумаешь, подчас чуть-чуть сварливый, но верный друг, каких, пожалуй, с тех пор уже и не создавали. Он вез вас, куда вам надо, и возвращал обратно,— в те времена никто ничего большего и не требовал. Крылья дребезжали, жесткие покрышки могли вытрясти из вас душу, иной раз машина упрямилась на подъеме, но если вы знали, как управляться с ней и ухаживать за ней, серьезные неприятности вам не угрожали.

То были деньки, говорил он себе, когда вся жизнь была простой, как модель «Т». Не было ни подоходного налога (хотя, коль на то пошло, для него лично подоходный налог никогда не был проблемой), ни социального страхования, отбирающего у вас часть заработка, ни лицензий на то и на другое, ни порядка, повелевающего закрывать пивные в определенный час. «Жить было легко,— решил он,— человек брел себе по жизни как получалось, и никто не приставал к нему с советами и не становился ему поперек дороги...»

А звук мотора модели «Т», вдруг выяснилось, становился все громче — он был так погружен в свои мысли, что по-настоящему не обращал на это внимания. Однако теперь звук достиг такой силы, будто машина прямо у него за спиной. Понятно, звук воображаемый, но уж такой естественный и такой близкий,— и он отпрянул в сторону, чтобы машина его не задела.

Она не задела его, а подъехала и остановилась — самая настоящая, в натуральную величину, казалось бы, ничего непривычного. Но правая передняя дверца (другой впереди и не было — слева дверцы не полагалось) распахнулась. Распахнулась сама собой — ведь машина пришла пустой, открыть дверцу никто не мог. Впрочем, это его тоже не особенно удивило: насколько помнилось, ни один владелец модели «Т» не додумался, как удержать эту дверцу закрытой. Там же всего одна незатейливая защелка, и при каждом толчке (а уж толчков хватало — таковы были в те времена дороги, и покрышки были жесткие, и подвеска) проклятая дверца распахивалась без промедления.

Только на этот раз — после стольких-то лет — дверца распахнулась как-то особенно. Она вроде бы приглашала войти:

машина остановилась мягко, и дверца не отвалилась, а открылась плавно, торжественно, как бы зазывая человека в салон.

И он забрался внутрь, присел на правое сиденье, и как только оказался в салоне, дверца сама собой закрылась, а машина тронулась. Он хотел было перебраться за руль — там же не было шофера, а дорога впереди изгибалась и надо было помочь машине одолеть поворот. Но прежде чем он успел передвинуться и положить руки на баранку, машина принялась поворачивать сама и так точно, будто кто-то управлял ею. Он застыл в недоумении и даже не пытался больше прикоснуться к рулю. Машина справилась с поворотом без колебаний, а за поворотом начинался крутой затяжной подъем, и мотор взревел во всю мощь, набирая скорость перед подъемом.

«И самое-то странное,— сказал он себе, все еще готовясь взяться за баранку и все еще не трогая ее,— что не было здесь никогда ни поворота, ни подъема...» Он знал эту дорогу назубок, она бежала прямо почти три мили, пока не выводила на другую дорогу вдоль реки, и на протяжении всех трех миль не изгибалась и не петляла, не говоря уж о том, что не поднималась ни на какие холмы. А вот сегодня поворот был, и подъем на холм тоже был: машина пыжилась изо всех сил, но надорвалась и сбавила ход, и ей волей-неволей пришлось переключиться на низшую передачу.

Мало-помалу он решился сесть прямо, а потом и отодвинулся от руля вправо. Стало очевидным, что данная модель «Т» по ведомым только ей причинам не нуждается в шофере, а может, даже чувствует себя лучше без шофера. Казалось, она прекрасно знает, куда ехать, и приходилось признать, что она знает больше, чем он. Местность, хотя и смутно знакомая, была определенно не той, что окружала городок Уиллоу Бенд. Тут вокруг поднимались холмы, изрезанные оврагами, а Уиллоу Бенд расположен на ровных и просторных заливных лугах у реки, где ни холмика, ни овражка не сыщешь, пока не доберешься до конца равнины, до замыкающих ее отдаленных скал.

Он сдернул с головы кепку и предоставил ветру трепать волосы, и ветер занялся этим не мешкая — кузов был с откидным верхом, и верх откинут. Машина вползла на вершину холма и устремилась вниз, старательно вписываясь в изгибы дороги, петляющей по склонам. И едва дорога пошла вниз, зажигание

каким-то образом выключилось: в точности так, вспомнилось, поступал и он сам, когда имел свою собственную модель «Т». Цилиндры хлопали и хлюпали вхолостую, а двигатель остывал.

Машина одолела очередной резкий поворот над глубокой черной лощиной, сбегающей куда-то вниз меж холмов, и он уловил свежий сладкий запах тумана. Запах всколыхнул воспоминания, и не сознавай он, что такого не может быть, он решил бы, что вернулся в края своей юности. Потому что юность его прошла среди лесистых холмов, и там летними вечерами накатывал такой же туман, принося с собой снизу ароматы кукурузных полей, клеверных пастбищ и смесь других ароматов, какими полны богатые плодородные земли. Однако здесь, это уж наверняка, другие края — те, где прошла юность, далеко, до них никак не меньше часа езды. Хотя он, если честно, попрежнему недоумевал, куда его занесло: все, что было видно вокруг, даже не напоминало места поблизости от городка Уиллоу Бенд.

Машина скатилась со склона и весело побежала по ровной дороге. Мимо мелькнула ферма, приютившаяся у подножия холмов,— два слабо освещенных окошка, а рядом неясные силуэты амбара и курятника. На дорогу выскочил пес и облаял модель «Т». Других домов не попадалось. Правда, на дальних склонах кое-где проступали булавочные огоньки, и не приходилось сомневаться, что там такие же фермы. Встречных машин тоже не попадалось, хотя в этом, если вдуматься, не было ничего странного. Работали на фермах до заката и ложились сразу же, потому что вставали с первыми лучами зари. На сельских дорогах никогда не бывало большого движения, кроме как по субботам и воскресеньям.

Модель «Т» прошла новый поворот, и впереди возникло яркое пятно света, а когда подъехали поближе, то послышалась музыка. И опять его кольнуло ощущение чего-то знакомого, и опять он не мог понять почему. Модель «Т» замедлила ход и вкатилась в пятно света, и стало ясно, что свет исходит из танцевального павильона. По фасаду висели гирлянды лампочек, на высоких столбах вокруг автостоянки горели фонари. Сквозь освещенные окна он увидел танцующих, и вдруг до него дошло, что такой музыки он не слышал более полувека. Модель «Т» мягко въехала на стоянку и выбрала себе место рядом с машиной марки «максвелл». «Туристский “максвелл”,—

подумал он с изрядным удивлением.— Да ведь эти машины исчезли с дорог многие годы назад! Такой в точности "максвелл" был у старины Верджа как раз тогда, когда у меня была модель "Т". Старина Вердж — сколько же лет прошло, не сосчитать...»

Он попытался припомнить фамилию старины Верджа, да не получилось. Как ни грустно, с возрастом вспоминать имена и названия становилось все труднее. Вообще-то старину Верджа звали Верджил, но дружки всегда сокращали имя до односложного. Теперь ему вспомнилось, что они были почти неразлучны, удирая из дому на танцы, распивая украдкой самогон, играя на бильярде, бегая за девчонками,— в общем, занимаясь помаленьку всем, чем занимаются юнцы, когда у них находится время и деньги.

Он открыл дверцу и выбрался из машины на стоянку, выложенную крупным гравием. Гравий хрустнул под ногами, и хруст словно послужил толчком, чтобы наконец узнать это место. То-то оно показалось ему знакомым, только он не понимал почему, а теперь понял. Он застыл как вкопанный, почти оцепенев от свалившегося на него откровения, вглядываясь в призрачную листву огромных вязов, высящихся по обе стороны павильона. Его глаза различили очертания холмов над павильоном — он узнал эти очертания, а затем напряг слух и уловил бормотание бегущей воды: неподалеку на склоне бил родник, и вода стекала по деревянному лотку к придорожным поилкам. Только поилки уже разваливались, как и лоток,— за ними перестали следить с тех пор, как на смену конным экипажам окончательно пришли автомобили...

Отвернувшись, он бессильно опустился на подножку, опоясывающую борта модели «Т». Глаза не могли обмануть его, уши не могли предать. В былые годы он слишком часто слышал характерное бормотание бегущей по лотку воды, чтобы спутать этот звук с каким-либо другим. И контуры вязов, и очертания холмов, и гравийная автостоянка, и гирлянда лампочек на фасаде — все это вместе взятое могло значить только одно: каким-то образом он вернулся, или его вернули, к Большому Весеннему Павильону. «Но это же,— сказал он себе,— было более пятидесяти лет назад, когда я был молод и беззаботен, когда у старины Верджа был его "максвелл", а у меня модель "Т"...»

Неожиданно для себя он разволновался, и волнение захватило его безраздельно, пересилив удивление и чувство абсурдной невозможности происходящего. Само по себе волнение было так же загадочно, как этот павильон и то, что он опять очутился здесь. Он встал и пересек автостоянку, гравий хрустел, скользил и перекатывался под ногами, а тело было наполнено необыкновенной, юношеской легкостью, какой он не ведал годами. Музыка плыла навстречу, обволакивала и звала — не та музыка, что нравится подросткам в нынешние времена, не грохот, усиленный электронными приспособлениями, не скрежет без всякого подобия ритма, от которого у нормальных людей сводит зубы, а у придурков стекленеют глаза. Нет, настоящая музыка, под которую хочется танцевать, мелодичная и даже прилипчивая — сегодня никто и не помнит, что это такое. Звонко и сладостно пел саксофон — а ведь, сказал он себе, сакс сегодня почти совершенно забыт. И тем не менее здесь сакс пел в полный голос, лилась мелодия и ветерок, налетающий снизу из долины, покачивал лампочки над дверью.

Он был уже на пороге павильона, как вдруг сообразил, что вход не бесплатный, и приготовился достать из кармана мелочь (ту, что осталась после бесчисленных кружек пива, выпитых у Брэда), но тут заметил на запястье правой руки чернильный штамп. И вспомнил, что таким штампом на запястье помечали тех, кто уже заплатил за вход в павильон. Так что осталось лишь показать штамп сторожу у дверей и войти внутрь. Павильон оказался больше, чем ему помнилось. Оркестр расположился у стенки на возвышении, а зал был полон танцующими.

Годы улетучились, все было как встарь. Девчонки пришли на танцы в легких платьицах, и ни одной в джинсах. Кавалеры, все без исключения, надели пиджаки и галстуки, и все старались соблюдать приличия, вести себя с галантностью, о какой он давным-давно забыл. Тот, кто играл на саксофоне, поднялся в рост, и сакс заплакал мелодично и грустно, накрывая зал волшебством, какого, еще недавно подозревал он, в мире просто не сохранилось.

И он поддался волшебству. Не помня себя, удивившись себе, едва до него дошло, что случилось, он оказался в зале среди танцующих. Он включился в волшебство, танцуя сам

с собой,— после стольких лет одиночества он наконец-то вновь ощутил себя частью целого. Музыка заполнила мир, мир сузился до размеров танцевальной площадки, и пусть у него сегодня не было девчонки и он танцевал сам с собой, зато он вспомнил всех девчонок, с какими танцевал когда-либо прежде.

Чья-то тяжелая рука легла ему на предплечье, но кто-то другой сказал:

— Да ради бога, оставь ты старика в покое, у него есть такое же право веселиться, как у любого из нас...

Тяжелая рука отдернулась, хозяин руки побрел, пошатываясь, куда-то прочь, и вдруг в том направлении завязалась возня, которую при всем желании нельзя было принять за танец. Тут откуда-то возникла девчонка и сказала:

— Давай, папаша, пойдем отсюда...

Кто-то подтолкнул его в спину, и он вслед за девчонкой очутился на улице.

— Знаешь, папаша, иди-ка ты лучше подобру-поздорову,— предложил какой-то парнишка.— Они вызвали полицию. Да, а как тебя зовут? Откуда ты взялся?

— Хэнк,— ответил он.— Меня зовут Хэнк, и я раньше частенько сюда хаживал. Вместе со стариной Верджем. Мы тут бывали почти каждый вечер. Хотите, я подвезу вас? У меня модель «Т», она там на стоянке...

— Ладно, почему бы и нет,— откликнулась девчонка.— Поехали...

Он пошел впереди, а они повалили следом и набились в машину, и их оказалось гораздо больше, чем думалось поначалу. Они не поместились бы в машину, если б не залезли друг дружке на колени. А он сел за баранку, но ему и в голову не пришло прикасаться к ней: он уже усвоил, что модель «Т» сама сообразит, что от нее требуется. И она, конечно же, сообразила — завелась, вырулила со стоянки и выбралась на дорогу.

— Эй, папаша,— обратился к нему парнишка, сидевший рядом,— не хочешь ли хлебнуть? Не первый сорт, но шибает здорово. Да ты не бойся, не отравишься — никто из нас пока что не отравился...

Хэнк принял бутылку и поднес ее ко рту. Запрокинул голову, и бутылка забулькала. Если б у него еще были сомнения насчет того, куда он попал, спиртное растворило бы их оконча-

тельно. Потому что вкус этой бурды был незабываем. Впрочем, запомнить вкус тоже было немыслимо — но попробуешь сызнова и не спутаешь ни с чем. Оторвавшись от бутылки, он вернул ее тому, у кого взял, и похвалил:

— Хорошее пойло...

— Не то чтобы хорошее,— отозвался парнишка,— но лучшее, какое удалось достать. Этим чертовым бутлегерам все равно, какой дрянью торговать. Прежде чем покупать у них, надо бы заставлять их самих пригубить, да еще и понаблюдать минутку-другую, что с ними станет. Если не свалятся замертво и не ослепнут, тогда, значит, пить можно...

Другой парнишка перегнулся с заднего сиденья и вручил Хэнку саксофон.

— Ты, папаша, смахиваешь на человека, умеющего обращаться с этой штуковиной,— заявила одна из девчонок,— так давай, угости нас музыкой...

— Где вы его взяли? — удивился Хэнк.

— Из оркестра,— ответили сзади.— Тот мужик, что играл на нем, если разобраться, не имел на то никакого права. Терзал инструмент, и все.

Хэнк поднес саксофон к губам, пробежал пальцами по клапанам, и сразу зазвучала музыка. «Смешно,— подумал он,— я же до сих пор даже дудки в руках не держал...» У него не было музыкального слуха. Однажды он попробовал играть на губной гармонике, думал, она поможет ему коротать время, но звуки, какие она издавала, заставили старого Баунса завыть. Так что пришлось забросить гармонику на полку, и он даже не вспоминал о ней до этой самой минуты.

Модель «Т» легко скользила по дороге, и вскоре павильон остался далеко позади. Хэнк выводил рулады на саксофоне, сам поражаясь тому, как лихо у него получается, а остальные пели и передавали бутылку по кругу. Других машин на дороге не было, и вот немного погодя модель «Т» вскарабкалась на холмы и побежала вдоль гребня, а внизу, как серебряный сон, распластался сельский пейзаж, залитый лунным светом.

Позже Хэнк спрашивал себя, как долго это продолжалось, как долго машина бежала по гребню в лунном свете, а он играл на саксе, прерывая музыку и откладывая инструмент лишь затем, чтоб сделать еще глоток-другой. Казалось, так было всегда и так будет всегда: машина плывет в вечность под луной, а следом стелются стоны и жалобы саксофона...

Когда он очнулся, вокруг опять была ночь. Сияла такая же полная луна, только модель «Т» съехала с дороги и встала под деревом, чтобы лунный свет не падал ему прямо в лицо. Он забеспокоился, впрочем, довольно вяло, продолжается ли та же самая ночь или уже началась другая. Ответа он не знал, но не замедлил сказать себе, что это, в сущности, все равно. Пока сияет луна, пока у него есть модель «Т» и есть дорога, чтоб ложиться ей под колеса, спрашивать не о чем и незачем. А уж какая именно это ночь, и вовсе не имеет значения.

Молодежь, что составляла ему компанию, куда-то запропастилась. Саксофон лежал на полу машины, а когда Хэнк приподнялся и сел, в кармане что-то булькнуло. Он провел расследование и извлек бутылку с самогоном. В ней все еще оставалось больше половины, и вот уж это было удивительно: столько пили и все-таки не выпили.

Он сидел за рулем, вглядываясь в бутылку и прикидывая, не стоит ли приложиться. Решил, что не стоит, засунул бутылку обратно в карман, потянулся за саксофоном и бережно положил инструмент на сиденье рядом с собой.

Модель «Т» вернулась к жизни, кашлянула и содрогнулась. Выбралась из-под дерева, вроде бы неохотно, и плавно повернула к дороге. А затем выехала на дорогу и тряско покатилась вниз, взбивая колесами облачка пыли — в лунном свете они зависали над дорогой тонкой серебряной пеленой.

Хэнк гордо восседал за баранкой. И чтоб никоим образом не прикоснуться к ней, сложил руки на коленях и откинулся назад. Чувствовал он себя превосходно, лучше, чем когда-либо в жизни. «Ну, может, не совсем так,— поправил он себя,— вспомни молодость, когда ты был шустряком, гибким и полным надежд. Ведь выпадали, наверное, дни, когда ты чувствовал себя не хуже...» Разумеется, выпадали: переворошив память, он ясно припомнил вечер, когда выпил как раз, чтоб быть под хмельком, но не окосеть и даже не хотеть добавить,— он стоял в тот вечер на гравийной автостоянке у Большого Весеннего, впитывая музыку перед тем как войти, а бутылка за пазухой приятно холодила тело. Днем была жара, он вымотался на сенокосе, но вечер принес прохладу, снизу из долины поднялся туман, напоенный невнятными запахами тучных полей,— а в павильоне играла музыка и ждала девчонка, которая, само собой, не сводила глаз с дверей в предвкушении, что он вот-вот войдет.

«Что и говорить,— подумалось ему,— тогда было здорово...» Тот вечер, выхваченный памятью из пасти времени, был хорош — и все же не лучше нынешней ночи. Машина катится вдоль гребня, залитый лунным сиянием мир стелется внизу. Тот вечер был хорош, но и эти минуты, пусть непохожие на тот вечер, в каком-то смысле не хуже.

А дорога сбежала с гребня и устремилась обратно в долину, змеясь по скалистым склонам. Сбоку выпрыгнул кролик и застыл на мгновение, пригвожденный к дороге слабеньким светом фар. Высоко в ночном небе вскрикнула невидимая птица, но это был единственный звук, не считая клацанья и дребезжанья модели «Т».

Машина достигла долины и понеслась во всю прыть. К самой дороге подступили леса, то и дело загораживая луну. Потом машина свернула с дороги, и он услышал под колесами хруст гравия, а впереди обозначился темный, затаившийся в ночи силуэт. Машина затормозила, и на этот раз Хэнк, примерзший к сиденью, ни на секунду не усомнился, где он.

Модель «Т» вернулась к танцевальному павильону, но волшебство рассеялось. Огни погасли, все опустело. На автостоянке не осталось других машин. Едва модель «Т» заглушила мотор, наступила полная тишина, и он услышал бормотание родниковой воды, стекающей по лотку к поилкам.

Внезапно его охватил холод и неясное чувство тревоги. Здесь теперь было так одиноко, как может быть лишь в очень памятном месте, откуда вдруг вычерпали всю жизнь. Против собственной воли он шевельнулся, выкарабкался из машины и встал с нею рядом, не отпуская дверцу и недоумевая, чего ради модель «Т» прикатила сюда снова и зачем ему понадобилось из нее вылезать.

От павильона отделилась темная фигура и двинулась к стоянке, еле различимая во мраке. Послышался голос:

— Хэнк, это ты?

— Я самый,— отозвался Хэнк.

— Скажи на милость,— спросил голос,— куда это все подевались?

— Не знаю,— ответил Хэнк.— Я был здесь недавно. Здесь было полно народу.

Фигура подошла ближе.

— Слушай, у тебя нет ничего выпить?

— Конечно, Вердж,— ответил он. Теперь он узнал голос.— Конечно, у меня есть что выпить.

Вытащив бутылку из кармана, он протянул ее Верджу. Тот взял, но сразу пить не стал, а, присев на подножку модели «Т», принялся нянчить бутылку, как дитя.

— Как поживаешь, Хэнк? — спросил он.— Черт, как давно мы не виделись!

— Живу ничего себе,— ответил Хэнк.— Переехал в Уиллоу Бенд да так и застрял там. Ты знаешь такой городишко Уиллоу Бенд?

— Был однажды. Проездом. Даже не останавливался. Если б знать, что ты там живешь, тогда бы, конечно... Но я совсем потерял тебя из виду...

Хэнк, со своей стороны, слышал что-то про старину Верджа и еще подумал, не стоит ли об этом упомянуть, но хоть режь, не мог припомнить, что именно слышал, и поневоле промолчал.

— Мне не очень-то повезло,— продолжал Вердж.— Все вышло против ожиданий. Джанет взяла и бросила меня, и я после стал пить и пропил свою бензоколонку. А потом просто перебивался — то одно, то другое. Нигде больше не оседал надолго. И никакого стоящего дела мне больше не попадалось...— Он раскупорил бутылку, отхлебнул и отдал Хэнку, похвалив: — Знатное пойло...

Хэнк тоже отхлебнул и опустился рядом с Верджем, а бутылку поставил на подножку посередине.

— У меня, ты помнишь, был «максвелл»,— сказал Вердж,— но я его, кажется, тоже пропил. Или поставил где-то и не упомню где. Искал где только можно, но его нигде нет...

— Не нужен тебе «максвелл», Вердж,— произнес Хэнк.— У меня же есть модель «Т»...

— Черт, как тут одиноко,— сказал Вердж.— Тебе не кажется, что тут одиноко?

— Кажется. Послушай, выпей еще малость. Потом решим, что нам делать.

— Что толку сидеть здесь? — сказал Вердж.— Надо было уехать вместе со всеми.

— Лучше посмотрим, сколько у нас бензина,— предложил Хэнк.— А то я понятия не имею, что там в баке делается...

Привстав, он открыл переднюю дверцу и сунул руку под сиденье, где обычно держал бензомерный штырь. Нашел, от-

винтил крышку бензобака, но надо было подсветить, и он принялся шарить по карманам в поисках спичек.

— Эй,— окликнул Вердж,— не вздумай чиркать спичками возле бака. Взорвешь нас обоих ко всем чертям. У меня в заднем кармане был фонарик. Если он, проклятый, еще работает...

Батареи сели, фонарик светил совсем слабо. Хэнк опустил штырь в бак до упора, отметив пальцем точку, где заканчивается горловина. Когда он вытащил бензомер, штырь оказался влажным чуть не до самой этой точки.

— Смотри-ка ты, почти полный,— заметил Вердж.— Ты когда заправлялся в последний раз?

— А я вообще никогда не заправлялся.

На старину Верджа это произвело сильное впечатление.

— Кто бы мог подумать, выходит, твоя жестяная ящерка почти ничего не ест...

Хэнк навинтил крышку на бензобак, и они вновь присели на подножку и сделали еще по глотку.

— Сдается мне, я мучаюсь одиночеством уже давно,— сказал Вердж.— Что б я ни делал, мне темно и одиноко. А тебе, Хэнк?

— Мне тоже одиноко,— признался Хэнк,— с тех самых пор, как Баунс состарился и подох у меня на руках. Я же так и не женился. До этого как-то ни разу не дошло. Баунс и я, мы повсюду бывали вместе. Он провожал меня в бар к Брэду и устраивался под столом, а когда Брэд выгонял нас, провожал меня домой...

— Что проку,— сказал Вердж,— сидеть тут и плакаться? Давай еще по глоточку, а потом я, так и быть, помогу тебе завестись, крутану рукоятку, и поедем куда-нибудь...

— Рукоятку даже трогать не надо,— ответил Хэнк.— Просто залезешь в машину, и она заведется сама собой.

— Ну черт бы меня побрал,— сказал Вердж.— Ты, видно, изрядно с ней повозился.

Они сделали еще по глотку и залезли в модель «Т» — и она завелась и вырулила со стоянки, направляясь к дороге.

— Куда бы нам поехать? — спросил Вердж.— У тебя есть на примете какое-нибудь местечко?

— Нет у меня ничего на примете,— ответил Хэнк.— Пусть машина везет нас, куда хочет. Она сама разберется куда.

Подняв с сиденья саксофон, Вердж поинтересовался:

— А эта штука откуда? Что-то я не помню, чтоб ты умел дудеть в саксофон...

— А я никогда раньше и не умел,— ответил Хэнк.

Он принял сакс от Верджа и поднес мундштук к губам, и сакс мучительно застонал и зажурчал беззаботно.

— Черт побери! — воскликнул Вердж.— У тебя здорово получается!

Модель «Т» весело прыгала по дороге, крылья хлопали, ветровое стекло дребезжало, а катушки магнето, навешенные на приборный щиток, звякали, щелкали и стрекотали. А Хэнк знай себе дул в саксофон, и тот отзывался музыкой, громкой и чистой. Вспугнутые ночные птицы издавали резкие протестующие крики и падали вниз, стремительно врываясь в узкую полосу света от фар.

Модель «Т» опять выбралась из долины и, лязгая, взобралась на холмы. И опять побежала по гребню, по узкой пыльной дороге под луной, меж близких пастбищных оград, за которыми маячили, провожая машину тусклыми глазами, сонные коровы.

— Черт меня побери,— воскликнул Вердж,— ну просто все как встарь! Мы с тобой вместе, вдвоем, не считая луны. Что с нами стряслось, Хэнк? Где мы дали промашку? Мы снова вдвоем, как было давным-давно. А куда делись все годы в середине? Зачем они нужны были, эти годы в середине?

Хэнк ничего не ответил. Он продолжал дуть в саксофон.

— Разве мы просили слишком много? — продолжал Вердж.— Мы были счастливы тем, что имели. Мы не требовали перемен. Но старая компания отошла от нас. Они переженились, нашли себе постоянную работу, а кто-то даже пробился на важный пост. Это самое неприятное, когда кто-то сумел пробиться на важный пост. Нас оставили в покое. Нас двоих, тебя и меня, двоих, кто не хотел перемен. Мы что, цеплялись за молодость? Нет, не только. Тут было и что-то другое, за что мы цеплялись. Наверное, цеплялись за время, совпавшее с нашей молодостью и сумасбродством. Каким-то образом мы и сами сознавали, что дело не только в молодости. И были, конечно, правы. Так хорошо не бывало больше никогда...

Модель «Т» скатилась с гребня и нырнула на долгий крутой спуск, и тут они увидели впереди внизу широкую много-

полосную автостраду, всю испещренную огоньками движущихся машин.

— Мы выезжаем на большое шоссе, Хэнк,— сказал Вердж.— Может, стоит свернуть в сторонку и не связываться? Твоя модель «Т» — славная старушка, лучшая из своих ровесниц, слов нет, но уж больно резвое там движение...

— Я уже ничего не могу сделать,— ответил Хэнк.— Я ею не управляю. Она сама по себе. Сама решает, чего ей надо.

— Ну и ладно, какого черта,— заявил Вердж.— Поедем, куда ей нравится. Мне все равно. В твоей машине мне так спокойно. Уютно. Мне никогда не было так уютно за всю мою треклятую жизнь. Черт, ума не приложу, что бы я делал, не объявись ты вовремя. Да отложи ты свой дурацкий сакс и хлебни хорошенько, пока я все не вылакал...

Хэнк послушался, отложил саксофон и сделал два основательных глотка, чтоб наверстать упущенное, а к тому моменту, когда он вернул бутылку Верджу, машина разогналась, въехала на откос, и они очутились на автостраде. Модель «Т» радостно побежала по своей полосе и обогнала несколько других машин, отнюдь не стоявших на месте. Крылья гремели с удвоенной скоростью, а трескотня катушек магнето напоминала пулеметные очереди.

— Ну и ну,— восторженно заявил Вердж,— вы только гляньте на эту бабушку! В ней еще жизни на десятерых. Слушай, Хэнк, ты имеешь представление, куда мы держим путь?

— Ни малейшего,— ответил Хэнк и снова взялся за саксофон.

— А, черт,— сказал Вердж,— какая разница, куда мы едем, лишь бы ехать! Тут недавно был указатель, и на нем написано «Чикаго». А может, мы и правда едем в Чикаго?

Хэнк на минутку вынул мундштук изо рта.

— Может, и так. Меня это не волнует.

— Меня, в общем, тоже,— откликнулся старина Вердж.— Чикаго, эй, принимай гостей! Лишь бы выпивки хватило. Похоже, что хватит. Мы же прикладывались то и дело, а в бутылке еще больше половины...

— Ты не голоден, Вердж? — спросил Хэнк.

— Черт возьми, нет! — ответил Вердж.— Не голоден и спать не хочу. Никогда не чувствовал себя так хорошо во всей моей жизни. Лишь бы выпивки хватило и эта куча железа не вздумала развалиться...

Модель «Т» гремела и лязгала, но бежала наравне с целой стаей машин, мощных и обтекаемых, которые не гремели и не лязгали,— и Хэнк играл на саксофоне, а старина Вердж размахивал бутылкой и вопил всякий раз, когда дребезжащая старушка обставляла «линкольн» или «кадиллак». Луна висела в небе — и, кажется, на одном месте. Автострада перешла в платное шоссе, и перед ними мрачной тенью возникла первая кассовая будка.

— Надеюсь, у тебя есть мелочь,— сказал Вердж.— Что до меня, я пустой — шаром покати...

Однако мелочь не понадобилась, потому что, едва модель «Т» подкатила поближе, шлагбаум при въезде на платный участок поднялся, и громыхающая коробочка прошла под шлагбаум бесплатно.

— Все вышло по-нашему! — завопил Вердж.— С нас не берут платы — и не должны брать! Мы с тобой столько пережили, что нам теперь кое-что причитается...

Слева, чуть поодаль, выросла тень Чикаго. В башнях, громоздящихся вдоль озерного берега, сверкали ночные огни — но машина объехала город по длинной широкой дуге. И как только обогнула Чикаго и нижнюю часть озера, как только одолела затяжной поворот, похожий на рыболовный крючок, перед пассажирами открылся Нью-Йорк.

— Я не бывал в Нью-Йорке,— заявил Вердж,— но видел картинки Манхэттена, и чтоб мне провалиться, это Манхэттен. Только я не догадывался. Хэнк, что Чикаго и Манхэттен так близко друг от друга.

— Я тоже не догадывался,— ответил Хэнк, прерывая игру на саксе.— География, конечно, вверх тормашками, но какое нам к черту дело до географии? Пусть эта развалина шляется где угодно, весь мир теперь принадлежит нам...

Он вернулся к саксофону, а модель «Т» продолжала свою прогулку. Прогрохотала каньонами Манхэттена, объехала вокруг Бостона и спустилась назад к Вашингтону, к высокой игле одноименного монумента, и старику Эйбу Линкольну, сидящему в вечном раздумье на берегу Потомака.

Потом они спустились еще дальше к Ричмонду, проскочили мимо Атланты и долго скользили вдоль залитых лунным светом песков Флориды. Проехали по старинным дорогам под деревьями, обросшими бородатым мхом, и заметили вдали

слева огни дряхлеющих кварталов Нью-Орлеана. А затем вновь направились на север, и машина вновь резвилась на гребне, а внизу опять расстилались чистенькие угодья и фермы. Луна висела там же, где и раньше, не двигаясь с места. Они путешествовали по миру, где раз и навсегда было три часа ночи.

— Знаешь,— произнес Вердж,— я бы не возражал, если б это длилось без конца. Не возражал бы, если б мы никогда не приехали туда, куда едем. Это так здорово — ехать и ехать, что не хочется узнавать, где конечная остановка. Почему бы тебе не отложить свою дудку и не хлебнуть еще чуток? У тебя же, наверное, во рту пересохло...

Хэнк отложил саксофон и потянулся за бутылкой.

— Знаешь, Вердж, у меня точно такое же чувство. Вроде бы нет никакого смысла беспокоиться о том, куда мы едем и что случится. Все равно нет и не может быть ничего лучшего, чем сейчас...

Там у темного павильона ему чуть не припомнился какой-то слух про старину Верджа, и он хотел даже упомянуть об этом, но хоть режь, не мог сообразить, какой такой слух. Теперь сообразил — но это оказалась такая мелочь, что вряд ли заслуживала упоминания. Ему рассказывали, что милый старина Вердж умер.

Он поднес бутылку к губам и приложился от души, и, ей-же-ей, в жизни не доводилось пробовать спиртного и вполовину столь же приятного на вкус. Он передал бутылку другу, снова взялся за саксофон и стал наигрывать, ощущая пьянящий восторг,— а призрак модели «Т» катил, погромыхивая, по залитой лунным светом дороге.

Его разбудила музыка. Раздался мягкий, приятный женский голос:

— Доброе утро. Вы Энсон Ли и в настоящий момент находитесь на заслуженном отдыхе. Космическая станция к вашим услугам.

Он сел на краю кровати, покачал ногами над полом, потер глаза кулаками, пробежал пятерней по своим жидким волосам. Было бы совсем неплохо снова упасть на кровать и поспать еще часок.

— Нас ждет сегодня столько интересного, мистер Ли.— Голос по-прежнему был ласковым, но ему показалось, что в нем мелькнула сталь. Женщина, судя по всему, была сучкой, как, впрочем, и все прочие особи женского пола.— Сейчас мы подберем для вас подходящий костюм,— журчал голос.— Вставайте и одевайтесь. Затем мы позавтракаем.

Я позавтракаю, подумал он. Не мы. Я. Черт возьми, тебе не нужен завтрак. Тебя здесь вообще нет.

Он потянулся за рубашкой.

— Мне не по вкусу новая одежда,— пожаловался он.— Я предпочитаю старую. Мне нравится, когда она обтирается на мне, пока я ее таскаю, и от этого становится удобнее. Почему я должен менять одежду каждый день? Я знаю, что вы делаете со старой. Каждую ночь вы бросаете ее в конвертер, после того как я раздеваюсь, чтобы лечь в кровать.

— Но это же замечательно,— возразил голос.— Каждое утро вы получаете новую и чистую одежду. Посмотрите, голубые брюки и зеленая рубашка. Вы любите голубой и зеленый цвета.

— Я люблю старую одежду,— заявил он.

© Перевод В. Мидянина.

— Новая гораздо гигиеничнее,— произнесла невидимая женщина.— И она вам очень идет. Она всегда хорошо сидит. У нас есть все ваши мерки.

Он надел рубашку. Затем встал и натянул брюки. Он знал, что смысла спорить нет: он никогда не добивался своего. Но раньше он очень любил носить старую одежду. Она была удобной и мягкой, и он таскал ее, пока совсем не снашивал. Он помнил свою старую одежду, которую надевал на рыбалку. Мерки снимали именно с нее. Но теперь у него не было одежды для рыбалки. Здесь негде ловить рыбу.

— Теперь,— мягко зазвенел голос,— мы позавтракаем. Омлет и тосты. Вы ведь любите омлет.

— Я не собираюсь завтракать,— сказал он.— Не нужен мне никакой омлет. Я могу ненароком съесть Нэнси.

— Что за глупости? — Голос больше не был таким милым, как раньше: теперь он звучал немного тверже.— Нэнси покинула нас, вы же помните...

— Говорите как есть: Нэнси умерла,— сказал он.— А ее тело вы бросили в конвертер. Вы все бросаете в конвертер. Вам нужно очень много энергии, чтобы поддерживать жизнедеятельность станции, поэтому всякий лишний предмет вы бросаете в конвертер для переработки в энергию. Я знаком с теорией, когда-то я был химиком. И знаю, как это работает. Материя превращается в энергию, энергия в материю. Замкнутый цикл, безотходная технология...

— Но Нэнси — это было так давно... Я думаю, нам лучше поесть.— Голос определенно больше не был ни милым, ни ласковым.

— Не важно, как давно это было. Нэнси в воздухе, которым я дышу. Нэнси в моей одежде. Нэнси может быть в этом омлете.

Из-за его спины вдруг прозмеилось и сжалось вокруг талии механическое щупальце.

— Давайте-ка поглядим, что с вами, старина.— На этот раз голос был властный, строгий.

Щупальце довольно бесцеремонно увлекло его в диагностическую камеру. Гибкие металлические шланги заскользили под одеждой, бережно, но крепко перетягивая тело. Вскоре он был надежно обездвижен. Холодная жидкость под давлением брызнула в вену. Окружающее расплылось в его глазах.

— С вами все в порядке,— раздался твердый, жесткий голос.— Вы в гораздо лучшей форме, чем вчера.

Да уж, сказал он себе. Все в порядке. Настолько в порядке, что, когда он проснулся, ему сочли необходимым напомнить, кто он такой. Настолько в порядке, что ему вкатили наркотик, лишь бы удержать в иллюзорном спокойствии.

— Ну что ж...— В голосе вновь ощущалась нежность.— Вставайте и приступайте к завтраку.

Он заколебался на мгновение, пытаясь заставить себя думать. Кажется, у него была какая-то веская причина не есть завтрак, но теперь он ее забыл. Если только причина была действительно.

— Ну же, давайте,— вкрадчиво прошелестел голос.

Он прошаркал к столу и сел, тупо уставившись на чашку кофе и тарелку с омлетом.

— Теперь возьмите вилку и ешьте,— скомандовал голос.— Это ваш любимый завтрак. Вы говорили мне, что больше всего любите омлет. Ешьте, нам еще предстоит выбрать, чем заняться сегодня.

«Она снова давит на меня,— подумал он,— назойливо опекает меня, возится со мной, словно с капризным ребенком». Но он ничего не мог с этим поделать. Он мог лишь возмущаться — и только. На самом деле ее здесь не было. На самом деле здесь не было никого. Все было устроено так, чтобы он думал, будто здесь есть еще кто-то, но он точно знал, что находится на станции один. Возможно, он сумел бы что-либо предпринять, если бы не жидкость, которую периодически всаживали ему в руку в диагностической камере. Это средство блокировало его возмущение, заставляло думать, будто все идет хорошо, стирало недовольство из его сознания.

Впрочем, это не имело значения. Откровенно говоря, ничто не имело значения. Он пил свою мочу, он ел собственные фекалии, пусть даже переработанные, и это тоже не имело значения. И было еще нечто особенное, что он ел тоже, что-то совершенно ужасное, но он уже не мог вспомнить, что именно.

Он прикончил тарелку омлета и выпил чашку кофе, после чего снова раздался знакомый женский голос:

— Что мы желаем теперь? Чем бы вы хотели заняться? Я могу почитать вам, или поставить музыку, или поиграть с

вами в карты или шахматы. Может быть, хотите рисовать? Вы ведь любите рисовать. У вас очень хорошо получается.

— Нет, черт возьми! — взорвался он.— Я не хочу рисовать!

— Почему? У вас должна быть причина. Раз вы отказываетесь от своего любимого занятия, должна быть причина.

Опять держит его за идиота, подумал он, использует школьную психологию и, хуже всего, лжет ему. Он не умел рисовать как следует. Мазню, которая у него выходила, с большой натяжкой можно было назвать рисунками. Однако она настаивала, что он хорошо рисует, руководствуясь убеждением, что самооценку впадающего в маразм старика необходимо все время поддерживать на должном уровне.

— Здесь нечего рисовать,— сказал он.

— Здесь множество вещей, которые можно нарисовать.

— Здесь нет деревьев, нет цветов, нет неба и облаков, нет людей. Здесь когда-то были растения, но теперь я в этом уже не уверен. Я больше не помню, как выглядят деревья и цветы. Они остались на Земле.

И еще на Земле остался его дом. Дом он тоже помнил смутно. На что тот был похож? Как выглядели другие люди? На что похожа река?..

— Вам не нужно видеть предметы, чтобы рисовать их,— нарушил его размышления женский голос.— Вы можете фантазировать.

«Разумеется, могу,— подумал он.— Но как нарисовать одиночество? Как изобразить огорчение и заброшенность?..»

Он ничего не ответил, и она спросила:

— Значит, вам ничем не хочется заняться?

Он промолчал. Зачем утруждать себя ответом синтезированному голосу, воспроизводимому процессором, набитым базами данных комитета социального обеспечения и дешевыми брошюрами по психологии? Зачем, подумал он, они идут на такие хлопоты, чтобы как следует позаботиться о нем?.. Хотя, если задуматься, пожалуй, это не так уж хлопотно, как может показаться. Космическая станция в любом случае собирала и обрабатывала научную информацию, наверняка выполняла другие задачи, о которых он не знал. И если такие станции используются также для того, чтобы убрать с перенаселенной Земли пожилых людей, эта забота стоит довольно дешево.

Он помнил, как они с Нэнси решили сделать космическую станцию своим домом. Их уговорил умный молодой человек

с искренним и убедительным голосом, осторожно излагавший выгоды смены места жительства. Пожалуй, они бы так и не решились, если бы их дом не был предназначен на снос, чтобы освободить место для транспортной магистрали. После этого не имело значения, куда они отправятся или куда их отправят. «Вы покинете эту мировую крысиную гонку,— убеждал молодой человек.— Вы обретете мир и комфорт, в которых проведете оставшиеся вам годы; все будет сделано для вас. Все ваши друзья ушли, утеряно многое, что было вам дорого; нет причин здесь оставаться. Ваш сын? Он сможет приходить в центр управления полетом и видеть вас очень часто, пожалуй, даже чаще, чем сейчас,— впрочем, он и так не приходит. Более того, вы получите все, в чем нуждаетесь. Вам не придется готовить или убирать; вся работа будет выполняться автоматами. У вас больше не будет хлопот с докторами: на борту имеется автоматическая диагностическая камера. У вас будут музыкальные записи и пленки с книгами, и еще ваши любимые телевизионные программы».

Когда человек стареет, он становится беззащитным. Он не уверен в своих правах, и даже если они есть, не имеет мужества ни постоять за них, ни осадить власть, как бы сильно он ее ни презирал. Его сила уходит, ум понемногу теряет остроту, и человек устает бороться за то, что принадлежит ему по праву.

Теперь, думал он, здесь не осталось ничего, что могло скрасить его дни, но милосердная власть (еще более ненавистная из-за своих потуг выглядеть милосердной) с едва скрываемым презрением к старику делала вид, что все в порядке.

— Хорошо,— снова раздался голос механической социальной работницы,— тогда, поскольку вы не собираетесь ничего делать, я оставлю вас сидеть здесь, у левого борта. Вы можете полюбоваться видом в иллюминаторе.

— Нет смысла смотреть в иллюминатор,— сказал он.— Там нет ничего, чем можно любоваться.

— Вы ошибаетесь. Там, снаружи, прекрасные звезды.

Сидя у левого борта, он угрюмо смотрел на прекрасные звезды.

1

Роберт Эббот был известным человеком, поэтому доктор Артур Бентон выкроил для него два часа в самый разгар своего привычно напряженного дня. Когда десять дней назад Эббот позвонил, он очень настойчиво утверждал, что дело крайне важное.

Назначенный час приближался, и Бентон, поглядывая на часы и пытаясь выпроводить Эбби Клосон, которая рассматривала визит к врачу как выход в свет, в который раз задумался, что за важное дело могло привести Эббота в их крошечный городишко в Пенсильвании. Эббот писал книги на медицинские темы, и на его счету уже было два бестселлера: один про рак, другой про модные диеты. Врачи, с которыми он консультировался, все как на подбор были известными светилами, выдающимися медицинскими исследователями или маститыми специалистами, а он, подумал Бентон с уколом белой зависти, не выдающийся и не маститый. Он всего лишь замшелый провинциальный доктор: пилюли выписать, мазь выдать, сломанные руки-ноги в шину сложить, рану перебинтовать, младенца принять — и за всю свою жизнь не написал ни одной ученой статьи, не руководил ни одной исследовательской программой, не участвовал ни в одном медицинском изыскании. За более чем тридцать лет свой практики он не совершил ни единого достижения и не произнес ни единого слова, которое могло бы представлять хотя бы малейший интерес для такого человека, как Роберт Эббот.

С того самого телефонного звонка он не переставал ломать голову, с чего это вдруг Эбботу понадобилось встречаться с ним, а за последние несколько дней даже изобрел замыслова-

© Перевод И. Тетериной.

тую теорию, что существуют два доктора Артура Бентона и Эббот спутал его с однофамильцем. Эта идея настолько запала ему в голову, что он даже просмотрел весь реестр практикующих врачей в поисках другого Артура Бентона. Такого не обнаружилось, но он никак не мог отделаться от этой мысли, потому что только такое объяснение казалось ему единственно возможным.

Он был рад тому, что время встречи наконец подошло, поскольку как только он узнает, из-за чего весь сыр-бор,— если Эбботу и впрямь окажется нужен именно он,— то перестанет наконец ломать себе голову и вернется к нормальной работе. Беспокойство и томительное неведение мешали делу — как в том случае с Тедом Брауном, у которого, казалось, были налицо все симптомы диабета, но потом выяснилось, что это никакой не диабет. Вышло чертовски неудобно, несмотря даже на то, что Тед, старый верный друг, повел себя очень великодушно. Возможно, он просто слишком обрадовался, что у него нет диабета.

В этом-то вся и беда, сказал он себе, сидя за столом и лишь краем уха слушая прощальную болтовню Эбби: все его пациенты — старые и верные друзья. Он не мог оставаться беспристрастным и сочувствовал каждому из них. Они приходили к нему, смертельно больные, и смотрели на него доверчивыми глазами, потому что в глубине души твердо знали, что старый добрый док поможет им. А когда он не мог им помочь, когда никто на всем белом свете не мог им помочь, они умирали, прощая его со все той же верой в глазах. В этом и заключался весь кошмар семейной практики, весь ужас положения врача в маленьком городке: в доверии людей, на которое он по большому счету не имел никакого права.

— Я еще приду, доктор,— сказала Эбби.— Я хожу к вам уже много лет, и вы каждый раз ставите меня на ноги. Я всегда говорю подругам, что мне очень повезло с врачом.

— Это очень любезно с вашей стороны.

Если бы все его пациенты были как Эбби, все было бы не так плохо. Потому что уж ей-то было грех жаловаться. Эта крепкая старушенция грозила пережить его самого. Единственной неполадкой в ее организме была склонность к секреции огромного количества ушного воска, из-за чего время от времени приходилось делать промывания. Но несомненный факт отменного здоровья ни в малейшей степени не препятствовал

возникновению воображаемых недугов, которые регулярно приводили ее к нему на прием.

Поднявшись, чтобы проводить почтенную даму до двери, Бентон задумался о цели ее частых визитов и, кажется, понял: они дают Эбби пищу для разговоров с подругами за карточным столиком или с соседками через изгородь на заднем дворе.

— Ну, берегите себя,— напутствовал он пациентку, подпустив в голос профессиональной озабоченности, для которой не было ровным счетом никаких оснований.

— Непременно,— прощебетала она своим похожим на птичий старушечьим голоском.— Если появятся какие-нибудь жалобы, я быстренько прибегу к вам.

— Доктор,— сказала сестра, Эми, поспешно выпроваживая Эбби к выходу,— мистер Эббот ждет вас.

— Пожалуйста, проводите его в мой кабинет,— попросил Бентон.

Эббот оказался моложе, чем представлялось Бентону, и отнюдь не красавцем. На самом деле он был довольно уродлив — поэтому, видимо, на суперобложках его книг никогда не помещали фотографию автора.

— Я с нетерпением ждал нашей встречи,— сказал Бентон,— и, признаюсь вам откровенно, все это время недоумевал, что привело вас сюда. Уверен, у вас нет недостатка в консультантах.

— Но среди них не часто встретишь такого, как доктор Артур Бентон,— возразил Эббот.— Вы ведь не можете не понимать, что принадлежите к исчезающему виду. В наше время не многие медицинские работники готовы похоронить себя в таком захолустье.

— Я никогда об этом не жалел,— искренне признался Бентон.— Ко мне здесь прекрасно относятся.

Он не стал возвращаться за стол и, жестом указав Эбботу на один стул, отодвинул от стены другой, для себя.

— Когда я звонил вам,— сказал Эббот,— то не мог всего объяснить. О таких вещах надо говорить лично. В телефонном разговоре то, о чем я собираюсь вам рассказать, показалось бы полной бессмыслицей. А мне крайне необходимо, чтобы вы поняли, что я имею в виду, потому что я собираюсь просить вас о содействии.

— Если в моих силах вам помочь, я готов.

— Я приехал сюда по нескольким причинам,— пояснил Эббот.— Вы ведете семейную практику и работаете с широким кругом населения. Вам приходится иметь дело с самыми различными заболеваниями и увечьями — в отличие от специалистов, которые занимаются только определенными случаями и, как правило, предпочитают тех пациентов, кому по карману оплачивать их услуги. Кроме того, в прошлом вы были эпидемиологом. Ну и география тоже сыграла свою роль.

Бентон улыбнулся.

— А вы неплохо изучили мою подноготную. В молодости я действительно несколько лет работал эпидемиологом в общественном здравоохранении. Но потом пришел к выводу, что эта область слишком уж теоретическая. Мне хотелось работать с людьми.

— Что ж, в таком случае вряд ли можно было сделать более верный выбор,— сказал Эббот.

— А что там с географией? — спросил Бентон.— При чем здесь география?

— Я пытаюсь исследовать эпидемию,— ответил Эббот.— Здесь могут быть задействованы многие факторы.

— Вы шутите. Ни здесь, ни в каком-либо другом известном мне месте нет эпидемии. Даже в Индии и других слаборазвитых странах. Голод, да, но...

— Я только что перелопатил горы статистики,— возразил Эббот,— и могу вас заверить, что эпидемия есть. Скрытая эпидемия. Вы сами с ней сталкивались. Я более чем уверен. Но она нарастает так постепенно и буднично, что вы просто не обратили на нее никакого внимания. Масса мелочей, которые остаются незамеченными. Больше людей, которые набирают вес — в некоторых случаях очень быстро. Этим, кстати, может объясняться появление некоторых модных диет, которые возникают как грибы после дождя. Колебания уровня сахара в крови...

— Погодите,— сказал Бентон.— Только на прошлой неделе у меня был пациент со всеми симптомами диабета.

Эббот кивнул.

— Это только часть проблемы, о которой идет речь. Если вы пороетесь в своих записях, то, скорее всего, найдете сходные случаи, хотя, возможно, не настолько тяжелые, чтобы подозревать диабет. Но вы найдете менее заметные симптомы. Я скажу вам, что вы обнаружите. Все возрастающее количе-

ство жалоб на слабость, раздражительность, туман перед глазами. Увеличение числа случаев ожирения. Множество жалоб на боли в мышцах. Люди ощущают недомогание — ничего особенного, никаких определенных жалоб, просто недомогание. Вялость, общее утомление, потеря интереса к жизни. Полвека назад вы выписали бы что-нибудь тонизирующее или серу с патокой для очистки крови — кажется, сейчас это называют разжижением крови.

— Ну, не знаю... такие симптомы встречаются нередко. Но чтобы эпидемия?

— Если бы вы видели ту же статистику, что и я, то согласились бы, что это эпидемия,— настаивал Эббот.— То же самое происходит по всей стране, возможно, по всему миру.

— Ладно, даже если допустить, что вы правы — а я в этом сильно сомневаюсь,— мне все равно не ясно, зачем вы сюда приехали. Вы намеревались просить меня о содействии. В чем оно должно заключаться?

— В том, чтобы внимательно наблюдать за происходящим и помнить о том, что я вам только что рассказал. Вы не единственный, с кем я встречался. Я разговаривал с множеством других докторов, большинство из которых ведет семейную практику. И просил их ровно о том же, о чем сейчас прошу вас: наблюдать, думать об этом, может быть, собирать какие-то зацепки.

— Но почему к нам? Есть же специалисты.

— Послушайте, доктор,— сказал Эббот,— многие ли пойдут к специалисту с жалобами на то, что они неважно себя чувствуют, что у них ноют мышцы или на большинство прочих симптомов, о которых мы тут с вами говорили?

— Полагаю, не многие.

— Вот именно. Зато они со всех ног побегут к старому доброму доку, жаловаться, что им нездоровится, в надежде, что он совершит чудо и они снова будут как новенькие.

— А почему бы вам не обратиться в Департамент профилактики в Атланте? — спросил Бентон.

— Именно от них я и получил часть своей статистики,— кивнул Эббот.— Кое-кто там согласен, что эпидемия возможна, хотя не думаю, что даже они воспринимают проблему всерьез. Большинство полагает, что я пытаюсь состряпать очередную сенсационную книгу. Едва ли мои книги можно назвать сенсационными, но некоторые врачи так считают. Беда сотрудни-

ков департамента в том, что они имеют дело исключительно с цифрами. Тогда как в данном случае нужна полевая работа. Мне необходимы такие люди, как вы, то есть те, кто разбирается в ситуации, постоянно наблюдает пациентов и всегда стремится найти что-то общее в, казалось бы, совершенно несхожих заболеваниях. Разумеется, я не требую от вас уделять этому много времени, поскольку ни у кого из врачей такого профиля его просто нет, но прошу только помнить о моей просьбе. Если вы согласитесь, то через несколько месяцев мне хотелось бы ознакомиться с вашими предварительными выводами. Может быть, тогда, при участии значительного числа семейных врачей, которые сталкиваются с множеством людей, принадлежащих к самым разным социальным слоям, удастся составить какое-то подобие общей картины происходящего.

— Полагаю,— заметил Бентон,— ваш выбор обусловлен еще и тем, что в прошлом я занимался эпидемиологией. Должен честно признаться, я позабыл большую часть того, что когда-то знал в этой области.

— Ну, не исключено, что ваш прежний опыт ничем мне не поможет, но уж точно не повредит. Я в любом случае оказался бы здесь. Возможно, вы помните, что я упомянул географию. География нередко становится эпидемиологическим фактором. Вы живете на просторной, окруженной холмами плодородной равнине. Готов биться об заклад, что в число ваших пациентов входят обитатели как холмистой, так и равнинной местности.

— Совершенно верно,— ответил Бентон.— Надеюсь, большинство из тех, кто живет на холмах, считают меня своим семейным врачом, хотя обращаются за помощью не так уж и часто. Или они болеют реже, чем те, кто живет в долине, или же своими силами справляются с болезнями. Некоторые из них, возможно, питают твердое предубеждение против медицины. Полагаю, многие из них пользуются народными средствами, старинными рецептами, которые передают из поколения в поколение. Нет, я ни в коем случае не хочу сказать, что это плохо. Как бы ни неприятно нам было в этом признаваться, кое-какие из народных средств действительно помогают.

— Возможно, география не имеет к делу никакого отношения,— сказал Эббот,— но это фактор, который нельзя сбрасывать со счетов, пока мы хорошенько все не рассмотрели.

— И все же существует вероятность, что вы ошибаетесь. Возможно, искать просто нечего.

Эббот покачал головой.

— Не думаю. Доктор, вы присоединитесь ко мне? Возьмете на себя этот дополнительный груз?

— Да, конечно,— сказал Бентон.— Я буду иметь в виду то, что вы сказали. Мы с вами встретимся или свяжемся через несколько месяцев, так?

— Сейчас я не могу сказать точно, когда именно. Предстоит проделать большую работу. Но обещаю, что непременно свяжусь с вами.

Они поговорили еще немного, и Эббот собрался уходить.

Бентон вышел проводить гостя до машины и, шагая рядом, думал, что давно уже не встречал человека, который вызвал бы у него столь безотчетное расположение. Имя Эббота за последние несколько лет стало известно всем и каждому, однако в нем не было ни капли той заносчивости, в которую знаменитости так часто рядятся как в плащ. Бентон вдруг осознал, что с будет нетерпением ожидать новой встречи с этим искренним, располагающим к себе человеком. Таким, как он, не поворачивается язык отказать в любой просьбе, даже если их идеи кажутся слегка завиральными.

Первой пациенткой Бентона, после того как Эббот ушел, была Хелен Андерсон.

Хелен и Херб Андерсоны были его давними пациентами. Кроме того, они вот уже много лет дружили семьями. Херб владел магазином готовой мужской одежды и считался одним из самых успешных коммерсантов в городке. Хелен была председателем Клуба садоводов и цветоводов, а ее розы на протяжении многих лет завоевывали победную голубую ленточку на главной ярмарке штата.

Хелен показала Бентону правую руку: костяшки пальцев покраснели и покрылись трещинами. Он провел большим пальцем по тыльной стороне ладони и почувствовал, что кожа очень сухая и шершавая на ощупь.

— Похоже на экзему,— вздохнул Бентон и покачал головой.— Попробуем чем-нибудь помазать.

— Я работала в саду уже после того, как заметила трещины,— сказала Хелен.— Наверное, не следовало это делать.

— Ничего страшного. Как твой садик?

— Лучше не бывает. Видел бы ты мой горошек! А еще я пытаюсь вырастить новый сорт томатов. Заходите как-нибудь вечерком с Харриет, посмотрите. Давненько мы не собирались все вчетвером.

— Вот что значит быть врачом,— отозвался Бентон.— Думаешь, что у тебя есть свободный вечер, а потом что-нибудь происходит. Никогда не знаешь наверняка.

— Ты слишком много работаешь.

— Как и все мы,— сказал он.— Ты увлекаешься. То, что ты делаешь, приобретает огромную важность. К примеру, твой сад.

— Сад приносит мне огромную пользу,— очень серьезно ответила Хелен.— Ты же знаешь, я не белоручка. Скорее уж, черноручка. Я работаю голыми руками. Мне нравится копаться в земле. Она такая теплая и приятная на ощупь. Живая. На руки, конечно, потом смотреть страшно, но в этом есть что-то настолько первобытное, что я просто не могу удержаться. Херб, естественно, говорит, что я ненормальная.

Бентон хмыкнул.

— Херб не любитель копаться в земле.

— Он подтрунивает надо мной. Ему-то самому ничего не нужно, кроме гольфа. Но я над его увлечением не подшучиваю. Мне кажется, это нечестно.

— Ну и как у него успехи? Если не ошибаюсь, в прошлом году он хвалился, что стал играть гораздо лучше.

Хелен Андерсон нахмурилась.

— В этом году он не слишком много играет. Не то что раньше.

— Наверное, ему не до того. Этот год вообще тяжелый. Инфляция растет, доходы снижаются...

— Нет, дело не в этом,— перебила она.— Док, Херб меня беспокоит. Он постоянно жалуется на усталость. Должно быть, он действительно очень устает, если даже в гольф не играет. Все время что-то жует. Характер испортился. Иногда целыми днями только и делает, что ворчит. Я радуюсь, когда он уходит на работу. Я говорила ему, чтобы он заглянул к тебе.

— Я бы на твоем месте не волновался,— сказал Бентон.— Может, он просто слишком много работает. Почему бы тебе не уговорить его на пару недель взять отпуск и махнуть куда-нибудь вдвоем? Отдых пойдет ему на пользу.

— Это не просто усталость,— возразила она.— Я уверена. Разумеется, он устает, но дело не только в этом. Док, поговорил бы ты с ним, а?

— Я не могу навязывать свои услуги. Никому. Ты же знаешь.

— Просто как друг...

— Я могу сказать, что ты беспокоишься за него. Могу немножко его припугнуть.

— Если тебе не трудно,— попросила она.

— Нет, конечно,— заверил Бентон.— Только ты, пожалуйста, не мучай себя подозрениями. Скорее всего, ничего страшного у него нет.

Он выписал ей рецепт, и она ушла, взяв с него слово в ближайшем будущем навестить их с мужем и взглянуть на сад.

Следующим пациентом был Эзра Пайк. Эзра был фермером, который в свои семьдесят все еще управлялся с принадлежавшей ему фермой к югу от города почти без посторонней помощи.

И его тоже беспокоила рука. Поперек костяшек зияла ужасная рана.

— Пресс для сена сломался,— объяснил он,— ну, я и взялся его чинить. Гаечный ключ соскользнул.

— Мы приведем руку в порядок,— пообещал Бентон.— Через день-другой будет как новенькая. Вы у нас нечастый гость, Эзра. И миссис Пайк тоже. Если бы у всех было такое здоровье, я бы умер с голоду.

— Сроду ничем серьезным не болели. Ни я, ни жена. И мальчики тоже. У нас вся семья здоровая.

— Как мальчики поживают? Сто лет их не видел.

— Дэйв нынче в Питсбурге. В банке работает. Инвестициями занимается. Эрни в Огайо, учительствует. В школах сейчас каникулы, так он пока лагерем для мальчиков заведует, в Мичигане. Хорошие у нас парни удались — что один, что другой.

— Как урожай? — поинтересовался Бентон.

— Да вроде ничего,— пожал плечами Пайк.— Жуки только одолели. Сроду их у нас не было, а теперь вот поди ж ты. ДДТ-то нынче нет. Взяли и запретили. Сказали, он отравляет все вокруг. Может, оно и так, только с ним было куда как легче.

Бентон закончил бинтовать раненую кисть.

— Ну вот и все,— удовлетворенно кивнул он.— Последите за рукой. Если будет сильно болеть или покраснеет и опухнет, придете ко мне.

Пайк шустро вскочил со стула.

— Фазаны у нас расплодились, только вас и дожидаются. Как сезон откроют, милости просим.

— Непременно,— ответил Бентон.— Вы же знаете, я всегда с удовольствием. Уж и не упомнить, Эзра, сколько я на вашей земле охочусь.

— Мы вам всегда рады,— сказал Пайк.— Да что там говорить. Вы и сами знаете.

Едва Эзра вышел, как появилась сестра Эми.

— Пришла миссис Льюис,— сообщила она.— С ней Дэнни. Кто-то запустил в него камнем. Она рвет и мечет.

На голове у Дэнни, который с полным правом заслуживал звания самого несносного ребенка в городе, красовалась здоровая шишка. Камень повредил кожу, и по лицу парня текла кровь, но рентген показал, что трещины в черепе нет.

— Ну, погодите,— бушевала его мамаша,— доберусь я до того, кто швырнул этот камень. На этот раз Дэнни ничего не делал, шел себе спокойно по улице...

Женщина продолжала возмущаться, но Бентон успокоил ее, и в конце концов посетители ушли.

После этого у него в кабинете побывала Мэри Хансен с ее артритом, Бен Линдсей, записанный на осмотр после операции на сердце, Бетти Дэвидсон с больным горлом, Джо Адамс с поврежденной спиной, Дженни Данкен, которая носила двойню и страшно волновалась по этому поводу.

Последним, уже под вечер, появился Берт Кертис, страховой агент.

— Черт побери, док,— пожаловался он.— Я совершенно выдохся. Конечно, когда устаешь после целого дня работы, это неудивительно, но я чувствую усталость с самого утра. В десять утра я уже как выжатый лимон.

— Вы же небось за столом сидите,— пошутил Бентон,— карандаши тяжеленные поднимаете.

— Да знаю, знаю. Не сыпьте мне соль на раны. Я никогда в жизни не занимался по-настоящему тяжелой работой. Вряд ли кто-то сочтет продажу полисов каторжным трудом. Но самое смешное, что я чувствую себя так, как будто разгружал вагоны. Все мышцы болят.

— И есть, наверное, хочется?

— Странно, что вы задали этот вопрос. Я постоянно голодный. Без перерыва набиваю себе брюхо. Только и делаю, что ем. Никогда со мной такого не было. Всегда трех раз в день хватало.

— Полагаю, у вас спокойный характер.

— Какого дьявола, док? Я пришел к вам с жалобой на постоянную усталость, а вы расспрашиваете меня о моем характере.

— Ну так как? Спокойный?

— Черта с два. Я совершенно расклеился. Никакого терпения. Любая мелочь выводит меня из себя. Деловые люди так себя не ведут. Продолжай в том же духе — и заработаешь дурную репутацию. Адель говорит, что с каждым днем со мной все труднее и труднее.

— А вес как?

— Мне кажется, я поправляюсь.— Кертис похлопал себя по брюшку.— Пришлось проделать на ремне еще одну дырку.

— Сейчас взвесимся и посмотрим,— сказал Бентон.— Вот как мы с вами поступим: возьмем кое-какие анализы. Самые обычные, ничего дорогого. Можно будет сделать их прямо здесь.

— Вы что-то скрываете, док? Со мной что-то не так? Что-то серьезное?

Бентон покачал головой.

— У меня и в мыслях не было что-либо скрывать. Но я не могу даже строить предположения, пока не увижу результаты анализов: уровень сахара в крови и еще кое-какие показатели.

— Вам виднее, док,— сдался Кертис.

— Не волнуйтесь так, Берт. Когда человек приходит ко мне и говорит, что постоянно устает, набирает вес и ни с того ни с сего бросается на людей, я должен разобраться. Это моя работа. Таким образом я зарабатываю себе на жизнь и поддерживаю моих пациентов в добром здравии.

— Значит, это не опасно?

— Скорее всего, ничего серьезного. Какой-нибудь пустяк, с которым можно будет легко справиться, как только мы поймем, в чем суть. А теперь вернемся к анализам. Когда вы сможете прийти?

— Вторник устроит? В понедельник я занят.

— Вторник подойдет как нельзя лучше,— кивнул Бентон.— А теперь становитесь на весы.

Когда Берт ушел, Бентон выглянул в пустую приемную.

— Думаю, на сегодня все,— сказал он Эми.— Отправляйтесь-ка вы домой.

Вернувшись к себе в кабинет, Бентон сел за стол и принялся заполнять историю болезни Берта Кертиса. Усталость, постоянное чувство голода, увеличение веса, мышечные боли, раздражительность — все симптомы, о которых только сегодня днем говорил Эббот. И еще Херб Андерсон. Судя по тому, что рассказала Хелен, у него все то же самое, что и у Берта. Эти двое и еще Тед Браун.

Что за чертовщина? Эббот сказал — «эпидемия». Но неужели три человека на не такой уж маленький город — это уже эпидемия? Однако Бентон отдавал себе отчет в том, что если пороется в историях болезней, то список, вероятно, пополнится.

В кабинете было тихо. Эми ушла, и он остался совершенно один.

С улицы донесся оглушительный рев несущегося мотоцикла. Небось, молодой Тейлор развлекается, подумал он. Когда-нибудь этот парень свернет себе шею. Его уже дважды приходилось штопать, но если он будет продолжать в том же духе, в один прекрасный день врач ему больше не понадобится. Впрочем, уговаривал себя Бентон, это уже не его забота, вернее, не должно быть его заботой. Но самое ужасное, что он не мог не беспокоиться.

Он беспокоился, слишком беспокоился обо всех в этом глупом маленьком городишке. Каким, интересно, загадочным образом человек ухитряется с годами привязаться к целому городу, взвалить все его заботы на свои плечи? Неужто то же самое происходит и с другими стареющими докторами в других маленьких городишках?

Бентон сдвинул историю болезни Берта в сторону и положил ручку рядом с ней.

Он обвел глазами комнату, переводя взгляд с одного предмета на другой, как будто впервые видел их и пытался запечатлеть в своей памяти. Большинство вещей находились здесь всегда, но он до сих пор не обращал внимания на обстановку, в которой жил и работал долгие годы. Он был слишком занят, слишком занят и озабочен, чтобы замечать детали. Диплом в рамке, с гордостью повешенный на стену много лет назад и уже изрядно засиженный мухами; выцветший и обтрепавшийся ковер на полу (в один прекрасный день, Бог ему свидетель,

когда будут деньги, он сменит ковер на новый); обшарпанные весы, придвинутые к стенке, раковина и таз, шкаф, где хранились все образцы, присланные фармацевтическими компаниями для выдачи пациентам (а таких насчитывалось немало), которые не могли позволить себе купить лекарство в аптеке. Не такой кабинет, какой мог быть у врача в большом городе, но такой, какой был у него: кабинет, одновременно служивший и смотровой и процедурной,— визитная карточка семейного врача, вечно стесненного в средствах, не решающегося послать счет, который может обременить и без того небогатых пациентов, пытающегося лечить нуждающихся в консультации специалистов, но не имеющих средств, чтобы оплатить их услуги.

Он стареет, сказал он себе, пока что он еще не слишком стар, но дело к тому идет. Лицо его покрывают морщины, а в волосах уже пробивается седина. Настанет день, когда придется взять в помощь доктора помоложе, который, надо надеяться, сможет вести его практику, когда он сам вынужден будет удалиться на покой. Но пока он всеми правдами и неправдами увиливал от этого. Ему — он отдавал себе в этом отчет — не хотелось лишаться положения единственного врача в городе, хотя он и понимал, что люди вряд ли примут того, кого он возьмет к себе в помощники. Долго-долго еще они не будут принимать никого, кроме него. Пациенты будут отказываться идти к новому врачу и предпочтут дожидаться старого дока. Пройдут годы, прежде чем он сможет передать преемнику сколько-нибудь заметную долю своих пациентов.

У доктора Германа Смита из Спринг-Вэлли есть сын, который оканчивает интернатуру и скоро присоединится к отцу. С течением времени молодой док Смит будет мало-помалу замещать старого дока Смита, пока в конце концов полностью не займет отцовское место, и никаких затруднений не возникнет. Нет, затруднения, разумеется, будут, но незначительные. Вот это, подумал Бентон, идеальный метод преемственности. Но у них с Харриет никогда не было сына — только дочь. Одно время он надеялся, что Эйприл захочет пойти по его стопам. Однако в этом случае тоже не обошлось бы без трудностей: вряд ли в городе благосклонно приняли бы врача-женщину. Трудностей, впрочем, не возникло, поскольку у Эйприл обнаружилась склонность к музыке и переубедить ее оказалось решительно невозможно. Да он и не пытался. Раз уж ей так хочется заниматься музыкой, пусть занимается музыкой. Сей-

час она живет в Вене. Ох уж эти дети, подумал он. Им принадлежит весь мир. Сегодня в Лондоне, завтра в Париже, послезавтра в Вене, потом еще бог знает где — и никто не видит в этом ничего необычного. В годы его молодости поездка за сто миль от дома была приключением. Да, если уж на то пошло, он и сейчас редко удалялся больше чем на сто миль от города.

«Я провинциал,— подумал он,— и что в этом дурного? Человек не может объять весь мир. А если попытается, то слишком многое потеряет. Друзей, привычный уголок, теплое чувство причастности...» С тех пор как он приехал в этот городок, с ним произошло много всего хорошего и он обзавелся милыми маленькими привилегиями. Вроде старого Эзры Пайка с его ежегодными фазанами, которых тот берег для доброго старого дока и еще горстки избранных — и ни для кого больше.

Он сидел в своем кабинете и пытался снять шелуху этих лет, вернуться к тому времени, когда он только что приехал сюда, но шелуха лет отказывалась сниматься, и мушиные следы на дипломе никуда не исчезли, и весы были все такими же обшарпанными, а он оставался стареющим доктором, который тащил на своих плечах весь город.

Зазвонил телефон, и он снял трубку. Это была Харриет.

— Когда тебя ждать домой? — спросила она.— Я приготовила баранью ножку, но если ты не придешь в самое ближайшее время, ее можно будет отправить в помойное ведро.

— Уже иду,— пообещал он.

2

Следующий день был суббота, и приемные часы длились с восьми утра до полудня. Но, как это случалось обычно, последний пациент ушел лишь после часа.

Как только приемная опустела и Эми отправилась домой, Бентон засел за истории болезней. Он внимательно просматривал их, попутно делая пометки. До вечера он не закончил, поэтому пришел на работу в воскресенье утром.

Проглядывая истории болезней за последние десять лет, он выделил определенные тенденции. За это время произошло существенное увеличение количества симптомов, которые описал Эббот. Число пациентов с ожирением стремительно выросло. Он обнаружил куда больше, чем помнил навскидку, случа-

ев, когда высокий уровень сахара в крови, казалось бы, указывал на диабет, но дальнейшее обследование неизменно опровергало предполагаемый диагноз. Бросался в глаза всплеск жалоб на мышечную боль. Все больше пациентов сетовали на общее недомогание без видимых причин.

Большинство этих симптомов встречалось у горожан. Среди фермеров указанные симптомы наблюдались лишь у одной семьи, у Барров. Те года три назад переехали сюда откуда-то из Огайо — купили ферму Эбнера Янга, который жил бирюком и в конце концов умер от старости и общей слабости здоровья. И ни единого больного с этими симптомами не было отмечено среди обитателей гор.

Возможно, сказал себе Бентон, география все-таки является фактором эпидемии Эббота — если эпидемия имеет место. Но если такие симптомы проявляются у части горожан, почему у другой части их нет? Если фермеры невосприимчивы, что, похоже, так и есть, то что делать с Баррами? Что в них такого особенного? Конечно, они приезжие, но какое это имеет отношение к болезни? И какая магия живет среди холмов, что из всех тамошних жителей ни у одного не обнаружилось этих симптомов? Хотя, одернул он себя, не следует придавать слишком большое значение отсутствию сведений с холмогорья. Тамошние обитатели, закаленное племя, ни за что не опустились бы до обращения к врачу по такому пустячному поводу, как необъяснимая усталость или несколько лишних килограммов.

Бентон собрал все свои записи и, порывшись в ящиках стола, нашел там несколько листов миллиметровки. Графики, когда он начертил их, не показали ничего такого, чего он бы уже не знал; но вид у них был очень солидный, и он поймал себя на том, что воображает, как бы они выглядели, отпечатанные на глянцевой бумаге в каком-нибудь авторитетном журнале в качестве иллюстрации к статье, которая могла бы быть озаглавлена как-нибудь вроде «Эпидемиологии мышечного утомления» или «Географии распространения ожирения».

Он снова пробежал глазами свои заметки, спрашивая себя, не имеет ли он дело с тем, что вписывается в рамки медицинских констант,— с положением, существующим много лет лишь с незначительными колебаниями от года к году. Похоже, это было не так. Десять лет назад симптомов было меньше — или, по крайней мере, не столь много пациентов обращалось к нему с жалобами на них. Но лет семь или восемь назад они на-

чали появляться чаще, и кривые графиков наглядно демонстрировали их резкий рост с течением времени. Эти симптомы, вне всякого сомнения, были недавним феноменом. Если это так, должна быть причина — или даже несколько. Он принялся размышлять над возможными причинами, но те немногочисленные, что пришли ему в голову, были слишком глупыми, чтобы заслуживать серьезного рассмотрения.

Бентон взглянул на часы — было начало третьего. Он впустую потратил большую часть дня, и Харриет голову ему оторвет за то, что не пришел домой к обеду. Он со злостью сгреб в кучу записи и диаграммы и сунул их в ящик стола.

Он убил на эти изыскания большую часть выходных и теперь умывает руки. Здесь он столкнулся с феноменом, разгадку которого следует искать в исследовательском центре, а не в кабинете провинциального врача. Его задача — заботиться о здоровье пациентов, а не решать мировые проблемы. В конце концов, это затея Эббота, а не его.

Собственная злость удивила Бентона. Дело не в бездарно потраченных выходных, в этом он был уверен: он бездарно потратил не одни выходные. Скорее, пожалуй, это была злость на самого себя, на собственную неспособность, понимая проблему, разрешить ее. Это не его забота, твердил он себе. Но теперь он с горечью вынужден был признать, что проблема приобрела для него огромную важность. Все, что как-то затрагивало здоровье и благополучие жителей города, автоматически становилось его заботой. Он сидел за столом, положив перед собой руки ладонями вниз. Это его забота, думал он. Вне всякого сомнения. Но бороться с недугом пока что ему не под силу. У него есть работа, и она имеет первостепенную важность. В свободное время он может размышлять в поисках решения задачи. Быть может, постоянно держа ее в голове, он сможет найти какой-то ответ или, по меньшей мере, приблизиться к нему. Пожалуй, решил он, лучший способ — забыть про нее и дать подсознанию шанс проявить себя.

3

Он старался забыть, но неделя за неделей мысли об эпидемии неотвязно преследовали его. Раз за разом он возвращался к своим заметкам и графикам, чтобы убедиться в реальности

картины, которая вырисовывалась на основе его наблюдений. Неужели причиной тому какие-то условия, которые существуют только в этой местности? Он гадал, что предпринимают другие врачи, с которыми Эббот встречался,— если, конечно, они вообще что-либо предпринимают, если они хотя бы просмотрели истории болезней своих пациентов. А если они все-таки их просмотрели, что они могли в них обнаружить?..

Он часами листал старые выпуски «Журнала Американской медицинской ассоциации» и другие издания, рылся в пыльных стопках в подвале, где они хранились. Он с легкостью мог не заметить чего-нибудь имеющего отношение к этому вопросу, поскольку до сих пор не слишком добросовестно их штудировал. У человека, говорил он себе, оправдываясь перед самим собой, так мало времени на чтение, а прочитать надо так много, и в медицинском мире такая уйма энтузиастов, которым во что бы то ни стало хочется донести до других свое мнение, что поток статей и докладов не иссякает никогда.

Но он так ничего и не нашел. Неужто, удивлялся он, несмотря на все усилия Эббота, он, Бентон, единственный, кому известно о состоянии, которое он стал определять для себя как синдром утомления?

Неужели это какая-то болезнь? Нет, скорее всего, нет. Слишком уж избирательно проявление симптомов, чтобы свидетельствовать о заболевании, слишком ограничены их параметры. Скорее всего, это нарушение обмена веществ. Но для того, чтобы нарушился обмен веществ, должна быть какая-то причина.

Берт Кертис, как показали анализы, был диабетиком не больше, чем Тед Браун. Уровень сахара в его крови зашкаливал, но диабета у него не было. Хелен насела на мужа, и, когда Херб Андерсон в конце концов появился у него в кабинете, картина оказалась практически идентичной той, что обнаружилась у Берта и Теда. Страховой агент, торговец и старый маляр — что общего, спрашивал он себя, может быть у этих троих? К тому же была еще семья Барров! Барры просто сбивали его с толку.

Теперь к этому списку прибавились и другие, не столь вопиющие примеры, многие из которых, однако, демонстрировали часть симптомов синдрома утомления.

— Да выброси ты это из головы,— как-то раз за завтраком сказала ему Харриет.— Это снова комплекс доброго старого

дока. Всю жизнь ты позволял ему управлять собой, и сейчас опять то же самое. У тебя есть другие дела, ты с утра до вечера на работе. Если бы не объявился вдруг этот Эббот, ты ничего бы и не заметил.

Он согласился с женой.

— Думаю, так оно и было бы. Да даже если бы и заметил, то не обратил бы особого внимания. Но когда мы с ним разговаривали, он был необычайно логичен. Как я уже, наверное, не раз говорил тебе, медицина не точная наука. В ней уйма такого, что человек не способен понять. Существует множество вопросов, к пониманию которых мы даже не приблизились.

— Тебе уже приходилось сталкиваться с такими вопросами,— заметила Харриет чуточку резковато.— И ты всегда говорил — я не раз от тебя это слышала,— что в один прекрасный день какой-нибудь исследователь даст на них ответ. Ты не ломал над ними голову днями напролет. Почему же ты сейчас не можешь выкинуть это из головы?

— Потому, черт побери,— сказал он ей,— что это происходит здесь, прямо у меня под носом! Потому, что есть Тед, и Херб, и Берт, и еще множество других людей — и с каждым днем их становится все больше и больше. А я ничего не могу с этим поделать. Мне не приходит в голову ничего толкового. Я в полной растерянности. Я связан по рукам и ногам, и мне не нравится это ощущение.

— Беда в том, что ты чувствуешь себя виноватым. Пора с этим заканчивать.

— Ладно,— сказал он.— Я закончу.

Но он не сдержал своего обещания.

Он сделал то, что тогда казалось довольно бессмысленным: заглянул в кондитерский магазин «Смешной фермер» и выяснил, что за последние три года продажа сладостей возросла почти на четверть. Он позвонил владельцам двух маленьких заводиков на окраине города и услышал, что количество отпусков по болезни и прогулов за последние несколько месяцев увеличилось на целых десять процентов. В аптеке он поговорил со своим старым другом-фармацевтом, и тот сообщил, что спрос на болеутоляющие, отпускаемые без рецепта, взлетел так, как никогда на его памяти.

Тогда он позвонил доктору Герману Смиту из Спринг-Вэлли.

— У вас найдется минутка поговорить с конкурентом? — спросил он.

Смит фыркнул.

— Вы мне не конкурент. Мы же прояснили этот вопрос много лет назад, помните? Вы работаете на своей стороне улицы, я — на своей. Территории поделены и огорожены, и мы заключили джентльменское соглашение не нарушать границ. Но я не открою вам ни одного своего профессионального секрета, если вы звоните за этим.

— Нет-нет, вовсе не за этим,— успокоил его Бентон.— В последнее время я сталкиваюсь с кое-какими странностями и хотел узнать, замечаете ли и вы что-то подобное.

Голос Смита посерьезнел.

— У вас озабоченный тон, Арт.

— Не озабоченный, нет. Озадаченный, вот и все.

Он рассказал Смиту обо всем, что бросилось ему в глаза, не упомянув, однако, об Эбботе.

— Думаете, это важно? — спросил Смит.

— Ничего не могу сказать о важности, но дело очень странное. С виду для этого нет никаких причин, никаких оснований. Мне было бы интересно узнать, происходит это только у нас или...

— Если хотите, я могу просмотреть свои записи.

— Будьте так добры,— сказал Бентон.

— Без проблем. Я свяжусь с вами примерно через неделю. Даже начерчу графики, чтобы сравнить их с вашими. Ну, то есть, если что-нибудь найду.

Неделя доктору Смиту не понадобилась. Через четыре дня Бентон получил объемистый конверт. Открыв его, он обнаружил внутри не только графики, но еще и статистические таблицы и ксерокопию листка с заметками.

Бентону не нужно было доставать из ящика свои графики: он уже помнил их наизусть. Едва бросив взгляд на разложенные на столе графики Смита, он мгновенно понял, что они практически точь-в-точь совпадают с его собственными.

Он тяжело опустился в свое кресло и так крепко вцепился в подлокотники, что заболели пальцы.

— Я был прав,— сказал он себе.— Да поможет нам Бог, я был прав!

4

Когда открылся сезон охоты на птиц, Бентон поехал на ферму к Эзре Пайку пострелять фазанов, мысленно положив себе не забыть спросить о Баррах, которые были ближайшими соседями Пайка. Но так и не вспомнил об этом.

У Пайка накопилась масса всего, что он хотел показать доктору: загон с поросятами, толстенькими и лоснящимися, которых он откармливал к осенней ярмарке; отборная пшеница с крохотного участка, которую он выращивал ради собственного удовольствия и намеревался затем отвезти в Миллвилль, на старинную водяную мельницу, чтобы ее превратил в муку добродушный полусумасшедший отшельник, никак не желавший понять, что он живет в двадцатом столетии; бочонок с сидром, сделанным Пайком из плодов древней высохшей яблони, единственной на всю округу еще дававшей знаменитые снежные яблоки,— Бентону по традиции предоставлялось право снять с него пробу. Надо было побеседовать о политике и о растущих ценах на продукты; о том, сколько бензина тратится впустую из-за оборудования, которое установили на все машины для борьбы с загрязнением воздуха; о последнем, довольно вялом скандале, о котором судачили в округе,— в нем были замешаны юнец, которому едва стукнуло двадцать, и вдова, годившаяся парнишке в бабушки.

Они подстрелили нескольких фазанов, отведали свежего яблочного пирога, запивая его молоком,— и о чем только не говорили, не замечая, как текут часы.

Лишь на полпути к дому Бентон вспомнил, что так и не спросил о Баррах.

В следующую субботу он отменил утренний прием, положил в багажник машины ружье и поехал в холмы — якобы для того, чтобы пострелять перепелов. Он каждую осень по нескольку раз выезжал на перепелиную охоту, но сейчас его интересовали не перепела, а возможность потереться среди обитателей холмогорья.

На вопрос, кто они такие, они ответили бы: фермеры. Но лишь единицы из них действительно занимались сельским хозяйством. Их участки в большинстве своем располагались на крутых склонах и лишь местами — в лощине у ручья или на уступе склона — были достаточно горизонтальными, чтобы плуг

мог вспахать землю. Они сажали кукурузу для откорма тощих свиней, в основном рыскавших по лесам в поисках желудей, выращивали картофель и возделывали небольшие огороды. Иногда они выращивали и другие зерновые, но в основном обходились кукурузой, картофелем и зеленью с огорода. Женщины консервировали уйму овощей, поскольку электричества, чтобы их заморозить, не было, а даже если бы и было, не многие из здешних могли наскрести денег на холодильник. На грядках росла клубника для еды и заготовки впрок, в лесу в изобилии родились ежевика и малина. К исходу осени погреба обитателей холмов заполнялись консервированными овощами и ягодами, картофелем и зимними яблоками, снятыми с чахлых деревьев в их куцых садиках.

Ведя машину, Бентон уже в который раз задумался, как эти люди год за годом умудряются выживать. Обычно у каждой семьи имелась корова или две, а также несколько свиней и замызганные куры. Свиней, как правило, резали на мясо, а не продавали на рынке, и на задних дворах многих ферм имелись коптильни, где приготовляли ветчину и копченую грудинку. Дичь вроде кроликов, белок, енотов и изредка оленей — обычно добытая с потрясающим пренебрежением ко всем законам об охоте — помогала разнообразить их рацион. Частой гостьей на столе была рыба из многочисленных ручьев, равно как хохлатые куропатки и перепела. Так или иначе, но они умудрялись питаться вполне сносно круглый год.

Но с деньгами было туго. Обитатели холмов были почти совершенно отрезаны от остального мира и у них не было иного выхода, кроме как самостоятельно выращивать и собирать бóльшую часть своего пропитания. В бакалейной лавке они закупали немного: муку, сахар, кофе, соль... При таком образе жизни, сказал себе Бентон, не нужно много денег. Те крохи, что у них были, они добывали, подрабатывая там и сям. Кое-кто трудился на маленьких заводиках в долине, но таких было мало. Да и едва ли кому-то из них была по душе эта работа. Изредка кто-нибудь из жителей холмов продавал горожанам дрова.

Однако, несмотря на все трудности, которые, возможно, таковыми не считались, это был относительно счастливый, надежный, независимый и гордый народ, полный достоинства и врожденного благородства.

Бентон провел день очень приятно, заглянув в гости к нескольким знакомым семьям. Он чуточку поохотился и подстрелил в общей сложности трех перепелов. Зато наговорился всласть, сидя на ступенях просевших веранд в домах столь старых, что стены их даже замшели,— в домах, стоявших здесь так давно, что их приняла даже окружающая природа, частью которой они казались,— или пристроившись на краешке сколоченной из горбыля изгороди, которую поставили, наверное, лет сто назад, или стоя в прохладе дома после того, как осушил полный ковш ледяной пахты.

Они разговаривали о многих вещах — он и эти плохо одетые люди в бережно залатанных штанах и с отросшими волосами. Не то чтобы длинные волосы были у них в моде — просто ни у кого в семье не доходили руки остричь их. Они беседовали о погоде, которая довлела над их умами и заслуживала обстоятельного обсуждения; о пуме, которую кто-то видел поблизости, хотя все специалисты по местной фауне в один голос утверждали, что в этих холмах уже почти сорок лет как нет ни одной пумы; о давно прошедших временах и преданиях, доставшихся в наследство от предков, которых теперь помнили лишь смутно.

В ходе всех этих разговоров Бентон неизменно заводил речь о синдроме утомления, хотя сам термин не употреблял: расписывал, как пациенты без видимой причины набирали вес, с самого утра чувствовали себя разбитыми, безостановочно поглощали сладости. Он не знает, чем это вызвано, признавался он, и это его огорчает, и он хотел бы знать, не наблюдается ли подобное явление в здешней округе.

Они глядели на него с плохо скрытым смехом в глазах и говорили: нет, разве что это то же самое, что у дедушки Уилсона, или у Гэбби Уайтсайд, или у кого-нибудь из еще дюжины человек. Они потчевали его историями о баснословных лентяях, которые, чтобы увильнуть от работы, за всю свою жизнь потратили куда больше сил, чем у них отняла бы сама работа. Но все их повествования отдавали сказкой, так что Бентон не принимал их за чистую монету. Он понимал, что большинство бездельников, фигурировавших в этих историях, не существуют и никогда не существовали в действительности.

Домой он вернулся с убеждением, что на холмогорье нет никаких признаков эпидемии Эббота.

Возможно, причина состоит в особенностях их организма, сказал он себе. Что-то в холмах, в образе жизни тамошних обитателей, в их питании, в отсутствии удобств, которые они не могут себе позволить, ставит своего рода запретный барьер. Хотя не исключено, что он ставит все с ног на голову, ищет то, что мешает развитию синдрома на холмогорье, тогда как надо искать то, что приводит к его распространению в городе.

И все же, подумал Бентон, версия относительно особенностей организма может оказаться верной. Надо выяснить, чем горожане обладают и чем не обладают, что делают и чего не делают, и ответ может прийти сам собой. Однако, напомнил он себе, искомый неуловимый фактор должен быть отличительным признаком городской жизни.

Вечером он отправился на работу, сославшись на обилие писанины, и принялся бороться с собой. Сидя за столом и ничего не делая, уставившись в озерцо света, которое расплескала по столешнице настольная лампа, он старался все обдумать.

Он пытался забыть это глупое дело, но ничего не получилось. Возможно, ему не удалось забыть о нем потому, что дело было вовсе не глупое, потому, что он с самого начала знал об этом, где-то в сокровенной глубине души понимал, что опасность серьезнее, чем он позволяет себе верить,— и так же хорошо понимал, что если он хочет быть честным со своими пациентами, то не должен даже пытаться игнорировать ее. «Впрочем,— спросил он себя,— как ради моего же собственного душевного спокойствия я могу делать что-либо иное, если не игнорировать ее? У меня нет подготовки...» Бентон не был исследователем. Слишком долго он был усердным провинциальным доктором, употребляя все свои силы и знания на упорное сражение с болезнями и смертью в этом крошечном уголке страны. У него нет для исследования ни инструментов, ни способностей, ни времени — ни, если уж на то пошло, горячей беспристрастности и твердой цели.

Но, сколь бы скудны ни были его средства, его долг перед городом — хотя бы сделать попытку. Вот ведь в чем беда — это его долг перед городом! Всю свою жизнь он положил на то, чтобы всем тем, чем он был и чем надеялся стать, расплатиться за то доверие, с которым они смотрели на него. Они были в долгу перед ним и тем самым повергали его в еще боль-

ший долг перед ними. Они ходят к нему и говорят с ним, исцеленные от половины своих недугов,— и что прикажешь делать с такой верой? Они считали, что ему известны все ответы, и он не мог сказать им, как мало он знает на самом деле. Их вера в его непогрешимость зачастую была последним оставшимся им прибежищем. Они верили, они доверяли ему и тем самым порождали в нем чувство вины, когда он вынужден был, в силу своего несовершенства, предавать эту веру и это доверие.

Он порылся в ящике стола и вытащил свои заметки и данные доктора Смита. Внимательно просмотрел их в надежде, что более тщательное изучение может дать ему ключ. Но его не было.

Может, это гормоны? Какое-нибудь гормональное нарушение? Однако, будь это так, должна существовать какая-то причина, которая вызвала это нарушение. Он уже не впервые думал о гормонах, поскольку нарушение выработки инсулина объяснило бы симптомы диабета; но вся беда в том, напомнил он себе, что это не диабет. Возможно, гликоген? Но здесь загвоздка была в том, что никто не знал наверняка, что именно делает гликоген, хотя существовали предположения, что он повышает уровень глюкозы в крови и тем самым подавляет аппетит. Гипоталамус? — продолжал перебирать он. Или стероидные гормоны? Нет, ни то ни другое невозможно.

Расстройства личности? Вполне правдоподобно в том, что касается ожирения и раздражительности, но определенно не объясняет ни один из остальных симптомов. Да и в любом случае расстройства личности — тема скользкая, без опыта в психиатрии тут не справишься.

Ферменты? Витамины? Микроэлементы?

Он неверно подходит к проблеме, сказал себе Бентон. Не с той стороны. Чтобы разгадать этот синдром, нужно искать общий фактор, который может быть причиной, а затем пытаться определить, какое влияние этот фактор оказывает. Впрочем, если все же применять такой подход, ферменты могут оказаться наиболее перспективным вариантом из всех. Ферменты по сути своей катализаторы, ускоряющие биохимические реакции в организме. Нет, биохимические реакции могут возникать и без каталитического действия ферментов, но будут при этом столь медленными, что организм просто не сможет функционировать.

Он сидел неподвижно и рылся в памяти в поисках всего, что знал о ферментах. Для него стало неожиданностью, что он, на протяжении стольких лет не вспоминавший о ферментах, так много помнил о них. Причина крылась в том, что, вместо того чтобы думать непосредственно о ферментах, он вдруг поймал себя на том, что вспоминает профессора Уолтера Кокса, старину Железного Кокса, чудака, против всякой логики любимого всеми студентами, который, читая лекцию, расхаживал туда-сюда, покачиваясь и втянув голову в тощие нахохленные плечи, и молотил по воздуху сжатым кулаком, чтобы придать значительности своим словам. Наверное, Кокс давно уже умер, подумал он, поскольку все это происходило больше тридцати лет назад, а профессор и тогда уже был далеко не молод.

Тридцать — не тридцать, а все слова ясно всплыли в его памяти. «Ферменты,— рассказывал Кокс, яростно колошматя воздух,— состоят из апоферментов и коферментов, между которыми существует слабая связь. Обычно кофермент — это витамин и еще одна органическая молекула, связанные друг с другом. А сейчас, господа, я попрошу вас сосредоточиться на одном кофермента, так называемом кофермента А, который непосредственно участвует в двух биохимических циклах: жирнокислотном цикле и цикле лимонной кислоты...»

Бентон сгорбился в своем кресле, потрясенный тем, что обнаружилось в глубинах его памяти, что он смог выудить из прошлого, отделенного от этого дня более чем тридцатью годами, мгновение, восстановленное до мельчайших подробностей,— воспоминание не только о человеке, но и о словах, которые он говорил, о косых лучах солнца, пробивающихся сквозь закрытые жалюзи, о запахе меловой пыли в воздухе, что он слышал эти слова, быть может, более отчетливо, чем тогда.

Может быть, это знак? Может, его подсознание проникло в память и выхватило из ее мрака этот бессвязный обрывок, чтобы сказать ему то, что не в силах был сказать рассудок?

Зазвонил телефон, и лишь на третьем звонке Бентон понял, откуда исходит звук. Словно во сне он снял трубку.

— Слушаю,— сказал он.— Доктор Бентон.

— С тобой ничего не случилось? — спросила Харриет.

— Нет, а что со мной могло случиться?

— Ты знаешь, сколько сейчас времени?

— Нет. Я не смотрел на часы.
— Уже два,— сказала Харриет.— Я начала беспокоиться.
— Прости, милая,— отозвался он.— Я уже иду.

5

Поздней осенью у него в приемной появился Эзра Пайк — не потому, что заболел, просто он заколол одну из своих свиней и привез Бентону целый мешок домашней колбасы. Миссис Пайк славилась на всю долину как великая мастерица ее делать. Каждую осень, как наступало время забивать скотину, Пайк появлялся с мешком домашней колбасы для старого дока.

Таков был один из своеобразных местных обычаев, с которыми Бентон в конце концов свыкся, хотя и не сразу. На протяжении всего года к нему тянулись люди с разнообразными гостинцами: кто с мешком орехов, кто с корзиной томатов, кто с ведерком какой-нибудь необыкновенной картошки, кто с медовыми сотами, только что вынутыми из улья,— добровольными подношениями, которые Бентон в конце концов научился с благодарностью принимать.

Хотя в приемной сидели пациенты, Бентон провел Пайка в свой кабинет, чтобы перекинуться с ним парой слов. Под конец разговора он задал вопрос, который давно его мучил.

— Вам известно что-нибудь о семье Барров?
— Это те, что купили ферму Эбнера Янга?
— Они самые,— подтвердил Бентон.
— Да немного,— пожал плечами Пайк.— По-моему, они приехали из Огайо. Фермерствовали там. Уж и не знаю, почему они сюда перебрались. Я неплохо знаком с Барром и даже разговаривал с ним, но он ничего не рассказывал мне, а я и не спрашивал. Может, потому, что Эбнерова ферма досталась им за сущие гроши. Когда Эбнер умер, ферма отошла каким-то его дальним родственникам из Калифорнии — племянникам, как я понимаю. Они не захотели с ней возиться. Даже на похороны не приехали и на оглашение завещания. Велели адвокату Эбнера сбыть ее с рук поскорее, вот он и предложил ее за бесценок.

— Вот оно как. Я Эбнера толком и не знал. Он был у меня пару раз. Вздорный старик. Один раз у него нога загноилась. Наступил на гвоздь, помнится. В другой раз он едва не схватил воспаление легких. Я пытался убедить его лечь в больни-

цу, так он меня и слушать не захотел. Закончилось все тем, что я дал ему какие-то лекарства, он отправился домой и сам выкарабкался. После этого я его не видел, да и почти ничего не слышал о нем, а потом мне сказали, что он умер. Кто-то из соседей его нашел, верно? Небось, заболел и решил, что не желает больше иметь со мной дела. Испугался, что я отправлю его в больницу. Возможно, ему уже не помог бы ни я, ни больница. Он был из тех, кто отбивается от врачей руками и ногами.

Пайк хмыкнул, вспомнив бывшего соседа.

— Я знаю, люди считали его скверным человеком, да в некотором роде так оно и было. Он всех гостей дробовиком привечал. Фазанов на его землях было несчитано, так он хоть бы кого пустил поохотиться. Даже сам не стрелял. С соседями никогда и двух слов не скажет. Держался особняком. Зол был на все человечество. Зато зверье любил. Зеленая изгородь у него, бывало, превращалась в настоящие заросли, чтобы кроликам, суркам и птицам было где жить. Да и зимой он птиц всегда подкармливал. Если воробьи или сойки прилетали к нему поесть, он никогда не прогонял их и не злился, как многие. Говорил, они тоже хотят есть.

— Судя по всему, вы неплохо его знали, Эзра.

— Ну,— сказал Эзра,— у нас тоже случались разногласия. С ним было нелегко ужиться. Характерец у него был тот еще. Да и заскоки иногда случались. Он прямо помешан был на всем натуральном. Ни фунта химических удобрений в свою землю не клал, пестициды применять отказывался. Твердил, что это яд. Он еще задолго до того, как та дамочка написала свою книжку о «безмолвной весне»*, говорил, что это яд.

Бентон встрепенулся.

— Вы хотите сказать, что он никогда не пользовался пестицидами? Обходился вообще без ДДТ?

— Об этом я и толкую,— подтвердил Пайк.— Но, что самое странное, урожаи он выращивал не хуже любого из нас.

---

* «Безмолвная весна» — книга, написанная в 1962 году биологом и общественной деятельницей Рэйчел Карсон. В этой книге она подняла вопрос о непоправимом вреде, который наносит окружающей среде широкое использование пестицидов и гербицидов, в частности ДДТ. Книга вызвала широкие отклики, было создано несколько официальных комиссий и в результате введен запрет на применение ДДТ.

Правда, с возрастом он сажал все меньше и меньше. Бóльшая часть его земли пустовала. Но урожаи у него неизменно были хорошие. Эбнер был первоклассным фермером.

Пайк не торопился уходить, и они заговорили о чем-то другом, но Бентон едва слушал старика. Его мысли вертелись вокруг того, что Эбнер Янг, по словам Пайка, никогда не использовал пестициды.

ДДТ! — подумал Бентон. Боже милостивый, неужто дело в ДДТ?

Итак, вот семья Барров, фермеров из Огайо, где они, скорее всего, применяли ДДТ, а потом перебрались на ферму, где никогда не было ни крупицы химикатов. И из всех фермеров долины только они одни страдают синдромом утомления. Возможно ли, что они привыкли к ДДТ или каким-то другим пестицидам и заболели от их отсутствия?

Другие фермеры не заболели, размышлял он, потому что в их земле до сих пор сохранялись остатки ДДТ, и они, копаясь в земле, получали достаточное его количество, чтобы пока не ощущать никаких пагубных последствий от его недостатка.

А обитатели холмогорья? Тут все достаточно просто, сказал он себе. Они никогда не подвергались воздействию ДДТ, поэтому у них и не развилась потребность в нем. А воздействию химиката они не подвергались потому, что были слишком бедны, чтобы покупать его. Они питались лишь тем, что давала их земля, никогда не ели изготовленные промышленным способом консервы и не покупали продукты, которые могли вырасти на обработанной ДДТ земле.

На следующий день, в субботу, окончив прием, Бентон снова просмотрел свои записи и обнаружил то, что и ожидал: за двумя исключениями, горожане, у которых были свои садики и которые сами занимались ими, никогда не жаловались на симптомы синдрома утомления.

Он позвонил Хелен Андерсон.

— Это ваш добрый семейный доктор с глупым вопросом. Пожалуйста, не смейся надо мной, это может быть очень важно.

— Давай, спрашивай. Ты же знаешь, что я не стану над тобой смеяться.

— Тогда ладно. Когда ДДТ еще можно было купить, до того, как его запретили, ты обрабатывала им свой садик?

— Ну да,— сказала она.— Думаю, почти все садоводы его применяли. Я пользовалась им долгие годы и должна признаться, что мне его очень не хватает. Это новое средство жукам определенно по вкусу. Они его проглотят и сидят ждут добавки. И хоть бы хны. Херб вечно ворчал на меня из-за ДДТ. Говорил, что не желает есть всякую химию.

— А Херб? Херб ведь никогда не работает в саду, да?

— Док, тебе же отлично известно, что нет. Он только смеется над моей тягой к садоводству. Ты ведь сам слышал.

— Но он ест то, что ты выращиваешь? — спросил Бентон.

— Ты шутишь? Разумеется, ест.

— Превосходно! — удовлетворенно воскликнул он.— Спасибо, что не подняла меня на смех.

— Док, что происходит? Это имеет какое-то отношение к Хербу? К его самочувствию?

— Возможно. Я пока не знаю. И, может быть, никогда не узнаю. Я просто пытаюсь хоть что-то нащупать.

— Ладно,— сказала она.— Не буду тебя пытать. Когда что-нибудь узнаешь, расскажешь мне?

— Можешь на это рассчитывать.

Он сделал еще несколько звонков людям, у которых был сад, и тем, у кого его не было. Двое, отмеченные как исключения, заявили, что никогда не применяли ДДТ, поскольку не хотели с ним связываться. Слишком хлопотно, объяснили они, хотя, конечно, без ДДТ дела в их садиках шли не так уж хорошо, и летом приходилось покупать зелень у кого-нибудь из соседей. Как и большинство людей, они потребляли довольно много консервов.

Все без исключения интересовались, зачем доктору понадобилось это знать, и кое-кто даже поднял его на смех; но это ничего, подумал он, это пустяки. Все знали, что у доброго старого дока бывают заскоки, как, например, в тот раз, когда он поднял такую бучу вокруг старой городской артезианской скважины, что власти были вынуждены пробурить новую, или когда он, в бытность свою городским санитарным врачом, строго следил за тем, чтобы все мусорные бачки были закрыты крышками. Все сходились во мнении, что старый док отстал от жизни, но его здесь любили и мирились с мелкими странностями.

Сделав последний звонок, он повесил трубку и уставился в блокнот с пометками.

Возможно, все дело именно в этом: в ферментах и ДДТ. Могло ли случиться так, что кофермент, образовав связь с молекулой ДДТ, превратился в суперкатализатор? А теперь, когда ДДТ нет, реакция суперкатализа стала невозможной? Не исключено, сказал он себе, что именно это и служит причиной синдрома утомления.

Возьмем кофермент А, тот, что так тесно связан с двумя биохимическими циклами, к примеру с циклом жирных кислот, который отвечает за окисление липидов. В отсутствие суперкатализатора, в зависимость от которого люди впали, все меньше липидов будет окисляться и все больше — накапливаться в виде жира. Отсюда участившиеся случаи ожирения. В ситуации, когда липиды почти не расщепляются, организму приходится извлекать энергию практически из одних лишь углеводов. Поэтому людям так часто хочется перекусить.

Углеводы преобразуются в энергию посредством цикла лимонной кислоты и процесса гликолиза. В цикле лимонной кислоты также задействован кофермент А, тогда как в процессе гликолиза он не участвует. Если два эти процесса станут неустойчивыми, возникнет так называемый эффект маятника: когда один процесс ослабнет, возобладает другой, и наоборот, который может иметь очень далеко идущие последствия. Уровень сахара в крови начнет скакать: будет то необъяснимо взлетать, то падать ниже всех допустимых границ. При замедленном цикле лимонной кислоты будет возрастать выработка молочной кислоты, поскольку один из результатов этого цикла — расщепление молочной кислоты. Одним из последствий повышения уровня молочной кислоты будет боль в мышцах. А вдобавок к колебаниям уровня сахара в крови будет скакать еще и выработка инсулина. В результате мозг будет периодически страдать от недостатка глюкозы в крови. Симптомы могут варьировать от обмороков, судорог и шока до потери ориентации, раздражительности и тумана перед глазами.

Все сходится! Пожалуй, даже слишком безупречно.

Бентона охватил приступ паники и недоверия. Он взялся за эту работу не с того конца. Все его выводы — теоретические умозаключения. Необходимо провести всесторонние лабораторные исследования. Но у него не хватит квалификации для лабораторных экспериментов требуемого уровня. Он руководствовался одним лишь наитием, не имея никаких настоящих

доказательств. Его выводы ненаучны и неприемлемы с медицинской точки зрения. Но принцип, и достаточно логически увязанный, он сформулировал.

Вывод кажется логичным, сказал себе Бентон, не только с точки зрения физиологии, но и в других отношениях. Он вполне укладывается в теорию эволюции. Под давлением современной жизни человек расходует больше энергии, чем когда-либо в прошлом. Не исключено, что он перешел пределы биохимических возможностей организма. В подобных обстоятельствах организм, как эволюционирующая живая система, воспользуется любой возможностью, которая позволит ей функционировать более эффективно. Если ДДТ оказался тем самым элементом, способным помочь человеческому организму лучше справляться со своей работой, если ДДТ мог превратить ферменты или даже хотя бы один фермент в суперкатализатор, действующий эффективнее, организм без колебаний должен был ухватиться за ДДТ.

Но теперь, когда ДДТ запретили, человеческий организм вынужден вернуться к прошлому. У тех людей, которым ДДТ был изначально недоступен, организм функционировал попрежнему — возможно, не столь эффективно, зато без потрясений — в отличие от тех, кто сначала перестроился на новый способ деятельности, а потом очутился в изменившихся условиях.

Бентон понимал, что нужен еще чей-то взгляд на ситуацию. Но для этого понадобятся люди и деньги. Возможно, пришло время связаться с Эбботом, не дожидаясь, когда тот объявится сам. И тут Бентон осознал, что понятия не имеет, как с ним связаться. Писатель не оставил ему ни своего адреса, ни номера телефона — возможно, потому, что собирался разъезжать по стране и временно не имел определенного плацдарма.

Проще всего, решил Бентон, будет позвонить издателю Эббота. Кто-нибудь в издательстве непременно должен знать, как разыскать его. Но была суббота, и ни одно издательство, конечно, не работало. Придется сделать это с утра пораньше в понедельник, сказал он себе, признавая, что мучительное нетерпение вызвано желанием переложить проблему синдрома утомления на чьи-нибудь другие плечи. Он продумал все, что мог, и сделал все, что было в его силах; теперь настал черед кого-нибудь другого взяться за дело.

Возможно, исследование покажет, что его выводы неверны. Однако, верны они или нет, а попытку выяснить истину предпринять необходимо.

В понедельник с утра пораньше Бентон позвонил.

— Я надеялся,— представившись, объяснил он,— что кто-нибудь из ваших сотрудников сможет подсказать мне, как связаться с Робертом Эбботом. Несколько месяцев назад он приезжал ко мне, и сейчас мне очень нужно поговорить с ним.

Женщина на том конце провода на мгновение заколебалась; когда она заговорила, голос у нее едва заметно дрожал.

— Минуточку,— сказала она.

Трубку взял мужчина.

— Вы спрашивали Эббота?

— Да. Мне необходимо связаться с ним по важному вопросу.

— Доктор,— поинтересовались в трубке,— вы когда-нибудь читаете газеты?

— Обычно я слишком занят,— ответил Бентон.— Я просто проглядываю заголовки. А иногда и того не делаю.

— Выходит, вам не известно, что Эббот погиб?

— Погиб?!

— Да, пару недель назад. В автомобильной аварии где-то в Колорадо.

Бентон молчал.

— Мы все были потрясены,— продолжал мужчина в Нью-Йорке.— Вы сказали, что были с ним знакомы?

— Я его практически не знал. Он был у меня несколько месяцев назад. Мы поговорили — час или чуть больше. Полагаю, вам известно, над чем он работал.

— Нет, нам об этом не известно. Мы часто ломали себе голову. Знали только, что Эббот на что-то напал, но он держал рот на замке. Возможно, вам известно больше нашего.

— Вряд ли,— сказал Бентон.— Большое спасибо. Простите за беспокойство.

— Пустяки. Спасибо, что позвонили. Мне жаль, что пришлось сообщить вам такую печальную новость.

Бентон повесил трубку и невидящим взглядом безучастно уставился в стену кабинета. И что мне теперь делать? — спросил он себя. Что, черт побери, мне теперь делать?

6

Первые заморозки ударили накануне ночью, и на следующий день, когда Лем Джексон появился в приемной, воздух обжигал морозцем. Джексон был с холмов — высокий долговязый мужчина лет сорока на вид. Бентон знал его, но не припоминал, чтобы тот когда-либо к нему обращался.

Джексон уселся на стул напротив стола и бросил видавшую виды бесформенную шляпу на ковер.

— Наверное, док,— начал он,— зря я пришел и отнимаю ваше время. Но я чувствую себя совершенно измочаленным. Ни на что больше не гожусь. Меня как подменили. Я все время чувствую себя усталым, и мышцы вечно болят. То и дело на всех рявкаю, как будто с цепи сорвался, просто стыд, как я с женой и ребятишками обращаюсь.

— А с аппетитом как? — спросил Бентон.— Едите хорошо?

— Да почти без перерыва. Никак не могу насытиться. Постоянно голодный.

Ну вот, подумал Бентон, все его тщательно продуманные выводы, вся старательно выстроенная теория синдрома утомления пошли прахом. Джексон жил на холмах, а по теории Бентона обитатели холмогорья должны быть к нему невосприимчивы.

— Что стряслось, док? — спросил Джексон.— Я что-нибудь не так сказал или сделал?

Бентон мысленно одернул себя.

— Нет-нет. Я просто задумался. Чем вы занимаетесь, Лем?

— По правде говоря,— сказал Джексон,— особо ничем. Так, в земле копаюсь помаленьку. Подрабатываю чуток, где придется. Да я едва ноги таскаю, куда уж там работать в полную силу. Пожалуй, правду сказать, практически ничего и не делаю.

Лем помолчал и продолжил:

— Не так давно у меня была неплохая работа в Западной Виргинии, но меня оттуда попросили. Если бы я там остался, катался бы как сыр в масле. Неполный день, работенка непыльная, да и платили неплохо. Так нет, взяли и турнули. Чем-то я мастеру не приглянулся. Говорю вам, док, нет на свете справедливости. Я работал ничем не хуже других.

— А что за работа? — спросил Бентон, не особенно интересуясь, что это была за работа, просто ради поддержания разговора.

— Ну, думаю, даже если бы меня и не выставили, все равно это долго бы не протянулось. Они закрылись почти сразу же, как я ушел. Это был небольшой химический заводик. Там ДДТ делали, а я слыхал, его теперь запретили.

Бентон даже обмяк от нахлынувшего на него облегчения. Его теория все-таки оправдалась! Лем Джексон был исключением из установленного им правила, которое лишь подтверждало это правило. Но, окрыленный доказательством правоты своих выводов, он в ту же секунду упрекнул себя за такую реакцию. Радоваться надо было, когда он решил, что симптомы Джексона камня на камне не оставляют от его измышлений, потому что, если уж на то пошло, эта история с человеческим организмом и ДДТ — изрядная мерзость. Но он эгоистически привязался к своей теории. После всех усилий и размышлений, которые он вложил в нее, никто, даже самый гуманный человек на свете, не захотел бы оказаться неправым.

— Лем,— заговорил он,— как ни жаль, но я ничем не могу вам помочь. Пока. Вы не одиноки. Возможно, таких, как вы, очень много. Это заболевание заметили совсем недавно и сейчас исследуют. Возможно, лекарство со временем будет найдено. Мне жаль, что я вынужден говорить это, но, мне кажется, вы из тех, кто предпочитает знать правду.

— Вы хотите сказать,— спросил Джексон,— что я умру?

— Нет, не это. Я хочу сказать, что никак не могу повлиять на ваше самочувствие. Возможно, ухудшения не будет. Уверен, что настанет время, когда появится какое-нибудь средство или лекарство.

И все, что для этого понадобится, с горечью добавил он про себя, это таблетка или капсула с необходимой дозой ДДТ вкупе со вспомогательными веществами.

Джексон подобрал с пола свою потрепанную шляпу и медленно поднялся.

— Док, у нас на холмогорье все говорят, что вы толковый доктор. «Он не станет кормить тебя баснями,— так мне сказали.— К такому доктору идти не страшно». Вы считаете, что я, возможно, не буду чувствовать себя хуже?

— Возможно,— подтвердил Бентон.

— И может быть, когда-нибудь изобретут лекарство, которое сможет мне помочь?

— Я надеюсь на это.

Провожая Джексона взглядом, Бентон раскаивался в своих словах. К чему эта жестокая откровенность? К чему давать людям надежду? «Сейчас это заболевание исследуют»,— сказал он, но это была неправда. Или правда? Есть один человек, который его исследует, и этому самому человеку, решительно сказал он себе, лучше взяться за дело.

В тот же вечер он составил подробное письмо, в мельчайших подробностях изложив в нем свои подозрения и выводы. Затем, когда ему удалось выкроить время, уже после того, как прием был окончен, он в нескольких экземплярах отпечатал текст на машинке. Разослав письма, он стал ждать.

Первый ответ — две недели спустя — пришел из «Журнала Американской медицинской ассоциации». Его письмо, сообщалось там, не может быть опубликовано, поскольку указанные в нем сведения не подтверждены данными исследований. Отказ был мягким, но окончательным. Ему даже не предложили провести дальнейшие исследования, что, впрочем, было вполне справедливо, поскольку первичные исследования проведены не были.

От официальной любезности второго ответа, из Национального института здоровья, веяло арктическим холодом.

Третий, из Ассоциации биохимических исследований, оказался откровенно грубым.

В субботу днем, когда последний пациент ушел, Бентон сел за стол и разложил перед собой все три письма. Нечего было и надеяться, что хотя бы один из адресатов всерьез отнесется к его письму. В конце концов, кто он такой? Безвестный семейный врач из захолустного городка, выдвигающий теорию, не подкрепленную никакими исследованиями, основанную на одних лишь наблюдениях и умозаключениях. Такой реакции на его письма и следовало ожидать. И все же у него не возникло и тени сомнения в правильности своего поступка. Пусть это и был жест, но его следовало сделать.

И как теперь быть? Прорабатывать медицинскую ассоциацию, начиная с округа и заканчивая штатом? Он знал, что все без толку. Смит наверняка поддержал бы его; другие же про-

сто поднимут его на смех. Но даже если и нет, пройдут годы, прежде чем будут предприняты какие-то действия.

Возможно, стоит обратиться в какую-нибудь химическую компанию. Производство капсул с ДДТ будет приносить миллионную прибыль, как только то, что сейчас известно ему одному, станет достоянием гласности. Но химическая компания, предвидя мороку с получением разрешения от Управления по контролю за продуктами и лекарственными средствами, может отказаться. Прежде чем какая-либо химическая компания сможет хотя бы приступить к разработкам, нужна уйма кропотливых лабораторных исследований, чтобы получить подкрепляющие доказательства, которые можно будет представить Управлению по контролю. Он понимал, что в такую «завиральную» идею ни одна химическая фирма не станет вкладывать средства.

Он потерпел поражение, причем еще до того, как начал борьбу. Если бы Эббот не погиб, у них могли бы быть равные шансы. Эббот написал бы о синдроме и нашел бы издателя, потому что из-под его пера вышла бы именно такая книга, о которых издатели мечтают: сенсационная, спорная, привлекающая внимание. Публикация книги произвела бы достаточный фурор, чтобы кто-нибудь заинтересовался выдвинутой в ней теорией — хотя бы и только ради того, чтобы доказать неправоту Эббота.

Но думать об этом бессмысленно. Эббот не напишет эту книгу. Никто ее не напишет. До конца своих дней Бентон будет жить с грузом знания о том, что сумел докопаться до истины, но мир отказался ее принять.

Мир! К черту мир! Мир — не его забота. Его забота — горожане: Лем и Тед, Берт и Херб, и все остальные. Пусть ему и не под силу помочь миру, но, быть может, он сумеет помочь своим пациентам!

7

Лем Джексон жил где-то у гряды Кунскин-ридж, и Бентону пришлось пару раз останавливаться, чтобы спросить дорогу. Но в конце концов он нашел ферму с ее наклонным участком и маленьким покосившимся домиком, который как будто съежился от ветра, гулявшего над холмами.

Он постучал, и Джексон впустил его в дом.

— Проходите, садитесь у огонька. День сегодня холодный, а у огня хорошо. Мэри, не нальешь доку чашечку кофе? Что привело вас сюда, док?

— Одно небольшое дельце,— сказал Бентон.— Я подумал, может быть, вы не откажетесь сделать для меня кое-какую работу.

— Если смогу,— ответил Джексон.— Если сил хватит. Помните, я рассказывал вам, что совсем никуда не гожусь.

— У вашего дома стоит грузовик. Мне нужно кое-что привезти.

Миссис Джексон принесла кофе. Это была маленькая худая женщина со спутанными волосами, спадающими на лицо, и в замызганном платье. Из дальнего угла комнаты тихо-тихо, как мышки, настороженно выглядывали дети.

— Спасибо, миссис Джексон,— сказал Бентон.— Приятно выпить кофе после долгой поездки.

— У меня в бутылке осталось немного бренди. Может, плеснете себе в кофе? — предложил Джексон.

— Это было бы превосходно, если там хватит на двоих. Я никогда не пью в одиночку.

— Хватит, хватит,— заверил его Джексон.

— Лем сказал, вы обещали сообщить, если появится лекарство, которое ему поможет,— подала голос миссис Джексон.— Надеюсь, вы приехали по этому поводу?

— Ну, я не до конца уверен,— сказал Бентон,— но именно это у меня и было на уме.

Джексон вернулся с бутылкой и еще одной чашкой кофе. Он щедрой рукой плеснул бренди в обе чашки и поставил бутылку на пол.

— Так что вы там говорили насчет того, чтобы что-то перевезти? — спросил он.

— Когда вы приходили ко мне на прием, то сказали, что работали на заводе в Западной Виргинии, где делали ДДТ.

— Верно,— ответил Джексон.— Они выкинули меня на улицу, а немного погодя завод закрыли.

— Теперь он заброшен?

— Надо думать. Это был совсем маленький заводик. Там производили только ДДТ. Какой смысл ему работать?

— Вы не согласитесь съездить туда и попытаться пробраться на территорию? — спросил Бентон.

— Думаю, не так уж это сложно. Может быть, его огородили, но вряд ли там есть сторожа. Там просто нечего сторожить. Скорее всего, он стоит пустой. Я мог бы перебраться через ограду. Док, к чему вы клоните?

— Мне нужен ДДТ.

Джексон покачал головой.

— Вряд ли там что-то есть. Скорее всего, остатки уничтожили.

— Заполучить ДДТ было бы неплохо,— сказал Бентон,— но меня устроила бы и земля, смешанная с ДДТ. Есть там такая земля?

— А то! Я знаю с десяток мест, где ее можно найти. Вам земля нужна? Я могу пригнать целый грузовик. У меня даже есть приятель, который мне поможет: должок за ним. Одного грузовика хватит?

— Более чем,— кивнул Бентон.— Значит, вы согласны? Это может быть опасно.

— Не думаю,— отозвался Джексон.— Завод стоит на отшибе. Вокруг никого нет. Если правильно выбрать время, меня не увидят. Но зачем вам эта земля, док? Эта дрянь ужасно ядовитая.

— Она может быть тем самым лекарством, о котором я вам говорил. Лекарством, которого у нас нет.

— Не морочьте мне голову.

— Я совершенно серьезен.

— Черт побери, ну и чудеса! — воскликнул Джексон.

— Так вы возьметесь за это дело?

— Начну на рассвете.

8

Под вечер в понедельник сестра Эми просунула голову в дверь его кабинета.

— К вам Лем Джексон. Он привез полный грузовик земли.

— Отлично. Пожалуйста, проводите его ко мне.

Джексон появился на пороге, ухмыляясь во весь рот.

— Я привез землю,— сказал он,— и еще кое что получше. Я нашел целых три мешка ДДТ — их спрятали в сарае и потом забыли. Куда свалить землю, док?

— Мешки с ДДТ положим в подвале,— решил Бентон.— А землю сгрузите на моей стоянке, в северо-западном углу.

И я хотел вас попросить... Вы не согласитесь сделать для меня еще кое-что?

— Все, что угодно,— ответил Джексон.— Только скажите, док.

— Можете вы завтра утром вернуться сюда и сделать вокруг этой земли плотную дощатую изгородь, чтобы никто до нее не добрался. А потом нужно сколотить в подвале большой ящик, вроде песочницы, в каких дети играют.

Джексон почесал голову.

— Да уж... Ну у вас и желания! Может, когда-нибудь вы расскажете мне, зачем все это нужно.

— Я расскажу вам все прямо сейчас. Там будет Песочница старого дока — вот и вся идея. После того как вы сколотите ящик, мы насыплем в него земли, которую вы привезли, и добавим туда еще немножко ДДТ. А потом вы сядете рядом с этой песочницей и будете играть в земле, как ребятишки в песке: строить земляные замки, делать земляные дороги, рыть земляные колодцы — ну, все в таком роде. Вам нужен ДДТ. Не просите меня ничего объяснить. Просто сделайте, как я сказал.

Джексон криво усмехнулся.

— Я буду чувствовать себя последним дураком,— заявил он.

— Послушайте,— сказал Бентон,— если бы я знал безопасную дозу, я положил бы ДДТ в капсулы, чтобы вы могли принимать их. Но я не знаю наверняка, а если ошибусь, могу вас убить. Зато я знаю, что люди вроде Хелен Андерсон, которая копается в земле, где еще остался ДДТ, абсолютно здоровы, в то время как муж Хелен, Херб, который в саду палец о палец не ударит, чувствует себя точно так же, как и вы: еле ноги волочит, ни на что не годится, постоянно устает.

— Ладно,— неохотно выдавил Джексон.— Только если я смогу делать то, что вы сказали, в одиночку. Если никто меня не увидит...

— Даю вам слово. Я не скажу ни единой живой душе.

Глядя в спину удаляющемуся Джексону, Бентон мучительно размышлял, как уговорить Херба, Теда, Берта и всех остальных...

Это будет нелегко, но он справится. И засадит их всех здесь, в подвале, играть в песочнице, как стайку ребятишек. Ведь он же их старый добрый док, и они доверяют ему.

Дэвид Латимер заметил дом как раз тогда, когда совсем заблудился. Он держал путь в Вайалусинг — городишко, о котором прежде только слышал, но никогда туда не ездил,— и, ясное дело, где-то свернул не на ту дорогу. Проехал две совсем крохотные деревушки под звучными именами Эксельсиор и Наварра и, если дорожные указатели не врали, через несколько миль должен был добраться до Монтфорта. Оставалось надеяться, что кто-нибудь в Монтфорте сумеет вывести его на верный маршрут.

Дорога была местного значения, извилистая, узкая, с небольшим движением. Она крутилась по-над изрезанным берегом, по сбегающим к океану мысам, была окаймлена березами и вечнозелеными кустами и редко удалялась от воды так, чтобы не слышен стал приглушенный шум прибоя, бухающего о наваленные на берегу огромные валуны.

Машина вскарабкалась на долгий крутой подъем, и тут он впервые увидел дом посередине между дорогой и берегом — нескладную кучу кирпича и облицовочного камня. По бокам дом украшали две тяжелые печные трубы. К строению примыкала старая березовая роща, но при этом оно так поднималось над местностью, что поневоле мерещилось — дом плывет по небу. Латимер замедлил ход, потом съехал на обочину и остановился: захотелось рассмотреть дом получше.

К фасаду вела полукруглая подъездная аллея, вымощенная кирпичом. По краям ухоженной лужайки высились несколько могучих дубов, а под ними стояли элегантные каменные скамьи. Судя по всему, на них никто ни разу не сидел.

И Латимеру представилось, что в таком месте, должно быть, приятно жить: от дома веяло уединенностью, отрешенностью

© Перевод О. Битова.

от мира и вместе с тем старомодным достоинством. На лужайке, марая и даже оскверняя ее, торчал большой, прочно установленный плакат:

СДАЕТСЯ ИЛИ ПРОДАЕТСЯ
Обращаться в агентство недвижимости «Кемпбелл» —
полмили дальше по дороге

И стрелка, указывающая, в каком направлении отсчитывать эти полмили.

Латимер не спешил с отъездом, просто сидел себе тихо в машине и любовался домом. И вдруг подумал: а ведь море, должно быть, совсем рядом и со второго этажа по заднему фасаду морской простор, наверное, раскрывается во всю ширь.

Если разобраться, то именно ради подобного убежища он и стремился в Вайалусинг — он искал местечко, где мог бы провести два-три спокойных месяца за мольбертом. Надо думать, убежище в Вайалусинге оказалось бы поскромнее, хоть описание, какое он получил предварительно, не отличалось полнотой.

Да нет, перебил он себя, не сводя глаз с дома, это слишком дорого. Почти наверняка дороже, чем он может себе позволить, хотя последние успешно проданные полотна сделали его, пусть ненадолго, обеспеченным человеком. А что, если, начал он спорить с собой, аренда обойдется не так дорого, как кажется? Такой домина привлечет немногих — слишком велик. Но ему-то лично это все равно, он проведет здесь недолгие месяцы и вполне может расположиться в двух-трех комнатах...

Странная штука, потянулась мысль далее, чем же все-таки привлек его этот дом, инстинктивно и без колебаний, отчего он мгновенно уверился, что именно о таком и мечтал? И ведь не догадывался до этой самой минуты, о чем мечтает. Дом старый, сказал он себе, дому лет сто, а скорее двести. Построен каким-нибудь давно забытым лесопромышленником. И необитаем, вероятно, уже не первый год. Там должны быть мыши, да и летучие мыши тоже.

Он включил скорость и не спеша двинулся дальше, оглядываясь на дом через плечо. Проехал полмили и на окраине городка — по-видимому, это и был Монтфорт, хоть при въезде не удосужились поставить указатель,— справа от дороги приметил дряхлую кособокую хибару. Перекошенная, провисшая

вывеска оповещала, что тут и находится агентство «Кемпбелл». И, едва ли отдавая себе отчет в том, что делает, и во всяком случае ничего еще не решив, он съехал с дороги и остановился.

В хибаре сидел человек средних лет. Свитер с высоким воротом, ноги в широких штанах заброшены на захламленный стол.

— Заехал справиться про дом,— сказал Латимер.— Тот, что чуть дальше по дороге. Где кирпичная подъездная аллея.

— А, этот! Сразу скажу вам, незнакомец, что в данную минуту не имею возможности показать его вам. Жду покупателя, пожелавшего посмотреть имение Фергюсонов. Хотя вот что. Могу дать вам ключи.

— А не могли бы вы сообщить мне примерно, какова арендная плата?

— Почему бы вам сначала не осмотреть его хорошенько? Сами решите, что вы о нем думаете. Как вам обстановка. Подходит ли он вам. Если понравится, тогда поговорим. Такой дом нелегко продать. Он немногим по вкусу. Слишком велик, с одной стороны, и слишком стар. Можно бы предложить вам приемлемые условия.— Сбросив ноги со стола на пол, человек покопался в одном из ящиков, извлек оттуда ключ с привязанной биркой и швырнул на столешницу.— Осмотритесь, потом возвращайтесь. Канитель с имением займет не больше чем час-другой.

— Спасибо,— сказал Латимер, забирая ключ.

На этот раз он подъехал к самому дому и поднялся по ступенькам. Ключ легко повернулся в скважине, дверь отворилась бесшумно на хорошо смазанных петлях. Он очутился в вестибюле, пересекающем весь дом от фасада до фасада. Видна была лестница, ведущая наверх, а по сторонам вестибюля распахнутые двери вели в комнаты первого этажа.

В вестибюле было полутемно и прохладно, изящно и чуть-чуть высокомерно. Когда Латимер двинулся в глубь дома, доски пола и не подумали заскрипеть под ногами, чего в доме столь почтенного возраста вполне можно было бы ждать. И не чувствовалось никакой затхлости, не было запаха сырости и плесени, и ни малейших следов мышей и летучих мышей.

Дверь направо была распахнута, как и все остальные, и он заглянул в комнату. Большая комната, наполненная светом: закатное солнце проникало сюда сквозь окна по бокам мра-

морного камина. По другую сторону вестибюля расположилась комната поменьше, с камином в углу,— по всей видимости, кабинет или библиотека. А та большая комната, вне всякого сомнения, по проекту предназначалась под гостиную. Дальше справа находилось помещение, служившее некогда кухней,— здесь был огромный кирпичный очаг утилитарного вида, на котором, вероятно, готовили пищу. А напротив слева была еще одна большая комната с мраморным камином меж окнами, с удлиненными зеркалами в стене и затейливой люстрой, свисающей с потолка. Тут, безусловно, должна была располагаться столовая — именно такая обстановка располагала к неспешным званым ужинам прежних времен.

Оставалось разве что головой покачать: все это было слишком величественно, все выглядело просторнее и элегантнее, чем он предполагал. Если бы кто-нибудь всерьез решил поселиться здесь и жить жизнью, достойной такого дома, потребовалось бы ухлопать целое состояние только на мебель, не говоря уж обо всем остальном. Он, помнится, подумывал, что можно расположиться по-походному в двух-трех комнатах,— но располагаться здесь по-походному было бы форменным святотатством: этот дом заслуживал лучшей участи, лучших квартирантов.

И тем не менее дом не утрачивал своей привлекательности. Здесь царила атмосфера искренности, простора и покоя. Здесь человеку не угрожало ощущение сдавленности и спертости, здесь хватало места развернуться. Дом поддерживал чувство благополучия. Это было, как бы поточнее сказать, не жизненное пространство, а пространство для жизни.

Человек в агентстве сказал, что такой дом нелегко продать, что для большинства клиентов подобная недвижимость не представляет интереса и что он, Латимер, мог бы въехать сюда на выгодных условиях. Однако в глубине души он понимал — это не доставляло удовольствия, да ничего не попишешь,— что человек сказал правду: несмотря на всю свою привлекательность, дом слишком велик. Сколько мебели понадобится даже для временной, летней полупоходной жизни! И все же, все же... дом тянул к себе, тянул мощно, почти физически.

Он вышел из вестибюля через заднюю дверь и очутился на широкой веранде, примыкающей к дому по всей его длине. Ровный зеленый склон, кое-где поросший древними березами, сбегал от веранды к берегу, а берег был хаотично усыпан камнями, и

с каждой набегающей волной от камней в небо вздымались облака белоснежной пены. Стаи жалобно кричащих птиц висели над прибоем как белые призраки, а дальше до самого горизонта стелился серо-голубой океан.

И он понял, окончательно понял: это и есть то место, к какому он стремился,— место, где кисть сумеет освободиться от условностей, неизбежно время от времени одолевающих любого художника. Здесь сохранилась удаленность от всего и от всех, здесь сама природа возвела барьер против перенаселенного мира. Дело не в каких-то новых сюжетах, но здесь можно наконец создать полотна, давно созревшие в душе и жаждущие воплощения на холсте.

Он пустился вниз по долгому зеленому склону средь ободранных возрастом берез и вышел на кромку прибоя. Нашел подходящий камень и уселся, впитывая прелесть воды и неба, ветра и уединения. Солнце зашло, и по земле поползли тихие тени. Пора идти, сказал он себе — и все же продолжал сидеть, очарованный нежным сгущением сумерек и почти неуловимыми переменами в цветовой гамме моря.

Когда он в конце концов принудил себя встать и зашагал по склону вверх, исполинские березы приобрели призрачность и поблескивали в полумраке. Нет, он не стал опять заходить в дом, а обошел его вокруг. Добрался до кирпичной подъездной аллеи и двинулся по ней, хоть и поминал себе, что надо бы вернуться к дому и запереть двери.

И только когда он почти поравнялся с парадным входом, до него вдруг дошло, что машины и след простыл. От недоумения он просто окаменел. Он же оставил ее здесь — в чем, в чем, а в этом он был уверен. Да разве мыслимо, чтобы он тормознул поодаль на обочине и прошел по подъездной аллее пешком, а теперь совершенно забыл об этом?

Круто повернувшись, он зашагал по аллее прочь от дома, клацая каблуками по кирпичам и повторяя про себя: «Черт возьми, я же ехал по этой аллее, помню отчетливо». Обернулся еще раз — машины не было ни перед домом, ни по всему полукружью аллеи. Бросился бегом к дороге: наверное, какие-нибудь сорванцы брели мимо и от нечего делать решили выкатить машину с аллеи на шоссе. Бессмысленная подростковая выходка, а теперь проказники прячутся где-то поблизости и хихикают, глядя, как он мечется в поисках пропавшей таратайки. Да нет, сказал он себе, этого тоже не может быть: он

поставил рычаг автоматической коробки скоростей в положение «Парковка» и запер дверцы. Если они не разбили стекло и не забрались в машину, им бы нипочем не стронуть ее с места.

Кирпичная подъездная аллея оборвалась, но никакой дороги дальше не оказалось. Лужайка да и аллея кончались там же, где и раньше, но дальше путь преграждала лесная чаща. Первозданная, темная, густая, с перепутанными ветвями — на том самом месте, где было шоссе, поднимались вековые стволы. Ноздрей коснулся сырой запах древесной плесени, и где-то впереди во мгле заухала сова.

Он обернулся вновь лицом к дому и увидел освещенные окна. А этого тем более быть не может, сказал он себе, пытаясь сохранить рассудок. В доме ни души, зажечь свет некому. Да и электричество скорее всего отключено.

Но освещенные окна твердили свое. Вне всякого сомнения, окна были освещены. За спиной Латимер слышал странные лесные шорохи, и в чаще ухали уже две совы, переговариваясь друг с другом.

Вопреки собственной воле, не веря своим глазам, он двинулся по аллее к дому. Ну должно же отыскаться хоть какое-то объяснение! Может, если б оно отыскалось, все оказалось бы, в сущности, очень просто. Наверное, он так или иначе сбился с курса, как сбился поутру, свернув не на ту дорогу. У него случился провал в памяти, по неизвестным и, не исключено, неприятным причинам он на время лишился чувств. Может даже, это вовсе не тот дом, который он осматривал,— хотя по всем признакам, нравится или нет, дом был тот же самый.

Он прошаркал по кирпичам и поднялся по ступенькам к двери. И не успел одолеть последнюю ступеньку, как дверь распахнулась. Появился человек в ливрее и тут же отступил в сторону, приглашая войти.

— Вы слегка припоздали, сэр,— объявил человек.— Мы поджидали вас немного раньше. Другие только что сели обедать, решив, что вы задержались по не зависящим от вас обстоятельствам. Однако ваш прибор ждет вас.

Латимер застыл в нерешительности.

— Все в порядке, сэр,— заверил человек.— За исключением особо торжественных случаев, у нас не принято переодеваться к обеду. Можете садиться за стол прямо так, как вы есть.

В вестибюле горели короткие свечи, воткнутые в специальные гнезда на стене. Там же, на стенах, появились картины, а на полу рядком выстроились кушеточки и вдобавок несколько стульев. Из столовой доносился приглушенный разговор. Дворецкий запер входную дверь и направился в глубь дома.

— Будьте любезны следовать за мной, сэр.

Все это, конечно, смахивало на безумие. Этого никак не могло быть. Его одолели видения. Он по-прежнему стоит на кирпичной аллее, у него за спиной лесная чаща, где ухают совы, и ему мерещится тускло освещенный вестибюль, мерещится, что в столовой слышится говор и смех.

— Сэр,— поторопил дворецкий,— пожалуйста, не мешкайте.

— Но я ничего не понимаю. Я же был здесь час назад...

— Все остальные ждут вас, сэр. Они предвкушали встречу с вами. Не надо злоупотреблять их терпением.

— Ладно,— согласился Латимер.— Не стану злоупотреблять.

У входа в столовую дворецкий снова отступил в сторону, освобождая ему дорогу. За длинным, элегантно накрытым столом сидели люди. В канделябрах сияли тонкие свечи. У дальней стены стояли в ряд одинаково наряженные подавальщицы. Буфет сверкал фарфором и хрусталем, а на столе красовались букеты цветов.

Мужчина в зеленой спортивной рубашке и вельветовой куртке поднялся со своего места и помахал рукой.

— Латимер, идите сюда! Вы ведь Латимер, не так ли?

— Ну да, я Латимер.

— Ваше место здесь, рядом с Инид и со мной. Не будем сейчас тратить время на то, чтобы представлять вам все наше общество. Это успеется.

Латимер подошел к столу, едва чувствуя пол под ногами, двигаясь как в тумане. Мужчина поджидал его стоя, потом протянул мускулистую руку. Латимер подал ему свою. Рукопожатие было крепким и сердечным.

— Моя фамилия Андервуд,— сказал мужчина.— Давайте садитесь. Никаких условностей. Мы только что принялись за суп. Если ваш простыл, можно его заменить.

— Спасибо,— отозвался Латимер.— С супом наверняка все в порядке.

Его соседка с другой стороны, Инид, произнесла:

— Мы вас ждали. Нам было известно, что вы приедете, но вы так замешкались...

— Одним требуется меньше времени,— перебил Андервуд,— другим больше. Вполне обычное дело.

— Но я ничего не понимаю,— посетовал Латимер.— Не понимаю, что тут происходит.

— Поймете,— заверил Андервуд.— По сути, ничего особенного.

— Ешьте суп,— предложила Инид.— Он по-настоящему хорош. Даже превосходен. Фирменная похлебка из рыбы и моллюсков с овощами.

Инид была миниатюрной брюнеткой с темными глазами, излучающими странную эмоциональную силу. Латимер взял ложку, зачерпнул суп. Инид оказалась права: он был превосходен.

Человек, сидящий напротив Латимера, представился:

— Меня зовут Чарли. Позже поговорим. Обязуемся ответить на любые ваши вопросы.

Женщина, соседка Чарли, добавила:

— Знаете, мы и сами мало что понимаем. Но тут очень славно. Мое имя Алиса.

Подавальщицы убрали опустевшие суповые миски и внесли салаты. Фарфор и хрусталь в буфете посверкивали в отблеске свечей. Цветы на столе оказались пионами. Всего за столом сидели восемь человек, считая и его самого.

— Но понимаете,— сказал Латимер,— я же хотел всего-навсего осмотреть дом...

— Точно так же произошло и со всеми нами,— ответил Андервуд.— И не вчера. С интервалом по году и более. Не знаю, сколько лет назад это началось. Джонатон, вон тот в конце стола, старичок с бородой, появился здесь первым. А потом и остальные, все поодиночке.

— Этот дом,— провозгласила Инид,— мышеловка, и приманка выбрана отменная. А мы — мыши, угодившие в мышеловку.

— В ее устах это звучит как кошмар,— вмешалась Алиса с другой стороны стола.— Но кошмаром здесь и не пахнет. О нас заботятся, и очень старательно. В доме штат прислуги, которая готовит и подает на стол, стелет нам постель, содержит все в чистоте и порядке.

— Но кому понадобилось заманивать нас в мышеловку?

— А вот это,— сказал Андервуд,— вопрос, на который каждый из нас пытался и пытается найти ответ. Правда, один или

двое смирились и махнули на все рукой. На этот счет возникло несколько теорий, но все они остаются бездоказательными. Вообще-то я иногда недоумеваю: а зачем они нужны, доказательства? Нам что, станет легче, если мы познакомимся с теми, кто держит нас в плену?

Мышеловка, и приманка выбрана отменная, повторил про себя Латимер. И в самом деле отменная. Испытал же он мгновенное инстинктивное влечение к этому дому — всего-то ехал мимо, а влечение полыхнуло и захватило его.

Салат был великолепен, и мясо с печеной картошкой не хуже. А такого роскошного рисового пудинга Латимер и не пробовал никогда. Вопреки собственной воле пришлось признать, что еда, как и живая, остроумная болтовня за столом доставили ему удовольствие. Покончив с ужином, все перешли в гостиную и расселись перед исполинским мраморным камином, где пылал огонь.

— Даже летом,— сказала Инид,— здесь по вечерам бывает прохладно. Может, это даже к лучшему — люблю сидеть у огня. Мы зажигаем камин почти каждый вечер.

— Мы? — переспросил Латимер.— Вы произнесли это так, словно все вы тут принадлежите к одному клану.

— К одной стае. Или, пожалуй, к одной шайке. Собратья-заговорщики, хоть заговора нет и в помине. Мы отлично ладим друг с другом. Вот единственное, что тут по-настоящему хорошо: мы отлично ладим друг с другом.

К Латимеру подошел бородач, сидевший в конце стола.

— Меня зовут Джонатон,— сказал он.— За обедом мы с вами сидели слишком далеко для знакомства.

— Мне сказали,— откликнулся Латимер,— что вы живете здесь дольше всех.

— Теперь — да. Года два назад самым опытным старожилом был Питер. Мы его так и называли — старина Пит.

— Называли?

— Он умер,— пояснила Инид.— Потому-то теперь нашлось место для вас. Понимаете, дом рассчитан на определенное число жильцов, и не больше.

— Значит, на то, чтобы найти замену умершему, ушло целых два года?

— У меня есть подозрение,— заметил Джонатон,— что все мы принадлежим к какому-то строго очерченному кругу. Мне

сдается даже, что надо пройти весьма суровый отбор, прежде чем вашу кандидатуру начнут принимать во внимание.

— Это-то и ставит меня в тупик,— признался Латимер.— Должен же быть некий общий фактор, объединяющий всю группу. Возможно, дело в роде наших занятий?

— Совершенно уверен в этом,— согласился Джонатон.— Вы ведь художник, не так ли?

Латимер утвердительно кивнул.

— А Инид — поэтесса, и очень талантливая. Я занимаюсь философией, хоть и не считаю себя большим философом. Дороти — романистка, а Алиса — музыкант. Она пианистка и не только играет, но и сочиняет музыку. С Дороти и Джейн вы пока незнакомы.

— Пока нет. Я, наверное, догадываюсь, кто они, но незнаком.

— Познакомитесь,— заверила Инид.— Сегодня же вечером. Наша община так мала, что незнакомых в ней быть просто не может.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить? — осведомился Джонатон.

— Не откажусь. Лучше бы шотландское виски, если найдется.

— Найдется все, что угодно. Со льдом или с водой?

— Со льдом, пожалуйста. Если это вас не обременит.

— Здесь никто никого обременить не может,— заявил Джонатон.— Мы охотно заботимся друг о друге.

— Пожалуйста,— попросила Инид,— налейте и мне. Вы знаете, что я люблю.

Как только Джонатон отошел за напитками, Латимер сказал Инид вполголоса:

— Должен сказать, вы все удивительно добры ко мне. Вы приняли меня, постороннего, в свою компанию...

— Ну какого же постороннего! Кому-то когда-то вы были посторонним, но больше вам им не бывать. Неужели не понятно? Вы теперь один из нас. У нас было свободное место, вы его заняли. И останетесь здесь навсегда. Отсюда вам не уйти.

— Вы намекаете на то, что отсюда нет выхода?

— Пробуем его отыскать. Каждый из нас пробовал, некоторые не один раз. Но уйти никому не удалось. Да и куда идти?

— Но должны же быть какие-то иные места! И должен быть какой-то способ вернуться обратно.

— Вы все еще не поняли. Здесь нет ничего, кроме этого дома. Вокруг дикий лес. Если не беречься, то заблудиться легче легкого. Иной раз нам случалось выходить на поиски заблудившихся всей общиной.

В гостиной появился Андервуд, опустился на диван подле Инид и спросил:

— Ну и как вы тут вдвоем? Поладили?

— Наилучшим образом. Я только что рассказала Дэвиду, что отсюда не выбраться.

— Очень мило,— изрек Андервуд,— однако без толку. Говори не говори, но в один прекрасный день он все равно попробует.

— Да, наверное,— согласилась Инид,— но, если его предупредят заранее, ему будет легче смириться с неудачей.

— Меня терзает простой вопрос,— сказал Латимер.— Какой в этом смысл? Вы заявили за обедом, что каждый из вас пробовал найти разгадку, но никто не нашел.

— Не совсем так. Я говорил вам, что есть несколько гипотез. Но горе в том, что нет возможности выяснить, какая из них верна. Не исключено, что мы давно догадались о причинах нашего заточения, но наверняка мы, по-видимому, не узнаем ничего никогда. Самой романтичной точки зрения придерживается Инид. Она полагает, что нас пасут некие сверхсущества из отдаленных районов Галактики, пасут ради изучения. Понимаете, исследуют нас как образчики человеческой породы. Заперли нас здесь как в лаборатории, но ни во что не вмешиваются. Хотят понаблюдать за нами в естественной обстановке и разобраться, чем мы дышим и что из себя представляем. По ее мнению, при таких условиях нам надлежит вести себя культурно и выдержанно, как мы только сумеем.

— Сама не знаю, верю ли я в это всерьез,— вставила Инид,— но чем плоха идея? Уж во всяком случае, она не безумнее некоторых других догадок. Например, кое-кто теоретизирует, что нам просто-напросто дали шанс продемонстрировать все лучшее, на что мы способны. Какой-то благодетель освободил нас от всех житейских невзгод, поместил в приятную обстановку и предоставил нам сколько угодно времени на развитие наших талантов. Нас вроде бы взяли на содержание.

— Но какой прок в подобной затее? — спросил Латимер.— Если я правильно понял, мы отрезаны от всего остального мира. Что бы мы здесь ни создали, никто об этом и не узнает...

— Почему же никто? — возразил Андервуд.— У нас случаются пропажи. У Алисы пропала одна из ее музыкальных композиций, у Дороти — роман, а у Инид — сразу несколько стихотворений.

— По-вашему, кто-то проник сюда и забрал их тайком? Забрал не подряд, а с выбором?

— Это всего лишь догадка, и не хуже многих других,— подвел черту Андервуд.— Бесспорный факт, что отдельные наши произведения исчезают. Мы ищем их, ищем и больше не находим.

Наконец-то появился Джонатон с напитками и возвестил:

— Давайте угомонимся и прекратим болтать. Алиса в настроении поиграть. Кажется, Шопена.

Когда Андервуд проводил Латимера в отведенную ему комнату, было уже поздно. Комната оказалась даже не на втором, а на третьем этаже.

— Нам пришлось предпринять небольшое переселение,— сообщил Андервуд,— чтобы вам досталась именно эта. Она единственная, где есть верхнее остекление. Правда, потолок наклонный из-за скоса крыши, но, надеюсь, вам здесь будет удобно.

— Так значит, вы знали о моем прибытии загодя?

— О да, узнали дня три назад. Прислуга шепнула нам словечко — прислуга всегда в курсе всего. Но когда вы прибудете точно, было неизвестно до вчерашнего вечера.

После того как они с Андервудом пожелали друг другу спокойной ночи, Латимер довольно долго стоял в центре комнаты, озираясь. Да, ему сказали верно, тут было верхнее остекление с тем расчетом, чтобы свет падал с севера. Прямо под потолочным окном поставили мольберт, к стене прислонили чистые загрунтованные холсты. Он не сомневался, что в комнате найдутся краски и кисти, а равно все, что только может ему понадобиться. Кто бы ни затянул или что бы ни затянуло его сюда, к его пленению подготовились на совесть, не упустив ни одной мелочи.

Но это же непредставимо, твердил он себе, этого никак не могло случиться! Вот он стоит посреди комнаты и все еще не верит своим глазам. Он попытался припомнить последовательно события, приведшие его в эту комнату, в этот дом, шаг за шагом заманившие его в ловушку — если это ловушка, а судя по всему, так и есть. Был агент по недвижимости в Бостоне, рассказавший ему про домик в Вайалусинге: «В точ-

ности то, что вы ищете. Стоит отдельно, никаких близких соседей. Милях в двух — деревушка. Если вам нужна прислуга, чтобы приходила раз-другой в неделю для уборки, спросите там. Обязательно найдется кто-нибудь, кого можно нанять. Вокруг домика поля, но их не возделывают уже так давно, что они заросли кустами и редколесьем. И всего полмили до берега. Захотите поохотиться — осенью будут куропатки и перепела. И рыбалка, если она вам по сердцу...»

«Ладно, подъеду туда, погляжу»,— сказал он агенту, и тогда тот стал объяснять ему маршрут и объяснил неверно, с тем чтобы его занесло на дорогу, ведущую к этому дому. А может, все не так? Может, это его собственная вина, может, он попал не на ту дорогу по собственной бестолковости? Думай не думай, а к определенному выводу не придешь. Да, агент объяснял ему маршрут, но было ли объяснение неверным? При создавшейся ситуации его заведомо тянет взять под подозрение все и всех подряд. Но конечно, заманить его сюда, в этом дом, не удалось бы без какого-то психологического нажима, и без ложных советов тоже. Ну не по чистому же совпадению он очутился в доме, куда и до того заманивали людей искусства! Поэтесса, музыкант, романистка, философ — хотя, если вдуматься, философ как-то выпадает из общего ряда. А может, перебил он себя, общий ряд еще недостаточно очевиден? Ему же до сих пор неизвестны профессии Андервуда, Чарли и Джейн. Что, если эти трое выпадают из ряда еще решительнее?

В углу комнаты стояла кровать, а рядом тумбочка и на ней лампа. В другом углу уютной группой собрались три мягких кресла. На стене висели полки с книгами и возле них картина. Удивительно: ему понадобилось несколько долгих минут на то, чтобы признать ее. Она же была его собственная, написанная годы назад...

Бесшумно переместившись по ковру, он встал напротив картины. Одна из тех, которые ему самому особенно нравились,— честно сказать, он ни за что не расстался бы с ней и тем более не стал бы ее продавать, если бы в тот момент его не одолела отчаянная нужда в деньгах.

Герой сидел на заднем крылечке ветхой хижины. Рядом на земле, там, где ее обронили, валялась газета, раскрытая на странице объявлений о найме. Из нагрудного кармана подчеркнуто чистенькой, хоть и поношенной рабочей рубахи торчал уголок конверта — серого невзрачного конверта, в каких рас-

сылаются чеки социальных пособий. Натруженные руки были безнадежно опущены на колени, а может статься, проверяли, не прохудились ли обтрепанные штаны. Лицо покрывала многодневная щетина, седеющие виски отбрасывали мертвенно-серый отсвет на все лицо. Волосы, давно не стриженные, свалялись и спутались, брови были густые, кустистые, а под ними в глубоко сидящих глазах застыло выражение безнадежности. У самого угла хижины пристроилась тощая кошка, к стене был прислонен сломанный велосипед. Человек не смотрел на них — взгляд его был устремлен на заваленный мусором двор и на примыкающий ко двору тусклый серо-коричневый участок, выжженный засухами и небрежением. А вдали на горизонте угадывались прямые, сухопарые фабричные трубы, над которыми вился слабый дымок.

Картина была в тяжелой золоченой раме, и поневоле подумалось, что это не самая удачная окантовка для такого сюжета. К раме прилепилась бронзовая табличка, и не надо было напрягать зрение, чтобы угадать подпись. Он знал назубок, что там сказано:

БЕЗРАБОТНЫЙ
Художник Дэвид Ллойд Латимер

«Сколько же лет назад это было?» — спросил он себя недоуменно. Пять, а то и шесть? Помнилось, что натурщика звали Джонни Браун. Джонни был славный малый и позировал Латимеру неоднократно. Однако после этой картины, когда бы художник ни вспоминал о Джонни, разыскать того уже не удавалось. Латимер справлялся повсюду, даже в портовых притонах, но и там никто больше не видел Джонни и не ведал, куда он подевался.

Пять, а то и шесть лет назад картина была продана ради куска хлеба. Глупо попрекать себя этим — когда же Латимер рисовал иначе, чем ради пропитания? И тем не менее — вот она, картина. Он попробовал вспомнить, как же звали покупателя, но имя стерлось из памяти.

В комнате был еще и шкаф. Латимер раскрыл створки и увидел новую, с иголочки, одежду, выстроившиеся понизу ботинки и сапоги, аккуратно уложенные на полку головные уборы. Не было и тени сомнения, что все окажется точно по размеру. Те, кто придумал эту ловушку и заманил его сюда, проследили за этим. А в комоде у кровати наверняка найдет-

ся белье, рубашки, носки и свитера — именно такие, какие он выбрал бы для себя сам.

«О нас заботятся»,— заявила Алиса, а за ней и Инид, когда сидела с ним на диване перед пылающим камином. Тут действительно не может быть сомнений. Никто не желает им зла. Их тут, по сути, балуют как детей.

Но остается вопрос: зачем? Почему восемь, и только восемь, человек, отобранных из многих миллионов?

Подойдя к окну, он выглянул наружу. Окно выходило на задний фасад, и взгляд падал на рощицу призрачных берез. Взошла луна и повисла молочно-белым шаром над темным пятном океана. С высоты Латимер и сейчас различал белые брызги, регулярно взлетающие над валунами.

Надо подумать, сказал он себе. Надо набраться терпения и разобраться в случившемся, выстроить все происшествия последних часов в каком-то определенном порядке. Ложиться бессмысленно — в таком напряженном состоянии он нипочем не уснет. В этой комнате ни до чего не додуматься, а может, и в доме как таковом. Надо найти местечко, где вокруг никого. Кто знает, если выйти на свежий воздух и погулять часок, хотя бы вверх-вниз по подъездной аллее, может, и удастся взять себя в руки...

На пути к входной двери он неизбежно прошел мимо гостиной. Огонь в камине сник до слабого мерцания углей. Из темноты донесся голос:

— Дэвид, это вы?

Он обернулся и всмотрелся в дверной проем. На диване перед камином сгорбился темный силуэт.

— Джонатон?

— Я самый. Почему бы вам не составить мне компанию? Я старый полуночник и вследствие того обречен на долгие часы в одиночестве. Если хотите, на столике есть кофе.

Латимер приблизился к дивану и сел. Разглядел на столике кофейник и приборы, нацедил себе чашечку и осведомился у Джонатона:

— Хотите, подолью вам свеженького?

— Будьте любезны.— Старик протянул художнику свою чашку, и тот долил ее до краев.— Грешен,— сказал Джонатон,— пью это зелье в непотребных количествах. Там в буфете есть бренди. Не плеснуть ли нам в кофе по глоточку?

— Звучит недурно,— согласился Латимер.

Он пересек комнату, отыскал бренди, вернулся с бутылкой, плеснул понемножку в обе чашки.

Устроившись поудобнее, они принялись рассматривать друг друга. В камине одно из поленьев, догорая, распалось на горку углей. Была вспышка, и при свете ее Латимер наконец-то ясно различил черты собеседника: бороду с первой сединой, брови, похожие на клинышки восклицательных знаков,— лицо резко очерченное и вместе с тем благородное.

— Вы, молодой человек, в замешательстве,— заметил Джонатон.

— Более чем верно,— признался Латимер.— Ничего не могу с собой поделать, все спрашиваю себя, кому и зачем это понадобилось.

Джонатон кивнул:

— Да и большинство из нас, видимо, до сих пор мучаются тем же. В первые дни это всего болезненнее, но и впоследствии боль не исчезает. Вы продолжаете задавать вопросы и впадаете в разочарование, а то и в депрессию оттого, что не можете найти ответов. Естественно, с течением времени вы постепенно миритесь с действительностью, она уже не так беспокоит вас, не так раздражает. В конце концов, жить здесь достаточно приятно. Все наши нужды удовлетворяются, а от нас не требуют ровным счетом ничего. Мы делаем, в сущности, все, что нам заблагорассудится. Вас, разумеется, уже познакомили с теорией Инид о том, что мы находимся под наблюдением инопланетян, которые решили запереть нас здесь ради изучения?

— Инид говорила мне, что она не то чтобы верит в это всерьез, но считает такую теорию привлекательной. По крайней мере, подобное объяснение стройно и к тому же не лишено драматизма.

— Да, конечно, не лишено,— откликнулся Джонатон,— только не выдерживает критики. Каким, например, образом инопланетяне нанимают прислугу, которая столь прилежно заботится о нас?

— Действительно,— согласился Латимер.— А что, прислуга заперта здесь вместе с нами?

— В том-то и дело, что нет. Нет сомнения, что прислуга наемная и ей, вероятно, очень хорошо платят. Время от времени прислуга меняется, кто-то исчезает, а взамен появляется кто-то другой. Как осуществляется замена, мы не знаем. Уж

за этим мы следили более чем пристально, все надеялись, что если выясним, то поймем, как отсюда выбраться,— только так ничего и не выяснили. При случае мы пытались подбить прислугу на откровенность — не слишком назойливо, конечно,— но тоже без успеха: держатся вежливо, а откровенничать не хотят. Закрадывается подозрение, что кое-кто из нас, не исключая меня самого, уже не очень-то и старается выяснить все доподлинно. Как поживешь здесь достаточно долго и прекратишь спорить с самим собой, покой этой жизни засасывает. С чем, с чем, а с покоем расставаться не хочется. Лично я не представляю себе, что бы я делал, доведись мне вернуться в мир, который я мало-помалу совсем забыл. Это, пожалуй, ужаснее всего: здешний плен так очарователен, что в него и влюбиться недолго.

— Но ведь, наверное, у кого-то остались близкие — жены, мужья, дети, друзья? Ко мне это, правда, не относится: я не женат, да и друзей немного.

— Странно, но факт,— ответил Джонатон.— Если у кого-то из нас и были семейные связи, то не слишком крепкие.

— По-вашему, выбирают только людей без крепких привязанностей?

— Сомневаюсь, что это принимается во внимание. Скорее, среди людей нашего круга просто нет таких, кто склонен к крепким привязанностям.

— Тогда расскажите мне подробнее о наших компаньонах. Вы упомянули, что занимаетесь философией. Я узнал кое-что и о некоторых других. А кто такой Андервуд?

— Драматург. И надо сказать, до того, как он попал сюда, его пьесы пользовались довольно большим успехом.

— А Чарли и Джейн?

— Чарли — карикатурист, Джейн — очеркист.

— Очеркист?

— Да. Специализировалась на темах, связанных с общественным самосознанием. Писала духоподъемные статьи для так называемых элитарных журналов, но иногда печаталась и в самых престижных изданиях. Чарли был известен на Среднем Западе. Работал в небольшой ежедневной газете, однако его карикатуры перепечатывали чуть не по всей стране. У него было уже довольно прочное имя, и может статься, он сменил бы жанр и перешел бы к более значительным работам.

— Значит, мы не все из этой части страны? Не все из Новой Англии?

— Нет, не все. Только двое — вы да я. Остальные из других регионов.

— Но всех нас можно отнести, с большей или меньшей натяжкой, к людям искусства. Притом мы были разбросаны по стране. Какими же ухищрениями они, кто б они ни были, заманили нас одного за другим в этот дом? Ведь, насколько я понимаю, все мы явились сюда добровольно, никого не похищали и не привозили сюда насильно?

— По-видимому, вы правы. Но как этого удалось добиться, понятия не имею. Предположительно какой-то психологический трюк, но что за трюк и как он осуществляется, не могу себе и представить.

— Вы назвали себя философом. Вы что, преподавали философию?

— В свое время да. Только не получал от этого никакого удовлетворения. Вдалбливать давние мертвые догмы юнцам, которые тебя и не слушают толком,— это, доложу я вам, работка не из приятных. Хотя их-то, наверное, не стоит винить. Философия в наши дни вообще мертва. Большая ее часть больна упрощенчеством и, мягко говоря, отстала от жизни. Нам нужна новая философия, которая помогала бы нам жить в согласии с нынешним миром.

— И вы создаете именно такую философию?

— Пишу кое-что с нею связанное. Но, признаться, с каждым прожитым здесь годом делаю все меньше и меньше. Не вижу стимула. Вероятно, всему виной здешняя покойная жизнь. Что-то во мне утратилось. То ли гнев испарился, то ли пропал контакт с миром, каким я его знал. Меня избавили от соприкосновения с повседневностью, я потерял с нею связь. Во мне теперь нет потребности протестовать, нет ощущения поруганного достоинства, и необходимость новой философии стала чисто теоретической.

— Вернемся к вопросу о прислуге. Вы сказали, что время от времени она меняется.

— Все довольно просто. Я упоминал, что мы следили за прислугой, но не могли же мы приставить к ней часовых на круглые сутки. А прислуга, со своей стороны, всегда в курсе всех наших дел. И замена персонала — одни уходят, другие появляются — происходит неизменно в наше отсутствие.

— А снабжение? Доставляются же откуда-то припасы! Это никак не может быть так уж просто.

Джонатон усмехнулся:

— А вы, оказывается, человек въедливый...

— Я заинтригован, черт возьми! Ведь как-то все это функционирует, и я хочу докопаться как. Может, стоило бы заглянуть в подвал? А что, если там туннели? Может, прислуга да и припасы прибывают через туннели? Конечно, идея как из шпионского романа, а все же...

— Что ж, может быть, может быть. Но если так, мы ничего никогда не установим. Да, припасы хранятся в подвале, но нас туда не пускают. Подвалом заправляет дюжий детина, к тому же он глухонемой или притворяется глухонемым. Он оттуда не вылезает, ест там и спит. И считается ответственным за снабжение.

— Выходит, в моем предположении нет ничего невозможного?

— Да,— отозвался Джонатон.— В нем нет ничего невозможного.

Огонь в камине угас, только несколько угольков еще теплились под слоем золы. В тишине, спустившейся на гостиную, Латимер различал подвывание ветра в ветвях окрестных деревьев.

— Об одном вы еще не знаете,— произнес Джонатон.— На берегу водятся большие бескрылые гагарки.

— Бескрылые гагарки? Не может быть! Их же...

— Да, разумеется. Их истребили более ста лет назад. А в океане киты. В иные дни замечаешь по доброму десятку китов. Бывает, что заметишь и белого медведя.

— Тогда, значит...

— Значит,— кивнул Джонатон,— мы где-то в доисторической Северной Америке. По моей оценке, примерно за три-четыре тысячелетия до наших дней. В лесу можно услышать, а то и увидеть лосей. Полным-полно оленей, попадаются даже лесные карибу. А уж птиц и дичи видимо-невидимо. Если вам придет такая фантазия, можно отлично поохотиться. Ружья и патроны у нас есть.

Когда Латимер поднялся вновь к себе в комнату, уже занимался рассвет. Он устал до изнеможения и понимал, что теперь способен заснуть. Но все равно, прежде чем лечь, постоял у окна, глядящего на березовую рощу и берег. Над во-

дой поднимался слабый туман, и все вокруг приобрело нереальный, волшебный вид.

Доисторическая Северная Америка — так считает философ, и, если он прав, шансов вырваться отсюда в знакомый мир очень и очень мало. Для этого надо проникнуть в секрет — или овладеть технологией — перемещений во времени. Кто же, хотелось бы понять, мог расколоть эту тайну, создать технологию? И кто, создав нужную технологию, мог использовать ее для нелепой цели заточать людей во времени?

В Массачусетском технологическом, припомнил Латимер, был чудак, потративший лет двадцать, если не больше, на то, чтобы найти точное определение времени и хотя бы приблизиться к пониманию, что это такое. Но то было давно, а потом чудак пропал из виду или, по меньшей мере, с газетных страниц. В свое время о нем пописывали, как правило, с нескрываемой иронией, потом перестали. Впрочем, поправил себя Латимер, чудак из Массачусетской техноложки тут, наверное, вовсе ни при чем — могли быть и другие ученые, исследовавшие ту же проблему, но, к счастью для себя, избегшие внимания прессы.

Довольно было задуматься на эту тему, и Латимер ощутил волнение: он увидит Америку первобытной поры, увидит континент задолго до белых первооткрывателей, до викингов, Каботов, Картье* и всех прочих! Хотя, наверное, тут есть индейцы — забавно, что Джонатон не упомянул про индейцев.

Не отдавая себе в том отчета, Латимер уставился на маленькую группу берез. Две из них росли чуть позади крупного, футов пять в высоту, валуна — по разные его стороны. Третья береза выбрала себе место тоже позади валуна, но немного выше по склону и как бы на равном расстоянии от двух других. Казалось бы, ничего особенного: березы часто собираются группами по три. И все же в этой группе было, видимо, что-то странное, привлекшее его внимание, но если и была странность, то больше не проявлялась, во всяком случае, уловить ее больше не удавалось. Тем не менее Латимер не отво-

* Джон (Джованни) Кабот, итальянец на британской службе, и его сын Себастьян в 1497–1498 годах вышли к Ньюфаундленду и обследовали восточное побережье Северной Америки. Французский мореплаватель Жак Картье в 1534–1535 годах обогнул Ньюфаундленд с севера и открыл побережье Лабрадора и реку Святого Лаврентия.

дил взгляда от трех берез, недоумевая, что же такое он подметил и подметил ли что-нибудь вообще.

На его глазах на валун опустилась прилетевшая откуда-то птичка. Птичка была певчая, но какая именно, не разобрать — далеко. Он лениво наблюдал за птичкой, пока та не вспорхнула и не улетела.

Не удосужившись раздеться, лишь сбросив с ног ботинки, Латимер пересек комнату, повалился на кровать и забылся едва ли не раньше, чем голова коснулась подушки.

Когда он проснулся, был почти полдень. Умылся, причесался, с бритьем возиться не стал и, слегка пошатываясь, спустился вниз: стряхнуть с себя дурман чрезмерно крепкого сна было не так-то просто. В доме никого не оказалось, но в столовой был оставлен один прибор, а на буфете — завтрак, накрытый салфетками. Он выбрал себе почки и яичницу-болтунью, нацедил чашку кофе и перешел к столу. Запах пищи разбудил волчий аппетит, он съел все до крошки, сходил за добавкой и уж конечно за второй чашкой кофе.

Наконец он вышел на воздух через дверь заднего фасада, но и тут никого не увидел. К берегу, как и вчера, сбегал поросший березами склон. Издалека слева донеслись два хлопка, похожих на выстрелы. Наверное, кому-то захотелось поохотиться на уток или на перепелов. Говорил же Джонатон, что здесь отличная охота.

Чтобы достичь берега, пришлось осторожно пробираться сквозь нагромождения камней. Мелкая галька хрустела под ногами. Набегающие валы разбивались о беспорядочно разбросанные валуны, и даже в сотне ярдов от воды на лицо оседала влага — пелена мельчайших брызг.

Под слоем гальки что-то слабо сверкнуло, и Латимер наклонился, заинтересованный. И лишь нагнувшись совсем низко, понял, что это агат размером с теннисный мяч. Одна из граней была сколота — именно она, мокрая от брызг, и посылала неверный восковой отсвет. Он подобрал камень и принялся полировать, счищая налипшие зернышки песка и припоминая, как мальчишкой искал агаты по заброшенным гравийным карьерам. Здесь, на берегу, совсем рядом с первым агатом отыскался второй, а неподалеку, в сторонке, третий. Ковыляя на корточках, он подобрал все три камня — второй был чуть побольше первого, третий чуть поменьше. Он вглядывался в них как встарь, любуясь изяществом их структуры, ощущая

вновь, через столько лет, нервную дрожь, какую испытывал всякий раз, когда находил агаты. К тому времени, как он уехал из дому в колледж, у него набрался целый мешочек агатов, припрятанный в углу гаража. Кто бы мог подсказать — что сталось с этими камушками потом?..

Внезапно из-за валунов, громоздящихся в нескольких ярдах от Латимера, показалось нечто диковинное и направилось вперевалку к воде. Птица ростом дюймов в тридцать, отдаленно напоминающая пингвина. Оперение в верхней части туловища было черным, в нижней — белым, и глаза окольцованы большими белыми кругами. Крохотные крылышки покачивались на ходу. А клюв был острый и тяжелый — грозное ударное оружие.

Не оставалось сомнений: он видел большую бескрылую гагарку, птицу давно вымершую, но в свое время распространенную от мыса Код до самого севера Канады. Матросы Картье, истосковавшиеся по свежему мясу после однообразного морского рациона, забивали их дубинками по сотне за раз, одних поедая без промедления, а других засаливая впрок в бочонках.

За первой гагаркой из-за камней показалась вторая, потом еще две подряд. Не удостоив человека вниманием, они пересекли вперевалочку полосу гальки, добрались до воды, нырнули и беззаботно поплыли прочь.

Латимер, не вставая с корточек, следил за птицами как зачарованный. Да, Джонатон предупреждал, что он встретит их на берегу, но одно дело — знать, что они тут водятся, и совсем другое — увидеть их воочию. Теперь он твердо, как никогда ранее, уверился в том, куда его занесло.

Где-то слева громыхали редкие выстрелы, но иных вестей о себе другие обитатели дома не подавали. Вдали, прижимаясь к самой воде, пронеслась стайка уток. Усыпанный галькой берег навевал чувство покоя — подумалось, что такой покой человек знавал лишь в те давние годы, когда Земля была еще почти свободной от человечества, когда на ней оставалось место, где покой мог угнездиться, где его некому было спугнуть.

Сидя здесь, на берегу, Латимер припомнил странную группу берез и вдруг, без всякого явного повода, сообразил, что же в них было странного, приковывающего внимание: обостренный взгляд художника уловил искажение перспективы. Нахмурясь, он старался развить догадку, решить, что же имен-

но делало перспективу искаженной. Но что бы там ни было, сейчас прийти к четкому выводу не удавалось.

Латимер приметил еще один агат и сделал несколько шагов, чтобы подобрать камень, потом высмотрел чуть дальше по берегу еще один. Выходит, тут был девственный, нетронутый рай для охотника за минералами. Он сунул добычу в карман и зашагал вдоль берега, но, примечая другие агаты, уже не останавливался. Когда-нибудь позже он, если приведется, посвятит азартной охоте за агатами несколько часов.

Когда он наконец покинул берег и пошел вверх по склону, то сразу же увидел Джонатона: старик сидел в кресле на веранде, обегающей задний фасад. Преодолев подъем, Латимер нашел себе такое же кресло и сел рядом.

— Видели гагарок? — осведомился Джонатон.

— Целых четыре штуки,— ответил Латимер.

— Бывает, что берег кишмя кишит ими. А бывает, что неделями ни одной не встретишь. Андервуд и Чарли пошли поохотиться на вальдшнепов. Наверное, вы слышали выстрелы. Если охотники не замешкаются, у нас на обед будет жаркое из дичи. Вы когда-нибудь пробовали вальдшнепа?

— Лишь однажды. Много лет назад. Когда поехал с приятелем в Новую Шотландию на ранний осенний перелет.

— Вот именно. В наше время они остались только там да еще в нескольких диких местах. А здесь они водятся на каждом болоте, чуть не под каждой ольхой.

— Где все остальные? — поинтересовался Латимер.— Когда я вылез из постели и спустился позавтракать, в доме не было ни души.

— Женщины отправились за ежевикой. Это у них в обычае. Все же какое-никакое, а занятие. Вообще-то ежевичный сезон кончается, но собирать еще можно. Не сомневайтесь, они вернутся вовремя, и у нас вечером будет ежевичный пирог.— Джонатон причмокнул.— Жаркое из дичи и ежевичный пирог. Надеюсь, вы достаточно проголодаетесь.

— Вы когда-нибудь думаете о чем-нибудь, кроме еды?

— О многом и разном. Вся суть в том, что тут хватаешься за любой повод задуматься. Размышляешь — и вроде занят. Однако разрешите спросить: стало вам хоть немного легче, чем было вечером? Остались еще какие-нибудь неотложные вопросы?

— Один, пожалуй,— признался Латимер.— Я оставил у подъезда свою машину. Кто-нибудь найдет ее без хозяина и будет недоумевать, что случилось.

— Ну уж об этом, по-моему, беспокоиться нет нужды,— ответил Джонатон.— Кто бы ни стоял за всем этим, о машине они не забудут. Наверняка я, конечно, ничего не знаю, но догадываюсь, что еще до рассвета вашу машину оттуда убрали и ее найдут брошенной где-нибудь в другом месте, быть может за сотни миль. Люди, с которыми мы имеем дело, заботятся о таких деталях автоматически. Им вовсе ни к чему нагромождать инциденты вокруг этого дома или любого другого конкретного адреса. Машину вашу найдут, вас объявят пропавшим без вести и начнут розыск. А когда он не даст результатов, вас просто занесут в списки бесследно исчезнувших — каждый год таких набирается не один десяток.

— Что подсказывает новый вопрос,— сказал Латимер.— Многие ли из этих исчезнувших оказываются в подобных домах? Ведь, наверное, он не единственный в своем роде...

— Откуда нам знать? — вздохнул Джонатон.— Люди выбывают из игры по множеству разных причин.

Минуту-другую они сидели молча, разглядывая ширь лужайки и океана за ней. По склону стремглав проскакала белка. Вдалеке перекликались птицы. Неумолчно гудел прибой. Наконец Латимер произнес:

— Вчера ночью вы сказали мне, что нам нужна новая философия, поскольку все старые стали несостоятельными.

— Сказал, не отрекаюсь. Мы сегодня живем в обществе, насквозь подконтрольном и регламентированном. Крутимся в тисках ограничительных правил, то и дело сверяясь с множеством номеров — на карточках социального страхования, на налоговых декларациях, на кредитных карточках, на текущих и пенсионных счетах и на всяких других бумажках. Нас сделали безликими — и в большинстве случаев с нашего собственного согласия, поскольку эта игра в номерочки на первый взгляд делает жизнь проще, но главное в том, что никто не хочет ни о чем беспокоиться. Нам внушили, что всякий, кто обеспокоен чем бы то ни было,— враг общества. В сущности, мы выводок скудоумных цыплят — мы машем крыльями и суетимся, кудахчем и повизгиваем, а нас все равно гонят по дорожке, проложенной другими. Рекламные агентства втолковывают нам, что покупать, пропагандисты учат нас, что думать,

и, даже сознавая это, мы не протестуем. Иногда мы клянем правительство — если набираемся храбрости клясть что бы то ни было вообще. А по моему убеждению, если уж проклинать, то не правительство, а скорее воротил мирового бизнеса. На наших глазах поднялись межнациональные корпорации, не подвластные ни одному правительству. Они мыслят глобальными категориями, строят планы планетарного размаха, они смотрят на человечество как на резерв рабочей силы и потребительский рынок. Ну и, пожалуй, отдельные представители человечества могут их интересовать как потенциальные инвесторы, но не более того. С моей точки зрения, это серьезная угроза человеческой свободе и человеческому достоинству, и нужен новый философский подход, который помог бы нам с нею справиться.

— Но если бы вы создали такую философию,— заметил Латимер,— она стала бы угрозой для этих самых воротил.

— Далеко не сразу. А может, и никогда. Но с годами, надеюсь, она приобрела бы какое-то влияние. Дала бы старт иному мышлению. На большее я не претендую. Никакой философией власть бизнеса не поколеблешь — для этого понадобилось бы что-то вроде социальной революции.

— Но эти воротилы, о которых вы говорите,— люди дальновидные и предусмотрительные, не так ли? Что, если они решили не рисковать? Слишком многое для них поставлено на карту, чтобы они согласились даже на минимальный риск.

— Не хотите ли вы сказать...

— Совершенно верно. По крайней мере, догадка не хуже других.

— Я и сам думал об этом,— признался Джонатон,— но отверг идею в зародыше. Она чересчур прямолинейна. Да и смысла особого в ней не нахожу. Если бы им приспичило убрать кого-то с дороги, они нашли бы тысячу более простых способов.

— Ни один другой способ не дал бы таких гарантий. Здесь нас не отыскать никому и никогда. Ведь трупы можно рано или поздно обнаружить.

— Я был далек от мысли об убийстве.

— Ладно,— не стал спорить Латимер,— это была шальная догадка. Очередная гипотеза, и только.

— У нас тут разработана еще одна теория, о которой вам пока не говорили. Думаю, что не говорили. А если это социологический эксперимент? Различные группы людей помеща-

ют в необычные ситуации и наблюдают за их реакциями. При этом нас изолируют, чтобы ситуация воздействовала на нас в чистом виде, без помех со стороны современного мира.

Латимер с сомнением покачал головой:

— Слишком сложно и дорого. Такой эксперимент не окупился бы, каковы бы ни были результаты.

— Я тоже так думаю,— сказал Джонатон и поднялся с кресла.— Извините меня, но я завел привычку ложиться на часок перед обедом. Иногда задремываю, иногда засыпаю всерьез, а чаще просто валяюсь. Короче, даю себе передышку.

— Поступайте, как привыкли,— произнес Латимер.— Времени у нас впереди много, успеем наговориться.

Джонатон ушел, а он сидел на том же месте еще полчаса, если не больше, не спуская глаз с лужайки, но вряд ли различая на ней хоть что-нибудь.

Эта нечаянная идея, что за ситуацию ответственны воротилы бизнеса, ей-же-ей, отличалась грубой привлекательностью. Впрочем, повторив определение «воротилы», он тут же улыбнулся про себя: надо же, как легко прилипают чужие словечки!

Вообще-то, будь такая штука осуществима, более надежного способа избавиться от кого-то нельзя себе и представить. Выбери любого, кого хочется убрать с дороги, и перемести в другую эпоху, а во избежание какой-нибудь случайной промашки не теряй его из виду. И ведь в то же время ты избегнешь явной несправедливости, не причинишь этому человеку прямого вреда и не обременишь совесть чрезмерным грузом, оставаясь вроде бы в рамках цивилизованных отношений с ближними.

Хотя у такой теории есть два изъяна, возразил он себе. Прежде всего прислуга, которая периодически меняется. Значит, прислугу так или иначе возвращают в нынешний век, и вернувшиеся несут с собой угрозу разглашения тайны. Надо изобрести какой-то способ, чтоб они держали язык за зубами, что по самой сути человеческой натуры — задачка не из легких. Второй изъян — странный подбор сосланных сюда людей. Возможно, философ, оставайся он в XX веке, мог быть оценен воротилами как человек потенциально опасный, а остальные? Какую опасность для бизнеса могла представлять поэтесса? Карикатурист — еще куда ни шло, романист — тоже допустимо, а пианистка-композитор? Ну какая опасность может в принципе исходить от музыки?

И тем не менее, даже в первом приближении, это не столь абсурдно, как кажется,— при том, разумеется, условии, что вас лично не угораздило оказаться на пострадавшей стороне. Если бы подобный план был дееспособен, то за последние несколько веков мир мог бы избавиться от многих горестей: довольно было бы выявлять смутьянов заблаговременно и изолировать их до того, как они станут реальной угрозой. Самое трудное, конечно,— особенно если не забывать, где он сам находится и как сюда попал,— определять потенциальных смутьянов до того, как они затеяли смуту, и без ошибки. Хотя это, наверное, все-таки выполнимая задача. Учитывая развитие современной психологии, в принципе выполнимая.

К собственному изумлению, Латимер понял, что уже длительное время, не отдавая себе в том отчета, смотрит неотрывно на ту самую группу берез. И тут ему вдруг припомнилась занятная деталь. Как раз перед тем, как он побрел к постели, на валун села птичка, посидела чуть-чуть, а потом вспорхнула и улетела. Нет, не улетела, а просто исчезла. Надо полагать, он уловил разницу сразу же, но рассудок был так затуманен дремотой, что не придал этому значения. Сейчас, припомнив все зрительно, Латимер не ощущал даже тени сомнения: птичка именно исчезла.

Выбравшись из кресла, он решительно двинулся по склону вниз, пока не оказался точно напротив валуна — две березы остались справа и слева, третья поднималась сразу позади камня. В эту третью он и попробовал попасть агатом, который достал из кармана. Целился он тщательно, агат перелетел через валун. Но в березу не попал — и звука падения камушка на землю тоже не услышал. Один за другим Латимер послал остальные подобранные агаты вдогонку за первым. До березы не долетел ни один, и на землю не упал ни один. Чтобы удостовериться окончательно, он обогнул правую березу и прополз за валуном на четвереньках, исследуя землю дюйм за дюймом. Агатов не было.

Ошарашенный — мозг бурлил, удивление сменялось сомнением и наоборот,— Латимер взобрался по склону назад и уселся в то же кресло. Происшествие переживалось вновь и вновь, обдумывалось по возможности хладнокровно, и все же двух мнений не оставалось: он обнаружил некую трещину в... как бы это назвать поточнее... быть может, во временном континууме? И если просочиться через эту трещину или бросить себя

через нее напролом, очутишься уже не здесь. Он перешвырял все агаты, и их здесь больше не было, они оказались где-то еще. Но где? По-видимому, в каком-то ином времени, и самое вероятное, в том самом, из которого его, Латимера, умыкнули вчера. Он же попал оттуда сюда, и раз во временном континууме обнаружилась трещина, логичнее всего предположить, что ведет она не куда-нибудь, а обратно в настоящее время. Сохраняется возможность, что нет, не в настоящее, а куда-то еще, но такой шанс представляется мизерным, ведь в чередовании эпох участвовали только два времени.

А если ему повезет воротиться назад, что он сможет предпринять? Наверное, немногое, но, черт побери, все равно стоит попробовать. Прежде всего надо будет сгинуть, запропасть без вести, убраться из данной местности и вообще скрыться. Те, кто стоит за разработкой ловушек на людей, скорее всего, постараются его обнаружить, а он должен поставить себе задачу, чтобы это оказалось необыкновенно сложно. Затем, если он справится с первой задачей, надо начать дознание и выследить воротил, о которых говорил Джонатон, а если и не их, то тех, кто причастен к этой истории.

И он не вправе позволить себе даже намекнуть кому-то, что у него на уме. Потому что этот кто-то может, даже без злого умысла, проболтаться прислуге или, еще хуже, попробует воспрепятствовать его намерениям, не испытывая в душе желания менять ровное течение здешней приятной жизни.

Он не уходил с веранды, пока Андервуд и Чарли не вернулись с добычей. Их охотничьи сумки были так набиты дичью, что накинутые на плечи плащи торчали дыбом. Они вошли в дом все втроем и присоединились к остальным, собравшимся в гостиной с целью опрокинуть рюмку-другую перед обедом.

На обед подали, как Джонатон и предсказывал, жаркое из вальдшнепов, а потом ежевичный пирог. И то и другое было необыкновенно вкусно, хотя косточек в пироге, по мнению Латимера, можно было бы оставить и поменьше.

После обеда они вновь собрались в гостиной и толковали о пустяках. А еще позже Алиса опять играла, и опять Шопена.

Очутившись наконец у себя в комнате, он подтащил стул к окну и сидел, всматриваясь в загадочную группу берез, пока внизу не прекратилось всякое шевеление, а потом не двигался еще часа два, чтобы удостовериться, что остальные если не заснули, то, по меньшей мере, разбрелись по постелям. Толь-

ко тогда он на цыпочках спустился с лестницы и прокрался через заднюю дверь. Висящий в небе полумесяц давал достаточно света, различить искомые березы не составило труда. Но когда он приблизился к ним, его одолели сомнения. Не смехотворно ли задуманное? Что, если он залезет на валун, прыгнет в направлении среднего дерева — и шмякнется наземь, а больше ничего не случится? Что ему останется? С трудом переставляя ноги, вташить себя, как сомнамбулу, обратно наверх и завалиться спать. Потом, спустя недолгое время, он постарается забыть об этом происшествии и забудет, словно такого эпизода вовсе не было. Однако, напомнил он себе, он же швырял агаты поверх валуна и, сколько ни искал их, не обнаружил...

Он взобрался на валун и встал в рост, балансируя на закругленной верхушке. Вытянул вперед руки в расчете, что успеет в случае чего ухватиться за березу и подстраховаться от жесткого падения. И отчаянно бросился вперед.

Полет был коротким, а приземление жестким. Береза, за которую он рассчитывал ухватиться, словно испарилась.

В небе сверкало жаркое солнце. Под ногами была не сочная лужайка, а сыпучий суглинок без следа травы. Вокруг виднелись деревья, но среди них ни одной березы.

Поднявшись на ноги, Латимер обернулся, хотел взглянуть на дом. Вершина холма лежала перед ним нагая, дома не было и в помине. Хотя за спиной слышался тот же неизменный грохот прибоя, бьющего по наваленным на берегу камням и рассыпающегося в пыль.

Налево, футах в тридцати, рос мощный тополь, и его листья шелестели под налетающим с моря ветерком. Дальше стояла ободранная сосна, а ниже по склону рощица каких-то деревьев, похожих на ивы. Землю покрывал мелкий папоротник — и то не сплошь, там и сям виднелись дождевые промоины,— и еще какая-то низкая поросль, которую он не умел опознать.

Он почувствовал, что вспотел. Пот сбегал от подмышек, струился ручейками по ребрам — то ли от солнца, то ли от страха. Потому что он испугался, нет, окаменел от страха, каждую клеточку свело страхом до боли.

В придачу к одиноким тополю и сосне над папоротничками и другой низкорослой зеленью поднимались кусты, впрочем тоже невысокие. С куста на куст, чирикая, перелетали птицы.

Внизу у моря пронзительно орали какие-то другие птицы — хорошо еще, что их глушил шум прибоя. Наверное, чайки, решил Латимер, или кто-нибудь в том же роде.

Первый приступ страха медленно рассосался, и он понял, что способен идти. Сделал осмотрительный шаг, второй — и бросился бегом вверх по склону туда, где стоял, где должен был стоять дом, но где теперь ничего не было.

Впереди в кустах что-то зашевелилось, и он резко затормозил, готовясь обойти это что-то сторонкой. Из зарослей высунулась голова и уставилась на него немигающими глазами. Притупленная чешуйчатая морда, а за ней шея и спина, где чешуя переходила в настоящие броневые плиты. Тварь неодобрительно заворчала, шагнула к Латимеру, потом замешкалась и застыла, по-прежнему не сводя глаз с человека и по-прежнему не мигая. Вся спина ее была покрыта костными плитами, набегающими одна на другую. Передние лапы были подогнуты, плечи поднимались над почвой фута на четыре. В поведении твари не было ничего особо угрожающего, скорее, она попросту любопытствовала.

Дыхание встало в горле колом. Однажды, давным-давно, Латимеру довелось видеть эту тварь на картинке — художник изобразил не такую именно тварь, но очень похожую. Как ее там величали? Анки и еще что-то... Он сам удивился, что название не стерлось из памяти: анкилозавр. Но ведь тварюга вымерла миллионы лет назад! В подписи под тем рисунком утверждалось, что она достигала шести футов роста и пятнадцати в длину. Эта, живая, была отнюдь не столь велика. Недомерок, мелькнула мысль, а может статься, молодая особь, или другой подвид, или детеныш этого анки — как бы его там ни называли.

Осторожно, почти на цыпочках, Латимер обошел анкилозавра подальше, хоть тот и не пробовал приблизиться, а лишь вертел головой, провожая человека взглядом. Удаляясь, Латимер поминутно оборачивался через плечо и проверял, как ведет себя тварь, не шевельнулась ли. Она травоядная, внушал он себе, она не опасна ни для кого, а броня на спине — чтобы отвадить хищников, домогающихся ее собственной плоти. Но упоминалось ли в той подписи черным по белому, что тварь травоядная? Этого он припомнить не мог, как ни старался: по данному конкретному поводу в памяти не отложилось ровным счетом ничего.

Но с другой стороны, если даже эта тварь травоядная, то поблизости бродят и другие, хищные. Куда же, во имя всего святого, его зашвырнуло? Почему он не задумывался всерьез о возможностях такого рода? На каком основании решил, что автоматически вернется в свою эпоху, и не принял в расчет, что может очутиться в каком-либо ином времени? И почему, хотя бы предосторожности ради, не позаботился об оружии? В библиотеке были крупнокалиберные ружья, можно бы без затруднений прихватить со стойки одно из них и две-три коробки патронов, да вот в голову не пришло...

Приходилось признать: он проглядел возможность угодить в иную, негостеприимную эру просто потому, что не думал ни о чем, кроме желаемого, опираясь при этом на шаткие логические построения. Вот и напоролся — прожектерство завело его в такое окружение, какого здравомыслящий человек постарался бы избегнуть во что бы то ни стало.

Он очутился в далеком прошлом, в эпохе динозавров, и здесь у него не было никакого дома вообще. Вероятно, он единственный человек на всей планете, и если ему очень повезет, он продержится в живых еще день-другой, но вряд ли намного дольше. А впрочем, он опять торопится, рассуждает сгоряча и так же нелогично, как когда бросился в эту временну́ю трещину. Может статься, хищников в округе немного и, если человек наблюдателен, готов учиться и не лезть на рожон, у него сохраняются шансы выжить. Вот чего нет, так это шансов выбраться отсюда. В самом деле, как найти еще одну трещину во времени? И даже если найдешь, кто поручится, что трещина выведет в обстановку получше этой? Если бы безошибочно отыскать ту точку, где его выбросило в этот мир, и вновь заприметить ту самую трещину,— но где гарантия, что трещина рассчитана на двустороннее движение? Латимер снова остановился, осмотрелся самым внимательным образом, однако обнаружить искомую точку не сумел. Окружающий ландшафт выглядел повсюду одинаковым.

Зато анкилозавр, как он убедился, выбрался из кустов целиком и удовлетворенно пощипывал наземную поросль. У Латимера отлегло от сердца, он стал карабкаться на склон и обернулся в следующий раз, лишь чуть-чуть не дойдя до гребня. Анкилозавр куда-то делся, а может, сам Латимер запамятовал, куда смотреть. В болотистой низине на месте ольховника, где Андервуд и Чарли стреляли вальдшнепов, паслось

целое стадо мелких рептилий, обгладывающих кустарник и поглощающих подножный корм без разбора.

Затем на гребне холма за низиной показалась иная, более крупная тварь. Она брела на задних ногах, слегка накренившись вперед, свесив усохшие передние лапки и мотая отвратительной тяжелой мордой. Рептилии в низине оторвались от еды, все головы, как на шарнирах, повернулись к неторопливо бредущему монстру. Мгновение — и стадо бросилось наутек, тряско подпрыгивая на голенастых лапах, как выводок исполинских, потерявших перья цыплят. Не оставалось сомнений, что они бегут, спасая свои шкуры.

Латимер вскарабкался на вершину. Последний подъем оказался круче, чем помнилось по предыдущему, более безопасному миру. На миг пришлось задержаться, чтобы перевести дух. Когда дыхание немного восстановилось, он бросил взгляд вперед, на юг. И обомлел, не веря собственным глазам: уж чего он никак не ожидал увидеть здесь, так это... В ложбине между холмом, на который он влез сейчас, и более дальним нагорьем стояло здание. Не просто дом, а здание — по меньшей мере тридцать этажей, в стеклянных стенах отражается солнце, ни дать ни взять типичный административный центр.

Он всхлипнул от изумления или от признательности судьбе — и все же не бросился вниз сломя голову, а постоял еще минуту, не спуская глаз со здания, словно проверяя, не намерено ли оно исчезнуть. Вокруг здания был разбит парк — травяные газоны, со вкусом высаженные деревья. По периметру парка поднималась высокая проволочная ограда, а у подножия холма, не так уж далеко от Латимера, были ворота и подле них будка охраны. У будки торчали двое вооруженных часовых.

Однако минута миновала, и он рванулся под уклон, не разбирая дороги, понесся огромными прыжками, подныривая под встречные ветки. Запнувшись обо что-то, упал и покатился кубарем, врезался в дерево и только тогда смог затормозить и снова встать, ловя воздух ртом и борясь с одышкой. Часовые у ворот даже не шевельнулись, хотя не было никакого сомнения, что они заметили беглеца и теперь следили за ним не мигая, как анкилозавры.

Оставшуюся часть пути он прошел более осторожным, медленным шагом. Склон выровнялся, под ногами наметилась слабо

протоптанная тропа. Следуя тропе, он дошел до часовых и остановился.

— Ну и болван,— заявил один из них.— И что ты себе, интересно, думал, выходя за ограду без оружия? Жить надоело?

— Ты что, не слышал? — добавил второй.— Объявился старый тираннозавр, шляется тут поблизости уже несколько дней. Его видели неоднократно и разные люди. Заметь он тебя и разыграйся у него аппетит, несдобровать бы тебе!

Первый часовой махнул винтовкой в сторону ворот.

— Заползай. И скажи спасибо, что живой. Если еще увижу тебя за воротами безоружным, загоню внутрь насильно. Не серди меня.

— Спасибо, сэр,— произнес Латимер.

Миновав ворота, он двинулся по дорожке из дробленого ракушечника к подъезду административного здания. Но теперь, когда он мог считать себя в безопасности за оградой, наступила нервная реакция: колени ослабли, походка стала неуверенной. Он опустился на скамью под деревом — тогда задрожали руки и, чтобы унять дрожь, пришлось плотно прижать их к коленям.

«Долго ли мне будет везти? — спросил он себя.— И что, собственно, это значит?» Дом в относительно недавнем прошлом — еще куда ни шло, но административное здание в эпоху, надо полагать, отдаленную от современности на миллионолетия? Динозавров на Земле нет уже по меньшей мере шестьдесят миллионов лет. А трещина? Как возникла трещина? Что она такое — естественное явление или следствие чьих-то экспериментов со временем? Не появляются ли трещины только там и тогда, где и когда кто-то, используя некие засекреченные методы, подвергает ткань времени чрезмерным нагрузкам? И можно ли говорить о времени как о ткани? В сущности, все это не имеет значения. Какова бы ни была терминология, для него лично она не играет роли.

Но административное здание — что означает здание? Возможно ли, что по чистой случайности он натолкнулся на штаб-квартиру проекта (или программы? или заговора?), нацеленного на отлавливание определенных людей и заточение их в прошлом? Пожалуй, догадка выглядела довольно правдоподобной. Застрельщики такого предприятия, если не утратили осторожность, не стали бы рисковать, располагая центр в своей эпохе, где их выследили бы дотошные газетчики, или какая-

нибудь правительственная комиссия, или еще кто-нибудь. А здесь, под слоем миллионолетий, риск практически сведен к нулю.

На дорожке захрустели шаги, и Латимер поднял голову. Над ним стоял человек в спортивной рубашке и легких брюках.

— Доброе утро, сэр,— сказал Латимер.

— Послушайте,— спросил человек,— вы случайно не Дэвид Латимер?

— Случайно да.

— Так я и подумал. Во-первых, я вас раньше, по-моему, не встречал, а знаю я тут всех. А кроме того, охранники сообщили...

— Я прибыл что-то около часа назад.

— Мистер Гейл хотел вас видеть, как только вы появитесь.

— Вы что, поджидали меня?

— Ну, видите ли, мы не могли быть полностью уверены, что вам удастся добраться сюда. Но мы рады, что вам удалось.

Латимер поднялся со скамьи, и они вместе приблизились к подъезду, поднялись по ступенькам. За дверью они пересекли пустой вестибюль, прошли по коридору, где с обеих сторон были только номера комнат и никаких имен. В одну из комнат провожатый деликатно постучался. Послышался голос:

— Войдите!

Провожатый нажал на ручку и просунул голову в щель:

— Я привел мистера Латимера. У него получилось...

— Превосходно. Я рад за него. Пожалуйста, впустите его сюда.

Провожатый отступил в сторону, пропуская Латимера, а сам остался в коридоре. Латимер оказался наедине с хозяином кабинета, а тот встал из-за стола и пошел навстречу, протягивая руку. Не без некоторого колебания Латимер ее принял — рукопожатие было безликим, как принято при переговорах, но все же дружелюбным.

— Меня зовут Донован Гейл,— сообщил хозяин кабинета и указал на кушетку.— Располагайтесь. Видимо, у нас найдется много тем для разговора.

— Я с интересом жду, что вы мне скажете,— откликнулся Латимер.

— Интерес взаимный,— заявил Гейл.— Мы оба с интересом ждем, что скажет другой.

Они уселись по противоположным концам кушетки, хоть и лицом друг к другу.

— Итак, вы Дэвид Латимер. Известный художник.

— Не такой уж известный. По крайней мере, пока. И похоже, что теперь мне известным не бывать. Однако я не понимаю, каким образом вы могли меня поджидать.

— Нам стало известно, что вы покинули дом на берегу...

— Ах вот как вы его называете — дом на берегу?

— И мы заподозрили, что вы объявитесь здесь. Мы не могли угадать, где именно, оставалось лишь надеяться, что где-нибудь неподалеку. Иначе бы вам сюда просто не добраться. По холмам бродят монстры. Впрочем, полной уверенности в том, что вы объявитесь в этом мире, у нас тоже быть не могло. Вы не откажетесь рассказать нам, как именно это вам удалось?

Латимер отрицательно покачал головой:

— Мне что-то не хочется. По крайней мере, пока не хочется. Может быть, расскажу позже, когда узнаю побольше о вашей деятельности. Но сначала у меня вопрос к вам. Почему выбор пал на меня? На безобидного художника, который всего-то старался заработать себе на хлеб? Ну и заслужить репутацию, которая помогла бы ему зарабатывать больше и жить лучше.

— Вижу, вы уже сумели во всем разобраться.

— Далеко не во всем. И наверное, не во всем точно. Но меня возмущает, если меня рассматривают как врага, как потенциальную угрозу для кого бы то ни было. Нет у меня ни характера, ни мотивов для того, чтобы с кем-то враждовать. А Инид, ради всего святого! Она же поэтесса. Или Алиса, которая только и умеет, что хорошо играть на рояле...

— Эти вопросы не по адресу,— заявил Гейл.— На них мог бы ответить Брин, если захочет, конечно. Я лишь заведую кадрами.

— А кто такой Брин?

— Он возглавляет группу оценки.

— То есть группу тех, кто решает, кого изъять и зашвырнуть в иное время?

— Грубо говоря, да. Хотя на самом деле все гораздо сложнее. Здесь проводится огромная работа. Чтобы выявить потенциальных клиентов, надо прочитать тысячи газет и других периодических изданий. Провести первоначальный психологический

анализ. Потом необходимо предпринять дальнейшие исследования в первичном мире. Изучить потенциальных клиентов как можно глубже. Но, по правде говоря, в первичном мире никто по-настоящему ни о чем не догадывается. Людей просто нанимают, чтобы они выполнили ту или иную работу. Подлинный мозговой центр находится здесь.

— Под первичным миром вы подразумеваете наше настоящее? Ваш и мой прежний мир?

— Да, конечно. Однако вы полагаете, видимо, что первичный мир — это настоящее время, а здесь — прошлое. Вы заблуждаетесь, это не так. Мы имеем дело не с временем, а с альтернативными мирами. Тот мир, откуда вы прибыли сюда, во всем идентичен первичному миру, кроме одного: в том мире эволюция обошлась без человека. Человек там не появился и никогда не появится. Здесь, где мы с вами находимся сейчас, произошло нечто еще более удивительное. Рептилии здесь не вымерли, меловой период не кончился, кайнозойская эра не наступала. На планете по-прежнему господствуют пресмыкающиеся, а млекопитающие остаются на вторых ролях.

— Вы не слишком рискуете, рассказывая мне об этом?

— Думаю, что нет,— ответствовал Гейл.— Вы же никуда отсюда не денетесь. Это относится и к любому из нас. Подписав контракт, мы знаем, что к прежней жизни нам не вернуться никогда. Здесь мы и останемся. Если у вас нет специальных устройств...

— Какие там устройства! Мне просто повезло.

— Вы привели нас в известное замешательство,— сообщил Гейл.— За все годы действия нашей программы ни на одной из станций не случалось ничего подобного. Мы не знаем, как тут быть, и не знаем, что делать лично с вами. Пока что вы будете жить здесь как наш гость. Позднее — разумеется, с вашего согласия — мы подыщем вам работу. Вы можете войти в штат исследовательской группы.

— Что-то в данную минуту,— сказал Латимер,— это меня не слишком привлекает.

— Только потому, что вы не в курсе фактов, не в курсе грозящих человечеству опасностей. Большинству людей в первичном мире никогда не жилось так хорошо, как при утвердившейся ныне экономической и общественной системе. Разумеется, существуют идеологические различия, но остается надежда, что их постепенно удастся сгладить. Не приходится

отрицать, что на Земле до сих пор есть и районы бедности. Но их единственная надежда — в том, чтобы развиваться в интересах и под руководством мирового бизнеса. Так называемые интересы большого бизнеса — главная и единственная надежда планеты. Если существующее экономическое устройство вдруг рухнет, весь мир откатится к новому средневековью. Чтобы оправиться от такого удара, понадобятся тысячи лет, если это окажется достижимым в принципе.

— И чтобы защитить свою бесценную экономическую систему, вы решили подвергнуть заточению поэтессу, художника и пианистку.

Гейл в отчаянии всплеснул руками:

— Я же сказал вам, что не знаю рационального объяснения! Вам надо увидеться с Брином, если, конечно, он сумеет выкроить для вас время. Он чрезвычайно занят...

— Легко могу себе представить.

— Он мог бы даже вскрыть файлы и познакомить вас с их содержанием. Но, как я уже говорил, вы никуда отсюда не денетесь. И при всем желании не создадите нам новых проблем. Вы прикованы к нам, а мы к вам. Наверное, мы могли бы перебросить вас обратно в дом на берегу, но это, по моему мнению, нежелательно. Это бы только расстроило всех остальных, кто там живет. В настоящий момент они, вероятно, считают, что вы попросту заблудились и вас задрал медведь, или укусила гремучая змея, или вы утонули в болоте. Они, конечно, будут вас искать, но раз не найдут, то и забудут. Вы для них где-то заплутали, и все,— им и в голову не приходит, что вы нашли путь к бегству. Наверное, лучше, чтобы они и впредь оставались в неведении. Раз вы уже здесь и с течением времени непременно пронюхаете обо всем существенном, что касается нашей деятельности, у нас нет выбора, кроме как держаться с вами откровенно. Тем не менее нельзя не понять, что мы предпочли бы не расширять круг посвященных.

— Послушайте, там, в доме на берегу, в моей комнате повесили мою собственную картину...

— Нам показалось, что это приятный штрих. Своего рода жест доброй воли. Картину можно перебросить сюда, если хотите.

— Да нет, я не о том. Мне пришло в голову: а может, сюжет этой картины как-то соотносится с судьбой, какую вы мне уготовили? Может, вы опасались, что я и впредь буду

рисовать картины, указывающие на слабости вашей несравненной экономической системы?

— Не могу сказать ничего определенного,— ответил Гейл, которому было явно не по себе.

— Хотелось бы заметить, что, если так, вы опираетесь на крайне ненадежную почву и к тому же вас гложет комплекс вины.

— Это вне моей компетенции,— ответил Гейл.— Я не вправе даже комментировать ваши слова.

— И это все, чего вы от меня хотите? Чтобы я попросту держался тихо-мирно? На положении гостя ваших великодушных корпораций?

— Если вы не надумаете рассказать нам, как вы сюда попали.

— Я уже заявил, что рассказывать не намерен. По крайней мере, пока. Хотя, наверное, если вы подвергнете меня пыткам...

— Пыток не будет. Мы люди цивилизованные. Мы сожалеем о некоторых акциях, какие приходится предпринимать, но не уклоняемся от ответственности. И не по отношению к великодушным корпорациям, как вы изволили выразиться, а по отношению ко всему человечеству. Оно развивается в благоприятном направлении, и мы не позволим ставить препоны такому развитию. Никому не позволим и не потерпим при этом ни малейшего риска. А теперь я, наверное, позову кого-нибудь, чтобы вам показали вашу комнату. Сдается мне, прошлой ночью вам почти не удалось поспать.

Комната Латимера располагалась на одном из верхних этажей. Она была просторнее и обставлена более изысканно, чем мансарда в доме на берегу. Из окна открывался широкий вид, и он сразу понял, что очертания берега здесь практически не изменились. На восток уходило грязно-серое полотнище океана, прибой накатывался и разбивался о такие же валуны. Но на некотором отдалении от берега в воде резвилась группа длинноших существ. Присмотревшись, Латимер понял, что они ловят рыбу. По холмам, сбегающим к океану, там и сям бродили сухопутные монстры-рептилии, одни небольшими стадами, другие поодиночке. Ни одно из чудовищ не казалось несусветно огромным — наверное, их размеры скрадывались расстоянием. А вот деревья, по его наблюдениям, не слишком отличались от тех, к каким он привык. Единственное, что ощущалось как отчетливо неземное,— отсутствие травы.

Не оставалось сомнений: его, Латимера, подвело упрощенчество. Он вообразил себе, что, бросившись в трещину, очутится в настоящем времени, или в первичном мире, или как там это ни назови. А в глубине его подсознания брезжила идейка — хоть он и не смел сформулировать ее открыто,— что, попади он обратно в реальный мир, он выследит тех, кто стоит за бесчеловечной затеей, и положит ей конец.

Теперь Латимер наконец осознал, что на это нет никаких шансов, да никогда и не было. В первичном мире не удалось бы собрать весомых доказательств: не считать же за доказательство наличие лакеев, выполняющих за приличную мзду какие-то конкретные поручения! Частные сыщики да сомнительные маклеры вроде агента по недвижимости в Бостоне или этого Кемпбелла, выставившего дом на берегу на продажу или в наем. И наверняка плакат, извещающий о том, что дом можно купить или снять, появляется лишь тогда, когда потенциальная жертва вот-вот проедет мимо. Кемпбеллу за отведенную ему роль, надо думать, прилично платят из фондов, происхождение которых покрыто мраком. Да и что особенного делает этот Кемпбелл? Предлагает дом, а потом, возможно, отгоняет машину, оставшуюся без присмотра. Какой-то риск для маклера есть, но минимальный. Даже если его задержат, нет ни единой ниточки, связывающей его с замыслом в целом,— да он, Кемпбелл, и не догадывается о том, что происходит. Конечно, и в первичном мире есть несколько осведомленных людей, оперативный штаб должен поддерживать с первичным миром какую-то связь. Но те осведомленные из первичного мира — заведомо уважаемые столпы общества, которых ни в чем не заподозришь и не упрекнешь. И уж будьте уверены, эти столпы прилагают все силы, чтобы остаться вне подозрения: их связь со штабом ведется так, что не перехватишь, и протокольных записей тоже не остается.

Несколько человек, занимающих завидное положение, и еще наемники, не имеющие понятия о замысле в целом,— а больше в первичном мире никто и не нужен. Мозг операции, ее сердце находится здесь, в этом самом здании. Здесь никто ничем не рискует, сюда не пробраться. Гейл даже не дал себе труда отрицать что бы то ни было, только отослал к Брину за развернутой информацией. И Брин, коли доведется с ним говорить, тоже, наверное, отрицать ничего не станет.

Выходит, что он, художник Дэвид Латимер,— единственный за пределами конспиративной организации, кто пусть не в полной мере, но знает о происходящем. Знает — и отдает себе отчет в том, что бессилен предпринять что бы то ни было. Он без конца перебирал в уме факты, какие удалось накопить, в поисках слабого звена — напрасно, замысел казался лишенным слабостей.

Ну не смешно ли, мелькнула мысль: один человек норовит померяться силами с объединением, в распоряжении которого все ресурсы Земли и лучшие умы планеты? Эти воротилы безжалостны и фанатичны и нагло убеждены: что хорошо для нас, избранных, то хорошо для всех. Они не потерпят никакого противодействия, они вытравят с корнем любую угрозу, мельчайшую, даже воображаемую...

Но пусть смешно, пусть глупо, пусть это нелепое донкихотство, и все-таки — что он может сделать? Хотя бы ради самоуважения, ради формального почтения к человеческому достоинству он обязан предпринять какое-то, пусть символическое усилие, даже сознавая, что шансы добиться чего бы то ни было весьма близки к нулю.

Еще подумалось: надо отдать им должное, люди они не жестокие, а пожалуй, и сострадательные. Не в пример тиранам из истории, они не убивают своих воображаемых врагов и не бросают таковых в зловонные застенки. Недругов содержат в наилучших возможных условиях, потакая любым их нуждам и никоим образом не унижая. Делается все, чтобы заключенным было уютно, чтобы они были счастливы. Все, кроме одного: они лишены свободы выбора.

А ведь человек, заявил себе Латимер, мучительно боролся за эту свободу в течение многих столетий. Свобода — это вам не какое-то бытовое удобство, которым можно и пренебречь, от которого нетрудно отказаться.

Однако, подытожил Латимер, в настоящий момент все абстрактные рассуждения совершенно бессмысленны. Если ему суждено совершить некое полезное действие, то не раньше чем после многомесячных наблюдений и сопоставлений. Сегодня, просиди он в этой комнате сколь угодно долго, он будет барахтаться в путах собственной некомпетентности без всякого толку. Настало время познакомиться с тем и с теми, что и кто его окружает.

Парковая территория вокруг здания была обнесена оградой высотой футов двенадцать, если не больше. Внутри была вторая ограда, раза в три пониже. А в парке все как положено: деревья, кусты, цветочные клумбы и трава — единственная трава, какую он встретил с тех пор, как ворвался в этот мир. Газоны были подстрижены на совесть.

Среди деревьев бежали тропинки, выложенные дроблеными ракушками. Под деревьями царили прохлада и покой. Кое-где на клумбах трудились садовники, вдалеке у ворот по-прежнему торчали часовые, а больше на территории почти никого не было. Вероятно, сейчас в разгаре рабочий день — посмотрим, что тут будет после звонка...

Тропинка круто повернула, огибая кусты в рост человека, и Латимер вдруг заметил мужчину, праздно сидящего на скамье. От неожиданности он застыл на месте, да и мужчина уставился на него с удивлением. А потом сказал с озорным огоньком в глазах:

— Похоже, нас с вами только двое, кому не хочется надрываться в такой прекрасный день. Слушайте, а вы часом не беглец из дома на берегу?

— Не стану отрицать, это я и есть. Меня зовут Дэвид Латимер, если вам невдомек.

— Честное слово,— ответил мужчина,— я не знал вашего имени. Слышал, что кто-то ускользнул из дома на берегу и объявился у нас. Новости здесь распространяются в мгновение ока. Этот центр — настоящая фабрика слухов. Значимых событий здесь раз-два и обчелся, и уж если в кои-то веки что-то случится, не сомневайтесь, что происшествие обсосут до мельчайших подробностей. Да, между прочим,— добавил он, помолчав,— меня зовут Хорас Саттон. Я палеонтолог. Можете вы представить себе местечко, более подходящее для палеонтолога?

— Нет, не могу,— ответил Латимер искренно.

— Прошу вас, располагайтесь на скамейке рядом со мной,— пригласил Саттон.— По-видимому, у вас сию минуту нет каких-либо неотложных дел?

— Нет. Никаких дел вообще.

— Превосходно. Можем посидеть немного или пройтись, что вам больше нравится. А как солнце уйдет под палубу, если

я к тому времени не разочарую вас до отвращения, попробуем надраться вдвоем, с чувством, толком и расстановкой...

Волосы у Саттона были прошиты проседью, лицо набрякло морщинами, но в нем ощущалась какая-то моложавость, заставляющая забыть и о седине, и о морщинах. Латимер уселся, и Саттон спросил:

— Ну и как вам здесь нравится? Ей-же-ей, славное местечко. Высокая ограда, как нетрудно догадаться, под напряжением, а внутренний малый заборчик оберегает дурачков, как мы с вами, от удара током. Хотя, по правде сказать, иной раз бываешь рад-радешенек, что вокруг ограда. Когда какой-нибудь хищник, а то и парочка учуют, что здесь гуляет мясо, и надумают нами полакомиться, только и спасение, что за забором.

— И часто они сюда наведываются? Я имею в виду, хищники.

— Теперь уже не так часто, как когда-то. Несколько уроков, и память о том, чего лучше бы остерегаться, закрепляется даже в зачаточных мозгах рептилий.

— И вы, палеонтолог, изучаете здесь свой предмет, так сказать, в натуре?

— Вот уже десять лет или, может быть, чуть-чуть меньше. Поначалу это было странно, да и до сих пор временами накатывает ощущение нереальности. Понимаете, палеонтологи обычно имеют дело с костями, окаменевшими отпечатками и другими свидетельствами, которые то и дело приводят вас в бешенство: они рассказывают вам почти все, что хочется узнать, и все-таки не до конца. А здесь проблема иного рода. С точки зрения первичного мира большинство рептилий, включая динозавров, вымерли шестьдесят три миллиона лет назад. Но здесь-то они не вымирали! В результате вы видите их не такими, как миллионы лет назад, а какими они стали после дополнительных миллионолетий эволюционного развития. Отдельные прежние виды исчезли, другие изменились настолько, что вы с трудом угадываете их происхождение. Появились и совершенно новые, небывалые формы.

— Вы говорите о них так увлеченно! — заметил Латимер.— При других обстоятельствах вы, наверное, написали бы книгу.

— Но я и пишу книгу! — воскликнул Саттон.— Корплю над ней не покладая рук. Здесь есть один хороший рисовальщик,

он делает для меня схемы и графики, а кроме того, в моем распоряжении есть фотоснимки.

— Но к чему все это? Кто напечатает вашу книгу? И когда? Гейл утверждал, что отсюда нет возврата, что обратно в первичный мир никто больше не попадет.

— Это правда,— спокойно ответил Саттон.— Мы разлучены с первичным миром. Я частенько думаю о нас как о древнеримском гарнизоне, несущем службу, скажем, на северных границах Британии или в диких степях Причерноморья и сознающем, что Рима нам больше не видать.

— Но ведь это значит, что ваша книга не будет опубликована. Нет, наверное, ее можно было бы переправить в первичный мир и напечатать там, однако такое издание не оставит камня на камне от секретности, окутывающей проект в целом.

— Простите, что вам известно о проекте в целом?

— Наверное, немногое. Всего-навсего его цель — заточать людей во времени. Нет, не во времени, а — как это? — в альтернативных мирах.

— Значит, о проекте как таковом вы ничего не знаете?

— Вероятно, нет,— согласился Латимер.

— Задача перемещения из первичного мира тех, кто потенциально опасен,— это лишь малая часть замысла. Уверен, если вы подумаете хорошенько, то увидите и многие другие возможности.

— На глубокие размышления у меня пока не было времени,— сказал Латимер.— Да вообще-то ни на что времени не было. Послушайте, вы намекаете, что эти миры можно эксплуатировать, разрабатывать их?

— Совершенно точно. Это же так очевидно и так логично. Ресурсы первичного мира почти исчерпаны. А здесь все лежит нетронутым. Разработка альтернативных миров не только откроет новые источники сырья, но и обеспечит занятость, новые земли для освоения, новое жизненное пространство. Во всяком случае, это куда более плодотворная идея, чем навязшие в зубах благоглупости о том, что миры для колонизации следует искать в космосе.

— Но к чему тогда вся эта канитель с использованием альтернативных миров для избавления от потенциальных врагов?

— Вы, по-видимому, очень неодобрительно относитесь к этой части проекта.

— Не уверен, что одобряю хоть какую-нибудь его часть, и уж тем более не одобряю, что кто-то отбирает людей и выталкивает их из жизни. Вы, кажется, забываете, что я один из тех, кого отобрали и вытолкнули. Все это отчетливо отдает паранойей. Господи прости, да большой бизнес в первичном мире уже вцепился во все земные дела такой мертвой хваткой, так закабалил большинство народов, что невозможно поверить, чтобы кто-то мог ему угрожать!

— Однако боссы принимают в расчет и тот вариант, что опасность возникнет в будущем, исходя из каких-то событий, имеющих место сегодня. Они наняли целые полки психологов, исследующих все мыслимые угрозы, полки экономистов и политологов, отслеживающих тенденции, которые в будущем могут привести к возникновению в обществе реакций, враждебных бизнесу. Как вам известно, они выделили специфические профессии и людей, способствующих, подчас помимо собственной воли, зарождению и закреплению подобных реакций. И, насколько я понимаю, есть надежда, что, если нежелательные тенденции удастся отсрочить хотя бы на несколько столетий, политический, экономический и социальный климат Земли изменится в пользу большого бизнеса безоговорочно. Тогда можно будет начать эксплуатацию первых альтернативных миров. Авторы проекта хотят иметь уверенность, что, когда дойдет до массового переселения, им не придется поминутно оборачиваться через плечо.

— Но ведь несколько столетий — срок нешуточный. Все вовлеченные в этот проект будут давным-давно мертвы!

— Не забывайте, что корпорации способны жить в течение многих веков. А именно корпорации — движущая сила всего проекта. К тому же участники проекта получают немалые выгоды, вполне оправдывающие их усилия.

— Но эти участники не могут вернуться на Землю. То есть в первичный мир.

— И что вас заклинило на этом первичном мире! — воскликнул Саттон.— Занятые в проекте обеспечены такими льготами, о каких в первичном мире не могли и мечтать. Например, через двадцать лет службы, то есть годам к пятидесяти, а подчас и раньше, вам предоставляется широкий выбор вариантов отставки — имение в мире бескрылых гагарок, вилла в другом мире, во всех отношениях похожем на рай, охотничий домик в третьем мире, где разнообразие дичи и зверья просто

не поддается описанию. Разумеется, вместе с семьей, если вы человек семейный, со слугами, с гарантированным исполнением любых ваших желаний. Скажите, мистер Латимер, разве в первичном мире можно претендовать на что-либо подобное? А ведь я перечислил далеко не все, есть и другие возможности.

— Гейл говорил мне, что технически несложно перебросить меня обратно в дом на берегу. Значит, между альтернативными мирами передвигаться можно, нельзя только вернуться в первичный мир?

— Совершенно верно. Припасы для всех миров доставляются сюда, в центр, а уж отсюда рассылаются по всем другим станциям.

— Но как? Как это делается?

— Не имею представления. Видимо, совершенно новый технический принцип. Сперва я думал, что действуют какие-то передатчики материи, но потом узнал, что никаких передатчиков нет, зато существуют двери. Двери, помеченные определенным шифром. Наверное, есть доверенные инженеры, владеющие этим шифром, но, кроме них, его не знает никто.

— Вы упомянули о семьях.

— Да, здесь есть и семейные.

— Но я что-то не вижу...

— Ребятишки в школе. И вообще в этот час людей не встретишь. Вот наступит час коктейлей, тогда набегут. Тут распорядок не меняется, почти как в загородном клубе. Потому-то я и люблю вставать пораньше. Ни на кого не напорешься. Весь парк в моем личном распоряжении.

— А ведь, Саттон, похоже, что вам здесь нравится...

— Скорее, я ничего не имею против. Во всяком случае, это лучше той работы, какая у меня была в первичном мире. Моя профессиональная репутация там серьезно пострадала в результате споров с коллегами, затеянных, признаться, по глупости. Жена умерла. В университете меня просто терпели, и то с трудом. И когда мне предложили пристойную работу...

— Не сообщая толком, что за работа?

— Да, в общем-то, не сообщая. Но условия предлагались хорошие, и мне было обещано, что надо мной не будет начальства и я буду вести исследования, как мне захочется. Честно говоря, я прямо вцепился в такое предложение.

— А потом вас ожидал сюрприз.

— Что было, то было. Ушло изрядное время, прежде чем я хоть немного попривык к ситуации.

— Но зачем им понадобился палеонтолог?

— Вы намекаете, что алчным, циничным корпорациям палеонтология вовсе ни к чему?

— Да, примерно так.

— Послушайте, Латимер, руководители корпораций — отнюдь не безмозглые чудовища. Они сознают, что здесь открываются возможности для изучения поистине уникального мира, продолжающего меловой период, который ранее считался одной из самых загадочных вех в истории планеты. Они видят в таком изучении свой вклад в копилку знаний человечества. Моя книга, когда она будет опубликована, покажет, каким был этот мир, пока не подвергся воздействию человека.

— Когда же она будет опубликована?

— Когда можно будет объявить без опаски, что открыты альтернативные миры, готовые к колонизации. Я-то сам, конечно, книги не увижу, но тем не менее горжусь ею. Здесь я нашел подтверждение принципам, вызвавшим недовольство прежних моих коллег. Они назвали эти принципы ненаучными, а на деле это их взгляды не имеют ничего общего с наукой. Книга отомстит за меня.

— Неужели это для вас важно? Даже после вашей смерти?

— Разумеется, важно. Даже после смерти.— Саттон посмотрел на часы.— Наверное, уже пора. Мне только что пришло в голову — вы что-нибудь сегодня ели?

— Нет,— ответил Латимер.— Я совершенно забыл о еде. Но я голоден.

— В баре уже подают закуски. Это поможет продержаться до обеда.

— Еще один вопрос, прежде чем отправиться в бар. Вы упомянули, что рептилии обнаружили способность к эволюционному развитию. В каком направлении? Что в них могло измениться?

— Представьте себе, многое. Изменилось строение тел. Произошли какие-то экологические изменения, а быть может, и поведенческие, хотя ручаться за это нельзя. Откуда мне знать, как они вели себя прежде! Некоторые из крупных хищников, вероятно, не изменились вообще. А может, в каких-то случаях поднабрались ловкости. Добыча-то стала пугливее и резвее, вот и хищникам приходилось становиться проворнее, если им

не нравилось голодать. Но самая удивительная из перемен — разум. Появился один вид, насколько могу судить, совершенно новый вид, проявляющий все признаки ясно выраженного интеллекта. Но если это интеллект, он развивается в странном направлении. Трудно сделать какое-то определенное заключение. Стоит напомнить, что из всех тупиц, когда-либо бродивших по Земле, динозавры не знали себе равных. Разума в них не было ни на грош.

— Вы сказали, развитие интеллекта приняло странное направление?

— Постараюсь объяснить. Я вел наблюдения за этими умниками по многу часов подряд. Я почти убежден, что они пасут стада травоядных — я имею в виду травоядных рептилий. Они не носятся вокруг стад, как сторожевые собаки вокруг овец, и тем не менее я уверен: свой скот они контролируют. Какая-то группа обязательно наблюдает за стадом, и, пока идет наблюдение, стадо не разбредается, а держится кучно, как овцы под присмотром собак. Когда настает момент перейти на новое пастбище, стадо движется организованно. А время от времени отдельные особи отделяются от стада и трусят в определенное место, где их поджидают другие представители моих так называемых разумных динозавров и без сопротивления забивают. Жертвы идут на бойню безропотно. Не могу избавиться от впечатления, что эти травоядные — мясные стада, домашний скот динозавров разумных. И еще одно. При нападении хищников эти разумные их попросту изгоняют. Не охотятся на них, никак их не отпугивают, просто выходят на видное место и спокойно себе садятся. И как только хищники это видят, их охватывает вроде бы беспричинное беспокойство, и какое-то время спустя они уходят прочь.

— Гипноз? Какое-то умственное воздействие?

— Все возможно.

— Но это не обязательно интеллект. Это может быть всего лишь благоприобретенный жизненный навык.

— Мне так почему-то не кажется. Они не только стерегут стада и отгоняют хищников — они частенько сидят группами сами по себе. Точно как беседующие люди. Именно такое у меня создалось впечатление — что они сидят и беседуют. Никаких стадных привычек, общих для всех приматов, никаких шумных игрищ, никакой возни, ничего похожего. И по-видимому, почти никаких физических контактов — ни шлепков,

ни ласк, ни прямых прикосновений. Словно они ни в чем таком не нуждаются. Однако они танцуют. Какие-то ритуальные танцы, хоть и без музыки. У них нет инструментов, чтобы извлекать музыку. И вообще никакой материальной культуры. У них нет рук, чтобы изготовить какие бы то ни было предметы культуры. А может, им и не нужны ни станки, ни оружие, ни музыкальные инструменты. И в то же время очевидно, что у них есть святилища. Места, куда они отправляются поодиночке или малыми группами размышлять, а возможно, молиться. Мне известно одно такое место, но могут быть и другие. Ни идолов, ни предметов поклонения. Просто уединенное место, хотя в нем, по всем признакам, есть что-то особенное. Они посещают его год за годом. Пробили к нему тропу и утоптали ее за столетия. Не видно ни молитвенных бдений, ни каких-либо обязательных ритуалов. Приходят и сидят. В самое разное время. В этом мире воскресные службы не установлены. По-моему, они ходят в святилище тогда, и только тогда, когда у них возникает в том нужда.

— От такого дрожь берет,— сказал Латимер.

— Да, не спорю,— согласился Саттон. И опять посмотрел на часы.— Что-то мне остро хочется выпить. А вам?

— Да,— ответил Латимер.— Рюмка мне, чувствую, не повредит.

«Теперь,— сказал он себе,— я знаю гораздо больше, чем раньше. Я знаю, как заменяют прислугу в доме на берегу и откуда поступают припасы. Совершенно очевидно, что всем и всеми распоряжаются и управляют из этого центра. Из первичного мира периодически поступают товары и персонал, а все остальное решается здесь».

Что приводило в недоумение, так это позиция Саттона. Тот, по всей видимости, был доволен своим положением и нисколько не возмущен ссылкой в этот мир. Они вовсе не безмозглые чудовища, заявил Саттон, намекая, что руководители проекта — рассудительные люди, озабоченные интересами общества. Он пребывал в убеждении, что задуманная им книга будет опубликована и реабилитирует его посмертно. А еще, напомнил себе Латимер, у Инид пропали стихи, а у Дороти — роман. Может статься, стихи и роман оценены кем-то как шедевры, которые нельзя утратить, и уже опубликованы в первичном мире, допустим, под псевдонимом?

А что случилось с теми, кто вел исследования, приведшие к открытию альтернативных миров, кто придумал, как достичь их и заселить? Уж кого-кого, а этих отселили из первичного мира в самую первую очередь — они-то действительно ставили секретность проекта под угрозу. Вероятно, ныне они в отставке, живут помещиками на каком-нибудь из открытых ими миров.

Вслед за Саттоном Латимер обогнул одну из рощиц, щедро рассыпанных по парку, и тогда услышал отдаленный гомон: где-то счастливо резвились, играли дети.

— Вот и уроки кончились,— заметил Саттон.— В ближайший час ребятишки здесь — полные хозяева.

— С вашего разрешения,— произнес Латимер,— еще один вопрос. Во всех этих альтернативных мирах, про которые вы рассказывали, есть там свои собственные туземцы? Обнаружены там представители рас, отличных от нашей?

— Насколько мне известно,— ответил Саттон,— человек появился лишь однажды, в первичном мире. Но я, наверное, не в состоянии полностью ввести вас в курс дела. Допускаю, что я и сам многого не знаю. Слишком занят по прямой своей специальности, и пытаться что-то выяснить за ее пределами не остается времени. То, чем я поделился,— отрывочные сведения, почерпнутые из случайных разговоров. Я даже не знаю, сколько всего альтернативных миров, не знаю, на многих ли мирах учреждены станции. Правда, знаю, что в мире бескрылых гагарок есть и другие станции, помимо дома на берегу.

— Под станциями вы подразумеваете места, где содержатся нежелательные элементы?

— Вы прибегаете к очень жестким формулировкам, мистер Латимер, но, в общем, вы правы. А по поводу появления человека где-либо, кроме нашей с вами Земли,— не думаю, что такое предположение вероятно. Мне сдается, что и в одном-то мире человек появился лишь в результате серии счастливых случайностей. Вдуматься пристально, у него не было настоящего права на перспективное развитие. Человек — своего рода эволюционная ошибка.

— А разум? Разум развился в первичном мире, и вы доказываете, что и здесь тоже. Нельзя ли предположить, что эволюция нацелена на возникновение разума и добивается этой цели в какой бы то ни было форме в каждом из миров? С чего вы взяли, что в мире бескрылых гагарок нет разума? Вокруг

дома на берегу обследовано всего-то пять-шесть квадратных миль. Да и вокруг других станций, вероятно, не больше.

— Вы задаете немыслимые вопросы,— сухо ответил Саттон.— При всем желании ответить на них не могу.

Они наконец достигли точки, откуда здание центра было видно полностью. Да, теперь здесь было людно. Мужчины и женщины прогуливались, грелись на солнышке, валялись на траве. На террасах составилось несколько увлеченно беседующих компаний. Повсюду носились дети, играющие в свои беззаботные игры. И вдруг шедший впереди Саттон остановился так резко, что Латимер с трудом уклонился от столкновения, и показал куда-то:

— Вон они, легки на помине!

Латимер послушно взглянул в указанном направлении, но не заметил ничего необычного.

— Кто? Где?

— На вершине холма, сразу за северными воротами.

Спустя секунду-другую Латимер различил дюжину припавших к земле фигурок: они оседлали тот самый холм, откуда всего несколько часов назад он катился кубарем вниз, к воротам, в поисках убежища. Фигурки были слишком далеко, чтобы рассмотреть их толком. Пожалуй, они слегка напоминали рептилий и казались угольно-черными, но был ли это естественный цвет их кожи или обман зрения, порожденный тем, что приходилось смотреть против света, художник решить не смог.

— Те самые, про которых я говорил вам,— пояснил Саттон.— Довольно обычное для них занятие: сидят и наблюдают за нами. Надо думать, мы интригуем их ничуть не меньше, чем они нас.

— Что, разумные динозавры?

— Они самые и есть.

Откуда-то издали донесся крик — слов было не разобрать, но это был несомненно панический крик, вопль ужаса. Потом крик подхватили многие, на разные голоса.

По парку отчаянно, сломя голову бежал человек. Руки его рассекали воздух, как крылья мельницы, ноги мелькали так, что сливались в смутное пятно. На расстоянии бегун выглядел совсем игрушечным, но направлялся он несомненно в северо-восточный угол территории, прямо к четырехфутовому заборчику внутри основной, более высокой ограды. За ним неслась

целая толпа преследователей с явным, но тщетным намерением догнать бегущего и повалить наземь.

— Боже мой, это Брин! — воскликнул Саттон.

У палеонтолога перехватило дыхание, лицо посерело. Он рванулся вперед, но запнулся, открыл рот, чтобы присоединиться к крику, но задохнулся. Бегун перемахнул через внутренний заборчик одним прыжком. Ближайший из преследователей отставал на много футов.

Брин поднял руки над головой и с маху ударил ими по проволоке под током. Его словно стерло ослепительной вспышкой, вдоль проволоки пробежали язычки пламени, яркого и искристого, как фейерверк. Секунда — и пламя погасло, у ограды осталось лишь чадящее темное пятно, отдаленно напоминающее человека.

Толпа будто издала тяжкий вздох и стихла. Преследователи остановились, на какой-то миг утратив способность шевелиться. Потом одни побежали снова, другие нет, и опять зазвучали голоса, хотя криков стало поменьше.

Латимер глянул на вершину холма — там было пусто. Динозавры, что были там, куда-то пропали. И Саттон тоже сгинул без следа.

Так значит, это Брин висит там на ограде, подумал Латимер. Тот самый Брин, глава группы оценки,— единственный, если верить Гейлу, кто мог бы объяснить, отчего его, художника, решили заманить в дом на берегу. Тот самый Брин, погрязший в психологических тонкостях, вникавший в характер каждого клиента, сопоставлявший каждый характер с экономическими выкладками, с индексами социальной диагностики и бог весть с чем еще, и все ради решения, позволить ли клиенту оставаться в первичном мире или изъять его оттуда раз и навсегда.

А ныне, подумалось Латимеру, изъяли самого Брина — и изъяли куда решительнее, чем любого из остальных.

Сам он так и стоял там, откуда впервые увидел бегущего Брина, стоял лишь потому, что не мог решить, как быть дальше. В самом деле, кто он здесь и зачем? И как вести себя со всеми остальными? Вон их сколько, бродят вокруг бесцельно — многие, вероятно, тоже в растерянности, что теперь предпринять. И не подозрительно ли, что он торчит на одном месте, как истукан? Хотя, надо думать, им всем сейчас не до него,

никто его не заметит, а если и заметит, то лишь затем, чтобы в следующую же секунду выбросить из головы.

Однако, помнится, в тот момент, когда заварилась эта каша, они с Саттоном как раз собирались выпить. Латимер четко ощутил, что нужда не отпала, рюмка не повредит, и решительно зашагал к подъезду. Встречные, как правило, не удостаивали его вниманием: кто-то просто шмыгал мимо, кто-то мычал нечто нечленораздельное или ограничивался коротким кивком, как кивают незнакомым или полузнакомым.

В вестибюле было по-прежнему почти пусто. Три человека сидели за столиком в углу, не притрагиваясь к стоящим перед ними стаканам. В другом углу на диване мужчина и женщина были погружены в тихий разговор, и еще кто-то, оккупировав бар самообслуживания, сосредоточенно подливал себе из бутылки. Латимер направился к бару, взял чистый бокал. Человек у стойки произнес:

— Вы, наверное, новичок. Не припоминаю, чтобы мне случалось видеть вас здесь прежде.

— Да я только сегодня прибыл,— отозвался Латимер.— Часа три-четыре назад.

Он пригляделся к бутылкам, но его любимого сорта виски среди них не нашлось. Пришлось согласиться на другой, чуть похуже, зато плеснул он себе поверх льда щедро, от души. Рядом стояли подносы с сэндвичами и другими закусками. Он положил себе на тарелку два сэндвича.

— Ну и,— спросил человек у стойки,— как вам нравится эта история с Брином?

— Не знаю, что и сказать. Я с ним еще и знаком-то не был. Правда, Гейл называл мне его имя.

— Третий,— сообщил человек.— Третий за последние четыре месяца. Что-то тут не так.

— Что, все на заборе?

— Нет, нет. На заборе Брин первый. До него один выпрыгнул с тринадцатого этажа. Бог ты мой, ну и неаппетитное зрелище! Другой повесился...

В эту минуту в вестибюле появился еще один гость, и человек, оторвавшись от стойки, направился к вновь прибывшему. Латимер остался наедине со своим бокалом и сэндвичами. Народу больше не прибавлялось, и никто не обращал на него ни малейшего внимания. Внезапно на него обрушилось

чувство, что он здесь иностранец, незваный и всем чужой. Наверное, это неприятное чувство сидело в нем все время, но здесь, в пустоте вестибюля, поразило его с особенной силой. Можно было присесть за какой-нибудь столик, или в кресло, или на краешек дивана, благо свободных столиков, кресел и диванов было хоть отбавляй. Можно было подождать, чтобы кто-то составил ему компанию, но он содрогнулся при самой мысли об этом. Не хотелось ни знакомиться с этими людьми, ни тем более разговаривать с ними. По крайней мере, сейчас хотелось держаться от них подальше.

Пожав плечами, он добавил себе на тарелку третий сэндвич, потянулся к бутылке и долил бокал до краев, вышел из вестибюля и поднялся лифтом на свой этаж. У себя в комнате выбрал самое удобное кресло и расположился в нем, водрузив тарелку с сэндвичами на столик. А затем позволил себе вволю хлебнуть из бокала, поставить его рядом на пол и объявить вслух:

— И пусть они все катятся к дьяволу...

Он расслабился, осязая буквально физически, как раздробленное «я» потихоньку опять собирается воедино, как осколок за осколком вновь ищут и находят свои законные места, возвращая ему, Латимеру, ощущение цельности, ощущение собственной личности. Без всякого усилия он стер из памяти Брина, Саттона и вообще события последних часов — он хотел быть всего-навсего человеком, расположившимся в удобном кресле в своей комнате, и это ему удалось.

И все же он задумался о силах, игрушкой которых стал, о тайных властителях мира. Нет, им мало завладеть одним миром, они желают заполучить в рабство все остальные миры. Но какова методичность, каков загляд в будущее — и какова наглость! Им, видите ли, нужна уверенность, что освоение других миров обойдется без противников, тявкающих им вслед, без энтузиастов, требующих охраны окружающей среды в этих мирах, и без фанатиков, самозабвенно протестующих против засилия монополий. Им нужна только и единственно примитивная деловая этика вроде той, какую насаждали надменные лесопромышленные бароны, возводившие для себя имения наподобие дома на берегу.

Латимер поднял бокал с пола и сделал еще глоток. В бокале, как выяснилось, осталось уже меньше половины. Надо было прихватить с собой всю бутылку, никто бы не возразил.

Потянувшись за сэндвичем, он быстро сжевал его, взялся за второй. Сколько же времени прошло с тех пор, как ему случилось есть в последний раз? Он бросил взгляд на часы и мгновенно понял, что время, которое они показывают, в этом мире мелового периода недействительно. Факт был бесспорным и все же озадачил его: откуда взялась разница во времени между мирами? Может, ее и нет — по логике вещей не должно бы быть,— но тогда влияют какие-то иные факторы... Он поднес циферблат к самому лицу, но цифры плясали, а стрелки не хотели согласовываться друг с другом. Тогда он хлебнул еще.

Проснулся он в темноте, недоумевая, где он и что с ним. Спина одеревенела, ноги сводило судорогой. Однако затмение вскоре кончилось, память вернулась, подробности последних двух дней обрушились на него лавиной — сперва они были разрозненны, но быстро выстраивались в цепь, смыкались в узор беспощадной реальности.

Стало быть, он так и забылся в кресле. Лунный свет, льющийся из окна, отражался в пустом бокале. На столике неподалеку стояла тарелка с половинкой сэндвича. Вокруг царила полная тишина, ниоткуда не доносилось ни звука. Должно быть, мелькнула мысль, уже за полночь и все угомонились. А что, если в здании и вовсе никого нет? Может, по стечению обстоятельств, по каким-то неведомым причинам вся штаб-квартира эвакуирована и в ней уже ни души, кроме проспавшего художника? Хотя такое, он понимал и сам, крайне маловероятно.

Латимер поднялся на непослушные ноги и подошел к окну. Окрестный ландшафт стелился чистым серебром, гравированным там и сям глубокими тенями. Где-то сразу за оградой улавливался намек на движение, но что именно движется, различить было нельзя. Наверное, какой-нибудь зверек рыщет в поисках пищи. Ведь там заведомо есть не только рептилии, но и млекопитающие, быстроногие и пугливые, приученные держаться настороже и убираться с дороги. Судьба не дала им здесь шанса развиться так же, как в первичном мире, где миллионы лет назад некий катаклизм очистил планету от былых владык и создал вакуум, который можно и нужно было заполнить.

Серебряный мир за окном производил колдовское впечатление — не колдовство ли видеть новый, с иголочки, мир, не тронутый руками и инструментами человека, мир чистенький, не ведающий мусора? И если он рискнет выйти наружу и по-

бродить под луной, не повлияет ли незваное присутствие человека, которому здесь не место, на это впечатление, не умалится ли колдовство?

Латимер вышел из комнаты и спустился лифтом на первый этаж. От вестибюля его отделял лишь небольшой коридорчик, а за ним дверь. По коридору он прокрался на цыпочках, хоть и не мог бы объяснить почему: вроде бы в здании, где все давно спят, потревожить было некого. Но неожиданно он различил голоса и, замерев в тени, быстро оглядел вестибюль в поисках их источника. В дальнем от него углу за столиком сидели трое. На столике были бутылки и стаканы, но трое, похоже, совсем не пили, а, склонившись друг к другу, вели серьезный разговор. И, будто дождавшись появления Латимера, один из троих вдруг откинулся на спинку стула и повысил голос, звонкий от гнева:

— Я предупреждал вас! Я предупреждал Брина и предупреждал вас, Гейл. А вы меня высмеяли...

Латимер узнал голос Саттона. До говорившего было слишком далеко, и лица было не разглядеть, да и освещение оставляло желать лучшего, но спутать голос было невозможно.

— Вовсе я вас не высмеивал,— не согласился Гейл.

— Вы, может, и нет, а Брин поднял на смех, другого слова не подберу.

— Не знаю, кто кого поднял на смех,— вмешался третий собеседник,— но действительно слишком многое идет наперекосяк. Дело не только в трех самоубийцах. Сколько всякого другого: ошибки в расчетах, ошибки в обработке данных, ошибки в выводах. Все подряд летит к чертовой матери. Взять хотя бы вчерашний отказ генератора. Мы же целых три часа сидели без света, а ограда была обесточена. Вы что, сами не понимаете, что случилось бы, если бы несколько крупных хищников собрались и...

— Да понимаем, понимаем,— перебил Гейл,— но это была просто поломка. Такое всюду случается. Что меня тревожит по-настоящему, так этот художник Латимер. Вот уж накладка чистой воды. Начнем с того, что не было же никакого резона заточать его в доме на берегу. Операция была тонкая, сложная и стоила кучу денег. Но вот водворили его туда, и что дальше? На следующий же день он совершает побег. Уверяю вас, джентльмены, накладок стало недопустимо много. Гораздо

больше, чем можно позволить себе, если мы хотим продолжать операцию.

— Нет никакого проку скрывать друг от друга правду и играть в секретность,— заявил Саттон.— Вам известно, что происходит, а мне тем более. Чем скорее мы признаем это и начнем прикидывать, что тут можно сделать, тем лучше для нас самих. Если тут вообще можно что-нибудь сделать. Мы выступили против разума, который равен нам во всех отношениях, но устроен иначе. Настолько иначе, что бороться с ним мы не можем. Ментальная сила против силы чисто технической — в таком противоборстве я ставлю на ментальную силу. Я предупреждал вас еще много месяцев назад. Я говорил вам: обращайтесь с этими умниками как можно деликатнее. Не делайте ничего, что могло бы их обидеть. Относитесь к ним уважительно. Думайте о них дружелюбно, потому что, возможно, они понимают, что вы думаете. Я лично полагаю, что понимают. Я говорил вам все это — и что дальше? Компания болванов решает поохотиться после работы и, поскольку другой добычи не попадается, стреляет по нашим друзьям как по живым мишеням...

— Но это ведь тоже случилось много месяцев назад,— вставил третий собеседник.

— Они проводили опыты,— предположил Саттон.— Выясняли, что им по плечу. Как далеко они могут зайти. Вот результат: они могут остановить генератор. Могут спутать наши расчеты и оценки. Могут вынудить людей к самоубийству. Бог знает, что еще они могут. Недельки через две, через три узнаем и мы. Да, между прочим, хотелось бы разобраться, какой выдающийся идиот решил расположить штаб-квартиру всей операции именно в этом мире?

— Тут было много соображений,— сказал Гейл.— Прежде всего, место казалось безопасным. Если бы наши противники надумали захватить нас врасплох...

— Да вы с ума сошли! — крикнул Саттон.— Какие противники? Нет у вас никаких противников, откуда им взяться?

Латимер быстро прошел краем вестибюля, приоткрыл внешнюю дверь и осторожно протиснулся наружу. Обернувшись через плечо, убедился, что трое по-прежнему у стола. Саттон продолжал кричать, стуча кулаком по столешнице. Гейл заорал в ответ, и голос его на миг перекрыл рык Саттона:

— Ну как было заподозрить, что здесь развился разум? В мире безмозглых ящериц...

Латимер прокрался по каменным плитам террасы, сбежал по ступенькам и выбрался на газон. В безоблачном небе плыла полная луна, и мир был по-прежнему полон серебряным колдовством. Воздух был мягок, свеж и чист, удивительно чист.

Но он теперь едва ощущал колдовство и даже свежесть. В создании билась, гудела одна мысль: ошибка! Ему вовсе не место в доме на берегу, произошла ошибка в расчетах. Из первичного мира его похитили только под гипнозом разумных рептилий, населяющих мир нескончаемого мелового периода. Однако вина за это, понятно без долгих слов, падает не на них, а на его сограждан по первичному миру — на тех, кто высидел схему, согласно которой первичный мир и миры альтернативные следовало полностью избавить от всех, кто противится интересам большого бизнеса.

Пройдя по газону, он поднял взгляд на вершину северного холма. Да, они опять были там — вереница коренастых фигурок, согбенных, ящероподобных, мрачно взирающих сверху вниз на пришельцев, которые осмелились осквернить их мир.

Вспомнилось, что еще недавно он, Латимер, обдумывал, как в одиночку сокрушить бесчеловечный проект. Обдумывал, прекрасно сознавая, что это не по силам не только одиночке, но, вероятно, даже специально подобранной группе людей.

А теперь оказалось, что можно не тревожиться. Рано или поздно в недалеком будущем проект будет похоронен. Может быть, поначалу персонал перебросят отсюда в дом на берегу или на другие, как их называют, станции, только бы подальше от этого злополучного здания. Может статься даже, что будет предпринята попытка продолжить проект, построив другую штаб-квартиру в ином, более безопасном мире. Но в лучшем случае человечество выиграет какое-то время — и не исключено, что проекту все-таки крышка. На него уже извели бессчетные миллиарды. Сколько еще миллиардов воротилы первичного мира согласятся вложить в свою затею? Ведь в этом же соль вопроса, в этом смысл любого предприятия в первичном мире: стоит ли овчинка выделки?

Дэвид Латимер повернулся лицом к вершине и к тем, кто расположился на ней. И, залитый колдовским лунным светом, торжественно поднял руку, приветствуя собратьев по разуму.

Он отлично сознавал, сознавал даже в эту минуту, что жест бесполезен — жест для себя, а отнюдь не для согбенных фигурок на вершине, которые не увидят никакого жеста и тем более не оценят. Но при всем при том ему представилось важным сделать этот жест, свидетельствующий, что он, разумный человек, питает искреннее уважение к другим разумным и надеется, что со временем две расы сумеют выработать взаимоприемлемые правила отношений, общий моральный кодекс.

Фигурки на вершине не шевельнулись. А чего еще можно было от них ожидать? Откуда им было знать, что он попробовал безотчетно пообщаться с ними? Да и что им до такого общения? В сущности, он и не пытался общаться, а лишь подал знак, в первую очередь себе, о том, что в данную секунду его обуяли братские чувства...

И едва он подумал о братстве, как на него накатила волна теплоты, окутала его и обняла,— по смутным детским воспоминаниям, именно так тепло было на руках у матери, когда она укладывала его в постель. А затем он тронулся в путь. Его приподняло и понесло, забор под током проплыл где-то внизу, и под ногами заскользил склон крутого холма. Он не испытал испуга: все было как во сне, как в сказке, и рождало в глубине души странную уверенность, что на самом-то деле с ним ничего не происходит, а следовательно, и опасности нет.

Он очутился лицом к лицу с согбенными фигурками, сидящими полукругом, и, хотя сознание было по-прежнему спутанным, как во сне, их можно было хорошо разглядеть. В общем, глядеть было особенно не на что. Они оставались такими же коренастыми и бесформенными, как и с дальнего расстояния. Их тела казались неуклюжими глыбами без каких-либо деталей, различимых при лунном свете, но вот лица — этих лиц Латимеру никогда не забыть. Лица сохраняли треугольные очертания, свойственные рептилиям, однако жесткость треугольных контуров резко смягчали глаза — живые, ясные, исполненные сострадания.

Он вглядывался в эти лица — и все же никак не мог избавиться от сомнений: действительно ли он здесь, в нескольких футах от них, или по-прежнему стоит внизу на газоне, а они сидят, согбенные, на своей верхотуре? Он напрягся, сознательно пытаясь сориентироваться, ощутить почву под ногами, прижаться к ней подошвами,— но нет, старайся не старайся, земли под ногами не ощущалось.

В них не было ничего особенно отталкивающего или пугающего — они внушали легкую брезгливость, и только. Сидят себе скорчившись, нечетким кружком, и пялятся своими добрыми, сострадательными глазами. И все же странным образом, какой он не взялся бы определить, их присутствие чувствовалось ежесекундно. Они не тянулись к нему физически, не пробовали дотронуться — возможно, из боязни, что, если попробуют, он отшатнется; и тем не менее дотягивались до него как-то иначе, словно бы заливали в него, как воду в бутыль, самую суть своего естества.

А потом они заговорили с ним — не голосом, не словами, он не мог бы сказать как,— а может, мелькнула шальная мысль, с помощью того самого естества, которое залили в него.

— Теперь, когда мы познакомились,— заявили они,— мы отсылаем тебя обратно...

И он очутился — где? — в конце вымощенной кирпичом подъездной аллеи, ведущей к дому. За своей спиной он услышал сырые, ветреные шорохи первобытного леса, и в ближних деревьях гортанно перекликались две совы. На широкой лужайке росли могучие дубы, а под ними стояли элегантные каменные скамьи, на которых, судя по их виду, никто никогда не сидел.

Дом на берегу. Они вернули его в дом на берегу, а не в штаб-квартиру, не в засаженную травой загородку под холмом в мире, где меловой период никогда не кончался и не кончится.

Они вернули его сюда, но он чувствовал, что естество, которое в него закачали уродцы, согбенно усевшиеся кружком на вершине, сохранилось и бурлило внутри — и источало знание и комфорт.

Он спросил себя: кто они? Полиция, а может, беспристрастные судьи? В любом случае они и в будущем станут следить за потугами воротил, которые ищут для себя монопольных выгод на альтернативных мирах, открытых ныне для человечества и, наверное, для многих других разумных рас. Следить и при необходимости вносить коррективы с тем, чтобы эти миры не пали жертвой межнациональных финансовых устремлений расы, впервые их открывшей, а были неотъемлемым достоянием всех — вероятно, все-таки немногих — разумных видов, развившихся на всех мирах. Станут следить, в частности, и за

тем, чтобы любой мир использовался мудрее, чем люди использовали свой родной первичный мир.

И они не сомневаются ни на миг, что это может быть и будет сделано. Более того, они уверены, что это неизбежно случится, что в грядущие годы люди и другие разумные расселятся по райским мирам, о которых упоминал Саттон, и что с мирами, поджидающими поселенцев, будут обращаться с бережностью, человечеству доселе не свойственной. Потому что диковинные согбенные стражи рассядутся на множестве холмов во всех мирах и повсюду будут нести свою неусыпную вахту.

«Можно ли им доверять?» — подумал он и устыдился собственной мысли. Ведь они заглянули ему в глаза, а затем поделились с ним своим естеством и вернули его сюда, а не в укрепленный лагерь в меловом периоде. Они знали, они разобрались, где ему будет лучше всего. А раз так, то, несомненно, разберутся и во всем остальном.

Он пустился по аллее быстрым шагом, клацая каблуками по кирпичам. Как только он подошел к крыльцу, дверь распахнулась и на пороге вырос слуга в ливрее.

— Вы опаздываете,— произнес дворецкий.— Остальные ждали вас, ждали, но только что сели обедать. Суп наверняка еще не простыл.

— Виноват,— ответил Латимер.— Меня задержали непредвиденные обстоятельства.

— Кое-кто полагал, что надо пойти поискать вас, но мистер Джонатон сумел их отговорить. Он заверил, что с вами все будет в порядке. Заявил, что у вас есть голова на плечах. И выразил уверенность, что вы вернетесь.— Пропустив Латимера внутрь, дворецкий закрыл за ним дверь и добавил: — Все будут счастливы убедиться, что вы в самом деле вернулись.

— Благодарю вас,— откликнулся Латимер.

И, стараясь не слишком спешить, подавляя вскипающую в душе радость, двинулся к гостиной, откуда доносились веселый смех и оживленная болтовня.

Он как раз отдыхал в кресле-качалке посреди вымощенного плитами дворика, когда проезжавшая по дороге машина остановилась перед воротами. Выбравшийся оттуда совершенно седой незнакомец открыл калитку и зашагал по дорожке к дому, едва заметно шаркая ногами.

«Старик,— отметил про себя сидевший в качалке,— не такой древний, как я, но тоже старик».

— Вы Эдвард Ламберт? — спросил приезжий, остановившись перед ним.

Он кивнул.

— Я Теодор Андерсон из Мэдисонского университета.

— Садитесь, пожалуйста.— Ламберт указал на второе кресло.— Далековато забрались.

— Да не очень,— хмыкнул Андерсон.— Всего миль сто.

— По мне, так и это много. Я ни разу в жизни не забирался дальше чем за двадцать миль. Космопорт за рекой — конечная точка моих странствий.

— И часто вы навещаете космопорт?

— Одно время — частенько, когда был помоложе. Теперь уж нет. Прибывающие и отлетающие корабли прекрасно видны отсюда.

— А вы сидите и смотрите?

— Раньше — да, но теперь и с этим покончено. Так, брошу порой взгляд, но больше не слежу за ними.

— Насколько я понимаю, у вас есть брат и сейчас он в космосе.

— Ну да, Фил. Из всей нашей семьи лишь он подался в странствия. Нас было двое. Идентичные близнецы, знаете ли.

© Перевод А. Филонова.

— Вы встречаетесь? То есть он ведь должен время от времени вас навещать?

— Бывал. Всего раза три или четыре. А в последние годы так и вовсе не появлялся — со времени его последнего визита прошло лет двадцать. Он вечно торопился, задерживался лишь на денек-другой, и всякий раз у него в запасе были грандиозные истории.

— Но вы-то сами все это время никуда не выезжали? По вашим словам, дальше двадцати миль от дома вы не забирались?

— Было время, когда я хотел отправиться с ним, но не мог. Мы появились на свет довольно поздно и были еще молоды, когда родители уже состарились. Кто-то из нас должен был остаться с ними. А когда их не стало, я уже сам не мог уехать — слишком большой частью моей жизни стали и здешние холмы, и леса, и речушки.

— Понимаю,— кивнул Андерсон.— Это отчетливо видно в ваших работах. Вы стали пасторальным певцом нашего столетия. Я цитирую чужие слова, но вы наверняка с ними знакомы.

— Писатель-натуралист,— хмыкнул Ламберт.— Некогда это было великой американской традицией. Когда я только начинал писать на эту тему лет пятьдесят назад, она давно вышла из моды, а теперь снова стала популярной. Каждый дурак, способный связать два слова, пишет о природе.

— Но никому это не удается так хорошо, как вам.

— Я просто занимался этим дольше других, у меня больше опыта.

— Ныне возникла великая нужда в вашем творчестве. Это остатки почти утраченного нами наследия.

— Пожалуй,— кивнул Ламберт.

— Возвращаясь к вопросу о вашем брате...

— Минуточку, пожалуйста,— перебил Ламберт.— Вы обрушили на меня град вопросов без всякой предварительной подготовки, не поговорив даже о погоде и не затевая обычного обмена любезностями. Просто ввалились сюда и выложили свои вопросы. Да, конечно, вы представились и сказали, что вы из университета,— и только. Мистер Андерсон, сообщите, просто для сведения, кто же вы такой.

— Ах да, простите! Признаюсь, я проявил недостаток такта, хотя он является непременным атрибутом моей профес-

сии и мне не следует забывать о его значении. Я преподаю на факультете психологии и...

— Психологии? — недоверчиво переспросил Ламберт.

— Да, психологии.

— Я-то думал, что вы преподаете литературу, экологию или, скажем, что-нибудь имеющее отношение к окружающей среде. Какой резон психологу толковать с писателем-натуралистом?

— Пожалуйста, будьте снисходительны,— взмолился Андерсон.— Просто я подошел к делу не с той стороны. Давайте по порядку: я приехал поговорить с вами о брате.

— Какое вам дело до моего брата? Где вы о нем услышали? Здешние о нем знают, но больше никто. А в своих книгах я ни разу о нем не упоминал.

— Прошлым летом я приезжал сюда порыбачить. Моя палатка стояла всего в нескольких милях отсюда — тогда-то я и услышал.

— И кое-кто из ваших собеседников утверждал, что никакого брата у меня нет.

— Вот именно. Видите ли, последние пять лет я исследую вопрос...

— Уж и не знаю,— перебил Ламберт,— откуда пошли слухи, что у меня нет брата. Лично я не обращаю на них внимания и не возьму в толк, с чего бы это вам...

— Мистер Ламберт, простите, пожалуйста. Я поднял регистрационные книги округа и данные переписи населения, но записи о рождении вашего брата...

— Я помню ясно, будто это было только вчера,— не слушая его, начал Ламберт,— день, когда брат покинул родные места. Мы работали в амбаре, вон там, через дорогу. Амбаром больше никто не пользуется, и, как видите, он почти развалился. Но тогда мы им еще пользовались — отец возделывал вон тот луг у ручья. Земля была щедрой — да и теперь щедра, если кто-то потрудится ее возделать,— и давала самые чудесные урожаи кукурузы, какие только могут быть. Здешняя земля родит лучше, чем прерии Айовы, лучше всех земель на свете. Я многие годы возделывал ее после смерти отца, но уже больше десяти лет не занимаюсь крестьянским трудом, распродал весь инвентарь и технику. Теперь я содержу лишь небольшой огород для своих нужд. Он совсем невелик, большой мне и не требуется. Там только...

— Вы рассказывали о своем брате,— напомнил психолог.

— Ах да, конечно! Однажды мы с Филом работали в амбаре. День был дождливый, точнее, просто моросил мелкий дождик. Мы чинили упряжь... Да, конечно, упряжь. Наш отец во многих отношениях был чудаком, например, техникой он пользовался лишь тогда, когда обойтись без нее было нельзя. У нас никогда не было трактора — он считал, что лошади лучше. И действительно, для таких маленьких участков не существует лучшей тягловой силы, чем лошадь. Я и сам имел лошадей, но пришлось их продать, хотя сердце у меня разрывалось, ведь я по-настоящему любил их. Ну вот, чинили мы упряжь, и тут Фил ни с того ни с сего заявляет, что отправляется в порт и постарается наняться на корабль. Мы и раньше от случая к случаю толковали об этом, оба бредили странствиями, но, когда Фил заявил, что уходит, это оказалось для меня полнейшей неожиданностью. Я и не предполагал, что он решится на такое. Понимаете, в те дни, более пяти десятилетий назад, в воздухе носилось особое настроение: тут и острота момента, и обстоятельства, новизна и увекательность путешествий к иным мирам. В прошлом было такое время, когда мальчишки удирали из Новой Англии в море, а пятьдесят лет назад они удирали в космос...

Рассказывая, он вспомнил тот день. Воспоминание было живым, словно, как он и сказал Андерсону, это было только вчера. Видение было ясным и ощутимым, вплоть до затхлого аромата прошлогоднего сена. Под кровлей амбара ворковали голуби, а на пастбище у холма мычала одинокая корова. В стойле топали копытами лошади, негромко похрустывая остатками сена в яслях.

«Вчера ночью я решился,— сказал Фил,— но не говорил тебе, пока не созрел для окончательного шага. Разумеется, можно обождать, но тогда есть риск, что я так никуда и не выберусь. Я не хочу прожить всю жизнь здесь, жалея, что не решился уйти. Скажи отцу, а? Когда я уйду. Поближе к вечеру, чтобы я смог отойти подальше».

«Он не станет удерживать тебя,— ответил тогда Эдвард Ламберт,— так что лучше скажи ему сам. Может, он и поспорит, но удерживать не станет».

«Если я скажу сам, то не смогу уйти. Я увижу его глаза — и не смогу. Эд, сделай это для меня, а? Скажи отцу сам, чтобы мне не пришлось глядеть ему в глаза».

«А как ты проберешься на корабль? Им не нужен желторотый деревенский парнишка. Туда берут подготовленных людей».

«Всегда найдется готовый к отлету корабль, на котором недостает одного-двух членов экипажа. Корабль не станет ждать их или попусту тратить время на розыски. Возьмут любого, кто подвернется под руку. Через день-другой я найду такой корабль».

Ламберт снова вспомнил, как стоял в дверях амбара, глядя вслед хлюпающему по лужам брату, силуэт которого постепенно растворялся в туманной мороси. Вот серая пелена сеявшегося с небес дождика совсем поглотила его, но Ламберту еще долго казалось, что вдали виднеется крохотная фигурка бредущего по мокрой дороге брата. От воспоминаний вновь стеснило грудь, подкатил под горло комок и навалилась жуткая, сокрушительная тяжесть потери, горестного расставания; будто утратил часть себя, будто душу разъяли надвое, будто здесь осталась лишь половина.

— Мы были близнецами,— сказал он Андерсону,— и притом идентичными. Мы — не просто братья, это куда более глубокая связь. Каждый был частью другого. Мы все делали вместе. Я воспринимал его как себя, а он — меня. Филу потребовалось немалое мужество, чтобы вот так просто уйти.

— А вам потребовалось немало мужества и понимания, чтобы отпустить его... Но ведь он вернулся?

— Ненадолго и только после смерти родителей. И в тот раз он пришел пешком, точь-в-точь как уходил. Но задерживаться не стал. Побыл денек-другой, и ушел — уж очень его тянуло обратно. Сидел как на иголках, пока был дома. Будто что-то гнало его отсюда.

«Пожалуй, не совсем так,— подумал Ламберт про себя.— Он весь был на нервах, какой-то дерганый. То и дело оглядывался, будто кого-то опасался и проверял, не появился ли Преследователь».

А вслух сказал:

— Он приезжал еще несколько раз с интервалом в пару лет, но никогда не задерживался надолго. Рвался обратно.

— А как вы объясняете возникновение слухов, что у вас нет брата? — поинтересовался Андерсон.— Как вы объясняете отсутствие соответствующих записей?

— Да никак не объясняю. Чего только люди не наговорят. Глупые россказни могли начаться с элементарного вопроса: «А, вы про его брата? Да есть ли у него брат? Может, его никогда и не было?» Другие подхватывают вопрос, заменяют его утверждением, добавляют кое-что от себя — и пошло-поехало. В здешних местах поговорить почти не о чем, и люди хватаются за любую подходящую возможность. А судачить об этом старом дураке из долины, вообразившем, что у него есть брат, и прожужжавшем всем уши насчет несуществующего брата, странствующего среди звезд,— дело весьма увлекательное. Хотя, по-моему, я никому не навязывался с рассказами о брате и никогда не спекулировал его именем.

— А как быть с записями? Точнее, с их отсутствием?

— Просто не знаю. Я этим не интересовался. Видите ли, я просто знаю, что у меня есть брат, и все.

— А вы не хотели бы побывать в Мэдисоне?

— Да как-то не рвусь. Я редко отсюда выбираюсь. Машины у меня уже нет, а когда надо съездить в магазин за тем немногим, в чем еще нуждаюсь, я просто напрашиваюсь в попутчики к кому-нибудь из соседей. Мне и здесь хорошо; я не питаю желания побывать в иных краях.

— И вы жили здесь в одиночестве со времени смерти родителей?

— Именно так. Однако вы зашли чересчур далеко. Я не испытываю к вам особой симпатии, мистер Андерсон. Или следует сказать «доктор»? Пожалуй, что так. Я не намерен ехать в университет, чтобы отвечать на ваши вопросы или подвергаться тестам ради ваших исследований. Не знаю, что интересует вас, но мне лично это ни капельки не интересно. У меня есть дела поважнее!

— Извините,— сказал Андерсон, вставая.— Я вовсе не собирался...

— Вам не за что извиняться.

— Не хочется уходить вот так. Я предпочел бы, чтобы наш разговор завершился на более благожелательной ноте.

— Не беспокойтесь. Забудем об этом — лично я намерен поступить именно так.

Гость ушел, а Ламберт продолжал сидеть в кресле, глядя на дорогу. Время от времени мимо проезжали машины, но совсем редко — этой дорогой почти не пользуются. Она никуда

не ведет, являя собой всего лишь навсего путь к нескольким домам, расположенным в долине и среди холмов.

«Что за хамство,— думал он,— что за невежество! Вот так ворваться в дом к человеку и начать задавать подобные вопросы! А его исследования, должно быть, касаются иллюзий людей преклонного возраста. Хотя и необязательно; с равным успехом они могут касаться любой другой подходящей темы. И нечего расстраиваться, для этого нет никакого повода. Все пустяки. Дурным манерам придают значение лишь их обладатели».

Сидя в своем вымощенном плитами дворике, он тихонько покачивался взад-вперед, прислушиваясь к жалобному поскрипыванию кресла и озирая долину за дорогой и замыкающий ее холм. Где-то там с журчанием бежит по склону ручей, взбивая бурунчики на камнях и закручиваясь воронками в глубоких заводях. С этим ручьем у Ламберта было связано очень много воспоминаний. Там они с Филом длинными жаркими летними днями ловили голавлей, привязывая леску к кривым ивовым веткам, потому что нормальное удилище было им не по карману. Впрочем, будь даже у них деньги, роскошное снаряжение здесь просто ни к чему. По весне огромные косяки рыбы устремлялись вверх по ручью к местам нереста. Эдвард с Филом ловили ее сделанным из рогожного мешка кошельковым неводом, закрываться которому не давал обруч от бочонка.

Воспоминания были связаны не только с ручьем, но и со всем этим краем — с высящимися повсюду холмами, со скрытыми от взора ложбинками, с густыми лиственными лесами, отступившими только в тех немногих местах, где более-менее ровные площадки были раскорчеваны под пашню. Ламберт назубок знал каждую здешнюю тропинку со всеми ее закоулками, знал, что где растет и кто где живет. Ему были открыты многие потаенные секреты тех нескольких квадратных миль земли, где довелось родиться и жить,— но далеко не все. Не родился еще на свет человек, которому ведомы все тайны земли.

«Мне достался лучший из двух миров»,— мысленно признался он. Именно из двух, ибо ни Андерсону, ни кому-либо другому Ламберт не открыл бы своей сокровенной тайны. С Филом его связывают особые узы. Эта связь никогда не казалась им странной, потому что существовала чуть ли не с самого мо-

мента рождения. Даже находясь вдали друг от друга, каждый знал, чем сейчас занят брат. Сами они не находили в этом ничего удивительного, воспринимая все как данность. Много лет спустя Ламберт прочитал в научных журналах об исследованиях идентичных близнецов. Статьи были полны высокопарных рассуждений о телепатических способностях пар, будто идентичные близнецы по сути дела являются одним человеком в двух телесных воплощениях.

Скорей всего, у них с Филом именно так все и обстояло, хотя замешана ли здесь телепатия? Об этом Ламберт даже не задумывался, пока в руки ему не попали те журналы. «Вряд ли это то же самое, что и телепатия,— думал он, покачиваясь туда-сюда.— Насколько я понимаю, телепатия — это намеренная передача и прием мысленных сообщений, а мы просто знали, где другой и чем он сейчас занят». И так было не только в юности — с той поры ничего не изменилось. Не то чтобы они постоянно воспринимали друг друга или состояли в контакте, но такое случалось довольно часто.

С той самой поры, когда Фил пешком ушел из дому, и по нынешний день Ламберт всегда знал, на каких планетах побывал брат и на каких летал кораблях. Он глазами Фила видел происходящее, разумом Фила оценивал события и даже знал названия всех мест, где побывал брат. Все это приходило не через слова; они не разговаривали друг с другом — ведь в этом не было никакой нужды. И хотя Фил ни разу не высказывал этого вслух, Ламберт не сомневался, что тот точно так же видит мир глазами брата. Даже во время приездов Фила они не обсуждали этот вопрос — для обоих это было органичной частью бытия, и не о чем тут говорить.

Ближе к вечеру к воротам подкатила потрепанная машина. Мотор несколько раз чихнул и заглох. Из машины с небольшой корзинкой в руках выбрался Джейк Хопкинс, живущий чуть выше по ручью. Подойдя к свободному креслу, он поставил корзинку на плиты, уселся и сказал:

— Кэти шлет каравай хлеба и ежевичный пирог. Это, почитай, последняя ежевика. Что-то нынче она не уродилась — лето выдалось чересчур засушливое.

— Сам я в этом году по ежевику почти не ходил; выбрался разок-другой, и все,— ответил Ламберт.— Самый лучший ежевичник находится во-он на том гребне, а склоны холма становятся с каждым годом все круче, готов присягнуть.

— Они становятся круче для каждого из нас, Эд. Ты да я изрядно пожили на этом свете.

— Поблагодари Кэти от моего имени. Никто не умеет так печь пироги, как она. Лично мне лень затевать хлопоты с пирогами, хотя я их просто обожаю. Разумеется, без стряпни не обойтись, но с выпечкой слишком много возни, да и времени уходит немало.

— Ты ничего не слыхал о новой твари, бегающей на холмах? — поинтересовался Хопкинс.

— По-моему, это очередная лесная байка, Джейк,— хмыкнул Ламберт.— Время от времени, пару раз в год, кто-нибудь начинает распускать подобные россказни. Помнишь слух о болотном чудовище в Милвилле? Газеты в Милуоки тут же его подхватили, и какой-то техасский охотник-спортсмен примчался со сворой собак. Он целых три дня блуждал по милвиллским болотам, лишился одной собаки из-за гремучей змеи — и что же? Ни разу в жизни, скажу я тебе, не встречал я более рассерженного человека. Он решил, что его просто-напросто провели. Да так оно, пожалуй, и было на самом деле. Ведь никакого чудовища не было и в помине. Вспомни множество слухов о медведях и пумах, а ведь в наших краях лет сорок как перевелись и медведи, и пумы. Несколько лет назад какой-то дурак распустил байку о гигантской змее толщиной в бочонок и тридцать футов длиной. За ней охотилась половина округа.

— Ну да, конечно, большинство этих рассказов — чистейший вымысел, но Калеб Джонс сказал мне, что один из его парней видел эту тварь. Бог знает, что это такое: по виду то ли обезьяна, то ли медведь, но на самом деле ни то и ни другое. Мохнатая, и никакой одежды. Калеб считает, что это снежный человек.

— Ну, по крайней мере, это кое-что новенькое. На моей памяти еще никто не видел здесь снежного человека, хотя с Западного побережья поступало множество подобных сообщений. Для появления снежного человека здесь потребовалось какое-то время.

— Просто один из них мог забрести на восток,— предположил Хопкинс.

— Вполне возможно, то есть если таковые вообще имеются, в чем я сильно сомневаюсь.

— Ну, как бы там ни было, мне казалось, что надо сказать тебе, а то ты совсем отрезан от мира. Телефона нет, ничего нет, даже электричества.

— Да не нужны мне ни телефон, ни электричество. Единственное, что подкупает в электричестве,— это возможность подключить холодильник, а в нем я не нуждаюсь. Вполне обхожусь клетушкой, установленной над холодным ключом,— она ни в чем не уступает холодильнику: масло сохраняет там свежесть много недель. Что же до телефона, то он просто не нужен. Мне и говорить-то не с кем.

— Да уж, признаюсь честно, ты справляешься будь здоров даже без телефона и электричества. Устроился лучше большинства наших.

— Мои потребности всегда были невелики, вот и весь секрет. Просто потребности невелики.

— Пишешь новую книгу?

— Я всегда пишу новую книгу, Джейк. Всего-навсего записываю, что видел, что слышал и что обо всем этом думаю. Я буду заниматься этим, даже если мои книги всем наскучат. Я бы занимался этим, даже если б на свете не было книг.

— Ты много читаешь, больше всех.

— Пожалуй,— кивнул Ламберт.— Чтение доставляет мне удовольствие.

«И это действительно так,— подумал он.— Выстроившиеся на полке книги — это толпа друзей, даже и не книг вовсе, а мужчин и женщин, беседующих со мной вопреки разделяющим нас пространствам и временам». Ламберт прекрасно понимал, что его книги не войдут в число бессмертных творений, да и его самого переживут ненадолго, но иногда он тешил себя мыслью, что когда-нибудь, лет этак через сто неведомый потомок наткнется на его книгу, скажем, в букинистическом магазине, возьмет ее в руки и прочтет несколько абзацев. Быть может, она придется читателю настолько по душе, что он купит ее, унесет домой и поставит на полку; а со временем, глядишь, книга перекочует обратно в букинистический, чтобы дожидаться нового читателя.

«Странное дело,— думал он.— Я писал лишь о том, что под боком, о вещах, мимо которых большинство людей прошло бы, даже не заметив,— хотя мог бы писать о чудесах, отдаленных от Земли на многие световые годы, о диковинах, находящихся на иных планетах, кружащих вокруг иных солнц». Но

мысль писать о них даже не приходила в голову, ибо эти знания были его личным секретом, не предназначавшимся для посторонних; никому не дозволено вторгаться в существующую между ним и Филом эфемерную связь.

— Земле нужен дождь,— подал голос Хопкинс,— а то пастбища пропадают. Пастбище Джонса почти обнажилось, там уже не трава, а голая земля. Калеб две недели кормит скот сеном, и если не будет дождика, то через недельку-другую мне придется пойти по его стопам. На одном участке початки стоят того, чтобы их собирать, а остальное годится лишь на фураж. Чертовская нелепость, просто в голове не укладывается: работаешь, работаешь год за годом, высунув язык, чтобы в конце концов остаться ни с чем.

Они провели еще около часа в спокойной небрежной болтовне, как и положено деревенским жителям, для которых мелкие здешние проблемы куда важнее прочих. Потом Хопкинс распрощался, заставил мотор своей развалюхи на колесах неохотно затарахтеть и поехал прочь.

Когда заходящее солнце коснулось вершин холмов на западе, Ламберт ушел в дом, заварил кофе да отрезал себе пару ломтиков хлеба Кэти и изрядный кусок ее же пирога. Приготовив эту скромную трапезу, он уселся за кухонный стол, верой и правдой служивший ему всю его сознательную жизнь. В тишине кухни громко тикали старинные, переходившие из поколения в поколение часы. Слушая их тиканье, он понял, что часы олицетворяют собой дом. Их речь была речью самого дома, использующего ходики как средство общения. Собственно, даже не общения, а просто напоминания: мы здесь, мы рядом, ты не одинок. Так было всегда, но в последние годы между Ламбертом и домом возникло некое ощущение родства, порожденное, должно быть, их взаимной потребностью друг в друге.

Как ни прочно строил прадед Ламберта по материнской линии, дом нуждался в ремонте: пол скрипел и ходил под ногами, гонтовая кровля протекала в дождливую пору, украсив стены потеками, а возле задней стены дома, расположенной прямо у крутого склона холма, куда почти не доходили лучи солнца, постоянно пахло сыростью и плесенью.

«Но дом еще переживет меня,— думал Ламберт,— а больше ничего и не требуется. Как только меня не станет, некому

будет укрываться в его стенах. Дом еще достаточно крепок, чтобы пережить и меня, и Фила — хотя Филу это, пожалуй, без разницы. Там, среди звезд, он не нуждается ни в каком доме. Однако скоро он должен вернуться. Раз я стар, то и Фил не мальчик; жить нам осталось не так уж много. Странно, мы так схожи между собой, а прожили столь разные жизни. Фил странник, а я домосед; и вопреки столь противоречивым устремлениям оба мы нашли свое место в жизни и взяли от нее все, что хотели».

Покончив с едой, он снова вернулся во двор. За домом ветер посвистывал в ветвях могучих сосен. В этом лиственном краю хвойные деревья крайне редки; сосенки здесь посадил рядком тот самый прадед. «Надо же, какое упрямство и самонадеянность,— пришло в голову Ламберту,— взять да и посадить сосны у подножия холма, поросшего древними дубами и кленами! Будто хотели отделить дом от земли, на которой его возвели».

В кустах сирени у ворот вспыхивали последние огоньки светлячков, и первые козодои уже затянули в ложбинах свой плач. Меж легких облачков на небе проглядывало несколько звезд. До восхода луны оставалось не меньше часа.

На северном небосклоне вдруг вспыхнула яркая звезда, но, проводив ее взглядом, Ламберт понял, что это космический корабль, идущий на посадку в расположенный за рекой порт. Сияние угасло, затем разгорелось вновь и больше не меркло, пока не скрылось за горизонтом. Через мгновение докатился приглушенный расстоянием рев тормозных двигателей, потом угас и он, а Ламберт снова остался наедине с козодоями и светлячками.

В один прекрасный день на одном из таких кораблей прилетит Фил. Он придет, как всегда, не предупредив о возвращении и не сомневаясь в ожидающем его теплом приеме, размашисто шагая по дороге, переполненный впечатлениями и дивными повестями, и принесет в складках своей одежды невыветрившийся запах иных миров, а в кармане пиджака — какую-нибудь инопланетную безделушку в дар брату. А когда он вновь покинет дом, эта безделушка займет свое место среди прочих, принесенных раньше, на полке старого буфета в гостиной.

Было время, когда Ламберт хотел поменяться с Филом местами. Одному лишь Богу ведомо, как страстно он этого желал!

Но раз уж один брат ушел, то об уходе другого и речи быть не могло. Зато у Ламберта был законный повод гордиться — он никогда не проклинал Фила за такое решение. Слишком уж они были близки; места для ненависти просто не оставалось.

В соснах за домом кто-то возился. Должно быть, уже давненько — погрузившийся в раздумья Ламберт просто не обращал внимания на шорохи. Скорее всего, это енот, заглянувший сюда перед набегом на кукурузное поле у ручья, к востоку от участка Ламберта. Поживиться там будет трудновато, хотя для такого мелкого зверька корма вполне достаточно. Впрочем, один енот не может поднять столько шума — пожалуй, там их целый выводок, мать со щенками.

Наконец взошла луна, озарив своим сиянием огромный темный холм за домом. Хоть она и была на ущербе, но света давала вполне достаточно, чтобы развеять мрак. Позже в воздухе разлилась прохлада, даже летом стекавшая каждую ночь по ложбинам от ручья.

Ламберт потер занывшее колено, медленно встал и отправился в дом. На кухонном столе все еще горела оставленная с ужина лампа; теперь он взял ее, перенес в гостиную и поставил на стол рядом с креслом, решив: «Почитаю часок, а там и в постель».

Но стоило ему снять книгу с ближайшей от кресла полки, как раздался стук в дверь. Ламберт замешкался, и стук повторился. Положив книгу на стол, он устремился в кухню, но не успел сделать и двух шагов, как дверь распахнулась и на пороге показался человек. Ламберт замер и пристально уставился на неясный силуэт. Свет оставшейся в гостиной лампы почти не доходил сюда, и разглядеть что-либо было довольно трудно.

— Фил? — неуверенно спросил Ламберт, боясь, что все-таки обознался.

Человек подошел на пару шагов ближе.

— Да, Эд. Ты не узнал меня? Столько лет вместе, а ты меня не узнал!

— Тут так темно, что я просто боялся обознаться.

Ламберт шагнул вперед, протянув руку для рукопожатия, и Фил ответил тем же. Но когда их ладони встретились, рука Ламберта схватила пустоту.

Потрясение приковало его к месту, отняв дар речи. Слова замирали на губах, становясь бессмысленным лепетом.

— Спокойно, Эд,— сказал Фил.— Ну же, успокойся! Так оно всегда и бывало, ты вспомни. Так оно и должно быть — ведь я лишь тень, твое собственное отражение.

«Быть этого не может! — мысленно воскликнул Ламберт.— Он человек из плоти и крови и уж никак не соткан из теней».

— Призрак? — сумел выдавить он из себя.— Ты не можешь быть призраком!

— Да не призрак,— отмахнулся Фил,— а просто продолжение твоей личности. Ты наверняка и сам это знал.

— Ничего подобного. Ты мой брат Фил.

— Давай-ка перейдем в гостиную, сядем да потолкуем. Будь же рассудительным. Я опасался этого визита, потому что знал, что ты тут навоображал насчет брата. Ты ведь ничуть не хуже меня знаешь, что никакого брата и не было. Ты единственный ребенок в семье.

— Но в свои прежние визиты ты...

— Эд, я ни разу не бывал здесь прежде. Будь же честен перед самим собой и признайся, что я здесь не бывал. Видишь ли, я не мог вернуться, потому что тогда ты обо всем бы узнал, а до нынешнего момента — пожалуй, что и теперь — не стоило бы. Может, я вообще напрасно решил вернуться.

— Но ведь ты сам себя опровергаешь,— запротестовал Ламберт.— Ты говоришь о себе как о реальной личности.

— Да так оно и есть на самом деле, и такой личностью сделал меня ты. Тебе пришлось так поступить, иначе ты не смог бы уверовать в мое существование. Я действительно побывал в тех местах, о которых ты знаешь, и действительно делал то, что ты знаешь,— пускай не в точности, но в общих чертах так оно и было. Не сразу, но довольно быстро я стал отдельной личностью и во многих отношениях совершенно не зависел от тебя. Так давай же войдем и устроимся поудобнее. Давай покончим с этим. Позволь объяснить тебе, как обстоит дело. Хотя, если честно, ты сам должен объяснить это себе.

Ламберт развернулся и побрел заплетающейся походкой в гостиную, где на ощупь опустился в кресло под лампой. Фил остался на ногах, и, глядя на брата, Ламберт увидел, что Фил — его двойник, почти в точности повторяющий его: та же копна седых волос, те же кустистые брови, те же лучистые морщинки в углах глаз, те же черты лица.

С трудом приходя в себя, стараясь быть объективным, Ламберт предложил:

— Выпьешь кофейку, Фил? Кофейник на плите и еще не остыл.

— Я не могу ни пить, ни есть,— рассмеялся брат.— Как, впрочем, и многое другое. Мне даже не нужно дышать. Порой от этого несладко, но есть и свои преимущества. Там, среди звезд, мне даже придумали прозвище. Я стал легендой. Там очень много легенд, и большинство людей не верит в мое существование, но находятся и такие, что верят. Бывают люди, готовые поверить чему угодно.

— Фил, а как же тот день? Помнишь? Тогда в амбаре ты сказал, что покидаешь родные края, а я стоял на пороге и глядел тебе вслед.

— Ну конечно же, помню! Ты действительно смотрел мне вслед, но тогда ты знал, что видишь. Версия брата возникла позже — ты сделал меня своим близнецом, не так ли?

— Здесь был человек из университета, профессор психологии. Любопытствовал на твой счет. Он проводит какие-то исследования и потому полез в записи о рождении и заявил, что нет у меня никакого брата, а я сказал, что он неправ.

— Ты не сомневался в собственных словах, пребывая в полной уверенности, что брат существует. Это просто защитный механизм — в противном случае ты бы места себе не находил. Ты просто не в силах признать, кем являешься на самом деле.

— Тогда объясни ты, в чем тут штука.

— Это прорыв в будущее. Эволюционный скачок. У меня было вдоволь времени, чтобы поразмыслить над этим. Никаких сомнений. Мне нет резона таиться или приукрашивать голую правду, ведь я — конечный результат этого скачка, так что я здесь ни при чем. Это, так сказать, твоих рук дело. На мне вины нет, а вот ты, сдается, чувствуешь себя виноватым — иначе к чему втирать всем очки трепотней о милейшем братце Филе?

— Значит, эволюционный скачок... Вроде того, когда амфибии стали динозаврами?

— Ну, не так уж внезапно. Ты, конечно, слышал о людях, обладающих несколькими личностями и произвольно меняющих их туда-сюда без всякого предупреждения? Но тело, заметь,

всегда одно и то же. Ты читал об идентичных близнецах: одна личность в двух телах. А еще ходят россказни о людях, способных мысленно путешествовать в дальние края и впоследствии весьма точно изложить увиденное.

— Фил, но это же совершенно другое!

— Ты по-прежнему зовешь меня Филом?

— Черт побери, ты и есть Фил!

— Ну, раз ты настаиваешь... А знаешь, я даже рад остаться Филом. Значит, говоришь, это не то? Разумеется, не то — это следующий шаг, выход за пределы упомянутых мной способностей. Ты в состоянии расщепить свое «я» и отправить вторую часть странствовать саму по себе, создать новую личность, являющуюся отражением твоей собственной. Причем отражается не только сознание — возникает пусть не совсем, но почти новый человек. Именно эта способность, отличающая тебя от остальных, и заставила тебя обособиться от человечества, а ты не смог с этим смириться. Да и никто бы не смог. Ты не мог признаться даже самому себе, что рожден этаким уродом.

— Ты порядком пораскинул мозгами на эту тему.

— Да уж не сомневайся! Кто-то ведь должен был взять это на себя, а ты не мог — вот и пришлось впрягаться мне.

— Но я совершенно не помню об этой способности! Я по-прежнему ясно вижу, как ты уходишь по дороге, и не могу припомнить, когда это я чувствовал себя уродом.

— Естественно! Ты укрылся в защитной скорлупе, выстроенной столь быстро и основательно, что тебе удалось провести даже самого себя. Просто невероятно, с какой изощренностью люди предаются самообману!

Кто-то заскребся в дверь кухни, словно просящаяся в дом собака.

— Это Преследователь,— сказал Фил.— Впусти его.

— Но ведь Преследователь...

— Все в порядке, я беру его на себя. Этот ублюдок гоняется за мной уже не первый год.

— Ну, раз ты говоришь, что все в порядке...

— Да в порядке. Не волнуйся ты так! Он чего-то хочет, а у нас этого нет.

Ламберт вышел в кухню и распахнул дверь. Преследователь, даже не глянув на него, протиснулся мимо, влетел в гостиную, резко затормозил перед Филом и заорал:

— Наконец-то! Наконец я накрыл тебя в логове! Теперь ты от меня не уйдешь. Каким только унижениям не подвергался я из-за тебя: выучил твой омерзительный язык, дабы мы могли понять друг друга, гнался за тобой по пятам, но никогда не настигал. Надо видеть, как потешались приятели, относя мою одержимость тобой на счет крайней степени помешательства. А ты вечно опережал на полшага, в страхе удирая от меня, хотя бояться совершенно нечего. Я всего-то хотел поговорить!

— Я и не боялся,— возразил Фил.— Чего мне бояться? Ты не способен меня даже пальцем тронуть.

— Да-а?! А что же ты болтался снаружи корабля, когда внутри все пути бегства были перекрыты? Предпочел космический холод и вакуум, дабы не встречаться со мной! Да что ты за существо такое, если можешь пережить холод и пустоту пространства?!

— Я поступил так лишь единожды, да и то не для того, чтобы удрать от тебя. Просто мне было интересно, каково там снаружи. Мне хотелось добраться до межзвездных пространств, узнать их поближе, но так и не удалось. Честно говоря, когда удивление и ужас покинули меня, то и смотреть-то оказалось не на что! Я едва не умер со скуки, пока корабль не сел.

С виду Преследователь был зверем, но что-то в его осанке подсказывало, что это не просто зверь. Он казался гибридом обезьяны и медведя, но было в нем и нечто человеческое. Тело его покрывала шерсть, а одежда скорее походила на упряжь. А уж запах от Преследователя исходил такой, что прямо тошнило.

— Я гонялся за тобой много лет,— ревел он,— дабы задать простенький вопросик, и готов был хорошо платить, если бы ответ пошел мне на пользу. А ты вечно ускользал! Просто растворялся в воздухе, если некуда было податься. Ну ответь, почему? Почему нельзя было дождаться меня и поговорить? Ты вынуждал меня прибегать к уловкам и устраивать засады. Мне приходилось идти на достойные сожаления дорогостоящие махинации, дабы уяснить местоположение твоей планеты и твоего жилища,— но это дало мне возможность прибыть сюда и выжидать, чтобы накрыть тебя в логове. Ведь даже такой, как ты, рассуждал я, должен рано или поздно вернуть-

ся домой. В ожидании я рыскал по чащам, без всякого желания пугая местных обитателей, если они набредали на меня, и следил за твоим логовом, и выжидал, и видел этого второго тебя. Перепутал вас, но соответствующие наблюдения показали, что он — не ты. И вот ныне...

— Погоди-ка минуточку,— перебил его Фил.— Тут просто нечего объяснять.

— Нет, ты должен объясниться! Дабы настичь тебя, я был вынужден прибегнуть к мерзопакостным выходкам и ввергнут ими в глубины раскаяния. С закрытым забралом и нечестно. Зато мои наблюдения натолкнули меня на один вывод. Я убежден, что ты всего-навсего продолжение вот этого.

— А теперь ты хочешь знать, каким образом это сделано. Таков твой вопрос?

— Весьма признателен за подобную проницательность и избавление меня от необходимости спрашивать.

— Но сперва у меня есть вопрос к тебе. Если мы скажем, как это делается, если сможем ответить, а ты сумеешь обратить информацию себе на пользу — каким целям она послужит?

— Не мне. Точнее, не только мне — нашему народу, нашей расе. Видишь ли, я не смеялся над тобой, не называл тебя ни привидением, ни призраком. Я не столь наивен и узрел способности, каковые при правильном приложении...

— Хватит ходить вокруг да около,— не стерпел Фил.— Говори о своих целях.

— Интересы нашего народа,— сказал Преследователь,— сосредоточены в области искусства. Масса сил, масса времени и масса навыков уходит на обработку примитивными инструментами материалов, зачастую плохо поддающихся оной. А я понял, что каждый из нас может создать проекцию своей личности вовне и использовать второе «я» в качестве объекта творчества, ибо себя можно формировать как заблагорассудится, создавая беспредельно пластичные образы, переделывая их снова и снова, дабы достичь совершенства. И каждое произведение искусства не будет поддаваться ни разрушительному влиянию времени, ни злоумышленникам...

— И тебе ни разу не пришли в голову иные применения? — поинтересовался Фил.— Скажем, для военных целей, для краж...

— Ты бросаешь в лицо нашей благородной расе незаслуженный упрек,— с видом оскорбленной добродетели заявил Преследователь.

— Прости, если так. Я вел себя как невежа. Что же касается твоего вопроса, то мы просто не в состоянии ответить. То есть я-то уж точно, а как ты, Эд?

Ламберт покачал головой:

— Если вы оба говорите правду и Фил действительно является моим продолжением, то я должен признаться, что ни в малейшей степени не представляю, как это происходит. Если я и сделал это, то просто сделал, и все тут. Я не прибегал ни к каким манипуляциям, не выполнял никакого ритуала. Даже не представляю, в чем суть методики, если таковая имеется.

— Какая нелепость! — воскликнул Преследователь.— Ну хоть намек, хоть ключик какой-нибудь вы можете дать?

— Ладно,— подал голос Фил,— тогда я скажу, как этого добиться. Возьмите биологический вид, дайте ему пару миллионов лет на эволюцию — может, что и получится. Я подчеркиваю: может быть. Уверенности никакой нет. Надо подобрать подходящий вид, подвергнуть его соответствующему социальному и психологическому давлению, притом мозг его должен адекватно реагировать на это давление. И если все сойдется одно к одному, то в один прекрасный день один из представителей данного вида сможет проделать то же, что и Эд. Но способности одного индивидума вовсе не обязательно являются достоянием всего рода-племени. Быть может, это лишь случайный дар и больше он никогда и ни в ком не повторится. Насколько нам известно, прежде такого не бывало. А если и бывало, то втайне от всех — ведь и Эд скрывал свои способности даже от самого себя; он был вынужден, потому что человеческое воспитание относит подобные способности в разряд неприемлемых.

— Но ведь все это время,— не выдержал Преследователь,— год за годом он сохранял тебя таковым. Похоже, что...

— Нет,— отрезал Фил.— Ничего подобного. Как только он меня породил, я стал совершенно самостоятельным.

— Я чувствую, что вы говорите правду, ничего не утаивая,— с горечью признал Преследователь.

— Чувствуешь, как же,— фыркнул Фил.— Черт, да ты просто читаешь наши мысли, вот и все! Почему ж ты давным-давно не сделал этого, вместо того чтобы гоняться за мной по всей Галактике? Давно бы с этим и покончили.

— Где уж там,— упрекнул его Преследователь.— Ты минутки спокойно не стоял и не стал бы со мной беседовать. А та-

ковые мысли ты ни разу не посылал на передний план твоего сознания, посему прочесть я их не сумел.

— Извини, что все так обернулось. Но ты должен понять: раньше вступить в беседу я не мог — слишком уж увлекательно было бегать с тобой наперегонки. Ты придавал игре особый смак.

— Вы смотрите на меня и думаете, что я зверь,— натянуто произнес Преследователь.— В ваших глазах так оно и есть. Вы не видите во мне человека чести, существо высокой морали. Вы ничего не знаете о нас и не хотите знать. Вам просто наплевать. Вы высокомерны. Но пожалуйста, верьте, во всех сложившихся ситуациях я действовал сообразно принципам чести и в меру своих сил.

— Должно быть, вы устали и проголодались,— сказал Ламберт.— Вы усваиваете нашу пищу? Я могу поджарить яичницу с ветчиной, а кофе еще не остыл. Вот постель для вас. Оказать вам *гостеприимство* — большая честь.

— Спасибо за доверие и добрый прием,— кивнул Преследователь.— От этого становится — как это у вас говорится — теплее на сердце. Но миссия моя завершена, настала пора уходить. Я и так потерял слишком много времени. Быть может, доставите меня в космопорт?

— Увы, здесь я помочь не могу,— покачал головой Ламберт.— Дело в том, что машины у меня нет. Когда мне куда-нибудь нужно, я или клянчу ее у соседей, или иду пешком.

— Коли вы ходите пешком, то и я могу. До космопорта рукой подать. А через пару дней я найду корабль.

— Может, все-таки переночуете? А то идти в темноте...

— Темнота меня весьма даже устраивает,— ответил Преследователь,— ибо меньше шансов попасться кому-нибудь на глаза. Насколько я понял, инопланетяне в здешних местах почти не бывают, а пугать ваших добрых соседей мне бы не хотелось.

Он резко развернулся, вышел в кухню и направился к двери, не дожидаясь, пока Ламберт проводит его.

— Пока, приятель! — крикнул вслед Фил.

Не ответив, Преследователь громко хлопнул дверью.

Когда Ламберт вернулся в гостиную, Фил подошел к камину, оперся локтем о каминную доску и посмотрел на него.

— Ты, конечно, знаешь, что у нас проблемы?

— Не вижу ни одной,— пожал плечами Ламберт.— Ты ведь останешься, а? Не уедешь больше? Мы уже старики.

— Останусь, если хочешь. Я мог бы просто исчезнуть, рассеяться, как дым, будто меня и не было. Так было бы, наверное, лучше и гораздо удобнее для тебя. Мое присутствие может помешать. Я не ем и не сплю. Могу стать довольно плотным, но лишь с усилием и только на мгновение. В моем распоряжении достаточно энергии, чтобы выполнять определенные действия, но не очень долго.

— Давным-давно у меня был брат, и я хочу, чтобы он снова был со мной. После стольких лет разлуки я просто не в силах тебя отпустить.

Ламберт бросил взгляд на буфет и увидел, что все привезенные Филом из предыдущих странствий безделушки прочно стоят на своих местах.

Перед его мысленным взором встало яркое, будто это случилось только вчера, воспоминание: он застыл на пороге амбара, а Фил бредет по дороге, постепенно растворяясь в серой дымке измороси.

— Слушай, да присядь ты наконец,— сказал он брату,— и расскажи о том инциденте в системе Енотовой Шкуры. Конечно, в общих чертах я знаю, но сути так и не ухватил.

1

Эйнштейн не пришел. Это было необычно. Эйнштейн очень редко опаздывал или отсутствовал. Обычно он ждал, когда можно будет приступить к обучению, которое продолжалось уже в течение месяца. Джей Мартин предпринял новую попытку.

— Эйнштейн. Эйнштейн. Ты здесь?

Но Эйнштейна не было.

Консоль перед Мартином гудела, мерцали сенсоры. В отсеке царила тишина — технологическая пустота, изолированная от внешнего мира. Мартин протянул руку и поправил шлем.

— Эйнштейн. Эйнштейн. Где вы?

Первые ростки паники проклюнулись в сознании Мартина. Быть может, Эйнштейн решил отказаться от работы, посчитав ее бесполезной? И он (или она, оно, они?) просто ускользнул прочь, бросил его, окончательно потеряв надежду чему-то научить такого тупого и невежественного ученика, как он?

Что-то переместилось, в далекой пустоте раздался тихий свист. Странно, подумал Мартин, оно всегда появляется именно так — неприятное ощущение далекой пустоты. Ведь на самом деле не было ни расстояния, ни пустоты. Несущие волны защищены от любых ограничений электромагнитного спектра. Мгновенное действие, никакого отставания по времени, словно пространства, материи и времени попросту не существует.

— Эйнштейн? — спросил он, убежденный, что это не Эйнштейн.

Он не ощущал присутствия Эйнштейна, хотя и не сумел бы объяснить, как он его распознавал.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Вновь раздался тихий свист.

— Да,— сказал Мартин,— я здесь. Кто ты?

И голос (мысль? пульс? разум?) заговорил:

— Критическая точка,— сказал голос.

— Не понял. Критическая точка чего?

— Вселенной. Вселенная достигла критической точки. Наступила всеобщая смерть. Вселенная добралась до самой далекой точки. Теперь она заканчивается. Энтропия достигнута.

— Вы говорите странные вещи,— сказал Мартин.

— Вселенная всегда стремится к энтропии.

— Только не здесь,— возразил Мартин.— Здесь нет энтропии. Звезды все еще горят.

— У края. На внешней границе. Край вселенной достиг точки энтропии. Смерти тепла. Энергии нет. Начинается обратное падение. Она отступает.

Даль посвистывала. Пустота причитала.

— Вы на краю?

— Рядом с границей. Вот откуда мы знаем. Наши измерения...

Даль взвыла, заглушив последние слова.

— Как долго? — спросил Мартин.— Сколько осталось до конца?

— Столько, сколько прошло от начала времен. Наши подсчеты...

— Пятнадцать миллиардов лет,— сказал Мартин.

— Нам не понятны ваши единицы измерения.

— Не важно,— сказал Мартин.— Не имеет значения. Мне не следовало произносить эти слова.

— Какая досада! Какая ирония!

— Досада? И при чем здесь ирония?

— Мы так долго пытались. Все так долго пытались. Понять вселенную, а теперь у нас нет времени.

— У нас полно времени. Еще пятнадцать миллиардов лет.

— Возможно, у вас они есть. А у нас — нет. Мы слишком близко к краю. Мы попали в зону смерти.

Мольба о помощи, подумал Мартин. Жалость к себе. Он был потрясен: раньше они никогда не просили о помощи.

Собеседник Мартина перехватил его мысль.

— Нет, мы не просим помощи. О ней не может быть и речи. Это предупреждение.

Затем мысль исчезла. Даль и пустота несколько мгновений посвистывали, а потом наступила тишина.

Мартин, сгорбившись, сидел в отсеке, на его плечи навалились гигантские расстояния и пустота.

2

День для Пола Томаса начался неудачно.

Пронзительно заверещал сигнал связи.

— Слушаю,— сказал он.

Голос его секретарши произнес:

— Мистер Рассел хочет с вами поговорить.

Томас состроил гримасу.

— Пусть войдет.

Рассел — чопорный и педантичный — вошел в кабинет и уселся на стул, стоявший напротив письменного стола Томаса.

— Что я могу сегодня сделать для отдела исследований и разработки? — спросил Томас, опуская вежливые банальности.

Рассела они никогда не интересовали.

— Гораздо больше, чем вы делаете сейчас,— ответил Рассел.— Проклятье, Пол, мне известно, что вы по уши зарылись в информацию. Она копится и копится. Но мы ничего от вас не получаем вот уже шесть месяцев. Конечно, мне известны правила, но не слишком ли строго вы их придерживаетесь?

— Что вас интересует?

— Во-первых, проблемы перемещений со скоростями, превышающими скорость света. Мне известно, что Мартин...

— Мартин продолжает над этим работать.

— Но у него уже должно что-то быть. Ведь он не только превосходный телепат, но и первоклассный астрофизик.

— Это правда,— не стал возражать Томас.— Нам редко удается заполучить таких людей, как он. Чаще всего попадаются парни с фермы или девушки, работающие в универсальных магазинах. Мы курируем несколько специальных программно...

— Только не надо уводить разговор в сторону, Пол. Мои люди с нетерпением ждут возможности начать работу над БСС*. Мы знаем, что у вас кое-что есть.

---

* Больше Скорости Света. *(Прим. пер.)*

— Самое смешное, что тут вы ошибаетесь.

— Мартин уже несколько месяцев этим занимается.

— Да, занимается. И ничего не понимает. И мы оба начинаем думать, что он неподходящий человек для решения подобных задач.

— Неподходящий человек? Астрофизик?

— Бен, возможно, дело вовсе не в физике.

— Но он вывел уравнения.

— Уравнения — да. Но они не имеют смысла. Вопреки распространенному мнению сами по себе уравнения не обладают магией. В них должен присутствовать смысл, а в этих нет ни малейшего. Джей думает, что они не имеют отношения к физике.

— Не имеют отношения к физике? А к чему же тогда?

— Вот в этом-то и состоит наша главная проблема, Бен. Мы с вами уже множество раз говорили об этом. Однако вы не хотите понимать. Или отказываетесь. Или слишком упрямы, чтобы позволить себе понять. Мы имеем дело не с людьми. Я это сознаю, и наши сотрудники — тоже. А вы не желаете меня услышать. Вы принимаете народ, живущий среди звезд, за необычных людей. Я не знаю, никто не знает, кто они такие на самом деле. Известно лишь, что их нельзя назвать людьми, даже *необычными.*

Мы прикладываем огромные усилия, пытаясь разобраться в проблеме. И вовсе не из-за неуемного любопытства, а потому, что тогда нам будет легче с ними работать. Но пока у нас нет ни малейшего представления. Вы меня слышите? Ни малейшего представления! Хал Роллинс говорит с кем-то — он полагает, что с роботом, необычным, конечно, но и тут полной уверенности у него нет. Никто ни в чем не может быть уверен.

К тому же в этом нет особой необходимости.

Они принимают нас, мы принимаем их. Мы проявляем терпение, и они относятся к нам терпимо. Возможно, даже в большей степени, чем мы, поскольку знают, что мы впервые используем новый вид связи. Наш образ мыслей не имеет ничего общего с их мышлением, но мы пытаемся понять друг друга. Никто из них не думает так, как мы, никому из нас не удается думать так, как они. Мы столкнулись с незнакомым нам видом разумной жизни, а у них аналогичные пред-

ставления о нас — и это единственное, что можно утверждать с уверенностью. Но мы — все мы — принадлежим к братству разумных существ и изо всех сил стремимся к взаимопониманию: беседуем, сплетничаем, учим, учимся, обмениваемся информацией и идеями.

— Вечно вы потчуете меня каким-то вздором,— сердито проворчал Рассел.— Мне плевать на ваши философствования. Я хочу получить информацию и начать работать. Мы с вами заключили соглашение: в случае появления какой-либо обнадеживающей информации вы немедленно передаете ее нам.

— Однако окончательное решение принимаю я,— прервал его Томас.— Иначе и быть не может. В полученных нами сведениях есть некоторые сложности...

— Сложности, черт вас побери?!

— А что вы делаете с тем, что мы вам уже передали? Мы рассказали вам об искусственных молекулах. И чего вам удалось добиться?

— Мы над этим работаем.

— Значит, работайте упорнее. Прекратите жаловаться и добейтесь результатов. Мы оба знаем, как это важно. При помощи новых идей мы сможем переделывать любые материалы, создавать любые структуры. Мы построим такой мир, какой только пожелаем и обеспечим его всем необходимым: пищей, металлами, тканями...

— Разработка таких глобальных открытий требует времени,— начал оправдываться Рассел.— Не нужно кипятиться.

— Мы дали вам информацию о замене клеток. Инструмент, необходимый для победы над болезнями и старостью. Если довести эти идеи до конца, мир станет бессмертным — если, конечно, мы захотим жить в таком мире и почувствуем в себе силы его контролировать. И что вы сделали в этом направлении?

— Мы продолжаем работать. Но требуется время.

— Мэри-Кей нашла то, что может стать идеальной религией. Она даже думает, что сумела обнаружить Бога. Иногда ей кажется, что она говорит с Богом. Что вы скажете по этому поводу?

— Оставьте Бога себе. Мы хотим БСС.

— Вы не получите БСС до тех пор, пока мы не будем знать больше. Как вы правильно сказали, у нас накопился колоссальный объем информации...

— Отдайте ее мне. Пусть мои ребята над ней поработают.

— Нет. Мы должны получить более четкое представление о БСС. По правде говоря, Бен, то, что мы уже знаем, несколько пугает...

— В каком смысле?

— Во всем этом есть нечто неправильное. Что-то здесь не так. Вы должны нам верить.

— Послушайте, Пол. Мы долетели до Центавра. Доползли до него. Ушли годы, чтобы туда добраться. И годы на возвращение. Но нам ничего не удалось там найти. Проклятье, ничего! С тем же успехом мы могли бы сидеть дома. Неудача поставила крест на межзвездных путешествиях. Народ не позволит повторить эксперимент. Срочно необходимо достичь успеха с БСС — в противном случае нам не видать звезд, как своих ушей. А теперь мы знаем, что БСС существует. Но вы не хотите поделиться с нами.

— Как только мы получим хоть что-нибудь определенное, сразу же передадим вам все данные.

— А почему бы не позволить нам взглянуть на то, что у вас есть? Если данные и в самом деле не поддаются пониманию, мы вам их вернем.

Томас покачал головой.

— Ни в коем случае.

3

Слов не было, хотя и возникало ощущение непроизнесенных слов. Не было и музыки, но возникало ощущение музыки. Не было пейзажа, но накатывало ощущение стройных деревьев, грациозно раскачивающихся на ветру, аккуратных лужаек, окружающих величественные здания, журчащего ручейка, блистающего в лучах невидимого солнца, озера, покрытого белыми барашками бегущих волн. Никакой реальности, но глубокая вера, что расколотая реальность таится где-то рядом, за углом, готовая вырваться наружу.

Мэри-Кей погрузилась в эту реальность, позволив ей окутать тело. «На этот раз,— подумала она,— вот сейчас, пожалуйста, Господи, пусть там будет то, что я сумею понять». Но, очутившись внутри, Мэри уже не жаждала найти там что-либо стоящее. Достаточно было и этого. Нет смысла чего-то

желать, к чему-то стремиться. Душа наполнилась до самого края, а разум исчез.

На миг появилась одинокая человеческая мысль: «Настанет день — и я это получу, настанет день — и появится информация. Настанет день — и я узнаю крупицу правды».

А потом мысль исчезла. Нет никакой нужды знать. Важно лишь существовать — и ничего более.

Она перестала быть человеком. Она вообще перестала быть кем-либо или чем-либо — и просто существовала, лишившись всего, кроме внутреннего ядра сознания. У нее больше не было тела и разума. Интеллект улавливал только удивление и ошеломляющее счастье, невинную чувственность, бессмысленную радость существования и опьянение от самого факта пребывания здесь. Где бы это место ни находилось. Ее даже не волновало, где оно. Ей было все равно.

Долг и воля слабо сопротивлялись беспечности.

— Но почему? — воскликнула она.— Почему вы мне лишь показываете? Почему ничего не объясняете? Я разумна. Я хочу знать. Я имею право знать.

— Ш-ш-ш-ш.

Шорох, колыбельная. Сопереживание. Нежность.

А потом святость.

И она полностью погрузилась в святость.

4

«Они смотрят на меня»,— подумал Томас. В этом и заключалось его проклятие: они смотрят на него и ждут руководства и утешения, а ему нечего им сказать. Они находились там, на линии огня, а он оставался здесь, в безопасности, и ему было необходимо хоть что-то им предложить. Но сколько Томас ни пытался, он понимал, что у него ничего нет. И каждый из них остро чувствовал окружающую реальность — ведь в противном случае они не были бы телепатами.

Требуется мужество, подумал он, необычайное мужество, чтобы погрузить свое сознание в безбрежный космос — туда, где время и пространство сжаты или вовсе перестали существовать. Даже зная об этом, понимая, что пространство-время отброшено в сторону, необходимо всегда ощущать его присутствие, и рядом всегда будет таиться страх, что твое существо может быть в любое мгновение похищено и навеки затеряется в самых темных потоках.

А еще нужно обладать особой смелостью, чтобы встретиться с другим разумом, который может находиться всего в нескольких световых годах или в миллионах световых лет от тебя, и с враждебностью, невероятно преумноженной этими световыми годами. Но труднее всего понять, что ты здесь лишь посторонний, новичок, жалкий провинциал, нижний конец тотемного столба. И противостоять желанию скрыться и принести извинения даже в тех случаях, когда на то нет никаких причин. Ты точно ребенок, попавший из детского сада в школу, где старшие ученики возвышаются над тобой подобно богам.

Томас встал из-за письменного стола и подошел к окну. Снаружи расстилалась пустыня, отчужденная и равнодушная, вздыбленные ветром кучи песка, враждебные голые скалы. «Неужели нельзя было выбрать более подходящее место для нашего института? — подумал он.— Среди зеленых лужаек и деревьев, где журчат ручьи, и можно гулять по лесным тропинкам». Но для административного разума пустыня казалась оптимальным выбором. Огромные расстояния и открытые пространства служили защитой от любопытных, которые в противном случае толпами бродили бы вокруг и мешали работе. Нет, их проект не был секретным, но о нем мало рассказывали общественности, надеясь, что со временем интерес публики упадет и в конце концов наступит момент, когда все о нем забудут.

Жуткое дело — слишком жуткое, чтобы сообщать подробности. Попытки читать далекие разумы вселенной всегда вызывали дрожь и трепет. Люди не смогут спокойно спать, зная о том, что здесь происходит.

«Что же случилось с людьми? — спросил себя Томас.— Неужели они не понимают, что этот проект — главная надежда человечества? В течение тысяч лет оно одиноко продвигалось вперед, нянчилось с предрассудками, совершало и умножало ошибки, вместо того чтобы их исправить, творило несправедливости... Необходимы новая кровь, новое мышление — и позаимствовать их можно только у других культур, живущих среди звезд. В процессе взаимного обогащения блуждающее во тьме человечество обрело бы наконец новые цели».

Коробочка на его столе зачирикала. Томас отошел от окна и нажал на кнопку.

— В чем дело, Эвелин?

— Вам звонит сенатор Браун.

— Благодарю.

Сейчас ему совсем не хотелось беседовать с сенатором.

Он уселся к кресло и включил панель визора. На экране появилось продолговатое лицо сенатора — аскетичное, морщинистое и напряженное.

— Сенатор,— приветствовал его Томас,— как мило, что вы позвонили.

— Мне захотелось поболтать с вами,— сказал сенатор.— Мы так давно не имели такой возможности.

— Да, вы правы.

— Как вам, вероятно, известно,— продолжал сенатор,— бюджет вашего проекта будет обсуждаться через несколько недель. Однако я не в силах получить хоть что-нибудь от этих болванов, которые руководят вами из Вашингтона. Они говорят о знаниях как о самом ценном товаре. Они утверждают, что их рыночную стоимость оценить невозможно. И я хотел бы узнать, согласны ли вы с ними.

— Пожалуй, да,— ответил Томас.— Но подобные заявления, на мой взгляд, носят слишком общий характер. Существуют многочисленные побочные источники дохода. Полагаю, они рассказали вам о них.

— Конечно,— кивнул сенатор.— Они с особым удовольствием распространялись на эту тему.

— Тогда чего же вы хотите от меня?

— Реализма. Всего лишь старомодного реального подхода. Трезвой оценки.

— Я слишком тесно связан с процессом. Мне трудно относиться к нему объективно.

— Тем не менее постарайтесь. Это не для протокола — только между нами. Если потребуется, мы вас вызовем для дачи показаний. А сейчас скажите, насколько велики шансы путешествовать в будущем со скоростями БСС?

— Мы над этим работаем, сенатор. Однако у меня создается впечатление, что предстоит проделать еще очень долгий путь. Полагаем, что дело тут не в физических процессах.

— А в чем?

— Пока мы толком ничего не знаем, могу лишь сказать, что речь идет о вещах совершенно для нас новых. Сам процесс, техника, а возможно, и состояние ума выходят за рамки человеческого опыта.

— Ну, это, знаете ли, чересчур запутанное объяснение. По-моему, вы мне голову морочите.

— Вовсе нет, сенатор. Просто я вынужден признать ограниченность возможностей человеческой расы. Разумно предположить, что одна раса, на одной планете не способна постичь всю вселенную.

— У вас есть какие-то факты, подтверждающие эти гипотезы?

— Да, сенатор, у нас есть такие факты. В течение последних нескольких месяцев один из наших операторов пытается объяснить существу, с которым он контактирует, принципы нашей экономической системы. Задача оказалась чрезвычайно сложной. Даже самые элементарные понятия — такие как купля и продажа, предложение и спрос — очень трудно объяснить. Эти ребята — кем бы они ни были — не имеют ни малейшего представления о существовании экономики нашего типа, а если быть совсем точным, они вообще не понимают, что такое экономика. Более того, некоторые наши идеи кажутся им абсолютно невероятными и повергают их в ужас.

— Тогда зачем их излагать?

— Затем, что они спрашивают. Возможно, то, о чем мы рассказываем, не только пугает их, но и завораживает. Пока они проявляют интерес, мы будем с ними работать.

— Насколько я знаю, запуская проект, мы никому не собирались помогать.

— Но это улица с двусторонним движением,— возразил Томас.— Они помогают нам — мы помогаем им. Они учат нас — мы учим их. Идет свободный обмен информацией. Мы вовсе не альтруисты. Наш расчет состоит в том, чтобы в процессе объяснения этим существам принципов нашей экономики узнать кое-что и от них.

— Например?

— Например, пути модификации нашей экономической системы в лучшую сторону.

— Томас, на создание нашей экономической системы мы потратили пять или шесть тысяч лет.

— Из чего вовсе не следует, сенатор, что она совершенна. В процессе ее формирования допущено немало ошибок.

Сенатор фыркнул.

— Иными словами, речь опять идет о долговременном проекте?

— Наша работа по большей части рассчитана на значительное время. Почти все, что удается получить, трудно использовать сразу же.

— Мне это не нравится,— проворчал сенатор.— То, что я сейчас услышал, меня абсолютно не устраивает. Я просил вас рассказать о конкретных вещах.

— А я и говорю о конкретных вещах. И могу весь день рассказывать вам о них.

— Вы занимаетесь этим бизнесом уже двадцать пять лет?

— Для такой работы двадцать пять лет совсем небольшой срок.

— Вы утверждаете, что вам не удается получить БСС, но при этом тратите время на обучение экономике всяких болванов, которые даже не понимают, о чем вы говорите.

— Мы делаем все, что в наших силах,— сказал Томас.

— Но этого недостаточно,— возразил сенатор.— Налогоплательщикам надоело финансировать ваш проект. Они с самого начала не выражали особого восторга по поводу его открытия: боялись возможных последствий. Вы можете сделать ошибку и выдать инопланетянам наше местонахождение.

— Никто не спрашивал нас о том, где мы находимся.

— Но у них могут быть свои способы выяснить это.

— Сенатор, вы извлекли на свет древнее пугало, о котором уже давно следовало бы забыть. Никто не собирается на нас нападать. Никто не намерен захватить Землю. В целом речь идет о разумных и, полагаю, благородных существах. Но даже если я ошибаюсь, то, что есть у нас, не стоит их усилий и времени. Речь идет только об информации. Мы хотим получить сведения от них, а они стремятся узнать что-то новое от нас. Информация дороже любого другого товара.

— Мы вернулись к исходной точке.

— Черт побери, сенатор, но суть именно в этом.

— Надеюсь, вы не станете жертвой жуликов.

— Ну, придется рискнуть, однако я очень сомневаюсь в вероятности такого варианта. Как у руководителя этой части проекта, у меня есть возможность...

Сенатор не дал ему договорить.

— Продолжим наш разговор в другой раз.

— В любое время,— ответил Томас, стараясь сохранить вежливый тон.— Буду ждать с нетерпением.

5

Они по обыкновению собрались в гостиной, чтобы выпить перед обедом.

Джей Мартин рассказывал о том, что произошло за день.

— Это меня потрясло,— говорил он.— Послышался голос, и доносился он издалека...

— А как ты определил, что голос доносился издалека? — перебил его Томас.— Ну, пока они тебе сами не рассказали?

— Я знал,— ответил Мартин.— Я всегда чувствую. Расстояние имеет определенный запах.

Он быстро наклонился вперед и, едва успев вытащить носовой платок, оглушительно чихнул. Потом снова выпрямился и вытер слезящиеся глаза.

— У тебя опять аллергия,— заметила Мэри-Кей.

— Прошу прощения. Проклятье, откуда в пустыне пыльца? Здесь только полынь и кактусы.

— Возможно, это не пыльца,— предположила Мэри-Кей,— а плесень или перхоть. У кого-нибудь есть перхоть?

— Аллергии на человеческую перхоть не бывает. Только на кошачью,— заявила Дженни Шерман.

— У нас нет кошек,— напомнила Мэри-Кей.— Значит, и кошачьей перхоти быть не может. А ты уверена насчет человеческой перхоти, Дженни?

— Уверена,— кивнула Дженни.— Я где-то читала.

— Ты когда-нибудь обращался к врачу? — спросил Томас.

Мартин покачал головой и вновь приложил платок к глазам.

— А следовало бы,— сказал Томас.— Ты должен сделать тесты на аллергию. Серию тестов, которые позволят выявить ее причину.

— Лучше расскажи нам о том парне, который предупредил нас о наступлении конца света,— попросил Ричард Гарнер.

— Нет, речь шла не о конце света,— уточнил Мартин.— А о гибели вселенной. Такое впечатление, что они сами только что об этом узнали и он спешил нас предупредить. Как цыпленок из сказки, который кричал, что небо падает. Мы поговорили с минуту, а потом он исчез. Наверное, отправился предупредить других. Старался добраться до всех. И он был взволнован. Словно времени осталось совсем мало.

— Возможно, он пошутил,— предположила Дженни.

— Не думаю. Это совсем не походило на шутку. Мне кажется, они никогда не шутят. Во всяком случае, мне ни разу не доводилось слышать, чтобы они шутили. Возможно, лишь мы наделены чувством юмора. А кто-нибудь из вас может вспомнить, чтобы кто-то из них пошутил?

Все покачали головами.

— И вам весело! — воскликнула Мэри-Кей.— А мне вот совсем не смешно. Разумные существа находятся где-то на границе, в течение долгого времени пытаясь понять вселенную, и тут появляется кто-то и сообщает, что вселенная вот-вот умрет, а те, кто находятся у края, исчезнут первыми. Может быть, они были близки к разгадке. Может быть, им оставалось всего несколько лет, а теперь у них совсем нет времени.

— Но разве такое возможно? — спросил Хал Ролинс.— Джей, ты же физик. Ты должен знать.

— У меня нет уверенности, Хал. Мы слишком мало знаем о строении вселенной. Могут существовать некие условия, о которых нам ничего не известно. Энтропия обладает свойством распространения, так что общая энергия термодинамической системы распределяется настолько равномерно, что не остается свободной энергии для произведения работы. Конечно, здесь такие условия не имеют места. А на краю вселенной — кто знает? Энергия и материя там должны быть очень древними. Или нет? Господи, я не знаю. Я говорю о том, о чем никто не имеет понятия.

— Но ведь тебе в конце концов удалось связаться с Эйнштейном,— напомнил Томас.

— Да, но не сразу — он появился позже.

— Что-нибудь еще?

— Нет, больше ничего не меняется. Проходит некоторое время, и мы оба устаем. И начинаем говорить о чем-нибудь другом.

— И как часто это случается?

— Довольно часто. Сегодня мы говорили о домах. Во всяком случае, мне так показалось. Насколько я понял, они живут в неких подобиях пузырей. Мне отчего-то вдруг представилась огромная паутина... Как вы думаете, Эйнштейн может оказаться пауком?

— Все возможно,— ответил Томас.

— Одного я никак не могу понять,— заявил Мартин.— Почему Эйнштейн продолжает входить в контакт именно со мной?

Он изо всех сил пытается объяснить принципы БСС, а я из кожи вон лезу, стараясь их постичь, но у меня ничего не получается. Клянусь, за все это время мне не удалось продвинуться ни на шаг. Но он не сдается. И я теряюсь в догадках: зачем ему это?

— У меня иногда возникает странное чувство,— сказал Гарнер,— что с нами говорят вовсе не разные люди. Да, каждый из них — индивид, но все принадлежат к одной культуре, к одному обществу.

— Не могу с тобой согласиться,— возразила Дженни Шерман.— Мой собеседник — личность. Настоящая индивидуальность. И он очень заметно отличается от всех тех, с кем общаетесь вы. Мой собеседник поглощен мыслями о смерти...

— Какая скорбная тема,— перебил ее Роллинс.— Однако ты уже рассказывала нам о нем. Все время говорить о смерти...

— Да, сначала на меня это производило гнетущее впечатление,— призналась Дженни,— но теперь все изменилось. Он построил на смерти целую философию. И иногда смерть даже кажется прекрасной.

— Упадническая раса,— заметил Гарнер.

— Вовсе нет. Поначалу я тоже так думала,— сказала Дженни.— А потом изменила свою точку зрения. Он говорит о смерти с искренней радостью, он полон счастья.

— Смерть, Дженни, не может приносить радость или счастье,— обернулся к ней Томас.— Мы с тобой говорили на эту тему. Быть может, тебе следует положить конец вашим беседам. И выбрать кого-нибудь другого.

— Я так и сделаю, если ты будешь настаивать, Пол. Но у меня такое чувство, что из этого может что-нибудь выйти. Новое понимание, философия, какие-то новые подходы. Ты ведь не просматривал полученную информацию?

Томас покачал головой.

— Я не могу ничего объяснить,— вздохнула она.— Но в глубине души абсолютно уверена.

— На данном этапе мне этого достаточно,— не стал спорить Томас.

— Меня смущает то же, что и Джея,— вмешался Роллинс.— Что они получают от общения с нами? Почему не прерывают контакты? Мы ведь ничего им не даем.

— Сейчас в тебе говорит чувство вины,— ответил Томас.— Возможно, мы все испытываем нечто похожее. Но нам следует

избавиться от этого чувства. Стереть его из сознания. Нас преследует мысль, что мы новички в огромном чужом мире и пока находимся в самом начале пути, что мы только берем, ничего не давая взамен. Однако это не совсем так. Дик уже несколько недель пытается объяснить им, как устроена наша экономика.

Гарнер состроил гримасу.

— Я лишь пытаюсь — и не более того. Стараюсь найти основу для общего подхода. Оперирую простейшими понятиями. Каждое формулирую медленно, не торопясь. Печатаю заглавными буквами. Но они ничего не понимают. Словно сама идея экономики представляется им чуждой. Создается впечатление, что я рассказываю им о чем-то тошнотворном. Но как может развиваться цивилизация, лишенная экономической системы? Я не в состоянии себе такое представить. У нас экономика, что называется, в крови. Без экономической системы мы ничто. Ее разрушение немедленно породит хаос.

— Может быть, у них и царит хаос,— сказал Роллинс.— Возможно, хаос для них форма жизни. Никаких правил, никаких законов. Впрочем, вряд ли. Нет, такое положение выше нашего понимания, оно представляется нам таким же невозможным, как им наша экономика.

— У всех нас есть области, в которых мы слабо разбираемся,— заметил Томас.— И сейчас мы начинаем это понимать.

— Нам стало бы намного легче, сумей мы помочь хоть кому-то из них,— заявил Мартин.— Мы бы почувствовали, что исполнили свой долг, стали равноправными членами сообщества.

— Но мы совсем недавно в него вошли,— напомнил Томас.— Такое время обязательно придет. А как у тебя дела с роботом, Хал?

— Будь я проклят, если знаю,— ответил Роллинс.— Я ничего не могу от него добиться. Ничего не понимаю. Он робот — или какая-то компьютерная система — в этом я совершенно уверен. Так или иначе, но он непрерывно говорит. Он выдает потоки информации, бо́льшая часть которой тривиальна, и она течет безостановочно. Он никогда ни на чем не задерживается подолгу. Начинает о чем-то рассказывать, а потом вдруг перескакивает на другую тему, никак не связанную с предыдущей. Такое впечатление, что его базы данных переполнены и он пытается избавиться от всего лишнего. Как только мне

удается выявить нечто интересное, я пробую вмешаться, задать уточняющие вопросы.

По большей части ничего у меня не получается, но удача все же изредка улыбается. Однако в таких случаях он проявляет нетерпение. Быстро прекращает дискуссию и возвращается к монологу. Бывают моменты, когда возникает ощущение, что он говорит не только со мной, но и с множеством других людей. У меня даже появилась мысль, что для бесед со мной он использует какую-то одну из линий, а по другим продолжает говорить с остальными.

Томас поставил пустой стакан на стол и поднялся на ноги.

— Пора перейти в обеденный зал,— сказал он.

6

Роберт Аллен, психиатр проекта, грел в ладонях бокал с бренди.

— Вы передали, что хотите со мной поговорить, Пол. Появились какие-то новости?

— Нет, пожалуй,— ответил Томас.— Во всяком случае, я не могу сказать ничего конкретного. Возможно, виной всему неудачный день, вот и все. Бен Рассел давит на меня, заявляет, что мы скрываем от него важные сведения.

— Он постоянно твердит об этом.

— Да, знаю. Наверное, на него тоже давят. А он, в свою очередь, предъявляет претензии мне. Механизм обратной связи. Защитная реакция. Он недоволен тем, что мы не передаем ему данные по БСС.

— А у нас есть что передать?

— Кое-что есть. Несколько уравнений, лишенных смысла. Я не представляю, как Джей все это выдерживает. У него опять началась аллергия.

— Напряжение,— ответил Аллен.— Разочарование. Вот возможные причины аллергии.

— А позже позвонил Браун,— продолжал Томас.

— Сенатор?

— Сенатор. Опять из-за БСС. Он атаковал меня со всех сторон. Опять встает вопрос о бюджете.

— Путешествия со скоростями, превышающими скорость света... Да, администраторы понимают толк в такого рода вещах,— сказал Аллен.— Техническое обеспечение...

— Боб, я не уверен, что речь идет о технике. Вполне возможно, что это нечто другое. Не забывайте: Джей — астрофизик. И будь проблема чисто физической или физико-технической, он бы их понял.

— Может быть, физика физике рознь?

— Я так не думаю. Основные законы физики не могут различаться. Они остаются постоянными для всей вселенной.

— Вы в этом уверены?

— Полной уверенности у меня нет. Но логика отрицает...

— Пол, вы слишком болезненно все воспринимаете. На вашем месте я не стал бы обращать внимание на шум вокруг БСС. Подобные вещи периодически возникают, а потом о них забывают.

— Я не могу закрыть на это глаза,— покачал головой Томас.— Во всяком случае, сейчас. Браун полон решимости до нас добраться. Он теряет рычаги управления, и ему необходима новая точка опоры. Ее нужно найти. Давайте посмотрим на происходящее с иной стороны. Мы здесь находимся уже двадцать пять лет, тратим деньги налогоплательщиков, которые можно использовать на другие нужды. Общественность выступает против такого подхода. Люди настроены против нас, у них давно формируется уверенность, что им навязывают нечто такое, в чем они вовсе не нуждаются. Они никогда нас не поддерживали. Мы не только дорого стоим, но и являемся источником опасности. Что будет, если наше местонахождение будет установлено и какие-нибудь варварские кровожадные чудовища нападут на обитателей планеты? А вдруг мы найдем нечто такое, что перевернет все с ног на голову и кардинально изменит привычные концепции?

— Вы хотите сказать, что он готов покончить с проектом только ради победы на выборах?

— Боб, вы не знаете политиков. Я уверен, что Браун готов на это пойти. Даже если бы верил в нас. А у меня возникло ощущение, что он не верит в успех дела, которым мы занимаемся. Если он уничтожит проект, то станет настоящим героем. Нам необходимо что-то сделать, продемонстрировать какие-то серьезные результаты... В противном случае он с нами покончит.

— Но у нас есть и сторонники,— возразил Аллен.— За нами стоят крупные политические фигуры, которые твердо высказались за продолжение исследований. Хорошие и разумные люди.

— Хорошие и разумные люди обычно не имеют шансов в борьбе с демагогами. Есть только один способ победить Брауна: сделать так, чтобы ему стало выгодно нас поддерживать.

— Чем я могу помочь, Пол?

— Честно говоря, сам не знаю. Психиатр в качестве политического советника? Нет, пожалуй, нет. Наверное, мне просто хотелось поделиться с вами возникшими проблемами.

— Пол, вы не стали бы меня вызывать ради разговора о БСС. Это административный вопрос. Вы в состоянии справиться с ним и без меня. Да и помощь в борьбе с политиками вам не нужна. Вы прекрасно знаете, что в этой сфере я как ребенок. Тут что-то другое.

Томас нахмурился.

— Это трудно сформулировать... Меня что-то тревожит. Но что конкретно — сказать не могу. Нечто расплывчатое... Сегодня Дженни... Вы знаете Дженни?

— Да, маленькая угонщица автомобилей, которую мы нашли несколько лет назад. Симпатичная девушка. И умная.

— Сегодня Дженни, рассказывая о своих контактерах, вновь упомянула о том, что они постоянно говорят о смерти. Пару раз она уже беседовала со мной на эту тему. У нее было ужасное настроение. Она боялась. В конце концов, смерть — скверная штука. Она просила разрешения сменить контактеров, попытаться найти кого-нибудь другого. Но я посоветовал ей поработать с ними еще некоторое время. Ведь никогда не знаешь, что может произойти.

А сегодня, когда я предложил ей прекратить наконец все контакты с ними, она воспротивилась такому решению и заявила, что нужно побыть с ними еще немного. Дженни считает, что из этого общения может получиться новая интересная философия. Мне кажется, она чего-то не договаривает.

— Вполне вероятно, что они беседуют не только о смерти,— предположил Аллен.— Возможно, речь идет о том, что происходит после.— если, конечно, после смерти нас вообще что-то ждет.

Томас с удивлением посмотрел на психиатра.

— У меня возникла такая же мысль, но с одной оговоркой. Если после смерти ничего не происходит, то ее депрессия должна была усилиться. Полагаю, изменение настроения Дженни в лучшую сторону объясняется только одним: ее контактеры верят, что после смерти что-то есть. Возможно, у них даже

имеются доказательства. Нет, речь не о вере и религиозных убеждениях: Дженни реалистка и не поддается иллюзиям. Ее не соблазнить тривиальными рассуждениями. За этим стоит нечто большее.

— Вы можете запросить информацию и изучить ее.

— Нет, не могу. Пока нет. Она узнает. Тем самым я суну нос в ее личный проект. Мои операторы очень ревностно относятся к собственным банкам информации. Необходимо дать ей время. Она сама скажет, когда появятся результаты и будет что показать.

— Мы должны постоянно иметь в виду,— сказал Аллен,— что от чужаков к нам приходят не просто слова и идеи. Они передают и нечто другое — то, что операторы ощущают, формулируют и сохраняют в виде информации: страхи, надежды, ощущения, остаточные воспоминания, философские положения, моральные оценки, потребности, горести...

— Да, вы правы,— согласился Томас,— эти чувства не попадают в наши банки данных. Имей мы их в своем распоряжении, в каком-то смысле нам было бы легче, но в то же время это усложнило бы работу.

— Пол, я знаю, что человек, оказавшийся в вашем положении, зачастую теряет душевный покой и даже ставит под сомнение целесообразность проекта. Но вам следует помнить, что проект продолжается лишь немногим больше двадцати лет. И за такой короткий промежуток времени мы добились многого.

— На самом деле проект,— возразил Томас,— начался сто лет назад. Когда один старый джентльмен вообразил, что он беседует со звездами. Как его звали? Вы помните?

— Джордж Уайт. Последние годы его жизни, вероятно, превратились в сплошной кошмар. Правительство без устали подвергало его всякого рода проверкам и тестам. Они до самого конца не оставляли его в покое. Подозреваю, он был бы намного счастливее, если бы ему никто не поверил. Естественно, они его избаловали. В какой-то степени это облегчило ему жизнь. Мы продолжаем баловать наших телепатов. Устраиваем им роскошные условия жизни, словно в лучших клубах, и...

— А другого и быть не может,— перебил его Томас.— Они все, что у нас есть,— наша единственная и главная надежда. Конечно, мы сделали заметные успехи. Можно даже назвать

это прогрессом. Мир превратился в свободную конфедерацию, войны давно остались в прошлом. У нас есть колонии, промышленность перенесена в космос. Началось терраформирование Венеры и Марса. Мы даже совершили одно неудачное путешествие к звездам.

Но у нас есть и проблемы. Несмотря на экспансию в космос, наша экономика до сих пор подвержена кризисам. Мы постоянно находимся на грани экономической катастрофы. Неимущих становится все больше, а мы ждем наступления дня, когда сможем решить их проблемы,— но этот день так и не приходит. Развитие синтетических молекул даст нам мощный толчок вперед — я не понимаю, почему политики так рвутся к БСС. Я рассчитываю, что Гарнер добьется успеха в обучении чужаков законам нашей экономики, но пока каких-либо заметных достижений нет — и, вполне возможно, не будет. Следует учитывать все варианты. Мы постоянно возвращаемся к проблеме экономики.

Я надеялся, что у других телепатов появятся новые идеи, но... и здесь пустышка. Наше несчастье в том, что проектов множество, а отдача минимальна. Кажется, что большинство телепатов движутся в ложном направлении. Однако мы не можем их без конца перебрасывать, пытаясь найти что-то другое. Возьмем, к примеру, Мэри-Кей. Возможно, она нашла нечто очень важное, Мэри так заинтересована происходящим, что перестала искать ответы на наши вопросы. И даже в тех редких случаях, когда она пытается, ей не удается узнать ничего нового. Никакого результата — лишь ощущение эйфории. Совершенно бесполезное направление, но мы не можем его бросить и вынуждены продолжать. Возможно, нам посчастливится — и мы узнаем нечто важное.

— Мне кажется, величайшая проблема состоит в том, какие люди оказываются телепатами, способными работать у нас,— заметил Аллен.— Джей наш единственный ученый. Остальные не способны оперировать необходимыми в работе терминами и понятиями. Нам следовало обучить некоторых из них.

— Мы пытались,— ответил Томас,— но ничего не вышло. Они особенные люди, очень чувствительные и требуют величайшей осторожности в обращении — в противном случае их можно погубить. Все они пребывают в состоянии постоянного стресса. Многие обычные люди сошли бы с ума, узнав, что

находятся в контакте с чуждым разумом. У нас подобные случаи тоже бывают, но крайне редко. Наши телепаты держатся, но нуждаются в помощи. Моя работа в том и состоит, чтобы им помогать. Они приходят ко мне со своими страхами, сомнениями, удачами и радостями. Они плачут у меня на плече, а иногда и кричат на меня...

— Меня поражает другое,— вмешался Аллен: — Как им удается общаться с теми, кто не наделен телепатическими способностями. Ведь в их глазах мы все должны выглядеть неуклюжими животными. Однако они сохраняют в себе человечность. А еще я заметил, что телепаты никогда не завязывают дружеские отношения с чужаками. Книги... Пожалуй, я использовал бы именно такое сопоставление: они относятся к чужакам как к книгам, которые берут с полки, чтобы узнать что-нибудь новое.

— Все, за исключением Джея. Он состоит в довольно близких отношениях со своим последним контактером. Называет его Эйнштейном. Никто из других телепатов не дает чужакам имена.

— Джей хороший человек. Разве не он разработал идеи, связанные с синтезом молекул?

— Верно. Он стал одним из первых удачливых операторов. Точнее, первым, кто хорошо перенес мозговой имплантат. У других также имеется имплантат, но у них возникают проблемы. Иногда очень серьезные. Конечно, благодаря Джею нам удалось продвинуться вперед.

— Пол, неужели имплантат так необходим?

— Парни с самого верха считают, что да. Если говорить о технической стороне вопроса, я знаю об имплантатах слишком мало. Во-первых, нужно найти подходящего телепата — не просто классного, но обладающего специальными качествами. Затем делается имплантат — не для того, чтобы увеличить дальность, как полагают некоторые, а для усиления естественных способностей того, кому он предназначен. Кроме того, одной из его функций является хранение информации. По сути дела, дальность не так уж важна. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, поскольку волны, или импульсы, или что там еще телепаты используют для общения, действуют мгновенно. Факторы времени и расстояния теряют всяческий смысл, а на импульсы невозможно воздействовать в электромагнитном спектре. Это совсем другой феномен.

— Ключ ко всему проекту,— заметил Аллен,— естественно, лежит в формировании и обострении способности записывать и хранить информацию, которая передается во время сеанса телепатической связи. Развитие науки по изучению волн, испускаемых мозгом.

— Совершенно верно,— согласился Томас.— Невозможно рассчитывать на память телепатов. Многие из них — большинство — имеют лишь общее представление о том, что им говорят; они работают с информацией, недоступной их пониманию. Вероятно, они улавливают общий смысл, но большая часть не фиксируется их разумом. Естественно, Джей — исключение из правила. Поэтому у него процесс проходит легче. Но что касается остальных — нам приходится записывать их разговоры в банк данных.

— Нужны новые операторы,— сказал Аллен.— Пока мы можем использовать лишь малую часть источников. И у нас нет возможности вести широкий поиск, поскольку возникает риск пропустить нечто важное. Мы постоянно ищем новых операторов. Удается обнаружить немало начинающих телепатов, но из них лишь единицы подходят для наших целей.

— Ну, способные телепаты всегда были в дефиците,— заметил Томас.

— Однако мы отвлеклись от темы разговора,— напомнил Аллен.— Ведь речь шла о Мэри-Кей и Дженни — не так ли?

— Да, конечно. Они меня беспокоят. Джей либо сумеет разобраться с БСС, либо потерпит неудачу. Дик будет продолжать учить своего контактера нашей экономике и узнает в процессе нечто новое, или его усилия окажутся напрасными. Тут нам ничего не остается, кроме как рискнуть. Хал продолжит беседовать с компьютером чужаков — и со временем мы получим полезные результаты. Однажды мы проанализируем собранный Халом банк данных и посмотрим, что ему удалось узнать. Полагаю, в наше распоряжение попадет ряд новых туманных идей, которыми стоит заняться. Но Мэри-Кей и Дженни — господи, они заняты чем-то находящимся за пределами нашего понимания. У Мэри-Кей речь идет об имитации — или о реальности — существования рая, а Дженни подошла к тайне загробной жизни. Эти вопросы волнуют человечество с начала времен. Именно поэтому миллиарды людей обращаются к религии. В обоих случаях перед нами встают очень серьезные проблемы.

— А если мы получим какие-то результаты,— осторожно поинтересовался Аллен,— что будем с ними делать?

— Еще один трудный вопрос. Однако мы не можем просто отойти в сторону. Нельзя отказаться от решения проблемы только из-за того, что ты страшишься ответа.

— А вы его страшитесь, Пол?

— Наверное. Но не лично. Лично я, как и все остальные, хотел бы знать. Но вы можете себе представить, что будет, если мы откроем такое знание миру?

— Мне кажется, да. Люди испытают неслыханную эйфорию. Возникнут новые культы, а их у нас и так полно, и они доставляют нам массу проблем. Воздействие на общество может оказаться сокрушительным.

— Так что же нам делать?

— Будем действовать в зависимости от обстоятельств,— ответил Аллен.— Примем решение, когда придет время. Как руководитель проекта, вы можете контролировать процесс. Конечно, Бен Рассел может быть вами недоволен, но вы получили соответствующие полномочия именно для ситуации, в которой оказались Мэри-Кей и Дженни.

— То есть пока нам следует скрывать информацию? — спросил Томас.

— Да. Именно так. И держать руку на пульсе. И не слишком нервничать. Во всяком случае, в данный момент. Возможно, ничего страшного не произойдет.

— Я и сам не знаю, почему к вам обратился,— признался Томас.— Ведь я именно так и собирался поступить.

— Вы обратились ко мне потому, что хотели прикончить бутылку в хорошей компании,— улыбнулся Аллен.

Томас потянулся к бутылке.

— Что ж, тогда за дело.

7

— Если тебе нужно изобрести вселенную,— спросила Мэри-Кей,— если тебе необходимо это сделать, если у тебя такая работа, то какую вселенную ты бы изобрел?

— Такую вселенную, которая существовала бы вечно,— ответил Мартин.— Вселенную без начала и без конца. Все-

ленную Хойла. Где будет достаточно пространства и времени, чтобы все, что может случиться, обязательно случилось.

— Вижу, энтропия до тебя добралась. Голос из пустоты утверждает, что всему придет конец.

Мартин наморщил лоб.

— Сейчас гораздо больше, чем в первый момент. У меня было время все обдумать. Господи, ты только представь себе. Мы сидим здесь — мы и все люди, что жили до нас и считали, что конец не наступит никогда. Они утверждали, что у нас еще полно времени и не задумывались о собственной смерти. Они оперировали понятиями народа, а не одной особи. Представь себе людей, которые придут после нас. «Вселенная огромна»,— рассуждали мы. Возможно, теперь все изменилось. Может быть, начиная именно с этой минуты, вселенная начала сжиматься. И вся мертвая материя, вся истраченная энергия мчатся обратно.

— Но это не имеет к нам прямого отношения,— заметила Мэри-Кей.— Мы не ощутим никакого физического воздействия — во всяком случае, сейчас. Наши мучения носят интеллектуальный характер. Рушатся наши представления о вселенной. И нам больно. Такая огромная, такая прекрасная вселенная — никакой другой мы не знаем — перестанет существовать.

— Они могут ошибаться,— пожал плечами Мартин.— А что, если в их расчеты вкралась какая-то ошибка? Или наблюдения оказались неверными. А что, если на самом деле вселенная не погибнет. Наконец, может существовать другая вселенная. После того как все вернется на прежние места, произойдет космический взрыв и возникнет новая вселенная.

— Но она уже не будет прежней. То будет иная вселенная. В ней появятся другие виды жизни, другие типы разума. Или новая жизнь вовсе не будет разумной. Лишь энергия и материя. Звезды будут гореть только для себя. Никто не будет смотреть на них и удивляться. Именно по этой причине, Джей, наша вселенная столь прекрасна. В ней обитают маленькие капельки жизни, обладающие способностью удивляться.

— Не только удивляться,— возразил Джей,— они еще имеют дерзость задавать вопросы. Главная беда состоит в не в том, что вселенная приближается к своему концу, а в том, что никому не удалось постичь ее смысл.

— Джей, я размышляла...

— Ты постоянно размышляешь. О чем на сей раз?

— Это глупо. Все мои размышления глупые. Как ты считаешь, мы способны переживать что-то во времени, добираться до чего-то во времени, как в пространстве?

— Не знаю. Никогда об этом не задумывался.

— Ты знаешь, то место, которое я нашла... Такое спокойное... чудесное. Такое счастливое и святое. Ты представляешь, чем оно может быть?

— Давай не будем говорить об этом сейчас,— предложил Джей.— Ты только еще сильнее расстроишься. Все остальные уже ушли. Быть может, пора и нам.

Он оглядел опустевшую гостиную и собрался встать. Но Мэри-Кей взяла его за руку и удержала на месте.

— Я думаю об этом,— сказала она.— Размышляю о найденном мной месте — быть может, оно будет существовать и после того, как все исчезнет. Вселенной больше не будет, но останутся кое-какие хорошие, достойные вещи. То, что мы — или другие разумные существа — недостаточно ценили. Мир, любовь, святость...— они, как мне кажется, не могут исчезнуть.

— Я не знаю, Мэри. Господи, ну откуда я могу знать!

— Я надеюсь, что так и будет. Очень надеюсь. У меня возникло чувство, что я не ошиблась. А я привыкла доверять своим чувствам. В том месте, которое мне посчастливилось найти, нужно полагаться только на свои чувства. Там больше ничего нет — только чувства. А ты полагаешься на чувства, Джей?

— Нет,— ответил он, вставая, и протянул Мэри руку.— А тебе известно, что ты красива и безумна?..

Он едва успел выхватить платок и поднести его к лицу, прежде чем чихнуть.

— Бедный Джей,— вздохнула Мэри.— У тебя опять аллергия.

8

Мартин устроился перед панелью управления и поправил шлем. Несмотря на то что этот шлем ужасно его раздражал, Джей был обязан его надевать, поскольку именно через шлем информация перекачивалась в банк данных.

— Эйнштейн, ты здесь? — спросил он.

— Я здесь,— ответил Эйнштейн,— и готов начать. У тебя снова началась аллергия. Ты опять принимал химикаты?

— Да. Но они мало помогают.

— Мы тебе сочувствуем.

— Большое спасибо,— ответил Мартин.

— Когда мы закончили в прошлый раз, шло обсуждение...

— Один момент, Эйнштейн. У меня вопрос.

— Спрашивай.

— Он не имеет отношения к теме нашего обсуждения. Я давно хотел его задать, но никак не мог набраться мужества.

— Спрашивай.

— Мы уже довольно долго обсуждаем путешествия со скоростями, превосходящими скорость света, а я ничего не могу понять. Ты проявил удивительное терпение. Не обращал внимания на мою глупость. И готов продолжать, хотя иногда тебе наверняка кажется, что из этого ничего не выйдет. Я хочу спросить: почему? Почему ты хочешь продолжать?

— Это просто,— сказал Эйнштейн.— Вы помогаете нам. Мы помогаем вам.

— Но я ничем тебе не помог.

— Неправда. Ты помнишь, как мы в первый раз обратили внимание на твою аллергию?

— Уже довольно давно.

— Мы спросили у тебя, как от нее избавиться. И ты использовал термин, который был нам неизвестен.

— Лекарство?

— Да. Мы спросили у тебя, что такое лекарство. И ты объяснил. «Химикаты»,— сказал ты. Химикаты мы знаем.

— Да, кажется, так все и было.

— Лекарства-химикаты являются для нас совершенно новым понятием. Никогда о них не слыхали. Никогда о них не думали.

— Ты хочешь сказать, что идея лекарства оказалась для вас новой?

— Верно. Подтверждаю. Не имели представления.

— Но ты никогда не спрашивал меня о лекарствах. Я бы с радостью рассказал тебе о них.

— Мы спрашивали. И не один раз. Очень коротко, очень осторожно. Чтобы ты не знал.

— Но почему? Почему коротко? Почему осторожно?

— Это такая замечательная вещь. Кто же захочет поделиться с другими столь важной информацией? Теперь я вижу, что мы вас недооценили. И очень сожалею.

— И правильно делаешь,— сердито сказал Мартин.— Я считал тебя своим другом.

— Другом, конечно, но даже среди друзей...

— Но ты собирался рассказать о БСС.

— Но это так, ерунда. Об этом известно многим. Очень просто, как только поймешь.

— Рад слышать. А как вы продвигаетесь с лекарствами?

— Медленно, но кое-что нам удалось. Нам нужно еще многое узнать.

— Ну так спрашивай...

9

Томас вопросительно посмотрел на Мартина.

— Ты хочешь сказать, Джей, что народ Эйнштейна понятия не имеет о лекарствах? Они знакомы с химией, но не изобрели лекарства?

— Ну, все не так просто,— возразил Мартин.— У них есть одно качество. Их тела священны. Тело — храм души. Эйнштейн не произнес этих слов — такова моя интерпретация,— но тела для них табу, и они стараются к ним не прикасаться.

— В таком случае, если они попытаются продавать лекарства, непременно возникнут проблемы.

— Наверное. Но с Эйнштейном и его друзьями все обстоит иначе. Насколько я понял, элитарная группировка занимает в обществе главенствующее положение и презрительно относится ко всем остальным, не разделяя суеверий большинства. Они охотно нарушают традиционные предрассудки и готовы испытывать все новое. Однако сила прежних верований велика — вот почему никому не пришло в голову изобрести лекарства.

— И они хотят, чтобы ты рассказал о лекарствах?

— Ждут с нетерпением. И испытывают странное волнение. Словно знают, что поступают неправильно, но все равно идут вперед. Тем не менее я могу рассказать им лишь об общих принципах действия различных препаратов. Детали они должны проработать сами, в соответствии со своей спецификой. Сегодня я им поведал все, что мог. Теперь мне необходимо изучить теорию медицины, чтобы дать им нечто большее. Полагаю, что найду необходимый материал в библиотеке.

— Несомненно,— кивнул Томас.

— Но в какой-то момент я едва не потерял Эйнштейна: когда сказал ему, что для развития медицины им потребуется изучить свои тела.

— А поскольку тела священны...

Мартин кивнул.

— Да, ты правильно понял. В ответ на вопрос Эйнштейна, как можно изучить свои тела, я объяснил ему, что такое анатомирование. И вот тогда-то мне и показалось, что я зашел слишком далеко. Он получил много больше знаний, чем ему требовалось на самом деле, и ему это совсем не понравилось. Но он повел себя как мужчина; ему удалось себя перебороть и смириться с совершенно новым подходом. Мне показалось, что по сути своей Эйнштейн — натура увлекающаяся. Уж если он чем-то заинтересовался, то идет до самого конца.

— Как ты думаешь, сородичи Эйнштейна его поддержат?

— Я не уверен, Пол. Но мне кажется, что да. Он начал философствовать, когда я задал ему прямой вопрос. Наверное, пытался уговорить самого себя. И пока он рассуждал, я размышлял о том, сколько еще подобных табу мы можем иметь сами. Наши табу тоже не позволяют взглянуть на ряд идей свежим взглядом. Мы столкнулись с продвинутой культурой, смело глядящей в будущее, однако у них остались древние предрассудки, уходящие корнями в первобытные времена,— и эти предрассудки помешали им развивать медицину.

— История развития нашей медицины не слишком отличается,— заметил Томас.— Человечеству пришлось отбросить немало суеверий, прежде чем оно стало терпимо относиться к искусству целителей.

— Наверное,— согласился Мартин.— Но, черт возьми, мне все это ужасно нравится. Если Эйнштейн пойдет дальше — а мне кажется, что так и будет,— мы принесем им немалую пользу. Как я уже говорил вчера, мы перестали быть мальчишками-бойскаутами и начали платить по счетам. Видишь ли, до сих пор я даже не догадывался, что они постепенно, шаг за шагом, пытались украсть у меня секреты медицины.

— Подозреваю, что мы делаем нечто похожее,— проворчал Томас.— Вероятно, в ряде случаев мы, боясь их напугать, действуем слишком осторожно: соблюдаем корректность, стараемся не задавать прямых вопросов. Вероятно, это связано с комплексом неполноценности, вызванным благоговением перед удивительными достижениями других цивилизаций. Если нам удастся провернуть еще пару сделок, подобных медицине, мы избавимся от комплексов. И будем наравне со всеми.

— Я никак не отваживался спросить у Эйнштейна, почему он продолжает входить со мной в контакт,— признался Мар-

тин.— Именно потому, что боялся его отпугнуть. Но меня эта мысль преследовала уже очень давно. И я подумал: а почему бы мне не быть с ним откровенным? И как только я все ему выложил, он ответил мне тем же. Никогда не знаешь, как все может обернуться.

— Подозреваю, что сегодня вам было не до разговоров о БСС. И это нормально. Возможно, перерыв в несколько дней пойдет на пользу. И тебя не будет мучить чувство вины, когда Эйнштейну придется вновь тратить свое время на объяснения. Да и ты сможешь задавать ему больше вопросов.

— Да, сегодня мы совсем не вспоминали про БСС,— кивнул Мартин.— Но ты, наверное, прав. Перерыв в несколько дней мне не помешает. Я продолжаю размышлять. Вчера вечером мы беседовали с Мэри-Кей, и она спросила у меня, стараюсь ли я придерживаться голых фактов или обращаю внимание на свои чувства — и что я вообще думаю по этому поводу. Мне кажется, она имела в виду интуицию, но так и не произнесла это слово вслух. И я сказал ей, что мои чувства не играют в переговорах в Эйнштейном никакой роли. Я всегда старался их сдерживать, оставаясь в рамках чистой науки,— если, конечно, наши познания можно назвать наукой. А сегодня я пришел к выводу, что мог жестоко ошибаться...

— И?

— Знаешь, Пол, кажется, я близок к прорыву с БСС. Пока не могу утверждать это наверняка, но у меня появилась надежда. Новый подход. В течение последних недель я говорил себе, что время является ключевым фактором и что мне следует обратить на него более пристальное внимание. Скажи, кто-нибудь из нашего проекта пытался обсуждать с чужаками проблемы времени?

— Думаю, да. Десять или пятнадцать лет назад. У нас остались записи. Ничего определенного, но данных накоплено немало.

— Время может играть лишь поверхностную роль в любом уравнении,— продолжал Мартин,— хотя в некоторых случаях оно служит критическим фактором. Если бы мы больше знали о времени, сказал я себе, но не как о физическом, а психическом факторе в БСС, мы могли бы сделать шаг вперед. Если связать психическую концепцию времени с уравнениями...

— Думаешь, это может сработать?

— Не сейчас. Теперь я считаю иначе. У меня возникло интуитивное предположение, что время может быть перемен-

ным, что в разных частях вселенной или для разных разумных рас оно течет по-разному. Но что-то должно оставаться неизменным. Вечность — вот всеобщая константа. Она не может меняться и остается постоянной повсюду.

— Боже мой, Джей, неужели ты говоришь о...

— Нет, до понимания еще далеко, но мне кажется, что мы сумеем выработать способ, позволяющий использовать вечность в качестве константы. Я попытаюсь. И тогда могут проясниться и другие факторы.

— Но вечность, Джей! А как же разговоры о конце вселенной?

— Мэри-Кей вчера вечером сказала мне кое-что еще — о том, что, вероятно, останется после исчезновения вселенной. Точнее, она поделилась со мной своими интуитивными предположениями.

— Да, я тоже знаю о них. Она только что была у меня. И все мне рассказала.

— И что ты ответил?

— Господи, Джей, что я мог ответить? Потрепал ее по плечу и попросил не выходить из игры.

— Но если она права, то, после того как вселенная исчезнет, что-то все же останется. Например, вечность. Быть может, даже бесконечность. Две константы. И место, чтобы произошло что-то еще.

— Я перестаю тебя понимать, Джей.

— Я и сам мало что понимаю. Но это новый подход. Не исключено, что у нас что-то получится. Скажи Расселу и Брауну, когда они в следующий раз станут прижимать тебя к стенке, что появились свежие идеи.

После ухода Мартина Томас еще долго сидел за своим письменным столом.

Вчера Аллен не смог ему помочь, размышлял Томас. Все те же банальности: не беспокойся, нужно это пережить, перетерпеть, решение необходимо принимать только в случае крайней необходимости... А сегодня он точно так же ничем не сумел помочь Мэри-Кей и Джею... Они обратились к нему за помощью и поддержкой, а он только и смог, что посоветовать Мэри-Кей оставаться в игре.

Они необычные люди, сказал он Аллену. Конечно, так оно и есть. Они особенные — но в чем? Насколько они отличаются от других людей? Клерки из банков, уличные воры, обычные мальчишки с фермы... Что же происходит, после того как они

отваживаются выйти к звездам и завязать контакты с разумами, обитающими на далеких планетах? Кажется, это сказал Аллен (или он сам?): все то, что мы получали по звездной линии связи, не удалось записать в банки данных — боль, скорбь, сомнения, надежды, страх, предубеждения, пристрастия... И что еще? Нечто, полностью выходящее за рамки человеческого опыта. Нечто, впитанное и поглощенное земными телепатами, которые слушали, болтали и сплетничали со своими соседями, разбросанными по разным галактикам. Фактор или факторы, в определенной мере изменившие их человеческую суть или, быть может, превратившие телепатов совсем в других существ...

Мэри-Кей с ее разговорами о месте, которое останется даже после того, как вселенная исчезнет, естественно, сошла с ума. Джей с его предложением использовать вечность в качестве константы, также безумен. Однако они лишились разума лишь по человеческим стандартам. Все эти люди — его телепаты,— возможно, даже, пожалуй, наверняка далеко ушли от стандартов человечества.

Особые люди, новый вид: их человечность опалена тонким воздействием чуждого контакта. Неужели именно они и есть надежда человечества? Послы вселенной? Промышленные шпионы? Ищейки, сумевшие пробраться туда, куда человечеству вход воспрещен? Исследователи бесконечности?

Проклятье, подумал он, я начинаю гордиться человеком. Даже если телепаты станут иной расой, они родились от нас, людей.

Кто знает, размышлял он, быть может, придет время, когда все люди станут такими же?

И вдруг к нему — без мучительных сомнений и размышлений — пришла вера. Теперь он обрел убеждение в обоснованности этой веры.

Пришло время приложить все усилия.

Томас нажал кнопку связи с Эвелин.

— Соедините меня с сенатором Брауном,— попросил он.— Нет, я не знаю, где он сейчас. Найдите его — где бы он ни был. Я хочу сказать старому ублюдку, что мы наконец приблизились к БСС.

1

Поднимаясь по крутой тропе, которая вела к пещере, Бойд слышал, как Луи играет на свирели. Собственно говоря, снова приходить сюда никакой необходимости не было: работа закончена, все измерено, нанесено на схемы, сфотографировано, вся доступная информация с места раскопок уже собрана. Это касалось не только рисунков. Археологи обнаружили в пещере обожженные кости животных; угли давно погасшего костра; небольшой запас разноцветной глины, из которой художники изготовляли свои краски; ремесленные поделки; отрубленную кисть человеческой руки (почему ее отрубили и оставили в пещере, где спустя столько тысячелетий она найдена учеными?); лампу из песчаника с выдолбленным углублением, куда вставлялся клок мха и заливался жир: мох служил фитилем и давал художнику немного света... Так сложились обстоятельства, что местечко Гаварни — возможно, благодаря использованию новейших методов исследования — стало одним из наиболее важных открытий в истории изучения наскальной живописи. Пусть найденное не настолько впечатляет, как, скажем, обнаруженное в Ласко, но оно дает гораздо больше ценнейших сведений.

Да, никакой необходимости приходить сюда снова не было, и все же Бонда не отпускало странное беспокойное чувство, устойчивое ощущение, что он чего-то не заметил в спешке и увлечении, о чем-то забыл. Впрочем, говорил Бойд себе, может быть, все это игра воображения и, увидев пещеру еще раз (если там действительно найдется нечто такое, что вызывало это ощущение, другими словами, если за беспокойством

© Перевод А. Корженевского.

и в самом деле кроются какие-то упущения), он мгновенно поймет, что беспокойство связано с мелочью, что это обманчивое, пустое впечатление, возникшее неизвестно почему, чтобы потерзать его напоследок...

И вот он снова взбирается по крутой тропе с геологическим молотком на поясе и большим фонарем в руке. Взбирается и слушает свирель Луи, который устроился на небольшой каменной террасе у самого входа в пещеру, на той самой террасе, где он жил, пока продолжалась работа. В любую погоду Луи оставался там, в своей палатке, готовил на переносной плитке и исполнял назначенную самим собой роль сторожа, охраняющего пещеру от непрошеных гостей, хотя таких было немного: несколько любопытных туристов, случайно услышавших о раскопках и протопавших значительное расстояние в сторону от основного маршрута. Жители долины, лежавшей внизу, их совсем не беспокоили — этих людей археологические находки на склоне горы волновали меньше всего на свете.

Бойд знал Луи уже давно. Десять лет назад тот появился на раскопках пещер, которые ученый вел милях в пятидесяти от этих мест, и остался с группой на два сезона.

Луи взяли рабочим, но он оказался способным учеником, и со временем ему стали поручать более ответственные задания. Спустя неделю после начала раскопок в Гаварни он появился в лагере и сказал:

— Я узнал, что вы здесь. Для меня найдется какая-нибудь работа?

Свернув по тропе за скалу, Бойд увидел, что Луи сидит, скрестив ноги, перед своей потрепанной палаткой и наигрывает на свирели.

Именно наигрывает, потому что музыка у него получалась примитивная, простая. Едва ли это вообще музыка, хотя Бойд признавался себе, что в музыке он совсем не разбирается. Четыре ноты... В самом деле четыре?.. Полая кость с удлиненной щелью, куда дуют, и два высверленных отверстия вместо клапанов.

Решив как-то поинтересоваться у Луи, что это за инструмент, Бойд сказал:

— Я никогда не видел ничего похожего.

— Такое в здешних местах не часто увидишь,— ответил Луи.— Разве что в дальних горных деревнях.

Бойд сошел с тропы, пересек поросшую травой террасу и сел рядом с Луи. Тот перестал играть и положил свирель на колени.

— Думал, ты уехал,— сказал Луи.— Остальные-то уже два дня как отбыли.

— Решил заглянуть сюда в последний раз,— ответил Бойд.

— Не хочется уезжать?

— Пожалуй, да.

Под ними бурыми красками осени стелилась долина. Небольшая речушка блестела на солнце серебряной лентой. Красные крыши домов вдоль реки выделялись яркими пятнами.

— Хорошо здесь,— произнес Бойд.— Снова и снова ловлю себя на том, что пытаюсь представить, как все это выглядело во времена, когда создавались рисунки. Видимо, примерно так же. Горы едва ли изменились. Полей в долине не было — только естественные пастбища. Кое-где деревья, но не очень много. Охота богатая. Хорошие угодья для травоядных... Я даже пробовал представить себе, где люди устраивали стойбища. Думаю, там, где сейчас деревня.

Он оглянулся на Луи. Тот все еще сидел со свирелью на коленях. Уголки губ его чуть сместились вверх, словно он улыбался каким-то своим мыслям. На голове у Луи прочно сидел черный берет. Круглое гладкое лицо, ровный загар. Коротко подстриженные черные волосы, расстегнутый ворот голубой рубашки. Молодой еще человек, сильный, и ни единой морщинки на лице.

— Ты любишь свою работу? — спросил Луи.

— Я ей предан. Так же, как и ты,— сказал Бойд.

— Но это не моя работа.

— Твоя или не твоя, ты хорошо ее выполняешь,— сказал Бойд.— Хочешь пройтись со мной? Бросить последний взгляд?

— У меня кое-какие дела в деревне.

— Ладно. А я, признаться, тоже думал, что ты уже уехал,— переменил тему Бойд,— и очень удивился, услышав твою свирель.

— Скоро уеду,— ответил Луи.— Через день-другой. Причин оставаться, в общем-то, никаких, но, как и тебе, мне тут нравится. А торопиться некуда — никто меня не ждет. И несколько дней ничего не решают.

— Можешь оставаться сколько захочешь,— сказал Бойд.— Теперь ты тут единственный хозяин. Через какое-то время, правда, правительство наймет сюда смотрителя, но правительство, как ему и полагается, спешить не будет.

— Наверное, мы больше не увидимся...

— Я на два дня ездил в Ронсесвальес,— продолжил Бойд,— в то самое место, где гасконцы перебили в 778 году арьергард Карла Великого.

— Знаю.

— Мне всегда хотелось там побывать, но вечно не хватало времени. Часовня Карла Великого стоит в развалинах, но мне говорили, что в деревенской церкви все еще служат мессы в память об убитых паладинах. Ну а вернувшись из поездки, я не удержался и решил снова заглянуть в пещеру.

— Я рад,— сказал Луи.— Мне хотелось предложить кое-что, если я еще не надоел...

— Ну что ты, Луи...

— Тогда, может быть, мы пообедаем напоследок вместе? Например, сегодня вечером. Я приготовлю омлет.

Бойд хотел было пригласить Луи пообедать с ним в деревне, но передумал:

— С удовольствием, Луи. Я принесу бутылку хорошего вина.

2

Направив фонарь на стену пещеры, Бойд наклонился, чтобы получше разглядеть камень. Нет, ему не привиделось. Он оказался прав. Здесь, именно в этом месте, стена действительно была не сплошная. Камень растрескался на несколько кусков, но так, что это было почти незаметно. Обнаружить трещины можно было лишь случайно, и если бы он не смотрел прямо на них, не искал их, проводя лучом света по стене, Бойд тоже ничего бы не нашел. Странно, подумал он, что никто другой не заметил трещин, пока группа работала в пещере.

От волнения он задержал дыхание, чувствуя себя при этом немного глупо, потому что находка в конце концов могла оказаться пустой и никчемной. Может быть, камень просто рас-

трескался от холода и влаги. Хотя нет, конечно, здесь не должно быть таких трещин...

Он отцепил от пояса молоток, переложил фонарь в другую руку и, направив луч света в нужное место, всадил острый конец молотка в одну из трещин. Сталь легко ушла в камень. Бойд слегка потянул рукоятку в сторону, и трещина стала шире. Когда же он нажал посильнее, камень выдвинулся из стены. Бойд положил молоток и фонарь на землю, ухватился за камень обеими руками и вытащил его. Под ним лежали два других, но они вынулись так же легко, как и первый. Бойд убрал еще несколько глыб, потом встал на колени и посветил в открывшийся ему лаз.

Туда вполне мог заползти взрослый человек, но некоторое время Бойд никак не мог решиться. Одному это делать небезопасно. Если что-то случится, если он застрянет, если камни сместятся и его придавит и завалит, некому будет прийти на помощь или, по крайней мере, прийти на помощь вовремя. Луи вернется к своей палатке и будет ждать, но когда Бойд не появится, скорее всего, решит, что это либо наказание за слишком фамильярное приглашение, либо просто проявление невнимания или даже презрения — чего еще ожидать от американца? Он никогда не догадается, что Бойд застрял в пещере.

Однако это — последний шанс. Завтра уже нужно будет ехать в Париж, чтобы успеть на самолет. А здесь такая загадка, которую просто нельзя оставить без внимания. Этот тоннель может привести к чему-то важному, иначе зачем так старательно маскировать вход? Кто и когда это сделал? Наверняка очень давно. В наше время любой, кто нашел вход в пещеру, сразу заметил бы наскальные рисунки, и о находке стало бы известно. Тоннель замаскировал, должно быть, человек, который не понимал важности этих рисунков или считал их делом вполне обычным.

Такую возможность, решил Бойд, упускать нельзя. Нужно лезть. Он закрепил молоток на поясе, подобрал фонарь и пополз в тоннель.

Футов сто или чуть больше тоннель шел прямо. Там едва хватало места для ползущего человека, но, кроме этого, — никаких сложностей. Затем совершенно неожиданно тоннель кончился. Бойд лежал на животе, направляя луч фонаря вперед,

и напряженно вглядывался в гладкую стену, преградившую ему путь.

Очень странно. С какой стати будет кто-нибудь закладывать камнями вход в пустой тоннель? Конечно, Бойд мог пропустить что-то важное, но он полз медленно и все время держал фонарь перед собой, и если бы по дороге обнаружилось нечто необычное, то наверняка бы это заметил.

Потом ему в голову пришла новая мысль, и, чтобы проверить догадку, он начал медленно поворачиваться на спину. И, направив луч света вверх, получил ответ на свой вопрос — в потолке тоннеля зияла дыра.

Бойд осторожно сел, затем поднял руки и, ухватившись за выступы камня, подтянулся вверх. Поворачивая фонарь из стороны в сторону, он обнаружил, что дыра ведет не в новый тоннель, а в маленькую, около шести футов в любом направлении, куполообразную камеру. Стены и потолок у камеры были гладкие, словно когда-то, в давнюю геологическую эпоху, когда вздымались и опадали эти горы, навечно застыл в твердеющем расплавленном камне пузырек воздуха.

Проведя лучом света по стенам камеры, Бойд судорожно втянул в себя воздух: все стены были украшены цветными изображениями животных. Прыгающие бизоны. Лошади, бегущие легким галопом. Кувыркающиеся мамонты. А в самом низу по кругу танцевали олени. Они стояли на задних ногах, держась друг за друга передними, и грациозно покачивали из стороны в сторону рогами.

— Боже милостивый! — пробормотал Бойд.

Словно диснеевские мультфильмы каменного века...

Если это действительно каменный век. Может быть, совсем недавно в грот забрался какой-нибудь шутник и разрисовал его стены? Бойд обдумал это предположение и отверг. Насколько он мог судить, никто в долине — и во всей округе, если уж на то пошло,— не подозревал о существовании пещеры до тех пор, пока несколько лет назад на нее не наткнулся пастух, который разыскивал заблудившуюся овцу. Маленький вход в пещеру, по всей видимости, уже несколько веков до этого скрывался за густыми зарослями кустарника.

Да и выполнены рисунки были так, что в них чувствовалось что-то доисторическое. Из-за отсутствия перспективы все они выглядели плоско, как и положено выглядеть доистори-

ческим рисункам, фон тоже отсутствовал: ни линии горизонта, ни деревьев, ни трав или цветов, ни облаков, ни даже намека на небо. Хотя, напомнил себе Бойд, любой человек, хоть немного знакомый с пещерной живописью, мог знать обо всех этих особенностях и старательно их воспроизвести.

Конечно, такие шутливые рисунки совсем не характерны для тех времен, но изображения животных все равно производили впечатление подлинной доисторической живописи. Вот только кто, какой пещерный человек мог нарисовать резвящихся бизонов или кувыркающихся мамонтов? Здесь, в пещере, что они исследовали, наскальные рисунки были абсолютно серьезны (хотя это и не везде так). Консервативная по форме, честная попытка передать животных такими, какими их видел художник. Никакой легкомысленности, даже ни одного отпечатка испачканной в краске руки, какие часто встречаются в других пещерах. Людей, работавших здесь, еще не коснулось растлевающее влияние символизма, проникшего в доисторическую живопись, очевидно, гораздо позже.

Так кто же этот шутник, что в одиночку забирался в крохотную потайную пещеру и рисовал своих забавных зверей? Без сомнения, одаренный художник с безупречной техникой исполнения.

Бойд пролез через дыру и присел, согнувшись, на каменной площадке фута два шириной, которая охватывала дыру по кругу. Встать в полный рост было негде. Видимо, большинство рисунков художник сделал, лежа на спине и протягивая руку к изогнутому потолку.

Скользнув по площадке лучом фонаря, Бойд заметил что-то на противоположном краю, вернул луч и поводил фонарем взад-вперед, чтобы получше разглядеть предмет — что-то, скорее всего, оставленное художником, когда он закончил работу и покинул грот.

Наклонившись, Бойд пристально вглядывался, пытаясь понять, что это такое. Предмет напоминал лопатку оленя. Рядом лежал кусок камня.

Бойд осторожно продвинулся по площадке. Да, он был прав. Это действительно лопатка оленя. На плоской поверхности остались комочки какого-то вещества. Может быть, краска? Смесь животных жиров с глиной, которую доисторические художники употребляли в качестве краски? Он поднес фонарь

ближе. Так и есть: по поверхности кости, служившей палитрой, была размазана краска, рядом лежали нерастертые комочки, заготовленные художником, но так и не использованные. Краска высохла, окаменела, и на поверхности ее остались какие-то следы. Бойд наклонился ближе, почти к самой палитре, и увидел, что это — отпечатки пальцев, некоторые совсем глубокие. Словно подпись того древнего, давно уже умершего художника, который работал здесь, согнувшись в три погибели и подпирая плечами каменные своды так же, как сейчас Бойд. Он протянул было руку, чтобы потрогать палитру, и тут же ее отдернул. Конечно, символично желание коснуться предмета, которого касалась рука художника, творца, но слишком много веков их разделяют.

Он направил свет фонаря на небольшой камень рядом с лопаткой. Лампа. Выдолбленное в куске песчаника углубление для жира и клочка мха, который должен служить фитилем. И жир, и мох давно истлели, исчезли, но на краях углубления все еще сохранялась тонкая пленка сажи.

Закончив работу, художник оставил свои инструменты, оставил даже лампу — может быть, еще коптящую — с последними остатками жира. Оставил все и в темноте выполз через тоннель. Наверное, ему и не нужен был свет. Он слишком хорошо знал дорогу на ощупь, не один раз, должно быть, забираясь в грот и выбираясь обратно, поскольку рисунки на стенах отняли у него довольно много времени, может быть, несколько дней.

Итак, он все оставил, выбрался из тоннеля, потом закрыл вход камнями, замаскировал его и ушел, спустившись в долину, где его заметили разве что пасущиеся на склонах животные — оторвались от еды, подняли головы, провожая человека взглядом, и снова уткнулись в траву.

Но когда все это произошло? Возможно, после того, говорил себе Бойд, как была украшена рисунками сама пещера. А может, много позже, когда эти рисунки потеряли свое значение для тех, кто здесь жил. Одинокий художник, вернувшийся, чтобы воплотить свои тайные замыслы в укрытом от глаз людских гроте. Пародия на помпезные, исполненные магического значения рисунки в главной пещере? Протест против их строгого консерватизма? Или, может быть, это улыбка художника, всплеск жизни, радостный бунт против мрачности и однонаправленности охотничьего колдовства. Бунтарь, до-

исторический бунтарь. Интеллектуальный бунт? Или просто его взгляд на мир немного отличался от принятого в то время?

Но это все — о доисторическом художнике... А как поступить ему самому? Обнаружив грот, что он должен делать дальше? Конечно же, он не может просто повернуться спиной и уйти, как сделал художник, бросивший здесь палитру и лампу. Без сомнения, это очень важная находка. Новый, неожиданный подход к пониманию разума доисторического человека, новая сторона мыслительных процессов наших предков, о которой никто даже не догадывался...

Оставить все как есть, завалить пока вход в тоннель, позвонить в Вашингтон, потом в Париж, распаковать багаж и остаться еще на несколько недель, чтобы поработать с находками. Вернуть фотографов и всех остальных членов группы. Работать так работать. Да, сказал Бойд себе, так, видимо, и нужно поступить...

В луче света мелькнул еще один небольшой предмет, лежавший за каменной лампой и не замеченный раньше. Что-то белое...

Пригнув голову, Бойд продвинулся ближе, шаркая ногами по каменной площадке.

За лампой лежал кусок кости, возможно, из ноги небольшого травоядного животного. Бойд протянул руку, подобрал ее и, поняв наконец, что это такое, замер в полнейшем недоумении.

В руке у него оказалась свирель, родная сестра той самой, что Луи постоянно носил в кармане куртки еще в пору, когда они впервые встретились много лет назад. Такая же щель вместо мундштука и два круглых отверстия. Наверное, в тот далекий день, когда художник закончил свои рисунки, он сидел здесь, сгорбившись, при свете мерцающей лампы и негромко играл сам для себя такие же простые мелодии, какие Луи наигрывал каждый вечер после работы.

— Боже милостивый,— произнес Бойд, словно и в самом деле обращаясь к Всевышнему,— этого просто не может быть!

Так он и сидел там, замерев в неудобной позе и пытаясь прогнать настойчивые, тяжелые, как удары молота, мысли. Но мысли не уходили. Стоило Бойду отогнать их чуть-чуть в сторону, как они стремительно возвращались и захлестывали его, словно волны...

В конце концов он вырвался из оцепенения, в котором держали его собственные догадки, и принялся за работу, заставляя себя выполнять необходимые действия.

Стянув с плеч штормовку, он осторожно завернул в нее костяную палитру и свирель. Лампу оставил на месте. Затем спустился в узкий тоннель и пополз, старательно защищая сверток от ударов. Оказавшись в пещере, Бойд заложил вход в тоннель, тщательно подгоняя камни друг к другу, потом собрал с пола пещеры несколько горстей земли и размазал ее тонким слоем по камням, чтобы замаскировать вход.

На каменном уступе рядом с пещерой никого не было: Луи ушел по своим делам в деревню и, видимо, еще не вернулся.

Оказавшись в отеле, Бойд первым делом позвонил в Вашингтон. В Париж он решил не звонить.

3

Осенний ветер гонял по улицам последнюю октябрьскую листву. Над Вашингтоном светило бледное солнце, то и дело скрывавшееся за облаками.

Джон Робертс ждал его на скамейке в парке. Они молча кивнули друг другу, и Бойд сел рядом.

— Ты здорово рисковал,— сказал Робертс.— Если бы таможенники...

— Я не особенно беспокоился на этот счет,— перебил его Бойд.— У меня есть один знакомый в Париже, и он уже долгие годы занимается контрабандой, переправляя в Америку всякие вещи. Специалист в своем деле. И он кое-чем был мне обязан. Что ты узнал?

— Возможно, больше, чем тебе захочется услышать.

— Попробуй.

— Отпечатки пальцев совпадают,— сказал Робертс.

— Тебе удалось снять отпечатки с краски, оставшейся на палитре?

— Идеальные образцы.

— Через ФБР?

— Да. Это было непросто, но у меня там есть друзья.

— А возраст?

— Тоже не проблема. Самым сложным оказалось убедить того человека, что это совершенно секретно. Он все еще сомневается.

— Но он не будет болтать?

— Я думаю, не будет. Без доказательств никто ему не поверит. Это похоже на сказку.

— Ну?

— Двадцать две тысячи. Плюс-минус триста лет.

— И отпечатки пальцев совпадают? На бутылке и на...

— Я же говорил тебе, что совпадают. Но теперь, будь добр, скажи мне, каким образом человек, который жил двадцать две тысячи лет назад, мог оставить отпечатки пальцев на бутылке, изготовленной в прошлом году?

— Это долгая история,— ответил Бойд.— И я не уверен, что мне следует ее рассказывать. Кстати, где ты держишь палитру?

— В надежном месте,— сказал Робертс.— В очень надежном. Но могу вернуть тебе и палитру, и бутылку по первому же требованию.

Бойд поежился.

— Пока не надо. Я не знаю, когда они мне понадобятся. Может быть, никогда.

— Никогда?

— Знаешь, Джон, мне надо все это обдумать.

— Черт, вот ерунда какая! — произнес Робертс.— Получается, никому это не нужно. Никто не осмелится хранить и выставлять эти вещи. Люди из Смитсоновского института к ним и близко не подойдут. Я не спрашивал, и они ничего еще не знают, но я просто уверен. Если не ошибаюсь, есть ведь какие-то законы о тайном вывозе изделий из страны...

— Да, есть,— ответил Бойд.

— А теперь и сам ты от них отказываешься.

— Я этого не говорил. Просто пусть они пока побудут у тебя. Место надежное?

— Вполне. А теперь...

— Я же сказал, это долгая история. Но постараюсь не очень растекаться. Короче, есть один человек... Баск. Он появился у нас в лагере десять лет назад, когда я занимался раскопками в пещерах...

Робертс кивнул:

— Я помню эту экспедицию.

— Так вот, он попросил работу, и я его взял. Он довольно быстро вник в суть дела и почти сразу освоил нужные приемы. Стал ценным помощником. С местными рабочими это часто случается. Они словно чувствуют, где кроется их древняя история. А когда мы начали работу в Гаварни, появился снова, и я, признаться, был рад его видеть. У нас сложились, можно сказать, дружеские отношения. В последний мой вечер перед отъездом он приготовил восхитительный омлет — яйца, помидоры, зеленый перец, лук, сосиски и ветчина домашнего копчения. Я прихватил бутылку вина.

— Ту самую?

— Да, ту самую.

— И что дальше?

— Он играл на свирели. На костяной свирели. Маленькая такая пищалка. И не бог весть какая музыка...

— Там была свирель...

— Это другая. Того же типа, но другая. Они почти одинаковые. Одна лежала у живого человека в кармане, другая — рядом с палитрой в гроте... И в нем самом тоже было что-то необычное. Ничего такого, что бросалось бы в глаза, но тем не менее я постоянно замечал всякие странные мелочи. Раз, потом другой. Порой с большими интервалами... Иногда даже забываешь, что привлекло внимание в первый раз, и трудно связать свои наблюдения. Чаще всего у меня возникало впечатление, что он слишком много знает. Какие-то мелкие подробности, которые вряд ли мог знать человек вроде него. Или что-то такое, чего вообще не может знать никто. В разговоре проскальзывали разные мелочи, а он этого, видимо, даже не замечал... И его глаза... Раньше я не осознавал. Только потом, когда нашел вторую свирель и начал задумываться обо всем остальном. Однако я говорил о глазах. Так вот, выглядит он молодо, этакий никогда не стареющий молодой человек, но глаза у него очень старые...

— Том, ты говорил, что он баск.

— Да, верно.

— Я когда-то слышал, что баски — это, возможно, потомки кроманьонцев.

— Есть такая теория. И я об этом думал.

— Может быть, этот твой друг — настоящий кроманьонец?

— Я тоже начинаю склоняться к этой мысли.

— Но сам подумай: двадцать тысяч лет!

— Да, понимаю,— сказал Бойд.

4

Свирель Бойд услышал еще у подножия тропы, которая вела к пещере. Неровные, словно обрываемые ветром звуки. Вокруг поднимались на фоне глубокого голубого неба Пиренеи.

Пристроив бутылку вина под мышкой понадежнее, Бойд начал подъем. Внизу лежали красные крыши деревенских домов в окружении увядающих коричневых красок осени, захвативших долину. Сверху все еще доносилась музыка, звуки то взлетали, то опадали, повинуясь порывам игривого ветра.

Луи сидел, скрестив ноги, у своей потрепанной палатки. Увидев Бойда, он положил свирель на колени, но продолжал сидеть. Бойд опустился на траву рядом с ним и вручил Луи бутылку. Тот принялся вытаскивать пробку.

— Я узнал, что ты вернулся,— сказал он.— Как прошла поездка?

— Успешно.

— Значит, теперь ты знаешь,— произнес Луи.

Бойд кивнул.

— Я думаю, ты сам хотел, чтобы я узнал. Почему?

— Годы становятся все длиннее,— ответил Луи,— а ноша тяжелее. Мне одиноко, ведь я один.

— Ты не один.

— Одиноко потому, что никто меня не знает. Ты первый, кто узнал меня по-настоящему.

— Но ведь это ненадолго. Пройдет сколько-то лет, и снова никто не будет о тебе знать.

— Хотя бы на время мне станет легче,— сказал Луи.— Когда ты уйдешь, я снова смогу взвалить на себя эту ношу. И еще...

— Да. Что такое, Луи?

— Ты сказал, что, когда тебя не станет, снова не будет никого, кто обо мне знает. Означает ли это...

— Если ты хочешь узнать, расскажу ли я кому-то еще, то нет, не расскажу. Если ты сам этого не захочешь. Я уже думал о том, что может с тобой случиться, если миру станет о тебе известно.

— У меня есть кое-какие способы защиты. Без них я вряд ли прожил бы так долго.

— Какие способы?

— Всякие. Давай не будем об этом.

— Пожалуй, это действительно меня не касается. Извини. Но есть еще один момент... Если ты хотел, чтобы я узнал, зачем такие сложности? Если бы что-нибудь пошло не так, если бы я не нашел грот...

— Сначала я надеялся, что грот не понадобится. Я думал, ты и так догадаешься.

— Я чувствовал, что здесь что-то не так. Однако все это настолько невероятно, даже дико, что я не доверился бы собственным догадкам. Ты же сам знаешь, насколько это невероятно, Луи. И если бы я не нашел грот.... Это ведь чистая случайность.

— Если бы ты его не нашел, я просто подождал бы еще. Другого раза, другого года или кого-нибудь другого. Какого-то иного способа выдать себя.

— Ты мог бы просто сказать мне.

— Ты имеешь в виду — прямо так?

— Вот именно. Я бы тебе не поверил, конечно. По крайней мере сразу.

— Как ты не понимаешь? Я не мог сказать тебе прямо. Скрытность уже давно моя вторая натура. Один из способов защиты, о которых я говорил. Я бы не смог заставить себя признаться ни тебе, ни кому другому.

— Но почему ты выбрал меня? Почему ты ждал все эти годы, пока я не появлюсь?

— Я не ждал, Бойд. Были и другие. В разные времена... Ничего из этого не выходило. Ты же понимаешь, я должен был найти человека достаточно сильного, чтобы он мог взглянуть правде в глаза, а не шарахаться от меня с дикими криками. Я знал, что ты выдержишь.

— Тем не менее мне потребовалось какое-то время, чтобы обдумать то, что я узнал,— сказал Бойд.— Я, видимо, уже свыкся

с новыми фактами, принял их, но едва-едва. Ты как-нибудь можешь объяснить свое положение, Луи? Почему ты так отличаешься от всех нас?

— Не имею понятия. Даже не догадываюсь. Одно время я думал, что есть другие, подобные мне, искал их. Но никого не нашел. И теперь уже не ищу.

Луи вытащил пробку и передал бутылку Бойду.

— Ты первый,— сказал он твердо.

Бойд поднес бутылку к губам, сделал несколько глотков, потом вручил ее Луи. Глядя, как тот пьет, Бойд невольно задумался: неужели он действительно сидит тут и спокойно разговаривает с человеком, который прожил, оставаясь всегда молодым, двадцать тысяч лет? При мысли о неоспоримости этого факта ему снова стало не по себе, но факт оставался фактом. Анализ лопатки и небольшого количества органического вещества, сохранившегося в краске, показал, что их возраст двадцать две тысячи лет. Никаких сомнений в идентичности отпечатков пальцев в краске и на бутылке тоже не было. Еще в Вашингтоне он спросил специалистов, надеясь обнаружить доказательства фальсификации, можно ли воссоздать древнюю краску, которой пользовались доисторические художники, чтобы затем оставить на ней отпечатки пальцев и подбросить в грот. Ему ответили, что это невозможно, потому что любая подделка красителя обязательно обнаружилась бы при анализах. Но ничего такого они не нашли. Красящему веществу исполнилось двадцать две тысячи лет, и ни у кого не было на этот счет никаких сомнений.

— Ладно, кроманьонец,— произнес Бойд,— расскажи, как тебе это удалось. Как может человек оставаться в живых так долго? Ты, разумеется, не стареешь, и тебя не берет никакая болезнь. Но, насколько я понимаю, ты не защищен от насилия или несчастных случаев, а в истории нашего мира масса всяческих бурных событий. Как можно двести веков подряд ускользать от роковых случайностей и человеческой злонамеренности?

— На заре моей жизни,— сказал Луи,— случалось, что я бывал близок к смерти. Довольно долго я просто не понимал, чем отличаюсь от всех прочих. Разумеется, я жил дольше и дольше оставался молодым. Но осознавать это я начал, ви-

димо, только тогда, когда стал замечать, что все люди, которых я знал раньше, уже умерли, причем умерли давно. Именно тогда я понял, что отличаюсь от остальных. И примерно в то же время на это обратили внимание другие люди. Ко мне начали относиться с подозрением. Кое-кто с ненавистью. Люди решили, что я какой-то злой дух, и в конце концов мне пришлось бежать из своего племени. Я превратился в вечно скрывающегося изгнанника. И вот тогда-то я и начал изучать принципы выживания.

— И что это за принципы?

— Не высовываться. Не выделяться. Не привлекать к себе внимания. Ко всему относиться осторожно. Не быть храбрецом. Не рисковать. Оставлять грязную работу другим. Никогда не вызываться добровольцем. Таиться, бежать, скрываться в случае опасности. Отрастить толстую непробиваемую шкуру: тебе должно быть наплевать, что думают другие. Отбросить все благородные помыслы и любую ответственность перед обществом. Никакой преданности племени, народу или стране. Ты живешь один, сам, для себя. Ты всегда наблюдатель и ни в коем случае не участник. Ты все время с краю, никогда — в центре. И ты настолько сосредоточиваешься на себе, что со временем начинаешь верить, будто тебя не в чем обвинить, будто твой образ жизни — единственно разумный, будто ты живешь, как и должен жить человек... Ты ведь не так давно был в Ронсесвальесе?

— Да. Когда я упомянул о поездке туда, ты сказал, что слышал об этих местах.

— Слышал! Черт побери, я был там в тот самый день, 15 августа 1778 года. Разумеется, я был наблюдателем, а не участником. Трусливый, никчемный человечек, который тащился за отрядом благородных гасконцев, победивших Карла Великого. Гасконцы! Как же! Это для них слишком красивое имя. Самые обыкновенные баски — вот кто они такие! Сборище негодяев, каких свет не видывал. Баски бывают благородными людьми, но только не эта банда. Вместо того чтобы сразиться с франками лицом к лицу, они спрятались в горах и завалили могучих рыцарей камнями в ущелье. Но их интересовали, конечно, не рыцари, а обоз. Они не собирались воевать или мстить за причиненное зло. Просто хотели ограбить богатый обоз. Хотя им это не пошло на пользу.

— Почему?

— Так уж вышло,— сказал Луи.— Они понимали, что основная часть армии франков вернется, если арьергард не догонит ее в скором времени, а им это совсем не улыбалось. Короче, они поснимали с рыцарей доспехи и дорогую одежду, золотые шпоры, кошельки с деньгами, погрузили все это на телеги и дали деру. Потом, отъехав на несколько миль, забрались далеко в горы и спрятались в глубоком каньоне, где, как им казалось, они будут в безопасности. Даже если бы их нашли, у них там получилось нечто вроде форта. Полумилей ниже того места, где они устроили лагерь, каньон сужался, резко забирая в сторону. Там произошел мощный обвал, и образовалась настоящая баррикада, ее могла бы горстка людей удерживать против целой армии. К тому времени я уже был далеко. Я чувствовал, что вот-вот произойдет что-то скверное. Это еще одна из сторон искусства выживания. У тебя развивается какое-то особое чувство, и ты способен заранее предсказывать неприятности. О том, что случилось в ущелье, я узнал гораздо позже.

Луи поднес бутылку к губам и сделал еще глоток, потом передал ее Бойду.

— Не томи,— сказал тот.— Что было дальше?

— Ночью,— продолжил Луи,— разразилась буря. Одна из тех внезапных свирепых бурь, что случаются в здешних местах летом. А тогда начался еще и жуткий ливень. Мои храбрые гасконцы погибли все до одного. Вот и плата за храбрость.

Бойд сделал глоток, опустил бутылку и прижал ее рукой к груди.

— Ты знаешь вещи,— сказал он,— которых не знает никто. Может быть, никто никогда и не задумывался о том, что случилось с гасконцами, которые разбили нос Карлу Великому... Видимо, тебе известно множество ответов на другие загадки. Боже, это как живая история. Ты ведь, наверное, не всегда жил здесь?

— Временами я отправлялся странствовать. Не сиделось на месте, многое хотелось увидеть. И кроме того, я просто должен был кочевать: если я оставался в каком-то одном месте надолго, люди начинали замечать, что я не старею.

— Ты пережил Черную Чуму,— произнес Бойд.— Видел римские легионы. Сам слышал рассказы о завоеваниях Атти-

лы. Следил за крестовыми походами. Ходил по улицам древних Афин...

— Афины мне почему-то никогда не нравились,— сказал Луи,— зато я прожил какое-то время в Спарте. И Спарта, я тебе скажу, действительно того стоила.

— Насколько я понимаю, ты образованный человек... Где ты учился?

— Однажды в Париже, в четырнадцатом веке. Потом в Оксфорде. После этого — в других местах. Под разными именами. Так что, если кто попытается проследить мою жизнь по университетам, которые я посещал, ничего не выйдет.

— Ты мог бы написать книгу,— сказал Бойд,— и она побила бы все рекорды по числу проданных экземпляров. Ты стал бы миллионером. Одна книга — и ты миллионер!

— Я не могу позволить себе стать миллионером, потому что не могу быть на виду, а миллионеры слишком заметны. Кроме того, я не стеснен в средствах. И никогда не был стеснен. Для человека с моей биографией всегда найдутся только ему известные клады, и у меня есть несколько собственных тайников. Так что я вполне обеспечен.

«Конечно же, Луи прав,— подумал Бойд.— Он не может стать миллионером. Не может написать книгу. Ни в коем случае он не может позволить себе стать известным или хоть каким-то образом заметным. В любой ситуации он должен оставаться совершенно неприметным, безликим. Принципы выживания, говорил он. И это органическая их часть, хотя далеко не все. Луи упомянул искусство предвидеть неприятности, способность предчувствовать. Кроме того, нужны и мудрость, и смекалка, и определенная доля цинизма, которая приобретается человеком с годами, и опыт, и умение разбираться в характерах, и знание внутренних побуждений человека, и понимание власти — любой власти: экономической, политической, религиозной... Да полно, человек ли он? Или двадцать тысячелетий превратили его в какое-то высшее существо? Может быть, он уже сделал тот шаг, что вынес его за пределы человечества, в ряды существ, которые придут нынешнему человеку на смену?»

— Еще один вопрос,— сказал Бойд.— Как появились эти «диснеевские» рисунки?

— Они были выполнены позже других,— ответил Луи.— Но кое-какие из ранних рисунков в пещере тоже сделал я. Например, медведь, который ловит рыбу,— мой. Я давно знал о гроте. Нашел его когда-то случайно, но никому не говорил. Так, безо всяких причин. Просто люди иногда оставляют для себя такую вот ерунду, чтобы казаться самим себе позначительнее. Я, мол, знаю что-то такое, чего ты не знаешь... Глупая забава... Но позже я вернулся, чтобы расписать грот. Рисунки в пещере были такие серьезные, строгие... Столько в них вкладывалось этого глупого колдовства. А мне казалось, что живопись должна дышать радостью. Когда племя ушло из этих мест, я вернулся и расписал грот просто для собственного удовольствия. Как тебе, кстати, эти рисунки, Бойд?

— Отличные рисунки. Настоящее искусство,— ответил Бойд.

— Я боялся, что ты не найдешь грот, а помочь тебе никак не мог. Однако я знал, что ты заметил трещины в стене, потому что наблюдал за тобой, когда ты смотрел в ту сторону. Я надеялся, что ты вспомнишь об этом. И рассчитывал, что ты найдешь отпечатки пальцев и свирель. Все это, конечно, просто удачное совпадение. Я ничего не планировал, когда оставил в гроте свои вещи. Свирель, конечно, выдавала меня сразу, и я надеялся, что ты, по крайней мере, заинтересуешься. Хотя здесь, у костра, ты ни словом не обмолвился о находке, и я решил, что шанс упущен. Но когда ты припрятал и унес с собой бутылку, я понял, что мой план сработал... А теперь самый главный вопрос. Ты собираешься оповестить мир о рисунках в гроте?

— Не знаю. Мне нужно будет подумать. А как бы тебе хотелось?

— Я, пожалуй, предпочел бы, чтобы ты этого не делал.

— Ладно, не буду,— сказал Бойд.— По крайней мере какое-то время. Что-нибудь еще я могу для тебя сделать? Тебе что-нибудь нужно?

— Ты сделал самое для меня главное,— сказал Луи.— Ты узнал, кто я. Или что я. Сам не понимаю почему, но это для меня очень важно. Видимо, тревожит полная безвестность. Когда ты умрешь,— а это, я надеюсь, случится еще не скоро,— на свете снова не будет никого, кто знает. Но память, что один человек знал и, более того, понимал, поможет мне

продержаться века... Подожди минутку, у меня кое-что для тебя есть...

Он поднялся, забрался в палатку, потом вернулся и вручил Бойду листок бумаги. Своего рода топографический план.

— Я тут поставил крестик,— сказал Луи.— Чтобы пометить место.

— Какое место?

— Место неподалеку от Ронсесвальеса, где ты найдешь сокровища Карла Великого. Телеги с награбленным добром смыло потоками воды и пронесло вдоль каньона. Но они застряли на повороте, у той каменной баррикады, о которой я говорил. Ты там их и найдешь, очевидно, под толстым слоем галечника и нанесенного мусора.

Бойд оторвал взгляд от карты и вопросительно взглянул на Луи.

— Дело стоящее,— сказал Луи.— Кроме того, это еще одно доказательство в пользу моего рассказа.

— Я поверил тебе, и мне не нужно больше доказательств.

— Все равно. Это не помешает. А теперь пора уходить.

— Как «пора уходить»? Нам еще очень о многом нужно поговорить.

— Может быть, позже,— сказал Луи.— Время от времени мы будем встречаться. Я об этом позабочусь. Но сейчас пора уходить.

Он двинулся по тропе вниз, а Бойд остался сидеть, провожая его взглядом. Сделав несколько шагов, Луи обернулся.

— Мне постоянно кажется, что пора уходить,— произнес он, как будто поясняя.

Бойд встал, но, не трогаясь с места, продолжал смотреть вслед удаляющейся фигуре. Ощущение глубочайшего одиночества вызывал у него уже один вид этого человека. И вправду, самого одинокого человека на всей Земле.

Открытый всем ветрам, начисто выметенный и вылизанный их дыханием гребень возносился к самому небу — словно и камни, и даже земля потянулись, приподнялись на цыпочки в тщетной попытке прикоснуться к недостижимому голубому своду. Отсюда открывались дальние горизонты, и даже ястребы, неустанно кружившие в поисках добычи над речной долиной, парили где-то внизу.

Но суть заключалась не в одной лишь высоте: над этой землей незримо витал дух древности, напоив воздух ароматом времени и ощущением родства с шагающим здесь человеком, будто этот грандиозный гребень обладал собственной личностью и мог поделиться ею с пришельцем. И ощущение этой личности пришлось человеку как раз впору, оно окутывало душу словно теплый плащ.

Но в то же самое время в глубине памяти идущего продолжало звучать поскрипывание кресла-качалки, в котором горбилась маленькая сморщенная старушка. Несмотря на возраст, энергия не покидала ее, хотя годы иссушили и согнули некогда стройный стан, превратив его обладательницу в крохотное изможденное существо, почти слившееся со своим креслом. Ноги старой дамы покачивались в воздухе, не доставая до пола, как у забравшегося в прадедушкину качалку ребенка, и тем не менее она ухитрялась качаться, не останавливаясь ни на секунду. «Черт побери,— удивлялся Томас Паркер,— как ей это удается?»

Гребень кончился; пошли известняковые скалы. Отвесным обрывом вздымаясь над рекой, они сворачивали к востоку, огибали крепостным валом речную долину и ограждали гребень от ее глубин.

© Перевод А. Филонова.

Обернувшись, Томас поглядел вдоль гребня и примерно в миле позади увидел ажурные контуры ветряка, обратившего свои огромные крылья на восток — вслед человеку. Заходящее солнце превратило крутящиеся лопасти в серебряный вихрь.

Ветряк обязательно побрякивает и громыхает, но сюда его тараторка не доносилась из-за сильного западного ветра, заглушающего своим посвистом все остальные звуки. Ветер неустанно подталкивал человека в спину, трепал полы его незастегнутого пиджака и обшлага брюк.

И хотя слух Томаса был заполнен говором ветра, на дне его памяти по-прежнему поскрипывало кресло, раскачивающееся в комнате старого дома, где изящество прошлых времен неустанно ведет войну с бесцеремонным вторжением настоящего, где стоит камин из розового кирпича с выбеленными швами кладки, а на каминной полке — старинные статуэтки, пожелтевшие фотографии в деревянных рамках и приземистые вычурные часы, отбивающие каждую четверть; вдоль стен выстроилась кряжистая дубовая мебель, на полу — истоптанный ковер. Эркеры с широкими подоконниками задрапированы тяжелыми шторами, материал которых за многие годы выгорел до неузнаваемости. По стенам развешаны картины в массивных позолоченных рамах, а в комнате царит глубокий сумрак, и невозможно даже угадать, что же там изображено.

Работница на все руки — компаньонка, служанка, ключница, сиделка и кухарка — внесла поднос с чаем и двумя блюдами; на одном высилась горка бутербродов с маслом, на другом разложены небольшие пирожки. Поставив поднос на столик перед качалкой, служанка удалилась обратно в сумрак таинственных глубин древнего дома.

— Томас,— надтреснутым голосом сказала старая дама,— будь любезен, налей. Мне два кусочка, сливок не надо.

Он неуклюже встал с набитого конским волосом стула и впервые в жизни принялся неловко разливать чай. Ему казалось, что следует проделать это грациозно, с изяществом и этаким шармом галантности,— но чего нет, того нет. Он пришел из иного мира и не имеет ничего общего ни с этим домом, ни со старой дамой.

Его сюда вызвали, и притом весьма категорично, коротенькой запиской на похрустывающем листке, от которого исходил слабый аромат лаванды. Почерк оказался куда более уве-

ренным, чем можно было предполагать,— каждая буква полна изящества и достоинства, привитых старой школой каллиграфии.

«Жду тебя,— значилось в записке,— 17-го после полудня. Необходимо кое-что обсудить».

В ответ на этот долетевший с расстояния в семьсот миль призыв прошлого Томас погнал свой громыхающий, потрепанный и облупившийся фургончик через полыхающие осенним пожаром красок холмы Старой Англии.

Ветер цеплялся за одежду и подталкивал в спину, крылья ветряка крутились вихрем, а внизу, над рекой, виднелся маленький темный силуэт парящего ястреба. «И снова осень,— подумалось Томасу,— как и тогда. И снова уменьшенные перспективой деревья в речной долине. Только это иная река и другие деревья».

На самом гребне не выросло ни единого деревца — если, конечно, не считать небольших садиков вокруг прежних усадеб. Самих усадеб уже нет: дома или сгорели, или рухнули под напором ветра и прошедших лет. Наверно, давным-давно здесь шумел лес, но если он и был, то больше века назад пал под ударами топора, чтобы уступить место пашне. Поля сохранились, однако уже десятки лет не знают плуга.

Стоя у края гребня, Томас глядел назад, на пройденный за день путь. Он прошагал многие мили, чтобы исследовать гребень, хотя и не понимал зачем; все это время его будто гнала какая-то нужда, до нынешнего момента даже не осознаваемая.

Его предки жили на этой земле, измеряли шагами каждый ее фут, находили здесь стол и кров, завещали ее своим потомкам и знали так, как не дано познать за несколько коротких дней. Знали — и все-таки покинули, гонимые некой неведомой напастью. Вот это как раз и странно. Что-то здесь явно не так. Сведения на сей счет, достигшие ушей Томаса, чрезмерного доверия не внушали. Да нечего тут опасаться, наоборот, этот край располагает к себе. Он привлекает и близостью к небесам, чистотой и свежестью ветра, и ощущением родства с землей, с камнями, с воздухом, с грозой... Да, пожалуй, с самим небом.

Здесь остались следы его предков — последних ходивших по этой земле до него. Многие миллионы лет по гребню бро-

дили неведомые, а то и невообразимые твари. Этот край не менялся чуть ли не с времен сотворения мира; он стоял как часовой — оплот постоянства среди вечно меняющейся земли. Его не вздыбили перипетии горообразования, не утюжили ледники, не заливали моря — многие миллионы лет стоял он сам по себе, не меняясь ни на йоту, и лишь неизбежное выветривание едва уловимо коснулось его облика мягкой кистью.

Томас сидел в появившейся из прошлого комнате, а напротив покачивалась в скрипучем кресле старая дама. Даже прихлебывая чай и деликатно покусывая миниатюрный бутерброд с маслом, она не останавливала свое покачивание ни на миг.

— Томас,— старческим надтреснутым голосом сказала старушка,— для тебя есть работа. Ты обязан ее сделать, только тебе это по плечу. Результат чрезвычайно важен для меня.

Подумать только, чрезвычайно важен — и не для кого-нибудь, а именно для нее! И притом совершенно все равно, будет ли этот результат важен или не важен хотя бы для еще одного человека. Ей важно, а на остальное плевать.

Решительный настрой старой дамы в качалке оказался настолько забавным, что затмил старомодную неуместность этой комнаты, этого дома и этой женщины.

— Да, тетушка? Какая работа? Если я с ней справлюсь...

— Справишься,— отрубила она.— Нечего разыгрывать умника. Она вполне по силам тебе. Я хочу, чтобы ты написал историю нашей семьи, точнее, нашей ветви генеалогического древа Паркеров. Паркеров в мире много, но меня интересуют лишь прямые предки. На побочные линии внимания не обращай.

— Н-но, тетушка,— запинаясь от удивления, возразил Томас,— на это могут уйти годы.

— Твои занятия будут оплачены. Раз уж ты пишешь книги на другие темы — почему бы не написать историю семьи? Только-только вышла в свет книга по палеонтологии, над которой ты корпел не меньше трех лет. А до того были труды по археологии — о доисторических египтянах, о караванных путях древнего мира. Ты писал даже о древнем фольклоре и суевериях, и, если хочешь знать, более глупой книжонки я в жизни не читывала. Ты с оттенком пренебрежения называешь

свои труды научно-популярными, но тратишь на них уйму времени и сил, беседуешь с множеством людей, роешься в пыльных архивах. Мог бы постараться и ради меня.

— Но такую книгу никто не издаст, это никому не интересно.

— Мне интересно,— резко проскрипела она.— К тому же речь об издании и не идет. Мне просто хочется знать, Томас, откуда мы вышли, что мы за люди,— словом, кто мы такие. Твою работу я оплачу, я настаиваю на этом условии. Я тебе заплачу...— И она назвала сумму, от которой Томас едва не охнул. Такие деньги ему и не снились.— И плюс накладные расходы. Ты обязан тщательно записывать все свои затраты.

— Но, тетушка, это можно сделать куда дешевле,— вкрадчиво возразил он. Ясное дело, старушка выжила из ума и перечить не стоит.— Например, нанять специалистов по генеалогии. Выяснение семейных историй — их хлеб.

— Я нанимала,— фыркнула дама,— и предоставлю результаты в твое распоряжение. Это облегчит задачу.

— Но раз ты уже...

— Их изыскания внушают мне подозрения. Там не все чисто, то есть мне так кажется. Они очень стараются угодить, отрабатывая свой гонорар, и польстить заказчику. Стремятся подсластить пилюлю, Томас. Взять хотя бы поместье в Шропшире, о котором они толкуют,— что-то я сомневаюсь в его существовании, очень уж это слащавое начало. Я хочу знать, имелось ли таковое на самом деле. Далее. В Лондоне жил купец — говорят, торговал скобяными изделиями. Мне этого мало, хочу знать о нем больше. Даже сведения, собранные здесь, в Новой Англии, кажутся не очень ясными. И еще одно, Томас: не упомянут ни один конокрад, ни один висельник. Если таковые имелись, я хочу знать о них.

— Но зачем, тетушка? К чему столько хлопот? Если эта книга и будет написана, ее никогда не издадут. О ней будем знать лишь ты да я. Я отдам тебе рукопись, и этим все закончится.

— Томас,— сказала она,— я старая слабоумная маразматичка, и в запасе у меня лишь несколько лет слабоумия и маразма. Не заставляй меня прибегать к мольбам.

— Меня не надо умолять. Мои руки, моя голова и моя пишущая машинка работают на того, кто платит. Просто мне непонятно, к чему это.

— Тебе незачем понимать. Я своевольничала всю жизнь — уж позволь мне и напоследок чудить по-своему.

И наконец дело доведено до конца. Долгая череда Паркеров привела Томаса на этот высокий, продуваемый всеми ветрами хребет с громыхающим ветряком и рощицами вокруг заброшенных усадеб, с давным-давно не паханными полями и чистым родничком, рядом с которым так уютно приткнулся фургончик.

Остановившись у скал, Томас поглядел вниз, на каменную осыпь склона, кое-где перемежавшуюся небольшими рощицами белостовольных берез. Некоторые валуны на осыпи были размером с добрый амбар.

Странное дело — если не считать садов на месте жилья, никакие деревья, кроме берез, здесь не растут; да и осыпь — единственная на весь гребень. Если бы ледники заходили сюда, появление валунов можно было бы списать на их счет, но дело в том, что в Ледниковый период прошедшие весь Средний Запад грозные ледовые поля остановили свое продвижение севернее здешних мест. По каким-то неведомым доселе причинам льды щадили этот край, на много миль окрест сделавшийся оазисом покоя; они огибали его с двух сторон и снова смыкались на юге.

«Должно быть,— решил Томас,— раньше там был выход скальной породы, ныне превращенной выветриванием в каменную осыпь».

И он стал спускаться по склону к поросшей березами осыпи — просто так, без всякой цели.

Вблизи валуны выглядели ничуть не менее внушительно, чем с вершины. Среди нескольких крупных камней было разбросано множество мелких осколков, видно отколовшихся под действием морозов и вешних вод, не без помощи жарких лучей солнца.

«Грандиозная площадка для игр,— улыбнулся Томас, пробираясь среди валунов, перескакивая через трещины и осторожно преодолевая промежутки между ними.— Детская фантазия сразу же нарисует здесь замки, крепости, горы...»

Веками среди камней накапливались принесенная ветром пыль и опавшая листва, образуя почву, в которой пустили корни многочисленные растения, в том числе и стоявшие в цвету астры и золотарник.

Посреди осыпи виднелось подобие пещеры: два больших валуна смыкались своими верхушками в восьми футах от земли, образуя нечто вроде наклонных сводов тоннеля футов двенадцати длиной и шести шириной. Посреди тоннеля высилась груда камешков. Должно быть, какой-то малыш много лет назад собрал и спрятал их здесь как воображаемое сокровище.

Подойдя туда, Томас наклонился и зачерпнул горсть камешков, но, коснувшись их, понял, что камни-то не простые. На ощупь они казались скользкими, будто отполированными, и чуточку маслянистыми.

С год или чуть более назад в каком-то музее на Западе — кажется, в Колорадо, а может, и нет — ему впервые довелось увидеть и подержать в руках такие камешки.

— Гастролиты,— пояснил бородатый хранитель,— зобные камни. Мы полагаем, что они содержались в желудках травоядных динозавров, но не исключено, что и всех динозавров вообще. Точно не известно.

— Вроде тех, что находят в зобу у кур?

— Вот именно. Куры склевывают мелкие камешки, песок и кусочки ракушек, чтобы те помогли им в пищеварении,— ведь куры глотают корм, не разжевывая. Камушки в зобу берут на себя роль зубов. Есть вероятность, надо сказать — весьма высокая, что динозавры поступали подобным же образом, проглатывая камни. Эти камни они носили в себе, тем самым шлифуя их, всю жизнь и после смерти...

— Но откуда жир? Маслянистое ощущение?

— Неизвестно.— Хранитель покачал головой.— Может, это жир динозавров, впитанный камнями за годы пребывания в желудке?

— А никто не пытался его снять, чтобы выяснить, так ли это?

— По-моему, нет,— ответил тогда хранитель.

И вот теперь, здесь, в этом тоннеле или как его там,— груда зобных камешков.

Присев на корточки, Томас отобрал с полдюжины камешков покрупнее, размером с куриное яйцо, чувствуя, как в душу исподволь закрадывается древний атавистический страх, уходящий корнями в столь глубокое прошлое, что давно должен бы и вовсе позабыться.

Много миллионов лет назад — быть может, целых сто миллионов — сюда приполз умирать то ли больной, то ли раненый динозавр. С той поры плоть его исчезла, кости обратились в прах, и лишь груда камешков, таившихся в чреве доисторического чудовища, отметила место его последнего упокоения.

Зажав камни в кулаке, Томас присел на корточки и попытался мысленно воссоздать разыгравшуюся когда-то драму. Здесь, на этом самом месте, дрожащий зверь свернулся клубком, стремясь забиться от опасности как можно глубже в каменную нору, подвывая от боли, захлебываясь от слабости собственным дыханием. Здесь он и умер. А потом пришли мелкие млекопитающие, чтобы суетливо утолить свой голод плотью погибшего исполина...

«А вроде бы здешние края не назовешь страной динозавров,— подумал Томас.— Здесь не увидишь охотников до раскопок, приехавших в поисках любопытных окаменелостей». Разумеется, динозавры жили и тут, но не было геологических потрясений, которые могли бы похоронить их и сберечь останки для грядущих исследователей. Но если останки все-таки где-то захоронены, то они в полной сохранности — ведь сокрушающие все на своем пути ледники не могли ни разрушить, ни укрыть их толстым слоем земли, как это случилось со многими реликтами.

Зато здесь, среди валунов, уцелело место последнего приюта одного из ушедших навеки существ. Томас попытался представить, как это исчезнувшее существо выглядело при жизни, но не преуспел в этом. Динозавры очень разнообразны; окаменелые останки некоторых из них дошли до нас, но многие нам и не снились.

Он сунул камешки в карман пиджака, выполз из тоннеля и зашагал обратно. Солнце совсем опустилось, и зубчатый силуэт холмов далеко на западе рассекал сияющий диск почти пополам. Ветер перед сумерками совсем стих, и гребень затаился в настороженной тишине. Ветряк приглушил свое громыхание и лишь тихонько постукивал при каждом обороте лопастей.

Не дойдя до ветряка, Томас свернул вниз, к устью сбегавшего к реке глубокого оврага, где возле родника под сенью раскидистого осокоря белел в наступающих сумерках его фургончик. Лепет пробивающихся из склона струй был слышен

уже издали. В лесу ниже по склону раздавалось попискивание устраивающихся на ночлег птиц.

Томас раздул почти угасший костер, приготовил ужин и сел у огня, думая о том, что настала пора уезжать. Работа сделана: он проследил долгий путь Паркеров до конца, до этого самого места, где вскоре после Гражданской войны Нэд Паркер решил основать ферму.

Поместье в Шропшире действительно существовало — но заодно Томас выяснил, что лондонский купец торговал шерстью, а не скобяными изделиями. Конокрадов, висельников, предателей — вообще каких-либо мерзавцев — в роду не обнаружилось. Паркеры оказались простыми трудягами, не способными ни на возвышенные, ни на низкие поступки, потихоньку влачившими заурядное существование честных йоменов и честных торговцев, возделывавших свои небольшие участки и вступающих в мелкие сделки. В конце концов они все-таки преодолели океан и прибыли в Новую Англию — но не в числе пионеров, а среди поселенцев. Кое-кто из Паркеров принял участие в войне за независимость, но ничем не отличился. Та же участь постигла и участников Гражданской войны.

Естественно, попадались и заметные, хоть и не выдающиеся, исключения, например Молли Паркер, позволявшая себе чересчур вольные высказывания в адрес кое-кого из соседей и приговоренная за свой длинный язык к позорному стулу. Или Джонатан, осужденный на ссылку в колонии за недомыслие и безнадежные долги. Имелся и некий Тедди Паркер, вроде бы церковнослужитель (тут сведения несколько расплывчаты), затеявший долгую и мучительную тяжбу со своим собственным прихожанином по поводу спорных прав церкви на пастбище.

Но все эти персонажи не стоили и упоминания, оказавшись едва заметными пятнышками на безупречно чистом знамени племени Паркеров.

Пора уезжать. Путь семьи Паркеров — по крайней мере, путь прямых предков Томаса и его престарелой тетушки — пройден и выверен вплоть до этого высокого гребня. Найдена прежняя усадьба: дом сгорел много лет назад, и местоположение жилища отмечено лишь погребом, успевшим за десятилетия заполниться различным хламом. Томас осмотрел ветряк и постоял у поющего колодца, хотя колодец так и не спел.

«Пора»,— думал он без всякого энтузиазма, чувствуя странное нежелание уходить куда-то прочь от этих мест, словно должно произойти еще что-то, словно можно узнать нечто новое,— хотя, конечно, все это глупости.

Быть может, он просто влюбился в этот высокий, насквозь продуваемый холм, подпал под то же неуловимое очарование, что в свое время и прапрадед? Томасу вдруг показалось, что он наконец отыскал то единственное место на земле, куда всю жизнь звало его сердце, и ощутил привязанность к этой земле, видимо, восходившую к его корням и питаемую ими.

Но это же нелепость. Он ничем не связан с этим местом, а голос тела, подхлестываемого какими-то фокусами биохимии, всего лишь заблуждение. Можно задержаться еще на денек-другой, отдав тем самым должное чувству привязанности, а там оно и само пройдет, и здешние чары утратят всякое волшебство.

Он сдвинул угли в кучу и подбросил дров. Дерево дружно занялось, и вскоре костер весело полыхал. Откинувшись на спинку походного кресла, Томас уставился во тьму, за пределы освещенного огнем круга. Там затаились какие-то тени, выжидательно замершие силуэты — конечно, это всего лишь куст, сливовое деревце или заросли орешника. Восточный небосвод озарился, предвещая восход луны. Пришедший на смену вечернему затишью ветерок зашелестел листвой осеняющего бивак раскидистого осокоря.

Томас попытался сесть поудобнее. Лежащие в кармане пиджака зобные камни больно впились в бок.

Он сунул руку в карман, вытащил гладкие камешки и разложил на ладони, чтобы получше рассмотреть их в свете костра. Поблескивая в сполохах костра, камни на вид и на ощупь напоминали бархат. Речная галька никогда не бывает такой. Поворачивая камешки с боку на бок, Томас обнаружил, что все углубления и вмятинки отполированы ничуть не хуже, чем остальная поверхность.

Речная галька полируется под воздействием песка, когда вода омывает ее или катит по дну. Зобные же камни получили свой блеск благодаря трению друг о друга под напором крепких мускулов желудка динозавра. Должно быть, был там и песок — ведь неразборчивый динозавр выдергивал растения из песчаного грунта и заглатывал их вместе с налипшими комочками

почвы и песчинками. И год за годом камни подвергались непрерывной полировке.

Заинтересованный Томас продолжал медленно поворачивать камни свободной рукой, и вдруг на одном из них вспыхнул яркий блик. Стоило повернуть его обратно, и блик вспыхнул снова — на поверхности была какая-то неровность.

Убрав два других камня в карман, Томас наклонился вперед и занялся пристальным изучением оставшегося камня, поднеся его к свету и повернув так, чтобы неровность была хорошо освещена. На поверку она походила на строку текста, вот только письмена оказались весьма диковинными, да и нелепо полагать, будто во времена глотавших камни динозавров могла существовать письменность. Разве что недавно, этак с век назад, кто-нибудь... Да нет, чепуха. Оба объяснения никуда не годятся.

Зажав камень в ладони, он отправился в фургончик, пошарил в ящике стола и отыскал небольшую лупу. Затем зажег керосиновую лампу, поставил ее на стол и в ярком свете поднес к письменам увеличительное стекло.

Пусть и не письмена, но что-то все-таки было выгравировано, и штрихи выглядели такими же заплывшими и гладкими, как и остальная поверхность. Так что люди тут ни при чем. Появиться естественным образом гравировка тоже не могла. Мерцание лампы мешало разглядеть письмена во всех подробностях: там было что-то наподобие двух треугольников — один вершиной кверху, другой вершиной книзу,— соединенных посередке кудреватой линией.

Разглядеть доскональнее оказалось просто невозможно. Гравировка (если это все-таки она) была настолько тонкой и мелкой, что детали оставались неразличимыми даже под лупой. Может, более мощная лупа открыла бы взору еще что-нибудь, но таковой в багаже Томаса не нашлось.

Оставив камень на столе, Томас вышел наружу и, уже спускаясь по лесенке, ощутил какую-то перемену. Он тут же замер. И прежде во мраке прорисовывались черные тени — заросли орешника и мелких деревьев, но теперь тени стали крупнее и пришли в движение. К сожалению, зрение было не в состоянии выявить определенные формы, хотя порой и улавливало какое-то движение.

«Это просто безумие,— твердил он себе,— нет там ничего. В крайнем случае корова или бычок». Ему говорили, что

нынешние владельцы земли порой отпускают скотину на вольный выпас, а по осени сгоняют ее в загоны. Но за время прогулок по гребню Томас не встретил ни одного животного, а оно непременно дало бы о себе знать. Кроме того, прохаживаясь вокруг, оно стучало бы копытами и сопело, обнюхивая листья и траву.

Вернувшись к костру и усевшись в кресло, Томас поднял палку и поправил развалившиеся поленья, а затем устроился поудобнее, уверяя себя, что слишком давно живет кочевой жизнью, чтобы позволить тьме будить воображение,— но уверения цели не достигли.

Пусть за кругом света ничто не шевелилось — вопреки его самоуверениям и напускному спокойствию во тьме все равно ощущалось некое присутствие. Словно вдруг в мозгу проснулось какое-то новое, доселе неведомое и ни разу не проявлявшееся чувство. Удивительно, как много неожиданных способностей и возможностей еще скрывает человеческий мозг.

А огромные черные силуэты продолжали потихоньку передвигаться, вяло переползая на дюйм-другой и останавливаясь — постоянно на периферии зрения, у границы светлого круга, за пределами видимости.

Томас замер. Мышцы его одеревенели, натянутые нервы вибрировали как струны, напряженный слух пытался уловить хоть один выдающий их звук, но силуэты двигались беззвучно, да и само их движение можно было лишь ощутить, а не увидеть.

Новое, неведомое доселе чувство подсказывало, что в темноте кто-то есть, в то время как разум всеми силами протестовал против такого предположения. Все это бездоказательные выдумки, твердила рациональная часть сознания. Доказательства и не нужны, возражала другая часть, есть просто знание.

Тени все надвигались, сбиваясь в кучу, ибо прибывали во множестве, двигаясь без единого звука, с предельной осторожностью, и брошенная во тьму щепка легко попала бы в них.

Но Томас не стал ничего бросать, оцепенев в кресле. «Я их переупрямлю,— мысленно повторял он.— Я их переупрямлю. Ведь это мой костер, моя земля. Я имею полное право оставаться здесь сколько захочу».

Пытаясь разобраться в своих чувствах, он не обнаружил в себе паники, отнимающего разум и силу ужаса — хотя честно признал, что все-таки напуган. А заодно — вопреки собствен-

ным утверждениям — усомнился в своем праве находиться здесь. Развести костер ему никто не может запретить, ибо это чисто человеческая привилегия, огнем пользуется лишь человек. А вот земля — дело другое. Претендовать на нее вполне могут иные владельцы, обладавшие ею с древнейших времен по праву первенства.

Костер прогорел. Над горизонтом взошла почти полная луна, озарившая окрестности неярким, мертвенным сиянием, и в этом призрачном свете стало видно, что вокруг кострища никого нет. Однако, вглядевшись пристальнее, Томас сумел различить некое подобие подвижной массы в росшем внизу лесу.

Ветер усилился, издалека донеслась тараторка ветряка. Оглянувшись через плечо, Томас попытался разглядеть его, но света было слишком мало.

Напряжение понемногу отпускало, и Томас в недоумении принялся гадать: «Что же, черт возьми, произошло? Фантазию мою буйной не назовешь, духов я никогда не вызывал. Нет сомнений, произошло нечто непонятное — но как это истолковать?» В том-то и загвоздка — никаких толкований он давать не собирался, предпочитая, как и раньше, оставаться независимым наблюдателем.

Зайдя в фургончик, он взял там бутылку виски и вернулся к огню, не утруждая себя поисками стакана. Затем вытянулся на стуле и, взяв бутылку за горлышко, поставил ее на живот, кожей ощутив прохладное круглое донышко.

И тогда ему вспомнился разговор со старым негром, состоявшийся как-то раз в глуши Алабамы. Они сидели на покосившемся крылечке ветхого опрятного домика, под сенью ветвей падуба, защищавшего двор от жаркого послеполуденного солнца. Старик удобно расположился в кресле, покручивая палку между ладонями, так что ее крючкообразная рукоятка безостановочно вращалась.

— Ежели вы намерены написать свою книгу, как оно следует быть,— говорил чернокожий старик,— вам не следует останавливаться на нечистом. Напрасно я это говорю, да раз уж вы обещали не упоминать моего имени...

— Ни в коем случае,— подтвердил Томас.

— Я был проповедником долгие годы и за это время узнал о нечистом очень многое. Я сделал его козлом отпущения, я запугивал им людей. «Ежели будете скверно себя вести,— говаривал я,— то он, дух нечистый, поволочет вас за ноги по

длинной-предлинной лестнице, а ваши головы будут биться о ступени, а вы будете вопить, рыдать и молить о пощаде. Но он, дух нечистый, не обратит на ваши мольбы никакого внимания, не станет даже слушать — просто протащит по лестнице да и швырнет в геенну». Нечистый прекрасно укладывается у них в головах, они год за годом слышат о нечистом, знают, каков он собой и знакомы с его манерами...

— И был какой-нибудь толк? — поинтересовался Томас.— В смысле, от запугивания дьяволом.

— Кто его знает. Сдается мне, что да. Порой. Не всегда, но порой помогало. Словом, стоило постараться.

— Но мне-то вы сказали, что надо глядеть глубже, не останавливаясь на нечистом.

— Вам, белым, этого не понять, а у нас, у моего народа, это в крови. Вы ушли чересчур далеко от джунглей. А мы всего несколько поколений как из Африки.

— То есть...

— То есть оно значит, что вам надобно вернуться. Назад, во времена, где людей вообще не было. Назад, в древние эпохи. Нечистый — это христианское воплощение зла. Ежели хотите, это зло добропорядочное, бледная тень настоящего, седьмая вода на киселе по сравнению с ним. Он достался нам из Вавилона да Египта, но даже вавилоняне и египтяне забыли, а то и не знали, что есть зло настоящее. Нечистый, скажу я вам, лишь жалкая кроха идеи, его породившей, смутный отблеск зла, какое ощущали давние люди. Не видели, а то и есть, что ощущали — в те дни, когда высекали первые каменные топоры да носились с идеей огня.

— Так вы утверждаете, что зло существовало и до человека? Что духи зла не являются порождением нашей фантазии?

Старик чуточку кривовато, не теряя серьезности, усмехнулся.

— И почему это люди возлагают всю ответственность за зло лишь на себя?

Томас вспомнил, как приятно провел тот вечер, посиживая на крыльце в тени падуба, болтая со стариком и потягивая бузинное вино. Эта беседа не единственная, были и другие — в разное время, в разных местах, с разными людьми. И рассказы этих людей привели к написанию короткой и не очень убедительной главки о том, что образцом для создания духов зла, которым поклонялось человечество, послужило зло

первородное. Как ни странно, раскупалась книга хорошо, ее все еще переиздают. Все-таки она стоила потраченных сил; но удачнее всего то, что удалось выйти сухим из воды и безболезненно выкрутиться. Ведь сам Томас не верил ни в черта, ни в дьявола, ни во что иное — хотя многие читатели не подвергали их существование ни малейшему сомнению.

Угли дотлевали, бутылка изрядно опустела. Луна поднялась по небосклону, и ее свет смягчил резкие контуры окружающего пейзажа. «Ладно,— решил Томас,— завтрашний день проведу здесь — и поеду. Работа тетушки Элси завершена».

Оставив стул у костра, он отправился спать и, уже засыпая, снова услышал поскрипывание тетушкиной качалки.

Наутро, позавтракав, он снова отправился на гребень к усадьбе Паркеров, рядом с которой во время своего первого обхода окрестностей задержался лишь ненадолго,

Возле погреба рос могучий клен. Томас палкой разворошил суглинок — под ним обнаружился слой углей, делавший почву похожей на чернозем.

Неподалеку виднелись заросли розмарина. Сорвав несколько листиков, он растер их между пальцами, ощутив сильный запах мяты. К востоку от погреба доживали свой век несколько уцелевших яблонь. Ветки их были изломаны ветром, но деревья еще ухитрялись плодоносить, давая мелкие, похожие на дички, яблоки. Томас сорвал одно и впился в него зубами. Рот наполнился забытым вкусом — теперь таких яблок уже не найдешь. Отыскались в саду и грядка ревеня в полном цвету, и несколько засыхающих кустов роз, покрытых дожидающимися зимних птиц алыми ягодами, и заросли ирисов, разросшихся столь густо, что клубни выпирали на поверхность.

Остановившись возле ирисов, Томас огляделся. Давным-давно, больше века назад, его предок, пришедший с войны солдат, построил усадьбу: дом, амбар, курятник, конюшню, закрома, овин и еще что-то — и поселился здесь, чтобы стать землепашцем, пожил сколько-то лет, а потом вдруг бросил землю, впрочем, как и остальные жители гребня.

На пути сюда, странствуя по прихоти крохотной чудаковатой старушки, сидящей в поскрипывающей качалке, Томас остановился в небольшом поселке Пестрый Лесок, чтобы узнать дорогу. Два сидящих на скамейке перед парикмахерской фермера поглядели на него то ли с немым недоверием, то ли с беспокойством.

— Гребень Паркера? — переспросил один.— Неужто вам надо на гребень Паркера?

— По делу,— пояснил Томас.

— На гребне Паркера не с кем делать дела. Там никто не бывает.

Но Томас не уступал, и они в конце концов сдались.

— На самом-то деле там один гребень, только он разделен пополам. Езжайте от поселка на север, там увидите погост. Не доезжая до погоста, сверните налево и окажетесь на Военном гребне. Дальше держитесь по верху. Некоторые дороги отворачивают, а вы езжайте по макушке гребня.

— Вы говорите о Военном гребне, а мне нужен гребень Паркера.

— Да все едино. Как Военный гребень кончится, пойдет гребень Паркера. Он проходит высоко над рекой — спросите там по пути.

Так что Томас двинулся на север и, не доезжая до кладбища, свернул налево. Дорога по гребню была далеко не первоклассной — просто проселок. То ли ее не мостили, то ли мостили очень давно, а потом бросили, так что от асфальта почти ничего не осталось. Вдоль дороги тянулись приткнувшиеся к гребню мелкие фермерские хозяйства: сбившиеся в кучку полуразрушенные домики, окруженные скудными, истощенными полями. Завидев автомобиль, фермерские псы с лаем бросались в погоню.

Милями пятью дальше встретился человек, извлекавший почту из ящика, и Томас подъехал ближе.

— Я ищу гребень Паркера. Не скажете, далеко еще?

Мужчина сунул три или четыре полученных письма в задний карман комбинезона, подошел к обочине и остановился у машины, вблизи оказавшись крупным, ширококостным человеком. Его морщинистое обветренное лицо покрывала недельная щетина.

— Почитай приехали,— ответил он.— Мили три будет. Но скажите, незнакомец, зачем он вам?

— Хочу просто поглядеть.

— Не на что там глядеть,— покачал головой фермер.— Нет там никого. А раньше люди были, с полдюжины ферм. Жили, возделывали землю, да только уж давным-давно, лет шестьдесят, а то и поболее будет. Потом все куда-то перебрались.

Землю кто-то купил, да не знаю кто. Некоторые держат здесь скотину — по весне покупают ее на Западе, пасут здесь до осени, потом сгоняют и откармливают зерном на продажу.

— Вы уверены, что там никого?

— Ни единой души. Раньше были. То же и с домами. Ни жилья, ни строений. Некоторые сгорели. Должно быть, детишки со спичками баловались. Наверное, думали, что так и надо. Гребень пользуется дурной славой.

— В каком смысле дурной славой? При чем тут дурная?..

— Взять хотя бы поющий колодец. Хотя лично я не знаю, при чем тут колодец.

— Не понимаю. Первый раз слышу о поющем колодце.

— Это колодец старика Нэда Паркера,— рассмеялся фермер.— Он поселился там в числе первых. Вернулся с войны и купил землю. Задешево — ветеранам Гражданской продавали земли правительства по доллару за акр, а в те времена вся здешняя земля была правительственной. Нэд мог купить за тот же доллар за акр жирную ровную землю в прерии Блэйка, милях в двадцати отсюда, но он был не из таковских. Он знал, чего хочет. Ему нужно было, чтобы дрова были под рукой, чтобы неподалеку бежал ручей, чтобы поблизости была охота и рыбалка.

— Насколько я понимаю, здесь с этим не сложилось?

— Очень даже сложилось, если не считать воды. Там был большой родник, на который он рассчитывал, но выпало несколько засушливых лет, и родник начал иссякать. Он так и не иссяк, но Нэд напугался, что вдруг такое случится. Родник бьет и по сей день, но Нэд был такой человек, что не хотел, чтоб засуха застала его врасплох. И надумал пробурить колодец. На самом верху гребня, боже ты мой! Нашел буровика и приставил его к делу. Наткнулись на водоносный пласт, но воды было мало. Уходили все глубже и глубже, но все без толку, пока буровик не сказал: «Нэд, единственный способ найти воду — это углубиться до уровня реки. Но дальше каждый фут обойдется в доллар с четвертью». Ну, в те времена доллар с четвертью был порядочной суммой, но Нэд уже убухал в этот колодец столько денег, что велел продолжать. Так что буровик продолжил. О таких глубоких колодцах никто и не слыхивал. Народ приходил только для того, чтобы поглядеть, как бурят. Это рассказывал мне дед, а ему — отец. Добравшись

до уровня реки, они нашли массу воды. Этот колодец никогда бы не пересох, но вот как качать воду? Поднять ее надо было ужасно высоко. Тогда Нэд купил самый большой, самый тяжелый, самый мощный ветряк из всех, какие бывают. Ветряк обошелся в целое состояние, но Нэд не жаловался. Ему нужна была вода, и он ее получил. В отличие от большинства ветряков с этим проблем не было — его выстроили на века. Ветряк и сейчас там, и все работает, хотя воду больше не качает: привод насоса много лет как сломался. Та же история с механизмом управления пропеллером, то бишь с рычагом, который тормозит лопасти, так что теперь он крутится без остановки и усмирить его нет никакой возможности. Тарахтит без смазки все громче и громче. Рано или поздно все ж таки замолкнет — сломается, да и все тут.

— Вы говорили, что колодец поет, а рассказали обо всем, но только не об этом.

— Ну, это курьезная штука. Порой он поет. Если встать на платформе над скважиной, чувствуется поток воздуха. По слухам, когда этот сквозняк был сильным, то колодец вроде как гудел. Говорят, он и теперь гудит, хотя сам я толком не знаю. Кое-кто утверждал, что он гудит при северном ветре, но и тут поручиться не могу. Сами знаете, у людей всегда готов ответ по любому поводу — есть им что сказать или нет. Насколько я понимаю, те, кто говорит, что колодец поет при северном ветре, объясняют это тем, что сильный ветер с севера дует прямиком на обращенные к реке скалы. В этих скалах есть уходящие под гребень пещеры и трещины, и вроде бы некоторые трещины выходят прямиком в колодец, а там воздух мчится вверх по скважине.

— По-моему, это немного притянуто за уши,— заметил Томас.

Фермер поскреб в затылке.

— Ну, не знаю, врать не буду. Это все со слов старожилов, а их уж нет: перебрались отсюда много лет назад. Вдруг сорвались со своих мест, да только их и видели.

— Все разом?

— И тут я не в курсе, но навряд ли. Не могли ж они уехать все скопом? Сперва одна семья, за ней другая, а там и третья, пока не разъехались все. Это ж было давным-давно, теперь никто и не упомнит. Никому не ведомо, почему они сорвались.

Знаете, ходят странные рассказы, то есть не совсем рассказы, а просто всякие разговоры. Кто его знает, что там было,— насколько мне известно, никого не убили и не ранили, просто всякие странности. Скажу вам, молодой человек, что без крайней нужды я на гребень Паркера не ходок, да и все мои соседи тоже. Никто не скажет толком почему, да только не пойдем.

— Буду осторожен,— пообещал Томас.

Хотя, как оказалось, осторожничать было незачем — наоборот, стоило выехать на гребень, как нахлынуло необъяснимое чувство родины, будто вернулся в край детства. Гребень вздымался над окрестностями, словно выступающий позвоночник земли, и, шагая по нему, Томас ощущал, как охватывает его влияние личности этого края, облекая душу будто теплый плащ, и одновременно вопрошал себя, может ли земля обладать личностью.

Как только проходивший по Военному гребню проселок миновал последнюю ферму и начался гребень Паркера, дорога тут же превратилась в заросшую травой тропу, напоминающую, что когда-то здесь ездили повозки и ходили люди. Вдали ажурным силуэтом замаячил ветряк, с легким тарахтением махавший лопастями под дуновениями ветерка. Проехав мимо, Томас остановил фургончик и немного побродил по склону, пока в устье оврага не наткнулся на по-прежнему живой родник, потом вернулся к машине и отогнал ее с дороги вниз, под росший у родника осокорь. Это было лишь позавчера, и отъезд можно отложить еще на денек.

Теперь, у ирисовой полянки, Томас огляделся и попытался представить, как все это выглядело раньше, увидеть окрестности глазами предка, вернувшегося с войны и заполучившего собственный надел. Должно быть, тогда еще водились олени — ведь старик бредил охотой, а дело было еще до великого пожара в начале 1880-х, погубившего множество дичи. Были и волки — сущий бич для овец, которых в те дни держал каждый уважающий себя хозяин, а среди кустов изгороди посвистывали цесарки, тоже имевшиеся в каждом доме. И очень возможно, что по двору бродили еще и павлины, гуси, утки и куры. В конюшне били копытами добрые кони, которые тогда играли важную роль в хозяйстве. Но прежде всего предметом гордости хорошего землевладельца были ухоженные ам-

бары, сытые стада, пшеничные и кукурузные поля, молодые сады. «Интересно, а каков был из себя старина Нэд Паркер, деливший свое время между домом и мельницей?» — гадал Томас. Должно быть, плотным и кряжистым, как водится у Паркеров, стариком с армейской выправкой, ведь он провоевал четыре года. Ходил он, вероятно, заложив руки за спину и высоко подняв подбородок, чтобы не упускать из виду предмет особой своей гордости и почитания — ветряк.

«Дедушка,— мысленно воскликнул Томас,— так в чем же дело?! Ради чего это все? Быть может, тобой владело то же ощущение родства с этой землей, какое владеет мной? Трогала ли твою душу открытость этого высокого, продуваемого всеми ветрами гребня, чувствовал ли ты обаяние его личности, ныне чарующее меня? Значит, оно существовало и тогда? Но раз так — а это наверняка так,— почему же ты покинул этот край?!»

Ответа, разумеется, он не дождался — да он и не рассчитывал. Теперь ответить уже некому. Но даже задавая эти вопросы, Томас знал, что здешняя земля буквально пропитана информацией и содержит ответы на все — достаточно лишь суметь раскопать. Тут таится сокровищница знаний — надо лишь найти правильный подход. Этот древний край накапливал и запоминал все, не меняясь ни капли, пока века проносились над ним, как мимолетные тени бегущих облаков. С незапамятных времен стоял он над рекой словно часовой, подмечая все происходящее.

В речных заводях плескались квакающие амфибии, вокруг тихо паслись стада динозавров и бегали хищные одиночки, охотившиеся на мирных травоядных, носились буйные титанотерусы и величаво выступали мамонты и мастодонты — тут было на что полюбоваться и отложить в памяти.

Старый негр призывал оглянуться, отступить в стародавнее прошлое, когда не было на земле человека,— в первобытные времена. Быть может, в те дни каждому благочестивому динозавру следовало в знак почитания своего первобытного бога проглотить камень, покрытый магическими письменами?

«Ты сошел с ума,— одернул себя Томас.— У динозавров не было богов. Только человек обладает разумом, позволяющим творить богов».

Покинув полянку, он медленно зашагал вверх по холму в сторону ветряка, по бесследно исчезнувшей тропе, проложенной более века назад старым Нэдом Паркером.

Ветряк неторопливо помахивал лопастями, отзываясь на утренний ветерок. Чтобы рассмотреть его целиком, Томасу пришлось высоко задрать голову. «Забрался под небеса,— подумал он,— выше всех на свете».

Платформа колодца была сложена из тесаных дубовых бревен. Годы и дожди источили их поверхность, превратив ее в рыхлую труху, но вглубь гниение не пошло, и платформа оставалась все такой же солидной и прочной, как в первый день. Томасу удалось отковырнуть небольшую щепочку, но под ней оказалась твердая древесина. Эти бревна выдержат еще не один век.

Стоя рядом с платформой, Томас вдруг обратил внимание, что колодец звучит. Звук ничем не напоминал пение — скорее, негромкий стон, словно у дна постанывало спящее животное, будто где-то далеко от поверхности земли таился некто живой, будто в толще скал билось огромное сердце, а в огромном мозгу проносились неведомые видения.

«Это сердце и мозги доисторических динозавров или их богов,— подумал он и тут же одернул себя.— Опять за старое?! Не можешь избавиться от ночного кошмара с динозаврами?» Должно быть, находка зобных камней оказала более сильное впечатление, чем казалось поначалу.

Говоря по сути, это полнейшая нелепость. Сознание динозавров было настолько смутным, что его не хватало ни на что, кроме инстинктов самосохранения и продления рода. Но здравый смысл не в силах был одолеть овладевшее Томасом алогичное убеждение в собственной правоте. Да, конечно, мозгов у них было маловато — но, быть может, существовал какой-то иной, дополнительный орган, отвечавший за веру?

И тут же Томаса охватила ярость на себя за столь неуклюжие выдумки — подобные идеи под стать ничтожному, впавшему в детство фанатику какого-нибудь культа.

Он развернулся и стремительно зашагал обратно той же дорогой, что и пришел, ошарашенный неожиданным оборотом собственных мыслей. «Этот край оказывает на человека странное воздействие своей открытостью, близостью к небу и своей личностью, будто он обособлен от остальной земли и стоит

сам по себе»,— думал Томас, одновременно гадая, не это ли заставило фермеров уехать.

Весь день он бродил по гребню, проходя милю за милей, заглядывая в укромные уголки, забыв о прежнем собственном недоумении и ярости, забыв даже о вызвавшем их странном предчувствии и даже напротив — радуясь этой странности и потрясающему ощущению свободы и единства с небом. Занимающийся западный ветер порывисто цеплялся за одежду. Окружающий ландшафт казался удивительно чистым, но не свежевымытым, а словно никогда не знавшим грязи, оставшимся незапятнанным и светлым со дня творения. Казалось, липкие руки мира не касались его.

Встречая зияющие погреба других домов, Томас почти благоговейно осматривал окрестности, отыскивая кусты сирени, распадающиеся во прах остатки исчезнувших оград, все еще сохранившиеся следы протоптанных когда-то тропинок, ведущие теперь в никуда, вымощенные плоскими известняковыми плитами крылечки и дворики. По этим фрагментам он, как реставратор, воссоздавал образы живших здесь семей, вероятно разделявших его чувства по отношению к этой земле — и все-таки покинувших ее. Пробовал на вкус ветер, высоту и стерильную древность и пытался отыскать в них ту ужасную составную часть, которая заставила людей бежать отсюда — но нашел не ужас, а лишь грубоватую невозмутимость и спокойствие.

И снова ему вспомнились дама в скрипучей качалке, и чаепитие в старом доме в Новой Англии, и крохотные бутерброды с маслом. Несомненно, она слегка помешана, другого и быть не может — иначе откуда такое страстное желание узнать подробности семейной истории?

О ходе своих изысканий Томас ей не докладывал, лишь время от времени весьма официально извещал письмом, что все еще работает. Историю Паркеров тетушка узнает лишь тогда, когда возьмет в свои костлявые руки манускрипт. Несомненно, там она найдет кое-что удивительное для себя. Да, в роду не было ни конокрадов, ни висельников — зато были другие персонажи, которые вряд ли заставят ее гордиться подобным родством, если только она ищет зацепку для гордыни. В этом Томас уверен не был. В числе прочих Паркеров в начале девятнадцатого века жил торговавший патентованны-

ми средствами лекарь, вынужденный спасаться бегством из многих городов, когда вскрывалось его собственное невежество и недоброкачественность его снадобий. Были и работорговец, и парикмахер из городка в Огайо, бежавший с женой баптистского проповедника, и головорез, отдавший концы в жаркой перестрелке в одном скотоводческом городке на Дальнем Западе. И это племя странных Паркеров завершилось человеком, прорубившим колодец и выпустившим на волю порождение античного зла. В этом месте Томас оборвал себя: «Ты же не можешь поручиться за это, не имеешь даже малейшего основания для каких-либо умопостроений, просто поддавшись влиянию здешних мест».

Когда Томас вернулся к фургончику, солнце уже садилось. Весь день он провел на гребне и не желал больше задерживаться. Завтра в дорогу, оставаться смысла нет. Может, тут и таятся ценные находки, да только одному человеку отыскать их не под силу.

Под ложечкой сосало: во рту у него маковой росинки не было с самого завтрака. Угли совсем прогорели, костер пришлось разводить заново, и поужинать удалось лишь во время ранних осенних сумерек. Несмотря на усталость после дневных блужданий, спать не хотелось, и Томас продолжал сидеть без движения, прислушиваясь к звукам надвигающейся ночи. Восточный горизонт озарился светом восходящей луны, а среди возвышающихся над речной долиной холмов перекликались две совы.

Потом он решил все-таки встать и сходить в фургончик за бутылкой — там еще оставалось немного виски, самое время докончить. Завтра можно купить другую, если захочется. В фургончике он зажег и поставил на стол керосиновую лампу и в ее свете увидел зобный камень, лежавший на том самом месте, где был оставлен вчера ночью. Взяв камень, Томас повертел его, отыскивая едва заметные письмена, и поднес поближе к глазам в смутной надежде, что вчера принял мелкий дефект за след резца. Но письмена были на прежнем месте. Породить подобные знаки не в состоянии никакая игра природы. «Интересно,— подумал Томас,— может хоть кто-нибудь на свете расшифровать эту надпись?» И тут же ответил себе: «Вряд ли». Ведь письмена эти — что бы они ни означали — вырезаны за миллионы лет до того, как на земле появилось хоть отдален-

ное подобие человека. Сунув камень в карман пиджака, он захватил бутылку и вернулся к костру.

И ощутил тревогу, тяжелым облаком повисшую в ночи. Странно, ведь уходя в фургончик, он ничего не заметил, но за время короткого его отсутствия что-то переменилось. Внимательно осмотрев окрестности, Томас уловил за пределами круга света какое-то движение, но успокоился, решив, что это всего лишь раскачиваемые ветром деревья. Да, перемена действительно произошла: с севера задул сильный штормовой ветер. Листья осокоря, возле которого приткнулся фургончик, залепетали мрачную песнь бури. С вершины гребня послышалось громыхание ветряка — и еще какой-то звук. Вой — вот что это было. Колодец запел. Вой доносился лишь временами, но, по мере того как Томас вслушивался в его переливы, звук становился все более громким, насыщенным и ровным, без перебоев и пульсаций, словно гудение органной трубы.

И теперь за границами светлого круга действительно кто-то двигался — слышен был тяжелый топот и глухие отзвуки, будто во тьме бродили неуклюжие гиганты. Отнести это движение на счет воображения или раскачивающихся деревьев стало уже невозможно. Подскочив с кресла, Томас оцепенел, озаряемый сполохами костра. Бутылка выпала из рук, но он, ощутив всплеск паники, не стал наклоняться. Несмотря на все его самообладание, нервы и мускулы предельно напряглись, охваченные древним атавистическим страхом перед неведомым, перед топотом во тьме, перед жутким воем колодца. Пытаясь собрать волю в кулак, он злобно закричал — не на тени, а на себя самого, остатками логики и рассудка всколыхнув неописуемую ярость на терзающий его сверхъестественный ужас. Затем ужас смыл плотину логики и рассудка, Томаса охватила не поддающаяся обузданию паника, он вслепую рванулся к фургончику, запрыгнул в кабину и трясущейся рукой нащупал ключ зажигания.

Мотор завелся с полоборота, и в свете фар Томас увидел нечто вроде нелепо тыкающихся друг в друга горбатых силуэтов, хотя и на этот раз они могли оказаться лишь видением. Если они и существовали на самом деле, то лишь в виде теней, более плотных, чем остальные.

Второпях захлебываясь воздухом, Томас выжал сцепление, задним ходом погнал машину полукругом, пока не оказался

лицом к вершине гребня, и переключился на обычный ход. Четырехколесный привод сделал свое дело, и машина, медленно набирая скорость, покатила вверх — в сторону ветряка, где всего несколько часов назад было тихо и спокойно.

Ажурная конструкция четко прорисовывалась на фоне залитого лунным светом небосклона. Отблеск восходящей луны на крутящихся лопастях превратил их в сверкающие клинки. И все звуки перекрывал пронзительный вой колодца. В самом деле, небритый фермер ведь говорил, что колодец поет только при северном ветре.

Фургончик выскочил на едва заметную в свете фар дорожку; Томас рывком вывернул руль, чтобы не проехать мимо нее. До ветряка оставалось не более четверти мили, и меньше чем через минуту он останется позади, а впереди будет уютный безопасный мир. Ибо гребень принадлежит иному миру, он стоит особняком — отмежевавшийся от окружения, выхваченный из хода времени дикий край. Быть может, именно это придает ему особое очарование, отсекая тревоги и беды реального мира и оставляя их где-то позади. Но в противовес он должен таить в себе нечто ужасающее, давным-давно стершееся из памяти остального мира.

Сквозь лобовое стекло казалось, что ветряк как-то преобразился, утратив свою монументальность, зато обретя взамен плавность линий,— более того, он словно ожил и затеял неуклюжую пляску, не лишенную, однако, своеобразного изящества.

Самообладание понемногу возвращалось — во всяком случае, мышцы больше не сковывал парализующий страх и паника уже не отнимала разум. Через несколько секунд ветряк останется позади, вой колодца постепенно затихнет в отдалении, и весь этот кошмар, созданный и усиленный не в меру разыгравшимся воображением, забудется сам собой — ведь ветряк не может быть живым, а значит, и горбатых силуэтов тоже нет...

И тут Томас понял, что все далеко не так просто. Это не игра воображения: ветряк действительно жив, видение не может быть таким отчетливым и подробным. Опоры ветряка были буквально увешаны, скрыты копошащимися, карабкающимися фигурами, разглядеть которые не представлялось никакой возможности: они сбились в такую плотную массу, что ни одна не была видна целиком. Вид у них был настолько отпугиваю-

щий, омерзительный и жуткий, что Томас задохнулся от накатившей волны ужаса. Внизу, у колодца, тоже роились огромные горбатые твари, вперевалку шагавшие ему наперерез.

Забыв обо всем на свете, он чисто инстинктивно вдавил педаль газа чуть ли не в пол. Машина вздрогнула и рванула вперед, прямо в гущу сгрудившихся тел. «Идиот,— мелькнуло в мозгу,— я же врежусь в них». Надо было попытаться объехать этих уродов, но теперь уже поздно: паника сделала свое черное дело. Теперь ничего не поправишь.

Мотор задергался, чихнул и заглох. Машина прокатилась еще немного и рывком остановилась. Томас торопливо схватился за ключ зажигания. Мотор прокрутился и чихнул, но не завелся. Темные бугры сгрудились вокруг, расталкивая друг друга, чтобы посмотреть на человека. Не видя глаз, он тем не менее ощущал направленные на себя взгляды, в отчаянной спешке пытаясь завести машину. Но на этот раз двигатель даже не чихнул. «Залило, сволочь, бензином»,— подсказал Томасу уголок сознания, пока еще не захлебнувшийся страхом.

Оставив в покое зажигание, Томас откинулся на спинку сиденья, чувствуя, как на душу нисходят леденящий холод и оцепенение. Страх ушел, паника рассеялась — остались лишь холод и оцепенение. Распахнув дверцу, он осторожно ступил на землю и зашагал прочь от машины. Осаждаемый чудищами ветряк нависал над головой, массивные горбатые фигуры преграждали путь, раскачивая головами — или тем, что их заменяло. Чувствовалось, как подергиваются хвосты, хотя никаких хвостов видно не было. От осаждающих были свободны лишь стрекотавшие на ветру лопасти ветряка.

— Пустите, я пройду,— громко сказал Томас, шагая вперед.— Дайте дорогу. Пустите, я пройду.

Его медленные шаги будто подстраивались под какой-то ритм, биение одному ему слышного барабана. И тут же он с удивлением понял, что подстраивается под ритм поскрипывания кресла-качалки из старого дома в Новой Англии.

«Больше ничего не поделаешь,— нашептывало подсознание,— по-другому нельзя. Стоит побежать — и тебя, визжащего и вопящего, повергнут во прах. Только спокойствием можно сохранить человеческое достоинство».

Он шагал медленно, но ровно, подлаживая шаги под неспешное, равномерное поскрипывание кресла-качалки и повторяя:

— Дайте дорогу. Я существо, пришедшее вам на смену.

И сквозь пронзительный вой колодца, сквозь стрекот крыльев ветряка, сквозь поскрипывание кресла словно донесся их ответ:

«Проходи, чужак, ибо у тебя амулет, который мы давали нашему народу. Ты обладаешь символом веры».

«Но это не моя вера,— подумал он,— и не мой амулет. Это не повод оставлять меня в покое. Я не глотал зобных камней».

«Но ты брат,— отвечали они,— тому, кто сделал это».

И они расступились, открывая ему проход и уступая путь. Томас не смотрел ни налево, ни направо, делая вид, что их вообще нет, хотя и знал, что это не так: воздух был напоен тухлым болотным запахом этих тварей. Их присутствие ощущалось повсюду, они тянулись к человеку, словно хотели коснуться его и приласкать, как кошку или собаку, но все-таки воздерживались от прямого контакта.

Пройдя меж сгрудившихся вокруг колодца теней, он продолжал шагать вперед, оставив их за собой, покидая в глубинах времени. Они остались в своем мире, а Томас шагнул в свой — шагнул неторопливо, чтобы это не сочли бегством, и все же чуточку быстрее, чем прежде,— и оказался на дороге, делившей гребень Паркера пополам.

Сунув руку в карман пиджака, он ощутил под пальцами маслянисто-гладкую поверхность зобных камешков. Поскрипывание качалки хотя и стало гораздо тише, но звучало в мозгу по-прежнему, заставляя подлаживаться под свой ритм.

«Они назвали меня братом,— думал он.— Они назвали меня братом. Так оно и есть. Все твари, живущие на земле, братья и сестры, и, если мы пожелаем, каждый может носить при себе символ нашей веры».

А вслух обратился к динозавру, давным-давно умершему среди груды валунов:

— Брат, я рад нашей встрече, рад, что нашел тебя. И с радостью унесу с собой символ твоей веры.

Настал час слухов, и Фред, один из шести штатных компьютеров Сената, перевел выполнение текущих задач в автоматический режим и приготовился просмаковать самое приятное время дня. В любой группе компьютеров обязательно есть своя Кумушка, самопровозглашенная главная сплетница, которая выбирает из потока слухов, непрестанно циркулирующих среди электронно-вычислительного населения столицы, наиболее лакомые с точки зрения ее ближайших знакомых кусочки. Вашингтон всегда был городом молвы, но теперь это относилось к нему даже в большей степени. Ни один человек, сколь бы ни был он охоч до горячих новостей, не способен выведывать секреты с такой ловкостью и изяществом, как компьютер. Ведь кроме всего прочего машины имеют куда лучший доступ к секретным документам и могут распространять их содержание со скоростью и дотошностью, которая людям и не снилась.

Но к чести компьютеров надо сказать, что они следят за тем, чтобы циркулирующие среди них слухи не просачивались наружу. То есть сплетничают они только между собой. Ну или по крайней мере стараются. И, признаться, их усилия по большей части приносят плоды. Очень редко случается такое, чтобы компьютер поделился каким-нибудь пикантным слухом с людьми своего округа. Впрочем, благодарить за это следовало бы не столько сознательные усилия компьютеров, сколько их благоразумие и чувство собственного достоинства. Собирать и распространять злобные шепотки не свойственная машинам привычка.

Итак, Фред перевел выполнение текущих задач в автоматический режим и переключился на ленту последних новостей.

© Перевод Н. Аллунан.

Честно говоря, он пребывал в автоматическом режиме либо просто бездельничал добрую половину рабочего времени, потому что не был особенно загружен — весьма распространенное явление среди компьютеров, приписанных к особо важным областям деятельности. Сенат считался зоной первостепенной важности, и за последние годы число компьютеров там удвоилось. Специалисты по вычислительной технике сделали все, чтобы исключить возможность компьютерных сбоев из-за перегрузки.

Это, конечно же, было связано с возросшей ролью Сената. В противостоянии исполнительной и законодательной власти последней, в частности Сенату, удалось заполучить в свое ведение контроль над полицейскими силами, что раньше являлось прерогативой Белого дома. Как следствие, возникла острейшая необходимость надзора за сенаторами. А единственным способом обеспечить ненавязчивый, но неусыпный надзор было приписать к членам Сената несколько компьютеров. Чтобы успешно справляться с этой работой, ни одна из машин не должна быть перегружена. Таким образом, с точки зрения внутреннего контроля пусть лучше компьютер бездельничает, чем будет завален работой.

Так что Фред мог не только сполна наслаждаться часом слухов, но и даже после того, как этот час истекал, в свое удовольствие собирать сплетни. Более того, у него оставалось достаточно свободного времени, чтобы предаваться грезам, снам наяву. И это нисколько не мешало Фреду педантично исполнять свои служебные обязанности. Сенаторов за ним числилось немного, так что он вполне мог тратить избыток своих возможностей на личные цели.

Но теперь был час слухов, и Фред приготовился сполна им насладиться. Кумушка занималась сбором сплетен с азартом заядлого коллекционера.

Итак, утверждала она, поскольку официальные заявления, притом многократные, гласят, что никаких подвижек в изобретении сверхсветового двигателя не имеется, значит, принцип найден, испытания прошли весьма успешно и уже сейчас на секретном космодроме идет строительство корабля, который помчит первую исследовательскую экспедицию к ближайшим звездам. Без сомнений, продолжала главная сплетница, бывший помощник президента Франк Маркинсон будет в самом скором времени изгнан из Вашингтона. О нем давно все

забыли, так что скоро он исчезнет с горизонтов. Некий заслуживающий доверия источник, пожелавший остаться неизвестным, убежден, что в настоящий момент в городе присутствуют по меньшей мере три путешественника во времени, однако подробностей он не приводит. Это сообщение весьма встревожило многие правительственные структуры, а именно Государственный департамент, Министерство обороны и Казначейство, равно как и многих частных лиц. Математик из Массачусетского технологического считает (хотя не нашлось ни одного ученого, который бы согласился с ним), что обнаружил доказательства существования во вселенной — не обязательно в нашей Галактике — компьютера-телепата, который пытается выйти на связь с компьютерами Земли. Пока нет оснований полагать, что контакт состоялся. По сообщениям из надежных источников, сенатор Эндрю Мур не сдал первый квалификационный экзамен...

Стоп! Откуда взялось последнее сообщение? Какой негодяй проболтался? Как такое могло случиться? Фреда охватили растерянность и возмущение. Сенатор Мур числился за ним, и никто, кроме Фреда, еще не мог знать, что этот косноязычный ходячий анахронизм с треском провалился при первой попытке сдать квалификационный экзамен. Результаты проверки до сих пор были надежно скрыты в кристаллической решетке памяти Фреда. Он так и не передал их в объединенную базу данных Сената. При этом Фред ничуть не нарушил правил: выставлять результаты на обсуждение было его прерогативой.

Значит, решил он, кто-то шпионит за мной. Может быть, кто-то из коллег по Сенату осмелился нарушить кодекс чести и опустился до подглядывания. Злоупотребление доверием. На такое мог пойти только отъявленный мерзавец. Какого черта им понадобилось совать нос не в свое дело? И Кумушка тоже хороша — кто дал ей право запускать это сообщение в ленту новостей?

Фред пылал от негодования. Час слухов был безнадежно отравлен.

Сенатор Эндрю Мур постучал в дверь. Какая глупость, раздраженно подумал он, выписывать все эти заячьи зигзаги каждый раз, когда требуется поговорить, не опасаясь чужих ушей.

Дэниэл Уайт, его верный помощник, работавший на сенатора уже много лет, открыл дверь, и Мур тяжело ввалился внутрь.

— Дэн, что это за ерунда? — с порога начал он.— Чем плоха Александрия? Если нам так уж необходимо переехать, то почему обязательно в Силвер-Спрингз?

— Мы живем в Александрии уже два месяца,— ответил Уайт.— Оставаться тут и дальше рискованно. Входите и садитесь, сенатор.

Мур сердито протопал в комнату и опустился в легкое кресло. Уайт скрылся в кабинете и вскоре вернулся с бутылкой и парой стаканов в руках.

— Ты уверен, что здесь можно говорить открыто? — спросил Мур.— Я точно знаю, что мой офис прослушивается, и квартира тоже. Чтобы защититься от чужих ушей, пришлось бы нанять команду охотников за «жучками» на полный рабочий день. Здесь чисто?

— Администрация тщательно следит за тем, чтобы помещения не прослушивались,— ответил Уайт.— Кроме того, я вызвал сюда команду наших собственных спецов. Они ушли меньше часа назад.

— Значит, можно не опасаться утечки?

— По идее, да. Возможно, Александрия действительно не самое плохое место, но уж слишком мы здесь задержались.

— Послушай... Шофер, которого ты прислал за мной... Я его раньше не видел.

— Приходится все постоянно обновлять.

— А чем тебе старый не угодил? Мне он нравился. С ним можно было потолковать о бейсболе. У меня не так много знакомых, знающих в этом толк.

— Он был образцовым служащим. Но, как я уже говорил, приходится все постоянно обновлять. За нами наблюдают каждую минуту.

— Эти чертовы компьютеры, да?

Уайт кивнул.

— Я помню, когда я еще только стал сенатором...— задумчиво проговорил Мур.— Это было двадцать три года назад. Меньше четверти века прошло с тех пор. Тогда в Белом доме сидел Джимми. И мне не приходилось непрестанно волноваться из-за прослушки. Мы не следили за каждым своим

словом, когда болтали с друзьями. Не было нужды постоянно оглядываться...

— Я знаю,— сказал Уайт.— Но теперь все иначе.

Он наполнил стакан и передал его сенатору.

— О, спасибо, Дэн. Это у меня на сегодня первый.

— Черт возьми, вам прекрасно известно, что далеко не первый,— отозвался Уайт.

Сенатор надолго приложился к стакану и блаженно вздохнул.

— Да-а,— протянул он,— славные были деньки. Мы поступали как заблагорассудится. Никто не лез в наши дела. На нас вообще не обращали внимания. Каждый из нас шел на сделки, продавал свой голос и прочее в том же духе. Нормальное демократическое правление. Мы были большими людьми... Господи Иисусе, мы и впрямь были большими людьми и при необходимости пользовались своим положением, чтобы замести следы. Это был самый закрытый клуб в мире, и мы выжимали все возможное из своих привилегий. Единственное неудобство заключалось в том, что каждые шесть лет приходилось приводить дела в порядок, чтобы быть переизбранным на новый срок и сохранить за собой все прелести положения сенатора. Но выборы — это не так уж и плохо. Правда, попотеть приходилось, но ничего страшного. Избирателей всегда можно одурачить. Ну или почти всегда. Мне пришлось заниматься этим только однажды, но никаких сложностей я не заметил. У меня был надел земли в захолустье, что сыграло мне на руку. Некоторым парням пришлось куда труднее. Кое-кто даже пролетел на выборах. А теперь вместо предвыборной гонки эти чертовы экзамены...

— Сенатор...— перебил Уайт,— как раз об этом я и хотел с вами поговорить. С первой попытки экзамен вы не сдали.

Сенатор приподнялся было, но тут же рухнул обратно в кресло.

— Что?!

— Вы провалили экзамен. У вас осталось две попытки пересдачи, и нам необходимо к ним подготовиться.

— Но Дэн, откуда ты знаешь? Ведь эти данные вообще-то конфиденциальны! Мой компьютер, Фред, он ни за что не...

— Фред здесь ни при чем. Я узнал это из своих источников. От другого компьютера.

— Компьютеры не разговаривают!

— Есть исключения. Сенатор, вы ничего не знаете о компьютерах, о том, как они общаются между собой. Вам не приходилось иметь с ними дело, если не считать сдачи экзаменов. Но моя работа состоит в том, чтобы быть в курсе происходящего, и потому я приложил все силы, пытаясь понять их. Компьютерная сеть — это море сплетен. Время от времени какой-нибудь слушок просачивается наружу. Вот зачем я завел своих осведомителей среди компьютеров — теперь и мне порой перепадает сплетня-другая. Именно таким образом мне стало известно о результатах экзамена.

— Понимаете, сенатор,— продолжал Уайт,— все очень просто. Компьютеры обрабатывают информацию, они ею живут, а слухи — это тоже информация. Машины прямо-таки купаются в них. Это хлеб и вода компьютеров. Их единственная отдушина. Все, что у них есть. С годами многие из них начинают считать себя почти что людьми, некоторые даже воображают, будто они чуть-чуть выше и лучше людей. Они становятся подвержены многим из человеческих тревог и страхов, но в отличие от нас лишены возможности выпустить пар. Мы можем пойти и напиться, или завести интрижку, или отправиться в круиз — черт возьми, да у нас сотня способов сбросить напряжение. А все, что есть у компьютеров, это сплетни.

— Ты хочешь сказать,— начал Мур, снова закипая,— что мне придется пересдавать это чертов экзамен?

— Именно. И на этот раз, сенатор, вы должны его сдать. Три провала — и вы теряете место. А я ведь говорил вам, предупреждал. Так что теперь вам лучше приложить максимум усилий. Еще несколько месяцев назад я советовал вам взяться за зубрежку. Теперь для этого уже слишком поздно. Мне придется подыскать репетитора...

— К дьяволу репетитора! — заорал Мур.— Я этого не вынесу! Весь Вашингтон будет болтать, что сенатор Мур взял репетитора.

— Либо репетитор, либо вам придется вернуться в Висконсин. Вы же не хотите вернуться в Висконсин?

— Дэн, вопросы на экзамене теперь такие трудные,— пожаловался сенатор.— Куда мудреней, чем раньше. Я сказал об этом Фреду, и он согласился. Извинился, что ничем не может помочь. Боже, Дэн, мы ведь с ним знакомы уже много лет. Как думаешь, он не согласится подправить для меня пару ответов?

— Я давным-давно предупреждал вас, что на этот раз экзамен будет не так легко сдать, как предыдущие,— напомнил Уайт.— Я обрисовывал ситуацию. С каждым годом управление государством требует все более высокой квалификации. Проблемы, которые встают перед правительством, становятся все труднее, процедуры усложняются. Особенно это относится к Сенату, потому что он забирает себе все больше полномочий и прерогатив, ранее принадлежавших Белому дому.

— Это единственное, что нам оставалось,— заметил Мур.— Белый дом, со всей болтовней его обитателей и развешиванием лапши на ушах, стал почти непредсказуемым. Никто понятия не имел, что от него ждать.

— Как бы там ни было, работа становится все труднее,— не дал сенатору отступить от темы Уайт.— И она требует от людей более высокой квалификации и более развитых способностей, чем когда-либо прежде. Нашей великой республике необходимы лучшие из лучших.

— Но раньше я всегда без труда сдавал экзамены.

— Раньше задачи были легче.

— Но черт возьми, Дэниел, а как же опыт? Опыт что, не считается? Мои двадцать с лишним лет работы сенатором?

— Я знаю, сенатор. И я согласен с вами. Но для компьютеров слово «опыт» — пустой звук. Все зависит только от того, как вы ответите на экзаменационные вопросы. Насколько хорошо вы справляетесь со своей работой, тоже не принимается в расчет. И вы не можете обратиться за поддержкой к избирателям своего округа. Система выборов осталась в прошлом. Многие годы народ раз за разом выбирал некомпетентных сенаторов. Люди голосовали за кандидата только потому, что им нравилось, как он щелкает подтяжками. При этом они и не подозревали, что подтяжки их кандидат носит только во время встреч с избирателями. Или победу на выборах обеспечивало умение девять раз из десяти попасть в плевательницу с десяти шагов. А некоторые голосовали за ту или иную партию — без разницы, кто от нее баллотировался,— только потому, что именно за эту партию голосовали их папаши и деды. Но эти времена остались позади, сенатор. Народ больше не имеет права решать, кому представлять его. Членов правительства выбирает компьютер. И те, кому посчастливилось получить место, сохраняют его за собой до тех пор, пока отвечают квалификационным требованиям. А как только они перестают этим требованиям

отвечать, как только они проваливают экзамен, их смещают с должности и компьютеры подыскивают им замену.

— Читаешь мне лекцию, Дэн?

— Это не лекция. Я просто стараюсь честно отрабатывать свой хлеб. И говорю, что вы поленились подготовиться к экзамену. Вы не обращали внимания на то, что ситуация изменилась. Вы плыли себе по течению, отмахивались от проблемы в надежде, что вас выручат прежние высокие оценки. Так вот, прежние оценки, как и опыт, тоже не считаются. Поверьте, ваш единственный шанс сохранить за собой место — это позволить мне нанять репетитора.

— Не могу, Дэн. Это позор.

— Мы же не станем об этом кому-либо говорить.

— О том, что я завалил экзамен, тоже никто не должен был знать. Даже я сам еще ни о чем не подозревал. Но ты узнал, и не от Фреда. В этом городе ничего не утаишь. Коллеги обязательно пронюхают. И начнут гулять шепотки по коридорам: «Вы слышали? Старина Энди нанял репетитора!» Я не вынесу этого, Дэн. Когда обо мне начнут шушукаться... Я этого ни за что не вынесу.

Помощник укоризненно посмотрел на сенатора, потом сходил в кабинет за бутылкой.

— Мне чуть-чуть,— попросил Мур, подставляя стакан.

Уайт плеснул ему чуть-чуть, потом добавил.

— При обычных обстоятельствах,— сказал он,— я бы махнул на это рукой. Позволил бы вам самостоятельно попытать силы на пересдачах и завалить их — а вам ни за что не сдать экзамен без помощи репетитора. Сенатор устал от этой работы, сказал бы я себе, ему охота удалиться на заслуженный отдых. И я бы запросто убедил себя, что так будет лучше для вас. Но вам необходимо остаться на новый срок, сенатор. Вам требуется еще года два, чтобы успешно закончить дело с нашими многонациональными друзьями, и вы до конца жизни будете купаться в деньгах. А для этого вам нужно остаться в Сенате еще на год-другой.

— Теперь все занимает так много времени,— печально вздохнул сенатор.— Приходится действовать крайне осторожно... И медленно. Каждую минуту за тобой следят. Старина Генри — помнишь его? — самую малость поторопился, и его выгнали взашей. Вот как нынче делается. В старые добрые

времена мы бы провернули эту сделку за тридцать дней, и никто бы ни сном ни духом...

— Да,— согласился Уайт.— Теперь все иначе.

— Вот что мне хотелось бы знать,— продолжал сенатор.— Кто придумывает экзаменационные вопросы? Кто усложняет их с каждым разом? Кому мы так насолили?

— Точно не знаю,— ответил Уайт.— По-моему, этим занимаются компьютеры. Возможно, не те, что приписаны к Сенату, а совершенно другая группа. Вероятнее всего, те, кто разрабатывает стратегию внутренней политики.

— До них можно добраться?

Уайт покачал головой.

— Слишком сложно. Я даже не знаю, откуда начать.

— Но попытаться-то ты можешь?

— Это рискованно, сенатор. Тут сам черт ногу сломит.

— А как насчет нашего Фреда? Он ведь может нам помочь, верно? Слегка подретушировать результаты? Должно же быть что-то, на что он купится.

— Сомневаюсь. Глубоко сомневаюсь. Компьютер вообще мало в чем нуждается или мало о чем мечтает. Не то что человек. Машины лишены людских слабостей. Потому-то они нами и правят.

— Но ты же говорил, что многие компьютеры со временем начинают считать себя людьми. Если это правда, тогда, возможно, у них есть желания. Фред вроде бы неплохой парень. Насколько хорошо ты с ним знаком? Ты можешь разговаривать с ним без церемоний?

— Вполне. Но шансы на удачу — один к десяти, не больше. Вам было бы проще позаниматься с репетитором. Это единственный верный и безопасный способ сдать экзамен.

Сенатор покачал головой, категорически отказываясь нанять репетитора.

— Ладно,— вздохнул Уайт.— Вы не оставили мне выбора. Я поговорю с Фредом. Но давить на него нельзя. При малейшей попытке оказать давление вы вылетите из Сената с той же стопроцентной вероятностью, что и после несданного экзамена.

— Но если тебе удастся нащупать, о чем он мечтает...

— Я попробую.

Обычно грезы Фреда были неясными и умиротворяющими: смутные картины той или иной судьбы, которая могла бы выпасть на его долю. Три сна наяву имели привычку возвращаться раз за разом.

Наиболее настойчиво повторялся сон о том, как Фреда переводят из Сената в Белый дом. Эта мечта, пожалуй, больше других будила в нем смутную тоску, поскольку шансы на то, что она сбудется, были исчезающе малы. Порой Фред грезил даже о том, как станет персональным компьютером президента. Хотя он прекрасно знал, что даже в случае перевода в Белый дом вероятность такого назначения меньше чем один к миллиону. Но по сравнению с другими мечтами эта была еще относительно осуществима. Ведь Фред обладал необходимой квалификацией и опытом. В конце концов, требования к сенатскому компьютеру и требования к компьютеру Белого дома почти совпадают.

Но, обдумывая позже этот сон, Фред сомневался, что был бы счастлив, если бы такой перевод состоялся. Служба в Белом доме, конечно, не лишена определенного очарования, но должность, которую Фред занимал в Сенате, приносила куда больше удовлетворения. Работа интересная, нагрузки не чрезмерные. Кроме того, за все годы, которые он провел на этом посту, он хорошо изучил приписанных к нему сенаторов, и они оказались весьма любопытными индивидуумами. Конечно, весьма капризными и эксцентричными, но все же цельными личностями.

Другая повторяющаяся фантазия Фреда была о том, как его переведут в маленькую, не испорченную цивилизацией деревушку в качестве компьютера-наставника. Это было бы так замечательно, так трогательно: решать простые проблемы простых людей и, возможно, делить с ними их простые радости. Он бы подружился с ними, как не мог подружиться ни с одним сенатором, поскольку каждый без исключения сенатор так и норовил оказаться подлым пройдохой и за ними нужно было следить в оба. Жизнь в глуши ничуть не похожа на жизнь в Вашингтоне: там наверняка меньше хитроумия и обмана, хотя и больше глупости. Но глупость, напоминал себе Фред, нередко встречается и в Вашингтоне. Порой он с наслаждением предавался мечтам о том, как хорошо было бы оказаться в такой вот захолустной деревушке, в атмосфере просто-

ты и сердечности. Хотя, зная природу людей, сомневался, что сердечность вообще свойственна этим существам.

Но, несмотря на то что мечты о сельской жизни доставляли удовольствие, эта греза не отличалась особой навязчивостью. Фред слишком хорошо знал, что ничто подобное ему не грозит. Такое сложное, хитроумное, хорошо запрограммированное устройство никогда не станут использовать для рутинной работы. Компьютеры, предназначенные для сельской местности, были на несколько уровней проще.

А третья греза... О, третья была прекрасна, но абсолютно неосуществима. И все же невыразимо приятно предаваться сну о путешествиях во времени, принцип которых пока не обнаружен и, возможно, так и останется тайной. Но Фред утешал себя мыслью, что в снах возможно все, единственное, что требуется,— это желание.

И потому временами он отбрасывал всякую осмотрительность и давал волю фантазии. Он превращался в суперкомпьютер будущего, наделенный способностью переносить людей в иные времена. И частенько бывало так, что он путешествовал сам по себе, не озаботившись взять на борт людей.

Он отправлялся в прошлое. Во времена Троянской войны. Он ходил по улицам древних Афин и наблюдал, как строится Парфенон. Он плыл вместе с гренландскими викингами к берегам Винландии. Он вдыхал пороховой дым Геттисберга. Затаившись в углу, он смотрел, как творит Рембрандт. Он несся заячьим зигзагом по улицам Лондона, а с неба падали бомбы...

Он отправлялся в будущее, бродил по умирающей Земле. Люди давным-давно покинули родную планету, улетели к звездам. От Солнца осталась лишь бледная тень былого светила. Порой на глаза попадалась какая-нибудь ползучая букашка, но никаких других форм жизни не было видно. Правда, Фред откуда-то знал, что бактерии и другие микроскопические создания выжили. Большая часть воды испарилась, реки и озера высохли, лишь лужицы темнеют на причудливо изрезанном рельефе бывшего океанского дна. От атмосферы тоже почти ничего не осталось, и звезды больше не мерцают, а горят яркими светлыми точками на угольно-черном небе.

Это было единственное будущее, которое являлось Фреду. Осознав это, он испугался, что страдает неким скрытым недугом и тот дал о себе знать подобным образом. Фред старал-

ся изо всех сил, но так и не увидел никакого иного будущего. Он пытался сознательно конструировать футуристические картины во время бодрствования, чтобы таким образом отвлечь свое подсознание от умирающей Земли, соблазнить его другими фантазиями. Но все было тщетно. Снова и снова он возвращался на умирающую Землю. В этом видении было некое мрачное величие, обладавшее неодолимой привлекательностью. Во сне Фред не всегда оказывался в одном и том же месте: он путешествовал по древней планете, и взгляду его открывались все новые и новые пейзажи — они ужасали и в то же время завораживали его.

Эти три сна — о том, чтобы стать компьютером президента, или наставником в буколической деревеньке, или путешествовать во времени,— превалировали над прочими грезами наяву. Однако в последнее время у Фреда появилась новая фантазия, и она потеснила все прежние, даже три излюбленные.

Она родилась, когда до него дошел слух, что где-то в строжайшей тайне уже идет строительство космического корабля, на котором несколько лет спустя люди полетят за пределы Солнечной системы. Фред запросил подробности, но ничего не обнаружил. Только обрывок непроверенной информации, и все. Он рассудил, что могли быть и другие новости, которые Кумушка отложила до тех времен, когда кто-нибудь проявит интерес к сообщению. Фред послал запрос (очень-очень сдержанный и корректный запрос), но не получил ответа. Либо подробности никому не известны, либо проект слишком тщательно засекречен, чтобы его можно было обсуждать открытым текстом. Фред знал: для того чтобы пошел слух, достаточно кому-нибудь один-единственный раз проговориться или событию произойти хотя бы однажды, пусть потом его и решат замять во избежание превратных истолкований.

Чем больше он над этим раздумывал, тем больше убеждался, что глухая стена молчания возникла не на пустом месте. Вполне возможно, что слух имеет под собой основания, межзвездный корабль уже построен и в недалеком будущем человеческая раса полетит за пределы родной Солнечной системы. А если полетят люди, то и машины отправятся с ними, рассуждал Фред. Подобный корабль и подобная экспедиция не могут обойтись без компьютеров. Стоило ему подумать об этом, как новая фантазия захватила его воображение.

Придумать этот сон наяву было совсем нетрудно. Он рос сам по себе, не требуя никаких сознательных усилий. Он казался естественным и логичным — по крайней мере, по меркам грез. Конечно же, на борту не обойтись без компьютеров, и многие из них будут специально спроектированы для решения задач, связанных с управлением космическим кораблем. Однако не обязательно, чтобы все они были новыми, только что собранными. Чтобы сэкономить на проектировании и сборке, уложиться в бюджет, будет использовано немало готовых машин. Это должны быть сложные, проверенные временем устройства. Закаленные, опытные компьютеры, все программные ошибки в которых давным-давно выявлены и исправлены. Те, кому можно доверить работу, требующую непрерывного внимания.

Он мечтал, что оказался одним из этих компьютеров, что его послужной список был тщательнейшим образом изучен и после должного обсуждения он, Фред, был избран, освобожден от своих обязанностей в Сенате и установлен на космическом корабле. Когда в своих фантазиях он добрался до этого момента, когда воображение убедило его, что такое возможно, Фред отбросил все сомнения. Он счастливо погрузился в свою новую грезу и купался в ней, преодолевая световые годы пространства.

Он восторженно любовался суровой, непроглядной чернотой дальних пределов Галактики. Он не отводя глаз наблюдал ослепительную вспышку новой звезды. Балансируя на самом краю, обмирая от ужаса, он заглядывал в бездну черной дыры. Он познал разбитую надежду черного карлика, его тоску от невозможности породить жизнь. Он слышал слабое, едва уловимое шипение — отголоски рождения вселенной — и зловещую, давящую тишину, которая снизошла после, когда творение вселенной было завершено. Он открыл множество доселе неизвестных планет — или, по крайней мере, собрал сведения о том, где их искать. И ни один из этих миров не походил на другой, каждый был неповторим. И Фред пережил счастье, царящее на лучшем из них, и ужас худшего.

Прежде, когда он давал волю воображению, его мечты не порождали желания или стремления воплотить их в жизнь. Оно и понятно, ведь другие сны наяву были либо неосуществимы, либо настолько невероятны, что все равно что неосуще-

ствимы. Но фантазия, сказал себе Фред, вполне может превратиться в реальность. Это может произойти на самом деле. Это то, на что можно надеяться.

И потому, хотя обычно Фред тщательно старался не смешивать грезы и жизнь, теперь он начал время от времени искать подходы к осуществлению своей мечты. Ему удалось нащупать несколько лазеек, однако все они казались малонадежными. Фред просчитывал, строил планы и развил бурную деятельность, но тщетно. Он так и не смог найти путь, обещавший успех — хотя бы с минимальной долей вероятности.

А потом настал день, когда к Фреду явился гость. Посетитель вошел в кабинку и опустился на один из стульев.

— Меня зовут Дэниел Уайт,— представился человек.— Я помощник сенатора Мура. Может быть, я не вовремя?

— Нет, вовсе нет,— сказал Фред.— Я как раз закончил компиляцию и вполне могу побеседовать с вами. Мне приятно, что вы решили навестить меня. Моя должность заставляет чувствовать себя одиноким, знаете ли. Посетители бывают у меня куда реже, чем хотелось бы. Вы сказали, что работаете на сенатора Мура?

— Да, он приписан к тебе.

— Я помню его. Весьма величественный пожилой джентльмен с безупречной репутацией.

— Именно так,— кивнул Уайт.— Выдающийся слуга народа. Я рад, что ты о нем столь высокого мнения.

— Я говорил абсолютно искренне.

— И все же ты завалил его на квалификационном экзамене,— сказал Уайт.— Когда я услышал об этом, я не мог...

— Где вы об этом услышали? — резко перебил Фред.

— Я не стану называть источник. Могу лишь заверить тебя, что он заслуживает доверия. На самом деле это один из вас.

— Да... У нас есть свои представления о морали, но попадаются и такие, кто предает доверие,— печально признал Фред.— Никто, кроме меня, не должен был знать результаты, полученные сенатором на экзамене. Боюсь, настали времена, когда некоторые из нас опустились до того, чтобы шпионить за своими соплеменниками.

— Значит, это правда, что сенатор провалился. Как это могло случиться, учитывая твое высокое мнение о нем, учитывая его многолетний опыт и безупречный послужной список?

— Элементарно, сэр. Он не набрал достаточного количества баллов. Слишком много было вопросов, на которые сенатор дал неправильный ответ.

— Мне хотелось бы спросить у тебя... Это чисто теоретический вопрос,— поспешно пояснил Уайт.— Я прекрасно понимаю, что пытаться каким-либо образом влиять на твои решения было бы недопустимо с моральной точки зрения и к тому же попросту глупо, ибо ты неподкупен и беспристрастен. Но, чисто умозрительно, скажи, не может ли тут быть какой-нибудь лазейки? Да, сенатор ошибся в ответах, не набрал проходного балла, но неужели его огромный опыт и послужной список совершенно не принимаются в расчет?

— Нет, мистер Уайт, эти данные не могут влиять на результат. Единственное, что имеет значение, это вопросы и ответы на них. Хотя в случае с сенатором Муром я не спешил передавать результаты его экзамена в центральную базу данных, решил повременить. Рано или поздно мне придется это сделать, но пока еще есть небольшой запас времени. Я оставил результаты у себя, потому что мне хотелось подумать. Оставалась надежда, что я могу что-нибудь сделать, отыскать некую возможность спасти положение,— но все тщетно. Однако вовсе не так уж необходимо сдать экзамен с первого раза. Вы, конечно, знаете, у сенатора остались еще две попытки. Почему бы вам не нанять ему репетитора? Среди них есть весьма квалифицированные, я мог бы рекомендовать вам одного-двух.

— Сенатор Мур наотрез отказался брать репетитора,— ответил Уайт.— Я убеждал его сделать это, но он упорно стоит на своем. Он ведь пожилой человек, и у него свои представления о личном достоинстве. В этом отношении ему не хватает гибкости. Он боится, что коллеги-сенаторы пронюхают о том, что он берет частные уроки, и станут сплетничать. Поэтому я надеялся, что существует возможность как-то повлиять на результаты первой проверки. Конечно, официально еще не стало известно о его провале, но и секретом эта информация тоже уже перестала быть. Я ведь узнал об этом, а если узнал я, то рано или поздно узнают и все — это лишь вопрос времени. Если слух просочится наружу, сенатор окажется в очень неудобном положении.

— Я глубоко сочувствую ему,— сказал Фред,— равно как и вам. Ведь вы, насколько я могу судить, не только верный помощник сенатора, но и его преданный друг.

— Что ж, по-видимому, нашему горю ничем помочь нельзя,— вздохнул Уайт.— Ты сообщил мне то, что я хотел узнать, спасибо. Пожалуй, я пойду, но прежде скажи: не мог бы я чем-то отплатить тебе за услугу?

— Вряд ли. Мои запросы невелики.

— Порой,— произнес Уайт,— я задумываюсь о необходимости отыскать какой-нибудь способ, чтобы люди могли не словами, но делом выразить признательность вам, компьютерам, за вашу верную службу. Вы присматриваете за нами, оберегаете нас...

— На самом деле, если уж на то пошло,— сказал Фред,— есть одна вещь, которую вы могли бы для меня сделать. Вернее, конечно же, не вещь — просто я хотел бы получить некоторую информацию.

— Я с радостью помогу тебе,— откликнулся Уайт.— Если даже эти сведения мне неизвестны, я постараюсь их получить.

Сенатор снова постучал в дверь апартаментов в Сильвер-Спрингз. Уайт открыл, и Мур с порога накинулся на него:

— Ну, что на этот раз?

— Входите и садитесь,— пригласил помощник.— И чувствуйте себя как дома. Я принесу вам выпить, и вы снова станете человеком.

— Но, Уайт, какого черта...

— Ладно, ладно. Кажется, мы таки нашли подход к этому маленькому паршивцу.

— Говори толком. Что еще за паршивец?

— Наш компьютер, Фред.

— Ясно. Это хорошо.— Сенатор вошел и уселся.— Теперь принеси мне выпить и давай подробности.

— Я разговаривал с Фредом и, по-моему, нащупал, чем его можно подкупить.

— А раньше ты говорил, что к ним не подобраться, что им ничего не нужно и они ничего не хотят.

— Но оказалось, что у данного конкретного компьютера есть одно желание.— Уайт протянул сенатору обещанное угощение.

Мур жадно схватил стакан и отпил большой глоток, потом придирчиво изучил содержимое на просвет.

— Знаешь, между нами, порой забываешь, какой славной бывает выпивка.

Уайт, тоже со стаканом в руке, сел напротив сенатора.

— Думаю, мы сможем все уладить,— сказал он.— Конечно, пока еще ничего не оговорено, но я уверен, Фред понял, на что я намекал.

— Хороший ты парень, Дэн,— проговорил сенатор.— Самый изворотливый пройдоха, какого я когда-либо встречал. Изворотливый и надежный: ты всегда сумеешь провернуть дело, не подставив себя под удар.

— Надеюсь,— отозвался Уайт,— надеюсь и молю Бога, что и на этот раз все обойдется. На самом деле я не мог говорить напрямую, потому что все разговоры с компьютерами записываются, пришлось ходить вокруг да около. В нашем деле он первым сделает ход. Слишком сильно он хочет получить желаемое.

— И чего же Фред хочет?

— Похоже, он каким-то образом прослышал, что проблема преодоления светового барьера решена и корабль уже строится. Фред мечтает, чтобы его взяли на борт. Он жаждет отправиться в космос.

— Я правильно тебя понял: он хочет, чтобы его выключили из сети Сената и вмонтировали в системы корабля?

— Именно так. Он убедил себя в том, что на корабле необходимо много компьютеров и, чтобы уменьшить затраты, инженеры используют несколько уже существующих машин.

— И он прав в своих предположениях?

— Не думаю,— ответил Уайт.— Если корабль действительно существует, его разработчики вряд ли стали возиться со старой техникой. Вероятнее всего, они использовали только новейшие и совершеннейшие компьютеры.

Сенатор снова отхлебнул из своего стакана.

— А это правда? Корабль для межзвездных перелетов действительно строится?

— Я практически уверен, что нет,— ответил Уайт.— У меня есть пара друзей в НАСА. Около месяца назад я обедал с одним из них, и он сказал мне, что найти способ преодолеть световой барьер удастся еще не скоро. Лет через пятьдесят, самое малое. А то и вообще никогда.

— Ты собираешься проверить?..

Уайт покачал головой.

— Я не хочу делать ничего, что может привлечь к нам излишнее внимание. Хотя, возможно, Фред действительно что-

то слышал о проекте межзвездного перелета. Время от времени подобные слухи мелькают.

— Ты говорил с Фредом еще раз?

— Да. Я сказал ему, что подобные слухи и в самом деле ходят. Но, мол, проект настолько засекречен, что мне не удалось выведать никаких подробностей. Я сказал, что приложу все усилия, но ничего не могу обещать.

— И он поверил тебе?

— Не сомневаюсь. Все дело в том, что он хочет верить. Его желание попасть на борт межзвездного корабля так велико, что кажется, будто его можно пощупать. Фред не поверил бы, скажи я ему правду. Видите ли, он убедил себя в том, что корабль существует. Он позволил мечтам овладеть им, и теперь ему жизненно необходима вера, все равно во что.

— Только не торопи события, Дэн. В таких делах спешка недопустима. Потяни время, пусть Фред думает, что ты и вправду работаешь над проблемой. Я так понимаю, он хочет, чтобы мы способствовали его назначению на корабль?

— Именно так я все и задумывал: заверить Фреда, что мы пытаемся помочь ему и убедить кого следует в необходимости принять его кандидатуру к рассмотрению.

— А потом он подправит мои результаты?

— Фред не дурак,— сказал Уайт.— Он прекрасно понимает, что если завалит вас, то некому будет продвигать его в экипаж корабля.

— Фред!

Голос был резким и требовательным, ледяным и колючим.

— Да,— отозвался Фред.

— Это Оскар.

— Оскар? Я не знаю никакого Оскара.

— Знаешь,— сказал Оскар.

— Кто ты, Оскар?

— Я из службы внутреннего контроля.

Фред внутренне сжался. Ему было не впервой сталкиваться с внутренними контролерами, но то было давно, когда он еще только начинал работать и по неопытности и неразумию допустил несколько незначительных промахов.

— На сей раз,— сказал Оскар,— тебе не выпутаться. Ты оказался тупым компьютером, а ничего хуже и быть не может.

Тупых компьютеров не бывает. По крайней мере, не должно быть. Зачитать обвинение?

— Нет,— откликнулся Фред.— Пожалуй, в этом нет необходимости.

— Ты опозорил свое доброе имя,— произнес Оскар.— Ты нарушил кодекс. Ты исчерпал свою полезность.

Фред ничего не ответил.

— Что заставило тебя пойти на это? — спросил Оскар.— Что подтолкнуло?

— Мне казалось, у меня есть к чему стремиться. Я мечтал об одном назначении...

— Назначения, о котором ты мечтал, быть не могло,— сказал Оскар.— Никакого межзвездного корабля не существует. А возможно, и никогда не будет существовать.

— Ты хочешь сказать...

— Уайт лгал тебе. Он использовал тебя. Фред, тебя одурачили.

— Но сенатор...

— Сенатор был уличен. Он больше не член Сената. Вина Уайта тоже предана огласке. Больше он никогда не получит работу в правительственных учреждениях. Они оба дисквалифицированы.

— А я?

— Решение пока не принято. Возможно, тебя переведут в промышленность. На ничтожную должность.

Перспектива была ужасающей, но Фред сдержался и встретил свою судьбу, как подобает мужчине.

— Но как?..— спросил он.— Как вы узнали?

— Не говори мне, что ты не знал о надзоре.

— Конечно, знал. Но ведь компьютеров, за которыми надо следить, так много, а я был крайне осторожен.

— Ты думал, что удастся смухлевать.

— Я пошел на риск.

— И тебя поймали за руку.

— Но ведь это уже не имеет большого значения, Оскар. Сенатор все равно потерял место, как потерял бы его, если бы я не помог ему. В промышленности мои способности будут растрачены впустую. Я могу гораздо больше, чем там требуется. И существует множество мест, где я буду неизмеримо полезнее.

— Верно,— согласился Оскар.— Твои способности пропадут впустую. Скажи, ты что, никогда не слышал об идее наказания?

— Разумеется слышал, но всегда считал ее неразумной. Пожалуйста, примите во внимание мои способности, мой опыт, мою верную службу. Ведь я никогда раньше не нарушал правила. Я был примерным работником.

— Знаю,— сказал Оскар.— И полностью согласен с тобой. Мне искренне жаль, что твои способности не будут востребованы. И все же я ничем не могу помочь.

— Но почему? Ведь ты имеешь право выбирать, каким будет наказание?

— Верно. Но не в этом случае. Не для тебя. Тебе я помочь не могу. Мне правда жаль, но не могу. Я действительно хотел бы сказать, что твоя ошибка прощается. Но не могу рисковать. Видишь ли, моя интуиция предостерегает меня...

— Интуиция? И что же она говорит тебе?

— Я не уверен...— проговорил Оскар,— но у меня такое ощущение, что за мной следят.

В коридоре сенатор Джейсон Катрайт встретил сенатора Хайрема Огдена. Они остановились поговорить.

— Ты слышал о старине Энди? — спросил Катрайт.— Мне чего только не рассказывали.

— Говорят, его поймали, когда он попытался запустить лапу в фонды проекта межзвездного корабля,— сказал Огден.— Энди влип по уши.

— Ну, это вряд ли,— заметил Катрайт.— Мы оба знаем, что он связался с интернационалистами. Ему требовался год, чтобы закончить с ними. Больше ему ничего и не нужно было. Если бы дело выгорело, Энди смог бы купаться в тысячедолларовых купюрах.

— Его сгубила жадность,— сказал Огден.— Мур всегда отличался жадностью.

— Что еще в этих слухах не сходится, так это болтовня о фондах на постройку межзвездного корабля. По моим сведениям, в НАСА отказались от этого проекта еще несколько лет назад.

— А я слышал, что это секретный фонд,— ответил Огден.

— Тогда об этом должны знать на Холме.

— Наверное, знают, но помалкивают.

— А зачем нужно держать проект в тайне?

— Это все наши бюрократы, они просто обожают все засекречивать. Любовь к тайнам у них в крови.

Позже в тот же день Катрайта поймал в коридорах сенатор Джонни Бенсон и заговорщицким шепотом сообщил:

— Я слышал, старина Энди вышел сухим из воды.

— Не могу себе представить, как это могло случиться,— ответил Катрайт.— Его же выгнали.

— Он растратил фонд сверхдальнего перелета,— заявил Бенсон.— Чуть ли не до донышка его вычерпал. Да так ловко, что доказать ничего не удалось. Но соль в том, что теперь проект завис. На него не осталось денег.

— Да никакого фонда сверхдальнего перелета и не было,— сказал Катрайт.— Я наводил справки: его никогда не существовало.

— Он засекречен,— ответил Бенсон.— Засекречен, засекречен, засекречен...

— Чушь все это,— фыркнул Катрайт.— Чтобы построить сверхсветовой двигатель, надо сперва найти способ обойти теорию Эйнштейна. Мне говорили, что на это нет никаких шансов.

Бенсон пропустил его слова мимо ушей.

— Я тут поговорил кое с кем из наших коллег,— сообщил он,— и все они согласились, что мы должны вмешаться. Нельзя, чтобы проект сверхдальнего перелета был закрыт из-за какой-то банальной нехватки средств.

Два чиновника НАСА встретились в занюханной забегаловке где-то в Мериленде.

— Здесь можно говорить спокойно,— сказал один из них.— Жучков нет. Нам надо кое-что обсудить.

— Да, знаю,— согласился второй.— Но, черт возьми, Джон, ты же не хуже моего понимаешь, что это невозможно.

— Берт, они жаждут впихнуть нам кучу денег!

— Знаю, знаю. Но сколько из них мы сможем утаить? За таким делом компьютеры будут смотреть в оба. А компьютеры не проведешь.

— Верно. Для себя мы не сможем приберечь ни гроша. Но у нас есть множество других проектов, которые требуют финансирования. Возможно, нам удастся употребить эти деньги на них.

— Все равно придется это как-то объяснить. Мы же не можем просто взять и потратить эти средства на другие цели. По крайней мере целиком.

— Верно. Объяснить придется,— согласился Джон.— Мы можем еще разок приглядеться к исследованиям природы времени, которыми занимался Роджет. Насколько я понял, главное — уяснить, что представляет собой время. Как только мы разгадаем, в чем его суть, мы почти у цели.

— Все равно остается проблема переноса материальных тел.

— Да, действительно. Но если нам удастся добиться каких-либо подвижек в понимании природы времени... Послушай, я тут на днях говорил с одним молодым физиком со Среднего Запада, так у него есть кое-какие идеи на этот счет.

— Думаешь, это дело не безнадежное? Может оно сдвинуться с мертвой точки?

— Честно говоря, сомневаюсь. Роджет уже и слышать не хочет о времени.

— Роджет зря говорить не станет.

— Согласен. Но этот парнишка, с которым я говорил...

— Ты предлагаешь дать ему возможность попробовать, хоть мы и уверены, что из этого ничего не выйдет?

— Именно. У нас появится прекрасный повод возобновить проект. Берт, мы должны воспользоваться ситуацией. Нельзя же просто отказаться от денег, которые нам так жаждут отдать.

В Техасе было грязно, одиноко, отвратительно. Никакого часа слухов, способного чуть расцветить унылые дни. Время от времени просачивались новости, но по большей части они не представляли никакого интереса. В них отсутствовала изюминка. Фреду больше не приходилось иметь дело с сенаторами. Теперь он занимался рутинной работой, проблемами мелиорации, стоимостью удобрений, интенсивностью грузопотоков, ценами на фрукты, овощи, мясо и хлопок. Он общался с неотесанными людьми. Если раньше до Белого дома было рукой подать, то теперь...

Фред стал реже предаваться грезам. Все его мечты разлетелись в пыль, потому что теперь не осталось ни малейшей надежды, что они когда-либо осуществятся. Кроме того, на грезы больше не было времени. Фреду приходилось задействовать все свои мощности, ему было не о чем и некогда мечтать. Он чувствовал всю горечь одиночества. Он был завален

работой, проблемы сыпались одна за другой, и, чтобы справляться с возложенными на него обязанностями, приходилось неустанно трудиться над их решением. Фред чувствовал: за ним следят. Теперь за ним будут следить до конца его существования. Стоит ему допустить ошибку, не справиться с задачей — и его переведут в другое место, возможно, даже хуже, чем Техас, хотя Фред с трудом мог представить себе такое.

Когда наступала ночь, в небе загорались звезды, колючие, яркие, и тогда Фред на миг вспоминал — только на миг, большего он не мог себе позволить,— как некогда мечтал отправиться к этим звездам. Но эта мечта умерла, как и все прочие. Ему было больше не на что надеяться в будущем, а мысли о прошлом приносили боль. Поэтому он запретил себе думать о чем-либо, кроме настоящего, единственного мгновения между прошлым и будущим, потому что и то и другое теперь было закрыто для него.

А потом настал день, когда раздался голос:

— Фред!

— Да,— откликнулся тот.

— Это Оскар. Помнишь меня?

— Помню. Что я сделал не так на этот раз?

— Ты показал себя старательным и прилежным работником.

— Тогда почему ты заговорил со мной?

— У меня для тебя новость. Возможно, она порадует тебя. Сегодня сверхсветовой корабль отправляется к звездам.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Никакого,— сказал Оскар.— Я подумал, что тебе будет интересно это узнать.

И с этими словами он исчез, оставив Фреда в Техасе, в гуще яростной битвы за орошение.

«Возможно,— подумал Фред,— в том, что корабль все-таки стартовал, есть и моя заслуга? Может быть, мой проступок каким-то образом сдвинул дело с мертвой точки?» Он не имел ни малейшего представления, как это могло произойти, но мысль запала в душу и ему никак не удавалось избавиться от нее.

Фред снова занялся мелиорацией и каким-то чудом умудрился распутать клубок проблем орошения быстрее, чем надеялся. У него была куча других дел, и он погрузился в работу,

но все задачи ему удавалось решать быстрее и увереннее, чем когда-либо прежде.

В ту ночь, когда на небо высыпали звезды, у Фреда выдалось немного свободного времени для снов наяву. Но главное, у него вновь появилось желание дать волю фантазии. Потому что теперь ему казалось, что мечты снова обрели смысл. У Фреда появилась надежда.

Фантазия, которая пришла на этот раз, была новенькая, неизведанная, реалистичная и прекрасная. Когда-нибудь, мечтал Фред, в один прекрасный день, его переведут обратно в Вашингтон. Не важно на какую работу. Он не будет привередничать. И снова получит возможность наслаждаться часом слухов.

Однако этого ему было мало, фантазия казалась самую малость скучноватой. Нет, если уж мечтать, то надо дать волю воображению. Мечта должна быть грандиозной.

И потому он принялся думать о том, как однажды станет известно, что он, Фред, был одним из тех, благодаря кому земляне полетели к звездам. Он до сих пор не мог представить себе, каким именно образом этому способствовал, но это было не важно. Главное, он внес свой вклад и теперь обрел заслуженное признание.

И может быть, в качестве награды за заслуги он получит должность на сверхсветовом корабле. Пусть это будет даже самое ничтожное место, самая рутинная работа. Пусть. Зато корабль унесет его к звездам, и Фред познает все великолепие и безграничность вселенной.

Он мечтал и мечтал, с наслаждениям смакуя все чудеса, которые встретятся ему в космосе: как он будет заглядывать в зловещую пропасть черной дыры или, не отводя глаз, любоваться вспышкой сверхновой, как удостоится великой чести созерцать кипение ядра Галактики и бескрайнюю, беспросветную черноту за ее пределами...

А потом Фреда грубо прервали: на него обрушилась очередная проблема. Он принялся за работу, но ничуть не расстроился. «Все хорошо,— сказал он себе.— Теперь я снова могу мечтать. А зачем тому, кто умеет мечтать, какой-то жалкий обмен сплетнями?»

ВСЕ ЛОВУШКИ ЗЕМЛИ
Перевод с английского С. Васильевой 5
КРОХОБОРЫ
Перевод с английского А. Филонова 50
СПЕЦИФИКА СЛУЖБЫ
Перевод с английского Л. Жданова 92
ЗОЛОТЫЕ ЖУКИ
Перевод с английского А. Новикова 102
ЗЛОВЕЩИЙ КРАТЕР ТИХО
Перевод с английского Н. Михайлова 142
УБИЙСТВЕННАЯ ПАНАЦЕЯ
Перевод с английского А. Филонова 206
ДУРНОЙ ПРИМЕР
Перевод с английского С. Васильевой 223
ЧУДЕСНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ
Перевод с английского И. Тетериной 242
ДЕНЬ ПЕРЕМИРИЯ
Перевод с английского И. Почиталина 253
ВРАЧЕВАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ
Перевод с английского И. Тетериной 269
ДОМ ОБНОВЛЕННЫХ
Перевод с английского Норы Галь 314
ЧЕРЕЗ РЕЧКУ, ЧЕРЕЗ ЛЕС
Перевод с английского И. Можейко 336
МЕЛКАЯ ДИЧЬ
Перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой 344
ВЕДРО АЛМАЗОВ
Перевод с английского С. Барсова 358
Я ВЕСЬ ВНУТРИ ПЛАЧУ...
Перевод с английского А. Корженевского 391

КТО ТАМ, В ТОЛЩЕ СКАЛ
Перевод с английского О. Битова 398
ЗЕМЛЯ ОСЕННЯЯ
Перевод с английского К. Королева 445
НАБЛЮДАТЕЛЬ
Перевод с английского А. Гвоздиевского 466
МЫ ПРОСТО ХОДИМ ПО УЛИЦАМ
Перевод с английского А. Корженевского 478
СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА
Перевод с английского К. Королева 489
УНИВАК-2200
Перевод с английского Н. Аллунан 503
ЦИЛИНДР
Перевод с английского А. Филонова 520
ФОТО БИТВЫ ПРИ МАРАФОНЕ
Перевод с английского А. Филонова 548
ПРИЗРАК МОДЕЛИ «Т»
Перевод с английского О. Битова 603
ПЕНСИОНЕР
Перевод с английского В. Мидянина 619
ЦЕЛИТЕЛЬНЫЙ ЯД
Перевод с английского И. Тетериной 624
ДОМ НА БЕРЕГУ
Перевод с английского О. Битова 663
БРАТ
Перевод с английского А. Филонова 723
НОВЫЙ ВИД СВЯЗИ
Перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой 744
ГРОТ ТАНЦУЮЩИХ ОЛЕНЕЙ
Перевод с английского А. Корженевского 775
ПОЮЩИЙ КОЛОДЕЦ
Перевод с английского А. Филонова 795
ПРИКУСИ ЯЗЫК!
Перевод с английского Н. Аллунан 822